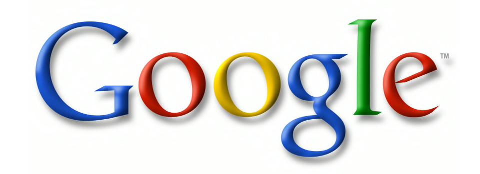
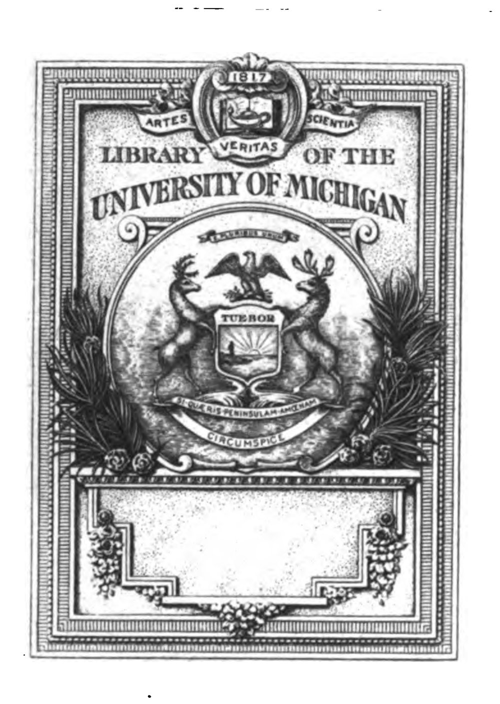
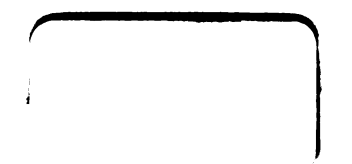

1817
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUÆRIS PENINSULAM AMŒNAM
CIRCUMSPICE

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΡΩΤΟΣ

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig. C. Ricker, Königsberger Str. 20.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, декабрь 1894 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Ἐκδίδοται τύποις ἐγκρίσει τῆς Αὐτοκρατορικῆς Ἀκαδημείας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετρουπόλει, μηνὶ δεκεμβρίῳ ἔτους 1894-ου.
Ὁ ἰσόβιος γραμματεύς, ἀκαδημεικὸς Ν. Δουμπρόβιν.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.

Отдѣлъ I.

ΜΕΡΟΣ Α΄.

Изслѣдованія и матеріалы.

Μελέται καὶ ὕλαι.

Отдѣлъ II.

ΜΕΡΟΣ Β'.

1. 2. Критика и Библіографія.

3. Новыя книги поступившія въ Редакцію.

Отдѣлъ III.

ΜΕΡΟΣ Γʹ

Мелкія замѣтки и извѣстія.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

ОТДѢЛЪ I.

Партіи цирка и димы въ Константинополѣ.

Происхожденіе партій цирка скрывается въ глубокой древности, какъ и происхожденіе самаго цирка или ипподрома. Господствовавшая въ византійской литературѣ традиція относила ко времени Ромула и устройство цирка и начало цирковыхъ партій[1]). Названія партій цирка, игравшихъ весьма важную роль въ большихъ городахъ византійской имперіи, гдѣ были устроены ипподромы, перенесены также изъ римскаго цирка, такъ какъ тѣ же самыя названія встрѣчаемъ тамъ со времени Цесаря и Августа. Хотя Прасины, Венеты, Левки и Русіи извѣстны были во всѣхъ городахъ, имѣвшихъ ипподромы, тѣмъ не менѣе происхожденіе и значеніе этихъ названій забыто было весьма рано. Уже въ VI столѣтіи нужно было прибѣгать къ разнымъ и довольно замысловатымъ комбинаціямъ по объясненію приведенныхъ названій цирковыхъ партій. Такъ называемая Пасхальная хроника и писатель Малала[2]), желавшій истолковать имена партій, усвоили имъ частію метафизическій, частію метафорическій смыслъ, а хотя данныя ими объясненія чрезвычайно искусственны и ни мало неправдоподобны, тѣмъ не менѣе ими удовлетворились не только современники, но и позднѣйшіе писатели, довольствовавшіеся повтореніемъ домысловъ, придуманныхъ въ VI вѣкѣ[3]). Согласно данному византійскими писателями объясненію, части цирка воспроизводятъ

1) Въ новое время писалъ объ этомъ предметѣ Rambaud, De Byzantino Hippodromo et circensibus factionibus. Paris. 1870. Мѣста древнихъ писателей см. стр. 21—22.

2) Malalas, ed. Bonn., p. 176. Chronicon Pasch., p. I, p. 208—209.

3) Cedrenus, I, 258, 22.

солнечную систему и соотвѣтствуютъ четыремъ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню и воздуху, а наименованіе четырехъ партій цирка или соотвѣтствуетъ означеннымъ четыремъ стихіямъ, или метафорически выражаетъ ихъ [1]).

Вообще, нужно думать, что въ Византіи съ VI столѣтія ничего не знали о происхожденіи цирковыхъ партій. Есть, однако, черта, которую нельзя не отмѣтить въ византійскихъ толкованіяхъ. Левки и Русіи оказываются съ самаго начала поставленными въ служебное и подчиненное положеніе, — первые Прасинамъ, вторые Венетамъ. Такое второстепенное положеніе удерживаютъ эти партіи во весь доступный изученію періодъ политической жизни цирковыхъ партій: καὶ προσεκόλλησε τῇ γῇ τὸ Λευκόν, τουτέστι τὸν ἀέρα, διότι ἑκάτερα τῆς ἀλλήλων συγκράσεως δέονται, ὁμοίως καὶ τὸ Ῥούσιον τῷ κυανῷ ὑπέταξε, διότι τὸ πῦρ ὑπόκειται τῷ ὕδατι. Малала и Кедринъ, съ нѣкоторыми различіями въ выраженіяхъ, одинаково удостовѣряютъ въ томъ, что Венеты и Прасины искони были поставлены въ главенствующее положеніе относительно Левковъ и Русіевъ. Это можетъ быть справедливо по отношенію къ Константинополю, но не точно относительно Рима, гдѣ въ древности Левки и Русіи имѣли преобладаніе [2]).

Гдѣ циркъ — тамъ и партіи въ томъ же числѣ и съ тѣми же именами. Гдѣ партіи — тамъ борьба димовъ, политическая интрига, бунтъ, безпокоящія правительство притязанія. Партіи возникаютъ сами собой въ старыхъ и новыхъ городахъ, гдѣ правительство находитъ нужнымъ пожаловать населенію право имѣть свой ипподромъ. Весьма вѣроятно, что это право имѣетъ связь съ надѣленіемъ нѣкоторыхъ городовъ опредѣленнымъ городовымъ правомъ, подразумѣвающимся въ византійскихъ памятникахъ подъ выраженіемъ τὸ δίκαιον τῆς πόλεως.

Исторія этихъ партій обращала на себя вниманіе многихъ изслѣдователей. По поводу цирковыхъ партій въ Римѣ и Константинополѣ противъ Рима и Византіи предъявлены рѣзкія и суровыя обвиненія.

---

1) Таково толкованіе значенія имени Прасиновъ у Малалы и въ зависящей отъ него хроникѣ Пасхальной, текстъ которой нѣсколько полнѣе. *Chron. pasch.* ἐκάλεσε δὲ τὸ Πράσινον μέρος Πραίσεντον. ἥτις ἑρμηνεύεται ἐμπαράμονον· πραισεντεύειν γὰρ λέγεται τὸ παραμένειν, διότι ἡ χλοώδης γῆ διὰ παντὸς ἵσταται σὺν τοῖς ἄλσεσι. Почти то же находимъ у Кедрина, который говоритъ: τὸ δὲ Πράσινον ἐκάλεσε ἀπὸ μεταφορᾶς τοῦ πρεσέντου διὰ τὸ εἶναι παράμονον.

2) Friedländer (франц. переводъ Vogel'я), Mœurs Romaines du règne d'Auguste... II, p. 59.

У Гиббона, Фридлендера и Рамбо въ одинаковой степени выдержанъ порицательный тонъ по отношенію къ партіямъ цирка. И дѣйствительно, трудно было бы защищать эти партіи, если бы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, изъ какихъ элементовъ онѣ слагались и какое отношеніе имѣли къ политическому и административному строю городовъ. Но эти послѣдніе вопросы остались не вполнѣ выясненными и въ изслѣдованіи Рамбо, главная цѣль котораго состоитъ въ доказательствахъ мысли, что упоминаемыя въ византійскихъ источникахъ τὰ μέρη выражаютъ собой именно партіи цирка [1]). Между тѣмъ есть основанія думать, что въ организаціи цирковыхъ партій принимали участіе не только всѣ тѣ элементы, которые отрицаетъ Рамбо, но и другіе. Есть основанія предполагать, что выраженіе τὰ μέρη равносильно выраженію οἱ δῆμοι и обозначаетъ вообще населеніе города, организованное по димамъ. По многимъ сторонамъ изученія Византіи до сихъ поръ остаются руководящими воззрѣнія, высказанныя еще Гиббономъ. По занимающему насъ вопросу онъ говоритъ слѣдующее [2]). Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать на ипподромѣ. Въ царствованіе Анастасія это народное неистовство усилилось отъ религіознаго рвенія... Изъ столицы эта зараза распространилась по провинціямъ и городамъ востока и изъ созданнаго для забавы различія двухъ цвѣтовъ возникли двѣ сильныя и непримиримыя партіи, потрясавшія слабую правительственную власть въ самомъ основаніи. Народныя распри, возникающія изъ-за самыхъ серіозныхъ интересовъ или изъ-за религіозныхъ убѣжденій, едва-ли бываютъ болѣе упорны, чѣмъ эти пустые раздоры, нарушавшіе семейное согласіе, ссорившіе братьевъ и друзей... Всѣ законы божескіе и человѣческіе попирались ногами... Въ Антіохіи и Константинополѣ снова выступила на сцену демократія съ свойственной ей разнузданностью, но безъ свойственной ей свободы и поддержка которой либо партіи сдѣлалась необходимой для всякаго кандидата, искавшаго гражданской или церковной должности. Зеленымъ приписывали тайную привязанность къ семейству

---

1) **Rambaud**, l. c., p. 25. Credo igitur τὰ μέρη nihil nisi hippicas fuisse factiones. Non ex urbanarum regionum, non e regiarum domuum, non e religionum conflictibus, sed ex Hippodromi tantum simultatibus conflatas efferbuisse.

2) **Гиббонъ**, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (русскій переводъ), IV, стр. 321 и сл.

или къ сектѣ Анастасія; голубые были преданы интересамъ православія[1]).

Все это разсужденіе по меньшей мѣрѣ неосновательно. Если партіи имѣли такое значеніе, что *потрясали правительственную власть*, если цирковыя партіи были носителями *демократическихъ принциповъ* и были въ состояніи давать преобладаніе *той религіозной системѣ*, за которую онѣ высказывались, то ясно, что здѣсь историку предстоитъ имѣть дѣло не просто съ *безразсудствами* и съ *народнымъ неистовствомъ*, а съ какимъ-то болѣе важнымъ факторомъ, который не случайно усвоенъ Константинополемъ изъ Рима и распространился затѣмъ по провинціямъ и городамъ востока.

Внѣшняя исторія константинопольскихъ цирковыхъ партій или— что будетъ ближе къ терминологіи источниковъ — константинопольскихъ димовъ очень не сложна. Димы наполняютъ своими бурными дѣяніями исторію V и VI вв. Съ VII в. извѣстія становятся рѣже, это служитъ указателемъ того, что димамъ нанесенъ былъ правительствомъ сильный ударъ, послѣ котораго они не могли никогда оправиться. Для выясненія значенія димовъ въ исторіи Константинополя, равно какъ для рѣшенія нашей спеціальной задачи объ отношеніи партій цирка къ городскому населенію вообще — наибольшій интересъ представляютъ тѣ извѣстія, которыя рисуютъ димы во время ихъ упадка и которыя знакомятъ съ мѣрами, принятыми къ обузданію ихъ правительствомъ.

Лучшій и обильнѣйшій матеріалъ заключается въ сочиненіи, приписываемомъ императору Константину Порфирородному, *De cerimoniis aulae Byzantinae*[2]). Здѣсь димы являются уже въ весьма обветшаломъ видѣ, утратившими политическое значеніе. Но прежняя ихъ роль, какъ пережитокъ, обнаруживается *въ символическихъ дѣйствіяхъ* на пародныхъ выходахъ и торжественныхъ пріемахъ византійскихъ царей. Безъ участія димовъ не происходитъ ни одной важной церемоніи при византійскомъ дворѣ, почему составитель Придворнаго устава, опредѣляя занимаемое димами мѣсто между придворными, военными и духовными чинами и описывая тѣ дѣйствія, какія по уставу принадлежали димамъ, сообщаетъ объ нихъ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе

1) Ср. Friedländer II, p. 64.

2) Прекрасный комментарій къ этому сочиненію даетъ Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по визант. древностямъ. Книги I и II.

многочисленныя мѣста, гдѣ описываются пріемы (δοχαί) царей димами и антологіи или славословія. Таково, напримѣръ, описаніе *перваго пріема*[1]). Когда въ трибуналъ входили знаменоносцы съ знаменами и чины синклита, шедшіе впереди царя, но царь еще не занялъ своего мѣста въ аркѣ Лихнъ, пѣвчіе (κράκται) загороднаго дима Венетовъ[2]) пѣли на гласъ 3-й: Звѣзда солнце предвѣщаетъ. Когда же царь становился на свое обычное мѣсто въ аркѣ Лихнъ въ виду всѣхъ, собравшихся въ трибуналѣ, церемоніарій торжественно подводилъ къ царю доместика школъ[3]), онъ же и димократъ Венетовъ, который кланялся царю въ ноги и, поднявшись, преподносилъ ему... ливелларій. Царь бралъ ливелларій и отдавалъ его препозиту, а препозитъ кувикуларію[4]). Въ это время пѣвчіе возглашали «многая лѣта», а остальные димоты дима Венетовъ подхватывали и пѣли «многая лѣта».

Въ обрядѣ пріема царя димами заслуживаютъ вниманія многія частности, которыя пропадаютъ въ переводѣ и получаютъ значеніе при сопоставленіи всѣхъ параллельныхъ мѣстъ устава, описывающихъ тотъ-же самый обрядъ. Между прочимъ, здѣсь важенъ терминъ ливелларій (λιβελλάριον) и связанныя съ поднесеніемъ его дѣйствія. Слѣдуя мнѣнію Рейске, которое, впрочемъ, высказано весьма условно (quale autem fuerit τὸ λιβελλάριον... non satis liquet), обыкновенно въ ливелларіѣ видятъ «книжечку или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и славословіями». Между тѣмъ параллельныя мѣста могутъ поселить сомнѣніе въ справедливости опредѣленія этого термина. Сюда относятся мѣста, въ которыхъ обозначено, кто и когда подаетъ ливелларій (стр. 19, 5; 64, 2; 83, 6); подавать могли οἱ δημοκράται τῶν δύο μερῶν τῶν περατικῶν καὶ οἱ δήμαρχοι τῆς πολιτικῆς, ἕκαστος αὐτῶν κατὰ τὸ μέρος αὐτῶν, ἐν τῇ α΄ δοχῇ... ἐν δὲ ταῖς λοιπαῖς δοχαῖς λιβελλάρια οὐκ ἐπιδιδόασι. На основаніи мѣста на стр. 105, 16 и слѣд. можно видѣть, что царю подавалось всего четыре ливелларія отъ четырехъ димовъ; очень любопытно также замѣчаніе на стр. 297, 9, что ливелларіи изготовляемы были отъ каждаго дима въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ предназначался для царя, другой для препозита. Далѣе, нельзя не остановить вниманія на томъ обстоятельствѣ, что подача димами ливелларіевъ сопровождалась нѣко-

1) Бѣляевъ, Byzantina II, стр. 79.
2) De Cerim. 35, 17: τοῦ περατικοῦ δήμου τῶν Βενέτων.
3) ὁ δημοκράτης τῶν Βενέτων ἤγουν ὁ δομέστικος τῶν σχολῶν.
4) De Cerim. 12, 13.

торымъ отвѣтнымъ актомъ со стороны царя, который выражалъ согласіе на то, что изложено было въ ливелляріяхъ. Это видно изъ замѣчанія на стр. 285, 12 ἐπιδιδοῦσι τὰ λιβελλάρια τοῖς πραιποσίτοις, αὐτοὶ δὲ δεξάμενοι αὐτὰ ἀντιδιδοῦσι ἀπὸ κελεύσεως τὸ περάτον. Что послѣднее выраженіе не можетъ быть толкуемо исключительно въ томъ смыслѣ, что все готово къ продолженію процессіи, видно изъ параллельнаго мѣста, стр. 313, 20. Не разъ въ «Придворномъ уставѣ» встрѣчаемъ указаніе на *обычныя четыре прошенія* димовъ и на благосклонный пріемъ царемъ этихъ прошеній, напримѣръ, стр. 633, 3, τῶν γὰρ μερῶν αἰτησαμένων τὰς δ' αἰτήσεις, ἃς ἐξ ἔθους εἰώθασιν αἰτεῖσθαι, καὶ τοῦ βασιλέως συνταξαμένου τὴν ἐκπλήρωσιν τῶν τεσσάρων αἰτήσεων γενέσθαι (ср. 300, 1); такимъ образомъ нельзя ли предполагать, что четыре ливелларія, которые подаются царю отъ димовъ, соотвѣтствуютъ *четыремъ просьбамъ* и дѣйствительно должны быть толкуемы въ смыслѣ прошеній. Во всякомъ случаѣ, содержаніемъ ливелларіевъ не были поздравленія и славословія, такъ какъ эту обязанность димы исполняли въ иной формѣ, что видно изъ мѣста на стр. 111, 6, ἄρχεται ὁ νοτάριος τοῦ αὐτοῦ μέρους λέγειν τοὺς ἰάμβους τῆς ἑορτῆς. Изъ «Придворнаго устава» узнаемъ также, что димы подавали ливелларіи не только царю, но и высшимъ сановникамъ по случаю производства ихъ въ чины (стр. 240, 9; 250, 11; 260, 10). Разсматривая первое изъ отмѣченныхъ мѣстъ, нельзя не прійдти къ заключенію, что содержаніемъ ливелларіевъ и въ этомъ случаѣ не было славословіе и восхваленіе, такъ какъ τὰ ποιήματα въ честь новопроизведенныхъ сановниковъ произносились отдѣльно, и не димархомъ, а другимъ лицемъ [1]). Словомъ, на основаніи параллельныхъ мѣстъ мы приходимъ къ заключенію, что четыре дима подавали царю просьбы. А такъ какъ подача этихъ просьбъ вошла въ придворный церемоніалъ, какъ необходимое и всегда въ одной и той же формѣ совершаемое дѣйствіе, то весьма вѣроятно, что въ періодъ составленія устава это былъ обрядъ, потерявшій жизненное значеніе, остатокъ стариннаго обычая, смыслъ котораго былъ утраченъ.—Что въ терминѣ ливелларій нужно видѣть просьбу, а не что другое, подтвержденіе тому находимъ въ Пасхальной хроникѣ (стр. 574, 19): Κυριακός τις γέρων βαλὼν μάχαιραν μεγάλην

1) P. 240, 9: καὶ ἐπιδίδωσι τὸ λιβελλάριον ὁ δήμαρχος... λέγων καὶ τὰ ποιήματα αὐτῶν. ὅτε δὲ λέγει τὸ ὄνομα καὶ τὴν ἀξίαν, προσκυνεῖ πρὸς τὸν δήμαρχον. Текстъ нуждается въ исправленіи, ибо очевидно, что подающій ливелларій димархъ не можетъ быть тожественъ съ тѣмъ, кто *читаетъ поэму* и кланяется тому же димарху.

εἰς χάρτην, ὡσανεὶ λίβελλον αὐτῷ προσφέρων ἔκρουσεν αὐτῷ κατὰ τοῦ δεξιοῦ μέρους τοῦ στήθους.

Всматриваясь въ роль димовъ по придворному уставу, нельзя не замѣтить, что хотя они и лишены политической силы, тѣмъ не менѣе являются дѣйствительными представителями и выразителями общественнаго мнѣнія. По уставу положено говорить имъ славословія царю и въ X-мъ вѣкѣ кромѣ славословій, дѣйствительно, ни въ чемъ не выражается ихъ роль, но ранѣе того димы могли гласно выражать и оппозиціонное правительству настроеніе. Кромѣ того, въ уставѣ сохранились весьма любопытныя черты по отношенію къ организаціи димовъ и болѣе или менѣе ясные намеки на такіе факты и отношенія, которыя касаются прежней ихъ исторіи и которыя для самого составителя устава были уже забытою стариной.

Такъ, очень важны указанія на представительство димовъ въ оффиціальной жизни византійскаго государства и въ придворномъ этикетѣ. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь димократы, коихъ было два: димократъ Венетовъ и Прасиновъ; оба они назначались царемъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ, димократомъ Венетовъ доместикъ схолъ, Прасиновъ доместикъ экскувитовъ, оба въ чинѣ протоспаоарія. Въ придворномъ уставѣ димократы упоминались чуть ли не на каждой страницѣ, и всегда съ опредѣляющими терминами: ὁ δημοκράτης τῶν Βενέτων, ἤγουν ὁ δομέστικος τῶν σχολῶν или ὁ δημοκράτης τῶν Πρασίνων, ἤγουν ἐκσκούβιτος, т. е. ὁ δομέστικος τῶν ἐκσκουβίτων. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что димократъ никогда не называется представителемъ цѣлаго дима Венетовъ или Прасиновъ, а одной части его и части дима Левковъ или Русіевъ. Въ придворномъ уставѣ выдержана строгая на этотъ разъ послѣдовательность: димократъ Венетовъ или доместикъ схолъ μετὰ καὶ τοῦ περατικοῦ δήμου τῶν Βενέτων, равно и димократъ Прасиновъ или доместикъ экскувитовъ μετὰ καὶ τοῦ περατικοῦ αὐτοῦ δήμου τῶν Πρασίνων. Съ другой стороны, тотъ и другой димократъ являются представителями димовъ Левковъ и Русіевъ, но тоже части ихъ, димократъ Венетовъ части Левковъ, Прасиновъ части Русіевъ: димократъ Венетовъ или доместикъ схолъ μετὰ καὶ τοῦ περατικοῦ αὐτοῦ δήμου τοῦ Λευκοῦ, димократъ Прасиновъ или доместикъ экскувитовъ μετὰ τοῦ περατικοῦ αὐτοῦ δήμου τοῦ Ῥουσίου. Такимъ образомъ димократы имѣютъ тѣсное отношеніе къ такъ называемой ператической части димовъ и потому они иногда называются οἱ δημοκράται τῶν δύο μερῶν τῶν περατικῶν (83, 7) или просто димократы τῶν περατι-

χῶν δήμων (173, 8). Отсюда видно, что каждый изъ четырехъ константинопольскихъ димовъ подраздѣляется на отдѣлы, и чтоператическій отдѣлъ всѣхъ димовъ находился въ непосредственной связи съ димократомъ.

Рядомъ съ димократомъ въ представительствѣ димовъ упоминается димархъ. Выраженіе *рядомъ* здѣсь не совсѣмъ точно, потому что димархъ ниже димократа и съ должностью димарха не соединялось военной команды. Въ представительствѣ и по табели о рангахъ между димократомъ и димархомъ большая разница (14, 4; 173, 8—12). Димарховъ также два: димархъ Венетовъ и димархъ Прасиновъ. Представительство дима Венетовъ всегда соединено съ представительствомъ дима Левковъ: ὁ δήμαρχος τῶν Βενέτων μετὰ τοῦ δήμου τοῦ Λευκοῦ; димархъ Прасиновъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ есть представитель Русіевъ: ὁ δήμαρχος τῶν Πρασίνων μετὰ καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ῥουσίου. Главное значеніе и здѣсь имѣетъ то подраздѣленіе димовъ, о которомъ говорено выше по поводу димократовъ. Послѣдніе стояли во главѣ ператической части четырехъ димовъ, а димархи суть представители τῆς πολιτικῆς, почему называются иногда просто οἱ δήμαρχοι τῆς πολιτικῆς (83, 8; 173, 12), а часть дима отъ него зависимая ἡ πολιτικὴ τοῦ μέρους, съ прибавкой имени дима (83, 11; 83, 23; 84, 4), такъ что иногда совокупность всѣхъ димовъ выражается терминами πολιτικὰ καὶ περατικὰ μέρη (69, 7; 146, 1). Для точности слѣдуетъ однако замѣтить, что въ приложеніи къ димамъ Левковъ и Русіевъ не встрѣчается категорическаго подведенія ихъ подъ отдѣлъ πολιτικῆς. Но это слѣдуетъ необходимо допустить, потому что димократы суть представители *ператической* части этихъ димовъ, а димархи, нося титулъ димарха Венетовъ или Прасиновъ, въ тоже время стоятъ во главѣ одного изъ димовъ, т. е. Левковъ или Русіевъ, и конечно не всего дима, а только части его. Хотя твердость числа четырехъ димовъ, съ различеніемъ между ними большихъ и малыхъ (319, 20), доказывается всѣми извѣстіями, но слѣдуетъ упомянуть, что одинъ разъ встрѣчается въ Придворномъ уставѣ ὁ περατικὸς δῆμος τῶν σχολῶν (131, 22), если не предполагать здѣсь ошибки въ текстѣ, какъ думаетъ Рейске (11, p. 223) въ своихъ комментаріяхъ. — Итакъ, самой характерной особенностью димарховъ служитъ то, что они не имѣютъ отношенія къ военной командѣ и являются представителями *политической части* всѣхъ четырехъ димовъ.

Дѣленіе четырехъ димовъ на отдѣлы съ подчиненіемъ этихъ по-

слѣднихъ или димарху, или димократу — представляется весьма существеннымъ обстоятельствомъ въ нашемъ вопросѣ. Венеты и Прасины, какъ партіи цирка, не имѣли нужды въ этомъ подраздѣленіи, равно какъ, въ качествѣ партій цирка, ихъ не зачѣмъ было подчинять двумъ отдѣльнымъ властямъ, димократу и димарху. Что касается терминологіи отдѣловъ, въ этомъ отношеніи остаются нѣкоторыя трудности. Въ терминахъ περατικὸς δῆμος и πολιτικός обыкновенно усматриваютъ загородные и городскіе димы Венетовъ, Прасиновъ и другихъ, и подобное толкованіе до нѣкоторой степени оправдывается извѣстіями о кварталахъ (γειτονία), занимаемыхъ Венетами и Прасинами[1]). Правда, что выраженіе περατικὸς для жителя Константинополя обозначаетъ того, кто живетъ πέραν, то-есть по ту сторону залива[2]), но едва-ли здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подраздѣленіемъ димовъ по мѣстожительству ихъ; во всякомъ случаѣ для насъ важно разрѣшеніе вопроса о томъ, почему пературческіе димы были поставлены подъ военную команду. Что толкованіе выраженія ὁ περατικὸς въ смыслѣ загородный не совсѣмъ точно, это легко доказывается терминами, употребляемыми въ Придворномъ уставѣ для тѣхъ димовъ, которые считаются городскими. Въ сущности мы ни разу не встрѣчали выраженія ὁ πολιτικὸς δῆμος, а обыкновенны слѣдующія: οἱ δήμαρχοι τῆς πολιτικῆς (83, 8), ἕως τῶν Πρασίνων τῆς πολιτικῆς (83, 22), μέχρι τοῦ Ταύρου τῆς πολιτικῆς τοῦ μέρους τῶν Βενέτων (84, 2), καὶ τῆς πολιτικῆς τὸ μέρος τῶν Πρασίνων (105, 23), τὸ μέρος τῆς πολιτικῆς τῶν Βενέτων (106, 18). Терминологія устава удерживаетъ наше вниманіе на выраженіи ἡ πολιτική, и съ этимъ именно выраженіемъ нужно считаться. При описаніи пріема Сарацинскихъ пословъ встрѣчается слѣдующее мѣсто (579,9): ἐν δὲ τῷ τριβουναλίῳ ἔστη ἔνθεν κἀκεῖθεν ἡ πολιτικὴ μετὰ τῶν συστημάτων καὶ τῶν ἰδίων ἀρχόντων. Здѣсь ἡ πολιτικὴ несомнѣнно значитъ городскія сословія или горожане съ ремесленными товариществами или цехами.

Если же Придворный уставъ знаетъ гражданскую часть димовъ и подъ упомянутыми выше терминами подразумѣваетъ именно этотъ отдѣлъ димовъ, находящійся подъ начальствомъ димарха, то естественно предположеніе о томъ, что въ пературческихъ отдѣлахъ подразумѣвается военная организація димовъ[3]). Хотя извѣстно употреб-

1) Rambaud, p. 30, 86—87.

2) Хотя слѣдуетъ замѣтить, что этотъ терминъ спеціально прилагается иногда къ евреямъ,—Cedrenus I, 49, 12: Ἑβραῖοι γὰρ περᾶται λέγονται.

3) De Cerim. 695, 5: κἂν τε στρατιωτικός, κἂν τε ὁ πολιτικὸς ὁ οἶκος.

леніе термина περατικός по отношенію къ отрядамъ, находящимся подъ командой димократа, онъ же доместикъ экскувитовъ [1]), но это едва-ли можетъ быть убѣдительнымъ. Болѣе значенія имѣютъ такія мѣста, гдѣ выводятся рядомъ димократъ и димархъ, напримѣръ: καὶ εἰσάγουσι τοὺς ὀφείλοντας χορεῦσαι ἐν τῷ σαξίμῳ, ἤγουν τὸν δομέστικον τῶν σχολῶν καὶ τὸν νούμερον καὶ τὸν δήμαρχον τῶν Βενέτων μετὰ καὶ τοῦ ἰδίου μέρους (293, 15; 294, 11). — Мы видѣли выше, что доместикъ схолъ есть въ то же время димократъ Венетовъ [2]), т. е. представитель ператической части Венетовъ и Левковъ. То обстоятетьство, что онъ выводится здѣсь съ нумеромъ, т. е. терминомъ чисто военнымъ, повидимому, рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что ὁ περατικὸς въ приложеніи къ димамъ нужно понимать не въ смыслѣ загороднаго, а находящагося на военномъ положеніи, военнаго отдѣла димовъ. Къ тому же заключенію должно приходить при разсмотрѣніи мѣста, описывающаго представленіе въ ипподромѣ въ честь Сарацинскихъ пословъ (588, 18—20; 589, 3). Это мѣсто имѣетъ особенный интересъ, потому что оно представляетъ не обычный порядокъ разстановки ператическихъ и гражданскихъ димовъ; уставъ подробно излагаетъ отступленія отъ существовавшаго обычая, которыя заключались въ слѣдующемъ. На томъ мѣстѣ, которое отводится подъ димъ Венетовъ, вмѣсто доместика схолъ стоять нумеру (или стоялъ нумеръ), т. е. представителю военнаго отряда этого имени. На мѣстѣ дима Прасиновъ стоять доместику стѣны (т. е. слѣдуетъ дополнить вмѣсто доместика экскувитовъ)... Отсюда объясняется, что иногда Придворный уставъ приписываетъ военнымъ чинамъ тѣ славословія и антологіи, которыя обыкновенно принадлежатъ представителямъ димовъ [3]).

Разсмотрѣніе мѣстъ Придворнаго устава о димахъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) каждый изъ четырехъ димовъ имѣетъ двѣ категоріи, изъ коихъ одна находится подъ военной командой доместика школъ и доместика экскувитовъ и должна быть разсматриваема какъ отдѣлъ византійской арміи, другая же подчинена димарху и составляетъ гражданскую часть населенія; 2) представительство военныхъ и гражданскихъ димовъ въ придворныхъ церемоніяхъ, въ

1) De Cerim. 669,8: διὰ τῶν περατικῶν δύο ταγμάτων τοῦ τε ἐξκουβίτου καὶ τῶν ἱκανάτων.

2) И слѣдуетъ думать, что это слово пропущено въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ передъ выраженіемъ ἤγουν.

3) De Cerim. 547, 5: καὶ εὐθέως ἄρχονται εὐφημεῖν οἱ τοῦ ἀριθμοῦ.

торжественныхъ выходахъ и пріемахъ и т. п. составляетъ обрядъ, значеніе котораго оставалось бы совершенно непонятно, если бы мы не знали, что димамъ принадлежала прежде значительная политическая сила; 3) подача обычныхъ просьбъ отъ всѣхъ четырехъ димовъ есть тоже обрядовое и символическое дѣйствіе. Но въ особенности слѣдуетъ взвѣсить то обстоятельство, что получаемыя на основаніи Придворнаго устава заключенія — о гражданскихъ и военныхъ отдѣлахъ димовъ, о важномъ по табели о рангахъ служебномъ положеніи представителей димовъ и, наконецъ, о роли самихъ димовъ въ придворныхъ церемоніяхъ — что эти заключенія не могутъ быть совмѣстимы съ представленіемъ о партіяхъ цирка. Въ уставѣ димы служатъ выраженіемъ народнаго представительства, а не интересовъ иппodрома.

Мы не беремъ на себя задачи исчерпать довольно сложный вопросъ объ отношеніи партій цирка къ населенію Константинополя и о правовомъ положеніи этого послѣдняго. Требуется много еще предварительныхъ работъ, чтобы съ достаточной ясностью представить себѣ развитіе гражданской жизни въ столицѣ византійской имперіи, выяснить положеніе населенія, раздѣленіе его на сословія и классы и т. п. Намъ казалось, однако, что изученіе Придворнаго устава въ этомъ отношеніи можетъ пролить свѣтъ на внутреннюю жизнь Константинополя и поощрить къ пересмотру и провѣркѣ такихъ положеній, которыя считались доказанными.

Почему выраженіе ὁ δῆμος — административно территоріальный округъ, община, народъ — въ приложеніи къ византійскимъ писателямъ толкуется совершенно иначе? Въ Словарѣ Дюканжа δῆμοι объяснено factiones agitatorum, δήμαρχος — factionum princeps, а δημοτεύειν — e factionibus exercitum conscribere; послѣднее толкованіе уже совсѣмъ странно и, какъ видно будетъ ниже, не вѣрно. Какъ произошло, что подъ димами стали понимать исключительно партіи цирка, мы не можемъ объяснить себѣ, но ясно, что это имѣло громадное значеніе въ общей постановкѣ изученія внутреннихъ отношеній Константинополя. Если мы обратимся къ изученію источниковъ, то найдемъ, что въ большинствѣ случаевъ терминъ «димъ» и «димы» употребляется для обозначенія городскаго населенія, а не въ частности цирковыхъ партій. Кромѣ того, у писателей VI и послѣдующихъ вѣковъ до Константина Порфиророднаго можно находить до извѣстной степени объясненіе того положенія димовъ, въ которомъ они изображаются по Придворному уставу.

Было бы трудно исчерпать весь относящійся сюда матеріалъ, поэтому ограничимся приведеніемъ болѣе важныхъ мѣстъ. Уже изъ самаго извѣстія Прокопія о возмущеніи «Ника» можно видѣть, что онъ имѣетъ въ виду, говоря о димѣ, вообще населеніе столицы, находящееся въ извѣстной организаціи и подчиненное власти эпарха (De Bello Persico I, 119—120): ἡ ἀρχή, ἣ τῷ δήμῳ ἐφειστήκει ἐν Βυζαντίῳ.... οἱ μὲν ὑπηρέται, ὅσοι τῆς πόλεως ἀρχῇ ἕπονται[1]). Не партіи цирка, а именно городскіе димы дѣлятся, по словамъ Прокопія, на партіи Венетовъ и Прасиновъ: οἱ δῆμοι ἐν πόλει ἑκάστῃ ἔς τε Βενέτους ἐκ παλαιοῦ καὶ Πρασίνους διήρηντο. — Особенно обильный матеріалъ для занимающаго насъ вопроса находится въ Пасхальной хроникѣ и у писателей Малалы и Θеофана[2]).

Прежде всего можно считать почти обычнымъ явленіемъ, что Прасины и Венеты затѣваютъ движенія и смуты не по поводу частныхъ дѣлъ, касающихся цирка, а тогда, когда городское населеніе, т. е. димъ имѣетъ причины заявить недовольство противъ администраціи. Почти каждый разъ въ движеніяхъ дима кроется недовольство или вообще противъ правительства, или въ частности противъ эпарха города: *Chron. paschale* I, p. 571, 5 (διὰ τὴν ἔνδειαν τοῦ ἄρτου); *Theophanis chronogr.* I, 72, 20 (διὰ τὰ μητάτα τοῦ στρατοῦ); *Chron. pasch.* I, 594, 15 и Malal. 384. 15 (ἐπὶ φαύλοις πράγμασι Мины ночнаго эпарха); Malal. 394, 11 и *Chron. pasch.* 608 (изъ-за того, что правительство не освободило на свободу арестованныхъ по приказанію эпарха); *Theoph.* 225, 6 (изъ за вопроса о томъ, съ котораго дня считать начало великаго поста); ib. 239, 10 (по случаю назначенія новаго эпарха); весьма часто, наконецъ, народныя возмущенія были изъ-за религіозныхъ вопросовъ (самое движеніе «Ника» не чуждо было религіозной подкладки—*Chron. pasch.* 629, 19) и изъ-за изображенія царей. Нельзя далѣе оставить безъ вниманія того, что слово димъ употребляется писателями въ широкомъ смыслѣ, какъ ὄχλος, πλῆθος, λαός, и что Венеты и Прасины рисуются какъ боевой элементъ того же самаго дима: *Chron. pasch.* 623, 15 ἀνῆλθεν πᾶς ὁ δῆμος καὶ ἐγεμίσθη τὸ ἱππικὸν ὅλον ἐκ τῶν ὄχλων.... καὶ ὑπήντησεν ὁ δῆμος.... καὶ λαβόντες οἱ δῆμοι; ibid. 608 Прасины просятъ Анастасія освободить арестованныхъ по приказанію эпарха, онъ не согласился, тогда вы-

1) Какая разумѣется власть, см. Nov. Iustin. XXI a. 535.

2) Первыхъ приводимъ по боннскому изданію, Θеофана по новѣйшему изданію De Boor.

ступаетъ на сцену димъ καὶ κατῆλθον οἱ δῆμοι κατὰ τῶν ἐξκουβιτόρων.... ὁ δὲ δῆμος στενωθεὶς ἔβαλεν πῦρ ἐν τῇ λεγομένῃ Χάλκῃ; *Theoph.* 287,12 Прасины жалуются на притѣсненія.... ὁ δὲ βασιλεὺς τοῖς δήμοις ἐδήλου.... 288,16 τὰ δὲ πλήθη.... οἱ τοῦ Πρασίνου μέρους; *Theoph.* 283,14 στασιάζουσιν ἐκ τοῦ πλήθους τινὲς.. . οἱ δὲ δῆμοι... Въ особенности лыбопытны тѣ мѣста, гдѣ димы выводятся какъ политическій и гражданскій элементъ, который пользуется опредѣленными правами, ничего общаго не имѣющими съ ипподромомъ, и которому ставятся въ укоръ демократическія тенденціи: *Theoph.* 165,28 ὁ δὲ στρατὸς καὶ οἱ δῆμοι οὐκ ειλαντο Θεόκριτον βασιλεῦσαι. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто въ *Chron. pasch.* 596,9 и у Θеофана 115,15, гдѣ идетъ рѣчь о судѣ префекта преторіи по дѣлу Исокасія, обвиняемаго въ принадлежности къ языческому культу, и гдѣ выводится ὁ δῆμος τῶν Βυζαντίων ὁ ἑστὼς καὶ θεωρῶν, который и освобождаетъ Исокасія. Наконецъ, общія мѣры, приписываемыя Маврикію, Іустину и Юстиніану противъ Венетовъ и Прасиновъ имѣли своимъ послѣдствіемъ для всѣхъ городовъ πολλὴν εὐνομίαν, обузданіе демократическихъ тенденцій, всеобщій миръ и страхъ димовъ: *Chron. pasch.* 617; *Theoph.* 165,20; 166,26; 170,26; *Malal.* 416,3. Можно догадываться, что эти мѣры направлялись къ ограниченію политическихъ правъ дима: μὴ πολιτεύεσθαι, μήτε στρατεύεσθαι: *Chron. pasch.* 592,10; Malal. 368,15 (о Прасинахъ); *Theoph.* 165,20.

Не можетъ быть сомнѣнія, что въ димахъ мы имѣемъ явленіе бытовое, коренящееся въ условіяхъ организаціи восточныхъ городовъ, а потому вопросъ о Прасинахъ и Венетахъ не можетъ быть разсматриваемъ съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ Гиббонъ: «Константинополь усвоилъ не добродѣтели древняго Рима, а его безразсудства, и тѣ же самыя партіи, которыя волновали циркъ, стали съ удвоенной яростью свирѣпствовать въ ипподромѣ» (IV, 321). Византійскіе писатели указываютъ демократическія тенденціи въ большихъ городахъ на востокѣ, называютъ Антіохію очагомъ этихъ тенденцій и прямо даютъ понять, что нападки дима направлены противъ органовъ правительственной власти въ городахъ: ἐπήρχοντο γὰρ καὶ τοῖς κατὰ πόλιν ἄρχουσι, ἀρξάμενοι ἀπὸ τοῦ Βυζαντίου (*Malal.* 416,5; *Theoph.* 166,28). Съ другой стороны правительство ведетъ борьбу съ городскими димами какъ законодательнымъ, такъ и административнымъ путемъ, ограничивая права населенія и расширяя полномочія эпарха. Для Константинополя составляетъ эпоху въ этомъ отношеніи періодъ

эпарха Θеодота при царѣ Іустинѣ, ὅστις.... κατεδυνάστευσε τῆς δημοκρατίας τῶν Βυζαντίων (*Malal.* 416, 10); для Антіохіи періодъ Константина Тарсея при царѣ Анастасіѣ: δοὺς αὐτῷ (т. е. Константину) ἐξουσίαν κατὰ πάσης ζωῆς ἐπειδὴ τὸ Πράσινον μέρος Ἀντιοχείας δημοκρατοῦν ἐπήρχετο τοῖς ἄρχουσι (*Malal.* 393, 5).

Для выясненія роли димовъ послѣ Юстиніана весьма важны извѣстія, по которымъ димоты, какъ гражданскій элементъ, назначаются въ исключительныхъ случаяхъ на военную службу, на подобіе ратниковъ. Такъ, Маврикій, находясь въ затрудненіи по случаю нападенія Аваровъ, τὰ τοῦ παλατίου στρατεύματα ἐξαγαγὼν τῆς πόλεως καὶ τοὺς δήμους φυλάττειν τὰ Μακρὰ τείχη ἐκέλευσεν (*Theoph.* 254, 7); въ другой разъ тотъ же царь назначилъ бывшія у него въ распоряженіи войска для защиты Длинныхъ стѣнъ, въ то же время οἱ δῆμοι τὴν πόλιν ἐφύλαττον (ibid. 279, 20); наконецъ, по случаю возмущенія въ войскахъ, поручаетъ охрану города димамъ: τούτους σὺν τοῖς δημάρχοις φυλάττειν τὰ τείχη τῆς πόλεως προσέταξεν (ib. 287, 23).

Первый случай подобнаго зачисленія городскихъ обывателей въ военную службу отмѣченъ во время Юстиніана и записанъ у писателя Θеофана. Извѣстіе Θеофана имѣетъ особенный интересъ и на немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. По случаю нападенія аваровъ и славянъ, которые прорвались чрезъ Анастасіеву стѣну и угрожали самой столицѣ, масса крестьянскаго населенія ближайшихъ деревень, забравъ свое имущество, искала спасенія въ Константинополѣ. Θеофанъ (p. 233, 11) такъ выражается объ этомъ: καὶ πάντες ἔφυγον ἐν τῇ πόλει μετὰ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῶν. τοῦτο δὲ γνοὺς ὁ βασιλεὺς ἐδημότευσε πολλοὺς καὶ ἔπεμψεν εἰς τὸ μακρὸν τεῖχος. Какъ понимать выраженіе ἐδημότευσε πολλούς? Если слѣдовать общепринятому толкованію δημοτεύειν, нужно было бы допустить, что Юстиніанъ завербовалъ многихъ изъ партій цирка въ военные отряды, или, какъ принимаетъ Рамбо (p. 33)[1]), завербовалъ въ димы, т. е. въ партіи цирка. Но такъ какъ связь рѣчи не допускаетъ здѣсь смысла о циркѣ и о партіяхъ, то мы считаемъ справедливымъ относить распоряженіе Юстиніана къ тѣмъ сбѣжавшимся въ столицу крестьянамъ, о которыхъ идетъ рѣчь у Θеофана. Юстиніанъ, по всей вѣроятности, зачислилъ этихъ пришлыхъ людей въ димы или приписалъ къ димамъ и назначилъ ихъ въ службу на Длинныя стѣны. Послѣ Юстиніана подобные случаи по-

---

1) Рамбо приводитъ это мѣсто по Кедрину I, 678, 1.

вторяются чаще, Маврикій встрѣтилъ въ димахъ сильную оппозицію, которая обошлась ему весьма дорого.

Военная повинность вызвала въ димѣ недовольство, которое выразилось въ неоднократныхъ смутахъ, въ заговорахъ, въ попыткахъ низложить Маврикія и назначить на его мѣсто другаго. Слѣдуетъ только внимательнѣе отнестись къ нѣкоторымъ выраженіямъ Ѳеофана, чтобы понять, что противъ Маврикія ведетъ борьбу городское населеніе, а не партіи цирка. Это видно изъ слѣдующаго. Говоря о попыткахъ къ низверженію Маврикія, Ѳеофанъ называетъ οἱ Ῥωμαῖοι тѣхъ, кто писалъ измѣнническія письма (Theoph. 287, 20), потомъ это оказывается ὁ λαός (ib. 288, 2); когда о заговорѣ стало извѣстно Маврикію и онъ принялъ мѣры противъ избранниковъ народныхъ, то въ защиту ихъ выступаютъ τὰ πλήθη (ib. 288, 16).

Въ разгаръ народнаго мятежа начинаюся пожары: οἱ τοῦ Πρασίνου μέρους τὴν οἰκίαν Κωνσταντίνου καταφλέγουσιν (ib. 288, 20), съ ними за одно дѣйствуютъ τὰ πλήθη. Одинъ изъ избранниковъ народа (Германъ) старается подкупить въ свою пользу Сергія *димарха Прасиновъ*, но димъ не довѣряетъ обѣщаніямъ Германа, такъ какъ онъ весьма расположенъ къ *Венетамъ* (ib. 289, 6). Прасины Герману предпочитаютъ Фоку, который требуетъ, чтобы для нареченія его являлись въ Евдомъ ὅτε πατριάρχης, οἱ δῆμοί τε καὶ ἡ σύγκλυτος (ib. 289,12). Послѣ вступленія Фоки (602 г.) καταστασιάζουσι τὰ μέρη πρὸς ἄλληλα ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ διὰ στάσεις τόπων (ib. 289, 26).

Анализъ извѣстій Ѳеофана о низверженіи Маврикія и провозглашеніи Фоки приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Нерасположеніе къ Маврикію было общее среди городскаго населенія, оно вызвано было, между прочимъ, возложеніемъ экстренной военной повинности на димы. Прасины и Венеты одинаково принимали участіе въ смутахъ, рознь между ними сказывается лишь по вопросу объ избраніи Германа; въ избраніи Фоки участвовали и Венеты, что не мѣшало *партіямъ* (τὰ μέρη) въ тоже самое время спорить изъ-за мѣстъ въ циркѣ.

Указанные здѣсь случаи употребленія димовъ на военную службу, конечно, не были временными мѣрами; напротивъ, они были выраженіемъ тенденцій византійскихъ царей ослабить димы и дать имъ такую организацію, чтобы въ нихъ не было на будущее время опасности для правительства. Военный элементъ въ константинопольскихъ димахъ, иначе присутствіе димовъ въ войскѣ засвидѣтельствовано весьма ясными мѣстами: *Chron. pasch.* 625, 12 ἦλθον δὲ καὶ ἀπὸ Κωνσταντινια-

νῶν νεώτεροι Πράσινοι φοροῦντες ζάβας σν', οἵτινες νεώτεροι ἦλθον ὡπλισμένοι. — Связь этихъ тенденцій съ тѣми наблюденіями, которыя сдѣланы нами при изученіи Придворнаго устава по отношенію къ *пëратическимъ* димамъ очевидна. Военная часть димовъ нуждалась въ военной организаціи, отсюда подчиненіе пëратическихъ димовъ власти димократа или доместика (схолъ и экскувитовъ). Когда и какъ произошло это нововведеніе, т. е. кѣмъ въ первый разъ учреждена должность димократа, сказать трудно, но позволительно высказать догадку, что здѣсь наблюдается параллельное явленіе съ устройствомъ ѳемъ.

Рядомъ съ возложеніемъ на димы воинской повинности правительство постепенно стремилось къ ограниченію димовъ, какъ гражданскаго элемента населенія столицы, посредствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи димы подчиняются вѣдомству эпарха города, власть котораго столько же расширяется, сколько уменьшается авторитетъ димарха.

На основаніи представленныхъ здѣсь наблюденій по исторіи константинопольскихъ димовъ, мы приходимъ къ заключенію, что отождествленіемъ дима съ партіей цирка допускается нѣкоторая неправильность въ толкованіи текстовъ. Эта неправильность, не бросающаяся въ глаза при разборѣ одного или небольшаго числа мѣстъ, становится слишкомъ замѣтной, если подвергнуть анализу извѣстія о димахъ писателей, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго значительнымъ пространствомъ времени. Дѣло не ограничивается здѣсь неточностями филологическаго характера, но вліяетъ на постановку вопроса объ исторіи городскаго сословія, объ отношеніи правительственной власти къ городскимъ учрежденіямъ, о военномъ устройствѣ и т. п. Если мы сведемъ всю исторію димовъ къ исторіи цирковыхъ партій, то по меньшей мѣрѣ должны будемъ оставить безъ объясненія пëратическіе и гражданскіе димы и съ недоумѣніемъ читать о димократахъ и димархахъ, обязательно участвующихъ въ придворныхъ церемоніяхъ. Цирковыя партіи не заслоняютъ ли исторію народа? Не слѣдуетъ ли извѣстія о димахъ изучать отдѣльно отъ исторіи ипподрома и цирковыхъ партій?

Ѳ. Успенскій.

О характерѣ и значеніи Эпанагоги.

ОЧЕРКЪ ПО ИСТОРІИ ВИЗАНТІЙСКАГО ПРАВА.

Изъ цѣлаго ряда компендіумовъ права, дошедшихъ до насъ отъ византійскаго времени, выдѣляются Эклога, Прохиронъ и Эпанагога во первыхъ своимъ оффиціальнымъ характеромъ — всѣ остальные компендіумы составлены частными лицами—, а во вторыхъ тѣмъ, что они послужили основою почти для всѣхъ остальныхъ. Частные компиляторы или полагали въ основу составленныхъ ими сборниковъ одинъ изъ оффиціальныхъ компендіумовъ или же составляли своды извлеченій изъ нѣсколькихъ оффиціальныхъ сборниковъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны возникли различные частные Прохироны, Эклоги и Эпанагоги, а съ другой различныя Эклоги, измѣненныя по Прохиронамъ, и Эпанагоги, пополненныя извлеченіями изъ Прохирона (Epanagoge cum Prochiro composita по терминологіи Цахаріэ-фонъ-Лингенталь).

Не смотря на такое значеніе указанныхъ трехъ оффиціальныхъ сборниковъ, въ наукѣ долгое время не могло установиться опредѣленныхъ воззрѣній ни относительно времени ихъ изданія и издавшихъ ихъ императоровъ, ни относительно того, въ какой связи они находятся другъ съ другомъ. Такъ, по господствовавшему въ прежнее время мнѣнію, Эклогу приписывали не Льву Исаврійскому и его сыну Константину, а Льву Мудрому, сыну Василія Македонянина, и его сыну Константину Багрянородному. Далѣе, нѣкоторые изслѣдователи, согласно указаніямъ, находящимся въ введеніяхъ къ Эклогѣ, Прохирону и Эпанагогѣ, приписывали Прохиронъ и Эпанагогу Василію и его сыну Льву, а Эклогу Льву Мудрому и его сыну, другіе же, напротивъ того, полагая, что переписчики рукописей нашихъ сборниковъ пере-

мѣшали заглавія и введенія, относили Эклогу къ законодательной дѣятельности Василія, Константина и Льва, а Прохиронъ къ законодательной дѣятельности Льва Мудраго и его сына Константина. Правильное воззрѣніе, по которому Эклога разсматривается какъ продуктъ законодательной дѣятельности исаврійскихъ императоровъ, а только Прохиронъ и Эпанагога приписываются императорамъ македонской династіи, впервые высказано Бинеромъ и впослѣдствіи развито въ деталяхъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь. Воззрѣніе это въ настоящее время безусловно господствуетъ въ наукѣ. И въ нашей историко-юридической литературѣ оно обстоятельно изложено и подкрѣплено весьма вѣскими данными въ статьѣ проф. Васильевскаго о законодательствѣ иконоборцевъ (Ж. М. Н. П., часть CXCIX, стр. 270 слѣд.).

Послѣ того, какъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ было установлено время изданія Эклоги, Прохирона и Эпанагоги и опредѣлено отношеніе этихъ сборниковъ другъ къ другу, вниманіе ученыхъ преимущественно сосредоточилось на первыхъ двухъ изъ этихъ сборниковъ: ихъ характеръ и значеніе были вполнѣ выяснены и точно, въ подробностяхъ, опредѣлены. Того же далеко нельзя сказать объ Эпанагогѣ. Характеръ этого памятника и послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, или, лучше сказать, въ особенности послѣ нихъ, остается вполнѣ проблематичнымъ, а его значеніе далеко не выясненнымъ. А именно, до появленія въ свѣтъ внутренней исторіи греко-римскаго права Цахаріэ-фонъ-Лингенталь въ наукѣ господствовалъ слѣдующій взглядъ на характеръ и значеніе Эпанагоги. Согласно даннымъ, находящимся въ предпосланномъ нашему памятнику введеніи, Эпанагогу считали вторымъ оффиціальнымъ, т. е. опубликованнымъ какъ законъ, пополненнымъ изданіемъ Прохирона, предпринятымъ Василіемъ Македоняниномъ и его сыновьями соправителями, Львомъ и Александромъ, съ цѣлью согласованія Прохирона съ оконченной около 883 года Василіемъ т. н. ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων. Цахаріэ, предпринявшій первое полное и научное изданіе Эпанагоги, первоначально самъ придерживался только что изложеннаго мнѣнія. Но изученіе положеній Эпанагоги, относящихся къ опредѣленію имущественныхъ отношеній между супругами, привело его къ совершенно оригинальному воззрѣнію, которое онъ и высказалъ въ своей исторіи греко-римскаго права. Согласно новому взгляду Цахаріэ, Эпанагога никогда не была опубликована какъ законъ. При Василіѣ, Львѣ и Александрѣ составленъ былъ, правда, проектъ новаго изданія Прохирона, который хотѣли

опубликовать, но не опубликовали названные императоры. Этотъ проектъ и есть Эпанагога. Къ этому мнѣнію Цахаріэ примкнулъ и Геймбахъ въ исторіи греко-римскаго права, помѣщенной въ Ersch und Grubers Encyclopädie der Wissenschaften (Band 86, Seite 307).

Доводы, приводимые Цахаріэ въ пользу новаго его взгляда на характеръ и значеніе Эпанагоги, суть слѣдующіе. Какъ извѣстно, положенія Эклоги, нормирующія имущественныя отношенія супруговъ, рѣзко отличаются отъ положеній Прохирона по этому предмету. Между тѣмъ, какъ постановленія Эклоги не имѣютъ ничего общаго съ Юстиніановымъ правомъ, постановленія Прохирона всецѣло заимствованы изъ сего послѣдняго. Объясняется это слѣдующимъ образомъ. Римское право, изложенное въ сборникахъ Юстиніана, подверглось при примѣненіи на Востокѣ глубокимъ и нерѣдко принципіальнымъ измѣненіямъ. Измѣненія эти свершались подъ вліяніемъ обычнаго права и правовыхъ воззрѣній различныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ восточной римской имперіи. Процессъ подобнаго преобразованія римскаго права на Востокѣ начался очень рано, собственно говоря, еще до Юстиніана. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., составленный на Востокѣ въ Сиріи, въ концѣ V столѣтія (въ царствованіе Василиска) [475 — 477], юридическій сборникъ, дошедшій до насъ въ сирійскомъ, армянскомъ и арабскомъ переводахъ, и изданный Брунсомъ подъ заглавіемъ «Das Syrisch-römische Rechtsbuch»[1]). Изданіе Юстиніановыхъ сборниковъ не остановило этого процесса преобразованія. Обычай продолжалъ свою работу претворенія институтовъ римскихъ въ институты византійскіе. Ко временамъ исаврійскихъ императоровъ новая формація права имѣетъ уже опредѣленный обликъ и въ Эклогѣ получаетъ уже полное признаніе. Въ самомъ заглавіи Эклоги, какъ оно читается по лучшимъ, дошедшимъ до насъ манускриптамъ, указывается на то, что памятникъ этотъ содержитъ не только извлеченія изъ сборниковъ Юстиніана, но и исправленіе правоположеній въ болѣе человѣколюбивомъ направленіи (καὶ ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον ἐκτεθεῖσα). Македонская династія стремится къ возвращенію къ чисто римскимъ началамъ Юстиніановыхъ сборниковъ, къ очищенію законовъ отъ примѣси обычнаго права. Работы въ этомъ направленіи и были предприняты уже при Василіѣ Македонянинѣ. Между 870—879 годомъ изданъ былъ такъ называемый Ручной за-

1) Сравни также Mitteis, Das römische Recht in den oströmischen Provinzen.

конъ (ὁ πρόχειρος νόμος). Въ Прохиронѣ византійскій законодатель старается возстановить начала римскаго права въ ихъ чистомъ, неискаженномъ восточными воззрѣніями видѣ. Въ особенности положенія, опредѣляющія имущественныя отношенія супруговъ, носятъ явный отпечатокъ свершившагося въ законодательствѣ переворота. А именно, положенія Прохирона объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ всецѣло заимствованы изъ Юстиніанова права. Такимъ образомъ, Эклога и Прохиронъ представляютъ собою двѣ различныя формаціи права. Вотъ почему изслѣдователя, изучающаго составъ Эпанагоги, не можетъ не поразить то обстоятельство, что въ нашемъ памятникѣ, въ титулѣ XIX περὶ προγάμου ἢ διὰ γάμου δωρεᾶς, въ главахъ 5—9 излагается сперва ученіе Эклоги объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, а затѣмъ въ главахъ 12—17 ученіе о томъ же предметѣ Прохирона, причемъ составитель схолій къ Эпанагогѣ, въ находящейся передъ 12 главой вставкѣ, замѣчаетъ, что всѣ слѣдующія главы вставлены здѣсь не какъ принадлежащія къ тексту, т. е. другими словами, не какъ изображающія дѣйствующее право, а только какъ противорѣчущія главамъ 5—9 [1]). Изъ этого обстоятельства Цахаріэ выводитъ слѣдующія заключенія. Если, аргументируетъ онъ, предположить, что, какъ Прохиронъ, такъ и Эпанагога, опубликованы были Василіемъ Македоняниномъ въ качествѣ оффиціальныхъ компендіумовъ, то остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Василій, возстановившій въ Прохиронѣ Юстиніаново право, могъ, затѣмъ, въ Эпанагогѣ возвратиться къ совершенно отклоняющемуся и отъ Юстиніанова законодательства и отъ права Прохирона праву Эклоги. Еще болѣе непонятно, по мнѣнію Цахаріэ, то обстоятельство, какимъ образомъ древній схоліастъ могъ сказать, что относящіяся къ имущественнымъ отношеніямъ главы Прохирона, изложенныя въ главахъ 12—17 Эпанагоги, не были санкціонированы какъ законъ. Невыясненнымъ, замѣчаетъ Цахаріэ, является и то обстоятельство, какимъ образомъ императоръ Левъ Мудрый, вскорѣ затѣмъ узаконившій въ своихъ новеллахъ нѣкоторыя отступленія отъ Юстиніанова права въ духѣ Эклоги и Эпанагоги, нигдѣ не упоминаетъ о сей послѣдней. Выйдти изъ этого лабиринта

---

1) Ταῦτα τὰ μέχρι τοῦ τέλους τοῦ τίτλου κεφάλαια οὐχ ὡς ἐγκριθέντα ἐτέθησαν, ἀλλ' ὡσανεὶ μαχόμενα τῷ ε' καὶ ς' καὶ ζ' καὶ η' καὶ θ' παρετέθησαν (Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Edidit C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae. 1852. p. 130).

противорѣчій можно, по мнѣнію Цахаріэ, только, признавъ, что Эпанагога представляетъ собою ни болѣе ни менѣе какъ законопроектъ и никода не была опубликована какъ законъ. Далѣе, Цахаріэ полагаетъ, что Эпанагога только въ видѣ проекта и въ связи съ примѣчаніями схоліаста, т. е. одного изъ ревизоровъ проекта, получила распространеніе между правовѣдами того времени и не вытѣснила изъ судебной практики Прохирона. Такимъ образомъ разрѣшается, по мнѣнію Цахаріэ, и то недоумѣніе, почему императоръ Левъ съ одной стороны пользуется замѣчаніями упомянутаго выше схоліаста для изданія новеллъ, а съ другой нигдѣ въ новеллахъ не упоминаетъ объ Эпанагогѣ. Геймбахъ признаетъ предположенія Цахаріэ вполнѣ вѣрными на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, только такимъ образомъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, почему преимущественно Прохиронъ, а не Эпанагога, послужилъ источникомъ для Царскихъ книгъ, и почему впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, Арменопулъ въ основу своего Шестикнижія положилъ не Эпанагогу, а Прохиронъ. Перейдемъ къ разбору и оцѣнкѣ доводовъ Цахаріэ и Геймбаха.

Что касается перваго довода Цахаріэ, а именно, что трудно допустить, чтобы Василій Македонянинъ, возстановившій въ Прохиронѣ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ Юстиніаново право, возвратился въ Эпанагогѣ къ совершенно отклоняющемуся и отъ Юстиніанова права и отъ Прохирона праву Эклоги, то намъ непонятно почему этого нельзя допустить, если признать Эпанагогу оффиціально опубликованнымъ сборникомъ, и почему это допустимо, если нашъ памятникъ считать только законопроектомъ. Вѣдь и внесеніе права Эклоги, а не Прохирона, въ законопроектъ ясно свидѣтельствуетъ о преобладавшихъ въ данное время въ законодательныхъ сферахъ тенденціяхъ. Если Василій Македонянинъ могъ желать замѣнить право Прохирона правомъ Эклоги, то онъ могъ и узаконить эту замѣну. Далѣе, въ главахъ 5—9 титула XIX Эпанагоги мы не встрѣчаемся съ буквальнымъ заимствованіемъ положеній Эклоги, а съ переработкой этихъ положеній. Въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ указанныя мѣста Эпанагоги съ титуломъ II Эклоги, ихъ источникомъ. Самъ Цахаріэ въ своемъ изданіи Эпанагоги, въ примѣчаніи къ главѣ 5 титула XIX, выражается совсѣмъ иначе, чѣмъ въ исторіи греко-римскаго права. Онъ не говорилъ тамъ, что Эпанагога по данному вопросу воспроизводитъ право Эклоги, а только, что положенія

Эпанагоги напоминаютъ Эклогу [1]). Но чѣмъ же объяснить такую непослѣдовательность византійскаго законодательства? Дѣло объясняется совершенно просто. Во времена изданія Прохирона право, установленное исаврійскими императорами, должно было уступить мѣсто Юстиніанову праву только потому, что оно исходило отъ императоровъ иконоборцевъ, но уже на первыхъ порахъ выяснилась необходимость сохраненія изъ законодательства Исаврійцевъ того, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ догматамъ вѣры. Да оно и не могло быть иначе. Вѣдь Эклога есть только окончательное выраженіе того, что подготовлялось вѣками. Въ этомъ памятникѣ нашелъ свое завершеніе начавшійся за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ на Востокѣ процессъ преобразованія римскаго права въ византійское. Вотъ почему императоры македонской династіи, съ большою энергіею устранивъ изъ области религіи и церковныхъ дѣлъ всѣ новшества Исаврійцевъ, въ области свѣтскаго права принуждены были согласиться на различные компромиссы. Поэтому они и возвращаются въ Эпанагогѣ относительно имущественныхъ отношеній супруговъ къ началамъ Эклоги [2]). Дѣлаютъ это они сознательно, при чемъ не возстановляютъ право Эклоги цѣликомъ, а при заимствованіи видоизмѣняютъ положенія названнаго памятника, комбинируя ихъ по мѣрѣ возможности съ положеніями Прохирона.

Второй доводъ Цахаріэ заключается въ томъ, что включеніе въ главы 12—17 титула XIX Эпанагоги положеній Прохирона, принципіально противорѣчащихъ положеніямъ, изложеннымъ въ главахъ 5—9 того же титула Эпанагоги, ясно свидѣтельствуетъ, что Эпанагога есть не законъ, а только проектъ закона: составители де включили въ проектъ закона и право Эклоги и право Прохирона, предоставляя законодателю избрать то или другое. Этотъ доводъ падаетъ самъ собою, если обратить должное вниманіе на то, что сказано во вставкѣ, находящейся между 11 и 12 главой титула XIX Эпанагоги (смотри выше). Здѣсь схоліастъ прямо говоритъ, что всѣ слѣдующія за одинадцатою главою вплоть до конца титула внесены имъ въ рукопись *и не принадлежатъ къ тексту памятника*. Слѣдовательно, *главъ 12—17 въ легальномъ текстѣ не было*. Цахаріэ самъ былъ

1) Сравни Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, p. 122 Anmerk 8: Caeterum haec quae sequuntur sex capita Eclogam Leonis et Constantini sapiunt.

2) Возвращеніе къ началамъ Эклоги было тѣмъ болѣе легко, что памятникъ этотъ не содержитъ никакихъ иконоборныхъ идей или тенденцій.

прежде того же мнѣнія. Въ его изданіи Эпанагоги главы 12—17 напечатаны особымъ шрифтомъ, а въ примѣчаніи 17 на стр. 130 онъ прямо говоритъ, что сказанное въ находящемся между 11 и 12 главой примѣчаніи свидѣтельствуетъ о томъ, что главы 12—17 hujus tituli Epanagoges proprie non esse. Правда, Цахаріэ полагаетъ, что составитель схолій былъ однимъ изъ ревизоровъ законопроекта, именуемаго Эпанагогой, что ему поручено было исправить этотъ проектъ и представить свои на него замѣчанія, что онъ и сдѣлалъ, но что и послѣ этого исправленія проектъ не былъ опубликованъ какъ законъ, а сталъ обращаться вмѣстѣ съ схоліями ревизора между тогдашними юристами. Этимъ Цахаріэ объясняетъ и то обстоятельство, что однѣ и тѣ же схоліи встрѣчаются во всѣхъ рукописяхъ Эпанагоги. Но и съ этимъ мнѣніемъ Цахаріэ трудно согласиться. Схоліастъ не только не былъ ревизоромъ проекта Эпанагоги, но даже писалъ свои схоліи позднѣе времени составленія Эпанагоги и совмѣстнаго царствованія Василія, Льва и Александра: ему извѣстны новеллы Льва Мудраго, изданныя этимъ императоромъ послѣ смерти Василія. А именно, къ первымъ словамъ главы 9 титула XIX Эпанагоги «περὶ τῆς ἀπροίκου γυναικός, εἴτε εὔπορος εἴτε ἄπορος εἴη» находится слѣдующая схолія: ἡ νεαρὰ τὴν ἄπροικον οὐ τὴν εἰ τύχοι καὶ εὔπορόν φησι, ἀλλὰ τὴν ἄπορον· τῇ γὰρ εὐπόρῳ καὶ ἀπροίκῳ οὐδὲν δίδωσιν. Упоминаемая въ этой схоліи νεαρὰ есть ничто иное какъ 106 новелла собранія новеллъ Льва Мудраго[1]).

Какъ третій доводъ въ пользу своего мнѣнія, Цахаріэ приводитъ слѣдующія соображенія. Если признать Эпанагогу оффиціально опубликованнымъ закономъ, то необъяснимымъ является то обстоятельство, почему Левъ Мудрый, воспользовавшійся схоліями къ Эпанагогѣ, какъ отправною точкою для своихъ новеллъ, въ сихъ послѣднихъ не упоминаетъ объ Эпанагогѣ. Да если бы Эпанагога была закономъ, разсуждаетъ Цахаріэ, то Льву Мудрому нечего было бы издавать свои новеллы, содержаніе которыхъ тождественно съ содержаніемъ положеній Эпанагоги. Но, въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, какъ утверждаетъ Цахаріэ. Выше мы видѣли[2]), что были случаи видоизмѣненія положеній Эпанагоги новеллами Льва Мудраго.

1) Сравни Jus graeco-romanum. Pars III. Edidit Zachariae a Lingenthal, pag. 207. Διάταξις ρς'.

2) Здѣсь мы подразумѣваемъ измѣненіе, внесенное новеллою 109-ю Льва въ положенія главы 9-й титула XIX Эпанагоги.

Наконецъ, что касается довода Геймбаха въ пользу мнѣнія Цахаріэ, а именно, что, при признаніи Эпанагоги вторымъ оффиціальнымъ изданіемъ Прохирона, совершенно необъяснимо то обстоятельство, почему Арменонулъ положилъ въ основу своего шестикнижія не Эпанагогу, а Прохиронъ, то это утвержденіе также не вполнѣ точно. У Арменонула есть цѣлыя главы, какъ напр. титулъ IV приложенія къ Шестикнижію, заимствованныя изъ Эпанагоги. Кромѣ того въ толкованіяхъ Арменонулъ часто прибѣгаетъ къ Эпанагогѣ, какъ къ источнику.

Для опредѣленія значенія Эпанагоги необходимо, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе еще на слѣдующія обстоятельства. Какъ признаетъ самъ Геймбахъ, Эпанагога несомнѣнно послужила источникомъ для Василикъ Льва Мудраго, такъ какъ многія положенія Юстиніанова права, не находящіяся въ Прохиронѣ, но имѣющіяся въ Эпанагогѣ, встрѣчаются въ Василикахъ. Равнымъ образомъ, и составитель т. н. Synopsis Basilicorum, сборника конца X вѣка, присоединилъ къ извлеченіямъ изъ Василикъ въ видѣ схолій наиболѣе характерныя изъ положеній Эпанагоги, а именно *положенія о царѣ и патріархѣ*[1]). (Сравни Jus graeco-romanum. Pars V. Synopsis Basilicorum. Edidit Zachariae a Lingenthal, pag. 130, nota 3 и pag. 542, nota 2). Эти же самыя положенія внесены и въ текстъ другаго синопсиса Василикъ, т. н. Малаго Синопсиса (μικρὸν κατὰ στοιχεῖον), составленнаго въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ этомъ легко убѣдиться изъ чтенія главъ 21—25 литеры В и главъ 63—66 литеры П, воспроизводящихъ главы 1—5 титула II и главы 1—4 и 8 титула III Эпанагоги. Далѣе и Матвѣй Властарь въ своей Синтагмѣ дѣлаетъ заимствованія изъ Эпанагоги. Замѣчательно, что извлеченныя изъ нашего памятника правоположенія приводятся какъ «νόμοι», т. е. законы. А именно, въ синтагмѣ по отдѣльнымъ вопросамъ сперва приводятся каноны, а затѣмъ законы, подъ которыми Властарь обыкновенно не подразумѣваетъ извлеченій изъ частныхъ сборниковъ[2]). Наконецъ, есть данныя, указывающія на то, что Эпанагога

1) Эти положенія весьма удобны были для схолій, такъ какъ они имѣютъ не только законодательный, но и теоретическій характеръ.

2) Вотъ что говоритъ Геймбахъ объ источникахъ Синтагмы Властаря: «Im Allgemeinen beginnen diese Titel (т. е. Синтагмы Властаря) mit kirchenrechtlichen Bestimmungen und endigen, unter der Bezeichnung νόμοι πολιτικοί, mit mehr oder weniger wichtigen Auszügen aus weltlichen Gesetzen... Aus den Basiliken sind viele Stellen von Blastares entlehnt, ob aber unmittelbar oder mittelbar ist nicht zu entscheiden. Auch

была переведена на славянскій языкъ. На это указываютъ именно извлеченія изъ Эпанагоги, находящіяся въ славянскихъ кормчихъ. Они имѣются и въ нашей печатной кормчей[1]). А именно, въ главѣ 36 «отъ указаній божественныхъ писаній, еже не поставляти на мздѣ во священныя чины», въ посланіи патріарха Тарасія къ папѣ Адріану I, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ правилъ Св. Апостоловъ и священнаго писанія, приведенныхъ Тарасіемъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ относительно симоніи положеній, приводятся и извлеченія отъ осмыя титлы святыхъ и благочестивыхъ царей Василія, Константина и Леона. Извлеченія эти слѣдующія (отъ главы 14): «Якоже клирика котораго любо буди степене, на пѣнязехъ производити не попущаемъ: сице ниже ксенодоха (страннопріимника), или птохотрофа (нищепитателя), или носокома (о больныхъ пекущася), или инаго кого любо буди честнаго дому строителя, или коему любо буди церковному попеченію вручаема. Аще же сіе будетъ когда: и даяй и взимаяй, и ходатай таковаго священства, сирѣчь, увѣреннаго ему какова любо боуди строеніа обнаженъ будетъ. Мздоимствамъ же присвоеномъ быти честному мѣсту, егоже таково лице хиротонію, или попеченіе, или строеніе взятъ. Аще ли мирянинъ будетъ взявый, или ходатай бывый, то данное сугубо отъ него взыщется, и паки устроенъ будетъ въ честнѣ мѣстѣ, егоже таково лице хиротонію или попеченіе пріятъ. *Тамождe* (т. е. тамъ же). Повелѣваемъ, аще епископъ ходатайствующимъ нѣкимъ, и положеніемъ златникъ поставленъ будетъ: и дающему, и веемлющему, и ходатайствующему, отъ священства, или чести клиритскія, по священнымъ правиломъ отверженомъ быти; о таковѣй же винѣ данное, церкви оной присвоено да есть, въ нейже восхотѣ священство купити. Аще же мирянинъ будетъ, иже за сію вину нѣчто веемъ, или ходатай въ вещи сей бывъ, отъ данныхъ ему пѣнязехъ

---

ist überhaupt schwer nachzuweisen, welche Quellen er wirklich gebraucht hat. Ein grosser Theil seiner Rubriken erinnert an die Rubriken des Prochirum des Basilius, andere wieder an die 10 ersten Titel der Ecloga des Leunclavius I. G. R. P. II, p. 79 seq., d. i. an die 10 ersten Titel der Epanagoge. Die νόμοι in der Lehre von den Verlöbnissen lassen sich ganz in dem ersten Titel des Prochirum nachweisen». Слѣдовательно, по мнѣнію Геймбаха, Властарь и извлекъ свои νόμοι πολιτικοὶ изъ Василикъ, Прохирона и Эпанагоги, т. е. изъ оффиціальныхъ, а не частныхъ, сборниковъ и компендіумовъ. (Ersch und Gruber, Encyclopädie, 1 Section, Bd. 86., S. 468).

1) По свидѣтельству барона Розенкампфа (Обозрѣніе кормчей книги, изд. 2, стр. 81), и рукописныя кормчія содержатъ означенныя извлеченія изъ Эпанагоги. Такъ они заключаются въ кормчей XVI вѣка, принадлежавшей графу Ѳ. А. Толстому (№ 169, отд. 1. Каталога Толстовскихъ рукописей).

сугубо да истязанъ будетъ. *Тѣхжде тамождe.* Епископъ есть назиратель и прилѣжатель всѣхъ собирающихся въ церкви душъ, сущихъ въ епархіи его: власть имѣя посвящати презвитера, діакона, иподіакона, чтеца же, и пѣвца, и мниха. Свойственно есть Епископу смиреннымъ убо сходити, пренебрегати же и презирати гордыхъ и высокомудріе низлагати и о стадѣ бѣды поднимати: и онѣхъ утѣсненіе свою болѣзнь творити». Ничего подобнаго только что изложеннымъ положеніямъ не находится въ Прохиронѣ Василія, Константина и Льва, изъ котораго, если судить по заголовку, они заимствованы. Напротивъ того, въ Эпанагогѣ положенія эти въ дѣйствительности содержатся, и именно *въ титулѣ восьмомъ*, въ главахъ 13, 15 и 1. То обстоятельство, что Эпанагога издана не Василіемъ, Константиномъ и Львомъ, а Василіемъ, Львомъ и Александромъ, въ виду полнаго тождества приведенныхъ нами извлеченій съ главами 13, 15 и 1 титула восьмаго Эпанагоги, не можетъ служить препятствіемъ къ признанію Эпанагоги источникомъ находящихся въ Кормчей извлеченій, тѣмъ болѣе, что переписчики весьма часто смѣшивали не только имена императоровъ, издавшихъ тотъ или другой сборникъ, но даже самыя предисловія къ сборникамъ. Что относительно Эпанагоги переписчики часто неправильно указывали имена издавшихъ ее императоровъ, и именно называли Василія, Константина и Льва творцами нашего сборника, можетъ быть доказано заголовками находящихся у Леунклавія въ его «Jus graeco-romanum», pars I, pag. 296 и 394 извлеченій изъ Эпанагоги, гдѣ говорится: ἀπὸ τοῦ νομίμου βιβλίου Βασιλείου, Κωνσταντίνου, καὶ Λέοντος. Далѣе, несомнѣнно также, что извлеченія изъ Эпанагоги приписаны къ Тарасіеву посланію составителемъ славянской Кормчей, а не самимъ патріархомъ Тарасіемъ, по той простой причинѣ, что этотъ патріархъ жилъ почти за 100 лѣтъ до изданія Эпанагоги и въ дѣйствительности изданный Бевериджемъ (Συνοδικόν, Т. II, p. 184 — 185) подлинникъ посланія Тарасія приведенныхъ нами извлеченій не содержитъ. Такимъ образомъ, составитель Кормчей имѣлъ подъ руками славянскій переводъ Эпанагоги, извлеченіями изъ котораго и пополнилъ выписки изъ источниковъ, находящіяся въ посланіи Тарасія, при чемъ очевидно считалъ Эпанагогу закономъ, изданнымъ святыми и благочестивыми греческими царями. Новое доказательство того, что Эпанагога была опубликована какъ законъ.

Наконецъ, самый характеръ введенія или предисловія къ Эпанагогѣ свидѣтельствуетъ, что нашъ памятникъ былъ не проектомъ за-

кона, а закономъ. Если бы Эпанагога осталась законопроектомъ, то въ введеніи былъ бы помѣщенъ указъ о составленіи этого сборника. Не таково содержаніе введенія, предпосланнаго тексту Эпанагоги. Введеніе это есть ничто иное, какъ указъ объ обнародованіи Эпанагоги, о примѣненіи ея въ судахъ. А именно, въ §§ 1 введенія императоры выражаются объ обязательности Эпанагоги слѣдующимъ образомъ: повелѣваемъ, въ силу нашей самодержавной власти и полновластія, чтобы настоящій законъ властвовалъ надъ всѣми ввѣренными нашему правленію людьми [1]). Затѣмъ въ § 3 прямо повелѣвается принять и примѣнять съ должнымъ тщаніемъ и достойнымъ божественнаго повелѣнія образомъ новый законъ. Δέξασθε, говорятъ императоры, τοῦτον τὸν νόμον ὀρθοφρόνως καὶ θεοπρεπῶς ὡς παρὰ θεοῦ γεγονότα.

Высказавъ, такимъ образомъ, наше мнѣніе о характерѣ Эпанагоги какъ закона, а не проекта закона, перейдемъ теперь къ опредѣленію ея значенія въ ряду другихъ источниковъ византійскаго права, ей предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за ней по времени.

Эпанагога относится къ Прохирону не такъ какъ Codex repetitae praelectionis Юстиніана къ Codex vetus того же императора. Она не просто второе просмотрѣнное изданіе Прохирона. Положенія Прохирона весьма часто, и притомъ радикально измѣняются Эпанагогой. Прохиронъ, въ отличіе отъ Эклоги, воспроизводитъ чистое Юстиніаново право; только въ титулѣ 39 περὶ ποινῶν онъ находится подъ вліяніемъ права Эклоги. Напротивъ того, хотя во введеніи къ Эпанагогѣ и говорится объ отмѣнѣ всяческой φληναφίας исаврійскихъ императоровъ, тѣмъ не менѣе въ этомъ памятникѣ мы часто встрѣчаемся съ весьма важными уступками въ пользу началъ Эклоги. На одну изъ такихъ уступокъ мы указали выше. Эпанагога, если можно такъ выразиться, служитъ отправною точкою для дальнѣйшаго движенія въ этомъ направленіи, имѣвшаго мѣсто при императорѣ Львѣ Мудромъ и выразившагося въ его новеллахъ. Затѣмъ, Эпанагога содержитъ цѣлый рядъ титуловъ, не имѣющихся ни въ Эклогѣ ни въ Прохиронѣ, и трактующихъ объ основахъ государственнаго и церковнаго строя Византіи. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ Эпанагогѣ памятниковъ греко-римскаго права не изложено теоретически и систематически ученіе о государствѣ и церковной организаціи: Эклога и Про-

1) Καὶ τοῦτον τὸν νόμον αὐτοκρατορικῶς τε καὶ παντοκρατορικῶς πάντων τῶν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν ἡμῶν πιστῶν ἀνδρῶν κρατεῖν κελεύομεν.

хиронъ совершенно не касаются вопросовъ государственнаго и церковнаго права, а Василики приводятъ отдѣльныя положенія объ императорѣ Юстиніановыхъ сборниковъ безъ принципіальнаго обоснованія и безъ общихъ опредѣленій. Напротивъ того, Эпанагога даетъ общія опредѣленія царской власти и власти патріарха и изображаетъ полную картину государственнаго строя Византіи и отношеній церкви къ государству. Взгляды Эпанагоги на значеніе власти царя и патріарха и на существо государственно-церковныхъ отношеній получили затѣмъ широкое распространеніе: они повторяются въ цѣломъ рядѣ составленныхъ впослѣдствіи частныхъ юридическихъ сборниковъ. Ближайшее ознакомленіе съ положеніями государственнаго и государственно-церковнаго права, содержащимися въ Эпанагогѣ, представляетъ поэтому живой интересъ.

Согласно установленной въ предисловіи къ Эпанагогѣ системѣ, ученію о государственныхъ и церковныхъ властяхъ и учрежденіяхъ посвящаются первые десять титуловъ. Основой всего общежитія признается право и справедливость, посредствомъ которыхъ, какъ выражаются издавшіе Эпанагогу императоры, законодатель и судья Христосъ, истинный Богъ, повелѣваетъ нами какъ и всѣми христіанами (Προοίμιον Эпанагоги въ изданіи Цахаріэ, стр. 64). Такимъ образомъ, закрѣпляется, такъ сказать, юридическій характеръ государственнаго строя. О правѣ и справедливости трактуетъ титулъ I нашего памятника. Онъ весь составленъ изъ извлеченій изъ пандектовъ, находящихся также въ книгѣ II, титулѣ 1 Василикъ, но не имѣющихся въ Прохиронѣ. Затѣмъ, въ титулѣ II излагается ученіе о царской власти. Здѣсь царская власть опредѣляется по существу. На это указываетъ и сдѣланная въ такъ называемой Epanagoge aucta прибавка къ заголовку этого титула. А именно, въ оффиціальной Эпанагогѣ титулъ озаглавленъ «περὶ βασιλέως», а въ Epanagoge aucta прибавлено: «Τί ἐστὶ βασιλεύς». Въ титулѣ III составители Эпанагоги помѣстили ученіе о патріаршей власти, какъ объ элементѣ государства, столь же необходимомъ, какъ и царская власть. Далѣе, въ титулахъ IV—VII излагается ученіе о различныхъ властяхъ управленія подчиненнаго, а въ титулахъ VIII—IX ученіе о церковныхъ властяхъ и должностяхъ священства и первосвятительства (περὶ τῶν ἐκκλησίᾳ ἱερατικῶν καὶ ἀρχιερατικῶν τελετῶν καὶ ἀποκληρώσεων). Подобная система принята, какъ свидѣтельствуютъ сами императоры, издавшіе Эпанагогу, для того, чтобы образно выразить существо

государственно-церковной организаціи. Съ этою цѣлью, послѣ устроенія управленія тѣломъ, т. е. государствомъ, организовано управленіе душею, т. е. церковное управленіе. Оба управленія сливаются въ одно цѣлое, подобно тому какъ государство сливается въ одно цѣлое съ церковью. Государство — матерія, церковь — форма[1]). Вотъ почему послѣ ученія о царѣ излагается ученіе о патріархѣ, а послѣ ученія о свѣтскихъ властяхъ ученіе о властяхъ и должностяхъ въ церкви.

Основы общественнаго строя Византіи указаны въ главѣ 7 титула III Эпанагоги, трактующаго о патріархѣ. «Такъ какъ», говорится въ этой главѣ, «государство, на подобіе человѣка, состоитъ изъ частей и членовъ, то наиважнѣйшими и необходимѣйшими членами являются царь и патріархъ, почему миръ и благоденствіе подданныхъ и зависятъ отъ единомыслія и согласія царской и патріаршей власти». Здѣсь царь и патріархъ разсматриваются, какъ двѣ равныя власти. Рѣчь, само собой разумѣется, идетъ о константинопольскомъ вселенскомъ патріархѣ. На это прямо указывается въ слѣдующей, 8-ой главѣ того же титула, гласящей, что изукрашенный царствомъ константинопольскій патріаршій престолъ признанъ соборными постановленіями первымъ, и что, согласно святымъ законамъ, на разрѣшеніе этого престола представляются возникшія въ другихъ патріархатахъ разногласія. Такимъ образомъ, византійскій общественный строй имѣетъ двухъ главъ — царя и патріарха. Первый управляетъ тѣломъ, второй душею. Оба суть τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη τῆς πολιτείας.

Разсмотримъ, какъ опредѣляетъ Эпанагога характеръ и задачу царской и патріаршей власти.

Царь разсматривается какъ законная главенствующая власть (ἔννομος ἐπιστασία), являющаяся общимъ для всѣхъ подданныхъ благомъ, не изъ ненависти наказующая, ниже по дружбѣ награждающая. Царь, какъ безпристрастный рѣшитель споровъ, воздаетъ каждому по его заслугамъ (Epanagoge II, 1). Въ то же самое время одною изъ главнѣйшихъ задачъ царской власти является сохраненіе и умноженіе общественныхъ силъ. Конечное назначеніе (τέλος) царской

---

1) Сравни Προοίμιον къ Эпанагогѣ въ изданіи Цахаріэ р. 64....... εἰκονικῶς τεθείκαμεν, μετὰ τὴν σωματοποίησιν οἱονεὶ τῆς πολιτείας ὥσπερ καὶ τὴν ψυχογονίαν συντάξαντες, ἤκαθάπερ ὕλῃ τῇ πολιτείᾳ τὸ εἶδος ἤγουν τὴν ἐκκλησίαν συντεθεικότες. Здѣсь ясно высказывается столь распространенное въ средніе вѣка воззрѣніе на отношеніе государства къ церкви, какъ на отношеніе тѣла къ душѣ, матеріи къ формѣ.

власти состоитъ въ томъ, чтобы творить добро, почему царь и называется благодѣтелемъ (εὐεργέτης). Когда дѣятельность царя относительно творенія добрыхъ дѣлъ ослабѣваетъ, то самая природа царской власти извращается (Epanagoge II, 2 и 3). Царь есть судія и хранитель божественнаго и свѣтскаго права, всего того, что написано въ священномъ писаніи, что установлено какъ догматъ семью вселенскими соборами и что опредѣлено римскими законами. Наконецъ, наиважнѣйшею обязанностью царя признается защита правовѣрія и благочестія. Составители Эпанагоги въ особенности останавливаются на этой сторонѣ царской власти. Въ главѣ 5 титула II подробно опредѣляется какъ царь долженъ вѣровать въ Святую Троицу, какъ исповѣдовать воплощеніе Господа Нашего Іисуса Христа и соединеніе во Христѣ двухъ природъ, божеской и человѣческой, и, соотвѣтственно этому, двухъ волей и двухъ потенцій. Царь между всѣми долженъ выдаваться своею ревностью о Богѣ.

И такъ, резюмируя сказанное, царь есть законодатель, высшій правитель и судія людямъ, а по отношенію къ церкви хранитель благочестія и правовѣрія. Царь, по отношенію къ подданнымъ, пользуется неограниченною властію, но власть эта находитъ предѣлъ въ религіозномъ и нравственномъ законѣ, установленномъ Верховнымъ Законодателемъ и Судіею, Христомъ.

Остальныя семь главъ II титула о царѣ заимствованы изъ пандектовъ, относятся главнымъ образомъ къ объясненію и примѣненію законовъ со стороны царя и болѣе или менѣе воспроизводятъ текстъ соотвѣтствующихъ пандектныхъ фрагментовъ. Замѣчательно только отклоненіе отъ пандектнаго текста въ главѣ седьмой. Глава эта составлена изъ двухъ пандектныхъ фрагментовъ, а именно изъ фрагмента 37 и 14 Dig. I, 3. Въ первомъ изъ этихъ фрагментовъ говорится: si de interpretatione legis quaeratur in primis inspiciendum est, quo jure civitas retro in ejusmodi casibus usa fuisset; optima enim est legum interpres consuetudo, а во второмъ: quod vero contra rationem juris receptum est, non est producendum ad consequentias. Составители Эпанагоги слили эти два фрагмента въ одну главу, причемъ выраженіе «contra rationem juris» замѣнили выраженіемъ «παρὰ κανόνας», т. е. противъ каноновъ, и изложили все правило слѣдующимъ образомъ: ἐν τῇ τῶν νόμων ἑρμηνείᾳ δεῖ καὶ τῇ συνηθείᾳ προσέχειν τῆς πόλεως· τὸ δὲ παρὰ κανόνας εἰσαγόμενον οὐκ ἐᾶται πρὸς ὑπόδειγμα, т. е. при объясненіи законовъ слѣдуетъ прибѣгать и къ обычаю, но то, что введено

въ противность канонамъ, не можетъ служить образцомъ. Такимъ образомъ, древній римскій юристъ Павелъ, изъ сочиненія котораго сдѣлано извлеченіе въ frag. 14. Dig. I, 3, говоритъ о томъ случаѣ, когда что либо установлено contra rationem juris, а составители Эпанагоги примѣнили это къ тому случаю, когда что либо введено въ противность канонамъ. Сдѣлано это ими не по простому непониманію значенія употребленнаго въ пандектахъ термина, а вполнѣ сознательно. Они хотѣли этимъ выразить, что правообразующая дѣятельность государства и общества не распространяется на область отношеній, регулируемыхъ церковью. Въ этой области каноны имѣютъ абсолютное значеніе: все, что введено закономъ или обычаемъ гражданскаго общества въ противность священнымъ правиламъ, не можетъ служить образцомъ. Мало того, составители Эпанагоги выразили этимъ еще ту мысль, что каноны церкви, въ качествѣ божественнаго закона, выше нормъ права свѣтскаго. Замѣчательно, что Василики приводятъ фрагментъ 14 D. I, 3 съ тѣмъ же измѣненіемъ, которое принято Эпанагогой (Bas. L. II, tit. 1, th. 24).

Такимъ образомъ, главы титула о царѣ, въ которыхъ опредѣляются основныя черты царской власти и выясняется существо сей послѣдней, написаны, такъ сказать, вновь. Ничего подобнаго мы въ римскихъ и греко-римскихъ памятникахъ, предшествовавшихъ Эпанагогѣ, не встрѣчаемъ. Только детальныя положенія о толкованіи и примѣненіи права царемъ Эпанагога заимствуетъ изъ пандектовъ, при чемъ, какъ мы сейчасъ видѣли, тамъ, гдѣ нужно, принципіально измѣняетъ первоначальный смыслъ этихъ положеній.

Титулъ о патріархѣ является вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ составителей Эпанагоги. Здѣсь ни одна глава не заимствована изъ предшествовавшихъ памятниковъ.

Высоко по Эпанагогѣ положеніе вселенскаго патріарха новаго Рима. Мы видѣли выше, что глава 8 титула III признаетъ патріарха членомъ церковно-государственной организаціи равнымъ царю. Въ такомъ же направленіи опредѣляется значеніе вселенскаго патріарха и другими главами разбираемаго нами титула. Патріархъ, говорится въ главѣ 1-ой этого титула, есть живой и одушевленный (ἔμψυχος) образъ Христа, дѣлами и словами выражающій истину. Затѣмъ въ послѣдующихъ главахъ, подобно тому, какъ это дѣлается въ титулѣ II относительно царской власти, опредѣляются обязанности, цѣли и свойства патріаршей власти. Обязанностью патріаршей власти при-

знается: во первыхъ, сохранять въ благочестіи и нравственной строгости жизни ввѣренныхъ ему отъ Бога людей, затѣмъ всѣхъ еретиковъ (а еретиками, какъ въ законахъ, такъ и въ канонахъ называются и тѣ, которые не имѣютъ общенія съ каѳолическою церковью), насколько возможно, обращать къ православію и единенію съ церковью, и, наконецъ, невѣрныхъ посредствомъ увлеченія свѣтлымъ и чуднымъ своимъ дѣяніемъ сдѣлать подражателями вѣры (Epanagoge III, 2). Цѣлью существованія патріаршей власти выставляется Эпанагогой спасеніе ввѣренныхъ патріарху душъ, жизнь во Христѣ и сораспинаніе міру (Epanagoge eodem titulo. 3). Свойства патріаршей власти опредѣляются слѣдующимъ образомъ: патріарху свойственно быть учительнымъ, ко всѣмъ относиться одинаково, какъ къ высокимъ, такъ и смиреннымъ, быть кроткимъ при отправленіи правосудія, обличительнымъ относительно непокоряющихся, въ защиту же правды и догматовъ говорить, не смущаясь, предъ лицемъ царя.

Подобно тому, какъ царю принадлежитъ толкованіе нормъ права, патріарху, и только ему, принадлежитъ истолкованіе правилъ, установленныхъ святыми отцами и святыми соборами (Epanagoge ibidem 5). Эпанагога, въ главахъ 6 и 7 титула III, устанавливаетъ детальныя правила относительно толкованія и примѣненія каноновъ патріархомъ.

Все только что изложенное относится къ вселенскому патріарху новаго Рима. Другіе патріархи не имѣютъ того значенія, которое усвоено Эпанагогой константинопольскому (τῷ κωνσταντινουπόλεως προέδρῳ). Остальные патріархи суть только *мѣстные іерархи*. Они такъ и называются въ Эпанагогѣ. «Забота и попеченіе о всѣхъ метрополіяхъ и епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ», говорится въ главѣ 10 титула III, «а также судъ и преданіе суду и освобожденіе отъ суда принадлежатъ мѣстному патріарху (τῷ οἰκείῳ πατριάρχῃ ἀνάκειται), константинопольскому же предстоятелю дозволено и въ предѣлахъ другихъ престоловъ не только давать ставропигіи, но и наблюдать и исправлять возникающія разногласія и полагать предѣлы судамъ». Такимъ образомъ, вселенскій патріархъ, въ отличіе отъ другихъ патріарховъ, имѣетъ право наблюденія и суда во всѣхъ патріархатахъ. Согласно главѣ 2 титула III онъ является единственнымъ и исключительнымъ судьею и посредникомъ во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ покаянію и обращенію отъ грѣховъ и ересей. Слѣдовательно, онъ признается какъ бы патріархомъ надъ патріархами.

Идеи, нашедшія выраженія во введеніи къ Эпанагогѣ и въ только что приведенныхъ положеніяхъ, суть слѣдующія. Верховнымъ законодателемъ, судіею и правителемъ церковно-государственнаго организма является самъ Господь Іисусъ Христосъ. Органами и представителями его на землѣ являются царь и патріархъ. Царь управляетъ мірскимъ обществомъ по законамъ. Царь устанавливаетъ законы и толкуетъ ихъ. Законы не могутъ противорѣчить канонамъ. Царь не устанавливаетъ догматовъ. Напротивъ того, его законодательная власть находитъ предѣлъ въ догматахъ и канонахъ. Эпанагога прямо указываетъ, какъ царь долженъ вѣровать и что онъ долженъ исповѣдовать. Относительно церкви онъ является покровителемъ, блюстителемъ правовѣрія и хранителемъ догматовъ (въ смыслѣ ихъ неизмѣняемости). Патріархъ управляетъ церковью на основаніи каноновъ. Ему принадлежитъ исключительное право толкованія сихъ послѣднихъ. Онъ долженъ безбоязненно свидѣтельствовать объ истинѣ даже предъ царемъ. Церковно-государственное общество управляется совмѣстною и находящеюся въ единомысліи и единодушіи дѣятельностью царя и патріарха.

Подобное опредѣленіе отношеній царя къ патріарху и церкви не соотвѣтствовало прежнимъ византійскимъ традиціямъ, въ особенности тѣмъ, которыя выработались въ періодъ иконоборцевъ. Императоры-иконоборцы законами опредѣляли догматы и ученія церкви. Такъ, Левъ Исавръ указомъ отмѣняетъ поклоненіе св. иконамъ [1]). Онъ считаетъ себя облеченнымъ священствомъ [2]). Эпанагога иначе смотритъ на царя. Царь участвуетъ во внѣшнемъ управленіи церковью, онъ охраняетъ догматы, но онъ не имѣетъ священства. Опредѣленіе отношенія царства къ священству въ Эпанагогѣ скорѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, которыя выражены въ обличительномъ посланіи папы Григорія II къ Льву Исавру, чѣмъ прежнимъ византійскимъ традиціямъ [3]).

---

1) Anastas. Vitae c. 90. Iussionibus... missis decreverat imperator (т. е. Левъ Исавръ), ut nulla imago cujuslibet sancti aut martyris aut angeli ubicunque haberetur. Сравни Zachariae v. Lingenthal, Gesch. des griechisch-römischen Rechts. 3-te Ausgabe. 1892. p. 16.

2) Въ письмѣ къ папѣ Григорію II Левъ Исавръ пишетъ: познай, о папа, что я царь и священникъ въ одномъ лицѣ. Ср. Mansi, Collectio conciliorum, T. XII, p. 976 sequentes.

3) Папа пишетъ Льву Исавру: Твой грубый умъ воина вполнѣ достаточенъ для управленія государствомъ, но онъ недостаточенъ для дѣлъ духовныхъ. — Подобно тому, какъ первосвященникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дворцовыя дѣла, и

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, кого слѣдуетъ считать авторомъ только что изложеннаго ученія о царской и патріаршей власти и теоріи дуализма въ церковно-государственной организаціи Византіи. Уже Цахаріэ въ пролегоменахъ къ изданію Прохирона (p. LXXXIII) высказываетъ предположеніе, что извѣстный патріархъ Фотій принималъ участіе въ составленіи Эпанагоги. Такого же мнѣнія придерживается и Гергенрётеръ въ своемъ сочиненіи о патріархѣ Фотіѣ (Hergenröther, Photius. B. II, Seite 589). И въ дѣйствительности, въ одной изъ рукописей (Codex Bodlejanus 173 двѣнадцатаго вѣка) такъ называемой Epitome legum въ 50 титулахъ, частнаго сборника, составленнаго въ первый годъ царствованія Романа Лакапена, находятся двѣ схоліи къ главѣ 28 титула I, воспроизводящія слово въ слово [1]) содержаніе главъ 1 и 2 титула II Эпанагоги, трактующихъ о характерѣ и задачахъ царской власти, и приписанныя Фотію. При этомъ, Фотій опредѣлилъ и обрисовалъ царскую власть согласно тому воззрѣнію на эту власть, которое установилось въ твореніяхъ св. отцевъ и учителей церкви. Самыя слова, которыми начинается въ Эпанагогѣ опредѣленіе царской власти, а именно «βασιλεύς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία» заимствованы изъ слова Василія Великаго на псаломъ XXXII [2]), гдѣ читаемъ: ὡρίσαντο δέ τινες βασιλείαν εἶναι τὴν ἔννομον ἐπιστασίαν, ἢ τὴν ἐπὶ πᾶσιν ἀρχὴν ἀνυπεύθυνον ἁμαρτίᾳ. Какъ мы видѣли выше, царь является общимъ благомъ для всѣхъ подданныхъ, законною, т. е. дѣйствующею и управляющею на основаніи законовъ (ἔννομος) властью. Въ этомъ же смыслѣ употребляютъ и отцы церкви квалификацію «ἔννομος» относительно царской власти. Максимъ Исповѣдникъ, приводя опредѣленіе царской власти, данное Василіемъ Великимъ, такъ объясняетъ это опредѣленіе: «Царство есть законное государство, а потому издаваемыя царемъ, достойнымъ этого имени, повелѣнія вполнѣ заключаютъ въ себѣ элементъ правомѣрный, а именно тѣ повелѣнія, кото-

---

ты не долженъ вторгаться въ область церкви.... Каждый изъ насъ да останется при томъ признаніи, которое опредѣлилъ ему Господь. Gfrörer, Byzantinische Geschichten. Band II, Seite 305.

1) Только окончаніе первой схоліи представляетъ незначительный варіантъ сравнительно съ окончаніемъ главы 1 титула II Эпанагоги. Схолія оканчивается слѣдующимъ образомъ.... ἀλλ' ἀναλόγως τοῖς τῶν ἀρχομένων ἀρεταῖς ὥσπερ τις ἀγωνοθέτης τὰ βραβεῖα παρεχόμενος, а соотвѣтствующее мѣсто Эпанагоги такъ.... ἀλλ' ἀνάλογός τις ἀγωνοθέτης τὰ βραβεῖα παρεχόμενος.

2) Сравни Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. XXIX, col. 345.

рыя обращены къ общему всѣмъ благу, а не тѣ, которыя изданы въ виду личной пользы. А именно, этимъ-то и отличается тиранъ отъ царя, что первый имѣетъ въ виду всегда собственный интересъ, а второй печется о пользѣ управляемыхъ»[1]). Въ этомъ выясненіи существа царской власти съ одной стороны сказалось близкое знакомство съ ученіемъ Аристотеля о правомѣрныхъ и неправомѣрныхъ, нормальныхъ и анормальныхъ формахъ правленія, а съ другой стороны вполнѣ ясно обрисованъ христіанскій идеалъ царя, несущаго великое служеніе передъ Господомъ въ постоянномъ попеченіи о благѣ ввѣренныхъ ему людей. И вотъ этотъ давно сложившійся въ церкви идеалъ царя и положенъ въ основу главы 3 титула II Эпанагоги, гдѣ задачею царской власти выставляется твореніе блага подданнымъ, почему царь и называется благодѣтелемъ. «По мнѣнію древнихъ», говоритъ Эпанагога, «самая природа царской власти извращается, когда дѣятельность царя относительно творенія добрыхъ дѣлъ ослабѣваетъ». Авторомъ этой главы Эпанагоги, какъ то засвидѣтельствовано схоліей 2 къ главѣ 28 титула I Epitome legum въ 50 титулахъ, является Фотій, выразившій здѣсь древне-церковныя воззрѣнія на царскую власть.

Что касается находящагося въ Эпанагогѣ опредѣленія отношенія царской власти къ власти патріарха, то оно можетъ также безошибочно быть приписано Фотію. Права и обязанности патріарха опредѣлены въ Эпанагогѣ совершенно соотвѣтственно стремленіямъ и характеру Фотія. Дѣйствуя въ полномъ единомысліи и единодушіи съ возстановившемъ его въ патріаршемъ санѣ императоромъ, Фотій тѣмъ не менѣе стремится къ обоснованію самостоятельности патріаршей власти въ дѣлахъ церковныхъ; даже болѣе, онъ старался пріобрѣсти вліяніе и на свѣтскія дѣла, такъ что ему сдѣланъ даже былъ упрекъ въ томъ, что онъ желалъ присвоить себѣ свѣтскую власть[2]). Въ особенности ревностно стоялъ Фотій за то право учительства,

---

1) Migne, Patr. cursus comp., ser. graeca. T. XCI, col. 776. Maximus Confessor, sermo IX: Βασιλείου. Βασιλεία ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία. Αἱ οὖν παρὰ βασιλέως διδόμεναι ὑποθῆκαι, τοῦ γε ἀληθῶς τῆς προσηγορίας ταύτης ἀξίου, πολὺ τὸ νόμιμον ἔχουσι, τὸ κοινῇ πᾶσι λυσιτελὲς σκοποῦσαι, καὶ οὐχὶ πρὸς τὸν σκοπὸν τῆς ἰδίας ὠφελείας συντεταγμέναι. Τοῦτο γὰρ διαφέρει τύραννος βασιλέως ὅτι ὁ μὲν τὸ ἑαυτοῦ πανταχόθεν σκοπεῖ· ὁ δέ, τὸ τοῖς ἀρχομένοις ὠφέλιμον ἐκπορίζει.

2) Stylian. epist. 1 ad Steph. (Mansi, Coll. Max. Conc. XVI, 432) καὶ πολιτικὰς φροντίδας εἰς ἑαυτὸν ἀνελάβετο καὶ οὕτω καὶ αὐτὴν τὴν βασίλειον ἐξουσίαν ὑφαρπάσαι ἐπειρᾶτο. Ср. Hergenröther, Photius, II, p. 589, прим. 98.

обличенія и вѣщанія истины передъ царями въ защиту догматовъ, правды и благочестія, о которомъ говоритъ Эпанагога въ главѣ 4-ой титула III. Фотій принципіально признавалъ за патріархомъ это право, обосновывая его указаніемъ на то, что, если грѣхи князей и властей остаются безъ обличенія, то народъ легко впадаетъ въ соблазнъ подражанія имъ, а, при достаточномъ обличеніи главенствующихъ лицъ, онъ, т. е. народъ, воздерживается отъ зла[1]). Николай Мистикъ, ученикъ Фотія, черезъ десять лѣтъ послѣ него занявшій патріаршій престолъ, въ спорѣ съ императоромъ Львомъ Мудрымъ по поводу заключенія симъ послѣднимъ четвертаго брака, дѣйствительно проявляетъ эту власть учительства и обличенія. Онъ выражается почти словами Фотія и утверждаетъ, что никто не будетъ соблюдать законы, когда императоръ самъ столь противозаконно дѣйствуетъ. При этомъ патріархъ настаиваетъ на правомѣрномъ характерѣ царской власти. «Царь», говоритъ онъ, «называется неписаннымъ закономъ не потому, чтобы онъ творилъ беззаконія, а потому что онъ долженъ быть въ своихъ неписанныхъ дѣяніяхъ таковымъ, каковъ писанный законъ (ἀλλ' ὥστε τοιοῦτον εἶναι διὰ τῶν ἔργων αὐτοῦ τῶν ἀγράφων, οἷος ὁ νόμος ὁ ἔγγραφος»)[2]). Все это въ духѣ Фотія и Эпанагоги. Равнымъ образомъ, идея равноправности священства съ царствомъ, столь ясно выраженная въ Эпанагогѣ, проглядываетъ и въ грамотѣ отрѣченія отъ патріаршества Николая Мистика[3]), этого ученика Фотія. Здѣсь прежде всего говорится, что великій и небесный сей даръ (т. е. патріаршая власть) полученъ отрекающимся исключительно божіею милостью[4]), а затѣмъ указывается на то, что патріархъ покидаетъ свой престолъ, вынужденный къ тому дѣяніями царя, ставящими его, т. е. патріарха, въ невозможность управлять церковью. Но архіерейства отрекающійся патріархъ съ себя не слагаетъ (μὴ τῆς θείας ἐξιστάμενος ἀρχιερωσύνης). Съ теченіемъ времени принципъ равноправности патріаршей власти съ царскою, не смотря на то, что въ дѣйствительности священство въ Византіи все болѣе и болѣе подчинялось царству, признанъ былъ основнымъ началомъ византійскаго государственнаго и церковнаго строя. Явныя отступленія отъ этого начала

1) Amph. q. 308, гдѣ разбирается вопросъ, почему Предтеча Господенъ порицалъ Ирода.

2) Hergenröther, Photius. B. III, Seite 657 и 658.

3) Lambros, Abdankungsurkunde des Patriarchen Nicolaos Mysticos въ Byzantinische Zeitschrift. B. I. Heft 3—4, Seite 551.

4) Μόνῃ χάριτι θείᾳ τὸ μέγα τοῦτο καὶ οὐράνιον δώρημα λαβών.

разсматривались какъ нарушенія божескаго закона. Такъ смотрѣли, напр., на указъ императора Никифора Фоки, повелѣвшаго, чтобы ни одно церковное дѣло не рѣшалось безъ окончательнаго утвержденія царемъ [1]). Когда затѣмъ, по убіеніи Никифора Фоки въ 969 году, Іоаннъ Цимисхій сталъ требовать отъ патріарха Поліевкта коронованія, сей послѣдній заявилъ, что Іоаннъ не можетъ войти въ церковь, прежде чѣмъ не накажетъ убійцъ Фоки и *не отмѣнитъ указа сего послѣдняго о духовныхъ дѣлахъ*. Только послѣ того, какъ Цимисхій согласился на эти условія, онъ былъ коронованъ патріархомъ. По смерти Поліевкта Цимисхій, въ рѣчи, произнесенной имъ по поводу замѣщенія патріаршаго престола, разграничиваетъ область царства и священства согласно началамъ, установленнымъ въ Эпанагогѣ. Творецъ, по словамъ Цимисхія, вручилъ управленіе тѣломъ царству, а попеченіе о душахъ священству во сохраненіе частей и во спасеніе цѣлаго [2]). Впрочемъ, и Эпанагога и позднѣйшее правосознаніе признаютъ за православнымъ царемъ извѣстныя правомочія въ церковныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ внѣшняго церковнаго строительства царь пользуется правомъ наблюденія, руководительства и утвержденія.

Наконецъ, столь ясно и опредѣленно высказанное въ Эпанагогѣ воззрѣніе о томъ, что царь и патріархъ суть равно необходимые члены церковно-государственнаго тѣла, подтверждается и въ позднѣйшихъ византійскихъ церковно-юридическихъ памятникахъ. Такъ, въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Антонія IV къ великому князю Василію Дмитріевичу (Acta patriarch. Constantinop. t. II, p. 188 и 192) [3]) говорится, что для христіанъ невозможно имѣть церковь и не имѣть царя.

Мы видѣли выше, что, въ главѣ о патріархѣ, Эпанагога опредѣляетъ, собственно говоря, не власть патріарха вообще, а власть константинопольскаго патріарха, возвышая его надъ всѣми другими.

1) Leo Diaconus VI, 4, p. 98—99 (у Hergenröther'a, Photius III, 717). Ὁ γὰρ Νικηφόρος, εἴτε τὰ θεῖα πρός τινων τῶν ἱερέων κινούμενα βουλόμενος διορθοῦν, ὡς ᾤετο, εἴτε κατεξουσιάζειν καὶ τῶν ἱερῶν, ὅπερ ἔκσπονδον ἦν, τόμον σχεδιάσαι τοὺς ἱεράρχας κατεβιάσατο, μήτι τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων ἐκτὸς τῆς ἐκείνου ῥοπῆς ἐνεργεῖν.

2) Leo Diaconus VI, 7, p. 101 и 102. Δύο ἀρχὰς τὰς ἐν τῷδε τῷ βίῳ γινώσκω καὶ τῇ κάτω περιφορᾷ, ἱερωσύνην καὶ βασιλείαν, ὧν τῇ μὲν τὴν τῶν ψυχῶν ἐπιμέλειαν, τῇ δὲ τὴν τῶν σωμάτων κυβέρνησιν ἐνεχείρισεν ὁ δημιουργός, ὡς ἂν μὴ τούτων χωλεύσοιτο μέρος, ἄρτιόν τε καὶ ὁλόκληρον διασώζοιτο.

3) А также русская историческая библіотека. т. VI, стр. 265—276.

Это вполнѣ соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ Фотія, раздѣлявшаго сложившееся тогда въ Византіи мнѣніе о перенесеніи вмѣстѣ съ царствомъ не только всѣхъ преимуществъ въ области политической, но и въ области церковной со стараго Рима на новый [1]). Патріархъ Константинополя потому является первенствующимъ, что онъ занимаетъ святительскій престолъ города, изукрашеннаго царствомъ. Тотъ же мотивъ приводится и въ Эпанагогѣ для обоснованія примата константинопольскаго патріарха. Слѣдовательно, и здѣсь нашли себѣ въ Эпанагогѣ выраженіе убѣжденія и воззрѣнія Фотія, котораго его приверженцы называли патріархомъ патріарховъ и первосвященникомъ первосвященниковъ [2]). Такой взглядъ есть своеобразное воззрѣніе Фотія и его приверженцевъ. Вообще у грековъ преобладало иное воззрѣніе, согласно которому всѣ пять патріарховъ считались равными другъ другу. Греки сравнивали церковь съ тѣломъ человѣка, а пять патріарховъ съ пятью чувствами. Въ этомъ смыслѣ Ѳеодоръ Студитъ и говоритъ о «τὸ πενταχόρυφον σῶμα τῆς ἐκκλησίας» [3]). Съ теченіемъ времени, однако, на востокѣ все болѣе и болѣе признается первенство *вселенскаго* константинопольскаго патріарха.

Послѣдующее время развиваетъ начала, изложенныя Фотіемъ въ Эпанагогѣ. Византія является церковно - государственнымъ тѣломъ съ двумя главами — *вселенскимъ патріархомъ и вселенскимъ царемъ*. По воззрѣнію грековъ, это церковно - государственное тѣло постепенно должно обнять собою весь православный міръ, а вселенскій патріархъ и вселенскій царь должны стать въ дѣйствительности патріархомъ и царемъ всѣхъ православныхъ христіанъ во всей вселенной. Правители другихъ странъ и народовъ православныхъ никогда не могутъ сравниться по достоинству и правамъ относительно церкви съ святымъ царемъ самодержцемъ «пекущимся о внѣшнемъ строительствѣ церкви во всей вселенной». Они суть только мѣст-

1) Amph. q. 134 c. τῆς παλαιᾶς Ῥώμης ἡ νέα τὸν κλῆρον ὑπῆλθε καὶ κοινὸν ἐκτήσατο τὸ κράτος.

2) Сравни Libellus episcop. in Act. II Conc. VIII y Mansi, Coll. Max. Conc. XVI, p. 39. О такихъ воззрѣніяхъ Фотія и его приверженцевъ говоритъ и папа Николай въ посланіи 70 къ Гинкмару: Sed quid mirum si hoc isti praetendunt, cum etiam glorientur atque perhibeant, quando de Romana urbe Imperatores Constantinopolim sunt translati, tunc et primatum Romanae sedis ad Constantinopolitanam ecclesiam transmigrasse, et cum dignitatibus regiis etiam Ecclesiae Romanae privilegia translata fuisse, ita ut ejusdem invasor ecclesiae Photius etiam ipse se in scriptis suis archiepiscopum atque universalem patriarcham apellet.

3) Сравни Hergenröther, Photius, II, p. 143.

ные властители и въ области церковныхъ дѣлъ воля ихъ должна подчиняться вселенской волѣ святаго самодержца. Прекрасно развиты и мотивированы эти положенія въ упомянутой уже нами грамотѣ Антонія IV къ великому князю Василію Дмитріевичу. «Съ огорченіемъ слышу еще», пишетъ патріархъ великому князю [1]), «что твоимъ благородіемъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорятъ, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ. . . . . . Это нехорошо. *Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи.* Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, *своими постановленіями* опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій». И такъ, цари издаютъ обязательные для всего православнаго міра законы въ дѣлахъ церковныхъ, поддерживаютъ во всей вселенной церковное благочиніе и опредѣляютъ границы митрополичьихъ округовъ и епархій во всемъ православномъ мірѣ. Въ этомъ направленіи проявлялась дѣятельность греческихъ царей и относительно Россіи. Такъ, императоръ Іоаннъ Кантакузинъ хрисовулломъ 1347 года [2]) присоединяетъ епископіи галицкой митрополіи къ кіевской. Равнымъ образомъ, только византійскій императоръ получаетъ поставленіе отъ церкви на царство. Въ той же грамотѣ патріарха Антонія IV къ великому князю Василію Дмитріевичу говорится [3]): «И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ тоже самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мvромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей и мѣстныхъ властителей». Собственно говоря, только повелитель

1) Сравни Русск. истор. библіотека, изд. Арх. Коммиссіею, томъ VI, стр. 272 приложеній.

2) Русск. истор. библютека, т. VI, стр. 14 приложеній.

3) l. c., стр. 272 сл.

Ромеевъ можетъ считаться Богомъ даннымъ христіанству царемъ. По этому поводу Антоній IV разсуждаетъ въ грамотѣ къ Василію Дмитріевичу слѣдующимъ образомъ [1]): «Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтеся, царя чтите», не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но — «царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной». Именующихся царями у различныхъ народовъ Антоній считаетъ узурпаторами. «Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія». Общее опредѣленіе царской власти по ея отношенію къ церкви дается въ грамотѣ въ выраженіяхъ, весьма близко подходящихъ къ тѣмъ, съ которыми встрѣчаемся въ Эпанагогѣ. «Высочайшій и святой мой самодержецъ», говоритъ Антоній, «благодатію Божіею есть православнѣйшій и вѣрнѣйшій поборникъ, защитникъ и отмститель церкви». Царская византійская власть соединена органическою связью съ *вселенскою* церковью. Всѣ народы, принимающіе христіанство, должны въ то же время признать и власть царя. «И такъ», пишетъ Антоній Василію Дмитріевичу, «нѣтъ ничего хорошаго, сынъ мой, если ты говоришь: «мы имѣемъ церковь, а не царя». Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга».

Значеніе патріаршей власти опредѣляется въ грамотѣ Антонія IV во всемъ согласно съ началами Эпанагоги. Прежде всего патріархъ есть живой образъ Христа. «Ужели ты не знаешь», пишетъ Антоній Василію Дмитріевичу [2]), «что патріархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ котораго и посаждается на владычнемъ престолѣ. . . . . По этому, сынъ мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтилъ патріарха, какъ самого Христа». Далѣе, право учительства, обличенія и вѣщанія истины принадлежитъ вселенскому патріарху относительно всего христіанскаго міра. «Ибо», говорится въ грамотѣ [3]), «мы блюстители божественныхъ законовъ и каноновъ, и обязаны такъ дѣйствовать по отношенію ко всѣмъ христіанамъ, въ особенности же по отношенію къ великимъ людямъ — князьямъ народовъ и мѣстнымъ

1) Русск. истор. библіотека, l. c., стр. 276 приложеній.
2) Русск. истор. библіотека, l. c., стр. 270 приложеній.
3) Русск. истор. библіотека, т. II, стр. 268 сл. приложеній.

властителямъ, каково твое благородіе. . . . . А какъ я поставленъ всеобщимъ учителемъ для всѣхъ христіанъ, то на мнѣ лежитъ непремѣнный долгъ, въ случаѣ, когда услышу о твоемъ благородіи что либо такое, что вредитъ твоей душѣ, писать тебѣ объ этомъ, какъ твой отецъ и учитель, наставляя и убѣждая тебя къ исправленію». Наконецъ, въ грамотѣ Антонію, патріархъ дѣйствуетъ постоянно въ единомысліи и согласіи съ царемъ[1]), совершенно такъ, какъ того требуетъ Эпанагога.

Что постановленія Эпанагоги, относящіяся къ царской и патріаршей власти, считались вплоть до паденія восточной римской имперіи дѣйствующимъ правомъ, видно изъ того обстоятельства, что они включены, какъ мы видѣли выше, во всѣ юридическіе сборники и компендіумы, возникшіе между X и XV столѣтіями. Въ особенности интересно для насъ включеніе этихъ положеній въ синопсисы Василикъ. Составители этихъ синопсисовъ имѣли въ виду изложить въ сокращенномъ видѣ и въ алфавитномъ порядкѣ содержащійся въ Василикахъ правовой матеріалъ и сдѣлать его такимъ образомъ болѣе доступнымъ для примѣненія въ судахъ. Но уже въ т. н. Большой Синопсисъ въ видѣ примѣчаній и схолій къ тексту внесены были правоположенія, не находящіяся въ Василикахъ, но содержащіяся въ другихъ дѣйствовавшихъ тогда источникахъ права. Такъ и положенія Эпанагоги о царѣ и патріархѣ приписаны на поляхъ лейпцигскаго университетскаго и парижскаго № 1351 списковъ Большаго Синопсиса. Гораздо позже составленный т. н. Малый Синопсисъ излагаетъ въ текстѣ, на ряду съ другими правоположеніями, постановленія Эпанагоги о царѣ и патріархѣ. Весьма важно для дальнѣйшаго развитія византійскаго церковно-государственнаго права было, далѣе, внесеніе разбираемыхъ нами постановленій въ синтагму Властаря, пользовавшуюся большимъ авторитетомъ у грековъ и въ позднѣйшее, слѣдовавшее за взятіемъ турками Константинополя время[2]). Замѣчательно, что во всѣ эти сборники внесены главнымъ образомъ тѣ положенія Эпанагоги о царской и патріаршей власти, коими опредѣляется существо этихъ властей, и опущены положенія, имѣющія

1) Ibidem. Съ своей стороны наша мѣрность, посовѣтовавшись съ высочайшимъ и святымъ моимъ самодержцемъ.

2) Въ правилахъ о царской и патріаршей власти, присланныхъ четырьмя вселенскими патріархами царю Алексѣю Михайловичу, синтагма называется книгой всеправильной великія церкве.

детальный характеръ. Въ особенности интересно включеніе въ упомянутые сборники главы 8 титула III Эпанагоги, опредѣляющей дуалистическій характеръ византійскаго государства и сливающей въ одно единое тѣло церковное и политическое общество. Мы видѣли выше, что эта глава послужила отправною точкою для ученія о вселенскомъ характерѣ царства Ромеевъ. Церковь вселенская, а слѣдовательно и сливающееся съ ней царство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ вселенскимъ царствомъ. Рядомъ съ вселенскимъ патріархомъ ясно рисуется величественный обликъ вселенскаго царя, повелителя всѣхъ православныхъ отъ моря и до моря. Царство такъ же вѣчно, какъ и священство. Взятіемъ невѣрными Константинополя не могла быть упразднена самая царская власть. Благодать Божія съ необходимостью должна была опочить на новыхъ избранникахъ и помазанникахъ. Эти новые избранники должны заступить мѣсто древнихъ святыхъ греческихъ самодержцевъ и занять по отношенію къ *вселенской* церкви то положеніе, которое занимали цари Ромеевъ. Вотъ та филіація идей, которая привела самихъ грековъ къ перенесенію представленія о вселенскомъ царѣ самодержцѣ на московскихъ властителей. — Процессъ послѣдовательнаго усвоенія византійскихъ представленій о царской власти московскою Русью въ XV и XVI столѣтіяхъ обстоятельно разъясненъ въ послѣднее время г. Дьяконовымъ въ его изслѣдованіи о власти московскихъ государей. Въ виду этого въ послѣдующемъ изложеніи мы не займемся подробно исторіей этого усвоенія, а остановимся на исторіи греческихъ вліяній въ XVII вѣкѣ и на явленіяхъ и фактахъ свидѣтельствующихъ, что и ученіе о власти вселенскаго патріарха и отношеніи этой власти къ власти царской, въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлилось въ Эпанагогѣ и позднѣйшихъ памятникахъ византійскаго права, проникло также въ Россію.

Въ 1561 году вѣнчавшійся еще въ 1547 году на царство великій князь московскій Іоаннъ IV былъ утвержденъ въ санѣ царя соборною грамотою вселенскаго патріарха Іоасафа и духовенства восточной церкви. Въ этой грамотѣ царь московскій разсматривается какъ состоящій въ томъ же отношеніи къ церкви, въ которомъ состояли прежде греческіе цари. Замѣчательно, что патріархъ и соборъ называютъ Іоанна своимъ царемъ. «Сеже», читаемъ въ современномъ переводѣ грамоты, «сія наша благочестная грамота непоколебима и тверда дана, еже благочестивому, боговенчанному и христолюбивому

Царю нашему Господину Ивану»[1]). При этомъ, какъ видно изъ приведеннаго мѣста, церковь величаетъ его такъ, какъ величали греческихъ царей: благочестивымъ, боговѣнчаннымъ и христолюбивымъ. Далѣе, изъ предшествовавшихъ соборному дѣянію переговоровъ и сношеній видно, что, по настоянію Іоанна, имя его стало поминаться во всемъ православномъ мірѣ: точь въ точь, какъ прежде поминалось имя византійскихъ царей. А именно царь обращается къ патріарху съ слѣдующею просьбою: «И ты бъ молилъ Господа Бога и пречистую Его Матерь и святыхъ великихъ чюдотворцовъ о нашемъ здравье и спасеніи, и о нашей Царице, Великой Княгинѣ Анастасие, и о нашемъ сыне Царевиче Іване, и о устроеніи всего православнаго крестьянства и еже избавитися намъ ото всякихъ врагъ, и помощи Божией сподобитися противу крестіянскихъ враговъ, а иже во блаженной памяти отшедшихъ родителей нашихъ... написалъ в синодикъ и поминалъ ихъ во вседневныхъ службахъ»[2]). Патріархъ отвѣчаетъ: «А ныне Царствие твое пишетъ к намъ о семъ: соборне молити и поминати приснопамятныхъ твоихъ родителей; и в соборной великой церкви написали имя твое и по воскресениемъ соборне молятъ и поминаютъ *со прежъ бывшихъ царей православныхъ*, и впередъ поминанье ваше не престанетъ вѣчно і тезоподобиемъ совѣтуемъ в западныхъ странахъ молити имъ и поминати о православныхъ душахъ, идѣ же есть пресвященный митрополитъ, *и архиерѣемъ всѣмъ приказываемъ молити и поминати в митропольяхъ своихъ вездѣ и имя твое написати въ соборнике*»[3]).

Такимъ образомъ опредѣлилось отношеніе московскаго царя къ вселенской церкви и къ вселенскому патріарху. Московскій царь занялъ мѣсто царя греческаго. Но для того, чтобы въ организаціи московскаго царства вполнѣ воспроизведена была организація святаго греческаго царства, необходимо было, чтобы на Москвѣ былъ свой патріархъ. И вотъ, царствованіе Ѳеодора Іоанновича ознаменовалось учрежденіемъ на Москвѣ патріаршества. Съ этихъ поръ и на Москвѣ имѣлись на лицо тѣ «τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη τῆς πολιτείας», о которыхъ говоритъ глава 8 титула III-го Эпанагоги. Были и

1) Оболенскій, Соборная грамота духовенства восточной церкви, утверждающая санъ царя за Іоанномъ IV. Москва 1850, стр. 24. Ibidem, стр. 13, въ греческомъ подлинникѣ читаемъ «καὶ ἐπεδόθη (τὸ γράμμα) τῷ εὐσεβεστάτῳ etc... βασιλεῖ ἡμῶν.... — Ср. объ этой грамотѣ Regel, Analecta byzantino-russica. Petropoli. 1891, стр. LI сл., 75 сл.

2) Оболенскій, Соборная грамота, стр. 32.

3) Ibidem, стр. 36.

попытки перенесенія вселенскаго патріаршаго престола въ Москву. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по совѣщаніи съ царицей и боярами, поручилъ Годунову предложить прибывшему въ Москву вселенскому патріарху Іереміи быть на Владимірскомъ и всея Руси патріаршествѣ, и только то обстоятельство, что Іеремія не захотѣлъ резидировать въ Владимірѣ, а пожелалъ пребывать на Москвѣ, помѣшало осуществленію этого плана [1]). Что здѣсь дѣло шло не о простомъ перемѣщеніи Іереміи съ цареградскаго патріаршества на московское, видно уже изъ того обстоятельства, что Іеремія мотивомъ того, что ему во Владимірѣ быть невозможно, указывалъ на то, что «патріархи всегда бываютъ при государѣ, а то что за патріаршество, что жить не при государѣ». Іеремія не могъ бы говорить такъ, если бы разсматривалъ московское патріаршество, какъ мѣстное. Вѣдь и въ старину трое изъ восточныхъ патріарховъ не жили при греческихъ царяхъ. При нихъ жилъ только вселенскій патріархъ, въ свою очередь считавшійся старшимъ изъ патріарховъ потому, что онъ занималъ святительскій престолъ «изукрашеннаго», по выраженію Эпанагоги, «царствомъ города». По завоеваніи турками Константинополя, вселенское царство было перенесено изъ Цареграда въ Москву, туда же должно было быть перенесено и вселенское патріаршество.

Хотя, такимъ образомъ, вселенское патріаршество не было перенесено на Москву, а московскій патріархъ былъ признанъ только пятымъ патріархомъ и ему вмѣнено было въ обязанность ставленною грамотою восточныхъ патріарховъ *первый имѣти и непщевати апостольскій престолъ константинопольскій* [2]), тѣмъ не менѣе значеніе его совсѣмъ иное чѣмъ другихъ мѣстныхъ патріарховъ. Онъ патріархъ изукрашеннаго царствомъ города Москвы, третьяго Рима, патріархъ, пребывающій при вселенскомъ царѣ.

Интересно, для характеристики воззрѣній на царскую власть и отношеніе патріарха къ царю, помѣщенное въ печатной Кормчей сказаніе іерусалимскаго патріарха Ѳеофана о поставленіи патріаршемъ Филарета Никитича. Про царя Михаила Ѳеодоровича Ѳеофанъ говоритъ «на негоже яко на древнихъ православныхъ греческихъ царей зря, возвеселися духъ мой зѣло» и высказываетъ желаніе «еще и враговъ святыя нашея вѣры покоритъ поднозѣ благочестивому *нашему* христіянскому царю.... яко да той единъ будетъ царствуяй

1) Соловьевъ, Исторія Россіи. т. VII, стр. 406 и 407.

2) Такъ называемая «Поставленная грамота» Іову въ печатной Кормчей.

на вселеннѣй, истинный христіянскій царь и владыка и самодержецъ и расточенное и многонасилуемое того царствіе соберетъ во едино и умножитъ и распространитъ отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя». Далѣе Ѳеофанъ увѣщеваетъ царя «хранить къ патріарху любовь, милость, щедроты, благое подаяніе, наипаче же святительства ради въ духовныхъ вещехъ повиновеніе, яко отцу и учителю». Наконецъ, Ѳеофану царство русское представляется имѣющимъ двухъ главъ: царя и патріарха. Обращаясь къ патріарху, онъ говоритъ, что будетъ возсылать молитвы о его сынѣ-царѣ, а также «и о вашемъ святительствѣ, и о всей *палатѣ вашей* и о всѣхъ повинующихся *святому царствію вашему*».

При поставленіи патріаршемъ Никона, сей послѣдній, изъявляя свое согласіе на поставленіе себя въ патріархи, требуетъ отъ царя обѣщанія «исполнять евангельскіе догматы, правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и законы благочестныхъ царей» [1]). Это почти дословная передача главы 4 титула II-го Эпанагоги. Знакомство съ правоположеніями, содержащимися въ Эпанагогѣ, сказывается также во всемъ дѣлѣ патріарха Никона. Такъ Никонъ, отвѣчая посланнымъ къ нему отъ государя въ 1659 году въ Воскресенскій монастырь Елизарову и Алмазу Иванову на вопросъ о томъ, почему онъ, въ письмѣ къ государю, дѣйствіе въ недѣлю ваій, совершенное Крутицкимъ митрополитомъ, назвалъ прелюбодѣйствомъ, выражается слѣдующимъ образомъ: «писалъ онъ къ великому государю о дѣйствѣ ваій потому, что безъ перваго архіерея дѣйствовать о ваіи митрополитамъ не должно, а Крутицкій митрополитъ въ митрополитахъ меньшій; *первый архіерей во образъ Христа, а митрополиты и архіепископы и епископы во образъ учениковъ и апостоловъ....»* [2]). Равнымъ образомъ, въ томъ же отвѣтѣ Елизарову и Алмазу Иванову, Никонъ съ особою настойчивостью указываетъ на то право и ту обязанность учительства и вѣщанія истины передъ царями, которыя возлагаетъ на патріарха глава 4 титула III-го Эпанагоги [3]). Никонъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «въ прежнія давнія лѣта ко благочестивымъ царямъ христіанскимъ греческаго царства объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали, а онъ (т. е. Никонъ) есть членъ соборной и апостольской церкви, ни за какія вины не отторгнутый, только

1) Н. Гиббенетъ, Изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Спб. 1882. ч. I, стр. 9.
2) Ibidem, стр. 63.
3) Ibidem, стр. 64.

своею волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впредь, если услышитъ о какомъ либо духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, молчать не будетъ».

По поводу дѣла Никона возбужденъ былъ также вопросъ о первенствующемъ значеніи константинопольскаго патріарха. Въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу Паисій Лигаридъ говоритъ, что нужно «сообщить обо всемъ константинопольскому патріарху, дабы онъ, какъ вселенскій судія, законнымъ порядкомъ могъ дать правосудное рѣшеніе въ толь важномъ дѣлѣ, отъ котораго страдаетъ общая слава всего государства»[1]). Затѣмъ, какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ неоднократно сносился по дѣлу Никона съ вселенскимъ патріархомъ и просилъ его назначить экзарха для предсѣдательствованія на соборѣ, долженствовавшемъ судить Никона.

Наконецъ, въ документахъ, относящихся къ дѣлу Никона, прямо приводятся постановленія Эпанагоги о власти царской. А именно, въ «правилахъ, подписанныхъ четырьмя патріархами, касательно власти царской и патріаршей и привезенныхъ на Москву 30 мая 1664 г. іеродіакономъ Мелетіемъ», въ главѣ первой, на вопросъ, что есть царь, имѣется слѣдующій отвѣтъ: «отъ книги всеправильныя великія церкве въ 5 главѣ въ письмени «В» царь есть законное нѣкое преимущество, общая нѣкая благость всѣмъ подданнымъ ни по страсти природной добре творяй, ниже по противострасти казняй, но равномѣрнѣ добродѣтелемъ подданныхъ своя изливаяй благодати»[2]). Очевидно, что приведенное мѣсто есть ничто иное, какъ глава 1 титула II-го Эпанагоги. Равнымъ образомъ, упоминаемая здѣсь «всеправильная книга великой церкви» тождественна съ синтагмой Властаря, гдѣ въ главѣ 5-ой литеры «β» излагаются положенія Эпанагоги (первыя три главы и начало пятой титула II) о царѣ. Далѣе, въ «правилахъ четырехъ патріарховъ» предлагается и толкованіе на приведенное изъ всеправильной книги правило. «Царю», говорится въ этомъ толкованіи, «подобаетъ да будетъ глава и верхъ ко всѣмъ членомъ, подчиненнымъ ему, ниже да приклоненіемъ любве побѣдится ко еже благотворити недостойнымъ добродѣяній, ниже ко еже зло творити достойнымъ чести страстію никоею побѣжденному или ненавистію; но да яко правдодѣлатель всякую преобѣдитъ страсть скверную и равно-

1) Ibidem, ч. II, стр. 8.
2) Ibidem, ч. II, стр. 671.

мѣрнѣ сотворитъ воздаяніе, ниже да добро творитъ всуе добротворенія необычнѣ, имиже благодѣянми почтени во тщету прочихъ обращаются во смятеніе, си рѣчь и безчиніе, паче же времянемъ и во противство благодѣтеля. Сего ради добрѣ разсуждати долженствуютъ царіе, еже не дати своея чести инымъ, ниже новствовати въ твореніи благодѣяній по оной притчѣ: не даждь иному чести твоея, да не подвигнеши осъ на тя». Затѣмъ, въ «правилахъ» излагаются въ слитномъ видѣ, какъ одно правило, главы 2 и 3 и начало 5 титула II-го Эпанагоги. Вотъ текстъ этого правила: «Намѣреніе царское есть, яко да вещи пребывающія и быществующія богатства добротою въ стражи и сохраненіи соблюдутся: вещи паки погибшія взыщутся умедленія кромѣ и тщаніемъ безсоннымъ, напослѣдокъ вещи, татбою похищенныя, мудростію и лѣпыми обычаи и разумными весма пристяжутся. Дѣло царское есть еже добре творити и того ради добротворитель глаголется по превосхожденію; егда же отъ добротворенія мало престаетъ и лишается, является нѣкако по обычаю глаголанія древнихъ—онъ царскій характиръ преобиждати. Зѣло убо преизященъ и пресвѣтелъ царь долженствуетъ быти и въ божественномъ ревніи претеплъ». Интересно предложенное въ «правилахъ» толкованіе на это комбинированное правило, толкованіе, собственно говоря, относящееся не къ этому правилу, а къ предшествующему. «Отъ сихъ убо», сказано въ толкованіи, «собирается, яко царь есть господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, противныхъ паки казни. Аще убо кто царю видится противенъ быти, хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное, не безъ ума бо мечъ носитъ, но въ похвалу добретворящихъ въ гажденіе же злѣ дѣющихъ, ибо местникъ Божій есть, и того ради въ писаніяхъ предадеся: царя чтите и о царѣ мили ся дѣйте». Здѣсь ясно и опредѣленно проводится идея безусловнаго господства царской власти надъ всѣми безъ исключенія подданными. Этому господству подлежатъ и лица церковныя, не исключая и «въ достоинствѣ вчиненныхъ». Положеніе это развито въ слѣдующей главѣ «правилъ» и примѣнено къ опредѣленію отношенія патріарха къ царю. Указанная глава начинается вопросомъ: «подобаетъ ли просто всѣмъ, наипаче же мѣсто держащу епископу или патріарше подчиненну быти и повиноватися царю, царскую власть держащему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и прѣніихъ, тако во еже бы единому быти господу и начальнику, или ни»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ «правила четырехъ патріарховъ» не заимствуютъ, подобно тому, какъ

это дѣлается ими относительно отвѣтовъ на вопросы, содержащіеся въ первой главѣ, изъ синтагмы Властаря, этой всеправильной книги великой церкви. А между тѣмъ синтагма въ главѣ 8-ой литеры «π» трактуетъ о патріархѣ и приводитъ относящіяся къ патріаршей власти положенія Эпанагоги, причемъ дословно воспроизводитъ знаменитую 8-ю главу титула III Эпанагоги, признающую въ равной степени величайшими и главенствующими членами государства (τῆς πολιτείας) царя и патріарха. «Правила» не по незнанію не ссылаются на синтагму Властаря для опредѣленія отношенія патріарха къ царю. Дѣлаютъ они это намѣренно. А именно, въ столкновеніи патріарха Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ восточные патріархи явно приняли сторону царя. Вотъ почему они и ставятъ царскую власть выше патріаршей. Правда, они вездѣ говорятъ о подчиненіи патріарха царю въ «гражданскихъ вещехъ», но изъ всей ихъ аргументаціи видно, что царь, по ихъ воззрѣнію, вообще возвышался надъ патріархомъ и вообще главенствовалъ надъ нимъ. Это явствуетъ и изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ патріархи безусловно требуютъ отъ патріарха обѣщанія сохранять вѣрность и «благохотѣніе» къ царю, они не только не требуютъ того же отъ царя, но даже объявляютъ предъявленіе такого требованія со стороны патріарха къ царю недостойнымъ и неправеднымъ, т. е. противнымъ праву, законамъ и канонамъ. А именно въ главѣ 3-ей «правилъ» предлагается слѣдующій вопросъ: «Есть ли достойно и праведнѣ нужно еже патріарху, давшу вѣру свою царю писаніемъ равнѣ истязати отъ царя писаніа во знамя вѣрности»? На этотъ вопросъ патріархи отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ. Апостолъ повелѣваетъ «вся творити чинно», т. е. по строго установленному порядку, а какой былъ бы это порядокъ, если бы патріархъ требовалъ отъ царя клятвенной записи, хотя бы въ самомъ незначительномъ дѣлѣ. Если бы это случилось, то, принимая во вниманіе, что царь есть также главенствующее надъ всѣми людьми начало, оказалось бы, что въ единомъ царствѣ существуютъ два начала равной силы, въ равной степени одно другому подчиненныя и независимо одно отъ другаго законодательствующія. Отсюда произошло бы смятеніе и разореніе царства[1]). Здѣсь патріархи развиваютъ весьма по-

---

1) Ibidem, часть II, стр. 674. Вотъ подлинный отвѣтъ патріарховъ: Вопіющу апостолу: вся творити чинно; кій убо чинъ сохраненъ былъ бы, аще бы патріарха истязалъ писаніа отъ царя, аще бы и о малѣйшей вещи, ибо царю основанію людей сущу, аще бы что сицево приключило бяше, *уже бы послѣдовало два быти начала себѣ подчиненная*

слѣдовательно, ясно и опредѣленно ученіе о невозможности существованія въ государствѣ двухъ равныхъ одна другой властей, т. е. двухъ верховныхъ властей, ученіе, какъ разъ противоположное изложенному въ главѣ 8 титула III Эпанагоги.

«Правила четырехъ патріарховъ» послужили исходною точкою для собора, рѣшившаго дѣло Никона. Такимъ образомъ, оффиціально принято было на Москвѣ ученіе Эпанагоги о царѣ и оффиціально же установленъ былъ противоположный находящемуся въ Эпанагогѣ взглядъ на отношеніе патріаршей власти къ царской. Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что восточные патріархи въ своихъ «правилахъ» устанавливали отношеніе *мѣстнаго московскаго патріарха* къ московскому царю, считавшемуся въ то же самое время царемъ вселенскимъ, прямымъ наслѣдникомъ святыхъ греческихъ самодержцевъ. Вотъ почему они могли считать себя въ правѣ игнорировать и не примѣнять въ данномъ случаѣ положенія Эпанагоги, относящіяся, какъ указано выше, къ опредѣленію отношеній *вселенскаго* патріарха къ вселенскому царю.

Положенія Эпанагоги, на которыя ссылаются восточные патріархи въ своихъ правилахъ, не были чѣмъ либо новымъ, неизвѣстнымъ московскому обществу того времени. Какъ мы видѣли, положенія эти вошли въ синтагму Властаря, а сія послѣдняя хорошо была извѣстна на Москвѣ. Уже относительно XV вѣка можно съ достовѣрностью предполагать, что синтагма, если не въ полномъ переводѣ цѣлаго ея состава, то, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ и, во всякомъ случаѣ, въ греческомъ подлинникѣ сдѣлалась извѣстною въ Россіи. Въ началѣ XVI вѣка былъ уже сдѣланъ неизвѣстнымъ лицемъ полный переводъ синтагмы на славянскій языкъ; переводъ этотъ, какъ можно заключить изъ словъ знаменитаго чудовскаго монаха Евфимія, вторично переведшаго синтагму при патріархѣ Адріанѣ, былъ весьма распространенъ на Москвѣ [1]). Кромѣ того положенія Эпанагоги были из-

во единомъ царствѣ равныя мощи и законодаянія. Оттуду паки востаютъ смятенія, аще же гдѣ смятенія, тамо и растлѣніе. Того ради и праведнѣйшая уста Христова глаголаша: всякое царство, раздѣлившаяся разорится: тако еже аще бы кто сице просилъ, лести было бы и измѣны знамя и человѣка миръ подкрадающа, и есть убо нужда да такое лице весьма отдалится и отженется, яко царской власти противящееся и неповинующееся. Собирается тожде и отъ шестьдесятого титла царского узаконенія, повелѣвающаго никакоже свободу имѣти церковному предстателю, еже взысковати отъ царя сицеваго обѣщанія.... да не обрящется едино на двое раздѣлено и оттуду да не послѣдствуетъ совершенное растлѣніе.

1) Сравни Ильинскій, Синтагма Властаря. Симферополь 1892, стр. IV—VII.

вѣстны московской Руси не только въ извлеченіяхъ, находящихся въ синтагмѣ Властаря, но и въ полномъ ихъ составѣ. А именно, въ 1653 году *по желанію патріарха Никона* Епифаніемъ Славеницкимъ переведено было Леунклавіево Jus Graeco-Romanum [1]). Въ составѣ этого сборника находится такъ называемая Ἐκλογὴ τῶν νόμων Льва и Константина, долгое время считавшаяся подлинной Эклогой исаврійскихъ императоровъ, но оказавшаяся, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, юридическимъ компендіумомъ, составленнымъ изъ первыхъ девяти и одинадцатаго титула Эпанагоги и изъ настоящей Эклоги исаврійскихъ императоровъ. Въ своемъ переводѣ, какъ свидѣтельствуетъ приведенное Розенкампфомъ въ его «Обозрѣніи кормчей книги» (изданіе 2, 1839 г., стр. 437) оглавленіе этого перевода, Славеницкій цѣликомъ помѣстилъ и титулы 2 о царѣ и 3 о патріархѣ. Для Никона въ особенности важенъ былъ этотъ переводъ. Когда во время моровой язвы первоначальный трудъ переводчика утратился, то, по настоянію Никона, Славеницкій вторично принялся за работу. «За грѣхи же наши Божіимъ попущеніемъ», говоритъ Славеницкій въ введеніи къ своему труду, «наставшю чрезъ тлетворный воздухъ моровому губительству, и въ то время, тѣй переведеннѣй книгѣ изгибшей, егдаже благоволеніемъ Божіиемъ преставшу тлетворному оному губительству: книзѣ же оной много исканной, не обрѣтшейся же, *паки прошеніемъ купно и понужденіемъ молительнымъ люботщателя, того же Кгръ Никона Святѣйшаго Патріарха*, вторицею изъ Еллинскаго на Славенскій діалектъ священная сія книга Арменопулъ переведеся» [2]). Само собою разумѣется, что Никонъ, — и это мы видѣли выше, — не игнорировалъ, подобно тому, какъ это дѣлали восточные патріархи, положеній Эпанагоги о власти патріаршей, а напротивъ того стремился занять относительно царя положеніе, соотвѣтствующее тому, которое признается за патріархомъ главой 8-ой титула III Эпанагоги.

Традиціонныя византійскія воззрѣнія на царство и патріаршество, основанныя главнымъ образомъ на Эпанагогѣ, нашли себѣ вѣрное и отчетливое выраженіе въ относящейся къ концу XVII и началу XVIII вѣка перепискѣ іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ московскимъ прави-

1) Сравни А. Энгельманъ, Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права. Спб. 1857, стр. 27.

2) Славеницкій потому называетъ переводимую имъ книгу Арменопуломъ, что она начинается «Сокращеніемъ канноновъ», или, какъ выражается Славеницкій, «священными и божественными правилами по пресѣченію» названнаго Солунскаго правовѣда.

тельствомъ [1]). Изъ этой переписки видно также, какъ твердо установилось на Востокѣ воззрѣніе на русскаго царя, какъ на преемника византійскихъ цезарей и властителя всего православнаго христіанскаго міра.

Подобно Эпанагогѣ, Досиѳей цѣль царской власти видитъ въ томъ, чтобы царь былъ общимъ благодѣтелемъ и защитникомъ православія. Святые и Богомъ вѣнчанные цари, пишетъ онъ въ 1692 году, имѣютъ обязанность явиться общими благодѣтелями и наипаче оборонителями православныхъ, отомстителями за сущихъ въ православной вѣрѣ и, просто сказать, помощниками и обновителями христіанства и православія [2]). Въ особенности царь долженъ наблюдать, чтобы догматы вѣры оставались неизмѣняемы и непоколебимы такъ, какъ они установлены въ священномъ писаніи и ученіи св. отцевъ. «Православный самодержецъ», пишетъ Досиѳей въ 1696 году патріарху Адріану, «защитникъ зовется и содержатель православныя вѣры не въ нѣчесомъ, но во всемъ добрѣ отъ св. отецъ опредѣленномъ, недопущая ни единаго новоразсѣцати и новоуставляти ниже въ малѣйшемъ чесомъ» [3]). Это обличаетъ несомнѣнное знакомство съ Эпанагогой. Всѣ означенныя обязанности относительно всего православнаго міра, всѣхъ православныхъ церквей Досиѳей возлагаетъ на царей московскихъ, которыхъ называетъ воеводами и блюстителями въ православіи. Какъ патріаршаго, такъ и царскаго достоинства обязанность, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ, ибо не имѣетъ православныхъ родъ, кромѣ васъ, превеликихъ и равноапостольныхъ, иного воеводы и блюстителя въ православіи. Вполнѣ вѣрно также высказанное недавно Каптеревымъ замѣчаніе [4]), что Досиѳей смотрѣлъ и на московскаго патріарха, какъ на имѣющаго въ извѣстныхъ случаяхъ общеправославное, вселенское значеніе, вслѣдствіе близости къ главѣ всего православнаго міра — царю, и возможности воздѣйствовать на царя въ томъ или другомъ направленіи. «Братская твоя любовь», пишетъ въ 1700 Досиѳей патріарху Адріану, «нѣсть уже митрополитъ московскій, да объемлются въ единой епархіи твоей попеченія твоя и труды твои, и сый.... патріархъ, и имѣеши

1) Сравни Каптеревъ, Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Москва 1891.

2) Ibidem, стр. 8.

3) Ibidem, стр. 79.

4) Ibidem.

свойственно, якоже и протчіе святѣйшіе имѣютъ патріархи, сирѣчь, попеченіе всѣхъ святыхъ церквей»[1]). Впрочемъ, значеніе вселенскаго патріарха безусловно признается Досиѳеемъ за константинопольскимъ патріархомъ. Онъ называетъ его «всесвятѣйшимъ» и ставитъ во главѣ другихъ патріарховъ[2]).

И такъ, русская политическая мысль находилась вполнѣ подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній на существо и задачи государства, царства и патріаршества въ томъ видѣ, въ какомъ эти воззрѣнія нашли себѣ выраженіе въ положеніяхъ Эпанагоги. На московскихъ властителей греки переносятъ все то, что было законоположено у нихъ о святыхъ *вселенскихъ царяхъ* самодержцахъ. Московское общество усвоиваетъ себѣ греческія воззрѣнія. Назрѣваетъ мысль о необходимости рядомъ съ царствомъ патріаршества. Оно учреждается на Москвѣ и не достигаетъ *вселенскаго* значенія только въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ, приведшихъ также къ замѣнѣ патріаршества современными русскими церковными учрежденіями въ императорскій періодъ нашей исторіи.

Значеніе греческихъ вліяній на политическія воззрѣнія московскаго общества XVII вѣка констатируется и противникомъ этихъ вліяній Юріемъ Крижаничемъ. Въ перечисленіи «обидъ, творимыхъ греками на словенцевъ» приводится injuria 18, состоящая въ томъ, что «ipsi (т. е. Graeci) suis vanis adulationibus dedecore affecerunt hoc regnum. Persuadendo ei assumere vanam appellationem, et vana insignia vanissimi regni Romani»[3]). А въ раздѣлѣ 60-мъ своего сочиненія, трактующемъ о политической ереси или фантастической гипербазиліи, Крижаничъ упрекаетъ грековъ, что они, развивъ, подобно нѣмцамъ, ученіе о всемірномъ, вселенскомъ государствѣ, принесли его къ намъ и увѣрили насъ, что государи наши получили свою власть отъ царей греческихъ. «Греки», говоритъ Крижаничъ, «ревнуючь нѣмцамъ начали суть и они таковыя же гнилыя рыбы продавать. Царь Мономахъ е прислалъ къ нашему кралю Рускому, ко Владиміру Второму, кралевскія знаковины. Еремій патріархъ, пришедъ на Русь, назвалъ е Москву третьимъ Римомъ. А царь Иванъ Васильевичь бывши отъ Бога возвышенъ многими народныхъ враговъ побѣдами, и хотячь

---

1) Ibidem, стр. 86.

2) Ibidem, стр. 89.

3) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, рукопись временъ царя Акексѣя Михайловича. Открылъ и издалъ П. Безсоновъ. Москва 1860, ч. II, стр. 217.

себѣ пріять именованіе достойно своего величества, возгордилъ е правымъ словенского языка именомъ Краль, и назвалъ себе латинскою рѣчію Царь»[1]). Это желаніе продолжать обрѣченное отъ Господа на погибель царство римское Крижаничъ считаетъ великимъ грѣхомъ, однимъ изъ такихъ «propter quae Deus punit reges et regna». Онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, доселѣ всего болѣе мѣшавшею счастливому преуспѣянію русскаго царства, была слѣдующая. Богъ предвозвѣстилъ чрезъ Даніила, что государство римское должно быть разрушено: а мы хотимъ его возстановить. «O insaniam», восклицаетъ Крижаничъ. «Nos sic agendo nescimus aestimare gratiam Dei nobis datam. Deus excitavit hoc regnum ultimum inter alia regna: et dedit ei potentiam, sicut et aliis... At nos gratiam Dei spernimus: et gloriam nobis a Deo datam, non a Deo, sed quasi ab Romanis acceptam praedicamus»[2]). Вотъ почему въ той бесѣдѣ, которую онъ совѣтуетъ царю имѣть для лучшаго устроенія земскаго «съ жителемъ всего кралевства», онъ полагаетъ необходимымъ помѣстить отреченіе отъ греческихъ традицій власти и обоснованіе власти на непосредственномъ дарѣ Божіемъ и національныхъ началахъ. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ еще разъ указать на то, что полемика Крижанича противъ грековъ важна для исторіи усвоенія греческихъ политическихъ идей московскимъ обществомъ XVII вѣка главнымъ образомъ потому, что она выясняетъ, какіе глубокіе корни пустили эти идеи въ государственномъ правосознаніи того времени.

Во второй половинѣ настоящей статьи мы старались выяснить значеніе церковно-политическихъ идей, заключающихся въ Эпанагогѣ, для московской Руси. Значеніе это можетъ быть точно опредѣлено. Московская Русь, ознакомившись съ этими идеями изъ находящихся въ синтагмѣ Властаря и Леунклавіевомъ Jus Graeco-Romanum извлеченіи изъ Эпанагоги, — и, быть можетъ, и изъ перевода самой Эпанагоги, на существованіе котораго указываютъ находящіеся въ печатной Кормчей фрагменты, — получила въ нихъ основаніе для опредѣленія началъ заимствованнаго ею у Византіи государственнаго права. Обыкновенно историки-юристы утверждаютъ, что въ московскомъ правѣ не встрѣчается опредѣленія верховной власти, что существо этой власти впервые опредѣлено законами императорскаго пе-

1) Ibidem, стр. 291.
2) Ibidem, стр. 244.

ріода. Это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что въ *отечественныхъ* законодательныхъ памятникахъ московскаго времени въ дѣйствительности не встрѣчается опредѣленія царской власти. Но московская Русь находилась въ обладаніи такого опредѣленія въ положеніяхъ Эпанагоги о царѣ, давно ей извѣстныхъ изъ синтагмы Властаря и кромѣ того оффиціально ей сообщенныхъ въ «правилахъ четырехъ патріарховъ». Правда, это опредѣленіе не вполнѣ выражало существо власти московскихъ государей. При рецепціи греко-римскаго воззрѣнія на царскую власть произошло, какъ вообще при рецепціяхъ, своеобразное сочетаніе реципируемыхъ началъ съ національными, сложилась новая оригинальная формація юридическихъ идей и воззрѣній. Московскій государь былъ въ одно и то же время и національно-русскимъ и вселенскимъ царемъ, онъ воплощалъ въ себѣ и идею единства русскаго народа и идею единства всего православнаго христіанскаго міра.

Проф. Вл. Сокольскій.

Василія Охридскаго, архіепископа (митрополита) Солунскаго, неизданное надгробное слово

НА СМЕРТЬ ИРИНЫ, ПЕРВОЙ СУПРУГИ ИМПЕРАТОРА МАНУИЛА КОМНИНА.

Издаваемое нами произведеніе византійскаго церковнаго краснорѣчія заслуживаетъ вниманія и по имени автора, которому принадлежитъ, и по значенію той личности, кончину которой оплакиваетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по нѣсколькимъ новымъ даннымъ общеисторическаго характера, какія въ немъ заключаются. Въ послѣднемъ отношеніи оно можетъ быть присоединено къ числу источниковъ, объясняющихъ нѣмецко-византійскія отношенія, съ которыми связанъ былъ и ходъ втораго крестоваго похода. Прибавимъ, что въ рукописяхъ рѣчь Василія Охридскаго встрѣчается крайне рѣдко: мы нашли ее не въ полномъ видѣ въ синайскомъ сборникѣ, поступившемъ отъ преосв. Порфирія въ Императорскую Публичную библіотеку, а недостающее было выполнено по нашей просьбѣ В. Э. Регелемъ во время его пребыванія въ Эскуріалѣ, гдѣ находится другой и полный ея списокъ. Впрочемъ, объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ концѣ введенія, которое мы посвящаемъ собранію и провѣркѣ доселѣ извѣстныхъ данныхъ о личности автора и самой императрицы Ирины.

I.

Василій Охридскій.

Въ ученыхъ справочныхъ пособіяхъ, каковы списки іерарховъ восточной церкви и каталоги греческихъ рукописей, мы находимъ о Василіѣ Охридскомъ, архіепископѣ или митрополитѣ Солунскомъ (оба титула употребляются безразлично и при томъ соотвѣтственно съ ви-

зантійскою терминологіею), слѣдующія свѣдѣнія. Прежде чѣмъ сдѣлаться митрополитомъ въ Ѳессаловикѣ (Солунѣ) онъ былъ патріаршимъ протонотаріемъ въ Константинополѣ. На своей епископской каѳедрѣ онъ считается преемникомъ *Никиты*, упомянутаго въ одной случайной замѣткѣ о солнечномъ затмѣніи 1133 года (Montfaucon, Palaeogr. graeca, p. 60?), и предшественникомъ *Константина*, который былъ виновникомъ одного синодальнаго постановленія въ 1169 году. (Rhally, Syntagma V. 98). Въ 1155 году Василій былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и ученыхъ іерарховъ греческой церкви и поэтому папа Адріанъ IV (1154—1159), отправляя къ императору Мануилу Комнину посольство для переговоровъ о соединеніи церквей, обратился къ Василію Ѳессалоникійскому съ особымъ письмомъ, требуя его содѣйствія и посредничества. Въ отвѣтъ на это Василіемъ было написано извѣстное, дошедшее до насъ — вмѣстѣ съ папскою грамотою — отвѣтное посланіе. Въ 1156-мъ (или точнѣе 1157) году Василій участвовалъ въ мѣстномъ Константинопольскомъ синодѣ противъ Сотириха Пантевгена, какъ видно изъ дѣяній этого собора. Въ канонической литературѣ онъ извѣстенъ какъ авторъ «Отвѣта на вопрошеніе о нѣкоторомъ бракѣ». Наконецъ ему принадлежитъ давно отмѣченный, но до сихъ поръ неизвѣстный разговоръ съ Генрихомъ, архіепископомъ Беневентскимъ, объ изхожденіи Святаго духа и равнымъ образомъ *пренія* съ латыняниномъ, тоже остающіяся въ рукописяхъ, можетъ быть тождественныя съ предыдущимъ разговоромъ, а можетъ быть и отличныя[1]). Съ изданіемъ слѣдующаго далѣе надгробнаго слова Василій вступаетъ въ кругъ церковныхъ ораторовъ столь блестящей эпохи церковнаго краснорѣчія, какимъ былъ вѣкъ Комниновъ, и долженъ будетъ занять свое мѣсто въ исторіи византійской литературы, какъ предшественникъ знаменитаго Евстаѳія Солунскаго — не по одной только церковной каѳедрѣ.

Мы считаемъ не лишнимъ ближе познакомиться съ данными, на которыхъ основаны вышеприведенныя указанія относительно Василія, чтобы извлечь, если возможно, болѣе точное и отчетливое представленіе

1) Le Quien, Oriens christianus I, 47. Fabricius-Harless, Biblioth. script. graec. IX, p. 11 (Lib. V, c. 14), VII, 752 (Lib. V, c. I), XI, 586. Lambecii Commentar. de bibliotheca. Vindobon. V, 39. Δημητρακόπουλος, Graecia orthodoxa, p. 22, 23. Остроумовъ, Введеніе въ православное церковное право. Томъ первый (Харьковъ, 1893), стр. 586.

о характерѣ его дѣятельности и о внѣшней послѣдовательности фактовъ его біографіи.

Усвоенное Василію прозваніе Охридскій указываетъ на его происхожденіе изъ города Охрида или Охриды въ Македоніи; въ византійскую эпоху, какъ и теперь, это былъ городъ по своему преобладающему населенію славянскій, въ X-мъ вѣкѣ онъ былъ столицею болгарскихъ царей, которые перенесли сюда и каѳедру автокефальной болгарской митрополіи, оставшуюся здѣсь послѣ разрушенія перваго болгарскаго царства въ началѣ XI вѣка. Одинъ изъ іерарховъ этой каѳедры въ концѣ XI и началѣ XII-го столѣтія, извѣстный своимъ высокимъ образованіемъ и литературною дѣятельностью, Θеофилактъ Болгарскій ославилъ Охридъ, какъ обиталище грубыхъ неотесанныхъ варваровъ, чуждыхъ всякой греческой утонченности и даже греческаго языка, всюду приносящихъ съ собою непріятный запахъ овчинной одежды и т. д. Нѣтъ, однако, достаточнаго основанія предполагать, чтобы Василій по своему происхожденію былъ славяниномъ или болгариномъ. Изъ данныхъ, заключающихся въ перепискѣ того же Θеофилакта, мы видимъ, что вокругъ архіепископа, поставляемаго въ данную эпоху только изъ грековъ, собиралась пришлая толпа не только клириковъ того-же происхожденія, но и разнаго рода кліентовъ и слугъ мірскаго чина, не принадлежавшихъ къ славянскому племени. Кромѣ обычнаго усвоеннаго за нимъ имени, Василій Охридскій имѣлъ и другое, встрѣчающееся рѣже, Калоса (Καλός), въ которомъ заключается, по видимому, несомнѣнное указаніе на греческое происхожденіе.

Первое упоминаніе о Василіѣ встрѣчается въ перепискѣ извѣстнаго тогда византійскаго ученаго литератора Іоанна Цеци (Τζέτζης). Въ сборникѣ его писемъ, изданномъ имъ самимъ, находится одно, адресованное патріаршему протонотарію господину Василію Охридскому [1]). И такъ Охридскій уроженецъ нашелъ себѣ мѣсто въ средѣ константинопольскаго столичнаго клира Великой Церкви. Поводомъ къ написанію письма послужило для Цеци слѣдующее обстоятельство. Цеци выпустилъ въ свѣтъ свои извѣстныя схоліи на Ликофрона, которыя всѣ считали его собственнымъ произведеніемъ, подъ именемъ своего умершаго брата Исаака; многіе по этому поводу недоумѣвали, а другіе прямо подсмѣивались и острили, что авторъ дошелъ до такого

1) Joannis Tzetzae Epistolae. edid. Theod. Pressel. Tubingae, 1851. См. pag 23: πρωτονοταρίῳ τῷ πατριαρχικῷ κυρίῳ, Βασιλίῳ (sic) τῷ 'Αχριδηνῷ и т. д.

помраченія, при которомъ возможно забвеніе своего собственнаго имени. Патріаршій протонотарій тоже выразилъ свое удивленіе, и удостоился получить разъясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ, Цеци, поступилъ такъ изъ подражанія еллинскому ваятелю Фидію, который подъ одною изъ своихъ статуй подписалъ имя своего гораздо менѣе искуснаго товарища и пріятеля (Агоракрита) — просто изъ одной дружбы къ нему: что могъ себѣ позволить Фидій, на то имѣлъ право и Цеци. Отсюда мы знакомимся съ археологическимъ педантизмомъ византійскаго схоласта, а также получаемъ право заключить, что патріаршій протонотарій близко интересовался тогдашними литературными явленіями и былъ замѣтнымъ лицемъ въ просвѣщенныхъ и ученыхъ кругахъ столицы. Письмо Цеци писано не ранѣе 1138 года, такъ какъ о смерти Исаака, случившейся именно въ этомъ году, говорится въ одномъ изъ *выше* помѣщенныхъ писемъ, а въ первой своей части (до 70 писемъ) эпистолярный сборникъ Іоанна Цеци, какъ доказано [1]), составленъ въ хронологическомъ порядкѣ; съ другой стороны — ни какъ не позже 1146 года, такъ какъ ниже встрѣчаются письма къ патріарху *Михаилу* Оксійскому, низложенному въ этомъ году. Митрополитомъ Солунскимъ былъ тогда, по всей вѣроятности, *Никита*, предшествующій въ спискахъ Василію.

Въ другомъ письмѣ Цеци, адресованномъ къ *Аннѣ Комнинѣ,* царственной прославленной писательницѣ, можно найдти указанія на то, когда совершилась смѣна на Солунской каѳедрѣ, сопровождавшаяся переходомъ Василія изъ столицы въ Солунь съ архіерейскимъ саномъ. Цеци жаловался старой вдовствующей кесариссѣ, занятой въ то время сочиненіемъ исторіи своего отца, изданной вскорѣ подъ названіемъ Алексіады, на притѣсненія и обиды, терпимыя имъ со стороны ея придворной челяди, особенно ея конюшенныхъ прислужниковъ, отличавшихся крайнею наглостью и дерзостью. При этомъ случаѣ Цеци перебираетъ всю родню своего главнаго обидчика и находитъ поразсказать о ней вещи весьма некрасивыя. *Цурихъ*, тесть его врага, былъ прежде священникомъ въ Адріанополѣ и за свои хорошія дѣла былъ лишенъ сана, отлученъ отъ церкви и удаленъ изъ города владыкою Адріанопольскимъ, а послѣ переселенія въ Константинополь былъ уличенъ въ злой ереси, вслѣдствіе чего патріархъ

---

[1]) См. особенно Hart, De Tzetzarum nomine vitis scriptis (Jahrbücher für classische Philologie. Zwölfter Supplementband, 1881), pag. 41—45.

Михаилъ въ предпрошломъ году (κατὰ τὸν πέρυσι καιρόν) присудилъ его къ сожженію, да и сыну его *сказанный* патріархъ (ὁ ῥηθεὶς πατριάρχης) велѣлъ дать 36 ударовъ плетью: спасло только вмѣшательство и заступничество *нынѣшняго* Солунскаго владыки[1]). Послѣднія слова указываютъ на то, что очень недавно на Солунской каѳедрѣ возсѣдалъ не тотъ владыка, который ее занималъ въ моментъ написанія письма, и что послѣдній въ предпрошломъ году былъ еще въ Константинополѣ, и *не* былъ тѣмъ, чѣмъ сталъ *нынѣ*, а принималъ участіе въ судѣ надъ еретиками въ качествѣ духовнаго патріаршаго сановника. Такъ какъ между Никитою, который упоминается въ 1133 году, и Василіемъ намъ неизвѣстно никакого другого Солунскаго архіепископа то, очевидно, здѣсь нужно разумѣть нашего Охридскаго уроженца. Патріархъ Михаилъ, о которомъ Цеци выражется тоже какъ о патріархѣ минувшаго времени (иначе онъ не написалъ бы «сказанный» патріархъ, а святѣйшій патріархъ), оставилъ престолъ въ апрѣлѣ 1146 года. Итакъ, за нѣсколько времени до удаленія Михаила, нужно полагать въ 1145 году, если не въ концѣ 1144 г., вслѣдствіе кончинѣ Никиты престолъ Солунской эпархіи занялъ Василій Охридскій. Во всякомъ случаѣ въ 1149 году, какъ увидимъ ниже, онъ уже исполнялъ въ предѣлахъ этой эпархіи торжественно богослуженіе въ день Пасхи — въ присутствіи царя и царицы. Есть позднѣйшее письмо Цеци (№ 95, Pressel, pag. 84), надписанное прямо «святѣйшему митрополиту Ѳессалоникійскому, господину Василію Охридскому»[2]), въ которомъ Цеци прославляетъ Василія какъ лучшаго изъ іерарховъ его времени и благодаритъ за доброе расположеніе и участіе: это высказалось между прочимъ въ томъ огорченіи, которое обнаружилъ Василій при полученіи извѣстія, — оказавшагося ложнымъ, — о смерти Іоанна Цеци. Невѣрное извѣстіе, впрочемъ не совсѣмъ лишен-

1) Pressel, Tzetzae epistolae № 55 pag. 45, 46. Издатель не вполнѣ уразумѣлъ смыслъ своего текста и неправильно разставилъ знаки препинанія. Нужно читать такъ: ἐκ τῆς τοῦ Μωσηλὲ μονῆς, ἀπεδίωξαν βιαιοτέρως ὁ ἐπίσκοπός (Pressel: βιαιοτέρως. Ὁ ἐπ.) τε Ἀλισάνδων καὶ ὁ γεγονὼς νῦν πρωτέκδικος. Τούτου (Pressel: πρωτέκδικος τούτου) τοῦ Τζουρίχου Ἀδριανοπολίτου τοῦ κατὰ τὸν πέρυσι καιρόν—παρὰ τοῦ πατριαρχου, κυρίου Μιχαὴλ διαγνωσθέντος τελέως αἱρετικοῦ καὶ καυθῆναι ἀπειλουμένου, οὗ καὶ τὸν Τζούριχον υἱὸν ὁ ῥηθεὶς πατριάρχης ἐκέλευσε λαβεῖν τριάκοντα ἓξ σκυτίνους πληγὰς ἄνω τῶν κατηχουμένων τῶν κορυφαίων ἀποστόλων. Ὁ δὲ νῦν Θεσσαλονίκης μεσιτεύσας ἐξέσωσε. Τούτου τοῦ ἀλιτηρίου Ἀδριανοπολίτου γαμβρός γεγονὼς и т. д. (Pressel: ἀποστόλων). Ὁ δὲ νῦν — ἐξέσωσε τούτου — γαμβρός γεγονὼς и т. д.

2) Τῷ ἁγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης κυρίῳ Βασιλείῳ τῷ Ἀχριδιώτῃ (l. Ἀχριδειώτῃ).

ное основанія, такъ какъ здоровье плодовитаго и почтеннаго ученаго становилось въ самомъ дѣлѣ очень плохо и онъ сильно страдалъ отъ недуговъ старости, было сообщено въ Солунь изъ *Дерстра* (Силистріи, Доростола) другимъ почитателемъ Іоанна Цеци тамошнимъ епископомъ Львомъ Харсіанитомъ. Къ какому времени слѣдуетъ отнести это второе посланіе Цеци къ Василію, нельзя опредѣлить, потому что во второй половинѣ сборника писемъ Цеци порядокъ ихъ перемѣшанъ — по причинѣ небрежности собирателей и переписчиковъ, о чемъ сдѣлана замѣтка въ самой оригинальной его рукописи (Pressel, pag. 61).

Для предупрежденія возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что наши соображенія о возшествіи Василія на Солунскую каѳедру въ 1145 году не опровергаются встрѣчающимся въ одномъ изъ промежуточныхъ писемъ Цеци упоминаніемъ о какомъ-то Константинѣ, тоже имѣющемъ близкое касательство къ архіерейской каѳедрѣ: употребленъ оборотъ рѣчи, способный ввести — особенно при отсутствіи надлежащаго вниманія — въ напрасное заблужденіе и заставить думать о Константинѣ какъ митрополитѣ города Солуня, тогда какъ на самомъ дѣлѣ указывается только на его непосредственную близость къ *лицу* архіепископа и уже чрезъ это — на посредственное отношеніе къ Солуню, какъ каѳедральному городу. У Цеци написано: ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος[1]), а это вовсе неравнозначительно съ другимъ болѣе обычнымъ выраженіемъ: ὁ Θεσσαλονίκης (= ὁ τῆς Θεσσαλονίκης). Послѣднее дѣйствительно означаетъ архіепископа Солуни, а первое — человѣка близкаго къ архіепископу Солуни[2]).

---

1) Tzetzae epistolae № 61, ed. Pressel, pag. 56. Προσαγορευθήτω διὰ τῆς σῆς ὡς πρὸς ἡμᾶς καλλίστης ἀγάπης καὶ ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος. Можетъ быть и самое выраженіе προσαγορευθήτω — да будетъ привѣтствованъ — было бы недостаточно почтительно по отношенію къ митрополиту.

2) Въ актахъ собора 1157 года на Сотириха (Mai, Spicileg. rom. X, pag 2) въ перечисленіи присутствующихъ читается: ὁ Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, а ниже (pag. 22) ὁ θεοφιλέστατος πρωτέκδικος Μιχαὴλ ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης. У Тафеля (Supplem. historiae ecclesiast. graec., pag. 9) о томъ же самомъ лицѣ: ὁ τῆς Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, гдѣ неправильность объясняется, вѣроятно, просто палеографическимъ недоразумѣніемъ. Въ каталогѣ рукописей Эскуріальской библіотеки Э. Миллера (Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial, Paris 1848) въ описаніи знаменитаго кодекса V. П. 20 (№ 262 у Миллера) обозначено одно произведеніе того же Михаила слѣдующимъ образомъ (pag. 212): τοῦ τοῦ Θεσσαλονίκης κὺρ Μιχαὴλ τοῦ ῥήτορος λόγος ἀναγνωσθεὶς εἰς τὸν αὐτοκράτορα κὺρ Μανουὴλ τὸν Κομνηνόν. Рѣчь эта теперь издана В. Э. Регелемъ въ первомъ выпускѣ его *Fontes rerum Byzantin.* (Petropoli, 1892), pag. 131, но здѣсь при передачѣ надписанія, благодаря вліянію классическихъ пре-

Наибольшую извѣстность Василію Охридскому, занявшему престолъ Солунской митрополіи, доставили его полемическія состязанія съ представителями римской церкви и сюда же относящаяся знаменитая переписка его съ папою Адріаномъ IV. Акты, излагающіе содержаніе публичныхъ диспутовъ Василія съ латинами, до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ и намъ извѣстны только по каталогамъ западныхъ библіотекъ и по скуднымъ извлеченіямъ и замѣткамъ. По этому попытка дать себѣ болѣе точный отчетъ о взаимномъ отношеніи и хронологической послѣдовательности подразумѣваемыхъ документовъ и фактовъ, къ которымъ они относятся, встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Прежде всего намъ приходится заявить сомнѣніе въ правильности общепринятаго мнѣнія, что Василій имѣлъ только одно состязаніе съ латиняниномъ и что это было именно состязаніе съ (Генрихомъ) Беневентскимъ епископомъ, которое слѣдуетъ относить ко времени папы Александра III. Послѣднее давно извѣстно изъ описанія Вѣнской императорской библіотеки Ламбеція (Ламбека), который, впрочемъ, привелъ изъ текста только вводныя слова, указывающія на вышеозначенную личность папскаго посланца. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появилось описаніе греческихъ рукописей Мюнхенской библіотеки; ученый эллинистъ Гардтъ (Hardt), его составитель, отмѣтивъ здѣсь два экземпляра «Бесѣды святѣйшаго митрополита Ѳессалоникійскаго (Солунскаго) Василія Охридскаго — съ нѣкіимъ латиняниномъ, присланнымъ отъ Римскаго (папы) къ царю Мануилу», прибавилъ отъ себя замѣтку относительно тождества сей бесѣды или разговора съ содержаніемъ Вѣнской рукописи, въ которой вмѣсто *нѣкоего* латинянина прямо названъ Беневентскій епископъ. Слѣдя въ третьемъ томѣ своего прославленнаго труда о патріархѣ Фотіѣ за развитіемъ послѣдствій начавшагося въ IX-мъ вѣкѣ раздѣленія церквей, Гергенрётеръ сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ мюнхенскихъ рукописей, и хотя онъ вѣнской не видѣлъ, все-таки онъ послѣдовалъ Гардту въ томъ отношеніи, что предполагалъ между всѣми тождественность содержанія и подтвердилъ ту мысль, что выводимый въ его извлеченіяхъ на сцену

дубѣжденій, въ текстѣ второе τοῦ, какъ варварское, опущено, и сохранилось только внизу въ разночтеніяхъ. По византійскому словоупотребленію оно, очевидно, необходимо. Ὁ τῆς Θεσσαλονίκης относительно все того же Михаила мы встрѣтимъ въ изданіяхъ исторіи Никиты Хоніата (Nicet. de Manuele Lib. VII, c. 5. Bonn. 275, 23); но имѣемъ основаніе и здѣсь подозрѣвать неисправность несвѣдущаго писца или издателя.

латынянинъ есть именно Беневентскій епископъ Генрихъ[1]). Вотъ въ этомъ именно мы и сомнѣваемся, и въ самомъ текстѣ, сообщенномъ Гергенрётеромъ, находимъ основанія для совсѣмъ другаго предположенія. Во второмъ изъ двухъ собесѣдованій, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тогда же записанныхъ, когда рѣчь шла объ исхожденіи Святаго духа (о Filioque), латынянинъ, настроенный, по всѣмъ признакамъ, весьма уступчиво, заявилъ между прочимъ, что *послѣ* своей встрѣчи или бесѣды *съ покойнымъ епископомъ Никомидійскимъ*, онъ написалъ по данному вопросу собственное сочиненіе и въ этомъ сочиненіи съ прямымъ и искреннимъ расположеніемъ отнесся къ греческому воззрѣнію, какъ согласному съ изреченіями святыхъ отцевъ, принимая его въ томъ смыслѣ, что Духъ исходитъ отъ отца ἀρχικῶς, подобно тому какъ сынъ—γεννητικῶς[2]). Итакъ собесѣдникъ митрополита Василія имѣлъ еще ранѣе того сношенія съ греческимъ высшимъ духовенствомъ и нѣкогда бесѣдовалъ съ архіепископомъ Никомидійскимъ. Но развѣ намъ неизвѣстно, какое имя изъ среды западныхъ богослововъ можетъ быть поставлено рядомъ съ Никомидійскимъ митрополитомъ? Это есть *Ансельмъ*, епископъ *Гавельсбергскій*, а потомъ — въ концѣ жизни — Равеннскій архіепископъ, два раза съ порученіями отъ двухъ нѣмецкихъ государей посѣтившій Константинополь. Именно онъ воздаетъ величайшія похвалы уму, образованію и учености Никомидійскаго архіепископа Никиты, который во время его пребыванія въ Константинополѣ былъ однимъ и при томъ самымъ выдающимся въ числѣ *двѣнадцати дидаскаловъ*, завѣдующихъ свѣтскою и духовною или богословскою наукою[3]), и въ этомъ качествѣ явился достойнымъ его соперникомъ въ публичномъ преніи, устроенномъ по волѣ императора Калоіоанна въ 1135 году въ Константинополѣ. Имя Никиты Никомидійскаго напоминаетъ Ансельма Гавельсбергскаго. Сей послѣдній дѣйствительно написалъ книгу, въ которой изложилъ содержаніе своей состязательной бесѣды съ греческимъ іерархомъ и при томъ издалъ оную не сейчасъ, а на нѣсколько лѣтъ позже послѣ возвращенія изъ первой поѣздки въ Константинополь

1) Hergenröther, Photius, Patriarch von Constantinopel, III, 807.

2) Ἐγὼ δὲ καὶ τὸ περισσώτερον εἰς πληροφορίαν προστίθημι, ὡς ἐξ ὅτου τῷ μακαρίῳ Νικομηδείας συνέτυχον, καὶ πόνημα συντέταξα ἴδιον τὰ ὑμέτερα περιθάλπον ἐξ εἰλικρινείας καὶ ἀπὸ χρήσεων ἁγίων ἀνδρῶν δοξαζόντων ἀρχικῶς τὸ πνεῦμα ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορεύεσθαι и т. д.

3) Qui juxta morem sapientium graecorum, et liberarium artium et divinarum scripturarum studia regunt.

и бывшаго тамъ пренія [1]). Чтó еще важнѣе и рѣшительнѣе, въ этой книгѣ мы находимъ воззрѣнія, прямо соотвѣтствующія вышеприведенной (изъ Гергенрётера) выдержкѣ изъ бесѣды мнимаго Генриха Беневентскаго съ Василіемъ Солунскимъ. Ex his verbis beatorum doctorum Hieronymi et Augustini satis concedendum puto, Spiritum Sanctum proprie et *principaliter* (= ἀρχικῶς) ex Patre tanquam ex prima causa procedere — et cet. (Dialogi, Lib. II, cap. 25 Migne, Patr. latin. CLXXXVIII, 1206). Вотъ на эти именно слова *свои* и ссылается, по видимому, собесѣдникъ Василія Солунскаго (Охридскаго) — уже въ другомъ своемъ диспутѣ, когда прежняго его собесѣдника Никиты Никомидійскаго не было въ живыхъ и когда пришлось вести преніе вмѣсто Константинополя въ Солунѣ. Такой второй диспутъ Ансельма Гавельсбергскаго, правда, не отмѣченъ прямо въ какихъ-либо другихъ современныхъ источникахъ, но что онъ былъ возможенъ, это легко доказать съ полною очевидностью. Мы уже сказали, что Ансельмъ былъ посломъ при византійскомъ дворѣ два раза. Свою книгу о различіяхъ между восточною и западною церквами, въ которой содержится изложеніе преній съ Никитою Никомидійскимъ, онъ написалъ по внушенію папы Евгенія III въ 1149 или 1150 году. Затѣмъ въ 1154 году онъ находится въ числѣ приближенныхъ императора Фридриха Барбароссы, который тогда озабоченъ былъ поддержаніемъ союза съ царемъ Мануиломъ. Для скрѣпленія основанной при его дядѣ, Конрадѣ III, дружбы Барбаросса завязалъ переговоры о выдачѣ за него замужъ одной изъ византійскихъ принцессъ, племянницы Мануила, Маріи. Два посольства одно за другимъ были съ этою цѣлью отправляемы въ Константинополь, и во главѣ втораго стояли Ансельмъ Гавельсбергскій и норманскій баронъ Александръ Гравина, который точно также не въ первый разъ туда ѣхалъ [2]). Обыкновенный путь въ греческую столицу велъ тогда чрезъ Адріатическое море и по старой римской дорогѣ (Via Egnatia) отъ Диррахія (Драча) черезъ Θессалонику. Здѣсь въ началѣ 1155 или въ концѣ 1154 года

---

1) Въ прологѣ къ своей книгѣ, (издана впервые у D' Achery — Spicilegium tom. X, p. 161 et seq., перепечатана у Миня (Patrol. latin., t. CLXXXVIII, p. 1139—1247) и въ рукописи названа 'Αντιχείμενον contrapositorum et cet.) Ансельмъ сообщаетъ, что онъ изложилъ свои собесѣдованія и пренія съ греками по желанію папы Евгенія III, изъявленному при встрѣчѣ въ Тускулумѣ, а это относится къ 1149 году. Ср. Langen, Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII (Bonn, 1893), 396.

2) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, V, 37.

нѣмецкіе послы должны были встрѣтиться съ мѣстнымъ митрополитомъ, и Ансельмъ, имѣвшій старыя знакомства среди греческой іерархіи и завѣдомый почитатель ученыхъ ея представителей, не могъ уклониться отъ встрѣчи съ Василіемъ, а бесѣды и состязанія о *Filioque* и опрѣснокахъ были уже его спеціальностью. Однимъ словомъ, бесѣда Василія Охридскаго съ латыняниномъ, содержаніе которой изложено въ Мюнхенскихъ сборникахъ, есть бесѣда съ Ансельмомъ, происходившая въ 1155 году, и не должна быть смѣшиваема съ другимъ, позднѣйшимъ состязаніемъ, когда совопросникомъ былъ Генрихъ Беневентскій (если только имя послѣдняго въ Вѣнской рукописи не есть плодъ какого-нибудь недоразумѣнія). Утверждаемый нами диспутъ Василія съ Ансельмомъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе другаго знаменитаго документа, относящагося все къ тому же 1155 году; мы разумѣемъ посланіе къ Василію Охридскому папы Адріана IV вмѣстѣ съ послѣдующимъ отвѣтомъ греческаго іерарха. Въ апрѣлѣ этого года, послы Барбароссы воротились изъ Константинополя съ благопріятнымъ отвѣтомъ и Ансельмъ въ награду за его труды и заслуги сдѣланъ былъ Равеннскимъ архіепископомъ[1]). Въ этомъ званіи въ самомъ началѣ іюня онъ былъ посредникомъ между Фридрихомъ Барбароссою и папою Адріаномъ, когда рѣчь шла объ условіяхъ коронованія прибывшаго въ Италію нѣмецкаго короля и о выдачѣ Арнольда Брешіанскаго въ руки римскихъ кардиналовъ[2]). Изъ устъ самого Ансельма папа долженъ былъ узнать между прочимъ о Солунскомъ состязаніи и объ архіепископѣ Василіѣ. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ Василій прямо предполагаетъ, что причиною благосклоннаго о немъ мнѣнія папы были отзывы недавно бывшихъ въ Солунѣ и бесѣдовавшихъ съ нимъ западныхъ людей. Онъ разумѣетъ Ансельма и Александра Гравину. Въ данный моментъ папа Адріанъ, хотя и не былъ въ открытомъ разрывѣ съ Фридрихомъ Барбароссой, но, однако, не вполнѣ ему довѣрялъ и прикрывался въ своихъ дѣйствіяхъ коллегіею кардиналовъ; и въ посланіи къ Василію есть указаніе, столь необычное для другихъ папскихъ грамотъ, на участіе ихъ въ дѣйствіяхъ верховнаго римскаго первосвященника. По видимому, папа Адріанъ IV не особенно радовался сближенію Барбароссы съ византійскимъ императоромъ и хотѣлъ пере-

1) Otton. Freising. *Gesta Friderici.* Lib. II, cap. 20.

2) Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit, V, 59. Langen, Geschichte der römischen Kirche von Gregor VII bis Innocenz III, 418.

вести вопросъ о союзѣ Востока и Запада на церковную почву, что̀, впрочемъ, не исключало возможности воспользоваться достигнутымъ возсоединеніемъ (уніею) или даже одною перспективою соглашенія и для мірскихъ политическихъ цѣлей. Впрочемъ, папа Адріанъ увѣряетъ, что онъ не имѣлъ въ виду личныхъ честолюбивыхъ цѣлей— вѣроятно, подразумѣвая другихъ, которымъ онѣ были не чужды при подобныхъ же стремленіяхъ.—Итакъ, находясь въ ссорѣ съ королемъ южно-итальянскихъ норманновъ, которые обыкновенно служили опорою папскаго престола въ борьбѣ съ императорскими притязаніями, недовольный также новымъ недавно коронованнымъ императоромъ Фридрихомъ Барбароссою, который не хотѣлъ сейчасъ же заняться усмиреніемъ непокорнаго папѣ вассала, короля обѣихъ Сицилій Вильгельма, Адріанъ IV съ своей стороны готовъ былъ протянуть дружественную руку Византійскому императору, исконному врагу норманновъ, преслѣдовавшему въ то время широкій планъ возстановленія византійскаго господства въ южной Италіи; какъ это было естественно и обычно, политическое сближеніе поднимало вопросъ объ уничтоженіи церковнаго раздора. Въ связи съ политикою обѣихъ сторонъ находится знаменитое посланіе папы Адріана къ архіепископу Василію Солунскому, которое приходится по этому относить къ 1155 году[1]). «Со времени отдѣленія Константинопольскаго престола отъ Римскаго, писалъ папа, со времени отступленія дѣтей отъ послушанія своей матери, предшественники наши прилагали много старанія и трудовъ для уничтоженія *схизмы* и для возвращенія отпавшихъ къ единству вѣры. Наслѣдовавъ отъ нихъ вмѣстѣ съ апостольскимъ престоломъ заботу о всѣхъ церквахъ, сущихъ во вселенной, и опасаясь отвѣтственности предъ Богомъ, о которой говоритъ пророкъ (приводится текстъ изъ Іезекіиля 34, 4), я хочу содѣйствовать приведенію всѣхъ чадъ къ единенію вѣры, къ отысканію потерянной драхмы, — научаемый словами апостола, повелѣвающими настоять благовременно и безвременно, и примѣромъ самого Господа славы, ради спасенія людей склонившаго небеса, низшедшаго на землю и принявшаго зракъ раба, чтобы возвратить потерянную овцу своему стаду. Посему, нашъ во

1) Оно напечатано было сначала у Леунклавія (Leunclavii Jus Graeco-romanum t. I, 305), затѣмъ перепечатано у Миня (Patrologia gr., t. CXIX, 925—933). Подробное изложеніе въ *Анналахъ* Баронія. На русскомъ языкѣ содержаніе правильно передано (по Баронію) у Катанскаго, *Попытки* къ соединенію церквей (С.-Петербургъ, 1868), стр. 59—60. Ср. Hergenröther, Photius III, 806—807. Pichler, Geschichte der kirchlichen Trennung I, 190.

Христѣ братъ, мы убѣждаемъ тебя этою грамотою внимательно раздумать о томъ, что существуетъ одна только церковь и одинъ ковчегъ священія, въ которомъ каждый изъ вѣрныхъ долженъ спасаться отъ потопленія, и согласно съ тѣмъ стремиться всѣми способами къ ея (церкви) возсоединенію. Да размыслитъ твоя разумность, что церковь Божія не можетъ стоять будучи раздѣленною, что она была вручена блаженному Петру, правителю всѣхъ вѣрныхъ, что святые отцы, просвѣщенные Святымъ Духомъ, повелѣли имѣть римской церкви во всемъ первенство[1]) и постановили, чтобы къ ея мнѣнію обращалось сужденіе всѣхъ[2]) ради спасенія своей души и стяжанія неувядаемой славы. Бдительно внимай сначала у себя самого, а потомъ и у другихъ, чтобы твое стадо соединилось съ церковію и господни овцы обратились подъ паству блаженнаго Петра, который принялъ о нихъ попеченіе отъ Господней заповѣди. Мы при этомъ ищемъ не временной преходящей славы; мы исповѣдуемъ себя рабами рабовъ Божіихъ. Но если мы знаемъ, что Господь и учитель нашъ, чтобы воскресить одного мертвеца, совершилъ длинный путь, плакалъ надъ гробомъ и сказалъ: «Лазаре! гряди вонъ», то и мы считаемъ недостойнымъ удержать талантъ господина и пренебречь тѣми, которыхъ можемъ духовно (ἐν ψυχῇ) воскресить. Впрочемъ, усердно предаемъ любви твоей нашихъ возлюбленныхъ дѣтей — Балдуина и Балдиціона (Βαλδιζιόνιν), носителей этой грамоты, посланныхъ къ возлюбленнѣйшему нашему сыну, императору Константинопольскому Еммануилу, отъ благочестиваго собранія (ἀπὸ τοῦ εὐσεβοῦς ἀθροίσματος), прося, ради любви къ Богу, блаженному Петру и апостольскому престолу—съ милостивымъ воззрѣніемъ подавать имъ утѣшеніе въ ихъ нуждахъ. О твоемъ же здравіи желаемъ узнать изъ твоего къ намъ писанія».

Вотъ что̀ на это отвѣчалъ греческій іерархъ. «Прочитали мы твое посланіе, святѣйшій папа, и познали всю высоту твоей мысли, глубину твоего смиренія и широту твоей любви къ Богу, вслѣдствіе которой твое апостольское сердце, далекое отъ какой-либо узкости, напротивъ расширяется для принятія и пріобрѣтенія христіанъ во всѣхъ церквахъ. Мы услышали голосъ отца, а еще болѣе голосъ архипастыря. Какъ отецъ, ты собираешь подъ отеческое твое лоно (κόλπον) и кажущихся отчужденными отъ тебя сыновей; какъ пастырь ты по-

1) Πῶς οἱ ἅγιοι πατέρες πασῶν ἐκκλησιῶν τὰ πρωτεῖα ἁπλῶς ἔχειν ἐκέλευσαν τὴν ἱερὰν καὶ ἁγίαν Ῥωμαίων ἐκκλησίαν.

2) γνώμην ἀναφέρειν-ἐτύπωσαν.

учаешь насъ пастырской и боговнушенной твоей наукѣ—не небречь о паствахъ нашихъ, но всѣми силами заботиться о нихъ и усердно врачевать то, что̀ находится въ худомъ положеніи. Мы услышали, что ты призываешь насъ къ себѣ, и обратились на твой голосъ. Но всячески, если бы мы считали себя сынами чуждыми вашей святости или бы настроены были къ отчужденію отъ твоего пастырскаго попеченія, то, конечно, мы не признали бы этотъ голосъ за отеческій и не обратились бы на голосъ пастуха, наигрывающаго призывъ къ возврату (ὡς ποιμένος τὸ ἀναχλητιχὸν ᾄδοντος); ибо, по слову Господа, никто никогда не признаетъ голоса чужихъ, но скорѣе убѣгаетъ отъ него. Итакъ, къ чему образъ потерянной драхмы? Мы не признаемъ себя когда-либо выпадшими отъ твоего лона (χόλπων), равнымъ образомъ мы не отказываемся ни отъ сыновства, ни пастырства (принадлежности къ твоей паствѣ), чтобы быть такъ укоряемыми; по милости Божіей, мы стоимъ твердо и неподвижно на исповѣданіи блаженнаго Петра. Того, котораго онъ исповѣдалъ и проповѣдалъ, и мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, не вводя какого-либо новшества въ постановленномъ соборне святыми отцами, не прибавляя къ евангельскимъ и апостольскимъ словамъ ни одной черты, ни одной іоты. Мы знаемъ отъ проповѣдника языкамъ (апостола Павла), какъ велико наказаніе, угрожающее на то дерзающимъ. «Если я или ангелъ съ небеси возвѣститъ вамъ что̀ либо сверхъ того, что вы приняли, анаѳема да будетъ»[1]). Страшась сего, мы совершаемъ животворящую и безкровную жертву, какъ онъ предалъ намъ, принявъ отъ Господа (разумѣется причащеніе на квасномъ хлѣбѣ)..... Если бы мы обезумѣли на подобіе тѣхъ пастырей, о которыхъ съ плачемъ говоритъ пророкъ Іеремія (приводится текстъ), если бы мы были таковы для тебя (въ глазахъ твоихъ), святѣйшій отецъ, то какъ иначе ты могъ бы назвать насъ какъ не заблудшими овцами или потерянною драхмою и многодневнымъ мертвецомъ, лежащимъ во гробѣ? Но не думай такъ о насъ; ибо мы не знаемъ другаго основанія кромѣ лежащаго, и это самое мы—я и всѣ находящіеся подъ великимъ и апостольскимъ константинопольскимъ престоломъ — тебѣ сообщаемъ и такъ учимъ. Одно въ обѣихъ церквахъ глаголемое слово вѣры, одинъ агнецъ приносится въ жертву — взимающій грѣхи міра Христосъ — какъ у сущихъ на западѣ архіереевъ, находящихся подъ твоею главен-

1) Галат. I, 8.

ственною верховностью, такъ и у насъ восточныхъ, отъ высокаго константинопольскаго престола пріемлющихъ свѣтъ священства, хотя нѣкоторыя маловажныя вкравшіяся посреди преткновенія (προσκόμματα) и раздѣлили насъ, сдѣлавъ *многими* тѣхъ, кто одного и того же духа. Устранить это изъ среды насъ, какъ нѣкіе камни, по слову пророка, отпихнуть съ дороги, сдѣлать единство церквей непреткновеннымъ (ἀπρόσκοπον)—будетъ дѣломъ твоей святости, христоподражательно приникающей съ неба и раздѣленное собрать какъ желающей, такъ и могущей. Мы же и малы, и малымъ стадомъ управляемъ, владѣя скромнымъ и только каплями (текущимъ) словомъ и будучи чужды всякой добродѣтели, хотя Ваша святость и составила себѣ самое высокое о насъ представленіе, бывъ введена въ заблужденіе любовію къ намъ сюда приходившихъ (ἐνταῦθα ἐπιδεδημηκότων) и бесѣдовавшихъ съ нами. Ваше совершенство, и по (занимаемому) престолу, и по знанію, и по блеску жизни нося образъ и подобіе Христа, конечно будетъ въ силахъ устранить раздѣляющіе насъ соблазны (σκάνδαλα) и возвратить церквамъ единство и нераздѣльность. Ваша святость имѣетъ въ этомъ единомышленника и пособника въ лицѣ нашего державнѣйшаго и великаго въ царяхъ государя, наивысшаго по благочестію, непобѣдимаго по могуществу, непревосходимаго по мудрости, котораго манію и мы подчинимся и котораго владычней волѣ какъ рабы послужимъ».

Мы намѣренно привели эту переписку почти въ полномъ и возможно точномъ переводѣ, потому что она, очевидно, служитъ для характеристики современныхъ догматическихъ воззрѣній на раздѣленіе церквей, обращавшихся въ XII вѣкѣ, а о второй ея части можно кромѣ того сказать, что здѣсь довольно ярко выражается собственная личность писавшаго, характеръ его ума, степень образованія и т. д. Мы не рѣшаемся утверждать, что въ отвѣтѣ Василія папѣ слышится оттѣнокъ тонкой ироніи, какъ выразился одинъ ученый, но неподлежитъ сомнѣнію, что здѣсь все отъ начала до конца — начиная съ похвалы смиренію папы, который сравнивалъ себя съ Христомъ, сшедшимъ съ небесъ для спасенія людей, и широтѣ его любви—проникнуто извѣстною византійскою тонкостью [1]).

---

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви XI—XV вѣковъ, стр. 108, полагаетъ, что Василій—съ *цѣлію уколоть папу*—доказывалъ существованіе двухъ высшихъ первосвященниковъ въ христіанскомъ мірѣ—папы и константинопольскаго патріарха. Kattenbusch, Die orthodoxe Kirche (Freiburg 1892) S. 126, вслѣдъ за Пихлеромъ: Der Grieche antwortete mit der feinsten Ironie.

Къ 1155 году относится возникшее въ Константинополѣ волненіе по поводу догматическаго толкованія словъ «азъ есмь приносяй и приносимый и пріемлющій», о которомъ мы теперь имѣемъ подробный разсказъ въ недавно вышедшей книгѣ Ѳ. И. Успенскаго. Въ январѣ *слѣдующаго* года состоялось первое соборное совѣщаніе, вызванное почином новоизбраннаго русскаго митрополита Константина, на которомъ были осуждены главные виновники и распространители мнѣній, признанныхъ ложными и еретическими, въ числѣ ихъ и *Михаилъ* изъ Солуня, совсѣмъ неправильно принимаемый однимъ нѣмецкимъ, а вслѣдъ за нимъ и однимъ русскимъ ученымъ за Солунскаго митрополита [1]). На этомъ соборѣ 1156 года, на которомъ былъ осужденъ прежній его сотоварищъ по принадлежности къ клиру Великой церкви, Василій, по видимому, не присутствовалъ, потому что имени Ѳессалоникійскаго архіепископа вообще не названо въ документѣ, содержащемъ перечисленіе соучастниковъ собора. Тѣмъ не менѣе существуетъ нѣкоторый слѣдъ близкой заинтересованности Василія ходомъ предстоявшихъ соборныхъ совѣщаній. Въ собраніи различныхъ выдержекъ изъ сочиненій прежнихъ учителей и отцевъ церкви, приготовленныхъ для собора и по обычаю долженствовавшихъ быть прочитанными для установленія настоящаго церковнаго преданія, первое мѣсто занимаетъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія объ опрѣснокахъ митрополита Льва Болгарскаго: если мы правильно понимаемъ выраженія сопровождающаго отрывокъ надписанія, то выдержка сообщена была именно Василіемъ Охридскимъ, на мѣстѣ своей родины имѣвшимъ полную возможность лучше другихъ ознакомиться съ сочиненіями Льва, резиденціею котораго былъ тотъ же Охридъ. Въ изданіи кардинала Маи слова отрывка надписаны такъ: τοῦ κυροῦ, Λέοντος τοῦ Βουλγαρίας τοῦ πρωτουπροβλήτου παρὰ τοῦ μακαρίτου καλοῦ ἤτοι Βασιλείου ἐκ τῆς περὶ τῶν ἀζύμων ἐπιστολῆς αὐτοῦ [Льва Болгарскаго первопредложеннаго (или первоизбраннаго) отъ блаженнаго (покойнаго) добраго (калоса) или Василія изъ его посланія объ опрѣснокахъ]. Предложеніе кардинала Маи вмѣсто кажущихся безсмысленными

1) А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви, стр. 234: «*Михаила, митрополита Ѳессалоникійскаго*» при повѣствованіи о соборахъ 1156 года и 1157 (у него 1158 г.), и очевидно вслѣдъ за Дрэзеке, который въ статьѣ своей о Николаѣ Меѳонскомъ этою разницею именъ двухъ очень де близкихъ по времени іерарховъ Солуня пользуется какъ аргументомъ для доказательства своихъ ложныхъ хронологическихъ соображеній (см. ниже. примѣч. на стр. 71).

словъ *παρὰ τοῦ μακαρίτου καλοῦ ἤτοι Βασιλείου* читать *παρὰ τοῦ Καλαφάτου βασιλέως* (первопредложеннаго царемъ Калафатомъ) совершенно неудачно, потому что даже годъ воцаренія Михаила Калафата (1041) не сходится съ указываемымъ годомъ избранія Льва (1040), а сверхъ того и наименованіе царя просто однимъ прозвищемъ было бы крайне странно. Приходится предпочесть простѣйшее объясненіе, котораго никто не догадался ранѣе высказать и при которомъ Καλοῦ (съ прописною буквою) будетъ считаться другимъ собственнымъ именемъ Василія, на что дальше окажутся хорошія основанія. Странно только то, что Василій названъ *покойнымъ* (*μακαρίτου*, блаженнымъ), но нужно припомнить, что мы имѣемъ не подлинные протоколы синода, а позднѣйшую обработку ихъ, дошедшую до насъ чрезъ посредство Никиты Акомината изъ Хонъ[1]). За то вполнѣ несомнѣнно участіе Василія въ другомъ соборномъ засѣданіи 12 мая 1157-го года, на которомъ дѣло шло уже о изверженіи изъ церковнаго клира новоизбраннаго антіохійскаго патріарха Сотириха Пантевгена, ранѣе принадлежавшаго тоже къ средѣ столичнаго духовенства и тутъ заразившагося мнѣніями, осужденными въ началѣ предыдущаго года: хотя Сотирихъ и покорился вновь засвидѣтельствованному правильному общецерковному пониманію смысла извѣстныхъ словъ, однако сдѣлалъ это только послѣ долгаго упорства и потому большинствомъ признанъ былъ—не то чтобы подлежащимъ какому суровому наказанію, а только неспособнымъ и непригоднымъ къ учительству и руководительству церковному, соединяемому съ іерархическими должностями архіерея или священника. Василій же былъ въ числѣ семи членовъ собора, которые 12 мая составляли меньшинство и желали отложить до дальнѣйшаго разсмотрѣнія вопросъ о низложеніи Сотириха. Къ сожалѣнію подписей при протоколѣ этого засѣданія, сообщаемомъ Никитою Хоніатомъ, нѣтъ, а въ перечисленіи присутствующихъ есть сомнительныя чтенія или по крайней мѣрѣ

1) Въ актахъ, очевидно, подвергшихся при обработкѣ Никиты нѣкоторымъ измѣненіямъ, встрѣчается одна еще бо́льшая странность такого рода: въ числѣ духовныхъ особъ, засѣдавшихъ въ собраніи собора 12 мая, поименованъ патріархъ константинопольскій *Константинъ* (pag. 61: τοῦ Κωνσταντινουπόλεως Κωνσταντίνου), а подъ протоколомъ засѣданія 13 мая (pag. 88) вмѣсто того встрѣчаемъ подпись смиреннаго монаха *Луки*, Божіею милостію *архіепископа константинопольскаго*, который соглашается съ тѣмъ, что было написано въ предлежащемъ *томѣ* при бывшемъ прежде насъ блаженнѣйшемъ патріархѣ Константинѣ, и скрѣпляетъ это свое согласіе подписью. Ὁ ταπεινὸς μοναχὸς Λουκᾶς καὶ ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος νέας Ῥώμης—ὁρίσας ὑπέγραψα. И такъ, мы имѣемъ редакцію протоколовъ собора несовременную, а пересмотрѣнную позднѣе.

разногласіе въ двухъ печатныхъ изданіяхъ подлежащаго текста. У кардинала Маи мы находимъ (Spicilegium rom. X, 61):

τοῦ Θεσσαλονίκης Βασιλείου. . . .
τοῦ Λαοδικείας Καλοῦ;

а въ прежнемъ изданіи Тафеля (Supplementa historiae ecclesiast. graec., pag. 19):

τοῦ Θεσσαλονίκης Κυρίλλου. . . . .
τοῦ Λαοδικείας Βασιλείου.

Тутъ произошла нѣкоторая путаница; но сомнѣнія разрѣшаются полною подписью архіепископа Солунскаго подъ протоколомъ собранія 13-го мая (на другой день послѣ предыдущаго), когда Сотирихъ, не явившійся на засѣданіе по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, окончательно проигралъ свое дѣло, то есть, былъ присужденъ къ изверженію изъ духовнаго чина. Архіепископъ Солунскій, въ особенно торжественной и длинной формулѣ заявившій о своемъ единомысліи со всѣми другими членами, назвалъ себя Κάλοςъ (Mai, Spicileg. rom. X, 91: Ὁ εὐτελὴς ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης Κάλος. . . . . ἀκολούθως τοῖς ἄλλοις καὶ αὐτὸς ὁρίσας ὑπέγραψα), а тождественность лица, носящаго такое имя, съ нашимъ Василіемъ Охридскимъ ясна изъ предыдущаго и особенно изъ замѣтки καλοῦ ἤτοι Βασιλείου [1]).

---

1) Нѣмецкій ученый Дрэзеке (Dräseke, Zu Nicolaus von Methone: Zeitschrift für Kirchengeschichte IX (1887) S. 414), стараясь доказать, что между соборомъ 1156 года и другимъ—по его 1158 г., который прежде относили тоже къ 1156 году, былъ значительный промежутокъ, ссылается между прочимъ на разницу въ наименованіяхъ солунскаго архіепископа: на первомъ является *епископомъ* Михаилъ, а на второмъ ein anderer, Namens Kalos. Откуда взялся Михаилъ, Солунскій митрополитъ, мы уже знаемъ. Теперь нужно сказать, что Дрэзеке вообще надѣлалъ очень много ошибокъ въ своихъ хронологическихъ вычисленіяхъ о соборѣ 1157-го года (у него 1158) и совершенно незаслуженно получилъ за нихъ похвалу отъ русскаго ученаго: Дрэзеке, де, *основательно* доказалъ, что соборъ собирался въ 1158-мъ году (А. Лебедевъ, Очерки византійской церкви въ XI—XV вѣкахъ. Москва, 1892, стр. 54). Вѣрнѣе было бы сказать, что Дрэзеке здѣсь обнаружилъ полное незнаніе дѣла и даже неумѣніе справиться съ разчисленіемъ индиктовъ. Что майское собраніе собора было въ 1157 году объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ стоящая въ началѣ отмѣтка (Mai, Spicil. rom. X, 58): μηνὶ Μαΐῳ ιβʹ ἡμέρᾳ ἰνδ εʹ. Такъ какъ пятый индиктъ соотвѣтствуетъ 6665 сентябрскому году, то уже отсюда получается 1157 по Р. Х. Сверхъ того нужно имѣть въ виду и пропущенное у Маи обозначеніе дня недѣли, какимъ, на основаніи простой догадки по ὁμοιοτέλευτον, должно быть αʹ (Воскресенье), дѣйствительно и прочтенное ранѣе Тафелемъ въ его рукописи (Supplementa histor. eccles. graecor., pag. 18, Μηνὶ Μαΐῳ ιβʹ ἡμέρᾳ αʹ ν̄ εʹ. Мая 12 числа, въ первый день

Къ 1158 году относится печатаемое ниже слово Василія Охридскаго на смерть императрицы Ирины, произнесенное въ присутствіи царя Мануила и, по видимому, въ Константинополѣ. Здѣсь, какъ уже было замѣчено, Василій является выдающимся церковнымъ ораторомъ — со всѣми хорошими и дурными сторонами современной ему школы, къ которой слѣдуетъ причислять и его преемника, знаменитаго Евстаѳія. Конечно, эта рѣчь не чужда риторики, исполнена ложнаго паѳоса, напыщенна, но есть, однако, въ ней и довольно живыя мѣста, каково прежде всего описаніе сцены пасхальнаго причащенія царя и царицы изъ рукъ самого Василія въ Солунѣ: о ней будетъ рѣчь ниже — въ главѣ, посвященной извѣстіямъ о Иринѣ. Драгоцѣнно это произведеніе Василія и тѣмъ, что оно даетъ намъ возможность судить о степени его образованія, объ его начитанности въ духовной и свѣтской, то есть классической литературѣ. Легко замѣтить, что память его свободно располагаетъ большимъ запасомъ готовыхъ цитатъ, приноровленій и намековъ, почерпаемыхъ изъ книхъ священнаго писанія, преимущественно, однако, изъ псалмовъ и пророческихъ книгъ. На ряду съ библейскою лексикою легко идутъ на языкъ выраженія классическихъ поэтовъ, не только Гомера или Еврипида, но даже Эсхила, изъ котораго приведенъ одинъ стихъ. Есть ссылки на Аристотеля и какое-то странное извѣстіе о женѣ Катона Римскаго, ведущее свое начало отъ Плинія старшаго. Историческія данныя, заключающіяся въ рѣчи, будутъ оцѣнены ниже.

Леунклавіемъ въ его сборникѣ греко-римскаго права, при томъ не однажды, а два раза (Jus Graeco-rom., t. I, pag. 309, потомъ

недѣли (въ Воскресенье) инд. 5. 12 мая въ 1157 году дѣйствительно приходится въ Воскресенье. Въ обозначеніи слѣдующаго засѣданія (13 мая) день недѣли выраженъ цифрою (буквою), но за то пропущенъ индиктъ (Mai, Spicil. X, 83), Μηνὶ Μαΐῳ ιγ΄ ἡμέρᾳ, β΄ ἰνδικτιῶνι: нужно читать: Μηνὶ Μαΐῳ ιγ΄, ἡμέρᾳ β΄, ἰνδικτ. ε΄. Тринадцатое мая дѣйствительно въ этотъ индиктъ будетъ приходиться въ понедѣльникъ. На стр. 85 у Маи уже нѣсколько иначе: Μηνὶ Μαΐῳ ιγ΄ ἡμέρᾳ ἰνδικτιῶνι β΄. Очевидно, неловкая перестановка принадлежитъ незнающему переписчику. Нужно впрочемъ, сказать, что понимающіе люди нисколько не были увлечены аргументаціею Дрэзеке (у Ѳ. И Успенскаго, Очерки визант. образованности, стр. 218, правильно 1157 годъ; а еще ранѣе та же дата была принята у Капгера: Kap-Herr: Abendländische Politik Kaiser Manuels (Strassburg, 1881, S. 139). Вопросъ о томъ, противъ кого были направлены военныя намѣренія Мануила, присутствовавшаго на соборѣ и ради предстоящаго похода торопившаго отцевъ собора скорѣе постановить опредѣленіе, долженъ быть рѣшаемъ—уже послѣ того, какъ будетъ установленъ настоящій годъ собора, а не на оборотъ, какъ поступаетъ Дрэзеке, ибо почти каждый годъ весной Мануилъ предпринималъ экспедиціи то противъ одного врага, то противъ другого.

ниже pag. 408) напечатана была небольшая статья, представляющая отвѣтъ Василія Охридскаго на вопросъ о допустимости брака при извѣстныхъ отношеніяхъ родственности и свойства, предложенный великимъ друнгаріемъ епископу Драча (Диррахія). Въ своей конкретной формѣ вопросъ заключался въ слѣдующемъ: когда Юліанъ, братъ Іоаннѡ, женился на Софьѣ, дочери Ксанѳы, то позволительно-ли (родному) дядѣ Софьи, двоюродному брату Ксанѳы, Симеону, жениться на Іоаннѡ, родной сестрѣ Юліана. Такой бракъ Василій признавалъ совершенно позволительнымъ и въ своемъ разсужденіи ссылался — очевидно, на Василики, сборникъ гражданскихъ законовъ, хотя въ изданныхъ Леунклавіемъ текстахъ, а затѣмъ и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ и переизданіяхъ тутъ встрѣчаются странныя разночтенія, превращающія Василики въ Василія Великаго, отца церкви[1]). Существуетъ нѣкоторое отличіе между двумя редакціями и въ передачѣ подписи, при чемъ одна отличаетъ мѣсяцъ (сентябрь) и индиктъ, а другая нѣтъ[2]). Индиктъ указанъ *девятый*, а въ предѣлахъ, которыми очерчивается по всѣмъ даннымъ іерархическая дѣятельность Василія, такой индиктъ встрѣтится только дважды: 1145—1146 и 1160—1161 годы съ сентября по сентябрь. Мы должны остановиться на второй датѣ, какъ болѣе вѣроятной, хотя нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что въ сентябрѣ 1145 года Василій уже вступилъ на Солунскую каѳедру (см. выше).

Теперь мы должны вновь обратиться къ сохранившимся въ рукописяхъ слѣдамъ состязаній Василія съ латинами, именно къ тому сообщенію, которое ставитъ его лицемъ къ лицу съ другимъ католическимъ епископомъ, хотя менѣе знаменитымъ, чѣмъ Ансельмъ Гавельсбергскій, но тоже оставившимъ послѣ себя если не собственныя богословскія сочиненія, то память въ исторіи, то есть съ Генрихомъ

---

1) Leunclav. l. c. (= Migne, Patrolog. gracc., t. CXIX, 934): κατὰ γὰρ θεοφύλακτον μέγαν βασιλέα (Βασίλειον) ἐν τοῖς γάμοις, οὐ μόνον τὸ ἐπιτετραμμένον ζητοῦμεν, ἀλλὰ καὶ τὸ εὐπρεπές, καὶ ἑτέρωθι ὁ αὐτός, ἐν οἷς τὰ τοῦ γένους συγχέονται, ἐκεῖθεν ὁ γάμος ἀθέμιτος.... Ἀγχιστεία δέ ἐστι κατὰ τὸν νομοθέτην οἰκειότης προσώπων. и т. д., а во второй редакціи (Migne, p. 1120), κατὰ γὰρ τὸν θεοφόρον Βασίλειον и. т. д. Ср. еще Rhally et Potly, Syntagma canon. V, 389: κατὰ τὸν θεοφόρον μέγαν Βασίλειον. Однако издатели въ примѣчаніи указываютъ соотвѣтствующія мѣста въ Василикахъ. ς, Βασιλ. κη′ 5 и Βασιλ. πζ′ (Heimbach III, 198. 201).

2) Μην ὶΣεπτεμβρίῳ ἐπινεμήσεως θ′. Βασίλειος ὁ ταπεινὸς Θεσσαλονίκης А во второмъ случаѣ: Βασίλειος, ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης Θεσσαλονίκης. Ср. Rhally V, 390. Прибавимъ, что въ этомъ послѣднемъ, аѳинскомъ, изданіи и въ самомъ началѣ есть нѣкоторыя отличія въ текстѣ: вмѣсто Ксанѳы стоитъ имя Καλή.

Беневентскимъ. Въ греческомъ Вѣнскомъ сборникѣ (№ CCXIII) помѣщается статья (№ 11), содержащая собесѣдованія о различіяхъ въ вѣрѣ между греками и латинами и начинающаяся такимъ вступленіемъ: въ царствованіе императора Мануила Комнина прибылъ изъ Италіи въ видѣ просителя епископъ Беневента, отличавшійся добродѣтелью и даромъ слова [1]). Съ этимъ представителемъ римской церкви, имя котораго здѣсь не названное устанавливается на основаніи другихъ данныхъ, и были ведены пренія въ Солунѣ его архіепископомъ, тогда же записанныя монахомъ монастыря Акапніотовъ Никитою [2]); они остаются неизданными. Когда же они могли происходить? — Беневентскій епископъ Генрихъ былъ посредникомъ въ сношеніяхъ и переговорахъ царя Мануила съ французскимъ королемъ Людовикомъ VII и съ папою Александромъ III, когда этотъ послѣдній вслѣдствіе ожесточенной борьбы съ императоромъ западнымъ, Фридрихомъ Барбароссою, удалился на время во Францію, да и послѣ его возвращенія въ Италію. Чрезъ посредство Генриха произошло сближеніе Мануила съ западными государями, признававшими Александра III и отвергавшими поставленнаго Фридрихомъ антипапу. При этомъ обнаруживается, что самъ Генрихъ не ѣздилъ въ Константинополь, а отправлялъ туда чрезъ гонцовъ и посланцевъ письма, приходившія изъ Франціи для Мануила или же обратно изъ Константинополя для Людовика VII и т. д. [3]). Беневентъ служилъ передаточнымъ пунктомъ,

---

1) Μανουὴλ τοῦ ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸν (sic) βασιλεύοντος καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πορφυρογεννήτου διάγοντος ἐν Κωνσταντινουπόλει ἱκέτης ἀνὴρ ἐξ Ἰταλίας, ἐπίσκοπος Βενεβέντου ἀρετῇ καὶ λόγῳ κεκοσμημένος.... Lambec. Commentar. V, 39. Ср. Nessel, Breviarium, t. I, 289.

2) Nessel l. c.: conscripta autem instar dialogi a Niceta monacho ἐν τῇ Ἀκαπνιωτῶν μονῇ. Монастырь Ἀκαπνίου упоминается еще въ оглавленіи неизданнаго сказанія объ одной чудотворной иконѣ въ Солунѣ. Matthaei, Codic. graec. synod. accurata notitia, pag. 97.

3) Письма Мануила къ Людовику VII и обратно — у Bouquet, t. XVI, pag. 82 и сл., а документы, относящіеся къ сношеніямъ съ папою Александромъ, у Mansi, Concilia XXI, 724 и сл. (перепечатано у Migne, Patrol. lat., t. CC). Изъ новыхъ см. Reuter, Gesch. des Papst. Alexand. des III, I, 108—109. Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, V, 426—429. Kap-Herr, Abendländische Politik des Kaisers Manuel, S. 155. Вопросъ о послѣдовательности и вообще о хронологіи писемъ, относящихся къ сношеніямъ Мануила съ Людовикомъ и папою Александромъ, оказывается спорнымъ и Капгеръ полемизируетъ съ Гизебрехтомъ, доказывая, что первое письмо Мануила къ Людовику, доставленное чрезъ посредство Генриха Беневентскаго, было написано не въ 1163 году, а *раньше* бракосочетанія Мануила на дочери Раймунда Антіохійскаго — 25 декабря 1161 года. Въ дѣйствительности, изъ самаго документа видно, что не ранѣе, а *позже* бракосочетанія. Мануилъ писалъ, что бракъ его долженъ повести къ тѣснѣйшему его сближенію съ королемъ французскимъ, родственникомъ антіохій-

вслѣдствіе чего и сохранялось въ его архивѣ не мало документовъ, приводившихъ въ восторгъ послѣдующихъ греческихъ друзей уніи и свидѣтельствовавшихъ о глубокомъ уваженіи восточнаго императора къ папскому престолу и даже о признаніи главенства римской церкви [1]). Дружелюбныя сношенія Мануила съ Александромъ III уже продолжались довольно долго, съ 1162 по 1166 годъ, когда они завершились слѣдующимъ неожиданнымъ шагомъ со стороны православнаго византійскаго государя. Въ Римѣ явились послы Мануила съ богатыми подарками папѣ и весьма важными порученіями своего государя. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что Мануилъ предлагалъ папѣ Александру полную унію греческой церкви съ римскою подъ условіемъ признанія греками римскаго главенства, а папа долженъ былъ ему дать корону западной имперіи, которая по праву и безъ того принадлежитъ ему, а не Фридриху, королю нѣмецкому [2]). Была бы одна церковь и одна имперія. Не смотря на то, что Мануилъ обѣщалъ и деньги и военную силу для осуществленія такого плана въ Италіи, папа Александръ III не былъ обольщенъ заманчивою перспективою торжества надъ Фридрихомъ Барбароссою, хотя и былъ имъ доведенъ до весьма стѣснительнаго положенія: очевидно онъ находилъ планы Мануила слишкомъ далеко идущими и даже опасными. Однако, не желая потерять союзника, въ которомъ видѣлъ важную для себя опору, онъ отправилъ въ Константинополь посольство для переговоровъ. Во главѣ посольства находились два кардинала римской церкви,—они только одни и названы поименно въ современной біографіи папы Александра; но есть документальное свидѣтельство, что въ томъ же самомъ 1166 году и Генрихъ Беневентскій былъ въ отсутствіи изъ

ской бывшей принцессы,—которую imperium nostrum *consortem ducere decrevit*. Капгерръ полагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь пока только о принятомъ рѣшеніи (decrevit), а не о сбывшемся фактѣ; но онъ не прочиталъ дальнѣйшихъ, непосредственно слѣдующихъ словъ: quam imperiali diademate magnifice insignivimus, которыя говорятъ даже о возложеніи императорской короны на новую царицу. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды входить подробно въ эти вопросы.

1) Позднѣйшій «латиномысленный» греческій писатель Георгій Метохитъ въ своей Historia dogmatica: Mai, Nova Patrum Biblioth. VIII, 24. 25 сообщаетъ, что видѣлъ въ Беневентѣ грамоты Мануила: онъ подробно описываетъ ихъ внѣшность и кратко обозначаетъ содержаніе.

2) Alexandri III vita a Bosone cardinali conscripta: Watterich, Vitae pontificum romanor. II, 403—404. Giesebrecht, Gesch. der deutsch. Kaiserz. V, 496—497. Reuter, Gesch., d. Papst. Alexand. des III, II, 248.—Langen l. c. 494.—Катанскій, Исторія попытокъ, стр. 62. Остроумовъ, Введеніе въ церковное право, I, 401.

своей епархіи, исправляя должность посла папы въ Константинополѣ[1]). Очень естественно, что его выбрали какъ лице, уже знакомое съ восточными дѣлами, для сопровожденія и руководства кардиналовъ. Сама собою представляется также догадка и вопросъ, не былъ-ли когда. нибудь ранѣе 1163 года Генрихъ и лично въ Константинополѣ. Но трудно предположить, чтобы онъ могъ быть спутникомъ и участникомъ первой поѣздки Ансельма Гавельсбергскаго въ 1135 году, когда происходили состязанія съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою. Во всякомъ случаѣ книга, въ которой изложенъ былъ въ 1150 году по памяти ходъ тогдашнихъ преній, была написана не имъ, да и протоколъ того диспута, съ которымъ въ Вѣнской рукописи связывается его имя, составленъ былъ мѣстнымъ Солунскимъ монахомъ. Вообще неизвѣстно, чтобы Генрихъ Беневентскій оставилъ послѣ себя какія нибудь сочиненія, но за то греческій языкъ онъ могъ знать, какъ уроженецъ южной Италіи, гдѣ еще держалось его употребленіе. Все это служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы приведенный Гергенрѣтеромъ отрывокъ изъ Мюнхенскаго кодекса приписывать Генриху. Слѣдовательно мы возвращаемся къ тому положенію, что Василій Охридскій во время своего пребыванія на Солунской каѳедрѣ имѣлъ два состязанія о вѣрѣ съ латинами: первое въ 1155 году съ Ансельмомъ Гавельсбергскимъ и второе въ 1166 году съ Генрихомъ Беневентскимъ, и что его первое состязаніе съ Ансельмомъ было для этого послѣдняго вторымъ, не оставившимъ послѣ себя такой памяти, какъ первое съ Никитою Никомидійскимъ.

Диспутъ съ Генрихомъ въ 1166 г. будетъ послѣдній фактъ, извѣстный намъ изъ жизни Василія Охридскаго. Уже въ рѣчи на кончину Ирины онъ говорилъ о своей старости, о своихъ отъ времени изсохшихъ устахъ (гл. 25 въ концѣ). Въ 1169 году его каѳедру занималъ *Константинъ*, предшественникъ знаменитаго Евстаѳія.

---

1) Ughelli, Italia sacra (ed. secunda cura et studio Nic. Coletti, Venetiis, 1721), IX, 115. De nostro Henrico unum restat addendum a Vipera omissum, illum scilicet anno 1166 functum esse legationis munere apud Constantinopolitanum, et in administratione Archiepiscopatus substituisse Rainulphum—Archidiaconum, prout mihi innotuit ex instrumento quodam monasterii sancti Victorini, signato № I, ubi tale est exordium. Ego Rainulphus archidiaconus sacri Beneventani Episcopii, in quo Divina favente gratia Dominus Henricus venerabilis Archiepiscopus praeest, qui in injuncta sibi Legatione à praedicto Domino Papa modo est in *Romania*. Clarum facio и т. д. Въ *Романіи* Угелли не усумнился признать Византію, какъ это и слѣдовало.

II.

Ирина-Берта, супруга Мануила Комнина.

Предметомъ надгробной рѣчи Василія была супруга императора Мануила (1143—1180), Ирина, по происхожденію нѣмка изъ Баваріи, изъ рода графовъ Зульцбахъ, которымъ позднѣе принадлежалъ наиболѣе обширный разбойническій замокъ во всей Германіи, родная сестра жены германскаго государя — короля и невѣнчаннаго императора Конрада III. Именно это свойствò съ могущественнымъ представителемъ западной имперіи, выдвинувъ Берту Зульцбахъ на видное мѣсто, обусловило ея дальнѣйшее возвышеніе. Женитьба Мануила на Бертѣ не была случайнымъ явленіемъ, а выраженіемъ тогдашней византійской политики, искавшей себѣ опоры и друзей на западѣ противъ враговъ, грозившихъ тоже съ запада. Одинъ изъ болѣе любопытныхъ эпизодовъ политической европейской исторіи XII вѣка представляетъ именно этотъ союзъ между двумя христіанскими имперіями, предъявлявшими одинаковыя притязанія на идеальное наслѣдіе древняго міродержавнаго Рима. Если не считать преходящихъ дружественныхъ отношеній между Алексѣемъ Комниномъ и Гейнрихомъ IV, направленныхъ противъ папы Григорія VII и Роберта Гвискарда, то основаніе болѣе прочному и долго державшемуся союзу, хотя и съ нѣкоторыми промежутками охлажденія, было положено собственно отцемъ Мануила, императоромъ Кало-Іоанномъ (1118—1143), и германо-римскимъ императоромъ Лотаремъ Саксонскимъ. Выше мы имѣли случай указать, что при Лотарѣ обѣ державы размѣнивались посольствами, что при этомъ шла рѣчь и о примиреніи церковнаго раздора, происходили состязанія о вѣрѣ (Ансельмъ Гавельсбергскій).

Какъ бывало всегда и прежде и послѣ, лучшимъ средствомъ для скрѣпленія политической дружбы признавался союзъ династическій — брачныя связи между двумя дворами.

По смерти Лотаря (1137 г.) связь между Германіей и Византіею на нѣкоторое время ослабѣла, но затѣмъ угрожающее положеніе короля Рожера, соединившаго въ своихъ рукахъ обѣ части южно-итальянскихъ норманнскихъ владѣній (Сицилію и Апулію съ Калабріей), заставило Кало-Іоанна возобновить оборванную нить переговоровъ и вступить въ сношенія съ преемникомъ Лотаря, Конрадомъ III Шваб-

скимъ (Гогенштауфеномъ). Въ 1140 или 1141-мъ году Іоаннъ отправилъ пословъ въ Германію съ предложеніемъ дружбы и союза; вмѣстѣ съ тѣмъ послы должны были сватать какую-либо изъ принцессъ королевской крови за младшаго сына Кало-Іоаннова Мануила (родился въ 1122 г.). Конрадъ ради своихъ итальянскихъ плановъ, при осуществленіи которыхъ византійскій флотъ могъ бы оказать очень полезное содѣйствіе, съ готовностью пошелъ на встрѣчу сдѣланному изъ Византіи призыву; въ качествѣ невѣсты онъ предложилъ сестру своей супруги, Гертруды, Берту Зульцбахъ[1]). Въ Константинополѣ не нашли повода возражать противъ выбора, обоюдное согласіе скоро было установлено и уже въ концѣ 1141 или въ началѣ 1142 года явилось въ Германіи новое посольство отъ Кало-Іоанна, главнымъ порученіемъ котораго было — отвести сосватанную невѣсту въ Константинополь, а затѣмъ дать отвѣтъ на разныя требованія и запросы германскаго короля[2]). Весною 1142-го года Берта покинула свое

1) Otto Fris. Gesta Frederici I, c. 23. Далѣе намъ придется всего чаще ссылаться на прекрасный трудъ В. Бернгарди — изъ серіи Jahrbücher der deutschen Geschichte, въ двухъ томахъ излагающій подробное обозрѣніе царствованія Конрада годъ за годомъ: Konrad III. Von Wilh. Bernhardi (Leipzig, 1883). Здѣсь удѣлено надлежащее вниманіе и столь важнымъ византійскимъ отношеніямъ; однако и въ этомъ, повидимому, все исчерпывающемъ трудѣ, когда дѣло касается даже не одной только Византіи, а Византіи и Германіи совокупно, оказываются и пробѣлы въ знакомствѣ съ источниками (конечно, второстепенными) и не совсѣмъ маловажныя ошибки.

2) Nam etsi quidam (apocrisiariorum nostrorum) ad *susceptionem magis* nobilissime cum Deo *futurae nurus* imperii mei missi sunt, tamen etiam communiter eis notum imperii mei velle: пишетъ Кало-Іоаннъ въ грамотѣ, сохраненной для насъ знаменитымъ германскимъ историкомъ, Оттономъ, Фрейзингенскимъ епископомъ, своднымъ братомъ короля Конрада и дядею Фридриха Барбароссы (Gesta Frederici imperat. Lib. I, cap. 24). Такъ какъ на основаніи ниже приводимыхъ данныхъ время прибытія Берты въ Константинополь можетъ быть съ точностію установлено — весна 1142, то и самое письмо Іоанна необходимо будетъ относить къ означенному въ текстѣ сроку. Оттонъ Фрейзингенскій не захотѣлъ «сообщать всѣхъ писемъ», какія относились къ перепискѣ Кало-Іоанна съ королемъ Конрадомъ, и ограничился только двумя — одно Конрада и одно Іоанна (третье письмо позднѣйшее отъ Конрада Мануилу). Что это были не первыя по времени грамоты того и другаго, что имъ предшествовали иныя, это видно уже изъ находящихся въ нихъ ссылокъ на litterae priores и на бывшую предъ тѣмъ обсылку посольствами. Вопросъ заключается только въ томъ, сколько было всѣхъ грамотъ и на которое изъ писемъ Конрада отвѣчаетъ Кало-Іоаннъ въ сохранившемся посланіи (у Оттона) — на первое, до насъ не дошедшее или на второе, которое поставлено у Оттона Фрейзингенскаго рядомъ, но ниже. Мы полагаемъ, что на первое, до насъ не дошедшее, и думаемъ, что *второе* письмо Конрада поставлено Оттономъ впереди просто ради почета, ради уваженія къ *своему* государю. Въ этомъ *второмъ* читаемомъ нами у Оттона письмѣ Конрада о бракѣ говорится какъ о дѣлѣ окончательно рѣшенномъ и устроенномъ.

отечество [1]). Изъ рѣчи Василія мы теперь узнаемъ путь, какимъ Берта прибыла въ Византійскую столицу. Она совершила переѣздъ чрезъ Адріатическое (= Іонійское) море [2]), котораго достигла въ сопровожденіи, кромѣ греческихъ пословъ, еще венеціанскихъ, и высадилась на Эпирскомъ (иллирійскомъ, албанскомъ) берегѣ, чтобы направиться старинною и обычною дорогою.

Въ надгробной рѣчи Василія мы находимъ кромѣ указанія на этотъ маршрутъ довольно риторическое описаніе торжественныхъ встрѣчъ, устраиваемыхъ по дорогѣ городами и вообще мѣстнымъ населеніемъ невѣстѣ младшаго изъ царскихъ сыновей; но нѣтъ никакихъ особенныхъ подробностей о самомъ въѣздѣ въ столицу. Впрочемъ изъ связи рѣчи видно, что тогда ни царя (царицы давно не было въ живыхъ), ни царевича-жениха не было въ Константинополѣ. Гдѣ именно они находились, это мы точнѣе узнаемъ изъ дошедшаго до насъ привѣтственнаго стихотворенія Бертѣ при ея вступленіи въ столичный городъ, сочиненнаго тогдашнимъ придворнымъ піитою Ѳеодоромъ Продромомъ. Опуская это произведеніе изъ виду, нѣмецкіе ученые, спеціально занимавшіеся царствованіемъ Конрада III, впадали въ ошибки, которыхъ иначе могли бы легко избѣжать. Мы должны ближе познакомиться съ содержаніемъ стихотворенія, дополняющаго и разъясняю-

---

Conservamus igitur quae justa et amicabilia sunt ad vos, eadem vos ad nos, et tanto studiosius, quanto per conjugium sororis dilectissimae conjugis nostrae, imperatricis videlicet nobilissimae, et filii tui confoederati sumus propinquius. Эта грамота Конрада дана въ Регенсбургѣ 12-го февраля, годъ не обозначенъ, но не можетъ быть никакимъ другимъ кромѣ 1142-го, какъ это и считается доказаннымъ и общепринятымъ. Она могла быть написана уже послѣ прибытія пословъ, пріѣхавшихъ за Ириною, и даже въ слѣдъ за ними. — Мы не пускаемся въ дальнѣйшія разъясненія относительно посольствъ съ той и другой стороны, упоминаемыхъ въ перепискѣ: это вопросъ запутанный и сложный; думаемъ только, что при нашемъ взглядѣ на отношеніе двухъ писемъ все можетъ быть приведено къ соглашенію.

1) Первая (изъ выше характеризованныхъ) ошибка Бернгарди (Bernhardi, Konrad III) заключается въ предположеніи, что вопросъ о византійскомъ бракѣ потребовалъ долгихъ переговоровъ между Кало-Іоанномъ и Конрадомъ, что они не были приведены къ фактическому завершенію при жизни Кало-Іоанна, а напротивъ были прерваны его смертію, такъ что сосватанная невѣста оставалась еще долго на родинѣ до 1145 года. См. особенно страницы: 266, 267, 271, 272. Заблужденіе это находится въ связи съ неправильнымъ пониманіемъ взаимнаго отношенія между документами, сообщенными у Оттона Фрейзингенскаго, и съ нѣкоторыми пробѣлами въ знакомствѣ съ византійскими мелкими источниками (стихотвореніе Продрома, о которомъ рѣчь будетъ ниже); оно окончательно опровергается рѣчью Василія Охридскаго.

2) Bernhardi I, 415. Ob der Landweg durch Ungarn eingeschlagen oder die Seefahrt durch das Adriatische Meer gewählt wurde, ist nicht überliefert.

щаго намеки позднѣйшей надгробной рѣчи Василія[1]). Поэтъ попеременно обращается къ царю Іоанну, къ севастократору Мануилу, къ королю Конраду и затѣмъ къ новообрученной невѣстѣ. Императоръ Мануилъ восхваляется за чадолюбивыя заботы о сыновьяхъ, выразившіяся въ пріисканіи имъ благородныхъ и хорошихъ женъ, и въ частности за то, что послѣднимъ брачнымъ союзомъ утвердилъ главенство Константинополя надъ древнимъ Римомъ.

«На чуждые народы ты налагаешь контрибуціи и дань,
«А своимъ дѣтямъ ты приводишь прекраснѣйшихъ невѣстъ;
«Какъ и нынѣ Мануилу, возлюбленному твоему сыну,
«Ты обручилъ (ἡρμόσω) отъ запада сію царственную (дѣву),
«Ради которой мы сегодня отправляемъ торжество въѣзда (τὰ τῶν εἰσιτηρίων).
«Радуйся новый Римъ (Константинополь), нынѣшнему входу,
«Чрезъ него ты оказался главою стараго Рима!
«Ибо послѣдній (старый Римъ) даетъ невѣсту, а ты жениха,
«А такъ какъ всѣ мы знаемъ, что мужъ есть глава жены,
«То ясно, что это (главенство) справедливо переходитъ и на тебя...

Обращаясь къ Мануилу, поэтъ отъ силлогизма переходитъ къ восклицаніямъ.

«О юная отрасль священной порфиры, Мануилъ!
«О украшеніе всеблагополучной *севастократоріи* (καὶ κόσμε τῆς εὐτυχοῦς σεβαστοκρατορίας),
«Дѣтенышъ вседерзающаго льва, котораго одно рыканіе
«Прогоняетъ суроваго Перса и заставляетъ трепетать Вавилонъ» (разумѣются турки и калифатъ),
«Подними свои большія очи изъ *средины Исавріи* (Ἆρον τὸν μέγαν ὀφθαλμὸν ἐξ Ἰσαυρίας τῆς μέσης)
«И взгляни на свѣтло одѣтую Византію,
«Ради новаго торжества по поводу въѣзда,
«Благородной и прекраснѣйшей юной дѣвы,
«Которую тебѣ сосваталъ императоръ и отецъ —
. . . .
И крѣпко возрадуйся совершающемуся.

1) Оно напечатано было у Matranga, Anecd. gr., p. 552, за тѣмъ у Маи въ VI томѣ его Bibliotheca nova Patrum, и перепечатано Migne, Patrol. graec., t. CXXXIII, col. 1360—1362 — съ латинскимъ переводомъ. Странно, что оно осталось неизвѣстнымъ для Bernhardi.

Слѣдуетъ обращеніе къ германскому государю:

«О великій король (ῥήξ) древняго и старшаго Рима,
«Глубокій умомъ и искусный въ ратномъ дѣлѣ,
«Благороднѣйшій по происхожденію *Конрадъ* (Κονράδε),
«И свойственникъ (κηδεστά) нынѣ копьеносимыхъ!
«Нынѣ ты превзошелъ всѣхъ честію, нынѣ ты еще болѣе облагородился
«Тѣмъ, что вступилъ въ среду дома Комниновъ и оказался свойственникомъ такого царя.
«Итакъ радуйся вмѣстѣ съ нами и воспой этой дѣвѣ
«Нынѣ музыкальные пэаны на вступленіе;
«А не много спустя, Богъ дастъ, и брачныя свадебныя пѣсни,
«Когда нашъ господинъ возвратится къ намъ съ побѣдами[1]).

Въ обращеніи къ невѣстѣ говорится, что блескъ настоящаго торжества, толпы стекшагося на церемонію народа и впереди идущихъ съ копьями оруженосцевъ, золотыя одежды вельможъ, смѣшанный гулъ музыкальныхъ органовъ и разлитый въ воздухѣ запахъ аравійскихъ куреній — все это должно было послужить для нея предзнаменованіемъ и предвкушеніемъ того, что ожидаетъ ее въ будущемъ. Пусть же она исполнится въ душѣ несказанною радостію и *обниметъ царицъ*, вышедшихъ къ ней на встрѣчу, пусть преклонится предъ царемъ, хотя онъ и находится въ отсутствіи, предъ царемъ, который перенесъ съ запада прекрасную виноградную лозу и насадилъ ее въ своемъ царскомъ саду.

Ἴδε, βελτίστη γυναικῶν, ἐκ τῆς παρούσης δόξης
Τῶν προπεμπόντων σοι λαῶν καὶ τῶν δορυφορούντων,
Καὶ τῆς λαμπρᾶς παρασκευῆς καὶ τῆς χρυσοφορίας,
Τῆς συμμιγοῦς ἀλαλαγῆς τῶν μουσικῶν ὀργάνων
Τῶν ξύλων τῶν Ἀραβικῶν τῆς μυρομβροχυσίας,
Καὶ στόχασαι τὰ μέλλοντα, κρῖνον αὐτοὺς τοὺς γάμους.
Καὶ πληρωθεῖσα τὴν ψυχὴν ἀφάτου χαρμοσύνης,
Τὰς μὲν ἀνάσσας πρόσπτυσσε τὰς σοὶ προσυπαντώσας.
Προσκύνει δέ, κἂν ἄπεστι, τὸν κράτιστον δεσπότην.

---

1) Ὅθεν καὶ χαῖρε μεθ' ἡμῶν καὶ σύνᾳδε τῇ κόρῃ
Νῦν μὲν παιάνας μουσικοὺς τοὺς ἐπιβατηρίους,
Μετ' οὐ πολὺ δὲ σὺν θεῷ τοὺς ἐπιθαλαμίους,
Ἐπαναζεύξαντος ἡμῖν σὺν νίκαις τοῦ δεσπότου.

Подъ *царицами* (ἄνασσαι), которыхъ должна была обнять Берта Зульцбахъ, разумѣются жены двухъ старшихъ братьевъ Мануиловыхъ, *Алексѣя*, предполагаемаго тогда преемника отцу на престолѣ, провозглашеннаго заранѣе царемъ и соправителемъ, и *Андроника*, который уже былъ отцемъ нѣсколькихъ дѣтей и подобно младшимъ братьямъ—Исааку и Мануилу—носилъ титулъ севастократора. Всѣ они сопровождали отца, императора Іоанна, въ его послѣднихъ походахъ противъ Иконійскихъ турокъ (сельджуковъ), а также въ Сирію противъ антіохійскихъ латинскихъ владѣтелей. Продромъ предполагаетъ, что въ данный моментъ они находятся въ *Исавріи*, откуда Мануилъ долженъ обратить глаза на свою невѣсту-обрученицу. Изъ византійскихъ историковъ (Никита Хоніатъ), а еще точнѣе отъ историка Іерусалимскаго королевства и крестовыхъ походовъ, Вильгельма Тирскаго, мы знаемъ, что Іоаннъ Комнинъ въ самомъ началѣ весны 1141-го года оставилъ столицу и, достигнувъ Фригіи, избралъ своею главною квартирою городъ *Атталію*, гдѣ занялся приведеніемъ въ порядокъ мѣстныхъ дѣлъ, подчиненіемъ своей власти греческаго окрестнаго населенія, попавшаго подъ мусульманскую власть и державшагося въ укрѣпленныхъ пунктахъ около озера Пасгузы или Пунгузы, въ которомъ узнаютъ нынѣшній Шехеръ-гöль, древніе Λίμναι [1]). Это будетъ по сосѣдству съ *Исавріей*, въ которую потомъ весною слѣдующаго 1142-го года и прибылъ Кало-Іоаннъ, направляясь въ походъ на Сирію [2]). Ранѣе того, именно во время пребыванія царя съ сыновьями около Атталіи, произошли горестныя событія въ царскомъ семействѣ, которыхъ еще не зналъ Θеодоръ Продромъ, привѣтствуя въѣздъ невѣсты Мануила въ столицу, конечно, не зналъ никто другой.—У византійскаго историка, болѣе близкаго по времени къ занимающимъ насъ событіямъ, разсказывается слѣдующій анекдотъ. При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византіею, принцессы молодая императрица, супруга Алексѣя, была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ темноголубое платье изъ виссоповой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ будто супруга Алексѣя была одѣта въ *черное*, и вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто эта столь пышно одѣтая монахиня? Во-

1) См. **Ramsay**, Historical Geography of Asia minor (London, 1890), 389.

2) **Nicet.** Ioann. Comnen., cap. 11, ed. Bonn. pag. 51, 52. ἔτους ἤδη τελείου ἐπὶ τοῖς ἠθλημένοις τούτοις παριππευκότος, ἀλλ' ἐς Ἰσαυρίαν ἀφιγμένος и т. д.

просъ произвелъ смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византійцами обоего пола [1]). Дѣйствительно, Берта напророчила бѣду и при томъ не для одной только жены старшаго царевича.

Вѣроятно вслѣдствіе вредныхъ климатическихъ вліяній, происходящихъ отъ испареній сосѣдняго озера и обычныхъ тамъ злокачественныхъ лихорадокъ, заболѣли и умерли одинъ за другимъ два сына императора Іоанна, старшій Алексѣй и слѣдующій за нимъ Андроникъ. Два трупа отправлены были изъ Атталіи моремъ въ Константинополь въ сопровожденіи третьяго брата Исаака [2]). Самъ императоръ, пораженный, но не сломленный горемъ, не отказался отъ исполненія тѣхъ плановъ, ради которыхъ онъ *годъ тому назадъ* оставилъ свою столицу. Черезъ *Исаврію* [3]), гдѣ была краткая остановка для приведенія дѣлъ

---

1) Cinnam Lib. I, cap. 4. Bonn. pag. 36.

2) Cinnam Lib. I, cap. 10. Bonn. pag. 24. Οὔπω γὰρ τῆς Κιλίκων ἐφίστατο, καὶ δυεῖν μὲν ἀφῄρητο παίδων, οἱ χρόνω προῆκον... Nicet. Johann, cap. 10. Bonn, pag. 51. Willermi. Tyr. Lib. XV, cap. 19 (Paris, 1844: Recueil des historiens des croisades tom. I, pag. 688). Per idem tempus, quatuor vix evolutis plene annis, ex quo a Tarso Ciliciae et universa Syria decesserat, dominus Joannes Constantinopolitanus imperator — iterum exercitus in Syriam dirigens — iter versus Antiochenus dirigit partes. Enavigato igitur Bosphoro, — transcursis mediis provinciis, *Attaliam* usque pervenit, quae est urbs maxima, in litore maris sita, provinciae Pamphyliae metropolis. In hac dum moram faceret dominus imperator, *duo* de filiis ejus, *Alexius* videlicet primogenitus, et natu secundus, *Andronicus*, languore correpti gravissimo, extremum morientes clauserunt diem. Vocans que imperator natu tertium Isaacium nomine, cum fratrum funeribus defunctorum — Constantinopolim remisit; ubi sepultis fratribus, juxta patris imperium usque ad patris obitum moram fecit continuam. Кромѣ отчетливаго разсказа Никиты и особенно Вильгельма Тирскаго, объ обстоятельствахъ смерти (Алексѣя и) Андроника мы узнаемъ изъ плача на кончину послѣдняго, сочиненнаго Ѳеодоромъ Продромомъ для его овдовѣвшей супруги, севастократориссы Ирины. Пьеса была издана и не однажды: сначала Буассонадомъ (Boissonade, Anecdota nova. Parisiis, 1844, pag. 371—388: Στίχοι ἴαμβοι μονωδικοὶ ἐκ προσώπου τῆς σεβαστοκρατορίσσης ἐπὶ τῷ ταύτης ὁμόζυγι), а за тѣмъ въ Аѳинахъ въ 1879 году Гедеономъ, греческимъ ученымъ въ Константинополѣ: Εἰρήνης σεβαστοκρατορίσσης ἀνέκδοτον ποίημα (1143). Важны слѣдующіе стихи:

86. ὦ φῶς ἐμόν, κύδιστε πορφύρας γόνε | μόγις ἐπανεζεύξας ἐκ τῆς Ἀτάλου | τῆς Ἀτάλου γῆς κεκατηραμένης | μόγις μετῆλθες εἰς τὸ πάτριον πέδον, | διπλοῦν ἐνιαύσιον ἀνύσας δρόμον, | καὶ πῶς συνήθως οὐ λαλεῖς τοῖς φιλτάτοις.

Проклятая земля Атала есть, конечно, городъ Атталія; Андроникъ возвращается изъ нея послѣ *двухлѣтняго отсутствія* (совершивъ дважды годовой бѣгъ: значитъ весною 1140 года онъ тоже сопровождалъ царя въ походъ на р. Риндакъ, о которомъ говорится у Никиты: Ioann. cap. 10. Bonn. pag. 49), но возвращается бездыханнымъ мертвецомъ, котораго вдова поэтому и спрашиваетъ: отъ чего онъ не хочетъ проговорить слова своимъ милымъ. Ср. Neumann, Griechische Geschichtsschreiber, XII. Jahrhund. (Leipzig, 1888), S. 56. Благодаря знакомству съ Продромомъ, этотъ ученый избѣжалъ ошибокъ Бернгарди относительно времени прибытія Ирины въ Грецію.

3) Nicet. l. c. εἰς Ἰσαυρίαν ἀφιγμένος. Willerm Tyr. Transuersa Isauria.

въ порядокъ, онъ направился въ Сирію, сопровождаемый младшимъ изъ двухъ оставшихся въ живыхъ сыновей, Мануиломъ.... По видимому, въ это самое время приведена была невѣста послѣдняго и вступила въ Константинополь. Это приходится на весну или лѣто 1142 года. Изъ Вильгельма Тирскаго хорошо извѣстны подробности и хронологія сирійскаго предсмертнаго похода Іоаннова. Киликія, Тель-Баширъ на Евфратѣ, замокъ непокорнаго графа Едесскаго, затѣмъ *Гастунъ*, замокъ Антіохійскаго князя; отсюда *26 сентября* отправлены были послы въ Антіохію съ требованіемъ впуска въ городъ. Основанный на ложной отговоркѣ, явно нарушающій феодальное право и принятыя ранѣе обязательства отказъ латинскаго владѣтеля привелъ въ негодованіе Кало-Іоанна; но позднее время года и наступающая зима принудили его отказаться отъ принятія немедленныхъ мѣръ къ наказанію непокорнаго вассала; онъ воротился зимовать въ Киликію. Здѣсь съ увлеченіемъ предаваясь охотѣ, Іоаннъ, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ императоровъ, несчастнымъ образомъ ранилъ самъ себя стрѣлою, предназначенною для дикаго вепря, и скончался 8-го апрѣля 1143 года. Предъ самою кончиною, онъ объявилъ своимъ преемникомъ находившагося при немъ младшаго сына Мануила, какъ болѣе даровитаго и способнаго, устранивъ Исаака, оставшагося послѣ погребенія старшихъ братьевъ въ Константинополѣ. Провозглашенный императоромъ, Мануилъ не тотчасъ воротился въ столицу, гдѣ его ожидала обрученная ему невѣста, но сначала постарался привести въ порядокъ дѣла азіатскія.

Нашъ ораторъ готовъ довольно неловко представлять ходъ дѣлъ такимъ образомъ, что несчастія постигшія царскую фамилію и открывшія Мануилу доступъ къ престолу, были слѣдствіемъ особаго благоволенія божьяго къ Бертѣ или, какъ ее переименовали въ Византіи, Иринѣ. Впрочемъ, онъ оговаривается, что тутъ есть нѣчто непостижимое, можетъ быть избранникомъ былъ самъ Мануилъ, а наконецъ припоминаетъ и Аристотеля, допускающаго взаимную причинную связь между двумя фактами. Особенное устроеніе Промысла ораторъ находитъ и въ томъ, что третій братъ, Исаакъ, даже не могъ присутствовать при смертномъ одрѣ своего отца. Далѣе Василій сообщаетъ намъ, что когда Мануилъ возвращался изъ похода, то въ народныхъ привѣтственныхъ восклицаніяхъ имя Ирины, будущей царицы, провозглашалось вмѣстѣ съ именемъ царя, то есть что она пользовалась царскимъ титуломъ ранѣе, чѣмъ получила на него формальное право

вѣнчаніемъ и провозглашеніемъ. Тѣмъ не менѣе изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что бракосочетаніе Мануила съ Ириною совершилось не тотчасъ, а отложено было на срокъ, гораздо болѣе продолжительный, чѣмъ этого могли требовать приличія траура. Что было тому причиною, объ этомъ возможны разныя догадки. Обыкновенно думаютъ[1]), что вслѣдствіе перемѣны въ положеніи жениха, который теперь вмѣсто севастократора сталъ самодержцемъ, а также вслѣдствіе политическаго временнаго охлажденія между двумя дворами, византійскимъ и германскимъ, вызваннаго попыткою сближенія съ новымъ императоромъ со стороны южно-итальянскаго норманнскаго короля Рожера, Мануилъ совсѣмъ хотѣлъ уклониться отъ женитьбы на дочери простаго нѣмецкаго графа. Но, во первыхъ, это толкованіе находится въ связи съ другимъ, совершенно ошибочнымъ представленіемъ у спеціальнаго историка царствованія Конрада, будто сосватанная умершимъ Іоанномъ для младшаго сына невѣста все еще оставалась на родинѣ и въ первые годы правленія Мануила. Это окончательно опровергается нашимъ изложеніемъ, основаннымъ на рѣчи Василія и стихотвореніи Продрома. Василій (гл. 7 и 9) прямо говоритъ, что Берта была призвана въ Грецію еще свекромъ, какъ невѣста *севастократора*, что Мануилъ провозглашенъ былъ *царемъ* только послѣ и т. д. Во вторыхъ, плохіе въ другихъ отношеніяхъ стихи послѣдняго всетаки вѣрно передаютъ намъ воззрѣнія современнаго ему общества, а изъ нихъ становится совершенно яснымъ, что происхожденіе Берты Зульцбахъ, особенно вслѣдствіе свойства́ съ Гогенштауфеномъ Конрадомъ, казалось достаточно благороднымъ для вступленія въ среду византійской царской фамиліи; при томъ многіе другіе аналогичные случаи, касающіеся брачныхъ союзовъ, заставляютъ думать, что и вообще особенной разборчивости въ степеняхъ знатности приводимыхъ изъ чужа невѣстъ въ Византіи не соблюдалось: спрашивается, напримѣръ, на комъ были женаты старшіе братья Мануила и самъ Алексѣй, ранѣе его считавшійся соправителемъ и наслѣдникомъ престола. Скорѣе нужно имѣть въ виду слѣдующее. Въ случаѣ женитьбы на иностранкахъ между приведеніемъ невѣсты въ Грецію и совершеніемъ брачнаго обряда обыкновенно наблюдается значительное разстояніе по времени; приводили обыкновенно малолѣт-

---

1) **Bernhardi**, Conrad III, I, 271, 410. **Neumann**, Griechische Geschichtschreiber S. 57.

нихъ княжескихъ дочерей и дѣйствительнымъ бракомъ не спѣшили, потому что этому должно было предшествовать воспитаніе невѣсты въ византійскихъ нравахъ и даже обученіе языку, на которомъ ей предстояло объясняться съ своимъ мужемъ. Когда по этому въ русской лѣтописи встрѣчается выраженіе, что та или другая княжна была ведена Цесарюгороду для замужества съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ фамиліи Комниновъ, то слово *ведена* должна быть въ иныхъ случаяхъ понимаемо въ самомъ простомъ и первоначальномъ его значеніи — отправленія, отвоза на чужую сторону.

Въ данномъ случаѣ, то есть относительно Ирины-Берты, кромѣ обученія языку требовалась можетъ быть и другая подготовка, наставленіе въ вѣрѣ, перевоспитаніе религіозное или точнѣе вѣроисповѣдное. Что Ирина-Берта не осталась католичкою, это не подлежитъ сомнѣнію [1]). Но въ чемъ должно было выразиться ея присоединеніе къ греческой вѣрѣ? Нужно помнить, что не смотря на разрывъ при Кируларіѣ отношенія между двумя церквами и послѣ—въ XI и XII вѣкахъ вовсе не были столь непримиримы и враждебны, какъ обыкновенно это предполагаютъ; независимо отъ политики Комниновъ, имѣвшей западническія тенденціи, въ самой церковной практикѣ, равно какъ и въ воззрѣніяхъ, если не всѣхъ, то многихъ дающихъ тонъ іерарховъ и ученыхъ богослововъ Востока—оставались начала терпимости, примирительное настроеніе высказывалось чаще, чѣмъ противоположное крайнее. Во всякомъ случаѣ отъ Берты, для превращенія ея въ Ирину, въ Византіи XII вѣка никто, конечно, не думалъ требовать того, о чемъ шла рѣчь въ новѣйшее время относительно сестры германскаго императора, нынѣшней наслѣдной принцессы греческой, то есть перекрещиванія. Мы имѣемъ прямыя свидѣтельства, что въ ту эпоху греки, впослѣдствіи дошедшіе до такой крайности, что даже русская церковь отказалась имъ слѣдовать, не требовали повторительнаго крещенія [2]).

1) **Bernhardi**, Konrad III, I 416, Anmerk. 16. Dass Bertha den griechischen Glauben annahm, ist nicht überliefert, aber sehr wahrscheinlich.

2) Ансельмъ Гавельсбергскій въ собесѣдованіи съ Никомидійскимъ митрополитомъ Никитою говорилъ о греческомъ сбычаѣ при женитьбѣ грека на какой-нибудь латинкѣ совершать надъ послѣднею особый обрядъ помазанія масломъ, въ чемъ онъ готовъ былъ видѣть нѣкотораго рода перекрещиваніе. Можетъ быть намекая на недавній примѣръ присоединенія Берты-Ирины (такъ какъ сочиненіе издано только въ 1150 году), онъ замѣчаетъ, что это соблюдалось нѣсколько разъ въ отношеніи къ *personas augustales*. Но его собесѣдникъ 1135-го года въ позднѣйшей передачѣ его

Признакомъ терпимости слѣдуетъ считать существованіе въ данный періодъ латинскихъ храмовъ и даже монастырей какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ — конечно, ради иноземнаго пришлаго населенія, которое въ Константинополѣ, благодаря италіанскимъ колоніямъ торговыхъ людей, было уже довольно многочисленно [1]) Конрадъ при своей перепискѣ съ византійскими императорами сначала отъ Кало-Іоанна, а потомъ отъ Мануила требовалъ разрѣшенія на постройку особой церкви для находящихся въ Константинополѣ нѣмцевъ [2]). Такъ какъ просьбы эти совпадаютъ съ переговорами о бракѣ, насъ занимающемъ, то можно было бы подумать, что при этомъ имѣлись въ виду личныя религіозныя потребности Берты-Ирины. Но предположеніе оказалось бы напраснымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія,

возраженій отвѣчаетъ на такое толкованіе рѣшительнымъ протестомъ. Si latini ritus Graecorum ex integro nossent, non tam facile eos calumniarentur, nec in eis tam facile scandalizarentur.... Absit autem ab orthodoxa Graecorum fide ut baptizatum denuo rebaptizandum putemus.... Sed habemus quasdam purificationes in unctione sacri olei; et quando veniunt ad nos personae extraneae, viri seu mulieres, et transire cupiunt in nostrum ritum et in nostram societatem, oleo sacrato eos inungimus, quia si sacramentum unctionis prius perceperint, ignoramus. Да и самъ Ансельмъ не видѣлъ въ предполагаемомъ обрядѣ прямо перекрещиванія, а только развѣ нѣкоторую форму перекрещиванія: videtur enim, quaedam forma esse rebaptizandi. По его описанію это не есть даже и миропомазаніе, такъ какъ говорится объ елеѣ, маслѣ (oleo), влитомъ въ сосудъ и служащемъ къ обмовенію всего тѣла—oleo sanctificato in vase aliquo infuso eam (personam) infunditis et per totum corpus lavatis.... (Migne, Patrol lat., t. CLXXXVIII, col. 1245, 1247). Историкъ и участникъ втораго крестоваго похода, капелланъ французскаго короля, Одонъ изъ Deuil'a (Odo de Diogilo, De profectione Ludovici regis in Orientem: Migne, Patrol. latin. CXCV, 1220) отличавшійся фанатическою ненавистью къ грекамъ какъ схизматикамъ, прямо, но, очевидно, ложно обвиняетъ ихъ именно въ перекрещиваніи католиковъ. Sed pro nefas! audivimus scelus eorum morte luendum, quia quotiescunque nostrorum connubia contrahunt, antequam conveniant, eum qui Romano mora baptizatus est, rebaptizant. Извѣстно, что въ русской церкви перекрещиваніе обращенныхъ католиковъ было предписано при патріархѣ Филаретѣ, но затѣмъ отмѣнено на соборѣ 1667 года. Еще въ 1720 году на запросъ съ русской стороны патріархъ Іеремія III отвѣчалъ, что въ Константинополѣ не перекрещиваютъ даже лютеранъ и кальвинистовъ (Gedeon, Κανον. διατάξεις I, 148). Только въ 1756 году тамъ пришли къ другому рѣшенію по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, котораго и держатся до сихъ поръ (Rhally, Σύνταγμα V, 614. Gedeon, I, 252. Kattenbusch, Orthodoxe Kirche. 405.

1) См. Bouquet, XVI, pag. 150 примѣч. a; здѣсь сообщены свѣдѣнія о монастырѣ Клюнійцевъ въ Константинополѣ. Constantinopoli enim, quemadmodum et in reliqua Graecia, basilicae erant et varia Latinorum monasteria, quibus Romanis moribus et ritu latino vivere, reliquaque sacra ad Pontificum normam celebrare permittebatur.

2) Nihilominus etiam te rogamus, ut hominibus imperii nostri, Teutonicis videlicet, qui Constantinopoli morantur, locum in quem ad honorem Dei ecclesiam aedificent concedas, писалъ Конрадъ къ Іоанну, а въ письмѣ къ Мануилу — въ концѣ идетъ рѣчь—de loco, in quo nostris Teutonicis ad honorem Dei ecclesiam aedificare volumus..

что будущая супруга Мануила, императрица Ирина, съ самаго начала ходила въ греческую православную церковь и совсѣмъ не предусматривалось, что она будетъ нуждаться въ латинской — подобно временнымъ или чуждымъ пришельцамъ. Если на этотъ счетъ могли быть прежде какія сомнѣнія (Bernhardi, см. примѣчаніе внизу текста на стр. 86), то они окончательно уничтожаются любопытнымъ повѣствованіемъ надгробнаго слова о сценѣ причащенія Ирины въ Солунѣ, о чемъ рѣчь будетъ далѣе.

Какъ бы то ни было, при возобновленіи начатыхъ при Кало-Іоаннѣ посольскихъ сношеній съ Германіею и Конрадомъ, Мануилъ въ 1145 году извѣщалъ послѣдняго о своемъ намѣреніи вступить въ дѣйствительный брачный союзъ съ давно предназначенной ему невѣстою. Сообщеніе было сдѣлано очень строптивымъ греческимъ посломъ Никифоромъ, который раздражилъ Конрада вѣроятно неумѣстными заявленіями относительно титула: постоянный источникъ пререканій между двумя имперіями, изъ коихъ каждая считала себя единственно *римскою;* но все кончилось благополучно, и Конрадъ съ своей стороны изъявилъ готовность видѣть въ имѣющемъ совершиться обрядѣ «залогъ вѣчнаго союза постоянной дружбы»[1]). При этомъ, согласно съ желаніемъ Мануила—видѣть въ Константинополѣ болѣе знатныхъ пословъ—Конрадъ отправилъ туда Вюрцбургскаго епископа Ембрикона и Роберта, князя Капуанскаго. Первому изъ нихъ Оттонъ Фрейзингенскій приписываетъ какую-то особенную роль въ окончательномъ устройствѣ дѣла, въ осуществленіи давно задуманнаго плана. Византійскій литераторъ и ученый, уже знакомый намъ Цеци—съ своей стороны хвалится, что ему удалось за семь мѣсяцевъ ранѣе предсказать царскую свадьбу, имѣющую совершиться въ январѣ, хотя для этого, повидимому, не требовалось слишкомъ глубокаго знанія астрономическихъ примѣтъ, которыми Цеци объяснялъ свое предвѣдѣніе[2]). Что свадьба была въ январѣ, это видно изъ замѣчанія Оттона Фрейзингенскаго объ Ембриконѣ, будто бы распоряжавшемся приготовленіями къ брачному торжеству, которое совершилось *въ недѣлю послѣ*

---

1) Volumus ut insit aeternum foedus perennis amicitiae: письмо Конрада въ Otton. Fries. *Gesta*, Lib. I, cap. 24.

2) Scholia ad Tzetzis Allegorias: Cramer, Anecdota graeca Oxoniens. Biblioth. vol III, 380. ὥσπερ καὶ ὁ Τζέτζης προειπὼν περὶ τοῦ βασιλέως γάμου ὅτι μετὰ ἑπτὰ μῆνας γενήσεται ἰανουαρίου μηνός, οὐκ ἀδόκιμος ἐφάνη περὶ τὴν πρόῤῥησιν.

Крещенія[1]). Ембриконъ еще нѣсколько времени оставался въ Византіи и умеръ на возвратномъ пути въ Аквилеѣ, какъ показываютъ другія данныя — 10 ноября 1146 года[2]). Отсюда слѣдуетъ, что январскій бракъ нужно относить къ началу *названнаго года* (1146).

Оба византійскіе историки, описывающіе царствованіе Мануила, сохранили хорошую память о первой его женѣ и сообщаютъ нѣкоторыя черты ея внѣшней и нравственной физіогноміи, легко согласуемыя съ патетическими отзывами печатаемой нами надгробной рѣчи, отчасти ею восполняемыя. По словамъ Киннама Ирина отличалась благочинностію внѣшняго поведенія, а относительно душевныхъ качествъ не уступала ни одной изъ своихъ сверстницъ; цѣломудріемъ, благочинностью и милосердіемъ къ нуждающимся далеко превосходила своихъ современницъ [3]). Никита Хоніатъ пишетъ [4]): «Она не столько заботилась о красотѣ тѣлесной, сколько о внутренней и душевной. Отказавшись отъ притираній порошками, отъ подкрашиванія глазъ, отъ искуственнаго, но не отъ природнаго румянца и предоставивъ все это женщинамъ безразсуднымъ и пустымъ, она занималась и украшалась добродѣтелями. При томъ она имѣла свойственный ея племени характеръ непреклонный и была нѣсколько упряма». И въ нашемъ новомъ источникѣ для характеристики Ирины есть указанія, что со стороны физической Ирина представляла типъ нѣмецкой красоты: она была высока ростомъ—и потому сравнивается съ пальмою, отличалась соразмѣрностью членовъ, цвѣтущею свѣжестью и нѣжною краскою лица. Объ ея сострадательности къ сирымъ и бѣднымъ, проявлявшейся въ разныхъ видахъ благотворительности, говорится въ надгробной рѣчи съ подобающею подробностію. Племенныя черты нравственнаго нѣмецкаго характера отмѣчены Василіемъ Охридскимъ въ изліяніи его чувствованій по поводу сцены причащенія, въ которой онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицемъ.

Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ былъ очень развитъ въ фамиліи Комниновъ и при дворѣ Мануила. Не смотря на то, что Ирина-Берта, конечно, только послѣ пріѣзда въ Константинополь научилась греческому языку, она не осталась чуждою стремленіямъ

1) Qui omnia sapienter et solerter ordinans, nuptias post *epiphaniam ebdomada* in urbe regia celebrari cum fastu et decore regio jussit. *Gesta* I, c. 23.

2) Bernhardi, Der König Konrad, I, 416 примѣч.

3) Cinnam histor. Lib. II, cap. 4. Bonn, pag. 36 и Lib. V, cap. 1. Bonn, p. 202.

4) Nicet. De Manuele Lib. II, cap. 2. Bonn, p. 73.

образованной среды. Чтеніе и толкованіе Гомера входило въ кругъ приличнаго воспитанія, составляло главную основу тогдашняго такъ называемаго грамматическаго обученія. Нѣкоторое знакомство съ поэмами Гомера Ирина, нужно предпологать, пріобрѣла въ теченіи годовъ, предшествовавшихъ браку, но какъ далеко и глубоко шло это знакомство, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ оно не произвело на нее такого жизненнаго захватывающаго впечатлѣнія, чтобы повлять на ея вкусъ и внушить отвращеніе къ жалкимъ упражненіямъ современныхъ ей стихослагателей.

Въ 1147 году[1]), черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ, она прославляется какъ величайшая почитательница Гомера, *гомеричнѣйшая* царица, въ появившихся въ означенномъ году такъ называемыхъ *Аллегоріяхъ* Гомера, сочиненныхъ Іоанномъ Цеци[2]). Твореніе Цеци, посвященное Иринѣ въ самомъ надписаніи, начинается предисловіемъ, тоже обращеннымъ къ лицу приказавшей ему взяться за сочиненіе. Ирина называется свѣтлою, вселунною луною, которая является не волнами океана омытою, но выникающею изъ пурпурнаго ложа самаго свѣтоносца (солнца), она хочетъ своими духовными лучами далеко прогнать темноту реченій и вечерній сумракъ книгъ, не Клеопатрѣ подражая, древней царицѣ, которая, при помощи Ефесскаго врача Сорана, занималась средствами внѣшняго украшенія своей наружности; она не думаетъ, подобно ей, при помощи мудраго механика Книдскаго Дексифана — превратить часть моря въ твердую землю, или же изъ горы Аѳона дѣлать море и подобно Ксерксу замостить судами проливъ Абидосскій; нѣтъ, скорѣе подобно незримому Богу — не по естеству, а по отношенію—(τῇ θέσει, οὐ φύσει),— она находитъ удовольствіе въ ббразахъ и красотахъ слова. Среди грома и бури, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ облака она издаетъ божественный гласъ, наполняющій ужасомъ, и рукополагаетъ своего раба сдѣлаться подлиннымъ изображеніемъ (типомъ) древняго Моисея: только не бѣглый народъ израильскій онъ обязанъ спасать и не Чермное море разсѣкать жезломъ, а великую пучину-океанъ Гомера, сжимающаго кругомъ всю вселенную. Она повелѣваетъ сдѣлать его всѣмъ доступнымъ и удобопроходимымъ.

1) См. Hart, De Tzetzarum nomine vitis scriptis, pagg. 47, 56.

2) Полное заглавіе: Ὑπόθεσις τοῦ Ὁμήρου, ἀλληγορηθεῖσα παρὰ Ἰωάννου γραμματικοῦ τοῦ Τζέτζου τῇ κραταιωτάτῃ βασιλίσσῃ καὶ ὁμηρικωτάτῃ, κυρᾷ Εἰρήνῃ τῇ ἐξ Ἀλαμανῶν. Твореніе Цеци имѣло два изданія: — Matranga, Anecdota graeca. Pars prima, Romae, 1831, которымъ мы пользовались, и Boissonade, Lutetiae. Paris. 1851.

«И вотъ я приступаю къ своей задачѣ и поразивъ его (Гомера) жезломъ слова, сдѣлаю всѣмъ доступнымъ, и его незримыя глубины предъ всѣми обнаружатся». Сдѣлавъ довольно нескладную оговорку относительно ожидаемыхъ завистниковъ и насмѣшниковъ, Цеци обращается къ царицѣ и приглашаетъ ее, раскрывъ свой слухъ, сначала узнать о происхожденіи поэта, его родину и отца, а также его учителей: родина и отецъ сомнительны, потому что, по сказаніямъ, Гомеръ оказывается сыномъ семи городовъ и семи отцевъ, но его учителемъ былъ Пропанидъ, питомецъ Лина, который въ свою очередь научился мудрости отъ Кадма. Гомеръ участвовалъ въ двухъ походахъ, Ѳиванскомъ и Троянскомъ, былъ бѣденъ и слѣпъ, пришелъ въ Аркадію, гдѣ надъ нимъ грубо насмѣялись тамошніе рыбаки; возвращаясь въ огорченіи домой, онъ поскользнулся, неловко упалъ и тутъ же умеръ.—Слѣдуетъ введеніе (prooemium) въ самую Иліаду, излагающее то, что происходило ранѣе и вызвало походъ грековъ подъ Трою, вмѣстѣ съ характеристикою героевъ, съ описаніемъ ихъ наружности.—Свадьба Пелея, споръ трехъ богинь, судъ Париса, похищеніе Елены составляютъ эпизодъ, изложенный съ большою подробностію. Оказывается, что Парисъ-Александръ ранѣе путешествія въ Грецію былъ риторомъ и упражнялся въ литературѣ и наукахъ, даже написалъ много сочиненій—въ стилѣ и вкусѣ Іоанна Цеци. Самому Александру-Парису принадлежитъ первоначальное космогонически-аллегорическое объясненіе брака Ѳетиды и Пелея: бракъ значитъ сочетаніе основныхъ первичныхъ стихій, три богини, присутствовавшія на свадьбѣ, означаютъ: Аѳина—влажный приземный воздухъ, Гера—эѳиръ, а Афродита—тонкое вещество огня. Цеци забываетъ сказать, какъ Парисъ объяснялъ себя самого; можетъ быть, догадавшись, что космогоническимъ объясненіемъ Париса-Александра была бы подорвана правдоподобность его литературной дѣятельности.—Личное отношеніе къ Иринѣ имѣетъ заключеніе первой книги, излагающей содержаніе соотвѣтствующей рапсодіи и состоящей изъ 1217 политическихъ стиховъ. Отсюда видно, что Цеци предполагалъ дѣйствительный и живой интересъ къ его произведенію, лишенному не только вкуса, но и здраваго смысла, со стороны юной царицы, принявшей на себя роль покровительницы наукъ. — «Я не знаю, говоритъ онъ, цѣли твоихъ внушеній—желаешь-ли ты, чтобы я все описалъ вкратцѣ, или же чтобы я въ подробности и въ частностяхъ (πρὸς πλάτος μερικῶς),—по главамъ отъ альфы къ витѣ и другимъ буквамъ,—излагалъ содержаніе каждой пѣсни (рапсодіи), кто и

кто, кѣмъ и кѣмъ былъ убитъ, прибавляя при семъ небольшія замѣчанія и полезныя аллегорическія толкованія (въ родѣ сейчасъ приведеннаго по Александру): пусть мнѣ это будетъ разъяснено скорѣе, ибо я очень недоумѣваю». — Разъясненіе было дано, очевидно, въ смыслѣ желательности подробнаго изложенія каждой рапсодіи по образцу того, что уже было представлено. — Но, увы, въ концѣ XV пѣсни (Matranga, Anecdota I, 125) насъ вдругъ поражаетъ такая замѣтка: «До рапсодіи О сочиненіе было писано для царицы, а затѣмъ возникла опасность, что трудъ совсѣмъ будетъ прерванъ вслѣдствіе крайней скаредности (δυστροπία) тѣхъ, отъ кого зависѣло вознагражденіе». — Что произошло, мы узнаемъ изъ длиннаго и по содержанію очень любопытнаго письма Цеци (№ 48, Pressel, pag. 48 — 51) къ нѣкоему *Мегалонѣ*.

Можно сказать, что письмо написано не только съ большимъ риторическимъ искуствомъ, но даже и съ талантомъ, который вообще у Цеци проявляется не въ стихотворной формѣ, а въ прозаической. Самъ онъ думалъ на оборотъ и по этому къ письмамъ еще присочинилъ комментаріи — *въ стихахъ*, такъ называемыя Хиліады (*«Тысячи»* разумѣется стиховъ: всего тринадцать хиліадъ), которыя въ литературномъ отношеніи представляютъ совершенную нелѣпость, но иногда въ самомъ дѣлѣ разъясняютъ то, что осталось темнаго въ прозѣ. И въ данномъ случаѣ здѣсь можно найдти простѣйшее разъясненіе занимающаго насъ приключенія. Къ сожалѣнію, было бы слишкомъ длинно подробно излагать содержаніе чувствованій, выражаемыхъ обиженнымъ поэтомъ въ его длинномъ посланіи; оно отзывается весьма оппозиціоннымъ духомъ и тономъ по отношенію къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ и даже къ тогдашнимъ общественнымъ порядкамъ. А сущность обиды, которая заставила писателя оглянуться кругомъ и почувствовать царящую вездѣ неправду, заключалась въ томъ, что ему за его трудъ сначала платили дороже, а потому вдругъ понизили цѣну или еще того хуже. Онъ представлялъ свой трудъ сначала небольшими тетрадями, вмѣщавшими каждая не болѣе 288 стиховъ, и получалъ за тетрадь по 12 золотыхъ монетъ — впрочемъ довольно подозрительнаго *бѣлаго* золота, затѣмъ управляющій дворомъ и казною Августы (Ирины) посовѣтовалъ ему больше беречь пергаментъ и писать убористѣе. Послѣ того Цеци представилъ тетрадь, писанную въ нѣсколько столбцевъ, которая одна заключала въ себѣ столько, сколько бы вошло въ десять прежнихъ, и получилъ то же

самое, что за простую, то есть по его разсчету — въ десять разъ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, да и на этомъ дѣло не остановилось: отъ него потомъ стали отдѣлываться одними поощреніями: «пиши, пиши далѣе, а награда тебѣ будетъ» [1]). Поэтъ чувствовалъ себя не только обиженнымъ, но и обокраденнымъ; ему было тѣмъ болѣе горько, что, какъ онъ замѣчалъ, ко двору Ирины легко проникаютъ разные лицемѣры, святоши и попрошайки, за свою мнимую святость и подвижничество получающіе щедрые, ни съ чѣмъ не сообразные подарки: въ письмѣ это изображено въ живыхъ и конкретныхъ образахъ. — Вотъ въ чѣмъ заключался эпизодъ съ Аллегоріями. Нужно прибавить, что Цеци всетаки получилъ возможность продолжать свой трудъ. Нашелся, по его выраженію, благородный Пизистратъ въ лицѣ богатаго сановника Константина Котерци, который доставилъ нужныя средства, обезпечилъ гонораръ автору и тѣмъ самымъ побудилъ довести до конца Иліаду. Одиссея явилась уже по смерти Ирины (Matranga, Anecdot. I, 224), и къ чести поэта нужно сказать, что онъ съ благодарностью вспоминаетъ о царицѣ, «которая была украшеніемъ женскаго пола» и по приказанію которой за достойные дары онъ самъ написалъ большую часть своей аллегорической Иліады. Есть признаки, что Ирина интересовалась и письмами Цеци или по крайней мѣрѣ ей навязывали обязанность такого вниманія; существовало недошедшее до насъ изданіе первой части Хиліадъ, предназначенное для царицы и ей посвященное, а мы знаемъ, что Хиліады есть только комментарій къ письмамъ [2]).

Отношенія къ Цеци, повидимому, были первымъ и послѣднимъ опытомъ меценатства, прямого покровительства со стороны Ирины свѣтской литературѣ. Кромѣ своего Котерци, который былъ для его Аллегорій тѣмъ-же, чѣмъ Пизистратъ для поэмъ Гомера, Цеци опять могъ обращаться къ прежней своей усердной поощрительницѣ — севастократориссѣ Иринѣ, женѣ Андроника, недавно умершаго брата Мануилова. Другой поэтъ, Ѳеодоръ Продромъ, привѣтствовавшій въѣздъ Ирины-Берты въ царствующій градъ, обращался съ своими произведеніями и съ постоянными напоминаніями о скудости своихъ средствъ къ жизни тоже къ севастократориссѣ, а не къ Августѣ или самодержицѣ. Манасси все для той-же севастократориссы написалъ свою стихо-

---

1) Chiliad. IX. Histor. 283—297. Ed. Kiessling, pag. 334—335).
2) См. Hart, De Tzetzarum nomine et cet., pag. 56.

творную хронику. Дальнѣйшее безучастное отношеніе царицы Ирины къ свѣтской литературѣ, къ которой, конечно, приходится относить все, соприкасающееся съ классическимъ язычествомъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что при ея дворѣ и надъ нею пріобрѣли исключительное вліяніе духовныя лица—архіереи и монахи: Цецы, прямо сознававшій противоположность между свѣтскою литературою и церковною, намекалъ на ханжей и лицемѣровъ. О глубокомъ благочестіи и набожности Ирины, о почтеніи ея къ духовному чину, особенно къ черному духовенству находится прямое свидѣтельство въ рѣчи Василія Охридскаго. Впрочемъ, вскорѣ послѣ брака для Ирины начался періодъ заботъ и тревогъ, отчасти личныхъ, отчасти общественныхъ: ихъ было достаточно, чтобы поглотить все ея вниманіе.

Въ августѣ 1147 года приближалось къ Константинополю крестоносное нѣмецкое ополченіе, предводимое королемъ Конрадомъ; по дорогѣ оно надѣлало столько буйствъ и насилій, что настроеніе греческаго населенія, особенно въ столицѣ, проникнуто было раздраженіемъ, страхомъ и враждою къ опаснымъ пришельцамъ. Даже отношенія между свояками, Мануиломъ и Конрадомъ, не смотря на личныя вѣроятныя старанія Ирины, не были вполнѣ дружелюбны или искренни. Нѣмцамъ было отведено помѣщеніе по другую сторону Золотого Рога въ Перѣ, самъ король имѣлъ тамъ свою квартиру и не успѣлъ побывать ни во Влахернахъ, ни у св. Софіи; свиданія между союзниками и родственниками не послѣдовало. Мануилъ всего болѣе озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы поскорѣе сбыть съ рукъ нѣмцевъ, пока не подойдутъ французы. Въ сентябрѣ Конрадъ съ главною массою своихъ ополченцевъ принужденъ былъ переправиться на азіатскій берегъ. Всѣ сношенія его съ царемъ и Ириною ограничились пересылкою привѣтствій, личныхъ и политическихъ требованій чрезъ гонцовъ и посланцевъ. Разрыва, впрочемъ, не было. Потерпѣвъ затѣмъ роковую неудачу на походѣ противъ Иконійскихъ турокъ и особенно пострадавъ при отступленіи отъ Дорилея къ Никеѣ, поставленный въ непріятное положеніе къ послѣ прибывшему французскому королю, вмѣстѣ съ которымъ пришлось продолжать походъ по берегамъ Малой Азіи— чрезъ греческіе приморскіе города по направленію къ Сиріи, разбитый нравственно и больной физически, Конрадъ съ дороги изъ Ефеса въ самомъ началѣ 1148 года вернулся въ Константинополь. Если буквально понимать выраженія его позднѣйшаго письма къ аббату Вибальду, то нужно будетъ принять, что императоръ Мануилъ вмѣстѣ

съ молодою императрицею лично прибыли въ Ефесъ въ сопровожденіи морской эскадры и снабдили Конрада и его князей всѣми средствами, нужными для переѣзда; затѣмъ Мануилъ почти насильно помѣстилъ свояка въ одномъ изъ своихъ дворцевъ и поручилъ его леченіе собственнымъ врачамъ [1]), среди которыхъ были знаменитости, оставившія свои имена въ исторіи. Впрочемъ, Мануилъ и особенно императрица не переставали принимать непосредственное участіе въ уходѣ за больнымъ, въ стараніяхъ о возстановленіи его здоровья. Мануилъ, который считалъ себя знатокомъ во врачебномъ искуствѣ и признаваемъ былъ за такого другими, лично являлся при постели больного короля и не только наблюдалъ надъ ходомъ леченія, но и руководилъ имъ. Когда Конрадъ нѣсколько оправился, но все еще находился въ подавленномъ состояніи духа подъ гнетомъ мрачныхъ воспоминаній о гибели своего войска, его старались утѣшить или по крайней мѣрѣ развлечь всякаго рода увеселеніями—конными ристаніями и театральными представленіями. Тогда послѣдовало обрученіе племянницы Мануила Ѳеодоры со сводным братомъ короля, герцогомъ Гейнрихомъ, маркграфомъ австрійскимъ (Bernhardi II, 656). Послѣ выздоровленія Конрадъ опять на греческомъ кораблѣ былъ отвезенъ въ Палестину и около Пасхи (11—17 апрѣля 1148) высадился въ Аккѣ; онъ все-таки разсчитывалъ собрать достаточно людей и средствъ, чтобы совершить походъ для освобожденія Едессы.

Въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ своекорыстныхъ соображеній и настояній, этотъ планъ былъ замѣненъ походомъ на Дамаскъ. Извѣстно, какъ плачевно для крестоносцевъ окончилось это предпріятіе; причиною была почти явная измѣна своихъ, то есть, палестинскихъ князей и бароновъ, не исключая самого короля Балдуина. Огорченный и оскорбленный, Конрадъ, согласно съ прежде даннымъ обѣщаніемъ, даже скрѣпленнымъ клятвою, воротился въ европейскіе предѣлы византійскаго государства. 8-го Сентября (1148 г.) въ Аккѣ онъ сѣлъ на греческій корабль, его ожидавшій; однако курсъ судна былъ направленъ не въ Константинополь, а къ Солуню. Безъ сомнѣнія, Мануилъ далъ своему адмиралу приказаніе привести короля туда, гдѣ

1) Jaffé, Monumenta Corbejens. (Bibliotheca ıerum Germanic. I), pag. 153. Quod cum frater noster Grecorum imperator audiret, vehementer indoluit et cum filia nostra dilectissima imperatrice, sua videlicet conjuge, ad nos praepropere descendit, liberaliter nobis et principibus nostris sua et necessaria ad iter nostrum largiens, quatinus a medicis suis citius curaremur, quasi vi Constantinopolim in palatium suum reduxit..

онъ самъ будетъ находиться, а въ то время императоръ былъ занятъ приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ противу норманновъ и для наблюденія за ними онъ основалъ свою главную квартиру въ западныхъ областяхъ своей имперіи; въ Солунѣ и въ его окрестностяхъ онъ провелъ не только осень 1148, но и значительную часть слѣдующаго 1149 года. Здѣсь Конрадъ второй разъ встрѣтился и бесѣдовалъ со своимъ своякомъ; здѣсь былъ условленъ планъ общихъ дѣйствій противъ норманнскаго короля Рожера въ Италіи и установлены начала общей политики на будущее время. Только весною 1149, послѣ Благовѣщенія, Конрадъ отправился черезъ Аквилею въ Германію. Въ письмѣ къ свояченицѣ, царицѣ Иринѣ, отправленномъ изъ Германіи въ слѣдующемъ 1150-мъ году, онъ съ глубокою благодарностью вспоминалъ о нѣжныхъ ея попеченіяхъ въ Константинополѣ, когда онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, и о позднѣйшихъ доказательствахъ ея родственнаго расположенія. «Никакія затрудненія, никакія опасности, никакія превратности обстоятельствъ не изгладятъ изъ его благодарнаго сердца горячей признательности за испытанную имъ задушевную преданность и за щедрость»[1]). Это должно было ручаться и за вѣрность Конрада союзу, заключенному съ царемъ Мануиломъ. Въ силу того Конрадъ подробно объясняетъ въ томъ же посланіи стеченіе обстоятельствъ, помѣшавшихъ ему приступить къ исполненію условленнаго плана совокупныхъ дѣйствій противъ Рожера тотчасъ послѣ возвращенія въ Германію. Ирина должна была служить посредницею и представить эти объясненія своему мужу. Такой же смыслъ имѣетъ и другое письмо къ Иринѣ ея племянника по сестрѣ, предполагаемаго наслѣдника на германскомъ и императорскомъ престолѣ, короля Гейнриха, сына Конрадова[2]). По отъѣздѣ Конрада Мануилъ съ супругою оставались еще довольно долго въ окрестностяхъ Солуни. Ни теперь, ни раньше во время пребыванія Конрада никакой временной поѣздки въ Константинополь не было[3]). Это мы

1) Tua fides, tua pietas, tua devotio, tua liberalitas— — — —tantum ardorem sanctae caritatis in nostra mente circa te adauxerunt, ut eam nulla difficultas, nullum periculum, nulla rerum varietas possit extinguere: Jaffé, Monumenta Corbejensia. pag. 363.

2) Jaffé l. c. № 245, pag. 367.

3) На томъ, что Конрадъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Ѳессалоникѣ, отправился вмѣстѣ съ Мануиломъ въ столицу, гдѣ и провелъ зиму, съ большимъ усердіемъ настаиваетъ Бернгарди (Konrad III, Anmerk. 45, S. 681—682), хотя уже Киннамъ (L. III, cap. 4), приведенный Капгерромъ, долженъ былъ послужить предостереженіемъ. Вопросъ окончательно рѣшается приводимымъ у насъ новымъ сообщеніемъ. Ср. К. Я. Гротъ «Угрія и Слав.» стр. 141.

подлинно знаемъ изъ исторіи перенесенія въ Константинополь въ монастырь Вседержителя (Пантократора) нѣкоторыхъ святынь изъ Солуня, чѣмъ императоръ Мануилъ былъ занятъ въ данное время: разумѣются доска съ гробницы мироточивыхъ мощей Димитрія Солунскаго, замѣненная на мѣстѣ другою, а также его икона и частицы мощей. Именно въ Мартѣ 1149 года для этой цѣли прибылъ сюда изъ столицы игуменъ вышеназваннаго знаменитаго и богатаго монастыря, основаннаго при Кало-Іоаннѣ; это былъ Іосифъ, извѣстный намъ по письмамъ къ нему Цеци. Игуменъ не нашелъ царя въ Салоникѣ, а встрѣтился съ нимъ въ селеніи Доброховиштѣ (Δοβροχουβίστα) — въ области города Верріи—въ двухъ дняхъ конной ѣзды отъ Солуня; въ столицу онъ вернулся въ Октябрѣ того же года[1]). Очевидно, что къ этому періоду пребыванія царственной четы въ Солунѣ и его окрестностяхъ должна быть относима сцена пасхальнаго причащенія Ирины Василіемъ Охридскимъ, столь живо имъ описанная. Отсылаемъ читателя къ самому подлиннику, печатаемому ниже съ русскимъ переводомъ (гл. 17). Прибавимъ, что Пасха была тогда 3-го апрѣля.

Дальнѣйшая жизнь Ирины, повидимому, не была вполнѣ радостна и свѣтла. По увѣренію Никиты Хоніата полной гармоніи между супругами не было; именно неуступчивый нѣмецкій нравъ Ирины возбуждалъ неудовольствіе мужа; молодой императоръ, увлекаясь порывами своего возраста и обаяніемъ своего положенія, не всегда соблюдалъ требованія супружеской вѣрности, хотя не переставалъ относиться къ женѣ съ глубокимъ уваженіемъ, окружая ее всѣми внѣшними проявленіями почета—«не лишалъ ея великолѣпныхъ троновъ, оруженосцевъ и прочаго блеска, чего требовало царское величіе» (Никита).

1) О перенесеніи доски съ гробницы великомученика Димитрія есть краткое сказаніе въ Синаксаристѣ агіорита Никодима подъ 26 Октября. Подробная повѣсть, тогда же написанная діакономъ монастыря Пантократора Никазіемъ, хранится въ Мадридской библіотекѣ; В. Э. Регель, во время своихъ занятій тамошними греческими рукописями, списалъ ее для себя и любезно доставилъ намъ возможность воспользоваться его копіею. Заглавіе повѣсти такое: S. Demetrii Thessalonicensis Translationis Historia a Nicasio Diacono Monacho Pantocratorita composita cum latina interpretatione. Начало: Καί τι τῶν ἐπεράστων. Важны слѣдующія мѣста: Ἔτει τῷ ἑξακισχιλιοστῷ πεντηκοστῷ ἑβδόμῳ κατὰ μῆνα Μαρτίου ἰνδικτιῶνος δωδεκάτης (1149 годъ).... Ἐν τῇ πρὸς Σικελίαν στρατιᾷ ὄντος τοῦ κρατίστου ἡμῶν βασιλέως.... Διασωθεὶς οὖν καλῶς καὶ ἀκινδύνως σὺν Θεῷ καὶ εὑρὼν τοῦτον οὐκ ἐν Σαλονίκῃ ὡς κατὰ νοῦν εἶχεν, ἀλλ' ἐν χωρίῳ τοῦ θέματος Βεῤῥοίας οὕτω πῶς λεγομένῳ Δοβροχουβίστα, ἀπέχοντι τῆς μὲν Θεσσαλονίκης ἱππικὰ δρόμου ἡμερήσια δύο. — Возвращеніе Іосифа въ Царьградъ уже отнесено къ тринадцатому индикту къ Октябрю (того же 1149 года).

Съ своей стороны Ирина умѣла цѣнить достоинства и героическую военную доблесть своего мужа, которою онъ ознаменовалъ себя прежде всего при осадѣ Корфу, занятаго временно норманнами. По разсказу Киннама (Lib. II, cap. 3. Bonn, pag. 99), она однажды въ полномъ собраніи высшихъ государственныхъ чиновъ держала рѣчь въ его похвалу и при этомъ выразилась, что она не знаетъ другаго примѣра, когда бы кто совершилъ столько славныхъ дѣлъ въ столь короткое время; а она, по замѣчанію византійца, была въ этихъ дѣлахъ компетентна, ибо происходила изъ великаго и воинственнаго рода. Въ надгробной рѣчи Василія сообщается, что большимъ горемъ для Ирины было продолжительное безплодіе, потомъ неимѣніе дѣтей мужескаго пола. Если не въ началѣ супружества, то впослѣдствіи Ирина родила мужу двухъ дочерей; однако, это не было полнымъ утѣшеніемъ и не замѣняло отсутствія желаннаго порфиророднаго наслѣдника. Уже тогда въ Византіи появилось объясненіе, что тутъ не было случайности, что тутъ было божье наказаніе—хотя и не за вину самой Ирины. Разсказывали, будто несправедливо обиженный царемъ и низложенный съ престола патріархъ Косьма произнесъ заклятіе на утробу царицы, чтобы она не раждала дѣтей мужескаго пола; у Никиты описывается патетическая сцена, при которой это произошло, и послѣдовавшее смятеніе придворныхъ, изъ коихъ одинъ едва не занесъ руку на патріарха (Nicet. Manuel lib. II, cap. 3. Bonn, pag. 107—109). Самъ историкъ благоразумно сомнѣвается въ вѣрности ходячаго объясненія, но тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что императоръ, человѣкъ, очевидно, здравомыслящій, будучи упрекаемъ совѣстію за свой поступокъ съ праведнымъ и благочестивымъ старцемъ, признавалъ, что это, а не что-либо другое, было причиною, почему онъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола. Что касается дочерей, то первая изъ нихъ родилась не ранѣе 1152 года[1]); она была наречена Маріею и отлича-

1) Киннамъ (Lib. III, cap. 11 въ концѣ. Bonn, pag. 118) сообщаетъ объ этомъ вслѣдъ за разсказомъ о походѣ Мануила противъ Угровъ на Дунай и о дѣйствіяхъ около Браничева, о чемъ см. у К. Я. Грота (Угрія и славянство, стр. 183, 184), который относитъ событія къ 1151 году.—Есть еще одно большое стихотвореніе Өеодора Продрома съ надписаніемъ, что это есть пѣснопѣніе на рожденіе порфирородной царицы (ἐπᾴσματα ἐπὶ τῷ γενεθλίῳ τῆς πορφυρογεννήτου καὶ βασιλίδος), которое издателемъ (E. Miller, Historiens grecs des croisades II, 351) поэтому отнесено къ рожденію Маріи,—но надписаніе ложно и нужно удивляться, какъ этого не замѣтилъ ученый издатель, потому что мать представляется дочерью короля, чѣмъ не была Берта-Ирина, и, что̀ еще важнѣе, — новорожденный младенцемъ *мужескаго* пола (ἀπόγονε, ἔγγονος), явившимся на свѣтъ на *десятый* годъ брака: дѣло идетъ объ Алексѣ, сынѣ

лась большою красотою. Впослѣдствіи ей суждено было пережить свою мать и еще при жизни отца испытать не мало превратностей вслѣдствіе того, что онъ сдѣлалъ ее орудіемъ своей политики. Считаясь ближайшею наслѣдницею престола, она была обручена съ угорскимъ королевичемъ Бѣлою, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ объявленъ преемникомъ Мануила на царствѣ, но затѣмъ, когда у Мануила отъ второй жены родился собственный сынъ, Марія должна была отказаться отъ надежды на высокое наслѣдство, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ жениха; только на тридцатомъ году жизни, когда ея прежній обручникъ уже носилъ корону св. Стефана, она была выдана за мужъ за семнадцатилѣтняго юношу Райнера Монферратскаго: конецъ обоихъ былъ самый трагическій.—Вторая дочь Мануила и Ирины, по имени неизвѣстная, не долго пережила свою мать и умерла четырехъ лѣтъ отъ роду (Cinnam. Lib. V, cap. 1. Bonn, pag. 202), ея рожденіе можно относить къ 1157 году или даже къ 1156-му. О смерти ея вслѣдъ за кончиною матери говоритъ въ своей рѣчи Василій Охридскій (гл. 20), къ сожалѣнію въ столь искуственно метафорическихъ выраженіяхъ, что они способны подать поводъ къ недоразумѣнію.

Изъ западныхъ источниковъ извѣстны еще два факта, связанные съ именемъ Ирины. Въ царствованіе Фридриха Барбароссы—въ 1154 году — прибывшіе изъ Константинополя послы заявили между прочимъ преемнику Конрада († 1152) отъ имени византійской императрицы объ ея желаніи, чтобы надъ ея племянникомъ (сыномъ ея сестры Гертруды и Конрада) Фридрихомъ младшимъ, едва достигшимъ четырнадцатилѣтняго возраста, былъ безъ замедленія совершенъ старо-нѣмецкій обрядъ опоясанія мечемъ и вмѣстѣ посвященія въ рыцари. Оттонъ Фрейзингенскій (Gesta Freder. Lib. III, cap. 6) прибавляетъ, что тетка, Ирина (Herena) константинопольская, очень любила юношу и часто присылала ему богатые подарки. Посламъ было наказано, чтобы они возвращались не иначе, какъ бывъ свидѣтелями совершенія желаемой церемоніи, — и такой наказъ былъ данъ съ согласія мужа, императора Мануила, а этотъ послѣдній руководился любовью къ супругѣ и воспоминаніемъ о старой дружбѣ съ Конрадомъ[1]).

Мануила отъ второй жены, Маріи антіохійской. Мануилъ женился на ней въ 1161 году, а сынъ Алексѣй родился въ сентябрѣ 1169 года.

1) Cp. Giesebrecht, Gesch. der d. Kaiserz. V, 120.

Тотъ же самый писатель или же его продолжатель Рагевинъ разсказываетъ подъ 1158 годомъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ достовѣрности о дошедшихъ изъ Византіи въ Германію слухахъ о какомъ-то заговорѣ на жизнь Мануила: въ заговорѣ главную роль игралъ хранитель царской чернилицы — съ красными, впрочемъ, чернилами, ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου, что соотвѣтствуетъ, де, званію канцлера; но преступный замыселъ сдѣлался извѣстенъ *императрицѣ*, которая извѣстила своего мужа; глава злоумышленниковъ былъ схваченъ, ему выкололи глаза и вырвали языкъ. (Gesta Freder. Lib. III, cap. 47). Византійскіе источники, историки Киннамъ и Никита, разсказываютъ этотъ эпизодъ каждый по своему, но ни тотъ ни другой не примѣшиваютъ къ открытію мнимаго или дѣйствительнаго заговора имени самой царицы. Дѣло идетъ о Ѳеодорѣ Стиппіотѣ, о близости котораго къ царскимъ пурпурнымъ чернидамъ говорятъ оба византійца. Вина его, по Киннаму (Lib. IV, cap. 19. Bonn, pag. 184), состояла въ томъ, будто бы онъ распространялъ предсказанія о близкой смерти императора Мануила и высказывалъ особыя идеи о престолонаслѣдіи: византійскій синклитъ, то есть совокупность высшихъ государственныхъ сановниковъ, долженъ былъ вступить въ роль Римскаго сената и озаботиться о томъ, чтобы скипетръ перешелъ въ руки какого-нибудь престарѣлаго мужа, а не полнаго силъ юноши, дабы власть самодержца была только номинальною, а дѣйствительное управленіе имѣло такой видъ, какой бываетъ въ государствахъ демократическихъ. По Никитѣ Хоніату (Manuel. Lib. III, cap. 4. Bonn, pag. 145—148), тутъ просто была придворная интрига; на самомъ дѣлѣ никакого заговора не существовало, а происходила глухая и темная борьба за вліяніе, прибѣгавшая къ такимъ средствамъ, какъ поддѣльныя подброшенныя письма, вслѣдствіе доноса найденныя при обыскѣ и послужившія уликою. Однако, изъ намековъ Никиты можно заключить, что дѣло касалось признанія правъ наслѣдства на престолъ за малолѣтнею дочерью Ирины, Маріею, которой уже теперь возможно было пріискивать жениха, долженствующаго раздѣлить съ нею тронъ: черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1163-мъ году), но уже по смерти Ирины, такимъ оказался угорскій королевичъ Бѣла. Ирина естественно должна была стоять на стражѣ интересовъ своей дочери, особенно если и она сама повѣрила въ заклятіе низложеннаго патріарха и отказалась отъ надежды имѣть дѣтей мужескаго пола.

Смерть Ирины относятъ (Муральтъ) къ 1158-му году, но, пови-

димому, она прожила нѣсколько долѣе. Въ весьма отчетливомъ разсказѣ историка Киннама отмѣчается кратковременное пребываніе Мануила въ столицѣ съ *царицею* послѣ возвращенія изъ похода противъ Сельджукскихъ турокъ зимою 1159 года[1]). По связи дальнѣйшаго повѣствованія ея кончину приходится относить къ осени или зимѣ 1160-го года, потому что вслѣдъ затѣмъ говорится о смерти угорскаго короля Гейзы, послѣдовавшей 31 мая 1161-го года[2]).

Историки не сообщаютъ никакихъ подробностей о болѣзни, подкосившей жизнь еще молодой государыни; только Никита, говоря о крайнемъ сокрушеніи царя, употребляетъ сравненіе, которымъ начинается рѣчь Василія («*какъ левъ* жалобно *возревѣлъ*»), доказывая такимъ образомъ свое знакомство съ этимъ произведеніемъ. Василій Охридскій даетъ довольно неопредѣленное описаніе недуга, оказавшагося смертельнымъ, упоминаетъ объ изнурительной лихорадкѣ, о пораженіи внутреннихъ органовъ. Желая внушить служателямъ представленіе, что не смотря на болѣзнь, крывшуюся въ организмѣ, покойница сохранила и послѣ кончины видъ цвѣтущей и красивой женщины, ораторъ прибѣгаетъ къ сравненію, заимствованному изъ какихъ-то темныхъ классическихъ преданій о Марціи, женѣ Катона (гл. 16). Во время беременности она была поражена молніею, которая убила младенца, но оставила мать невредимою. Любопытно было бы узнать, чрезъ какое посредство дошло къ нему это извѣстіе о приключеніи съ Марціей, ведущее свое начало, очевидно, отъ Плинія старшаго, хотя этотъ послѣдній и не считаетъ Марцію, подвергшуюся удару молніи, женою Катона[3]). Ирина была погребена въ монастырѣ Пантократора. Царь Мануилъ недолго оставался неутѣшнымъ; въ 1161-мъ году онъ сосваталъ себѣ другую супругу, дочь князя Антіохійскаго, по женской линіи принадлежавшую къ французскому королевскому дому Капетинговъ[4]).

---

1) Cinnam. L. IV, cap. 23 (Bonn, pag. 191).

2) Cinnam. L. V, cap. 1. Bonn, pag. 194. Nicet. Manucl. L. III, cap. 5. Bonn, pag. 151. О смерти Гейзы см. К. Я. Гротъ, Угрія и славянство стр. 254 примѣч. 2. Съ другой стороны нужно имѣть въ виду, что сватовство Мануила, искавшаго невѣсты при посредствѣ іерусалимскаго короля, потребовало времени около года (Willerm. Tyrens. XVIII, c. 31, pag. 875), а затѣмъ бракосочетаніе съ Маріею совершилось 25 декабря 1161 года.

3) Plin. *Histor. Natur.* L. II, § 137. Marcia, princeps Romanarum icta gravida partu exanimato ipsa citra ullum aliud incommodum vixit.

4) Wyllerm. Tyrens. l. c., pag. 875.

Остается сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ объ изданіи нижеслѣдующаго текста и о рукописяхъ, изъ которыхъ онъ заимствованъ. Какъ мы уже сообщили въ началѣ, рѣчь Василія Охридскаго на смерть Ирины находится въ одномъ греческомъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ. Разумѣется чрезвычайно важный и содержательный кодексъ *греч. № CCL*, изъ котораго мы уже обнародовали нѣсколько любопытныхъ документовъ въ статьѣ объ обновленіи болгарскаго патріаршества [1]); съ другими надѣемся ознакомить читателей Временника въ непродолжительномъ времени. Сборникъ, вывезенный преосвящ. Порфиріемъ Успенскимъ († 1885) изъ монастыря св. Екатерины на горѣ Синаѣ, былъ описанъ кратко имъ самимъ и подробнѣе нами въ приложеніи къ отчету Императорской Публичной библіотеки за 1883-й годъ: печатано и вышло отдѣльными оттисками въ 1885-мъ году подъ заглавіемъ «Описаніе Порфирьевскаго сборника Византійскихъ документовъ». Не повторяемъ здѣсь сдѣланнаго тамъ подробнаго оглавленія. Припомнимъ только, что высокая цѣнность кодекса все-таки много теряетъ вслѣдствіе печальнаго опустошенія, произведеннаго въ немъ неизвѣстно когда и кѣмъ. Сборникъ теперь состоитъ изъ 150 листовъ на бомбицинѣ въ большую 4-ку, но около цѣлой четверти первоначальнаго состава утрачено, и, что всего хуже, пробѣлы образовались не въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ сподрядъ, а непрерывно и спорадически между отдѣльными сохранившимися листами, такъ что очень часто самыя интересныя статьи не имѣютъ либо начала, либо конца. Издаваемая нами статья, которою и открывается кодексъ, не имѣетъ ни того, ни другаго, ни начала, ни конца; текстъ прямо вводитъ насъ въ описаніе какого-то торжественнаго, какъ далѣе оказывается — брачнаго поѣзда. Тѣмъ не менѣе не составляло особенной трудности догадаться о какой невѣстѣ, послѣдующей царицѣ, идетъ дѣло въ рѣчи; хотя по имени не названа ни она сама, ни ея царственный супругъ, но за то указано ея нѣмецкое происхожденіе и родство, упомянуто о смерти двухъ старшихъ братьевъ наслѣдника-супруга и т. д. Ясно было, что предметъ рѣчи — Берта Зульцбахъ, сдѣлавшаяся вслѣдствіе брака съ Мануиломъ Комниномъ императрицею Ириною. Далѣе, изъ каталога греческихъ рукописей Эскуріальской библіотеки Е. Миллера (E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial,

1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1885 г. Апрѣль, стр. 234 и сл.

pag. 212) было извѣстно, что въ знаменитомъ кодексѣ, обозначенномъ у него подъ № 262 и содержащемъ преимущественно произведенія церковнаго краснорѣчія времени Комниновъ (Евстаѳія Солунскаго, ритора Михаила и т. д.), находится *надгробное слово государынѣ изъ нѣмецкаго рода*, приписываемое тамъ опредѣленному автору, именно Василію Охридскому. Cod. 261, fol. 337 r. τοῦ γεγονότος Θεσσαλονίκης κὺρ Βασιλείου τοῦ Ἀχριδηνοῦ λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῇ ἐξ Ἀλαμανῶν δεσποίνῃ. Мы естественно предположили тождество этой пьесы съ тою, которую читали въ С.-Петербургскомъ сборникѣ. Когда затѣмъ ученая командировка привела начинавшаго тогда свою дѣятельность молодаго византиниста В. Э. Регеля съ Востока въ Испанію, и притомъ на долгое время въ Эскуріалъ, мы воспользовались удобнымъ случаемъ и попросили его сличить посланную ему копію петербургскаго неполнаго текста съ эскуріальскою рѣчью Василія Охридскаго. Ожиданія наши относительно тождества оправдались, но при этомъ оказалось, чего мы не думали, именно что въ началѣ рѣчи недостаетъ гораздо больше, чѣмъ можно было догадываться. Ниже, въ означеніи варіантовъ, отмѣчено мѣсто, на которымъ прекращается исключительное пользованіе эскуріальскимъ кодексомъ. В. Э. Регель съ полною готовностью исполнилъ нашу просьбу, онъ не только дополнилъ недостающее, но и произвелъ полное сличеніе присланной копіи съ эскуріальскимъ спискомъ, откуда и происходятъ отмѣчаемыя нами разночтенія. Пользуемся случаемъ, чтобы публично заявить ему глубокую нашу благодарность. Не слѣдуетъ также пройдти молчаніемъ содѣйствіе, оказанное намъ при подготовкѣ текста къ печати, при разрѣшеніи затрудненій, представляемыхъ отчасти самымъ характеромъ письма, довольно неразборчиваго, со стороны неизмѣнно любезнаго товарища нашего В. К. Ернштедта, а также А. А. Пападопуло-Керамевса, наконецъ Х. М. Лопарева, который первоначально и уже давно потрудился для насъ при перепискѣ почти всего Порфирьевскаго сборника цѣликомъ.

Еще два замѣчанія, собственно выходящія за предѣлъ необходимаго, но на всякій случай не излишнія. Василій Охридскій былъ не единственнымъ ораторомъ, оплакавшимъ смерть Ирины-Берты. Въ томъ же самомъ Порфирьевскомъ сборникѣ находится рѣчь неизвѣстнаго сочинителя, сказанная предъ царемъ Мануиломъ по случаю посѣщенія его столицы Килиджъ-Арсланомъ, турецкимъ (Сельджук-

скимъ) султаномъ (fol. 100 v.), что приходится на 1161 годъ[1]). Здѣсь ораторъ кстати припоминаетъ, что ранѣе того онъ сочинилъ *монодію* на смерть царицы (fol. 100 v.), въ концѣ своей рѣчи (fol. 106 v.) онъ побуждаетъ Мануила позаботиться ради общаго блага о скорѣйшемъ заключеніи новаго брака. Можно было бы подумать, что это говоритъ тотъ же самый Василій Охридскій, разумѣя подъ монодіею издаваемое нами надгробное слово, но такое предположеніе было бы несостоятельно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) есть нѣкоторое различіе между *надгробнымъ словомъ*, произведеніемъ ораторскимъ, которое никогда не чуждо бываетъ біографическаго, отчасти объективнаго характера, и *монодіею*, скорѣе похожею на лирическій плачъ, выражающій единичныя чувствованія близкаго лица; замѣчаніе въ такомъ смыслѣ сдѣлано даже въ заглавіи одной такого рода статьи въ эскуріальскомъ кодексѣ (Miller, Catalogue, pag. 201); 2) ораторъ надгробнаго слова лично былъ знакомъ Мануилу и Иринѣ (сцена причащенія въ Солунѣ), а автора *монодіи* императоръ Мануилъ ранѣе произнесенія рѣчи на прибытіе султана зналъ только *по слуху* [2]). И такъ это былъ другой писатель.

1) У Муральта пребываніе султана въ Константинополѣ отнесено къ 1159-му году. Но Киннамъ (V. 3. Bonn, pag. 204) помѣщаетъ его въ число событій 1161-го, непосредственно слѣдовавшихъ за кончиною Ирины. Продолжатель Матвѣя Эдесскаго Григорій священникъ подтверждаетъ такую дату: Dulaurier, Bibliothèque historique arménienne pag. 364.

2) Fol. 100 v. παρέστηκέ σοι ῥήτωρ, ὃν ἀκοή σοι μόνον ἐγνώρισε.

Василія Охридскаго, митрополита Солунскаго, надгробное слово императрицѣ Иринѣ изъ нѣмецкаго рода.

1. *Левъ возреветъ, и кто не убоится* (Амос. 3, 8). Царь печалится, и кто не воспечалится вмѣстѣ съ нимъ? Кто не восплачетъ и не возрыдаетъ жалобно? Царь столь великій мудростію и мужествомъ, для всѣхъ непобѣдимый — не только для народовъ, но и для страстей и для всѣхъ требованій природы. Онъ восплакалъ и въ слухъ всей земли возрыдалъ; онъ не возмогъ ни преодолѣть своего горя, ни оправиться отъ него. И кто изъ тѣхъ, кто занимается словомъ или какимъ-либо другимъ дѣломъ, либо ремесломъ, не приметъ участія въ плачѣ, не раздѣлитъ печали, не отнесется съ сочувствіемъ къ несчастію, хотя бы онъ выросъ изъ дуба, высѣченъ былъ изъ камня, выкованъ изъ желѣза? Ибо если *возреветъ левъ изъ дубравы своея* — не будемъ

Благодаря обязательности Дм. Вл. Айналова, доцента Казанскаго университета, мы имѣли удовольствіе ознакомиться съ фотографическимъ снимкомъ нѣсколькихъ листковъ изъ Ватиканской рукописи, содержащихъ весьма любопытныя миніатюры, которыя изображаютъ проводы, переѣздъ и встрѣчу одной западной принцессы, выдаваемой замужъ въ Византію; лицевыя изображенія сопровождаются отрывками стихотворенія, написаннаго на сей случай. Изъ этого стихотворенія видно, что здѣсь дѣло идетъ не объ Иринѣ-Бертѣ, а о какомъ-то другомъ византійскомъ бракѣ. Западный *король* (ῥηγάρχης), по просьбѣ самодержца ромейскаго, отправляетъ въ Константинополь свою *собственную дочь*, царь долженъ быть для нея новымъ *отцемъ* и свекромъ (πενθερός), женихъ, слѣдовательно, есть сынъ императора; при вступленіи въ городъ выходитъ на встрѣчу невѣстѣ золовка, то есть, сестра (будущаго) мужа новоприбывшей принцессы (ἀνδραδέλφη). По видимому, здѣсь слѣдуетъ разумѣть дочь Людовика VII, Агнесу, выданную замужъ за сына Мануила отъ второй жены, Алексѣя. Вышедшая на встрѣчу сестра его, называемая тоже царицею, будетъ тогда Марія, дочь Ирины, считавшаяся нѣкогда единственною наслѣдницею престола — вмѣстѣ съ мужемъ Бѣлою Алексѣемъ Угорскимъ. Рѣчь Евстаѳія Солунскаго *на прибытіе* изъ Франціи невѣсты Алексѣя издана В. Э. Регелемъ (въ его Fontes rerum Byzantin., I, pag. 80—92).

ΤΟΥ ΓΕΓΟΝΟΤΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ ΚΥΡ ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ ΤΟΥ ΑΧΡΙΔΗΝΟΥ ΛΟΓΟΣ ΕΠΙΤΑΦΙΟΣ ΕΠΙ ΤΗΙ ΕΞ ΑΛΑΜΑΝΩΝ ΔΕΣΠΟΙΝΗΙ.

1. «Λέων ἐρεύξεται καὶ τίς οὐ φοβηθήσεται» [a]); βασιλεὺς πενθεῖ καὶ τίς οὐ πενθήσει; τίς οὐ θρηνήσει καὶ γοερὸν ἀνακλαύσεται; βασιλεὺς ὁ καὶ τὴν σοφίαν τηλικοῦτος καὶ τὴν ἀνδρίαν, ὁ τοῖς πᾶσιν ἀήττητος οὐκ ἔθνεσι μόνον ἀλλὰ καὶ πάθεσι καὶ ταῖς ἀνάγκαις τῆς φύσεως, οὗτος ἐθρήνησέ τε καὶ τοῖς ἁπανταχοῦ γῆς ἐξάκουστον ἀπωδύρατο καὶ οὐδὲ ἔτι τοῦ πάθους ἑαυτὸν ἀνακωχεύειν καὶ ἀναφέρειν ἐξίσχυσε. Καὶ τίς ἢ τῶν περὶ λόγους ἢ τῶν ἄλλο τι μετιόντων ἔργον καὶ ἐπιτήδευμα οὐ συνδραμεῖται πρὸς τὸν

Titulus et paragr. 1—8 e cod. Escorialensi Υ. II, 10. — 6 ἐξίσχυσε] cod. ἐξίσυχε. — 7 ἔργων cod.

a) Amos III, 8.

отклоняться отъ изреченія пророка, — то развѣ *не испуститъ гласъ свой львичищь изъ ложа своего* (Амос. 3, 4)? Итакъ если на рыканіе льва — а рыканіе звѣря есть его крикъ —, подаетъ голосъ и его дѣтенышъ изъ логовища; дѣтенышами же царя на основаніи его попеченія, его всяческихъ подвиговъ и заботъ о насъ должны считаться мы, подвластный ему народъ: то подадимъ и мы голосъ изъ своего убѣжища на крикъ и плачъ царя, возвысимъ голосъ, поднимемъ вопль всякій возрастъ и всякій родъ людей — іереи и народъ.

2. Да будетъ горе всенароднымъ, да возбудится печаль всемірная. Какъ всѣ другія ощущенія и движенія льва благородны и, какъ кто-то сказалъ, вмѣстѣ съ удивленіемъ способны внушать любовь, такъ и плачъ, если ему пришлось плакать, естественно будетъ страшенъ и не чуждъ способности возбудить удивленіе, ибо онъ будетъ плакать не о чемъ-либо маломъ и недостойномъ его природы. И царь—такой и столь великій — горюя не постыдитъ своей величавости и царственности, какъ по не достойному страждущій и малодушный. Не всякая какая бы то ни было тяжесть несчастія могла бы подвигнуть неподвижнаго или потрясти столь крѣпкую твердыню, сей столь прочно водруженный и безупречно установленный четвероугольникъ; не всякое обычное природы страданіе могло бы размягчить этого *адаманта*, носимаго *въ руцѣ* божіей (Амос. 7, 7).

3. Пророческое видѣніе — ибо изъ такихъ элементовъ, какъ изъ самосоставляющихся членовъ, собрано и заимствовано мое произведеніе — внушаетъ мнѣ и слѣдующее: что-нибудь великое должно быть предметомъ печали льва, ради которой и львенки подали голосъ и подаютъ, знаю даже, что будутъ голосить и рыдать изъ рода въ родъ. А что для мужа больше жены единоправной и единомысленной, надъ которою ему дано и опекать и властвовать — не какъ господинъ надъ имѣніемъ, но какъ душа надъ тѣломъ, (дано) самимъ промысломъ, связавшимъ душу съ тѣломъ, и образовавшимъ посредствомъ сопряженія изъ жены и мужа какъ бы одно живое существо, за одно дышущее и за одно чувствующее? Если же къ этому единосоставному и въ то же время двусоставному прибавится естественнымъ путемъ нѣчто третье — я разумѣю дѣтей —, и будетъ отецъ, мать и сынъ, единъ, два и три, то это уже не только нѣчто великое, но и величайшее, ибо и Богъ посреди двухъ сихъ и трехъ, собранныхъ въ немъ и чрезъ него, какъ на это существуетъ и читается обѣтованіе (Мө. 18, 20).

4. Можно оплакивать и пышный кипарисъ, стоящій въ царскомъ дворѣ, благородно высящійся отъ земли и поднимающійся стройно вверхъ. Можно оплакивать и кедръ вѣтвистый и высокорослый, или прекрасную, тѣнистую и плодородную маслину, или же новый побѣгъ пальмы, выходящій изъ земли. Можно оплакивать и красивый платанъ, достигшій величины и высоты, соотвѣтствующихъ его ширинѣ и прохлаждающій тѣнью своихъ вѣтвей путниковъ въ полдень и зной. Если же иной, часто видѣвшій, часто дивившійся этимъ и подобнымъ деревьямъ, или же наслаждавшійся ихъ дарами, не пройдетъ мимо безъ слезъ, когда дикій тифонъ, внезапно подувшій, сломаетъ или вырветъ ихъ съ корнемъ, то кто не восплачетъ горько о тебѣ, божественнѣйшая царица?

5. Стояла нѣкогда и ты, какъ кипарисъ, посреди дворца, осѣняя его и украшая; высотою своего тѣла, соразмѣрностію членовъ и частей вмѣстѣ съ нѣжною краскою и цвѣтущею свѣжестію возбуждая къ ощущенію красоты даже самыхъ безчувственныхъ. Ты высилась какъ кедръ, веселя Бога и людей прелестію нрава и благоуханіемъ добродѣтелей. Ты насаждена была какъ маслина благоплодная, радуя и утучняя нуждающихся щедрымъ изліяніемъ милости. Это твое прекрасное качество, о богатоелейная, осталось и по смерти въ очень и очень многомъ; но я ищу и твоей неувядающей зелени, и спрашиваю, гдѣ это у тебя. Или только до гроба? А послѣ этого ты увядаешь и теряешь листья, какъ скоро отцвѣтающія растенія.

6. Ты процвѣла какъ пальма, самою своею фигурою проявляя свое совершенство. Ты протянула твои вѣтви — благодѣтельныя руки; ты подавала прохладу и отдыхъ малодушествующимъ отъ зноя житейскихъ нуждъ. Но ты сокрушена въ самомъ основаніи, вырвана съ корнемъ не тифоновымъ вѣтромъ, подувшимъ въ воздухѣ или разразившимся изъ облаковъ, но вырвавшимся изъ подземныхъ тайниковъ. Ты была, по другому пророку, *виноградъ благолозенъ* (Ос. 10, 1), плодоносящій совершенныя дѣянія, *лоза истинная* (Іоанн. 15, 1). *Какъ же ты обратилась въ желчь?* Пусть совосплачетъ со мною многослезный изъ пророковъ (Іерем. 2, 21). *Озоба тя вепрь отъ дубравы и уединенный дивій пояде тя* (Псал. 79, 14), то есть горькая и жестокая смерть, тебя, *покрывшую горы и кедры* (Пс. 79, 11)—всѣхъ бывшихъ до тебя царицъ, тѣнью прекрасныхъ дѣлъ,—я разумѣю добрую славу, — подобно тому какъ идущимъ подъ (солнечнымъ) свѣтомъ впереди бѣгутъ тѣни отъ тѣлъ. А если дѣла не таковы, то и рѣчи

τῶν τριῶν, ἐν αὐτῷ τε καὶ ὑπ' αὐτῷ συνηγμένων [a]), ὡς ἡ ἐπαγγελία πάρεστι καὶ γνωρίζεται.

4. Θρηνήσει μὲν οὖν ἄν τις τάχα καὶ κυπάριττον εὐθαλῆ ἐν βασιλείοις ἱσταμένην αὐλαῖς, εὐφυῶς ἀπὸ γῆς ὑψουμένην καὶ βαίνουσαν ὄρθιον· θρηνήσει καὶ κέδρον ἀμφιλαφῆ καὶ ὑψίκομον ἢ ὡραίαν ἐλαίαν εὔσκιον καὶ κατάκαρπον ἢ φοίνικος νέον ἔρνος [b]) ἐκ γῆς ἀνερχόμενον· θρηνήσει καὶ ἐπὶ «καλῇ πλατανίστῳ» [c]) μεγέθει καὶ ὕψει πλάτος ἀνάλογον προσλαβούσῃ καὶ τῇ ἀπὸ τῶν κλάδων σκιᾷ τοὺς ὁδοιποροῦντας ἀναψυχούσῃ ἐν μεσημβρίᾳ καὶ καύματι. Εἰ οὖν καὶ τὰ δένδρα ταυτὶ τοιαῦτά τις ἰδὼν πολλάκις καὶ θαυμάσας ἢ καὶ τῆς ἐξ αὐτῶν χάριτος ἀπολελαυκὼς οὐκ ἀδακρυτὶ παρελεύσεται, εἰ τυφὼν ἄγριος ἐπιπνεύσας ἀθρόον κατέκλασεν ἢ ῥιζόθεν ἀνέσπασε, τίς οὐ κλαύσεται πικρῶς ἐπὶ σοί, θειοτάτη βασίλισσα;

5. Ἔστης ποτὲ καὶ σὺ ὡς κυπάριττος ἐν μέσῳ τῶν ἀνακτόρων πυκάζουσα ταῦτα καὶ ὡραΐζουσα, τῇ δέ τε τοῦ σώματος ἀναδρομῇ καὶ τῇ τῶν μελῶν καὶ μερῶν εὐρυθμίᾳ σὺν εὐχροίᾳ καὶ ἄνθει κινοῦσα πρὸς αἴσθησιν ἡδονῆς καὶ αὐτὰ τὰ ἀναίσθητα. Ὑψώθης καὶ ὡς κέδρος τῇ τῶν ἠθῶν καλλονῇ καὶ τῇ τῶν ἀρετῶν εὐωδίᾳ καὶ Θεὸν καὶ ἀνθρώπους εὐφράνασα. Ἐφυτεύθης καὶ ὡς ἐλαία κατάκαρπος, τῇ τοῦ ἐλέους δαψιλεῖ χύσει τοὺς δεομένους ἱλαρύνουσα καὶ πιαίνουσα. Ἀλλὰ τοῦτο μέν σου τὸ καλόν, ὦ καλλιέλαιε, καὶ μετὰ θάνατον ἐν τοῖς πλείστοις παρέμεινεν, ἐγὼ δέ σου ζητῶ καὶ τὸ ἀειθαλές, καὶ ποῦ σοι τοῦτο, πυνθάνομαι. ἢ μέχρι τοῦ τάφου; τὸ δ' ἐντεῦθεν ἀπανθεῖς καὶ φυλλοχοεῖς, ὡς τὰ τῶν ἀνθέων κύμορα;

6. Ἤνθησας ὡς φοῖνιξ ἐξ αὐτῆς φυῆς τὸ τέλειον ὑποφαίνουσα, ἐπλατύνθης ὡς πλάτανος, ἐξέτεινάς σου τοὺς κλάδους, τὰς εὐεργέτιδας χεῖρας. Ἀναψυχὴν παρέσχες καὶ ἄνεσιν τοῖς ὀλιγοψυχοῦσιν ὑπὸ καύσωνος βιωτικῶν ἀναγκῶν, ἀλλ' ἐξεκλάσθης αὐτόπρεμνος, ἀλλ' ἀνεσπάσθης αὐτόρριζος, οὐ τυφωνικῷ πνεύματι ἐξ ἀέρος πνεύσαντι ἢ ἐκ νεφῶν ῥηγνυμένῳ, ἀλλ' ἀπὸ νερτερίων μυχῶν ἀναβράσαντι. Ἐγένου καὶ «ἄμπελος εὐκληματοῦσα» [d]) κατ' ἄλλον προφήτην, καρποφοροῦσα τὰ κατορθώματα, «ἄμπελος ἀληθινή» [e]). «Πῶς ἐστράφης εἰς πικρίαν»; συνθρηνείτω γάρ μοι καὶ τῶν προφητῶν ὁ πολύθρηνος [f]). Πῶς «ἐλυμήνατό» σε «ὗς ἐκ δρυμοῦ»; πῶς «κατενεμήσατό» σε «μονιὸς ἄγριος [g])», ὁ πικρὸς καὶ ἀτίθασσος θάνατος, τὴν καλύψασαν «ὄρη καὶ κέδρους» (τὰς πρὸ σοῦ βασιλίσσας ἁπάσας) τῇ τῶν καλῶν ἔργων

3. εὐθαλῆ] cod. ἐσθαλῆ. — 22 ὠκύμορα? an κυνόμορα?

a) Matth. XVIII, 20 «οὗ γάρ εἰσι δύο ἢ τρεῖς συνηγμένοι εἰς τὸ ἐμὸν ὄνομα, ἐκεῖ εἰμι ἐν μέσῳ αὐτῶν». b) φοίνικος νέον ἔρνος Odyss. 6, 163. c) καλῇ πλατανίστῳ Iliad. 2, 307. d) Hos. X, 1. e) Ev. Ioann. XV, 1. f) Ierem. II, 21. g) Psalm. LXXIX, 15.

всюду и всѣми говоримыя или выслушиваемыя бываютъ противоположны; въ такомъ смыслѣ нужно понимать и изрѣченіе Авдиритскаго мудреца, что «слово есть тѣнь дѣла».

7. О удивительная дикая лоза виноградная, поднявшаяся вверхъ вмѣстѣ съ пальмою и достигшая высоты ея (ибо и ты выросла рядомъ съ царемъ и соцарствовала ему)! *О добрая въ женахъ!* (Пѣсн. пѣсн. 1, 20). Мы видѣли нѣкогда тебя притекающую съ запада, какъ луна въ новомѣсячіе — но въ полномъ свѣтѣ и блескѣ; ибо Богъ *предувѣдалъ и предопредѣлилъ* о тебѣ, хотя для насъ ты пока являлась серпообразно подъ малымъ и блѣднымъ свѣтомъ славы. Ибо не какъ невѣсту самодержца (автократора), но какъ (обручницу) севастократора, что соотвѣтствуетъ второй степени достоинства, призвалъ тебя отъ концевъ земли царственный свекоръ. И видя тебя мы удивляясь говорили съ Соломономъ: *кто сія восходящая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце* (Пѣсн. пѣсн. 6, 9)? — Но конечно, не дано было человѣческимъ домысламъ и малосмысленнымъ разсужденіямъ понизить до своего уровня великое и сверхмысленное промысленіе и умалить *твое*. Не суждено было тебѣ, госпожа, остаться тѣмъ же чѣмъ тогда зримое заставляло тебя являться въ глазахъ зрителей. Не осталась ты такою, какою возстала изъ дома и родины своей, но воспринимая свѣтъ къ свѣту и восходя отъ славы къ славѣ, великая и великаго достойная—ты удостоилась бóльшаго и на дѣлѣ и по имени.

8. О тѣ счастливые дни, когда царская тріира препровождала тебя отъ противоположнаго материка ко пристани на другой сторонѣ, проходя Іонійское море, нося счастливуя ношу всеблагополучной столицѣ и немаловажное прибавленіе. Думаю, что тогда сочувствовали этому прекрасному грузу и море и подводныя чудовища морскія; море вступало въ союзъ съ дуновеніемъ вѣтровъ и подставляло свой хребетъ (свою поверхность) покатымъ и гладкимъ кораблю, а киты, выплывая изъ бездны, прыгали и сорадовались. Дельфины и помпилъ провожали тебя къ берегамъ иллирійскимъ; а эти (берега) въ свою очередь, принимая тебя изъ водъ, поставили тебя на твердую землю, какъ пріятнѣйшій и лучшій предметъ для зрѣлища.

Стекался массою и народъ — мужи и жены и удивлялись твоему явленію, подозрѣвая не то, что приходилось видѣть, но нѣчто божественное и чудесное, зримое въ человѣческомъ образѣ. Встрѣчали тебя ближайшіе и выдающіеся сродники царя и съ величайшимъ усердіемъ препровождали изъ одного пристанища къ другому среди веселія и

«σκιᾷ» [a]), τῇ ἀγαθῇ φήμῃ φημί; ἐπεὶ καὶ καλῶν μὲν ἔργων ἀεὶ λόγος προπεπόρευται, ὡς τοῖς ὑπὸ φωτὶ πορευομένοις αἱ τῶν σωμάτων σκιαί· τῶν δ' αὖ ἑτέρως ἐχόντων ὁ ἐναντίος πανταχοῦ καὶ διὰ πάντων λαλούμενός τε καὶ ἀκουόμενος, ὡς οὕτω ὠίσθαι καὶ τὸ τοῦ Ἀβδηρίτου σοφοῦ ὅτι «λόγος ἔργου σκιή [b])».

7. Ὦ θαυμασία ἀναδενδρὰς ἡ συναναβᾶσα τῷ φοίνικι καὶ κρατήσασα τῶν ὕψεων αὐτοῦ [c]) (ὅτι καὶ συνήκμασας τῷ παμβασιλεῖ βασιλεῖ καὶ συνεβασίλευσας), ὦ ἡ «καλὴ ἐν γυναιξίν» [d]), εἴδομέν σε ποτὲ δυσμόθεν προκύπτουσαν ὡς ἐν νεομηνίᾳ σελήνην τὴν πλησιφαῆ μὲν καὶ πανσέληνον ὅση ἐπὶ τῷ προεγνωκότι σε καὶ προορισαμένῳ Θεῷ, ἡμῖν δὲ τέως ὑπὸ μικρῷ τῷ τῆς δόξης φωτὶ μηνοειδῶς ὑπαυγάζουσαν. οὐ γὰρ αὐτοκράτορος νυμφευομένην ἀλλ' ὡς σεβαστοκράτορος καὶ τῆς δευτέρας ἀξίας ἐκ τῶν ἐσχατιῶν τῆς γῆς ἀνεκαλεῖτό σε ὁ κηδεστὴς βασιλεύς. Καὶ ἰδόντες εἴπομεν μετὰ τοῦ Σολομῶντος θαμβούμενοι «τίς αὕτη ἡ ἀναβαίνουσα ὡσεὶ ὄρθρος; καλὴ ὡς σελήνη, ἐκλεκτὴ ὡς ὁ ἥλιος» [e]). Ἀλλ' οὐκ ἦν πάντως ἀνθρωπίναις ἐπινοίαις καὶ ὀλιγογνώμοσιν λογισμοῖς τὴν μεγάλην καὶ ἀπερινόητον συνυποβιβάζεσθαι πρόνοιαν καὶ σμικρύνειν τὰ σά. Οὔκουν ἔδει, ὦ δέσποινα, τὴν αὐτήν σε μεῖναι οἵαν εἶναι τὰ τότε ὁρώμενα προσδοκᾶν παρεῖχε τοῖς βλέπουσι. διὸ οὐδὲ ἔμεινας οἵα καὶ ὅση ἐκ τοῦ οἴκου καὶ τῆς σῆς συγγενείας ἀνελαμβάνου, ἀλλὰ φωτὶ προσλαμβάνουσα φῶς καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν ἀναβαίνουσα ἡ μεγάλη καὶ τῶν μεγάλων ἀξία τοῦ μεγίστου κατηξιώθης καὶ πράγματος καὶ ὀνόματος.

8. Ὦ ἡμερῶν εὐδαιμόνων ἐκείνων, ὅτε ἐκ τῆς ἀντιπέραν ἠπείρου πρὸς τὴν ἀντίπορθμον ἡ βασιλικὴ σε τριήρης μετῆγε τὸν Ἰόνιον διαβαίνουσα, φόρτον εὐδαιμονίας τῇ πανευδαίμονι βασιλίσσῃ προσθήκην οὐκ ἐλαχίστην κομίζουσα! Οἶμαι τότε τοῦ καλοῦ τούτου φόρτου καὶ θάλασσα συνεπαισθανομένη καὶ τὰ ὑποβρύχια κήτη, ἡ μὲν ταῖς ἀντιπνοίαις τῶν ἀνέμων ἐσπένδετο καὶ τὰ νῶτα τῇ τριήρει παρεῖχεν ὕπτιά τε καὶ λειοκύμονα, τὰ δὲ βυσσόθεν ἀνανηχόμενα ἐσκίρτα καὶ συνηγάλλετο. Καὶ δελφὶς καὶ πομπίλος προσέπεμπόν σε πρὸς τὰς Ἰλλυριάδας ἀκτάς, αἱ δὲ πάλιν ἐκ τῶν ῥοθίων ὑποδεχόμεναι τῇ γῇ ἐγκαθίστων ἥδιστον θεαμάτων καὶ κάλλιστον. Συνέρρει δὲ πανδημεὶ ὁ λαὸς ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ πρὸς τὴν ὄψιν ἐξεθαμβοῦντό σου, οὐχ ὅπερ ἦν ὁρᾶν ὑποπτεύοντες ἀλλὰ θεῖόν τι καὶ

4 οὕτω ὠίσθαι] ita codex, qui post habet αὐδηρίτου. — 19 ὅση] cod. ὅσι — 22 κατηξιώθης] cod. κατηξοιώθης. — 25 βασιλίδι? — 30 πόμπιλος cod.

a) Psalm. LXXIX, 11. b) Diog. L. IX, 7, 5: τούτου (Democriti) ἐστὶ καὶ τὸ ‹λόγος ἔργου σκιή›. c) Psalm. LXXIX, 11. Cant. VII, 8. d) Cant. 1, 20. e) Cant. III, 6. VI, 10.

рукоплесканій, думая почерпать для себя великія надежды изъ того, что удостоились быть сватами и дружками такой невѣсты, и считая себя стольже счастливыми, какъ оный рабъ, приведшій изъ Месопотаміи Ревекку прекрасному Исааку.

9. Все шествіе похоже было на хороводъ. Находящіеся по дорогѣ села и города подавали другъ другу руки какъ въ хороводѣ. Одинъ принималъ, предлагая почетный привѣтъ и какъ бы свои объятія; другой потомъ провожалъ, составляя охранную свиту и передавая одинъ другому, пока она, совершивъ путъ отъ Иллирика даже до Византіи, не поселилась во дворцѣ, какъ прекрасная луна на своей высотѣ или какъ денница въ своемъ обиталищѣ. Но что мнѣ сказать? Прибавлю и то, что было далѣе, и какъ мнѣ не прибавить, если, опустивъ это, я пропустилъ бы самую важную и отмѣнную изъ твоихъ радостей, именно,—что тогда ты, наша луна, вмѣсто несовершеннаго вида и неполнаго свѣта воспріяла цѣльный блескъ лица.

10. Ибо когда твое солнце, отпрыскъ порфиры, царь былъ провозглашенъ именно *царемъ* вмѣсто севастократорства и прежде діадемы на крайнихъ предѣлахъ ромейской державы и возвращался въ столицу со всѣми полками, то и ты вмѣстѣ съ нимъ устами всѣхъ провозглашалась царицею даже и прежде нареченія. Я не знаю, кто изъ васъ двоихъ, о прекрасная пара, былъ виновникомъ того, что другому досталась державная власть. Не гнѣвайся на меня, царь, потому что я говорю о своей бѣдѣ Благоволеніе-ли Божіе къ царицѣ посадило ея супруга на царскій тронъ, однихъ изъ братьевъ ранѣе изведя изъ жизни, изъ коихъ первому уже давалось имя царя, и мудро устроивъ, что третій даже не могъ присутствовать при кончинѣ отца, и вручивъ четвертому и послѣднему—тебѣ, государь, царскій скипетръ? Или-же тотъ, кто возвысилъ его на такую высоту и почтилъ наивысшею честію, только ради его вмѣстѣ съ тѣмъ возвысилъ и царицу? Это для меня и до сихъ поръ неясно, но я припоминаю, что божественный Іаковъ вдохновенно сказалъ къ Сирину (Лавану): *«благослови тя Господь пришествіемъ моимъ»* (Быт. 30, 30). Если же иное находится во взаимной причинной связи, какъ полагаетъ Аристотель, то въ этомъ случаѣ недоумѣніе мое дѣлается еще сильнѣе. Но что достойный и прекраснѣйшій поялъ достойнѣйшую и прекрасную, дабы ни въ чемъ не было нарушено равновѣсіе, но дабы чѣмъ онъ былъ въ мужахъ, тѣмъ она была въ женахъ,—это скажетъ и самый грубый и ограниченный изъ людей.

τεράστιον ἐν ἀνθρωπίνῃ μορφῇ καθορώμενον. Παραλαβόντες δέ σε καὶ τῶν τοῦ βασιλέως συγγενῶν οἱ ἐγγυτάτω καὶ προύχοντες εἰς ἑτέραν ἐξ ἑτέρας καταγωγῆς ἐν εὐθυμίαις καὶ κρότοις εὐθυμότατοι μετεβίβαζον, πολλὰς ἑαυτοῖς ἀγαθῶν ἐλπίδων προμνᾶσθαι πιστεύοντες ὅτι τοιαύτης νύμφης νυμφαγωγοὶ καὶ προμνήστορες γενέσθαι κατηξίωντο καὶ οὐχ ἧττον εὐτυχεῖν ἢ ὁ οἰκέτης ἐκεῖνος ὁ ἐκ Μεσοποταμίας ἄγων τὴν Ῥεβέκκαν τῷ καλῷ Ἰσαάκ.

9. Πορεία δὲ πᾶσα ὡς χορεία ἠνύετο. αἱ γὰρ μεταξὺ πᾶσαι κῶμαι καὶ πόλεις ὡς ἐν χορῷ χεῖρας ἀλλήλαις συμπλέξασαι ἡ μὲν ὑπεδέχετο καταγωγαῖς φιλοτιμουμένη καὶ ταῖς ὡς οἷόν τε δεξιώσεσιν, ἡ δὲ τῇ ἐφεξῆς δορυφοροῦσα παρέπεμπεν, καὶ ἐκείνη τῇ μετ' ἐκείνην, ἕως ἂν τὴν ἀπὸ Ἰλλυρίδος μέχρι καὶ Βυζαντίδος ὁδὸν ἐξανύσασα ὡς ἐν ἰδίῳ ὑψώματι ἡ καλὴ σὺ σελήνη ἢ ὡς ἑωσφόρος ἐν οἴκῳ οἰκείῳ τοῖς ἀνακτόροις ἐγκατῳκίσθης. Ὦ, ὦ τί εἴπω; ἆρα προσθήσω καὶ τὰ ἑξῆς; πῶς δὲ οὐ προσθήσω; ἢ μὴ προσθεὶς οὐχὶ τὸ καιριώτατον καὶ σκοπιμώτατον τῶν σῶν εὐτυχημάτων ἔσομαι παραλελοιπώς, ὅτι τηνικάδε ἀντὶ τῶν ἀτελῶν σχημάτων καὶ φωτισμάτων τὸ ὁλοφαὲς ἡ σελήνη μετημφίασαι πρόσωπον;

10. Ὅτε γὰρ ὁ σὸς ἥλιος, ὁ τῆς πορφύρας βλαστός, ὁ βασιλεὺς αὐτὸ τοῦτο βασιλεὺς ἀντὶ σεβαστοκράτορος ἀνηγορεύετο καὶ πρὸ τοῦ διαδήματος ἐν ἄκροις τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς καὶ πρὸς τὰ βασίλεια σὺν ὅλαις ἐπανεζεύγνυ ταῖς στρατιαῖς, καὶ σὺ βασίλισσα τοῖς πάντων στόμασι συνανηγορεύου καὶ πρὸ τῆς ἀναρρήσεως. Καὶ οὐκ οἶδα πότερος ὑμῶν, ὦ καλὸν ζεῦγος, ἑτέρῳ τοῦ κράτους ἐγίνεσθον αἴτιος· καὶ μή μοι χολώσῃς, ὦ βασιλεῦ· τὸ γὰρ ἐμὸν πάθος φημί. Ἆρά γε ἡ ἐπὶ τῇ βασιλίσσῃ τοῦ Θεοῦ εὐδοκία τὸν σύζυγον ἐπὶ τὸν βασίλειον θρόνον ἐκάθιζε τοὺς μὲν τῶν ἀδελφῶν προϋπεξαγαγοῦσα τοῦ βίου, ὧν τῷ πρώτῳ καὶ ὄνομα βασιλείας ἐπεφημίζετο, καὶ τὸν τρίτον μηδὲ παρεῖναι τῷ πατρὶ μεθισταμένῳ βαθέως οἰκονομήσασα, τὸν δὲ τελευταῖον καὶ τέταρτον, σέ, τῷ πατρῴῳ σκήπτρῳ ἐγκαταστήσασα, ἢ ὁ τοῦτον ἐπὶ τοσοῦτον ὑψώσας καὶ τῇ φεριστῃ πασῶν τιμήσας τιμῇ διὰ τοῦτον καὶ τὴν βασίλισσαν συνανύψωσε; Τοῦτο μὲν οὖν τέως ἔμοιγε ἄδηλον, ἕως καὶ τὸν θειότατον Ἰακὼβ ἐνθεώτατα λέγειν πρὸς τὸν Σύρον κατανοῶ τὸ «εὐλόγησέ σε Κύριος ἐπὶ τῷ ποδί μου»[a]). Εἰ δέ τινα καὶ ἀλλήλων ἐστὶν αἴτια, ὡς Ἀριστοτέλης δοκεῖ[b]),

5. cod. γίνεσθαι. — 8. A vv. πορεία δὲ πᾶσα incipit cod. Petropolitanus gr. CCL. — 9 ἐν om. E. — 9 ἀλλήλας συ..... P. — 11 δορυφορο... P. — 13 σὺ om. P. — 14 ὦ τί εἴπω E. — 16 ὀχημάτων P. — 17 ὁλοφανὲς E ‖ μετημφίασε E. — 18 ὁ σός] σός E. — 18—19 αὐτὸ τοῦτο E, αὐτός τὸ P. — 20 sq. ἐπαναζεύγνυ P. — 21 τοῖς πάντων στόμασι om. E. 22 ἡμῶν E. — 23 τοῦ κράτάι P. — 30 πάντων E. — 31 ἐνθεότ(α)τ(α) P.

a) Genes. XXX, 30. b) Arist. Phys. II 3 p. 195ᵃ 8 sq. et alibi.

11. Таково было, царица, первое твое пришествіе съ запада, таково славное твое обрученіе и возвышеніе къ почести царской. А за тѣмъ мнѣ бы нужно имѣть какое-нибудь другое—мѣдное и адамантовое сердце и какой-нибудь другой органъ голоса, дабы говорить и оплакивать.—О ты, страна запада! совосплачь противоположному тебѣ востоку и смѣшай съ нимъ свои рыданія, согласно съ закономъ, повелѣвающимъ плакать съ плачущими (Римл. 12, 15), и гласящимъ: *Азъ же о всякомъ немощнѣмъ восплакахся* (Іов. 30, 25); или лучше вступи въ нѣкоторую сдѣлку и соглашеніе съ (востокомъ), поверженнымъ и убитымъ смертію государыни. Что ты (западная страна) имѣла лучшаго и наиболѣе цѣннаго, ты великодушно отдала ему (востоку) по его просьбѣ; онъ получивъ, увы, не сохранилъ даннаго, принялъ охотно, но роковымъ образомъ выронилъ изъ рукъ и не уберегъ драгоцѣннаго залога. Что же онъ долженъ сдѣлать, что совершить, какое законное оправданіе представить, когда отъ него потребуется предъявленіе таковаго, а онъ его не имѣетъ, чтобы не оказаться жалкимъ и неблагодарнымъ по отношенію къ (сторонѣ), довѣрившей и одолжившей? Ты, о западъ, поступилъ бы отчасти справедливо, негодуя на потерю и гибель столь цѣннаго предмета. Однако, слѣдуетъ принять во вниманіе и то: кто можетъ противорѣчить божественнымъ рѣшеніямъ? *и яже Господь совѣща, кто разоритъ? и руку его высокую кто отвратитъ*, какъ говоритъ Исаія (14, 27), и *аще затворитъ отъ человѣковъ, кто отверзетъ?* какъ говоритъ другой изъ боговдохновенныхъ (Іов. 12, 14). Кто былъ бы въ состояніи превозмочь надъ царемъ столь великимъ, и притомъ поражаемымъ въ самое сердце, надъ царемъ, котораго руки недосягаемы и мышцы не сокрушимы, помогая и защищая паче мѣднаго лука, ополченія и цѣлаго войска?....

12. Однако природа имѣла въ себѣ нѣчто недоступное и непреодолимое; по волѣ Божіей, она восторжествовала и надъ тобою, царь. Увы, увы! Ты и противился, но не превозмогъ. Ты наполнилъ воплемъ, стенаніями и рыданіями воздухъ, улицы, низины и вершины, вызывалъ силы, вмѣсто трубъ употребляя стенанія; а онѣ, при всей готовности помочь тебѣ, вступить въ борьбу и защитить тебя, ничего не могли, развѣ только принять участіе въ плачѣ. И эта блаженная жена сожалѣла о тебѣ по привычкѣ и часто смотрѣла на тебя, но ничего не могла сдѣлать, отзываемая и привлекаемая другими силами и другими ополченіями къ другому царю съ большею крѣпостію и силою. Увы! не прикрылъ твоей печали, не вмѣ-

καὶ οὕτω τὸ ἄπορον κραταιότερον γίνεται. Ὅτι δὲ ὁ ἄξιός τε καὶ κάλλιστος τὴν ἀξιωτάτην καὶ καλλιστεύουσαν ἐπεζήτει, ἵν' ἐν μηδενὶ ἑτεροζυγῶσιν, ἀλλ' ὅπερ οὗτος ἐν ἀνδράσιν ἐκείνη ἐν γυναιξὶ γένοιτο, τοῦτο καὶ ὁ ἀγροικότατος τῶν ἀνθρώπων ἀποφανεῖται καὶ ἠλιθιώτατος.

11. Τὰ μὲν οὖν πρῶτά σου τοιαῦτα, ὦ βασιλίς, τὰ τῆς ἐκ δυσμόθεν ἀνακομιδῆς, ὅσα τῆς ἀρίστης νυμφεύσεως καὶ τῆς πρὸς τὴν βασιλίδα τιμὴν ἀνυψώσεως· τὰ δ' ἐντεῦθεν ἑτέρας μοι καρδίας ἐδεῖτο, χαλκείας δή τινος καὶ ἀδαμαντίνης, καὶ ἑτέρων τῶν τῆς φωνῆς [a]) ὀργάνων πρὸς τὸ λέγειν τε καὶ ἀποθρηνεῖν. Ὦ ἡ πρὸς δύνοντα ἥλιον, ἆρά γε συνθρηνήσεις τῇ ἀντιζύγῳ ἀνατολῇ καὶ συνεφάψῃ τῶν ὀδυρμῶν κατὰ τὸν κελεύοντα νόμον «κλαίειν μετὰ κλαιόντων» [b]) καὶ τὸ «ἐγὼ ἔκλαυσα ἐπὶ παντὶ θλιβομένῳ» [c], ἢ συνεπιβήσῃ μᾶλλον καὶ κατεπιβήσῃ κειμένης καὶ συννενεκρωμένης τῷ τῆς δεσποίνης θανάτῳ; ὅτι σὺ μὲν ὢν εἶχες τὸ κάλλιστόν τε καὶ τιμαλφέστατον δέδωκας αὐτῇ δεομένῃ μεγαλοψύχως, ἡ δὲ δεξαμένη οὐκ ἐφύλαξεν — οἴμοι — τὸ δεδομένον, ἀλλ' ἔλαβε μὲν ἀσπασίως, ἀπέβαλε δὲ ὀλεθρίως ἐκ τῶν χειρῶν καὶ τὴν καλὴν οὐκ ἐτήρησε παρακαταθήκην. Τί οὖν ποιήσει; τί διαπράξεται; ποίαν ἀπολογίαν προβαλεῖται δικαίαν, ἐμφανίσαι ταύτην ἀπαιτουμένη καὶ μὴ ἔχουσα, οὐκ ἐλεεινὴ μᾶλλον τῆς συμφορᾶς ἢ ἀγνώμων λογιζομένη πρὸς τὴν παραθεμένην καὶ χρήσασαν; Τοῦτο μὲν οὖν δικαιότερον ἂν δρῴης, ὦ δύσι, ἀγανακτοῦσα διὰ τὴν τοῦ τηλικούτου χρήματος ἀποβολὴν καὶ ἀπώλειαν· πλὴν χρή που καὶ ἐννοεῖν ὅτι· Θεοῦ ψήφοις ἀντιλέγειν τίς ἱκανός; καὶ· ἃ βεβούλευται Κύριος τίς διασκεδάσει; καὶ· τὴν χεῖρα τὴν ὑψηλήν, καθά φησιν Ἡσαΐας, τίς ἀποστρέψει [d]); καὶ· «ἐὰν κλείσῃ κατὰ ἀνθρώπου, τίς ἀνοίξει», φησίν τις ἄλλος τῶν θεολήπτων [e]). ἐπεὶ τίς ἂν κατισχύσειε βασιλέως τοσούτου καὶ ταῦτα ἀδικουμένου περὶ τὰ καίρια, οὗ καὶ χεῖρες ἄαπτοι καὶ βραχίονες ἄθραυστοι καὶ ὑπὲρ τόξον χαλκοῦν καὶ στρατιὰν καὶ στρατόπεδα συμμαχοῦντά τε καὶ προασπίζοντα;

12. Ἦν δὲ καὶ ἡ φύσις ἀπρόσβλητόν τι καὶ ἄμαχον, ἥτις Θεοῦ βουληθέντος καὶ σοῦ, βασιλεῦ, ὑπερίσχυσεν. Αἲ αἲ καὶ ἀντέσχες μέν, οὐ μὴν ὑπερέσχες. καὶ βοῆς μὲν καὶ γόων καὶ ὀδυρμῶν ἐνεπίμπλας τὸν αἰθέρα,

---

4 ἀγρικότατος P || τῶν om. E. || ἠλιθιότητος P. — 12 συνεπιθήσῃ E || κατεμβήσῃ E || καὶ συνενεκρωμένης (ita E.) om. P. — 19 λογιζομένην P. || οὖν P, ἂν E. — 20 ἂν om. E || χρήματος E, πράγματος P. — 23 κλήσῃ P. — 24 φησίν τις add. E. || τί P. — 25 κατισχύσῃ E, κατισχύκῃ P. — 28 ἀπόβλητον E. — 29 μὴν] μόνον P, μὲν E. — 30 ἐνεπίπλας P || τν. τὸν αἰθέρα τὰς πλατεία; abscissa in P.

a) Hom. Il. II, 490 φωνὴ δ' ἄρρηκτος, χάλκεον δέ μοι ἦτορ ἐνείη.
b) Pauli epist. ad Rom. XII, 15. c) Iob. XXX, 25: ἐγὼ δὲ ἐπὶ παντὶ ἀδυνάτῳ ἔκλαυσα. d) Esa. XIV, 27. e) Iob. XII, 14.

стилъ твоихъ воплей дворецъ вмѣстительный, и поэтому выслалъ тебя съ госпожею въ открытыя убѣжища на воздухѣ, въ сосѣднія селенія, въ которыхъ ты часто бывалъ съ нею въ промежутки отдохновенья отъ военныхъ походовъ, дабы они нестѣсненно вмѣстили твои воздыханія и твои рыданія. Пути и селенія, разстилающіяся свободно, и открытыя поля, близъ лежащія горы и холмы будутъ отвѣчать на вопли и, какъ говоритъ Амосъ, изъ пастуховъ пророкъ: *на всѣхъ стогнахъ будетъ плачь, и на всѣхъ путехъ речется: увы лютѣ, увы лютѣ* (5, 16), и не только горожанинъ, но, какъ онъ же говоритъ, и *земледѣлецъ призовется на плачь и на рыданіе, и на вѣдящихъ плачь* (тамъ-же); и по Іову (31, 39), *бразды ея* (земли) *восплакашася вкупѣ*.

13. Отъ чего мнѣ не сказать, что вмѣстѣ съ царемъ и заранѣе оплакивали тебя, царица, самыя небесныя явленія? Луна, одѣвшись во время полнолунія въ черное облако, предзнаменовала для разумѣющихъ твой закатъ, и молніи праздно падали съ неба, такъ что поражая божественные храмы и святилища, не зажигали ни самыхъ крышъ, ни на нихъ лежащихъ частей, и не наносили никакого вреда имъ, но, проникая сквозь нижележащее, расщепляли и обжигали попадавшееся, и обнаруживали свою природу, какъ это было съ Марціею, женою Катона: такого-же рода молнія, ниспавшая на нее, оставила ее невредимою, но умертвила опаливши младенца, котораго она носила во чревѣ. И твоя болѣзнь, о божественнѣйшая развѣ была многимъ отлична и не безъ сходства съ этимъ? Почти совсѣмъ не повредивъ твоего тѣла, дабы ты и кончаясь могла уйдти въ обычномъ полномъ цвѣтѣ, сохраняя блистающую твою красоту, она (болѣзнь) поразила внутренность, медленно сожгла невыносимымъ жаромъ (лихорадками), разслабила поносами (діарреями), и не оставила, пока не довела тебя до смерти, а царя—покалала намъ полуобожженнымъ и совершенно опаленнымъ: — сказалъ бы опять пророкъ, *«яко главня исторжена изъ огня* (Захар. 3, 2).

14. И теперь онъ проливаетъ слезы и часто тебя призываетъ, разыскивая по всѣмъ путямъ, тропинкамъ, галлереямъ и ходамъ внѣ дворца, внутри дворца, въ которомъ нѣкогда съ тобою прохаживался,— и не находитъ. Искали ея и не нашли кровные царя и ближніе, за которыхъ она вступалась, когда они нуждались въ помощи. Плакали о ней войска, плакали военачальники, которые, приступивъ къ ней нѣкогда, получали, о чемъ просили, и какъ во время плѣна при общемъ плачѣ и тѣхъ и другихъ — говоря словами пророка, наложено было

τὰς πλατείας, τὰς ὑπωρείας, τὰς ἀκρωρείας καὶ τὰς δυνάμεις ἀνεκάλου, ἀντὶ σαλπίγγων ταῖς οἰμωγαῖς χρώμενος· αἱ δέ σοι καὶ ἐπαρήγειν προθυμούμεναι καὶ συνάρασθαι πρὸς τὸν ἀγῶνα καὶ συναντιλήψεσθαι, ὑπὸ τοῦ θρήνου οὐκ ἴσχυσαν. Καὶ ψυχὴ δὲ ἐκείνη ἡ θεσπεσία ᾤκτειρε μέν σε διὰ τὴν συνήθειαν καὶ θαμινὰ προσεβλέπετο, οὐκ εἶχε δὲ ὅ τι καὶ δράσειε, πρὸς ἄλλον βασιλέα ὑπ' ἄλλων δυνάμεων καὶ στρατιῶν προσκαλουμένη καὶ ἀνθελκομένη κραταιότερόν τε καὶ βεβαιότερον. Βαβαί! οὐκ ἔστεξέ σου τὸ πένθος, οὐκ ἐχώρησέ σου τὰς οἰμωγὰς τὰ πολυχανδέα ἀνάκτορα. ἔνθεν τοι καὶ ἐξέπεμψέ σε σὺν τῇ δεσποίνῃ πρὸς τὰς ὑπαίθρους καταγωγάς, πρὸς τὰς ἀστυγείτονας κώμας, αἷς πολλάκις σὺν ἐκείνῃ ἐπεχωρίαζες ἐν ταῖς τῶν πολέμων ἀνακωχαῖς, ὡς ἂν ἀστενοχωρήτως χωρήσωσί σου τὰς οἰμωγὰς καὶ τοὺς ὀδυρμοὺς ὁδοὶ καὶ χωρία καὶ πεδία ἀναπεπταμένα καὶ ἄστεγα, καὶ τὰ παρακείμενα ὄρη καὶ οἱ βουνοὶ πρὸς τοὺς βρυχηθμοὺς ἀντηχήσωσι, καί, ὅ φησιν ὁ Ἀμὼς ὁ ἐξ αἰπόλου προφήτης, «ἐν πάσαις πλατείαις» γένηται «κοπετὸς καὶ ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς ῥηθήσεται οὐαί, οὐαί» [a]), καὶ μὴ μόνον ἀνὴρ ἀστικός, ἀλλ', ὥς φησιν ὁ αὐτός, καὶ «γεωργὸς κληθήσεται εἰς πένθος καὶ κοπετὸν καὶ εἰς εἰδότας θρῆνον», καὶ κατὰ τὸν Ἰὼβ «αἱ τῆς γῆς αὔλακες κλαύσωσιν ὁμοθυμαδόν» [b]).

13. Τί μὴ λέγω ὅτι συνωδύρατό σε τῷ βασιλεῖ, ὦ βασιλίς, καὶ προωδύρατο καὶ αὐτὰ τὰ οὐράνια; καὶ σελήνη μὲν ἐν πανσελήνῳ νέφος μέλαν ἀμφιασαμένη τοῖς συνιοῦσι τὴν σὴν προετυπώσατο ἔκλειψιν, κεραυνοὶ δὲ ἀργῆτες οὐρανόθεν κατέπιπτον, οἳ καὶ θείοις τεμένεσι καὶ σηκοῖς ἐπικατασκήπτοντες τὰς μὲν ὀροφὰς αὐτὰς καὶ τὰ ἐπικείμενα οὔτ' ἐνεπίμπρων οὔτ' ἐλυμαίνοντο, διιόντες δὲ τὰ ὑποκείμενα διέξαινον καὶ κατέφλεγον καὶ τὴν ἑαυτῶν φύσιν ἐδείκνυον, ὥσπερ πάλαι ἐπὶ Μαρκίᾳ Κάτωνος γυναικί, ᾗ τὸ τοιοῦτον εἶδος τοῦ σκηπτοῦ ἐπικατενεχθὲν τὴν μὲν ὅλην ἀβλαβῆ διετήρησε, τὸ δὲ ἐγκυμονούμενον καταχαῦσαν ἐνέκρωσε. Μήποτε δέ, ὦ θειοτάτη, καὶ τὸ σὸν πάθος καὶ πολὺ παραλλάττον ἦν οὐδ' ἀνόμοιον· τὸ γὰρ τοῦ σώματος ἐπὶ πολὺ ὅλως μὴ παραβλάψαν — ἵνα καὶ ἐκλείπουσα μετὰ τοῦ συνήθους ἄνθους ἀπέλθῃς καὶ τῆς καλὸν ἐπιλαμπούσης σοι ὡραιότητος — τοῖς ἔνδον ἐπέσκηψε καὶ πυρετοῖς ἀσχέτοις ὑποσμῆχον καὶ

1 ἀνεκαλοῦ PE.— 2 οἰμωγαῖς P, ὀλολυγαῖς E.—3 καὶ om. P. || συναρεῖσθαι E. — 3 ὑπὸ] εἰ μὴ E, οἱ καὶ P. — 4 θρήνου E, θρόνου P. — 9 ἐξέπεμπέ E. — 12 τὰς οἰμ. καὶ τοὺς ὀδυρμοὺς E, τοὺς στεναγμοὺς P || χῶραι E || πέδα E. — 14 Ἀμμὼς ὁ ἐξεπόλου προφήτης P, προφήτης ὁ ἐξ αἰπόλου sine nom. E.. Amos VII, 1. — 19 σε P, σοι E || ὦ P, ἡ E. — 23 ῥοφὰς P, qui post habet ὑποκείμενα et ἐνεπίπτρων. — 24 διίονες P. — 27 δὲ posterius om. P. — 28 θειότατε E. — 29 τὴν γὰρ P || πολὺν P. — 30 ἀπέλθῃ P. — 31 ὑποσμήχον P, ὑποσμήχων E.

a) Amos. V, 16. b) Iob XXXI, 38.

на *всякій хребетъ вретище* (Амос. 8, 10). Ибо такова печальная и убогая одежда, въ которую они облачились, и, говоря опять словами пророка, снисошла *на всяку главу плѣшь* (Амос. 8, 10) — не естественная, но рукотворная. Оплакивали ее и архисатрапы Персовъ (Турокъ), до которыхъ также богоподражательно достигли лучи ея благодѣяній, и когда они чрезъ пословъ узнали, что нѣтъ болѣе ихъ благодѣтельницы, они украсили ея гробъ полновѣсными приношеніями золота и золотыми облаченіями. Если бы какой законъ имъ это позволялъ, то они пришли бы и не усумнились бы поклониться тебѣ и лежащей, — сказалъ бы иной, какъ нѣкогда ихъ предки лежащему въ ясляхъ младенцу, моему Іисусу, — и какъ тѣ воздали честь рожденію Господа, такъ эти воздали бы посмертную честь госпожѣ.

15. Рыдали вдовицы и сироты, которыхъ она выдавала замужъ, когда онѣ оставлены были невыданными отъ родителей, иногда благородныхъ,—и притомъ (выдала) съ приданымъ и за мужей не неблагородныхъ; а если онѣ не имѣли еще брачнаго возраста, то ихъ прилично воспитывала. Плакали всѣ глаза, смотря на нее. О! сколькихъ она спасла отъ заслуженной смерти и отвратила сѣкиру, едва не касавшуюся выи. Сколькихъ освободила отъ узъ, сколькихъ избавила отъ бѣдъ! Хоры назиреевъ (монаховъ) для нея почтенные, священныя обители дѣвственницъ и убѣжища мудрыхъ женъ, не вѣдомыя толпѣ, и не открывавшія своихъ дверей по причинѣ крайняго подвижничества, развѣ только когда благодѣянія царицы заставляли отверзать входы — всѣ рыдайте, всѣ оплакивайте ту, которая уравнивала для васъ тяжелый путь жизни, жизни по Богу.

16. А что мы, архіереевъ собраніе? Куда мы послѣ нея обратимъ взоры? къ кому прибѣгнувъ подадимъ свитки съ прошеніями, моля или объ исполненіи прошлаго, или о докладѣ царю? Она при этомъ обращалась къ намъ такъ милостиво (кротко), такъ охотно принимала наши просьбы, такъ что прошеніе казалось удовольствіемъ и хотѣлось просить—для того только, чтобы быть просителемъ, нуждаться—только для того, чтобы она могла помочь нуждающемуся, оказать содѣйствіе просящему. А приводя на мысль ея важность, честь, благочестіе, соединенное со скромностію благопослушное вниманіе — кто не умилится всѣмъ сердцемъ, кто не сокрушится внутренно? Ахъ! я самъ, это пишущій, какъ и сколь много видѣлъ этого! Если бы велерѣчіе не было длиннорѣчіемъ, если бы рѣчь объ одномъ и томъ же не была многорѣчіемъ, то я сложилъ бы здѣсь цѣлое новое повѣствованіе

διαρροίαις ὑποχαλῶν οὐκ ἀνῆκε μέχρι σὲ μὲν ἀπήγαγε τῷ θανάτῳ, τὸν δὲ βασιλέα ἡμῖν ἡμιφλεγῆ καὶ ὁλόκαυτον ἔδειξεν· εἶπε δ' ἂν πάλιν προφήτης, ὡς δαλὸν ἐξεσπασμένον ἀπὸ πυρός [a]).

14. Καὶ νῦν κλαίει μὲν καὶ ἀνακαλεῖταί σε θαμινὰ πάσας ὁδούς, πάσας διατριβὰς ἀνιχνεύων, τοὺς περιπάτους, τοὺς δρόμους, τὰ ἐκτός, τὰ ἔνδον τῶν βασιλείων, ἐν οἷς αὐτῷ ποτὲ συμπεπόρευσαι, οὐχ εὑρίσκει δέ. Ἐζήτησαν αὐτήν, οὐχ εὗρον οἱ καθ' αἷμα τῷ βασιλεῖ καὶ οἰκεῖοι, ὧν ἐν καιροῖς βοηθείας δεομένων προΐστατο. Ἔκλαυσαν αὐτὴν στρατιαὶ καὶ στρατάρχαι ὅσοι προσελθόντες ὧν ἐδεήθησαν οὐχ ἠμοίρησαν, καὶ ὡς ἐν αἰχμαλωσίᾳ θρηνούντων καὶ τούτων κἀκείνων προφητικῶς εἰπεῖν «ἐπὶ πᾶσαν ὀσφὺν σάκκος» [b]) ἀνέβη (τοιοῦτον γὰρ ἡ πενθήρης ἐκείνη καὶ ἀχρεῖος στολή, ἥνπερ περιεβάλλοντο) καὶ «ἐπὶ πᾶσαν κεφαλὴν φαλάκρωμα», οὐ φυσικὸν ἀλλὰ χειροποίητον. Ἐκόψαντο δὲ αὐτὴν καὶ ἀρχισατράπαι Περσῶν, πρὸς οὓς αἱ τῶν εὐεργεσιῶν ταύτης ἀκτῖνες θεομιμήτως ἐπέλαμπον, καὶ ἐπεὶ τὴν εὐεργέτιν διὰ τῶν πρέσβεων οὐκέτ' οὖσαν ἐμάνθανον, χρυσίου πολυταλάντοις ὁλκαῖς καὶ χρυσοῖς ἐπιβλήμασι τὸν τάφον ἐγέραιρον. Εἰ δέ τις νόμος αὐτοῖς ἐδίδου, οὐκ ὤκνησαν ἂν ἐλθόντες προσκυνῆσαί σε καὶ κειμένην, εἶπεν ἄν τις, ὡς πάλαι οἱ πρόγονοι σφῶν τὸν ἐμὸν Ἰησοῦν βρέφος κείμενον ἐν φάτνῃ τὸν προαιώνιον, καὶ ὡς ἐκεῖνοι τὴν γενέθλιον τῷ δεσπότῃ, οὕτως οὗτοι τὴν ἐντάφιον τῇ δεσποίνῃ ἀφοσιώσασθαί σοι τιμήν.

15. Ἔκλαυσαν χῆραι, ἐπένθησαν ὀρφανοί τε καὶ ὀρφαναί, ἃς ἀνεκδότους παρὰ γονέων καὶ τῶν εὖ γεγονότων καταλελειμμένας ἀνδράσιν οὐκ ἀναξίοις μετὰ φερνῶν οὐχὶ ἀγενῶν ἐδεδώκει πρὸς γάμον ἢ καὶ μὴ ὡραίας γάμου ἔτι τυγχανούσας ἀξίως τοῦ γένους ἀνέτρεφεν. Ἐδάκρυσαν ὀφθαλμοὶ πρὸς αὐτὴν ἅπαντες βλέποντες. Ὢ πόσους «ἐκ θανάτου δικαίου» ἐρρύσατο καὶ μονονουχὶ τοῦ τραχήλου ἐπιψαῦον τὸ ξίφος ἀπέστρεψε, πόσους ἔλυσεν ἐκ δεσμῶν, πόσους ἀπήλλαξε συμφορῶν! Ναζιραίων χοροὶ οἱ τίμιοι παρ' αὐτῇ, σεμνεῖα θηλειῶν παρθένων, καταγώγια γυναικῶν σωφρόνων ἀγνοούμενα τοῖς πολλοῖς μηδὲ ἀνοιγόμενα διὰ τὸ ἀπερίσπαστον τῆς ἀσκήσεως, εἰ μὴ ὅτε αἱ τῆς βασιλίσσης εὐποιίαι τὰς εἰσόδους ἀνεπετάννυον, κλαύσατε πᾶσαι, πάντες πενθήσατε τὴν εὐμαρίζουσαν ἡμῖν τὸν τραχὺν καὶ κατὰ Θεὸν βίον οὐκ ἔχοντες!

---

2 ὁλόκαυστον E.— 3 ἐξεσπαμένον P.— 5 διατριβὰς E, τριβὰς P. an leg. τρίβους?— 6 ποτὲ om. E. — 8 sq. καὶ στρατάρχαι E, τειράρχαι P. — 9 προελθόντες PE || ἠυμοίρησαν P. — 10 καὶ om. E || προφητικῶς εἰπεῖν hic add. E, ante φαλάκρωμα 12 P. — 11 τοιοῦτος P || ἐκείνη post ἀχρεῖος P. — 13 δὲ P, δι' E. — 17 ἀνελθόντες E || καὶ add. E. — 21 ἀνενδότους E. — 22 εὖ γεγονότων] an ἐγγὺς ὄντων sive ἐγγυτάτω? — 23 φρενῶν E || ἀγεννῶν E. — 24 ἀνέθρεψεν E. — 27 ναζηραίων P. — 28 αὐτῷ E. || θηλυῶν P.

a) Zachar. 3,2. b) Amos 8,10.

распространяясь объ этомъ предметѣ. Но пропустивъ другое, я разскажу только одно, что послужитъ и началомъ и срединою и концомъ моихъ сообщеній о себѣ самомъ.

17. Былъ день, въ который жизненачальный Іисусъ, исторгнувъ изъ ада свое тѣло, принятое отъ насъ и преданное смерти за насъ, снова воспріялъ его къ себѣ по прежнему и тѣмъ далъ намъ (возможность) воспѣвать побѣдную пѣснь надъ смертью. И такъ, въ этотъ день, когда царь вмѣстѣ съ царицею былъ въ нашихъ предѣлахъ, я присутствовалъ въ царскомъ прис ганищѣ и въ палаткѣ, имѣя совершить животворящую жертву, очистительную для всего міра. Когда таинство совершалось, предстоялъ и самодержецъ съ душею сокрушенною и въ духѣ смиренія, какъ-бы принося другую жертву приносимому въ жертву,—то есть, себя самого, жертву чистую и святую, посредствомъ мысленнаго исповѣданія. Присутствовала также и царица подъ покровомъ (балдахиномъ) съ подобнымъ же настроеніемъ.

И вотъ, когда животворящій агнецъ священно содѣвался и закалался—посвященный знаетъ (о чемъ рѣчь), и когда святое призывало святыхъ (возглашалось: «святая святымъ»), то за тѣмъ, послѣ жрецовъ и священнослужителей, царю первому дано было причаститься. Наступало время дать и царицѣ пріобщиться святыни, для которой она себя освятила, представъ чистою и столь достойною ея принятія. Поднялась завѣса къ верху, и заключающій царицу *домикъ* принялъ меня вмѣстѣ со всесвятыми дарами. Царица была убрана по-царски и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно того дня. Но что въ этомъ? Вѣдь и послѣдніе оборванцы и бѣдняки, снявши истасканныя и грязныя рубища, надѣваютъ на этотъ разъ новыя и свѣтлыя платья, а женщины даже облачаются въ золото выше своего достоинства и выше своего благосостоянія — ради изнѣженности и ради зрѣлища. Меня поразила не внѣшность царицы, а ея душа и внутреннее. Мое вниманіе обратило не наружное украшеніе, а врожденное ея изящество, не разноцвѣтное облаченіе, но глубокое сокрушеніе духа и презрѣніе въ сердцѣ видимыхъ обманчивыхъ явленій, какъ чего-то ничтожнаго. Ибо когда я приступилъ, нося богопріимными руками сосудъ, содержащій божественное тѣло и кровь, то она самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ показывала, какъ она была внутри настроена; вся собравшись въ себѣ и обратившись внутрь себя, она сопровождала чувствомъ и умомъ все таинство, помышляла о Томъ, который подаетъ съ небеси хлѣбъ и жизнь міру, объ агнцѣ закалаемомъ, дающемъ своимъ рабамъ насыщаться своей плоти и крови. И

16. Τί δὲ ἡμεῖς, ὢ ἀρχιερέων πληθύς; ποῖ μετ' ἐκείνην ἐπάρωμεν ὀφθαλμούς; τίνι τοῦ λοιποῦ προσελθόντες πτυχία δεήσεων ἐπορέξομεν αὐτῆς δεομένων ἢ πρὸς ἐκπλήρωσιν τῶν αἰτουμένων ἢ πρὸς ἀναφορὰν πρὸς τὸν αὐτοκράτορα, οὕτως ἱλαρῶς προσφερομένης ἡμῖν, οὕτω προθύμως δεχομένης τὰς ἱκεσίας, ὥστε καὶ χάριν ἡγεῖσθαι τὴν αἴτησιν καὶ ἱκετεύειν μᾶλλον ἵν' ἱκετεύωσι καὶ δεῖσθαι ὡς ἂν δεομένοις ἐπαρκοίη καὶ βοηθοίη αἰτουμένοις βοήθειαν; Τὸ δὲ σέβας, τὴν δὲ τιμήν, τὴν εὐλάβειαν, τὴν μεθ' ὑποστολῆς εὐήκοον ἔντευξιν, τίς εἰς νοῦν ἀναφέρων ὅλην οὐκ ἐκχεεῖ τὴν καρδίαν καὶ τὰ σπλάγχνα διαθρυβῇ; Αἴ αἴ! τὰ δὲ ἐμὰ καὶ περὶ ἐμὲ τὸν ταῦτα γράφοντα οἷα καὶ ὅσα! εἰ μὴ μεγαληγορεῖν ἦν ἐνταῦθα τὸ μακρηγορεῖν, εἰ μὴ περιαυτολογεῖν τὸ πολυλογεῖν, ὅλην ἂν ἐξ ἀρχῆς ἔπλεξα τραγῳδίαν τῷ περὶ τούτων λόγῳ ἐμπλατυνάμενος. ἀλλὰ τἄλλα παρεὶς ἓν τοῦτο καὶ προοίμιον καὶ μέσον καὶ τελευταῖον τοῖς αὐτὸς περὶ ἐμαυτοῦ ποιήσομαι διηγήμασιν.

17. Ἡμέρα μὲν ἦν καθ' ἣν ὁ ζωαρχικώτατος Ἰησοῦς τὸ ἑαυτοῦ σῶμα τοῦ ᾅδου ἐκσπάσας, ὃ ἐξ ἡμῶν προσλαβὼν τῷ θανάτῳ παρέδωκεν ὑπὲρ ἡμῶν, ἑαυτῷ ἀνέλαβε πάλιν ἐμπρόθεσμον καὶ παιανίζειν ἡμᾶς τὰ κατὰ τοῦ θανάτου νικητήρια παρεσκεύασε. Κατὰ ταύτην οὖν τὴν ἡμέραν ἐπειδὴ ὁ βασιλεὺς σὺν τῇ βασιλίδι τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐπεχωρίαζε κλίμασι, τῇ βασιλείῳ καταγωγῇ καὶ σκηνῇ παρήμην καὶ αὐτὸς ἱεροθυτήσων τὸ ζωοποιὸν θῦμα καὶ παντὸς τοῦ κόσμου καθάρσιον. Καὶ δὴ τῆς ἁγιστείας ἐπιτελουμένης ὁ μὲν αὐτοκράτωρ ἐν ψυχῇ συντετριμμένῃ παρίστατο καὶ πνεύματι ταπεινώσεως, ὡς ἄλλο θῦμα τῷ θυομένῳ προσάγων ἑαυτὸν εὐαγές τε καὶ ἱερώτατον διὰ τῆς κατὰ νοῦν ἐξομολογήσεως, καὶ ἡ βασιλὶς δὲ ὑπὸ παραπετάσματι καὶ αὐτὴ παρειστήκει μεθ' ὁμοίας τῆς διαθέσεως. Ὡς οὖν ὁ ζωοποιὸς ἀμνὸς ἱερούργητό τε καὶ τέθυτο—οἶδας ὁ μυηθεὶς—καὶ τὰ ἅγια τοὺς ἡγιασμένους ἐκάλει καὶ τῷ βασιλεῖ πρώτῳ μετὰ τοὺς θύτας καὶ λειτουργοὺς ἡμᾶς μετεδίδοτο, ἐκάλει δὲ ὁ καιρὸς καὶ τῇ βασιλίσσῃ μεταδοῦναι τοῦ ἁγιάσματος, ᾧ αὐτὴ ἑαυτὴν καθηγίασε καθαρὰ παραστᾶσα καὶ ἀξία καταστᾶσα τῆς αὐτοῦ μετοχῆς· τὸ μὲν παραπέτασμα ἀνεπετάννυτο, ὁ δὲ τὴν βασιλίδα ἔχων οἰκίσκος μετὰ τῶν πανιέρων δώρων χαμὲ εἰσεδέχετο. Καὶ δὴ ἐκεκόσμητο μὲν βασιλικῶς ἡ βασίλισσα καὶ ἅμα τῆς ἡμέρας ἀξίως—τί γάρ; ὅτι ῥακενδύται καὶ πένητες καὶ ῥωγαλέα καὶ πιναρὰ τηνικαῦτα ἀποτιθέμενοι ῥάκια καινὰ καὶ λαμπρότερα περιβάλλονται, χρυσοφοροῦσι δὲ καὶ γυναῖκες

1. ὑμεῖς E. || ποῦ P || ἐπάρομεν P. — 2 ἐπορέξωμεν? — 10. γράφοντα om. E. || ἐντεῦθεν E. — 12. θρηνωδίαν E. || λόγων ἐκπλατυνόμενος P. — 13 τελευτὴν P. — 16 ὁ E. — 17 ἐνπρόθεσμον P. — 18 ἐπεὶ E. — 25 καὶ αὐτὴ om. E. — 27 καὶ τοὺς λειτ. E. — 28 μεταδέδοτο E. — 29. ἑαυτὴν] ἑαυτῇ P, καὶ ἑαυτὴν E. — 30 περιπέτασμα PE. — 32 ἐκεκόσμητος E.

такъ, помышляя объ этомъ и все обнявъ мыслію, съ наполненными слезъ глазами, она приступила къ чашѣ, и не сейчасъ сочла возможнымъ прикоснуться къ ея божественнымъ дарамъ, но преклонилась, припала на землю, и не прежде преклоненная приподнялась, чѣмъ и чело свое съ усыпанною камнями діадемой оперла на землю — предъ моими ногами. Тогда *устрашишася же ми власи и плоти* (Іов. 4, 15)—по Елифазу, и по Даніилу: *вострепета духъ мой въ состояніи моемъ* (Дан. 7, 15); ослабѣли руки, едва не подкосились колѣна и жизнедательная чаша едва не выпала изъ рукъ носящаго, подвергнувшагося такому волненію. — Но Богъ, все устрояющій, поддержалъ и подкрѣпилъ меня. И вотъ она освятила у себя вмѣстѣ съ устами и внутренность, и я вышелъ изъ *домика*, одержимый страхомъ и безгласіемъ, и едва успѣлъ привести себя въ обычное положеніе.

18. Такъ (показала себя) пришлая иностранка, чужеплеменная, къ намъ переселенная, поздно, какъ казалось, начавшая учиться нашимъ обычаямъ, происходившая изъ народа высокомѣрнаго и хвастливаго, поднимающаго брови выше лба, у котораго *выя—жила желѣзна*, чтобы сказать по божественному реченію (Ис. 48, 4), не превыкшая сгибаться; происходившая изъ рода наиболѣе уважаемаго и выдающагося въ ея народѣ. Между Италіею и океаномъ обитаетъ множество народовъ, раздѣленныхъ въ длину и широту многими рѣками и высочайшими горами: но кто не знаетъ, что Алеманнскій (нѣмецкій) народъ властвуетъ надъ другими и не выноситъ власти другихъ надъ собою. И вотъ среди такого сильнаго и властолюбиваго народа былъ родъ первѣйшій и властительнѣйшій, изъ котораго приводятся невѣсты народовластителямъ. Этому служитъ примѣромъ тотъ, кто недавно правилъ тѣмъ народомъ, обручившій себѣ старшую изъ сестеръ, а нашему тогда царю и отцу (нынѣшняго) царя приславшій эту, для того чтобы прекрасная была обручена и сочеталась съ прекраснѣйшимъ изъ сыновей его.

19. Но не обнаружила царица надменности своего народа, а подражала смиренію Христа. Псалмопѣвецъ говоритъ объ Іосифѣ *посла царь и разрѣши его; постави его господина дому своему*, какъ далѣе говорится (въ этомъ заключается тайна его исторіи и домостроительства) *наказати князи его яко себе и старцы его умудрити* (Псал. 104, 19—22). То же самое было устроено и сдѣлано относительно царицы, чтобы ея примѣромъ наставлялись правительницы и управляемыя и чтобы отъ болѣе юной умудрились старшія возрастомъ—научившись,

πολλάκις καὶ ὑπὲρ τὴν ἀξίαν καὶ τὴν ἑαυτῶν εὐπορίαν ἀβρυνόμεναι καὶ θεατριζόμεναι. Ἐμὲ δὲ οὐχ ἡ ἔξω βασίλισσα ἀλλ' ἡ κατὰ ψυχὴν καὶ ἔνδον ἐξέπληττεν, οὐχ ὁ περίαπτος κόσμος, ἀλλ' ἡ ἔμφυτος κοσμιότης ἐπέστρεφεν, οὐχ ἡ ποικίλη περιβολή, ἡ δὲ πολλὴ τοῦ φρονήματος συστολὴ καὶ καταστολὴ καὶ ἡ τῶν φαινομένων τῇ αἰσθήσει ἀπατηλῶν ὡς εὐτελῶν περιφρόνησις. ὡς γὰρ προσῄειν ἐγὼ τὸν τοῦ θείου σώματός τε καὶ αἵματος ὑποδοχέα κρατῆρα ταῖς θεοδόχοις φέρων χερσίν, ἔδειξε τῷ ἔξωθεν σχήματι ὡς διέκειτο ἔνδοθεν. εἰς ἑαυτὴν ὅλη συσταλεῖσα καὶ εἰς νοῦν στραφεῖσα ἀπὸ τῆς αἰσθήσεως κἀν τούτῳ τὸ μυστήριον ἅπαν περινοήσασα, τὸν ἐξ οὐρανοῦ καταβάντα ἄρτον καὶ ζωὴν διδόντα τῷ κόσμῳ, τὸν ἀμνὸν τὸν θυόμενον καὶ τῶν ἑαυτοῦ σαρκῶν καὶ τοῦ αἵματος ἐμφορεῖσθαι τοῖς δούλοις παρέχοντα· ταῦτ' οὖν καὶ τὰ τοιαῦτα διελοῦσα τῷ νῷ καὶ πάντα τῇ διανοίᾳ περιελίξασα δακρύων ὑποπληροῦται τοὺς ὀφθαλμοὺς καὶ τῷ κρατῆρι προσελθοῦσα οὐ πρότερον τῶν θείων δώρων ἐδικαίωσεν ἅψασθαι, ἀλλ' ἔκλινεν ἑαυτήν, ἔκυψεν εἰς γῆν καὶ οὐ πρότερον κατακύπτουσα ἐπανῆκεν ἕως καὶ τὸ μέτωπον σὺν τῇ λιθοκολλήτῳ ταινίᾳ τῇ γῇ προσήρεισε πρὸ τῶν ἐμῶν—φεῦ μοι—ποδῶν. «Ἔφριξάν μοι τότε τρίχες καὶ σάρκες» κατὰ τὸν Ἐλιφάτζ [a]), καὶ κατὰ τὸν Δανιὴλ πάλιν «ἔφριξε τὸ πνεῦμά μου ἐν τῇ ἕξει μου» [b]). Αἱ χεῖρες παρεῖντο, ἐλύοντο γόνατα, μικρόν τι δεῆσαν καὶ ὁ ζωηφόρος κρατὴρ τῶν τοῦ φέροντος χειρῶν οὕτω πεπονθότος ἐξέπεσεν. ἀλλ' ὁ ταύτην οὕτω διατιθεὶς Θεὸς κἀμὲ συνέσχε τε καὶ ἐπέρρωσε καὶ ἡγίασε μὲν ἐκείνῃ σὺν τῷ στόματι καὶ τὰ ἔνδον, ἐγὼ δὲ ὑπεξῄειν τοῦ οἰκίσκου θάμβει καὶ ἀφθεγξίᾳ κατασχεθεὶς καὶ μόλις ἑαυτὸν ἐν τῷ συνήθει καταστησάμενος.

18. Ταῦτα ἡ ξένη καὶ ἔπηλυς, ἡ ἀλλοδαπή τε καὶ μέτοικος καὶ τῶν τῆς καθ' ἡμᾶς πολιτείας, ὡς ἐδόκει, ὀψιμαθής, ἡ ἐξ ἔθνους γαύρου καὶ ἀλαζόνος καὶ τὰς ὀφρῦς ὑπὲρ τὸ μέτωπον αἴροντος, οὗ καὶ «νεῦρον σιδηροῦν ὁ τράχηλος» — [c]) κατὰ τὴν θείαν φάναι φωνὴν — κάμπτεσθαι οὐκ εἰδώς, ἡ ἐκ γένους τοῦ σεμνοτάτου καὶ πρωτίστου τῶν ἐν τῷ ἔθνει. Μυρίων γὰρ ὅσων ἐθνῶν τὴν ἐξ Ἰταλίας μέχρι καὶ ὠκεανοῦ νεμομένων κατά τε πλάτος καὶ μῆκος ποταμοῖς τε πλείστοις καὶ ὄρεσι τοῖς μεγίστοις διειλημμένων, τίς οὐκ εἶδεν ὅτι τὸ Ἀλαμανῶν ἔθνος ἄρχει μὲν τῶν ἄλλων, ἄρχεσθαι δὲ οὐκ

4. ἐπέστρεψεν E. || vv. ἡ δὲ πολλὴ — καταστολὴ (καὶ καταστολὴ om. P) post περιφρόνησις 6 leguntur in E. — 7. θυοδόχοις E. — 8 ὅλην P. — 10 διδοῦντα τ. κ. P, τ. κ. διδόντα E. — 12 διελῶσα P. — 14 sq. vv. τῶν θείων δώρων — οὐ πρότερον om. E. — 17 τρίχες P, χεῖρες E. — 19 τῷ ἕξει E. — 21 ταῦτ(α) P. — 22 ἐκείνη P, ἐκείνην E. — 29 τῷ om. E. — 32 τὸ ἐξ Ἀλαμανῶν E.

a) Iob IV, 15. b) Daniel. VII, 15. c) Esai. XLVIII, 4.

кромѣ другихъ проявленій человѣколюбія къ ближнимъ, также и кротости, а равно смиренію и благоговѣнію предъ божественнымъ и честнымъ еже о насъ таинства. Всякій разъ какъ она хотѣла приступить къ святымъ тайнамъ, она посылала къ сонму архіереевъ послами собственныхъ служителей — можно сказать, самымъ горячимъ образомъ желая, чтобы причащеніе святыни было ей въ неосужденіе.

20. Такъ здѣсь готовилась прикоснуться «чистая чистѣйшихъ», по такимъ уставамъ и правиламъ, которыя царица сама себѣ положила. Архіереевъ она почитала и назареевъ чествовала, и за то получила отъ отъ нихъ достойное воздаяніе въ молитвахъ. Отсюда и то, что она, долго сокрушавшаяся о разрѣшеніи неплодія, явилась потомъ матерію, радующеюся о чадахъ своихъ. О, еслибы вмѣстѣ съ двоицею дочерей она оставила царству и мужескую вѣтвь. А сверхъ того и слѣдующее: предметомъ моленій, возсылаемыхъ за нее монахами и іереями къ Богу, было то, чтобы ей не пришлось узрѣть мракъ вдовства, чтобы ей не досталось оплакивать сиротство дѣтей, не испытать чего либо другаго бѣдственнаго относительно супруга и милыхъ. И это, увы, тогда, когда въ скоромъ времени предстояла гибель младенца, безвременно подсѣченнаго (въ своемъ существованіи) подобно виноградной цвѣтущей лозѣ, отнятіемъ у него матери. Перенесть этого, думаю, не могло бы никакое матернее сердце и душа. Но и сверхчувственныя уготованныя ей Богомъ воздаянія какая рѣчь могла бы описать, какая мысль представить и вообразить!

21. Что еще остается для рѣчи? Развѣ только то, чтобы посовѣтовать царю полезный совѣтъ и не дать ему еще долѣе сокрушаться о смерти супруги, обратившись къ нему со словами, какія свойственно и прилично услышать государю мужественному и мудрому.—Будь наконецъ самъ свой и нашъ: Свой, такъ чтобы углубившись въ себя и возбудивъ врожденныя внутреннія свои умственныя способности, въ собственномъ размышленіи почерпнуть врачевство для излеченія недуга; воздѣлывая свою мысль, по Эсхилу, какъ небольшую (глубокую) борозду, ты выростишь славныя рѣшенія, и искусно прикладывая ихъ, исцѣлишь свое кипящее страданіемъ сердце. Пусть, по крайней мѣрѣ, десница твоя не будетъ забыта варварами, привыкшими именно до тѣхъ поръ оставаться въ покоѣ, пока она держитъ надъ ними угрожающій желѣзный жезлъ; а когда она сгибается или когда ты, орелъ великокрылый, не пугаешь ихъ шумомъ своихъ крыльевъ, то они галдятъ какъ галки и какъ вороны болтливо каркаютъ на всѣ лады. Ради

ἀνέχεται; Τοιούτου δὲ ὄντος τοῦ ἔθνους κρατίστου τε καὶ ἡγεμονικωτάτου, καὶ τὸ γένος πρώτιστον ἐν τούτοις καὶ ἀρχικώτατον καὶ τὰ κήδη ἐντεῦθεν τοῖς ἐθνάρχαις προσάγονται. Καὶ δηλοῖ ὁ πρὸ μικροῦ τοῦ ἔθνους κρατῶν, ἑαυτῷ μὲν τὴν πρεσβυτέραν τῶν ἀδελφῶν ἁρμοσάμενος, τῷ δὲ ἡμετέρῳ τότε βασιλεῖ καὶ τοῦ βασιλέως πατρὶ ταύτην ἐκπέμψας τῷ καλλίστῳ τῶν υἱέων συναρμοσθησομένην καὶ συνοικήσουσαν.

19. Ἀλλ' οὐκ ἐζήλωσε τὴν τοῦ ἔθνους ἀγερωχίαν ἡ βασιλίς, ἀλλὰ τὴν τοῦ Χριστοῦ ταπείνωσιν ἐμιμήσατο ἵνα,—ὅ φησιν ἡ ψαλμῳδία περὶ τοῦ Ἰωσήφ, ὅτι «ἀπέστειλε βασιλεὺς καὶ ἔλυσεν αὐτόν, κατέστησε κύριον τοῦ οἴκου αὐτοῦ», καὶ (τὸ τῆς κατ' αὐτὸν τραγῳδίας καὶ οἰκονομίας μυστήριον) «ὡς ἂν» φησι «παιδεύσῃ τοὺς ἄρχοντας ὡς ἑαυτὸν καὶ τοὺς πρεσβυτέρους αὐτοῦ σοφίσῃ» [a])· — τοῦτο καὶ περὶ τὴν βασιλίδα οἰκονομηθῇ καὶ πραχθῇ, καὶ παιδευθῶσι τῷ κατ' αὐτὴν ὑποδείγματι καὶ ἄρχουσαι καὶ ἀρχόμεναι, καὶ σοφισθῶσι παρὰ τῆς νεωτέρας αἱ τὴν ἡλικίαν πρεσβύτεραι πρὸς τῇ ἄλλῃ περὶ τὸ ὁμογενὲς φιλανθρωπίᾳ καὶ ἡμερότητι καὶ τὴν περὶ τὰ θεῖα καὶ σεπτὰ τοῦ καθ' ἡμᾶς μυστηρίου ὑποστολὴν καὶ εὐλάβειαν. Ἥ γε καὶ ὁσάκις ἂν τοῖς θείοις καὶ ἱεροῖς μυστηρίοις προσελθεῖν ἠβουλήθη, πρεσβευτὰς τοὺς οἰκείους θεραπευτὰς πρὸς τὸν τῶν ἀρχιερέων σύλλογον ἐξαπέστελλε λιτανεύουσα — πῶς ἂν εἴποις; — θερμότατα τὴν τῶν ἁγιασμάτων μετάσχεσιν ἀκαταχρίτως γενέσθαι αὐτῇ.

20. Οὕτως αὐτοῦ τοῦ καθαρὰ τῶν καθαρωτάτων ἐφάπτεσθαι ἔμελλεν, ἐκ τοιούτων τύπων τε καὶ κανόνων, οὓς αὐτὴ ἑαυτῇ ἡ βασιλὶς ἔθετο, ἀρχιερέας τε οὕτως ἐσεβάσθη καὶ ναζιραίους ἐτίμησε, καὶ τὰς ἐκ τῶν εὐχῶν ἀμοιβὰς ἀξίας ἀντεκομίσατο, ἐνταῦθα μὲν τὴν τῆς ἀτεκνίας λύσιν λιπούσης ἐπὶ πολὺ καὶ τὸ δειχθῆναι μητέρα ἐπὶ τέκνοις εὐφραινομένην — ὡς εἴθε μετὰ τῆς ξυνωρίδος τῶν θυγατέρων καὶ ἄρρενα βλαστὸν τῇ βασιλείᾳ κατέλιπε. Μετὰ δὲ τούτων καὶ τοῦτο τῶν παρὰ μοναστῶν καὶ ἱερέων πρὸς Θεὸν ἀπολελαύκει ἐντεύξεων τὸ μὴ χηρείας νέφος ἰδεῖν, τὸ μὴ ὀρφανίαν τέκνων ἀποθρηνῆσαι, τὸ μὴ τινος ἄλλου τῶν δυσχερῶν πειρασθῆναι περὶ τὸν σύζυγον ἢ καὶ τὰ φίλτατα, καὶ ταῦτα τῆς βρεφυλλίου — φεῦ μοι — τομῆς ἀγχιθύρου παρεστώσης τῇ τῆς μητρὸς ἐκτομῇ ἀώρως ἀποδρυφθέντος μετὰ μικρόν, ὥσπερ τινὸς ἐν ἄνθει κυπρίζοντος βότρυος. ἣν ἐνεγκεῖν οὐ μητρικῆς ἦν (ὡς οἶμαι) καρδίας τε καὶ ψυχῆς. περὶ γὰρ τῶν

1 ἀνέεται P. — 3 τοῖς γενάρχαις E. — 8 ψαλμώδης PE. — 9 ἀπέστειλεν ὁ βασιλιὺς E.—19 ἐξαπέστειλε P. — 20 ἀκατάκριτον P.—22 τόπων τε E.—23 ναζηραίους PE || ἐκ om. E.—30 ἢ καὶ E, ἢ P.—31 ἀόρως ἀποδρεφθέντος P.—32 ἐν om. P || βότρυν P.

a) Psal. CIV, 19—22.

ихъ слово мое, государь, побуждаетъ тебя сдѣлаться самъ своимъ. *Будь нашъ:* дабы, когда ты воротишься къ обычнымъ тебѣ заботамъ и попеченіямъ, мы пребывали внѣ всякаго зла; ибо если твоими высокотрудными дланями и твоими непрерывными походами и (отличнымъ) военнымъ искусствомъ замирена теперь вся земля и все море, такъ что нигдѣ нынѣ не видно чего-либо угрожающаго бѣдою или буйствомъ, то изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобы ты совсѣмъ могъ устраниться; ибо много въ нашей жизни ежедневно случается такого, что заставляетъ нуждаться въ тебѣ какъ направителѣ и устроителѣ, и если бы тѣ, которые тебѣ поручены для управленія, видѣли солнце скрытымъ въ облакѣ унынія, полнымъ тьмы и печали, то не стали бы тебѣ докладывать ни о чемъ, требующемъ устроенія, считая бесѣду безвременнымъ для тебя отягощеніемъ и не рѣшаясь докучать тебѣ. А что̀ было бы болѣе нежелательно для насъ и болѣе тягостно.

22. Но горька для тебя, государь, разлука съ супругою, разрывъ сожительства, горько, что ты одинъ несешь бремя этой жизни, одинъ совершаешь ея путь, потерявъ добрую привычную и единодушную спутницу. *Еда пойдутъ*, говоритъ пророкъ, *два вкупѣ, всяко аще не познаютъ себе* (Ам. 3, 3)?—себе, то есть взаимно одинъ другаго;— но чтобы не могло показаться, что она сама выбрала себѣ пріятное, а любимымъ предоставила болѣе тягостное, мы должны взять во вниманіе, что это относится къ намъ, о божественнѣйшій самодержецъ, имѣющимъ то первое сочетаніе (сопряженіе), по которому души наши сопряжены съ тѣлами и вслѣдствіе котораго мы составляемъ нѣчто единое, а для тѣхъ, у которыхъ эта связь прервана и которые освободились отъ сопряженныхъ (съ душею) тѣлъ, для тѣхъ, говорятъ,— иная жизнь, иной ея образъ, другія печали и радости, пріятное и непріятное, и что поступившая нынѣ въ число ихъ блаженная царица, достигшая теперь лучшаго, совершенно забыла о худшемъ, о печаляхъ, примѣшивающихся къ пріятному. Тогда мы можемъ только воздать благодарность этой разлукѣ и этому разрыву, ибо она вслѣдствіе того всецѣло вступила въ область божественную.

23. Она удалилась отъ этихъ царскихъ чертоговъ, но за то восхищена въ лучшее царство и въ другой чертогъ выше всякаго разума и помышленія. Скрылся для тебя желанный ликъ луны,—но она не осталась совершенно безсвѣтною и безлунною. То, что было обращено къ тебѣ и заимствованнымъ отъ тебя свѣтомъ блистало, омрачилось теперь тѣнію смерти, но не то, что̀ взираетъ къ Богу, отцу свѣтовъ,

ὑπερκοσμίων καὶ παρὰ Θεῷ τεταμιευμένων αὐτῇ ἀντιδόσεων τίς λόγος ὁ φράσαι δυνάμενος ἢ διάνοια ὑποτυπῶσαί τε καὶ διανοήσασθαι;

21. Τί ἔτι τῷ λόγῳ λοιπὸν ἢ τῷ αὐτοκράτορι συμβουλεῦσαι τὰ πρόσφορα καὶ μὴ ἐᾶσαι τῷ τῆς συζύγου θανάτῳ μακρότερον ἐποδύρεσθαι, ἐκεῖνα αὐτῷ ἐπιλέγοντας ἃ βασιλεῖ γενναίῳ καὶ σοφωτάτῳ ἀκούειν οἰκεῖα καὶ πρέποντα, ὅτι γενοῦ ποτε καὶ σεαυτοῦ καὶ ἡμῶν, σεαυτοῦ μὲν ὡς ἂν εἰς ἑαυτὸν παρακύψας καὶ τοὺς ἐμφύτους καὶ ἔνδοθεν ἀνακεκινηκὼς λογισμοὺς κἀκ τῆς διανοίας τὰ πρὸς θεραπείαν ἀναλεξάμενος φάρμακα — ἣν ὡς βραχεῖαν αὔλακα κατὰ τὸν Αἰσχύλον καρπούμενος τὰ κεδνὰ βλαστάνεις βουλεύματα a) — καὶ καταπέττων ἐντέχνως τὴν αὐτὸς ἑαυτοῦ θεραπεύσεις καρδίαν τῷ πάθει φλεγμαίνουσαν. Καὶ ἄλλως δὲ ἵνα μὴ τοῖς βαρβάροις ἐπιλησθείη ἡ δεξιά σου ἐπὶ τοσοῦτον ἠρεμεῖν εἰωθόσι μέχρις ἂν αὕτη τὴν σιδηρᾶν ῥάβδον ἐπανέχῃ αὐτοῖς· ἐπὰν δὲ εἰς ἑαυτὴν συσταλῇ, ἤ, ὁ ἀετὸς ὁ μέγας ὁ μεγαλοπτέρυγος, σὺ τῷ ῥοίζῳ τῶν πτερῶν τούτους μὴ καταπτοῇς, ὥσπερ κολοιοὶ θορυβοῦσι καὶ ὡς κόρακες παγγλωσσίαι γαρύουσιν ἄκραντα b). Τούτων μὲν οὖν ἕνεκα σεαυτοῦ γενέσθαι σε, ὦ βασιλεῦ, ὁ λόγος προτρέπεται· ἡμῶν δέ, ἵνα τῶν συνήθων γενομένου σου φροντίδων καὶ σπουδασμάτων ἔξω κακῶν ἁπάντων διατηρώμεθα. οὐδὲ γὰρ ὅτι ταῖς σαῖς ἀριστοπόνοις παλάμαις καὶ ταῖς ἀπαύστοις στρατείαις καὶ στρατηγίαις ἐξημέρωταί σοι πᾶσα μὲν γῆ, πᾶσα δὲ θάλασσα καὶ οὐδὲν τὸ ὠδῖνον ὁρᾶται καὶ ἀγριαῖνον, ἔργου ἀφεῖσθαί σε τέλεον ὁ λόγος ἀνέχεται. πολλὰ μὲν γὰρ ἀεὶ τὰ τῷ καθ' ἡμᾶς βίῳ καθ' ἡμέραν ἐπισυμπίπτοντα καὶ σοῦ ἰθυντῆρος καὶ ἁρμοστοῦ πάντα δεόμενα· καὶ οἱ οἰκονομεῖν σοι ταῦτα πεπιστευμένοι, εἰ νέφει ἀθυμίας ἐπικαλυπτόμενον ὁρῷεν τὸν ἥλιον καὶ ζόφου σκυθρωπότητος ἔμπλεων καὶ στυγνότητος, οὐδὲν ἂν πρὸς σὲ ἀναφέροιεν τῶν δεομένων καταρτισμοῦ, πάντων ὡς ἀκαιρίαν τὴν ἐντυχίαν ὑποπτευόντων καὶ μηδενὸς τολμῶντος περὶ οὐδενὸς ἐνοχλεῖν. Καὶ τούτου τί φευκτότερον ἡμῖν ἢ χαλεπώτερον;

22. Ἀλλὰ πικρόν σοι, ὦ βασιλεῦ, ἡ τῆς συζυγίας διακοπή, ἡ τῆς συσκηνίας διατομή, ὅτι μόνος τὸν τῆς ζωῆς ταύτης ἕλκεις ζυγόν, ὅτι μό-

1 Θεῷ om. P.—2 διανοία E.—4 ἐποδύρασθαι P.—8 κἀκ P, καὶ E.—9 αἰσχῦλον P, αἴσχυλον E || καρπούμενοι P.—10 αὐτὸς E, ἑαυτὸς P.— 12 ἡ δεξιά σου ἐπιλησθείη E.—13 ἑαυτὸν E. — 14 ὁ μέγας om. P. — 1[5] [κα]ταπτοῦς P || παγγαλωσίαι P. — 17 sq. σοῦ γενομένου E. — 18 sq. vv. ἔξω κακῶν — [κ]αὶ ταῖς om. P. — 19 στρατίαις P. — 21 καὶ οὐδὲ P || ἔργον ἀφανεῖσθαι E. — 23 ἐμπίπ[τον]τα E || οἱ om. E. — 24 ἀθυμίαν P. — 25 καὶ etiam ante σκυθρωπότητος habet E. — [27] πάντως ὡς P. — 28 ἡμῖν evanuit P. — 29 συζύγου E.

a) Aesch. Sept. 579—581 Weckl.: Οὐ γὰρ δοκεῖν ἄριστος, ἀλλ' εἶναι θέλει, Βαθεῖαν ἄλοκα διὰ φρενὸς καρπούμενος, Ἐξ ἧς τὰ κεδνὰ βλαστάνει βουλεύματα.

b) Pind. Ol. 2, 86 sq.: μαθόντες δὲ λάβροι παγγλωσσίᾳ κόρακες ὣς γαρύετον Διὸς πρὸς ὄρνιχα θεῖον.

къ солнцу правды. Ради того оно отъ тебя и отвратилось, что обратилась къ Нему; закатилось для тебя, прекраснаго свѣтила вселенной, но взошло для того, кто явилъ тебя такимъ на тверди нашего предѣла. Ты зришь, царь, эту видимую луну, съ которою мы выше часто сравнивали царицу, зришь ночью свѣтящее солнце, ибо чтò во время дня оно (солнце), тò въ теченіи ночей—она (то есть луна). Да и она (луна) имѣетъ лице, не только къ намъ обращенное, но также (и другое обращающееся) къ вышнему и небесному, для насъ, правда, невидимое, но возникающее и противоположное къ находящимся надъ нею (луною) созвѣздіямъ. И когда она является намъ въ полнолуніи, тогда кажется безлунною тамошнимъ (тамъ находящимся), и когда кажется лишенною свѣта здѣшнимъ, тогда въ полномъ блескѣ видима тѣми, чтò надъ нею. Ибо творецъ, все въ твореніи освѣтившій особою для всего красотою, никогда бы не счелъ хорошимъ и справедливымъ и для себя приличнымъ—отнимать у нея (луны) ея красоту и опять возвращать, какъ будто осуждая и затѣмъ снова снимая обвиненіе. Нѣтъ, она всегда равною долею, то есть половиною круга, хотя и не всегда одною и тою же, то убываетъ (бываетъ на ущербѣ), то свѣтится. Это говорятъ и тѣ, которые изучали сей предметъ. Ради того и въ мірозданіи ей дана въ удѣлъ красота, дабы она попеременно съ нею являлась и себя дѣлала доступною и верхнимъ и нижнимъ.

24. Отсюда позволительно и намъ заключить о нашей царицѣ, что какъ она освѣщала всяческими радостями наши (земныя) пространства, точно такъ допущена освѣщать прибавочнымъ блескомъ верхнія надъ нами области. Ради этого она и закатилась отъ насъ, а возсіяла для расположенныхъ надъ нами. А насколько здѣшнее меньше тамошняго, объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды говорить. Ибо настоящая жизнь въ сравненіи съ ожидаемою есть грязь (тина), темная и глухая пещера, а тотъ міръ — нѣчто совершенно противоположное, эѳиръ чистый и безоблачный, приличный для (жительства) однихъ ангеловъ и для душъ — ничѣмъ не осквернившихся, если только таковыя есть или были, или же посредствомъ покаянія очистившихся вполнѣ отъ скверны. Тѣло для души, свыше пришедшей и стремящейся къ высшему, есть нѣкотораго рода западня. А если она (душа) такова и причастна такому благородству и красотѣ, то кто не скажетъ, что для нея есть благо, когда западня сокрушится, и она выпорхнетъ, какъ птичка и полетитъ къ верховной красотѣ и нетлѣннымъ онымъ лучамъ, когда она, вынакнувъ изъ тины и выбравшись изъ ямы переселится въ приготовленную

νος διαπορεύῃ τὴν τοῦ βίου ὁδόν, τὴν ἀγαθὸν συνοδῖτιν ἀποβαλὼν τὴν σύσκηνον τὴν ἰσόψυχον. «ἀεὶ πορεύσονται» γάρ φησιν ὁ προφήτης «δύο ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ εἰ μὴ αὐτοὺς — ὅπερ ἐστὶν ἀλλήλους — γνωρίσουσιν» [a]); ἀλλ' εἴ τι μέλλει ἡμῖν μὴ δοκεῖν αὐτὴ μὲν αἱρεῖσθαι τὰ φίλα, τοῖς φιλουμένοις δὲ προσνέμειν τὰ προσαντέστερα, ἐννοῶμεν ὅτι ἡμῖν ταῦτα, ὦ θειότατε αὐτοκράτορ, τοῖς τὴν πρώτην ἔχουσι συζυγίαν καθ' ἣν ψυχαὶ σώμασιν συνδιεπλάκημεν καὶ εἰς ἓν συμπεφύκαμεν, τοῖς δὲ ταύτης ἀποτμηθεῖσι τῆς συμφυίας καὶ τῶν συζύγων ἀπαλλαγεῖσιν σωμάτων ἄλλος, φασί, βίος καὶ ἄλλη δίαιτα [b]) καὶ ἄλλα τὰ λυπηρὰ καὶ ἡδέα, τὰ χρηστὰ καὶ φευκτά, ὧν καὶ νῦν ἡ θεσπεσία γενομένη βασίλισσα καὶ τῶν χρειττόνων ἐπιτυχοῦσα, τῶν δευτέρων καὶ χρηστοῖς λυπηρῶν ἀναμεμιγμένων παντάπασιν ἐπιλέλησται, καὶ χάριν ἂν ἔχοι τῷ διασπασμῷ καὶ τῇ ῥήξει ὅτι τῶν θειοτέρων ὅλη ἐγένετο.

23. Ἀπὸ τῶν βασιλικῶν τούτων μετέστη θαλάμων, ἀλλὰ πρὸς κρείττονα βασιλείαν ἡρπάγη καὶ πρὸς ἄλλα βασίλεια τὰ ὑπὲρ νοῦν καὶ διάνοιαν. ἀπεκρύβη σοι τὸ ποθούμενον τῆς σελήνης πρόσωπον, ἀλλ' οὐκ ἀλαμπὴς αὕτη τέλεον καὶ ἀσέληνος καταλέλειπται. τὸ μὲν γὰρ πρὸς σὲ τετραμμένον καὶ ὑπὸ τῆς σῆς λαμπηδόνος πάλαι καταλαμπόμενον τῇ τοῦ θανάτου σκιᾷ ἐπεσκότηται, ἀλλ' οὔτι γε τὸ πρὸς Θεὸν βλέπον, τὸν πατέρα τῶν φώτων, τῆς δικαιοσύνης τὸν ἥλιον. διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἀπέστραπται ἀπὸ σοῦ, ὅτι πρὸς ἐκεῖνον ἐπέστραπται. ἔδυνέ σοι τῷ καλῷ φωστῆρι τῆς οἰκουμένης, ἀλλ' ἐπανέτειλε τῷ σε τοιοῦτον ἐν τῷ στερεώματι τῆς καθ' ἡμᾶς λήξεως ἀναδείξαντι. ὁρᾷς γάρ, ὦ βασιλεῦ, καὶ τὴν φαινομένην ταύτην σελήνην, ᾗ καὶ τὴν βασιλίδα φθάσας ὁ λόγος παρῄκασε, τὸν νυκτιλαμπῆ ἥλιον· ὅπερ γὰρ ἐν ἡμέραις ἐκεῖνος, τοῦτο ἐν νυξὶν αὕτη· καὶ αὐτὴ γοῦν οὐ τὸ πρὸς ἡμᾶς ἀπονεῦον ἔχει πρόσωπον μόνον, ἀλλὰ καὶ τὸ πρὸς τὰ ἄνω καὶ τὰ οὐράνια, ἡμῖν μὲν οὐχ ὁρώμενον, τοῖς δὲ ὑπὲρ αὐτὴν ἄστροις ὑπανακύπτον καὶ ἀντανίσχον. καὶ ὅτε μὲν πανσέληνος ἡμῖν καθορᾶται, ἀσέληνος τοῖς ἐκεῖθεν καταλαμβάνεται, ὅτε δὲ ἀλαμπὴς τοῖς ἐνταῦθα, ὁλοφαὴς τοῖς ὑπὲρ ἐκείνην γνωρίζεται. οὐ γάρ ποτ' ἂν ὁ Δημιουργὸς ὁ πάντα τὰ κατὰ τὴν κτίσιν μετὰ τοῦ οἰκείου κάλλους ἐκφήνας

1 καὶ post ἀποβαλὼν add. E. — 2 πορεύονται E || δύο om. E. — 4—5 vv. εἴτι — ὅτι om. E. — 4 αὐτοὶ P. — 5 ἐννοῶ μὲν P. — 6 συζυγίας P. — 12 ἔχει P. nonne legendum ἔχοιμεν? — 13 ὅλη om. P. — 15 βασίλεια ἡρπάγει P. || πρὸς τὰ ἄλλα E. — 17 τελείως E.— 18 τετραυμμένον et καταλαμπόμενος P. — 19 ἐπεσκότωται E || οὔτι P, ἔτι E. — 23 ὁ βασιλεῦ P pr., corr. ὁ βασιλεύς.— 24 παρείκασε P, πολλάκις ἐδήλωσε E. — 26 τὸ posterius om. E — 30 ποτ' P, οἵ τ' E. — 31 τὰ om. E. || ἐκφήνας om. E.

a) Amos III, 3.

b) Zenob. I. 22 (Paroem. Gott. vol. I p. 7): ἄλλος βίος, ἄλλη δίαιτα: ἐπὶ τῶν ἐπ' ἀμείνονα βίον μεταβαλόντων.

для праведныхъ жизнь. Къ ней она издавна приготовлялась, и въ продолженіи цѣлой жизни собирала себѣ надежные и твердые залоги наслажденія лучшимъ — посредствомъ цѣломудрія упорядочивъ и согласивъ движенія своей души, при помощи разума сдѣлавъ ручною и послушною пару коней[1]), посредствомъ справедливости правильно разсудивши между настоящимъ и будущимъ — удѣляя первому мало вниманія, а склоняя бóльше вѣсы къ оному (будущему). Она поставила себѣ благоразуміе какъ наставника и совѣтника въ томъ, что дѣлать и чего не дѣлать; она вооружилась мужествомъ противъ всякихъ движеній, возбуждаемыхъ плотію противъ духа, и всю душу направляла къ желанію лучшаго.

25. Вотъ украшеніе царицы! Вотъ приданое, которое она принесла изъ дому жениху, и живя вмѣстѣ съ нимъ, отъ избытковъ умножила! Пусть воспоетъ ей божественный Давидъ: *предста царица одесную тебе* (Псал. 44, 10) и что слѣдуетъ далѣе. Пусть въ дополненіе воспоетъ и его сынъ: *многи дщери*, многія царицы, *сотвориша силу*, ты же *надъ всѣми* туземными и пришлыми *превознеслася еси* (Притч. Сол. 31, 30).

Сіе тебѣ, о божественнѣйшая изъ женъ и царицъ, отъ старческихъ, отъ времени изсохшихъ устъ и ума, — для меня говорившаго многоцѣнное, хотя оно было сказано и выражено и недостойно твоего величія. Если оно (не) таково, претерпи и будь снисходительна. И конечно, ты претерпишь, какъ и при смерти рубище, и жесткую черную одежду и склоненіе отъ царской постели на голую землю, ради чего тебѣ открылись верхнія врата, и ты, при отверзтыхъ небесахъ, черная, но прекрасная предстала предъ трономъ благодати. Какъ прежде то, такъ и теперь ты претерпишь сію нашу рѣчь, какъ нѣкоторое самое убогое надгробное причитаніе.

---

1) Въ подлинникѣ игра словами: ἀλόγων можетъ значить «неразумныхъ» и «коней». Очень можетъ быть, что авторъ, говоря о парѣ коней, дѣлаемой ручною и послушною при помощи разума, намекаетъ на извѣстное уподобленіе Платономъ человѣческой души парѣ коней съ возницею, — парѣ коней, изъ которыхъ одинъ благороденъ и послушенъ, а другой противоположнаго нрава, вслѣдствіе чего дѣло возницы трудное и тяжелое (Федръ 246: B: καὶ πρῶτον μὲν ἡμῶν ὁ ἄρχων ξυνωρίδος ἡνιοχεῖ, εἶτα τῶν ἵππων ὁ μὲν αὐτῷ καλός τε καὶ ἀγαθὸς καὶ ἐκ τοιούτων, ὁ δὲ ἐξ ἐναντίων τε καὶ ἐναντίος. χαλεπὴ δὴ καὶ δύσκολος ἐξ ἀνάγκης ἡ περὶ ἡμᾶς ἡνιόχησις).

ἀφαιρεῖν τὸ ταύτης κάλλος καὶ πάλιν ἀποκαθιστᾶν καλὸν εἶναι καὶ δίκαιον ἢ αὐτῷ πρέπον ὑπέλαβεν, ὥςπερ αὐτῆς καταψηφιζόμενος καὶ πάλιν ἀφιεὶς τοῦ ἐγκλήματος, ἀεὶ δὲ τῷ ἴσῳ μέρει, τουτέστι τῷ ἡμίσει τοῦ κύκλου, εἰ καὶ μὴ ἀεὶ τῷ αὐτῷ, ἐκλείπει τε καὶ φωτίζεται. τοῦτο γὰρ καὶ οἱ περὶ ταῦτα ἐσχολακότες φασίν, τοῦτο κἂν τῇ δημιουργίᾳ κάλλος ταύτῃ ἀπονενέμηται, ἵνα καὶ τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω ἐπίσης ἑαυτὴν παραλλὰξ ἐμπαρέχῃ καὶ φαίνηται.

24. Τεκμήρασθαι οὖν καὶ ἐκ τούτων ἡμῖν πάρεστιν ὅτι καὶ ἡ βασιλὶς ὥςπερ τὰ καθ' ἡμᾶς παντοδαπαῖς κατελάμπρυνε χάρισιν, οὕτω καὶ τὰ ὑπὲρ ἡμᾶς ταῖς ἐπιβαλούσαις φαιδρότησι προσελήφθη καταφαιδρῦναι. καὶ διὰ τοῦτο ἔδυνε μὲν ἡμῖν, τοῖς δὲ ὑπερκειμένοις ἐπέλαμψεν. ὅσῳ δὲ τὰ τῇδε τῶν ἐκεῖθεν ἠλάττωται, λέγειν οὐ δέομαι. ὁ μὲν γὰρ ἔστιν ἰλὺς — ὁ παρὼν βίος πρὸς τὸν ἐλπιζόμενον συγκρινόμενος — λάκκος, εἱρκτὴ ζοφερά τε καὶ ἀφεγγής· ἐκεῖνος δὲ πᾶν τοὐναντίον, αἰθρία καθαρὰ καὶ ἀνέφελος καὶ μόνοις ἁρμόζων ἀγγέλοις καὶ ταῖς μὴ σπιλωθείσαις ὅλως — εἴπερ τινές ποτε τοιαῦταί εἰσιν ἢ γεγόνασιν — ἢ διὰ μεταμελείας ἐμμελοῦς ἀποσπιλωθείσαι ψυχαῖς. καὶ τὸ σῶμα δὲ παγὶς τῇ ψυχῇ ἄνωθέν τε γενομένῃ καὶ τῶν ἄνω ἐφιεμένῃ· τῇ δὲ τοιαύτῃ καὶ οὕτως ἐχούσῃ εὐγενείας καὶ κάλλους τίς οὐκ ἂν εἴποι ὅτι· προσκαλοῦ τὸ τὴν παγίδα μὲν συντριβῆναι, αὐτὴ δὲ ὡς στρουθίον ῥυσθῆναι καὶ ῥυσθεῖσα πρὸς τὰς ἄνω καλιὰς καὶ τοὺς ἀκηράτους ἐκείνους λειμῶνας πτερύξασθαι καὶ τῆς ἰλύος τοῦ βυθοῦ ἀνανηξαμένη καὶ τοῦ βόθρου ἀνελκυσθεῖσα καὶ τῆς φυλακῆς ἐκβληθεῖσα εἰς τὴν ἡτοιμασμένην τοῖς δικαίοις ζωὴν μετατάξασθαι. πρὸς ἣν κἀκείνη ἐκ πολλοῦ παρεσκεύαστο καὶ δι' ὅλου τοῦ βίου ἐχέγγυα ἑαυτῇ ἀσφαλῆ τε καὶ βέβαια τῆς τῶν κρειττόνων ἀπολαύσεως παρεσκεύασε, σωφροσύνῃ μὲν τὰ τῆς ψυχῆς μέρη τάξασα καὶ ῥυθμίσασα καὶ χειροήθη τῷ λόγῳ τὴν τῶν ἀλόγων ξυνωρίδα καὶ εὐήκοον καταστήσασα καὶ τῇ δικαιοσύνῃ δικαίως τοῖς παροῦσι καὶ τοῖς μέλλουσι διαιτήσασα καὶ ὀλίγα μὲν τούτοις προσέχουσα, τὰ πλεῖστα δὲ τὴν τῆς ψυχῆς πλάστιγγα ἐκείνοις παρέχουσα καὶ φρόνησιν δὲ τῶν πρακτέων καὶ μὴ πρακτέων διδάσκαλον ἑαυτῇ καὶ σύμβουλον ἐπιστήσασα, ἀνδρισαμένη δὲ καὶ κατὰ τῶν ἐκ τῆς σαρκὸς ἀντεπεγειρομένων τῷ λογισμῷ παντοδαπῶν κινημάτων καὶ τὴν ψυχὴν ὅλην πρὸς τὴν τῶν κρειττόνων ἐπιθυμίαν στομώσασα;

25. Οὗτος ὁ κόσμος, οὗτος ὁ πλοῦτος τῆς βασιλίδος, αὗται αἱ φερναὶ

1 ἀφερεῖν P.—2 αὐτῷ P, ἑαυτῷ E.—3 ἐγκηλήματος E || τοῦ κύκλου τῷ ἡμίσει E || ἥμισυ P.— 4 τε om. E.—5 δημηγόρῳ E.—8 ἡμῖν ἐκ τούτων E. — 10 ταῖς om. E. — 11 τοῖς δ' E. — 12 οὐ δέομαι P, ἐνδέομαι E. — 16 μετανοίας ἐμμελῶς E. — 19 πρὸς καλοῦ E || αὐτὴν PE. — 20 ῥυσθεῖσαν PE. — 21 ἀνανηξαμένην E. — 22 ἀνελκυσθεῖσαν E. || καὶ τ. φ. ἐκβλ. om. E. —25 σωφροσύνης P.—32 κινημάτων E, αἰνιγμάτων P.—33 στονώσασα PE.

ἃς οἴκοθέν τε τῷ νυμφίῳ προσήγαγε καὶ συμβιοῦσα ἐκ τοῦ περιόντος ἐπηύξησε! Προσᾳδέτω τούτοις ὁ θεῖος Δαυὶδ τὸ «παρέστη ἡ βασίλισσα ἐκ δεξιῶν σου»[a]) καὶ τὰ τούτων ἐχόμενα· προσφωνείτω καὶ ταύτῃ ὁ τούτου υἱὸς τὸ «πολλαὶ θυγατέρες, πολλαὶ βασιλίδες, ἐποίησαν δύναμιν, σὺ δὲ πασῶν (τῶν τε αὐθιγενῶν καὶ ἐπηλύδων) ὑπέρκεισαι»[b]). Ταῦτά σοι, ὦ θειοτάτη καὶ γυναικῶν καὶ βασιλισσῶν, ἐκ γηραλέου καὶ τῷ χρόνῳ ἀπομεμαρασμένου λόγου καὶ στόματος, πολλοῦ μέντ' ἀντάξια τῷ εἰρηκότι ἐμοί, εἰ καὶ τῆς σῆς ἀναξίως μεγαλειότητος εἴρητο καὶ τεθρήνητο. ἐπεὶ δὲ οὐ τοιαῦτα, ἀνάσχου καὶ φιλοσόφησον· ἀνάσχῃ δὲ πάντως, ὡς καὶ τὸ ἐπὶ θανάτῳ ῥάκος καὶ τὸ τραχὺ μέλαν ἱμάτιον, ὡς τὴν ἐπὶ ψιλοῦ τοῦ ἐδάφους ἀπὸ τῆς βασιλικῆς κλίνης κατάκλισιν, δι' ἃ σοι ἐπήρθη καὶ τὸ ὑπέρθυρον καὶ τῶν οὐρανῶν ἀνοιγέντων μέλαινα μὲν ἀλλὰ καὶ καλὴ τῷ θρόνῳ προσῆλθες τῆς χάριτος. ὡς οὖν ἐκεῖνα τότε, οὕτω καὶ νῦν τὰς παρούσας καρτερήσεις φωνὰς οἱόν τινας εὐτελεστάτας ἐπιταφίους φωνάς.

---

2 τούτω P. — 3 προσαδέτω E. || ταῦτ(α) P. — 5 τε om. E. || ἐπικλύδων P. — 6. 7 ἐκμεμαρασμένου E. Reliqua desunt in P. — 8 ἐπεὶ δὲ οὖν? — 14 οἵας τινας E.

a) Psalm. XLIV, 10.
b) Proverb. Salom. XXX, 30.

В. Васильевскій.

ΤΡΕΙΣ ΕΠΙΓΡΑΦΑΙ ΒΥΖΑΝΤΙΝΑΙ.

I.

Ἐπιγραφὴ ἐξ Ἱεροσολύμων. Ἀρεόβινδος ἀπὸ ἐπάρχων.

Ἐν τῇ **Revue Biblique** τοῦ 1892-ου ἔτους [τ. I, σ. 381] κατεχώρισεν ὁ **Germer-Durand** ἐπιγραφὴν εὑρεθεῖσαν ἐν Ἱεροσολύμοις πρό τινων ἐτῶν, ἐν ᾗ τὸ ὄνομά τινος Ἀρεοβίνδου μνημονεύεται· κατεχώρισε δὲ ταύτην ἐξ ἐκτυπώματος χαρτίνου, ὅπερ εὗρε παρ' Ἀντωνίνῳ Ῥὼς ἀρχιμανδρίτῃ, ἀνδρὶ σοφωτάτῳ, τὴν Ῥωσικὴν ἐκκλησίαν ἐν Ἱεροσολύμοις ἀντιπροσωπεύσαντι παρὰ τῷ πατριάρχῃ τῆς Παλαιστινῆς τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησίας· οὕτω δ' ἐσφαλμένως ὁ **Germer-Durand** τὴν ἐπιγραφὴν ἀντέγραψε καὶ ἡρμήνευσεν, ὥστε τὴν ἐκ δευτέρου τύπωσιν αὐτῆς, αὐτὸ τὸ ἐκτύπωμα ταύτης ἔχων, ἐγὼ χρησίμην εἶναι ἡγησάμην· ἔδωκέ μοι δ' ἐκεῖνο δῶρον αὐτὸς ὁ σεβάσμιος ἀρχιμανδρίτης ἔτει 1889-ῳ. Ταύτην μὲν οὖν τὴν ἐπιγραφὴν εὗρον κτίσται τὸ μαρμαρόστρωτον ἀνακαινίζοντες ἐν Ἱεροσολύμοις περίαυλον τοῦ μεγάλου μουσουλμανικοῦ τεμένους, ὅπερ ὀνομάζεται **Haram-esch-chérif**· τοῦτο δὲ τὸ τέμενος πρότερον χριστιανικὸν ἦν, καὶ καθὰ γνωστὸν ἐγγὺς αὐτοῦ ναὸν ὁ βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς ἔκτισεν, ἐπὶ τῶν ἐρειπίων τοῦ πάλαι ποτὲ περιφήμου ναοῦ τοῦ Σολομῶντος. Τὸ χάρτινον οὖν ἐκτύπωμα τὴν ἐπιγραφὴν οὕτω παραδίδωσιν:

. . . . . ΚΩΜΕΡΚΙΑΡΙΟCΑΝΕΨΙΟCΑΡΕΟΒΙ
ΝΔΟΥΤΩΝΥΠΑΡΧΩΝΕΝΘΑΚΑΤΑΚΙΤΕΟΑ
ΝΑΓΙΝΟCΚΩΝΕΥΞΕΤΕΥΠΕΡΑΥΤΟΥΑ
. . . ΤΟCΤΗCΟCΙΑCΜΝΗΜΗCΜΔΕΚΕΜΒ
✠ ΙΝΔΑΕΤΟΥCΡΔ ✠

✝

Τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης θραυσθείσης ὕστερον ἐσώθησαν ἄχρι τοῦδε δύο μόνα τεμάχη, ἅπερ ὁ ἀρχιμανδρίτης Ἀντωνῖνος ἐν τῷ ἰδίῳ περιέκλεισε μουσείῳ πρὸς φύλαξιν· τούτων δ' ἐγὼ χάρτινον ἐκτύπωμα κατεσκεύασα. Ἡ ἐπιγραφὴ τοίνυν, ὡς ἐξ ἀρχῆς εὑρέθη, λέγει ταῦτα κατὰ τὸ τότε ληφθὲν αὐτῆς ἐκτύπωμα.

. . . . κωμερκιάριος, ἀνεψιὸς Ἀρεοβί-
νδου τῶν ὑπάρχων, ἔνθα κατάκιτε. Ὁ ἀ-
ναγινόσκων εὔξετε ὑπὲρ αὐτοῦ, ἀ-
ξίου ὄν]τος τῆς ὁσίας μνήμης. Μη(νὶ) δεκεμβ.
ἰνδ(ικτιῶνος) α΄ ἔτους ρδ΄.

Ὁ Germer-Durand ἀνέγνω τὴν ἐπιγραφὴν ἄλλως, ἡμαρτημένως, καὶ εἰκὸς ἦν ἑρμηνεῦσαι ταύτην κατὰ τρόπον ἀπαράδεκτον· οὕτως, ἀντὶ τοῦ ὑπάρχων ἔγραψεν ὑπ[ατικ]ῶν· τὸ δὲ ἀναγινώσκων ἔγραψεν οὕτω· [πρωτο. . . . . ος] κων, καὶ προέτεινε συμπλήρωσιν τοιαύτην· [πρωτοσπαθάριος] Κων[σταντινουπόλεως]· τὸ δὲ κατόπιν εὔξετε=εὔξεται λόγου προτάσεως ἀρχὴν ἐξέλαβε. Ταῦτα μέντοι πάντα μάταια τὸ ἐκτύπωμα δείκνυσιν εἶναι· ἐπειδὴ δὲ καὶ τὸ ἔτος αὐτῷ παράδοξον ἐφάνη, προὐτίμησε τὴν ἐπιγραφὴν ἀγνώστου προελεύσεως ὑπολαβεῖν. Σημειωτέον ἤδη, ὅτι τὸ κείμενον ταύτης ἔχει τινὰ σφάλματα γραφικά, φωνητικῆς αἰτίας ἀποτέλεσμα· οἷον τὸ ἐν τῷ πρώτῳ στίχῳ κωμερκιάριος = κομερκιάριος, εἶτα τὸ κατάκιτε = κατάκειται, καὶ μετὰ τοῦτο τὸ ἀναγινόσκων εὔξετε = ἀναγινώσκων εὔξεται· τὸ μέντοι ὑπάρχων = ἐπάρχων οὐκ ἔστιν ἁμάρτημα· διττῶς γὰρ οὕτως ἐν τοῖς μνημείοις γράφεται τοῦτο τῆς ἐποχῆς Ἰουστινιανοῦ.

Τὸ μὲν οὖν κείμενον τῆς ἐπιγραφῆς ἁπλῶς δείκνυσι τάφον κομερκιαρίου τινός, οὗ τὸ ὄνομα λείπει· οὗτος δὲ ἀνεψιὸς ἦν Ἀρεοβίνδου "τῶν ὑπάρχων", ἀποθανὼν ἔτει 104-ῳ, καθὼς ἡ ἐπιγραφὴ λέγει. Διὰ ταῦτα δὲ πάντα τὸ κείμενον αὐτῆς ἐστι μνήμης ἱστορικῆς ἄξιον. Ὁ Ἀρεόβινδος ἦν ἐν τοῖς ζῶσιν, ὅτε ὁ τούτου ἀνεψιὸς ἀπέθανεν ἐν Ἱεροσολύμοις, ὡς εἰκάζει τις ἀσφαλῶς ἐκ τῆς ἐξόχου μνείας τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ· τῶν δὲ τριῶν ἤδη γνωστῶν Ἀρεοβίνδων ἐγὼ τὸν τελευταῖον ἐνταῦθα μνημονεύεσθαι νομίζω, ὅστις ἐπὶ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ, ἔτει 553-ῳ, ἦν ἔπαρχος τῶν πραιτωρίων τῆς Ἕω καὶ ἀπὸ ἐπάρχων τῆς εὐδαίμονος Κωνσταντινουπόλεως καὶ στρατηλάτης· κατὰ δὲ τοῦτο τὸ ἔτος νεαράς τινας αὐτῷ διατάξεις ὁ βασιλεὺς ἀπέστειλεν Ἰουστινιανός [Justiniani novellæ, ἐκδ. Zachariae τ. II, σ. 342—350]. Τὸ δ' αὐτὸ πάλιν ἔτος ἠρίθμει πρώτην ἰνδικτιῶνα, οἵαν ἀριθμεῖ δηλαδὴ καὶ ἡ παροῦσα ἐπιγραφή· ἀλλ' αὕτη ἀριθμὸν ἔτους ἀνα-

γράφει τέταρτον καὶ ἑκατοστόν, ὃ πάντως ἦν, ὡς εἰκάζω, ἔτος ἱεροσολυμιτικόν, πρώτης ἤδη τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης καὶ μόνης σύστημα χρονολογίας ἴδιον ἐμφανιζούσης, ὅπερ ἐν Ἱεροσολύμοις ἦν ἐν χρήσει· τοιαῦτα δὲ τοπικὰ συστήματα χρονολογίας καὶ ἕτεραι πόλεις εἶχον, οἷον ἡ Γάζα, ἡ μεγάλη Ἀντιόχεια, ἡ Σελεύκεια καὶ ἕτεραι. Οὕτως οὖν ἐγὼ τὸ τῆς ἐπιγραφῆς ἔτος ἑρμηνεύω, νομίζων τοῦ συστήματος, ᾧ προσήκει, ποιεῖσθαι τὴν ἀρχὴν ἀπὸ τοῦ 449-ου μετὰ Χριστὸν ἔτους, ὅτε κατῴκει ἐν Ἱεροσολύμοις ἡ βασιλὶς Εὐδοκία, σύζυγος Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ, μεγάλαις οἰκοδομαῖς ἐπικοσμοῦσα τὴν πόλιν ταύτην· καὶ γάρ τινες τῶν χρονογράφων λέγουσιν, ὅτι ἡ βασιλὶς αὕτη τὰ τείχη τῆς Ἱερουσαλὴμ ἀνενεώσατο[1]· ὅπερ, ὡς εἰκάζω, κατ' ἐκεῖνο τὸ ἔτος τῆς ἀνανεώσεως τῶν τειχῶν ἀρχὴν ἢ πέρας λαβούσης, ἐγένετο κύριον αἴτιον, ἵνα ὁ δῆμος τῆς πόλεως τῶν Ἱεροσολύμων εἰς ἀνάμνησιν ἀριθμῇ τὰ ἀπὸ τῆς τειχώσεως αὐτῆς ἔτη, χρονολογικοῦ συστήματος οὕτω τοπικοῦ τὴν ἀρχὴν ποιησάμενος, κατὰ μίμησιν τῆς Γάζης καὶ πόλεων ἑτέρων τῆς Συρίας.

II.

Νικηφόρος πρόεδρος Ἡρακλείας.

Ἐδουάρδος ὁ Cougny κατεχώρισεν ἔτει 1890-ῷ μικρὸν ἀδέσποτον ἰαμβικὸν ἐπίγραμμα βυζαντινὸν περὶ λουτροῦ τινος ἐν τῷ τυπωθέντι τότε παρ' αὐτοῦ τρίτῳ τόμῳ τῆς Epigram. Anthol. Patatinae [σ. 317, ἀριθ. 158], ὅπερ ἐκ τοῦ τρίτου τόμου τοῦ Βανδινείου παρέλαβε Catal. codd. bibl. Laurentianae [σ. 18]· ἐπιγράφεται δὲ τὸ ἐπίγραμμα τοῦτο «λουτροῦ ἔπαινος» καὶ στίχους ἀριθμεῖ δέκα μόνον, οὔτε τοῦ λουτροῦ τὸν τόπον ὑποδεικνύον, οὔτε τὸν ἱδρυτὴν αὐτοῦ κατονομάζον. Ἀλλ' οὐδ' αὐτὸς ὁ Cougny παρετήρησεν, ὅτι τὸ κείμενον τοῦ ἐπιγράμματος, ὡς παρὰ τῷ Bandini φέρεται, μέρος ἐστὶν ἐκτενεστέρου τινὸς ἐπιγράμματος ἐκ πολλοῦ γνωστοῦ, ἀριθμοῦντος μὲν εἴκοσι καὶ ἕνα στίχους, ἐπιγραφομένου δὲ ὧδε· «Τοῦ λογιωτάτου Ψελλοῦ περὶ λουτροῦ» (Ideler, Physici et medici graeci scriptores. Berolini 1842, I, σ. 193), ὅπερ ὡσαύτως ἀποσιωπᾷ τοῦ λουτροῦ τὸν τόπον. Ἐκ φιλολογικῆς ὅμως ἀπόψεώς ἐστι συμφέρουσα τῶν κειμένων ἀμφοτέρων ἡ συμπαραβολή, ἵνα μὴ τοῦ λοιποῦ τὸ παρὰ τῷ

1) Γεωργίου Ἀμαρτ. χρονικόν, ἐκδ. Muralt, σ. 504. Νικοδήμου συναξαριστής, τῇ ιγ' τοῦ μηνὸς Αὐγούστου. Ἡ βασιλὶς Εὐδοκία τὸ δεύτερον εἰς Ἱεροσόλυμα παραγενομένη ἔτει 444 ῳ κατέμεινεν αὐτοῦ ναοὺς μοναστήρια καὶ λαύρας οἰκοδομοῦσα μέχρις οὗ ἀπέθανεν [455], ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Στεφάνου τοῦ σκήνους αὐτῆς ἐνταφέντος, καθὰ παραδίδωσιν ὁ Κεδρηνὸς τόμ. I, σ. 591 Bonn.

Cougny κείμενον ἀναγινώσκηται μεμονωμένον, τῆς ἑτέρας αὐτοῦ συντάξεως ἀγνοουμένης. Ἐρρήθη μὲν οὖν, ὅτι τοῦτο δέκα στίχους ἀριθμεῖ· νῦν δὲ σημειωτέον, ὅτι τοὺς μὲν τρεῖς πρώτους αὐτῶν ἔχει καὶ τὸ κείμενον τὸ ἐκτενές, τὴν αὐτὴν ὡσαύτως ἐν αὐτῷ τάξιν ἀριθμοῦντας· διαφέρει μέντοι τῶν στίχων ὁ δεύτερος ἐν τούτῳ, ὅτι τὸ χυμοὺς ἐκφέρει τὸ ἐκτενέστερον ἀπόγραφον εἰς πτῶσιν αἰτιατικὴν ἀριθμοῦ ἑνικοῦ· ὁ δὲ τέταρτος στίχος ἀριθμεῖται μὲν παρὰ τῷ Ψελλῷ δέκατος, ἀλλὰ παρὰ τῷ Cougny μετρικῶς οὗτος ἔσφαλται, τῆς τελευταίας αὐτοῦ λέξεως τὸν τόνον ἐπὶ τῆς ἐσχάτης συλλαβῆς ἐχούσης, οὐχὶ δ' ἐπὶ τῆς προτελευταίας, ὡς ὁ βυζαντινὸς ἴαμβος ἀπαιτεῖ. Ἡ λέξις ἄρα ἐκείνη, τοῦ στίχου σφάλλοντος οὕτως, ἐπήγασεν ἐξ ἐσφαλμένης ἀναγνώσεως ἑτέρας λέξεως, ἢ πρότερον ἐκείνης εἶχε τὸν τόπον. Καὶ ὄντως τὸ ἁμάρτημα διορθοῖ τὸ παρὰ τῷ Ideler κείμενον, ὅπερ ἐμφανίζει τὸ καταστέλλει ἀντὶ τοῦ κατασθενεῖ. Πάλιν δὲ ὁ παρὰ τῷ Cougny πέμπτος στίχος πέμπτος μὲν ἀριθμεῖται καὶ παρὰ τῷ Ψελλῷ· ἀλλ' ὁ κατόπιν ἐκείνου, ὁ ἕκτος, ἕβδομός ἐστι παρὰ τῷ Ψελλῷ. Διαφέρουσι δὲ κἂν τούτῳ τῷ στίχῳ ἀμφότερα τἀντίγραφα· παρὰ μὲν γὰρ τῷ πρώτῳ γέγραπται οὕτως·

ὤτων καθαίρει τοὺς πόρους δυσηκόους[1],

παρὰ δὲ τῷ Ψελλῷ ὧδε·

ὤτων[2] καθαίρει τοὺς πεφραγμένους πόρους.

Καὶ πάλιν ὁ ἕβδομος παρὰ τῷ Cougny στίχος ὄγδοος ἀριθμεῖται παρὰ τῷ Ψελλῷ· ὁ δὲ τούτου ἑνδέκατος εὕρηται παρ' ἐκείνῳ τὴν ὀγδόην ἔχων τάξιν· ἀλλὰ κἂν τούτῳ τῷ στίχῳ διαφέρουσιν ἀμφότερα τἀντίγραφα· τὸ μὲν γὰρ παρὰ τῷ Ideler ἔχει ὧδε·

τρανεῖ δὲ τὸν νοῦν πρὸς νοήσεις εὐθέτους,

τὸ δ' ἕτερον οὕτως·

τρανοῖ τε τὸν νοῦν πρὸς νοήσεις εὐθέως.

Καὶ πάλιν ὁ ἔνατος τοῦ Cougny στίχος ἠρίθμηται παρὰ τῷ Ideler ἕκτος, ὁ δὲ τελευταῖος, ὁ δέκατος, δωδέκατος.

Κατὰ τὴν τοιαύτην μὲν οὖν συμπαραβολὴν φανερὸν ἤδη γίγνεται, ὅτι τὸ ἐν τῇ Παλατινῇ συλλογῇ κατακεχωρισμένον ἀπόγραφον ἀντιγραφέως μᾶλλον αὐθαίρετον ἀναπαρίστησιν ἐκλογὴν στίχων ἐκ τοῦ μακροτέρου κειμένου (τοῦ φέροντος τὸ ὄνομα τοῦ Ψελλοῦ), ἤ, ὡς ἂν ἔλεγέ τις ἴσως, πρόπλασμα χρησιμεῦσαν εἰς τὴν ἐκτενῆ σύνταξιν αὐτοῦ· σχεδὸν γὰρ ἕκαστος

1) Cougny: δυσηκόοις ἐκ τυπογραφικῆς ἀπροσεξίας.
2) Ideler: ὠτῶν.

τῶν στίχων, εἴ τε κατὰ τὴν πρώτην, εἴτε κατὰ τὴν δευτέραν τοῦ ἐπιγράμματος σύνταξιν ἀναγινωσκόμενος, ἀποτελεῖ διάνοιαν ὅλην αὐτοτελῆ, καὶ τῶν ἀναγνωστῶν ὁ τυχαῖος δύναται περὶ λουτροῦ τινος ἐξ ἐκείνων ἐπίγραμμα σχηματίζειν ἐξ ὅσων βούλεται στίχων. Ὅμως δὲ οὐδ' αὐτὸ τὸ ἐπιγεγραμμένον τῷ Ψελλῷ πρωτότυπόν ἐστιν· εὗρον γὰρ ὅτι τούτου παλαιότερον ἐπίγραμμα περιεφέρετο, τὰς αὐτὰς λέξεις ἐμπεριέχον, οἵας καὶ τὸ Ψελλοῦ· ἔν τινι γὰρ ἀντιγράφῳ παλαιοῦ καθὰ φαίνεται κώδικος, εὑρισκομένῳ νῦν ἐν τῇ πατριαρχικῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πατριαρχείου τοῦ Ἱεροσολύμων[1], ἀδεσπότως ἐπίγραμμα κεῖται περιλαμβάνον τέσσαρας καὶ δέκα στίχους ὑπάρχοντας ὡσαύτως αὐτολεξεὶ ἐν τῷ κειμένῳ τοῦ Ψελλοῦ· ἔστι δὲ τοῦτο.

Περὶ λουτροῦ.

Πολλῶν τὸ λουτρὸν ἀγαθῶν δωρημάτων·
χολῆς περιττὸν ἐκκενοῖ τῶν ἐγκάτων·
καθαίρει ῥύπους, κνησμονὰς ἀναστέλλει·
ὤτων καθαίρει, τῆς ἀκοῆς, τοὺς πόρους·
μνήμην φυλάττει, τὴν λήθην ἐκδιώκει,
τρανοῖ δὲ τὸν νοῦν πρὸς νοήσεις ἐνθέους·
τὴν γλῶσσαν εὐκίνητον πρὸς λόγους φέρει·
τὴν βλεπτικὴν αἴσθησιν ὀξύνει πλέον.
(τοῦτο γὰρ εὗρε Σολομὼν εὐμηχάνως),
θυμηδίαν τε καὶ παράκλησιν φέρει
τοῖς εὐσεβῶς μάλιστα τούτῳ χρωμένοις.
Λούεσθε τοίνυν εὐλαβῶς, καθὰ θέμις,
μὴ σπαταλικῶς (καὶ γὰρ ἐγγὺς ἡ κρίσις),
ἀλλ' ὡς εὐλαβεῖς φαρμάκῳ κεχρημένοι.
Νικηφόρος γὰρ πρόεδρος Ἡρακλείας
πρὸς πᾶσιν ἄλλοις λουτρὸν ἐξωραΐσας
προὔθηκε πᾶσι χαρμονὴν εὐεξίαν[2].

Ἐν τούτῳ μὲν οὖν τῷ ἐπιγράμματι κατονομάζεται ὁ τὸ λουτρὸν ἐξωραΐσας· τὸ δὲ ποῦ τὸ λουτρὸν ἵδρυτο, σαφῶς οὐ λέγει τὸ ἐπίγραμμα· πάντως ὅμως ἦν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει Ἡρακλείᾳ· αὕτη δὲ πάλιν Ἡράκλεια ἦν ἡ Θρᾳκική, ἡ καὶ Πέρινθος ὀνομαζομένη, ἐν ᾗ χριστιανῶν ὑπῆρχον ἐκκλησίαι λούματα ἢ λουτρὰ παρ' αὐταῖς ἔχουσαι, καθὰ καὶ τῶν ἐν τῇ Κωνσταντίνου πόλει πολλαί, οἷα λόγου χάριν ἡ ἐν τῷ Νεωρίῳ τῆς ὑπεραγίας

1) Ἀριθ. πατρ. συλλογῆς 276, φύλλῳ 135-ῳ, ἢ σελίδι 270-ῇ. Ὅρα τὴν περιγραφὴν τοῦ κώδικος ἐν τῇ Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 333—353.

2) Κῶδ: χαρμονῆς εὐεξίας.

δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου ἐκκλησία, ἥτις ἐπὶ μεγάλου θαυματουργοῦ λουτροῦ καθίδρυτο [1]. Ὅτι δὲ τὸ λουτρόν, ὅπερ ὁ Νικηφόρος ἐξωράισεν, ἦν ἱερὸν καὶ παρά τινι ναῷ καθίδρυτο, τοῦ ἐπιγράμματος αὐτοῦ στίχοι τινὲς ἀποδεικνύασιν ἐπαρκῶς [9—14], ἐν οἷς ὁ λόγος περὶ τῆς χρήσεως τοῦ λουτροῦ μετ' εὐσεβείας. Τοῦτο μὲν οὖν τὸ ἐπίγραμμα. πάντως ὁ Ψελλὸς εἶχεν ὑπ' ὄψει· ἔστι δὲ κατ' ἐμὲ παλαιότερον τοῦ ψελλικοῦ, ὅτι πρόεδρον Ἡρακλείας (μητροπολίτην ἀρχιερέα), Νικηφόρον ὠνομασμένον, ἕνα καὶ μόνον εὑρίσκομεν ἀναγεγραμμένον ἐν τῇ πρὸ τῆς πτώσεως ἱστορικῇ περιόδῳ τοῦ βυζαντινοῦ κράτους, τὸν ἀκμάζοντα ἔτει 956-ῳ· οὗ μέμνηται Γεώργιος ὁ Κεδρηνός, ἐν οἷς εἴρηκε περὶ τῆς Πολυεύκτου, πατριάρχου οἰκουμενικοῦ, παρατύπου χειροτονίας, ὅτι δηλαδὴ τοῦτον προέβαλε πατριάρχην ὁ αὐτοκράτωρ Κωνσταντῖνος ἕβδομος ὁ πορφυρογέννητος τῇ χειροθεσίᾳ Βασιλείου μητροπολίτου Καισαρείας, οὐχὶ δέ, κατὰ τὸ ἔθος, τῇ τοῦ προέδρου τῆς Ἡρακλείας· «Νικηφόρος γὰρ ὁ τῆς Ἡρακλείας πρόεδρος τῷ βασιλεῖ κατά τι προσκεκρουκὼς οὐ συνεχωρήθη τὴν χειροθεσίαν ποιήσασθαι» [Κεδρ. ἐκδ. Βόννης, II, σ. 334].

Οὐδένα τοίνυν εὐεξήγητον εὑρίσκω λόγον, ἵνα τὸ τοῦ Ψελλοῦ ἢ τὸ παρὰ τῷ Cougny σύντομον ἐπίγραμμα πρωτότυπον ὀνομάσω. Ὅτι μὲν οὖν τὸ τελευταῖον ἐκ τοῦ κειμένου τοῦ Ψελλοῦ προῆλθεν, ἱκανῶς, οἶμαι, προαπεδείχθη· ὅτι δὲ καὶ τὸ τοῦ Ψελλοῦ προῆλθεν ἀνεπτυγμένον ἐκ τοῦ προδηλωθέντος ἐπιγράμματος Νικηφόρου τοῦ Ἡρακλείας, ἡ διαφορὰ τῶν ἐτῶν, καθ' ἅπερ οἱ ἄνδρες οὗτοι τὸν βίον ἦγον, δείκνυσι· δείκνυσι δὲ τοῦτο καὶ τοῦ ψελλικοῦ κειμένου ἡ κατάστασις· ἀλλ' ἵνα ταύτην εὐνόητον ἀποκαταστήσω, παρατίθεμαι νῦν ἐνταῦθα τὸν συγκριτικὸν τοῦτον πίνακα.

Νικηφόρος.		Ψελλός.	Νικηφόρος.		Ψελλός.
στίχος . . . 1	=	1	στίχος . . . 13	=	17
» . . . 2	=	3	» . . . 14	=	18
» . . . 3	=	4	» . . . 15	=	—
» . . . 4	=	7	» . . . 16	=	—
» . . . 5	=	8	» . . . 17	=	—
» . . . 6	=	11	» . . . —	=	2
» . . . 7	=	6	» . . . —	=	10
» . . . 8	=	5	» . . . —	=	12
» . . . 9	=	19	» . . . —	=	13
» . . . 10	=	9 καὶ 20	» . . . —	=	15
» . . . 11	=	14	» . . . —	=	21
» . . . 12	=	16			

1) Νικοδήμου συναξαριστής, 31 αὐγούστου.

Κατὰ τοῦτον οὖν τὸν πίνακα φανερόν, ὅτι τὸ παλαιότερον ἐπίγραμμα στίχους ἀριθμεῖ τρεῖς [15—17], οὓς οὐκ ἔχει τὸ τοῦ Ψελλοῦ, τουτέστι τοὺς φανεροῦντας τὸν ὡραΐσαντα λουτρόν τι· οἵτινες ἀληθῶς ἄχρηστοι παντελῶς εἰσι τῷ βουλομένῳ τι περὶ λουτροῦ διδάσκειν. Ὁ Ψελλὸς οὖν ἔλαβε τοὺς πρώτους τεσσαρεσκαίδεκα μόνον στίχους, ὧν τρεῖς μετετόπισεν, αὐξήσας ἐξ ἑαυτοῦ τὸ ὅλον ἐπίγραμμα τῇ προσθήκῃ στίχων ἕξ· μετὰ γὰρ τὸν πρῶτον προσέθηκε τὸ "χυμοὺς κατασπᾷ, φλέγματος λύει πάχος", ὅπερ εὕρηται καὶ ἐν τῷ συνοπτικῷ κειμένῳ τῷ παρὰ τῷ Cougny, μετὰ δὲ τὸν ἕκτον παρενέβαλε ταῦτα·

ὅλον τὸ σῶμα πρὸς κάθαρσιν λαμπρύνει [1],
ψυχῆς τὸ κάλλος προξενεῖ [2] πλέον λάμπειν·

μετὰ δὲ τὸν ἑνδέκατον τὸ "δι' ἀσθένειαν σαρκίου πολυνόσου", ἵνα τὸν στίχον ἐκεῖνον ἐπεξηγήσῃ· προσέθηκε δὲ καὶ μετὰ τὸν ἔνατον στίχον ἕτερον, τὸν παρ' αὐτῷ τελευταῖον, οὕτως ἔχοντα· "σκάφαις βροτοῖς πρὶν ἀφρόνως λελουμένοις" [3]. Οὕτως οὖν ηὔξησε τὸ περὶ λουτροῦ χαρίεν ἐπίγραμμα εἰς στίχους ἐννεακαίδεκα· προσέθηκεν ὅμως καὶ δύο ἑτέρους [4 καὶ 20], ἰσαρίθμους τοῦ παλαιοτέρου διπλώσας τῇ προσθήκῃ λεξειδίων τινῶν [3 καὶ 9]· τὸν τρίτον δηλαδὴ τοῦ Νικηφόρου στίχον, τὸν λέγοντα "καθαίρει ῥύπους, κνησμονὰς ἀναστέλλει", δὶς ἐξέφρασεν ὧδε· "χυμοὺς καθαίρει, τὸν κνησμὸν ἀποτρέπει" [4], καὶ "τὰς θελξιπίκρους κνησμονὰς καταστέλλει" [10]· οὗτος δὲ ὁ στίχος ἐν τῷ συντόμῳ τοῦ Cougny κειμένῳ τέταρτος ὑπάρχει, καθὰ προείρηται. Καὶ πάλιν τὸν δέκατον στίχον, ὃν οὕτως αὐτολεξεὶ μετὰ τὸν ὄγδοον αὐτοῦ στίχον ἐτοποθέτησεν, ἔθετο καὶ μετὰ τὸν 19-ον, τὸ θυμηδίαν μόνον εἰς τὸ τὴν ἰδίαν ἀλλοιώσας. Ταῦτα δὲ τὰ δύο δεδιπλωμένα παραδείγματα σαφῶς, οἶμαι, μαρτυροῦσιν, ὅτι τοῦ Ψελλοῦ τὸ κείμενον ἀνεπτύχθη κατὰ τὸ χρονολογικῶς ἀρχαιότερον ἐπίγραμμα τοῦ Νικηφόρου. Σημειώσεως ἄξιαί εἰσι καί τινες διαφέρουσαι λέξεις· οἷον, τὸ ἐν τῷ πρώτῳ στίχῳ ἀγαθῶν τό τε σύντομον καὶ τὸ Ψελλοῦ κείμενον εἰς αἴτιον ἠλλοίωσαν· τὸ "τὴν λήθην ἐκδιώκει" [στίχ. 5] ταὐτὰ κείμενα περιέλαβον ὧδε· "τὴν δὲ λήθην ἐκφέρει" [Cougny 7, Ideler 8]· τὸ δ' ἐν τῷ ἕκτῳ στίχῳ ἐνθέοις ἡμετέρα διόρθωσίς ἐστιν· ἐν γὰρ τῷ ἀντιγράφῳ τῷ ἱεροσολυμιτικῷ γέγραπται ἀντὶ τούτου τὸ εὐθέους, ὅπερ ἀκατανόητον· ἀλλὰ καὶ παρὰ τῷ Cougny γέγραπται εὐθέως, καὶ

1) Οὗτος ὁ στίχος ὑπάρχει παρὰ τῷ Cougny δέκατος, ἔνθα τὸ «πρὸς κάθαρσιν» ὧδε γέγραπται· «τῇ καθάρσει».

2) Διόρθωσις ἡμετέρα ἀντὶ τοῦ προξενεῖν.

3) Ὁ τύπος ἐσφαλμένως ἔχει τὸ «λελουμένους».

παρὰ τῷ Ideler εὐθέτους. Καὶ τὰ τρία δὲ ταῦτα διαφέροντ' ἀλλήλοις ἀναγνώσματα σημαίνουσιν, οἶμαι, ὅτι περὶ τὴν λέξιν αὐτὴν ἐξ ἀναγνώσεως ἐσφαλμένης ἐγένετό τις διαφθορά, ἣν ἐγὼ νῦν ἐθεράπευσα μικρόν, νομίσας ὅτι πρότερον τὸ ἐνθέους ἔκειτο μᾶλλον ἢ τὸ εὐθέτους. Παρὰ τῷ Ideler ὑπάρχουσι καὶ ταῦτα· τὸ μὲν ἐν τῷ 7-ῳ στίχῳ πρὸς ἐκεῖ διὰ τοῦ εἰς ἐκφέρεται, τὸ δ' ἐν τῷ 12-ῳ στίχῳ καθὰ πρὸς τὸ καθὼς ἐτράπη, τὸ δ' ἐν τῷ 13-ῳ σπαταλικῆς ἐσφαλμένως ἐκεῖ γέγραπται σπαταλικῶν· ἐσφαλμένον δ' ὡσαύτως καὶ τὸ κεχρημένη ἀντὶ τοῦ κεχρημένοι [στίχ. 14], καὶ τὸ λούεσθαι ἀντὶ τοῦ λούεσθε [στίχ. 12]· τὸ δ' εὐλαβεῖς, ὅπερ ἐν τῷ κειμένῳ τοῦ Νικηφόρου κεῖται [στίχ. 14], τὸ παρὰ τῷ Ideler ἀπόγραφον ἀπέδωκε διὰ τοῦ μοναχῶν. Σημειούσθω καὶ τοῦτο· ὅτι ἐν τῷ κώδικι τῆς Ἱερουσαλὴμ ἀντὶ τοῦ πόρους [στίχ. 4] ὑπῆρχε πρότερον τὸ ῥύπους, ὅπερ ὁ ἀντιγραφεὺς ὡς σφάλμα διέγραψε· παρεσύρθη δὲ πρὸς τὸ σφάλμα τοῦτο διὰ τοῦ προτέρου στίχου, ἐν ᾧ τὸ ῥύπους ὑπάρχει. Μνημονεύσιμον καὶ τὸ τῆς ἀκοῆς, ὃ τὰ λοιπὰ δύο ἀντίγραφα ἄλλως ἀποδιδόασι· τὸ μὲν γὰρ ἐπίτομον κείμενον ἀντὶ τούτου τὸ δυσηκόους ἔχει, τὸ δὲ ψελλικὸν τὸ πεφραγμένους· ἐπεὶ δὲ τὸ τῆς ἀκοῆς, ὡς εὕρηται, σαφὲς οὐκ ἔστιν ἱκανῶς, γράφω τὸν στίχον ὧδε· "ὤτων καθαίρει τοὺς δυσηκόους πόρους", παραλαμβάνων οὕτω τοῦ συντόμου κειμένου τὸν ἕκτον στίχον.

III.

Σημείωσις ἐξ ἐπιγραφῆς εἰς Ἰγνάτιον διάκονον.

Οὗτος ὁ Ἰγνάτιός ἐστι συγγραφεὺς διαφόρων πονηματίων, καὶ δὴ καὶ βίου Νικηφόρου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, ἀποθανόντος ἐξορίστου ἔτει 829-ῳ· ὅν, ὡς φαίνεται, συνέγραψεν ὁ Ἰγνάτιος μετὰ τὴν εἰς Κωνσταντινούπολιν ἀνακομιδὴν τοῦ λειψάνου τοῦ Νικηφόρου, μεσούσης ἤδη τῆς ἐνάτης ἑκατονταετηρίδος. Τὸ πόνημα τοῦτο προοίμιον ἔχει τὸ ἑξῆς· «Εἰ μέν, ὦ ἄνδρες, μὴ δακρύων πρὸς συντριμμὸν καρδίας ἐκάλει καιρὸς καὶ λύπης ὠδὶς τὰ τῆς ψυχῆς κατέτρυχεν αἰσθητήρια, τάχα διὰ λείας ὁδοῦ καὶ κατὰ ῥοῦν ὁ λόγος φερόμενος τὸ ἑαυτοῦ, καὶ εἰ κατόπιν τοῦ προκειμένου, ὅση δύναμις ἀπεπλήρωσε πρόθυμον» [Nicephori opuscula, ἐκδ. C. de Boor, σ. 139]. Τὸ προοίμιον τοῦτο τοσοῦτον ἤρεσε τοῖς κατὰ τὴν ἐποχὴν ἐκείνην ἐλλογίμοις μοναχοῖς, ὥστε καὶ ἐπὶ μαρμάρων ἐνεχαράσσετο καθὰ προοίμιον ἐπιτυμβίων ἐπιγραφῶν, ὡς δείκνυσι μία τούτων ἀνευρεθεῖσα. Ἔτει γὰρ 1885-ῳ εὗρον ἐν Πανίδῳ πλάκα λιθίνην, χαραχθεῖσαν ἔτει 882-ῳ διά τινα μοναχὸν ἀνώνυμον ὁσίως βιώσαντα καὶ "κατὰ τὴν ἐσχάτην αὐτοῦ

ἡμέραν" τὸν ἀγγελικὸν βίον μετειληφότα, ὡς ἡ τῆς πλακὸς ἐπιγραφὴ λέγει· ὅτε δὲ ταύτην ἐξετύπουν, ἐγὼ τὸν βίον ἠγνόουν τοῦ Νικηφόρου [Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλόγου παράρτημα ἀρχαιολογικόν, τ. XVII, σ. 94—95 καὶ πίναξ δ'][1]· σήμερον ὅμως φανερὰν ποιῶ τὴν ὁμοιότητα τοῦ προοιμίου τῆς εἰρημένης ἐπιγραφῆς, ἀντιβληθείσης πρὸς τὸ τοῦ βίου προοίμιον, ἵνα παρὰ τῶν αὐτοῦ κατόπιν ἐκδοτῶν αὕτη σημειωθῇ. Λέγει τοίνυν ἡ ἐπιγραφὴ ταῦτα, κατὰ τὴν ἡμετέραν ἀνάγνωσιν· «† Εἰ μέν, ὦ ἄνδρες, μὴ δακρύων πρὸς συντριμμὸν καρδίας ἐκάλει καιρὸς καὶ λύπης ὠδὶς τὰ τῆς ψυχῆς κατέ(τ)ρυχεν αἰσθητήρια — τάχα διὰ λείας ὁδοῦ καὶ κατὲ ῥοῦν ὁ λόγος περόμενος, καίπερ τῇ μοναδίᾳ προείλετο μᾶλλον ἢ τοῖς ἐν ἄστει θορύβοις». Τὸ κατὲ ἀντὶ τοῦ κατὰ καὶ τὸ περόμενος ἀντὶ τοῦ φερόμενος δείγματα φωνητικῆς εἰσιν ἀλλοιώσεως. Ἡ ἐπιγραφὴ καὶ φράσιν ἑτέραν ἔχει, ληφθεῖσαν ὡσαύτως, ὡς φαίνεται, ἐξ ἑτέρου ῥητορικοῦ γυμνάσματος· ἔχει δ' οὕτως αὕτη· «τίς δὲ οὗτος, ὅν περ εἰς μέσον ἀγαγεῖν ἡμῖν ὁ λόγος προήγαγεν, πλέξων ἔρχομαι».

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

ΣΥΜΕΩΝ Ο ΘΑΥΜΑΣΤΟΟΡΕΙΤΗΣ ΩΣ ΥΜΝΟΓΡΑΦΟΣ ΚΑΙ ΜΕΛΩΙΔΟΣ.

Συμεὼν ὁ Θαυμαστοορείτης, ὁ κατὰ τὴν ἕκτην ἀκμάσας ἑκατονταετηρίδα (521—596), τάσσεται μεταξὺ τῶν ἀρχαιοτέρων ὑμνογράφων τῆς Ἐκκλησίας· ἀλλὰ τοσούτῳ τὰ περὶ τούτου συγκεχυμένα φέρονται, ὥστε ὁ τὰ γεγραμμένα παρὰ τοῦ φιλολόγων ἀναγινώσκων περὶ τῆς ἀξίας τοῦ Συμεῶνος ὡς ὑμνογράφου πιστεύειν ἀναγκάζεται, ἢ ὅτι παράδοσις ὑπάρχει περὶ τούτου σφαλερά, ἢ ὅτι τὰ κατ' αὐτὸν συγχέονται πρὸς ἕτερον ὑμνογράφον, Συμεῶνα καλούμενον ὡσαύτως, ζήσαντα δὲ τῆς ἐνάτης ἀκμαζούσης ἑκατονταετηρίδος. Ὑπάρχει δηλαδὴ ἐν τῷ μηναίῳ τοῦ Ὀκτωβρίου, τῇ 26-ῃ τούτου ἡμέρᾳ, ἐπιγραφὴ τοιαύτη· "Στιχηρὰ ἰδιόμελα τοῦ σεισμοῦ· ποίημα Συμεὼν Θαυμαστοορείτου". Λέων ὁ Ἀλλάτιος τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην παρέδωκεν οὕτω· "Τροπάρια εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρ-

1) Πρβλ. Albert Dumont, Mélanges d'archéologie et d'épigraphie, réunis par Th. Homolle. Paris 1892, σ. 415, ἀριθ. 86[23].

τυρα Δημήτριον ἐν τῷ στίχῳ" [De Symeonum scriptis diatriba. Parisiis 1664, σ. 21]. Παρέλαβεν ἀρά γε ταύτην ὁ Ἀλλάτιος ἐκ χειρογράφου τινός, ἢ μόνος αὐτὸς αὐτὴν ἠλλοίωσεν οὕτω διὰ σύγχυσιν τῆς ἑορτῆς τοῦ μεγαλομάρτυρος Δημητρίου, καθ' ἣν καὶ ἡ μνήμη τελεῖται μεγάλου σεισμοῦ; Τὸ ἐρώτημα τοῦτο δι' ἐμὲ παντελῶς ἀνεξήγητον· οὐχ ἧττον ὅμως τὰ τετυπωμένα μηναῖα στερεοτύπως ἀνατυποῦσι τὴν προτέραν ἐπιγραφήν, ἐξ ἧς δῆλον, ὅτι Συμεὼν ὁ Θαυμαστοορείτης ποιητής ἐστι τροπαρίων περὶ σεισμοῦ τινος· ἀλλὰ τὸν σεισμὸν τοῦτον τὸ συναξάριον τῆς ἑορτῆς ὡρισμένως ὁρίζει γεγονότα ἐν τῇ Κωνσταντίνου πόλει, βασιλεύοντος Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, ἔτει 740-ῷ, ἕνα καὶ ἥμισυ που αἰῶνα μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ ποιητοῦ. Ὅθεν εὔλογος ἦν ἡ κρατοῦσα δυσπιστία πρὸς τὴν αὐθεντίαν τῆς ἐν τῷ μηναίῳ ῥηθείσης ἐπιγραφῆς. Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανὸς ὁ τὸ μηναῖον τοῦτο διωρθωμένως ἐκδοὺς ἐγνωμάτευσεν, ὅτι "ἢ ὁ ποιητὴς τῶν τροπαρίων τούτων ἐστὶν ἕτερος Συμεών, μεταγενέστερος μὲν τοῦ ἀνωτέρου, ἀσκήσας δὲ καὶ αὐτὸς ἐν τῷ ὄρει (τῷ Θαυμαστῷ), καθ' ὃν χρόνον συνέβη ὁ σεισμός, ἢ τὰ τροπάρια ταῦτα ἐποιήθησαν εἰς ἄλλον σεισμόν, συμβάντα πρὸ τοῦ παρόντος, ἐὰν τῳόντι ὑπάρχωσι γνήσιον ποίημα τοῦ εἰρημένου Θαυμαστοορείτου Συμεών, ἢ τέλος ψευδῶς ἐπιγράφονται εἰς τὸ ὄνομα τούτου"[1]. Κατὰ τὰς ἀντιρρήσεις ταύτας τοῦ Βαρθολομαίου συνεκρατήθησαν οἱ κατόπιν αὐτοῦ φιλόλογοι, οἱ περὶ τῶν ὑμνωδῶν εἰδικῶς γράψαντες[2], Κάρολος δὲ ὁ Krumbacher οὐχ εὑρών τι θετικῶς εἰρημένον περὶ τοῦ Συμεῶνος ἀπέσβεσε τούτου τὸ ὄνομα δικαίως[3]. Πίτρας δὲ ὁ καρδινάλις τὸ μὲν πρῶτον ἀνέγραψεν ἁπλῶς τὸ Συμεῶνος ὄνομα μεταξὺ τῶν ὑμνογράφων ἀκολουθήσας τῇ περὶ τούτου παραδόσει[4], εἶτα δ' ὑπέδειξεν, ὅτι τούτου ποιήματα καταγράφονται ἐν τοῖς μηναίοις, καὶ τῇ δευτέρᾳ τοῦ Ὀκτωβρίου, καὶ τῇ εἰκοστῇ πέμπτῃ τοῦ Δεκεμβρίου, καὶ τῇ ἕκτῃ τοῦ μηνὸς Ἰανουαρίου, καὶ τῇ ἕκτῃ πάλιν τοῦ Μαρτίου[5]. Ταῦτα μέντοι πάντα τὰ νῦν ἐν χρήσει μηναῖα οὐ περιλαμβάνουσιν· εὗρε δ' ἴσως ἐκεῖνα Πίτρας ὁ καρδινάλις ἐν κώδιξι χειρογράφοις· ἐπειδὴ δ' ἐξ ἑτέρας μαρτυρίας εὑρίσκω, ὅτι πραγματικῶς τῇ ἕκτῃ τοῦ Μαρτίου χειρόγραφά τινα μηναῖα καταγράφουσι στιχηρὰ τροπάρια Συμεῶνι τινὶ διὰ μάρτυρας ἔτει 847-ῳ μαρτυρήσαντας

1) Μηναῖον τοῦ Ὀκτωβρίου, ἐκδόσ. 5-ης, Βενετία 1890, σ. 135.

2) Christ et Paranicas, Anthologia graeca carminum christianorum, σ. XXXIII. Μ. Παρανίκα, Περὶ τῆς χριστιανικῆς ποιήσεως τῶν Ἑλλήνων (Ἑλλ. Φιλολογ. Συλλόγ. τ. VIII, σ. 189).

3) Krumbacher, Gesch. d. Byz. Litteratur, σ. 305—344.

4) Pitra, Hymnographie de l'église grecque, σ. CLVI.

5) Pitra, Analecta sacra I, σ. 622.

ἐν Ἀμορίῳ[1], δῆλον ἐντεῦθεν, ὅτι ὁ καρδινάλις ἀντὶ Συμεῶνος τοῦ Θαυμαστοορείτου Συμεῶνα τὸν Στουδιώτην ἐξέλαβε, τὸν ὡσαύτως ὑμνῳδὸν καὶ μελογράφον, οὗ ποιήματα σῴζουσι χειρόγραφά τινα βιβλία τῆς Κρυπτοφέρρης[2], αὐτὰ πιθανῶς, ἅπερ αὐτὸς ὁ καρδινάλις ὑπαινίσσεται μηναῖα. Φιλάρετος δὲ ὁ Τσερνιγοβίας ἀρχιεπίσκοπος ὑπέμνησεν ὅτι ἐν τῷ βίῳ τῆς μητρὸς τοῦ ἁγίου Συμεῶνος, τῆς Μάρθας, ἀναφέρεταί τις ὕμνος περὶ σεισμοῦ, συντεθεὶς ὑπὸ τοῦ Συμεῶνος[3]· ἀλλ' ἐν τῷ βίῳ τῆς Μάρθας οὐδὲ γρῦ περὶ τούτου λέγεται, καὶ ἐπειδὴ τὸ πρᾶγμα τοῦτο καὶ Γεώργιος ὁ Παπαδόπουλος ἀνεξελέγκτως ἀνέφερεν, ἀντιγράψας μὲν τὸν Φιλάρετον, ἀποσιωπήσας δὲ τὸ ὄνομα τούτου[4], νοεῖ τις εὐθέως ὅτι ἐγὼ μεγάλως ἐκοπίασα, μέχρις οὗ βεβαιωθῶ περὶ τοῦ ὅτι ἐν τῷ βίῳ τῆς Μάρθας λόγος οὐδεὶς ὑπάρχει περὶ τοῦ ὕμνου, ὃν ὁ Φιλάρετος ὑπαινίσσεται. Εὗρον ὅμως ὕστερον, ὅτι τὰ περὶ βίου τῆς Μάρθας ὑπὸ τούτου λεχθέντα τυγχάνουσιν ὄντα σφάλμα μνημονικὸν αὐτοῦ τοῦ Φιλαρέτου. Ὁ μακαρίτης εἶχεν ὑπ' ὄψει τὸν βίον τοῦ Συμεῶνος· καὶ ἐπειδὴ τὸ μέρος ὅπερ ἐμελέτα, τῆς Μάρθας ἐμιμνήσκετο, συντάσσων καὶ τύποις ἐκτυπῶν τὰ περὶ τοῦ Συμεῶνος, ἀντὶ τοῦ γράψαι въ житіи блаж. Симеона ἔγραψε Маρθы· τοῦτο δ' ὅμως τὸ μνημονικὸν ἁμάρτημα κολάζει τῆς ὑποσημειώσεως ἡ παραπομπὴ πρὸς σελίδα τινὰ τῶν Acta Sanctorum, ἥτις ἐστὶν ἀκριβεστάτη· λέγει γὰρ ἐκεῖ Νικηφόρος μάγιστρος Ἀντιοχείας ὁ Οὐρανὸς (ἐν τῷ παρ' αὐτοῦ συγγραφέντι βίῳ Συμεῶνος τοῦ Θαυμαστοορείτου), ὅτι οὗτος ὁ Συμεὼν ἐποίησεν ἀληθῶς ὕμνον· ὅθεν εὔδηλον, ὅτι πᾶσα τοῦ λοιποῦ δυσπιστία πρὸς τὸ ὅτι Συμεὼν ὁ Θαυμαστοορείτης ἦν ὑμνῳδὸς ἐμμαρτύρως ἐκλείπει τέλεον. Ἰδοὺ δὲ πῶς ἐκδηλοῖ τοῦτο Νικηφόρος ὁ Οὐρανός: "Ορασιν εἶδεν ὁ ὅσιος τοῦ θεοῦ Συμεὼν περὶ σεισμοῦ τινος ἐπικειμένου μεγάλου, καὶ πάντας τοὺς ἐν τῇ μάνδρᾳ συναθροίσας "ὅσοι τε τῶν αὐτοῦ μαθητῶν ἦσαν καὶ ὅσοι πολλαχόθεν τηνικαῦτα παραβαλόντες ἐτύγχανον, παραγγέλλει κοινῇ πᾶσι λιτὰς παρ' ὅλας ἡμέρας ἑξήκοντα προσάγειν τῷ Θεῷ, ἔτι καὶ τοὺς ἐπὶ ταῖς λιταῖς ὕμνους αὐτὸς καὶ συνθεὶς καὶ διδάξας--- Ἐτελοῦντο μὲν οὖν αἱ λιταὶ τοῖς ἐκ τῆς ἱερᾶς ἐκείνης γλώττης ἱεροῖς κατεπᾳδόμεναι ὕμνοις· τοῖς δὲ ὄχλοις ἀνὰ τὴν χώραν περὶ τὴν Ἀντιόχειαν δεδιέναι τε πρὸς αὐτὰς καὶ τρέμειν ἐπῄει,

1) **Архим. Сергія**, Полный Мѣсяцесловъ Востока, II, σ. 59.

2) **Leonis Allatii** de Symeonum scriptis diatriba, σ. 23.

3) **Филарета**, Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. Черниговъ 1864, σ. 217.

4) **Γεωργίου Ἰ. Παπαδοπούλου**, Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ' ἡμῖν ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Ἐν Ἀθήναις 1890, σ. 142.

χρηστὸν ἐκ τοῦ μέλλοντος οὐδὲν προσδοκῶσι--- Τῆς δ' ἐπιούσης, Παρασκευὴ δὲ ἦν, σαλεύει μὲν ὁ Θεὸς τὴν γῆν ὀψὲ τῆς ἡμέρας οὕτω σφοδρῶς, ὡς μὴ μόνον αὐτὴν πολλαχοῦ διασχεῖν, τά τε ὄρη βίᾳ διαθρυβῆναι, ἀλλὰ καὶ τὴν θάλασσαν φυγεῖν, τὸ τοῦ Θεοῦ πρόσωπον οὐ φέρουσαν ὀργιζόμενον, ὡς ἐντεῦθεν οὐ πόλεις μόνον καὶ κώμας καὶ συνοικίας κατὰ τὴν ὀφθεῖσαν τῷ Συμεὼν ὄψιν ἀθλίως καταπεσεῖν, ἀλλὰ καὶ τὰ πλοῖα γυμνῇ προσαρράξαντα τῇ γῇ συντριβῆναι--- Ἐνάτη διῆλθεν ἐξ ἐκείνου ἡμέρα καὶ θεία πάλιν τὸν Συμεὼν κατὰ βορρᾶν ἁρπάσασα ὄψις τό τε πνεῦμα βλέψαν εἰς Κωνσταντινούπολιν ὑπεδείκνυ--- Μετὰ γοῦν ἕκτην ἑξῆς ἡμέραν σεισμὸς τῇ Κωνσταντίνου νυκτὸς ἐνσκήψας, καταστρέφει μὲν αὐτῆς μέρη τινά, καταστρέφει δὲ Νικομήδειαν καὶ τὸ καλούμενον Ῥήγιον, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ Νίκαιαν ἐν τῷ μέρει καί τινας οὐκ ὀλίγας ἑτέρας πόλεις". Τοῦ σεισμοῦ δ' ἔτι προσμέλλοντος καὶ τῆς γῆς ἀεὶ σαλευομένης, ὁ Συμεὼν παρακλήσει τῆς μητρὸς δέεται τοῦ Θεοῦ τῆς ὀργῆς αὐτοῦ παύσασθαι, καὶ "τοὺς μαθητὰς συγκαλέσας καινὴν ᾠδὴν ἐπὶ λέξεως ᾄδειν ἐδίδασκεν ἐμμελῶς". Ἦν δὲ ἡ καινὴ ᾠδὴ τοιαύτη, κατὰ τὸν Οὐρανόν· «Ὡς ἐπὶ Μωσέως δυσωπούμενος ἱλάσθης ὁ Θεὸς τοῦ μὴ συντρῖψαι τὸν Ἰσραήλ, καὶ νῦν, Κύριε, παῦσον παρακαλούμενος τὴν ὀργὴν ἀπὸ τοῦ λαοῦ σου, συγχώρησιν ποιούμενος τῶν ποικίλων ἡμῶν ἁμαρτιῶν ὡς μόνος ἀναμάρτητος, Χριστὲ ὁ Θεός, κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος· δόξα σοι». Τῶν μαθητῶν δὲ τὸν ὕμνον ᾀσάντων, "οἱ στύλοι τῆς γῆς εὐθὺς ἐστερέωντο καὶ ὁ σεισμὸς ἀκριβῶς πέπαυτο" [1].

Τὴν ἐν τῷ διηγήματι τούτῳ ᾠδήν, αὐτὸ τοῦτο τροπάριον οὖσαν, οὐκ ἔχει τὸ μηναῖον τοῦ Ὀκτωβρίου κατὰ τὴν ἑορτὴν τῆς 26-ης ἡμέρας· ἀλλ' ἐπειδὴ ἐν τούτῳ στιχηρὰ τοῦ Συμεῶνος ὑπάρχουσιν ὁπωσδήποτε περὶ σεισμοῦ τινος, οὐδὲν ἡμᾶς κωλύει νομίζειν, ὅτι τοῦ μηναίου τὸ ῥηθὲν ἐξέπεσε τροπάριον. Τὸ διήγημα ὅμως, ὡς ἐν συνόψει προεξετέθη, σεισμὸν ὑπ' ὄψει μέγαν ἔχει, γενόμενον ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ τοῖς πλησίον τόποις ἐπιζημιώτατον, ἀλλ' ὅστις οὐδὲν ἔχει κοινὸν πρὸς τὸν ἐν τῷ Μηναίῳ μνημονευόμενον, μεμαρτυρημένου ὄντος οὐ μόνον ἐκ τοῦ συναξαρίου, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν χρονογράφων, ὅτι τῇ 26-ῃ τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου ἔτους 740-ου, βασιλεύοντος τοῦ Ἰσαύρου Λέοντος, ἐγένετο μέγας ἐν Κωνσταντινουπόλει σεισμός.

Κατὰ τὴν ἐν τῷ μηναίῳ ἐπιγραφὴν τρία τροπάρια τῷ Συμεῶνι προσήκουσιν, ὧν τὸ πρῶτον ἀμφιβάλλεται· καὶ ἔστιν ἀληθῶς νόθον· οὕτω δε καὶ τὸ δεύτερον, ὥσπερ ἀποδείκνυσιν ὁ γνήσιος ἀλλὰ τύποις ἀνέκδοτος ἔτι

---

1) Βίος τοῦ ὁσίου Συμεών, κεφ. 104—109 (Acta Sanctorum, τ. V τοῦ Μαιου, σ. 347—348).

βίος τοῦ Συμεῶνος· πᾶσαν γὰρ ἀμφιβολίαν περὶ τῶν τροπαρίων αὐτοῦ αἴρει ὁ τούτου βίος, ὃν ἔγραψεν Ἀρκάδιος ὁ μαθητὴς αὐτοῦ· εὗρον δὲ τὸν βίον τοῦτον ἐν Ἱεροσολύμοις [1]. Ἐν τούτῳ μὲν οὖν τῷ βίῳ ῥητῶς ἀναφέρεται τὸ ἐν τῷ μηναίῳ τρίτον καὶ τελευταῖον στιχηρὸν ἰδιόμελον τροπάριον· γνωρίζονται δὲ νῦν τὸ πρῶτον ἐξ αὐτοῦ καὶ δύο ἕτερα τροπάρια, ἅπερ ἀποδεικνύουσι τὰ νῦν ἰσάριθμα τοῦ μηναίου τρανῶς εἶναι ψευδεπίγραφα· ἀλλ' ἵνα τοῦ Συμεῶνος ἡ ὑμνογραφικὴ σημασία δηλοτέρα γένηται, παρατίθεμαι νῦν ἐνταῦθα τέσσαρα κεφάλαια τῆς ἔτι τύποις ἀνεκδότου συγγραφῆς Ἀρκαδίου, ἅπερ ὁ Οὐρανὸς μεταφράσας εἰς ὕφος ῥητορικὸν ἀσαφῆ κατέστησεν, ἀπορρίψας τὰ δεδηλωμένως ὑπὸ τοῦ Ἀρκαδίου προπαραδοθέντα δύο τροπάρια· ἔχουσι δὲ τὰ κεφάλαια ταῦτα ὧδε [2].

ρδʹ. Κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος καὶ εἶδε πᾶσαν τὴν γῆν κατεφθαρμένην, ὅτι κατέφθειρε πᾶσα σὰρξ τὴν ὁδὸν τοῦ Θεοῦ, καὶ οὐκ ἀπέκρυψεν οὐδὲν ἀπὸ τοῦ δούλου αὐτοῦ· εἶδε γὰρ ἑαυτὸν ἐν τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος ἐπὶ τὸ στῆθος αὐτοῦ ἔχοντα τὰ ἅγια εὐαγγέλια καὶ περιερχόμενον ἀπὸ Τύρου ἐπὶ τὰ Ἱεροσόλυμα καὶ τὰ κελλία τῶν τὴν ἔρημον οἰκούντων ἐπὶ παραφυλακῇ τοῦ μεσημβρινοῦ κλίτους, καὶ διατρέχοντα ἐκεῖθεν κατὰ Λαοδίκειαν καὶ ἐπὶ Ἀντιόχειαν κατὰ τὸ βόρειον κλῖτος περισπουδάστως, ἀπαντῆσαι δὲ αὐτῷ θίασον ἀγγέλων καὶ εἰπεῖν πρὸς αὐτόν· "τί ὅτι μέλλει σοι οὕτως; τίς ἐρεῖ ταῦτα τοῖς Ἀντιοχεῦσιν; αὐτοὶ λέγουσιν ἐναντία περὶ σοῦ, καὶ σὺ ἀγωνίζῃ ὑπὲρ αὐτῶν"; Ταῦτα ἰδὼν ἔφη πρὸς ἡμᾶς ὁ τοῦ Θεοῦ δοῦλος· "ὀργὴ μεγάλη ἐπίκειται τῷ κόσμῳ καὶ οὐκ οἶδα τί φράσαι πρὸς τὴν νῦν θεωρίαν· ἀλλὰ προσεύχεσθε, ἀδελφοί". Πάντων δὲ ἡμῶν φοβηθέντων καὶ αὐτοῦ λαλοῦντος πρὸς ἡμᾶς τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ, ἠλλοιώθη τὸ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ σιγήσας οὐκ ἐδίδου ἡμῖν ἀπόκρισιν, περίλυπος ὤν, ὥστε καὶ ἡμᾶς ἐν ἀγῶνι πολλῷ καὶ θλίψει γενέσθαι. Μιᾶς δὲ ὥρας διελθούσης ἐπερωτήσαμεν αὐτὸν περὶ τῆς θεωρίας· ἔφη δὲ πρὸς ἡμᾶς· "προσεύξασθε, ἀδελφοί, ἐκτενῶς τῷ Κυρίῳ, ἵνα μὴ εἰσέλθωμεν εἰς πειρασμόν· εἰ μὴ γὰρ ὁ οἰκτίρμων Θεὸς ἵλεως γένηται καὶ μετανοήσῃ ἐπὶ ταῖς κακίαις τῶν ἀνθρώπων, οὐ καταλειφθήσεται λίθος ἐπὶ λίθον· εἶδον γὰρ ἀφράστως τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ ἐν παντὶ τόπῳ τοῦ ἀέρος καὶ τῆς γῆς, ὡς μὴ εἶναι τόπον ἀπολιμπανόμενον τῆς φοβερᾶς τοῦ Θεοῦ δυνάμεως, καὶ συνέστρεφε πᾶσαν σχεδὸν τὴν κτίσιν, ἕως ἡρπάγη ἀπ' ἐμοῦ τὸ τῆς θεωρίας ἀποτέλεσμα, διὰ τὸ μὴ ὑπενεγκεῖν με τὰ δεδειγμένα ἅπαντα". Ταῦτα εἰπὼν πάλιν προσέθετο τοῦ θεωρῆσαι τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος, καὶ

1) Κῶδιξ 108-ος τῆς ἐκ τοῦ ἁγίου Σάβα συλλογῆς.
2) Παραλείπονται τὰ ἐν τῷ κώδικι σφάλματα.

εἶδε τοὺς οὐρανοὺς ἀνεῳγότας καὶ ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν ἄλλον ἀέρα ἄρρητον καὶ καθαρώτατον λίαν, καὶ αἱ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν ἐν τῷ ἀέρι ἐκείνῳ παρηστήκεισαν ἐν δυσὶ κλίταισι ταγμάτων, ὥσπερ ἐν συνθέσει, εἰς πρὸς τὸν ἕνα προσκείμενοι καὶ τὰς κεφαλὰς ἐπικλίνοντες· καὶ εἶδε, καὶ ἰδοὺ ὑπεράνω αὐτοῦ θρόνος ἐπαιρόμενος ἐν τῷ ἀέρι, οὐκ ἐπί τινος ἐστηριγμένος, φοβερὸς λίαν, καὶ ὁ κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐκαθέζετο ἐπάνω αὐτοῦ, καὶ ἡ ὀργὴ τοῦ θυμοῦ αὐτοῦ ἔμελλεν ἔρχεσθαι, καὶ οὐδεὶς ἦν τοῦ λιτανεῦσαι κατενώπιον αὐτοῦ· καὶ ἐν τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος ἔστη ὁ τοῦ Θεοῦ θεράπων πρὸ προσώπου τοῦ ἁγίου θρόνου ἐπὶ τοῦ ἀέρος, τῶν ἑκατέρων δυνάμεων φριττουσῶν, καὶ εἶπεν πρὸς τὸν Κύριον· «Ἄκουσόν μου, Κύριε ὁ Θεός μου, τοῦ δούλου σου καὶ σπλαγχνίσθητι, καὶ μὴ ποιήσῃς κατὰ τὸ ῥῆμα τῆς ὀργῆς σου, ἀλλὰ τῇ σῇ φιλανθρωπίᾳ διαλλάγηθι. Ἐν τῇ πρώτῃ Παρασκευῇ, ὅτε ἐκέλευσας στραφῆναι Ἀντιόχειαν, οὐκ ἦσαν ἐν αὐτῇ τριάκοντα δίκαιοι καὶ ἀπώλεσας αὐτοὺς μετὰ τῶν ἀσεβῶν; ἀλλὰ νῦν μὴ ποιήσῃς κατὰ τὸ ῥῆμα τοῦτο: ὁ κρίνων πᾶσαν τὴν γῆν, μὴ ἀπολέσῃς δίκαιον μετὰ ἀσεβοῦς". Ταῦτα ἐπρέσβευε περὶ τῶν κατοικούντων Ἀντιόχειαν καὶ τὰς πέριξ αὐτῆς πόλεις καὶ χώρας· καὶ εἶδεν, καὶ ἰδοὺ ὁ Κύριος ἠγαθύνετο ἐπὶ τοῖς λόγοις αὐτοῦ, καὶ ἐν τῇ ἐπιφανείᾳ τοῦ προσώπου αὐτοῦ ἐδηλοῦτο ἡδέως αὐτοῦ ἀκούων καὶ φάσις οὐκ ἐξήρχετο· γενόμενος δὲ ἐν ἑαυτῷ εἶπεν· "Ἐκτενῶς προσεύξασθε, ἀδελφοί· εὗρον γὰρ χάριν παρὰ τῷ Θεῷ τοῦ διασωθῆναι τὰς πέριξ ταύτας πόλεις καὶ χώρας". Καὶ ταῦτα εἰπὼν θεωρεῖ πάλιν ἐν τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος, ὅτι ἔστη ἐπὶ τοῦ αἰγιαλοῦ Σελευκείας, καὶ εἶδεν ἐπάνω τῆς θαλάσσης πρὸ προσώπου αὐτοῦ ἐν τῷ ἀέρι πλοῖον ἑστηκὸς ἀερινόν, καὶ ἐν τῷ πλοίῳ ἄγγελοι ἑστῶτες ἕτοιμοι, περιμένοντες τὴν ἐξουσίαν τοῦ πνεύματος, καὶ ἔστη τὸ πνεῦμα ἐπὶ τοῦ τόπου προσέχον τὸ πλοῖον κατὰ θάλασσαν· καὶ ἔσεισε τὰς δύο χεῖρας ἐν τῷ ἀέρι τρὶς καὶ ἔκλαυσε κλαυθμὸν μέγαν καὶ εἶπε· "Κόπτε καὶ ἀπὸ ῥιζοῦ ἀπορρίζωνε". Ὡς δὲ ἤκουσαν τοῦτο οἱ ἐν τῷ πλοίῳ ἑστηκότες, ἔδωκαν τὸ ἦχος αὐτῶν μέγα σφόδρα, ὥστε κινῆσαι πᾶσαν τὴν ἄβυσσον καὶ ἐξορμίσαι τὸ πλοῖον ἐν τῷ ἀέρι κατὰ τῆς παράλου, καὶ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ κατέπεσον πόλεις αὐτῆς καὶ χῶραι. Γενόμενος δὲ ἐν ἑαυτῷ εἶπεν· "Ἔτι ἐκτενῶς προσεύξασθε, ἀδελφοί, διότι πολὺς θυμὸς ἐπίκειται τῷ κόσμῳ· τὴν δὲ χώραν ταύτην διαφυλάξει Κύριος διὰ τὸ ἐμὲ ἐξαιτήσασθαι χάριν περὶ αὐτῆς· ἀλλὰ λιτανεύσωμεν· ἴσως γὰρ σπλαγχνισθήσεται ὁ Θεὸς ἐπὶ πάντων".

«ρε′. Καὶ διὰ τοῦ ἐν αὐτῷ ἁγίου πνεύματος ἐποιήσατο εὐθέως τροπάριν, καὶ ἐλάλησεν αὐτό — πάντα γὰρ ἐχαρίσθη αὐτῷ ποιεῖν εὐθὺς ἑτοίμως ἐκ τοῦ ἄγαν πλούτου τῆς δωρεᾶς τοῦ Θεοῦ, — καὶ συναθροίσας ἡμᾶς ἐδίδαξε· καὶ ἐποίησεν ἡμᾶς καὶ τοὺς λαούς, τοὺς ἐκ διαφόρων ἐπαρ-

γιῶν συνελθόντας, μηδὲν πρός τινα λέγοντας λιτανεῦσαι, ψάλλοντας οὕτως· "Νινευῖται τοῖς παραπτώμασι | τὴν διὰ σεισμοῦ κατάχωσιν ἤκουον· | ἐν δὲ τῷ μεσιτεύοντι σημείῳ τοῦ κήτους | τὴν διὰ τοῦ Ἰωνᾶ ἀνάστασιν | ἡ μετάνοια παρακαλεῖ· | ὡς ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ, Χριστὲ ὁ Θεός, | βοὴν λαοῦ σου μετὰ νηπίων καὶ κτηνῶν οἰκτείρας ἀπεδέξω, | φεῖσαι καὶ ἐλέησον, | ὅτι σὺ εἶ ὁ Θεὸς | Θεὸς τῶν μετανοούντων, | καὶ ἐν ἡμῖν δεῖξον τὴν ἀγαθότητά σου· | τρισάγιε, δόξα σοι". Ἐποίησεν δὲ ψάλλειν ἡμᾶς οὕτως καὶ λιτανεύειν ἐπὶ ἑξήκοντα ἡμέρας· ἔκλαιον δὲ οἱ ἀκούοντες ὄχλοι καὶ ἔλεγον· "Τί ἄρα ἔσται τοῦτο"; Πρὸ οὖν μιᾶς ἡμέρας τῆς Παρασκευῆς, ἐν ᾗ ἔμελλε γίνεσθαι ὁ μέγας σεισμὸς ἐκεῖνος, προσῆλθεν αὐτῷ ἡ κυρία Μάρθα, ἡ μήτηρ αὐτοῦ, δεομένη γνωσθῆναι αὐτῇ τὰ ἀποκαλυφθέντα αὐτῷ μυστήρια· ὁ δὲ ἐκβιασθεὶς ὑπ' αὐτῆς εἶπεν αὐτῇ· "Μέλλει, μῆτερ, γίνεσθαι σεισμός, οἷος οὐ γέγονε πώποτε, εἰ μὴ ἐν τῇ σταυρώσει τοῦ Κυρίου, καὶ πτώματα μεγάλα". Ἡ δὲ φοβηθεῖσα ᾔτησεν αὐτὸν παραυτίκα μεταλαβεῖν ἐκ τῶν χειρῶν αὐτοῦ τοῦ σωτηρίου σώματος καὶ αἵματος τοῦ Χριστοῦ, τοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, πρὸς φυλακτήριον. Τῇ δὲ ἑξῆς περὶ ὥραν δεκάτην τῆς ἡμέρας ἐσείσθη πᾶσα ἡ γῆ σεισμῷ μεγάλῳ, οἷον οὐδὲ αἱ παρελθοῦσαι πολλαὶ γενεαὶ ἀπεμνημόνευον γενέσθαι, καὶ ἔπεσαν πόλεις καὶ χῶραι τῆς παράλου, κατὰ τὴν ὀφθεῖσαν αὐτῷ θεωρίαν, καὶ τὰ ὄρη ἐθρύβη βίᾳ σχισθέντα· ἡ δὲ γῆ χάσματα ἔσχε κατὰ τόπους, καὶ ἡ θάλασσα ἔφυγεν ἐκ τοῦ τόπου αὐτῆς ἐπὶ πολλὰς τὰς ὥρας· τὰ δὲ πλοῖα ἐπὶ τοῦ ξηροῦ καταρραγέντα συνετρίβησαν. Ἀπὸ μέντοι Λαοδικείας κατὰ Ἀντιόχειαν ἐπὶ τὸ βόρειον κλῖτος ἔστησαν πάντα, μόνον πύργων τινῶν τοῦ τείχους καὶ τοίχων τῶν ἐκκλησιῶν διαρραγέντων· πτῶσις δὲ οὐ γέγονεν, κατὰ τὸν λόγον τοῦ ἁγίου· καὶ τὰ ἀπὸ Τύρου δὲ ἐπὶ τὰ Ἱεροσόλυμα καὶ τὸ μεσημβρινὸν κλῖτος διεφυλάχθη ὡσαύτως, κατὰ τὸ εἶδος τῆς θεωρίας αὐτοῦ. Ἰδόντες οὖν τὰ γενόμενα οἱ προακούσαντες τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ, σὺν τῇ κυρίᾳ τῇ μεγάλῃ ἔδραμον ἐν φόβῳ κλαίοντες καὶ προσκυνοῦντες αὐτῷ καὶ ἀπαγγέλλοντες πᾶσι τὰ μεγαλεῖα τοῦ Θεοῦ, τὰ δι' αὐτοῦ προαγγελθέντα.

αρς'. Ἐποίησε δὲ καὶ ἄλλο τροπάριν πρὸς τὰ γεγονότα καὶ ἐμέλισεν αὐτό, διδάξας τε αὐτὸ ἐπέτρεψε λιτανεύοντας ἡμᾶς ψάλλειν οὕτως· "Θαυμάσια τὰ ἔργα σου· | ἡ ψυχὴ ἡμῶν γινώσκει σφόδρα, | ἐξουσιαστὰ Χριστὲ ὁ Θεός· | τρόμος λήψεται τὰ ὄρη ἀπὸ σοῦ· | ἐσείσθη πᾶσα ἡ γῆ· | διεθρύβη τὰ ὄρη βίᾳ· | ἡ θάλασσα εἶδε καὶ ἔφυγε(ν)· | ἐκ νότου σκάφη τῇ ξηρᾷ ἀπέθετο· | ἐν ὀργῇ ἐλέους μνησθεὶς | τοὺς ὑπολειφθέντας σῶσον· | ἀναμάρτητε Κύριε, δόξα σοι". Μετὰ δὲ ἐνάτην ἡμέραν τοῦ σεισμοῦ ἐκείνου πάλιν εὐχόμενος ὁ τοῦ Θεοῦ δοῦλος εἶδεν ἑαυτὸν ἁρπαγέντα κατὰ βορρᾶν

Κωνσταντινουπόλεως, καὶ τὸ πνεῦμα ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτὴν καὶ ἔσεισε τρὶς τὰς χεῖρας καὶ ἔκλαυσεν ἐπ' αὐτὴν καὶ εἶπεν· "Οὐαὶ καὶ ταῖς ἄλλαις πόλεσιν, ὅτι καὶ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐπισκοπὴ γενήσεται μερικῶς". Ταῦτα προεωρακὼς ἔστενε καὶ ἐλυπεῖτο· συνιέντες δὲ ἡμεῖς, ὅτι ὀπτασίαν τινὰ ἑώρακεν, ἐβιασάμεθα αὐτὸν τοῦ ἀπαγγεῖλαι ἡμῖν· εὐξάμενος δὲ εἶπεν· "Μέλλει ἐπισκοπὴν ποιήσασθαι ὁ Θεὸς καὶ εἰς μέρος τῆς βασιλευούσης πόλεως, καὶ αἱ παρακείμεναι δὲ αὐτῇ πόλεις καὶ χῶραι μερικῶς καταπεσοῦνται". Παρῆν δέ τις τῶν φιλοχρίστων τῆς πόλεως Ἀντιοχείας κληρικός, ᾧ ὄνομα Ἰωάννης, ὃν ἰάσατο ἀλγοῦντα τὸν μηρὸν αὐτοῦ, καὶ μὴ δυνάμενος κινῆσαι. Οὗτος οὖν παρακροώμενος ἤκουεν, ὅτε ταῦτα ἔλεγεν ἡμῖν ὁ τοῦ Θεοῦ θεράπων, καὶ μεθ' ἡμέρας ἓξ ἐγένετο σεισμὸς μέγας ἐν Κωνσταντινουπόλει, καὶ κατὰ ῥεγεῶνας κατεστράφησαν ἐν μέρει οἶκοι πολλοὶ καὶ ἀπώλετο λαὸς πολὺς ἐν αὐτῇ· κατεστράφη δὲ καὶ ἡ Νικομήδεια καὶ τὸ Ῥήγιον, ἡ Νίκαια δὲ ἀπὸ μέρους, καὶ αἱ λοιπαὶ πόλεις αἱ πλησίον τοῦ Ἰλλυρικοῦ. Ἐγνώσθη δὲ ταῦτα ἐν Ἀντιοχείᾳ τῇ πόλει καὶ ἐγένετο πένθος ἐν αὐτῇ, καὶ ἐλιτάνευον νυκτὸς καὶ ἡμέρας· ἀκούσας δὲ ὁ φιλόχριστος ἐκεῖνος τὰ συμβεβηκότα δρομαῖος ἦλθε πρὸς τὸν ἄνθρωπον τοῦ Θεοῦ, θαυμάζων ἐπὶ τῇ ἐκβάσει τῆς προρρήσεως αὐτοῦ· ὃς ἤκουσε παρακροώμενος ἐξηγουμένου αὐτοῦ τοῖς ἀδελφοῖς, καὶ ἐδίδου δόξαν καὶ ἐξομολόγησιν τῷ υἱῷ τοῦ Θεοῦ, τῷ μηδὲν ἀποκρύπτοντι τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ, οἷς ἐθαυμάστωσεν ἐπὶ γῆς.

«ρζ'. Τότε οὖν ἐπιμεινάσης τῆς γῆς σειομένης, μηκέτι στέρξασα τὸν φόβον ἡ κυρία Μάρθα, ἡ μήτηρ αὐτοῦ, προσῆλθεν αὐτῷ λέγουσα· "παρακαλῶ σοι, τέκνον, σχολάσαι σήμερον εἰς εὐχὴν καὶ μηδένα τῶν συνελθόντων ὄχλων δέξασθαι, ὅπως δυσωπηθῇ ὁ Θεὸς καὶ παύσῃ τοὺς σεισμοὺς τούτους ἀπὸ τῆς γῆς". Εἰσήκουσε δὲ τῆς φωνῆς αὐτῆς καὶ ἠσφαλήσατο τὰς θύρας, καὶ ἦλθε τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ χαῖρον ἐπ' αὐτόν· καὶ ψάλλων ὁ ἅγιος τροπάριν ἐμμελῶς ἔλεγεν οὕτως· "Ὡς ἐπὶ Μωσέως πρεσβευόμενος ἱλάσθης ὁ Θεὸς τοῦ μὴ συντρῖψαι τὸν Ἰσραήλ, καὶ νῦν, Κύριε, παῦσον λιτανευόμενος τὴν ὀργὴν ἀπὸ τοῦ λαοῦ σου, συγχώρησιν ποιούμενος τῶν ποικίλων ἡμῶν ἁμαρτιῶν, ὡς μόνος ἀναμάρτητος. Χριστὲ ὁ Θεός, κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος, δόξα σοι". Μετὰ οὖν τὸ πληρῶσαι ταῦτα, τὸ παράκλητον πνεῦμα ἔφη πρὸς αὐτόν· "Οὕτω δίδαξον λιτανεῦσαι καὶ παύσονται οἱ σεισμοὶ ἀπὸ τῆς γῆς". Παραυτίκα δὲ καλέσας Συμεὼν τοὺς ἀδελφοὺς ἐποίησεν, ὡς προσετάχθη, καὶ οὐ προσέθετο ἡ γῆ ἔτι σαλευθῆναι ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης. Μηδεὶς οὖν ἀπιστείτω, μηδὲ ἀμφιβαλλέτω ταῦτα αὐτὸν ἐκδιδάξαι τὸ κύριον καὶ πανάγιον πνεῦμα, ἀλλὰ πιστῶς δεχόμενος καὶ βεβαίως κατέχων σὺν ἡμῖν δοξαζέτω τὸν Θεὸν ἐπὶ πᾶσι τοῖς γινομένοις διὰ τοῦ ἁγίου αὐτοῦ θεράποντος Συμεὼν».

Οὕτως ἔχουσι τὰ κεφάλαια τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς περὶ τοῦ ἁγίου Συμεῶνος, ἐξ ὧν οὗτος παραδίδοται συντάκτης εἶναι καὶ μελιστὴς τριῶν ἀσματικῶν τροπαρίων, οὐχὶ δ' ἑνός, ὡς ἔγραψεν ὁ Οὐρανός· τούτων δὲ τῶν τροπαρίων ἓν μόνον ἔσωσε τὸ μηναῖον τοῦ Ὀκτωβρίου· διὸ πιθανὸν ἤδη φαίνεταί μοι, ὅτι μετὰ τὴν ἐν τῷ μηναίῳ ἐπιγραφήν, περὶ ἧς εἶπον ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ λόγου, ὑπῆρχον μὲν καὶ τὰ τρία τροπάρια, καὶ μετὰ ταῦτα δύο ἕτερα μεταγενέστερα, διὰ δὲ σύγχυσιν αὐτῶν κατόπι τὰ μὲν δύο πρῶτα τοῦ Συμεῶνος ἐξεβλήθησαν, αὐτὰ δὲ τὰ μεταγενέστερα τὸν τόπον αὐτῶν κατέλαβον. Σῴζεται μὲν οὖν ἐν τῷ μηναίῳ νῦν ἓν καὶ μόνον τροπάριον τοῦ Συμεῶνος, ὅπερ ἐν μὲν τῷ βίῳ πρῶτον ἀριθμεῖται (κεφ. ρε΄), ἐν δὲ τῷ μηναίῳ τρίτον· τοῦτο δὲ πάλιν ἐνταῦθα διεφθάρη, καθὰ καὶ ἕτερα παλαιὰ τροπάρια, παρὰ τῶν μετέπειτα τῶν μηναίων ἐπιθεωρητῶν, ὡς δείκνυσιν ἡ συμπαραβολὴ τῶν κειμένων ἀμφοτέρων:

Βίος τοῦ ἁγίου Συμεών.

Νινευῖται τοῖς παραπτώμασι | τὴν διὰ σεισμοῦ κατάχωσιν ἤκουον· | ἐν δὲ τῷ μεσιτεύοντι σημείῳ τοῦ κήτους | τὴν διὰ τοῦ Ἰωνᾶ ἀνάστασιν | ἡ μετάνοια παρακαλεῖ· | ὡς ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ, Χριστὲ ὁ Θεός, | βοὴν λαοῦ σου μετὰ νηπίων καὶ κτηνῶν | οἰκτείρας ἀπεδέξω, | φεῖσαι καὶ ἐλέησον, | ὅτι σὺ εἶ ὁ Θεὸς | Θεὸς τῶν μετανοούντων, | καὶ ἐν ἡμῖν δεῖξον τὴν ἀγαθότητά σου· | τρισάγιε, δόξα σοι.

Μηναῖον, 26 Ὀκτωβρίου.

Νινευῖται τοῖς παραπτώμασι | τὴν διὰ τῆς τοῦ σεισμοῦ ἀπειλῆς κατάχωσιν ἤκουον· | ἐν δὲ τῷ μεσιτεύοντι σημείῳ τοῦ κήτους | τὴν διὰ τοῦ Ἰωνᾶ ἀνάστασιν | ἡ μετάνοια παρακαλεῖ· | ἀλλ' ὡς ἐκείνους | βοῇ λαοῦ σου μετὰ νηπίων καὶ κτηνῶν | οἰκτείρας προσεδέξω | καὶ ἡμᾶς παιδευομένους | διὰ τῆς τριημέρου ἀναστάσεως | φεῖσαι καὶ ἐλέησον.

Οὐδὲν ἧττον ἡ συμπαραβολὴ τοῦ τροπαρίου τούτου μαρτυρεῖ, νομίζω, τοῦτο· ὅτι κανονισθείσης τῆς μνήμης τοῦ σεισμοῦ τῆς 26-ης Ὀκτωβρίου, τοῦ γενομένου ἔτει 740-ῷ, καθ' ὅν, ὡς λέγει τὸ συναξάριον, ἐπηνέχθη "μετὰ φιλανθρωπίας φοβερὰ τοῦ σεισμοῦ ἀπειλή", τὸ ῥηθὲν τροπάριον τοῦ Συμεῶνος ἐξ ἑτέρου τόπου τῶν μηναίων παραληφθὲν μετὰ τῶν ἑτέρων δύο τοῦ αὐτοῦ μετηλλάχθη καὶ πρὸς τὸν σκοπὸν ἡρμόσθη τῆς ἑορτῆς. Ἀλλ' ἐν ποίῳ μηναίῳ τὰ τροπάρια τοῦ Συμεῶνος ἔκειντο πρότερον; τίνος δὲ χρόνου σεισμὸν εἶχον ὑπ' ὄψει; Τὰ ἐρωτήματα ταῦτα μένουσι τό γε νῦν ἄλυτα κατ' ἐμέ. Εἰκάζω δὲ μόνον, ὅτι τὰ τροπάρια τοῦ Συμεῶνος ἐν αὐτῷ τῷ μηναίῳ

τοῦ Ὀκτωβρίου περιείχοντο κατ' ἄλλην ἑορτὴν αὐτοῦ πρότερον, ἥτις, ὡσαύτως ἀνάμνησιν σεισμοῦ τινος ἐτέλει. Ὁ Janinghius νομίζει, ὅτι τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Συμεῶνος ἡ διήγησις ὑπαινίσσεται σεισμὸν μηνὶ αὐγούστῳ γενόμενον ἔτει 554-ῳ[1], καθ' ὅν, ὡς ὁ Μαλάλας ἱστορεῖ, ἐν μὲν τῇ Κωνσταντίνου πόλει πολλὰ οἰκήματα καὶ λουτρὰ καὶ ναοὶ καὶ μέρη τῶν τειχῶν αὐτῆς τῆς πόλεως ἔπαθον, ἔξω δὲ ταύτης πόλεις ἕτεραι πολλαί, ἐξ ὧν καὶ ἡ Νικομήδεια μέρος αὐτῆς ἀπώλεσε καταπεσόν. Οὐχ ἧττον ὅμως τὰ ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Συμεῶνος ἱστορούμενα περὶ τοῦ σεισμοῦ κατ' ἀκρίβειαν ἐκ τῶν χρονογράφων ἀνερμήνευτα μένουσι· διὸ καὶ νομίζω μᾶλλον, ὅτι σεισμοῦ τὴν ἀνάμνησιν ποιοῦσι, περὶ οὗ σιγῶσι τὰ χρονικά. Τὰ τετυπωμένα μηναῖα τοῦ Ὀκτωβρίου μνημονεύουσιν, ὡς εἴρηται, μόνον τοῦ σεισμοῦ τοῦ ἐπὶ Λέοντος Ἰσαύρου· ἀλλ' ἔν τισι χειρογράφοις συναξαρίων περιφέρεται σεισμοῦ ἀνάμνησις ὁτὲ μὲν τῇ πέμπτῃ, ὁτὲ δὲ τῇ ἑβδόμῃ ἡμέρᾳ τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου, περὶ οὗ οὐδὲν ἀπολύτως ἀκριβὲς γινώσκεται[3]. Τοῦτον δὲ πάλιν τὸν σεισμὸν ἕτερον συναξάριον, ὅπερ εἶδον ἐγὼ ἐν Ἱεροσολύμοις, ὁρίζει μὲν ὡσαύτως τῇ 7-ῃ τοῦ αὐτοῦ μηνός, προστίθησι δ' ὅμως ταῦτα· "τελεῖται δὲ ἅμα τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἡ μνήμη τοῦ μεγάλου σεισμοῦ· ἡ δὲ ἀκολουθία γίνεται οὕτως. Μετὰ τὸν ὄρθρον τῆς ἐκκλησίας ἀπέρχεται ὁ πατριάρχης (Κ/πόλεως) εἰς τὴν Ἁγίαν Ἀναστασίαν μετὰ τῆς λιτῆς ἐν τοῖς Δομνίνου ἐμβόλοις καὶ γίνονται ἐκεῖσε ἀντίφωνα τρία"[4] μεθ' ἃ συνεχίζεται τῆς λιτῆς ἡ περιγραφή, ἣν ἐγὼ παραλείπω νῦν ἐνταῦθα. Οὐδὲν δὲ περὶ τοῦ σεισμοῦ τούτου λέγεται καὶ ἐν τῷ συναξαρίῳ τούτῳ, δυνάμενον ὁρίσαι τὸν χρόνον αὐτοῦ.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

1) Acta Sanctorum, τ. V τοῦ Μαΐου, σ. 349.
2) Μαλάλα σ. 486—487 ἐκδ. Βόννης.
3) Архим. Сергія, Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II, с. 266, 268.
4) Κῶδιξ 40-ὸς τῆς ἐκ τοῦ Σταυροῦ συλλογῆς, φύλλ. 22 b.

Хрисовуллъ императора Андрея Палеолога 13 апрѣля 1483 года.

По смерти императора Константина въ 1453 г. въ Мореѣ остались два брата его, Димитрій и Ѳома. Права на византійскій престолъ перешли къ старшему изъ нихъ Димитрію, но въ 1460 г. онъ попался въ плѣнъ и его отвели въ Константинополь, гдѣ онъ отдалъ дочь свою въ гаремъ султану. Наслѣдникомъ византійскаго престола сдѣлался младшій братъ Димитрія, Ѳома, но и онъ не былъ въ состояніи держаться въ Мореѣ и бѣжалъ на островъ Корфу къ венеціанцамъ. Оттуда, по предложенію кардинала Виссаріона, Ѳома отправился въ Римъ, гдѣ получалъ содержаніе отъ папы, коллегіи кардиналовъ и Венеціи. Ѳома мечталъ о дѣйствительномъ возстановленіи своихъ правъ на имперію при помощи Запада, преимущественно же папы и Венеціи, но смерть его, послѣдовавшая въ 1465 г., положила предѣлъ его планамъ[1]).

Семейство Ѳомы состояло изъ двухъ дочерей Елены и Зои и двухъ сыновей Мануила и Андрея. Старшая дочь Елена вышла замужъ въ 1446 г. за короля сербскаго Лазаря II и по смерти мужа своего удалилась въ монастырь. Остальныя трое дѣтей по смерти отца воспитывались въ Римѣ по особой программѣ, составленной Виссаріономъ. Они получали содержаніе отъ Римской куріи и имѣли свой скромный дворъ; Виссаріонъ упоминаетъ одного медика, одного профессора греческаго языка, одного профессора латинскаго языка, одного переводчика,

[1]) О послѣднихъ Палеологахъ см. К. Σάθα, Τουρκοκρατουμένη Ἑλλάς. Ἀθήνησι 1869, стр. 52 сл. Ѳ. Успенскаго, Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887, стр. 26 сл. Pierling, La Russie et l'Orient. Mariage d'un Tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paléologue. Paris 1891, стр. 5 сл., 148 сл., 207 сл. То же самое на русскомъ языкѣ: Пирлингъ, Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ. Спб. 1892, стр. 6 сл., 136 сл., 232 сл.

одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Вообще Виссаріонъ совѣтуетъ молодымъ царевичамъ жить какъ латины, одѣваться какъ латины, посѣщать латинскую церковь, преклонять колѣна предъ кардиналами и вести себя смиренно и покорно предъ папой. «У васъ будетъ все», говоритъ онъ, «если вы станете подражать латинамъ; въ противномъ случаѣ вы не получите ничего»[1]).

Зоя Палеологъ около 1467 года по предписанію папы и при посредствѣ кардинала Виссаріона была обручена съ княземъ Караччіоло. Съ 1469 г. началась переписка съ Москвою, мысль пристроить ее здѣсь несомнѣнно принадлежала Виссаріону. Въ 1472 г. состоялся бракъ Зои, или Софьи по русской лѣтописи, съ Иваномъ III. Это событіе и послужило однимъ изъ главныхъ основаній для представленія о переходѣ къ московскимъ государямъ наслѣдственныхъ правъ на православное восточное царство.

Мануилъ и Андрей не оправдали надежды Виссаріона, подъ наблюденіемъ котораго они воспитывались. Мануилъ, человѣкъ предпріимчивый, не довольствуясь своимъ положеніемъ въ Римѣ, въ 1473 г. бѣжалъ въ Константинополь, принялъ магометанскую вѣру и получилъ отъ султана ожидаемую за то награду. Съ этого времени Андрей сдѣлался единственнымъ законнымъ представителемъ всей династіи Палеологовъ и правъ ея на византійскій престолъ и сталъ носить титулъ византійскаго императора.

Современники отзываются неблагопріятно о личности Андрея Палеолога. Эльзасецъ Бурхардъ, церемоніймейстеръ Иннокентія VIII и Александра VI, называя его императоромъ константинопольскимъ, упоминаетъ о немъ, что въ торжественные дни онъ присутствовалъ на папскомъ служеніи[2]). Мы узнаемъ изъ дневника Бурхарда, что Андрей пріобщался изъ рукъ папы[3]) и при торжественныхъ церемоніяхъ подавалъ ему кувшинъ съ водою для омовенія рукъ[4]), но вообще не занималъ выдающагося мѣста. Бурхардъ разсказываетъ, что напримѣръ въ праздникъ Срѣтенія Господня кардиналы получали бѣлыя свѣчи, а Андрею папа хотѣлъ дать обыкновенную красную и только послѣ большихъ настояній онъ получилъ присвоенную карди-

1) Phrantzes, IV, 21, ed. Bonn. p. 416—423.
2) Joannis Burchardi Diarium. Paris 1883—1884, т. I, стр. 174, 238, 272, 297; II, стр. 65, 104, 425, 545 и 558, къ 1486, 1487, 1488, 1494, 1498 и 1499 гг.
3) II, 104.
4) I, 272, II, 65.

наламъ[1]). Однажды при церемоніи въ папской капеллѣ Палеологъ долженъ былъ стоять позади герцога Штетинскаго и на жалобу свою получилъ отвѣтъ, чтобы въ присутствіи герцога не приходилъ въ капеллу[2]). Ѳедоръ Спандуньино сообщаетъ объ Андреѣ, что онъ проживалъ въ Римѣ въ большой бѣдности и нищетѣ[3]). Еще невыгоднѣе объ Андреѣ отзывается венеціанскій посолъ въ Римѣ Антоніо Джустиніанъ, который въ 1502 г. сообщаетъ, что папа хотѣлъ сдѣлать Палеолога начальникомъ надъ отрядомъ конницы, причемъ Джустиніанъ прямо называетъ его: el fiol del despoto della Morea, che è persona de poco valor, per fama pubblica per tutta Roma, benchè l'aspetto suo mostri altramente[4]). Андрей оставался открытымъ католикомъ и женился на гречанкѣ низкаго происхожденія по имени Екатеринѣ[5]). Онъ умеръ въ Римѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1502 г., не оставивъ потомства.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что Андрей серьезно думалъ о возстановленіи своихъ правъ на византійскій престолъ при военной помощи Запада. Вмѣсто этого онъ объѣзжалъ Европу и за деньги продавалъ свои наслѣдственныя права не только государямъ, но также и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Однимъ изъ документовъ, указывающихъ на такого рода продажу, служитъ издаваемый нами ниже хрисовуллъ Андрея Палеолога. Мы считаемъ не безъинтереснымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на немъ и вообще на другихъ ему подобныхъ документахъ.

Въ 1491 году Андрей отправился въ Туръ къ Карлу VIII. Онъ получилъ отъ юнаго короля пенсію въ 723 ливра въ вознагражденіе за свои расходы по путешествію во Францію для разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, касавшихся блага французскаго королевства, и въ ожиданіи лучшей награды и обезпеченія, и за симъ 350 ливровъ на возвращеніе въ Римъ[6]).

Къ 1494 г. относится совершеніе любопытнаго акта. 6 сентября того года, послѣ божественной службы въ церкви св. Петра въ Мон-

1) I, 74, 238.

2) II, 425.

3) Theodoro Spandugnino, De la origine deli imperatori Ottomani, у Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, t. IX, p. 157.

4) Antonio Giustinian, Dispacci. Firenze 1876, т. I, стр. 164.

5) Пирлингъ, Приложеніе IX, стр. 234 сл.

6) Пирлингъ, стр. 234, приводитъ относящіеся сюда документы: Bibl. Nation., Pièces originales, 49378; Archives Nation., K. 74 nº 32, Cartons des rois; Госуд. архивъ въ Неаполѣ, Esecutoriali X, стр. 189.

торіо въ Римѣ, кардиналъ Раймондъ Перро и Андрей въ присутствіи свидѣтелей и нотаріевъ составили актъ, въ силу котораго Андрей уступилъ Карлу VIII и его законнымъ наслѣдникамъ всѣ права свои на имперію Константинопольскую и Трапезунтскую, на деспотство Сербію и на всѣ владѣнія, герцогства и графства, зависимыя отъ названной имперіи, со всѣми титулами, инсигніями, привилегіями и прерогативами съ ними соединенными. Кардиналъ Раймондъ обѣщалъ отъ имени Карла VIII ежегодную пенсію въ 4.300 дукатовъ, сотню копьеносцевъ, содержимыхъ на счетъ французскаго правительства, участокъ земли съ доходами въ 5.000 дукатовъ, союзъ для возвращенія Андрею деспотства Мореи и поддержку для обезпеченія на будущее время исправной уплаты ему пенсіи въ 1.800 дукатовъ, назначенной ему папою Сикстомъ IV. Этотъ договоръ долженъ былъ подвергнуться санкціи французскаго короля въ теченіи извѣстнаго времени и долженъ былъ получить законную силу только со времени оффиціальнаго его признанія. Подлинный договоръ, совершенный Андреемъ съ кардиналомъ Раймондомъ, сохранился [1]). Состоялась ли ратификація его со стороны французскаго короля — неизвѣстно. По свидѣтельству Райнальди, Карлъ VIII заявилъ папѣ Александру VI, что Андрей Палеологъ уступилъ ему всѣ права на византійскую имперію съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему возвращено было Морейское деспотство [2]). Духовное завѣщаніе Андрея 1502 г. противорѣчитъ этому показанію.

Извѣстный испанскій историкъ XVI в. Цурита сообщаетъ намъ о другомъ сходномъ документѣ Андрея Палеолога, въ силу котораго тѣ же самыя права на византійскій престолъ онъ завѣщалъ Фердинанду и Изабеллѣ Испанскимъ [3]). Онъ говоритъ, что Андрей Палеологъ, деспотъ Морейскій, считавшій себя порфирогеннитомъ и единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ восточныхъ императоровъ, бу-

---

1) Подлинный договоръ находился въ Капитолійскомъ архивѣ въ Римѣ, а затѣмъ былъ уступленъ Людовику XV, 9 октября 1740 г. и хранится теперь въ Парижѣ, *Bibl. Nat. Fonds latins, 10408*, стр. 87—95. Онъ былъ изданъ Foncemagne, Eclaircissements historiques. Sur quelques circonstances du voyage de Charles VIII en Italie, et particulièrement sur la cession que lui fit André Paléologue, du droit qu'il avoit à l'empire de Constantinople, въ Mémoires de litt. de l'Académie R. des inscript. et belles lettres, XVII (1751), стр. 539 — 578. Ср. Coll. Fontanieu, pontif. 149—150, у Ioh. Burchard, Diarium, II, p. 667. Пирлингъ, стр. 234.

2) Ann. eccles., a. 1494, c. 29, t. XXX, p. 224.

3) Geronymo Curita, Historia del Rey Don Hernando el Catolico (составляетъ т. V его Annales de Aragon). Lib. IV, cap. XXXIX. De la donacion que se hizo al Rey, y Reyna de Espana, por el Despoto de la Morea, del derecho de la succession del Imperio de Constantinople.

дучи изгнанъ изъ своего отечества турками, обращался ко всѣмъ западнымъ государямъ съ просьбою о содѣйствіи. Нигдѣ ему не оказывали столько почета, сколько при дворѣ короля и королевы Испаніи, которые дали ему большое и щедрое вознагражденіе[1]). Андрей предложилъ имъ изъ Южной Италіи и Сициліи переправить войско въ Морею и оттуда постепенно завладѣть Македоніей, Ѳракіей и Константинополемъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, совершенномъ 7 апрѣля 1502 г., Палеологъ назначилъ названныхъ королей своими преемниками[2]) и, будучи преклонныхъ лѣтъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по смерти похоронили его въ Римѣ въ соборѣ св. Петра возлѣ отца его, деспота Ѳомы. Такимъ образомъ, Цурита сообщаетъ о другомъ актѣ продажи наслѣдственныхъ правъ Андрея Палеолога, какимъ представлялся и предыдущій документъ 1494 г.

Извѣстно, что Цурита весьма тщательно и добросовѣстно пользовался источниками и документами для своего труда. Притомъ онъ занимался исключительно въ архивахъ и библіотекахъ Испаніи и вообще никогда не выѣзжалъ за предѣлы своего отечества. Повидимому, онъ имѣлъ въ рукахъ упомянутый документъ въ подлинникѣ или въ копіи, слѣдовательно, документъ въ то время долженъ былъ находиться въ одномъ изъ архивовъ Испаніи. Однако, наши поиски въ Испаніи оказались тщетными: документа не оказалось ни въ Мадридѣ, ни въ государственномъ архивѣ въ Симанкасѣ, ни въ архивѣ арагонской короны въ Барцелонѣ. Повидимому, документъ находился въ архивѣ Арагонскихъ королей въ Сарагосѣ, который сгорѣлъ во время Наполеоновскихъ войнъ.

Третьимъ любопытнымъ документомъ Андрея Палеолога является нынѣ разсматриваемый и издаваемый нами хрисовуллъ этого императора. Хрисовуллъ находится въ архивѣ герцоговъ Альба въ Мадридѣ, въ числѣ бумагъ дома Осорно, подъ № 43, и написанъ на пергаменѣ.

Хрисовуллъ отъ имени Андрея Палеолога императора константинопольскаго назначается Петру Манрику графу Осорно. Въ немъ заключается слѣдующее заявленіе Андрея: «Мы даемъ, жалуемъ и даруемъ вамъ, вышеназванному Донъ Петру Манрику, графу Осорно,

---

1) El Rey y Reyna de España, que le hizieron muchas y muy señaladas mercedes.

2) è instituyò por herederos, y a sus successores, y decendientes ..... Esto dexò ordenando aquel Principe por este tiempo en su testamente a siete del mes de Abril del anno siguiente de MDII.

и вашимъ законнымъ наслѣдникамъ и преемникамъ, что вы можете и они могутъ и вамъ разрѣшается носить оружіе и инсигніи константинопольскихъ императоровъ Палеологовъ, ими пользоватся и ими украшаться гдѣ и когда возможно, но съ тѣмъ, что вы не можете и они не могутъ передать ихъ другимъ. Сверхъ сего мы жалуемъ вамъ и вашимъ преемникамъ, что вамъ предоставляется поставлять и назначать на должности палатинскихъ графовъ, поставлять и вооружать воиновъ (возводить въ рыцарское достоинство врученіемъ оружія), незаконнорожденныхъ признавать законными до степени епископа и графа, предоставляя другихъ высшихъ Нашему Императорскому Величеству, и когда вами совершены будутъ указанныя дѣйствія, то есть врученіе оружія, производство въ графы палатины, узаконеніе незаконнорожденныхъ, то мы заранѣе скрѣпляемъ ихъ Нашею Императорскою властію. Сверхъ сего мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы такіе назначенные вами графы, вами поставленные и вооруженные воины и признанные законными незаконнорожденные имѣли, достигали и пользовались такими же званіями, почестями, преимуществами и привилегіями, какими пользуются назначенные Нами графы, вооруженные воины и признанные законными незаконнорожденные, и они пользовались и имъ предоставлялись одинаковыя льготы».

Хрисовуллъ данъ при епископскомъ дворѣ въ г. Коріи въ Испаніи, 13 апрѣля 1483 года, въ 10-й годъ царствованія Андрея Палеолога. На немъ находится обычная подпись византійскихъ императоровъ красными чернилами: ἀνδρέας εν χριστῶ τῶ θεῶ πιστος βασιλευς και αυτωκρατωρ ρωμαιων ο παλαιολογος [1]). На нижней части пергамена сохранились слѣды шелковаго шнура, на которомъ была прикрѣплена золотая печать, но самая печать не сохранилась [2]).

Настоящій хрисовуллъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что Андрей Палеологъ открыто пользовался правами, принадлежавшими византійскимъ императорамъ, свое царствованіе считалъ по годамъ, раздавалъ титулы и званія, въ удостовѣреніе чего выдавалъ хрисовуллы по образцу, принятому въ канцеляріи византійскихъ императоровъ. Несомнѣнно, этотъ документъ слѣдуетъ разсматривать

1) Ошибка въ правописаніи слова αυτωκρατωρ вмѣсто αὐτοκράτωρ и полное почти отсутствіе знаковъ придыханія и ударенія доказываетъ, что Андрей, получившій воспитаніе на Западѣ, недостаточно зналъ греческій языкъ.

2) Герцогиня Альба нѣсколько лѣтъ тому назадъ издала рядъ документовъ изъ своего архива. Это изданіе намъ было недоступно, а потому мы не знаемъ, входитъ ли настоящій хрисовуллъ въ составъ его.

какъ актъ продажи Андреемъ извѣстныхъ императорскихъ правъ и прерогативъ за деньги, подобно вышеупомянутымъ двумъ актамъ 1494 и 1502 гг. Тѣмъ лицомъ, которому Палеологъ въ настоящемъ хрисовуллѣ жалуетъ права, является знатный испанецъ Петръ Манрикъ, графъ Осорно, герцогъ Галистейскій, главный начальникъ Кастиліи. Онъ былъ старшимъ сыномъ графа и герцога Гавріила Манрика, оказавшаго очень большія услуги королямъ Іоанну II и Генриху IV кастильскимъ. Самъ Петръ Манрикъ занималъ высокое положеніе при дворахъ Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонскаго и принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ съ арабами[1]).

Въ заключеніе укажемъ еще на то, что Андрей въ 1480 и 1490 гг. былъ въ Москвѣ, гдѣ пробылъ весьма непродолжительное время. Въ русскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ только выраженіе, что одно изъ этихъ путешествій стоило сестрѣ его Софьѣ большихъ денегъ [2]). Проф. Успенскій[3]) по этому поводу полагаетъ, что Андрей продалъ титулъ и права на византійскую имперію также и русскому царю Ивану III и актъ продажи долженъ находиться въ архивахъ Ватикана. Дѣйствія Андрея по отношенію къ Карлу VIII, Фердинанду и Изабеллѣ дѣйствительно даютъ на такое предположеніе извѣстное право. Однако, относительно окончательной продажи всѣхъ наслѣдственныхъ правъ Палеолога на византійскій престолъ русскому царю можно сомнѣваться, такъ какъ въ такомъ случаѣ Андрей не имѣлъ бы возможности въ 1494 г. запродать тѣ же права французскому королю, а въ 1502 г. тѣ же права завѣщать королямъ испанскимъ.

Сообщаемъ текстъ разсматриваемаго нами хрисовулла 1483 г.

Andres Paleologus Dei gratia fidelis Imperator Constantinopolitanus &. Imperatorum, Regum atque Principum est ipsisque iniunctum et dignitatis consonum prope etiam naturale largas laxare habenas in largiendo quibuscumque benemeritis, et eis quorum virtutes decora sunt ornamentaque pulsant et impellunt, ut ad liberalitatem principes inducantur, et si isti horum habentur digni et tales ingenue reputantur, quanto magis ii, quibus merita, virtutes, obsequia et dignitatis excellencia plurimum illustrat, presertim si claritas generis his subcenturia-

---

1) См. Alonso Lopez y Haro, Nobiliario genealogico de los Reyes y titulos de España. tom. I. Madrid 1622. cap. XIX. De Titulo y Condado de Osorno, y Ducado de Galisteo.

2) П. С. Р. Л. VI, 20, 35, 37, 223, 235.

3) l. c., стр 28, 31. См. также Пирлингъ, стр. 169.

tur. Hinc est quod attentis virtute, nobilitate generis, magnitudine, coniucti sanguine clarissimorum Ispaniarum Principum nobisque, precipue meritis etiam et obsequiis erga nos tam humaniter gestis, quibus uos Magnificus ac Illustris Don Petrus Manrique, Comes de Osorno, totius Castelle maximus comendator, affinis noster carissimus prosequutus nos estis, gratitudo ipsa nos compellat atque debitum nostrae Imperatoriae dignitatis, quatenus ad graciam reddamus liberales. Idcirco presentium tenore de certa nostra sciencia, motu proprio consulto ac deliberate, damus, concedimus ac donamus uobis qui supra Don Petro Manrique, Comiti de Osorno, heredibusque ac succesoribus uestris legitime intrantibus, quod possitis et possint ac liceat arma ac insignia Imperatorum Constantinopolitanorum Paleologorum ferre et uti ipsisque insigniri quomodo et quando et ubi licuerit, dummodo ea largiri aliis non possitis nec possint. Concedimus insuper uobis ac successoribus uestris, ut supra, Comites palatinos facere et creare, milites et facere et armare, spurios legitimare usque ad archiepiscopalem Comitumque gradum, reservantes alios maiores nostre Imperiali Maiestati, quibus armorum delacione, Comitum palatinorum creatione, militum factione, spurium legitimatione et singulis per uos circa prefata gestis interponimus nostram Imperialem auctoritatem. Volumus insuper et placet quod tales Comiti[1]) per nos militesque armati ac creati spuriique legitimati has dignitates, honores, prerogativas atque privilegia habeant et assequantur ac gaudeant qualia habent ac gaudent per nos creati comites militesque armati ac spurii legitimati, ipsisque immunitatibus gaudeant ac decorentur. In quorum fidem ac testimonium presentes nostras litteras magno Maiestatis nostrae chrisobulo pendente munire jussimus, iisque grecis rubeis more nostro imperiali subscripsimus. Datum in civitate Corie apud episcopatum, die XIII mensis aprilis, anno a nativitate domini Millesimo CCCCLXXXIII, Imperii vero nostri X⁰.

† ἀνδρέας εν χριστῶ τῶ θεῶ πιστος βασιλευς και αυτωκρατωρ ρωμαιων ο παλαιολογος †.

В. Регель.

---

1) an Comites?

Византійская печать съ именемъ русской княгини.

Предлагаемая небольшая замѣтка не нова по своей темѣ: ею занимались уже Шлёмберже и гр. И. И. Толстой, но только безрезультатность ихъ поисковъ дала намъ смѣлость снова затронуть этотъ вопросъ.

А вопросъ этотъ касается брака какого-то князя русскаго на гречанкѣ Ѳеофаніи Музалониссѣ. Печать находится въ богатой византійской коллекціи извѣстнаго ученаго и знатока старыхъ монетъ и печатей Шлёмберже и издана имъ въ точномъ снимкѣ въ его «Византійской сигиллографіи»[1]). На одной сторонѣ ея читается: $\overline{\chi\varepsilon}$ $\overline{\beta\vartheta}$ τη ση δουλη θεοφανου (sic) αρχοντηση ρωσιας τη μουζαλωνηση (= Господи, помози рабѣ твоей Ѳеофаніи, княгинѣ русской, Музалониссѣ, изъ рода Музалоновъ), а на другой имѣется изображеніе двухъ святыхъ, поддерживающихъ икону Спасителя, со стершимися подписями. Самъ издатель печати заинтересовался надписью и въ предѣлахъ ему доступныхъ разсмотрѣлъ ея содержаніе и отношеніе къ Россіи; однако выводы его оказались неопредѣленными: въ двухъ святыхъ онъ видѣлъ, съ оговорками, Кирилла и Меѳодія; что же касается до князя русскаго, то, не найдя въ русскихъ лѣтописяхъ ничего подходящаго, сознался въ своей некомпетентности и предоставилъ изслѣдованіе надписи русскимъ историкамъ. Особенно важнымъ для насъ является его показаніе, что время появленія печати относится къ XI или XII вѣку. Такой тонкій знатокъ, какъ Шлёмберже, становится въ этомъ случаѣ источникомъ, на свидѣтельство котораго мы должны опираться, и успѣхъ объясненія печати будетъ зависѣть между прочимъ и отъ того, поскольку близко мы подойдемъ къ его датѣ. Всѣ теоріи, пренебре-

1) G. Schlumberger, Sigillographie byzantine. Paris 1881 p. 432, 433, 683.

гающія временнымъ признакомъ, тѣмъ именно и грѣшатъ противъ исторической истины, что кромѣ нѣкоторыхъ присущихъ имъ, какъ теоріямъ, недоумѣній и трудностей, увеличиваютъ трудность пониманія еще однимъ несогласнымъ свидѣтельствомъ, что мы видимъ на примѣрѣ пресловутой греческой записки топарха.

Надпись на печати — греческая, и естественно прежде всего обратиться къ Византіи. Но Византія не даетъ отвѣта и не рѣшаетъ вопроса. Правда, фамилія Музалоновъ не безызвѣстна въ средневѣковой греческой исторіи: въ половинѣ XII вѣка на константинопольской патріаршей каѳедрѣ возсѣдалъ Николай Музалонъ, бывшій епископъ кипрскій; въ XIII вѣкѣ Музалоны были и великими доместиками и посланниками, въ XIV вѣкѣ гетеріархами и друнгаріями. Намъ не зачѣмъ спускаться ниже, можно довольствоваться и тѣмъ, что фамилія Музалоновъ существовала въ Византіи въ XII и быть можетъ въ XI вѣкѣ и стало быть русскій князь женился на греческой аристократкѣ.

Отъ Византіи переходимъ на Русь. Въ лѣтописяхъ, какъ замѣтилъ еще Шлёмберже, нѣтъ ни одной княгини Ѳеофаніи, такъ что въ занимающемъ насъ вопросѣ онѣ оказываются пока безполезными. Въ записи на Остромировомъ Евангеліи (1056 года) упоминается Ѳеофанія, супруга новгородскаго посадника Остромира, но во первыхъ неизвѣстно, откуда она родомъ, а во вторыхъ, и это главное, посадникъ не былъ ἄρχων Ῥωσίας. Почти неожиданное разрѣшеніе загадки находимъ въ одномъ синодикѣ или поминальникѣ. Это извѣстный Любечскій синодикъ (черниговской епархіи), издававшійся и ранѣе, но теперь давшій возможность г. Зотову написать прекрасное сочиненіе о черниговскихъ князьяхъ. Въ этомъ синодикѣ супругою князя Олега-Михаила Святославича поименована Ѳеофанія[1]). Князь Олегъ жилъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, то-есть въ то время, къ которому Шлёмберже относитъ появленіе печати.

Имя Олега составляетъ одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи, въ эпоху раздоровъ, крамолы, союзовъ князей съ врагами Руси — половцами. Сынъ черниговскаго князя Святослава Ярославича, Олегъ, всю свою тревожную и безпокойную жизнь провелъ въ борьбѣ изъ-за обладанія черниговскимъ

1) В. Зотовъ, О Черниговскихъ князьяхъ. Спб. 1892, стр. 24: «князя Михаила Чернѣговскаго и княгиню его Ѳеофанну» (Лѣтоп. Занятій Археограф. Комиссіи. Спб. 1893, IX).

княжествомъ. Для достиженія цѣли онъ не стѣснялся никакими средствами, но особенно пользовался услугами наемныхъ половцевъ. «Мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше»; «при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбога внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратиша...; съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрелы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкыи». Сначала онъ былъ княземъ владимірскимъ на Волыни (1073—1076), но былъ лишенъ стола и содержался въ почетномъ заключеніи въ Черниговѣ. Изъ двора Всеволода онъ бѣжалъ въ Тмутаракань, нанялъ половцевъ и, съ ихъ помощью разбивъ Всеволода, утвердился въ Черниговѣ (1078). Изгнанный вскорѣ соединенными силами князей, Олегъ снова бѣжалъ въ Тмутаракань; вмѣстѣ съ братомъ своимъ Романомъ Тмутараканскимъ онъ нанялъ снова половцевъ и рѣшился опять занять Черниговъ. Однако, половцы съ хазарами передались на сторону Всеволода, Романа умертвили, а *Олега Святославича сослали въ Византію, въ 1079 году:* «Олга емше Козарѣ поточиша <за> море Царюграду»[1]. И доселѣ фактъ этотъ остается невыясненнымъ въ исторіи, подобно другому факту, записанному въ лѣтописи подъ 1130 годомъ: «поточи Мьстиславъ Полотскии князѣ съ женами и с дѣтми въ Грѣкы, еже преступиша хрестьное целование», и отчасти подобно третьему факту, имѣвшему мѣсто въ 1162 году: «идоста Гюргевича Царюгороду, Мьстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодого пояша съ собою третьего брата; и дасть царь Василкови в Дунаи 4 городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана». Что это насильственныя распоряженія, не подлежитъ сомнѣнію; но какое право имѣли Мстиславъ и хазары посылать именно въ Византію князей, остается невыясненнымъ; равнымъ образомъ неизвѣстно, какъ поступали въ семъ случаѣ ромейскіе самодержцы: содержали ли они изгнанниковъ въ почетномъ заключеніи, или предоставляли имъ бóльшій кругъ свободы? Когда князья являлись самовольно, тогда дѣло было другое: византійскій царь дѣлалъ ихъ стратигами городовъ и областей; или когда Андроникъ Комнинъ явился ко двору галицкаго князя Ярослава, онъ ничуть не былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ и могъ распоряжаться собою какъ угодно. Къ сожалѣнію, византійскія хроники, отъ кото-

1) Ипатск. лѣт., изд. 1871 г., стр. 143; Лавр. лѣт., изд. 1872 г., стр. 198.

рыхъ естественно ожидать отвѣта на недоумѣнный вопросъ, не говорятъ намъ о пребываніи русскихъ князей на греческой почвѣ, и приходится довольствоваться одними отечественными скудными извѣстіями.

Итакъ Олегъ Святославичъ былъ отправленъ въ Константинополь. По словамъ Татищева, онъ былъ привезенъ хазарами; Карамзинъ замѣтилъ, что хазары были только совѣтниками половцевъ; тѣмъ не менѣе прямой смыслъ Ипатской лѣтописи говоритъ въ пользу Татищева. Болтинъ, возражая Щербатову, доказывалъ, что половцы не могли послать Олега въ Грецію, ибо де не имѣли сношеній съ греками; однако, уже Карамзинъ опровергъ его мнѣніе, указавъ, что еще съ 1078 года греки и половцы находились въ союзѣ. Неизвѣстно, сколько времени прожилъ Олегъ-Михаилъ въ Константинополѣ и что онъ тамъ дѣлалъ; извѣстно съ достовѣрностью одно, что *изъ Константинополя Олегъ переѣхалъ на о. Родосъ*, гдѣ прожилъ два года, о чемъ мы узнаемъ изъ замѣтки нашего паломника, игумена Даніила: когда онъ въ началѣ XII вѣка проѣзжалъ Родосъ, то мѣстные греки сообщали ему: здѣсь былъ Олегъ, князь русьскы, двѣ лѣтѣ и двѣ зимѣ[1]). Добровольно, или вынужденный правительствомъ имп. Никифора Вотаніата, жилъ Олегъ на островѣ, въ точности неизвѣстно. Византія въ моментъ прибытія русскаго князя представляла зрѣлище, довольно сходное съ тѣмъ, что дѣлалось тогда на Руси: русскіе князья борются изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ столомъ, греческіе аристократы добиваются царской короны; русскіе зовутъ для этого на помощь себѣ половцевъ, византійская знать приглашаетъ турокъ. Олегъ очутился въ совершенно подобной же политической атмосферѣ. На Руси онъ ковалъ крамолу и былъ изгнанъ; живя въ Константинополѣ, онъ едва ли могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ въ успѣхахъ партій: Вріенніевъ, Василаковъ, Мелиссиновъ, Дуковъ и Комниновъ, подкапывавшихъ престолъ Никифора Вотаніата. Среди такихъ тревожныхъ событій, среди такой борьбы аристократическихъ честолюбій быть можетъ было опасно держать въ столицѣ безпокойнаго русскаго князя. Лица, находившіяся въ подозрѣніи у правительства, ссылались на житье подальше отъ столицы и поближе къ непріятелямъ — туркамъ: кесарь Іоаннъ Дука проживалъ въ Виѳиніи,

1) Правосл. Палест. Сборн. III+IX, 8—9.

министръ Никифорица сосланъ на одинъ островъ[1]), Никифоръ Мелиссинъ — «близь острова Коса»[2]); Олегъ Святославичъ поселился на о. Родосѣ, по сосѣдству съ Мелиссинымъ. — Подкопанный престолъ Вотаніата между тѣмъ рухнулъ и на вновь созданномъ тронѣ возсѣлъ Алексѣй Комнинъ. Положеніе вещей перемѣняется. У Вотаніата были враги внутренніе, у Алексѣя появились враги внѣшніе: норманны, печенѣги, турки. Сообразно съ этимъ и политика приняла иное направленіе: чтобы успѣшнѣе бороться съ Робертомъ Гвискаромъ, Алексѣй долженъ былъ хлопотать о союзѣ въ тылу врага, съ германскимъ императоромъ; извѣстно также письмо его къ Роберту Фландрскому съ просьбою о помощи противъ внѣшнихъ враговъ. Еще во время борьбы съ Вріенніемъ Алексѣй пользовался между прочимъ русскимъ флотомъ; съ русскими онъ долженъ былъ заискивать связей и въ своей борьбѣ съ печенѣгами. Слѣдствіемъ такой политики, какъ кажется, и произошло то, что Олегъ Святославичъ, на котораго четырехлѣтнее пребываніе въ Византіи и византійская культура не могли не имѣть вліянія, женился на гречанкѣ,—не на какой либо царевнѣ, а просто на аристократкѣ изъ дома Музалоновъ—, въ 1083 году вернулся изъ Византіи на Русь и «вѣроятно», говоритъ Карамзинъ, «съ помощью грековъ» занялъ Тмутаракань[3]). Догадка эта могла бы имѣть значительную долю вѣроятія, если бы извѣстно было, что бракъ Олега на Музалониссѣ состоялся съ вѣдома греческаго правительства и такъ сказать съ его благословенія. Логика подсказываетъ, что Олегъ не могъ безъ посторонней помощи занять и распоряжаться въ городѣ, откуда онъ былъ изгнанъ, что очевидно у него были войска, быть можетъ греческія; но, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ приходится обойти молчаніемъ за неимѣніемъ никакихъ на этотъ счетъ свѣдѣній. Изъ болѣе поздняго времени мы знаемъ, что выдача гречанки заграницу дѣлалась всегда съ политическою цѣлью — усилить вліяніе и осуществить въ странѣ нужные для византійскаго правительства и клонящіеся къ его пользѣ планы; въ этомъ случаѣ правительство обязывалось помогать брачущемуся и своими войсками, какъ это мы видимъ въ концѣ XIII вѣка въ отношеніи дочери имп. Михаила Палеолога и Іоанна Асѣня.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Олега въ Тмутаракани было про-

1) Н. Скабалановичъ, Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Спб. 1884, стр. 120.
2) Bryenn. lib. I, cap. 18; lib. IV, cap. 31.
3) Ипатск. лѣт., 143—144.

извести жестокую расправу съ хазарами, погубившими его брата Романа. Поступокъ этотъ отвѣчалъ какъ внутреннему чувству самого князя, такъ быть можетъ согласовался и съ планами имп. Алексѣя, для котораго государственною задачею было враговъ dividere et imperare. Олегъ заставлялъ своихъ собственныхъ враговъ помышлять объ оборонѣ и такимъ образомъ забывать о вооруженіяхъ ихъ противъ Византіи. Но говоря вообще, личность Олега, какъ князя съ греческими тенденціями, выдѣляется не во всѣхъ поступкахъ одинаково рельефно: иныя его дѣйствія положительно трудно истолковать въ руку грекамъ. Въ самомъ дѣлѣ, до пріѣзда въ Константинополь Олегъ стремился къ обладанію Черниговомъ при помощи наемныхъ половцевъ; это же случилось и по возвращеніи его: въ третій разъ онъ идетъ съ половцами изъ Тмутараканя и на этотъ разъ уже получаетъ отцовскій столъ. Характерною особенностью его политики была дружба съ половцами, противъ которыхъ онъ не хотѣлъ ни за что воевать, не смотря на всѣ представленія князей. Половцы находились въ союзѣ съ греками, Олегъ Святославичъ — въ союзѣ съ половцами, но на послѣдній союзъ нельзя смотрѣть какъ на результатъ греческой политики, византійскаго давленія: онъ существовалъ и ранѣе 1079 г. Но гордость и высокомѣріе Олега, проявившіяся особенно рѣзко послѣ его возвращенія, объясняются, быть можетъ, вліяніемъ на него княгини Θеофаніи. Извѣстенъ отвѣтъ его по поводу приглашенія его въ Кіевъ на княжескій съѣздъ для умиренія междоусобій: «я — князь, и не хочу совѣтоваться ни съ монахами, ни съ чернью»[1]). Въ этомъ отвѣтѣ звучитъ уже нота византійской самодержавной авторитетности, невѣдомой Мономаху и другимъ князьямъ и очевидно усвоенной Олегомъ въ Византіи. Онъ не считаетъ для себя нужнымъ совѣтоваться съ князьями и высшимъ духовенствомъ, онъ — князь, а смыслъ этого слова въ его понятіи и примѣнительно къ нему совсѣмъ другой, соотвѣтствующій греческому βασιλεύς'у. Не будучи византійскимъ ставленникомъ, онъ тѣмъ не менѣе проникся греческою идеею самодержавія и въ ослѣпленіи возмнилъ, что именно ему нужно исполнять державную роль на Руси, помимо дядей и двоюродныхъ братьевъ. И князь, преисполненный такими замыслами, нанимаетъ половцевъ

1) Въ такомъ видѣ передаетъ Карамзинъ; въ лѣтописяхъ же сказано: «Олегъ же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ» (Ипатск. лѣт., 160; Лавр. лѣт., 222).

для отнятія Чернигова. Черниговомъ Олегъ овладѣлъ, но не могъ устоять передъ требованіями общерусскихъ интересовъ и съ позоромъ долженъ былъ оставить отцовскій столъ, сдавшись на капитуляцію и обѣщавшись прибыть на съѣздъ. Однако на съѣздъ онъ не явился, а вмѣсто того занялъ Муромъ и не надолго Ростовъ и Суздаль (1095).

Муромомъ и Ростовомъ мы могли бы закончить замѣтку; однако необходимо присоединить сюда нѣкоторыя поясненія. Олегъ Святославичъ занялъ княжества Бориса и Глѣба. Въ ту пору имена этихъ святыхъ пользовались необыкновенно большою популярностью и иконы ихъ находились даже въ Цареградѣ[1]). Поэтому позволительно думать, что на печати изображены не Кириллъ и Меѳодій, какъ полагалъ Шлёмберже, а именно Борисъ и Глѣбъ, и время появленія печати быть можетъ относится именно къ 1095—1096 году, такъ какъ ближе всего было на печати представить патроновъ тѣхъ городовъ, которыми въ самомъ концѣ XI вѣка управлялъ супругъ владѣлицы печати — Олегъ Святославичъ. Что и самъ Олегъ относился съ почтеніемъ къ памяти святыхъ братьевъ, по крайней мѣрѣ подъ конецъ жизни, когда въ немъ совершился поворотъ къ лучшему, видно изъ одного эпизода, имѣвшаго мѣсто въ 1115 году: при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба между князьями возникло разногласіе, гдѣ поставить раку — по срединѣ ли церкви, какъ того хотѣлъ Владиміръ Мономахъ, или въ придѣлѣ, на правой сторонѣ, чего желали Олегъ и Давидъ; жребій рѣшилъ дѣло въ пользу Святославичей.

Казалось бы, нѣтъ никакихъ препятствій отдать Ѳеофанію Музалониссу Олегу Святославичу: князь былъ въ Византіи и былъ женатъ на Ѳеофаніи; гречанка Ѳеофанія Музалонисса была русскою княгинею. Однако, безъ затрудненій все-же обойтись нельзя. Кіевская лѣтопись, цитируемая Карамзинымъ, сообщаетъ, что Олегъ былъ женатъ на княжнѣ половецкой, неизвѣстной по имени. Музалоновъ трудно связать съ половцами, хотя, какъ кажется, эта фамилія обязана своимъ происхожденіемъ востоку. Поэтому вѣроятнѣе всего допустить, что Олегъ былъ женатъ дважды: сначала на команкѣ, потомъ на гречанкѣ. Первымъ бракомъ онъ упрочилъ свои связи съ половцами, черезъ второй вывезъ на Русь новую грекиню, которая въ 15-тилѣтній

1) Путешествіе Антонія въ Царьградъ, изд. П. Савваитова. Спб. 1872, стр. 70, 159.

періодъ своей супружеской жизни настолько освоилась со своимъ новымъ отечествомъ, что имѣла у себя иконы русскихъ святыхъ; въ политическомъ же отношеніи греческое вліяніе на Олега сказалось не настолько сильно, чтобы можно было признать князя византійскимъ ставленникомъ.

Хр. Лопаревъ.

Когда посѣтилъ Константинополь русскій паломникъ, разсказы котораго включены въ „Бесѣду о святыняхъ Цареграда“.

(Письмо пр. И. Е. Троицкаго съ предварительною замѣткой акад. Л. Н. Майкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ посчастливилось издать неизвѣстный дотолѣ въ печати памятникъ старинной русской литературы, которому, за недостаткомъ заглавія въ рукописяхъ, я рѣшился дать названіе «Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда»[1]). Въ этой «Бесѣдѣ» развивается мысль о душеспасительной пользѣ паломничества, а въ подтвержденіе ея приводится описаніе святынь Константинополя. Составленіе «Бесѣды» я относилъ къ первой половинѣ XV вѣка, до взятія Константинополя турками и даже до заключенія Флорентійской уніи, — вставленное же въ «Бесѣду» описаніе Цареграда я призналъ за произведеніе болѣе ранняго происхожденія, за «повѣсть», написанную русскимъ паломникомъ, который приходилъ на поклоненіе цареградской святыни около 1300 года, то-есть, лѣтъ на сто позже Новгородскаго архіепископа Антонія и лѣтъ за пятьдесятъ до Стефана Новгородца. Соображенія мои изложены были въ слѣдующихъ словахъ: «Если, съ одной стороны, разсказы эти не могли быть записаны прежде исхода XIII вѣка—ибо ихъ составитель знаетъ объ освобожденіи Константинополя отъ латинскаго господства,—то, съ другой стороны, его частыя упоминанія о видѣнныхъ имъ слѣдахъ латинскаго грабежа несомнѣнно удостовѣряютъ, что авторъ этого описанія посѣтилъ Цареградъ вскорѣ по изгнаніи оттуда франковъ и, можетъ быть, еще засталъ живыми прямыхъ свидѣтелей ихъ владычества. Напротивъ того, Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ

1) Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. С.-Пб. 1890 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. 51-й).

Константинополѣ въ 1347—1350 годахъ, уже не занесъ въ свои путевыя записки никакихъ извѣстій и воспоминаній о разграбленіи, совершенномъ западными завоевателями въ императорской столицѣ, хотя, безъ сомнѣнія, и въ его время еще были видны слѣды погрома. На основаніи этихъ соображеній слѣдуетъ признать, что разсказы о Цареградѣ, читаемые въ «Бесѣдѣ», записаны русскимъ паломникомъ, который посѣтилъ Константинополь не позже конца XIII или самаго начала XIV вѣка».

Профессоръ Г. С. Дестунисъ, почтившій мой трудъ благосклонною рецензіей въ сентябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1890 годъ, не нашелъ однако возможнымъ согласиться съ моею догадкой о времени составленія «повѣсти» и видитъ въ разсказахъ изданнаго мною паломника «два факта, намекающіе на нѣсколько позднѣйшее ихъ происхожденіе». Изложеніе этихъ фактовъ привожу подлинными словами моего почтеннаго критика:

«Въ монастырѣ Царевомъ похоронена была русская царевна Анна, дочь великаго князя московскаго Василія Дмитріевича, выданная въ 1414 году за византійскаго царевича Іоанна, сына императора Мануила. Въ 1417 году она скончалась отъ чумы. Инокъ Зосима, находившійся въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царевну изъ Россіи въ Цареградъ, видѣлъ ея могилу, въ качествѣ паломника, въ 1419 году въ женскомъ монастырѣ, который онъ называетъ Липесии. Въ томъ же монастырѣ, τοῦ Λιβὸς, положены были ея останки и по Франдзи[1]). Выше мы постарались доказать, что монастырь Липеси, Λειψή, τοῦ Λιβὸς, есть тотъ самый, который новоизданнымъ паломникомъ названъ Царевымъ. Но этотъ послѣдній, упоминая о томъ же монастырѣ, о тѣхъ же лежавшихъ въ немъ останкахъ Стефана и Ирины, ни слова о могилѣ русской царевны или царицы не говоритъ; изъ этого догадываемся, что нашъ паломникъ посѣтилъ Цареградъ раньше 1417 года смерти Анны, ибо русскій человѣкъ не преминулъ бы упомянуть о могилѣ русской царицы.

---

1) Карамзина, Исторія государства Россійскаго, V, 217 (СПб., 1816).—Подробный разборъ этихъ событій въ предисловіи къ Зосимѣ Лопарева, ст. I—III, въ 24-мъ выпускѣ «Православнаго Палестинскаго Сборника», гдѣ приведены источники. Phrantzes, ed. Bonn. p. 110, относитъ кончину княгини къ веснѣ или лѣту 6915 года, стало быть, къ 1408 году.

Примѣчаніе Г. С. Дестуниса.

«Другой намекъ видится мнѣ въ томъ фактѣ, что въ этомъ же монастырѣ Лива похороненъ былъ Андроникъ Старшій въ 1332 году. Этотъ монастырь греки обыкновенно называли τοῦ Λιβὸς — по имени основателя, и только у новоизданнаго паломника онъ носитъ имя Царева. Спрашивается: не потому ли онъ былъ прозванъ Царевымъ, что въ немъ былъ погребенъ царь? Если эта догадка вѣрна, то нашъ паломникъ видѣлъ этотъ монастырь не раньше 1332 года. На основаніи означенныхъ соображеній считаю вѣроятнымъ, что это описаніе сдѣлано на протяженіи времени между 1332 и 1417 годами».

Изъ приведенныхъ г. Дестунисомъ двухъ фактовъ первый далъ ему возможность сдѣлать только отрицательное заключеніе: «повѣсть» написана не позже 1417 года. Къ такому заключенію я, разумѣется, охотно присоединяюсь, и оно даже высказано въ моей статьѣ, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ я указываю, что Зосима, писавшій около 1420 года, пользовался изданною мною «повѣстью». Но я полагалъ, что это заключеніе недостаточно опредѣленно, и что оно представляетъ лишь очень слабую опору для рѣшенія вопроса о времени составленія «повѣсти». Что же касается второго факта, указаннаго моимъ уважаемымъ антагонистомъ, то, безъ сомнѣнія, онъ могъ бы имѣть болѣе существенное значеніе въ данномъ случаѣ. Не берусь оспаривать мнѣніе г. Дестуниса, что Царевъ монастырь «повѣсти» тожественъ съ монастыремъ, называвшимся у грековъ Липеси; но позволю себѣ замѣтить, что г. Дестунисъ, предлагая объяснять названіе «Царевъ» тѣмъ, что въ этой обители погребенъ былъ императоръ Андроникъ Старшій въ 1332 году, — высказываетъ только остроумную догадку, но не подтверждаетъ ея фактически. А въ такомъ случаѣ нѣтъ повода признавать 1332 годъ за terminus ab quo для опредѣленія времени, когда составлена «повѣсть», и когда авторъ ея посѣтилъ Константинополь.

Г. Дестунисъ не оставилъ безъ вниманія и сдѣланнаго мною противоположенія между безыменнымъ паломникомъ, написавшимъ «повѣсть», и Стефаномъ Новгородцемъ. Указавъ мои слова на этотъ счетъ, г. Дестунисъ замѣчаетъ: «Авторъ «повѣсти» говоритъ собственно не о раздробленіи, а только о порчѣ нѣкоторыхъ статуй; не удивительно по этому, что о такой порчѣ не говоритъ Стефанъ, который о статуяхъ вовсе не упоминаетъ, кромѣ поразившаго его памятника Юстиніана Великаго, сохранявшагося въ то время въ цѣлости и вызвавшаго въ этомъ старцѣ съ чисто иноческою душою такое восторженное описаніе. Неупоминаніе Стефаномъ о порчѣ статуй не можетъ, по моему

мнѣнію, служить доказательствомъ того, что его свидѣтельство позднѣе свидѣтельства автора «Бесѣды» (точнѣе было бы сказать: автора «повѣсти»).

Я готовъ согласиться съ г. Дестунисомъ, что авторъ «повѣсти» говоритъ больше о порчѣ статуй, чѣмъ о разграбленіи Константинополя латинами, но не думаю, чтобъ употребленныя мною выраженія *грабежъ, разграбленіе, погромъ* были совершенно неумѣстны въ данномъ случаѣ. Авторъ «повѣсти» не только зналъ о владычествѣ франковъ въ столицѣ Византійскихъ императоровъ, продолжавшемся, по его счету, шестьдесятъ-два года, но и о томъ, что оно имѣло, по крайней мѣрѣ отчасти, грабительскій характеръ. Иначе мы не читали бы у него легендарнаго разсказа о томъ, какимъ образомъ сохранились священные сосуды въ Софійскомъ храмѣ въ пору латинскаго нашествія: «Егда бо хотяху фрязи взяти Царьградъ, тогда патріархъ нача хранити сосуды і announce" взѣмъ чашу ту и понесе изъ святаго олтаря; егда мимо идя амбонъ, тогда бысть его гласъ глаголя: «Доселѣ дойдеши и не прейдеши». Онъ же слышавъ ту устрашися и изрути чашу и хотѣ взяти и не возможе, и огради ю каменемъ». Напротивъ того, въ «Странникѣ» Стефана Новгородца нѣтъ никакихъ упоминаній о времени латинскаго господства въ Константинополѣ, и весьма возможно, что благочестивый инокъ имѣлъ лишь смутное понятіе о событіяхъ, происходившихъ на берегахъ Воспора за сто слишкомъ лѣтъ до его прибытія туда. Изъ этого противоположенія я и заключалъ, что авторъ «повѣсти» стоялъ ближе къ періоду владычества франковъ, то-есть, жилъ и былъ въ Цареградѣ раньше Стефана.

Во всякомъ случаѣ, я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Г. С. Дестуниса, что окончательное опредѣленіе времени составленія изданнаго мною памятника и всестороннее разъясненіе его содержанія есть дѣло будущаго. А что это будущее недалеко — блестящимъ образомъ доказывается какъ тѣми прекрасными комментаріями къ извѣстіямъ «повѣсти», какіе даны въ статьѣ самого г. Дестуниса, такъ и письмомъ, которое я имѣлъ честь получить отъ другого извѣстнаго нашего византиниста, профессора И. Е. Троицкаго. Съ любезнаго согласія моего почтеннаго корреспондента позволяю себѣ помѣстить на страницахъ «Византійскаго Временника» извлеченіе изъ этого высокоинтереснаго письма.

Л. М.

«Въ текстѣ изданнаго вами памятника есть одно мѣсто, которое блистательно подтверждаетъ ваше предположеніе о томъ, что неизвѣстный авторъ «повѣсти» былъ въ Константинополѣ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Это—то мѣсто, въ которомъ говорится о мощахъ патріарха Арсенія въ Софійскомъ храмѣ.

«Мощи этого патріарха, скончавшагося въ 1273 году на островѣ Приконнисѣ, были перенесены и положены въ Софійскомъ храмѣ въ 1284 или 1285 году, при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1328), и оставались здѣсь до перенесенія ихъ въ монастырь св. Андрея при томъ же императорѣ, по просьбѣ настоятельницы этого монастыря Ѳеодоры, вдовы протовестіарія Іоанна Рауля, младшей дочери родной тетки императора Андроника Старшаго Евлогіи и, слѣдовательно, двоюродной сестры его («для освященія вновь выстроенной ею [въ этомъ монастырѣ] церкви»: Pachym. De Andronico Paleologo, lib. I, c. 31).

«Къ сожалѣнію, годъ этого вторичнаго перенесенія не можетъ быть опредѣленъ съ желательною точностью вслѣдствіе неопредѣленности указаній историка: ἐν ὑστέρῳ δὲ χρόνῳ. Въ виду этой неопредѣленности, съ одной стороны, и незначительности самого факта — съ другой, ученые, занимавшіеся установленіемъ хронологіи событій, излагаемыхъ въ Исторіи Пахимера (Поссинъ, де-Рубенсъ и др.), не дѣлаютъ даже и попытки опредѣленія даты этого втораго перенесенія. Съ увѣренностью можно сказать лишь одно—что оно совершилось не позже 1307 года, которымъ закончилъ свою исторію и — по весьма вѣроятному предположенію — самую жизнь Пахимеръ.

«Такимъ образомъ, крайними пунктами времени, между которыми могъ быть въ Константинополѣ неизвѣстный авторъ «повѣсти», будутъ 1284—1307 года.

«Но есть основаніе думать, что это вторичное перенесеніе мощей Арсенія изъ каѳедральнаго собора патріарховъ въ монастырскую церковь совершилось не по одной только просьбѣ вліятельной игуменьи Андреевскаго монастыря, а что находилось въ связи съ разными перипетіями арсеніанскаго движенія.

«Извѣстно, что мощи Арсенія были перенесены съ острова Приконниса и положены въ храмѣ св. Софіи по настоянію арсенитовъ. Задняя мысль этого требованія заключалась въ томъ, чтобы возстановить Арсенія на патріаршемъ престолѣ (съ котораго онъ былъ устраненъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ 1267 году), хотя бы то

послѣ смерти, и тѣмъ проложить путь къ занятію этого престола кѣмъ-либо изъ своихъ. Прецедентомъ послужилъ примѣръ Златоуста, который былъ такимъ образомъ возстановленъ на своемъ престолѣ по смерти. Поэтому и самая церемонія перенесенія мощей Арсенія была до мельчайшихъ подробностей скопирована съ церемоніи перенесенія мощей св. Златоуста. Но разсчетъ арсенитовъ, какъ извѣстно, не оправдался: послѣ смерти патріарха Іосифа I въ началѣ 1283 года, преемникомъ ему былъ назначенъ Григорій Кипрскій (1283—1289), не принадлежавшій къ ихъ партіи; не принадлежали къ ней и преемники Григорія — Аѳанасій I (1289 — 1292) и Іоаннъ Созопольскій (1292—1302). Понятно, что чѣмъ дольше откладывалось исполненіе завѣтнаго желанія арсенитовъ, тѣмъ отношенія ихъ къ церковнымъ и гражданскимъ властямъ дѣлались натянутѣе; особенно обострились они при послѣднемъ изъ этихъ патріарховъ. Много непріятностей пришлось испытать и самому императору и отъ патріарха, и отъ арсенитовъ. Положеніе всѣхъ дѣлалось фальшивымъ. . . . Просьба Андреевской игуменьи, жаркой почитательницы Арсенія, представляла прекрасный случай къ выходу изъ этого положенія. Можетъ быть, она и внушена была самимъ императоромъ. . .

«Словомъ, я думаю, что вторичное перенесеніе мощей Арсенія совершилось въ послѣдніе годы патріаршества Іоанна Созопольскаго».

И. Т.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Д. Θ. Бѣляевъ. *Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ.* Книга I. Обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца византійскихъ царей. Приложеніе: Матеріалы и замѣтки по исторіи византійскихъ чиновъ. Съ планомъ (Лабарта) Большаго Дворца. 1891. 8°. VIII + 200 стр. Цѣна 2 р.

—— Книга II. Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ Св. Софіи въ IX—X в. Съ 11 таблицами и планами. 1893. 8°. XLVII + 308 стр. Цѣна 4 р.

Замѣчательные труды по древностямъ Византіи профессора Д. Θ. Бѣляева настолько уже обратили на себя вниманіе, при самомъ появленіи первой его книги въ свѣтъ, что не нуждаются нынѣ ни въ особомъ указаніи на нихъ, ни тѣмъ болѣе въ какой либо рекомендаціи ихъ читателямъ византійскаго журнала. Извѣстно, что обѣ эти книги имѣютъ своимъ содержаніемъ «Византійскій Придворный Уставъ» или «Царскій чинъ Византіи» въ редакціи, приписываемой, съ большою вѣроятностью, Константину Порфирородному, а каждая изъ этихъ книгъ въ отдѣльности даетъ отдѣльный очеркъ изъ области византійскихъ древностей, излагаемый почти исключительно съ помощью матеріаловъ, содержащихся въ этомъ придворномъ уставѣ. Авторъ, посвятивъ много лѣтъ подробному и всестороннему изученію обширныхъ матеріаловъ и самаго текста «Устава», и исполнивъ это, при помощи различныхъ конспектовъ, указателей, критики цѣлаго и частей, дополненія отрывковъ, сопоставленія и сравненія, настолько овладѣлъ этимъ матеріаломъ, что разбирается во всѣхъ вопросахъ и мелкихъ деталяхъ съ большою легкостью и полною увѣренностью. Какую важность имѣютъ, затѣмъ, эти громадные матеріалы, оцѣнили по достоинству всѣ компетентные изслѣдователи Византіи, и говорить объ этомъ было бы прямо излишне въ спеціальномъ журналѣ:

достаточно указать на оцѣнку значенія этого «Устава» первымъ комментаторомъ его, Рейске, приведенную авторомъ (кн. II. Предисловіе, стр. X), и характеристику, сдѣланную проф. В. Г. Васильевскимъ (тамъ же). Словомъ, давно извѣстно и никто не сомнѣвался, что книга «о церемоніяхъ византійскаго двора» содержитъ въ себѣ громадную массу всестороннихъ данныхъ для всѣхъ сторонъ византійской жизни. Но только немногіе и лишь путемъ непосредственнаго, болѣе или менѣе неудачнаго опыта, убѣдились въ томъ непреложномъ фактѣ, что это богатое содержаніе не такъ-то легко извлечь изъ древней книги, что оно, напротивъ, какъ нѣкій кладъ, не дается въ руки и на глазахъ кладоискателя уходитъ глубже, во тьму давно пережитой, невозвратно ушедшей изъ глазъ древности. При всемъ своемъ остроуміи, необыкновенной эрудиціи и творческомъ дарованіи, знаменитый Рейске въ своемъ томѣ примѣчаній не далъ дѣйствительнаго комментарія, чтó ясно сознаетъ каждый, приступающій къ чтенію книги съ его примѣчаніями въ рукахъ. Какъ отлично (стр. XLIII II-й книги) разъяснилъ Д. Ѳ. Бѣляевъ, книга Константина написана тѣмъ «спеціальнымъ и дѣловымъ языкомъ» придворныхъ обрядовъ, который «для насъ тѣмъ болѣе не понятенъ, чѣмъ болѣе въ немъ терминовъ, чѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ спеціальныя римско-византійскія слова и названія мало или вовсе неизвѣстныхъ намъ предметовъ и дѣйствій. А такими словами и названіями переполнены всѣ обряды до такой степени, что рѣдко можно найти мѣсто въ двѣ-три строки, въ которомъ бы ихъ не встрѣчалось, а иногда многія строки и даже страницы состоятъ почти цѣликомъ изъ такихъ спеціальныхъ, техническихъ, если можно такъ выразиться, словъ и названій». Между тѣмъ эта терминологія заключаетъ въ себѣ своего рода глоссарій древностей государственныхъ и частныхъ, бытовыхъ и художественныхъ, византійскаго двора и столицы и, очевидно, именно на эту терминологію всѣ смотрятъ, какъ на главный матеріалъ, содержаніе, въ собственномъ смыслѣ, книги о церемоніяхъ. Index rerum, составленный къ этой книгѣ, перечислялъ бы эти термины и очень мало касался бы самихъ церемоній, обрядовъ и процессій.

Весьма понятно, поэтому, что оба сочиненія проф. Бѣляева, на первый взглядъ, представляются только комментаріемъ къ Придворному Уставу, котораго основное содержаніе остается еще неисчерпаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ предметомъ своихъ очерковъ дѣлаетъ самые обряды, выходы и церемоніи и, имѣя въ виду достигнуть, прежде всего, пониманія всѣхъ подробностей извѣстнаго обряда, избираетъ сюжетомъ 1-й книги: топографію Большаго Дворца, въ которомъ совершались испоконъ вѣка именно тѣ или другіе обряды, и сюжетомъ II книги: императорскіе пріемы, большіе выходы (въ Господніе праздники) въ храмъ Св. Софіи и топографію храма, славословія и привѣтствія димовъ и чиновъ, выходы «средніе и малые». Стало быть, авторъ строитъ свои изслѣдованія по рубрикамъ, заключающимся въ самой книгѣ Устава, и разбиваетъ,

видимо, его формальный составъ на такія части, на какія онъ самъ дѣлится, напримѣръ по главамъ. Взявъ одну изъ такихъ частей, изслѣдователь излагаетъ ее вновь, по своему, сопровождая ее подробнымъ комментаріемъ, дополняя, поясняя общія указанія и намеки, съ цѣлью, прежде всего, сдѣлать древній текстъ понятнымъ. Отсюда весьма естественный упрекъ, сдѣланный автору проф. Ѳ. И. Успенскимъ [1]) въ его рецензіи на II книгу автора: «Д. Ѳ. Бѣляевъ слишкомъ много положилъ труда на возстановленіе формы обряда, слишкомъ вошелъ въ роль византійскаго церемоніймейстера, какъ будто и его глубоко интересуетъ то, какъ встанетъ и какъ поклонится и куда затѣмъ пойдетъ тотъ или другой чинъ». Главная задача, поставленная себѣ авторомъ, — изложеніе и описаніе хода торжественныхъ процессій (во II книгѣ) «воспрепятствовала автору», говоритъ рецензентъ, «сосредоточить свое вниманіе на терминологіи «Придворнаго Устава», которая, по нашему мнѣнію, должна быть предметомъ главнаго изслѣдованія».

Такъ говоритъ историкъ, котораго естественно интересуетъ наиболѣе «застывшая въ терминахъ Устава» «нѣкогда живая дѣйствительность византійской гражданской жизни», и который, въ виду принятаго авторомъ метода изслѣдованія и изложенія, боится «пропуска такихъ сторонъ въ изучаемомъ матеріалѣ, которыя потребуютъ новыхъ и новыхъ обращеній къ тѣмъ же текстамъ, которые онъ приводилъ и комментировалъ». На двухъ-трехъ примѣрахъ рецензентъ ясно доказываетъ, что иныя детали пріемовъ могутъ раскрыть политическую организацію населенія византійской столицы и многихъ другихъ греческихъ городовъ, если изслѣдователь приложитъ къ анализу историческій методъ и задастся требованіями историка.

Однако, какъ ни кажутся, при первомъ взглядѣ, справедливыми такіе и подобные имъ упреки капитальному труду г. Бѣляева, не должно, прежде всего, забывать, что авторъ самъ относитъ свой трудъ къ области общей археологіи, не выдаетъ его сплошь за критическій трактатъ, а опредѣляетъ самымъ заглавіемъ такъ: «очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ». Къ числу очерковъ принадлежатъ въ первой книгѣ: топографія дворца, во второй: изложеніе выходовъ и топографія Св. Софіи; къ числу матеріаловъ — приложеніе къ первой книгѣ о дворцовыхъ чинахъ: папіи, девтеры и пр. Многочисленные экскурсы разъясняютъ попутно цѣлый рядъ терминовъ, а приложенное ко II книгѣ объясненіе таблицъ даетъ крупный археологическій экскурсъ о царскихъ облаченіяхъ и, въ частности, о лорѣ. Вѣрная оцѣнка всего капитальнаго значенія этихъ археологическихъ этюдовъ можетъ быть сдѣлана только или при пользованіи сочиненіемъ Константина для собственныхъ трудовъ, или же при дальнѣйшихъ работахъ. Трактатъ по общей археологіи имѣетъ всѣ достоинства широты представленія прошлаго

1) Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія, 1893, Декабрь, стр. 372—4.

и всѣ недостатки его неопредѣленности, и въ то время какъ всякій успѣхъ, открытіе или вообще научная добыча по историческимъ спеціальностямъ замѣчаются и привѣтствуются при первомъ появленіи, здѣсь, т. е. въ смутной средѣ, называемой древностями, вся работа нерѣдко уходитъ на анализъ безчисленнаго множества намековъ, косвенныхъ указаній, т. е. является черною, подготовительною работою. Но тѣмъ, кто прикасался къ изученію книги Константина Порфиророднаго и отступилъ отъ нея съ отчаяніемъ, работа Д. Ѳ. Бѣляева представляется во всемъ своемъ ростѣ явленіемъ высокой научной любознательности, дѣломъ ученаго самоотверженія, поборовшаго тяжелый искусъ, на какой пойдутъ немногіе.

Тѣмъ болѣе заслуги имѣютъ труды автора для спеціалиста-археолога: всѣмъ извѣстно, что византійская археологія находится въ начальной стадіи и насчитываетъ пока такъ мало ученыхъ силъ. Понятно, что въ области вещественной археологіи или въ исторіи искусства Византія давно уже замѣчена изслѣдователями, но то диво, что являются подобные піонеры и въ сферѣ общихъ ея древностей, еще не початой нови, на которой работа является вдвое болѣе тяжелой.

Уже изъ того, что авторъ выбралъ сюжетомъ 1-й книги обзоръ главныхъ частей Большаго Дворца, легко усмотрѣть, что изслѣдователь искалъ примкнуть къ чему либо уже затронутому, искалъ почвы, уже расчищенной: извѣстно, что этому обзору ранѣе были посвящены два важные труда Лабарта и Паспати. Равно и въ выборѣ сюжета для 2-й книги авторъ также, видимо, руководился давно обозначившимся интересомъ къ исторіи «царскихъ выходовъ» въ сферѣ русской старины, и опять труду автора предшествовали нѣкоторыя работы, которыхъ недостатки послужили ему на пользу. Высокія достоинства работы Лабарта, одного изъ наиболѣе талантливыхъ историковъ искусства, все соображающаго и обдумывающаго, излагающаго свои знанія въ видѣ стройнаго цѣлаго, по словамъ самого г. Бѣляева, руководили его, а его полемика съ Лабартомъ имѣетъ цѣлью оправдать и доказать вѣрность или вѣроятность взглядовъ новаго изслѣдователя. Но, должно сейчасъ оговориться, такіе предшественники трудовъ г. Бѣляева оказываются только по самымъ вопросамъ, темамъ его работъ, тогда какъ по самымъ пріемамъ исполненія, основаннаго на детальномъ изученіи древняго текста, такихъ предшественниковъ не было вовсе.

Мы не послѣдуемъ за авторомъ, перечисляя по главамъ содержаніе обѣихъ его книгъ: оно такъ богато, что исчерпать его было бы невозможно въ рецензіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сложно, что для настоящаго его пониманія необходимо иногда было бы повторять самую книгу, почему мы и предпочитаемъ отсылать интересующихся къ самому источнику. За то мы можемъ съ удобствомъ остановиться на самомъ методѣ археологическаго изслѣдованія автора и оцѣнить по достоинству значеніе его работъ, равно какъ намѣтить и его слабыя стороны.

Въ Уставѣ Константина не дано, въ существѣ дѣла, никакого опи-

санія дворцовыхъ зданій, а только сдѣланы, во множествѣ мѣстъ, указанія различныхъ частей дворца и тѣхъ принадлежностей, которыя имѣютъ отношеніе къ самымъ обрядамъ и обстоятельствамъ ихъ совершенія. «Потому», говоритъ г. Бѣляевъ (I, предисловіе, стр. 7), «въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы можемъ догадываться, а иногда и доказать только послѣдовательность одного зданія или залы за другою, смежность или несмежность ихъ, близость или отдаленность, но не ихъ размѣры, планы, подробности ихъ расположенія и соприкосновенія одного къ другому». «Въ виду всего этого, планъ Лабарта, особенно въ подробностяхъ, слѣдуетъ считать чистымъ продуктомъ фантазіи автора, а не точнымъ выводомъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ источникахъ, какъ справедливо замѣтилъ Паспати». «А если по обрядамъ мы знаемъ только парадныя залы», продолжаетъ далѣе г. Бѣляевъ, «то мы должны совершенно отказаться отъ мысли возстановить планы дворцовыхъ зданій до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы раскопки и обнаружены основанія и части дворцовыхъ зданій». Какъ видно, авторъ, желая быть точнымъ, заранѣе отказывается вступать на путь, ему кажущійся путемъ произвола и пустыхъ догадокъ. Онъ, правда, повторялъ въ своемъ изданіи планъ Лабарта, но тутъ же прибавляетъ, что плану не вѣритъ и не считаетъ его научнымъ дѣломъ: получается разомъ и обвиненіе и оправданіе. На самомъ дѣлѣ, Лабартъ былъ вполнѣ правъ, сочиняя планъ, и его работа не была дѣломъ фантазіи, а только археологическою работою, которая, прежде всего, требуетъ вещественной, матеріальной точности. Нельзя говорить о смежности залъ, воображая себѣ только схему смежныхъ пространствъ, ограниченныхъ геометрическою линіею, — надо на самой формѣ залъ доказать возможность ихъ соприкосновенія: вѣдь самъ авторъ толкуетъ о формахъ корридоровъ или діаватиковъ, террассъ и площадей или иліаковъ и пр. Въ данномъ случаѣ, и авторъ и Паспати, занятые археологическою работою, напрасно остановились на полдорогѣ и осудили Лабарта, ушедшаго дальше, напрасно потому, что, не будучи явно присяжными археологами, не могли и представить себѣ, откуда этотъ блестящій археологъ, занимавшійся на своемъ вѣку всѣми эпохами искусства, могъ черпать формы и схемы для своего плана, и потому порѣшили, что этотъ планъ есть измышленіе автора. И далѣе, когда проф. Бѣляевъ занимается частями дворца, то, подобно Лабарту, также разсуждаетъ о ихъ назначеніи, формахъ, даже отдѣлкѣ и украшеніяхъ, насколько можно судить по свидѣтельствамъ писателей.

Правда, и здѣсь проявляется у автора опасеніе перейти въ область собственной археологіи, какъ бы ни была настоятельна нужда въ ея указаніяхъ, и онъ рѣшительно ограничивается свидѣтельствами своего ближайшаго источника. Къ чему приводитъ это ограниченіе, покажемъ на примѣрѣ.

Авторъ (стр. 90—3 I книги, см. также указатель къ кн. II) такъ опредѣляетъ залу дворца, извѣстную подъ именемъ *Триконха:* «Трикон-

хомъ называлась великолѣпная тронная зала съ тремя большими абсидами или конхами, построенная, вмѣстѣ со многими другими дворцовыми зданіями, послѣднимъ иконоборческимъ царемъ Ѳеофиломъ, любившимъ великолѣпіе и много сдѣлавшимъ для увеличенія и украшенія Большаго Дворца, какъ видно изъ описанія произведенныхъ Ѳеофиломъ построекъ, находящагося у анонимнаго продолжателя хронографіи Ѳеофана. Авторъ, къ счастію, не только перечисляетъ эти постройки, но и говоритъ объ ихъ устройствѣ, описываетъ довольно обстоятельно самый Триконхъ, его перистилъ или Сигму, фіалу и находящуюся подъ Сигмою и Триконхомъ залу нижняго этажа». Слѣдуетъ, далѣе, разборъ по порядку всего матеріала, обставленный указаніями текстовъ. Въ этомъ разборѣ, правда, нѣсколько удивляетъ, что фіала этой «тронной залы» во время пріемовъ (δοξίμων вм. δεξίμων) наполнялась фисташками, миндальными орѣхами и т. п. (стр. 91, прим. 1); и, описывая фіалу, анонимный продолжатель Ѳеофана говоритъ, что во время пріемовъ царь угощалъ собравшихся фисташками, миндальными орѣхами и плодами, и хотя извѣстно, что иные цари любили сидѣть въ Сигмѣ на тронѣ, и слушать оттуда пѣніе димотовъ и смотрѣть ихъ танцы, однако, казалось бы, слѣдовало остановиться на такихъ, по малой мѣрѣ, странныхъ особенностяхъ «тронной» залы. Но авторъ останавливается на этихъ, чисто *филологическихъ* сообщеніяхъ, и во II-й книгѣ своей также не дѣлаетъ никакихъ разъясненій.

А между тѣмъ, за время появленія обѣихъ книгъ изданъ замѣчательно важный комментарій къ нашимъ скуднымъ даннымъ о византійскихъ дворцахъ извѣстнымъ изслѣдователемъ древнихъ текстовъ по археологіи и исторіи промышленныхъ искусствъ, Ю. Шлоссеромъ [1]), въ его разборѣ древняго описанія дворца, сохранившагося въ «лекціонаріи» монастыря Фарфа, которое мало занимало другихъ археологовъ, знавшихъ кодексъ или версіи этого описанія, доходящія до XI стол. Г. Ю. Шлоссеръ дѣлаетъ даже крупный опытъ свода, по возможности, всѣхъ текстовъ, ставшихъ ранѣе извѣстными, о средневѣковыхъ дворцахъ, которыхъ общее устройство, по счастью, примыкаетъ тѣсно къ античной древности, а потому въ основныхъ чертахъ доступно пониманію. Авторъ касается также и византійскихъ извѣстій, правда, только въ предѣлахъ соч. Лабарта и немногихъ текстовъ, и конечно, эта часть является наиболѣе слабою, какъ и его замѣчанія по архитектурѣ и декоративной сторонѣ, но данныя, идущія отъ латинскаго запада, копировавшаго греческіе образцы, замѣчательно дополняютъ наши о нихъ свѣдѣнія. Шлоссеръ напримѣръ ясно (стр. 53) представляетъ себѣ Триконхъ, какъ «византійскій» triclinium, то есть *обѣденный залъ* или *пиршественный* съ его службами, имѣющій три абсиды и сигму; въ Латеранскомъ дворцѣ Триконху еще

1) Sitzungsberichte d. K. Akad. d. W. in Wien, Bd. CXXIII, II. *Beiträge* zur Kunstgeschichte aus den Schriftquellen des frühen Mittelalters mit 2 Tafeln. 1891, глава II: *Die Palastbeschreibung aus Farfa und der Profanbau des frühen Mittelalters*, стр. 41—64.

отвѣчаетъ «Триклиній» съ прилегающими къ нему «accubita». А тексты, сведенные Шлоссеромъ, для большей убѣдительности, въ параллель съ описаніемъ дворца изъ Фарфы, называютъ обѣденный залъ дворца X стол. *trichorum* или *tricorium* и сообщаютъ объ этой залѣ слѣдующее: 1) кодексъ Фарфа: trichorum, i. e. domus conviviis deputata in qua sunt tres ordines mensarum et dictum est trichorum a 3 choris, i. e. 3 ordinibus commentantium; 2) кодексъ библ. Казанат. IX в.: trichorum locus prandii est, qui et Syma (Sigma) dicitur; кодексъ архив. Ват.: trichorus id est locus prandii, и такъ далѣе включительно до объясненія слова: *tricora* tres cameras vel absidas, и итальянской поэмы Intelligenza XIV вѣка. Очевидно, триконхъ = триклиній = trichorum.

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ указаніяхъ, которыя получаются изъ текстовъ, собранныхъ Шлоссеромъ, для задачи нашего автора: для опредѣленія базиличной формы залы Консисторія, для реставраціи положенія Ипподрома и пр. и пр. — очевидно, авторъ гораздо лучше всѣхъ изслѣдователей могъ бы воспользоваться этимъ новымъ матеріаломъ и особенно сводомъ стараго для своей задачи, если бы, повторимъ прежнюю фразу, не остановился на полдорогѣ и отъ филологическаго комментарія перешелъ къ археологическому изслѣдованію вопроса.

Тѣмъ, однако, болѣе заслуги со стороны автора, что онъ, не будучи археологомъ, а присяжнымъ филологомъ, покинулъ, всетаки, старую точку зрѣнія, съ которой всякія «реаліи», даже къ Гомеру и Геродоту, являются тою же «словесностью», какъ и строфы Горація, а во II книгѣ открыто перешелъ къ разработкѣ чисто археологическихъ темъ въ многочисленныхъ экскурсахъ, хотя выведенныхъ въ примѣчанія, но составляющихъ главный фондъ книги. Таково напр. блестящее истолкованіе названія одежды *дивитисія* = διβητήσιον (стр. 52—6) отъ divitensis = dalmatica, которое составляло доселѣ камень преткновенія для византологовъ.

Большой экскурсъ по топографіи Св. Софіи разрѣшаетъ и, повидимому, окончательно рядъ вопросовъ, недоумѣній и заблужденій, накопившихся въ археологической литературѣ по этому знаменитому храму. Таково напр. объясненіе того, что Λουτήρ былъ атріумъ Св. Софіи (стр. 104—6), что ἡ ὡραία πύλη—красныя врата храма находились на западной сторонѣ (стр. 99), что иконостасная преграда храма была низкая (стр. 123), что алтарь занималъ не одну среднюю абсиду, но и боковыя (110—122). Попутно авторъ объясняетъ роль и мѣсто Мутаторія или раздѣвальни царской ризницы (141), дѣлаетъ множество замѣтокъ о престолѣ Софіи, о святыняхъ ея, о приношеніяхъ царскихъ—*апокомбіяхъ* и патріаршихъ *евлогіяхъ* и пр. и пр. Всѣ эти экскурсы, однако, составлены почти исключительно на основаніи данныхъ Константинова Устава, развѣ еще авторъ пользуется Павломъ Силенціаріемъ и важнѣйшими историками.

И только, перейдя къ послѣднему и самому крупному этюду о парадныхъ облаченіяхъ императоровъ (196—219), изслѣдователь расши-

ряетъ область своихъ поисковъ и по вопросу о *лоръ* (212—9) даетъ цѣльный трактатъ по памятникамъ. Авторъ производитъ императорскій и придворный лоръ отъ консульской trabea, и съ этимъ происхожденіемъ нельзя не согласиться, разсматривая образцы того и другаго на изданныхъ авторомъ снимкахъ съ консульскихъ диптиховъ и византійскихъ (позднѣйшихъ) миніатюръ. Одно, что оставалось бы еще пожелать въ дополненіе къ этому тонкому этюду,—это объясненія того, почему именно лоръ = поясъ замѣнилъ консульскую трабею, когда и подъ какимъ вліяніемъ это совершилось. Для этого, какъ намъ кажется, кромѣ филологическихъ изслѣдованій, понадобится разсмотрѣть еще много памятниковъ, тѣмъ болѣе, что въ противуположеніи миніатюръ (XII—XIII вѣковъ) диптихамъ (VI столѣтія) замѣтенъ и самъ по себѣ крупный пробѣлъ въ 6 вѣковъ, къ тому же времени сложенія византійскаго церемоніала и орната.

Увы! мы такъ и не узнаемъ изъ книги, что такое θωράκια—авторъ не знаетъ навѣрное (стр. 197—8, прим.) ни, тѣмъ болѣе, что такое пресловутый *цицакій*—авторъ не знаетъ вовсе, какая именно одежда обозначается этимъ словомъ, которому, однакоже, указываетъ много объясненій (стр. 199, прим.), ни, наконецъ, что такое *скараманій*, случаи и способъ надѣванія котораго авторъ кратко описываетъ, не скрывая, что это названіе попадается въ Уставѣ чуть не на каждой страницѣ, и своею таинственностью дразнитъ комментатора. Очевидно, что всѣ формы древности, идущія отъ антика, вскрываются для пониманія гораздо легче, чѣмъ идущія съ Востока, и знаменитый Рейске прославился именно указаніями культурныхъ связей Византіи съ Востокомъ.

Главное достоинство всѣхъ экскурсовъ книги заключается, поэтому, въ изслѣдованіи античныхъ, греческихъ или римскихъ началъ взятой формы, и если подобное изслѣдованіе ведется по памятникамъ искусства и быта, критически опредѣленнымъ, разобраннымъ и объясненнымъ, то оно, естественно, является крупнымъ вкладомъ въ археологическую науку, которая основывается на критическомъ и сравнительномъ изученіи вещественныхъ древностей. И потому, чѣмъ рѣшительнѣе покинетъ авторъ сферу тяжелаго для чтенія и, по необходимости, хаотическаго комментарія и перейдетъ къ разработкѣ отдѣльныхъ археологическихъ экскурсовъ и этюдовъ, тѣмъ, кажется намъ, онъ скорѣе достигнетъ своей цѣли: пусть только, не довольствуясь филологическимъ толкованіемъ, онъ ищетъ источниковъ явленія, исторію каждой формы и ея изображеніе въ памятникахъ, и мы получимъ *реальный* комментарій къ «Уставу» Константина.

Н. Кондаковъ.

А. Васильева, *Сборникъ памятниковъ Византійской литературы. Anecdota graeco-byzantina.* Pars prior. Collegit, digessit, recensuit A. Vassiliev. Mosquae 1893. II + LXXIII + 345 + II стр. 8°. Цѣна 2 р. 50 коп.

Apocrypha anecdota by **Montague Rhodes James** M. A. (Texts and Studies. Contributions to biblical and patristic literature edited by J. Armitage Robinson B. D. Vol. II, No. 3). Cambridge 1893. XI + 202 p. 8°. 6 sh.

Научное изслѣдованіе греческихъ апокрифовъ, начавшееся еще съ первыхъ годовъ XVIII вѣка [1]), въ послѣднія десятилѣтія сдѣлало огромные успѣхи. Не говоря о классическихъ трудахъ Тило, Гфрёрера, Тишендорфа [2]), Райта (Wright), Р. А. Липсіуса, О. Ф. Фритче, не говоря о томъ, что солиднѣйшіе ученые нашего времени, какъ напр. Максъ Бонне (Bonnet, профессоръ въ Монпелье), всѣ свои силы отдаютъ на изученіе апокрифовъ, интереснѣйшіе апокрифическіе тексты и ихъ изслѣдованія встрѣчаются зачастую въ такихъ монографіяхъ, въ которыхъ по заглавію очень трудно предположить что либо подобное [3]). Скажемъ болѣе, трудно въ настоящее время указать дѣльную книгу по средневѣковой литературѣ, которая не касалась бы какого нибудь апокрифическаго сказанія и даже не пыталась бы внести свѣтъ въ его исторію. А тѣмъ не менѣе апокрифы и теперь оказываются слишкомъ недостаточно изслѣдованными сравнительно съ той ролью, которую играютъ они въ духовномъ развитіи новаго человѣчества. Какая изъ областей духовной жизни отъ IV по XV, а у насъ даже по XVIII вѣкъ не связана съ ними тѣснѣйшимъ образомъ? Проповѣдники наиболѣе досточтимые, передавая событія св. исторіи, пользуются апокрифическими сказаніями [4]); богословы утилизируютъ ихъ образы для сравненій и поясненій; иконописцы и миніатюристы изъ нихъ берутъ подробности для своихъ вѣковѣчныхъ и глубокомысленныхъ композицій; авторы высокопоэтичныхъ церковныхъ пѣснопѣній идутъ тѣмъ же путемъ; составители книгъ для народнаго чтенія черпаютъ изъ апокрифовъ широкой рукой; путешественники

---

1) Codex apocryphus novi testamenti знаменитаго Фабриція (1-й томъ) вышелъ въ Гамбургѣ въ 1703 г.

2) Его Evangelia apocrypha (1-ое изд. 1852) въ 1876 г. вышли вторымъ изданіемъ, что указываетъ на интересъ къ апокрифамъ сравнительно большой публики.

3) Въ видѣ примѣра можемъ указать на книгу Альбрехта Вирта (Wirth): Danaë in christlichen Legenden. Wien 1892, гдѣ впрочемъ драгоцѣнные тексты испорчены небрежностью издателя, а изслѣдованіе отличается по малой мѣрѣ излишней сангвиничностью.

4) См. напр. Слова Германа, патріарха Константинопольскаго, на Введеніе Богородицы во храмъ, на Благовѣщеніе, на Успеніе (Migne, Patr. gr. t. XCVIII, col. 292 и слѣд.). Проф. Н. В. Покровскій (Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892, стр. 25—27) рекомендуетъ отличать *непосредственное* вліяніе апокрифовъ (въ данномъ случаѣ на иконопись, но то же самое примѣнимо и къ памятникамъ литературы) отъ *преданія*, которое вошло и въ апокрифы и въ памятники другого рода. Но разъ древнѣйшую форму этого преданія мы имѣемъ именно въ апокрифѣ, развѣ мы не въ правѣ называть его *апокрифическимъ?* Но, конечно, при этомъ *апокрифическій* и *еретическій* будутъ понятіями, далеко не тождественными, какъ не были они, конечно, тождественными и для автора того слова на Рождество, которое приписывается Григорію Нисскому (Migne, XLVI, стр. 1127 и слѣд.), въ которомъ исторія дѣтства Богоматери начинается словами: Ἤκουσα τοίνυν ἀποκρύφου τινὸς ἱστορίας и т. д. (стр. 1137).

по св. мѣстамъ пріурочиваютъ апокрифическія сказанія къ опредѣленнымъ пунктамъ и памятникамъ; духовная драма во все время своего существованія и западное искусство эпохи возрожденія не могутъ обойтись безъ нихъ. Все это явленія, связанныя довольно близко съ церковью; но если мы обратимся къ тѣмъ группамъ фактовъ, которыя, повидимому, стоятъ особнякомъ отъ нея, мы и тамъ найдемъ многочисленные отзвуки апокрифовъ. Византійскіе хронисты не только пользуются извѣстными намъ сказаніями, но и сообщаютъ отрывки такихъ, которыя другимъ путемъ не дошли до насъ; отъ византійцевъ эти апокрифы переходятъ и въ нашу начальную лѣтопись, и въ западныя раннія попытки всеобщей исторіи и въ новогреческіе *синопсисы*, которые перепечатываются въ Венеціи въ XVII и въ XVIII вѣкахъ; многіе рыцарскіе романы ткутъ свои пестрые узоры по канвѣ, данной апокрифами; національная поэзія всѣхъ странъ средневѣковой Европы едва-ли не въ большинствѣ своихъ продуктовъ связана съ ними; они внесли богатый вкладъ въ народныя суевѣрія и демонологію; ихъ мотивы оказываются въ основѣ сказокъ и преданій такихъ племенъ, которыя и отъ христіанства давно отторглись [1]).

Да и могло ли это быть иначе? Въ лучшую пору человѣчества, когда христіанство обновило его «душу», возбудило его умъ, чувство и фантазію до степени экстаза, когда древнія цивилизаціи Востока, Греціи и Рима представили объединенному міру, повидимому, самые животворные результаты свои, когда вновь вступающія на историческую арену племена несли еще не разрушеніе, а свѣжіе соки и силы на службу человѣчеству, возникаетъ длинный рядъ поэтическихъ произведеній, объясняющихъ чудныя тайны новой религіи, пополняющихъ ея св. книги. Иныя изъ нихъ основаны на св. преданіи, правдивость и обязательность котораго всегда признавались самыми строгими блюстителями чистоты вѣры; другія ссылались на глубокую мудрость древнѣйшихъ народовъ востока; иныя, повидимому, подтверждались намеками самого св. Писанія [2]). Правда, значительное число ихъ (но, безъ сомнѣнія, далеко не большинство) явилось подъ вліяніемъ многочисленныхъ ересей того времени, но эти тенденціозные продукты скоро гибли и забывались не только потому, что побѣдоносное православіе не давало имъ ходу и истребляло ихъ, но также и

1) См. напр. статью Вс. Ѳ. Миллера, Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ. Ж. М. Н. Пр. 1873, іюль, стр. 94 и слѣд. Вотъ какъ еще въ 1862 г. говоритъ о значеніи апокрифовъ въ новѣйшее время первый русскій апокрифологъ, недавно умершій Н. С. Тихонравовъ: «Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще «въ полномъ цвѣтѣ» во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу». (См. Л. Н. Майкова «Некрологъ Н. С. Тихонравова». Ж. М. Н. Пр. 1894 г., январь, стр. 86).

2) Какъ напр. Видѣніе ап. Павла оправдывалось извѣстными словами посланія къ Коринѳ. II, 12, 3.

потому, что тенденціозность вредила самому существу ихъ, лишала ихъ поэзіи[1]); если же въ еретическомъ сказаніи, по талантливости его составителя, оказывался жизненный и популярный мотивъ, такой апокрифъ скоро подвергался переработкѣ и, очищенный ею, поступалъ въ общую сокровищницу.

Свѣжія, такъ называемыя варварскія племена усваивали иныя изъ этихъ поэтическихъ сказаній вмѣстѣ съ основами христіанства; другія являлись къ нимъ позднѣе по мѣрѣ развитія письменности; часть ихъ ассимилировалась съ нѣкоторыми изъ національныхъ преданій и обломками языческаго міровоззрѣнія, и такимъ образомъ на новой почвѣ получала новую жизнь. И на западѣ, и на востокѣ строгіе церковники пытались бороться съ ними, противодѣйствовать ихъ распространенію; но и въ средніе вѣка народный духъ служилъ регуляторомъ для авторитета, и знаменитые *индексы* ослабили популярность или способствовали истребленію только тѣхъ отреченныхъ сказаній, которыя грубо и рѣзко противорѣчили основнымъ догматамъ и міровоззрѣнію христіанства; остальныя проникли во всѣ сферы духовной жизни; многія изъ нихъ или въ возможной неприкосновенности, или въ извлеченіяхъ и передѣлкахъ вошли даже въ такія всѣми уважаемыя книги, какъ *Золотая легенда* и Великія Четьи-Минеи Макарія.

Какія же пособія имѣетъ современный ученый для того, чтобъ изслѣдовать источники и первоначальныя формы этихъ сказаній, проживишихъ въ христіанскомъ обществѣ длинный рядъ столѣтій и оказавшихъ могущественное вліяніе на всѣ проявленія его духа? Смѣшно сказать, что на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Dictionnaire des Apocryphes* аббата Миня (I т. 1856 г., II т. 1858 г.), т. е. самое некритическое изданіе переводовъ и монографій, значительная часть которыхъ устарѣла до полной непригодности. Но безъ Миня мы не знали бы, что и дѣлать: оріенталисты новѣйшаго времени, отъ которыхъ мы должны бы ожидать наиболѣе интересныхъ указаній, смотрятъ на памятники этого рода подобно тому, какъ первые эллинисты эпохи возрожденія смотрѣли на произведенія христіанской эпохи; византинисты имѣютъ свои болѣе настоятельныя нужды; германисты, романисты и славистьы отдаютъ свои издательскія силы на публикацію памятниковъ, написанныхъ на языкахъ новой Европы; фольклористы всецѣло заняты живой стариной, иконографы—памятниками искусства и т. д., а для историческаго изслѣдованія апокрифовъ нѣтъ работниковъ. Отъ этого происходятъ такія странныя явленія: памятникъ опубликованъ въ 5—6 производныхъ редакціяхъ и передѣлкахъ, а его оригиналъ извѣстенъ въ одномъ плохомъ спискѣ, да и изъ того иногда напечатано лишь нѣсколько строкъ.

Какъ ни важны восточные первоисточники или раннія версіи апокрифовъ, можно считать общимъ правиломъ, что широкое распростране-

[1]) По той же причинѣ рѣзко тенденціозные раскольничьи духовные стихи не имѣютъ успѣха въ нашемъ народѣ.

ніе въ христіанскомъ мірѣ могли получить они только черезъ посредство греческихъ передѣлокъ. Вотъ почему, при настоящемъ положеніи дѣла, особенно важно собирать и издавать греческіе тексты апокрифическаго содержанія. Недостатка въ матеріалѣ не можетъ быть: ими переполнены многія сотни сборниковъ въ библіотекахъ Востока и Запада. Жатва обильная; только дѣлателей мало. Въ прошломъ 1893 г. на двухъ концахъ Европы, въ Москвѣ и Кембриджѣ, появились, независимо другъ отъ друга, два очень интересныя собранія греческихъ апокрифовъ; московское собраніе значительно обширнѣе и содержательнѣе.

Почтенный авторъ книги: Anecdota graeco-byzantina, Аѳ. Васильевъ, род. въ 1855 г., въ 1875 г. поступилъ въ московскій университетъ и занимался древнерусской литературой подъ руководствомъ профессоровъ Буслаева и Тихонравова; въ 1882 г. онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и былъ командированъ за границу. Онъ усердно работалъ въ книгохранилищахъ Австріи, Сербіи и Италіи и кромѣ массы славянскихъ текстовъ списалъ длинный рядъ текстовъ греческихъ. Къ сожалѣнію, самозабвенной работой онъ разстроилъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье и, по возвращеніи въ Россію, въ декабрѣ 1889 г. скончался отъ чахотки, успѣвъ напечатать только греческіе тексты и часть предисловія къ нимъ. Бумаги свои онъ оставилъ своему учителю и руководителю Н. С. Тихонравову, теперь тоже умершему. Изданіе книги Anecdota graeca закончилъ проф. С. Соболевскій [1]).

Книга покойнаго Васильева заключаетъ 18 памятниковъ или группъ ихъ и обширное введеніе (I — LXXI стр.), сильно напоминающее и по манерѣ изложенія и по своей содержательности Prolegomena Тишендорфа въ его Apocalypses apocryphae и Evangelia apocrypha; но, имѣя въ виду цѣли славянорусской письменности, собиратель указываетъ по мѣрѣ возможности славянскія передѣлки издаваемыхъ памятниковъ.

Подъ № 1 помѣщено *Сказаніе объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи* (Μαρτύριον εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου), взятое изъ монтекассинскаго кодекса (№ 277) XI в., памятникъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ неизданный [2]). Вотъ его содержаніе.

На 42-мъ году царствованія Августа родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ; Иродъ, сынъ Антипатра, ищетъ погубить его и приказываетъ убивать младенцевъ. Тогда, по повелѣнію арх. Михаила, Іосифъ съ Богоматерью и младенцемъ бѣжитъ въ Египетъ, а Елисавета съ сыномъ уходитъ «въ горняя» (εἰς τὴν ὀρεινήν). Не найдя Іоанна, Иродъ посылаетъ къ отцу его Захаріи съ требованіемъ сказать, гдѣ сынъ его. Когда Захарія отозвался незнаніемъ, Иродъ приказалъ убить его, что̀ и было исполнено въ самомъ святилищѣ. На утро весь народъ сошелся у храма и напрасно ожидалъ выхода Захаріи. Когда нѣкто осмѣлился войдти внутрь,

1) Онъ же перевелъ на латинскій языкъ и большую часть введенія.

2) А. Васильевъ относитъ его къ числу prelo nondum subjecta (Praef. p. II).

голосъ изъ святилища объявилъ объ убійствѣ Захаріи; народъ оплакивалъ его 5 дней; пролитая кровь его окаменѣла, а тѣла нигдѣ не оказалось. Елисавета скрылась въ горѣ, которая раздѣлилась по ея слову. Тамъ она кормила Іоанна молокомъ своимъ до 5-мѣсячнаго возраста; тогда, по повелѣнію ангела, она отдоила отроча, и съ тѣхъ поръ онъ питался акридами съ древа (ἀκρίδας τοῦ δένδρου τοῦ ἐπὶ τῆς σκηνῆς) и медомъ дивіимъ, выходившимъ изъ камня. 13-ти мѣсяцевъ онъ началъ ходить и скакать; тогда сила невидимая перенесла Елисавету съ ребенкомъ въ домъ ея. 30-ти лѣтъ Іоаннъ началъ проповѣдовать; питался онъ «акридами, т. е. финиками» (ἀκρίδας τουτέστιν φοίνικας) и дикимъ медомъ; одежда его была изъ верблюжьяго волоса, и кожаный поясъ былъ у чреслъ его. Ему было 32 года, когда Иродъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Ты ли Іоаннъ, сынъ Захаріи? Развѣ ты не знаешь, что кровь твоя подъ рукою моею?» А Іоаннъ обличалъ его какъ прелюбодѣйно живущаго съ женою брата своего Филиппа *Поліею* (Πολία); по наущенію послѣдней, Иродъ приказалъ мучить Іоанна, а самъ пытался оправдать свой поступокъ закономъ Моисеевымъ, который повелѣваетъ живому брату возстановлять семя умершаго. Іоаннъ же говорилъ ему: «ты самъ отравилъ брата своего, а съ женою его прелюбодѣйствовалъ и при жизни его». Усѣкновеніе главы Предтечи пересказано по Евангелію (Матѳ. 14, 6—12; Маркъ 6, 21—29), только плясавица считается дочерью самого Ирода. Тѣло Іоанна ученики унесли тайно (ἔκλεψαν). Тогда ангелъ Господень повелѣлъ Елисаветѣ пойдти въ Виѳлеемъ, взять тѣло сына и похоронить его тамъ же, гдѣ лежитъ тѣло Захаріи, открывшееся при землетрясеніи и громѣ въ святилищѣ храма; мѣсто погребенія этихъ св. останковъ должно на всегда остаться тайною. Въ то же время дочь Ирода Иродіада, забавляясь въ зимній день на льду, провалилась въ воду; когда стали ее выталкивать, голова ея оторвалась, и туловище пошло подъ ледъ. Когда умеръ Иродъ, тѣло его не было принято землею, а извергнуто вонъ и сдѣлалось добычею птицъ и звѣрей. Все это записалъ Еврипъ, ученикъ Іоанна.

Въ сборникѣ Аѳинской публичной библіотеки подъ № 1007 [1]) находится, между прочимъ, другая версія этого апокрифа. Вотъ его заглавіе и начало:

Γέννησις καὶ τελείωσις τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ καὶ πατρὸς αὐτοῦ Ζαχαρίου. Εὐλόγησον πάτερ.

Τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας γεννηθέντος

1) Въ каталогѣ, составленномъ покойнымъ Іоанномъ Саккеліономъ (Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐθνικῆς βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθήναις. 1892) онъ описанъ такъ: Τεῦχος ἐκ χάρτου κοινοῦ μήκ. 0, 21, πλάτ. 0, 13, κατὰ τὴν ιζ′ ἑκατονταετηρίδα γεγραμμένον ὑπὸ γραφέως ἀμαθεστάτου, ἐκ φύλλων δὲ συγκείμενον 364. Περιέχει: Βίους ἁγίων ἀναμὶξ καὶ κεφάλαια ψυχωφελῆ ἀσκητικὰ καὶ λόγους πατέρων οἷον: Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου· ἐν οἷς καὶ τὸ ἀπόκρυφον: Ἀποκάλυψις τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ πρὸς τὸν ἅγιον Ἰωάννην τὸν Θεολόγον. Листы сборника не размѣчены.

ἔτει μγ' τοῦ Αὐγούστου βασιλέως, ζήτησιν ἐποιήσατο ὁ Ἡρώδης ὁ βασιλεὺς Ἱεροσολύμων τοῦ ἀπολέσαι αὐτόν· τότε ἐχρηματίσθη Ἰωσὴφ ὑπὸ ἀγγέλου Ζωνθουθαμουήλ, ὅ ἐστι δοῦλος τοῦ Ὑψίστου, τοῦ ἆραι τὸ παιδίον καὶ φεύγειν εἰς Αἴγυπτον, ὃ καὶ ἐποίησεν· καὶ ἄρας τὸ παιδίον ἀπῆλθεν εἰς Αἴγυπτον καὶ ἐποίησεν ἐκεῖ μῆνας ιβ' παρά τινι Ἀρφαίῳ ἀνθρώπῳ τοῦ θεοῦ и т. д Работая въ этой библіотекѣ лѣтомъ 1893 г. и еще не зная о книгѣ Васильева, я списалъ этотъ апокрифъ. Текстъ его не на столько исправенъ, чтобы привести его здѣсь полностью, но обозначить главнѣйшія отмѣны его противъ текста монтекассинскаго считаю нелишнимъ.

Въ аѳинскомъ, вообще болѣе подробномъ, какъ видно и изъ приведенныхъ строкъ, изложеніи объяснено, почему Иродъ съ такимъ тщаніемъ ищетъ Іоанна: онъ опасается, что младенецъ будетъ впослѣдствіи царствовать надъ Израилемъ. Убійцы поразили Захарію у дверей храма, а онъ ползкомъ достигъ до святилища [1]). Гору для Елисаветы открываетъ архангелъ Уріилъ [2]). Къ пребыванію Елисаветы и Іоанна въ горѣ пріурочено событіе, изложеніе котораго, къ сожалѣнію, сильно испорчено переписчиками. Вотъ его текстъ. Γενομένου δὲ τοῦ Ἰωάννου ἡμέρας μ' ὁ Κύριος ἐλθὼν ἀπὸ Αἰγύπτου σὺν Γαυριὴλ τοῦ ἀρχαγγέλου ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Θεοῦ, καὶ προσέταξεν τῷ Θυριὴλ (чит. Οὐριήλ) καὶ ἤγαγεν ἐκεῖσαι (чит. ἐκεῖσε) τὸν Ἰωάννην νύκτα. καὶ ἐλθόν[των] αὐτῶν ἀμετρήτων οἱ δ' δυνατοὶ Μιχαήλ, Γαβριήλ, Οὐριὴλ καὶ Ῥαφαὴλ ἐν οἷς που ἔνε (чит. εἶναι?) ὁ Κύριος, καὶ ἤγαγον τὸ σκήνωμα Ζαχαρίου, καὶ ἐνεφύσησεν αὐτῷ πρὸς ζωὴν ὁ Κύριος, καὶ ἀναστάντες πρὸς λειτουργίας (чит. λειτουργίαν) ἐτρέποντο. καὶ προσέταξεν ὁ Κύριος καὶ ἐξέβλυσεν πηγὴ ὕδατος, ὅπου τὰ ἅγια ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ· καὶ ἐβάπτισεν (Господь?) ἐκεῖ τὸν Πρόδρομον Ἰωάννην καὶ τότε βαπτίζει (Предтеча?) τὸν πατέρα αὐτοῦ Ζαχαρία (чит. Ζαχαρίαν). καὶ ἔκραξαν οἱ ἄγγελοι· Ἀμήν· ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος ὁ Θεὸς ὁ καθήμενος ἐπὶ θρόνου δόξης· ὅτι τῶ (чит. τὸ) δόγμα τοῦτον (чит. τοῦτο) ἐκ τοῦ πατρὸς τῶν φωνῶν (чит. φώτων?) ἐστιν καὶ τοῦ (чит. τὸ) λουτρὸν οὐράνιον· καὶ πάλλιν (чит. πάλιν) εἶπεν (?)· Ἀμήν. τότε προσέταξεν ὁ Κύριος καὶ κηδεύουσιν οἱ ἄγγελοι τὸ σῶμα Ζαχαρίου, καὶ ἔθαψαν αὐτὸ ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ ὑποκάτω τοῦ θυσιαστηρίου· καὶ ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀπῆλθεν ὁ Κύριος Γαυριὴλ (чит. σὺν Γ.) ἐν Αἰγύπτῳ, καὶ Ἰωάννης σὺν τῷ Οὐριὴλ ἐν τῇ ἐρήμῳ. ὅ τι ἐν στιγμῇ χρόνου ἐν τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ ἐγένοντο τὰ μεγάλα ταῦτα.

Очевидно, здѣсь идетъ дѣло о «небесной литургіи», столь популярной въ средніе вѣка, здѣсь осложненной крещеніемъ Крестителя и его отца Захаріи [3]).

Въ этомъ текстѣ отсутствуетъ чудесное перенесеніе Елисаветы съ младенцемъ въ домъ ея. Здѣсь не съ 30 л., а съ 5 Предтеча носитъ

1) καὶ ἐπάταξαν (επάταξεν cod.) αὐτὸν τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ πρὸς τῶν πυλῶν τοῦ ἱεροῦ τοῦ θεοῦ· αὐτὸς δὲ ἕρπων ἦλθεν πλησίον τοῦ θυσιαστηρίου.

2) Θυριὴλ cod.

3) Ср. статью о крещеніи Богородицы и апостоловъ, часто встрѣчающуюся въ сборникахъ и напечатанную въ приложеніяхъ къ *Chronic. Pasch.* (ed. Dindorf II, 144).

усѣченіи главы Предтечи, ссылается именно на XVIII кн. Іосифа, но цитируетъ ее не совсѣмъ вѣрно: ἱστορεῖ δὲ καὶ ὁ Ἰώσηππος ἐν ιη΄ τῆς Ἀρχαιολογίας αὐτοῦ βίβλῳ ὡς διὰ Ἡρωδιάδα, γυναῖκα οὖσαν Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ τοῦ Ἡρώδου, ὁ ἅγιος Ἰωάννης ἀποτέμνεται. Очевидно, авторъ безсознательно подчинилъ Іосифа Евангелію.

Георгій Синкеллъ (нач. IX в.), вкратцѣ упомянувъ о мучительной смерти Ирода старшаго (ed. Bonn. I, 600), ниже (ibid. 606) разсказываетъ объ усѣкновеніи главы Крестителя тоже по Іосифу, но при этомъ ссылается на болѣе точное (ἀκριβέστερον) евангельское повѣствованіе. Еще ниже (подъ 39 г. по Р. Х., I, 625—6) онъ говоритъ о жалкой участи, постигшей Ирода и Иродіаду, слѣдующее: Ἀγρίππας Ἡρώδου παῖς ἐπὶ Τιβερίου Καίσαρος φρουρηθεὶς διὰ τὰς κατὰ τοῦ ἰδίου πατρὸς κατηγορίας καὶ ἀνεθεὶς τῶν δεσμῶν ὑπὸ Γαΐου Καίσαρος βασιλεὺς Ἰουδαίων ἐκπέμπεται· Ἡρώδης δὲ ὁ τούτου πατὴρ ἐν Λουγδόνῳ τῆς Γαλατίας ἐξορισθεὶς ἐν ἐσχάτῃ πενίᾳ σὺν Ἡρωδιάδι τῇ μοιχαλίδι θνίσκει. τὴν γὰρ ὀρχησαμένην κόρην ἐπὶ τῆς ἀποτομῆς τοῦ μεγάλου προφήτου προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ Ἰωάννου ζῶσαν κατέπιεν ἡ γῆ. Здѣсь все, кромѣ послѣдняго предложенія, взято изъ Іосифа съ незначительнымъ усиленіемъ (ἐν ἐσχάτῃ πενίᾳ), а послѣднія строчки представляютъ зерно позднѣе развившагося сказанія о казни Божьей, постигшей «плясавицу». Георгій Амартолъ (средина IX в.), пользуясь, очевидно, Іосифомъ, разсказываетъ сперва (ed. Muralt, 226—7) о смерти Ирода и Иродіады (δι᾽ ἣν καὶ τὸν Πρόδρομον ἀνεῖλεν), какъ въ Пасхальной Хроникѣ, а немного ниже (228—9) съ большими подробностями и съ поименнымъ указаніемъ на «исторію» Іосифа говоритъ о смерти Ирода старшаго. Этому разсказу онъ предпосылаетъ слова: Ὁ δὲ ἄθλιος Ἡρώδης (младшій, Иродъ Антипа) ἐπὶ ἡμέρας φθειρόμενος καὶ σκώληκας ἐκβράζων, ἐλεεινῶς τὸν βίον κατέλυσε, ὥσπερ καὶ ὁ δυσσεβέστατος αὐτοῦ πατήρ.

И такъ въ томъ же IX в., но нѣсколько позднѣе, мы находимъ также въ зачаточномъ состояніи и другой составной элементъ нашего сказанія — перенесеніе на Ирода, убійцу Крестителя, преданія о мучительной и позорной смерти отца его.

Въ срединѣ X вѣка, въ лексиконѣ Свиды (ed. Bernhardy I, 2, стр. 895—96, подъ словомъ Ἡρώδης) «плясавицѣ» дано имя; это Σαλώμη, дочь Иродіады отъ перваго ея брака съ Филиппомъ; дочерью Иродіады она называется въ Евангеліи, но имя взято изъ Іосифа Флавія (XVIII, V). О смерти обоихъ Иродовъ Свида буквально повторяетъ слова Амартола.

Кедринъ (XI—XII в.) о жестокостяхъ Ирода старшаго и о его мучительной смерти разсказываетъ по Іосифу, не ссылаясь однако на него (ed. Bonn. I, 321—2 и 332—3), а объ изгнаніи Ирода-Антипы и гибели «плясавицы», его дочери, повторяетъ дословно Синкелла, но потомъ прибавляетъ (стр. 323): οἱ δέ φασιν ὅτι εἰς πάγον παίζουσα ἐπάνω λίμνης διαρραγέντος κατῆλθε κάτω, καὶ τῆς κεφαλῆς ἀποσφηνωθείσης τὸ μὲν σῶμα ἅπαν εἰς τὸν βυθὸν κατῆλθεν, ἡ δὲ κεφαλὴ ἐπάνω τοῦ πάγου ὑπελείφθη.

Изъ сказаннаго съ значительной вѣроятностью можно заключить,

что сказаніе сложилось около IX вѣка [1]), но пополнялось и обставлялось новыми подробностями и много позднѣе. Любопытно наблюденіе проф. Покровскаго [2]), что именно съ IX вѣка художники стали пользоваться преданіемъ о спасеніи Елисаветы съ младенцемъ Іоанномъ въ горѣ. «Не слѣдуетъ ли поэтому думать», спрашиваетъ Н. В. Покровскій, «что къ тому времени преданіе это стало общеизвѣстнымъ и не считалось апокрифическимъ?» Вообще слѣдовало бы пересмотрѣть иконографію Предтечи, имѣя въ виду вышеизложенное сказаніе: весьма возможно напр., что западныя изображенія маленькаго Іоанна, отводимаго ангеломъ или даже относимаго имъ на плечѣ, о которыхъ говоритъ Г. В. Каменновъ [3]), а также и положеніе тѣла Крестителя во гробъ апостолами Андреемъ и Іоанномъ, изображаемое по аѳонской Ерминіи [4]), обусловлены или закрѣплены его распространеніемъ.

Какъ поздній отзвукъ преданія о казни «плясавицы» отмѣтимъ ея упоминаніе въ знаменитомъ романѣ Сю «Вѣчный жидъ»; припомнимъ, что она появляется въ самомъ началѣ романа на берегу *Ледовитаю* океана [5]) и что она блуждаетъ безъ устали по землѣ, такъ же какъ и въ каталанскомъ преданіи, указанномъ акад. Веселовскимъ [6]); Эж. Сю, какъ и каталанское преданіе и какъ обѣ версіи нашего апокрифа, называетъ ее Иродіадой.

Подъ № 2 въ книгѣ Васильева издано «Преніе Христа съ дьяволомъ». У Тихомирова мы находимъ его въ двухъ русскихъ изводахъ: по рукописи 1602 г. (Имп. Публ. Библ.) и по рукописи XVIII в. (принадл. Сахарову). У Васильева тоже два текста: венеціанскій XII в. и вѣнскій XIII в.; къ обоимъ имъ ближе тихонравовскій текстъ 1602 г., а изводъ XVIII в. представляетъ попытку слить апокрифъ съ евангельскимъ разсказомъ объ искушеніи Христа въ пустынѣ, къ чему ближайшимъ поводомъ послужилъ упоминаемый въ началѣ апокрифа 40-дневный постъ Господа и учениковъ его. Греческіе тексты обширнѣй русскаго и объясняютъ многія его ошибки и сокращенія, хотя сами далеко не отличаются исправностью [7]). Издатель вполнѣ правильно расчленилъ этотъ апокрифъ на двѣ части: повѣствованіе о побѣдоносной борьбѣ Христа-человѣка съ дьяволомъ и предсказаніе о послѣднихъ временахъ, и ко второй части

---

1) На эпоху раздѣленія церквей, можетъ быть, указываетъ и сохранившееся въ обѣихъ версіяхъ объясненіе *акридъ* посредствомъ финиковъ: наивный авторъ апокрифа, зная, что православные обличаютъ латынянъ за ядѣніе скверны, счелъ нужнымъ снять возможное обвиненіе съ Крестителя.

2) Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. СПб. 1892, стр. 150.

3) Православный Собесѣдникъ 1887 г. «Иконографія св. Іоанна Крестителя въ восточной и западной церкви», стр. 35.

4) ἔκδοσις δευτέρα ὑπὸ 'Αν. Κωνσταντινίδου. 1885, стр. 213 Ср. у В. Каменнова о. с., стр. 46.

5) Le Juif errant, éd. par Louis Huard. Bruxelles. 1846, I, стр. 6. Ср. ibid. 117.

6) Разысканія въ области духовн. стиха VI—X. СПб. 1883 стр. 221.

7) Даже пугаютъ собесѣдниковъ, напр. α', стр. 5, строка 4.

сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ указаній въ апокалипсической литературѣ. Но я не могу согласиться съ нимъ относительно «явнаго» (perspicuum, Praefatio, стр. VI) вліянія двоевѣрныхъ ересей на этотъ апокрифъ: «что дьяволъ царствовалъ на землѣ до пришествія Христа» вовсе не еретическое мнѣніе; а слова: ἀλλὰ πλείων σοῦ ὑπάρχω καὶ τῶν ἀγγέλων σου γέγονα, столь ясно тутъ же оказавшіяся ложью, только проявленіе хвастовства отъ гордости падшаго врага Божія. Васильевъ думаетъ, что еслибъ вмѣсто: οὐκ εἰμὶ ὅμοιος τοῦ ὑψίστου, σὺ δὲ υἱός αὐτοῦ, ἀλλ' ἐγὼ ὅμοιος ἑαυτοῦ можно было читать ἐγώ εἰμι ὅμοιος и т. д., было бы несомнѣнно, что авторъ статьи манихеянинъ. Но такое чтеніе ничѣмъ не мотивировано; напротивъ: третье предложеніе именно требуетъ отрицанія въ одномъ изъ предыдущихъ. Кромѣ того разночтенія другого греческаго и обоихъ славянорусскихъ текстовъ [1]) дѣлаютъ первоначальность этой фразы болѣе, чѣмъ сомнительной. Наконецъ, позорное безсиліе сатаны, столь рѣзко проявляющееся во всемъ разсказѣ, рѣшительно противорѣчитъ идеѣ о равенствѣ двухъ началъ.

Подъ № 3 помѣщены «Вопросы Вареоломѣя» по вѣнской рукописи XIII в., гдѣ эта статья лишена начала; но это начало дополняютъ Памятники Отреч. Лит. Тихонравова (II, 18 и слѣд.; тоже въ Памятн. Кушелева III, 109 и слѣд.) по знаменитому Паисіевскому сборнику (XIV в.) за то «Вопрошаніе» въ Паисіевскомъ сборникѣ лишено конца, составляющаго бо́льшую половину статьи [2]).

Этому «важнѣйшему памятнику апокрифической литературы» [3]) очень посчастливилось въ послѣднее время: не только издатель въ предисловіи (стр. VII—XII) указалъ къ нему длинный рядъ интересныхъ параллелей, но и В. Н. Мочульскій посвятилъ ему цѣлую главу въ своемъ изслѣдованіи: «Слѣды народной Библіи въ славянской и въ древнерусской письменности» (Одесса, 1893, стр. 230 и слѣд.); тамъ же въ приложеніяхъ (№ V,

1) Въ текстѣ вѣнскомъ говоритъ Христосъ: ἐὰν μή σοι πολεμήσω, οὐκ ἔσομαι βασιλεὺς τῶν αἰώνων. Въ тихонрав. II: аще не борюся съ тобою, не буду подобенъ Вышнему (τοῦ ὑψίστου); въ тихонр. I испорчено, но, очевидно, изъ того же: еще не бойся, сатана, съ тобою не буду (написано два раза) Вышнему.

2) Вотъ содержаніе этой недостающей въ славянскомъ переводѣ половины. Ободренный Христомъ, Вареоломѣй попираетъ ногою шею сатаны, и тотъ на его вопросы разсказываетъ ему исторію своего созданія, говоритъ объ ангелахъ первозданныхъ, объ ангелахъ, завѣдующихъ элементами, вѣтрами и пр., о мукахъ грѣшниковъ и о томъ, какъ дьяволы искушаютъ людей. Затѣмъ (съ стр. 19) слѣдуетъ молитва Вареоломѣя къ Іисусу Христу за грѣшниковъ; затѣмъ опять діалогъ апостола съ сатаною, который разсказываетъ о созданіи Адама, о своемъ и своихъ 600 подручныхъ отказѣ поклониться подобію Божію, о возстаніи гордыхъ противъ Господа и сверженіи ихъ съ неба, о совѣтѣ ихъ, о томъ, какъ онъ сатана опоилъ и обманулъ Евву. Затѣмъ идетъ опять молитва Вареоломѣя за грѣшныхъ и его разговоръ съ Христомъ о томъ, слѣдуетъ ли всякому человѣку открывать тайны Божіи, о тягчайшихъ грѣхахъ и между прочимъ о грѣхѣ плотскомъ.

3) Gravissimum cum rebus ipsis tum poëtico quem traxit colore eoque virido litterarum apocryphorum monumentum. Васильевъ, Praef., стр. VII.

стр. 276 и слѣд.) онъ напечаталъ неизвѣстный до сихъ поръ славянскій изводъ его по вѣнской рукописи.

Г-нъ Мочульскій въ заключеніи своего изслѣдованія объ этомъ памятникѣ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (стр. 246—7):

1. «Вареоломѣевы вопросы Богородицѣ.... возникли въ монофизитской средѣ, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ спискамъ этого памятника.

2. Сообразуясь съ древнѣйшими списками даннаго памятника, сохранившимися въ коптской письменности, можно предполагать, что онъ возникъ приблизительно въ VII в. по Р. Х.

3. Посредствующей средой, способствовавшей проникновенію даннаго памятника въ письменность славянскую, а съ нею и въ древнерусскую, служили Малоазійскіе Славяне, жившіе обокъ съ монофизитами Армянами».

Къ сожалѣнію, при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, по моему мнѣнію, ни одно изъ этихъ положеній не можетъ считаться сколько нибудь солидно обоснованнымъ.

Монофизитскую тенденцію «Вопросовъ» г. Мочульскій усматриваетъ въ томъ, что «какъ въ изображеніи тайны искупленія, такъ и при изложеніи тайны воплощенія, составитель нашего памятника старается выдвинуть одну лишь божескую природу Христа, желая какъ бы показать, что какъ при воплощеніи Христосъ, какъ Богъ, вошелъ въ утробу дѣвы, такъ и при искупленіи Онъ остался Богомъ, и во всемъ величіи божества сошелъ во адъ, дабы освободить Адама изъ узъ дьявола». «Чтобы не быть голословнымъ», г. Мочульскій приводитъ слова Вареоломѣя Господу: И видѣхъ тя на крестѣ обѣшена, *и аньели съ небесъ схожаху, и кланяхуся твоей смерти* [1]) и т. д. и слова, слышанныя при нисхожденіи Христа въ адъ: *се бо сходитъ царь славы* [2]). Заключительными же аргументами изслѣдователь выставляетъ то обстоятельство, что «о страданіяхъ Христа, въ которыхъ проявилась природа человѣческая, въ нашемъ памятникѣ нѣтъ ни слова» и что при изображеніи воплощенія нѣтъ «ни одной черты изъ реальной обстановки, которыми такъ богата апокрифическая литература» (242).

Аргументы *a non dicendo* въ нашей области вообще не могутъ считаться доказательными; еретикъ, желающій провести свою тенденцію въ народъ посредствомъ вымышленнаго разсказа, не ограничится умолчаніемъ о фактахъ, его ереси противорѣчащихъ, а прямо отвергнетъ ихъ или замѣнитъ противоположными. Ангелы, покланяющіеся распятому Христу, являются въ безчисленномъ множествѣ памятниковъ искусства, такъ же какъ и въ Мессіадѣ Клопштока (пѣсни VIII и слѣд.), котораго, конечно, никто не подумаетъ обвинять въ монофизитствѣ [3]). Разрушеніе

1) Курсивъ у г. Мочульскаго со стр. 241.

2) Тоже стр. 242.

3) Никто также не будетъ обвинять въ монофизитской тенденціи цѣлый періодъ искусства, когда распятый Христосъ изображался не страдающимъ, а какъ бы царствующимъ на крестѣ.

вратъ адовыхъ и выраженіе: «се бо сходитъ царь славы» встрѣчаются постоянно и въ проповѣдяхъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ; а въ данномъ памятникѣ разсказъ о сошествіи Христа въ адъ есть мѣстами распространеніе, мѣстами сокращеніе извѣстной части Никодимова Евангелія, многія выраженія котораго здѣсь приводятся дословно [1]); оттуда же, съ естественнымъ сгущеніемъ красокъ, взято и выраженіе сатаны́: «самъ бо Богъ на землю не снидетъ», которое рѣзко противорѣчитъ монофизитству. Не забудемъ, что «Воспрошанье» происходитъ послѣ воскресенія Христа, когда божественность его природы сказалась съ особенною силою. Что же касается до «чертъ изъ реальной обстановки», сопровождающихъ актъ воплощенія, то въ апокрифахъ онѣ вовсе не таковы, чтобы отсутствіе ихъ могло свидѣтельствовать о монофизитской тенденціи [2]). Вообще преувеличеніе, усиленіе элемента чудеснаго есть общая черта всей апокрифической литературы; если не принимать этого въ разсчетъ, бо́льшую половину ея прійдется приписать монофизитамъ [3]).

Что касается до времени происхожденія нашего памятника и коптскихъ пересказовъ, то я не имѣю въ настоящее время подъ руками ни Дюлорье, ни Revillout [4]); но, судя по изложенію г. Мочульскаго (стр. 238—9), никоимъ образомъ не могу признать ихъ *списками* нашего апокрифа, такъ какъ только первый изъ нихъ имѣетъ съ нимъ два пункта соприкосновенія (выдающаяся роль ап. Варѳоломѣя и изведеніе Адама изъ ада) и предполагаетъ генетическую связь; но назвать его спискомъ Варѳоломѣевыхъ вопросовъ все равно, что признать таковымъ Никодимово евангеліе. Изъ того, что въ коптской письменности VIII—IX в. былъ памятникъ, литературно родственный нашему апокрифу, можно только съ нѣкоторой вѣроятностью опредѣлить terminum a quo, но не время возникновенія памятника. Въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ апокрифъ дошелъ до насъ, онъ несомнѣнно составленъ грекомъ, какъ это видно изъ этимологіи Іисуса отъ ἰάσομαι, Христа отъ χρίσω и 4-хъ райскихъ рѣкъ (у Вас. стр. 20 и 21), но грекомъ знавшимъ нѣсколько по еврейски, какъ это доказываютъ еврейскія слова молитвы Богородицы (стр. 12), если только они еврейскія, о чемъ я, къ сожалѣнію, не могу судить. Правда, выдающаяся роль ап. Варѳоломѣя съ одной стороны и близкое отношеніе его къ Эѳіопіи съ другой могутъ привести къ предположенію,

1) Ср. Тихонравова 18: Возмѣте врата князи ваши; отьимете врата вѣчная. Tischend. Ev. ap. 2-ое изд. стр 328: ἄρατε πύλας οἱ ἄρχοντες ὑμῶν, καὶ ἐπάρθητε πύλαι αἰώνιοι и пр.

2) Припомнимъ напр. замираніе всей природы въ XVIII гл. Протоевангелія (Tisch., l. c., стр. 34).

3) Замалчиваніе человѣческой природы Христа можетъ только свидѣтельствовать, что этотъ апокрифъ *могли* съ особой любовью списывать и распространять монофизиты, но a *posse* ad *esse* и пр. придти къ *выводу* можно только на основаніи фактовъ.

4) У Тишендорфа Apoc. Apocr. на указанномъ г. Мочульскимъ мѣстѣ (стр. XXXVII) дѣло идетъ объ Успеніи Богородицы.

что прототипъ сказанія возникъ на африканской почвѣ; но до новыхъ фактовъ это предположеніе остается, такъ сказать, висящимъ на воздухѣ.

Что касается третьяго вывода г. Мочульскаго о «посредствующей средѣ», то я рѣшительно отказываюсь признать не только его научную стойкость, но даже и потребность въ немъ: если дѣло идетъ о литературномъ памятникѣ, переведенномъ съ одного языка на другой, какая можетъ быть рѣчь о «посредствующей средѣ?» Не можетъ же г. Мочульскій думать, что славянскій переводъ сдѣланъ съ армянскаго?

Было бы полезно, еслибъ г. Мочульскій вмѣсто такихъ излишне смѣлыхъ выводовъ повнимательнѣй изслѣдовалъ отношеніе текстовъ: греческаго, паисіевскаго и вѣнскаго; оно и при бѣгломъ чтеніи оказывается довольно интереснымъ. Прежде всего любопытнымъ представляется тотъ, такъ сказать, цензорскій красный карандашъ славянскаго переводчика (или греческаго переписчика, писавшаго его оригиналъ?), который вычеркнулъ слѣдующія слова Богородицы: ...σύ, Πέτρε χορυφαῖε, καὶ κάθισον ἐκ δεξιῶν μου καὶ ὑπόβαλον τὴν εὐώνυμόν σου χεῖραν ὑπὸ τὴν μασχήν (leg. μασχάλην) μου. καὶ σύ, Ἀνδρέα, ποίησον οὕτως. σὺ δὲ Ἰωάννης παρθένε, σύσχε μου τὸ στῆθος. σὺ δὲ Βαρθωλωμαῖε, πῆξον τὰ γόνατά σου εἰς τοὺς ὤμους μου καὶ σφίγξον τοὺς ὤμους μου, μή ποτε ἀρξαμένης μου λέγειν λυθῶσι τὰ ὀστᾶ μου. Далѣе оказывается, что паисіевская и вѣнская рукописи ближе между собою, нежели каждая изъ нихъ къ греческому тексту, и исходятъ, очевидно, изъ одного перевода, греческій оригиналъ котораго представлялъ во многихъ мѣстахъ болѣе исправный текстъ, чѣмъ напечатанный Васильевымъ; этому оригиналу иногда вѣрнѣе паисіевскій текстъ, иногда вѣнскій. Всего же важнѣе то покамѣстъ загадочное обстоятельство, что паисіевскій и вѣнскій тексты обрываются на одномъ и томъ-же мѣстѣ, на описаніи сатаны; не есть ли вся 3-я часть позднѣйшая прибавка, которой не зналъ оригиналъ славянскаго перевода? Это подтверждается тѣмъ, что индексы знаютъ только вопросы апостола Варѳоломѣя *Богородицѣ*; но этому противорѣчитъ отсутствіе заключенія въ вѣнскомъ текстѣ и слишкомъ краткое, очевидно, принадлежащее писцу паисіевскаго сборника. Оставляемъ пока вопросъ открытымъ.

«Епистолія о недѣлѣ», двѣ версіи которой (одна по рукописи Барберинской библ. 1497 г., другая по рукописи XVI в.) помѣщены Васильевымъ подъ № 4, уже два раза подвергалась обслѣдованію русскихъ ученыхъ: ею занимался А. Н. Пыпинъ въ 1864 г. (см. Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи II, стр. 1—13) и А. Н. Веселовскій (см. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 3, ср. 1877 г. № 5, стр. 121—3); въ послѣдней изъ этихъ работъ приведенъ длинный рядъ фактовъ, прекрасно разъясняющихъ связь между этимъ памятникомъ и западными флагеллянтами. Уже г. Пыпинъ признаетъ возможность появленія епистоліи на Руси съ запада, именно черезъ Польшу (стр. 7); г. Веселовскій идетъ еще дальше и только «въ крайнемъ случаѣ» (стр. 115) допускаетъ, что оригиналъ тихонравовской редакціи былъ грече-

скій, но и тогда этотъ оригиналъ былъ пересказомъ латинскаго текста. Г. Веселовскій былъ совершенно правъ при тѣхъ данныхъ, которыми онъ располагалъ, т. е. при своихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о греческихъ текстахъ. Но теперь, благодаря книгѣ Васильева, положеніе дѣла измѣняется. Сопоставимъ напр. хоть слѣд. мѣсто.

Тихонр. II, стр. 316.

разоумѣити безоумнїи и несмыслены и несмиренїи срцемъ. дали єврѣωмъ номосъ дахъ моисѣю на горѣ синаистѣи. и не препоущають єго. нό храна заповѣ моа. ꙗзыци поганїи закона не прїимше нό по законоу твора а вамъ даˣ законъ и крщнїе мé. да ни єдинол заповѣⁿ моа не съхранисте. члвци злодѣи. ꙗко в стоу нелю .а.гό члка по ωбразоу своємоу створиˣ и по твари своєи. Не вѣсте ли несмысленїи, ꙗко в стоую нелю ко авврамоу прїдоˣ на землю. пω доубомъ амбриискомъ. не вѣсте ли безаконїи члвци ꙗко в стоую нелю ꙗвиˣса в коупинѣ моисѣєвѣ ꙗвихъ ємоу вѣроу свою (sic) не весте ли безаконнїи члвци ꙗко в стоую нелю радость нарекъ стѣи бци и т. д.

Васильевъ, стр. 24.

Νοήσατε, ἄφρονες καὶ ἀσεβεῖς τῇ καρδίᾳ, πῶς δέδωκα τοῖς ἑβραίοις νόμον διὰ Μωσέως καὶ οὐ παραβαίνουσιν αὐτόν. ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντά φησιν (γὰρ) τὰ τοῦ νόμου ποιοῦσι, ὑμεῖς δὲ καὶ τὸν νόμον ἔχοντες καὶ οὐδεμίαν ἐντολὴν ἐφυλάξατε. οὐκ ἴδατε, ἀ(γ)νόητοι, ὅτι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ πνοὴν ζωῆς δέδωκα εἰς προτύπωσιν τῆς ἐμῆς σαρκώσεως καὶ ἀναστάσεως, καὶ τὴν ἁγίαν μου ἀνάστασιν οὐ τιμᾶτε; οὐκ ἴδατε, ὅτι ἐν τῇ ἁγίᾳ κυριακῇ ἐπᾶρας ἐν τῇ δρυὶ τῇ Μα(μ)βρὶ τοῦ πατριάρχου Ἀβραὰμ καὶ ἐκήρυξεν ὀφθῆναι ἐν τῇ βάθῳ τῷ Μωυσεῖ, καὶ ἐθεάσατο τὰ ὄπισθέν μου;... οὐκ ἴδατε, ὅτι τῇ ἁγίᾳ κυριακῇ τὴν χαρὰν ἐμήνυσα ὑπὸ ἀρχαγγέλου Γαβριὴλ τὴν πανάχραντόν μου μητέρα и т. д.

Не ясно ли отсюда, что тихонр. списокъ (XVI в.) есть неисправная копія съ неисправнаго же перевода (см. смѣшеніе ὄπισθεν съ πίστιν) греческаго оригинала, далеко неисправный списокъ съ котораго представляетъ текстъ Васильева?

До опубликованія греческихъ текстовъ А. Н. Веселовскій имѣлъ полное право пріурочивать къ XIV в. напасти, о которыхъ говоритъ Господь какъ о насланныхъ имъ прежде (стр. 92); но когда мы находимъ въ текстѣ α' слова: καὶ ἀπέστειλα ἔθνη βάρβαρα καὶ ἐξέχεαν τὰ αἵματα ὑμῶν ἐπὶ γῆς (стр. 23), а въ текстѣ β': καὶ ἀπέστειλα χειμῶνας πλείστους καὶ παραλλαγμοὺς καὶ πῦρ καὶ χάλαζαν и пр. (стр. 29), мы, имѣя въ виду раннія упоминанія объ этомъ памятникѣ (VI в. и ранѣе), безъ сомнѣнія, будемъ здѣсь видѣть указанія на бѣдствія эпохи переселенія народовъ.

Первенствующее значеніе ап. Петра въ тихонр. спискѣ (см. Веселовскій l. с., 115) при новыхъ данныхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что греческій оригиналъ явился на свѣтъ до раздѣленія церквей: извѣстно, что во время религіозныхъ распрей, какъ при иконоборствѣ, такъ и много раньше его, византійскіе богословы очень охотно ссылались на авторитетъ Рима и мотивировали его извѣстнымъ текстомъ Евангелія: «Ты еси

Петръ и на семъ камени» и пр. При тѣхъ же данныхъ присоединеніе середы къ воскресенію и пятницѣ не можетъ считаться спеціальной чертою русской епистоліи (Весел. ib.): новогреческій текстъ, опубликованный Васильевымъ въ предисловіи (стр. XIV—XX), повелѣваетъ чтить τὰς τετάρτας καὶ τὰς παρασκευάς (стр. XVII) и объясняетъ мотивы этого [1]); едва-ли можно допустить, чтобы эта черта была усвоена изъ русской письменности.

Эта новогреческая редакція ближе къ β′, чѣмъ къ α′ и ближе къ пыпинскому тексту (Памятн. III, 150 и слѣд.), чѣмъ къ тихонравовскому; она тоже представляетъ *редакцію іерусалимскую,* но еще съ бо́льшимъ количествомъ мѣстныхъ указаній. Само собою напрашивается предположеніе, что іерусалимская редакція если не явилась на свѣтъ (этому противорѣчитъ ея существованіе въ VIII в., см. Вес. l. c., стр. 70—71 и далѣе), то особенно распространилась на счетъ римской именно подъ вліяніемъ несогласій съ латинскимъ западомъ; существованіе ея на западѣ до поздняго времени не противорѣчитъ этому: извѣстно, что и послѣ раздѣленія церквей переводы съ греческаго продолжались.

Къ римской же редакціи принадлежитъ эѳіопская епистолія, опубликованная А. Н. Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1877, V, стр. 122—3); она тоже, конечно, представляетъ переводъ греческаго текста. Въ ней говорится: «День недѣльный блюдите отъ девятаго часа субботы до разсвѣта въ понедѣльникъ»; у Васильева въ α′ (стр. 24): Ἐπικατάρατος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ὁ ἁπτόμενος (οἷον)δήποτε ἔργον ἀπὸ ὥρας ἐννάτης σαββάτου ἕως ἐπιφωσκούσης κυριακῆς δευτέρας.

Тексты епистоліи, опубликованные Васильевымъ, безъ сомнѣнія, должны дать матеріалъ для всесторонняго и подробнаго обслѣдованія; чего стоятъ одни *Помогомилы* и *Патерены*, сопоставленные съ крестопопирателями (σταυροπάται) и зломышленными зилотами (κακόφρονες ζηλωταί стр. 25 и 26)! Но для полнаго успѣха работы было бы желательно обставить ихъ бо́льшимъ критическимъ аппаратомъ.

Въ текстѣ β′ является тотъ же патріархъ Іоанникій, котораго еще Фабрицій (Cod. apocr. N. T. III, 512) пріурочилъ къ 1523 г. Эту догадку нельзя не признать крайне неудачной; выдвинувшійся на короткое время въ 1522—3 г. Іоанникій «Sozopolis metropolita» былъ незаконно провозглашенъ патріархомъ *Константинопольскимъ,* но не былъ принятъ паствою и подвергся проклятію отъ Іереміи; здѣсь же Іоанникій патріаршествуетъ въ *Іерусалимѣ* и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Такого патріарха не знаетъ Oriens christiana Лекіена; здѣсь очевидная ошибка въ имени, такъ какъ трудно допустить немотивированную выдумку, но какъ исправить чтеніе, я не знаю [2]).

---

1) τὴν ἁγίαν τετάρτην παρεδόθην εἰς τὰς χεῖρας τῶν Ἰουδαίων διὰ τὴν σωτηρίαν σας. Да и самое паденіе камня ἦτον ἡμέρα τετάρτη.

2) Объ Іоанникіи см. Lequien I, 320 и слѣд. Ср. Μαν. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες. Константинополь 1884, стр. 502.

№№ 5-ый и 6-ой принадлежатъ къ апокрифическимъ пророчествамъ о послѣднихъ временахъ и о связанныхъ съ ними судьбахъ Византіи. № 5: «Видѣнія Даніила» заключаетъ въ себѣ 3 текста; изъ нихъ два первые (α′ и β′) взяты изъ барберинской рукописи 1497 г.; третій изъ вѣнской рукописи конца XIV в.; послѣдній былъ извѣстенъ уже съ 1866 г., такъ какъ Тишендорфъ (Apocal. Apocr. XXX—XXXIII) привелъ большую часть его по венеціанской и парижской рукописямъ [1]). Текстъ α′ представляетъ неисправный списокъ источника откровенія Меѳодія [2]) (см. Тихонр. 217, ср. 232, также 272; ср. изложеніе греческаго

1) Содержаніе недостающей у Тишендорфа части (Вас. 44—46): Власть русаго народа надъ семихолмнымъ городомъ продлится «лѣтъ 6 и 5» (ἔτη ἓξ καὶ πέντε. Если это безсмысленное чтеніе измѣнить на ἓξ καὶ πενήντα, мы получимъ дѣйствительную хронологію власти латинянъ въ Константинополѣ). «И будутъ насажены въ немъ овощи, и многіе будутъ ѣсть ихъ въ отмщеніе святыхъ». Тогда поднимутся на востокѣ два (три) промыслителя, побьютъ измаильтянъ и прогонятъ ихъ до колоній. Тогда смятутся кровожадные народы сѣвера и дойдутъ въ гнѣвѣ своемъ до великой рѣки и раздѣлятся на 4 власти... Придутъ въ движеніе и народы южные (у Вас. опечатка ἐπὶ νώτου γωνίας) и возстанетъ *великій Филиппъ* съ 18 языками и соберутся они на семихолмный городъ и будетъ битва, какой еще никогда не бывало, и море наполнится кровью до пролива Абидосскаго. Тогда Быкъ возопіетъ и Ксиролафъ восплачетъ. Здѣсь слѣдуетъ явная порча текста, которая перешла и въ «русскій пересказъ», напечатанный у Срезневскаго, Повѣсть о Цареградѣ, СПБ. 1855, стр. 43: Тъгда Въоусъ возопіеть, и Скерелафъ восплачеть, и Стафоринъ речеть: Станите! миръ вамъ и отмщеніе на непослушныхъ! По греч. καὶ τὸ σταθῶριν εἴπει· στάμαν, εἰρήνη ὑμῖν ἡ ἐκδίκησις αὕτη—ἐπὶ τοὺς ἀνηκόους. Эту порчу исправляетъ полный текстъ, приводимый А. Н. Веселовскимъ Ж. М. Н. Пр. 1875, № 4, стр. 311; смыслъ: Господь признаетъ византійцевъ достаточно наказанными и заступится за нихъ). Послѣ этого найдутъ мужа на 2-хъ колоннахъ стоящаго (въ описаніи его наружности τύλον надо исправить въ τύλωμα); 4 живоносныхъ ангела внесутъ его въ св. Софію, вѣнчаютъ на царство, дадутъ ему въ десницу мечъ, и онъ побѣдитъ измаильтянъ, франковъ, татаръ; измаильтянъ раздѣлитъ онъ на 3 части: одну мечемъ убьетъ, другую креститъ, а третью прогонитъ до Монодендрія.

Въ русскомъ пересказѣ откровенія Меѳодія этотъ избавитель называется Михаиломъ (ср. Пророка Даніила, гл. XII); предположеніе А. Н. Веселовскаго о томъ, что это имя должно находиться и въ греческомъ оригиналѣ, къ сожалѣнію, покамѣстъ не оправдывается.

Мимоходомъ замѣчу, что надпись на гробѣ Константина, будто бы найденная патр. Геннадіемъ Схоларіемъ въ 1421 г. (стр. XXIII), есть переложеніе части этого пророчества въ хореическіе стихи:

στῆτε, στῆτε· μετὰ φόβου,
σπεύσατε πολλὰ σπουδαίως
εἰς τὰ δεξιὰ τὰ μέρη·
ἄνδρα εὕρητε γενναῖον,
θαυμαστὸν καὶ ῥωμαλαῖον·
τοῦτον ἕξητε δεσπότην,
φίλος γὰρ ἐμὸς ὑπάρχει и т. д.

Замѣтенъ 4-хъ стопный, но полуразрушенный хорей и въ предыдущемъ.

2) Что памятникъ и въ этомъ видѣ надписывался именемъ Меѳодія Патарскаго,

(жалованье) войску своему и пойдетъ онъ изъ Рима по твердой землѣ и подчинитъ себѣ всѣ народы, ибо Господь Богъ будетъ съ нимъ. «И царь сѣвера, услышавъ о голодѣ (? τὸν βούλιμον, м. б. τὸ βούλημα ?) царя седмихолмія, пойдетъ путемъ плѣненія во внутреннія востока, и рабъ чужеземный палицею поразитъ его, и онъ зло погибнетъ. И возстанетъ другой царь.... и прольетъ кровь святыхъ, какъ воду и осквернитъ народъ свой распутствомъ, соединитъ брата съ сестрою и надѣнетъ оружіе военное на іереевъ, и вельможи его побѣгутъ отъ него» [1]). Далѣе говорится объ украшеніи Византіи и о 32-лѣтнемъ счастливомъ правленіи благочестиваго царя. «И настанетъ другой скипетръ и упасетъ народъ свой въ мирѣ». А затѣмъ не безъ мотива начинаются бѣдствія христіанъ (появленіе Гога и Магога ?); тогда царь Ромеевъ переселится въ Іерусалимъ; тогда будетъ масса вдовъ и 7 женъ будутъ имѣть одного мужа. Черезъ $12^1/_2$ лѣтъ явится «сынъ погибели» и будетъ царствовать въ Капернаумѣ; тогда послѣдуетъ отреченіе царя, и архангелъ Михаилъ возьметъ вѣнецъ его и животворящій крестъ. Явятся Энохъ и Илія на обличеніе антихриста и погибнутъ отъ него; тогда наступитъ второе пришествіе.

№ 6 α′ (Anonymi de rebus Byzantinis vaticinium) представляетъ небольшой отрывокъ, извлеченный изъ той же рукописи XIV в., изъ которой взятъ и 5 γ′; въ немъ подробно развита исторія войны съ измаильтянами, оканчивающаяся пораженіемъ ихъ и 35-лѣтнимъ миромъ; любопытная подробность въ немъ—договоръ на полтора года (ἐπὶ καιρὸν καὶ ἥμισυ καιροῦ, стр. 48) между царемъ измаильтянъ и царемъ Седмихолмія.

№ 6 β′ заключаетъ въ себѣ текстъ изъ житія Андрея Юродиваго по вѣнской рукописи XVI в., представляющій довольно важные варіанты къ Acta SS.[2]). Тексты, заключающіеся въ этихъ 2-хъ №№, конечно, не могутъ претендовать на рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ исторіи этой обширной и важной семьи памятниковъ византійской литературы; вопросъ этотъ связанъ и съ монументальными древностями Константинополя и со всѣми крупными моментами его политической жизни (хризмы въ той или другой формѣ возобновлялись и передѣлывались при каждой серьезной опасности), а съ другой стороны и съ чрезвычайно многочисленными памятниками апокалипсической поэзіи [3]). Но эти тексты даютъ не мало новаго матеріалу, и солидно подкрѣпляютъ тезисъ А. Н. Веселовскаго о тѣсной генетической связи пророчествъ Сивиллы съ откровеніемъ Меѳодія.

№ 7 заключаетъ въ себѣ 3 текста сказанія «Объ іерействѣ Іисуса

1) Ср. Orthodoxographa Весел., стр. 310.

2) Маи т. VI, стр. 304 и слѣд. Мимоходомъ замѣтимъ, что дѣянія «сына беззаконія», который въ этомъ текстѣ носитъ странное имя Αἴγληχος, очень напоминаютъ разсказы православныхъ о царяхъ иконоборцахъ (Вас. стр. 52 нач.).

3) Будущему изслѣдователю этого вопроса, между прочимъ, необходимо обратить вниманіе на сборникъ Сречковича (см. М. И. Соколова, Матеріалы и замѣтки. М. 1888), въ которомъ находятся *восемь* статей, сюда относящихся.

Христа»; первый краткій взятъ изъ ватиканской (Оттобоніанской) рукописи XV—XVI в., третій перепечатанъ изъ Свиды, а второй, представляющій интересные варьянты къ Свидѣ,—изъ московской пергаментной рукописи XII в. Это сказаніе обслѣдовалъ М. И. Соколовъ, занимаясь апокрифами болгарскаго попа Іереміи [1]), и пришелъ къ заключенію, что «оно рѣшительно противорѣчитъ богомильскому ученію». Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, мы полагаемъ, что выводить этотъ апокрифъ «a Manicheis gnosticis» (Вас., стр. XXVI) нѣтъ никакого повода. Не находимъ также основанія утверждать, что авторъ этого апокрифа былъ «christianus a Iudaeis» (Вас., стр. XXV): идея, что Христосъ долженъ соединять въ себѣ царя и священника, дѣйствительно, шла отъ іудеевъ, но апокрифъ въ той литературной обработкѣ, которая дошла до насъ, стремится объяснить такіе акты изъ жизни Спасителя, которые съ точки зрѣнія іудейства вовсе не нуждались въ объясненіи. Апокрифъ ясно обнаруживаетъ свою цѣль: καὶ ἐὰν μὴ ἦν (Христосъ) ἱερεύς, οὐκ ἂν ἀπεδόθη αὐτῷ βιβλίον καὶ ἀνεγίνωσκε τὸν προφήτην Ἡσαΐαν и т. д. (Вас. стр. 59, ср. стр. 72); но іудей не могъ не знать, что въ синагогѣ всякій имѣлъ право читать писаніе и объяснять его [2]); только тогда, когда въ христіанскомъ обществѣ вошли въ силу совершенно другіе обычаи, «въ защиту божественнаго учрежденія церковной іерархіи и богослуженія» [3]), могъ идти въ ходъ апокрифъ объ іерействѣ Христа. Сложился же онъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ словъ Псалмопѣвца (109, 4, ср. ап. Павла Посланіе къ евреямъ, гл. 5) и, вѣроятно, не безъ вліянія иконографическихъ представленій Христа Пантократора и Христа, совершающаго таинство Евхаристіи. Въ первомъ текстѣ Васильева есть любопытное, характерно-апокрифическое распространеніе евангельскаго текста (Іоаннъ VIII, 3—11). Сказавъ народу и священникамъ: «кто не грѣшилъ, пусть броситъ камень въ нее», Іисусъ «написалъ имъ каждому отдѣльно такъ: «ты въ томъ-то погрѣшилъ согодня», а другому: «смотри, что ты сдѣлалъ» и иному подобнымъ же образомъ и, просто сказать, хору архіереевъ высказалъ грѣхи ихъ, не явно, но тихонько». По отношенію къ другимъ краткимъ редакціямъ сказанія (у Іоанна Эвбейскаго, у Даніила и др.) этотъ текстъ имѣетъ ту важную для литературной исторіи памятника особенность, что въ немъ священниковъ не 40, а 22.

Въ рукописи аѳинской публичной библіотеки № 130 по каталогу Крема, и № 432 по каталогу Саккеліона, писанной въ концѣ XVI в., на лл. 265—278, находится то же сказаніе въ распространенномъ видѣ подъ рубрикой: Ἄρχεται διήγησις περί τινος Θεοδοσίου καὶ Φιλίππου χριστιανοῦ, συζητούντων

1) O. c., стр. 174 и слѣд.; ср. также стр. 125.

2) См. Опытъ библейскаго словаря Солярскаго III, 574. Ср. Архим. Михаилъ, Толкованіе на Ев. Матѳ., стр. 60—61. Гиллемъ, равви въ царствованіе Ирода, говоритъ: «Не передавать своихъ знаній—грѣхъ смертный». Аѳанасьевъ, Руководство къ библ. исторіи I, 3, 91.

3) М. И. Соколовъ l. c. 125.

περὶ Χριστοῦ οὕτως. Этотъ текстъ представляетъ нѣкоторыя не безъинтересныя разночтенія. Вотъ его начало: Ἐν τοῖς χρόνοις τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Ἰουστινιανοῦ ἦν ἄνθρωπός τις ἀρχηγὸς τῶν Ἰουδαίων τὴν κλῆσιν Θεοδόσιος, ὅστις ἐκ πλείστων χρόνων ἄγνωστος (sic) τοῖς χριστιανοῖς ὑπῆρχεν. ἦν δὲ καὶ ἄλλος τις χριστιανὸς κατὰ τοὺς χρόνους ἐκείνους λεγόμενος Φίλιππος, ἀργυροπράτης τὴν τέχνην· οὗτος γνῶσιν ἔχων πρὸς τὸν εἰρημένον Ἰουδαῖον τὸν Θεοδόσιον καὶ συνεχῶς ὁμιλῶν αὐτῷ καὶ γνησίαν ἀγάπην ἔχων πρὸς αὐτὸν и т. д.

Такъ какъ многіе изъ слѣдующихъ №№ книги Васильева и обширнѣе по объему и важнѣе по историко-литературному значенію, мой рефератъ о ней обратился бы въ цѣлую книжку, еслибъ по поводу каждаго апокрифа я сталъ дѣлать даже поверхностныя замѣчанія; а если изслѣдовать тексты болѣе обстоятельно и сличать ихъ съ славянскими и русскими редакціями и однородными памятниками, изъ этого выросъ бы цѣлый рядъ монографій: настолько интересны и важны матеріалы, заключающіеся въ этомъ сборникѣ. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь почти исключительно перечисленіемъ ихъ.

№ 8 заключаетъ два текста «Повѣсти объ Афродитіанѣ и о событіяхъ въ Персидѣ», первый по синодальной рукописи XI в., второй по ватиканской рукописи XIV—XV ст. Сказаніе *Афродитіана* персянина о чудѣ и пр. въ славянскомъ переводѣ издано много разъ (Тихонр. II, 1—4; Памятн. Кушелева III, 73—75; Новаковичъ, Starine X, 74—80; Порфирьевъ, Апокр. сказ. о новозавѣтн. лицахъ, 149—155) и въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается, можно сказать, безпрестанно; но это сказаніе представляетъ только пятую часть обширной греческой статьи (стр. 83—93; вся статья 73—124); извѣстіе объ этой статьѣ мы имѣемъ еще со временъ Гретцера (1560—1625 г.), но появляется она полностію въ печати, сколько знаемъ, въ первый разъ.

№ 9 представляетъ не древній и не особенно исправный текстъ «Хожденія Богородицы по мукамъ» (e codice Casanatensi, sec. XVI). Я имѣю въ виду посвятить этому любопытному, высокопоэтичному и вліятельному апокрифу небольшое изслѣдованіе [1]) и напечатать два неранніе, но сохранившіе слѣды первоначальной редакціи текста по двумъ рукописямъ аѳинской библіотеки. Теперь же только укажу мимоходомъ на любопытный отзвукъ его въ Проскинитаріи Арсенія Суханова (1649—53) [2]): оказывается, что представленіе о муміяхъ, находимыхъ въ пескахъ египетскихъ, связалось въ фантазіи путешественниковъ съ 50-дневнымъ покоемъ отъ мукъ, который вымолила Богородица для грѣшниковъ.

Подъ № 10 Васильевъ даетъ два текста такъ называемаго «Житія Макарія Римскаго», отношеніе котораго къ Александріи и нѣкоторымъ другимъ памятникамъ изслѣдовалъ А. Н. Веселовскій въ I т. «Изъ исто-

---

1) Нѣкоторые его тезисы я изложилъ въ засѣданіи Славянской Коммиссіи при Моск. Арх. Обществѣ въ декабрѣ 1893 г.

2) См. изд. Палестинскаго Общества, стр. 39 и слѣд.

ріи романа и повѣсти» (стр. 305—329); внимательно вчитавшись въ тексты, издатель пришелъ къ заключенію, что апокрифъ возникъ въ V—VI в.

Въ томъ же изслѣдованіи академика А. Н. Веселовскаго (стр. 281—303) опредѣлено историко-литературное значеніе «Житія Зосимы», здѣсь (у Васильева № 11, стр. 166—179) напечатаннаго по синодальной рукописи XIII в. съ варьянтами по рукописямъ XV и XVI вв. Издатель относитъ появленіе памятника къ тому времени, cum in Oriente res monachica viguit, nondum a Muhammedanis sollicitata (стр. XL). Любопытныя разночтенія представляетъ рукопись аѳинской библіотеки (по каталогу Сакеліона № 355) XV в., гдѣ статья эта помѣщена на лл. 21—30 подъ заглавіемъ: Βίος καὶ πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ δικαίων μακάρων.

№ 12 заключаетъ знаменитое «Преніе панагіота съ азимитомъ» [1]) по вѣнской, къ сожалѣнію, не полной рукописи XV—XVI в. То же преніе я могу указать въ аѳинской рукописи XVIII в. (по Каталогу Крема № 181, по Саккеліону № 472) подъ заглавіемъ: Διάλεξις κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ καὶ μάρτυρος, τοῦ Παναγιώτου μετὰ τοῦ γαρδιναρίου Εὐφροσύνου.

Изъ всего имъ публикуемаго покойный Васильевъ справедливо придавалъ особое важное значеніе «Исторической Палеѣ» (№ 13, стр. 188—292), которую онъ издалъ по вѣнской рукописи XVI в. (theol. № 247, Lamb. 210), какъ ближайшей къ славянскому переводу; этому краеугольному, если можно такъ выразиться, памятнику посвятилъ онъ въ предисловіи небольшое, но чрезвычайно содержательное изслѣдованіе (стр. XLII—LVI), которое, безъ сомнѣнія, ляжетъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ.

№ 14 «Завѣтъ (и смерть) Авраама» изданъ по вѣнской рукописи XII в. Ср. у Свиды s. v. Ἀβραάμ; у Фабриція Cod. pseudep. Vet. Test. I, стр. 392, 401 и passim; Тихонр. I, 32 и слѣд., 79 и слѣд., Памятн. III, 24 и слѣд.; Порфирьевъ, Апокр. сказ. 1873 г. Казань, стр. 247 и слѣд., id. 1877 г. СПб., стр. 55—56, 111 и слѣд. Ср. The Testament of Abraham, by M. R. James M. A., with an Appendix by W. E. Barnes въ Texts and Studies. Contributions to biblical and patristical literature, ed. by I. Armitage Robinson B. D.

№ 15 «Повѣсть о плѣненіи Іерусалима» напечатана по барберинской рукописи 1497 г.; это оригиналъ Тихонр. «Повѣсти» I, 273—284. Ср. А. Н. Веселовскаго, «Изъ исторіи романа» I, 331—363.

№ 16 «Вопросы Іакова, брата Господня, Іоанну Богослову» по венеціанской рукописи XIV—XV в. Объ этой интересной статьѣ см. В. Н. Мочульскаго, Слѣды народной библіи (Одесса 1893), стр. 216 и слѣд. и А. Н. Веселовскаго въ рецензіи на книгу г. Мочульскаго въ Ж. М. Нар. Пр. 1894 г., Февр., стр. 425 и слѣд. [2]).

1) См. между прочимъ только что перепечатанную статью о немъ (съ интереснымъ текстомъ) кн. П. П. Вяземскаго въ изданіи его сочиненій, стр. 361—393.

2) Проф. Красносельцевъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ сдѣлалъ очень цѣнное со-

№№ 17 и 18 заключаютъ рядъ мелкихъ статей подъ заглавіями: «Лживыя молитвы» (числомъ семь) и «Заклинанія и заговоры» (числомъ тридцать три), собранныхъ изъ нѣсколькихъ рукописей отъ XII—XVII ст. Какъ самые памятники, такъ и богатое интересными указаніями введеніе издателя (стр. LXII—LXXII) даютъ много матеріалу для исторіи византійской культуры и вліянія ея на нашихъ предковъ. 6-ая молитва (Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Παύλου εἰς τὸν δάκνοντα ὄφιν) есть оригиналъ молитвы, напечатанной у Тихонр. II, 353—4 (ср. b, стр. 354); 21-ое заклинаніе (εἰς γυνὴν ἢ γουν οὐ δύναται τέξαι и пр.) ср. съ Тихонр. ib. III, a (II, 355) и в (357) и пр.

Вышесказаннаго считаю достаточнымъ, чтобы показать, какой огромный и интересный матеріалъ собранъ покойнымъ Васильевымъ, и какіе плодотворные результаты долженъ имѣть его трудъ для исторіи средневѣковой литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ замѣченъ и европейской печатью и вызоветъ многочисленныя дополненія и поправки; какъ тѣ, такъ и другія только возвысятъ его значеніе. Книга Васильева— лучшій памятникъ на свѣжей могилѣ его учителя Н. С. Тихонравова; но нельзя не поблагодарить и проф. Соболевскаго, который ускорилъ ея появленіе на свѣтъ Божій.

Издатель второго сборника апокрифовъ М. Р. Джемсъ въ предисловіи откровенно заявляетъ, что книга его есть результатъ недолгихъ и не особенно систематичныхъ работъ всего въ 5 библіотекахъ (Оксфордъ, Лондонъ, Чельтенгамъ, Парижъ и Триръ), да и то онъ выпускаетъ въ свѣтъ не все, что собралъ. Отсюда онъ выводитъ ту «мораль», что богатая жатва ожидаетъ будущихъ изслѣдователей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшатся заглянуть въ восточную и славянскую литературы. Далѣе Джемсъ выясняетъ свою точку зрѣнія на апокрифы посредствомъ такого сравненія: мы вполнѣ можемъ довольствоваться шоссейными дорогами, если хотимъ посѣтить наши «каѳедральные» города; но если мы пожелаемъ познакомиться съ уѣздной архитектурой, мы должны будемъ часто свертывать на малоизвѣстныя и трудно проходимыя тропинки. Православная патристическая литература есть широкая, хорошо утоптанная торная дорога, а апокрифическія книги — проселочныя тропинки; онѣ выражаютъ народныя вѣрованія древнихъ христіанъ средняго уровня, подобно тому, какъ «Воскресныя Исторіи» (Sunday Stories) выражаютъ воззрѣнія христіанъ нашего времени.

Книга англійскаго апокрифолога гораздо меньше и по объему, и по значенію, но тоже представляетъ немаловажный вкладъ въ науку: въ немъ всего пять памятниковъ и рядъ отрывковъ, но изданы они очень тщательно, большею частію по хорошимъ рукописямъ, и снабжены обстоятельными введеніями. Первый изъ этихъ памятниковъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ византійской письменности; это ранній и полный

общеніе объ интересномъ варьянтѣ этого апокрифа, найденномъ имъ въ библіотекѣ Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ; онъ намѣренъ скоро издать его полностью съ соотвѣтствующими объясненіями.

текстъ *Visionis Pauli* (по рукописи VIII в. Bibl. Nat. Nouv. acq. Lat. 1631), значительно дополняющій изслѣдованіе Брандеса и добросовѣстную и обширную работу молодого русскаго ученаго Л. Ю. Шепелевича (нынѣ проф. Харьковскаго университета) [1]). Джемсъ (стр. 4—9) сдѣлалъ очень полезное сличеніе сирійской, греческой и латинскихъ редакцій. Нужно ли говорить, насколько выиграли бы его сличенія, еслибъ онъ воспользовался славянскими текстами и работой г. Шепелевича?

Еще больше повредило Джемсу незнакомство съ русской ученой литературой при изданіи второго памятника: Βίος καὶ πολιτεία τῶν ὁσίων γυναικῶν Ξανθίππης, Πολυξένης καὶ Ῥεβέκκας; это интересное романическое житіе онъ напечаталъ съ обстоятельнымъ введеніемъ по парижской рукописи XI в. (№ 1458); въ самомъ началѣ этого введенія онъ заявляетъ, что «Акты» появляются здѣсь въ *первый* разъ по *единственному* извѣстному списку. А между тѣмъ еще 8 лѣтъ назадъ академикъ Веселовскій первую же главу своей превосходной книги: «Изъ исторіи романа и повѣсти» (СПб. 1886) посвящаетъ разбору житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки и приводитъ по моск. синодальной рукописи № 162 (имѣющей между прочимъ и надписаніе предполагаемаго автора) обширные отрывки изъ текста. Хотя А. Н. Веселовскій и отказывается (стр. 63) отъ подробнаго разбора житія «со стороны его источниковъ и исторической стоимости», все-таки онъ мимоходомъ дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній, знакомство съ которыми едва-ли дозволило бы Джемсу относить памятникъ въ настоящемъ его видѣ къ серединѣ III столѣтія [2]).

3-й памятникъ: Διήγησις Ζωσίμου εἰς τὸν βίον τῶν μακάρων (введеніе къ нему стр. 86—95; текстъ 96—108) представляетъ любопытныя и важныя разночтенія къ № 11 Васильева. Текстъ Джемса старше (по парижской рукописи XII в. № 1219) и во многихъ мѣстахъ и исправнѣе; особенно интересно окончаніе (у Джемса гл. XXII): оно можетъ дать указаніе на выдѣленіе позднѣйшихъ прибавокъ къ апокрифу.

Еще болѣе, нежели относительно житія Поликсены и пр., Джемсъ ошибается относительно Апокалипсиса Богородицы (иначе: Хожденія по мукамъ); онъ увѣряетъ (стр. 109), что текстъ in extenso появляется у него въ первый разъ и что по славянски существуютъ только подобные документы, а не переводы; на самомъ дѣлѣ, уже болѣе 20 лѣтъ назадъ покойный И. И. Срезневскій и Г. С. Дестунисъ въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Академіи Наукъ (т. X, стр. 551 и слѣд.) издали и греческій текстъ in extenso и славянскую редакцію, которая въ основѣ своей, конечно, должна быть названа переводомъ, а не similiar document. Текстъ, сообщаемый

1) Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое «Видѣніе св. Павла», части I—II. Харьковъ 1891—2.

2) Стр. 54: For our book the middle of the third century seems a reasonable date. Джемсъ вовсе не принципіально отказывается отъ знакомства съ русско-славянской наукой: на стр. 87 и passim онъ по статьѣ г. Козака цитируетъ и Тихонравова и Веселовскаго.

Джемсомъ по бодлеевской рукописи XI в., превосходный (стр. 115—126) и введеніе издателя (стр. 109—113) очень интересно, хотя точка зрѣнія на памятникъ (стр. 111) и едва-ли можетъ почесться справедливою.

Очень интересенъ пятый и послѣдній полный текстъ, сообщаемый Джемсомъ: Τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου Σεδρὰχ λόγος περὶ ἀγάπης καὶ περὶ μετανοίας καὶ ὀρθοδόξων χριστιανῶν καὶ περὶ δευτέρας παρουσίας τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, по бодлеевской рукописи XV в. Издатель уже занимался имъ въ своей предыдущей работѣ (о завѣщаніи Авраама, см. выше); но памятникъ заслуживаетъ несравненно болѣе тщательнаго обслѣдованія въ особенности по своему отношенію къ апокрифическимъ апокалипсисамъ вообще и къ «Хожденію Богородицы по мукамъ» въ особенности.

Отрывки апокрифовъ, напечатанные Джемсомъ, суть: 1) отрывокъ греч. текста Завѣта Адама по парижской рукописи начала XVI в. (такъ называемый νυχθήμερον, распредѣленіе часовъ); 2) Отрывокъ латинскаго перевода книги Эноха (по рукописи VIII в.); 3) Латинскія «Знаменія антихриста» по парижской рукописи VIII в.; 4) Дополненіе къ Дѣяніямъ ап. Филиппа по бодлеевской рукописи XI в. (См. Tischendorf Apoc. Apocr., стр. 151—156); 5) Четыре апокрифическихъ латинскихъ отрывка по чельтегамской рукописи конца XI в. (Oratio Moysi in die obitus sui, Visio Zenez patris Gothoniel, Threnus Seilae Septhidis in monte Stelaceo и Citharismus regis David contra demonium Saulis). Всѣ эти памятники снабжены историко-литературнымъ комментаріемъ, въ которомъ приведены восточныя и греческія параллели — источники.

Книжка Джемса снабжена тремя внимательно составленными указателями. Нельзя не пожалѣть, что гораздо болѣе объемистый и содержательный трудъ Васильева не имѣетъ ничего подобнаго.

Оба сборника ясно доказываютъ, что на нивѣ апокрифической литературы и жатва обильна и въ добрыхъ дѣлателяхъ уже нѣтъ недостатка. Но очень грустно, что такой подготовленный и преданный наукѣ «дѣлатель», какъ А. Васильевъ, столь преждевременно сошелъ съ поприща.

А. Кирпичниковъ.

A. Vassiliev, Anecdota Graeco-Byzantina. Pars prior. Mosquae 1893 [1]).

Разсматриваемое изданіе — посмертное сочиненіе магистра Аѳанасія Васильева. Авторъ могъ самъ наблюдать за напечатаніемъ всего греческаго текста и части предисловія, написаннаго на латинскомъ языкѣ; въ концѣ же 1889 года преждевременная смерть лишила науку этого дѣятельнаго ученаго, на котораго по справедливости возлагали большія надежды. Къ счастію, окончаніе осиротѣлой работы принялъ на себя профессоръ С. Соболевскій, который перевелъ на латинскій языкъ осталь-

1) См. предыдущую рецензію проф. А. Кирпичникова, который разсматриваетъ книгу Васильева съ литературной стороны, тогда какъ настоящая рецензія посвящена преимущественно критикѣ текста. *Ред.*

ную часть предисловія, оставленную покойнымъ авторомъ лишь на русскомъ языкѣ.

Сочиненіе Васильева содержитъ въ себѣ рядъ важныхъ, доселѣ неизданныхъ византійскихъ текстовъ, собранныхъ имъ въ Австріи и Италіи изъ разныхъ рукописей во время двухгодичнаго его пребыванія за границею; однако, нѣсколько текстовъ и разночтеній взято изъ богатой сокровищницы Московской Синодальной Библіотеки. Авторъ, конечно, не всегда могъ пользоваться древнѣйшими и лучшими списками для своихъ текстовъ, не всегда могъ и снабжать ихъ варіантами изъ другихъ существующихъ рукописей. Онъ бралъ лишь то, что доставляла ему посѣщаемая имъ библіотека, и надѣялся въ будущемъ дополнить и исправить свою работу. Смерть лишила его возможности осуществить эту надежду, но и въ настоящемъ видѣ изданіе Васильева представляетъ собою достойный уваженія трудъ, которымъ онъ оказалъ византологіи великую услугу.

Изданные Васильевымъ тексты принадлежатъ къ апокрифической литературѣ, которая отличается тѣмъ, что свѣдѣнія и разсказы св. Писанія о библейскихъ лицахъ и событіяхъ, о загробной жизни съ ея блаженствами для праведныхъ и ея мученіями для грѣшныхъ, о появленіи антихриста, о кончинѣ міра и страшномъ судѣ восполнены и прикрашены для любознательнаго читателя разными добавленіями и фантастическими вымыслами. Извѣстно, что эти отреченныя произведенія перенесены были въ Русь въ самое раннее время и играютъ важную роль въ исторіи древне-русской письменности. Поэтому мы считаемъ излишнимъ подробно разбирать содержаніе и значеніе каждаго изъ этихъ произведеній, такъ какъ при многочисленности и разнообразіи ихъ это вывело бы насъ изъ предѣловъ нашей рецензіи. Славянскіе переводы греческихъ текстовъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Васильева, уже давно изданы и изслѣдованы разными учеными; такъ напримѣръ «Вопросы Варѳоломѣя», «Преніе Христа съ дьяволомъ», «Житіе Макарія Римскаго» и проч. изданы Н. Тихонравовымъ (въ Памятникахъ отреченной русской литературы. 1863), «Палея историческая» и «Преніе панагіота съ азимитомъ» напечатаны А. Поповымъ, «Епистолія о недѣлѣ» и «Повѣсть о плѣненіи Іерусалима» тщательно изложены А. Веселовскимъ. Поэтому мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ на означенныя изслѣдованія, извѣстныя интересующимся этими вопросами, и упомянемъ лишь о томъ, что Васильевъ въ обширномъ предисловіи приводитъ разныя замѣтки о предполагаемыхъ источникахъ своихъ «Anecdota» и о связи ихъ съ другими произведеніями того же рода.

Греческій текстъ нѣкоторыхъ изъ этихъ апокрифовъ, а именно «Завѣтъ и смерть Авраама», «Житіе Зосимы» и «Хожденіе Богородицы по мукамъ» (или по греческому заглавію: Ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου), въ послѣднее время изданъ и англійскимъ ученымъ M. Rh. James (Cambridge 1893). Къ сожалѣнію, англійское изданіе осталось намъ недоступ-

нымъ, такъ что мы не можемъ судить объ его преимуществахъ или недостаткахъ въ сравненіи съ русскимъ изданіемъ.

Греческій языкъ, на которомъ написаны наши апокрифическіе тексты, нерѣдко отступаетъ отъ того искусственнаго литературнаго языка, который обыкновенно употребляли византійскіе писатели, и какъ въ склоненіи и спряженіи словъ, такъ и въ синтаксисѣ падежей и предложеній болѣе или менѣе переходитъ въ вульгарное нарѣчіе, господствовавшее въ средніе вѣка у ромеевъ среди простого народа. Кромѣ того, разумѣется, слова писателя искажены невѣжественными писцами, часто нарушавшими правила правописанія, особенно вслѣдствіе итацизма. Васильевъ старался въ такихъ случаяхъ облегчать читателю пониманіе присоединеніемъ въ скобкахъ литературной формы или исправленіемъ искаженныхъ словъ, но должно сказать, что, во-первыхъ, къ такимъ поясненіямъ и исправленіямъ слѣдовало бы прибѣгать нѣсколько чаще, а во-вторыхъ, авторъ и самъ иногда дѣлалъ ошибки въ своихъ поправкахъ.

Начнемъ съ такихъ примѣровъ, гдѣ писателемъ приводятся точныя слова св. Писанія, такъ что никакъ нельзя сомнѣваться въ вѣрности редакціи: на стр. 37, 15 слѣдуетъ читать ὄφις ἐφ' ὁδοῦ ἐγκαθήμενος (Бытіе 49, 17); 37, 26 ἐν τέρασιν πλανήσει καὶ ἀπατήσει (Матѳ. 24, 24); 196, 18 ὡσεὶ τραυματίαι καθεύδοντες ἐν τάφῳ, ὧν οὐκ ἐμνήσθης (или ἀνεμνήσθης) ἔτι, καὶ αὐτοὶ ἐκ τῆς χειρός σου ἀπώσθησαν (Псал. 87, 6); 197, 10 καὶ νοσσιὰς ποιήσεις (Бытіе 6, 14); 221, 26 λέγει Κύριος· ἦ μὴν εὐλογῶν εὐλογήσω σε (Бытіе 22, 17); 227, 10 ἰδοῦσα δὲ ἡ θυγάτηρ τοῦ Φαραὼ τὴν θίβιν ἐν τῷ ἕλει (Исходъ 2, 5; для неправильнаго члена слѣдуетъ сравнить форму ἐν τῷ ἄλσει на стр. 194, 17); 237, 2 ἐνδόξως γὰρ δεδόξασται· ἵππον καὶ ἀναβάτην <ἔρριψεν εἰς θάλασσαν> (Исходъ 15, 21); 240, 5 οὐ συγκαταθήσῃ μετὰ ἀδίκων (Исходъ 23, 1); 240, 7 ἀπὸ παντὸς ῥήματος ἀδίκου ἀποστήσῃ, ἀθῷον καὶ δίκαιον οὐκ ἀποκτενεῖς (Исходъ 23, 7); 248, 21 ὤμοσα ἐν τῇ ὀργῇ μου, εἰ εἰσελεύσονται (Псал. 94, 11).

Въ другихъ случаяхъ, хотя и недостаетъ такого свидѣтельства, но не трудно исправить искаженныя мѣста, недостаточно возстановленныя Васильевымъ или имъ оставленныя безъ измѣненія: на стр. 11, 10 слѣдуетъ читать ἀδιαλύτως; 12, 29 ὁ τὰ ἀσύστατα εἰς σύστασιν ἀγαγών; 13, 17 διερράγη τὸ πέπλον τοῦ ναοῦ (вмѣсто πέπτον, можетъ быть опечатка ?); 51, 6 ἐμπρησμῷ βιαιοτάτῳ; 52, 2 δογματίσει; 75, 15 συνουσίας ἀπωθεῖσαι; 83, 13 τούτου κήδομαι; 91, 17 τίς καλεῖσαι; 96, 36 ῥέψαντα (отъ ῥέπειν, быть склоннымъ); 101, 3 τρίζων τοὺς ὀδόντας καὶ θυμομαχῶν; 102, 15 ἄρουλαν (arula, маленькій жертвенникъ); 103, 28 εἰσερχομένου σοῦ ἐκεῖ οὐ μὴ ἐξέλθῃς; 286, 16 συνῆψε μὲν ὁ Δαυίδ ποτε ἀνομήματι τὴν ἀνομίαν (присовокупилъ къ беззаконію беззаконіе); 290, 25 ἰουδαΐσαντας (cod. Ἰούδα ἤσαντες); 310, 3 διὰ τί ἀπωθεῖ τὴν ἀλήθειαν;

Непонятно, почему Васильевъ на стр. 85, 11 вполнѣ правильному чтенію одного списка: μυριαγωγὸν ὁλκάδα (т. е. navis, quae decem milia modium vehere queat) предпочелъ безсмысленное чтеніе другого: μυριάγω-

νον, и почему онъ на стр. 242, 13 не сохранилъ безукоризненнаго чтенія рукописи: βῆλον (т. е. velum, покрывало), а вмѣсто этого предложилъ неумѣстное слово βέλος.

Немало встрѣчается и такихъ мѣстъ, гдѣ Васильевъ не осмѣлился или не подумалъ о томъ, чтобы дать правильную и понятную форму, слегка измѣнивъ орѳографію. Если напримѣръ въ рукописи попадается форма παρύνει (вмѣсто παρῄνει на стр. 122, 17), то несомнѣнно нельзя смотрѣть на нее, какъ на какой-то вошедшій въ употребленіе вульгаризмъ; она представляетъ просто орѳографическую ошибку необразованнаго переписчика, не стоющую типографскихъ чернилъ. Такого-же рода слѣдующія чтенія: на стр. 1, 23 πεφώνευται (вмѣсто πεφόνευται); 6, 28 δηλοποιῆσα, (вм. δειλοποιῆσαι); 15, 21 χωρήγησον (вм. χορήγησον); 24, 9 ἐλέεισιν (вм. ἐλέησιν); 24, 20 βάθῳ (вм. βάτῳ, терновый кустъ); 25, 27 ἐνθυμηθεῖτε (вм. ἐνθυμήθητε); 54, 6 ἐπισαγωγῇ (вм. ἐπεισαγωγῇ); 54, 31 μεληδών (вм. μεληδόν); 76, 1 πτυξάντων (вм. πτηξάντων); 98, 26 κτίσεως (вм. κτήσεως, имущество); 99, 6 περ' ἑτέρῳ χωρήσετε (вм. περαιτέρω χωρ.); 116, 11 и 261, 15 ἰσχύνατε, κατίσχυνεν (вм. ᾐσχύνατε, κατῄσχυνεν); 123, 29 καταλύψαι (вм. καταλεῖψαι); 145, 32 и 299, 12 ξίφη εἰκονημένα (вм. ἠκονημένα); 148, 36 ἀμέτριτον (вм. ἀμέτρητον); 169, 16 φοβηθεῖτε (вм. φοβηθῆτε); 216, 31 ἤφηνεν (вм. ἤφινεν, допустилъ); 225, 2 и 285, 15 ἡρετήσατο (вм. ἡρετίσατο, избралъ); 238, 21 τὰ πηξία τὰ λίθινα (вм. πυξία, скрижали каменныя); 255, 28 ἐξηλάσατο (вм. ἐξιλάσατο, см. Псал. 105, 30); 258, 4 σκύνωμα (вм. σκήνωμα, тѣло); 266, 4 и 13 ξηρός (вм. ξυρός, бритва); 281, 1 λίξουσιν (вм. λείξουσιν, будутъ лизать); 308, 12 μιμείσασθε (вм. μιμήσασθε); 320, 28 ἐγκαταλελυμένον (вм. —λελειμμένον, см. Псал. 36, 25) и т. д.

Придача указателя какъ собственныхъ именъ, такъ и словъ и формъ наиболѣе замѣчательныхъ (напр. τὰ πάκτα=tributum, подать; ἅρματα = arma; ἁρμυρός=ἁλμυρός, соленый; πρ·χύς=πικρός; τὸ πουρνόν=πρωί, поутру; πίπρασον=ἀπόδου, продай; φονίσκος=φονεύς; ὁ ἄνδρας; τὴν σάρκαν; τοῖς βόοις) значительно облегчила бы употребленіе нашихъ «Anecdota».

Изъ предисловія проф. Соболевскаго мы усматриваемъ, что напечатанная часть сборника составляетъ лишь меньшую половину тѣхъ византійскихъ памятниковъ, которые собралъ Васильевъ. Было-бы весьма желательно, если-бы оказалось возможнымъ издать и другую половину и тѣмъ вполнѣ достойно почтить память покойнаго автора.

Рига. Эд. Курцъ.

А. Дмитріевскій, Евхологіонъ IV вѣка Сарапіона, епископа тмуитскаго. (Изъ Трудовъ Кіевской Духов. Академіи за 1894 г., № 2). Кіевъ 1894 г., 33 стр. [1]).

Нашъ молодой ученый, доцентъ кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскій, уже успѣвшій составить себѣ извѣстность нѣсколькими со-

1) Мы будемъ здѣсь пользоваться этою отдѣльною брошюрой.

лидными трудами по исторіи богослуженія древне-русской и греческой церкви, въ началѣ нынѣшняго года издалъ драгоцѣнный литургическій памятникъ IV вѣка, названный имъ «Евхологіономъ Сарапіона, епископа тмуитскаго» (въ Египтѣ). Появись это изданіе на западѣ, оно не замедлило бы вызвать тамъ цѣлую литературу: такъ богато и разнообразно содержаніе открытаго нашимъ соотечественникомъ памятника древнехристіанской литургической литературы сравнительно съ тѣмъ, что до сихъ поръ извѣстно было изъ другихъ источниковъ о составѣ церковнаго ритуала въ первыя четыре столѣтія христіанства [1]). Впрочемъ, надобно думать, что новый ученый трудъ г. Дмитріевскаго не останется незамѣченнымъ и въ нашей духовной періодической печати. «Византійскому Временнику», согласно съ его прямою задачей, достаточно только регистрировать на своихъ страницахъ это замѣчательное открытіе въ области древне-церковной греческой литургики и сдѣлать объ немъ нѣсколько замѣчаній съ *общей* историко-литературной и, отчасти, съ филологической точки зрѣнія.

Евхологіонъ Сарапіона, епископа тмуитскаго, есть собственно сборникъ 30-ти литургическихъ молитвъ, найденныхъ г. Дмитріевскимъ, съ именемъ названнаго ихъ автора, въ одной пергаментной рукописи X — XI вѣка, принадлежащей библіотекѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ [2]). Въ рукописи каждая молитва имѣетъ особое надписаніе, въ которомъ указано ея содержаніе и время чтенія. На первомъ мѣстѣ стоитъ важнѣйшая изъ литургійныхъ молитвъ, надписанная: Εὐχὴ προσφόρου. Это — такъ называемый канонъ литургіи, т. е. молитва о пресуществленіи св. даровъ. Слѣдующія 13 молитвъ относятся къ другимъ составнымъ частямъ литургіи и такимъ священнодѣйствіямъ, которыя, по древнему чиноположенію, стояли въ тѣсной связи съ литургіею, т. е. совершались до или послѣ нея (крещеніе и рукоположенія на церковно-іерархическія степени). Съ 15-й молитвы начинается новый отдѣлъ ихъ, которому дано общее надписаніе Προσευχαὶ Σαραπίωνος ἐπισκόπου Θμουέως. Это большею частію молитвы относящіяся къ тѣмъ богослужебнымъ дѣйствіямъ, которыя принято теперь называть «требами», хотя въ числѣ этихъ молитвъ находятся и такія, которыя должны были бы стоять въ первомъ отдѣлѣ, т. е. между литургійными молитвами [3]).

---

1) До сихъ поръ главнымъ источникомъ свѣдѣній о древне-христіанскомъ богослуженіи служила VIII-я книга такъ называемыхъ Апостольскихъ Постановленій.

2) Объ этой рукописи г. Дмитріевскій дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что на выходномъ листѣ ея имѣется надпись: «Арсеній». Эта надпись хорошо извѣстна всѣмъ, кто занимался греческими рукописями въ московской синодальной библіотекѣ. Она принадлежитъ извѣстному Арсенію Суханову, который, по порученію нашего правительства, ѣздилъ на Аѳонъ и тамъ покупалъ рукописи, по своему личному выбору. На рукописяхъ, отобранныхъ для покупки, онъ писалъ (по русски) свое имя на нижнемъ полѣ перваго листа. Но—замѣчаетъ г. Дмитріевскій—рукопись съ молитвами Сарапіона, *какъ и многія другія*, почему-то не попала въ Москву по своему назначенію (стр. 10).

3) Для общаго ознакомленія съ составомъ Сарапіонова Евхологіона и содержаніемъ

Назвавъ сборникъ молитвъ епископа Сарапіона довольно громкимъ именемъ: *Евхологіонъ*, г. Дмитріевскій въ объясненіе причины этого названія говоритъ: «по своему составу, издаваемыя молитвы, можно сказать, *вполнѣ исчерпываютъ* (курсивъ нашъ) содержаніе современной намъ греческой богослужебной книги, носящей это наименованіе» (стр. 10). Мы понимаемъ это объясненіе почтеннаго автора въ томъ смыслѣ, что изъ всего содержанія нынѣшняго греческаго Евхологіона въ составѣ подобной же церковной книги IV столѣтія могли находиться приблизительно только такія молитвы, какія находимъ теперь въ сборникѣ епископа Сарапіона, т. е. молитвы, необходимыя для удовлетворенія насущныхъ потребностей *тогдашней* церковно-богослужебной практики. Отсутствіе въ этомъ сборникѣ многихъ и очень многихъ молитвъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго Евхологіона, по нашему мнѣнію, служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ принадлежности изданнаго г. Дмитріевскимъ литургическаго памятника тому именно времени, къ которому онъ относится надписаніемъ имени его автора. Ту же мысль выражаетъ и самъ издатель. «За древность даннаго Евхологія», замѣчаетъ онъ въ концѣ своего предисловія, «говоритъ и простота состава чиновъ и несложность обрядовыхъ дѣйствій, мѣсто которымъ вполнѣ прилично лишь въ церкви *самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства*» (стр. 13). Съ особеннымъ вниманіемъ А. А. Дмитріевскій останавливается на первой молитвѣ изданнаго

находящихся въ немъ молитвъ считаемъ не лишнимъ привести здѣсь оглавленія ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стоятъ въ аѳонской рукописи: 1) молитва приношенія епископа Сарапіона; 2) послѣ молитвы (приношенія)—раздробленіе (хлѣба) и при раздробленіи молитва; 3) послѣ раздаянія раздробленія клирикамъ, руковозложеніе народу; 4) μετὰ τὴν λύσιν (?) τοῦ λαοῦ εὐχή: послѣ отпуска народу (?) молитва (г. Дмитріевскій переводитъ: «послѣ *разрѣшенія* народа»—едва ли правильно, потому что въ молитвѣ уже приносится благодареніе Богу за пріобщеніе тѣла и крови Христовой); 5) молитва о приносящихъ елей и воду (ср. Апост. Постанов., кн. VIII, гл. 29); 6) руковозложеніе послѣ благословенія воды и елея (которые, вѣроятно, благословлялись въ церкви для домашняго употребленія приносившими; о переводѣ одного выраженія въ этой молитвѣ будетъ рѣчь дальше); 7) освященіе воды (для таинства крещенія); 8) молитва о крещаемыхъ; 9) послѣ порицанія (сатаны) молитва; 10) послѣ *приведенія* (μετὰ τὴν ἀνάληψιν) крещаемаго къ купели молитва (Дмитріевскій переводитъ: «послѣ *воспріятія*»; о переводѣ этого оглавленія замѣчено будетъ дальше); 11) послѣ погруженія и выхода (изъ воды) молитва; 12) руковозложеніе поставленія діаконовъ; 13) руковозложеніе поставленія пресвитеровъ; 14) руковозложеніе поставленія епископовъ; затѣмъ, послѣ общей надписи (Προσευχαὶ Σαραπίωνος ἐπισκόπου Θμουέως) 15) молитва на помазаніе крещаемыхъ; 16) молитва надъ мvромъ, которымъ помазуются крещаемые; 17) молитва надъ елеемъ болящихъ, или надъ хлѣбомъ, или надъ водою; 18) молитва надъ умершимъ предъ выносомъ; 19) молитва первая воскресенія; 20) по возстаніи послѣ проповѣди молитва; 21) молитва объ оглашенныхъ; 22) молитва о болящихъ; 23) молитва о плодоношеніи; 24) молитва о церкви; 25) молитва о епископѣ и о церкви; 26) молитва колѣнопреклоненія; 27) молитва о народѣ; 28) руковозложеніе оглашенныхъ; 29) руковозложеніе мірянъ; 30) руковозложеніе болящихъ. Эти оглавленія, очевидно, суть вмѣстѣ и такъ называемыя *рубрики*, т. е. указанія на богослужебныя дѣйствія, при которыхъ произносилась та или другая молитва.

имъ литургическаго сборника, на Εὐχὴ προσφόρου. Доказательство глубокой древности этой молитвы онъ находитъ въ сходствѣ ея, по мыслямъ и выраженіямъ, съ молитвою «надъ преломленнымъ хлѣбомъ», находящеюся въ извѣстномъ памятникѣ I-го столѣтія христіанства: Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων (тамъ же). Отсюда само собою слѣдуетъ, что Εὐχὴ προσφόρου, носящая на себѣ имя епископа Сарапіона, написана подъ вліяніемъ этого послѣдняго памятника и, значитъ, въ такое время, когда онъ находился еще въ общемъ употребленіи и не былъ вытѣсненъ позднѣйшими Апостольскими Постановленіями—памятникомъ конца III и начала IV-го вѣка. Особенно любопытно указаніе г. Дмитріевскаго на буквальное, по мѣстамъ, сходство упомянутой молитвы съ такою же молитвою въ литургіи, дошедшей до насъ съ именемъ евангелиста Марка, которая съ древнѣйшихъ временъ употреблялась въ александрійской церкви (стр. 12). Это сходство служитъ, конечно, прямымъ доказательствомъ *александрійскаго* происхожденія Сарапіоновой Εὐχὴ προσφόρου, и если сходство не переходитъ въ полное тожество, то въ этомъ нужно видѣть новое указаніе на ея глубокую древность, т. е. на такую эпоху ея происхожденія, когда даже въ предѣлахъ одной и той же церковной области (діэцеза) не было еще одного обще-принятаго ритуала, и каждый епископъ, подобно Сарапіону тмуитскому, могъ давать для мѣстнаго употребленія въ своей церкви молитвы собственнаго сочиненія.

Не только составъ и содержаніе,—самый литературный характеръ и въ особенности языкъ молитвъ новооткрытаго Евхологіона заставляютъ видѣть въ немъ памятникъ глубокой христіанской древности. Такъ въ Εὐχὴ προσφόρου хотя вполнѣ ясно выражена мысль о пресуществленіи хлѣба и вина въ таинствѣ евхаристіи въ тѣло и кровь Христову, однако тѣ же евхаристійные хлѣбъ и вино, приносимые церковію Богу, какъ ***живая безкровная жертва*** (σοὶ γὰρ προσηνέγκαμεν ταύτην τὴν ζῶσαν τὴν προσφορὰν τὴν ἀναίμακτον), называются только «подобіемъ» (ὁμοίωμα) тѣла и крови Христовой (стр. 15), что̀ вполнѣ согласно съ обычною въ IV вѣкѣ богословскою терминологіей [1]). Затѣмъ, почти во всѣхъ молитвахъ Іисусъ Христосъ называется просто Μονογενής (Единородный), т. е. безъ Собственнаго имени Своего Божественнаго Лица: названіе, всего чаще употреблявшееся у церковныхъ писателей первыхъ столѣтій. Еще одна характерная черта: въ молитвѣ, озаглавленной: Εὐχὴ ὑπὲρ ἐπισκόπου καὶ τῆς ἐκκλησίας (стр. 29), въ составѣ церковнаго клира, послѣ иподіаковъ и чтецовъ, упоминаются какіе-то ἑρμηνεῖς (παρακαλοῦμεν δὲ ὑπὲρ τῶν ὑποδιακόνων καὶ ἀναγνωστῶν καὶ ἑρμηνέων). Не есть ли это наслѣдники названія тѣхъ членовъ первобытной церкви Христовой, которымъ ап. Павелъ приписываетъ чрезвычайный даръ «сказанія языковъ» (ἑρμηνεία γλωσσῶν, I Коринѳ. XII, 10; XIV, 26)? Во всякомъ случаѣ, въ составѣ клира ***александрійской***

1) У другихъ церковныхъ писателей IV вѣка, вмѣсто Сарапіонова ὁμοίωμα, всего чаще употребляется тожественное по своему значенію слово ἀντίτυπον. Примѣры см. у Свицера въ Thesaurus ecclesiasticus подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

[illegible]

умѣстное и не дающее никакого смысла въ сочетаніи съ предыдущими и дальнѣйшими словами, именно: ἵνα οἱ βαπτισθέντες καὶ χριόμενοι ἐν αὐτῷ (χρίσματι), τὸ ἐκτύπωμα τοῦ σημείου τοῦ σωτηρίου δοὺς (?) σταυροῦ τοῦ μονογενοῦς. Г. Дмитріевскій переводитъ это, очевидно, испорченное мѣсто такъ: «чтобы крещенные и помазанные имъ, *восприявъ* начертаніе спасительнаго знамени креста Единороднаго» (стр. 23). Но δοὺς не значитъ: *восприявъ* и, какъ стоящее въ единственномъ числѣ, не можетъ быть относимо къ οἱ βαπτισθέντες καὶ χριόμενοι. Въ той же молитвѣ, черезъ нѣсколько строкъ, глаголъ γίνομαι стоитъ въ невозможной формѣ: γιγένωνται. Возбуждаютъ сильное сомнѣніе въ своей правильности и слѣдующія слова въ молитвѣ 4-й («послѣ разрѣшенія—λύασιν?— народа»): συγχωρήσας καὶ τῇ μετανοίᾳ ἀπαλείψας (τοὺς ἡμαρτηκότας) καὶ τῇ πρὸς σὲ γνώσει ἀποβαλών, переведенныя издателемъ: «простивъ и покаяніемъ очистивъ и чрезъ познаніе Тебя *отринувъ*» (стр. 17). Сомнительно тутъ и слово συγχωρήσας, стоящее безъ всякаго дополненія, и въ особенности слово ἀποβαλών, подающее мысль объ отверженіи Богомъ кающихся грѣшниковъ. Не слѣдуетъ ли поправить: ὑποβαλών? Тогда получалась бы мысль о *подчиненіи* грѣшниковъ Богу чрезъ познаніе Его. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ г. Дмитріевскій позволяетъ себѣ исправлять чтеніе своего оригинала, точно отмѣчая скобками эти исправленія. Но и тутъ не всегда можно согласиться съ почтеннымъ издателемъ. Такъ, напр., въ молитвѣ 15-й («на помазаніе крещаемыхъ») напечатано: τοὺς προ(σ)τάσει προσιόντας и переведено: «тѣхъ, которые *съ желаніемъ* приступаютъ» (стр. 22). Но слову «желаніе» скорѣе соотвѣтствуетъ πρότασις (предрасположеніе), чѣмъ πρόστασις (власть, сила). Въ той же молитвѣ, на стр. 23, находимъ и другую подобную поправку издателя: ἀνανεω(σ)θέντες; конечно, лучше было бы оставить такъ, какъ написано въ рукописи и какъ напечатано то же самое слово въ слѣдующей молитвѣ, стоящей на той же страницѣ, т. е. ἀνανεωθέντες.

Примѣръ неправильнаго раздѣленія предложеній находимъ въ слѣдующихъ словахъ молитвы 17-й («надъ елеемъ болящихъ и пр.): φοβηθήτω, δέσποτα, πᾶσα ἐνέργεια σατανική, πᾶν δαιμόνιον, πᾶσα ἐπιβουλὴ τοῦ ἀντικειμένου, πᾶσα πληγή, πᾶσα μάστιξ, πᾶσα ἀλγηδών, πᾶς πόνος, ἢ ῥάπισμα, ἢ ἐκτίναγμα, ἢ σκίασμα πονηρόν· τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον, ὃ ἐπικαλεσάμεθα νῦν ἡμεῖς καὶ τὸ ὄνομα τοῦ μονογενοῦς καὶ ἀπερχέσθωσαν ἀπὸ τῶν δούλων σου κτλ. (стр. 24). Строчный знакъ послѣ слова πονηρόν(·), соотвѣтствующій нашему двоеточію, долженъ быть уничтоженъ или, точнѣе, замѣненъ запятою, такъ какъ все приведенное мѣсто очевидно составляетъ одно слитное предложеніе со многими подлежащими и двумя сказуемыми: φοβηθήτω, которому слѣдующія за указаннымъ (ненужнымъ) раздѣлительнымъ знакомъ слова: τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον служатъ прямымъ дополненіемъ, и ἀπερχέσθωσαν съ предыдущимъ соединительнымъ союзомъ καὶ и дальнѣйшимъ непрямымъ дополненіемъ: ἀπὸ τῶν δούλων σου. Первое сказуемое употреблено въ единственномъ числѣ, потому, конечно, что всѣ дальнѣйшія подлежащія мыслятся при немъ порознь, а второе—во множе-

ственномъ потому, что оно согласовано со всѣми предыдущими подлежащими, взятыми вмѣстѣ. Сообразно съ принятымъ нами словосочиненіемъ, все приведенное мѣсто должно быть переведено такъ: «Да убоится, Владыко, всякое дѣйствіе сатанинское, все бѣсовское, всякій навѣтъ супротивнаго, всякое пораженіе, всякій бичъ, всякое страданіе, всякая болѣзнь или ударъ, или потрясеніе, или лукавое затмѣніе, (да убоится) имени Твоего святаго, которое мы нынѣ призвали, и имени Единороднаго, и да отбѣгутъ отъ рабовъ Твоихъ» (всѣ упомянутые виды зла) [1].

Замѣтимъ еще нѣсколько неточностей въ русскомъ переводѣ г. Дмитріевскаго, уже не зависящихъ отъ качествъ греческаго подлинника, какъ онъ представляется въ аѳонской рукописи. Надписаніе молитвы: Μετὰ τὴν ἀνάληψιν (стр. 20) едва-ли можетъ быть переведено: «послѣ *воспріятія* молитва». Изъ содержанія этой молитвы ясно видно, что она произносилась еще до совершенія таинства крещенія, т. е. до погруженія крещаемаго въ воду; слѣдовательно, ἀνάληψις не значитъ здѣсь воспріятія въ собственномъ смыслѣ (ἀναδοχή), которое, какъ извѣстно, имѣло и имѣетъ мѣсто уже послѣ крещенія, а означаетъ какое-то иное дѣйствіе, вѣроятно—*принятіе* или приводъ крещаемаго къ купели для погруженія въ ней. Въ молитвѣ εἰς ἔλαιον νοσούντων κτλ. (стр. 24) слова: εἰς ἀφορισμὸν παντὸς πνεύματος πονηροῦ оставлены безъ перевода. Выраженіе молитвы, надписанной: ὑπὲρ τῶν κατηχουμένων (стр. 27): λύσας αὐτοῦ (τοῦ σατανᾶ) τὰ τεχνάσματα переведено: «*связавши* его хитросплетенія». Слѣдовало бы перевести: «разрѣшивши». Слово δεδεμένος въ молитвѣ ὑπὲρ λαοῦ (стр. 31, 3-я строка снизу) переведено: «нуждающійся», тогда какъ въ другомъ мѣстѣ, именно въ только что указанной молитвѣ «объ оглашенныхъ», данъ тому же слову правильный переводъ: «связанный».

Да не посѣтуетъ на насъ уважаемый авторъ за эти замѣчанія, изъ коихъ иныя, пожалуй, могутъ показаться мелочными, придирчивыми. Всѣ они внушены глубокимъ вниманіемъ пишущаго эти строки къ драгоцѣнному открытію А. А. Дмитріевскаго. Цѣна этого открытія нисколько не умаляется оттого, что оно *на первый разъ* явилось въ свѣтъ съ нѣкоторыми внѣшними, какъ бы корректурными недостатками, которые легко могли ускользнуть отъ вниманія издателя и также легко могутъ быть исправлены всякимъ, кому не совсѣмъ чужда греческая грамота.

А. Павловъ.

20 Апрѣля
1894 г.

---

1) Г. Дмитріевскій, слѣдуя принятому имъ раздѣленію приведенныхъ словъ на два особыя предложенія, переводитъ все это мѣсто такъ: «Да боится ихъ (кого?), Владыко, вся сила сатанинская, все демонское, всякая злокозненность противника, всякое пораженіе, всякій бичъ, всякое страданіе, всякая болѣзнь или ударъ, или потрясеніе, или лукавое затмѣніе. Именемъ Твоимъ святымъ, которое мы нынѣ призвали, и именемъ Единороднаго *да* отступятъ отъ рабовъ Твоихъ».

Constantin Popovicĭ jun., Fôntânele și Codiciĭ dreptuluĭ bìsericescŭ ortodoxŭ cu unŭ apendice, care conține Invĕțătura celor 12 apostolĭ, tradusă din testul original grecescŭ. Tiparitură separată, din «Candelă» Cernăuți (Константина Поповича млад., Источники и кодексы церковнаго православнаго права съ дополненіемъ, содержащимъ въ себѣ Ученіе 12-ти апостоловъ, переведенное съ греческаго подлинника. Отдѣльный оттискъ изъ «Candela». Черновцы). Editura autoruliŭ. — Tipografia archiepiscopală. 1886. 119+XIX стр. въ 8°. Цѣна 1 гульденъ.

Хотя годъ изданія этой книги отмѣченъ 1886-й, но она вышла въ свѣтъ сравнительно только очень недавно. Авторъ ея, профессоръ православнаго богословскаго факультета черновецкаго университета въ Буковинѣ, знакомъ довольно хорошо съ русскою литературою по каноническому праву, а также и съ трудами православнаго епископа далматинско-истрійской епархіи Никодима Милаша по тому же праву, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ книги. Книга г. Поповича представляетъ цѣнный вкладъ въ ученую литературу предмета. Особенную цѣнность имѣютъ для насъ §§ 23 и 24, представляющіе, насколько мнѣ извѣстно, единственный до настоящаго времени подробный и обстоятельный обзоръ румынскихъ кодексовъ церковнаго права, менѣе всего извѣстныхъ въ наукѣ. Здѣсь болѣе всего выдается разсужденіе автора о «*Маломъ правилѣ*» (Правила микъ = Pravila mică, стр. 95—104), для котораго онъ, основываясь на славянской замѣткѣ Стефана Охридскаго, предполагаетъ неизвѣстный до этого времени славянскій подлинникъ. Насколько я знаю, г. Поповичъ первый обратилъ вниманіе на такъ называемую Заповѣдь святыхъ апостоловъ Петра и Павла (стр. 103—104), которая встрѣчается въ славянскихъ рукописныхъ номоканонахъ и сборникахъ [1]). Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать здѣсь объ этой статьѣ нѣсколько словъ.

Мнѣ думается, что эта *Заповѣдь* апокрифическаго происхожденія, какъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея текста. Но самымъ сильнымъ доказательствомъ апокрифичности заповѣди служитъ ея краткая редакція, найденная мною въ рукописномъ сборникѣ XVII в. Оссолинской библіотеки въ Львовѣ, № 41 [2]). Греческій ея подлинникъ, приводимый у Котелерія, какъ часть Апостольскихъ Постановленій, почти до буквальности сходенъ съ славянскимъ изводомъ. Языкъ статьи указываетъ на ея южнославянскій первоначальный списокъ, хотя самый сборникъ списанъ,

1) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Заповѣдь приводится съ полнымъ заглавіемъ; такъ въ сборникѣ прошлаго столѣтія въ читальнѣ въ Подгорицѣ, въ Черногоріи, она озаглавлена такъ: Починаемъ правило и с҃тихь преподобны ѿц҃ъ нашихь и б҃госаворъ и еже и мирски лѹдехь заповѣди васокие. Нач.: Язь Петаръ и Павль ап҃ли х҃ви заповедѹемъ рабомъ х҃вимъ ѿ деланихъ человѣчески, иже делати подобаеть е҃ дни: понеделникъ, вт(о)рникъ, среде, чт҃ъ (чит.: чтвръткъ), петкъ и сѹбѹ҄....

2) Вкратцѣ объ этой рукописи и ея содержаніи см. у Kętrzynkiego, Katalog rękopisów biblioteki zakładu nar. im. Ossolińskich. T. I. Lwów. 1881, стр. 32, № 41.

несомнѣнно, русскимъ и можетъ быть даже южнымъ. Въ виду неизвѣстности этой редакціи, привожу здѣсь текстъ ея цѣликомъ.

Заповѣдь стыхъ а҃плъ петра и҆ па́вла.

Азъ петръ и҆ павелъ заповѣда́евѣ рабо́мъ дѣлати днїи .е҃. къ сѫботѣ и҆ въ нѐлю да пра́зноу́ють въ цр҃кви оу҆ченїа дѣла бл҃говѣрнаго. сѫбо́тоу бо нарекоу҆ тва́ри сеѧ поконцїе и҆маща. .в҃. нелю же въскр҃нїа. вели́коую же нелю всю ѭже по то́й да празноую́ть. ѡ҆ва бо е҆ стр҃ти. ѡ҆ва же въскр҃нїа. кто́ ли пострада́вый и҆ въскр҃сыи. .г҃. възшествїе да празноую́ть. и҆ли́же съкръвенна бысть таинаѧ же ѿ х҃ѣ. .д҃. пантико́стїю празноу́ють, и҆же ст҃го д҃ха. .е҃. на ро҃ство г҃не да празноую́ть. и҆же въ то́и д҃нь родиса б҃жїе сло́во ѿ дв҃ца. .ѕ҃. на кр҃щенїе да празноуют. и҆ли́же показаса х҃во б҃жтво. послоушествоу҆емоу. .з҃. въ д҃ни а҃плъскыѧ до празноую́ть. оу҆ч҃тли бо ва́ши оу х҃а быша и҆ ст҃го ба сподобиша. .а҃. млтвы же творите оу҆трънѭѧ. и҆ .а҃. ча҃ и҆ .г҃. и҆ .ѕ҃. и҆ .д҃. и вѣрь‹н› въ кѫроглашенїа. и҆ заоу҆тра оу бо́ бл҃годарѧще. ꙗ҆ко ѡ҆свѣтникыи г҃ь. препроводи́въ но́щь, и наведе́ть д҃нь. въ г-же ꙗ҆ко въ тои ѡ҆твѣтъ ѿ пила́та прїать г҃ь. въ ѕ҃-и же. ꙗ҆ко въ то́и распа́тса. въ д҃-же, ꙗ҆ко въ то́и въсе по҆движаса влц҃ѣ распа́тоу, трепещоущи дръзости і҆оудейскы не тръпащи г҃нѧ хулы. вечерь же бл҃годарѧще. ꙗ҆ко да́сть на҃ поко́нще д҃ньны҃ троу҆дѡ҃ но́щїю. въ кѫроглашенїа прих҃ѡдньны҃. на дѣло свѣтода́вны҃ дѣлъ. и҆ а҆ще е҃ не́мощно въ цр҃ковь въходити злокѣрны҃ ра́ди. въ домоу да бѫдеть съборь. да не в҆ходить бл҃говѣрнын въ цр҃кѡвъ нечьстивы҃. ни бо мѣсто ѡ҆сщаеть ч҃лка. но ч҃лкь мѣсто. а҃ще оу бо нечьстивїи дръжа҃ мѣсто. бѣганте е҆го и҆же ѡ҆скврънися ѿ ни҃. ꙗ҆ко же рѣша б҃жтъвнїи ст҃ли [1]).

---

1) Греческій подлинникъ этой статьи является болѣе полнымъ только въ очень немногихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ интерпретаціи того или иного положенія. Въ остольномъ же онъ до буквальности сходенъ съ *Заповѣдью*, какъ можно видѣть изъ сравненія начала греческаго текста, который представляетъ главы 33-ю и 34-ю *Апостольскихъ постановленій* у Котелерія: SS. Patrum, qui temporibus apostolicis floruerunt, ... opera. Nova edit. Vol. I. Amstelaedami. 1724, стр. 419—420. Глава 33: Ὅσας ἡμέρας δεῖ ἀργεῖν τοὺς οἰκέτας. Ἐγὼ Παῦλος καὶ ἐγὼ Πέτρος (у Анаст.: ἡμεῖς Πέτρος καὶ Παῦλος), διατασσόμεθα. ἐργαζέσθωσαν οἱ δοῦλοι πέντε ἡμέρας· σάββατον δὲ καὶ κυριακὴν σχολαζέτωσαν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ διὰ τὴν διδασκαλίαν τῆς εὐσεβείας. τὸ μὲν γὰρ σάββατον εἴπομεν (у Анаст.: εἴπωμεν διὰ τὸ) δημιουργίας λόγον ἔχειν· τὴν δὲ κυριακὴν, ἀναστάσεως (у Анаст.: ἀναστήσας ἡμᾶς) τὴν μεγάλην ἑβδομάδα πᾶσαν καὶ τὴν μετ' αὐτὴν ἀργείτωσαν οἱ δοῦλοι· ὅτι ἡ μὲν πάθους ἐστίν, ἡ δὲ ἀναστάσεως, καὶ χρεία διδασκαλίας, τίς ὁ παθὼν καὶ ἀναστάς, ἢ τίς συγχωρήσας, ἢ καὶ ἀναστήσας. τὴν (у Анаст.: τρίτον, τὴν) ἀνάληψιν ἀργείτωσαν διὰ τὸ πέρας τῆς κατὰ Χριστὸν οἰκονομίας . . и проч. Глава 34: Ποίας ὥρας καὶ διατί ἐν ταύταις δεῖ προσεύχεσθαι. Εὐχὰς ἐπιτελεῖτε ὄρθρου, καὶ τρίτῃ ὥρᾳ, καὶ ἕκτῃ, καὶ ἐννάτῃ, καὶ ἑσπέρᾳ, καὶ ἀλεκτοροφωνίᾳ . . . Конецъ длиннѣе славянскаго.

Изъ сравненія этой статьи съ греческимъ текстомъ видно, что она есть переводъ съ греческаго, хотя оба текста представляютъ разныя версіи одной и той же редакціи, которая имѣетъ близкое отношеніе къ редакціи такой же статьи въ греческомъ Номоканонѣ у Котелерія; въ началѣ даже является буквальное сходство греческаго и славянскаго текстовъ [1]), но въ дальнѣйшемъ изложеніи обѣ эти редакціи значительно разнятся одна отъ другой. Славянскій же текстъ, встрѣчающійся въ номоканонахъ и сборникахъ, а также и румынскій переводъ его, представляя сходство съ греческимъ текстомъ въ основныхъ мѣстахъ, разнятся значительно отъ него въ буквальности перевода, ихъ расширенности и иногда нѣкоторыми добавленіями, сдѣланными, несомнѣнно, въ позднѣйшее время. Итакъ, *Заповѣдь апостоловъ Петра и Павла* имѣетъ слѣдующія редакціи: 1-я, которую можно называть первоначальною, извѣстная главнымъ образомъ по-гречески, въ Номоканонѣ Котелерія, и 2-я — переработка первой съ дополненіями, въ славянскомъ и румынскомъ переводахъ. Возможно, впрочемъ, что и эта редакція имѣла первоначально своего греческаго представителя. Наконецъ, 3-я редакція, приведенная мною выше, краткая, апокрифическая съ ея греческимъ первообразомъ.

Приведенный въ приложеніи румынскій переводъ *Ученія святыхъ апостоловъ* сдѣланъ по изданію митрополита Филоѳея Вріенія.

П. Сырку.

Teodoru Tarnavschi, docinte și suplinte la facultatea teologică din Cernauți. Despre celemaĭînsemnate liturgie(sic) ale bisericeĭ orientale, maĭ alesŭ cu privire la cele-ce-sŭ întebuințate în timpul de față în biserica ortodoxă. Reproducere separată din «Candela» Cernăuți (О важнѣйшихъ литургіяхъ восточной церкви и въ особенности о тѣхъ, которыя употребляются въ настоящее время въ православной церкви. Сочиненіе д-ра Ѳедора Тарнавскаго, доцента и и. д. профессора черновецкаго богословскаго факультета. Особый оттискъ изъ «Candela» (Лампада). Черновцы). 1893, VIII+281 стр. въ 8°.

Заглавіе книги г. Тарнавскаго вполнѣ опредѣляетъ ея содержаніе. Основная мысль этого сочиненія — представить исторію развитія и формъ евхаристическаго обряда въ православной восточной церкви. Такъ какъ этотъ обрядъ развивался постепенно, то авторъ даетъ краткое, но обстоятельное описаніе его древнихъ формъ, въ виду того, что нынѣшній обрядъ нашей православной литургіи основывается на чинѣ древней христіанской литургіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ разбираетъ и объясняетъ различные обряды другихъ восточныхъ литургій, которыя съ внѣшней,

1) Чтобы убѣдиться въ сходствѣ съ греческимъ текстомъ, я приведу здѣсь начальныя слова § 1-го (α') его: ἐγὼ ὁ Πέτρος καὶ Παῦλος διατάσσομεν τοῖς δούλοις ἐργάζεσθαι τὰς ἓξ ἡμέρας· σάββατον ὥρα ἐννάτῃ σχολαζέσθωσαν οἱ δοῦλοι· τὸ μὲν γὰρ σάββατον δημιουργίας χάριν ἔχει τὴν δὲ κυριακὴν ἀναστάσεως· καὶ χρείαν διδασκαλίας.... Cotelerius, Ecclesiae graecae monumenta. I, стр. 68.

формальной стороны не представляютъ единства, являющагося въ общности ихъ содержанія; но за то эти различные обряды объясняютъ и дополняютъ другъ друга. Сообразно съ этимъ, г. Тарнавскій разсуждаетъ въ введеніи объ учрежденіи, сущности содержанія и названіяхъ евхаристическаго богослуженія, указывая, что до четвертаго вѣка не существовало опредѣленной писанной литургіи. Такимъ образомъ, авторъ разсматриваетъ литургическія формулы первыхъ вѣковъ христіанской церкви, литургическій обрядъ временъ апостольскихъ, литургію Іустина мученика и наконецъ литургію по апостольскимъ установленіямъ. Въ заключеніи введенія онъ дѣлаетъ краткій обзоръ писанныхъ литургій восточной церкви и ихъ группъ.

За этимъ слѣдуетъ самое изслѣдованіе, раздѣленное на *три* главы, соотвѣтственно литургическимъ группамъ. Въ первой главѣ разсматривается *іерусалимская группа* литургій, гдѣ прежде всего слѣдуетъ разсужденіе о литургіи св. Іакова или такъ называемой литургіи церкви іерусалимской съ приведеніемъ румынскаго перевода литургіи, причемъ она сравнивается съ литургіею древней христіанской церкви и говорится объ отождествленіи ея съ литургіею Василія Великаго. Послѣ этого излагается исторія литургій константинопольской церкви или литургій, употребляющихся въ настоящее время въ православной церкви, съ приложеніемъ ихъ переводовъ, а именно: литургіи св. Василія, Іоанна Златоуста и Преждеосвященныхъ даровъ. Далѣе сообщаются свѣдѣнія о литургіяхъ церквей: a) армянской, b) іаковитской и c) маронистской, чѣмъ и кончается 1-я глава. Вторую главу составляетъ историческій очеркъ *александрійской группы* литургій, въ которой разсматривается литургія евангелиста Марка, ученика св. Петра, или такъ называемая литургія церкви александрійской съ переводомъ литургіи на румынскій языкъ. За этимъ слѣдуетъ разсужденіе о литургіяхъ: a) коптской церкви и b) церкви абиссинской или эѳіопской. Наконецъ, въ третьей главѣ сообщаются историческія свѣдѣнія о *литургійной группѣ эдесской* или *несторіанской*. Здѣсь авторъ прежде всего разсматриваетъ литургіи свв. апостоловъ Адея и Мара или такъ называемую литургію церкви эдесской съ приведеніемъ румынскаго перевода литургіи, сдѣланнаго съ латинскаго текста, изданнаго Ренодо. За этимъ сообщаются свѣдѣнія, не всегда, впрочемъ, полныя, о литургіяхъ: a) Ѳеодора Мопсуетскаго, b) Несторія и c) церкви малабарской. Этимъ книга г. Тарнавскаго оканчивается.

Авторъ книги довольно обширно знакомъ съ источниками и пособіями по предмету своего изслѣдованія, хотя у него есть пробѣлы, иногда очень непріятные; въ его книгѣ нѣтъ напр. ссылокъ на весьма интересную книгу Свайнсона: The greek liturgies chiefly from original authorities (Lond. 1884). Кромѣ того, онъ довольно мало знакомъ съ литературой предмета. Изъ русской литературы по литургикѣ ему извѣстно только коечто, а именно: архіепископа Веніамина Новая скрижаль; Смирнова Бого-

служеніе христіанской церкви со временъ апостольскихъ; Дмитревскаго Исторія догматическ. и таинствен. изъясненіе божественной литургіи; Муравьева; о. Никольскаго; Смолодовича Литургика; Лебедева Наука о богослуженіи православной церкви; Малиновскаго О литургіи Преждеосвящен. даровъ и Флоринскаго Исторія богослужебн. пѣснопѣній. Это все! Но, какъ видно изъ заглавія этихъ книгъ, большая часть изъ нихъ устарѣла и никакого научнаго значенія не имѣетъ. Русская богатая литература по литургикѣ и въ частности такіе труды, какъ сочиненія профессоровъ А. А. Дмитріевскаго и Н. Θ. Красносельцева, остались г. Тарнавскому неизвѣстными. Конечно, такое незнакомство отражается и на качествѣ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе книга черновецкаго профессора не лишена значенія и научнаго интереса, какъ основанная на источникахъ, изъ которыхъ извлечено все существенное, касающееся литургіи, и какъ таковая она можетъ съ полнымъ правомъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ православной литературѣ по литургикѣ, а въ литературѣ румынской представляетъ цѣнный вкладъ.

П. Сырку.

Β. Α. Μυστακίδου, Ὁ ἱερὸς κλῆρος κατὰ τὸν ις´ αἰῶνα. Μάξιμος ὁ Μαργούνιος. Ἐν Ἀθήναις 1893, σελίδες 55 σχήματος 8ου.

Τοῦτο τὸ βιβλιάριον ἐμπεριέχει βιογραφίαν εὐσύνοπτον Μαξίμου τοῦ Μαργουνίου, συμπληροῦσαν μέρη τινὰ τῆς περὶ τοῦ αὐτοῦ Μαξίμου μεγάλης διατριβῆς Αἰμιλίου τοῦ Λεγρανδίου [Bibliogr. Hell. II, σ. XXIII—LXXVII], πρὸς δὲ καί τινα κείμενα βοηθητικὰ μὲν ἄγνωστα δὲ τοῖς πρὸ τοῦ Μυστακίδου συγγράψασι τὰ κατὰ Μαργούνιον, οἷον ἐπιστολὰς Μαρτίνου τοῦ Κρουσίου καὶ τοῦ Μαργουνίου πάλιν ἑτέρας, σημειώματά τε ληφθέντα ἐκ τῶν ἀνεκδότων ἡμερολογίων τοῦ πρώτου καὶ λόγον τοῦ δευτέρου πρὸς Ἱερεμίαν οἰκουμενικὸν πατριάρχην, τὸν Τρανὸν ἐπωνομασμένον· παρέλαβε δ' ὁ Μυστακίδης τὰς ἐπιστολὰς τοῦ Μαργουνίου ἔκ τινος κώδικος τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει βιβλιοθήκης τοῦ Παναγίου Τάφου· διὰ δὲ τὴν ἱστορικὴν καὶ τὴν ἄλλην αὐτῶν ἀξίαν εὔχεται ὅπως ἅπασαι ὁμοῦ αἱ προτετυπωμέναι καὶ τύποις ἀνέκδοτοι μένουσαι τοῦ Μαργουνίου ἐπιστολαὶ βιβλίον ἴδιον ἀποτελέσωσι περισυναχθεῖσαι, ἵν' ἔχωσι τοῦτο πρόχειρον οἱ τὴν ἱστορίαν τῶν γραμμάτων καὶ τῶν Ἑλλήνων αὐτῶν ἐξετάζοντες· ὃ συνεύχομαι τῷ Μυστακίδῃ κἀγώ, εἰ καὶ τῆς εὐχῆς τὸν τελικὸν σκοπὸν οἶδα δυσεκπλήρωτον εἶναι, διὰ τὸν σκορπισμὸν τῆς τούτῳ χρῃζούσης ὕλης· ἀνεπαρκὴς γάρ ἐστιν εἰς τὴν ἐκτύπωσιν τῶν ἐπιστολῶν ἁπασῶν ἡ βοήθεια μεμονωμένου τινὸς ἀντιγράφου, τοῦ προχειροτέρου, τῷ τὴν ἔκδοσιν ἀποφασίσοντος ἀναλαβεῖν. Ὁ Μαργούνιος φιλόλογος ἦν ὀνομαστότατος, καὶ διὰ τὴν ἐνυπάρχουσαν ταῖς ἐπιστολαῖς αὐτοῦ γλωσσικὴν ἀττικὴν χάριτα ζητητὰς εὕρισκε διὰ ταύτας ἑκάστοτε μέχρις ἐνάρξεως τῆς τρεχούσης ἑκατονταετηρίδος ἡμῶν· ἐπηύξανε δὲ τὴν συνεχῆ τῶν ἐπιστολῶν ἀντιγραφὴν οὐ μόνον ἡ χάρις ἡ γλωσσική, ἀλλὰ καὶ τούτων ὁ σκοπός, μάλιστα δὲ τὸ περιεχόμενον ἐν αὐταῖς διανόημα τῶν αἰσθημάτων αὐτοῦ τοῦ συγγραφέως, ὅπερ ἐνεφάνιζεν αὐτὸν εἰς ἄκρον ἐξηυγενισμένον τῇ διδασκαλίᾳ τῆς ἠθικῆς φιλοσοφίας τῶν πρὸ Χριστοῦ

φιλοσόφων Ἑλλήνων καὶ τῶν πατέρων τῆς ἐκκλησίας. Καὶ ἐπειδὴ τὰ πρωτόγραφα τῶν ἐπιστολῶν οὐ γινώσκονται, δεῖ πάντως τὸν ἐκδότην αὐτῶν, ἵνα τὴν ἔκδοσιν ἀποδείξῃ φιλόλογον, ἀναζητῆσαι μὲν τἀκριβέστερα τῶν ἀντιγράφων καὶ πρὸς ἄλληλ' ἀντιβαλεῖν ἐπὶ τῷ καταστῆσαι τὸ κείμενον εὐνόητον, προσθεῖναι δὲ καὶ σημειώματα, τὴν ὕλην τῶν ἐπιστολῶν ἑρμηνεύοντα. Ὁ γράφων τὰ παρόντα, πρὸς τοῖς ἤδη γνωστοῖς ἀντιγράφοις, ἐφανέρωσε κώδικας ἔτι πέντε, πολυαρίθμους ἐνέχοντας ἐπιστολὰς [Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλογ. τ. XVII, σ. 53—54. Καμπουρόγλου, Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων, τ. II, σ. 198]· εὗρε δὲ καὶ συγγράμματα τοῦ Μαργουνίου αὐτόγραφα, τέως ἀγνοούμενα, καὶ τούτου πάλιν ἀντιγραφὰς βιβλίων ἑτέρων συγγραφέων καὶ κατάλογον αὐτόγραφον τῶν ἀναγνωσθέντων ὑπ' αὐτοῦ παλαιῶν συγγραμμάτων· ἅπαντα δὲ τὰ εὑρήματα ταῦτα χρήσιμά εἰσι τῷ βουλομένῳ γενέσθαι τῶν ἐπιστολῶν ἐκδότης. Ὁ ῥηθεὶς τῶν ἀναγνώσεων κατάλογος ἑρμηνεύει πολλῶν ἐπιστολῶν τὴν ὕλην, καὶ ἐπειδὴ σχετίζεται πρός τινα βιβλιογραφικὰ ζητήματα, τύποις ἐκδοθήσεται προσεχῶς· νῦν δέ, τὴν ἀφορμὴν τοῦ Μυστακίδου δόντος, ἐκδίδωμι δευτέραν τοῦ Μαργουνίου διαθήκην [κώδ. 328 τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Μετοχίου τοῦ Παναγίου Τάφου, φ. 31]. «Ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας ͵αφπδ' [1584], κατὰ τὴν ε' καὶ εἰκοστὴν τοῦ νοεμβρίου, ἐν νήσῳ Κυθήρων. — Τοῦ αὐτοῦ διαθήκη: Μαρ: — Ἐπειδὴ πᾶσιν ἀνθρώποις φύσει ἡ τοῦ θανάτου ἀνάγκη ἀκολουθεῖ καὶ ἄδηλος ὁ τῆς ἑκάστου ζωῆς ὅρος καθέστηκε, διά τοι τοῦτο καὶ ἡ ταπεινότης ἡμῶν τὴν περὶ ἡμᾶς καὶ περὶ τοῦτο τοῦ Θεοῦ οἰκονομίαν καὶ τὸ ἐκείνου περὶ τῆς ἡμετέρας ζωῆς ὅριον ἀγνοοῦσα, πρὸς χριστιανοὺς καὶ τοῦτο ἡγήσατο, τὸ καὶ πρὸ τῆς ὥρας ἐκείνης τῶν οἰκείων τι προνοήσασθαι· καὶ δὴ τῇ τοῦ παναγάθου Θεοῦ χάριτι σώας ἔχουσα τὰς φρένας καὶ τὸν νοῦν ὑγιᾶ, καὶ ταῦτα πρὸς τῇ προφθασάσῃ ἑαυτῆς διαθήκῃ παραγγεῖλαί τε καὶ διαθέσθαι προήρηται. Ἐν πρώτοις τοιγαροῦν πᾶσι χριστιανοῖς τὴν κατὰ Θεὸν ἀγάπην ἀφίησι καὶ παρ' αὐτῶν τὴν αὐτὴν ἀντιστρόφως ἀντέχειν παρακαλεῖται [1] καὶ ἐπεύχεται, τὴν δὲ ἑαυτῆς ἐλεεινὴν ψυχὴν εἰς χεῖρας τοῦ ἐλεήμονος Θεοῦ παρατίθησιν· ἐπειδὴ δὲ οὐδὲν αὐτῇ ἔν γε τῇ παρούσῃ ζωῇ πλὴν ὀλίγων βιβλίων ἀπόκτησις ὑπολέλειπται, ἃ μὲν τούτων πρὸ τούτου δι' ἑτέρας ἰδίας διαθήκης εἰς μνημόσυνον ἑαυτῆς ἐν τῇ τοῦ θείου Προδρόμου μονῇ, τοῦ ἐπονομαζομένου Φαραγγίτη, συνάμα καὶ τοῖς ἄλλοις ὧν ἐκεῖ διαμνημονεύει [2], ἃ δὲ τό γε νῦν εἶναι ἔν τε τῇ σεβασμίᾳ μονῇ τῆς μεγαλομάρτυρος Αἰκατερίνης τῆς ἐν τῷ Χάνδακι εὕρηται· [3] καὶ ἃ ἐν ταῖς χερσὶ τοῦ ἑαυτῆς πρὸς μητρὸς θείου, τοῦ εὐγενοῦς κυρίου Παύλου τοῦ Κολώνα [4], παραμεμένηκε, ταῦτα τῷ ἑαυτῆς αὐταδέλφῳ, τῷ εὐλαβεῖ μοναχῷ κυρίῳ Μελετίῳ τῷ Μαργουνίῳ [5], ἀφίησι, τούτῳ γε μὴν τῷ συνθήματι, ἵνα καὶ αὐτὸς ἐν φόβῳ Θεοῦ καὶ ὑπὸ ἐπιτιμίῳ βάρους τε καὶ ἀφορισμοῦ συνάψῃ ταῦτα τοῖς προειρημένοις ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ τοῦ Προδρόμου, καὶ διαμονάσῃ ἐκεῖ, ἐνυποταγῇ τε ὑποταγῇ τελείᾳ τοῦ

1 Κώδ: παρακαλεῖτε.

2 Ἀγνοῶ τὴν πρώτην διαθήκην· τὴν τρίτην καὶ τελευταίαν διαθήκην ἰταλιστὶ γεγραμμένην ὅρα παρὰ τῷ Legrand, Bibl. Hell. II, σ. 392.

3 Ἀμφότερα τὰ μοναστήρια ταῦτα ἐν τῇ νήσῳ Κρήτῃ κεῖνται.

4 Ὅρα Legrand, Bibliogr. Hellénique, II, σ. XXIII.

5 Αὐτόθι σ. 392 καὶ 393.

ἐκεῖ προσμένοντος αἰδεσιμωτάτου καθηγουμένου κυρίου Μητροφάνους·[1] καὶ εἴ τι ἄλλο τῶν ἐμῶν εὑρεθείη παρά τινι, ἐχέτω ἄδειαν καὶ ἐξουσίαν ὁ αὐτός μου αὐτάδελφος συναγαγεῖν τε αὐτὰ καὶ ἐν τῇ αὐτῇ καθιερῶσαι μονῇ· εἰ δέ τινες περὶ αὐτὸν δυστρόπως ἑαυτοὺς ἐν τῇ τῶν βιβλίων ἀπολήψει διάθοιντο καὶ μὴ ῥᾷστα καὶ χωρίς τινος ἀντιλογίας τὴν αὐτῶν τε καὶ ἄλλων οἱωνοῦν ἡμετέρων ἀπόδοσιν ποιήσαιεν, ὑπὸ τῷ τοῦ Θεοῦ βάρει καὶ ταῖς τῶν τιη΄ θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ ἀραῖς ὑποπεπτέτωσάν τε καὶ ὑποβεβλήσθωσαν, ὀφείλοντος πρὸς τούτοις τοῦ ἐν τῇ προειρημένῃ μονῇ εὑρισκομένου ἢ καὶ εὑρεθησομένου καθηγουμένου διά γε τὰ εἰρημένα τῷ αὐτῷ αὐταδέλφῳ μου Μελετίῳ[2], τὰ ὅσα δ' ἀνῆκεν εἰς τὴν ἑαυτοῦ διατροφήν τε καὶ σκέπασμα [δίδοσθαι] ἄχρι τῆς ἑαυτοῦ ζωῆς, σωφρόνως μέντοι καὶ τούτων προνοουμένων καὶ ᾗ μοναχοῖς προσῆκε τοῖς τὸν σταυρὸν τοῦ Χριστοῦ γνησίως ἐφ' ἑαυτοὺς ἀραμένοις· ὃ δὴ καὶ ἐν τῇ διακρίσει τοῦ αὐτοῦ ἡγουμένου, εἴ τε καὶ ἄλλου τάχα, τοῦ μετ' ἐκείνου, ἐν ἁγίῳ πνεύματι παραλείπω. Ταῦτα μὲν ἐγὼ διατάττομαι, δι' ἃ καὶ ὑπογράψω εἰς τὸ εὐδηλοτέραν [εἶναι] τῆς ἐμῆς γνώμης [τὴν] σύστασιν· παρακαλῶ δὲ ἐν Θεῷ αὐτόν τε τὸν κατὰ τὸ παρὸν εὑρισκόμενον καθηγούμενον κύριον Μητροφάνην, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸν ἀδελφόν, ἅτε δὴ ἐγνωκὼς αὐτὸν εἰλικρινῶς τε καὶ ἀληθῶς ἠγαπηκότα με, ἐμμεῖναί τε τοῖς παρὰ τῆς ἡμετέρας ταπεινότητος διατεταγμένοις καὶ τῆς ἐμῆς ψυχῆς διαμνημονεύειν διαπαντός, αὐτόν τε τὸν ἐμὸν αὐτάδελφον κύριον Μελέτιον τὸν Μαργούνιον ἀγαπᾶν τε ὡς ἕτερον ἐμὲ καὶ τῶν περὶ τὴν αὐτοῦ σωτηρίαν φερόντων λόγῳ τε καὶ ἔργῳ ἐπιμελεῖσθαι καὶ ὁποίαις ἂν ἔχῃ νουθεσίαις τε καὶ παραινέσεσιν ἐπὶ τὴν τοῦ καλοῦ ἐργασίαν παροξύνειν διαπαντός».

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

2. БИБЛІОГРАФІЯ.

ГРЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

Ἐπαμ. Ἰ. Σταματιάδου, Ἰκαριακά, ἤτοι ἱστορία καὶ περιγραφὴ τῆς νήσου Ἰκαρίας. Ἐν Σάμῳ 1893, σελίδες 161 σχήματος 8-ου.

Τὸ πόνημα τοῦτο τοῦ λογιωτάτου Σταματιάδου, ᾧ τῶν ἑλληνικῶν ἀρχαιοτήτων καὶ ἱστοριῶν οἱ γνῶσται χρησιμωτάτας ὀφείλουσιν ἐκ πολλοῦ συγγραφάς, περιγράφει καταλεπτῶς τὴν Ἰκάρου νῆσον, τὴν νῦν ἑλληνιστὶ Νικαριὰν ὀνομαζομένην, ἣ πολιτικῶς μὲν ὑποτάσσεται τοῖς Τούρκοις, ἐκκλησιαστικῶς δὲ τῷ μητροπολίτῃ τῆς αὐτονόμου νήσου τῶν Σαμίων· διῄρηται δὲ εἰς πεντεκαίδεκα κεφάλαια, ταύτας ἔχοντα τὰς ἐπιγραφάς· α΄) Γεωγραφικὴ θέσις καὶ ὄρη Ἰκαρίας, β΄) Ἀρχαῖα ὀνόματα τῆς νήσου καὶ πόλεις αὐτῆς, γ΄) Ἱστορία τῆς Ἰκαρίας, δ΄) Θρησκεία τῶν ἀρχαίων Ἰκαρίων καὶ διάδοσις τοῦ χριστιανισμοῦ

1 Οὗτός ἐστι πιθανῶς ὁ Μητροφάνης, ᾧπερ ὁ Μαργούνιος ἔτει 1584-ῳ γράμμα ἔγραψε τύποις ἀνέκδοτον. Legrand, Bibl. Hell., II, σ. XXXV.

2 Παρέλειψα, φαίνεται, κατὰ τὴν ἀντιγραφὴν φράσιν ὅλην, ἧς ἡ ἔννοια τοιαύτη· «προνοεῖσθαι μὲν τούτου»· καὶ ἄλλα τινὰ λεξείδια λείπουσι, ἅπερ εἰκαστικῶς ἀνεπλήρωσα, προσθεὶς αὐτὰ ἐν ἀγκύλαις.

ἐν Ἰκαρίᾳ, ε') Προϊόντα τῆς Ἰκαρίας, ς') Νομίσματα τῶν ἀρχαίων Ἰκαρίων, ζ') Ἡ καθ' ἡμᾶς Ἰκαρία, η') Διοίκησις τῆς νήσου σημερινή, θ') Μοναστήρια ταύτης, ι') Βίος καὶ χαρακτὴρ τῶν Ἰκαρίων, ια') Ἤθη καὶ ἔθιμα τῶν αὐτῶν, ιβ') Διάλεκτος αὐτῶν, ιγ') Ἄσματα, ιδ') Παιδιαὶ καὶ ιε') Ἀρχαῖα ἔγγραφα Ἰκαρίων. Ὁ συγγραφεὺς ἀποκατέστησε τὸ βιβλίον χρήσιμον διά τε τὴν συναρμογὴν τῶν ἐσπαρμένων ἐν πολλοῖς βιβλίοις εἰδήσεων περὶ τῆς νήσου καὶ διὰ τὰς περιχωρηθείσας ἐν αὐτῷ πρωτοφανεῖς ὕλας. Ἐν τῇ 15-ῃ σελίδι παρατίθεται τὸ πῶς οἱ Ἰκάριοι σῴζουσι νῦν τὸν περὶ Ἰκάρου μῦθον· ἐν ἑτέραις δὲ σελίσι (21—22, 41 καὶ 161) δίδωσι τὸ κείμενον τῶν ἐν αὐτῇ τῇ νήσῳ παρ' αὐτοῦ εὑρεθεισῶν ἀρχαίων ἐπιγραφῶν· ἀγνοεῖ δὲ ὅτι τινὰς τούτων προεξέδωκαν ἕτεροι τὴν νῆσον περιοδεύσαντες, οἷον τὸ ἐπιτύμβιον ἐπίγραμμα τὸ διὰ τὸν Φιλοκτέα Δημητρίου (G. Kaibel, Epigrammata graeca 1878, σ. 112. Anthol. Palat. τ. III, 1890, σ. 177)· ἀλλ' οὐχ ἧττον ἐμφανίζει καί τινας ἀγνώστους ἄλλοθεν ἐπιγραφάς, οἷον τὴν μνημονεύουσαν εὐκτηρίου τινὸς τῶν Ἀρχαγγέλων, ὅπερ ἱδρύθη ἢ ἀνεκαινίσθη ἐπὶ Σχολαστικίου, ἐπισκόπου Ἰκαρίας. Σημειώσεως ὡσαύτως ἄξιον, ὅτι τὸ λείψανον τῆς ἁγίας Θεοκτίστης τῆς Λεσβίας ὑπάρχει νῦν ἐκ παλαιοῦ ἐν τῇ νήσῳ Ἰκαρίᾳ, ἐν μοναστηρίῳ φέροντι τὸ ὄνομα αὐτῆς ταύτης τῆς Θεοκτίστης, (σ. 68 κἑ). Τῶν δὲ ἀπὸ τῆς 153-ης σελίδος ἐμπεριεχομένων ἐγγράφων ἀρχαιότερον μέν ἐστι τὸ πρῶτον, ὅπερ ἐγράφη ἔτει 1601-ῳ, μεταγενέστερον δὲ τὸ γεγραμμένον ἔτει 1772-ῳ· εἰσὶ μέντοι πάντα ταῦτα χρήσιμα διὰ μελέτας γλωσσικὰς περὶ τῆς νῦν ἑλληνικῆς γλώσσης, μάλιστα δὲ τῆς διαλέκτου τῶν Ἰκαρίων, ὧν ὁ Σταματιάδης παρατίθεται καὶ τὰς λέξεις καὶ τὰ ᾄσματα, γενόμενος οὕτω πρόξενος ὠφελείας εἰς τοὺς ἐκμελετῶντας τὰ ἰκαρικὰ γλωσσικὰ μελετήματα τοῦ φιλολόγου Χατζιδάκη [Indogerm. Forschungen 1892, II, σ. 371—414].

Ἰωάννης Ν. Πουλιανὸς ὁ Ἰκάριος, Ἡ νῆσος Ἰκαρία [Ἀμάλθεια Σμύρνης, ἀριθ. 5430, ἔτους 1894].

Μικρὰ πραγματεία, δι' ἧς ὁ Πουλιανὸς ἐλέγχει τινὰ τεμάχη τῶν Ἰκαριακῶν τοῦ Σταματιάδου, μετατετυπωμένα ἔν τισι φύλλοις τῆς Ἀμαλθείας [ἀριθ. 5376, 5379, 5380]. Τὸ βιβλίον ὅλον τῶν Ἰκαριακῶν ἐλλείπει τῷ Πουλιανῷ· προαγγέλλει μέντοι, ὅτι μετὰ τὴν ἀπόκτησιν αὐτοῦ γράψει μακρὰν ἐπίκρισιν. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ προμελέτῃ πραγματεύεται τὸν Σταματιάδην ἐλέγχων περί τινων φωνητικῶν ἀποριῶν· οἷον, ὅτι τὸ γράμμα φῖ προφέρουσιν οἱ τῆς νήσου κάτοικοι, "μόλις πλησιάζοντες τοὺς ὀδόντας τῆς ἄνω σιαγόνος εἰς τὰ χείλη τῆς κάτω"· λέγει δὲ καὶ περὶ τοῦ βῖ, ὅτι προφέρουσί πως αὐτό, οὐ προσεγγίζοντες τοὺς ὀδόντας τοῖς χείλεσι· καὶ τὸ μῖ δ' οὐ παραλείπουσιν ὅλως, εἴτ' ἐν ἀρχῇ λέξεως ὑπάρχει τοῦτο, εἴτ' ἐν τῷ μέσῳ δύο φωνηέντων.

Ἐπαμ. Ἰ. Σταματιάδης, Ἡ νῆσος Ἰκαρία [Ἀμάλθεια, 1894, ἀριθ. 5436].

Ἀπόκρισις πρὸς Ἰωάννην τὸν Πουλιανόν, δι' ἧς ὁ Σταματιάδης ὑποστηρίζει τὰ παρ' αὐτοῦ γεγραμμένα ἐν τοῖς Ἰκαρικοῖς, ἃ λέγει διὰ φιλοτιμίαν μᾶλλον ἀπήρεσαν τοῖς ἐν Ἰκαρίᾳ καὶ τῷ Πουλιανῷ· ὑποστηρίζει δὲ μάλιστα τὸ περὶ βρυκολάκων ἰκαρικὸν ἔθιμον, ἀντεχόμενος τῆς προτέρας αὐτοῦ περιγραφῆς [Ἰκαριακῶν σελ. 115—119]· ὑποστηρίζει δὲ καὶ ὅσα πρότερον ἐν τοῖς Ἰκαριακοῖς ἔγραψε περὶ τῆς ἐκθλίψεως τῶν συμφώνων ἐν τῇ γλώσσῃ τῶν Ἰκαρίων. Ἡ

ἔρις ὅμως τοῦ Πουλιανοῦ περὶ τούτου τοῦ ζητήματος ἀπεδείχθη περιττή, τοῦ Χατζιδάκη καλῶς ἐξηγήσαντος ἤδη τὰ περὶ αὐτοῦ [Indogerm. Forschungen II, σ. 383—386].

Ἠλίας Ἀ. Τσιτσέλης, Ἔθιμα ἐν Κεφαλληνίᾳ [Παρνασσός, τ. XV, σ. 280—297, Ἡ μεγάλη ἑβδομὰς καὶ τὸ πάσχα. Σελ. 921—925, Ἡ μεγάλη σαρακοστή]. — Ὁ συγγραφεύς, εἰ καὶ περιγράφει τὰ νῦν ἔθιμα τῶν Κεφαλλήνων, διὰ τὴν πολυμάθειαν ὅμως αὐτοῦ κατέστησε τὸ θέμα τῶν τοιούτων ἐθίμων χρήσιμον καὶ τοῖς ἀσχολουμένοις περὶ τὴν ἱστορίαν τοῦ ἰδιωτικοῦ καὶ τοῦ θρησκευτικοῦ βίου τῶν Ἑλλήνων ἐπὶ τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς· ἡ δὲ περιγραφὴ τῶν ἐθίμων κατά τε τὴν μεγάλην ἑβδομάδα καὶ τὸ πάσχα προσφέρει περιέργους ἐθιμοταξίας ἐκκλησιαστικάς, δυναμένας ἴσως ἑρμηνεῦσαι διατάξεις παλαιῶν ἐκκλησιαστικῶν τυπικῶν ἐν ἀντιγράφοις εὑρισκομένων.

Γ. Ἰακ. Καλαϊσάκης, Παντοτεινὸν καλαντάριον, βροντολόγιον καὶ σεισμολόγιον [Παρνασσός, τ. XV, σ. 315—319, 795—800]. — Ἐν τοῖς παλαιοῖς ἀντιγράφοις τῆς βιβλιοθήκης τοῦ ἐν Κρήτῃ Καλαϊσάκη εὑρέθη κῶδιξ ἐμπεριέχων πρακτικὸν καλαντάριον, ἀρχόμενον ἀπὸ τοῦ 1722-ου· λήγει δ' εἰς τὸ 1945-ον ἔτος. Ὁ κάτοχος ἐκδίδωσι νῦν αὐτοῦ τεμάχια κατ' ἐκλογήν. Ἐπιγραφὴ τοῦ κώδικος· «Καλλαντάριον παντοτεινὸν σὺν θεῷ, περιέχον τοὺς εἰκοσιοκτὼ κύκλους τοῦ ἡλίου μετὰ τῶν ἑπτὰ πλανητῶν καὶ τοῦ βροντολογίου, σεληνοδρομίου τε καὶ σεισμολογίου, καὶ τῶν ἑπτὰ ἡμερῶν τῆς ἑβδομάδος, τὸ τί φανερώνουσιν ἑκάστῳ ἐνιαυτῷ, ἀντιγραφθὲν ἐκ τοῦ τυπωμένου, μεταγλωττισθέντος ἐκ τῆς οὐγγαρικῆς, ἤτοι σλαβουνικῆς καὶ ἰλλυρικῆς διαλέκτου παρά τινος ἀνωνύμου εἰς χρῆσιν τοῦ φιλαναγνώστου».

Β. Ἀ. Μυστακίδου, Καππαδοκικά. Περιγραφὴ γεωγραφικὴ στατιστικὴ ἐμπορικὴ ἐκκλησιαστικὴ τῆς μητροπόλεως Καισαρείας [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 368—379, 445—458, 600—615].—Τῆς περιγραφῆς ταύτης ἡ ἀξία μεγάλη κατὰ τοῦτο, ὅτι περιέχονται ἐν αὐτῇ γνώσεις ἀκριβεῖς ἐξ αὐτοψίας περὶ τόπων καππαδοκικῶν, ἐν οἷς ὁ χριστιανισμὸς ἤκμασε τὸ παλαιόν, οὐχ εὑρισκόμεναι προχείρως ἐν ἑτέραις περιγραφαῖς. Πρῶτον μὲν οὖν ὁ Μυστακίδης ἀπαριθμεῖ τὰ προτετυπωμένα ἑλληνιστὶ τοπογραφικὰ βιβλία, τὰ μερικῶς ἢ καθολικῶς ἀφορῶντα πρὸς τὴν γεωγραφίαν ἢ τὴν ἱστορίαν τῆς Καππαδοκίας· εἶτα δὲ συντόμως μὲν ἀλλὰ σαφῶς τὴν χώραν αὐτὴν περιγράφει· ἐπειδὴ δὲ σκοπὸς αὐτοῦ γνωρίσαι κυρίως τὴν ἐπαρχίαν τῆς μητροπόλεως Καισαρείας, ἄρχεται τῆς ἀναγραφῆς τῶν ὀρέων αὐτῆς, καί φησιν ὅτι τὸ σημαντικώτερον αὐτῶν ἐστι τὸ μεταξὺ Καισαρείας τῆς πόλεως καὶ τοῦ πολιχνίου Μουταλάσκης ὑψούμενον, ὃ τὸ πάλαι μὲν Δίδυμον ἐκαλεῖτο, νῦν δὲ τουρκιστὶ μὲν Ἀλῆ-δάγ, ἑλληνιστὶ δὲ «Βουνὸ τοῦ ἁγίου Βασιλείου»· μετὰ δὲ τοῦτο συναριθμεῖ τοὺς ποταμούς, παρὰ τὰς ἀρχαίας αὐτῶν ὀνομασίας προστιθέμενος τὰς σημερινάς· ἔνθα σημειώσεως ἄξιον, ὅτι τὸν Ὀνοπνίκτην ποταμὸν [Theophan. Contin. σ. 280: Κεδρην. II, σ. 213] ταυτίζει τῷ δυτικῷ βραχίονι τοῦ Σάρου, καλουμένου τανῦν Σαμάντα-σοῦ καὶ τοὺς νομοὺς διαχωρίζοντι τῆς Ἀγκύρας καὶ Σεβαστείας· ἀναγράφει δὲ καὶ τὰς λίμνας, τά τε προϊόντα τῆς χώρας καὶ τὰ μεταλλεῖα ταύτης· μεθ' ὃ περιγράφει τὸν τρόπον, καθ' ὃν οἱ κάτοικοι διαιτῶνται· ἐξ ἱστορικῆς δ' ἀπόψεως ἀπαριθμεῖ τὰς παλαιὰς ἐπαρχίας τῆς Καππαδοκίας, ἀρξάμενος ἀπὸ

τῆς ἐπὶ Κύρου περσικῆς ἐποχῆς. Λέγει δέ τινα καὶ περὶ τῆς παλαιᾶς τῶν Καππαδόκων γλώσσης εὐσύνοπτα, καὶ περὶ τῆς νῦν ἐκεῖ λαλουμένης ἑλληνικῆς διαλέκτου, καὶ περὶ τῆς ἐκπαιδευτικῆς τῶν ὀρθοδόξων καταστάσεως, περί τε τῶν ἐθίμων αὐτῶν καὶ περὶ ἄλλων τινῶν πραγμάτων, οἷον μέτρων σταθμῶν καὶ λοιπῶν· μεθ' ἃ τὴν χώραν ἐξετάζει διοικητικῶς ἐξ ἐκκλησιαστικῆς ἀπόψεως, ἀπαριθμῶν τὰς κώμας καὶ τὰς πολίχνας, ἐν αἷς οἰκοῦσιν ὀρθόδοξοι χριστιανοί, τὸν μητροπολίτην Καισαρείας πνευματικὸν αὐτῶν πατέρα γινώσκοντες· καὶ τῆς λεπτομεροῦς ἐκείνων περιγραφῆς ἅπτεται, ἀρξάμενος ἀπὸ τῆς πόλεως Καισαρείας, ἐν ᾗ ὁ μητροπολίτης αὐτὸς ἑδρεύει. Τὴν πόλιν ταύτην κοσμοῦσιν οἰκίαι 9600, ὧν 6000 οἰκοῦσι μουσουλμᾶνοι, 2830 ἀρμένιοι, 190 προτεστάνται, *180* παπισταὶ καὶ τετρακοσίας ὀρθόδοξοι τετρακισχίλιοι.

Ἰωάννης Δ. Ἀφθονίδης, Ἀκριβὴς τοποθέτησις πόλεών τινων τῆς Μακεδονίας [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 461—464]. — Ὁ συγγραφεὺς ἐξ ὀνομάτων τὰς θέσεις ὁρίζει δι' ὀλίγων τινῶν λέξεων, τὰ Τρίμουλα, τὴν Μοσυνόπολιν, τὸ Δημητρίτζη, τὸ Βρανόκαστρον, τὸ Δρυάνοβον ἢ Δράνοβα, καὶ τὸ Σύμβολον καὶ τὴν Νεάπολιν· ἀλλὰ τὸ ποῦ τινα τῶν ὀνομάτων τούτων εἶδε μνημονευόμενα ὁ συγγραφεὺς ἀπεσιώπησεν. Κατὰ τὸν Ἀφθονίδην ὁ μεταξὺ τοῦ λιμένος Ἐλευθερουπόλεως καὶ τοῦ ῥωσικοῦ Ταρσανᾶ τόπος, ὅστις ἐκαλεῖτο τὸ πάλαι Οἰσύμη, τανῦν ὀνομάζεται Τρίμουλα· τὴν Μοσυνόπολιν ταυτίζει τῇ κώμῃ Μεσορώπῃ ἢ Μουσουρώπῃ, ἣν οἱ πρεσβύτεροι τῶν κατοίκων ἐκ παραδόσεως ὀνομάζουσι Μοσυρόπολι ἢ Μισυρόπολι· κεῖται δὲ εἰς τριῶν ὡρῶν ἀπόστασιν τοῦ Πραβίου· τὸ δὲ Δημητρίτζη, ἔνθα ἔτει 1185 ῳ Ἀλέξιος ὁ Βρανᾶς διέφθειρε τοὺς Νορμανούς, κεῖται ΝΔ τῆς παρὰ τὰς Σέρρας γεφύρας τοῦ ποταμοῦ Στρυμόνος, ἔνθα χωρίον ὑπάρχει Δημητρίτζη τανῦν ὡσαύτως ὀνομαζόμενον. Τὸ δὲ Βρανόκαστρον, ἀπέχον τοῦ Πραβίου δίωρον ὅλον, βυζαντινόν ἐστι φρούριον· ὠνομάσθη δ' οὕτω, κατὰ τὸν Ἀφθονίδην, διὰ τὸν κτίτορα Βρανᾶν. Ἐγὼ τὸ Βρανόκαστρον εἶδον ἔτει 1885-ῳ καὶ πείθομαι τῷ Ἀφθονίδῃ.

Π. Βεργωτῆς, Ἡ πρόθεσις «ἀπὸ» [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 526—540]. — Πεφροντισμένη πραγματεία περί τε τῆς χρήσεως καὶ τῆς συντάξεως τῆς προθέσεως ταύτης παρὰ τοῖς νῦν Ἕλλησι μετὰ πτώσεως αἰτιατικῆς. Τῆς γενικῆς πτώσεως ἡ χρῆσίς ἐστι τοσούτῳ σπανιωτάτη, ὥστε μόλις δεκάδα παραδειγμάτων εὗρεν αὐτῆς ὁ Βεργωτῆς. Ἡ κατανίκησις τῆς αἰτιατικῆς πτώσεως ἐγένετο, κατὰ τὸν συγγραφέα, τῷ νόμῳ τῆς ἀναλογίας· ἐπειδὴ τὸ παλαιὸν ἔλεγον «εἰς τὴν οἰκίαν», ἑπόμενον ἦν ἐξ ἀναλογίας οἱ μεταγενέστεροι λέγειν «ἀπὸ τὴν οἰκίαν»· καὶ ὡς οὐχ ἐβαρβάριζον ἐκεῖνοι ῥήματα πολλῷ πρότερον συντεταγμένα γενικῇ ἢ δοτικῇ πτώσει τῇ πτώσει τῆς αἰτιατικῆς ἐξ ἀναλογίας συντάττοντες, οὕτως οὐδ' οἱ σήμερον Ἕλληνες βαρβαρίζουσιν, ἐξ ἀναλογίας ὡσαύτως τὴν ἀπὸ διαλεγόμενοι συντάσσοντες αἰτιατικῇ πτώσει. Τῆς βεργωτείου μελέτης τὸ ὑλικόν ἐστιν ἄφθονον διὰ τὴν ἐν διαλόγοις σημερινὴν γλῶσσαν· ἐλλείπει δ' αὐτῇ τὸ ἱστορικὸν ὑλικόν, τουτέστιν ἡ ὕλη ἡ δεικνύουσα τὸ πότε πρῶτον ἐν τοῖς σῳζομένοις παλαιοῖς ἐγγράφοις ἡ πρόθεσις ἀπὸ φαίνεται μεταλλάξασα τὴν θέσιν τῆς γενικῆς πρὸς τὴν τῆς αἰτιατικῆς πτώσεως, καὶ τὸ πῶς οὕτω τὸ πρᾶγμα προώδευσεν, ὥστε τὴν γενικὴν πτῶσιν εἶναι σήμερον ἐξαίρεσιν σπανιωτάτην· ταύτην ὅμως

τὴν ἔλλειψιν προανεπλήρωσεν ὁ Χατζιδάκης ἐπαρκῶς [Einleitung in die neugr. Grammatik, σ. 224].

K. Νεστορίδης, Παροιμίαι καὶ παροιμιώδεις φράσεις ἀνέκδοτοι [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 469—777, 878—880, 946—955. τ. XVI, 1893, σ. 159—160].—Τὸ ὅλον 153 παροιμίας μέχρι σήμερον ἀνέγνωμεν συλλεγείσας ἐν τῷ βασιλείῳ τῆς Ἑλλάδος· καὶ αὗται, μετὰ τῶν ἄλλων, τῶν ὑπὸ πολλῶν ἑτέρων ἐλλογίμων Ἑλλήνων ἐπιμελῶς προσυναθροισθεισῶν, ἑρμηνεύουσι παλαιοτέρας τινὰς ἑλληνικὰς ἐκφράσεις καὶ παροιμίας, ἐν συγγράμμασι τῶν βυζαντινῶν χρόνων ἀπαντώσας· ἅπασα δὲ ἡ συλλογὴ τοῦ Νεστορίδου, κατὰ τὴν ἐν ἀρχῇ σημείωσιν, ἀριθμεῖ 6300 παροιμίας.

Ἀλέξ. Καράλης, Χίος καὶ Χῖοι [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 561—577]. — Περιέχει τινὰς προχείρους εἰδήσεις περί τινων συγγραφέων ἐκ Χίου μεταγενεστέρων, οἷον Βαρδαλάχου, Βάμβα καὶ Κοκκινάκη.

Γ. Ἰακ. Καλαϊσάκης, Περὶ τῆς ἐν Κρήτῃ Λάππας ἢ Ἀργυροπόλεως [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 615—621]. — Τὴν κώμην Ἀργυρόπολιν σχετίζει ὁ Καλαϊσάκης πρὸς τὴν οἰκογένειαν τῶν Ἀργυροπούλων, οἷς ἐδόθη μέρος τῆς Κρήτης ἔτει 1185-ῳ.

Ἀμαλία Παπασταύρου, Ὁδοιπορικαὶ ἀναμνήσεις [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 29—33, τὰ Τέμπη. Σελ. 519—554, τὰ Μετέωρα].

X. E. Κανελλόπουλος, Αἱ ἐν Τήνῳ δυτικαὶ μοναὶ [Παρνασσός, τ. XV, σ. 711—719]. — Πληροφορίαι τινὲς περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ ταύτῃ μοναστηρίων τῶν Λατίνων.

M. Χρυσοχόος, Ἡ Πρασιὰς λίμνη (Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 721—736, 801—813). — Ἐν τούτῳ τῷ μελετήματι συνεξετάζονται αἱ περὶ τῆς τοποθεσίας τῆς Πρασιάδος λίμνης ὑπάρχουσαι γνῶμαι συγγραφέων τινῶν. Ὁ συγγραφεὺς περιγράφει τὰ τενάγη τῶν Φιλίππων, πόλεως ἀρχαίας ἐν Μακεδονίᾳ, τὴν κοιλάδα τοῦ ποταμοῦ Στρυμόνος καὶ τὴν λίμνην τῆς Δοϊράνης, ἣν καὶ ταὐτίζει τῇ παρὰ τῷ Ἡροδότῳ μνημονευομένῃ Πρασιάδι λίμνῃ· προστίθησι δὲ καὶ χάρτην τῆς νοτίου Μακεδονίας καὶ ἄλλους τινὰς πίνακας. Τὸ μελέτημα τοῦ Χρυσοχόου συμφέρει τοῖς βυζαντινολόγοις κατὰ τοῦτο, ὅτι περιέχει περὶ τόπων μακεδονικῶν ὀνοματικὰς εἰδήσεις, αἵτινες χρησιμεύουσιν ἔσθ' ὅτε πρὸς ἑρμηνείαν τοπικῶν ὀνομάτων εὑρισκομένων ἐν παλαιοῖς ἐγγράφοις.

Διονύσιος Ἠλιακόπουλος, Νεκρικαὶ τελεταὶ παρὰ τοῖς ἀρχαίοις καὶ τοῖς νεωτέροις Ἕλλησι [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 841—855].— Πληροφορίαι τινὲς περιέχονται ἐν τούτῳ τῷ ἄρθρῳ περὶ τῶν σημερινῶν νεκρικῶν ἐθίμων, ἅτινα τὴν καταγωγὴν ἔχουσιν ἐκ τοῦ παλαιοῦ χριστιανικοῦ βίου. Ὁ συγγραφεὺς ὅμως αὐτοῦ συγκρίνει ταῦτα πρὸς τὰ νεκρικὰ τῶν παλαιῶν ἐθνικῶν Ἑλλήνων ἔθιμα.

Κωστῆς Πασσαγιάννης, Μανιάτικα παραμύθια. Τοῦ Φονιᾶ τὸ Λαγκάδι [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 103—111].—Τὸ λαγκάδι, περὶ οὗ τὸ παραμύθιον, εὑρίσκεται ἐν τῇ Μάνῃ, κείμενον μεταξὺ τῆς Πλάτζας, τῆς Στούπας καὶ τοῦ Καλαμιτζίου.

Ἀλέξ. Γ. Δευτεραῖος, Ἀλβανικὰ καὶ Μαυροβουνιωτικὰ περίεργα [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 866—878].—Περὶ ἐθίμων τινῶν εἰδήσεις.

Δ. Βικέλας, Ἡ βυζαντινὴ φιλολογία [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 17—19, 81—87].—Σκέψεις περὶ τῆς φιλολογίας ταύτης ἐξ ἀναγνώσεως τοῦ βιβλίου τοῦ σοφοῦ Krumbacher: Gesch. der byz. Litteratur.

Δ. Κ. Καμπούρογλους, Ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι περὶ τοῦ ἰδιωτικοῦ βίου τοῦ Κοραῆ [Παρνασσός, τ. XIV, 1892, σ. 649—662. 714—723. τ. XV, σ. 241—252]. — Ἐπιστολαί τινες, ὧν τὰς δύο πρώτας οὐκ εἶδον, ὡς εὑρισκομένας ἐν προτέρῳ τεύχει τοῦ Παρνασσοῦ, ὅπερ ἀγνοῶ. Αἱ ἐπιστολαὶ δὲ αὗται, πεμφθεῖσαι ἐξ Ἀμστελοδάμου πρὸς τὸν ἐν Σμύρνῃ Εὐστάθιον τοῦ Θωμᾶ, περιστρέφονται εἰς βιωτικὰ ἐπεισόδια τοῦ Κοραῆ νεάζοντος τὴν ἡλικίαν (1771—1774).

Ν. Γ. Πολίτης, Παλαιογραφικὴ σταχυολογία ἐκ τῶν μαγικῶν βιβλίων [Παρνασσός, τ. XVI, 1893, σ. 174—190. Byzantinische Zeitschrift I, σ. 555—571].

Γ. Τυπάλδος Κοζάκης, Τὰ στοιχεῖα τῆς βυζαντινῆς τέχνης [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 74—78].

Ἀνδρέας Μαρούλης, Ξορκιά [Παρνασσός, τ. XV, 1893, σ. 556—558].—Ἐξορκισμοὶ νεοελληνικοὶ κατὰ διαφόρων σωματικῶν παθήσεων, ἐπεξηγοῦντες τὴν σημασίαν παλαιῶν ἐξορκιστικῶν εὐχῶν, εὑρισκομένων ἐν ἀντιγράφοις εὐχολογίων.

Σπυρίδων Δε-Βιάζης, Ἡ ἑβραϊκὴ κοινότης Ζακύνθου ἐπὶ Ἑνετοκρατίας [Παρνασσός, τ. XIV, 1892, σ. 662—670, 723—735]. — Συνέχεια μεμελημένης διατριβῆς ἱστορικῆς, ἧς ἀγνοῶ τὴν ἀρχήν, ὡς εὑρισκομένην ἐν προτέρῳ φυλλαδίῳ τοῦ Παρνασσοῦ, οὐχ ὑπάρχοντι παρ' ἐμοί. Ὁ συγγραφεὺς ἤντλησε τὸ θέμα ἐξ ἐκδεδομένων καὶ ἀνεκδότων πηγῶν, ἀποκαταστήσας οὕτω τὸ ἔργον αὐτοῦ χρήσιμον τοῖς ἀσχολουμένοις περὶ τὴν ἱστορίαν τῶν ἐν τῇ διασπορᾷ Ἑβραίων καὶ περὶ τῆς σχέσεως τῶν ἐν Ζακύνθῳ τοιούτων πρὸς τοὺς χριστιανοὺς καὶ τὴν ἑνετικὴν δημοκρατίαν ἀπὸ τῆς ιδ' ἄχρι τῆς ιη' ἑκατονταετηρίδος.

Σπυρίδων-δὲ-Βιάζης, Ἱστορικαὶ σημειώσεις περὶ σταφίδος ἐν Ἑπτανήσῳ καὶ ἰδίᾳ ἐν Ζακύνθῳ [Παρνασσός 1893, τ. XV, σ. 925—935 τ. XVI, σ. 71—79, 146—158].—Τὴν πραγματείαν ταύτην συνιστῶμεν τοῖς ἀσχολουμένοις περὶ τὴν ἱστορίαν τοῦ ἐμπορίου κατά τε τὴν βυζαντινὴν καὶ τὴν μετέπειτα χρονικὴν περίοδον. Ὁ συγγραφεὺς ἤντλησε τὴν ὕλην τῆς μελέτης αὐτοῦ ἐκ βιβλίων οὐ κοινῶν καὶ τοπικῶν τινων ἀνεκδότων ἐγγράφων, ἐθίμων τε καὶ ποιημάτων δημωδῶν· συναρμολογήσας δ' ἐκείνην εὐμεθοδέστατα κατεσκεύασε πόνημα διδακτικώτατον ἱστορικὸν περί τε τῆς καλλιεργίας τῆς ἀμπέλου καὶ τῆς ἐμπορείας τοῦ προϊόντος αὐτῆς ἀπὸ τῆς ἀρχαιοτάτης ἄχρι τῆς ἡμετέρας ἐποχῆς· ἀναγράφει δὲ καταλεπτῶς καὶ τὰς πολυαρίθμους σημερινὰς ὀνομασίας σταφυλῶν ποικίλων εἰδῶν καὶ ποιοτήτων.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης, Ῥωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ κονδάκιον εἰς τὰ ἅγια φῶτα [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XII, 1893, σ. 385—384,

404].—Δημοσιεύει νομίσας τύποις ἀνέκδοτον τὸν εἰς τὰ ἅγια θεοφάνεια ὕμνον [Pitra, Analecta Spicilegio Solesmensi parata. Parisiis 1876, τ. I, σ. 16—23], ἀντιγράψας αὐτὸν ἐκ χειρογράφου παλαιοῦ τῆς μεγάλης Λαύρας· παρατίθεται δὲ καὶ γραφὰς ἑτέρου κώδικος διαφερούσας.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Περὶ διαφόρου γραφῆς τοῦ ἀκαθίστου ὕμνου ἐν ἀρχαίοις χειρογράφοις τῆς μ. Λαύρας [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XII, 1893, σ. 395—396].—Καταγράφει διαφέροντα τοῦ ὕμνου τούτου ἀναγνώσματα, ὧν ὅμως τὰ πλειότερα γινώσκομεν ἐξ ἑτέρων ἀντιγράφων [Pitra, Analecta I, σ. 250—262]· ἀλλ' οὐχ ἧττον ἡ διατριβὴ τοῦ εὐλαβεστάτου μοναχοῦ Ἀλεξάνδρου χρησίμη ἐστὶ τοῖς ἀσχολουμένοις περὶ τὴν σύνταξιν καὶ τὴν ἱστορίαν τοῦ ὕμνου τούτου, διὰ τὴν ἐν τοῖς χειρογράφοις διαφορότητα τινῶν αὐτοῦ λέξεων.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Περὶ Ῥωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ [Ἐκκλ. Ἀλήθεια XII, 1893, σ. 255—256, 261—264].—Περιγράφει κώδικα τῆς Λαύρας μεμβράνινον, ἐν ᾧ σῴζονται κονδάκια τοῦ Ῥωμανοῦ· δημοσιεύει δὲ καὶ τὸ κείμενον τοῦ de mortuis ὕμνου [Pitra, Analecta I, σ. 44]. Περὶ τῆς ἐργασίας ταύτης τοῦ λογίου μοναχοῦ Ἀλεξάνδρου ὅρα τὰ παρ' ἐμοῦ γραφέντα παρατηρήματα [Byzantinische Zeitschrift II, σ. 604—605].

Ματθαῖος Παρανίκας, Περὶ Ῥωμανοῦ τοῦ μελῳδοῦ [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια XII, 1893, σ. 287—288]. — Πραγματεύεται περὶ τοῦ μέτρου τοῦ de mortuis ὕμνου, ὅπερ ἐγένετο, λέγει, «ἐπὶ τῇ βάσει τονικῶν ποδῶν (καὶ) ἀνήκει εἰς τὰ λεγόμενα μονοστροφικά, συγκείμενα ἐκ συστημάτων ὁμοίων στίχων ἐπαναλαμβανομένων καὶ εἰς κατακλεῖδά τινα ληγόντων»· νομίζει δέ, ὅτι Σέργιος ὁ μελῳδὸς ἐποίησε τὸν ἀκάθιστον ὕμνον κατὰ μίμησιν πρωτοτύπου ποιήματος τοῦ Ῥωμανοῦ.

Εὐστάθιος Βουλισμᾶς, ἀρχιεπίσκοπος Κερκύρας: Περὶ ἐκκλησιαστικῶν μελῳδῶν [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XII, σ. 358—361]. — Ἐπικρίνει δημοσιεύματα Ματθαίου τοῦ Παρανίκα καὶ Ἀλεξάνδρου τοῦ Λαυριώτου περὶ τοῦ μελῳδοῦ Ῥωμανοῦ· μεθ' ὃ ἀποδείκνυσιν, ὅτι Κοσμᾶς Κλήμης καὶ Γεώργιος οἱ μελῳδοὶ οὐ μόνον ποιηταὶ κανόνων ἦσαν, ἀλλὰ καὶ οἴκων, καὶ ὅτι τῶν κανόνων ἡ ἐμφάνισις οὐκ ἀπέβαλε τοὺς οἴκους. Εἶτα δὲ γνωματεύει περὶ τῆς ἀποβολῆς τῆς δευτέρας ᾠδῆς, ὅτι δηλαδὴ ταύτης ἡ παράλειψις ἐκ τῶν ᾀσματικῶν κανόνων «ἤρξατο ἐπὶ Γεωργίου [τοῦ μελῳδοῦ], ὅστις ἄλλοτε ἐποίει δευτέραν ᾠδήν, καὶ ἄλλοτε ὄχι». Πρὸς τὴν γνώμην ταύτην ἀπεκρίθην ἐν ἄλλῳ τόπῳ κατ' ἔκτασιν, ἐν τῷ σχεδιάσματί μου περὶ τῶν Μηναίων, ἀποδείξας ὅτι ἡ τάσις πρὸς ἀποβολὴν τῆς δευτέρας ᾠδῆς ἐμφανίζεται τὸ πρῶτον ἀρξαμένη ἀπὸ τοῦ μέσου που τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς βιβλίοις τοῖς διατεταγμένοις ἐν Κωνσταντινουπόλει παντελῶς ἀπερρίφθη τῇ μεθεπομένῃ ἑκατονταετηρίδι. Προσοχῆς ἄξιον ὡσαύτως, ὅτι ὁ σεβασμιώτατος ἀρχιεπίσκοπος Εὐστάθιος ἀποδείκνυσι τὸν κανόνα τοῦ ἁγίου εὐχελαίου ποίημα εἶναι οὐχί, καθὼς ἐλέγετο, Ἀρσενίου τοῦ μητροπολίτου Κερκύρας, ἀλλ' Ἀρσενίου τοῦ Αὐτωρειανοῦ, πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως· ἀπέδειξε δὲ τοῦτο διὰ παλαιοῦ κώδικος, ὃν αὐτὸς ὁ Εὐστάθιος ἔχει· ἐν τούτῳ γὰρ ὑπάρχει διάταξις Νικηφόρου Κωνσταντινουπόλεως [1260],

ῥητῶς μαρτυροῦσα, ὅτι ὁ Αὐτωρειανὸς ἐκανόνισε τὴν ἀκολουθίαν τοῦ εὐχελαίου· περὶ ἄλλου δέ τινος Ἀρσενίου ποιητοῦ, ὃν ἀνεκάλυψεν ἔν τισιν οἴκοις τοῦ Μοσχοβιτικοῦ κονδακαρίου—σῴζουσι γὰρ οὗτοι λείψανον ἀκροστιχίδος ἐκ τῆς συλλαβῆς ΑΡ ἢ ΑΡΣ ἀρχομένης —, οὐδὲν ἐκφράζεται φανερῶς [ὅρα **Снимки изъ кондакарія XII — XIII вѣка, сдѣланіе архимандритомъ Амфилохіемъ въ ͵αωοθ´ году. Москва**, σ. 80—81, 104—106, 116—117]· πάντως ὅμως, ὡς ἐγὼ νομίζω, Ἀρσένιος οὗτός ἐστιν Ἀρσένιος ποιητὴς ὁ μοναχός, ὁ κατόπιν ἡγιασμένος μητροπολίτης Κερκύρας. Προσοχῆς ὡσαύτως ἄξιον καὶ τοῦτο τὸ παρατήρημα τοῦ ἀρχιεπισκόπου Εὐσταθίου [σ. 359], ὅτι «ἁπανταχοῦ (νῦν) τῆς ὀρθοδοξίας, ἔνθα δὲν μετεβλήθησαν αἱ ἐν τῷ Εὐχολογίῳ νεκρώσιμοι ἀκολουθίαι, τὰ μὲν ἄλλα τροπάρια, προσόμοια, ἰδιόμελα, ἀντίφωνα καὶ λοιπά, ψάλλονται· καὶ αὐτὸ τὸ νεκρώσιμον κοντάκιον ψάλλεται ἀργῶς καὶ μετὰ μέλους· οἱ οἶκοι ὅμως ἀναγινώσκονται βραδέως, ἢ ὑπὸ ἑνὸς μόνον ἐν τῷ μέσῳ τοῦ ναοῦ ἱσταμένου, ἢ ὑπὸ τῶν ἱερέων, ἢ καὶ ἀρχιερέως χοροστατοῦντος, ἀλλ' οὐδέποτε ψάλλονται· μόνον τὰ ἀλληλούια παρὰ πάντων ψάλλονται κατανυκτικώτατα, κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἀρχαιοτάτης ἐποχῆς τῆς ἐκκλησίας ὡς ἐφύμνιον, καθὼς γίνεται καθ' ἑκάστην ἡμέραν εἰς τὴν ἀκολουθίαν τοῦ ὄρθρου. Τὸ κοντάκιον καὶ ὁ οἶκος ἔχουσι τὸ αὐτὸ ἐφύμνιον· ὁ δὲ ἀναγνώστης, ὅταν φθάσῃ εἰς τὸ ἐφύμνιον, ὑψώνει τὴν φωνήν, οἱ δὲ ψάλται καὶ οἱ περὶ αὐτὸν ἐπαναλαμβάνουσι τοῦτο ᾀσματικῶς. Καὶ τρανὴ μὲν ἀπόδειξις ὅτι μόνον τὰ ἀκροτελεύτια τῶν οἴκων ἐψάλλοντο (ἐξ ἀρχῆς), εἶναι καὶ ὁ τρόπος καθ' ὃν λέγεται τὸ Ἄγγελος πρωτοστάτης. Τὸ πονομοιοτύπως λιθογραφηθὲν κονδακάριον τοῦ Ἀμφιλοχίου, μετὰ τὸ τέλος τῶν οἴκων τῆς ἑορτῆς τῶν φώτων, ἔχει τονισμένον μὲ μουσικὰ σημεῖα μόνον τὸ Ἦλθες ἐφάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσιτον». Οὕτως ὁ σεβασμιώτατος ἀρχιεπίσκοπος ἀποδείκνυσιν, ὅτι ὁ μετὰ τὸ κοντάκιον οἶκος, ὁ ἀριθμῶν ἐν τοῖς κώδιξι πολυαρίθμους στροφὰς καὶ τὴν ἀκροστιχίδα τοῦ ποιήματος ἀποτελῶν, οὐκ ἦν ἐξ ἀρχῆς ὡρισμένος ἵνα ψάλληται, ἀλλ' ἵνα μόνον ἀναγινώσκηται, βεβαίως δὲ χύμα μέχρι τοῦ Ἀλληλούια.

Ματθαῖος Παρανίκας, Τὸ Τριῴδιον [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XIII, 1893, σ. 7—8]. — Συγκρίνει πρὸς τὴν ἐνετικὴν ἔκδοσιν τοῦ Τριῳδίου κώδικα τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ὃν ἔχει τῆς θεολογικῆς ἐν Χάλκῃ σχολῆς ἡ βιβλιοθήκη· ἔχει δ' ὁ κῶδιξ οὗτος, κατὰ τὴν ἔρευναν τοῦ Παρανίκα, διαφορὰς ἀξιολόγους ἐν τῇ διατάξει τῶν ᾀσμάτων.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Ἐξήγησις τοῦ ἀπολυτικίου τῆς ἁγίας Παρασκευῆς [Ἐκκλησ. Ἀληθ. XII, 1892, σ. 214—216]. — Δημοσιεύει κατά τινα κώδικα τῆς Λαύρας ἐπιστολιμαίαν διατριβὴν Νεοφύτου ἱεροδιακόνου Καυσοκαλυβίτου τοῦ ἐξ Ἰουδαίων [ὅρα Κ. Σάθα, Νεοελ. Φιλολογ. σ. 510—512] περὶ τοῦ ἀπολυτικίου, οὗ ἡ ἀρχή· «Τὴν σπουδήν σου τῇ κλήσει κατάλληλον ἐργασαμένη φερώνυμε» κτλ. Δεύτερον ἀντίγραφον τῆς αὐτῆς διατριβῆς ἔχει τοῦ πατριαρχείου τῶν Ἱεροσολύμων ἡ βιβλιοθήκη [Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 401].

Ἐλευθέριος Ταπεινός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς ἐπαρχίας Μελενίκου [Ἐκκλησ. Ἀληθ. XII, σ. 143—144, 151—152]. — Μέρος

ἀξιολογωτάτης πραγματείας, ἣν ἐγὼ συνίστημι καθὰ παράδειγμα τοῖς ἐθέλουσιν ἱστορεῖν τὰς κατὰ τόπους ἐπισκοπὰς καὶ μητροπόλεις.

Ματθαῖος Παρανίκας, Ὁ ἀκάθιστος ὕμνος [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XIII, 1893, σ. 44—46]. — Δημοσιεύει τὸ κείμενον αὐτοῦ κατὰ μέτρον εἰς 314 στίχους, ἀντιγράψας τὸν ὕμνον αὐτὸν ἐκ χειρογράφου τριῳδίου τῆς θεολογικῆς ἐν Χάλκῃ σχολῆς· παρατίθεται δὲ καὶ διάφορα τοῦ ὕμνου ἀναγνώσματα καί τινας παρατηρήσεις ἱστορικὰς διά τινας αὐτοῦ στίχους· οὐδεμίαν δὲ τῶν περὶ τοῦ ὕμνου τούτου παλαιοτέρων μελετῶν ἔλαβεν ὁ συγγραφεὺς ὑπ' ὄψει.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Λειτουργικὰ καὶ διάφορα ἱστορικὰ ἐξ ἐγγράφων τῆς ἐν Ἄθῳ ἱερᾶς μονῆς μ. Λαύρας [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XIII, 1893, σ. 170—172]. — Δημοσιεύει περικοπὴν διακονικοῦ χειρογράφου βιβλίου, ἐν ᾗ λειτουργικαὶ ἱκεσίαι ὑπάρχουσιν ὑπὲρ Ἀνδρονίκου καὶ Εἰρήνης αὐτοκρατόρων καὶ ὑπὲρ τῶν πατριαρχῶν Ἰωάννου Κ/πόλεως, Γρηγορίου Ἀλεξανδρείας, Διονυσίου Ἀντιοχείας καὶ Ἀθανασίου Ἱεροσολύμων. Εἶτα λέγει, ὅτι ἡ Λαύρα ἔχει περὶ τὰ πεντήκοντα λειτουργικὰ εἰλητάρια, ὧν ἓν τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ἐπειδὴ ἐν τούτῳ μνημονεύεται Πολύευκτος ὁ οἰκουμενικὸς πατριάρχης· παρατίθεται δὲ κατόπιν ἔγγραφον τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Νήφωνος καὶ ἀπόκρισιν Διονυσίου Βυζαντίου πρὸς μέγα μήνυμα, δι' οὗ πατριάρχης ὁ Διονύσιος οἰκουμενικὸς ἐκλήθη τῇ 7-ῃ νοεμβρίου ἔτους 1671-ου.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Λόγιοι Ἁγιορεῖται [Ἐκλησ. Ἀλήθ. XIII, 1893, σ. 180—182: Κοσμᾶς Λαυριώτης. — Αὐτόθι σ. 197: Ἰωάννης Ναθαναήλ. — Αὐτ. σ. 206—207: Εὐθύμιος Λαυριώτης. — Αὐτ. σ. 229: Ὁ ὅσιος Ἀθανάσιος ὁ κτίτωρ τῆς Λαύρας]. — Περὶ τοῦ Κοσμᾶ Λαυριώτου λέγει, ὅτι ἐγεννήθη ἔτει 1697-ῳ καὶ ὅτι ἵδρυσεν ἐν τῇ Λαύρᾳ τυπογραφεῖον, οὗ τὸ πρῶτον ἐκτυπωθὲν βιβλίον οὕτως ἐπιγράφεται: «Ἐκλογὴ τοῦ Ψαλτηρίου παντὸς εἴς τε δοξολογίαν καὶ εὐχήν. Συλλεγεῖσα μὲν παρὰ τοῦ λογιωτάτου διδασκάλου κυρίου Νεοφύτου τοῦ ἐξ Ἑβραίων. Ἀφιερωθεῖσα δὲ τῷ ὁσίῳ Πατρὶ ἡμῶν Ἀθανασίῳ τῷ ἐν τῷ Ἄθῳ. Νῦν πρῶτον τύποις ἐκδοθεῖσα, συνδρομῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ πανοσιωτάτου ἀρχιμανδρίτου τῆς Μ. Λαύρας κυρίου Κοσμᾶ Ἐπιδαυρίου. Ἐν Ἁγίῳ ὄρει Ἄθω 1759». Θανόντος τοῦ Κοσμᾶ συναπέθανε καὶ τὸ τυπογραφεῖον, ὅπερ οὐδὲν ἕτερον βιβλίον ἐκτὸς τῆς Ἐκλογῆς ἐκείνης ἐξετύπωσε, κατὰ τὸν Ἀλέξανδρον· ἐγὼ ὅμως ἐν Ἱεροσολύμοις εἶδον φύλλα τινὰ μεμονωμένα γραμματικῆς ἐκτετυπωμένης, ἧς ὁ τύπος παραβληθεὶς πρὸς ἕτερα βιβλία ἐν Ἀνατολῇ τετυπωμένα κατὰ τὸν ιη' αἰῶνα, μονομερὴς ἐφαίνετό μοι, καὶ κατ' ἐμαυτὸν ἔλεγον ὅτι τὸ βιβλίον πιθανῶς ἐν Ἁγίῳ Ὄρει ἐτυπώθη, διδάσκοντος ἐκεῖ Εὐγενίου τοῦ Βουλγάρεως. Νῦν οὖν διὰ τὸ εὕρεμα τοῦ μοναχοῦ Ἀλεξάνδρου πιστεύω, ὅτι πλὴν τῆς ἐκλογῆς ἐξετύπωσε τὸ λαυρεωτικὸν τυπογραφεῖον καὶ τὴν γραμματικὴν ἐκείνην, ἴσως δὲ καὶ ἕτερά τινα. — Κατόπιν ὁ Ἀλέξανδρος δημοσιεύει μετάφρασιν ἑλληνικὴν οὐκαζίου Ἰωάννου καὶ Πέτρου Ἀλεξιάδου, Ῥώσων αὐτοκρατόρων, δι' οὗ ἀνανεοῦται τὸ παρὰ τοῦ πατρὸς αὐτῶν ἔτει 1658-ῳ δοθὲν δι' οὐκαζίου δικαίωμα τοῦ στέλλεσθαι κατὰ τετραετίαν εἰς Μόσχαν ἐκ τῆς Λαύρας μοναχόν τινα πρὸς συλλογὴν ἐλεῶν ἐν Ῥωσίᾳ.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Περὶ τοῦ λευκοῦ καὶ πορφυροῦ χρώ-

ματος [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XIII, 1893, σ. 124—126].— Παρατίθεται μαρτυρίας πρὸς ἀπόδειξιν, ὅτι τῆς ἐκκλησίας οἱ πατέρες ὥρισαν ταῦτα μόνα τὰ χρώματα διὰ τὴν κατασκευὴν ἱερατικῶν ἀμφίων· καὶ τὸ μὲν λευκὸν χρῶμα καθωρίσθη διὰ τὰς τελετὰς τῶν χαρμοσύνων ἑορτῶν, τὸ δὲ πορφυροῦν διὰ τὰς τελετὰς τὰς γιγνομένας εἰς ἀνάμνησιν τῶν παθῶν τῶν Χριστοῦ.

Ἰάκωβος Βασιάδης, Περὶ τῆς λέξεως σιγίλλιον [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XIII, 1893, σ. 116—117].— Πραγματεύεται τὰ κατ' αὐτὴν ἄνευ τῶν ἀναγκαιουσῶν μαρτυριῶν· τὸ ἄρθρον φαίνεται καλὸν ὂν ἐκ λεξικοῦ τινος ἐράνισμα· προστίθησιν ὅμως τοῦτο, ὅτι σήμερον σφραγιδοφύλαξ τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου διάκονός τίς ἐστιν, ὁ δευτερεύων ὀνομαζόμενος, καὶ ὅτι τούτου ἔργον τὸ σφραγίζειν ἔξωθεν τὰ ἐκ τοῦ πατριαρχικοῦ γραφείου ἐξερχόμενα ἔγγραφα· αἱ δὲ λοιπαὶ πατριαρχικαὶ σφραγῖδες καὶ τὰ ἄλλα πατριαρχικὰ σήματα φυλάττονται ἐν τῷ πρωτοκόλλῳ τοῦ πατριαρχείου καὶ ἐν τῷ τουρκικῷ τούτου γραφείῳ.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Ἀνέκδοτα σιγίλλια [Ἐκκλησ. Ἀλήθ. XII, 1893].—Ἅπαντα πατριαρχῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως. α') Νικολάου Χρυσοβέργη πατριάρχου [σ. 386] περὶ τοῦ Γομάτου, μοναστηρίου, τοῦ καὶ Ὀρφανοῦ καλουμένου, ἀφιερωμένου δὲ τῇ Θεοτόκῳ καὶ κειμένου «ἐν τῷ θέματι τῆς Θεσσαλονίκης, ὑπὸ τὸ κάστρον τῆς Ἐρισσοῦ· συνεγγίζει δὲ καὶ τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω» [ἔτους 989]. β') σ. 380. Συνοδικὴ διάγνωσις ἐπὶ Ἀντωνίου πατριάρχου περί τινος εἰκόνος ἐν τῇ λαύρᾳ τῆς Θεοτόκου τῆς Σερβουνιωτίσσης, ἥτις εὑρίσκετο πρότερον ἐν Λήμνῳ τῇ νήσῳ, παρὰ τῇ οἰκογενείᾳ Κονδύλη. Φαίνεταί μοι Ἀντώνιος οὗτος ὢν ὁ τέταρτος. γ') σ. 371—372. Σιγιλλιῶδες γράμμα Ἱερεμίου β', ὃ συνυπεγράψατο Σίλβεστρος ὁ Ἀλεξανδρείας, κυροῦν τὴν ἔμπροσθεν τούτου παραδεκτὴν ὑπὸ τοῦ Βατοπεδινῶν γενομένην κοινοβιακὴν τάξιν· ἐγράφη δ' ἔτει 1573-ῳ καὶ συνυπεγράφη ὑπὸ 14 ἀρχιερέων, ὧν τὰ ὀνόματα διὰ τὸ δυσανάγνωστον ἴσως ὁ ἐκδότης οὐκ ἐφανέρωσε. δ') σ. 363. Σιγιλλιῶδες γράμμα τοῦ αὐτοῦ Ἱερεμίου, κατακυροῦν τὴν διὰ τοῦ Σιλβέστρου ἐπανελθοῦσαν κοινοβιακὴν τάξιν ἐν τῇ Λαύρᾳ· ἔτους 1573-ου. ε') σ. 356. Συνοδικὸν γράμμα τοῦ αὐτοῦ Ἱερεμίου, γραφὲν ἐν Θεσσαλονίκῃ, περὶ τοῦ κοινοβίου τῆς Λαύρας· ἔτους 1574-ου, μηνὸς ἰουνίου. ϛ') σ. 347—348. Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως σιγιλλιῶδες γράμμα συνοδικόν, κυροῦν προγενέστερα σιγίλλια περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ Λήμνῳ ἐξωκλησίων τῆς Λαύρας· κατ' ἀπρίλιον ἔτους 1632-ου. ζ') σ. 320—321. Σιγιλλιώδης γραφὴ Μητροφάνους γ', κυροῦσα τὰ τῇ Λαύρᾳ προσήκοντα μονύδρια, τὰ ἐν Λήμνῳ· κατ' ἀπρίλιον ἔτους 1565 ου. η') Αὐτόθι. Τιμοθέου β' σιγίλλιον περὶ τῶν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Σερρῶν, πλησίον Ἔζοβας, κτημάτων τῆς μονῆς Σταυρονικήτα· κατὰ μῆνα ἰούλιον ἔτους 1614-ου. Συνυπεγράψαντο τοῦτο δύο πατριάρχαι ἑτέρων θρόνων, δύο αὐτοκέφαλοι ἀρχιεπίσκοποι, οἷον ὁ Ἀχριδῶν Μητροφάνης, καὶ 36 ἀρχιερεῖς καὶ κληρικοί. θ') Αὐτόθι ἕτερον τοῦ αὐτοῦ Τιμοθέου περὶ τῶν ἐν Λήμνῳ μονυδρίων τῆς Λαύρας, ἔτους 1615-ου. ι') σ. 230—231. Σιγίλλιον συνοδικὸν Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως περὶ τῶν προνομίων τῆς Λαύρας, 20-ῇ μαΐου, ἔτους 1621. ια') τόμ. XIII, 1893, σ. 56. Συνοδικὴ ἀπόφασις Παϊσίου καταναγκάζουσα τοὺς ἐν Ἁγίῳ Ὄρει πνευματικοὺς πατέρας λαμβάνειν τὴν πρὸς τὸ ἐξομολογεῖν ἄδειαν ἐξ αὐτοῦ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου· ἔτει 1727-ῳ. ιβ') τ. XIII, σ. 62—

63. Συνοδικὴ ἀπόφασις Γαβριὴλ πατριάρχου, διῃρημένη εἰς κεφάλαια ιδ' καὶ καθορίζουσα τὰ καθήκοντα τῆς Κοινότητος τοῦ Ἁγίου Ὄρους ἔτει 1783-ῳ.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

РОССІЯ.

А. Дмитріевскаго, *Патмосскіе очерки.* Изъ поѣздки на островъ Патмосъ лѣтомъ 1891 года. Съ двумя фотографическими снимками. Кіевъ 1894. 8°. IV + 309 + II стр. Цѣна 2 р. 50 к. (Изъ Трудовъ Кіевской Духовной Акад. 1892, 1893 и 1894 г.г.).—Въ настоящей статьѣ неутомимый А. А. Дмитріевскій представляетъ рядъ очерковъ съ о. Патмоса, на которомъ онъ провелъ нѣсколько времени для ученыхъ занятій. Въ первой статьѣ (стр. 1—94) авторъ даетъ намъ общій очеркъ о. Патмоса, затѣмъ подробно говоритъ о монастырѣ св. Іоанна Богослова, его прошломъ, его сношеніяхъ съ Россіей и его организаціи по сравненію съ святогорскими монастырями идіоритмами. Второй очеркъ (стр. 94—108) посвященъ описанію гроты Апокалипсиса на островѣ. Въ третьемъ очеркѣ (стр. 108—168) авторъ говоритъ подробно о дѣятельности знаменитой Патмосской Академіи въ XVIII в. Четвертый очеркъ (стр. 168—223) посвященъ описанію важнѣйшихъ храмовъ на о. Патмосѣ, ихъ украшеній и богатствъ скевофилакій Іоанно-богословскаго монастыря. Въ пятомъ очеркѣ (стр. 223—243) представлено описаніе 28 греческихъ рукописей типикарницы Іоанно-богословскаго монастыря. Всѣ эти рукописи не встрѣчаются въ каталогѣ Саккеліона «Πατμιακὴ βιβλιοθήκη» Ἀθήν. 1890, онѣ всѣ бумажныя и необходимы въ обители для современной церковно-богословской практики. Онѣ важны потому, что въ нихъ мы находимъ многіе чины, послѣдованія, обряды и молитвы, которые нигдѣ на православномъ востокѣ не имѣютъ мѣста въ церковно-богослужебной практикѣ, а потому составляютъ исключительную принадлежность богослуженія даннаго времени. Въ шестомъ очеркѣ (стр. 244—282) описываются нравы и обычаи патмосскихъ обитателей. Наконецъ, въ седьмомъ очеркѣ (стр. 283—309) авторъ сообщаетъ дополненія къ предшествовавшимъ очеркамъ изъ рукописи библіотеки метоха св. Гроба въ Константинополѣ подъ № 567 (495), наполненной письмами патмосскихъ дидаскаловъ Макарія, Герасима и др., и изъ инвентаря патмосской скевофилакіи и библіотеки 1201 г., изданнаго французскимъ ученымъ Ш. Дилемъ.

И. Созоновича, *Ленора Бюргера* и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Варшава 1893. 8°. VII + 251. См. рецензіи: Wilhelm Wollner въ Byzant. Zeitschr. III (1894), 1, стр. 175—181. *Пр. Д.* въ Живой Старинѣ III (1893), 3, стр. 405—408. А. К-овъ въ Историч. Вѣстн. 1893, III, сентябрь, стр. 799—803. — Авторъ еще въ 1886 г., когда печаталъ свою работу «Пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ», намѣтилъ себѣ кругъ сказаній, заинтересовавшихъ его своей широкой популярностью въ устно-поэти-

ческой обработкѣ почти у всѣхъ народовъ Европы. Въ этюдѣ «Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ» 1890 г., говоритъ онъ самъ, онъ лишь памѣтилъ нѣкоторыя обобщенія, но полной ясности представленія онъ достигъ лишь теперь, когда входящіе въ кругъ его темы памятники подвергнуты были самому тщательному и подробному разсмотрѣнію не только со стороны содержанія, но также и со стороны литературной обработки.

Первая глава изслѣдованія Созоновича посвящена Бюргеру и его Ленорѣ, вторая — литературѣ о Ленорѣ и сходныхъ съ нею сюжетахъ, третья — вѣрѣ въ возвращеніе мертвыхъ, четвертая озаглавлена «Слезы и неутѣшная скорбь тревожатъ покой мертвыхъ». Въ пятой главѣ «Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ» авторъ въ 23 отдѣлахъ разсматриваетъ различныя версіи этого сказанія у древнихъ грековъ и римлянъ, германскихъ, славянскихъ, мадьярскаго, литовскаго и другихъ народовъ, а въ шестой главѣ «Пѣсни о братѣ-мертвецѣ» онъ даетъ обзоръ варіантовъ сербскихъ, болгарскихъ, албанскихъ и новогреческихъ. Въ приложеніи авторъ напечаталъ 13 русскихъ варіантовъ о женихѣ-мертвецѣ.

Авторъ распредѣляетъ всѣ разсмотрѣнныя имъ произведенія на двѣ группы сказаній: на пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ и на пѣсни о братѣ-мертвецѣ. Первоисточникомъ первой группы сказаній онъ считаетъ разсказъ о Протезилаѣ и Лаодаміи, который путемъ сложной литературной обработки проникъ въ средневѣковую западно-европейскую литературу, спустился изъ нея затѣмъ въ народную среду и сохранился до нашихъ дней въ устной передачѣ. Вторую группу сказаній авторъ считаетъ самостоятельнымъ и притомъ болѣе позднимъ проявленіемъ поэтическаго творчества и полагаетъ, что они должны были возникнуть среди сербской народности, отъ нихъ перешли къ болгарамъ, а затѣмъ къ албанцамъ и ново-грекамъ. Связующимъ звеномъ между первой и второй группой произведеній служитъ лишь общность воззрѣнія на мертвыхъ, допускавшаго возможность возврата послѣднихъ на землю.

Книга г. Созоновича представляетъ интересъ какъ систематическое собраніе матеріала по очень любопытному вопросу.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. *Указатель памятниковъ.* Второе дополненное изданіе. Москва 1893. 8°. IX + 604 стр. — Въ настоящемъ второмъ изданіи каталога Историческаго Музея въ Москвѣ описано много памятниковъ, которые или непосредственно происходятъ изъ Византіи, или на которыхъ по меньшей мѣрѣ отражается византійское вліяніе. Въ залѣ В (стр. 443 сл.) описаны предметы христіанской эпохи Херсонеса, въ залѣ А (стр. 495 сл.) — памятники христіанскіе до X вѣка, наконецъ въ залѣ 7 (стр. 525 сл.) — памятники отъ 988 до 1054 года.

Ѳ. Успенскаго, *Очерки по исторіи византійской образованности.* Спб. 1892. 8°. 395 + III стр. Цѣна 2 р. 50 к. (оттиски изъ Журн. М. Н. Пр.).

—— *Синодикъ въ недѣлю Православія.* Сводный текстъ съ приложе-

ніями. Одесса. 1893. 8°. VI + 96 стр. Цѣна 1 руб. (оттиски изъ Записокъ Имп. Новоросс. Унив., т. 59, стр. 407—502).

На обѣ книги проф. Ѳ. И. Успенскаго мы помѣстимъ подробную рецензію въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

В. Васильевскаго, *Русско-византійскія изслѣдованія.* Выпускъ II. Житія св. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Введеніе и греческіе тексты съ переводомъ. Славяно-русскій текстъ. IV + CCCV + 128 стр. См. рецензіи: V. Jagić въ Archiv für Slavische Philologie, XVI (1894), стр. 216—224.—W. v. Gutzeit, Die Legenden von Amastris und Ssurosh. Riga 1893.—*В. Б.* въ Историч. Вѣстн. 1893, II, май, стр. 468—472.—Въ Русской Мысли 1893, августъ, Библ. Отд., стр. 370—375.—Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы помѣстимъ особую рецензію.

В. Истрина, *Александрія русскихъ хронографовъ.* Изслѣдованіе и текстъ. Москва. 1893. 8°. VIII + 356 стр. (оттискъ изъ Чтеній въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс.). См. рецензію V. Jagić въ Archiv f. Slav. Philol. XVI (1894), стр. 224—229.

—— *Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ.* Изслѣдованіе съ тремя приложеніями и фотографической таблицей. Москва 1893. 4°. II + 75 стр.

На обѣ книги Истрина мы помѣстимъ рецензіи въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала.

П. Бракенгеймера, Ἀλεξίου Κομνηνοῦ ποίημα παραινετικόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса 1893. 8°. 301 стр. Цѣна 2 р. 25 к.— Будетъ рецензія.

Ив. Соколова, Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII в. (842—1204). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Казань 1894. 8°. 536+XII стр. — Будетъ особая рецензія.

А. Михайлова, *По вопросу о греко-византійскихъ и славянскихъ сборникахъ изреченій* (Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, часть 285, январь, стр. 15—59). См. рецензію Э. Курца въ Byzantinische Zeitschrift, II (1893), 2, стр. 340—341.— Во введеніи авторъ указываетъ на существованіе краткихъ сборниковъ изреченій изъ древнихъ авторовъ въ довольно раннее время, за симъ на обширный сборникъ Іоанна Стовейскаго въ V в., который вперые отличается опредѣленною системою въ расположеніи матеріала.— Первымъ и главнымъ сборникомъ изреченій съ христіанскимъ направленіемъ является *анѳологія или «Пчела» Максима въ VII в.*, которая и служитъ главнымъ предметомъ изслѣдованія настоящей статьи. Авторъ даетъ описаніе 22 греческихъ списковъ «Пчелы», съ которыми онъ лично познакомился во время занятій въ библіотекахъ: Парижа, Рима, Флоренціи, Венеціи и Вѣны, сличаетъ ихъ между собою и устанавливаетъ двѣ главныхъ редакціи въ греческомъ текстѣ — болѣе древнюю, лучшимъ представителемъ которой является Коаленевскій списокъ 371, и болѣе позднюю, относимую имъ ко времени отъ IX — XIII в. Относительно источниковъ «Пчелы» авторъ полагаетъ, что Максимъ пользовался вышеупомянутымъ сборникомъ Іоанна Стовейскаго и краткими гномологіями

первичнаго образованія.—Изъ *греческихъ сборниковъ изреченій на славянскомъ языкѣ* самою распространенною также была анѳологія Максима. Ближайшимъ оригиналомъ для нея, по мнѣнію автора, послужила вторая редакція греческой анѳологіи Максима. Онъ думаетъ, что анѳологія явилась въ переводѣ не у южныхъ славянъ, а въ Россіи и не ранѣе XIII—XIV в. Въ приложеніи авторъ предлагаетъ *изданіе IV и VI главъ* греческаго текста анѳологіи Максима (первой редакціи) по древнѣйшей Коаленевской рукописи 371 (Парижской Національной библіотеки) X в.

В. Васильевскаго, *О севастократориссѣ Иринѣ.* Замѣтка по поводу статьи А. И. Кирпичникова (Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, часть 285, январь, стр. 179—185). См. рефератъ Э. Курца въ Byzantinische Zeitschrift, II (1893), 2, стр. 352—353.—Проф. Кирпичниковъ въ своей статьѣ «Переписка монаха Іакова съ императрицей Ириной» (Лѣтопись Ист.-фил. общ. при Имп. Новоросс. Унив., II, Виз. Отд., 1, стр. 255—280) относитъ письма Іакова, содержащіяся въ рукописи Парижской Національной библіотеки, вслѣдъ за Комбефизомъ къ возстановительницѣ иконопочитанія, императрицѣ Иринѣ VIII в., тогда какъ письма еще Дюканжемъ отнесены были къ севастократориссѣ Иринѣ, женѣ Исаака, брата Алексѣя I Комнина. В. Г. Васильевскій указываетъ, что за періодъ отъ 1081 по 1150 г. извѣстны 3 севастократориссы Ирины: первая—жена брата Алексѣя I Комнина Исаака, вторая—жена сына Алексѣя I Комнина Андроника, третья—жена внука Алексѣя I Комнина по имени опять Андроника. Авторъ доказываетъ, что къ этой послѣдней севастократориссѣ Иринѣ и были адресованы письма Іакова.

А. Кирпичникова, *О письмахъ монаха Іакова* (письмо къ редактору). (Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, часть 286, мартъ, стр. 261—262).—Проф. Кирпичниковъ считаетъ невозможнымъ, что письма монаха Іакова были адресованы къ севастократориссѣ Иринѣ, вдовѣ Андроника младшаго, какъ доказываетъ В. Г. Васильевскій, но вмѣстѣ съ симъ не настаиваетъ на томъ, что онъ твердо убѣжденъ въ необходимости отнести эти письма къ императрицѣ Иринѣ VIII в. Пока, до новыхъ фактовъ, этотъ вопросъ, по его мнѣнію, остается открытымъ.—В. Г. Васильевскій въ краткихъ замѣчаніяхъ на это письмо не признаетъ приведенные проф. Кирпичниковымъ доводы убѣдительными.

В. Ернштедта, *Забытыя греческія пословицы* (Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 286 и 287, апрѣль и май, Отд. Класс., стр. 22—32, 33—48).—Авторъ вновь издаетъ по рукописи московской синодальной библіотеки 298 собраніе 40 греческихъ пословицъ, изданныхъ въ первый разъ въ Rheinisches Museum 1837 г., но оставшихся неизвѣстными новѣйшимъ пареміологамъ. Проф. Ернштедтъ снабдилъ свое изданіе подробными учеными объясненіями и параллелями. Въ заключеніе онъ сообщаетъ варіанты рукописи мюнхенской библіотеки 525, содержащей то же собраніе пословицъ, но оставшейся ему неизвѣстною при печатаніи статьи.

Гавріила Дестуниса, *Опытъ біографіи Георгія Франдзія* (Ж. М. Н. Пр.

1893, часть 287, іюнь, стр. 427—497). Въ настоящемъ изслѣдованіи почтенный ученый предлагаетъ подробный разсказъ о жизни извѣстнаго византійскаго писателя Георгія Франдзія, какъ государственнаго дѣятеля первой половины XV вѣка. Біографія Франдзія заслуживаетъ большаго интереса, такъ какъ онъ былъ довѣреннымъ лицемъ трехъ послѣднихъ византійскихъ императоровъ и участникомъ во многихъ событіяхъ, совершившихся въ Византіи въ послѣдній полувѣкъ ея существованія, преимущественно же въ борьбѣ двухъ сосѣднихъ державъ, византійской и османской. Источникомъ для этой біографіи послужили автору лѣтописьзаписки самого Франдзія, составленныя имъ въ глубокой старости. При этомъ авторъ доказываетъ, что разсказанныя Франдзіемъ событія доведены не до 1486 г., какъ полагаютъ многіе ученые, но лишь до 1478 г. (6986 г. отъ сотворенія міра).

Д. Бѣляева, *Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ* (Изъ Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 289, октябрь, стр. 321—373). СПБ. 1893. 55 стр. Цѣна 60 к. — Въ Керчи въ 1891 г. въ древней катакомбѣ въ числѣ другихъ археологическихъ предметовъ найдено серебряное блюдо, на выпуклой сторонѣ котораго изображенъ всадникъ въ діадемѣ съ копьемъ въ рукѣ, сзади его тѣлохранители, а впереди Ника съ вѣнкомъ. По просьбѣ Импер. Археологической Комиссіи проф. Іос. Стржиговскимъ и Н. В. Покровскимъ представлены изслѣдованія по сему предмету, напечатанныя въ № 8 издаваемыхъ Комиссіей «Матеріалы по археологіи Россіи» (1892 г.). Оба изслѣдователя видятъ въ изображеніи на щитѣ сцену тріумфальнаго выѣзда императора и въ ѣдущемъ на конѣ побѣдителѣ склонны видѣть императора Юстиніана I. — Проф. Бѣляевъ въ своей статьѣ изображеніе императора относитъ къ IV—VI вв., а предположеніе проф. Стржиговскаго и Покровскаго о принадлежности портрета именно Юстиніану I считаетъ весьма сомнительнымъ. За симъ по вопросу о костюмѣ императора-всадника г. Бѣляевъ весьма обстоятельно останавливается главнымъ образомъ на туникѣ и разсужденія проф. Стржиговскаго объ этомъ предметѣ считаетъ несостоятельными. Онъ говоритъ, что туника никоимъ образомъ не можетъ быть принята за дивитисій, какъ утверждаетъ проф. Стржиговскій, но императоръ на керченскомъ щитѣ изображенъ въ короткомъ хитонѣ-иматіѣ.

А. Кирпичникова, *Деисусъ на востокѣ и западѣ и его литературныя параллели* (Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 290, ноябрь, стр. 1—26).—Настоящій этюдъ посвященъ деисусу, трехъ-личной иконѣ, изображающей по серединѣ Спасителя, а по сторонамъ его Богородицу и Іоанна Предтечу. Авторъ указываетъ на происхожденіе деисуса въ восточной имперіи, гдѣ отъ V до VIII вв. естественно надо искать первыхъ памятниковъ этой композиціи, и затѣмъ обстоятельно останавливается на дальнѣйшемъ проявленіи деисуса въ изображеніяхъ и въ литературныхъ памятникахъ.

А. Гренъ, *Династія Багратидовъ въ Арменіи* (Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 290, ноябрь, стр. 52—139). — Будетъ особая рецензія.

Архимандрита Арсенія, *Нѣкоего митрополита Эфесскаго XIII вѣка неизданное досель произведеніе* (Чтенія въ Общ. любителей духовн. просв. 1892 г., Отд. III, мартъ-іюль, сентябрь-декабрь; 1893, Отд. III, январь-февраль, стр. 1—90).—Настоящее произведеніе издано по рукописи московской синодальной библіотеки № 365, съ русскимъ переводомъ. Это—письменный отчетъ митрополита Эфесскаго, неизвѣстнаго по имени, о своемъ пребываніи въ Никеѣ и въ Константинополѣ въ 1212—1213 гг. съ порученіями императора и обстоятельствахъ возвращенія на свою каѳедру. Недостаетъ начальнаго листа съ разсказомъ о препирательствѣ автора съ патріархомъ Михаиломъ Авторіаномъ о постановленіяхъ константинопольскаго собора 1166 г. Интересны переговоры съ папскимъ легатомъ въ Константинополѣ и извѣстія о политическомъ и церковномъ состояніи Никейской имперіи.

Георгія Георгіевскаго, *Русскій ли праздникъ Покровъ* (Чтенія въ Общ. любит. духовн. просв. 1893 г., ноябрь, Отд. II, стр. 626—639).—Арх. Сергій (Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стр. 313—314) и проф. Голубинскій (Исторія Русск. Церкви, I, 2, стр. 346—352) утверждали, что праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы русскаго происхожденія и при этомъ полагали: первый—что праздникъ былъ установленъ не позднѣе 1148 г., а второй — не позднѣе второй половины XIII в. Авторъ настоящей замѣтки приводитъ доказательства въ пользу того, что происхожденіе этого *праздника* относится къ Византіи и ближайшаго повода къ установленію его слѣдуетъ искать въ иконографіи. Когда тамъ явилась самостоятельная икона Покрова, то день празднованія ея опредѣлялся самъ собою днемъ памяти св. Романа сладкопѣвца, т. е. 1-го октября. Между тѣмъ служба на Покровъ Богородицы русскаго происхожденія. На Руси этотъ праздникъ получилъ всестороннее распространеніе и согласное празднованіе не раньше XVII в.

С. Муретова, *Историческій очеркъ чинонаслѣдованія проскомидіи* (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. 1893, Отд. I, апрѣль, стр. 520—528, май, стр. 599—630, іюнь, стр. 740—752, іюль-августъ, стр. 1—20, сентябрь, стр. 209—254, ноябрь, стр. 441—464, декабрь, стр. 586—644). — Будетъ отдѣльная рецензія.

Е. А., *Иже во святыхъ отца нашего Меѳодія, архіепископа Константинопольскаго, Исповѣдника, слово о святыхъ иконахъ* (Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Μεθοδίου, ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως, ὁμολογητοῦ, λόγος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων) (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. 1893, ноябрь-декабрь, Отд. III, стр. 1—23).—Предлагаемое слово св. Меѳодія впервые издается по рукописи синодальной библіотеки № 5, съ русскимъ переводомъ. Издатель полагаетъ, что оно писано еще до патріаршества св. Меѳодія и имѣло въ виду обличеніе лживаго еретическаго собора при Константинѣ Копронимѣ.

Проф. **Н. В. Покровскій** печатаетъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» цѣлый рядъ статей, которыя имѣютъ своею цѣлью представить въ общедоступ-

номъ изложеніи главнѣйшіе результаты изысканій въ области церковно-археологическаго знанія. Авторъ намѣренъ представить въ нихъ послѣдовательное обозрѣніе памятниковъ древне-христіанскихъ, византійскихъ и русскихъ—цѣльную историческую картину православной иконографіи. Къ тексту приложены многочисленные, правда, нѣсколько скромные рисунки. По выходѣ всего сочиненія мы намѣреваемся дать обстоятельную рецензію, а потому въ настоящее время ограничиваемся краткимъ указаніемъ послѣдовательности и содержанія отдѣльныхъ статей. Въ книжкахъ «Христіанскаго Чтенія» за 1893 г. мы находимъ слѣдующія статьи Н. В. Покровскаго: 1) *Памятники православной иконографіи* (январь-февраль, стр. 38—73)—обзоръ главнѣйшихъ источниковъ, катакомбъ и ихъ живописи. 2) *Памятники живописи древне-христіанскаго періода* (май-іюнь, стр. 426—477)—классификація памятниковъ, символическая живопись, аллегорическая живопись и ея образцы, изображенія библейскихъ событій, изображенія Спасителя, Богоматери и апостоловъ. 3) *Памятники искусства и иконографіи въ древне-христіанскій періодъ* (іюль-августъ, стр. 13—45) — древне-христіанская скульптура, ея общая характеристика и образцы; мозаика древне-христіанскаго періода, ея происхожденіе и состояніе. 4) *Памятники византійской иконографіи и искусства* (сентябрь-октябрь, стр. 185—221, ноябрь-декабрь, стр. 385—404)—общій характеръ византійской иконографіи и искусства, очеркъ исторіи художественной дѣятельности Византіи при Константинѣ Великомъ и Юстиніанѣ, характеристика и происхожденіе византійскаго стиля, мозаики равеннскія и солунскія, мозаики константинопольскія въ св. Софіи и въ храмѣ Спасителя, мозаики византійскія въ другихъ мѣстахъ Греціи и Сициліи.

А. Петрова, *Чествованіе свв. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ древне-русской церкви* (по служебнымъ минеямъ и мѣсяцесловамъ до 1692 года) (Христ. Чтеніе 1893, май-іюнь, стр. 526—547).—Культъ Кирилла философа возникъ въ Римѣ и оттуда получилъ развитіе на славянской почвѣ, гдѣ прежде всего проявился въ письменности. Къ нему впослѣдствіи присоединился культъ Меѳодія, послѣ канонизаціи его въ X—XI в. Кирилло-Меѳодіевская агіологическая литература въ богослужебныхъ книгахъ перешла и въ Россію, но впослѣдствіи изъ нихъ исчезла. Исчезновеніе Кирилло-Меѳодіевской литературы авторъ объясняетъ распространеніемъ въ Россіи во второй половинѣ XIV в. восточно-студійскаго устава и всего круга богослужебныхъ книгъ іерусалимской редакціи. Внѣшняя связь русской церкви со славянскими первосвятителями въ XV—XVII вв. поддерживалась только въ Четьихъ-Минеяхъ, прологахъ и сборникахъ, въ которыхъ встрѣчаются житія обоихъ братьевъ и похвальныя слова имъ.

Іеромонаха Меѳодія Великанова, *Къ вопросу о словѣ паперть* (Христ. Чтеніе 1893, ноябрь-декабрь, стр. 511—516). — Авторъ пытается выяснить происхожденіе и значеніе слова «паперть» съ филологической и церковно-археологической стороны. По его мнѣнію, «паперть» происходитъ отъ

слова πόρτα — porta, которое перешло въ славянскій языкъ. Отъ этой формы уже на славяно-христіанской почвѣ получилось производное идеальное реченіе «папорта» съ дѣйствительно существующими въ языкѣ видоизмѣненіями его древнѣйшими и новѣйшими. Слово «порта» употреблялось для наименованія «городскихъ воротъ» и «главнаго церковнаго входа», но впослѣдствіи постарались придать это названіе и той пристройкѣ, которая прилегала къ главному входу, отмѣтивъ «подлѣположность» ея частицею «па» (*па*порта).

Е. Голубинскаго, *Митрополитъ всея Руси св. Петръ* (Богословскій Вѣстникъ 1893, I, январь, стр. 18—67).—Авторъ даетъ описаніе жизни и дѣятельности митрополита св. Петра (1308—1326 г.). Онъ доказываетъ весьма убѣдительно, что къ двумъ житіямъ св. Петра слѣдуетъ относиться весьма осторожно, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ недосказы и умолчанія, которыя объясняются положеніемъ авторовъ житій въ борьбѣ князей тверскихъ и московскихъ. Въ житіяхъ невѣрно представлено и такъ называемое перенесеніе св. Петромъ каѳедры митрополіи изъ Владиміра въ Москву.

Е. Голубинскаго, *Митрополитъ всея Россіи Ѳеогностъ.* (Богословскій Вѣстникъ 1893, I, февраль, стр. 223—245).—Въ настоящей статьѣ описывается дѣятельность митрополита Ѳеогноста (1328—1353 г.). Грекъ Ѳеогностъ былъ присланъ патріархомъ изъ Константинополя на мѣсто св. Петра. Авторъ приходитъ къ заключенію, что Ѳеогностъ пріобрѣлъ право на величайшую благодарность Москвы не только тѣмъ, что самъ былъ вѣрнымъ и усерднымъ ея другомъ и сдѣлалъ все, что могъ, съ цѣлію содѣйствія ея политическому возвышенію, но и тѣмъ, что въ лицѣ св. Алексѣя оставилъ преемника по себѣ, который довелъ союзъ высшей церковной власти съ князьями московскими до его конца и до его неразрывности.

Н. Попова, *Объ изученіи византійской исторіи.* (Богословскій Вѣстникъ 1893, III, сентябрь, стр. 338—350).—Это рѣчь, произнесенная Н. Поповымъ предъ защитой имъ диссертаціи на магистерскую степень подъ заглавіемъ «Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ изученіи». Москва. 1892. Авторъ указываетъ на важное значеніе изученія Византіи и развитіе византійской науки въ западной Европѣ и въ Россіи за послѣднее время.

Сергія Архіепископа Владимірскаго, *Преподобный Ѳеофанъ Сигріанскій, исповѣдникъ* (Душеполезное Чтеніе 1893, I, мартъ, стр. 349—369; II, май, стр. 3—23).—Авторъ описываетъ жизнь и дѣятельность преподобнаго Ѳеофана Сигріанскаго, извѣстнаго лѣтописца VIII—IX в. Источниками для изслѣдованія послужили ему, кромѣ извѣстныхъ двухъ житій Ѳеофана, приписываемыхъ Ѳеодору Студиту и Симеону Метафрасту, и два житія его, находящіяся въ рукописяхъ московской синодальной библіотеки, изъ которыхъ одно несомнѣнно написано св. Меѳодіемъ, патріархомъ константинопольскимъ, а другое принадлежитъ неизвѣстному писателю.—

Замѣтимъ въ разъясненіе топографическихъ показаній почтеннаго автора, что Сигріанская обитель τοῦ Μεγάλου Ἀγροῦ, основанная Θеофаномъ, находилась между г. Кизикомъ и устьемъ р. Риндака на берегу Мраморнаго моря. Мы сами имѣли возможность посѣтить развалины этого монастыря осенью 1885 года.

Г. Садзагеловъ-Иверіели, *Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ Исламомъ* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата. 1893, № 10, стр. 17—23; № 11, стр. 21—23; № 12, стр. 2—10; № 19, стр. 13—17; № 22, стр. 8—14; № 23, стр. 21—24).—Авторъ даетъ краткое историческое описаніе борьбы православной Грузіи съ Исламомъ начиная съ VII в., затѣмъ говоритъ объ отношеніяхъ мусульманъ къ православнымъ грузинамъ и заканчиваетъ свое разсужденіе побѣдою надъ Исламомъ и присоединеніемъ Грузіи къ единовѣрной Россіи.

А. Гзеліева, *Очерки изъ исторіи Грузинской церкви въ XI и XII вѣкахъ* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата. 1893, № 18, стр. 26—21).— Въ этой книжкѣ помѣщено только начало изслѣдованія Гзеліева.

В. Качановскаго, *Общій взглядъ на древнюю исторію Сербіи и ея источники* (Вѣстникъ славянства 1893, стр. 72—84).— Авторъ говоритъ, что заслуга основателя Сербскаго государства Степана Немани и перваго сербскаго архіепископа св. Саввы въ дѣлѣ утвержденія христіанства у сербовъ состоитъ лишь въ томъ, что они признали православіе господствовавшимъ вѣроисповѣданіемъ въ области, ихъ работа была подготовлена неизвѣстными опредѣленно дѣятелями. Первые сербскіе писатели сознательно прервали связь съ періодомъ, предшествовавшимъ времени Степана Немани, и біографы его, св. Савва и Степанъ Первовѣнчанный намѣренно умалчивали о его происхожденіи. Послѣдующіе представители сербской письменности уже не могли отрѣшиться отъ унаслѣдованной ими отъ первыхъ своихъ наставниковъ традицій, а потому составленныя впослѣдствіи генеалогіи вышли вполнѣ баснословныя.

В. Джуринскаго, *Болгарскія пѣсни о Дойчинѣ и Момчилѣ* (Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1893. № 4, стр. 1—64).—Настоящее изслѣдованіе о болгарскомъ эпосѣ посвящено разбору пѣсенъ о Дойчинѣ и Момчилѣ, двухъ выдающихся герояхъ болгарскихъ эпическихъ сказаній. Первый можетъ быть разсматриваемъ какъ характерный представитель богатырей болѣе древняго типа. Второй былъ историческимъ дѣятелемъ половины XIV в. и византійскіе историки сохранили о немъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Задача работы автора заключалась въ приведеніи въ связь отдѣльныхъ сказаній о данныхъ герояхъ, въ розысканіи исторической основы или первичнаго мотива, лежащаго въ древнѣйшихъ сказаніяхъ, въ опредѣленіи послѣдующихъ измѣненій и наслоеній, наконецъ, въ уясненіи личности и характера того и другого богатыря. Авторъ заимствовалъ свой матеріалъ для работы изъ сборниковъ Безсонова, Дм. и К. Миладиновцевъ, Дозона, Качановскаго, Шапкарева, Вука Караджича,

Ястребова, Сборника Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Софіи и Періодическаго Списанія Болгарскаго книжнаго Общества.

А. С. Хаханова, *Источники по введенію христіанства въ Грузіи* (Древности восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Импер. Московскаго Археол. Общ. I (1893), стр. 299—345).—Настоящая работа представляетъ сводъ и анализъ греческихъ, армянскихъ и грузинскихъ источниковъ по вопросу о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ. Авторъ указываетъ взаимную связь между отдѣльными источниками и опредѣляетъ наиболѣе важные основные факты изъ исторіи распространенія христіанскаго ученія.

Е. Ляцкаго, *Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси* (Труды Виленскаго Отдѣленія Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству въ Вильнѣ IX-го археологическаго съѣзда. Вильна 1893. Отд. II, стр. 337—360). См. рецензіи: П. Ж. въ Христ. Чтеніи 1893, ноябрь-декабрь, стр. 517—519. — Юл. Кулаковскаго въ Русск. Вѣстникѣ, 1893, октябрь, стр. 202—203.—Авторъ настоящей статьи пытается доказать, что варяго-руссы были не скандинавскаго, но славянорусскаго происхожденія, а въ болѣе тѣсномъ племенномъ отношеніи и по мѣсту жительства были литовцами, изъ русскаго племени, называемаго литовцами. Онъ дѣлаетъ попытку русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, записанныя Константиномъ Порфиророднымъ, изъяснить изъ литовскаго языка, слова «варягъ» и «руссъ» считаетъ славянскими или литовскими, а подтвержденіе своимъ доказательствамъ онъ находитъ въ лѣтописи Нестора. — Къ сожалѣнію, изслѣдованіе г. Ляцкаго отличается отсутствіемъ прочныхъ филологическихъ и лингвистическихъ знаній, такъ напримѣръ онъ литовцевъ считаетъ отраслью славяно-руссовъ, скандинавцевъ не называетъ германскимъ племенемъ, но смѣшиваетъ ихъ съ нѣмцами и т. п., а потому и его доказательства лишены прочнаго основанія.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Dr. F. M. Flasch, Constantin der Grosse als erster christlicher Kaiser. Würzburg. 1891. Рецензія **А. Л(ебедева)** въ Богословскомъ Вѣстникѣ I, 1893, I, февраль, стр. 376—387.

М. Красноженъ, Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви, Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва 1892. Рецензіи: **Н. Заозерскаго,** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1893. II, іюнь, стр. 572—586. **В. Безобразова,** въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1893. Августъ (часть 288), стр. 517—534.

Н. Ильинскаго, Синтагма Матѳея Властаря. Москва. 1892. Рецензія **Н. Заозерскаго,** въ Богословскомъ Вѣстникѣ. 1893. III, іюль, стр. 155—161.

И. Помяловскаго, Житіе иже во святыхъ отца нашего архіепископа Едесскаго. СПБ. 1892. Рецензія **А. Васильева,** въ Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 286, мартъ, стр. 201—210.

Byzantinische Zeitschrift, herausgegeben von Karl Krumbacher.

Erster Band. Leipzig 1891. 8°. Рецензія **Ѳ. Успенскаго и А. Кирпичникова,** въ Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 288, іюль, стр. 231—272.

Н. Попова, Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Москва 1892. Рецензія **Ѳ. Успенскаго,** въ Ж. М. Н. Пр. 1893, часть 288, августъ, стр. 534 – 542, и его-же въ Byzantinische Zeitschrift, II (1893), 3—4, стр. 632—634. **Д. А.** въ Христ. Чтеніи, 1893, іюль-августъ, стр. 175—180.

С. А. Усова, Сочиненія. Т. II. Статьи по археологіи. Подъ редакціей проф. В. Ключевскаго. Москва 1892. Рецензія **Е. Рѣдина,** въ Запискахъ Имп. Харьковскаго Унив. 1893. III. Библіографія, стр. 25—29.

Н. В. Покровскаго, Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Москва 1890. Рецензія **Н. В. Кондакова** въ Запискахъ Имп. Русс. Археол. Общ. Новая Серія, т. VI. Прилож. къ протоколамъ, стр. L—LV.

Е. К. Рѣдина и Д. В. Айналова, Кіевскій Софійскій соборъ, изслѣдованіе древней живописи, мозаикъ и фресокъ собора (Записки Имп. Русск. Археол. Общ. Новая Серія. т. IV, стр. 231—381). Рецензія **И. В. Помяловскаго,** въ Запискахъ Импер. Русск. Археол. Общ. Новая Серія, т. VI. Приложеніе къ проток., стр. XCI—XCIV.

Д. Ѳ. Бѣляева, Byzantina. Книга I. Отзывъ **В. Г. Васильевскаго** и **Н. П. Кондакова,** въ Запискахъ Имп. Русск. Археол. Общ. Новая Серія, т. VI, вып. 1—4. Приложеніе къ протоколамъ, стр. XLVI—L.—Книга II. СПБ. 1893. Рецензія **Ѳ. Успенскаго,** въ Ж. М. Н. Пр. 1893 (ч. 290), декабрь, стр. 364—379. — **Юл. Кулаковскаго,** Русск. Вѣстн. 1893, августъ, стр. 344—347.

Φωτίου τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τὸ περὶ τοῦ τάφου τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὑπομνημάτιον καὶ ἄλλα τινὰ πονημάτια τοῦ αὐτοῦ ἑλληνιστί τε καὶ ἀρμενιστὶ γεγραμμένα. Ἐκδίδονται δὲ μετὰ προλόγου ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου Κεραμέως καὶ μετὰ ῥωσσικῆς μεταφράσεως τῶν κ. Γ. Σ. Δεστούνη καὶ Ν. Μάρρου (Правосл. Палест. Сборникъ. 31 вып. 1892). Рецензія **Н. Попова** въ Чтеніяхъ Общ. люб. дух. просв. 1893, декабрь, Отд. II, стр. 656—662.

P. Pierling, L'Italie et la Russie au XVI siècle. Paris 1892. 8°. Рецензія **В. А. Бильбасова,** въ Русской Старинѣ 1893, кн. I, стр. 152—155.

Alb. Stöckl, Geschichte der christlichen Philosophie zur Zeit der Kirchenväter. Mainz 1891. IV+435 стр. Рецензія **А. Гилярова,** въ «Вопросы философіи» 1893, № 5, стр. 117—118.

А. Васильева, Сборникъ памятниковъ византійской литературы. Anecdota graeco-byzantina. I. Mosquae 1893. Рецензія **М. Сперанскаго,** въ Археол. изв. и замѣтк. издав. Импер. Москов. Арх. Общ. 1893, № 6, стр. 217—218.

Константина Грота, Изъ исторіи Угріи и Славянства въ XII вѣкѣ. Варшава 1889. Рецензія **В. Г. Васильевскаго,** въ Запискахъ Импер. Академіи Наукъ, т. 70. Прилож. 3. Отчетъ о 33 присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 242—248. **В. Р.**

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ И РУМЫНІЯ.

«Византійскій Временникъ» будетъ представлять періодически библіографическія свѣдѣнія о томъ, что дѣлается по *византологіи* въ литературахъ славянъ южныхъ и западныхъ, а также и румынской. Въ виду того, что за послѣдніе годы въ этихъ литературахъ появилось нѣсколько трудовъ, касающихся такъ или иначе Византіи, частію въ повременныхъ изданіяхъ, частію въ отдѣльныхъ книгахъ, мы считаемъ нужнымъ указывать не только на новѣйшія работы въ этой области, но и на работы прошлыхъ, впрочемъ, ближайшихъ годовъ.

БОЛГАРСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Димитріевъ, *Македония въ миналото й* (Македонія въ ея прошломъ. Въ Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ. Подъ редакц. В. Д. Стоянова. Год. 8, кн. XXXVII—XXXVIII, XL. Срѣдецъ 1891).—Представляетъ разборъ сочиненія профессора аѳинскаго университета Маргарита Г. Димицы: Ἀρχαία γεωγραφία τῆς Μακεδονίας, т. I: Χωρογραφία (въ Аѳин. 1870) и Μακεδονικά, т. II: Τοπογραφία (Аѳины. 1874). Рецензентъ, представляя краткій эпизодическій очеркъ физической и историко-политической географіи Македоніи, указываетъ на нѣкоторыя ошибки и промахи, происшедшія главнымъ образомъ изъ эллинофильскихъ увлеченій Димицы, который родомъ болгаринъ изъ Охрида; имя его было Димза. Статья носитъ отчасти полемическій характеръ.

Димитріевъ, *Солунъ въ миналото му* (Солунь въ его прошломъ. Тамъ же, кн. XLV). — Это — третья и послѣдняя часть статьи: *Македонія въ ея прошломъ*. Здѣсь разсматривается: а) Солунь въ политическомъ отношеніи византійскаго времени; б)—религіозномъ и в)—археологическомъ. Г. Димитріевъ кое-что дополняетъ на основаніи славянскихъ источниковъ.

Начовъ, *Нѣколко бѣлѣжки за единъ ръкописъ отъ книгата «Описание на светогорскитѣ монастири»* (Нѣсколько замѣтокъ объ одной рукописи книги «Описаніе святогорскихъ монастырей». Тамъ же, кн. XXXVII—XXXVIII).—Рѣчь идетъ о книжкѣ: Краткѡе ѡписанїе двадесатъ мнтырей ѡбретающїаса во Стой горѣ Аѳѡнской, напечатанной въ Солунѣ въ 1839 г., а потомъ въ Самоковѣ (въ Болгаріи) въ 1846 г., и наконецъ воспроизведенной фототипіей по солунскому изданію Обществомъ Любителей Древней Письменности въ С.-Петербургѣ въ 1877 г.

Дацовъ, *Отъ Софія до Прагна* (Изъ Софіи въ Прангу. Путевыя замѣтки и воспоминанія. Тамъ же, кн. XLV). — Въ этой статьѣ есть нѣсколько замѣтокъ о городѣ Станимакѣ, у визант. Στενίμαχον или Στενίμαχος, у западн. писателей Estanemac.

Братья **Шкорпилови**, *Срѣдневѣковни черкви и гробища въ София* (Бр. Шкорпилы, Средневѣковыя церкви и кладбища въ Софіи. Въ Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина, издаваем. болгарск. министерствомъ народнаго просвѣщенія. Книга II. София 1890).—Эта статья представляетъ между прочимъ немалый интересъ для исторической географіи

Балканскаго полуострова XIV вѣка и нѣсколько интересныхъ замѣтокъ по средневѣковой антропологіи.

Братья **Шкорпилови**, *Черноморскотно крайбрѣжие и съсѣднитѣ подбалкански страни въ Южна България* (Черноморское побережье и сосѣднія прибалканскія мѣста южной Болгаріи. Тамъ же, кн. III и IV, 1891 г.).— Археологическія изслѣдованія бр. Шкорпиловъ, въ которыхъ сообщаются данныя по доисторической археологіи, и весьма интересныя по церковной археологіи, средневѣковой стратегіи, исторической географіи и исторіи культурныхъ и соціальныхъ сношеній Византіи и Болгаріи. Въ особенности бросаются въ глаза греческія надписи на иконѣ Богородицы въ новой митрополіи (церкви) въ Месемвріи, гдѣ упоминаются имена болгарскаго царя Іоанна Александра (1331—1355 гг.) и сына его, Михаила Асѣня, — надписи, послужившія поводомъ къ обнародованію г. Пападопуло-Керамевсомъ двухъ болгарскихъ грамотъ на греческомъ языкѣ XIV в. въ Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. I. Ἐν Πετρουπόλει. 1891, стр. 467—470.

А. Шоповъ, *Единъ документъ за българската история* (Одинъ документъ для болгарской исторіи. Тамъ же, кн. II). — Здѣсь приведены подробное описаніе изображенія на бумагѣ св. Владиміра Елбасанскаго съ добавленіемъ надписей на греческомъ и славянскомъ языкахъ, затѣмъ выдержки изъ Ἀκολουθίας Ἰωάννου τοῦ Βλαδιμήρου, перепечатанной въ Венеціи въ 1858 г. по москопольскому изданію 1741 г.

Драгомановъ, *Славянскитѣ сказания за рождението на Константина Великій* (Славянскія сказанія о рожденіи Константина Великаго. Тамъ же, кн. II и III). — Этотъ трудъ бывшаго русскаго профессора заслуживаетъ вниманія только по собранному въ немъ славянскому матеріалу, не всегда, впрочемъ, отвѣчающему на поставленную авторомъ тему.

Добрускій, *Нѣколко историческо-археологически бѣлѣжки* (Нѣсколько историко-археологическихъ замѣтокъ. Тамъ же, кн. III). — Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе замѣтка «Крѣпость *Батилъ* надъ с. Бояною» близъ Софіи, о которой крѣпости существуетъ болгарское преданіе, приводимое г. Добрускимъ. Появленіе крѣпости, а также и преданія о ней онъ ставитъ «въ связь съ печенѣжскими (куманскими) поселеніями въ Софійскомъ округѣ и считаетъ остаткомъ старинныхъ мѣстныхъ названій печенѣжскаго происхожденія». Самое названіе Батилъ и Батулъ онъ отождествляетъ съ Βατὰν печенѣжскаго племени Τζοπὸν у Константина Багрянороднаго (De administr. imp., VII, стр. 166 бонск. изд.).

Иліевъ, *Българскитѣ предания за исполини, нарѣчени елини, жидове и латини* (Болгарскія преданія объ исполинахъ, называемыхъ эллинами, жидами и латинами. Тамъ же, кн. III и IV). — А. Т. Иліевъ представляетъ полный сводъ болгарскихъ преданій объ исполинахъ въ сравненіи отчасти съ преданіями другихъ славянскихъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи собраннаго имъ матеріала довольно удачно объясняетъ различныя названія исполиновъ у болгаръ.

Георгіевъ, *Родопить и Рилската планина и нихнита растителность* (Родопы и Рильская гора и ихъ растительность. Тамъ же).

Константиновъ, *Чепино* (Чепина. Тамъ же). — Описывается болгарская окраина въ сѣверо-западныхъ отрогахъ Родопскихъ горъ. Въ обѣихъ статьяхъ сообщаются цѣнныя данныя по исторической физической географіи и этнографіи Балканскаго полуострова.

*** *Битолско, Прѣспа и Охрида* (Битолскій округъ, Прѣспа и Охридъ. Путевыя замѣтки. Тамъ же, кн. IV.)—Весьма интересныя и содержательныя замѣтки неизвѣстнаго автора представляютъ массу матеріала по географіи, этнографіи и исторіи Македоніи, главнымъ образомъ среднихъ вѣковъ. Нужно, однако, замѣтить, что надписи, о которыхъ говорится на стр. 59-й и которыя затѣмъ приводятся на таблицахъ II, III и VI, несовсѣмъ вѣрно прочитаны. Такъ надпись на табл. II, приведенная и у Григоровича (въ Очеркѣ путешествія по европейской Турціи. Изд. 2-е, стр. 98), правда, съ нѣкоторыми опущеніями, нужно читать слѣдующимъ образомъ: Ἀνηγέρθει [1]) ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος τῆς πανυπεράγνου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου τῆς περιβλέπτου, διὰ δὲ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου κυροῦ προγόνου τοῦ Ὀγούρου τοῦ μεγάλου ἑτερειάρχου [2]) καὶ τῆς συζύγου αὐτοῦ κυρᾶς Εὐδοκίας γαμβροῦ τοῦ κρατίστου καὶ ἁγίου ἡμῶν αὐτοκράτορος καὶ βασιλέως ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου καὶ Εἰρήνης τῆς εὐσεβεστάτης αὐγούστης, ἀρχιερατεύοντος δὲ Μακαρίου τοῦ παναγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῆς προτης [3]) Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας, ἐπὶ ἔτους ,ϛωγ', ἰνδικτιῶνος η'·

На таблицѣ III слѣдуетъ читать такъ: Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορίθη [4]) ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ πανιερωτάτου καὶ ἐπισκόπου Διαβόλεως Γρηγορίου Θύτη [5]) σελασφόρου ἐπὶ τῆς βασιλείας Στεφάνου τοῦ Οὐρέσι, ἀρχιεροτέβοντος [6]) δὲ τῆς πρώτης Ἰουστηνιανῆς [7]) τοῦ παναγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Γρηγορίου, ἐπὶ ἔτους ,ϛωογ', ἰνδικτιῶνος γ'.

На таблицѣ V надпись читается такъ: Μέμνησο ποιμὴν Βουλγάρων ἐν θυσίαις ἄνακτος Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου.

На таблицѣ VI, на которой приведены три монограммы, изображено не совсѣмъ то, что читалъ проф. М. С. Дриновъ (стр. 63), а именно № 1-й: ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ; № 2-й: ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ, и № 3-й: ΓΡΗΓΩΡΙΟΣ. По всей вѣроятности, подъ этимъ Григоріемъ подразумѣвается вышеупомянутый ἀρχιεπίσκοπος Γρηγόριος, правившій Охридскою церковію во 2-й половинѣ XIV вѣка (ср. Голубинскаго Исторія православныхъ церквей болгарской и пр. М. 1871, стр. 127).

*** *България въ царуванието на Никифора Фока* (Болгарія въ царствованіе Никифора Фоки. Тамъ же, кн. V). — Эта статья представляетъ изложеніе XII и XV главъ книги Густ. Шлёмберже (Gust. Schlumber-

1) Вмѣсто: ἀνηγέρθη. 2) Вмѣсто ἑταιρειάρχου. 3) Вмѣсто πρώτης.
4) Вмѣсто ἀνιστορήθη. 5) Вмѣсто Θύτου. 6) Вмѣсто ἀρχιεροτεύοντος.
7) Вмѣсто Ἰουστινιανῆς.

ger, Un empereur byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas, вышедшей въ Парижѣ въ 1890 г.), — 2-хъ главъ, касающихся главнымъ образомъ болгаръ и Болгаріи X в. Здѣсь приведены 11-ть рисунковъ изъ ватиканской рукописи славянскаго перевода хроники Манассіи, изъ которыхъ одинъ на особомъ листѣ красками, помѣщенный въ началѣ книги Шлёмберже; кромѣ того здѣсь же приведены еще 2 рисунка-портрета болгарскихъ царей, царицы и ихъ дѣтей, или иначе семейства болгарскаго царя Іоанна Александра изъ славянской рукописи евангелія въ Лондонѣ, принадлежащей лорду Зоучъ.

Д-ръ **Ив. Д. Шишмановъ,** *Стари пѫтувания прѣзъ България въ посока на римския военень пѫть отъ Бѣлградъ за Цариградъ* (Старыя путешествія чрезъ Болгарію въ направленіи римскаго пути отъ Бѣлграда въ Константинополь. Тамъ же, кн. IV).—Предметъ труда г. Шишманова не новъ въ литературѣ славянскихъ народовъ. Еще въ 1854 г. сербъ Іованъ Ристичъ. напечаталъ статью «О историйской важности успомена стари путника неки, који су крозъ Србију прошли» (въ Гласникѣ Друштва Србске Словесности св. VI); затѣмъ въ 1872 г. Чедомилъ Міатовичъ — «Пре триста година. Прилог к изучењу извора за историју нашег народа» (тоже въ Гласникѣ Српског Ученог Друштва). Но гораздо обширнѣе разбиралъ этотъ вопросъ загребскій профессоръ П. Матковичъ въ своихъ весьма интересныхъ студіяхъ: «Putovanja po Balkanskom poluotoku za srednjega vieka» (въ Rad jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. XLII), и «Putovanja po Balkanskom poluotoku XVI vieka» (въ томъ же Rad knj. XLIX съ перерывами до настоящаго времени и въ Starine, knj. XXII). У болгаръ объ этихъ путешествіяхъ писали К. Иречекъ: «Стари пѫтешествия по България отъ 15—18 столѣтие» (въ Периодическо списание, кн. III, IV, VI и VII), и К. Кесяковъ: «Стари пѫтувания въ България» (тамъ же, кн. XXI и XXII). Можно было бы еще упомянуть и объ изданіяхъ Шафарика въ Slavische Bibliothek I и Ферменджина въ Acta ecclesiastica Bulgariae и другихъ, имъ подобныхъ; но послѣднія представляютъ одни только тексты описаній путешествій прошлыхъ вѣковъ, но не сводку заключающихся въ нихъ данныхъ.—Г. Шишмановъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ *шесть* путниковъ по Турціи XVI – XVIII в., найденныхъ имъ въ лейпцигской университетской библіотекѣ, и сообщаетъ изъ нихъ данныя, которыхъ нѣтъ ни у Иречка, ни у Матковича, и иллюстрируетъ ихъ разнаго рода свѣдѣніями, собранными имъ частію изъ литературы предмета, частію на основаніи произведеній народнаго творчества болгаръ и другихъ славянъ. Эти данныя касаются главнымъ образомъ Балканскаго полуострова, а именно пути, идущаго отъ Бѣлграда до Константинополя, и имѣютъ прямое отношеніе къ Византіи. Авторъ обращаетъ вниманіе по преимуществу на историческую географію, что обусловливается характеромъ разсматриваемыхъ имъ путниковъ. Больше всего онъ останавливается на *римскомъ пути* среднихъ вѣковъ, называемомъ въ нѣкоторыхъ путникахъ Траяновымъ, затѣмъ сообщаетъ не мало свѣдѣній о Филиппополѣ и нѣкото-

рыхъ другихъ городахъ, а также и не мало бытовыхъ чертъ разныхъ народностей, населяющихъ Турецкую имперію. Г. Шишмановъ приводитъ снимокъ съ гравюры прошлаго столѣтія, представляющей въѣздъ австрійской чрезвычайной дипломатической миссіи въ Константинополь въ 1719 г.

Сербскія изданія.

Ст. Новаковић, *Први основи словенске књижевности међу балканским словенима.* Легенда о Владимиру и Косари. Културно-историјске студије (Первыя начала литературы у балканскихъ славянъ. Легенда о Владимірѣ и Косарѣ. Культурно-историческіе очерки). Изданіе сербской королевской академіи. У Београду. 1893, 299 стр. въ 8°.

Дим. Руварац, *О св. Іовану Владимиру.* Исторично-књижевна ртица. Прештампано из «Новог Времена» за 1892 год. У Земуну (О св. Іоаннѣ Владимірѣ. Историческо-литературный очеркъ. Перепечатано изъ «Новаго Времени» за 1892 г. Въ Землинѣ). 1892, 84 стр. въ 8°.

Почтенный авторъ «*Првих основа словенске књижевности*», сербскій академикъ Стоянъ Новаковичъ, въ этомъ своемъ трудѣ главнымъ образомъ желаетъ указать на культурное значеніе Византіи для славянъ со времени ихъ появленія на Балканскомъ полуостровѣ и въ первыя десятилѣтія ихъ историко-политической жизни. Хотя нельзя соглашаться со всѣми его взглядами и выводами о греко-славянскихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе его книга представляетъ немало интереснаго для византолога. Несомнѣнно, самую интересную часть книги представляютъ послѣднія ея главы, начиная съ VII-й, гдѣ онъ даетъ самый полный историко-библіографическо-литературный очеркъ легенды о св. Владимірѣ Елбасанскомъ, зародившейся въ началѣ XI столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ являющейся первою христіанскою легендою изъ жизни южнаго славянства (стр. 5); иначе говоря, эта легенда представляетъ частицу плода христіанско-культурныхъ воздѣйствій на южное славянство.

Задача священ. Димитрія Руварца гораздо скромнѣе: онъ главнымъ образомъ вращается въ области церковной письменности. Книжка его раздѣляется на три главы: I. Когда и какъ попалъ св. Іоаннъ Владиміръ въ Серблякъ (Сборникъ службъ сербскимъ святымъ); II. О житіяхъ св. Іоанна Владиміра, и III. Исторія св. Іоанна Владиміра. Книжка его полезна, какъ почти полный сводъ свѣдѣній о св. Владимірѣ Елбасанскомъ.

Ст. Новаковић, *Стара српска војска.* Историјске скице из дела «Народ и земља у старој Српској држави». Из «Ратника» (Старое сербское войско. Историческіе очерки изъ сочиненія «Народъ и земля въ старомъ Сербскомъ государствѣ». Изъ період. изданія «Ратник»). У Београду. 1893, 208 стр. въ 8°.

Какъ видно изъ заглавія, эта книга, какъ и нѣсколько другихъ прежнихъ, составляетъ часть большаго труда сербскаго академика: «Народ и земља у старој Српској држави». Старое сербское войско почти совсѣмъ не служило до сего времени предметомъ изслѣдованій въ сербской литера-

турѣ, что̀ отчасти объясняется скудостію о немъ матеріала, который нужно и можно собирать только по очень малымъ крупицамъ въ сербскихъ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ этимъ подобныхъ актахъ. Ст. Новаковичъ сдѣлалъ опытъ, написанный довольно популярно, свести въ одно цѣлое данныя, какія онъ собралъ о старомъ сербскомъ войскѣ изъ актовъ, но главнымъ образомъ изъ богатой сербской народной поэзіи откуда онъ извлекъ довольно большое количество матеріала. Точкою отправленія въ изученіи и изслѣдованіи сербской военной исторіи является у него Римское царство или, вѣрнѣе, восточная часть его, т. е. Византія. Сообразно съ этимъ въ первыхъ четырехъ главахъ изъ двѣнадцати въ книгѣ онъ разсуждаетъ о военномъ устройствѣ въ этомъ царствѣ и въ частности въ IV-й о такомъ же устройствѣ въ Византіи. Только съ главы V-й начинается трактатъ о сербскомъ военномъ дѣлѣ и другихъ учрежденіяхъ, съ нимъ связанныхъ, а именно: въ этой главѣ говорится о классахъ у сербовъ и основѣ военной и административной организаціи въ средніе вѣка; въ VI-й—о королѣ, войводахъ (великихъ и обыкновенныхъ) и знаменосцахъ; въ VII-й—о войскѣ вообще и въ частности баштинномъ (водчинномъ), проніарскомъ и наемномъ, затѣмъ о войводѣ Момчилѣ и его войскѣ и наконецъ о военной подати; въ VIII-й—объ юнакахъ и поединкахъ, занятіяхъ и играхъ военныхъ и объ юнацкихъ коняхъ; въ IX-й—о мобилизаціи и фуражѣ, о военной музыкѣ; въ X-й—объ охранѣ и поселеніи, строеніи и исправленіи крѣпостей, осадѣ и осадномъ дѣлѣ; въ XI-й—о доспѣхахъ, объ оружіи и тактикѣ, и наконецъ въ XII-й – о военныхъ обычаяхъ и ихъ началѣ, о ратникахъ по профессіи: арбанасахъ (албанцахъ), арматолахъ (мартолозахъ), дербенджіяхъ, хайдукахъ и ускокахъ.

Румынская литература.

Istoria luĭ Foțiŭ, patriarchul Constantinopoluluĭ, urzitoriul schismeĭ grecescĭ. Prelucrată după preotul I. Jager de Dr. **Vasiliŭ Lucaciŭ**, parochul Șișescilor (Исторія Фотія, патріарха константинопольскаго, зачинщика греческаго раскола. Переработанная по книгѣ священ. I. Яжера, д-ромъ Василіемъ Лукачемъ, приходскимъ священникомъ въ Шишештахъ). Baiamare. Tipografia luĭ Michail Molnár. 1893. XXXVIII + 330 стр. въ 8°.

Книга эта написана трансильванскимъ уніатскимъ священникомъ, имя котораго часто встрѣчалось въ послѣдніе два года въ газетахъ, благодаря его участію въ національныхъ румынскихъ движеніяхъ. Заглавіе книги вполнѣ опредѣляетъ ея характеръ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ ея прибавилъ только введеніе въ исторію Фотія, которое представляетъ интересъ только тѣмъ, что въ ней излагается чисто католическій взглядъ автора на дѣло Фотія и на первенствующее значеніе римскаго папы въ церкви христіанской и его отношенія къ восточнымъ патріархамъ и въ частности къ константинопольскому. Книга написана популярно и издана довольно роскошно, но не лишена и нѣкоторыхъ претензій на ученость, ничѣмъ впрочемъ не оправданныхъ. **П. Сырку.**

3. Новыя книги поступившія въ Редакцію.

Памятники древней письменности:

XCIV. Хрисанѳа Лопарева, Слово о святомъ «патріархѣ Ѳеостириктѣ». Къ вопросу о 29-мъ Февраля въ древней литературѣ. 1893. II + 31 стр. Цѣна 30 коп.

XCVI. Χρυσάνθου Λοπαρέβου, Βίος τοῦ ἁγίου καὶ δικαίου Εὐδοκίμου. Хрисанѳа Лопарева, Житіе святаго Евдокима Праведнаго. 1893. II + XV + 39 стр. Цѣна 50 коп.

С. Хрисанѳа Лопарева, Чудо святаго Георгія о болгаринѣ. Памятникъ византійской, переводной, литературы. 1894. II + 24 стр. Цѣна 20 коп.

П. Безобразова, Историческія статьи. вып. 1-й. Москва 1893, 313 стр. Цѣна 1 р. 80 коп.

— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. Москва 1894. 8°. Цѣна 40 коп.

М. Остроумова, Очеркъ православнаго церковнаго права. ч. I. Введеніе въ православное церковное право. т. 1. Харьковъ 1893. 8°. II + X + 672 + VI стр. Цѣна 4 р. 50 к.

Славянское обозрѣніе. Годъ второй. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію подъ редакціей И. С. Пальмова. 1894. VIII + VIII + 506 стр.

И. С. Пальмова, Новыя данныя къ исторіи Охридской архіепископіи XVI, XVII и XVIII вв. Съ приложеніемъ «Замѣтокъ» В. В. Болотова. СПБ. 1894. 8°. 41 стр. (Изъ Славянскаго Обозр. II).

Д. Ѳ. Бѣляева, Евктирій Св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды. Одесса 1893 г. 8°. 24 стр. Цѣна 25 к.

С. Пападимитріу, Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ. Одесса 1894. 8°. 30 стр.

Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὀρθοδόξου Παλαιστινοῦ Συλλόγου, συνταχθεῖσα δὲ ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος β', I—II. Ἐν Πετρουπόλει 1894. 8°. VI + 894 стр.

Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, ἐκτυπούμενα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὀρθοδόξου Παλαιστίνου Συλλόγου, συλλεγέντα δὲ καὶ ἐκδιδόμενα ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Τόμος β'. Ἐν Πετρουπόλει 1894. 8° θ' + 540 стр.

Γ. Λαμπάκης, Κατάλογος τῆς ἐν Ζαππείῳ ἐκθέσεως. Ἐν Ἀθήναις 1891. 8°. 46 стр. Цѣна 50 лептъ.

Χριστιανικὴ Ἀρχαιολογικὴ Ἑταιρεία. Δελτίον α'. Ἐν Ἀθήναις. 8°. 154 стр.

Γ. Λαμπάκης, Ἔργα θρησκευτικά. Ἐν Ἀθήναις 1893. 8°. 48 + 8 стр. Цѣна 1 драхма.

Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου, Αἱ Σέρραι μετὰ τῶν προαστείων (μετὰ ἑπτὰ πινάκων). Ἐν Λειψίᾳ. Teubner 1894. 8°. 105 стр. (Изъ Byzant. Zeitschrift III).

Karapet ter-Mkrttshian, Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, J. C. Hinrich'sche Buchhandlung. 1893. 8°. XII+163 стр. Цѣна 5 марокъ.

Dr. Waldemar Nissen, Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077. Ein Beitrag zur Geschichte des Klosterwesens im byzantinischen Kaiserreiche. Jena 1894. 8°. VI+124 стр.

Karl Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter. München 1893. G. Franz'scher Verlag. 8°. VI+272 (Separat-Abdruck aus den Sitzungsb. d. philos.-philol. und der hist. Klasse der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1893. Bd. II, Heft 1).

Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig 1894. VIII+303 стр. Цѣна 10 марокъ.

C. Neumann, Die Weltstellung d. byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig 1894. Duncker u. Humblodt. 8°. X + 121 стр. Цѣна 2.50 мар.

A. Carrière, Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Études critiques. Vienne 1893. Mechitharisten-Congregation. 8°. VIII + 56 стр. Цѣна 2.50 фл.

Wilhelm Tomaschek, Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. I. Wien 1893. 8°. 130 стр. (Sitzungsber. d. Wiener Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl. Bd. 128).

Acta Sancti Ioannicii monachi in Bithynia. Edidit I. Van den Gheyn, S. S. Hagiographus Bollandinus. Bruxelles 1894. fol. 127 стр. (ex Act. SS., Novembr. tom. II).

Д. Матова, Гръцко-Български студіи (прѣпечатано изъ IX книга Сборникъ за народни умотв., наука и книжина). София 1893. 8°. 66 стр.

—— Бѣлѣжки върху Българскота народна словесность I (оттуда же, кн. X). София 1893. 8°. 56 стр.

ОТДѢЛЪ III.

О составленіи перечня византійскихъ грамотъ и писемъ. Историко-Филологическое Отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ, въ засѣданіи 19 января 1894 г., постановило приступить къ собиранію и хронологическому опредѣленію всѣхъ сохранившихся византійскихъ грамотъ, писемъ и другого рода актовъ, съ тѣмъ, чтобы положить начало и основаніе «регестамъ византійской имперіи». Исполненіе этой работы въ настоящее время возложено на магистранта С.-Петербургскаго Университета Б. М. Меліоранскаго. Сообщаемъ здѣсь нижеслѣдующую записку, представленную по сему дѣлу въ Академію академиками А. А. Куникомъ и В. Г. Васильевскимъ.

«Въ одномъ изъ засѣданій Историко-Филологическаго Отдѣленія 1847 г. (см. Журн. М. Нар. Пр. 1849 г., часть 63, отд. III) документально, можно сказать, было выяснено, какъ старательно работали нѣкоторые изъ прежнихъ членовъ нашей Академіи надъ разъясненіемъ вопросовъ русской исторіи, считавшихся въ то время важнѣйшими, съ помощью византійскихъ источниковъ. Послѣ замѣчательныхъ для своего времени изслѣдованій Байера († 1737 г.), самыми выдающимися въ этой области можно считать труды знаменитаго критика и изслѣдователя Шлецера, гдѣ самымъ яснымъ образомъ выступаетъ наружу широта взгляда нашего бывшаго сочлена на важное значеніе византійской исторіи для исторіи славянской вообще и русской въ частности. Къ сожалѣнію, лишь недолгое время и на старости лѣтъ, по поводу изданія Несторовой лѣтописи (1764—1769 и 1802—1809 г.г.), онъ не только настаивалъ въ нашей Академіи на пополненіи извѣстій о военномъ и политическомъ бытѣ народовъ, занимавшихъ территорію нынѣшней Россіи, свѣдѣніями изъ византійскихъ лѣтописей и т. п., но и выставлялъ довольно рельефно культурное значеніе Византіи въ смыслѣ вліянія послѣдней—въ особен-

ности на славянскіе народы. Правда, онъ не посвящалъ себя изученію византійской исторіи съ указанною цѣлью, но тѣмъ не менѣе съ полнымъ правомъ могъ гордиться тѣмъ, что, будучи еще академикомъ, успѣлъ побудить своихъ товарищей и тогдашняго директора Академіи графа Влад. Иван. Орлова къ изданію извѣстнаго сборника, составленнаго Стриттеромъ: Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum ...incolentium, e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a I. Strittero. Petropoli 1771—4. 4 tomi in-4°. Скажемъ только, что этотъ сборникъ долгое время былъ настольною книгою для византологовъ, а равно для занимающихся исторіею Россіи и юго-востока Европы, и замѣнялъ собою подлинные малодоступные тогда тексты византійскихъ лѣтописцевъ и бытописателей. Конечно, не на Шлецера падаетъ вина, что послѣ его выхода изъ Академіи Историко-Филологическое Отдѣленіе почти на полустолѣтіе прекратило свое существованіе; тѣмъ не менѣе не задолго до возстановленія отдѣленія, а именно съ 1802 года, онъ обратился къ русскимъ историкамъ съ слѣдующимъ вызовомъ: «Византійская литература, кажется, совсѣмъ заснула въ наши дни... Кому ближе всѣхъ предлежитъ обязанность поднять эту брошенную литературу, какъ не русскому ученому...», и наконецъ въ 1805 году Шлецеръ же вызывалъ русскихъ историковъ на изученіе византійской исторіи, говоря: «Въ прекрасной исторіи византійской еще необыкновенно много работы; восполнить этотъ недостатокъ кому ближе, какъ не русскому историку?».

«Эти воззванія не остались безъ отклика, особенно послѣднее. Благодаря имъ, академикъ Кругъ, въ началѣ своей академической дѣятельности, взялся за провѣрку хронологическихъ данныхъ русскихъ лѣтописей. Результатомъ этого было его сочиненіе о византійской хронологіи IX и X вѣковъ [1]). Въ то же время, а именно въ 1809 г., Академія, по представленію Круга, предложила на соисканіе тему о полной византійской хронологіи. Что уже тогда въ ученомъ мірѣ былъ возбужденъ интересъ къ занятіямъ византійскою исторіею, видно изъ того, что въ отвѣтъ на академическую тему были поданы два рукописныхъ сочиненія, и если ни одно изъ нихъ не могло быть увѣнчано наградою, то только потому, что академическіе рецензенты, Кругъ и Лербергъ, представившіе въ 1811 году свои отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, предъявляли для тогдашняго времени слишкомъ высокія, невозможныя почти требованія. Только этимъ и можно объяснить, что повторенная академическая тема осталась безъ отвѣта. Но нельзя не упомянуть о томъ, что самимъ Кругомъ въ 1812 г. сдѣлано было весьма важное открытіе, состоявшее въ указаніи на рукописный Себакинскій хронографъ, какъ на одинъ изъ главнѣй-

1) Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. Von Philipp Krug. Herausgegeben von der Kais. Academie der Wissenschaften. St. Pet. 1810. См. стр. VIII предисловія Круга.

шихъ источниковъ Никоновской лѣтописи [1]). Вскорѣ послѣ этого и московскіе археографы стали обращать вниманіе любителей отечественной исторіи на старинные переводы византійскихъ лѣтописей и хронографовъ. Именно эти хронографы, гдѣ встрѣчается много дополненій и вставокъ, относящихся къ исторіи Россіи, болгаръ, сербовъ и другихъ народовъ юго-восточной Европы, дали Академіи ближайшій поводъ объявить въ 1849 г. тему по византійской хронографіи съ 395 по 1056 г. на соисканіе преміи. Какъ Академія смотрѣла на выполненіе этой задачи г. Муральтомъ, изложено въ концѣ предисловія къ его труду (pag. XXX—XXXII), напечатанному на иждивеніе Академіи подъ заглавіемъ: Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395—1057. St. Pét. 1855. Не смотря, однако, на всѣ недостатки этого «Опыта», экземпляры его были распроданы полностью въ непродолжительномъ времени. Вторая часть, обозрѣвающая событія въ хронологическомъ порядкѣ съ 1057 до 1453 г., напечатана была (въ 1871 году) самимъ Муральтомъ, при пособіи отъ нашей Академіи, въ чемъ она, по справедливому замѣчанію ея президента, графа Ѳ. П. Литке, и не могла отказать г. Муральту. Считаемъ не неумѣстнымъ замѣтить здѣсь, что Крумбахеръ въ своей замѣчательной Geschichte der byzantinischen Literatur (München 1891, на стр. 28) не совсѣмъ ясно представилъ отношенія г. Муральта къ нашей Академіи, хотя признаетъ, что слабый «Опытъ» Муральта остается до сего времени «unentbehrlich».

«И такъ, прошло почти цѣлое столѣтіе съ того времени, какъ наша Академія стала сознавать необходимость поставить на твердую научную почву византійскую хронологію, между прочимъ и въ интересахъ выясненія многихъ вопросовъ русской исторіи нерѣдко первостепенной важности. Въ этихъ видахъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ Академія и принимала кое-какія мѣры къ достиженію этой цѣли.

«Но мѣрами этими ограничиться нельзя, тѣмъ болѣе, что ими достигнуто весьма немногое. Нынѣ требованія научной обработки исторіи стали гораздо выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ количество хронологическаго матеріала возрасло до такихъ размѣровъ, о которыхъ 50 лѣтъ тому назадъ нельзя было себѣ и составить яснаго представленія. Вотъ почему мы предлагаемъ Академіи возвратиться опять къ намѣченнымъ прежде задачамъ, согласовавъ ихъ съ современными требованіями науки. Одною изъ первыхъ задачъ византологіи и связанныхъ съ ней наукъ является собираніе точныхъ свѣдѣній и опредѣленіе—по возможности—хронологическое дошедшихъ до насъ византійскихъ грамотъ, писемъ и другого рода актовъ, число которыхъ доходитъ до цѣлыхъ тысячъ. Въ

1) Ueber einen handschriftlichen Chronograph in der Bibliothek der Eremitage, als eine von den Quellen der Nikonschen Chronik in der akademischen Bibliothek. Ein Beitrag zur Kritik der russischen Jahrbücher. (Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Von Philipp Krug. Erster Theil. Pet. 1848, p. 86—10; см. стр. 109).

этомъ представляется насущная необходимость, дабы дать возможность ученымъ стараго и молодого поколѣнія оріентироваться въ массѣ документовъ и облегчить пользованіе ими; иначе говоря, необходимъ трудъ, который хотя бы нѣсколько могъ соотвѣтствовать «Regesta pontificum romanorum», издаваемымъ при содѣйствіи прусскаго правительства и Берлинской Академіи Наукъ [1]). Такого рода трудомъ наша Академія оказала бы громадную услугу наукѣ.

«Чтобы положить начало этому дѣлу и дать ему ходъ, мы просимъ Отдѣленіе уполномочить насъ поручить эту работу магистранту здѣшняго университета Бор. Мих. Меліоранскому, назначивъ ему гонораръ въ теченіи трехъ лѣтъ, по 600 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги ассигновались изъ суммы, назначаемой по Академіи на ученыя предпріятія въ 1894, 1895 и 1896 г.г. Мы надѣемся, что Отдѣленіе не откажетъ намъ въ нашей просьбѣ, такъ какъ до сихъ поръ никогда изъ этой суммы не испрашивалось воспособленія на занятія по исторіи. Считаемъ нужнымъ заявить, что съ нашей стороны будетъ Отдѣленію ежегодно представляемъ отчетъ о ходѣ занятій г. Меліоранскаго и ихъ результатахъ.

Сообщенія на Археологическомъ съѣздѣ въ г. Вильнѣ 1893 г. На IX Археологическомъ съѣздѣ въ г. Вильнѣ, состоявшемся въ 1893 г., были сдѣланы слѣдующія сообщенія, которыя представляютъ непосредственный интересъ для византологіи.

1. В. В. Сусловъ сдѣлалъ докладъ *«О Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ»*.

В. В. Сусловъ, представивъ вниманію Съѣзда копіи (въ натуральную величину) съ открытыхъ имъ фресокъ Мирожскаго храма и архитектурные чертежи храма, ознакомилъ собраніе прежде всего съ архитектурной стороной памятника. При выемкѣ позднѣйшихъ половъ, подъ ними былъ обнаруженъ г. Сусловымъ древній полъ и сѣдалище въ главной абсидѣ. Затѣмъ, при отбивкѣ внѣшней штукатурки, имъ найдены всѣ позднѣйшія надкладки, задѣлки древнихъ оконъ, очертанія первоначальныхъ архитектурныхъ формъ и масса другихъ данныхъ, по которымъ референтъ уяснилъ первоначальный видъ собора, относящагося къ XII ст. Типъ храма оказался совершенно сходнымъ съ греко-византійскими церквами IX—XI ст.

2. Профессоръ Н. В. Покровскій представилъ оцѣнку того-же памятника съ художественной стороны.

Построеніе Спасо-Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ

---

1) Regesta pontificum romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum 1198. Edidit Philip. Jaffé. Editionem secundam correctam et auctam auspiciis Guil. Wattenbach curaverunt S. Löwenfeld, F. Kaltenbrunner et P. Ewald. Tom. 1. 2. Lipsiae 1885—1888, in-4°.

Regesta pontificum romanorum inde ab anno 1198 ad annum 1304 edidit Augustus Potthast. Opus ab Academia litterarum Berolinensi duplici praemio ornatum ejusque subsidiis liberalissime concessis editum. Vol. 1. 2. Berolini 1874, in-4°.

имъ относится къ XII в. Одновременны съ сооруженіемъ собора и находящіяся на его внутреннихъ стѣнахъ фрески. Композиціи въ фрескахъ представляютъ собою болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ греческихъ образцовъ: типы лицъ—греческіе, костюмы—также традиціонные—византійскіе; даже уцѣлѣвшія отчасти надписи сдѣланы, повидимому, съ греческихъ образцовъ. Стиль фресокъ тотъ же самый, что въ фрескахъ нередицкихъ и староладожскихъ; это—условный, іератическій стиль мозаикъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религіозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религіозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся обще-церковному воззрѣнію на задачи религіознаго искусства. Всѣ композиціи вообще весьма удовлетворительны, типы величественны и превосходны, костюмы условны и нѣкоторые отличаются роскошью; постановка фигуръ по большей части нормальна. Самое размѣщеніе изображеній въ храмѣ носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Здѣсь различаются два цикла изображеній: въ алтарѣ и въ средней части храма.

Изъ изображеній въ алтарѣ должны быть отмѣчены: евхаристія, въ формѣ такъ называемаго литургическаго перевода тайной вечери «деисусъ», и этимасія—уготованіе престола.

Росписи средней части храма, согласно византійскому и древне-русскому обычаю, выражаютъ идею торжествующей церкви Христовой: въ зенитѣ купола—сидящій на тронѣ Спаситель, въ трибунѣ купола—апостолы и пророки, въ парусахъ сводовъ помѣщены изображенія четырехъ евангелистовъ, безъ символовъ; своды стѣны и арки росписаны сценами изъ евангельской исторіи. Но наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери, въ западной части южнаго нефа.

3. Профессоръ А. И. Кирпичниковъ прочелъ *«О палладіумѣ Константинополя»*. Сдѣлавъ историческія справки на счетъ обычая, распространеннаго въ городахъ Римской имперіи, ставить статуи Судьбы, покровительницы вновь строимыхъ городовъ, авторъ собралъ указанія источниковъ о таковой же статуѣ Судьбы въ Константинополѣ, при основаніи его поставленной императоромъ Константиномъ Великимъ и торжественно имъ освященной, равно о другихъ статуяхъ, въ томъ же значеніи позже воздвигавшихся. Къ обзору свѣдѣній по этому предмету (на основаніи статьи Стржиговскаго) референтъ присоединилъ народныя византійскія преданія разныхъ временъ о Константиновомъ палладіумѣ, и показалъ, какъ постепенно значеніе прежнихъ статуй покровительницъ Царяграда получили статуи императоровъ Константина и Юстиніана, о коихъ говорятъ съ удивленіемъ наши русскіе и западно-европейскіе путешественники, посѣщавшіе Царьградъ. Авторъ заключилъ свой рефератъ обращеніемъ къ русскимъ ученымъ поискать, нѣтъ ли указаній въ

русскихъ источникахъ на какой нибудь подобный же обычай въ древней Руси. Докладчику отвѣчали Ѳ. И. Успенскій и Д. И. Иловайскій. Первый изъ нихъ обратилъ вниманіе на аналогичныя указанія другихъ литературныхъ источниковъ Византіи, высказывающихъ ту же самую вѣру въ значеніе палладіумовъ-статуй при разныхъ историческихъ случаяхъ, напр., при взятіи Царяграда крестоносцами, при нашествіяхъ варваровъ и т. п. Д. И. Иловайскій указалъ, что въ старой Руси значеніе покровителей городовъ имѣли каѳедральные храмы и священныя, особенно чтимыя изображенія въ нихъ, какъ напримѣръ св. Софія въ Кіевѣ съ ея иконой Богоматери—Нерушимой стѣны, и св. Софія въ Новгородѣ съ изображеніемъ Спасителя со сжатою десницей, содержащей судьбу Великаго Новгорода. Такимъ образомъ древняя Русь своеобразно ставила этотъ вопросъ; она имѣла свои священные палладіумы, съ коими связывалась судьба того или другого города, по народнымъ понятіямъ.

4. Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе: «*Вопросъ о Готахъ*».

Въ виду безуспѣшности попытокъ разъясненія этнографіи Южной Россіи и придунайскихъ областей съ точки зрѣнія изученія скиѳскаго вопроса, референтъ разсматриваетъ, какъ счастливый шагъ въ наукѣ, то обстоятельство, что въ послѣднее время сталъ выдвигаться съ особенной настойчивостью готскій вопросъ. Важность изученія готовъ сознается археологами и филологами; къ готскому вопросу въ послѣдніе годы обратился знаменитый Моммзенъ, поставившій на очередь вопросъ о готскихъ военныхъ учрежденіяхъ. — Указавъ въ краткихъ чертахъ историческое значеніе готовъ въ IV и V вв., особенно въ исторіи восточной имперіи, референтъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что готамъ нѣкогда принадлежала самая выдающаяся роль, что въ рукахъ ихъ были судьбы Востока и Запада. Императоръ Ѳеодосій I далъ имъ громадныя преимущества въ имперіи и думалъ создать въ нихъ оплотъ противъ новыхъ враговъ. Въ теченіе V-го вѣка высшія военныя и гражданскія мѣста принадлежали готамъ (Аспаръ и Ардабурій). Съ этого времени готы обнаруживаютъ вліяніе на учрежденія Византійской имперіи. Прежде всего важно выяснить ихъ военную роль. Здѣсь референтъ обращаетъ вниманіе на *готскую дружину* и въ извѣстіяхъ византійскихъ писателей усматриваетъ дополнительныя черты къ характеристикѣ германскаго comitatus (Германія Тацита, гл. XIII и XIV); германскій дружинный бытъ выясняется широкими чертами у византійскихъ писателей (термины φοιδεράτος, δορυφόρος, ὑπασπιστής, παῖδες и проч.); о громадномъ наплывѣ германскаго (готскаго) элемента въ Константинополь говорятъ I. Антіохійскій, Синезій и др. Характеризуя готскую дружину, референтъ разобралъ извѣстія о Ѳеодорикѣ, сынѣ Тріарія. — Обращаясь къ главнымъ источникамъ для этнографіи IV и V-го вѣка, Марцеллину и Іорнанду, референтъ показалъ, что сообщаемыя у нихъ данныя по этнографіи находятъ себѣ объясненіе въ дружинномъ бытѣ, и именно въ сбродномъ, смѣшанномъ характерѣ дружины.—Готскія занятія могутъ пролить свѣтъ

и на древности славянскія, а можетъ быть и русскія. Здѣсь референтъ 1) напомнилъ о теоріи готскаго происхожденія имени Русь и объ имени Rosomanorum gens у Іорнанда; 2) указалъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ къ готамъ, иллюстрируя свою мысль слѣд. мѣстомъ: ὁ δὲ Ἀρεοβίνδος ἐβάσταζε καὶ σωκάρην κατὰ τὸ γοτθικὸν ἔθος; 3) сослался на имя Ὄστρυς или Ὄστρους (comes въ дружинѣ Аспара) и доказывалъ, что славяне вступали въ германскія дружины; наконецъ, 4) привелъ мѣсто изъ Θеофана, изъ котораго видно, что ὁδὸς Τραϊανοῦ (путь Трояновъ) есть реальный фактъ, и замѣтилъ, что древнія свѣдѣнія о Дунаѣ и Трояновомъ пути могли быть перенесены въ Россію дружинниками.

Рефератъ проф. Успенскаго вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній.

М. С. Корелинъ возразилъ противъ сравненія готовъ съ кельтами въ судьбахъ европейской исторіи. О готахъ нельзя сказать того же, что о кельтахъ. Послѣдніе дѣйствительно не создали ни одного государства; что же до готовъ, то ихъ государства имѣли свою исторію въ древности, а въ Испаніи готы были главнымъ элементомъ государственнаго единства.

Д. И. Иловайскій указалъ на то, что въ сообщеніи Θ. И. Успенскаго не были помянуты факты, которые связываютъ готскій вопросъ съ русской исторіей. По вопросу о дружинѣ, Д. И. Иловайскій высказывался за однородность ея состава и возражалъ на замѣчаніе референта, будто каждый храбрый человѣкъ могъ собрать дружину и стать королемъ; аристократическое начало было гораздо сильнѣе во внутреннемъ строѣ готскаго племени, какъ и у другихъ германцевъ.

В. Г. Васильевскій соглашался во взглядѣ на дружину съ Д. И. Иловайскимъ, замѣтивъ, что дружины были немногочисленны и опредѣленной роли въ историческомъ развитіи имѣть не могли. Что касается до gens Rosomanorum, поминаемой у Іордана, то это было, по всей вѣроятности, кавказское племя. Одинъ изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ знаетъ это имя.

5. Х. И. Поповъ предложилъ рефератъ о томъ: «*Гдѣ находилась хозарская крѣпость Саркелъ*». Припомнивъ данныя о Саркелѣ или Бѣлой Вѣжѣ на Дону, находящіяся въ начальной русской лѣтописи и у византійскихъ писателей, референтъ обратился къ разслѣдованію вопроса о мѣстности города, причемъ свелъ и разобралъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей по этому вопросу. Эти мнѣнія раздѣляются: по однимъ Саркелъ находился приблизительно на переволокѣ между Дономъ и Волгой, около Качалинской станицы; по другимъ мѣстность Саркела слѣдуетъ искать въ направленіи болѣе южномъ внизъ по Дону, именно тамъ, гдѣ нынѣ станица Цымлянская, гдѣ находятся городища съ развалинами какихъ-то древнихъ построекъ. Референтъ привелъ обстоятельныя данныя по изслѣдованію этихъ городищъ и развалинъ разными лицами и учеными обществами въ прошломъ вѣкѣ и особенно въ нынѣшнемъ; нѣсколько археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ Цымлянскихъ городищахъ, были представлены имъ налицо для обозрѣнія присутствующими членами;

но референтъ не рѣшается сказать опредѣлительно: суть ли Цымлянскія городища остатки древняго Саркела, или иного неизвѣстнаго по имени города.

Въ отвѣтъ референту, Н. И. Веселовскій сообщилъ нѣсколько личныхъ наблюденій надъ Цымлянскими городищами и археологическими находками въ нихъ: до сихъ поръ, по его мнѣнію, тамъ ничего не найдено такого, что свидѣтельствовало бы собственно о хозарахъ, какъ владѣтеляхъ города; проф. Веселовскій напомнилъ также о мнѣніи В. Б. Антоновича, высказанномъ на Одесскомъ Археологическомъ съѣздѣ, что Цымлянское городище — христіанское. Ѳ. И. Успенскій утверждалъ свое прежнее воззрѣніе, что Саркелъ есть крѣпость византійская, построенная византійскими инженерами отнюдь не въ пользу хозаръ, а противъ нихъ самихъ, какъ враговъ имперіи. Но Д. И. Иловайскій высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Саркелъ, по прямому извѣстію византійскихъ источниковъ, былъ построенъ византійскими инженерами, по просьбѣ хозаръ, не всегда враговъ, но часто и союзниковъ греческой имперіи; построеніе этого города было вызвано съ ихъ стороны стратегическими соображеніями, какъ крѣпости противъ кочевниковъ и противъ русскихъ, ходившихъ изъ Кіева въ Прикаспійскій край какъ разъ по пути къ Саркелу, который и разрушенъ былъ ими, какъ препятствіе на ихъ пути въ восточныя страны. Нѣтъ нужды дѣлать натяжку, то есть искать Саркела къ югу отъ Переволоки между Дономъ и Волгой; что же касается Цымлянскаго городища, то оно представляетъ остатки какого-то другого, пока неизвѣстнаго по имени города. Въ заключеніе Д. И. Иловайскій высказалъ, что онъ не видитъ надобности въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи на счетъ мѣстоположенія Саркела; по его убѣжденію, по всѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ, хозарская крѣпость Саркелъ находилась именно въ мѣстности переволоки на Дону, тамъ гдѣ онъ всего больше сближается съ Волгой. Пренія закончились замѣчаніемъ С. Е. Звѣрева, который обратилъ вниманіе на обстоятельное разслѣдованіе г. Веневитинова, гдѣ хорошо разъясняется путь митрополита Пимена въ предѣлахъ воронежскаго края и его извѣстіе о видѣнныхъ имъ остаткахъ города Саркела.

6. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: *«Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ?»*.

Романъ Сладкопѣвецъ — авторъ особыхъ пѣснопѣній, называемыхъ кондаками, которыя отчасти сохранились до сихъ поръ и употребляются въ православной церкви. Ему принадлежитъ рождественскій кондакъ «Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ» и умилительныя строфы, которыя поются въ началѣ поста: «Душе моя, душе моя, возстани» и т. д. Въ подлинникѣ на греческомъ языкѣ эти гимны имѣли особый стихотворный размѣръ, называемый тоническимъ и основанный на количествѣ слоговъ и удареніи, въ отличіе отъ метрическаго, который господствовалъ первоначально и въ христіанской гимнографіи, унаслѣдованъ отъ

классической поэзіи и былъ основанъ на количествѣ слоговъ. Именно Романъ Сладкопѣвецъ былъ тѣмъ церковнымъ поэтомъ, который, если не былъ изобрѣтателемъ, то доставилъ торжество новой формѣ стихосложенія. Законы этого стихосложенія впервые открыты были знаменитымъ кардиналомъ Питрою (Pitra), при помощи рукописей московской синодальной библіотеки и одного древняго сборника, которымъ онъ получилъ возможность пользоваться въ С.-Петербургѣ (кард. Питра былъ отправленъ папою на коронацію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II). Съ тѣхъ поръ ученые нѣмецкіе, французскіе и англійскіе стали весьма усердно заниматься вопросомъ о происхожденіи и складѣ греческой церковной пѣсни. При этомъ имя Романа получило большую славу и въ западной наукѣ. Православная церковь всегда высоко почитала его поэтическое одушевленіе и причислила его къ лику святыхъ. Въ настоящее время извѣстный нѣмецкій византинистъ, Крумбахеръ, авторъ недавно появившейся исторіи Византійской литературы, готовящій полное изданіе гимновъ Романа по рукописямъ острова Патмоса, болѣе полнымъ, чѣмъ тотъ сборникъ, которымъ прежде пользовался Питра, и который послѣ былъ палеографически изданъ архимандритомъ (впослѣдствіи епископомъ) Амфилохіемъ,—выражается о Романѣ такъ: «по поэтическому дарованію, жару, одушевленію, глубинѣ чувства и возвышенности языка онъ превосходитъ всѣхъ другихъ греческихъ пѣснопѣвцевъ. Исторія литературы въ будущемъ будетъ прословлять его, какъ величайшаго церковнаго поэта всѣхъ временъ».

До сихъ поръ не рѣшеннымъ остается вопросъ о времени, когда жилъ Романъ. Мы имѣемъ только краткое сказаніе объ его жизни—въ формѣ синаксаря. Отсюда видно, что онъ былъ родомъ изъ Сиріи, былъ діакономъ въ Бейрутѣ, прибылъ въ Константинополь при *императорѣ Анастасіи*, поступилъ въ клиръ церкви Богоматери; сначала онъ ничѣмъ не выдавался, напротивъ, подвергался насмѣшкамъ и былъ въ пренебреженіи у товарищей; но однажды послѣ горячей молитвы онъ увидѣлъ во снѣ Богородицу, которая вручила ему *свитокъ* и велѣла проглотить его; проснувшись онъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; когда дошла до него очередь пѣть, онъ вышелъ и пропѣлъ вмѣсто прежней обычной пѣсни новую, именно «Дѣва днесь», такъ какъ это былъ праздникъ Рождества.—Вопросъ въ томъ—какого нужно разумѣть Анастасія?

Было два Анастасія—одинъ ранѣе Юстина и Юстиніана, отъ 491 по 518 г., другой незадолго до начала иконоборства, отъ 713—716 г. Русскіе ученые, съ преосв. Филаретомъ во главѣ, безъ дальнихъ разсужденій принимали Анастасія перваго; за Анастасія перваго стоялъ и Питра, хотя не безъ колебаній; другіе склонялись въ сторону позднѣйшей даты. Казалось неестественнымъ, чтобы тотъ родъ поэтическаго творчества, котораго лучшимъ и наиболѣе высокимъ представителемъ является Романъ, такъ рано и такъ внезапно достигъ самой совершенной формы. Съ этой точки зрѣнія удобнѣе было ставить Романа ближе къ эпохѣ иконобор-

ства, послѣ патріарха Сергія, автора знаменитаго Акаѳиста Богоматери (составленнаго около 622 года), и другихъ представителей того-же рода произведеній. Референтъ сообщилъ нѣсколько соображеній, высказанныхъ преимущественно французомъ Bouvy (Буви), авторомъ книги: Poètes et mélodes 1883, нѣмцемъ Якоби (Jakobi): Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes и англичаниномъ Стифенсономъ, библіотекаремъ Ватиканской библіотеки—въ пользу позднѣйшей даты, и показалъ слабость основаній, на которыхъ покоится аргументація этихъ ученыхъ. Впрочемъ, положеніе вопроса хорошо изложено у Крумбахера, который болѣе склоняется на сторону Анастасія I.

Референтъ полагаетъ, что ему удалось найдти прямое и положительное свидѣтельство, рѣшающее вопросъ. Оно находится въ подробномъ сказаніи о чудесахъ св. Артемія, которое доселѣ не издано въ греческомъ подлинникѣ, но недавно напечатано Археографическою Коммиссіею въ Макарьевскихъ Минеяхъ за *Октябрь*. Подробное сказаніе о чудесахъ при храмѣ Артемія въ Константинополѣ, весьма интересное по многимъ чертамъ быта и по даннымъ для топографіи Царьграда, носитъ явные признаки времени своего происхожденія. Оно написано было ранѣе иконоборства, но послѣ Маврикія и Ираклія. Объ одномъ изъ чудесъ прямо сказано, что оно совершилось въ такой-то годъ правленія Константина Погоната, годъ, соотвѣтствующій 685 году. Восемнадцатое чудо (всѣхъ 34) посвящено любопытной повѣсти объ одномъ юношѣ, который особенно почиталъ Іоанна Предтечу: «нѣкто пребывая во всенощномъ пѣніи Предтеча отъ млада возраста, поя стихы иже во святыхъ мудраго Романа» и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ VII вѣка Романъ уже считался святымъ (ибо авторъ сказанія писалъ въ это время) и что въ царствованіе Ираклія, къ которому прямо отнесено событіе, его произведенія хорошо были извѣстны. Такъ какъ правленіе Ираклія относится къ началу VII вѣка, то, очевидно, Романа нужно относить ко времени Анастасія I. Слѣдуетъ прибавить, что въ изданіи Амфилохія можно отыскать и самые кондаки Романа въ честь Предтечи.

По поводу реферата В. Г. Васильевскаго Н. И. Троицкій замѣтилъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе языка и размѣра пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца къ греческому переводу библейскихъ пѣсней, съ текстомъ которыхъ они имѣютъ очевидное сходство (пѣснь Анны, матери Самуила и др.), дабы объяснить такое выдающееся явленіе, которое представляетъ поэзія гимновъ Романа Сладкопѣвца, не имѣвшаго себѣ предшественниковъ въ риѳмическомъ построеніи гимновъ.

Годъ перваго нашествія русскихъ на Константинополь. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества 6 марта 1894 г. В. Г. Васильевскій сдѣлалъ сообщеніе: «Годъ, мѣсяцъ и число перваго нашествія Руси на Константинополь». В. Г. Васильевскій указалъ въ своемъ рефератѣ на вновь найденный источникъ для точнаго датированія похода Аскольда и Дира; этотъ походъ, на основаніи изслѣ-

дованія академика А. А. Куника и объясненія имъ нашей первоначальной лѣтописи, относился къ 865 году, но проф. Голубинскій впервые сомнѣвался въ правильномъ пониманіи г. Куникомъ показаній источниковъ и высказалъ предположеніе, что походъ слѣдуетъ отнести къ 860 году. Въ настоящее время профессоръ Гентскаго университета, Fr. Cumont, издалъ сохранившійся въ брюссельской библіотекѣ памятникъ византійской литературы XI—XIII вв., въ видѣ сборника, заключающаго въ себѣ хронику Манассіи, списокъ императоровъ римскихъ и списокъ императоровъ византійскихъ, съ краткими замѣчаніями о событіяхъ при каждомъ изъ нихъ. При имени императора Михаила здѣсь встрѣчается важное замѣчаніе о нашествіи Руси, случившемся 18-го іюня 860 года. На основаніи этого сообщенія и по сопоставленіи и тщательномъ сличеніи его со свѣдѣніями другихъ источниковъ, В. Г. Васильевскій наглядно доказалъ неосновательность мнѣнія А. А. Куника и окончательно относитъ походъ Аскольда и Дира на Константинополь къ 860 году. Сообщеніе проф. Васильевскаго будетъ напечатано въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Византійскаго Временника».

О трудахъ болгарскаго архіепископа Димитрія Хоматіана. Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества при Имп. Харьковскомъ Университетѣ 8 марта 1894 г. проф. М. С. Дриновъ прочелъ рефератъ: «О недавно изданныхъ, по мюнхенскому списку, трудахъ болгарскаго архіепископа Димитрія Хоматіана». Указавъ въ общихъ чертахъ на значеніе трудовъ Хоматіана для канонистовъ, историковъ и этнографовъ, референтъ остановился на анализѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) архіепископствованіе Димитрія Хоматіана началось не раньше 1214 г., а окончилось не раньше 1233 г.; 2) письмо Хоматіана къ великому жупану сербскому писано не въ концѣ XII вѣка, а около 20-ти лѣтъ позже, и находится въ непосредственной связи съ дѣломъ учрежденія сербской архіепископіи; 3) каноническіе отвѣты Хоматіана писаны не для Стефана Первовѣнчаннаго, какъ принято думать, а для его сына и преемника, короля Стефана Радослава Дука. Ему же адресовано и другое письмо Хоматіана къ сербскому королю. По мнѣнію проф. Дринова, письма эти имѣютъ важное историческое значеніе, проливая новый свѣтъ на внутреннія дѣла Сербіи и на ея отношенія къ Эпирскому деспотству, а также на отношенія послѣдняго къ Никейской имперіи. Рефератъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Виз. Врем.». (См. Харьков. Вѣдом. 1894 г., № 65).

Объ учрежденіи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Высочайше утвержденнымъ 23 мая 1894 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено учредить въ Константинополѣ Русскій Археологическій институтъ, съ отпускомъ на его содержаніе по 12.000 р. золотомъ въ годъ, считая съ 1 іюля сего 1894 года. Въ слѣдующей книжкѣ «Византійскаго Временника» мы сообщимъ уставъ и штатъ института, удостоившіеся того же числа Высочайшаго утвержденія. Новому

институту, который долженъ служить однимъ изъ главныхъ центровъ изученія византійской археологіи и исторіи на Востокѣ, мы отъ души желаемъ блестящаго преуспѣянія!

Архимандритъ Антонинъ †. 24 марта скончался въ Іерусалимѣ на 78 году отъ рожденія настоятель русской духовной миссіи, архимандритъ Антонинъ (въ мірѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ), извѣстный своими изслѣдованіями по церковной археологіи и исторіи. Покойный, сынъ священника Пермской губ., родился въ 1817 г., образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, которую окончилъ въ 1843 г. со степенью магистра богословія. Пробывши семь лѣтъ бакалавромъ при академіи и принявъ въ 1845 г. монашество, Антонинъ въ 1850 г. перешелъ въ Аѳины на должность настоятеля русской посольской церкви, оттуда въ 1860 г. въ Константинополь на ту же должность и, наконецъ, въ 1865 г. въ Іерусалимъ начальникомъ духовной миссіи. Въ Аѳинахъ, Константинополѣ и Іерусалимѣ покойный предался изученію памятниковъ христіанской древности и сдѣлалъ нѣсколько весьма важныхъ открытій и изслѣдованій, плодомъ чего явились его научныя статьи въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. Изъ этихъ статей замѣчательны слѣдующія: О христіанскихъ древностяхъ Греціи (Ж. Мин. Нар. Пр. 1854 г.), О раскопкахъ внутри Аѳинской Россійско-Посольской Церкви (Изв. Имп. Русск. Арх. Общ. 1860 г.), Замѣтки XII—XIV вв., относящіяся къ крымскому городу Сугдеѣ (Зап. Одесск. Арх. Общ., т. V, 1863 г.), Акты патріархата Константинопольскаго, относящіеся къ Крыму (тамъ же, т. VI, 1865 г.), О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ, Спб. 1874 г. Изъ другихъ многочисленныхъ сочиненій замѣчательны описанія его путешествій, богатыя цѣнными замѣтками по археологіи, исторіи и географіи. Таковы напр. Замѣтки поклонника Св. Горы (Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1861—63 гг.), Поѣздка въ Виѳинію (Христ. Чт. 1862—63), Пять дней на Св. Землѣ (Душеполезное Чтеніе 1866 г.), Отъ Босфора до Яффы (Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1868 г.), Записки Синайскаго богомольца (Труды Кіев. Дух. Акад. 1871, 1872, 1873 г.г.), Поѣздка въ Румелію. Спб. 1879 г., Изъ Румеліи. Спб. 1886 г., и др. Кромѣ того архимандритъ Антонинъ оставилъ описаніе греческихъ рукописей въ подворьѣ Св. Гроба въ Константинополѣ и описаніе рукописей библіотеки монастыря Св. Екатерины на Синаѣ, хотя эти описанія къ сожалѣнію и остаются до настоящаго времени неизданными. Состоя начальникомъ русской миссіи въ Іерусалимѣ Антонинъ очень много сдѣлалъ для облегченія пребыванія русскихъ поклонниковъ на Св. Землѣ. Во время своихъ путешествій и занятій арх. Антонину удалось открыть и собрать много древнихъ рукописей, особенно греческихъ и славянскихъ, а также не мало предметовъ старины, относительно которыхъ онъ оставилъ слѣдующее завѣщаніе: составленный имъ на востокѣ богатый археологическій музей передать въ пользу русской миссіи въ Іерусалимѣ, замѣчательный и единственный въ своемъ родѣ бюстъ Ирода Великаго переслать въ Императорскій С.-Петербург-

скій Эрмитажъ, а собраніе древнихъ рукописей предоставить Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ за сумму не менѣе 5000 р., съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя отъ этой продажи, употребить на построеніе православной церкви въ г. Анкирѣ, гдѣ пострадалъ мученикъ, имя котораго онъ носилъ.

Константинъ Калліадисъ †. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Константинополѣ скончался бывшій предсѣдатель Эллинскаго Филологическаго Силлогоса, Константинъ Калліадисъ-бей. Покойный родился въ 1825 г., окончилъ курсъ въ «великой національной школѣ» въ Константинополѣ и подъ руководствомъ Васіадиса отправился въ Парижъ, гдѣ въ теченіи 5 лѣтъ изучалъ право. По возвращеніи въ Константинополь Константинъ Калліадисъ поступилъ на оттоманскую службу, былъ назначенъ консуломъ въ Палермо, а впослѣдствіи занималъ должность въ Константинополѣ. Въ 1879 г. Вселенскій Патріархъ назначилъ его Великимъ Риторомъ церкви. — К. Калліадисъ въ 1861 г. былъ однимъ изъ основателей Эллинскаго Филологическаго Силлогоса въ Константинополѣ, который стоитъ во главѣ всего умственнаго, литературнаго и филологическаго греческаго движенія въ Турціи, а также въ Педагогическомъ Совѣтѣ, впослѣдствіи въ 1870 г. соединенномъ съ Силлогосомъ. Съ 1874 г. К. Калліадисъ восемь разъ состоялъ предсѣдателемъ Силлогоса, въ которомъ часто дѣлалъ сообщенія по области византійской литературы, археологіи, исторіи и филологіи. По части византологіи наиболѣе извѣстно сообщеніе его объ Аннѣ Комниной и другія статьи, напечатанныя въ изданіи Силлогоса.

Василій Карловичъ Надлеръ †. 31 марта скончался въ Одессѣ профессоръ Новороссійскаго университета Василій Карловичъ Надлеръ. Покойный родился въ 1841 году и высшее образованіе получилъ на историко-филологическомъ факультетѣ Харьковскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, и затѣмъ въ теченіи болѣе 25 лѣтъ занималъ должность доцента и профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ Новороссійскій университетъ, гдѣ три года читалъ лекціи всеобщей исторіи, соединяя съ званіемъ профессора должность декана историко-филологическаго факультета. Изъ историческихъ трудовъ В. К. Надлера назовемъ: Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка. Харьковъ, 1864 г.; Адальбертъ Бременскій, правитель Германіи, въ молодые годы Генриха IV. Харьковъ, 1867 г.; Культурная жизнь Арабовъ въ первые вѣка Геджиры (622—1100 гг.) и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ. Харьковъ, 1869 г.; Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи. Харьковъ, 1876 г.; Меттернихъ и европейская реакція. Харьковъ, 1882 г.; Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза, Харьковъ, 1886—1888 гг., 4 тома.

К. Э. Цахаріэ-фонъ-Лингенталь †. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года предстоялъ 60-лѣтній докторскій юбилей знаменитаго германскаго византо-

лога Карла Эдуарда Цахаріэ-фонъ-Лингенталь. Императорская Академія Наукъ уже напечатала-было адресъ въ честь своего долголѣтняго члена-корреспондента, но 82-лѣтнему ученому не было суждено праздновать этотъ юбилей. Смерть, послѣдовавшая 22 мая (3 іюня), внезапно положила предѣлъ его неутомимой дѣятельности. Въ слѣдующей книжкѣ «Византійскаго Временника» мы сообщимъ біографію этого замѣчательнаго изслѣдователя византійскаго права.

В. Р.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

σελ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασίλιεφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ἑκάστου τούτων ἀποτελουμένου ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Πᾶσα αἴτησις περὶ ἐκδόσεως, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

C. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsberger Strasse 20, Leipzig.

Ἐν Ἀνατολῇ προμηθεύεται τὸ περιοδικὸν διὰ τῶν ἑξῆς βιβλιοπωλῶν:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶ.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ ὄπισθεν σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь, 1894 г. Непремѣнный Секретарь *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., № 12.

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΡΩΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Β'

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

при

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

подъ редакціею

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Регеля**

Ординарнаго Академика. — Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ I.

ВЫП. 2.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14. | Leipzig. C. Ricker, Königsberger Str. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

ОТДѢЛЪ I.

О начальной исторіи Арменіи Анонима.

Къ вопросу объ источникахъ исторіи Моисея Хоренскаго.

По поводу критическихъ статей проф. А. Carrière'а.

'tis no sin for a man
to labour in his vocation.
Sir John Falstaff.

Французскій ученый A. Carrière последніе годы печатаетъ критическія замѣтки объ Исторіи М. Хоренскаго. Гутшмидъ лѣтъ 20 тому назадъ (1876 г.) доказывалъ несостоятельность Исторіи Хоренскаго: французскій ученый въ качествѣ армениста принимаетъ безъ оговорки отрицательные выводы нѣмецкаго критика какъ доказанные, такъ гипотетичные. Въ полномъ убѣжденіи, что главное дѣло сдѣлано, A. Carrière занимается подробностями. Въ брошюрѣ, выпущенной имъ въ 1891 году подъ заглавіемъ Moïse de Khoren et les Généalogies patriarcales (Paris, армянскій переводъ въ Հանդէս., 1891, p. 273 и др.), онъ обстоятельно доказываетъ, что М. Хоренскій впервые намѣренно, для оправданія своего мнѣнія, въ родословную Хама и Іафета въ качествѣ первородцевъ вводитъ Местраима и Ѳираса; а такъ какъ, ссылаясь на Марабаса [какъ увидимъ, Псевдо-Марабаса или Псевдо-Марабу], Хоренскій въ соотвѣтствіи Ѳирасу называетъ Сираѳа, представляющаго простую анаграмму библейскаго имени, то, очевидно, Марабасъ и Хоренскій лица весьма близкія другъ другу, это два имени одного и того же лица. Отсюда довольно плачевное, хотя и умалчиваемое Carrière'омъ, заключеніе насчетъ добросовѣстности Хоренскаго: историкъ неоднократно заявляетъ по поводу генеалогіи па-

тріарховъ, что онъ пишетъ такъ, какъ нашелъ въ своихъ источникахъ: «Өираса четвертымъ отъ Ноя не оказывается въ нашемъ переводѣ Библіи..., но мы нашли въ такомъ именно мѣстѣ у одного мудраго начитаннаго сирійца, и намъ это показалось достойнымъ вѣры». Но такія оправданія Хоренскаго остаются безъ вниманія или на нихъ отвѣчаютъ краткой французской поговоркой, сказанной еще Гутшмидомъ въ отношеніи Хоренскаго, — qui s'excuse, s'accuse.

83 и 88 глава второй книги М. Хоренскаго занимаютъ первое мѣсто (р. 1—31) въ серіи статей, печатавшихся А. Carrière'омъ въ журналѣ Вѣнскихъ Мехитаристовъ, на франц. съ арм. переводомъ, и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Études critiques par A. Carrière, professeur à l'école des langues orientales vivantes, directeur-adjoint à l'école des hautes études, Vienne 1893, p. 56. Названныя главы труда М. Хоренскаго посвящены исторіи Константина Великаго; совершенно невѣрныя свѣдѣнія о Константинѣ и отношеніяхъ Лицинія къ нему оказываются весьма сходными съ тѣмъ, что разсказывается съ одной стороны въ Житіи папы Сильвестра, съ другой — въ Житіи св. Василія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпаденіе самихъ текстовъ поразительное. Въ армянскомъ оказываются промахи, обусловливаемые тѣмъ, что онъ зависитъ отъ греческаго оригинала. A. Carrière однако не думаетъ, чтобы М. Хоренскій зависѣлъ непосредственно отъ acta S. Basilei, въ оригиналѣ или переводѣ. Ему кажется болѣе вѣроятнымъ, что Хоренскій пользовался армянскимъ переводомъ Церковной Исторіи Сократа, который обогащенъ значительными вставками. Къ числу такихъ вставокъ относится между прочимъ и *Житіе* папы Сильвестра, которымъ начинается армянскій переводъ Сократа. Такимъ образомъ для 83 и 88 главъ II книги, отчасти и 89, М. Хоренскій пользовался бы готовымъ матеріаломъ, собраннымъ въ армянскомъ переводѣ Церковной Исторіи Сократа. Фактическая сторона дѣла въ главныхъ чертахъ какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, особливо по вопросу о выселеніи Хананеевъ въ Африку, о чемъ будетъ еще рѣчь, была извѣстна съ давнихъ поръ, со времени перваго перевода Исторіи Хоренскаго въ 1736 году на латинскій языкъ; но французскому ученому принадлежитъ несомнѣнная заслуга въ постановкѣ вопросовъ ребромъ, требующей категорическаго отвѣта или въ томъ, или въ другомъ смыслѣ, или указанныя свѣдѣнія вопреки извѣстнымъ даннымъ могли быть доступны армян-

скому писателю еще въ пятомъ вѣкѣ, или М. Хоренскій жилъ значительно позднѣе. A. Carrière послѣдняго мнѣнія: онъ ссылается на армянскій текстъ Исторіи Сократа, который, судя по рукописнымъ записямъ, переведенъ въ самомъ концѣ седьмого вѣка; ссылается на интерполяцію изъ Житія папы Сильвестра, которая, какъ думаетъ A. Carrière, за армянскимъ историкомъ прошлаго столѣтія Чамчяномъ, произошла уже на армянской почвѣ, слѣдовательно, съ теченіемъ времени, и сообразно съ этимъ Исторію М. Хоренскаго относитъ къ VIII вѣку.

Другой пунктъ—исторія святой Нины, Просвѣтительницы Грузіи. A. Carrière указываетъ на непосредственный источникъ главы о Нинѣ, именно опять Церковную Исторію Сократа (V в.). Сократъ въ этомъ пунктѣ воспроизводитъ лишь Руфина (IV в.) съ нѣкоторыми неудачными добавленіями; Руфинъ первый записалъ исторію обращенія грузинъ со словъ грузинскаго царя Бакура. О возможности существованія преданія на мѣстѣ, откуда былъ выходцемъ самъ грузинскій царь, и независимаго отъ западныхъ писателей знакомства армянскаго историка съ этимъ мѣстнымъ грузинскимъ преданіемъ A. Carrière не говоритъ и, очевидно, этого не допускаетъ. Источникъ для Хоренскаго надо искать въ Сократѣ, потому что имъ безусловно-де пользовался Хоренскій въ исторіи Сильвестра и пользовался именно интерполированнымъ армянскимъ переводомъ VII вѣка. Однако при сличеніи текстовъ Сократа и Моисея, французскимъ ученымъ при первомъ чтеніи овладѣваетъ достаточно таки смущеніе (se trouve assez embarrassé). Исторія обращенія въ главнѣйшихъ чертахъ и у греческаго, и у армянскаго историка одна и та же, но въ подробностяхъ есть замѣтная разница: сравнительно съ Сократомъ М. Хоренскій мѣстами слишкомъ сжатъ, вслѣдствіе краткости даже неясенъ, а въ другихъ мѣстахъ слишкомъ подробенъ; и любопытно то, что подробности не исчерпываются стилистическими упражненіями, цитатами изъ Библіи или патріотическими выходками, сближеніями съ исторіею Арменіи, а представляютъ весьма точныя данныя (des renseignements topographiques fort exacts) о положеніи города Мцхеты и обстоятельныя детали, впрочемъ, по мнѣнію Карріера, мало историческія, о божествѣ, почитавшемся жителями Мцхеты, и спеціальномъ его культѣ (p. 41). Но «освобожденная отъ такихъ привнесенныхъ элементовъ» (dégagée de ces éléments adventices) исторія, какъ она повѣствуется у Хоренскаго, кажется сокращеннымъ разсказомъ Сократа, въ чемъ, ко-

нечно, нельзя не согласиться съ A. Carrière'омъ. Обставивъ подробностями такую въ существенныхъ своихъ чертахъ гипотезу, A. Carrière подъ конецъ напоминаетъ (p. 41), что Хоренскій называетъ источникомъ для главы о Нинѣ Агаѳангела. Но у нашего писателя V в., по мнѣнію A. Carrière'a, странный пріемъ ссылаться на Агаѳангела въ такихъ вопросахъ, которыхъ дошедшіе до насъ позднѣйшіе списки историка Агаѳангела мало касаются или совсѣмъ обходятъ молчаніемъ. Исходя отсюда, быть можетъ, кто-либо нашелъ бы нужнымъ изслѣдовать подлинность дошедшихъ до насъ списковъ Агаѳангела; но A. Carrière въ этомъ обстоятельствѣ видитъ со стороны Хоренскаго «лишь явное укрывательство утилизированныхъ имъ источниковъ» (une dissimulation flagrante des sources utilisées).

Слѣдующая замѣтка A. Carrière'a Moïse de Khoren et l'origine des Parthes посвящена вопросу объ одной традиціи касательно происхожденія Аршакидовъ и займетъ насъ ниже. Еще другой вопросъ, поднятый A. Carrière'омъ въ статьѣ на страницахъ журнала Вѣнскихъ Мехитаристовъ, является совершенно новымъ открытіемъ [1]): открывается несомнѣнная связь краткихъ отрывковъ изъ нѣсколькихъ главъ II и III книги Хоренскаго, преимущественно съ II, 76 по III, 41, съ Хроникой Малалы. Зависимость сличаемыхъ отрывковъ армянскаго текста отъ греческаго въ статьѣ C-re'a указана доказательно, но для заключенія о зависимости Хоренскаго именно отъ Малалы приведенныхъ доводовъ недостаточно. Аргументація A. Carrière'a предполагаетъ полную обслѣдованность источниковъ

1) Впрочемъ для исторіи вопроса не лишне будетъ отмѣтить, что S. Martin'у было хорошо извѣстно близкое родство по духу Исторіи М. Хоренскаго съ Хроникою Малалы и др. Сущность мнѣнія S. Martin'a не потеряла значенія и для нашего времени, особливо цѣнна въ виду результатовъ, къ которымъ приводитъ наше изслѣдованіе объ Анонимѣ, и въ этомъ смыслѣ рѣшаемся привести подлежащее мѣсто цѣликомъ, безъ оговорки (Fragments etc., I, pp. 238—239): Pour cette partie [II, 1] de son ouvrage, Moïse de Khoren paraît avoir consulté un très-grand nombre d'auteurs. Il cite, en particulier, plusieurs écrivains grecs qui nous sont presque entièrement inconnus, tels que Polycrite, Évagore, Phlégon de Tralles, Ariston de Pella, et quelques autres. Ces derniers appartenaient sans doute à cette classe nombreuse d'auteurs obscurs que l'on sait avoir principalement vécu à Antioche, et dont la Chronique de Malalas cite un très-grand nombre, aussi peu connus que ceux qui sont mentionnés par Moïse de Khoren. Nous pensons, d'après ce qui nous reste de leurs ouvrages, que ce sont eux qui ont contribué à altérer l'histoire ancienne, telle qu'elle est racontée dans la Chronique de Malalas, dans celle d'Alexandrie, dans Cédrène, dans le Syncelle, et à répandre chez les Orientaux toutes les fables et tous les anachronismes que l'on remarque dans leurs récits, lorsqu'ils parlent des Grecs; см. также Florival, Dictionnaire Hist., Géogr. etc. à l'Hist. d'Arm., подъ словами *Alexandre de M.*, *Rodanus*, *Stratégie* и др.

Малалы, чего, какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Затѣмъ, большинство сопоставленій представляетъ отдѣльныя фразы, взятыя изъ различныхъ частей Хроники, и при томъ не всегда покрываютъ другъ друга сличаемыя мѣста. Но, главное, не обращено никакого вниманія на то, что Хоренскій называетъ рядъ источниковъ, которыми онъ пользовался при писаніи подлежащей части своей Исторіи, и пока тѣ источники и степень вліянія каждаго не будутъ выяснены или по крайней мѣрѣ подвергнуты возможному обсужденію, рискованно торопиться выводами на основаніи односторонняго изученія первыхъ попадающихся въ наши руки историковъ. Необходимо привести всю эту главу объ источникахъ, такъ какъ мѣстами она не понимается переводчиками [1]) и въ глазахъ нѣкоторыхъ даетъ пищу празднымъ догадкамъ [2]):

II кн., 75 глава.

«О Фирмиліанѣ, епископѣ Кессаріи Каппадокійской, и его «Исторіи».

«Фирмиліанъ, епископъ Кессаріи Каппадокійской [+ 269], былъ замѣчательный ученый; въ молодости [3]) онъ отправился къ Оригену, у котораго и учился. Онъ составилъ много сочиненій, изъ которыхъ одно есть Исторія церковныхъ гоненій, бывшихъ раньше во дни Максиміана и Деція (*вставка:* и вслѣдъ затѣмъ въ годы Діоклетіана); въ нее же онъ внесъ и дѣянія самихъ царей. Въ *Исторіи гоненій* онъ разсказываетъ, что шестнадцатымъ еписко-

1) Совершенно неудаченъ въ данномъ мѣстѣ переводъ Н. Эмина (1858), повторенный безъ измѣненія во второмъ изданіи (1893). Ошибку Н. Эмина повторяютъ Bauer (1869) и о. Хорэнъ Степанэ (1889). Langlois въ Collection etc. лишь изворачивается и даетъ двусмысленный переводъ, и то впрочемъ слѣдуя вмѣстѣ съ италіанскимъ переводчикомъ Tommaseo (1850) за другимъ французскимъ переводчикомъ Florival'емъ. Вѣрно понимаетъ Petermann, op. c., p. 103, хотя не съ точностью. Лучше всѣхъ первые переводчики Whistonii, а за ними Cappelletti, между прочимъ съ той неточностью, что ի համբաւուց изъ *устныхъ разсказовъ* передано на итальянскомъ черезъ famosi. Кстати, относительно значенія этого слова нельзя согласиться и съ толкованіемъ Міабан'а (псевдон.), видящаго въ немъ эквивалентъ слова «цитата» (Араратъ, 90, № 12, отд. отт., p. 17). Во всякомъ случаѣ здѣсь համբաւ *устный разсказъ* противополагается выраженію դիւանագիր մատեան *писанная архивная исторія*, тождественная же мысль о томъ, что М. Х. пользовался какъ писанными, такъ устными источниками, выражена имъ же и въ I, 19, гдѣ противопоставляются другъ другу ի գրոց *писанный* или *книжный* и ի բանից *словесный* или *изустный*. Что համբաւ, собственно *молва, слухъ*, М. Хоренскимъ понимается въ смыслѣ *устнаго* преданія въ противоположность *книжному*, то это ясно изъ употребленія историкомъ (I, 6) синонима լուր *слухъ, молва* въ такомъ же смыслѣ во фразѣ վասն գիտելոյ քեզ զամենայն, որ ինչ ի լրոյ են և որ ինչ ի գրոց *чтобы знать тебѣ все, какъ устнаго, такъ книжнаго происхожденія*.

2) Е. Мадатянъ думаетъ видѣть въ Фирмиліанѣ М. Хоренскаго Фирміана Лактанція, при чемъ послѣдняго также называетъ Фирмиліаномъ, см. Араратъ, 94, № 1, pp. 26—27, ср. Н. Эминъ, Ист. Арм. М. Хор., 58, стр. 15.

3) տղայութիւն, какъ и մանկութիւն, значитъ не только *дѣтство*, но и *молодость*.

помъ въ Александріи былъ Петръ, который [какъ извѣстно [1])] былъ замученъ на девятомъ году гоненія. Онъ пишетъ также о многихъ вѣрующихъ, замученныхъ Хосроемъ въ нашей землѣ, а за нимъ и о иноземцахъ, которые были замучены иноземными (гонителями). Но такъ какъ онъ не разсказываетъ, придерживаясь научнаго пріема, не называетъ мучениковъ по имевамъ или мѣстъ, гдѣ они были замучены, то мы не сочли нисколько нужнымъ повторять его. То же самое относится и къ тому, что Фирмиліанъ говоритъ объ Антоніи, сынѣ Севера, какъ онъ сражался съ персидскимъ царемъ Вагаршомъ въ Месопотаміи и какъ скончался между Едессою и Харапомъ, между тѣмъ какъ нашъ Хосрой не примыкалъ ни къ кому.

«Лишь то, что Фирмиліанъ разсказываетъ послѣ смерти Хосроя до воцаренія Тирдата [261 г.] во времена междоусобицъ, передаемъ мы въ краткихъ словахъ, считая то вѣрнымъ. Что же касается повѣствуемаго нами о событіяхъ въ царствованіе Тирдата и послѣ него, то оно свободно отъ ошибокъ нерадѣнія и невниманія, равнымъ образомъ въ немъ не вставлено ни слова съ намѣреннымъ искаженіемъ: (касательно этого времени) мы правдиво разсказали тебѣ, точно справившись въ воспоминаніяхъ *писанныхъ* (գիտագիր) исторій грековъ, равно какъ въ *устныхъ преданіяхъ* (ի հավաքումս) мудрецовъ и филологовъ, вѣдающихъ о древностяхъ».

Нельзя замалчивать [2]) то, что напрашивается невольно при чтеніи этой именно послѣдней части. «Мудрецы и филологи, вѣдающіе о древностяхъ», могли повѣдать устно Хоренскому, путешествовавшему, по *существующей* традиціи, въ пятомъ вѣкѣ въ Сиріи и въ Греціи, многое, что въ его время могло быть и не записано въ византійскихъ хроникахъ [3]).

---

1) Вставляемъ эти слова, чтобы рѣзче оттѣнить, что текстъ нисколько не уполномачиваетъ насъ предполагать, будто М. Х. свѣдѣніе о мученической смерти еп. Петра заимствовалъ изъ Фирмиліана: фактъ этотъ армянскому историку могъ быть извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, и не только изъ Церковной Исторіи Евсевія [II, 6], какъ предполагаетъ Гутшмидъ, но изъ самого *Мученичества Петра Александрійскаго,* дошедшаго до насъ въ переводѣ разцвѣта (V в.) армянской литературы (Зарб., Cat. des trad. arm., p. 57), видимо отличномъ отъ перевода въ Վկայաբ. Նահատակաց, II, pp. 218—227.

2) Біографическія свѣдѣнія о Фирмиліанѣ, по мнѣнію Гутшмида (op. c., p. 19. Euseb. H. E. VI, 27, 1), взяты изъ Евсевія; но для насъ важна послѣдняя часть приведенной главы, гдѣ совершенно ясно говорится, что сама исторія Фирмиліана доходила лишь до Тирдата, заключая, видимо, въ экземплярѣ М. Хоренскаго кой-какія позднѣйшія приписки, и слѣдовательно, излишнія подозрѣнія Гутшмида (ib.), основанныя на плохомъ пониманіи текста, лишаются почвы. Впрочемъ и тутъ Г-дъ пользовался Petermann'омъ, op. c., p. 103, гдѣ изложено и отрицательное мнѣніе по этому вопросу Routh'a (Scriptorum eccles. opera quaedam praec. Oxon. 1840, t. I, p. 228 и сл.), подхваченное Г-домъ и развитое самостоятельно.

3) Въ цитатахъ изъ армянскихъ писателей у проф. A. Carrière'a надо исправить два перевода: a) «Tout à fait étrange et hors de la vérité nous paraît l'opinion de ceux qui disent Ninus fils de Bel ou Bel lui-même; ni la généalogie, ni la chronologie ne justifient cette opinion. Mais *sans doute pour se donner quelque célébrité*, quelqu'un aura cru convenable de rapprocher ce qui est éloigné» (Généal. patriarcales, p. 30—31). Подчеркнутое мѣсто въ этой цитатѣ изъ Исторіи М. Хоренскаго (I, 5), также не-

Послѣдняя статья проф. Carrière'а въ только что полученномъ апрѣльскомъ (по нов. стилю) номерѣ Журнала Вѣнскихъ Мехитаристовъ указываетъ также на позднѣйшій греческій источникъ Хоренскаго. Дѣло касается одного примѣчанія въ родословныхъ таблицахъ (I, 19) къ имени Іисуса Навина, отъ котораго будто произошли хананеи, живущіе въ Африкѣ, какъ свидѣтельствуютъ де объ этомъ надписи на камняхъ въ Африкѣ. Еще Саллюстій разсказываетъ о происхожденіи мавровъ отъ персовъ, мидійцевъ и армянъ (De bello Jug. XVIII), но лишь Прокопій обрабатываетъ восточное происхожденіе мавровъ въ такой редакціи, къ которой весьма близко примѣчаніе въ текстѣ Хоренскаго. Прокопій также говоритъ (De bello Vandalico, II, 10), что это хананейскіе выходцы, и что объ этомъ свидѣтельствуетъ финикійская надпись, приводя тѣ же слова, какія у Хоренскаго. Оказываются однако различія, не позволяющія Прокопія считать прямымъ источникомъ обсуждаемаго примѣчанія. Оно ближе къ редакціи въ исторіи Іоанна Асійскаго (Cramer, Anecdota graeca, II, 389) и къ болѣе полному изложенію въ словарѣ Свиды (подъ словомъ Χαναάν, изд. Bernhardy, II, 2, col. 1593 и слѣд.). Греческій текстъ при такомъ сличеніи исправляетъ даже описку [1]) въ армянскомъ текстѣ Ափրաս въ Ἄφρων. Есть однако и разница. Но признать Свиду, писателя

вѣрно переводимое большинствомъ толкователей, съ бо̀льшимъ пониманіемъ передается первыми переводчиками (Whistonii, M. Chor., 1736, p. 14, за ними и Cappelletti, M. Corenense, p. 13), точный же переводъ армянскаго текста таковъ: «но, быть можетъ, кто либо счелъ подобающимъ сдѣлать дальнее (по времени лицо) близкимъ т. е. сблизить Бэла съ Ниномъ, *такъ какъ они* (*оба*) *замѣчательны и славны*». Въ этомъ именно смыслѣ самъ М. Хоренскій (I, 31) называетъ hАйка, Арама и Тирана, опуская имена посредствующихъ членовъ линіи, «такъ какъ по моему»—говоритъ историкъ—(прямые) потомки доблестныхъ суть доблестные, а промежуточныхъ пусть называютъ, какъ кому угодно»; b) Le même Vardan, dans son *Histoire*, va encore plus loin et range hardiment les Arméniens parmi les descendants d'Abraham, «*le glorieux père de notre nation selon la chair et selon l'esprit.* Nous pouvons donc constater que le développement de l'idée de Moïse de Khoren sur l'origine des Parthes—le petit roman de Vardan n'est pas autre chose—, aboutit à faire regarder les Arméniens, comme des Sémites etc. (Nouvelles sources, 93, p. 51). Это разсужденіе и дальнѣйшій еще упрекъ Вардану въ противорѣчіи основанъ на невѣрно (какъ и въ перев. Н. Эмина, стр. 37) понятой фразѣ Вардана: (Հայրն բազմորդի) մեծն Աբրահամ եղեւ ազգիս մերոյ ըստ մարմնոյ եւ ըստ հոգւոյ հայր պարծանաց, переданной во французскомъ переводѣ подчеркнутыми словами, на дѣлѣ же означающей слѣдующее: «(Многодѣтный патріархъ) великій Авраамъ для нашего (армянскаго) народа явился отцомъ гордости мірской и духовной», такъ какъ, по мнѣнію историка, отъ Авраама вела начало не только духовная гордость армянской націи — христіанская вѣра, но и мірская — двѣ армянскія династіи: Аршакидская и Багратидская.

1) Она впрочемъ давно исправлена въ «Afras» на основаніи Прокопія Florival'емъ, Dictionnaire hist. etc. pour servir d'annotations à l'hist. d'Arménie, p. 6.

X вѣка, источникомъ указаннаго примѣчанія въ Исторіи Хоренскаго A. Carrière не можетъ въ виду нѣкоторыхъ соображеній. Очевидно, A. C-re думаетъ, что Исторія M. Хоренскаго должна раздѣлять участь курьознаго примѣчанія. Потому французскій ученый предпочитаетъ видѣть источникъ примѣчанія въ какомъ либо болѣе древнемъ, чѣмъ Свида, но болѣе позднемъ, чѣмъ Прокопій, греческомъ писателѣ. Такимъ можетъ быть, по мнѣнію A. C-re'a, утерянный фрагментъ въ Хроникѣ Малалы, и догадку эту по возможности онъ обосновываетъ.

Главный пунктъ въ изложенномъ разсужденіи оказывается разработаннымъ еще у Movers'a, Die Phönizier, II, 2, p. 428 и 433, о чемъ узналъ A. C-re по окончаніи своей замѣтки, но нѣмецкій ученый объясняетъ дѣло интерполяціею въ текстѣ M. Хоренскаго. Съ своей стороны проф. Carrière не упоминаетъ о томъ, что еще Гутшмидъ (op. c., p. 15), указывая на существованіе одной и той же цитаты въ одинаковыхъ выраженіяхъ изъ Геродота у Хоренскаго (II, 2) и у Прокопія (Goth. IV, 6, p. 484, Dind.), предполагалъ у нихъ какой либо общій источникъ и съ тѣмъ бо́льшимъ вѣроятіемъ, что какъ Хоренскій, такъ и Прокопій пользовались Исторіею Арменіи Фауста, дошедшей до насъ, какъ увидимъ сейчасъ, въ дефектномъ видѣ.

Оспаривать однако чужое мнѣніе по пунктамъ если и можетъ представить нѣкоторый интересъ, то лишь минутный, какъ злоба дня, при томъ сопряженный съ опасностью увлечься наступательнымъ движеніемъ и не въ сторону искомой правды. Да у насъ есть и болѣе положительное основаніе для того, чтобы избѣгнуть подобнаго пути изысканій, такъ какъ во всѣхъ или почти во всѣхъ констатируемыхъ фактахъ мы можемъ согласиться съ французскимъ ученымъ. Желательно лишь напомнить, что существуютъ еще факты иного характера, которые также заслуживаютъ вниманія. Но, самое главное, точка зрѣнія, съ которой разсматривается обыкновенно Исторія M. Хоренскаго, не можетъ способствовать выясненію истины. Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда и рѣчи не можетъ быть объ ограниченности кругозора критика, къ памятнику пятаго вѣка приступаютъ не заинтересованнымъ изслѣдователемъ, а съ записной книжкой готовящаго историческій трудъ спеціалиста, и, значительно обманувшись въ Хоренскомъ, повидимому, вымещаютъ на немъ свою неудачу. Поучительно, что Гутшмидъ, послѣ того, какъ онъ провозглашаетъ Хоренскаго напрямикъ лжецомъ, какъ будто спохватившись, свою критику заканчиваетъ такимъ признаніемъ: «Мы вѣримъ дѣйствительно, что, минуя христіанскую окраску

сказаній (Sagen) и нагроможденіе въ одномъ мѣстѣ разношерстыхъ источниковъ безъ критики, неоднократное увѣреніе Моисея Хоренскаго, что онъ ничего не измышлялъ, въ отношеніи повѣствуемаго матеріала (Erzählungsstoff) основано на правдѣ».

Впрочемъ, историкъ еще можетъ успокоиться на томъ, что данное сочиненіе есть измышленіе и апокрифъ, но для насъ Исторія Моисея Хоренскаго раньше всего есть литературный памятникъ. Если то или другое сообщеніе грѣшитъ противъ исторической правды, то это еще не доказываетъ, что оно исходитъ непремѣнно отъ перваго извѣстнаго намъ лѣтописца, дѣлающаго подобное сообщеніе: «die Chronisten konnten sich schliesslich die Sagen und Legenden nicht aus den Fingern saugen, замѣчаетъ справедливо по этому поводу авторъ монографіи Aus Orientalischen Chroniken (94, p. 218). И еще съ бо́льшею справедливостью примѣнимо это замѣчаніе къ нашему писателю, который по характеру своему является историкомъ-компиляторомъ. Мы теперь уже не вѣримъ тѣмъ ученымъ, которые убѣждали насъ, что Хоренскій есть отецъ армянской исторіи, правдиво возсоздавшій дѣла минувшихъ дней; но плохо вѣримъ и тѣмъ, которые въ Хоренскомъ видятъ творца всѣхъ истинныхъ или мнимыхъ вымысловъ. Въ обогащеніи вымысла, какъ и въ умноженіи правды, въ литературныхъ произведеніяхъ наблюдается извѣстная преемственность и постепенность: наблюденія изслѣдователей надъ творчествомъ въ другихъ литературахъ остаются въ силѣ и въ отношеніи армянской. Надо прослѣдить напр. какъ туго дается цѣлымъ поколѣніямъ армянскихъ нравоучителей внести новаго въ кругъ разсказываемыхъ имъ басенъ; все ихъ творчество въ лучшемъ случаѣ ограничивается лишь новыми подробностями. Исторія же Арменіи есть весьма сложное, при всей доказанной апокрифичности части свѣдѣній, весьма искусное, для своего времени мастерски составленное произведеніе. Такіе литературные памятники въ одинъ моментъ, по волѣ одного лица, не появляются на свѣтъ, и тайной ихъ возникновенія трудно овладѣть съ налета: она можетъ быть раскрыта лишь путемъ долгой и сложной работы.

Главнымъ источникомъ для первой и начала второй книги Хоренскаго служитъ Исторія, составленная какимъ-то мудрымъ сирійцемъ: когда было доказано, что свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этого источника, легендарны и невѣрны, казалось, что обличили самого Хоренскаго во лжи, и не только его историческій матеріалъ сочли за плодъ измышленія, но и источникъ, Исторію неизвѣстнаго сирійца, признали выду-

маннымъ, апокрифичнымъ, и самого Хоренскаго авторомъ этого апокрифа, болѣе того прямо «лжецомъ». Такой отрицательный, строгій судъ надъ историкомъ можно объяснить реакціею противъ черезчуръ излишняго увлеченія достоинствами историческихъ данныхъ Хоренскаго [1]), и въ судьяхъ сказалась, понятно, доля увлеченія. Правда, работы новѣйшей критики не оставались безъ отвѣта со стороны армянскихъ ученыхъ и раньше и больше всего со стороны ученаго братства, трудамъ котораго наиболѣе обязано своими успѣхами арменовѣдѣніе въ Европѣ. Въ обширныхъ и краткихъ отвѣтныхъ статьяхъ венеціанскихъ Мехитаристовъ всѣ выводы Гутшмида опровергались. Нельзя не признать, что полемическія статьи Мехитаристовъ по вопросу пересыпаны многими остроумными замѣчаніями, полны массы мелкихъ, но цѣнныхъ свѣдѣній, основанныхъ на рукописныхъ источникахъ, а также на той обширной начитанности въ армянской литературѣ, которая понятна и даже возможна лишь въ столь богатомъ коллекціями рукописей и печатныхъ армянскихъ книгъ центрѣ, какъ монастырь Мехитаристовъ. Но въ этихъ статьяхъ, интересныхъ и поучительныхъ въ отношеніи матеріала, мы напрасно искали бы разрѣшенія нашихъ

---

1) Изъ работъ этого направленія справедливость требуетъ назвать обстоятельную монографію S. Martin'a, Fragments d'une histoire des arsacides, Paris 1815, касающуюся II и III книгъ М. Хоренскаго, такъ какъ въ ней приготовлена значительная часть матеріаловъ, по странной судьбѣ послужившихъ нѣмецкому ученому для обоснованія отрицательной критики. Другую часть фактическихъ данныхъ Г-дъ нашелъ выясненной у Petermann'a въ статьѣ Ueber die schriftl. Quellen des Moses Chorenensis (Bericht über die zur Bekanntm. geeign. Verhandl. der königl. Pr. Akad. der Wiss., Berlin 1852, pp. 87—104), выдержки изъ которой составляютъ также матеріальную подкладку мнѣній о М. Х-скомъ пок. К. П. Патканова (Ванскія надписи и пр., Ж. М. Н. Пр., 1875, янв.). Вообще Гутшмиду и всѣмъ отрицающимъ критикамъ принадлежитъ заслуга новаго освѣщенія тѣхъ матеріаловъ, которые готовыми давались имъ въ руки въ обстоятельныхъ изслѣдованіяхъ предшественниковъ. Даже такія мелочи, какъ исправленіе именъ, берутся цѣликомъ съ доводами у предшественниковъ; поэтому когда Г-дъ пишетъ (op. c., p. 29), что «Skamandros denn so ist für uns kamadros [եւս կամադրոս] herzustellen» и т. д., и когда, полагаясь на эти строки, Г. А. Халатьянъ замѣчаетъ (Zur Erklärung der Arm. Gesch. des M. von Chorene, Wiener Zeitsch., VII, p. 24): «die Handschrift von Lambron schreibt hier: գրէ եւս կամադրոս (p. 68),—was der verstorbene v. Gutschmidt *scharfsinnig* benutzte, um den vollen Namen eines griechischen Schrifstellers (Σχἀμανδρος) herzustellen, то не мѣшаетъ вспомнить, что Гутшмидъ на дѣлѣ *остроумно* воспользовался лишь слѣдующей строкой Petermann'a (op. c., pp. 100—101): «Kamadros (ein anderer Cod. hat Kamardos, der Leipziger vielleicht richtiger Skamadros für Skamandros)». Но и въ новомъ освѣщеніи собственно новаго, самостоятельнаго было то, что въ статьѣ Г-да были сгруппированы и обобщены мнѣнія различныхъ ученыхъ, мимоходомъ, но авторитетно высказывавшихъ свой строгій судъ надъ касавшимися ихъ спеціальности данными М. Хоренскаго.

вопросовъ. Въ одной краткой, нелишенной впрочемъ справедливыхъ упрековъ по адресу отрицающихъ критиковъ, статьѣ исходнымъ пунктомъ служитъ такое разсужденіе:

«Если бы обвинитель нашего историка—рѣчь о Гутшмидѣ—осудилъ трудъ Хоренскаго въ качествѣ источника для всеобщей исторіи, онъ былъ бы правъ, и мы согласились бы съ нимъ во многихъ вещахъ, но онъ слишкомъ расширяетъ предѣлы своей компетенціи, пытаясь срыть съ основанія зданіе *нашей національной* исторіи, отрицая существованіе Маръ-Абаса»... (Ջնողյեան, Բազմ. 78, p. 33).

У другого автора болѣе обширной и не менѣе поучительной работы находимъ слѣдующую руководящую мысль:

«По истинѣ, если мы только хотимъ счесть М. Хоренскаго отцомъ армянской исторіи, а не отцомъ всякихъ мнимыхъ противорѣчій, погрѣшностей и поддѣлокъ, то надо быть убѣжденнымъ въ существованіи до Хоренскаго Марабаса Катины, особенно въ виду двухъ слѣдующихъ доводовъ» (Բ. Սարգիսեան, Բազմավէպ 83, p. 235).

Тутъ центръ тяжести въ первой посылкѣ о чести Хоренскаго; а тѣхъ двухъ доводовъ я не привожу, такъ какъ одного изъ нихъ самъ же авторъ не признаетъ позднѣе, въ другой статьѣ въ отвѣтъ на сжатую, но болѣе рѣзкую критику Гутшмида въ Encyloраеdia Britannica; другой же относится къ категоріи тѣхъ доказательствъ, которыя возникаютъ на почвѣ слѣдующихъ соображеній: «непонятно, какъ въ Начальной Исторіи Арменіи — рѣчь о предметѣ нашей замѣтки—разсказъ ведется то отъ перваго лица, то въ третьемъ лицѣ. Кто нашелъ надпись? Кто писалъ исторію? Ничего не поймешь. Очевидно, въ этомъ памятникѣ все перемѣшано, и онъ составленъ позднѣе». Ссылаться на то, чего мы не понимаемъ или не знаемъ, присуще впрочемъ и отрицающимъ критикамъ. Но обратимся къ дѣлу. Пока происходилъ споръ за и противъ, предметъ спора оставался не выясненнымъ, и только въ позапрошломъ году впервые была сдѣлана нѣкоторая попытка выдѣлить изъ первой и начала второй книги ту часть, которая Хоренскимъ выдается за заимствованіе изъ Исторіи Сирійца. Понятное дѣло, сколько недоразумѣній должно было произойти и продолжаетъ происходить, когда слова и мнѣнія, принадлежащія непосредственно Хоренскому, оспариваются въ качествѣ сообщеній болѣе древняго историка-сирійца, или когда происходитъ нѣчто обратное.

Интересъ же къ тексту Марабы былъ такъ поверхностенъ, что появленіе въ свѣтъ доступнаго изданія одной *Начальной Исторіи Арменіи*, наиболѣе важнаго документа по нашему вопросу, прошло мало замѣченнымъ. На счетъ этого памятника ученый Вѣнскій Мехи-

таристъ Іосифъ Катрджянъ (*Սրբազան խորհրդամատոյց Հայոց*, ч. II, см. Г. А. Халатьянцъ, *Զենոբ Գլակ, Վիեննա* 93, р. 1—2, прим.) ограничился мимоходомъ нелестнымъ, но ни на чемъ не основаннымъ, отзывомъ, что памятникъ, выражаясь словами автора, «сшитъ изъ различныхъ кусковъ въ VII вѣкѣ» (*Հայ կարկատանք մըն է 7—դ դարուն.*). Серьозное вниманіе обратилъ на него впервые Гутшмидъ въ извѣстной критикѣ на Хоренскаго, но незнакомство критика съ подлинникомъ, а отчасти, быть можетъ, разъ принятое имъ отрицательное отношеніе къ Хоренскому помѣшали ему выяснить дѣйствительное положеніе вещей. Скажемъ, что Гутшмидъ Начальную Исторію Арменіи признавалъ тождественной съ Исторіею Марабы, на которой основана первая часть Исторіи Хоренскаго, и самого Хоренскаго авторомъ какъ Начальной Исторіи Арменіи, такъ Исторіи Марабы; причемъ, видя въ двухъ памятникахъ разницу лишь въ краткости одной редакціи и распространенности другой, Гутшмидъ полагалъ, что первая была-де набросана Хоренскимъ раньше и вторая позже при составленіи имъ самой Исторіи въ трехъ книгахъ. Мнѣніе Гутшмида все же наиболѣе трезвое во всемъ, что было сказано по вопросу. Но поучительно отмѣтить, что Гутшмидъ въ неблагопріятной части своего отзыва объ Анонимѣ больше опирался на остроумную аргументацію съ однимъ собственнымъ именемъ, чѣмъ на переводный текстъ, предложенное имъ пониманіе котораго едва ли могло удовлетворять его самого. Аргументація же съ однимъ именемъ, дѣйствительно, остроумна: извѣстно, существуетъ исторія обращенія Арменіи въ христіанство Агаѳангела; Гутшмидъ разобралъ этотъ памятникъ, призналъ его апокрифичнымъ, произведеніемъ не Агаѳангела, секретаря армянскаго царя Тирдата, а позднѣйшимъ, составленнымъ въ половинѣ пятаго вѣка. Мало того, самое имя онъ счелъ вымышленнымъ, тенденціозно вымышленнымъ, какъ означающее по гречески «благій вѣстникъ», такъ какъ авторъ благовѣщалъ о просвѣщеніи Арменіи евангельскимъ ученіемъ. Между тѣмъ, какъ разъ Анонимъ источникомъ для части своей Исторіи, ничего общаго съ христіанской благою вѣстью не имѣющей, называетъ Агаѳангела, писца при Тирдатѣ. Очевидно-де, что Анонимъ воспользовался популярнымъ именемъ Агаѳангела, извѣстнымъ изъ апокрифа объ обращеніи Арменіи. Все это очень похоже на правду, но остроумная комбинація, возводимая на сопоставленіи однихъ именъ, не ладитъ съ вѣрнымъ пониманіемъ текстовъ.

Памятникъ Начальная Исторія Арменіи дошелъ до насъ, безъ заглавія и безъ имени автора, въ рукописяхъ вмѣстѣ съ Исторіею Себэоса (VII в.) о походахъ Иракла. Нѣкоторыми убѣдительными доводами Баумгартнеръ, авторъ изслѣдованія о трудѣ Хоренскаго «Книга о хріяхъ», доказываетъ (ZDMG, XL, 466, п. 1), что во время историка Іоанна католикоса, слѣдовательно въ IX-мъ вѣкѣ, въ рукописи Себэоса еще не было Начальной Исторіи Анонима. Что трудъ Анонима не имѣетъ никакой связи съ Исторіею Себэоса, это давно извѣстно. Но пониманіе текста, повидимому, не давалось, и потому на основаніи одного и того же текста одни называли авторомъ исторіи Марабу, другіе Агаѳангела; мимоходомъ же высказанное мнѣніе проф. Гюбшманна (Zur Geschichte Armeniens und der ersten Kriege der Araber, p. 4), цитуемое и Гутшмидомъ (p. 34 — 35), очевидно, къ свѣдѣнію, именно что не только безъименный авторъ Начальной Исторіи не одно лицо съ Себэосомъ, но что онъ писатель изъ первой трети пятаго столѣтія, не нашло серьознаго отклика въ литературѣ предмета. К. П. Паткановъ, высказавшись еще въ 1862 г. (Перев., p. X) по существу вѣрно, что Исторія Анонима «заключаетъ надпись и другія историческія преданія, о которыхъ зналъ М. Х-скій и которыя онъ не принялъ въ свою Исторію», и проронивши два три столь же вѣрныхъ замѣчанія въ «Ванск. Надп. и пр.», въ общемъ увлеченіи отрицательной критикой упустилъ случай настоять на значеніи разбираемаго памятника.

Послѣ Хоренскаго знакомство съ Исторіею Анонима обыкновенно находятъ лишь у позднѣйшаго (XIII в.) писателя Вардана (Всеобщ. Ист., Вен. изд., p. 31, ср. К. Паткановъ, Себэосъ, изд., p. 1 и перев., стр. 172). Но вопросъ этотъ еще не изслѣдованъ. По крайней мѣрѣ Ѳома Арцруни (IX в.) также обнаруживаетъ знакомство съ нашимъ памятникомъ, заимствуя изъ него между прочимъ характерную реплику hАйка Бэлу передъ борьбой съ нимъ (изд. Патк., p. 23). А если допустить достовѣрность одного свидѣтельства, приводимаго впрочемъ въ слишкомъ общихъ чертахъ о. Джнтояномъ (*ի տեղի ուրեք* (?) *յիշատակի՝ Բազմավէպ* 1878, p. 40, 3), то одинъ отрывокъ (о Масякѣ) слыветъ даже за строки Лазаря ʽПарпскаго, въ такомъ случаѣ пользовавшагося также Анонимомъ.

Текстъ Исторіи Анонима дошелъ до насъ въ спискахъ одной и той же рукописи не хорошей сохранности. Три изданія, второе собственно перепечатка перваго (Конст. 1851), сличительно съ Хорен-

скимъ (Նաղմավ., 78, р. 34 и сл.), и существующіе два перевода, одинъ французскій (Langlois, Collect., I, pp. 145—200), другой русскій (К. П. Паткановъ, Ист. Себэоса, Спб. 62, стр. 1—12, его же 3-е изд. 79), въ самыхъ интересныхъ пунктахъ оставляютъ насъ безпомощными. Текстъ не только искаженъ мѣстами, но и дефектенъ, однако и съ существующимъ текстомъ можно прійти къ нѣкоторымъ результатамъ въ смыслѣ исправленія отдѣльныхъ искаженій и пополненія на основаніи контекста дефектныхъ мѣстъ.

Для примѣра достаточно будетъ указать на одинъ самъ по себѣ интересный случай. Предупредивъ читателя, что вотъ онъ приступаетъ къ исторіи Аршакидовъ, Анонимъ начинаетъ такъ:

> XXXVII. «Говорятъ [1]), что Масякъ, рабыня Авраама, спасаясь отъ Исаака пустилась въ путь и пришла поселиться у подошвы двухъ горъ, которыя смотрятъ со стороны обширной равнины Арая на вершину Арагаца и на гору Гегъ.
>
> XXXVIII. «И она называетъ по своему имени тѣ горы, которыя зовутъ (еще) Азатъ горою» [2]).
>
> XXXIX. «И родятся у нея три сына: (во первыхъ), ʻПарохъ, онъ же Елеазарь; мѣстожительство его называютъ ʻПарохтъ, а равнина ʻПараканъ есть мѣсто охоты и ристалище этого рода (Նոցին,), смѣшавшагося съ родомъ Араменака.
>
> **Возстаніе Пароянъ, случившееся въ это время.**
>
> XL. «И послѣ смерти Александра, царя Македонскаго, парояне служили македонянамъ шестьдесятъ одинъ годъ».

Далѣе, авторъ излагаетъ, какимъ образомъ парояне достигли господства, какъ изъ нихъ вышла Аршакидская династія. Но какое имѣетъ отношеніе къ исторіи Аршакидовъ бѣгство рабыни Авраама? Изъ текста сразу не ясно; но нашъ же текстъ даетъ ключъ къ рѣшенію загадки. Обратимъ вниманіе, что послѣ фразы «и родятся у нея три сына: вопервыхъ, ʻПарохъ и т. д.», мы остаемся въ неизвѣстности о двухъ другихъ сыновьяхъ, разсказъ обрывается, и сразу выступаютъ парояне. Потомки одного сына—ʻПароха, по словамъ историка, смѣшались съ родомъ Араменака; приходится предполагать, что въ этомъ явно дефектномъ мѣстѣ въ дальнѣйшемъ говорилось о двухъ другихъ сыновьяхъ и сообщалось о нихъ нѣчто такое, что сближало ихъ или одного изъ нихъ съ пароянами, съ Аршакидами. Словомъ, чтобы объяснить себѣ появленіе эпизода о рабынѣ Авраама въ началѣ

---

1) Бытіе 15, 2 и 26, 6. Въ текстѣ стоитъ библейское имя Масякъ, съ плавнымъ р передъ шипящимъ: Марсякъ; явленіе это обычное въ армян. фонетикѣ.

2) Очевидно, что двѣ горы, у подошвы которыхъ поселилась *Масякъ* и которыя будто она назвала своимъ именемъ, есть два Арарата, извѣстные у армянъ подъ именемъ *Масикъ* (Ѳома Арц., I, 8, р. 52; Brosset, Hist. par Mkhith., p. 85) или *Масисъ*: этотъ же Масисъ армяне зовутъ еще Азатъ-горою.

исторіи Аршакидовъ, надо допустить, что Аршакиды, по странному мнѣнію историка, находились въ родствѣ съ нею. И дѣйствительно, это странное мнѣніе существовало у армянскихъ историковъ. Моисей Хоренскій знаетъ эту легендарную традицію и излагаетъ ее: подробности у Хоренскаго иныя, вмѣсто рабыни Масякъ является наложница Кетура, но ядро сказанія было, очевидно, одно и тоже: Аршакидамъ давалось происхожденіе отъ Авраама. Въ вопросѣ объ этой легендѣ нельзя не считаться съ обсуждаемымъ мѣстомъ Анонима. Carrière одну изъ своихъ замѣтокъ посвящаетъ происхожденію Аршакидовъ такъ, какъ передаетъ Хоренскій; Хоренскій неоднократно увѣряетъ, что онъ въ своей Исторіи повторяетъ другихъ; критикъ на это говоритъ, что ничего подобнаго легендарной традиціи о происхожденіи Аршакидовъ отъ Авраама намъ неизвѣстно до Хоренскаго. Но, во первыхъ, какъ только что видѣли, Анонимъ, по всей вѣроятности, зналъ эту традицію, а этотъ писатель древнѣе Хоренскаго; во вторыхъ, плохая надежда доискаться правды, когда, критикуя памятникъ пятаго вѣка, мы принимаемся за дѣло съ тѣмъ убѣжденіемъ [1]), что историко-литературный матеріалъ пятаго вѣка въ Арменіи намъ извѣстенъ досконально и притомъ лучше, чѣмъ писателю пятаго вѣка. Исходя изъ такого убѣжденія, C-re признаетъ Хоренскаго творцомъ этой легендарной традиціи; мало того, въ данномъ случаѣ Хоренскій оказывается не простымъ творцомъ, а тенденціознымъ; дѣло въ томъ, что тотъ же Хоренскій производитъ отъ Авраама Багратидовъ, къ прославленію-де которыхъ предназначалась его Исторія Арменіи; но между тѣмъ какъ праматерью Багратидовъ Хоренскій называетъ благочестивую законную Саару, Аршакидовъ ведетъ отъ *наложницы* Кетуры. Не допуская, чтобы въ отношеніи Аршакидовъ Хоренскій могъ считаться съ существовавшей до него въ литературѣ традиціей, производившей Аршакидовъ отъ простой рабыни, C-re спѣшитъ

1) Признаться, насъ ставитъ въ недоумѣніе категоричность, съ какой констатируется проф. C—re'омъ тотъ или другой фактъ, разъ послѣдній можетъ послужить дѣлу обличенія М. Х—скаго. Такъ въ данномъ вопросѣ по поводу фразы арм. историка (II, 1) «отъ тебя произойдутъ цари народовъ» у C—r'a (p. 52) читаемъ: «la citation biblique faite par Moïse est inexacte. Nulle part on ne trouve dans l'Ancien Testament le passage: *Des rois des nations sortiront de toi*». Положимъ, общепринятое чтеніе Быт. 17,6 не содержитъ слова «народовъ», но развѣ проф. C—re изслѣдовалъ состояніе армянскаго текста свящ. писанія въ V вѣкѣ? Намъ кажется, что нѣтъ; въ противномъ случаѣ онъ обмолвился бы какимъ либо замѣчаніемъ и относительно того, что такое чтеніе имѣется, по увѣренію Florival'я, op. c., p. 3, хотя «dans le seul exempl. grec complutèse Gen. XVII, 6».

ставить вопросъ, когда могла въ Арменіи возникнуть такая унизительная для Аршакидовъ и благопріятная Багратидамъ традиція. Ясно-де, тогда, когда Аршакиды являлись преданіемъ старины глубокой, и, напротивъ, когда у Багратидовъ начались сказываться династическія стремленія; С-ге однако не рѣшается назвать само столѣтіе; но его искусная аргументація направляетъ выборъ на VII, VIII, быть можетъ и IX вѣкъ. Но повторяемъ, указанное мѣсто Анонима дѣлаетъ праздной всякую, даже остроумную, аргументацію въ пользу позднѣйшаго происхожденія курьезной традиціи, если, конечно, не будетъ дано другое, болѣе удовлетворительное, чѣмъ выставленное нами толкованіе того мѣста. Но наибольшій интересъ въ Анонимѣ связанъ съ Введеніемъ, оно же и самое трудное для пониманія. Надо имѣть отчетливое представленіе о содержаніи памятника, чтобы понять писателя во вступительной части.

Памятникъ распадается на двѣ половины: въ первой, съ VI-го по XXXVI-й стихъ[1]), разсказъ ведется отъ столпотворенія до появленія Аршакидовъ: непосредственно за смѣшеніемъ языковъ излагается генеалогія армянскихъ патріарховъ, «доблестныхъ мужей» отъ hАйка до Арменака (VII — IX); затѣмъ въ двѣнадцати стихахъ (XI — XXII) описывается съ сказочными пріемами борьба «доблестнаго мужа hАйка съ страшнымъ царемъ Бэломъ»; для Введенія важно отмѣтить, что *доблестный мужъ* есть hАйкъ, а *страшный царь*—Бэлъ. Въ слѣдующихъ стихахъ (XXIII — XXVII) изложено, какъ побѣдитель hАйкъ съ домочадцами заселяетъ Арменію, и какіе потомки наслѣдовали ему вплоть до Арая Прекраснаго. Романъ Семирамиды съ Араемъ Прекраснымъ занимаетъ пять стиховъ (XXVIII — XXXII), за которыми опять родословныя данныя, между ними интересное о Багратидахъ, (XXXIII — XXXIV) и въ послѣднемъ, тридцать пятомъ стихѣ, сообщается о поперемѣнномъ подчиненіи армянъ вавилонянамъ, мидійцамъ и Александру Великому и Македонской династіи до возвышенія Аршакидовъ. Въ общемъ первая половина есть генеалогическая таблица армянскихъ патріарховъ, начиная съ родоначальника hАйка, въ которую внесены два эпизода, изложенныя въ сказочныхъ чертахъ—1. Борьба *доблестнаго мужа* hАйка съ *страшнымъ царемъ* Бэломъ и 2. Романъ Семирамиды и Арая. Даже послѣдовательное господство ассирянъ, вавилонянъ, мидійцевъ и Македонской

1) Въ существующихъ изданіяхъ стихи, къ сожалѣнію, не снабжены нумераціею.

династіи сообщается вскользь, и то въ концѣ, какъ преддверіе ко второй половинѣ, которая собственно и съ точки зрѣнія Анонима содержитъ исторію. Изъ этого вступленія ко второй половинѣ особенно любопытно отмѣтить тридцат шестой стихъ, который гласитъ такъ:

И (весь міръ) служилъ македонянамъ до возстанія пареянъ противъ нихъ и до возникновенія Аршакидскаго царства, и именно объ этомъ Аршакидскомъ царствѣ повѣствуетъ *тотъ лѣтописецъ* (ժամանակագիրն) такъ, какъ предлежитъ передъ тобою».

Какой это «тотъ лѣтописецъ»? Покойный Паткановъ замѣчаетъ, что «неизвѣстно, о какомъ лѣтописцѣ говоритъ авторъ или надпись», (перев., стр. 173, 17). Но переводъ Введенія, какъ увидимъ, разсѣетъ эту неизвѣстность. Вторая половина (XXXVII — LI) посвящена Аршакидамъ, ихъ происхожденію и времени ихъ появленія. Эта историческая часть не обходится безъ хронологіи: въ ней сообщаются годы царствованія Селевка Никатора, Антіоха Сотера и Антіоха Теоса, которымъ до Аршакидовъ служили пареяне, а съ ними, предполагается, армяне и другіе народы, и годы воцаренія Аршака Старшаго и Аршака Младшаго; вмѣстѣ съ хронологическими данными въ этой же части излагается исторія ихъ царствованія, такимъ образомъ въ ней имѣемъ «годы, т. е. хронологію и исторію, пяти царей», съ точки зрѣнія автора—царей пареянъ и армянъ. Для уразумѣнія вступительной части чрезвычайно важно было выяснить, что во второй половинѣ памятника имѣемъ исторію съ хронологіею царствованія пяти царей пареянъ и армянъ. Въ стихѣ же (LII) о четырехъ пареянскихъ преемникахъ перваго Аршакида появляется опять Анонимъ.

Въ концѣ приложены два списка пареянскихъ и армянскихъ Аршакидовъ, доведенные до конца четвертаго вѣка, съ указаніемъ годовъ каждаго. Но обратимся къ Введенію. Послѣ, повидимому, какого-то пропуска Введеніе, начинающееся темной фразой, гласитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее:

I. «Описаніе того времени [1]) не явилось въ силу сознательной потребности свѣдущаго изслѣдователя, и я, предпринимая написать сказанія о древнихъ герояхъ, разскажу кой-какія сказки, туда же, т. е. въ то описаніе, вписывая, и

1) զանատարագրել пок. К. П. Паткановъ читалъ ջան ատարագրել (Исторія Имп. Иракла, соч. еп. Себеоса, Спб. 1862, p. 1), а Vetter исправляетъ въ ձեռնարկելոյ գրել (Մար Աբաս, p. 3, 1), но ни та, ни другая коніектура не возможна, первая съ синтаксической стороны, вторая въ виду большого произвола въ исправленіи. Вѣроятнѣе, что въ искаженномъ выраженіи имѣемъ два слова ջանյ, съ существовавшимъ правописаніемъ безъ յ, и предложенное К. П. Паткановымъ ատարագրել, съ довольно частой въ рукописяхъ опиской ա вм. ո; въ нашемъ же памятникѣ стоитъ Արծանայ вм. Արշնակայ (изд. Патк., p. 9).

повѣдаю о послѣдующихъ событіяхъ и изложу вкратцѣ постигающія (насъ) въ настоящее время бѣдствія.

II. «*Годы и дни пяти царей* я разскажу, глядя въ ту Исторію (…) Низибійскаго философа Марабы, которую онъ нашелъ изсѣченной на камнѣ въ Низибѣ, во дворцѣ царя Санатрука, у дверей царскихъ хоромъ, въ развалинахъ царской резиденціи.

III. «Въ поискахъ за колоннами дворца для двора персидскаго царя, разбирали развалины и нашли надпись «*годы и дни пяти царей армянъ и пароянъ*», начертанную на камнѣ греческими буквами, которую я досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ его, т. е. Марабы, и рѣшилъ пересказать вамъ.

IV. «Ибо въ заглавіи надписи стояло такъ:

«Я, писецъ Агаѳангелъ, собственноручно написалъ на семъ камнѣ
«годы первыхъ царей армянъ»,
по приказанію доблестнаго Тирдата, на основаніи царскаго архива».

V. «Копію самой надписи найдешь нѣсколько ниже въ своемъ мѣстѣ.

«Но раньше (чѣмъ перейти къ надписи) я начну разсказывать сказаніе о *страшномъ царѣ и доблестномъ мужѣ*, раньше я изложу повѣсти о предкахъ (патріархахъ), о томъ, откуда началось устроеніе и населеніе земли, и въ эти повѣсти о предкахъ внесу я, какъ бы привью къ нимъ, сказанія объ исполинахъ и сказки» и т. д.

Изъ этого приведеннаго отрывка ясно, что нашъ памятникъ цѣликомъ не принадлежитъ ни Марабѣ, ни Агаѳангелу, ни тому Анониму, который говоритъ въ первомъ лицѣ. Припоминая содержаніе памятника, какъ нами было предварительно изложено, мы шагъ за шагомъ можемъ слѣдить за наиболѣе интересными пунктами Введенія, и составляемъ слѣдующую исторію возникновенія нашего памятника, какъ изображаетъ ее самъ Анонимъ: сначала по приказанію какого-то доблестнаго Тирдата Агаѳангелъ пишетъ на камнѣ исторію царей; эту исторію царей, на греческомъ языкѣ, находятъ при разборѣ дворца Санатрука, и она попадаетъ въ руки Низибійскаго философа Марабы: философъ Мараба находитъ исторію не потому, что онъ искалъ ее, какъ опытный изслѣдователь, а случайно, такъ какъ потребовалась колонна для персидскаго двора, и на надпись напали при разборѣ развалинъ дворца Санатрука; на этотъ моментъ, по моему, и имѣется намекъ въ первой, нѣсколько темной фразѣ памятника, которая гласитъ: «Описаніе того времени не явилось въ силу сознательной потребности свѣдущаго изслѣдователя».

Затѣмъ Анонимъ досталъ ту же цѣнную историческую надпись въ Месопотаміи отъ учениковъ Марабы; надпись содержала «годы и дни, т. е. исторію, *пяти* царей армянъ и пароянъ», а заглавіе ея было «годы *первыхъ* царей армянъ». Анонимъ рѣшилъ пересказать ее, но не удовольствовался этимъ, а предпослалъ ей еще нѣчто. «Копію самой надписи найдешь нѣсколько ниже», говоритъ Анонимъ, и намъ не

трудно отыскать предполагаемую надпись, содержавшую исторію пяти царей парѳянъ и армянъ; намъ извѣстно, что вторая половина памятника посвящена этому предмету; болѣе того, приступая ко второй половинѣ, т. е. къ копіи надписи, Анонимъ, какъ мы видѣли, напоминаетъ еще разъ, что она не принадлежитъ ему; онъ называетъ источникъ, говоря: «Объ Аршакидскомъ царствѣ повѣствуетъ тотъ лѣтописецъ такъ, какъ предлежитъ передъ тобою». «Тотъ лѣтописецъ» есть такимъ образомъ Агаѳангелъ, авторъ исторической надписи, доставшейся Анониму черезъ Марабу и его учениковъ. Что же мы видимъ? Аршакиды Анонимомъ безъ всякой оговорки провозглашаются первыми царями армянъ, какъ это ясно изъ заглавія надписи Агаѳангела. Цари изъ hАйкидской династіи, при одномъ имени которыхъ М. Хоренскій приходитъ въ неописываемый восторгъ, нашему Анониму совершенно неизвѣстны; до Аршакидовъ Анонимъ знаетъ армянъ лишь въ подчиненіи у вавилонянъ, мидійцевъ и македонянъ, но не побѣдителями подъ главенствомъ національныхъ вѣнценосцевъ, во время которыхъ Хоренскій, какъ онъ въ умиленіи—полагаемъ—искренномъ выражается, желалъ бы родиться, чтобы лицезрѣть своихъ дорогихъ родныхъ царей.

Анонимъ желаетъ, но затрудняется предпослать что либо историческое возникновенію Аршакидовъ: онъ разсказываетъ о мужахъ, но не царяхъ, изъ рода hАйка, даетъ генеалогическую таблицу, въ которой повѣствовательная часть исчерпывается сказаніемъ о борьбѣ hАйка съ Бэломъ и романомъ Семирамиды съ Араемъ Прекраснымъ. Мы не касаемся другихъ различій въ подробностяхъ между Начальной Исторіею Анонима и родственной ей соотвѣтствующею частью М. Хоренскаго, т. е. той частью, которую, какъ говоритъ М. Хоренскій, онъ заимствуетъ цѣликомъ изъ труда Марабы или, точнѣе, Псевдо-Марабы. Указанная черта сразу выясняетъ отношеніе Исторіи Анонима къ труду Псевдо-Марабы, вошедшему въ Исторію Хоренскаго, не какъ просто краткой редакціи къ подробной, а какъ первоначальной, простой къ позднѣйшей, распространенной. При томъ нѣтъ никакого основанія, никакой возможности допустить, что обѣ редакціи принадлежатъ одному и тому же лицу, если, конечно, не взглянемъ на дѣло съ предвзятою мыслью, что въ авторѣ скрывается мистификаторъ, чтобъ не сказать рѣзче. Вѣдь мы теперь знаемъ, что въ Начальной Исторіи Анонима, представляющей болѣе древнюю редакцію, философъ Мараба является случайнымъ лицомъ, черезъ руки котораго

перешла къ Анониму извѣстная надпись; во всякомъ случаѣ имя Марабы связано лишь со второю половиною Начальной Исторіи Анонима въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, такъ какъ про первую половину Анонимъ ясно говоритъ, что составитель ея — онъ самъ; между тѣмъ въ пространной Исторіи Псевдо-Марабы, вошедшей въ составъ Хоренскаго, обѣ половины труда Анонима обработаны отъ имени Марабы. Какая же тутъ возможность допустить, что обѣ редакціи принадлежатъ одному и тому же лицу? Чѣмъ могъ руководиться подобный авторъ, негласно уничтожая во второй пространной редакціи себя лично, приписывая свою оригинальную часть другому лицу, и притомъ лицу, которое, судя по первоначальной редакціи, наименѣе имѣло право на авторство Начальной Исторіи?

Но если вообще нельзя признать кого либо единственнымъ авторомъ обѣихъ редакцій, то Хоренскаго еще того менѣе. Хоренскій зналъ не только пространную Исторію Псевдо-Марабы, которую онъ цѣликомъ воспринялъ, но и первоначальную редакцію Анонима. И если Хоренскій не упускаетъ случая, чтобы надѣлить Псевдо-Марабу тѣмъ или другимъ лестнымъ эпитетомъ ученаго и мудреца, то объ Анонимѣ онъ совершенно иного мнѣнія. Такъ говоря о происхожденіи рода Багратидовъ отъ евреевъ, плѣненныхъ Навуходоносоромъ, Хоренскій прибавляетъ, что существуетъ еще иное мнѣніе по этому вопросу. Хорошо извѣстно, что это иное мнѣніе находится исключительно въ Начальной Исторіи Анонима; приведемъ же теперь въ дословномъ переводѣ отзывъ Хоренскаго о сторонникахъ этого мнѣнія, т. е. о нашемъ Анонимѣ:

> «Нѣкоторые, незаслуживающіе довѣрія, люди утверждаютъ» — пишетъ Хоренскій Сааку Багратиду (I, 22) — «произвольно и далеко не правдиво, что будто вашъ вѣнценалагающій родъ Багратидовъ происходитъ отъ һАйка; на это вотъ что я скажу: не одобряй такихъ глупыхъ розсказней, потому что въ томъ, что они говорятъ тебѣ, нѣтъ ни слѣда, ни подобія доказательства, которое указывало бы на вѣрность; (авторъ этого мнѣнія, видимо) лепечетъ какой-то вздоръ и нескладицу о һАйкѣ и ему подобныхъ».

Послѣдняя часть памятника, признанная Гутшмидомъ по недоразумѣнію за самую надпись Агаѳангела, ни съ Агаѳангеломъ, ни съ Марабою ничѣмъ не связана, а принадлежитъ Анониму, но въ дошедшемъ до насъ видѣ оказывается сильно пострадавшей отъ позднѣйшаго вліянія Хоренскаго, откуда внесены въ нее помимо хронологіи и отдѣльныя фразы[1]).

1) Такъ напр., (p. 10) եղբարք իւրով Վաղարշակաւ, զոր թագաւորեցոյց Հայաստան աշխարհին, ср. М. X., II, 1 и 8. «Арташэсъ 25 л.», въ искаженныхъ спискахъ, является

Мы уже говорили, это — два списка царей, повидимому, взаимно согласованныхъ: 23 армянскихъ Аршакида по нимъ царствуютъ столько же, сколько бывшихъ ихъ современниками персидскихъ государей, одиннадцать Аршакидовъ и пять шесть первыхъ Сасанидовъ; излишекъ въ три года въ спискѣ армянскихъ царей объясняется опискою въ пареянскомъ спискѣ, разъ на ту же сумму оказываются уменьшенными противъ М. Хоренскаго годы царствованій 5. Аршавира и 8. Аршака, тогда какъ у искаженнаго Анонима въ этой части, какъ увидимъ, мы должны ожидать излишекъ, а никакъ не недостачу.

Но сличая тотъ же списокъ армянскихъ царей со спискомъ Хоренскаго, открываемъ, что въ совокупности годы царствованій по Анониму на 96 превышаютъ соотвѣтственныя хронологическія данныя Хоренскаго (589 — 493 = 96). Разница, слишкомъ бросающаяся въ глаза и необъяснимая описками, какъ это думалъ К. П. Паткановъ (op. c., стр. 63).

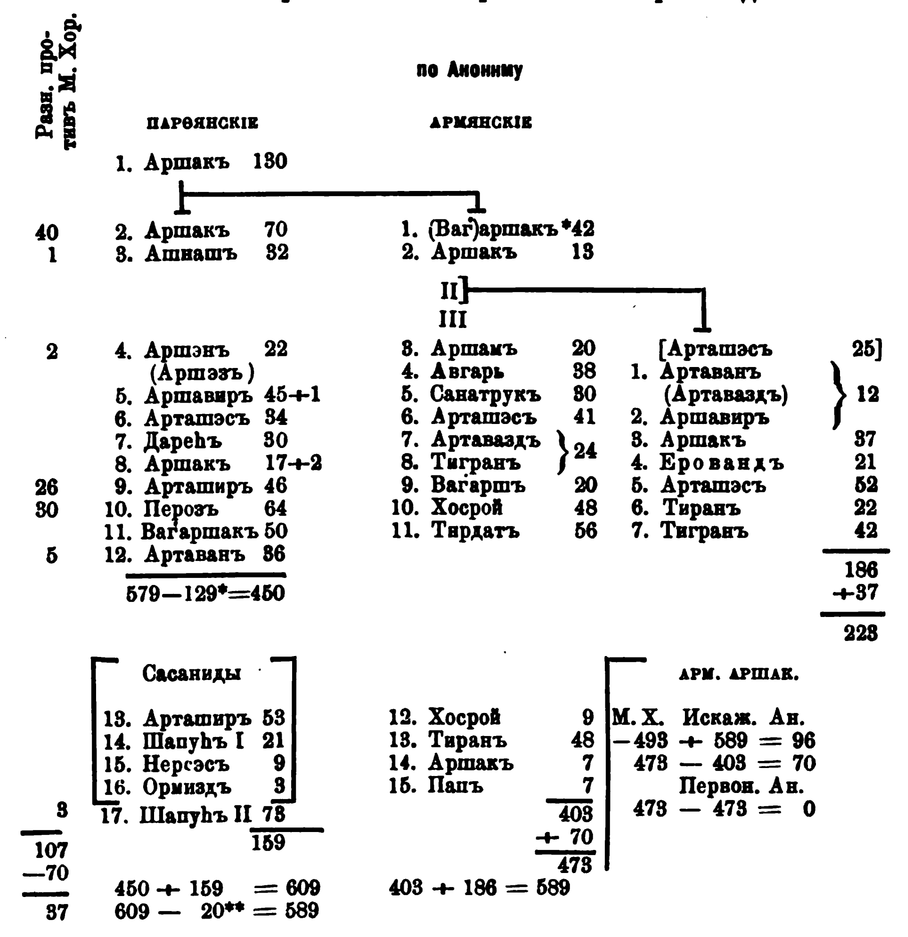
И дѣйствительно, сличая текстъ, точнѣе, имена слѣдовавшихъ другъ за другомъ Аршакидовъ въ армянскомъ спискѣ, мы замѣчаемъ у Анонима на два три лица больше, чѣмъ въ спискѣ Хоренскаго, да отчасти и иной порядокъ. Извѣстно, хронологическія данныя Хоренскаго для пареянскихъ Аршакидовъ хорошо выдержаны, лишь число царей ограничено, такъ что перечисляемые цари занимаютъ иногда въ точности годы двухъ царствованій. Пользуясь ли новыми источниками, или въ силу иныхъ соображеній Хоренскій все же ввелъ впервые еще имена двухъ, вѣроятнѣе, трехъ (К. П., op. c., стр. 56) Аршакидовъ, которыхъ нѣтъ въ Анонимѣ, но годы царствованій которыхъ оказываются и у Анонима скрытыми въ царствованіи перваго Аршакида. Во всякомъ случаѣ въ спискѣ пареянскихъ царей нѣтъ ни неожиданной вставки, ни какой-либо перестановки или пропуска. Напротивъ, варіируютъ списки армянскихъ царей, такъ какъ послѣдніе впервые приходилось вырабатывать и устанавливать въ зарождавшейся національной литературѣ.

Колебаніе же и разномысліе въ подобномъ вопросѣ у армянъ было возможно еще въ первое время. Съ М. Хоренскаго, сказавшаго съ точки зрѣнія армянской исторіографіи послѣднее слово по вопросу,

---

также заимствованіемъ цѣликомъ изъ Хоренскаго, ссылающагося (II, 10) по этому поводу на новые источники, отличные отъ (Псевдо-) Марабы: одинъ изъ этихъ источниковъ, мы полагаемъ, есть Анонимъ, которымъ М. Хоренскій пользуется съ обычной свободой.

Списки пароянскихъ и армянскихъ Аршакидовъ

Разн. противъ М. Хор.

по Анониму

Разн. противъ М. Хор.	пароянскiе		армянскiе			
	1. Аршакъ 130					
40	2. Аршакъ 70		1. (Ваг)аршакъ *42			
1	3. Ашнашъ 32		2. Аршакъ 13			
			II / III			
2	4. Аршэнъ (Аршэзъ) 22		3. Аршамъ 20		[Арташэсъ	25]
	5. Аршавиръ 45+1		4. Авгаръ 38		1. Артаванъ (Артаваздъ)	12
	6. Арташэсъ 34		5. Санатрукъ 30		2. Аршавиръ	
	7. Дареһъ 30		6. Арташэсъ 41		3. Аршакъ	37
	8. Аршакъ 17+2		7. Артаваздъ, 8. Тигранъ 24		4. Ерований	21
26	9. Арташиръ 46		9. Вагаршъ 20		5. Арташэсъ	52
30	10. Перозъ 64		10. Хосрой 48		6. Тиранъ	22
	11. Вагаршакъ 50		11. Трдатъ 56		7. Тигранъ	42
5	12. Артаванъ 36					186
	579—129*=450					+37
						228

	Сасаниды		арм. аршак.
	13. Арташиръ 53	12. Хосрой 9	М. Х. Искаж. Ан.
	14. Шапуһъ I 21	13. Тиранъ 48	—493 + 589 = 96
	15. Нерсэсъ 9	14. Аршакъ 7	473 — 403 = 70
	16. Ормиздъ 3	15. Папъ 7	Первон. Ан.
3	17. Шапуһъ II 73	403	473 — 473 = 0
107	159	+ 70	
—70		473	
	450 + 159 = 609	403 + 186 = 589	
37	609 — 20** = 589		

армянскiе историки занимаются лишь повторенiемъ авторитетнаго учителя. Въ пароянскомъ спискѣ Хоренскiй ввелъ одну незначительную подробность, *не* коснувшись при этомъ по существу хронологiи Анонима, въ армянскомъ же спискѣ помимо разногласiя въ именахъ, порядкѣ и числѣ царей, у Хоренскаго оказывается досказаннымъ то, чего нѣтъ, болѣе того—не имѣлось въ виду въ работѣ Анонима. Разсматривая списокъ Анонима изъ двадцати трехъ лицъ, за первыми двумя Аршакидами, родство которыхъ установлено было еще въ источникѣ Хоренскаго (II, 9), мы замѣчаемъ два ряда именъ. Послѣднiй (III),

*) Армянскiй царь (Ваг)аршакъ по Анониму воцарился въ предпослѣднiй годъ царствованiя перваго пароянскаго Аршака, именно въ исходѣ предпослѣдняго года, если нѣтъ въ цифрахъ описки на единицу, а по М. Хоренскому на 42-мъ году Аршака Великаго.

по М. Хоренскому

ПАРѲЯНСКІЕ

1.	Аршакъ	31
2.	Арташэсъ	26 } 46
2_2.	N=Phraates***	20 }
3.	Аршакъ Великій	53
4.	Аршаканъ	30
5.	Аршанакъ	31
6.	Аршэзъ	20
7.	Аршавиръ	46
8.	Арташэсъ	34
9.	Дареhъ	30
10.	Аршакъ	19
11.	Арташэсъ	20
12.	Перозъ	34
13.	Вагаршъ	50
14.	Артаванъ	31
		475—118=357
15.	Арташиръ	53
16.	Шапуhъ I	21
17.	Нерсэсъ	9
18.	Ормиздъ	3
19.	Шапуhъ II	70
		156

357 + 156 = 513
513 — 20** = 493

АРМЯНСКІЕ

1.	Вагаршакъ	22	
2.	Аршакъ	13	
(3.	Арташэсъ	25)	
(4.	Тигранъ II	33)	
(5.	Артавраздъ	—)	
6.	Аршамъ, сынъ Арташэса	20	
7.	Авгарь	38	
8.	Санатрукъ	30	
			9. Еровандъ 20
9_2	Арташэсъ II	41	
10.	Артавраздъ	2	
(11.	Тиранъ I	21)	
12.	Тигранъ III	42	
13.	Вагаршъ	20	
14.	Хосрой I	48	
15.	Тирдатъ	56	
16.	Хосрой II	9	
17.	Тиранъ II	16	
18.	Аршакъ II	30	
19.	Папъ	7	
		473 + 20 = 493	

наиболѣе значительный, начинающійся съ Едесскаго царя Аршама, отца Авгаря, у обоихъ авторовъ идетъ съ почти вполнѣ выдержанной послѣдовательностью, и объясненіе этого кроется опять-таки въ существованіи установленной традиціи для перечисленныхъ въ рядѣ царей, извѣстныхъ сподвижниковъ или противниковъ христіанства. Но между тѣмъ какъ у Анонима эти два ряда, каждый внутри со строго установленными степенями родства отъ старшаго къ младшему, во взаимныхъ отношеніяхъ ряда къ ряду остаются невыясненными и, слѣдовательно, оставляютъ открытымъ вопросъ, существуетъ ли между ними преемственность, или они являются одновременными, въ трудѣ Хоренскаго такимъ сомнѣніямъ положенъ конецъ. Хоренскаго занимало установить одну царствующую линію всей единой, хотя бы и лишь въ идеализаціи, Арменіи:

«Цари нашей земли, происходившіе отъ Аршака», говоритъ онъ во вступленіи ко второй книгѣ (II, 1), «наслѣдуя сынъ отъ отца власть, получили названіе Аршакидовъ: побочные (աւելորդք *лишніе*) размножились, образовавъ много родовъ, но единственная линія по очереди наслѣдуетъ царскую власть. При сжатости изложенія я пишу лишь о тѣхъ, которые (въ этомъ смыслѣ) подходятъ намъ, а побочныхъ оставляю».

**) Шапуhъ пережилъ Папа 20 годами.

***) См. К. Патк., Мат. для арм. слов., вып. II, стр. 55.

Съ такой точки зрѣнія вопросъ, открытый еще въ работѣ Анонима, Хоренскій долженъ былъ рѣшить *по возможности* въ смыслѣ установленія одной преемственной отъ члена къ члену линіи, на которой было сосредоточено все вниманіе историка. Хронологическая таблица Анонима у Хоренскаго принимаетъ одновременно видъ и родословнаго дерева въ одну непрерывную нисходящую линію.

Съ другой стороны мы и Анониму, конечно, не можемъ отказать въ желаніи составить списокъ царей Арменіи за опредѣленный періодъ, хотя не всегда была ясна ему или вовсе неизвѣстна родственная связь преемника съ предшественниками. Во всякомъ случаѣ изъ такой главной линіи не могутъ быть удалены ни первыхъ два имени, опредѣляющихъ династическій смыслъ всего списка, ни третій рядъ именъ, послѣдній членъ котораго является лицомъ близкимъ или даже современнымъ составителю. Эти же двѣ группы представляютъ ту устойчивую часть, за которой сознается, какъ было сказано, выработанная раньше литературная традиція.

Выдѣливъ же среднюю группу (II) съ внесеннымъ изъ М. Хоренскаго Арташэсомъ, стоящимъ у Анонима особнякомъ, ни съ кѣмъ не связаннымъ родственными узами, мы тѣмъ самымъ открываемъ факты, оправдывающіе подобный шагъ. Во-первыхъ, число оставшихся армянскихъ царей оказывается тождественнымъ съ числомъ Аршакидовъ и Сасанидовъ, царствовавшихъ по Анониму въ соотвѣтствующій промежутокъ времени въ Персіи. Въ такомъ совпаденіи армянскіе историки видѣли воплощеніе самой истины. М. Хоренскій въ подобномъ именно совпаденіи ряда армянскихъ патріарховъ или царей съ извѣстнымъ рядомъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ или чужеземныхъ царей видѣлъ неоспоримое доказательство правды. Не разъ онъ по выполненіи такой задачи восклицаетъ: «мудрый читатель, любуйся, съ какою убѣдительною точностью совпадаютъ родословныя таблицы, и дивись (I, 5)!» Такимъ же удивительнымъ образомъ былъ, повидимому, составленъ первоначальной редакціею списокъ армянскихъ Аршакидовъ по числу извѣстныхъ Анониму современныхъ имъ персидскихъ государей.

Затѣмъ, въ исторіи Хоренскаго читаемъ про Ерованда, что онъ, происходя по матери отъ Аршакидовъ, захватилъ власть и царствовалъ въ Арменіи двадцать лѣтъ, и какъ бы въ дополненіе этому изъ выдѣленной средней группы (II) въ спискѣ Анонима знакомимся съ цѣлымъ родомъ или, точнѣе, родословною Ерованда въ семь поколѣній.

Изъ этой побочной линіи по Анониму еще четырехъ членовъ Артавазда (Артавана), Арташэса, Тирана и Тиграна удерживаетъ Хоренскій, но ихъ уже приводитъ въ прямую родственную связь съ главной линіею, дѣлаетъ ее законными членами, опуская остальныхъ двухъ [1]), и такимъ образомъ получается главная линія армянскихъ Аршакидовъ въ девятнадцать членовъ: мѣра давно полна! Армянская линія уравновѣшивается девятнадцатью персидскими государями, пятью Сасанидами и всѣми пароянскими Аршакидами, въ числѣ послѣднихъ двумя или тремя, вновь введенными Хоренскимъ противъ Анонима. Малѣйшее прибавленіе угрожаетъ полнымъ нарушеніемъ излюбленнаго, условнаго пріема въ составленіи родословныхъ; и безъ того, чтобы число современныхъ членовъ совпадало, хотя бы приблизительно, въ обоихъ спискахъ, перваго армянскаго царя пришлось изъ сына, какъ онъ значится у Анонима, сдѣлать братомъ пароянскаго царя.

Наконецъ, припомнимъ, что господство армянскихъ Аршакидовъ въ дошедшемъ до насъ видѣ списковъ исчисляется почти на сотню лѣтъ (96) больше, чѣмъ у Хоренскаго. Но когда мы сличаемъ данныя по тому же предмету на основаніи выясняемой нами первоначальной редакціи списка, разница понижается до семидесяти (70), и въ томъ смыслѣ, что въ дошедшемъ до насъ видѣ таблицы сумма годовъ главныхъ армянскихъ Аршакидовъ первоначальной редакціи оказывается меньше противъ Хоренскаго на названную разность. Безъ замѣтнаго сокращенія годовъ царей главной линіи первоначальной редакціи, понятно, нельзя было увеличить ихъ рядъ внесеніемъ семи поколѣній побочной вѣтви съ ихъ хронологіею. Къ счастію, неизвѣстный исказитель не только оставилъ въ неприкосновенности группы и генеалогію древней редакціи, но и хронологическія данныя не рѣшился или не съумѣлъ цѣликомъ подогнать подъ цифры Хоренскаго. Но внесеніемъ въ главную побочной линіи продолжительность господства армянскихъ Аршакидовъ должна была возрости на сотни лѣтъ; чтобы избѣжать проистекавшее отсюда реальное несоотвѣтствіе во времени между армянскими и персидскими царями, приверженецъ системы Хоренскаго долженъ былъ или столь же неимовѣрно продолжить господство соотвѣтственныхъ персидскихъ государей или прибѣгнуть къ компромиссу, съ одной стороны увеличивъ время персидскихъ царей, съ дру-

1) Изъ нихъ имя одного—Аршавиръ—находимъ и у М. Хоренскаго въ родѣ Камсараканов, также побочной вѣтви Аршакидовъ.

гой уменьшивъ господство армянскихъ Аршакидовъ на одинаковое число лѣтъ.

Изъ чиселъ выясняется, что выбранъ путь компромисса, и такимъ образомъ указанная разница въ 70 лѣтъ должна быть разсматриваема какъ часть полнаго сокращенія, выпавшая на долю пятнадцати царей первоначальной редакціи. Для провѣрки, которая подтвердила бы нашу гипотезу, желательно было бы знать изъ другихъ данныхъ размѣръ полнаго сокращенія. Мы знаемъ, искомое сокращеніе должно было уравновѣшиваться соотвѣтственнымъ увеличеніемъ продолжительности современныхъ армянскимъ Аршакидамъ персидскихъ государей, собственно говоря парѳянскихъ царей и Шапуһа-Сапора II, такъ какъ въ спискѣ Анонима другіе Сасаниды не перечисляются; это соотвѣтственное увеличеніе оказывается въ 107 лѣтъ, какъ узнаемъ, сличая искаженныя данныя списковъ съ данными Хоренскаго, который пользовался первоначальнымъ текстомъ Анонима. Но мы видѣли, что сокращеніе на долю царей главной линіи представляетъ сумму въ 70 лѣтъ; слѣдовательно, побочной линіи сокращеніе коснулось на разность 107—70, т. е. 37, и такъ какъ въ искаженномъ текстѣ Анонима продолжительность побочной линіи исчисляется въ 186 лѣтъ, то 186 + 37, т. е. 223 будетъ продолжительность по первоначальному тексту.

Съ другой стороны прибавивъ 107 лѣтъ къ сокращенной продолжительности и побочной, и главной линій, мы получаемъ (589 + 107 =) 696, т. е. ту сумму, которая слагалась изъ годовъ правленія всѣхъ армянскихъ Аршакидовъ побочныхъ и главныхъ при первоначальной редакціи. Если изъ нея вычтемъ первоначальную сумму годовъ побочной линіи Аршакидовъ (223), то мы должны получить первоначальную сумму годовъ царствованія Аршакидовъ главной линіи, и это будетъ 473, т. е. точь въ точь та же самая продолжительность, которая дается имъ М. Хоренскимъ.

Пока ограничиваемся сказаннымъ, не вдаваясь въ значеніе выясняемаго факта для части труда М. Хоренскаго, являвшейся всегда камнемъ преткновенія на пути изслѣдователей, именно для исторіи армянскихъ Аршакидовъ, отрицательныя качества которой рельефно выступаютъ даже въ работѣ С. Мартена, по мѣрѣ возможности защищавшаго авторитетъ армянскаго историка и въ данномъ вопросѣ (Fragm. d'hist. des Ars. I, p. 54 и сл.). Извѣстно, одна изъ посылокъ въ изслѣдованіи S. Martin'a объ армянскихъ Аршакидахъ была

та, что авторитетъ армянскаго историка безусловно долженъ брать верхъ надъ утвержденіемъ греческаго писателя, хотя бы современника событій, такъ какъ армяне весьма древній народъ и хорошо могли сохранить древнія мѣстныя преданія; замѣчаніе это имѣетъ свое основаніе, но напр. появленіе Едесскихъ владѣтелей въ спискѣ армянскихъ Аршакидовъ, объясняемое S. Martin'омъ (l. c., p. 93—96) возможностью ношенія ими титула «царей армянъ», такъ какъ въ Сиріи жили армяне, намъ будетъ еще болѣе понятно, когда примемъ во вниманіе вліяніе на составленіе нашего памятника той сирійской школы и образованной среды, въ которой вращался и учился Анонимъ.

Для характеристики памятника не лишне будетъ указать на нѣсколько мелочей: одна—то, что текстъ разбитъ не на строфы, какъ въ прочихъ историкахъ, а на мелкіе куски отъ трехъ до семи строкъ по образцу стиховъ въ Библіи. Эта подробность едва-ли случайная, когда въ связи съ нею вмѣсто обычнаго армянскаго слова պատմութիւն и др. синонимовъ для выраженія понятія *исторія* находимъ слово աւուրք *дни*, явный отзвукъ דִּבְרֵי הַיָּמִים acta dierum, еврейскаго названія ветхозавѣтныхъ хроникъ.

Затѣмъ у Хоренскаго читаемъ (I, 12): «Армаисъ построилъ для себя мѣстопребываніе на холмѣ у берега рѣки (Аракса) и назвалъ согласно съ своимъ именемъ Армавиръ». У Анонима имя этого извѣстнаго города звучитъ своеобразно, Армайиръ, видимо въ угоду искусственной этимологіи, такъ какъ при такой формѣ названія въ послѣдней его части можно усматривать еврейское слово עִיר *городъ* и все названіе толковать въ смыслѣ города Армаиса. Въ угоду же подобной этимологіи у Анонима, а отсюда и у Хоренскаго, но безсознательно и лишь мѣстами (I, 10 и 11), названіе Айраратъ написано съ буквою д въ концѣ вмѣсто т; дѣло въ томъ, что вслѣдъ за исторіею Армавира у Анонима читаемъ, что по смерти Арама землею завладѣлъ (տիրեաց) Арай Прекрасный, вслѣдствіе чего—т. е. мы понимаемъ, въ качествѣ владѣнія Арая—сама равнина была названа по имени Арая Айрарадъ: корень רָדָה дѣйствительно по еврейски значитъ *овладѣлъ*. Быть можетъ, семитическая этимологія причастна и тому, что для внука hАйка, поспѣшившаго *предупредить* своего дѣда о появленіи царя Бэла, выбрано имя Кадмъ, въ связи съ глаголомъ קִדֵּם, означающаго по еврейски, да и по сирійски ܩܲܕܸܡ *предупредилъ*.

Одна изъ характерныхъ мелочей и та, что въ изложеніи Анонима, армянскаго писателя, не скрашена, во всякомъ случаѣ не совсѣмъ

затемнена та точка зрѣнія, съ которой раньше всего могла интересовать сирійца исторія первыхъ Аршакидовъ: Исторія пяти царей, попавшая въ руки Марабы, своимъ содержаніемъ касается сирійцевъ не менѣе, чѣмъ пароянъ, и заглавіе «Исторія пяти царей армянъ и пароянъ» для большей точности прекрасно могло быть расширено въ *Исторію пяти царей сирійцевъ, пароянъ и армянъ.*

Съ вѣрнымъ пониманіемъ Анонима лишаются всякаго значенія какъ нападки, такъ защита писателя Марабаса, питавшіяся исключительно препирательствами касательно вопроса, могло ли существовать во время первыхъ Аршакидовъ имя Марабасъ или нѣтъ. Для дѣла совершенно не требуется, чтобы Марабасъ жилъ до Рождества Христова; напротивъ, изъ Анонима знаемъ, что онъ былъ близкій, быть можетъ, современный ему философъ, отъ учениковъ котораго и досталъ Анонимъ *Исторію пяти царей*. Мы называемъ его Мараба, какъ называетъ его и Анонимъ; Хоренскій или уже источникъ Псевдо-Мараба эллинизировалъ имя въ «Марабасъ» и обыкновенно употребляетъ такую форму, если послѣдняя не есть искаженіе, вкравшееся въ рукописи подъ вліяніемъ популярнаго позднѣе, во времена Багратидовъ, имени Абаса: не имѣя основанія для отожествленія самихъ личностей, лишь для параллели къ формамъ имени укажемъ на весьма близкое по созвучію имя сирійскаго писателя начала V вѣка, звучащее по сирійски Mār ibhā, а по гречески Марибасъ.

Остается намъ отмѣтить новый свѣтъ, бросаемый Исторіею Анонима, именно вступительной частью, на нѣкоторыя имена. Въ Введеніи мы находимъ такія свѣдѣнія, будто Агаѳангелъ жилъ раньше Марабы, будто Агаѳангелъ по приказанію Тирдата написалъ исторію первыхъ Аршакидовъ. Все это — новости, и при томъ новости несообразныя для насъ, такъ много знающихъ и объ Агаѳангелѣ, и о Тирдатѣ. Но освободимся на минуту отъ нашихъ знаній, черпаемыхъ изъ сравнительно позднихъ источниковъ: перенесемся во времена Анонима, когда еще не было Исторіи Хоренскаго и когда Исторія обращенія Арменіи въ христіанство имѣла иной видъ, чѣмъ редакція, дошедшая до насъ съ именемъ Агаѳангела[1]).

1) По вопросу объ Исторіи Агаѳангела не безъинтересно хотя бы перечислить главныя положенія, обоснованныя Вѣнскимъ Мехитаристомъ Дашяномъ въ обстоятельной монографіи объ Агаѳангелѣ (Ագաթանգեղոս եւն, Вѣна 94), составленной на армянскомъ языкѣ, съ хорошимъ знаніемъ литературы предмета; вотъ выводы: Агаѳангелъ въ дошедшемъ до насъ видѣ не есть переводъ съ греческаго, или съ сирій-

Мы иначе и не должны поступать, имѣя дѣло съ наиболѣе древнимъ памятникомъ по армянской исторіографіи и съ его безъискусственнымъ и правдолюбивымъ авторомъ, не только воздающимъ suum cuique, но и называющимъ каждый предметъ его собственнымъ именемъ — сказку сказкой и исторію исторіей. Но и относясь къ Анониму съ довѣріемъ, мы сталкиваемся съ однимъ требующимъ разъясненія противорѣчіемъ между Анонимомъ и Псевдо-Марабой. По Анониму, исторія первыхъ армянскихъ царей была написана по порученію *доблестнаго* Тирдата, а по Псевдо-Марабѣ, начальная исторія была составлена по инициативѣ перваго Аршакидскаго царя. Можно, конечно, отклонять вопросъ, указавъ, что это одна изъ особенностей редакціи Псевдо-Марабы, но нельзя не видѣть, что эта особенность говоритъ въ пользу редакціи Псевдо-Марабы, и если окажется невѣроятнымъ предлагаемое сейчасъ объясненіе, то основательнѣе думать, что въ занимающемъ насъ пунктѣ позднѣйшая редакція Псевдо-Марабы сохранила намъ первоначальный видъ, а болѣе древняя редакція, точнѣе — сама оригинальная исторія Анонима потерпѣла отъ исправленія невѣжественныхъ переписчиковъ. Такія явленія не новы и для арменистовъ-филологовъ: нѣсколько искаженныхъ мѣстъ М. Хоренскаго прекрасно возстановляются на основаніи

скаго. Впрочемъ, въ отношеніи сирійскаго извода матеріалы скудны. Но греческій изводъ предполагаетъ безусловно армянскій оригиналъ. Мнѣніе Лагарда о переводѣ греческаго непосредственно съ сирійскаго несостоятельно. — Исторія Агаѳангела редактирована на основаніи разнорѣчивыхъ памятниковъ, отчасти пятаго вѣка, такъ Фауста (IV), Корюна и арм. перевода Литургіи Василія Великаго. Въ трудѣ Агаѳангела историческій элементъ смѣшанъ съ догматическимъ (վարդապետական). Въ повѣствованіи о Тирдатѣ сказывается эпическій элементъ. Первая книга состоитъ изъ трехъ частей: 1. Исповѣдничество Григорія Просвѣтителя, 2. Исповѣдничество Рипсиміи и Гаянэ и 3. Видѣніе св. Григорія. Видѣніе составлено не раньше пятаго вѣка.—Историческій элементъ преобладаетъ въ первой части. Большая часть второй книги, именно Исторіи обращенія Арменіи въ христіанство, носитъ мѣстный колоритъ, обилуетъ географическими, этнографическими и археологическими данными.—Въ общемъ эта позднѣйшая сложная редакція по времени предшествуетъ М. Хоренскому; болѣе того, при Хоренскомъ она была сложнѣе, въ ней имѣлось еще житіе святой Нины, Просвѣтительницы Грузіи. Въ концѣ авторъ монографіи выражаетъ желаніе, чтобы приведенъ былъ въ извѣстность древній грузинскій переводъ Исторіи, о существованіи рукописи котораго на Аѳонѣ писалъ еще Ланглуа. Желаніе армянскаго ученаго отчасти исполнено въ появившемся недавно трудѣ Ѳ. Жорданія, учителя духовной семинаріи въ Тифлисѣ: «Хроники и другіе матеріалы для исторіи и литературы Грузіи». Но, къ сожалѣнію, судя по части изданнаго текста, впрочемъ на основаніи не Аѳонской рукописи, а другой — Общества Грамотности въ Тифлисѣ — въ грузинскомъ текстѣ Исторіи имѣемъ переводъ съ греческаго извода, не лишенный однако своего интереса. Съ трудомъ Б. Саргисяна Ագաթանգեղոս եւ իւր բազմադարեան գաղտնիքը, Венеція 1890, непосредственно знакомы мы лишь по тому Введенію, которое единственно появилось на страницахъ Բազմ. (89, pp. 6—13).

католикоса Іоанна, историка IX вѣка, который, какъ извѣстно, широко дѣлалъ заимствованія у историка V вѣка. Въ нашемъ памятникѣ имѣемъ такой случай на другомъ примѣрѣ. Въ Псевдо-Марабѣ читается сирійское слово Катина (sagax), вмѣсто котораго въ первоначальной редакціи Анонима стоитъ греческое слово философъ: несомнѣнно, надо предпочесть сирійское слово въ качествѣ наименованія сирійскаго мудреца, но отсюда заключаемъ только то, что въ древней редакціи понимающіе переписчики замѣнили сирійское слово общепринятымъ греческимъ, и позднѣйшая редакція такимъ образомъ помогаетъ возстановленію первоначальнаго чтенія. Что же касается имени царя, то возможно, что Псевдо-Мараба по своему усмотрѣнію выбралъ то лицо изъ первыхъ Аршакидовъ, которое позаботилось оставить потомству память о подвигахъ первыхъ Аршакидовъ, слѣдовательно и о себѣ, но что такимъ лицомъ долженъ былъ быть раньше всего одинъ изъ первыхъ же Аршакидовъ, оспаривать это трудно. Да и на основаніи текста Анонима приходится заключать, что упоминаемый у него доблестный Тирдатъ не можетъ имѣть ничего общаго съ царемъ Тирдатомъ, принявшимъ христіанство отъ Григорія Просвѣтителя въ IV вѣкѣ. Вспомнимъ, что историческая надпись, попавшая въ руки низибійскому философу, была найдена при разборѣ дворца царя Санатрука въ Низибѣ. Но мы знаемъ лишь одного царя Санатрука, строившаго дворцы въ Низибѣ, какъ говоритъ объ этомъ и Хоренскій (II, 36, ср. сообр. Б. Саргс., 83, 236, прим.), и, конечно, найденный въ его дворцѣ историческій памятникъ, сохранявшійся, предполагается, какъ цѣнное наслѣдіе отъ предковъ, не могъ быть написанъ по приказанію Тирдата, жившаго значительно позднѣе. Такой безсмыслицы избѣгаютъ и апокрифы, а Анонимъ, собственно авторъ самой надписи, повидимому, зналъ свое дѣло, и называя Тирдата, имѣлъ въ виду не христіанскаго армянскаго царя, а, какъ и основывающійся на немъ Псевдо-Мараба, одного изъ первыхъ Аршакидовъ: какъ извѣстно, у членовъ пароянской династіи рядомъ съ прозвищемъ аршакъ, игравшимъ роль титула, было настоящее имя, и въ томъ именно Аршакѣ, подвиги котораго описаны въ исторической надписи Агаѳангела, не упоминающей еще объ его смерти, скрывается между прочимъ и Тирдатъ (Teridates, Gutschm., Gesch. Irans etc., p. 30; S. Martin, Fragm. d'une hist. I, p. 318; К. Патк., op. c., стр. 57).

Конечно, знакомымъ съ Агаѳангеломъ секретаремъ царя Тирдата, написавшимъ по приказанію этого царя исторію просвѣщенія Григо-

ріемъ Просвѣтителемъ Арменіи, особенно легко было обознаться въ именахъ «Тирдатъ» и «Агаѳангелъ», но такой промахъ, такое невѣрное пониманіе текста могло случиться и само по себѣ, еще до появленія той редакціи Обращенія Арменіи въ христіанство, которая повѣствуется отъ лица Агаѳангела, — и въ такомъ случаѣ занимающая насъ фраза изъ Введенія Анонима могла дать основаніе для того, чтобы Обращеніе Арменіи въ христіанство при Тирдатѣ, извѣстное еще Фаусту, писателю IV вѣка, не называющаго однако имени автора, приписали его мнимому секретарю Агаѳангелу. Быть можетъ, при этомъ воспользовались именемъ Агаѳангела, такъ какъ при значеніи этого слова казалось особенно подходящимъ сдѣлать изъ него автора Обращенія Арменіи въ христіанство, и въ такомъ случаѣ знакомое намъ соображеніе Гутшмида объ этомъ имени въ связи съ его греческимъ значеніемъ въ отношеніи Исторіи обращенія Арменіи можетъ сохранить всю свою силу.

Резюмируемъ все сказанное въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Древнѣйшій, дошедшій до насъ, памятникъ на армянскомъ языкѣ по начальной исторіи Арменіи есть трудъ Анонима, который основанъ частью на сказочныхъ, по признанію самого автора, матеріалахъ, частью на *Исторіи пяти царей* апокрифическаго происхожденія, такъ какъ, соглашаясь съ Анонимомъ въ томъ, что эту Исторію онъ досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ сирійскаго философа, въ самихъ подробностяхъ нахожденія ея въ развалинахъ дворца (ср. Ездра I, гл. VI, 1—2; II, VI, 23) не можемъ не усматривать черты, свойственной апокрифамъ, и само имя Агаѳангелъ, быть можетъ, является продуктомъ измышленія.

2) Этого апокрифическаго Агаѳангела можно сблизить съ Агаѳангеломъ, слывущимъ за автора *Обращенія Арменіи въ христіанство*, въ томъ случаѣ, если допустить, что *Исторія обращенія* сначала ходила безъ указанія автора и лишь впослѣдствіи она была приписана Агаѳангелу по недоразумѣнію, которое выяснено выше.

3) Въ произведеніи Анонима нѣтъ и намека на возбужденное патріотическое настроеніе, не сказывается еще непосредственное знакомство съ греческой литературою, предметомъ горячаго и исключительнаго поклоненія историка М. Хоренскаго: Анонимъ вращается въ мірѣ библейскихъ преданій и сирійской мудрости и учености; словомъ, его Исторія есть продуктъ времени господства сирійско-христіанской культуры въ Арменіи, что прекрасно совпадаетъ съ временемъ,

опредѣляемымъ послѣдними именами въ приложенныхъ хронологическихъ таблицахъ царей, т. е. концомъ IV и началомъ V вѣка.

4) Трудомъ Анонима воспользовался впослѣдствіи другой неизвѣстный авторъ [1]), который, захвативъ съ исторической надписью Агаѳангела (Марабы) кое что изъ прибавленнаго Анонимомъ и своеобразно развивъ существовавшія уже въ его источникѣ подробности, пустилъ въ оборотъ такъ обработанный трудъ Анонима цѣликомъ отъ имени сирійскаго мудреца Марабы или Марабаса и впалъ въ грубое противорѣчіе, такъ какъ въ Исторіи, составленной по инціативѣ перваго Аршакида, оказывается упомянутой смерть его самого и описаннымъ царствованіе преемника его Аршака. Памятникъ этотъ (Псевдо-Мараба) не дошелъ до насъ отдѣльно.

5) М. Хоренскій, который былъ знакомъ съ обоими памятниками, далъ предпочтеніе позднѣйшей, болѣе распространенной и подробной переработкѣ труда Анонима, въ его время слывшей за произведеніе Марабы, и внесъ ее цѣликомъ, съ нѣкоторыми еще дополненіями отъ себя, въ свою Исторію Великой Арменіи. Она занимаетъ первую книгу съ VIII главы и девять первыхъ главъ второй книги М. Хоренскаго.

Разставаясь съ трудомъ Анонима, не забудемъ, что одно ясно выраженное обѣщаніе автора въ самомъ началѣ Введенія остается неисполненнымъ. За неимѣніемъ фактовъ трудно съ рѣшительностью сказать, чему мы обязаны отсутствіемъ въ трудѣ Анонима описанія современныхъ ему бѣдственныхъ событій: дефектности ли дошедшаго до насъ списка или тому, что авторъ не сдержалъ своего слова. Присутствіе хронологическаго списка армянскихъ Аршакидовъ показываетъ, что рама для историческаго повѣствованія во всякомъ случаѣ была приготовлена. Списки Исторіи Анонима, какъ извѣстно, сохранились въ рукописяхъ всегда вмѣстѣ съ трудомъ Себэоса «Походъ Иракла», въ предшествіи ему; съ Исторіею Себэоса Исторія Анонима не представляетъ ничего общаго, но переписчиками, повидимому, чуствовалось, что разобранный нами памятникъ составляетъ часть, именно вступительную, какого-то историческаго труда.

Ѳома Арцруни (Пб., p. 44) приписываетъ извѣстныя въ его время краткія сочиненьица по родословіямъ Мамбрэ Анагносту и Ѳеодору

---

1) Ср. К. П. Паткановъ, Ванскія надписи для Исторіи Передней Азіи въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1875, янв., стр. 175, прим. 1.

Грамматику, и хотя у Θомы же Арцруни мы находимъ съ другой стороны знакомство съ Анонимомъ, но объ отожествленіи послѣдняго съ однимъ изъ названныхъ писателей не можетъ быть рѣчи, такъ какъ и тотъ, и другой названы у Θомы вмѣстѣ съ Моисеемъ, братомъ Мамбрэ, слѣдовательно, *по существующей традиціи*, съ нашимъ Моисеемъ Хоренскимъ, Анонимъ же принадлежитъ другому времени и другой школѣ.

Но нельзя не указать на одно любопытное обстоятельство: армянскій историкъ Фаустъ Византійскій начинаетъ свою исторію съ третьей книги. Обыкновенно это объясняютъ [1]) тѣмъ, что будто Фаустъ смотрѣлъ на свою книгу, какъ на продолженіе двухъ предшествовавшихъ трудовъ — Миссіи Θаддея и Миссіи Григорія Просвѣтителя, но въ такомъ случаѣ третьей считалась бы вся Исторія Фауста, а не одна лишь книга. Въ объясненіе такому странному наименованію начальной главы, полагаю, съ большею основательностью могло быть указано на другое обстоятельство: эта книга Фауста по содержанію соотвѣтствуетъ третьей книгѣ Исторіи М. Хоренскаго; сопоставляя обсуждаемую книгу Фауста съ третьей книгой М. Хоренскаго, особенно съ первыми восемнадцатью ея главами, нельзя не отмѣтить то сходство какъ въ сообщаемомъ матеріалѣ, такъ въ разработкѣ этого матеріала [2]), которое могло повліять на наименованіе нынѣ третьей книги Фауста. Но этимъ путемъ объяснилось бы лишь наименованіе книги *третьей* и отнюдь не то, почему могъ возникнуть вообще вопросъ о переименованіи книги, разъ она

1) Neumann, Versuch einer Gesch. der Armen. Liter., Leipzig 1834, p. 26, ср. Зарбаналянъ, Պատմութիւն, p. 232 и сл.; Н. Эминъ даетъ своеобразное объясненіе основанное на неполномъ пониманіи текста и неудачномъ толкованіи Բուզանդարան պատմութիւնք (Coll. des hist. arm., I, pp. 205—206). У S. Martin'a (Fragments etc., I, p. 235 и сл.), полагающаго, что отъ этой Исторіи не дошло еще начальныхъ двухъ книгъ, любопытна сравнительная оцѣнка историческихъ трудовъ Фауста и Моисея, не въ пользу послѣдняго. На необходимость точнаго перевода приводимой ниже главы съ особенной силой настаивалъ также Е. М. въ Բուզանդ Փաւստոս (Вѣна 1890, p. 25). Отмѣтимъ кстати, что въ рукописи, любезно переданной мнѣ на пользованіе Г. А. Эзовымъ, совершенно отсутствуютъ имѣющіяся въ изданіяхъ передъ первой главой слова Բուզանդարան պատմութիւնք. երրորդ դպրութիւն. սկիզբն. Вообще же, надо принять во вниманіе, что рукописи Ф. В-скаго, очевидно, являются списками одного и того же искаженнаго, дефектнаго оригинала, чѣмъ исключительно и объясняется замѣченная Е. М.'омъ (op. c., p. 31) несущественность многочисленныхъ разночтеній, о чемъ см. также Предисловіе къ изд. К. Патканова.

2) Несмотря на сжатость изложенія и отсебятины М. Хоренскаго, говорящія далеко не въ его пользу, см. S. Martin, l. c., pp. 240—241; тоже самое и Е. М., op. c., p. 45 и сл.

значилась бы начальной, первой. Надо полагать, мнимая третья книга никогда не значилась первой, не была начальной. И дѣйствительно, обсуждаемая книга начинается слѣдующими вступительными словами:

«Отъ проповѣдничества апостола Θаддея, его преставленія и мученической «смерти до свершенія Григоріемъ просвѣтительной миссіи и до его кончины, «отъ царя апостолоубійцы Санатрука до невольнаго подчиненія Тирдата (хри«стіанской) вѣрѣ и его кончины, равно какъ жизнь первыхъ благочестивыхъ «мужей и ихъ противниковъ цѣликомъ описаны другими. Однако не обошли «ихъ и мы въ этомъ трудѣ, внесли въ нашу послѣдовательную исторію малое «отъ многаго для должной связи событій; [словомъ,] такъ какъ наша исторія «есть частью *начальная* и частью современная намъ, а то, что происходило «въ промежуткѣ, описано другими, то, чтобы не оказалось пробѣла въ нашей «исторіи, мы дали краткій очеркъ посредствующихъ событій подобно тому, «какъ кладутъ кирпичъ въ середину возводимой стѣны при окончательной «достройкѣ».

Изъ этого совершенно ясно, что Фаустъ писалъ начальную исторію Арменіи и новѣйшую, т. е. современную ему, а для средней, промежуточной части, восполняемой исторіею двухъ Миссій апостола Θаддея и Григорія Просвѣтителя, онъ довольствовался краткимъ пересказомъ.

Никакой однако начальной исторіи нѣтъ въ дошедшемъ до насъ трудѣ Фауста, начинающемся, какъ сказали, третьей книгой. Невольно напрашивается сближеніе между Анонимомъ, обѣщающимъ современную ему исторію, которой въ его трудѣ нѣтъ, и Фаустомъ, обѣщающимъ начальную исторію, которой также нѣтъ въ дошедшемъ до насъ спискѣ Исторіи Фауста.

Правда, по смыслу выдержки Фауста, недостаетъ больше, чѣмъ имѣемъ въ Анонимѣ: исторіи апостольскихъ миссій Григорія Просвѣтителя и Θаддея, занимавшія промежуточный періодъ, захватываютъ лишь Аршама, слѣдовательно, начальная исторія Фауста должна была заключать, судя по списку Анонима, исторію двухъ первыхъ армянскихъ Аршакидовъ; въ дошедшемъ до насъ спискѣ Анонима рѣчь лишь о первомъ (Ваґаршакѣ), но въ томъ-то и бѣда, что списокъ этотъ дефектенъ. Впрочемъ у насъ есть и другое свидѣтельство, независимое отъ Введенія, въ пользу того, что въ первоначальномъ видѣ Исторіи, несомнѣнно, повѣствовалось у Анонима объ Аршакѣ, второмъ армянскомъ Аршакидѣ; дѣло въ томъ, что лишь въ концѣ главы объ этомъ Аршакѣ (II, 9) у Хоренскаго находимъ приписку: «здѣсь кончается текстъ Марабас'а Катин'ы», т. е. Псевдо-Марабы, смѣшавшагося, какъ мы видѣли, съ трудомъ Марабы, собственно Агаθангела, повѣствуемый Анонимомъ.

Кромѣ того въ особомъ предисловіи Фауста читаемъ:

> «Въ предлежащей (III или II?) книгѣ нижеслѣдующее есть *хронологическія таблицы* (ժամանակագրեր կանոնք) для исторіи и съ нею три книги, т. е. (всего) ихъ *четыре книги* и всѣ *четыре* памятники одного предмета, повѣствующіе *исторію родовъ Арменіи* и т. д.

Во первыхъ, дошедшая до насъ Исторія Фауста хотя и состоитъ изъ четырехъ книгъ, но послѣдняя часть, подлинность которой, кстати сказать, оспаривается венеціанскими учеными, несомнѣнно лишь по недоразумѣнію выдѣлена не только въ четвертую, но вообще въ особую книгу, такъ какъ она есть и по размѣру, и по содержанію, и по выставленному въ началѣ заглавію эпилогъ, въ которомъ, въ одной главѣ, разсказывается о раздѣленіи армянскаго царства при сыновьяхъ Папа; остальныя главы представляютъ не исторію родовъ Арменіи, а житія армянскихъ епископовъ, редактированныя отчасти въ такомъ пасквильномъ тонѣ, что трудно видѣть въ нихъ произведеніе первой поры христіанства въ Арменіи, тѣмъ болѣе произведеніе Фауста, церковные интересы ставившаго выше національныхъ.

Во вторыхъ, какъ видно изъ той же выдержки, Фаустъ составлялъ хронологическія таблицы: въ дошедшей до насъ его Исторіи не находимъ ничего подобнаго, но опять таки въ заключительной части труда Анонима, какъ мы видѣли, имѣются такія хронологическія таблицы, списки царей, доведенные до царя Папа, и обнаруживающіе упоминаніемъ годовъ царствованія Сапора, что авторъ жилъ еще по крайней мѣрѣ при сыновьяхъ Папа, Аршакѣ и Хосроѣ, при которыхъ произошло раздѣленіе Арменіи, разсказанное въ эпилогѣ Исторіи Фауста.

Кромѣ того что труды Анонима и Фауста такъ соблазнительно идутъ другъ къ другу на встрѣчу, вопросъ этотъ имѣетъ основаніе быть возбужденнымъ и потому, что какъ Анонимъ, такъ Фаустъ одинаково отличаются отъ всѣхъ армянскихъ историковъ общими имъ особенностями: библейской манерою писанія[1]), оборотами народной рѣчи, безъискусственностью языка[2]), внесеніемъ ска-

---

1) Касательно Фауста см. Е. М., op. c., p. 35 и сл. Мы возвратимся къ этому вопросу, разработанному отчасти въ трудахъ армянъ-арменистовъ, насколько это касается Ф. Византійскаго.

2) Насъ не мало удивляетъ, что Л. ʽПарпскаго сближаютъ съ Фаустомъ В. въ отношеніи стиля (Айдынянъ, Քննական քեր., p. 60). Несомнѣнно, Л. ʽП. мѣстами не чуждъ народныхъ оборотовъ, словъ и формъ; но это составляетъ исключеніе на общемъ фонѣ искусственной, старательно отдѣланной, рѣчи Лазаря ʽП., который съ риторизмомъ не разстается даже въ отрывкѣ объ Араратской землѣ (p. 22 и сл.), въ рѣдкомъ въ армянской литературѣ образчикѣ описанія родной природы. Съ тѣми же исключеніями мы встрѣчаемся, когда живой, впечатлительный темпераментъ писа-

зокъ[1]) въ исторію безъ всякихъ натянутыхъ аллегорическихъ толкованій и отсутствіемъ сильно возбужденнаго національнаго чувства. Кстати, нельзя не упомянуть, что Фаустъ ни разу не называетъ Арменіи или Армянской земли «нашею» (хотя бы съ суффиксомъ перваго лица *ս*), какъ это принято у всѣхъ прочихъ армянскихъ писателей. Въ этой чертѣ и еще въ томъ, что, упоминая о греческомъ императорѣ и Аѳинахъ, онъ выражается «великій царь греческій» и «великій городъ Аѳины», нѣкоторые (Зарбаналянъ, Պատմ., p. 229) видѣли греческую національность[2]). Но это второстепенное явленіе проще объясняется тѣмъ, что Фаустъ принадлежитъ еще тому періоду, когда къ новообращеннымъ въ христіанство армянамъ сирійскими учителями вмѣстѣ съ христіанской религіею прививался тотъ же политическій кругозоръ, который царилъ въ самой Сиріи, и національное самосознаніе

теля прорывается сквозь устанавливавшійся въ литературѣ риторическій слогъ, такъ особенно въ Письмѣ къ Ваһану, написанномъ подъ жгучимъ чувствомъ уязвленнаго самолюбія, или когда разсказы бывалыхъ людей заносятся на страницы Исторіи языкомъ живыхъ источниковъ.

1) Въ отношеніи сказокъ не надо увлекаться и народнымъ ихъ происхожденіемъ, пока не будетъ испробована возможность литературнаго заимствованія, тѣмъ болѣе что во вліявшей на армянскую сирійской литературѣ сказочный элементъ составляетъ значительную часть историческихъ повѣствованій. Кстати будетъ указать въ параллель того, какъ царя Папа въ дѣтствѣ окружали демоны въ образѣ змѣй (Фаустъ, Спб., IV, 44, p. 132 и V, 22, p. 180), на такой же случай въ сирійской повѣсти VI или VII в. объ *Іуліанѣ Отступникѣ* (Nöldeke, Ein zweiter syrischer Iulianus-Roman, Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges., 1874, 28 B., p. 669).

2) Послѣ остроумной разгадки Е. М'омъ (op. c., p. 5 и сл.) таинственныхъ строкъ въ концѣ оглавленія шестой книги, мы уже имѣемъ полное основаніе считать ихъ за мистификацію какого либо переписчика, и въ этомъ смыслѣ совершенно расходимся съ выводомъ самого Е. М.'а, что Фаустъ былъ *Հոռոմ грекъ:* можно ли допустить, чтобы серьозный авторъ игралъ въ жмурки со своими читателями, въ загадочныхъ выраженіяхъ указывая мѣсто, гдѣ онъ будетъ говорить о себѣ? Греческое происхожденіе личности Фауста, если бы и было оно доказано, мало измѣнило бы положеніе вопроса, такъ какъ самимъ памятникомъ достаточно опредѣляется характеръ писателя, чтобы съ этой цѣлью была нужда справляться объ его роднѣ въ сомнительныхъ приискахъ; но основательна ли вообще тенденція связывать памятники начальной поры армянской литературы съ тѣмъ или другимъ именемъ? Кажется, въ отношеніи первыхъ писателей мы должны отказаться отъ usus'а, усвоеннаго позднѣе, когда рядомъ съ національнымъ самосознаніемъ стало рости и субъективное самосознаніе личности въ каждомъ писателѣ. Присутствіе греческихъ словъ въ Исторіи Фауста нисколько не ускользаетъ отъ нашего вниманія: греческія слова Фауста уравновѣшиваются персидскими, т. е. получается такое сочетаніе, которое раньше всего было усвоено сирійской литературой, а изъ послѣдней могло привиться и армянской. Такъ же рискованно придавать рѣшительное значеніе совпаденію словъ у Малалы и М. Хоренскаго въ томъ смыслѣ, что М. Х. безусловно зависитъ отъ греческаго текста, когда такія «греческія» слова, какъ σίγνον, не менѣе гражданственны въ сирійской литературѣ.

не давало еще себя знать. Во всякомъ случаѣ тоже самое явленіе замѣчаемъ и у Анонима (X, XLIX).

Анонимъ, да и самъ текстъ его Исторіи направляютъ наши взоры въ сторону Сиріи: тамъ предполагается научный центръ. Въ этомъ отношеніи трудъ Анонима, первый опытъ по начальной исторіи Арменіи, не стоитъ особнякомъ. Изъ сирійскихъ историческихъ писаній оказываются перешедшими къ армянамъ наиболѣе древніе памятники армянской литературы (Мараба, Лерубна); съ греческими историками первое время знакомились армяне при посредствѣ сирійскаго (Евсевій). Древняя редакція Обращенія Арменіи въ христіанство, первообраза Исторіи Агаѳангела, составлена если не на сирійскомъ, то въ періодъ господства сирійской образованности, и этимъ древнимъ культурнымъ сближеніемъ двухъ народовъ объясняется существованіе у сирійцевъ отрывковъ первой редакціи Обращенія, вытѣсненной въ самой Арменіи съ половины V-го вѣка позднѣйшей обработкою. Сама традиція, если не созданная эллинофильствовавшей группою писателей, то крайне окрашенная ея симпатіями и антипатіями, не скрываетъ первоначальнаго вліянія сирійцевъ на армянскую письменность. Тутъ мы сталкиваемся съ совершенно нетронутымъ вопросомъ, когда и какимъ образомъ могла такъ сильно повліять сирійская литература и, главное, историческая на армянскую, вызвавъ въ послѣдней даже первые опыты по національной исторіи, разъ сама сирійская исторіографія начинается съ пятаго вѣка? У насъ даже нѣтъ возможности утверждать, что такъ рано существовали какіе либо литературные памятники, писанные армянскими буквами, если не признаемъ изобрѣтенія первоначальнаго «несовершеннаго» армянскаго алфавита не только тѣсно связаннымъ съ вліяніемъ сирійской образованности, но и болѣе плодотворнымъ и полезнымъ, чѣмъ позволяютъ думать показанія писателей иной школы[1]), довольно таки сбивчивыя въ фактическихъ подробностяхъ, но единодушныя въ порицаніи всего сирійскаго, особливо близкаго имъ по времени.

Послѣ этого любопытно отмѣтить, что какъ Анонимъ, такъ Фаустъ въ эллинофильскій періодъ армянской литературы были одинаково осуждены: ихъ заклеймили, какъ невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ писателей.

1) Нельзя не припомнить по этому поводу, что замалчиваніе заслугъ піонеровъ армянской письменности со стороны армянскихъ классиковъ было подмѣчено и К. П. Паткановымъ (Ванскія надписи для Ист. П. Азіи, Ж. М. Н. Пр., 1875 янв., стр. 174): «Всѣ писатели V вѣка, писавшіе въ разныхъ концахъ Арменіи, часто не

Мы знакомы съ рѣзкимъ мнѣніемъ Хоренскаго объ Анонимѣ, хотя онъ пользуется имъ и посредственно черезъ Псевдо-Марабу, и непосредственно въ хронологіи Аршакидовъ. Къ сожалѣнію, Хоренскій умалчиваетъ объ имени автора, какъ умалчиваетъ объ имени автора и тогда, когда онъ въ III книгѣ даетъ лишь краткій пересказъ ряда главъ изъ Исторіи Фауста. Не называетъ имени историка и греческій писатель Прокопій (Bell. Persic., кн. I, гл. 5), дословно воспроизводящій ссылкою на исторію περὶ Ἀρμενίων цѣлыя страницы изъ Фауста Византійскаго. Греческое имя армянскаго историка однако было извѣстно уже въ V в. и тогда же считалось апокрифичнымъ. Лазарь ʻПарпскій, писатель V-го вѣка, за пристрастіе къ греческимъ книгамъ подвергавшійся жестокимъ нападкамъ со стороны части духовенства— по рекомендаціи Лазаря — исключительно невѣжественной[1]), безпощадно осуждаетъ Исторію Фауста (73, p. 14):

знавшіе другъ о другѣ и о трудахъ другъ друга, какъ будто *условились между собою хранить глубокое молчаніе о состояніи армянскаго языка и литературы до ихъ времени*». Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай показать, что сохранить глубокое молчаніе имъ не вполнѣ удалось. Кромѣ того, новѣйшія изслѣдованія упраздняютъ мысль, будто арм. классики не знали «другъ о другѣ и о трудахъ другъ друга»; покойный учитель мой подобное явленіе считалъ естественнымъ среди армянскихъ писателей и не разъ объяснялъ его отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія въ древней Арменіи. Путешествіе же въ Арменіи вовсе не такъ трудно, какъ это можетъ показаться кабинетному ученому, и сопряжено съ небольшими лишеніями даже въ наши дни, когда въ попадающихся на каждомъ шагу развалинахъ монастырей не только не встрѣчаете страннопріимныхъ домовъ, чѣмъ въ значительной степени и были армянскіе монастыри, но съ трудомъ находите какой либо уцѣлѣвшій уголъ, чтобы временно укрыться отъ жгучихъ лучей солнца или застигнувшаго врасплохъ ливня. Пути же сообщенія для пѣшихъ, конныхъ и мѣстныхъ арбъ въ древности были гораздо лучшіе, чѣмъ въ настоящее время: въ сравнительно позднюю эпоху, Багратидовъ, на Ахурянѣ (Арпачаѣ), притокѣ Аракса, начиная съ деревни Чрпили, имѣлось по крайней мѣрѣ шесть каменныхъ мостовъ, тогда какъ теперь на томъ же протяженіи нѣтъ ни одного! Главное же, въ ту пору въ Арменіи былъ живъ духъ, была жива вѣра, которая умѣетъ легко справляться съ преградами. Въ бытность въ Эчміадзинѣ намъ пришлось выслушать по этому поводу остроумное слово одного краснорѣчиваго монаха, съ грустью констатировавшаго, на храмовомъ праздникѣ, въ присутствіи покойнаго католикоса, что дороги нынѣ стали широкими, паръ несетъ странниковъ съ неимовѣрной быстротою на сушѣ и на морѣ, средства къ передвиженію болѣе покойны, но притокъ дальныхъ богомольцевъ въ Эчміадзинъ изъ года въ годъ идетъ къ убыли. Естественныя преграды не могли являться неустранимой помѣхой, когда живо сознавалась потребность общенія.

1) Странно то, что отъ этой невѣжественной части сохранено иностранное слово, пущенное ею по адресу противниковъ, значеніе котораго до сихъ поръ недоступно пониманію ученыхъ. «Развѣ не ваши армянскіе монахи (աբեղեանք) воздвигли гоненіе..... на блаженнаго философа (փիլիսոփայն) Монсея?» пишетъ Лазарь ʻПарпскій Ваһану Мамиконяну (Թուղթ, 73, p. 607—608): «не они ли его просвѣщающія и разгоняющія невѣжество писанія по невѣжеству называли ӥаталикэс?». Стоитъ однако

«Это произведеніе не ученаго византійца»—говоритъ Лазарь—«а какого-то «нахальнаго неуча, который написалъ, что ему взбрело въ голову, и думалъ «именемъ Фауста прикрыть свою наглость и свое невѣжество... такія лич«ности попадаются среди грековъ, но ихъ больше между сирійцами [1]».

Когда мы знаемъ изъ непосредственнаго чтенія, что Фаустъ, какъ и Анонимъ, дѣйствительно далеки отъ хваленной греческой науки, выражавшейся въ понятіяхъ армянскихъ эллинофиловъ главнымъ образомъ въ риторическомъ искусствѣ, но болѣе всѣхъ прочихъ армянскихъ историковъ интересны по простотѣ слога и естественности

допустить, что эта невѣжественная партія считала въ своихъ рядахъ образованныхъ въ сирійской школѣ людей, какъ слово патал-икэс становится понятной транскрипціею семитскихъ словъ ܦܬܝܠܐ *исковерканный* и עִקֵּשׁ *извращенный*. Кстати, если даже въ авторѣ «извращенныхъ» писаній, философѣ Моисеѣ, видѣть историка Моисея Хоренскаго, котораго Л. 'Парпскій, судя по его словамъ, еще не знаетъ, то все же прекрасно доказанное въ монографіи Г. А. Халатьяна Ղազար Փարպեցի եւ գործ. նորին (Москва 1883, стр. 61 и сл.) тождество многихъ мѣстъ у этихъ двухъ писателей придется объяснить не тѣмъ, что Л. 'Парпскій разводитъ лаконическаго Хоренскаго, а обыкновеніемъ М. Хоренскаго сжато и негласно пересказывать несимпатичныхъ по направленію предшественниковъ, въ данномъ случаѣ историка, который могъ служить общимъ источникомъ обоимъ эллинофиламъ. Г. А. замѣчаетъ совершенно справедливо, что повѣствованіе Лазаря не страдаетъ отъ многословія, мѣстами это весьма живое и захватывающее душу (յոյժ հոգեւէից, p. 62, արտաքուստ եւն p. 64) изложеніе, и въ такихъ случаяхъ Л. 'П. сравнительно съ М. Хоренскимъ кажется древнѣе. Нѣкоторыя новыя подробности въ Исторіи М. Хоренскаго могутъ происходить изъ другихъ доступныхъ въ его время источниковъ или принадлежать цѣликомъ ему, такъ напр. письма, по какой части нашъ историкъ большой мастеръ.

1) Рѣзкія выраженія, въ которыхъ не стѣсняется Л. 'П., желая опорочить враждебныхъ монаховъ, вполнѣ понятными становятся лишь при наличности разыгравшихся партійныхъ страстей, и клеймитъ онъ не монашество — вѣдь онъ самъ былъ и остался монахомъ всю жизнь — и не всѣхъ армянскихъ монаховъ, разъ онъ, самъ армянинъ, выдѣляетъ изъ нихъ рядъ симпатичныхъ ему дѣятелей, а тѣхъ многочисленныхъ и сильныхъ еще иноковъ старой школы (сирійской), съ которыми у него, какъ представителя новаго направленія (греческаго), была непримиримая вражда. Позднѣе, съ крестовыхъ походовъ усиленное вѣяніе католическаго міра вызвало тождественное раздвоеніе въ армянскомъ духовенствѣ и затѣмъ въ обществѣ. Въ новѣйшее время западное просвѣщеніе создало въ армянской литературѣ, успѣвшей изъ исключительно духовной обратиться въ свѣтскую, такія же отношенія взаимной нетерпимости между двумя партіями такъ называемыхъ либераловъ и консерваторовъ. И не любопытно ли, что у современныхъ намъ партій въ 1893 году возникаетъ споръ по тому же вопросу, какой послужилъ въ пятомъ вѣкѣ столь же либеральному въ свое время Лазарю 'Парпскому поводомъ для слѣдующихъ строкъ: «у грековъ народъ и даже дѣти, взобравшись на плечи родителей, потрясаютъ руками въ знакъ одобренія и выкрикиваютъ нечленораздѣльные звуки, приподнявшись на цыпочки (обращаясь въ слухъ); а ваши монахи (գորա) сидятъ съ покрытыми головами и завернутыми лицами, точно у зловоннаго трупа, и безмолствуютъ, точно нѣмые діаволы». Для насъ мѣсто это важно въ томъ отношеніи, что Л. 'П. при этомъ кличкой отличаетъ тѣхъ монаховъ, которыхъ онъ имѣетъ въ виду, называя ихъ сирійскимъ словомъ ܐܒܝܠܐ = աբեղայ (602—աբեղէնքս, 607—աբեղեանք, равно p. 577), между тѣмъ, какъ въ примѣненіи вообще къ монахамъ онъ употребляетъ պարեգաւտաւոր (pp. 571, 573, 600, 610), переводъ съ греческаго.

разсказа, то въ мнѣніяхъ Лазаря 'Парпскаго и Моисея Хоренскаго нельзя не видѣть приговоровъ заинтересованныхъ судей. Въ пристрастныхъ сужденіяхъ Хоренскаго и 'Парпскаго слышится отголосокъ упорной борьбы, съ которой новымъ поколѣніямъ армянскихъ писателей, развивавшимся на непосредственномъ изученіи греческой литературы, давалась побѣда надъ ненаціональной сирійской образованностью. И если изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Анонимъ и Фаустъ и окажутся различными лицами, то разлучить ихъ совершенно едва-ли придется. Они всегда останутся представителями одной и той же эпохи армянской литературы, періода господства сирійской образованности, еще до начала національнаго движенія въ армянской христіанской литературѣ.

Нечего говорить, какъ много будетъ значить даже такой минимальный выводъ для вопроса объ источникахъ М. Хоренскаго. Первая книга Исторіи Хоренскаго и начало второй основано на переработкѣ Начальной Исторіи Анонима, армянскаго писателя періода господства сирійской образованности. На сочиненіи Фауста, историка того же періода, основана значительльная часть третьей книги Хоренскаго. Оставшаяся средняя часть Армянской исторіи также должна была быть разработана и *дѣйствительно была разработана* не только въ исторіяхъ Миссій апостола Ѳаддея и Григорія Просвѣтителя, но и въ трудѣ Фауста, въ которомъ, по словамъ автора, излагалась связная исторія событій въ Арменіи отъ начала до его времени. Въ такомъ случаѣ какъ въ другихъ частяхъ, такъ и въ этой М. Хоренскій имѣлъ передъ собою готовый, собранный матеріалъ на армянскомъ языкѣ, съ которымъ онъ долженъ былъ считаться. Это объясняетъ многое, что иначе кажется въ историкѣ непонятнымъ противорѣчіемъ. М. Хоренскій не разъ выражаетъ свое отвращеніе къ народнымъ сказкамъ, тогда какъ въ его Исторіи сказкамъ отводится столь широкое поле, что это обстоятельство даетъ поводъ F. Vetter'у доказывать въ спеціальной замѣткѣ Moses von Choren [1]) (Kirchenlexicon, herausg. v. Her-

1) У меня въ рукахъ былъ армянскій переводъ помѣщенный въ Հ. Ամ. 93, № 12, pp. 371—375. Не могъ я достать въ оригиналѣ, къ сожалѣнію, и другой статьи того же автора: Das Buch des Mar-Ibas von Nisibis, Festschrift (Prof. Rud. v. Roth's 50 jähriges Doctor-Jubiläum) 1893, pp. 81—88, съ которой познакомился я нѣсколько поздно, по армянскому переводу въ журналѣ Հ. Ամ. 94, № 1, pp. 1 — 6. Vetter также стоитъ за то, что у М. Хоренскаго для первой книги, дѣйствительно, былъ источникъ сирійскаго происхожденія; но въ общемъ достаточно сказать, что текстъ Анонима такъ же не понятъ Vetter'омъ, какъ прочими толкователями, и считается имъ составленнымъ позднѣе Исторіи М. Хоренскаго. Интересно для насъ указать на то, вѣрно замѣчен-

genröther und Kaulen, Freiburg, B. VIII, 1893), будто вся первая книга М. Хоренскаго и часть второй есть сказочная исторія (это въ сущности старая теорія Н. Эмина, К. Патканова и др.). Между тѣмъ противорѣчіе историка понятно при положеніи между двухъ огней: съ одной стороны отсутствіе какихъ либо достовѣрныхъ данныхъ по политической исторіи родной страны, съ другой—труды предшественниковъ, въ которыхъ ненавистныя народныя сказки, нелюбимымъ народнымъ простымъ языкомъ, въ нелюбимой народной поэтической формѣ передаются въ качествѣ исторіи. Сказки тѣ, частью мѣстныя собранныя до него, частью чужеземныя, книжныя, успѣвшія проникнуть въ литературу, извѣстны всѣмъ образованнымъ современникамъ, въ числѣ нихъ и патрону историка—С. Багратуни, который и обращаетъ на нихъ вниманіе М. Хоренскаго. Историкъ нашъ по неволѣ пользуется сказками, но правда-ли, что онъ вноситъ ихъ въ свою Исторію? Нѣтъ; онъ этого избѣгаетъ. Историкъ напоминаетъ ихъ, какъ всѣмъ уже извѣстныя, цитуя болѣе или менѣе длинный отрывокъ, иногда лишь начальныя слова, и сосредоточивая все свое вниманіе надъ отыскиваніемъ въ нихъ историческаго смысла, вырабатываетъ такимъ образомъ историческій разсказъ, по образцу морализацій средневѣковыхъ басенъ. Зависимостью отъ такого готоваго матеріала болѣе, чѣмъ предполагаемымъ [1]) путешествіемъ

ное, обстоятельство, что между тѣмъ какъ Мараба, собственно Агаѳангелъ, у нашего Анонима распространяется больше о парѳянскихъ дѣлахъ, [Псевдо-] Мараба у Хоренскаго подробенъ въ томъ, что касается исторіи или географіи Арменіи. Касательно же одобряемаго Vetter'омъ предложенія Баумгартнера, op. c., p. 495, что Մծուրնացի есть искаженное Մծուինացի, замѣтимъ, что тоже самое было высказано еще въ 1862 году К. Паткановымъ (перев., стр. 178, прим. 36), и укажемъ на нарушеніе армянской фонетики, допущенное Б-ромъ въ объясненіи этого слова: «ethnicon Մծուինացին»—форма невозможная въ древне-армянскомъ; названіе «Низибин» въ армянскомъ транскрибируется Մծբին или Մծուին, scriptio plena Մըծուին, съ ослабленіемъ неударенняго ի въ ը latens во второмъ и третьемъ съ конца слогахъ: при всякомъ прибавленіи къ этому имени лишняго слога, будетъ ли это падежное окончаніе или суффиксъ прилагательнаго, третье, оставшееся ի, также ослабѣваетъ въ ը latens: отсюда отъ Մծուին род. пад. Մծունայ = Մծուընայ и прилаг. Մծունացի=Մծուընացի; очевидно, какимъ путемъ невнимательный переписчикъ Մծուընացի оригинала, оказывающійся въ исправленномъ спискѣ о. Ф. 'Чамч'яна (Հանդ. Ամս. ib., p. 5), могъ списать Մծուրնացի. Род. Մըծունայ, также scriptio defecta вм. Մըծուընայ, у переписчика же нашего памятника искаженъ въ Մրծանայ (изд. К. Патк., p. 9).

1) Если посмотрѣть съ прозаической трезвостью на поэтическій, точнѣе риторическій, разсказъ объ его путешествіи (III, 61) и не видѣть въ немъ аллегоріи, то авторъ оказывается въ противорѣчіи съ истиннымъ положеніемъ дѣла, говоря объ Едессѣ, что онъ *Թեթեւակի ընդ խորս դիւանին նաւեալ быстро проплылъ на челнокѣ глубину его архивовъ* или, какъ еще переводятъ, *слегка пронесся по глубинѣ его архивовъ.*

М. Хоренскаго въ Едессу, объясняется также противорѣчіе, бѣлой нитью проходящее черезъ весь памятникъ, постоянныя ссылки на сирійскіе, въ частности Едесскіе архивы, между тѣмъ какъ авторъ принадлежитъ къ ярымъ поклонникамъ греческой науки, о чемъ витіевато и многократно заявляетъ самъ въ рядѣ главъ въ началѣ своей Исторіи. Вѣдь мы знаемъ, какъ ссылка М. Хоренскаго на Едесскій архивъ въ одномъ случаѣ, въ главахъ объ Авгарѣ, взята изъ церковной Исторіи Евсевія, переведенной на армянскій языкъ съ сирійскаго (см. изд. Венеція, 1872, равно о. Зарбаналянъ, Catal. des trad. arm., p. 55). Тотъ же матеріалъ, заготовленный армянскими учеными сирійской школы, долженъ былъ опредѣлить въ источники М. Хоренскому часто цитуемыхъ имъ прозелитовъ изъ персовъ[1]), которые мало или совсѣмъ неизвѣстны грекамъ. Нѣтъ сомнѣнія, не мало могъ внести новаго М. Хоренскій въ Исторію Арменіи изъ доступныхъ ему и любимыхъ греческихъ источниковъ, и это новое онъ могъ найти въ памятникахъ пятаго, или болѣе поздняго вѣка, смотря потому писателемъ какого времени онъ будетъ признанъ по тщательномъ и всестороннемъ изученіи армянской литературы въ указанныхъ предѣлахъ. Но до окончательныхъ выводовъ слѣдуетъ направить изысканія въ область сирійской письменности[2]) для опредѣленія степени ея вліянія на начальную армянскую; вліяніе это сказалось за много времени раньше, чѣмъ Малала воспользовался для своей греческой хроники посредственно или непосредственно матеріалами мѣстныхъ антіохійскихъ лѣтописцевъ[3]).

И такъ оказывается, что въ болѣе или менѣе интересныхъ вопросахъ по армянской литературѣ нельзя ступить шагу безъ ряда догадокъ. Не выяснены изслѣдованіемъ коренные вопросы, касающіеся

1) Транскрипція имени родоначальника Сасанидовъ Փափագ, а не Պապակ, въ II. 70 (յաղագս երազոյն Փափագայ) также предполагаетъ сирійскій, а не греческій оригиналъ,

2) Нельзя не пожалѣть, что въ одной сирійской повѣсти, въ трехъ частяхъ, дошедшей до насъ въ рукописи VI вѣка, недостаетъ первой части, какъ разъ *Исторіи Константина и его сыновей*. Th. Nöldeke (Ueber den syrischen Roman von Kaiser Iulian, Zeitschr. d. D. Morg. Ges., pp. 263 — 264) говоритъ, что едва-ли велика потеря, такъ какъ *Исторія Константина и его сыновей* представляла, судя по сохранившемуся отрывку и двумъ остальнымъ частямъ, совершенно *сказочное* повѣствованіе (durchaus fabelhafte Erzählung). Но сказочный характеръ Исторіи Константина дѣлаетъ ее особливо цѣнной въ глазахъ интересующихся источниками труда М. Хоренскаго. Курьезно то, что подобно сказочной повѣсти о Константинѣ изъ житія папы Сильвестра, сирійская Исторія Константина также была приписана въ сирійской литературѣ историку Сократу (Th. Nöldeke, op. c., p. 292).

3) A. Wirth, Aus Orient. Chron. 1894, p. XXXI.

главнѣйшихъ явленій армянской литературы, отношеній ли къ наиболѣе вліявшимъ на нее сосѣднимъ литературамъ или взаимныхъ отношеній наиболѣе выдающихся ея памятниковъ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ частности съ изученіемъ текста Исторіи М. Хоренскаго. Въ немъ много мѣстъ, которыя независимо отъ всякихъ стороннихъ соображеній, въ силу лишь требованія смысла или устраненія явныхъ, недопустимыхъ отъ одного и того же лица, противорѣчій, напрашиваются на изслѣдованіе. Со стороны формы не меньше неразрѣшенныхъ вопросовъ. Пока есть лишь слабыя попытки къ уясненію того, что текстъ Исторіи, дошедшій до насъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ (не древнѣе конца XII вѣка), подвергался вѣками систематическому переводу замѣною классическихъ, мало понятныхъ, словъ сравнительно доступными выраженіями позднѣйшаго литературнаго обихода. Въ отношеніи языка трудъ комментировался, и часто глоссы, помѣщавшіяся на поляхъ, попадали въ текстъ, вытѣсняя или не вытѣсняя оттуда первоначальные эквиваленты. Но и въ отношеніи содержанія мы не можемъ быть увѣренными, что любознательные заказчики или собственники (*ստացող*), поручая свѣдущимъ переписчикамъ (*գրիչ*) сдѣлать для нихъ списокъ Исторіи — рукописные экземпляры сочиненій въ Арменіи возникали такимъ путемъ — довольствовались переводами словъ или фразъ, а не требовали также поясненій по тѣмъ или другимъ, интересовавшимъ ихъ, историческимъ вопросамъ.

Кромѣ того трудъ М. Хоренскаго, какъ не разъ указывалось, служилъ учебникомъ по исторіи, и въ качествѣ учебника онъ естественно могъ пополняться позднѣе добытыми свѣдѣніями. Эта сторона дѣла совершенно не затронута, а между тѣмъ имѣются всѣ данныя, чтобы изслѣдованіе ея не осталось безплоднымъ.

Правда, указанія о вставкахъ были сдѣланы въ отвѣтъ [1]) на статьи

---

1) Въ большинствѣ статей, вызванныхъ замѣтками проф. Carrière'a, пока на первомъ планѣ выступаетъ желаніе какъ нибудь выгородить М. Хоренскаго. Самостоятельный интересъ представляетъ замѣтка С. Малхасяна Մ. Խորենացու նոր աղբիւրը (Մուրճ 1892, pp. 1852—1863); статья посвящена спеціально II, 83 главѣ: въ ней выясняется съ вѣроятностью, что эта глава есть вставка XI вѣка. Что въ подлежащемъ мѣстѣ недостаетъ главы объ обращеніи въ христіанство Арменіи, С. М. доказываетъ весьма убѣдительно. Мы подписывали послѣднюю корректуру, когда получили возможность познакомиться съ разборомъ критическихъ статей А. С—ге'а, составленнымъ о. Саргисяномъ (Բազմ. 1894, V, pp. 198—210). Ученый Мехитаристъ пока — статья не окончена — старается шагъ за шагомъ опровергнуть предположенія А. С—ге'а о заимствованіяхъ Хоренскаго изъ Малалы и незамѣтно для себя втягивается въ тотъ заколдованный кругъ побочныхъ вопросовъ, въ которомъ французскій ученый мнитъ найти и разрубить Гордіевъ узелъ.

A. Carrière'a, чтобы поддержать престижъ М. Хоренскаго, но такой образъ дѣйствія и съ точки зрѣнія обороны крайне опасенъ, и не менѣе угрожаетъ правильному сужденію о М. Хоренскомъ. Нужна не такая защита, а самостоятельная армянская филологія[1]) съ критически провѣренными текстами и съ прочно выработанными взглядами, единственно надежными устоями для научнаго обсужденія, безъ чего изслѣдованія не только историко-литературныя, но и лингвистическія, будто бы на основаніи армянскихъ источниковъ, по существу основываются на болѣе или менѣе длинномъ рядѣ недоразумѣній.

Въ вопросѣ о М. Хоренскомъ совершенно упускается изъ виду, что не онъ одинъ историкъ пятаго вѣка, не одни историки были самостоятельными писателями у армянъ и не одни только оригинальныя произведенія писались тогда же; что литературные труженики той эпохи были народными дѣятелями, насадителями христіанскаго просвѣщенія на понятномъ родномъ языкѣ въ національномъ духѣ въ христіанской, но все еще язычески настроенной средѣ, наконецъ, писателями рѣзко обозначившагося направленія, и во всѣхъ ихъ трудахъ, переводныхъ и оригинальныхъ, сказывается, въ выборѣ темы, матеріаловъ, въ разработкѣ, во взглядахъ, въ слогѣ извѣстный обликъ писателя, который мы напрасно искали бы въ другой эпохѣ. Можно ли, минуя всѣ эти существенныя черты,—насколько мы пока знаемъ—связывающія М. Хоренскаго съ остальной плеядою пятаго вѣка, не обмолвившись даже ни словомъ по этимъ основнымъ вопросамъ, перемѣщать историка изъ одного столѣтія въ другое[2])? Конечно, нѣтъ. Но нѣтъ въ этомъ и вреда. Напротивъ, такое ошеломляющее неожиданностью обобщеніе хотя частичныхъ, но все же, повидимому, неоспоримыхъ фактовъ, способствуетъ лишь болѣе внимательному изученію писателя, тщательной документальной провѣркѣ взглядовъ традиціонныхъ, всего того, что мы знаемъ съ чужихъ словъ, и вызываетъ новыя спеціальныя работы, а чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ лучше.

1) Прекрасные опыты въ этомъ духѣ имѣются въ работахъ о М. Хоренскомъ нѣмецкаго ученаго A. Baumgartner'a.

2) Въ трудѣ Albrecht Wirth'a Aus Orientalischen Chroniken, Frankfurt a. M. 1894, заключающемъ между прочимъ довольно обстоятельный сводъ свѣдѣній и изслѣдованій объ армянскихъ историческихъ памятникахъ (pp. XLIV, 96—116), значительное мѣсто отведено М. Хоренскому (pp. 98—105), и Исторія его признается переработанной въ 634—644 гг. (p. 99). По поводу труда A. Wirth'a кстати замѣчу, что изъ отдѣла о грузинской исторіографіи, весьма не богато составленнаго — всего въ 11 строкъ (p. 116), надо выключить 6 строкъ, посвященныхъ труду Степана Орбеліана, *армянскаго* историка.

26 Марта. **Н. Марръ.**

Замѣтки по тексту Ѳеофанова Временника.

Продолжительныя занятія комментаріемъ къ Исторіи Войны Римлянъ съ Вандалами Прокопія давнымъ давно утвердили во мнѣ увѣренность въ томъ, что лѣтописецъ Ѳеофанъ извѣстіями объ этой войнѣ обязанъ *исключительно* этому сочиненію Прокопія. Въ слѣдствіе сличенія слово въ слово текстовъ Войны Вандальской Прокопія и вышеназваннаго его заимствователя, я подмѣчалъ въ послѣднемъ ошибки, которыя можно было исправить по первому. Посреди моихъ работъ по комментарію къ упомянутой Войнѣ, обнародовалъ свое превосходное изданіе Ѳеофановой хронографіи Карлъ Де Бооръ, за которое Королевскою Баварскою Академіей была ему присуждена Зографская премія. Этому ученому византійская наука обязана не только подробнымъ описаніемъ, но и тщательною оцѣнкой списковъ Ѳеофана, построеніемъ на основаніи глубоко обдуманнаго метода всего текста этого лѣтописца, пользованіемъ для исправленія этого текста переводомъ Анастасія Библіотекаря, исполненнымъ съ небольшимъ полвѣка послѣ составленія греческаго подлинника[1]). По появленіи Де Боорова изданія я могъ по оному дополнять свои сличенія Прокопія съ Ѳеофаномъ, и помѣстилъ часть ихъ въ своемъ комментаріи на 1-ю книгу Войны Вандальской, изданную въ 1891 г. Въ настоящей статьѣ я не стану повторять тѣхъ замѣтокъ (кромѣ кое-чего)[2]), а только на нихъ сошлюсь.

1) См. самое изданіе: Theophanis Chronographia recensuit *Carolus De Boor*. Vol. I textum graecum continens. Opus ab Academia Regia Bavarica praemio Zographico ornatum. Lips. 1883. Vol. II Theoph. Vitas, Anastasii Bibliothecarii Historiam Tripertitam, dissertationem de codicibus operis Theophanei, indices continens. Lips. 1885.—См. самое изданіе, и въ особенности Praefatio въ началѣ греч. текста (vol. I) и приложенное къ концу изданія разысканіе подъ заглавіемъ: Ueber die kritischen Hülfsmittel zu einer Ausgabe des Theophanes (V. II, 347—552).

2) См. Прокопія Кесарійскаго Исторія Войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готоами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса. Комментарій Гавріила Де-

Здѣсь я имѣю намѣреніе представить выводы изъ моего сличенія Ѳеофана съ Прокопіемъ, сдѣланнаго для 2-й книги Войны Вандальской, при чемъ я высказываю мѣстами свое несогласіе съ уважаемымъ издателемъ этого лѣтописца—Де Бооромъ. При исправленіи написаній, оставшихся неисправленными, я имѣлъ облегченіе въ томъ, указанномъ выше обстоятельствѣ, что лѣтописецъ этою частью своего труда *обязанъ былъ исключительно одному Прокопію:* **никакими другими источниками** онъ не пользовался. Несмотря однако на это облегченіе, встрѣчаются и большія трудности. Ѳеофанъ передаетъ Прокопія не всегда его словами, но очень часто и иногда значительно его перифразируетъ и сокращаетъ: отъ этого возникаютъ у него измѣненія въ языкѣ и слогѣ разсказа.

Таково замѣщеніе Ѳеофаномъ словъ и оборотовъ источника синонимическими словами и оборотами своего времени. Напримѣръ:

У Прок. B. V.	Theoph. Chr.
ἡμερῶν τεττάρων ὁδῷ τῆς ἠόνος I, 371, 16 B.	ἀπὸ τεσσάρων μονῶν τῆς θαλάσσης 293, 18 Bon. = 190, 12 De B.
πρᾳότητα πολλὴν καὶ φιλανθρωπίαν I, 382 B. 10.	ἀγαθότητι καὶ γλυκολογίᾳ 295, 12 Bon. = 191,13 D. B.
πόθον II, 426, 8.	πένθος 305, 12 B. = 197, 9 D. B.
χαλοὶ τὰ σώματα II, 446, 14.	χαλοὶ τῷ σώματι 309, 18 B. = 200, 2 D. B.
ἐς τὴν Αὐρασίου ὑπερβολὴν II, 496, 3 (о вершинѣ горы).	εἰς ὕψος 320, 6 B. = 206, 12 D. B.
ἐπὶ θοίνην (ἐκάλεσε) II, 502, 14.	ἐπ' ἄριστον 323, 6 B. = 208, 9 D. B.
τὰς συντάξεις II, 520, 3.	τὰς ῥόγας 330, 3 B. = 312, 16 D. B.

Подобными сохранившимися остатками средневѣковаго языка и слога, которые соотвѣтствуютъ болѣе древнимъ эллинскимъ выраженіямъ источника, мы, разумѣется, должны дорожить и измѣнять ихъ не въ правѣ. Мы имѣли въ виду указать только на нѣкоторые промахи

ступиса. Исторія Войнъ Римлянъ съ Вандилами. Кн. I, см. примѣчанія 1, 2, 8, 14 къ главѣ 6-й; пр. 9 къ гл. 15; пр. 1, 3 къ гл. 16; прим. 2, 6, 10, 13 къ гл. 17-й; пр. 2, 3, 7 къ гл. 18-й; пр. 10 къ гл. 19; пр. 13 къ гл. 20-й; прим. 7 къ гл. 21.

въ текстѣ Ѳеофана, отъ кого бы они ни происходили отъ самого ли заимствователя или отъ его списателей.

Въ двухъ изданіяхъ Ѳеофана, Боннскомъ и Де Боора, находимъ два разные оборота для выраженія мнѣнія, высказываемаго нѣкоторыми современниками Гелимера, относительно причины смѣха этого короля въ моментъ его представленія Велисарію. Они думали, что великость его бѣдствія разстроила его умъ. По изданію Боннскому: ἐκστάντα τῶν κατὰ φύσιν φρενῶν ὑπώπτευον (Theoph. Chr. Bonn. 307, 1—2, при чемъ ссылка на списки A (= Coisl. 133) и f (= Peyrezianus) — см. Praefatio Classeni къ Th. Chr. p. VII, гдѣ объяснены условные знаки списковъ. По изданію же De Boor'а въ текстѣ: ἐκστάντα τῶν κατὰ φύσιν ὑπώπτευον (Th. Chr. De Bo. 198, 7; а подъ страницей: τῶν κατὰ φύσιν φρενῶν Z). По Index Siglorum (стр. 2) у него Z означаетъ consensus g et h, т. е. согласіе cod. Par. Reg. 1711 и cod. Vatic. 978. Что согласіе этихъ двухъ списковъ не побудило издателя предпочесть ихъ прочимъ, это можно объяснить его невысокимъ мнѣніемъ объ этихъ спискахъ [1]). Въ данномъ случаѣ неизвѣстно, чѣмъ руководился этотъ издатель. Прилагаю свои соображенія. Въ Прокопіи, изъ котораго лѣтописецъ извлекъ это мѣсто, читаемъ, безъ φρενῶν: — ἐκστῆναι τῶν κατὰ φύσιν» (Proc. B. V. II, 7, 440, 11 B.). И вотъ возникаетъ вопросъ: вѣрно ли сохранилось написаніе это въ Прокопіи? не имѣлъ ли Ѳеофанъ списка Прокопіева, въ которомъ сохранилось φρενῶν? Или же Ѳеофанъ, не нашедъ φρενῶν, прибавилъ это отъ себя для лучшаго пониманія? Однако, мы останавливаемся съ одной стороны на убѣжденіи, что отсутствіе φρενῶν въ Прокопіи не мѣшаетъ мысли его быть вполнѣ ясною; а съ другой,—что этого слова не было и въ Ѳеофанѣ, если судить по старинному переводу Анастасія Библіотекаря quem alii quidem superfluitate passionis *excessisse*, *quae sunt naturae*,... (Anastas. Hist. Eccles. Bon. 90, 5 = Anast. Chron. Tripert. De Boor, 137, 25). Скорѣе всего допустить, что кто либо изъ переписчиковъ, человѣкъ больше чѣмъ грамотный, прибавилъ φρενῶν отъ себя для облегченія читателей своего времени.

По покореніи вандаловъ Велисарій прошелъ черезъ весь Константинополь съ торжествомъ, которое Римляне называли тріумфомъ οὐ τῷ παλαιῷ μέντοι τρόπῳ, ἀλλὰ πεζῇ βαδίζων ἐκ τῆς οἰκίας τῆς

---

1) См. его Praef. ad Theoph. p. VII и его изслѣдованіе: Ueber die Krit. Hülfsmittel zu einer Ausgabe d. Theoph. p. 376—384.

αὐτοῦ ἄχρι ἐς τὸν ἱππόδρομον· κἀνταῦθα [ἐκ Βανδίλων] αὖθις ἕως ἐς τὸν χῶρον ἀφίκετο, οὗ δὴ ὁ θρόνος ὁ βασίλειός ἐστιν (Proc. B. V. II, 9, 445, 13—16). По описаніи возвращенныхъ сокровищъ и плѣненныхъ вандаловъ и ихъ короля, и поклоненія царю Юстиніану, исполнненнаго этимъ королемъ и Велисаріемъ, авторъ пишетъ: ὀλίγῳ δὲ ὕστερον Βελισαρίῳ καὶ ὁ θρίαμβος κατὰ δὴ τὸν παλαιὸν νόμον ξυνετελέσθη (Pr. B. V. II, 9, 447, 8—9). Дальше описано это старинное римское торжество Велисарія. Итакъ у Прокопія безспорно выставлены два тріумфа — одинъ *не по старинному*, попроще, другой — *по старинному* — горделивѣе. Въ пересказѣ Өеофаномъ перваго мѣста Прокопіева въ Бон. изданіи ошибочно напечатано οὕτω παλαιῷ μέντοι τρόπῳ и переведено: *ita quidem* antiquo more (Theoph. Chr. I 309, 4 Bon.). Въ своемъ изданіи этого лѣтописца De Boor исправилъ эту ошибку на основаніи списковъ и издалъ, какъ слѣдуетъ, οὐ τῷ παλαιῷ μέντοι τρόπῳ (Th. Chr. I, 199, 17 ed. De Boor). Хотя этотъ издатель и ссылается на полѣ на Прокопія, но въ варіантахъ не сослался на подлинное мѣсто Прокопія, которое имѣетъ здѣсь болѣе рѣшающее значеніе, нежели списки. Что списки Өеофановой лѣтописи были очень рано испорчены, это видно изъ того, что и латинскій переводчикъ его Анастасій, жившій съ небольшимъ только полвѣка послѣ Өеофана, перевелъ: *sic veteri quidem modo*, какъ бы передъ его глазами стояло οὕτω, а не οὐ τῷ.

Theoph. Chr. I, 310, 9—10 Bon. въ текстѣ: о томъ, что Юстиніанъ «εἰς πατρικίου δὲ ἀξίαν ἀνεβίβασεν τοῦτον (Гелимера), διὰ τὸ μὴ δέχεσθαι αὐτὸν τῆς Ἀρείου δόξης μεταστῆναι. Несмотря на безсмыслицу, по которой выходитъ, что царь *возвелъ* Гелимера въ патрикіи *за то*, что тотъ не соглашался отречься отъ Аріева ученія, Боннскій издатель вноситъ ее въ текстъ, между тѣмъ какъ въ замѣткахъ подъ страницей печатаетъ лучшее чтеніе: «οὐκ ἀνεβίβασεν vulg.». Новый издатель внесъ вѣрное чтеніе οὐκ ἀνεβίβασε (De Boor, 200, 12), на основаніи согласія трехъ кодексовъ. Мы прибавимъ Прокопія и Анастасія Proc. II, 9, 447, 5—7: «ἐς πατρικίους μέντοι ἀνάγραπτος Γελίμερ ἥκιστα ἐγεγόνει ἐπεὶ οὐ μετατίθεσθαι τῆς Ἀρείου δόξης ἤθελεν». Anastasius (ed. De Boor, 139, 8 — 9: «verum hunc in patricii ordinem *non provexit* eo, quod ab Arrii secta discedere *minime* consentiret».

Theoph. Chr. I, 311, 9 B.: въ текстѣ Ῥαμῆς, а въ изд. De Boor Ῥαμμῆς на основаніи выбора между варіантами (p. 201, 4), несмотря

на то, что самъ же De Boor, рядомъ съ варiантами, начинающимися съ 'Ρ, приводитъ: «Μάμμης Proc.» Мы замѣтимъ, что кромѣ B. V. II, 11, 453, 4,—гдѣ читаемъ «ἐς Μάμμης τὸ χωρίον», Прокопiй упоминаетъ объ этой мѣстности въ Aedif. (6, 6, 342, 11 B.) «Μάμμης». Что рѣчь идетъ у Прокопiя объ одной и той-же мѣстности, видно изъ его описанiй въ означенныхъ извѣстiяхъ: въ Войнѣ Ванд. она прiурочена къ Визакiи и находилась у самой подошвы горнаго хребта; по Сооруженiямъ она находилась на самой окраинѣ и принадлежала къ числу тѣхъ селенiй, которыя были сильно укрѣплены Византiйскимъ правительствомъ впослѣдствiи, и которыя защищали имперiю отъ налетовъ конныхъ горцевъ. Это же названiе встрѣчается и на написи въ формѣ: Μανμα (Corp. Inscr. 4, 9131)). Если эта Μανμα написи была настоящимъ именемъ города, то двойной гласный можетъ быть объясненъ отожествленiемъ ν съ μ въ выговорѣ. Итакъ на основанiи двухъ текстовъ Прокопiя, находящихся въ разныхъ его сочиненiяхъ, и подкрѣпляющей это свѣдѣнiе мѣстной написи, мы полагаемъ, что и въ текстъ Ѳеофана должно внесть Μάμμης, вмѣсто 'Ραμμῆς; тутъ рѣшающее значенiе имѣетъ по вышеприведеннымъ объясненiямъ Прокопiй, а не списки Ѳеофана, который, какъ мы уже сказали, въ изложенiи Войны Вандальской переписывалъ Прокопiя, а другихъ источниковъ никакихъ не имѣлъ. Къ сожалѣнiю Анастасiй въ этомъ мѣстѣ сократилъ Ѳеофана и не выставилъ никакого мѣстнаго имени, о чемъ можно судить на основанiи обоихъ изданiй (Theoph. II, Anastasii Hist. Eccl. 99 Bonn.; Theoph. II, Anastasii Chron. Tripert. De Boor, p. 139).

Theoph. Chr. 312, 7 Bonn: ἐν Βουλγαρίωνι. De Boor въ своемъ изд. 201, 19 въ текстъ вноситъ то же чтенiе, ссылаясь на «Βουργαρίωνι hy, Βουλγαρίωνι cg, Βουλγαριώνι d, Βουργάωνι Proc.». Намъ кажется, что *напрасно вносить въ текстъ Ѳеофана* явную ошибку списковъ, когда мы имѣемъ у Прокопiя ἐν Βουργάωνι B. V. II, 12, 458, 14 B. и τὸ ὄρος Βουργάων на той же страницѣ (строка 22). Сверхъ того и у Суиды то же написанiе, что у Прок., только съ перемѣной ударенiя: «Βουργαῶν ὄρος περὶ τὴν ἑσπέραν» (см. подъ этимъ именемъ). — Кстати замѣтимъ, что такое прiуроченiе съ точки зрѣнiя Суиды имѣетъ смыслъ: для составителя словаря или его источника эта гора находилась гдѣ-то на западѣ; но это прiуроченiе неумѣстно повторено въ современномъ намъ словарѣ: «Βουργαῶν, *westliches Gebirge*, wo Belisar Krieg führte, Suid., Procop. Vand. 2, 12». (Pape-Benseler, Wörterbuch d. Griech. Eigennamen, 3. Aufl). Что значитъ

«западная гора»? Этотъ горный хребетъ даже и относительно бывшаго Вандальскаго королевства не былъ на западѣ: онъ приходился въ южной части Визакіи, которой приблизительно соотвѣтствуетъ нынѣ Тунизія.

Θеофанъ пишетъ ошибочно: «οἱ δὲ πλεῖστοι τῶν ἀρχόντων αὐτῶν (т. е. большая часть варварскихъ вождей) τοῖς Ῥωμαίοις προσερρύησαν сдалась римлянамъ» (Theoph. I, 313 init. B.—Id. ed. De Boor 202, 3). Между тѣмъ Прокопій говоритъ вполнѣ ясно, что «всѣ предводители варваровъ спаслись бѣгствомъ: одинъ Эсдиласа, получивъ обѣщаніе пощады, сдался римлянамъ» διέφυγον καὶ οἱ τῶν βαρβάρων ἡγούμενοι πάντες, πλήν γε δὴ ὅτι Ἐσδιλάσας πίστεις λαβὼν Ῥωμαίοις αὑτὸν ἐνεχείρισεν (B. V. II, 12, 462, 7—9 Bonn.). Ошибку Θеофана, происшедшую отъ невнимательности къ тексту Прокопія, нельзя приписать писцамъ; поэтому и текста его измѣнять нельзя; но въ такихъ случаяхъ необходимо отмѣчать, что фактъ переданъ невѣрно. А что ошибка была искони въ самомъ Θеофанѣ, это явствуетъ изъ его древняго переводчика, который пишетъ буквально по Θ. и не согласно съ Прокопіемъ: «plurimi vero principum ipsorum Romanis adiuncti sunt» (Anastas. 100, 1 Bon.; 139, 26 De Boor).

Вотъ еще примѣръ невѣрной передачи Θеофаномъ текста Прокопіева. Послѣ описанія продолжительнаго затменія солнца, относимаго Прокопіемъ къ 10-му году Юстиніана, историкъ присовокупляетъ: «ἐξ οὗ τε ξυμβῆναι τοῦτο τετύχηκεν, οὔτε πόλεμος οὔτε λιμὸς οὔτε τι ἄλλο ἐς θάνατον φέρον τοὺς ἀνθρώπους ἀπέλιπε» (Proc. B. V. II, 14, 469, 18—19 B.). = «*А съ тѣхъ поръ, какъ это случилось*, не было недостатка ни въ войнѣ, ни въ голодѣ, ни въ иныхъ бѣдствіяхъ, губящихъ людей». Θеофанъ же переиначиваетъ это извѣстіе и относитъ войны и смертные случаи къ самому 10-му году Юстиніана, выражаясь такъ: ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ οὔτε πόλεμος, οὔτε θάνατος ἐπιφερόμενος τοῖς ἀνθρώποις ἐπέλειπεν (Theoph. Chr. 202, 14 De Boor; ср. Бон. изд. 313, 13, гдѣ одинаковый текстъ). Разумѣется, издателямъ Θеофана не слѣдуетъ исправлять этотъ текстъ, несмотря на его неточность, такъ какъ въ немъ усматривается только неряшливый способъ выписыванія; но слѣдовало бы, полагаемъ, въ примѣчаніяхъ означать такія мѣста. Анастасій этотъ фактъ пропустилъ (Bonn. 100, D. B. 139).

Theoph. Chr. I, 314, 13—16 Bonn.=203, 2—5 De Boor: Θεόδωρον δὲ τὸν Καππαδόκα εἰς τὸ παλάτιον ἐλθόντες στρατηγὸν τοῦτον ἐψη-

φίσαντο, καὶ σιδηροφοροῦντες ἅπαντα τὸν προστυγχάνοντα ἔκτανον (Bonn. ἔκτεννον De Boor)»...... Подчеркнутое нами слово должно относить не къ Ѳеофану, а къ писцамъ: вѣдь само собою разумѣется, что взбунтовавшіеся воины пришли расправляться *вооруженные*. Σιδηροφοροῦντες испорчено изъ δορυφοροῦντες Прокопія, который пишетъ: διὸ δὴ οἱ στασιῶται στρατηγόν τε αὐτὸν (т. е. Ѳеодора) σφίσιν αὐτίκα τῇ βοῇ ἐψηφίσαντο, καὶ σὺν αὐτῷ δορυφοροῦντες.... и т. д. (Proc. B. V. II, 14, 473, 21—22 B.) = «по сей причинѣ (т. е. зная, что Ѳеодоръ имѣлъ непріязнь къ Соломону) крамольники громкими кликами разомъ провозгласили его своимъ полководцемъ, *окружили дорифорами*» и т. д. Такимъ образомъ искаженіе δορυφοροῦντες въ σιδηροφοροῦντες очевидно. Въ изданіи De Боора однако въ примѣчаніяхъ ничего не отмѣчено.

Theoph. Chr. I, 315, 5 Bon.: οἱ δὲ στρατιῶται συλλεγέντες εἰς τὸ βουλῆς πεδίον Τζότζαν....... εἵλαντο. Подчеркнутое нами слово принято въ Бонскомъ изданіи за нарицательное «βουλὴ = совѣтъ, совѣщаніе»; переводъ же колеблется между собственнымъ и нарицательнымъ: «in Bules (consilii) campo conventu habito». — Въ своемъ изданіи Ѳеофана De Boor въ текстъ вноситъ Βουλῆς, т. е. принимаетъ это слово за названіе города, указывая подъ страницей на: «τὸ τῆς βουλῆς d (т. е. на Par. Reg. 1710)» и на «Βούλλης Proc.» (Th. Chr. I, 203, 12 ed. De Boor). Этотъ издатель послѣдовалъ Прокопію, у котораго находимъ: ἔς τε Βούλλης ξυλλεγέντες πεδίον (Proc. B. V. II, 15, 475, 10 B.); но относительно ударенія все же предпочелъ данное какого-то списка, между тѣмъ какъ Прокопіево удареніе совпадаетъ съ удареніемъ латинскаго названія этого города Bulla. См. объ этомъ городѣ пр. 11 къ главѣ 19-й, кн. I. Прок. Войн. Ванд.

Прокопій о вышеупомянутомъ временномъ вождѣ мятежниковъ разсказываетъ слѣдующее: «Стоца, *сперва* возлагавшій свои надежды на Маврусіевъ, бросился было къ нимъ, но понялъ что̀ тутъ происходило и *едва успѣлъ убѣжать* съ сотнею людей. Однако около него *опять собралась* толпа мятежниковъ, которые рѣшились вновь вступить въ бой съ римскимъ войскомъ; но разбитые, они.... всѣ сдались Герману» (=Στότζας δὲ, κατ' ἀρχὰς μὲν ἐπὶ τῷ τῶν Μαυρουσίων στρατῷ τὸ θαρσεῖν ἔχων, ὡς ἀναμαχούμενος παρ' αὐτοὺς ἤλαυνεν. αἰσθόμενος δὲ τῶν ποιουμένων, ξὺν ἑκατὸν ἀνδράσι διαφυγεῖν μόλις ἴσχυσεν. αὖθις δὲ ἀμφ' αὐτὸν πολλοὶ ξυλλεγέντες ἐνεχείρησαν μὲν τοῖς ἐναντίοις ἐς χεῖρας ἐλθεῖν, ἀποκρουσθέντες δὲ..... Γερμανῷ ἅπαντες προσ-

εχώρησαν (Proc. II, 17, 490, 7—13 B.). Посмотримъ, какъ передаетъ это извѣстіе Θеофанъ: Στότζας δὲ τὸ θάρσος εἰς αὐτοὺς ἔχων, ἑωρακὼς τὰ ὑπ' αὐτῶν γινόμενα μετὰ ρ' εἰς φυγὴν ἐτράπη (Theoph. Ch. De Boor, 205, 13—15; также было и въ изд. Бон. кромѣ Τζότζας и γενόμενα; ed. Bonn. 318, 12—13). Очевидно извѣстіе Прокопія скомкано; но измѣнять его въ Θеофанѣ издатели конечно не въ правѣ.

Theoph. Chr. 320, 2 Bonn.; ed. De Boor, 206, 8: «τὰς ἐν Μουγάδῃ πεδιάδας». Послѣдній въ варіантахъ «Ταμουγάδη Proc.». Что же мы находимъ у Прокопія: «τὰ ἀμφὶ πόλιν Ταμουγάδην πεδία». Bell. Vand. II, 19, 495, 18 B. (ср. Bel. V. II 13, 466, 4 B.). Въ нашемъ прим. 7 къ гл. 8, кн. I, Войны В. показано, что названіе города Тамугадисъ (Тимгадъ) существуетъ и на древнихъ написяхъ и въ устахъ народа до сихъ поръ. Поэтому написаніе у Θеофана ошибочно; и не напрасно ли держатся до сихъ поръ этого ошибочнаго написанія, когда Прокопіево безспорно вѣрно?

Theoph. Chr. 322, 10 Bonn.: «Ζάβην τε τὴν χώραν καὶ Μαυριτανίαν καὶ Ἠτηφῇ τὴν μητρόπολιν ὑπόφορον Ῥωμαίοις πεποίηκεν» (Солемонъ). De Boor въ Theoph. 207, 25—26 помѣстилъ дословно такъ, какъ въ издан. Бон., только главный городъ написанъ нѣсколько иначе: Ἴτιφιν, предпочтя Анастасіево написаніе Itiphin (ср. Anast. ed. De Boor, 140, 15) пяти написаніямъ списковъ — чрезъ H (съ легк. или съ густ. придыханіемъ). Хотя издатель въ варіантахъ и приводитъ Прокопіево Σίτιφιν, но не вноситъ его въ текстъ Θеофана, между тѣмъ какъ у Прокопія ясно сказано: Ζάβην τε τὴν χώραν, ἣ ὑπὲρ ὄρος τὸ Αὐράσιόν ἐστι Μαυριτανία τε ἡ πρώτη καλεῖται μητρόπολιν Σίτιφιν ἔχουσα Proc. B. V. II, 501, 6 B. Сверхъ того изъ другихъ источниковъ знаемъ, что по имени этого города Мавританія называлась *Sitifensis*. Не можемъ одобрять такого пріема при изданіи Θеофана. Сохраняйте ошибочныя разночтенія подъ страницей, но исправляйте текстъ, гдѣ это позволительно и даже обязательно.

Theoph. Chr. 322—323 Bonn.; De Boor 208, 4: «ἔπεμψαν πρὸς Σέργιον, ὅπως δῶρά τε αὐτῷ προσαγάγωσι καὶ τὴν εἰρήνην κρατύνωσιν» = «они отправили къ Сергію (людей) для принесенія ему даровъ и утвержденія мира». Способъ утвержденія мира описанъ здѣсь совсѣмъ иной, нежели какъ въ самомъ источникѣ, въ которомъ сказано, что Леваθы пришли «ὅπως ὁ Σέργιος δῶρα καὶ ξύμβολα σφίσι τὰ νομιζόμενα δοὺς τὴν εἰρήνην κρατύνηται», т. е. для полученія отъ Сергія положенныхъ даровъ и знаковъ власти и для утвержденія съ нимъ

мира». (Proc. B. V. II, 21, 502, 6—7 B.). Если возстановленіе извѣстія Прокопіева въ самомъ текстѣ Ѳеофана предосудительно, то оговаривать подобныя явныя ошибки и указывать подъ страницей въ чемъ состоитъ искаженіе, издатели обязаны. Сергій, какъ представитель своего государя, выдавалъ Маврусіямъ Леваѳамъ знаки власти, по договору, и разные дары, а не на оборотъ. (Ср. ξύμβολα τῆς ἀρχῆς, выдаваемые византійскимъ государемъ Лазамъ, Priscus Müll. fr. 26=рус. перев. стр. 20, и Proc. B. P. 216, 14—19 Bonn. и рус. перевода прим. 16 къ гл. 11, кн. I и прим. 1 къ гл. 15, кн. II).

Theoph. 326, 5 Bonn. = De Boor, 209—210: ὁ δὲ βασιλεὺς (отправилъ въ Ливію) Ἀρεόβινδον σὺν στρατιώταις ὀλίγοις, ἄνδρα μὲν εὐγενῆ καὶ εὔβουλον, ἔργων δὲ πολεμίων οὐδαμῶς ἔμπειρον»..... Это Ѳеофаномъ выписано изъ Прокопія съ одной значительной передѣлкой: Ἐν τούτῳ δὲ βασιλεὺς ἄλλον ἐς Λιβύην στρατηγὸν Ἀρεόβινδον ξὺν στρατιώταις ὀλίγοις τισὶν ἔπεμψεν, ἄνδρα ἐκ βουλῆς μὲν καὶ εὖ γεγονότα, ἔργων δὲ πολεμίων οὐδαμῶς ἔμπειρον. (Proc. B. V. II, 24. 513, 5—8 B). Ѳеофанъ *чинъ вулевта* или *сенатора* передѣлалъ въ прилагательное — εὔβουλον = благосовѣтный и т. п.

Theoph. 329, 3, 4 Bonn: ἄπιστον γὰρ τὸ τῶν Μαυρουσίων γένος πρός τε ἄλλους καὶ πρὸς * ἅπαντας, — но De Boor: 211, 24, 25: ἄπιστον γ. τ. τ. Μ. γένος πρός τε ἀλλήλους καὶ πρὸς ἅπαντας. Въ варіантахъ у этого послѣдняго издателя: «ἀλλήλους d et m manu corr. ἄλλους cyz». Въ Прокопіи читаемъ: «Μαυρούσιοι γὰρ οὔτε πρὸς ἄλλους ἀνθρώπων τινάς, οὔτε πρὸς ἀλλήλους τὸ πιστὸν ἔχουσι». (Proc. B. V. II, 25, 517, 10, 11 B.). Исправленіе Де Booромъ сдѣлано вѣрно, но только на основаніи списковъ Ѳеофана; выписка изъ Прокопія для читателя Ѳеофана была бы убѣдительнѣе списковъ.

Слѣдующее мѣсто заставляетъ задуматься. Прокопій разсказываетъ, что Ареовиндъ, никогда не видавшій, какъ убиваютъ людей, «κατεπλάγη τε καὶ ἀποδειλιάσας οὐχ ἐνεγκών τε τὰ ὁρώμενα φεύγει». (Proc. B. V. II, 520, 18—20). — Въ Ѳеофанѣ же находимъ, по обоимъ изданіямъ: «τὴν δειλίαν οὐκ ἐνεγκὼν ἔφυγεν» (Theoph. 330, 10 B. = 212, 22 De Boor). Если у перескащика здѣсь ничего не пропущено, то удивляетъ пониманіе слова δειλία = робость, страшливость, въ значеніи «вида ужасныхъ дѣйствій», или «страшнаго зрѣлища». Спрашивается не имѣло ли δειλία во время лѣтописца такого значенія? Трудно это допустить въ виду сохранившагося до сихъ поръ

въ греческомъ народѣ древняго значенія δειλία = робость, страшливость. Де Cooръ въ своемъ Указателѣ къ Θеофану δειλία не приводитъ, но даетъ слова: δειλανδρία, δειλανδρέω, δειλιάω, въ которыхъ преобладаетъ по его же переводу понятіе «робости», а не «страшнаго предмета». — Въ разобранномъ мѣстѣ скорѣе надо допустить какую нибудь описку.

Прокопій влагаетъ въ уста Григорію слѣдующія слова: «νῦν σοί, Ἀρταβάνη, πάρεστι μόνῳ τὸ Βελισαρίου ἀναδήσασθαι κλέος» (Proc. B. V. II, 27, 524, 3 Bonn.) = «Тебѣ одному теперь предстоитъ, Артаванъ, стяжать *славу* Велисарія». Въ Θеофанѣ это предложеніе воспроизведено сполна; только вмѣсто κλέος читаемъ въ обоихъ изданіяхъ κάλλος (Theoph. 332, 1 B. = 213, 18—19 De Boor). Послѣдній издатель въ варіантахъ отмѣчаетъ только: «κάλλος] κλέος Proc.». Въ виду выше замѣченнаго пріема Θеофана, а именно, что Θеофанъ не всегда воспроизводитъ текстъ соотвѣтствующихъ мѣстъ по Прокопію, а иногда сокращаетъ его, иногда же цѣлое слово или оборотъ перифразируетъ по употребленію своего времени, мы опять ставимъ вопросъ: Θеофану ли приписать эту передѣлку, или писцу? Мнѣ кажется, ее надо приписать невнимательности писца, внесшаго неподходящее слово только лишь по графическому его сходству съ словомъ своего подлинника Θеофана, который очень хорошо зналъ, что «κλέος = слава» не слѣдуетъ передавать словомъ «κάλλος = красота».

Эта ошибка писца напоминаетъ намъ переиначеніе, о которомъ мы намекнули въ кн. I B. B. Тамъ Прокопій утверждаетъ, что «Велисарій кротостью и человѣколюбіемъ такъ привязалъ къ себѣ Ливійцевъ, что *съ того времени* (или: *на слѣдующее за тѣмъ время*) шелъ по ихъ землѣ, какъ по своей» (= αὐτός τε πρᾳότητα πολλὴν καὶ φιλανθρωπίαν ἐνδεικνύμενος, οὕτω τοὺς Λίβυας προσεποιήσατο, ὥστε τοῦ λοιποῦ καθάπερ ἐν χώρᾳ οἰκείᾳ τὴν πορείαν ποιεῖσθαι.... Proc. B. V. I, 382, 10—12; рус. перевода стр. 126, пр. 5 и 6). Въ Θеофанѣ же читаемъ, что онъ ἀγαθότητι καὶ γλυκολογίᾳ τούτους ἀνεκτήσατο, ὥστε τοὺς λοιποὺς καθάπερ ἐν χώρᾳ οἰκείᾳ τὴν πορείαν ποιήσασθαι (Theoph. 295, 12—14 B. = 191, 13—15 De B.). По нашему взгляду въ этомъ мѣстѣ необходимо издавать и въ текстѣ Θеофана τοῦ λοιποῦ, хотя бы и во всѣхъ спискахъ стояло безсмысленное τοὺς λοιπούς. Что можетъ значить: Велисарій «добротою и пріятными рѣчами такъ привязалъ ихъ (не видно кого — вѣроятно жителей Силлекта) къ себѣ, что *прочіе шли какъ по своей землѣ*»?! Кто эти прочіе?

Закончимъ наши замѣтки одною догадкой, высказанною нами коротко въ 1 книгѣ В. В., пр. 7 къ гл. 18. Прокопій пишетъ: «Κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν χρόνον Γιβαμοῦνδός τε καὶ οἱ δισχίλιοι ἦκον ἐς πεδίον ἁλῶν, ὅπερ τεσσαράκοντα μὲν σταδίοις τοῦ Δεκίμου ἀπέχει ἐν ἀριστερᾷ, ἐς Καρχηδόνα ἰόντι, ἀνθρώπων δὲ καὶ δένδρων καὶ ἄλλου ὁτουοῦν ἔρημόν ἐστι, τῆς τοῦ ὕδατος ἅλμης ἄλλο οὐδὲν ἐνταῦθα πλὴν τοὺς ἅλας ἐώσης γίγνεσθαι· ἔνθα δὴ τοῖς Οὔννοις περιπεπτωκότες ἀπώλοντο πάντες». (Proc. B. V. I, 18, 386, 3—8 B.). У Ѳеоѳана же нынѣ читаемъ: «Κιβαμοῦνδος καὶ οἱ σὺν αὐτῷ δισχίλιοι περιπεπτωκότες ἐν τῇ ἀλκῇ τοῖς Οὔννοις ἀπώλοντο πάντες». (Theoph. 297, 12—13=De Boor 192, 17—18). Какъ объяснить ἐν τῇ ἀλκῇ?—Лат. переводъ въ Боннскомъ изд. даетъ: «dum suppetias sociis afferunt»: развѣ это переводъ? De Boor разночтеній не даетъ, а вноситъ въ Index Graecitatis Theophaneae слово: ἀλκή въ смыслѣ *pugna*, ссылаясь на это мѣсто Ѳеоѳана. Мы высказали догадку, что Ѳеоѳанъ Прокопіево πεδίον ἁλῶν замѣстилъ словомъ ἁλική, означающимъ то же самое=соляную равнину, солончакъ. Переписчикъ пропустилъ только одну йоту и вышло ἀλκή, которое все-же не значитъ «битва». Въ прим. 6-мъ къ той же главѣ 18-й мы представили мнѣнія двухъ французскихъ ученыхъ о мѣстоположеніи упомянутаго Прокопіемъ солончака. La plaine salée située à 40 stades du Decimum sur la gauche du voyageur, qui se rendait à Carthage, говоритъ Тисо̀, est la sebkha (солончакъ) de Sidi-el-Djoumi ou Sebkhat es-Seldjoum, qui s'étend à l'ouest et au sud-ouest de Tunis... (Tissot, Géographie comparée, II, 121). Итакъ предлагаю: 1) въ текстѣ Ѳеоѳана писать ἐν τῇ ἁλικῇ, а подъ страницей ἐν τῇ ἀλκῇ, если дѣйствительно таково письменное преданіе; 2) изъ словаря Ѳеоѳанова вычеркнуть «ἀλκή» въ значеніи «pugna».

Отъ души желаю, чтобъ эта малая работка вызвала кого нибудь на продолженіе подобныхъ разысканій по тексту Ѳеоѳана и другихъ византійскихъ писателей-заимствователей. Мнѣ кажется, что я въ этой статьѣ на нѣсколькихъ примѣрахъ достаточно ясно показалъ, какъ пристально надо всматриваться въ манеру писателя-заимствователя для того, чтобъ не принять за ошибки тѣхъ переиначеній языка и слога его источника, къ которымъ его побуждаетъ либо необходимость сокращенія текста, либо потребность быть понятнымъ большинству своихъ современниковъ и т. п. Ошибки переписчиковъ сказываются въ тѣхъ мѣстахъ заимствователя, гдѣ не понятъ смыслъ источника, или гдѣ встрѣчается противорѣчье въ контекстѣ,

или гдѣ не выходитъ никакого смысла. Кромѣ мѣстъ указанныхъ въ нашей статьѣ примѣромъ безсмыслицы можетъ служить прежній текстъ Ѳеофана, гдѣ дѣтская загадка о витѣ и гаммѣ обрывалась на полъ-пути: только лишь недавно исправлено было это упущеніе Де-Бооромъ на основаніи Vatic. 978 и Прокопія. (См. Proc. B. V. 397 B. — Theoph. Chr. 300,17 B. и 194,17 ed. De Boor., о чемъ упомянуто въ пр. 7 къ гл. 21, I, нашего изд.).

16 Мая 1894 г.

Гавріилъ Дестуннисъ.

О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ.

I.

Начало архіепископствованія Димитрія Хоматіана; время написанія его писемъ къ севасту Григорію Камонѣ, севасту Іоанну Плиту, епископу Крои и къ сербскому Великому жупану. Значеніе этихъ писемъ для исторіи Сербіи, Эпира и средней Албаніи.

Обнародованный года три тому назадъ[1]) Мюнхенскій сборникъ трудовъ Димитрія Хоматіана, хартофилакса, потомъ архіепископа всей Болгаріи, содержитъ въ себѣ разныя каноническія посланія и отвѣты, судебныя рѣшенія, соборныя дѣянія и т. п., всего 155 памятниковъ, изъ коихъ лишь весьма немногіе были изданы раньше[2]). Памятники эти, чрезвычайно важные для исторіи византійскаго права вообще и въ частности каноническаго[3]), представляютъ немаловажный интересъ и для историковъ церкви, внутренняго быта и внѣшнихъ международныхъ отношеній. Находящіеся въ Мюнхенскомъ сборникѣ документы отличаются практическимъ, дѣловымъ характе-

---

1) Въ посмертномъ VI-мъ томѣ изданія кардинала Питры: Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Romae 1891. Кромѣ документовъ Мюнхенскаго сборника, тутъ напечатаны, въ видѣ приложеній, 10 другихъ памятниковъ, изъ коихъ нѣкоторые ошибочно приписаны Хоматіану. По крайней мѣрѣ три изъ нихъ (VII, VIII, IX), трактующіе объ опрѣснокахъ, принадлежатъ, несомнѣнно, болгарскому архіепископу Льву, а одинъ (X) — Никитѣ Стифату. А. Поповъ, «Полемич. сочиненія противъ Латинянъ», стр. 125 и пр. — У Миня т. 120, 1011.

2) За исключеніемъ № 113 (отвѣтнаго посланія патріарха Германа) и, кажется, еще одного памятника, именно — отвѣтовъ хартофилакса, находящихся въ концѣ Мюнхенскаго сборника, всѣ остальные документы послѣдняго писаны, по видимому, частію самимъ Хоматіаномъ, частію подъ его, такъ сказать, диктовку.

3) См. въ недавно изданной книгѣ профессора Остроумова, «Введеніе въ православное церковное право». Харьковъ 1893, I, стр. 589—592.

ромъ, и почти въ каждомъ изъ нихъ излагаются довольно подробно обстоятельства, вызывавшія составленіе его. Благодаря этому, мы тутъ встрѣчаемъ множество и не рѣдко весьма цѣнныхъ указаній бытоваго, этнографическаго, географическаго, церковно-историческаго и политическаго свойства. Указанія эти тѣмъ интереснѣе, что они касаются не только южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, но также грековъ, албанцевъ и *латинянъ*, да при томъ относятся къ первой половинѣ XIII-го вѣка, ознаменованной весьма крупными событіями въ исторіи юго-востока Европы и примыкающей къ нему окраинѣ Азіи.

Для правильной оцѣнки имѣющагося здѣсь историческаго матеріала, очень часто, нужно сказать, заключающагося лишь въ однихъ намекахъ, чрезвычайно важно опредѣленіе времени составленія памятниковъ, въ которыхъ матеріалъ этотъ встрѣчается, и которые, за исключеніемъ пяти-шести случаевъ, не снабжены никакими датами. Такая предварительная работа надъ этими памятниками тѣмъ нужнѣе, что въ примѣчаніяхъ къ нимъ издателя совсѣмъ почти не обращено вниманія на указанный вопросъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о приложенномъ въ концѣ Мюнхенскаго сборника краткомъ латинскомъ synopticon'ѣ, который, прибавимъ кстати, изобилуетъ неточностями, иногда весьма крупными.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся установить хронологію нѣкоторыхъ документовъ этого сборника и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, хотя въ общихъ чертахъ, на историческое ихъ значеніе.

Остановимся прежде всего на документахъ, выясняющихъ вопросъ о началѣ архіепископствованія Димитрія Хоматіана. — Строго говоря, по этому вопросу, до изданія Мюнхенскаго сборника, имѣлось лишь одно достовѣрное, да и то лишь косвенное свидѣтельство[1]). Оно

---

1) Другія, циркулирующія въ ученой литературѣ свидѣтельства, которыя были пущены въ оборотъ, главнымъ образомъ, Чишманомъ, почерпнувшимъ ихъ изъ Мюнхенской рукописи, оказываются теперь, послѣ напечатанія послѣдней, неправильно понятыми. Вслѣдствіе этого является несостоятельнымъ и составленное на основаніи ихъ мнѣніе, что архіепископствованіе Д. Хоматіана началось еще до 1195 г. Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien 1864; 249, 250, 709 и пр. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей — болгарской, сербской и проч. 123, 291. Мнѣніе это отчасти уже опровергнуто недавно профессоромъ Пальмовымъ въ его статьѣ, написанной по поводу изданія Мюнхенскаго сборника и посвященной, главнымъ образомъ, анализу одного изъ документовъ послѣдняго, именно посланія архіепископа Димитрія (Хоматіана) къ сыну великаго жупана Сербіи Саввѣ. Эта статья, на которую мы часто будемъ ссылаться, помѣщена въ Христіанскомъ Чтеніи, за 1892 г., подъ заглавіемъ: «Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи св. Саввою въ 13 вѣкѣ».

находится въ обнародованномъ А. С. Павловымъ соборномъ посланіи нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ къ *ригѣ* (царю) Арменіи, Киликіи и Исавріи по дѣлу о бракѣ дочери послѣдняго съ Никейскимъ императоромъ Ѳеодоромъ Ласкарисомъ. Названное соборное посланіе, подъ которымъ вслѣдъ за подписью Константинопольскаго (Никейскаго) архіепископа Михаила (Авторіана) находится подпись *Іоанна* «Божіею милостію архіепископа всей Богларіи», помѣчено датою мѣсяца Октября 2-го Индикта 6722 г., отвѣчающей несомнѣнно Октябрю 1213 г. нашего лѣтосчисленія [1]). Отсюда явствуетъ, что въ этомъ году болгарскимъ архіепископомъ все еще оставался Іоаннъ Каматиръ, при которомъ Димитрій Хоматіанъ состоялъ хартофилаксомъ болгарской архіепископіи [2]).

На вопросы о томъ, какъ долго послѣ означеннаго тутъ времени Димитрій оставался хортофилаксомъ и когда онъ занялъ болгарскій архіепископскій престолъ, мы находимъ теперь довольно точный отвѣтъ въ нѣкоторыхъ обнародованныхъ Питрою его письмахъ, именно: въ письмахъ къ севасту Григорію Камонѣ, севасту Іоанну Плиту, епископу Крои и къ сербскому великому жупану. Мы разсмотримъ нѣсколько подробнѣе эти интересные во многихъ отношеніяхъ документы Мюнхенскаго сборника.

Начнемъ съ письма къ севасту Григорію Камонѣ, которое помѣщено въ самомъ началѣ этого сборника [3]), подъ № 1. Тутъ мы имѣемъ довольно обстоятельный каноническій трактатъ, написанный Димитріемъ въ отвѣтъ на полученное имъ отъ севаста Григорія Камоны письмо, которое приводится дословно въ началѣ трактата. Оно начинается слѣдующихъ обращеніемъ къ адресату: Τιμιώτατε δέσποτά μου, χαρτοφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Βουλγαρίας, κῦρε Δημήτριε Χωματιανέ. Письмо, значитъ, писано въ то время, когда Димитрій былъ еще хартофилаксомъ. Самое содержаніе письма таково: севастъ Григорій Камона законнымъ образомъ, по его словамъ, развелся съ прежнею своею женою, дочерью умершаго *арбанскаго* архонта, изъ рода Гино, ἄρχοντος τοῦ Ἀρβάνου Γίνη τοῦ προγόνου [4]), и

---

1) Это Συνοδικὸν γράμμα обнародовано въ статьѣ профессора Павлова: «Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ». См. «Записки Новороссійскаго университета», т. XIII, 1874, стр. 173—174.

2) См. въ изданіи Питры, столбцы 1, 2, 51.

3) Тамъ-же, ст. 1—12.

4) Тамъ-же, ст. 1—2. Послѣднее изъ этихъ греческихъ словъ показываетъ, что

вступилъ въ новый бракъ съ благороднѣйшею Комниною, дочерью великаго жупана Сербіи, господина Стефана. Это случилось послѣ того, какъ умеръ прежній мужъ Комнины, Димитрій, который былъ роднымъ братомъ названнаго архонта Гино (τοῦ εἰρημένου Γίνη), т. е. прежняго тестя Камоны. Нашлись однако люди, которые осуждали этотъ бракъ, называя его беззаконнымъ (ἄθεσμον). Это побудило Камону обратиться къ хартофилаксу Димитрію съ своимъ письмомъ, въ которомъ онъ проситъ разъяснить ему на основаніи благочестивыхъ аконовъ и святыхъ правилъ, законно ли его сожительство съ Комниною, или нѣтъ. Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія этого вопроса Димитрій приходитъ къ заключенію, что второй бракъ севаста Камоны слѣдуетъ считать законнымъ.

Этому самому дѣлу посвящены еще два отвѣтныя посланія хартофилакса Димитрія Хоматіана: къ севасту Іоанну Плиту (№ 2) и къ Кройскому епископу (№ 3). Отвѣтъ севасту Плиту (Πλυτός) состоитъ преимущественно изъ толкованія евангельскихъ словъ — «будета два въ плоть едину», на которыхъ главнымъ образомъ основывались противники брака Григорія Камоны съ сербскою Комниною [1]). Они понимали эти слова въ такомъ смыслѣ, по которому выходило, что Комнина, по первому своему мужу (брату архонта Гино), приходилась родной теткой Камонѣ, по первой его женѣ (дочери того же Гино). Такому толкованію Димитрій Хоматіанъ противополагаетъ другое толкованіе, оправдывающее бракъ, о которомъ идетъ рѣчь. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что Хоматіанъ начинаетъ разсматриваемое письмо такимъ обращеніемъ къ адресату: Πανσέβαστε σεβαστὲ καὶ ἐν Κυρίῳ ἠγαπημένε μοι, κάλλιστε ἀδελφὲ κῦρε Ἰωάννη Πλυτέ, и заканчиваетъ его не менѣе фамиліарнымъ благожеланіемъ: σὺ δέ μοι ἔρρωσο ὑπὸ κυρίου φρουρούμενος.

Отвѣтъ Кройскому епископу [2]), который былъ главнымъ противникомъ втораго брака Григорія Камоны, написанъ нѣсколько позже и занимаетъ всего около шести столбцовъ. Онъ начинается велеречивымъ вступленіемъ, исполненнымъ похвалъ и благодарностей, изъ коихъ узнаемъ, что Димитрій, до котораго раньше доходили только слухи объ этомъ епископѣ, впервые удостоился теперь увидать его

имя Гино (Γίνης), у современныхъ албанцевъ Джино, употреблено тутъ не какъ личное имя арбанскаго архонта, а какъ фамильное, родовое.

1) Въ изданіи Питры, столб. 12—22.

2) Тамъ-же, ст. 22—27: Πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Κροῶν.

письмо. Переходя къ дѣлу, авторъ отвѣта вкратцѣ излагаетъ свое мнѣніе о законности занимающаго насъ здѣсь брака, замѣчая, что вопросъ объ этомъ бракѣ обстоятельно разсмотрѣнъ имъ раньше (Πρὸ καιροῦ) въ запискѣ (γραμματίδιον), которую епископъ Крои, если угодно, можетъ прочесть, взявши ее у севаста Гр. Камоны, или же у севаста І. Плита, такъ какъ она имѣется у того и другаго.

Послѣднее указаніе письма къ Кройскому епископу ясно показываетъ намъ, что во время написанія этого письма севасты Григорій Камона и Іоаннъ Плитъ обитали въ Кроѣ, въ которой имѣлъ свое мѣстопребываніе и епископъ и которая, по свидѣтельству Акрополиты, находилась въ Албанѣ[1]). Въ Кроѣ или же по близости къ ней обиталъ, несомнѣнно, и родъ арбанскаго архонта Гино (Гиновича), братъ котораго былъ первымъ мужемъ сербской Комнины, а дочь — первою женою севаста Григорія Камоны. Есть основанія полагать, что епископъ Крои возставалъ противъ новаго брака севаста Камоны, между прочимъ, и по побужденію родственниковъ первой жены послѣдняго, дочери Арбанскаго архонта, съ которою этотъ севастъ развелся, по видимому, далеко не такимъ законнымъ образомъ, νομίμως, какъ увѣряетъ самъ въ своемъ письмѣ къ хартофилаксу Димитрію Хоматіану.

Въ разсмотрѣнныхъ нами письмахъ послѣдняго мы находимъ весьма цѣнныя историческія указанія и намеки, разъясненіемъ которыхъ займемся далѣе, здѣсь же коснемся ихъ на столько, на сколько это нужно для выясненія вопроса о времени написанія этихъ трехъ писемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что фигурирующая тутъ сербская Комнина была дочерью великаго жупана Стефана Неманича отъ первой жены его Евдокіи Ангело-Комниной, дочери императора Алексѣя III (1195—1204). Извѣстно, что Стефанъ женился на Евдокіи въ царствованіе ея дяди Исаака II (1185—1195), несомнѣнно послѣ похода, предпринятаго послѣднимъ противъ сербовъ въ 1190 г.[2]) и окончившагося заключеніемъ мирнаго договора. Въ предшествовавшія первыя пять лѣтъ царствованія Исаака Сербія находилась въ безпрерывной войнѣ съ Византіею. По всей вѣроятности, брачный союзъ Стефана съ Евдокіею былъ заключенъ вскорѣ по окончаніи названнаго похода, но

1) Акрополита, гл. 49. Къ этому свидѣтельству мы еще вернемся.
2) См. рецензію В. Г. Васильевскаго на диссертацію профессора Успенскаго, «Образованіе втораго Болг. царства», въ Ж. М. Н. Пр. за 1879 г., Іюль, стр. 129.

никакъ не раньше 1191 г. Принявши этотъ хронологическій минимумъ и допустивъ такой же минимумъ и относительно времени рожденія занимающей насъ Комнины, приходимъ къ заключенію, что послѣдняя не могла явиться на свѣтъ раньше 1192 г.

По дѣйствовавшему въ то время византійскому брачному праву (новеллы Льва Мудраго и Алексѣя Комнина) дѣвицы могли вступать въ законный бракъ не раньше 13-го года своей жизни[1]). Браки, заключенные съ дѣвочками, не достигшими такого возраста, считались недѣйствительными и при заключеніи новыхъ брачныхъ узъ такими женщинами или же ихъ родственниками не принимались въ расчетъ, ὡς μή γεγονότα. Въ занимающихъ насъ письмахъ нѣтъ указаній на какія либо возраженія съ этой стороны относительно сербской Комнины, которой, стало быть, при вступленіи ея въ первый бракъ было не менѣе 12-ти лѣтъ. Прибавивъ послѣднія къ 1192 г., мы получимъ 1204 годъ, какъ минимумъ времени перваго замужества Комнины.

Гораздо точнѣе можно опредѣлить время вступленія послѣдней во второй бракъ съ севастомъ Григоріемъ Камоною, давшій поводъ къ разсматриваемой перепискѣ. Мы уже знаемъ, что севастъ Григорій Камона, севастъ Іоаннъ Плитъ, равно какъ и Кройскій епископъ въ моментъ переписки ихъ съ хартофилаксомъ Димитріемъ обитали въ Кроѣ, которая была однимъ изъ главныхъ укрѣпленій Арбана, или Албана. То обстоятельство, что они обращались по важному дѣлу къ болгарскому, охридскому хартофилаксу, указываетъ, что Арбанская область подчинялась тогда тому же самому государю, подъ властію котораго находилась и Охридская область. Въ противномъ случаѣ Кройскій епископъ врядъ-ли бы придавалъ значеніе закордонному, такъ сказать, хартофилаксу болгарской архіепископіи, отъ которой не зависѣлъ и къ которой, какъ мы видѣли, никогда до того времени не обращался. А такое политическое объединеніе названныхъ областей въ разсматриваемое время было сдѣлано Ѳеодоромъ Эпирскимъ и сдѣлано въ самомъ началѣ его правленія. Объ этомъ у Акрополиты читаемъ слѣдующее: «Ѳеодоръ, получивши власть, значительно расширилъ свои владѣнія: пріобрѣлъ не малый участокъ земли изъ владѣній итальянскихъ и очень значительный изъ болгарскихъ; овладѣлъ Ѳессаліею, Охридою, Прилѣпомъ, Албаномъ и самымъ Диррахіемъ[2]). За-

1) Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche, 201—205, см. и письма Димитрія Хоматіана къ сербскому королю, № 13, и къ струмицскому епископу, № 14.

2) Акрополита, гл. 14, русскій переводъ, стр. 29.

падные источники[1]) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Диррахій находился уже во власти Θеодора около конца 1216 г. Отсюда можно заключить, что подчиненіе Албана, которое непремѣнно должно было предшествовать завоеванію названнаго города, происходило въ первой половинѣ означеннаго тутъ 1216-го г., такъ какъ предыдущій первый годъ своего правленія Θеодоръ, по всей вѣроятности, употребилъ на подчиненіе болгарскихъ областей, подъ которыми подразумѣваются, главнымъ образомъ, владѣнія Стрѣзя, погибшаго въ это именно время.

Обратимъ вниманіе и на слѣдующія указанія занимающей насъ здѣсь переписки. Въ ней, какъ мы видѣли, Кройскій епископъ является совершенно новымъ корреспондентомъ хартофилакса Димитрія. Такимъ же новымъ, такъ сказать, знакомымъ послѣдняго является и севастъ Григорій Камона, который, по видимому, также, какъ и Кройскій епископъ, былъ давнишнимъ обитателемъ Арбанской области (Албана), быть можетъ даже и уроженцемъ ея. Что же касается севаста Іоанна Плита, то онъ въ этой перепискѣ является уже хорошо знакомымъ, даже другомъ нашего хартофилакса и, какъ такой, не могъ принадлежать къ старожиламъ Кройской епархіи, съ которыми, по видимому, до того времени у Хоматіана близкихъ сношеній не было. Прибавимъ къ этому, что съ севастомъ Іоанномъ Плитомъ мы встрѣчаемся еще въ трехъ другихъ документахъ Мюнхенскаго сборника, писанныхъ Димитріемъ Хоматіаномъ позже, когда онъ занималъ уже архіепископскій престолъ[2]). Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ эту болѣе позднюю пору Іоаннъ Плитъ, остававшійся и тогда другомъ Димитрія Хоматіана[3]), былъ нѣкоторое время правителемъ Верройской области, послѣ занятія послѣдней Θеодоромъ Эпирскимъ[4]), а затѣмъ занималъ

1) Hopf, Gesch. Griech. 247.

2) Въ изданіи Питры №№ 25, 29, 45. Во второмъ изъ указанныхъ здѣсь документовъ имѣемъ рекомендательное письмо къ севасту І. Плиту: оно написано Димитріемъ по просьбѣ одного жителя Веррои, нуждавшагося въ защитѣ и покровительствѣ Верройскаго губернатора, каковымъ тогда былъ І. Плитъ. Въ обращеніи къ послѣднему Димитрій тутъ называетъ его уже своимъ возлюбленнымъ чадомъ, да и о себѣ же говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что онъ тогда уже былъ архіепископомъ.

3) На это прямо указываетъ Хоматіанъ въ своемъ письмѣ, № 29, къ І. Плиту (смотри предыдущее примѣчаніе), объясняя, что Верройскій житель обратился къ нему за рекомендательнымъ письмомъ, ἵνα δηλαδὴ καὶ δι' ἡμᾶς ὡς παρὰ σοῦ στεργομένους τὴν γλῶσσαν σχοίῃ εὐπαρρησίαστον. Въ изданіи Питры, ст. 127.

4) См. у Хоматіана № 20, въ изд. Питры, ст. 79, 80.

и болѣе высокую должность, чуть ли не министра, οἰκείου μεσάζοντος[1]). Все это даетъ поводъ думать, что севастъ Іоаннъ Плитъ состоялъ на службѣ Θеодора и въ то время, когда сносился изъ Крои съ *хартофилаксомъ* Димитріемъ по дѣлу о второмъ бракѣ севаста Григорія Камоны, и что онъ лишь временно проживалъ въ этомъ городѣ. По всей вѣроятности, поѣздка его туда находилась въ связи съ подчиненіемъ Арбана новому эпирскому правителю. — Дружественный тонъ разсмотрѣннаго письма хартофилакса Димитрія къ севасту Іоанну Плиту даетъ поводъ думать, что послѣдній не задолго до отправленія своего въ Арбанъ нѣкоторое время провелъ и въ Охридѣ, занятой эпиротами раньше подчиненія имъ Арбанской области. Только въ Охридѣ и лишь въ указанное время Іоаннъ Плитъ могъ завязать такія интимныя отношенія съ тамошнимъ хартофилаксомъ. Весьма возможно, что этотъ столь важный сановникъ Θеодора Эпирскаго принималъ дѣятельное, личное участіе также въ дѣлѣ подчиненія эпиротамъ кафедральнаго города болгарской архіепископіи и что въ этомъ дѣлѣ ему оказаны были какія нибудь немаловажныя услуги со стороны Димитрія Хоматіана, съ нескрываемымъ нерасположеніемъ относившагося къ болгарскимъ властямъ[2]). Не этимъ ли отчасти Хоматіанъ проложилъ себѣ путь къ тому высокому положенію, которое, какъ увидимъ немного ниже, онъ занялъ вскорѣ послѣ водворенія власти эпирскаго деспота въ Охридѣ и начатки котораго сказываются уже и въ занимающей насъ его перепискѣ? Какъ бы то ни было, но на основаніи разсмотрѣнныхъ уже нами указаній этой переписки, можно, кажется, съ увѣренностію утверждать, что послѣдняя велась не раньше 1216-го года, до котораго, слѣдовательно, и Димитрій Хоматіанъ оставался все еще хартофилаксомъ.

Обратимся теперь къ письму, которое адресовано сербскому великому жупану[3]). Оно начинается слѣдующими словами:

«Всеблагороднѣйшему великому жупану всей Сербіи и Діоклеи во Господѣ возлюбленному нашему чаду, господину Стефану Неманѣ (Νεεμάνῃ) Димитрій Божіею милостію архіепископъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи» и пр. — До изданія Мюнхенскаго сборника господ-

1) Тамъ-же, № 45, ст. 199.

2) Объ этомъ имѣются любопытныя свидѣтельства въ Мюнхенскомъ сборникѣ, которыхъ мы коснемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей статьи.

3) Въ Мюнхенскомъ сборникѣ оно помѣщено подъ № 10. Въ изданіи Питры занимаетъ около трехъ столбцовъ 50—52.

ствовало ошибочное мнѣніе о личности великаго жупана, упоминаемаго въ этомъ письмѣ, которое дотолѣ было извѣстно лишь по небольшимъ выдержкамъ. Полагали, что подъ Стефаномъ Неманей тутъ разумѣется настоящій, такъ сказать, Стефанъ Неманя, родоначальникъ династіи Неманичей, и согласно этому думали, что названное письмо писано до 1195 г., въ которомъ С. Неманя отказался отъ великожупанскаго престола въ пользу своего старшаго сына[1]). Ошибка отчасти устранена теперь профессоромъ Пальмовымъ, доказавшимъ, что подъ адресатомъ этого письма разумѣется старшій сынъ Немани и его преемникъ, носившій также имя Стефана, впослѣдствіи первовѣнчаннаго[2]). Почтенный профессоръ, касавшійся, нужно сказать, этой ошибки лишь мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ указанной нами выше его статьѣ[3]), не останавливался на болѣе обстоятельномъ обсужденіи вопроса о времени написанія занимающаго насъ здѣсь письма, но, по видимому, склоненъ относить послѣднее къ первымъ годамъ правленія Стефана Неманича, именно къ концу XII-го вѣка. Мы не сомнѣваемся, что оно вышло изъ-подъ пера *архіепископа* Димитрія около двадцати лѣтъ позднѣе. Непререкаемые доводы въ пользу такого мнѣнія обнаружатся сами собою при нижеслѣдующемъ анализѣ этого, на нашъ взглядъ, замѣчательнаго документа, изъ содержанія котораго узнаемъ слѣдующее.

Великій жупанъ всей Сербіи и Діоклеи Стефанъ Неманичъ задумалъ было вступить въ бракъ (несомнѣнно третій) съ Маріею Комниною, дочерью блаженно-почивавшаго Михаила Комнина. Такой матримоніальный замыслъ великій жупанъ возъимѣлъ нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ его родная сестра сочеталась брачными узами съ Мануиломъ, братомъ названнаго Михаила Комнина. Архіепископъ Димитрій (Хоматіанъ), духовной власти котораго, нужно припомнить,

1) Это-то недоразумѣніе, главнымъ образомъ, породило такъ долго державшееся мнѣніе о томъ, что архіепископствованіе Хоматіана началось еще до 1195 г.

2) Нелишнимъ считаемъ напомнить, что Стефанъ Неманичъ (Первовѣнчанный) называется точно такъ же, какъ онъ названъ въ письмѣ Хоматіана, и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, между прочимъ и въ одной его грамотѣ, дошедшей до насъ въ довольно позднемъ спискѣ. Она начинается слѣдующими словами: «Азь Стефань Неманаа самодрьжацъ срьбскіе земле и поморскіе, како приложи монастыру Студеници, храму прѣсветіе Богородице» и пр. См. во 2-мъ изданіи южно-славянскихъ памятниковъ Шафарика, стр. 93. Сравн. и замѣтки академика Васильевскаго о первыхъ Неманичахъ въ Славянскомъ сборникѣ 1877, т. II, стр. 278.

3) «Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи серб. архіепископіи», стр. 422—423.

въ то время подчинялась Сербія[1]), призналъ этотъ замыслъ незаконнымъ и наложилъ свой запретъ на осуществленіе его, чѣмъ великій жупанъ, повидимому, былъ сильно раздраженъ. Онъ обратился къ архіепископу Димитрію съ письмомъ, въ которомъ требовалъ обстоятельныхъ объясненій по сему дѣлу. При этомъ онъ ставилъ и такой вопросъ: почему годомъ раньше (πέρυσι), когда велись переговоры о брачномъ союзѣ его сына съ Θеодорою, другою дочерью того же блаженнопочившаго Комнина (Михаила), охридская архіепископія соизволяла на заключеніе этого брачнаго союза, не смотря на то, что тамъ было кровное родство, нынѣ же (тою самою архіепископіею) ставятся препоны брачному союзу, въ которомъ не находится родство по крови? Въ своемъ отвѣтѣ архіепископъ Димитрій, останавливаясь сначала на дѣлѣ, касавшемся лично самого Стефана, доказываетъ послѣднему, что вслѣдствіе замужества его родной сестры съ Мануиломъ, который былъ роднымъ дядею Маріи Михаиловны, между нимъ и Маріею существуетъ свойство въ пятой степени. А законы и постановленія отцовъ воспрещаютъ браки по свойству до шестой степени. Переходя къ прежнимъ переговорамъ, Димитрій замѣчаетъ, что свѣдѣнія Стефана относительно ихъ не точны, и затѣмъ продолжаетъ такъ: «Въ прошломъ году, πέρυσι[2]), архонты твоего благородія, проѣзжая черезъ Охриду[3]), явились съ поклономъ къ предшественнику моему, святѣйшему архіепископу блаженнопочившему господину Іоанну (Каматиру) и вопросили: позволительно ли (съ канонической стороны), чтобы сынъ твоего благородія взялъ въ жены другую дочь блаженнопочившаго Комнина, госпожу Θеодору. Архіепископъ (Іоаннъ), полагая, что твое благородіе имѣешь этого своего сына отъ другой жены, а не отъ госпожи Евдокіи, тотчасъ же сказалъ, что такой бракъ позволителенъ, такъ какъ приходится по свойству въ седьмой степени. Но когда апокрисіаріи на предложенный имъ вопросъ сказали, что сынъ твоего благородія происходитъ отъ госпожи Евдокіи, то архіепископъ, узнавши объ этомъ, тотчасъ же запретилъ этотъ брачный союзъ, какъ находящійся въ седьмой степени по крови, черезъ что и

1) Объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, свидѣтельствуетъ и находящееся въ Мюнхенскомъ сборникѣ письмо Д. Хоматіана къ Саввѣ (№ 86), обстоятельно разобранное профессоромъ Пальмовымъ въ означенной выше статьѣ.

2) Слово πέρυσι, насколько намъ извѣстно, употребляется византійскими писателями лишь въ значеніи — anno praeterito.

3) По видимому, эти сербскіе архонты, названные немного ниже апокрисіаріями, совершали тогда путешествіе къ Θеодору Эпирскому.

возбраняется, какъ недозволительный. Ибо невозможно, чтобы кто нибудь женился на троюродной (δισεξαδέλφην) сестрѣ своей матери. Такою, а не иною была рѣчь о прежнемъ дѣлѣ. Если нѣкоторые иначе разсказывали твоему благородію объ этомъ дѣлѣ, то они, какъ видно, не могли схватить смысла того, что говорилось тогда на словахъ. Мы же сообщаемъ твоему благородію синодальное рѣшеніе по сему вопросу».

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ упоминаемымъ здѣсь блаженнопочившимъ Михаиломъ Комнинымъ, одну изъ дочерей котораго великій жупанъ неудачно сваталъ за своего сына, а на другой самъ желалъ жениться нѣкоторое время спустя, подразумѣвается извѣстный основатель эпирскаго государства Михаилъ Ангелъ-Комнинъ-Дука. Подъ Мануиломъ же, который, по свидѣтельству разсматриваемаго письма, былъ женатъ на сестрѣ великаго жупана Стефана Неманича, несомнѣнно разумѣется братъ названнаго Михаила Эпирскаго, тоже хорошо извѣстный между прочимъ и тѣмъ, что около 1225 года женился на незаконнорожденной дочери болгарскаго царя Іоанна Асѣня. Михаилъ и Мануилъ были двоюродными братьями [1]) императора Алексѣя III, отца Евдокіи, прежней жены великаго жупана Стефана, о которой также упоминаетъ это письмо.

О Михаилѣ Эпирскомъ намъ хорошо извѣстно, что подъ конецъ своего правленія находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ сербамъ. Распространивъ предѣлы основаннаго имъ эпирскаго государства на югъ до Навпакта (Лепанто на берегу Коринѳскаго залива), а на сѣверъ [2]) до Драчской области (Диррахій, Дураццо), онъ, послѣ 1210 г., отсюда дѣлалъ вторженія въ сербскія владѣнія, овладѣлъ Скадромъ, чѣмъ привелъ въ немалое смятеніе великаго жупана Стефана. Вскорѣ однако Михаилъ погибъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ «въ радость всѣмъ уповающимъ на Господа и на светые угодникы его», какъ выражается самъ Стефанъ [3]), разсказывая о томъ, какимъ обра-

---

1) Михаилъ и его братья Ѳеодоръ, Мануилъ и Константинъ были дѣтьми хорошо извѣстнаго изъ исторіи терновскаго возстанія Іоанна севастократора, младшаго сына Константина Ангела и Ѳеодоры Алексѣевны Комниной. Старшій сынъ послѣднихъ, Андроникъ (братъ Іоанна севастократора) былъ отцомъ императоровъ Исаака Ангело-Комнина, и его брата Алексѣя III, отца Евдокіи.

2) См. у Hopf, Gesch. Griechenl. 211—212, у Παπαρριγόπουλος, V, 9—20.

3) Въ написанномъ имъ житіи св. Симеона (Ст. Немани), гл. XVIII, въ изданіи Шафарика, стр. 24.

зомъ онъ былъ избавленъ отъ опасности, угрожавшей ему со стороны этого «Михаила грьчина».

Михаилу наслѣдовалъ его братъ Θеодоръ, который, какъ мы уже говорили, тотчасъ же направилъ свое оружіе въ другія стороны, на подчиненіе Охриды, Прилѣпа, Албана, Драча, острова Корфу и проч. Эти пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ послѣдовательно въ первые два-три года его правленія, потребовали несомнѣнно отъ него большаго напряженія силъ для борьбы съ солунскими латинянами, съ венеціанцами, съ болгарами, что, естественно, должно было побудить его прекратить начавшіяся незадолго до смерти Михаила враждебныя отношенія эпирскаго государства къ Сербіи и замѣнить ихъ тѣми мирными отношеніями, на которыя указываетъ разсматриваемое письмо. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ упоминаемыя въ послѣднемъ брачныя дѣла и переговоры, имѣвшіе мѣсто по смерти Михаила, происходили не раньше 1215 г., но и не позже 1218 г., когда сербы, разочаровавшись въ дружбѣ новаго эпирскаго правителя, Θеодора, необыкновенно усилившагося къ тому времени, завели сношенія съ Никеею, приведшія къ учрежденію сербскаго автокефальнаго архіепископства въ 1218—1219 году [1]) и къ полному разрыву между Сербіею и усердно преданною Θеодору охридскою архіепископіею [2]).

Есть возможность нѣсколько ближе опредѣлить хронологію занимающихъ насъ здѣсь брачныхъ дѣлъ.

Изъ генеалогіи Михаила Эпирскаго извѣстно, что у послѣдняго были только двѣ дочери, изъ которыхъ, по имѣвшимся доселѣ о нихъ историческимъ извѣстіямъ, одна еще при жизни своего отца, въ 1210 году, вышла за Евстата Фландрскаго (брата первыхъ двухъ константинопольскихъ латинскихъ императоровъ), умершаго въ первой половинѣ 1217-го года, другая же, неизвѣстно съ какого и сколько времени, была въ замужествѣ съ кѣмъ-то изъ представителей рода Мелиссиновъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что о нихъ-то и идетъ рѣчь въ разсматри-

---

1) См. въ названной статьѣ профессора Пальмова: «Новыя данныя объ учрежденіи сербской архіепископіи», стр. 458. Къ политической сторонѣ этого событія мы еще вернемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей нашей статьи.

2) Прибавимъ еще, что вскорѣ послѣ этого разрыва сербскій правитель Стефанъ замѣнилъ свой великожупанскій титулъ королевскимъ, который онъ уже носилъ въ 1220 г. См. въ Starine jugoslavenske akademije, VII, 55. Сравн. Голубинскаго: «Краткій очеркъ исторіи пр. церквей», 453—455.

3) Ἀραβαντῖνος, Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου I, 61. Hopf, Chroniques 529, Gesch. Griech. 247.

ваемомъ письмѣ, изъ котораго, замѣтимъ кстати, мы впервые узнаемъ остававшіяся до сихъ поръ неизвѣстными имена этихъ эпирскихъ принцессъ. Сопоставленіе названныхъ извѣстій о замужествѣ послѣднихъ съ указаніями Д. Хоматіана о неудачномъ сватовствѣ молодаго Неманича и его отца, сербскаго великаго жупана, ведетъ къ заключенію, что молодой Неманичъ не могъ сватать первой изъ нихъ, такъ какъ въ то время, когда происходило его сватовство, она была супругою Евстата Фландрскаго. Отсюда можно заключить, что она-то и есть Марія Михаиловна, на которую самъ великій жупанъ возъимѣлъ матримоніальные виды, несомнѣнно по смерти перваго ея мужа, Евстата, послѣдовавшей, какъ мы только что замѣтили, въ первой половинѣ 1217 года. Припомнивъ при этомъ сказанное немного раньше о послѣдовавшемъ въ 1218 г. разрывѣ между Сербіею и охридскою архіепископіею, можно, кажется, съ увѣренностію утверждать, что переговоры о женитьбѣ на Маріи Михаиловнѣ сербскій великій жупанъ могъ вести около начала 1218-го или же около конца 1217-го года [1]), т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до многознаменательнаго перваго путешествія его брата, св. Саввы, въ Никею. Къ началу 1218 или же къ концу 1217 г., слѣдовательно, относится и написаніе разсматриваемаго письма архіепископа Димитрія Хоматіана къ великому жупану.—Что касается переговоровъ о молодомъ Неманичѣ, происходившихъ по указанію этого письма годомъ и, быть можетъ, нѣсколькими мѣсяцами раньше, то они, стало быть, имѣли мѣсто въ 1216-мъ году, когда, какъ мы уже знаемъ, былъ заключенъ второй бракъ сербской Комнины, дочери того же самаго великаго жупана, съ Арбанскимъ севастомъ Григоріемъ Камоною. Хронологическое совпаденіе этого брака сербской Комнины съ переговорами о женитьбѣ ея брата на эпирской принцессѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что оба эти брачныя дѣла, равно какъ и заключенный тогда же бракъ Мануила Эпирскаго съ сербскою княжною [2]), обусловливались одними и тѣми же политическими мотивами, на которые будетъ указано ниже.

---

1) То обстоятельство, что для недавно овдовѣвшей отъ перваго своего мужа Маріи Михаиловны въ это время продолжался еще траурный годъ, πένθιμος χρόνος, не могло служить помѣхой этимъ переговорамъ, имѣвшимъ характеръ предварительныхъ, такъ сказать, справокъ.

2) Бракъ Мануила, предшествовавшій переговорамъ о женитьбѣ великаго жупана, былъ заключенъ вскорѣ послѣ переговоровъ о молодомъ Неманичѣ. На это въ письмѣ къ великому жупану имѣются такія ясныя указанія, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ.

Возвратимся къ вопросу о началѣ архіепископствованія Димитрія Хоматіана. Переписка по дѣлу о второмъ бракѣ сербской Комнины привела насъ къ заключенію, что Хоматіанъ въ 1216-мъ году оставался еще хартофилаксомъ. Къ такому же заключенію привело насъ и письмо къ великому жупану, которое, кромѣ того, указало намъ, что около конца слѣдующаго 1217 г. этотъ хартофилаксъ уже былъ архіепископомъ. Начало архіепископствованія его, стало быть, падаетъ на небольшой промежутокъ времени, заключающійся между означенными тутъ датами. Принимая въ соображеніе отмѣченныя выше указанія на то, что въ 1216-мъ году Хоматіанъ былъ уже необыкновенно вліятельнымъ хартофилаксомъ и пользовался особеннымъ благоволеніемъ новыхъ эпирскихъ властей Охриды, мы склоняемся къ мнѣнію, что онъ занялъ архіепископскій престолъ еще до истеченія этого года или же въ самомъ началѣ слѣдующаго 1217 г. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и нѣкоторые другіе документы Мюнхенскаго сборника, которыхъ мы коснемся въ слѣдующей части настоящей статьи [1]).

Разсмотрѣнныя уже нами письма этого сборника, кромѣ значенія ихъ для вопроса о началѣ архіепископствованія ихъ автора, представляются интересными и по другимъ заключающимся въ нихъ историческимъ указаніямъ, которыхъ мы уже касались отчасти. Тутъ считаемъ умѣстнымъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть нѣкоторыя изъ нихъ, главнымъ образомъ тѣ, которыя относятся къ средней Албаніи.

Остановимся прежде всего на упоминаніяхъ о *Кроѣ*, Кройскомъ епископѣ, Арбанѣ и Арбанскомъ архонтѣ. До сихъ поръ, на сколько намъ извѣстно, полагали [2]), что *Кроя* впервые встрѣчается у Акрополиты, именно въ извѣстномъ свидѣтельствѣ его о томъ, что въ 1253 году Михаилъ II Эпирскій уступилъ Никейскому императору Іоанну Ватаци крѣпость Прилѣпъ, Велесъ и находящееся въ *Албанѣ* укрѣпленіе *Крою*, τὰς Κρόας [3]). Теперь мы открываемъ у Хоматіана болѣе

---

1) Въ изданіи Питры, на стр. 791, въ подстрочномъ примѣчаніи (3) къ документу № 19, не снабженному датою, но составленному несомнѣнно въ правленіе Θеодора Эпирскаго, замѣчено вкратцѣ слѣдующее: inde fort. incipit Demetrius sedere συνοδικῶς uti archiepiscopus. Содержаніе означеннаго документа не только не оправдываетъ такого предположенія, но, напротивъ, скорѣе доказываетъ, что во время составленія этого документа Димитрій не былъ еще архіепископомъ.

2) Hahn, Albanesische Studien, 336.

3) Акрополита, гл. 49: τὸ ἐν τῷ Ἀλβανῷ φρούριον τὰς Κρόας. Названіе *Крои* и у Хоматіана является во множественномъ числѣ: ἐπίσκοπος Κροῶν.

древнее, приблизительно на 40—50 лѣтъ, упоминаніе объ этомъ городѣ, столь прославившемся впослѣдствіи, въ XV-мъ вѣкѣ, подвигами Скандербега. Еще важнѣе упоминаніе о Кройской епархіи, по видимому, православной: оно является не только древнѣйшимъ, но и единственнымъ въ своемъ родѣ. До сихъ поръ мы знали лишь о существованіи католическаго Кройскаго епископства, о времени учрежденія котораго, нужно сказать, не имѣются положительныя данныя, вслѣдствіе чего одни возводятъ начало его къ XIV-му, другіе—къ половинѣ XV-го вѣка, когда Кроя сдѣлалась столицею Скандербега [1]).

Эти столь древнія упоминанія о Кроѣ и православной Кройской эпархіи тѣмъ занимательнѣе, что у Хоматіана, какъ и у Акрополиты, они переплетаются съ географическимъ терминомъ *Арбанъ*, древнѣйшее значеніе котораго остается все еще недостаточно выясненнымъ. Весьма распространенное теперь мнѣніе о томъ, что подъ Арбаномъ или Албаномъ въ XII—XIII вѣкахъ подразумѣвался главнымъ образомъ нынѣшній Эльбассанъ и его округъ, есть простая гипотеза [2]). Ея историческія основы, и безъ того не очень прочныя, еще болѣе подрываются указаніями Хоматіана, изъ которыхъ узнаемъ, что на рубежѣ XII-го и XIII-го вѣковъ главнымъ церковнымъ и повидимому политическимъ центромъ Арбана была Кроя, лежащая довольно далеко къ сѣверу отъ Эльбассана. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробный разборъ названной гипотезы, мы ограничимся лишь немногими общими замѣчаніями. Дошедшія до насъ отъ XII — XIII вѣковъ немногочисленныя свидѣтельства объ *Арбанѣ* или *Албанѣ* не безъ нѣкоторой натяжки пріурочивались учеными (Фарлати, Фальмерайеромъ, Ганомъ и др.) къ округу нынѣшняго Эльбассана, самое существованіе котораго въ эти вѣка не подтверждено какими нибудь несомнѣнными данными. Между тѣмъ, при освѣщеніи, которое даютъ теперь указанія Хоматіана названнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, эти послѣднія весьма удобно примѣняются къ Кройскому округу. Такъ, съ указаніями Хоматіана вполнѣ гармонируютъ не только вышеприведенныя слова Акрополиты о томъ, что Кроя находилась въ Албанѣ, но и древнѣйшія латинскія извѣстія о православной *Арбанской* или Албанской епархіи. Мы тутъ разумѣемъ извѣстія Дѣяній Анти-

1) Голубинскій, «Краткій очеркъ православныхъ церквей» и пр., стр. 534, 535.

2) Hahn, тамъ же, стр. 81, 135, 230, 311—314, 335—336 и проч.

барскаго собора 1199 года [1]), писемъ Иннокентія III отъ 1200, 1208, 1209 гг. [2]) и письма Иннокентія IV отъ 1250-го года [3]).

Намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на названныхъ тутъ латинскихъ извѣстіяхъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ говорится, что около 1250 года епископъ *какой-то области*, *именуемой Арбаніею* (Arbania) и находящейся въ греческихъ странахъ, высказывалъ желаніе присоединиться къ членамъ римской церкви [4]). Этому извѣстію, показывающему, что до 1250 года Арбанское епископство оставалось православнымъ, нѣсколько противорѣчатъ остальныя, болѣе раннія латинскія извѣстія, говорящія, что еще около конца XII-го вѣка, именно въ 1199 г., Арбанскій епископъ черезъ своего представителя участвовалъ въ антибарскомъ католическомъ соборѣ [5]). Намъ кажется, что указываемое тутъ противорѣчіе устранится само собою, если припомнимъ, что антибарскій соборъ былъ созванъ папскими легатами Іоанномъ Капелланомъ и иподіакономъ Симономъ во время присоединенія сербскаго (Дуклянскаго) князя Волкана Неманича къ римской церкви и что между членами этого собора были и православные епископы, тогда только присоединившіеся къ римской церкви, да и то лишь на весьма непродолжительное время [6]). Къ таковымъ несомнѣнно принадлежалъ и Арбанскій епископъ, представитель котораго участвовалъ на антибарскомъ соборѣ 1199 г. О временномъ присоединеніи Арбанскаго епископства къ римской церкви, несомнѣнно, говорятъ и письма Иннокентія III отъ 1200 и 1208 гг. По нашимъ соображеніямъ, тогдашняя унія Арбана съ Римомъ продолжалась, да и то съ перерывами, около

---

1) Theiner, Monumenta Slavorum meridionalium, I, 7, 8. Сравн. Голубинскаго «Краткій очеркъ православн. церквей», стр. 517, 531.

2) Theiner, тамъ же, I, 45, 54. Migne, Patrolog. lat., т. 215, столб. 1339, т. 216, ст. 106. Сравн. Hopf, Geschichte Griechenl., 224.

3) Theiner, тамъ же, I, 78, 79.

4) Theiner, тамъ же, I, 78, 79. Въ этомъ письмѣ Иннокентія IV, адресованномъ Антибарскому архіепископу въ 1250 г., читаемъ: In Grecie partibus quedam habetur provincia, que Arbania nuncupatur, cujus episcopus... cordi habere dicitur ut ejusdem membris ecclesie (Римской) ad eterni pastoris gloriam indissolubili vinculo conjungatur. Theiner, тамъ же.

5) Голубинскій, Краткій очеркъ ист. прав. церквей, 532. Въ этомъ почтенномъ трудѣ профессора Голубинскаго не обращено вниманія на письмо Иннокентія IV, не оставляющее сомнѣнія, что около 1250 года арбанская епархія была еще православною.

6) Здѣсь кстати припомнимъ, что около того времени и другія страны Балканскаго полуострова — Сербія, Болгарія, Эпиръ — принимали унію съ Римомъ, отъ которой, по миновании въ ней надобности, тотчасъ же отказывались.

10—15 лѣтъ, не далѣе 1216-го года, въ которомъ Кройскій епископъ переписывался съ Д. Хоматіаномъ.

Изъ Дѣяній Антибарскаго собора видно, что епархія Арбанская (Arbanensis) находилась по сосѣдству съ Пулатскою, Дульцинскою и Сарданскою епархіями, которыя лежали въ сѣверной части нынѣшней Албаніи, именно въ бассейнѣ соединеннаго Дрина (правильнѣе Дрима). А по сосѣдству съ этими Подримскими епархіями могло находиться Кройское епископство, но никакъ не округъ нынѣшняго Эльбассана, въ которомъ приверженцы названной гипотезы помѣщаютъ каѳедру древняго Арбанскаго епископства (отъ соединеннаго Дрима Эльбассанъ отстоитъ вдвое дальше чѣмъ Кроя). На основаніи сказаннаго мы позволяемъ себѣ думать, что подъ Арбанскимъ епископствомъ указанныхъ латинскихъ документовъ подразумѣвается Кройское епископство, называемое въ нихъ Арбанскимъ по имени его области, а у Хоматіана Кройскимъ по имени каѳедральнаго города [1]). На этомъ же основаніи можно, кажется, также полагать, что область Арбана или Албана, начинавшаяся несомнѣнно [2]) не далеко отъ Драча (Дураццо), около начала XIII-го вѣка, простиралась оттуда къ сѣверовостоку, занимая весь Кройскій округъ съ Миридитскими и отчасти Дукагинскими горами, до нѣкоторыхъ частей соединеннаго Дрима, гдѣ соприкасалась съ сербскими владѣніями. Достойно примѣчанія, что, по свидѣтельствамъ Стефана Немани и его сына св. Саввы, лежавшая къ сѣверу отъ Арбанской (Кройской) епархіи область Пилота (Пулатская) до завоеванія ея Неманею, около 1190 г., также входила въ составъ тогдашняго Арбана. Стефанъ Неманя въ своей грамотѣ Хиландарскому монастырю 1199 г. говоритъ: «и приобрѣтохь одь Морьске земле Зету и сь градовы, *а одь Арьбанась Пилоть*, а одь грьчьске земле Лабь» [3]) и пр. Св. Савва въ житіи Немани [4]) выражается объ этомъ пріобрѣтеніи послѣдняго въ такихъ словахъ: «и приобрѣте оть поморьские земле Зету и сь градови, *а оть Рабна Пильта оба*, а оть грьчьские земле» и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что въ названіи *Рабна* мы тутъ имѣемъ названіе *Арбана* нѣсколько переиначенное, главнымъ образомъ, вслѣдствіе обычной перестановки *ар* въ *ра*.

1) Намъ кажется, что и замѣтки Анны Комнины объ Арбанѣ (XIII, 5) болѣе подходятъ къ Кроѣ, чѣмъ къ Эльбассану.

2) Сравн., напр., въ раздѣльномъ договорѣ 1204 г.—provincia Dyrrachii et Arbani.

3) Miklosich, Monumenta Serbica, 4.

4) Іован Павловиħ, Домаħи извори за српску историју 13. Срав. Новаковиħа: «Землиште радње Њемањине» въ «Годишњице Николе Чупиħа» I, 207—213.

Изъ сказаннаго тутъ о соприкосновеніи границъ Арбана и Сербіи становится весьма понятнымъ открываемый письмами Хоматіана фактъ замужества сербской Комнины съ братомъ арбанскаго архонта Димитріемъ, а по смерти послѣдняго — съ другимъ арбанскимъ дѣятелемъ, севастомъ Григоріемъ Камоною.

Обратимся къ этимъ арбанскимъ дѣятелямъ и прежде всего къ Димитрію, младшему брату арбанскаго архонта Гино, первому мужу сербской Комнины. Изъ двухъ писемъ Иннокентія III, писанныхъ въ 1208 и 1209 г., извѣстно, что въ означенные тутъ годы въ *Арбанѣ* существовалъ самостоятельный правитель по имени Димитрій, который въ первомъ изъ этихъ писемъ, адресованномъ ему, названъ арбанскимъ княземъ (nobilis vir arbanensis princeps), во второмъ же — nobilis vir judex Albanorum [1]). Изъ указанныхъ папскихъ писемъ мы узнаемъ, что арбанскій князь — судья Димитрій въ 1208 году заискивалъ благоволенія папы Иннокентія III, присоединяясь къ римской церкви вмѣстѣ съ арбанскимъ епископомъ Павломъ (Paulo arbanensi episcopo) и просилъ о присылкѣ въ Арбанъ (ad Arbanam) папскаго легата. Это однако не помѣшало ему въ слѣдующемъ же году конфисковать находившіяся въ Арбанѣ имущества (possessiones et alia bona) Драчской архіепископіи, окатоличившейся послѣ завоеванія Драча (Дураццо) Венеціею (въ 1205 г.), и удерживать ихъ въ своихъ рукахъ. Мы не сомнѣваемся, что встрѣчающійся въ папскихъ письмахъ самостоятельный арбанскій правитель Димитрій есть упоминаемый въ письмахъ Хоматіана Димитрій Гино, братъ арбанскаго архонта, женившійся на дочери сербскаго великаго жупана не раньше 1204 г. и умершій не позже 1215 года. Весьма возможно, что и арбанскій епископъ Павелъ, временно подчинявшійся около 1208 г., вмѣстѣ съ арбанскимъ княземъ Димитріемъ, Риму, есть тотъ самый Кройскій епископъ, который переписывался съ Д. Хоматіаномъ въ 1216 году по дѣлу, касавшемуся вдовы и племянницы того же самаго, несомнѣнно, князя Димитрія, и который, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ письма Хоматіана къ нему, занялъ Кройскую епархію за нѣсколько лѣтъ до 1216 г.

Объ Арбанѣ и арбанцахъ упоминаетъ и другой латинскій доку-

1) См. въ Migne, Patrol. lat., т. 215, столб. 1343, т. 216, ст. 107, у Theiner I, 45. Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что титулъ nobilis vir Иннокентій III даетъ и Михаилу Эпирскому, а также и болгарскому царю Калояну, до вѣнчанія послѣдняго присланнымъ изъ Рима вѣнцомъ. См. у Theiner I, 45, 46.

ментъ того времени. Это — заключенный въ 1210 году между Венеціею и Михаиломъ Эпирскимъ договоръ, въ которомъ Михаилъ, между прочимъ, даетъ обѣщаніе содѣйствовать венеціанцамъ въ ихъ стремленіи удержать въ своей власти арбанцевъ, arbanenses [1]). Свидѣтельство это показываетъ, что около 1210 года на свободу арбанцевъ, во главѣ которыхъ тогда стоялъ Димитрій Гино, посягали не только венеціанцы изъ Драча, но и Михаилъ Эпирскій [2]). То обстоятельство, что этотъ самый *Михаилъ грьчинъ*, какъ мы уже говорили, враждовалъ и съ сербами, способно, кажется, пролить нѣкоторый свѣтъ на политическое значеніе брака Димитрія Гино съ дочерью арбанскаго жупана.

Изъ занимающихъ насъ указаній переписки Хоматіана заслуживаютъ особаго вниманія сдѣланныя вскользь упоминанія о старшемъ братѣ Димитрія, арбанскомъ архонтѣ Гино, на дочери котораго былъ женатъ севастъ Григорій Камона. Упоминанія эти, указывающія, что *архонтъ Гино* не принадлежалъ къ заурянымъ арбанскимъ старѣйшинамъ, невольно напоминаютъ извѣстныя уже намъ латинскія свидѣтельства о томъ, что въ 1199 и 1201 году Арбанъ входилъ въ отдѣльныя соглашенія съ Римомъ о подчиненіи ему арбанскаго епископства. Сопоставленіе названныхъ упоминаній Хоматіана съ этими латинскими свидѣтельствами даетъ поводъ думать, что Арбанъ пользовался политическою самостоятельностію еще около конца XII-го вѣка, и что около этого времени, повидимому, во главѣ его стоялъ братъ Димитрія, архонтъ Гино. А если такъ, то надобно думать, что освобожденіе Арбана отъ Византіи предшествовало завоеванію послѣдней латинянами въ 1204 г. и находится въ связи съ бурными славянскими движеніями царствованія Исаака II и Алексѣя III Ангело-Комниновъ [3]).

---

1) Сравн. Heyd, Le colonie commerciali degli Italiani in oriente I, 112—113.

2) Карлъ Гопфъ, Gesch. Gr. 224, на основаніи неизданнаго источника (Patti) утверждаетъ, что въ 1210 г. Венеція искала помощи противъ арбанцевъ у нѣкоторыхъ славянскихъ главарей, именно: короля Георгія, его брата Младена и славянина Петра. Это утвержденіе намъ представляется немного страннымъ, такъ какъ подъ означенными тутъ братьями—Георгіемъ и Младеномъ—разумѣются, повидимому, извѣстные братья Георгій и Младенъ Шубичи, договаривавшіеся вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ Баномъ Павломъ съ Венеціею только около конца XIII-го вѣка. См. Smičiklas, Povjest hrvatska I, 365—368.

3) Успенскій, «Образованіе втораго болгарск. царства», 199—204; Иречекъ, «Исторія болгаръ», Одесск. изд., 309—310; Hopf, Gesch. Griech. 174. На отпаденіе арбанцевъ могла оказать вліяніе и норманнская война 1185 г., сдѣлавшая сицилійскаго адмирала Маргаритоне на нѣкоторое время властелиномъ Іоническихъ островов и сосѣдняго Арбану города Диррахія (Драча). Hopf, тамъ-же, 181, 182. Herzberg, Geschichte der Byzantiner, 325—329.

Ближайшимъ образомъ на отпаденіе арбанцевъ отъ Византіи въ то время могли оказать вліяніе: сербскія завоеванія въ сѣверной части нынѣшней Албаніи около 1190 г., болгарскія движенія въ нынѣшней Македоніи, приведшія около 1197 г. къ образованію тамъ довольно обширнаго полунезависимаго княжества Стрѣзя, а также начавшіяся около того же времени греческія движенія въ Ѳессаліи, средней Греціи и Пелопоннисѣ. Тутъ намъ невольно приходитъ на умъ Навплійскій архонтъ Сгуръ[1]), сдѣлавшійся полнымъ властелиномъ Навпліи и положившій тамъ основаніе самостоятельному государству, которое при сынѣ и преемникѣ его Львѣ Сгурѣ распространило свою власть на Аргосъ (1202 г.), Коринѳъ, Аѳины, Ѳивы (1204 г.) до Ѳессаліи. По всей вѣроятности, и Арбанскій архонтъ изъ рода Гино игралъ въ Арбанѣ роль, подобную той, которую съигралъ въ Навпліи его современникъ Навплійскій архонтъ Сгуръ, и пріобрѣтенная имъ надъ Арбаномъ власть перешла по наслѣдству къ его младшему брату Димитрію Гино.

Перейдемъ теперь къ севасту Григорію Камонѣ. Изъ писемъ Хоматіана мы узнали, что этотъ севастъ по смерти арбанца Димитрія сдѣлался важною личностію въ Арбанѣ: онъ развелся съ прежнею своею женою, дочерью умершаго архонта Гино, племянницею Димитрія, и женился въ 1216 г. на вдовѣ послѣдняго, дочери великаго сербскаго жупана. Этотъ поступокъ его, вызвавшій протестъ мѣстнаго (Кройскаго) епископа, встрѣтилъ поддержку со стороны вліятельнаго Охридскаго хартофилакса Димитрія Хоматіана и его друга, севаста Іоанна Плита, усердно преданныхъ слугъ новаго эпирскаго правителя Ѳеодора. Припомнимъ еще, что бракъ севаста Григорія Камоны съ сербскою Комниною совпалъ по времени съ переговорами о заключеніи родственныхъ союзовъ между правительственными домами сербскимъ и эпирскимъ. Принимая при этомъ въ соображеніе то обстоятельство, что Ѳеодоръ Эпирскій въ 1216-мъ году подчинилъ себѣ Арбанъ (Албанъ), можно, кажется, дать такое объясненіе встрѣчающимся въ письмахъ Хоматіана указаніямъ и намекамъ на роль, которую севастъ Григорій Камона игралъ въ этой странѣ. Повидимому, онъ по смерти Димитрія, а быть можетъ и нѣсколько раньше, сталъ стремиться къ занятію правительственной власти въ Арбанѣ и достигъ этого съ помощью Ѳеодора Эпирскаго.

Предлагаемое тутъ объясненіе, по нашему мнѣнію, тѣмъ правдо-

1) Hopf, тамъ-же, 180—183.

подобнѣе, что находитъ себѣ опору и въ дальнѣйшей исторіи Арбана. Есть основаніе думать, что *Арбанасская земля* пользовалась нѣкоторою политическою самостоятельностію до конца царствованія Ѳеодора, т. е. до 1229 г., когда эта земля подчинилась болгарскому царю Іоанну Асѣню, послѣ того какъ послѣдній взялъ въ плѣнъ Ѳеодора въ Клокотницкой битвѣ. По всей вѣроятности, тутъ произошло не полное подчиненіе Арбана I Асѣню, а лишь замѣна прежняго сюзерена арбанцевъ его побѣдителемъ [1]). На то, что Арбанъ и послѣ подчиненія его Іоанну Асѣню въ 1230 году сохранилъ своего отдѣльнаго правителя, указываетъ одно историческое свидѣтельство, на которомъ мы должны остановиться подробнѣе. Оно относится къ тому времени, когда Никейскій императоръ Іоаннъ Ватаци, воспользовавшись наступившимъ для него благопріятнымъ моментомъ по смерти болгарскаго царя Іоанна Асѣня и его преемника Калимана († 1246), подчинилъ себѣ значительную часть Балканскаго полуострова, которая передъ тѣмъ принадлежала частію болгарамъ [2]), частію же эпирско-солунскому государству. Акрополита, принимавшій участіе въ этихъ походахъ Іоанна Ватацы, указываетъ, что когда послѣднему въ 1253 году подчинилась *Касторія* съ своимъ округомъ (въ югозападной части нынѣшней Македоніи), тогда и *Гуламъ изъ Албана* (ὁ ἀπὸ τοῦ Ἀλβανοῦ Γουλάμος), «пришедшій на помощь Касторіи съ войскомъ (изъ Албана), присоединился къ нему, склонившись на его ласковыя слова и письменныя обѣщанія» [3]). При этомъ Акрополита замѣчаетъ, что *Гуламъ* имѣлъ женою племянницу императрицы (никейской) Ирины, дочь ея двоюродной сестры (πρωτεξαδέλφης αὐτῆς θυγατέρα). Это свидѣтельство Акрополиты, служившее до сихъ поръ камнемъ преткновенія для историковъ и генеалоговъ, вполнѣ удовлетворительно объясняется теперь письмами Димитрія Хоматіана, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что жена Албанскаго вождя Гулама была дочерью сербской Комнины, два раза выходившей за-мужъ въ Арбанѣ или Албанѣ около сорока лѣтъ раньше 1253 г. Эта открываемая намъ письмами Хоматіана сербская Комнина по своей матери Евдокіи Але-

1) См. Терновскую запись Іоанна Асѣня отъ 1230 года и его грамоту, данную дубровничанамъ двумя-тремя годами позже, у Срезневскаго «Свѣдѣнія и замѣтки», LXXXI, 9—10. Сравн. и повѣствованіе Акрополиты (гл. 25) о Клокотницкой битвѣ и ея послѣдствіяхъ. Въ указанныхъ тутъ историческихъ источникахъ имѣются, по нашему мнѣнію, довольно прозрачные намеки на то, что подчиненіе *арбанасской земли* Іоанну Асѣню носило такой именно характеръ.

2) Иречекъ, Исторія болгаръ, Одесск. изд. 351—353.

3) Акрополита гл. 49. Въ русскомъ переводѣ, Спб. 1865, стр. 105.

ксѣевнѣ дѣйствительно приходилась двоюродною сестрою никейской императрицѣ Иринѣ, дочери Θеодора Ласкариса отъ первой жены его Анны Алексѣевны. Въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ Акрополиты заслуживаетъ особаго вниманія указаніе на то, что *Гуламъ* изъ Албана, по нашему мнѣнію, изъ Кройской области, подчинился въ 1253 году императору Іоанну Ватацѣ, «склонившись на ласковыя его слова и письменныя обѣщанія». Сопоставляя съ этимъ указаніемъ выше-приведенное свидѣтельство письма папы Иннокентія IV о томъ, что около 1250 года арбанскій епископъ, по нашему мнѣнію—Кройскій, выражалъ желаніе присоединиться къ римской церкви, можно, кажется, думать, что Албанская или Арбанская область до 1253 года пользовалась нѣкоторою политическою самостоятельностію, которую она, повидимому, сохранила и послѣ означеннаго тутъ года. На это, кромѣ свидѣтельства Акрополиты *о письменныхъ обѣщаніяхъ*, которыми никейскій императоръ привлекъ *Гулама* на свою сторону, указываютъ и нѣкоторыя другія свидѣтельства. Припомнимъ, наприм., Орвіетскій договоръ 1267 г., въ которомъ изгнанный изъ Константинополя латинскій императоръ Балдуинъ II уступаетъ Карлу I Анжуйскому третью часть своихъ мнимыхъ правъ на владѣнія эпирскаго деспота Михаила II, а также на королевства албанское и сербское [1]).

Занимающія насъ здѣсь указанія Хоматіана проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя болѣе позднія историческія извѣстія, тоже остающіяся загадочными. Въ той самой Албанской области, во главѣ которой, какъ видно изъ вышесказаннаго, въ первой половинѣ XIII-го вѣка стояли мужья сербской Комнины и ея дочери, около конца того же вѣка мы встрѣчаемъ севаста Алексія Аріанити, а нѣсколько позднѣе — *Матераніо Аріанити Комнина*, отъ котораго произошло многочисленное потомство Аріанити-Комниновъ, игравшихъ здѣсь видную роль въ XIV-мъ и XV вѣкахъ [2]). Указанія Хоматіана не оставляютъ, кажется, сомнѣнія, что всѣ эти Аріанити назывались Комнинами по нашей сербской Комнинѣ и вмѣстѣ съ старѣйшимъ изъ нихъ, севастомъ Алексѣемъ-Аріанити, вели свой родъ отъ нея и, повидимому, отъ втораго мужа ея, севаста Григорія Камоны.

1) Макушевъ, «Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка», 20—21.

2) Макушевъ, тамъ же, 36, 39, 40, 58, 62. Hopf, Chroniques, 535: Famille des Arianiti-Comnènes.

Харьковъ, 1894 г.
4-го іюня.

М. Дриновъ.

ΣΧΕΔΙΑΣΜΑ ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΩΝ ΜΗΝΑΙΩΝ.

Α΄.

Τὰ δώδεκα μηναῖα τῆς ὀρθοδόξου καθολικῆς ἐκκλησίας ἐμπεριέχουσι προϊὸν ἑλληνικῆς ποιήσεως ἀθρόως ἐμφανισθείσης ἀνὰ τὴν ὀγδόην ἰδίᾳ καὶ τὴν ἐνάτην ἑκατονταετηρίδα, πρὸς διαμαρτύρησιν αὐτῆς αἰώνιον κατά τε τῶν εἰκονομάχων καὶ τῶν μανιχαίων καὶ κατὰ τῶν αἱρέσεων ἁπασῶν· ἀποτελοῦσι δὲ τὴν τοιαύτην ποίησιν ᾄσματα πολυάριθμα καὶ πολυποίκιλα καὶ κατὰ ῥυθμὸν ἴδιον συντεταγμένα, ἃ ποιηταὶ καὶ μελῳδοὶ συνέταξαν τὸ σχῆμα κληρικοί, μοναχοὶ ἢ πατριάρχαι καὶ ἀρχιερεῖς, ἢ ἁπλῶς ἱερεῖς, ἐκπαιδευθέντες ἐν μοναστηρίοις, ὧν τὴν πρώτην τάξιν ἐπέχει Σάβα τοῦ ἡγιασμένου ἡ μεγάλη λαύρα, ἡ παρὰ τὴν πόλιν Ἱερουσαλὴμ ἐν ἐρήμῳ τόπῳ καθιδρυμένη· ἥτις ἀπὸ Ἀνδρέου Κρήτης ἀρχιεπισκόπου καὶ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ μέχρι Στεφάνου Σαβαΐτου τοῦ σημειοφόρου παρήγαγε τὰ πρώτιστα καὶ ἐξοχώτερα τῶν ἐκκλησιαστικῶν ᾀσμάτων, ἰδίᾳ δὲ τοὺς ἰαμβικοὺς καὶ τοὺς καταλογάδην ἐρρύθμους ᾀσματικοὺς κανόνας· ἀπὸ δὲ ταύτης ἀμέσως ἡ περὶ τὰ τοιαῦτα κεκανονισμένη τέχνη μετεδόθη τῇ Κωνσταντινουπόλει καὶ τὴν ἐκεῖ σχολὴν ἀπετέλεσεν ᾀσματογραφίας, τὴν ἐν τῇ μονῇ τῶν Στουδίου, ἧς ὑπῆρξε διδάσκαλος ἀκμαιότατος ὁ πολὺς ἐν τοῖς γράμμασι Θεόδωρος ὁ Στουδίτης, ὁ ποιητὴς τῶν τριῳδίων [1]. Εὔδηλον οὖν, ὅτι τοῦ μηναίου τὴν πρώ-

---

1) Ὁ μαθητὴς αὐτοῦ καὶ διάδοχος, Μιχαὴλ ἡγούμενος τῶν Στουδίου, γράφει ταῦτα· «Ὁ τοίνυν πατὴρ ἡμῶν Θεόδωρος αὖθις τὴν οἰκείαν μονὴν τοῦ Στουδίου παραλαβὼν καὶ τῶν διασπαρέντων αὐτοῦ φοιτητῶν αὐτόθι συνδεδραμηκότων εἴχετο... τῆς πρὸς τοὺς ἑαυτοῦ μαθητὰς ἐξ ἔθους διδασκαλίας... καὶ οὕτω πάλιν ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ ηὔξανεν καὶ τὸ στίφος τῶν μαθητῶν ἐβελτιοῦτο αὐξανόμενον σφόδρα· καὶ ἦν ἀληθῶς ὁ εὐπρεπέστατος οὗτος χῶρος οἷά τις ποικίλος καὶ εὐθαλὴς παράδεισος, ἐκ παντὸς γένους φυτῶν λογικῶν ἐν ἑαυτῷ περιέχων, ἐν οἷς πᾶν εἶδος ἐπιστήμης ὥσπερ τις καρπὸς πέπειρος χρησίμως ἐθεωρεῖτο· μετὰ γὰρ τῆς εἰς ἄκρον κοινοβιακῆς εὐταξίας καὶ τῆς πρακτικῆς ὡς ἔνι φιλοσοφίας, οὐδὲ τῶν λογικῶν ἀμέτοχοι καθεστήκεσαν τεχνῶν· ἀλλὰ καὶ γραμματικῆς παρ' αὐτοῖς ἐφιλοπονεῖτο κατόρθωσις, δι' ἧς ἥ τε πρὸς τὸ γράφειν ὀρθῶς ἐγγίνεται τοῖς πεπονηκόσιν εἴδησις, καὶ ἡ πρὸς τὴν ἀνάγνωσιν ἐντυποῦται αὐτοῖς ἠθικότης· καὶ φιλοσοφίας δὲ τεχνολογία καὶ δογμάτων πα-

την γένεσιν ὀφείλομεν εἰς τὴν Παλαιστίνην, καὶ ὅτι τοῦτο κατ' ἀλήθειαν, ὡς νῦν ὑπάρχει, μνημεῖον ᾀσματικόν ἐστι μᾶλλον τῆς ἐποχῆς, καθ' ἣν ἡ ἐκκλησία τῶν ὀρθοδόξων ἐζημιώθη παντοιοτρόπως ὑπὸ τῶν εἰκονομάχων, τῶν ἀποφθειράντων ἔξω τῶν ἄλλων λειτουργικῶν βιβλίων καὶ τὰ καθ' ἡμέραν ἐν ταῖς ἐκκλησίαις ἐκ παλαιοῦ μέχρι τότε ψαλλόμενα παλαιὰ ποιήματα· ἴσως δὲ λείψανα τούτων εἰσὶ τὰ ποιημάτια τὰ κληθέντα εἱρμοί, δι' ὧν οἱ κατόπιν ᾀσματογράφοι τὰ τροπάρια καὶ τοὺς κανόνας καὶ τὰ λοιπὰ ποιητικὰ τῆς ἐκκλησίας εἴδη κατεκανόνιζον. Οἱ καταλογάδην ᾀσματικοὶ κανόνες, ἐξ ὧν ἰδίᾳ τὰ μηναῖα πληροῦνται, φαίνονται πεποιημένοι πάντες ὡς ἐκ προσώπου τῶν ὀρθοδόξων ἐν τῷ καιρῷ τῶν ἐκ τῶν εἰκονομάχων διωγμῶν καὶ τῶν ἐκβολῶν τῶν ἱερῶν εἰκόνων ἀπὸ τῶν ἐκκλησιῶν· καὶ ἐπειδὴ τῶν κανόνων οἱ ποιηταὶ σφοδρῶς ὑπὲρ τῆς ὀρθοδοξίας ἀγωνισθέντες ἐκηρύχθησαν ἐνωρὶς ἅγιοι καὶ πατέρες τῆς ἐκκλησίας, ἅγια παραυτὰ καὶ τὰ ποιήματα κατωνομάσθησαν αὐτῶν, ὡς ἑρμηνεύσαντα πιστῶς τὰς δόξας τῆς ὀρθοδόξου τῶν χριστιανῶν ἐκκλησίας ἐν ᾧ χρόνῳ παρὰ τῶν εἰκονομάχων ἡ μεσιτεία τῆς Θεοτόκου παρὰ τῷ Θεῷ καὶ τῶν ἁγίων ἡ πρεσβεία παρὰ τούτῳ διὰ τῆς καταστροφῆς ἢ τῆς ἀποβολῆς τῶν εἰκόνων ἐπεδεικνύετο καθὰ δόγμα σφαλερὸν εἰς τὸν λαόν, ἐπὶ σκοπῷ φθορᾶς τῶν ἠθῶν καὶ τῆς εἰς τὸ θεῖον εὐλαβείας αὐτοῦ. Τὰ τοιαῦτα μὲν οὖν ᾄσματα, τῶν ὀρθοδόξων ἐκδιωκομένων, ὑπὸ τῶν ὑπερασπιστῶν συνταττόμενα τῆς ὀρθοδοξίας καὶ διανεμόμενα πρὸς ἐμπέδωσιν τῆς εὐσεβείας ἐψάλλοντο τὸ πρῶτον ἐν μοναστηρίοις ἐν σπηλαίοις καὶ φυλακαῖς, ἢ ἐν ἐκκλησίαις ἐρημικαῖς· συνήθη δὲ γενόμενα βραδέως τοῖς ὀρθοδόξοις ἐνωρὶς εἰσεχώρησαν εἰς τὰς ἐκκλησίας, τὰ πρώτιστα συναποτελέσαντα λειτουργικὰ μηναῖα τῆς ἔτι διωκομένης ἐκκλησίας· ἀλλ' ὕστερον αὐτῆς ἀποκατασταθείσης ἔτει 842-ῳ, μέρος ἐκεῖνα τῶν ἱερουργιῶν ἀπετέλεσαν ἔγκυρον ἀναπόσπαστον εἰς τὸ ἑξῆς [1], περισυλλεγέντα παν-

τερικῶν ἀποστήθησις, δι' ὧν πάσης αἱρέσεως φληνάφους ἀνατρέπειν εἶχον ἰσχνομυθίας, συλλογισμοῖς ἀληθείας καὶ συμπεράσμασι χρώμενοι· ἐξ ὧν σοφώτατοί τε καλλιγράφοι καὶ ἱεροψάλται, κονδακάριοί τε καὶ ᾀσματογράφοι, ποιηταί τε καὶ ἀναγνῶσται πρώτιστοι, μελισταί τε καὶ ἀοιδόπουλοι ἐν Χριστῷ ἐξεφάνθησαν». Mai Novæ bibliothecæ Patrum t. VI, pars II, σ. 322—323. Ὅρα καὶ σελ. 351, ἔνθα διήγησις ὑπάρχει περὶ τῶν ὑπὸ Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου γεγραμμένων τριῳδίων.

1) Οἱ ᾀσματικοὶ κανόνες μετὰ τῶν περὶ αὐτοὺς τροπαρίων ᾄδονται κυρίως ἐν καιρῷ τῶν ἀγρυπνιῶν. Διηγήσεις περὶ τῆς Κυριακῆς τῆς Ὀρθοδοξίας ἱστοροῦσι ταῦτα· Μεθόδιος ὁ πατριάρχης συνταξάμενος τῇ Θεοδώρᾳ συζύγῳ τοῦ θανόντος εἰκονομάχου βασιλέως Θεοφίλου ἐξῆλθεν ἀπὸ τοῦ παλατίου· εἰσελθὼν δὲ ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίᾳ προσεκαλέσατο ἅπαντα τὸν τίμιον καὶ ὀρθόδοξον λαόν, ἀπὸ μικροῦ αὐτῶν ἕως μεγάλου σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις, καὶ πρό γε τούτων μητροπολίτας τε καὶ ἐπισκόπους, πρεσβυτέρους τε καὶ διακόνους μονάζοντας καὶ ἐρημίτας, στυλίτας τε καὶ ἐγκλείστους· ἐξ ὧν ἦσαν ὅ τε ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν καὶ θαυματουργὸς Ἰωαννίκιος ὁ τοῦ Ὀλύμπου, Θεόδωρός τε ὁ ὁμολογητὴς καὶ ἡγούμενος τῶν Στουδίου, καὶ Θεοφάνης, ὁμοίως καὶ αὐτὸς ὁμολογητὴς καὶ ἡγούμενος, ὁ τοῦ Με-

ταχόθεν, ἵνα συναποπληρώσωσι τὰ καθολικὰ μηναῖα. Τὰ μηναῖα τοίνυν τὰ καθολικὸν ἔχοντα χαρακτῆρα τὸ πρῶτον εἰσάγονται εἰς τὰς ἐκκλησίας ἐπισήμως, ὡς ἐγὼ νομίζω, τῆς ἐνάτης ἑκατονταετηρίδος ἀκμαζούσης, ἐπὶ Φωτίου πατριάρχου τοῦ μεγάλου τῆς ἐκκλησίας ὀργανωτοῦ, ταχθεισῶν ἔκτοτ' ἐν αὐτοῖς μηνὸς ἑκάστου τῶν ἑορτῶν μετὰ τῶν προσηκόντων αὐταῖς ᾀσμάτων· πᾶς δ' ὁ μετὰ προσοχῆς ἐξετάζων τῶν μηναίων τὴν ὕλην ἀνακαλύπτει, ὅτι περιέχουσι ταῦτα μεγάλης θλιβερᾶς ἐποχῆς ἑλληνικὴν ἐποποιίαν, δι' ἧς αἴσθημα θρησκευτικὸν ἐρριζωμένον ἐν ταῖς καρδίαις Ἑλλήνων ὀρθοδόξων, ὅπερ ἐχθροὶ καὶ τῆς ἀνθρωπίνης αὐτεξουσιότητος ἀντίπαλοι προσέβαλλον, ἐξέφρασεν ὅτι κάλλιστα τὴν πρὸς τὸ θεῖον εὐλάβειαν, ἐξαιτησάμενον ἀπ' αὐτοῦ τε κατ' εὐθεῖαν, μεσιτείᾳ δὲ τῆς Θεοτόκου καὶ πρεσβείᾳ τῶν δεδοξασμένων ἁγίων, τὴν ἀποκατάστασιν τῆς ἐλευθερίας τοῦ λόγου καὶ τῆς πίστεως, τῆς συνειδήσεώς τε καὶ τῆς ἐκκλησίας αὐτῆς. Τὰ μηναῖα παριστῶσιν ἔτι μνημεῖον γλωσσικὸν ἀμελέτητον ὅλως ἄχρι τοῦδε γραμματικῶς καὶ λεκτικῶς, ὅπερ ἡ ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης ἀξιοῖ τάξαι μεταξὺ τῆς παλαιᾶς κοινῆς καὶ τῆς ἀπὸ τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος μεγάλως ἄχρι τοῦδε μορφωθείσης ἐμμίκτου γραπτῆς γλώσσης τῶν Ἑλλήνων· παριστῶσι δὲ καὶ μέρος τῆς χριστιανικῆς καὶ πολιτικῆς αὐτῶν ἱστορίας. Ἄνευ τῆς σπουδῆς τῶν μηναίων ἱστορικὰ ζητήματα περὶ τῶν Ἑλλήνων καὶ τῆς ἐκκλησίας καὶ τῶν δογμάτων ἀπομένουσι δύσληπτα· ἐν αὐτοῖς γὰρ ἑρμηνεύονται καὶ κατασαφηνίζονται χριστιανικαὶ παραδόσεις, μάλιστα δὲ δόγματα, πάλης ἱστορικῆς ἀποτελέσματα κατὰ τῶν μετὰ Χριστὸν ἐμφανισθεισῶν αἱρέσεων· ἐν τούτοις ἀπόκειται καὶ τῆς εἰκονομαχίας ἡ ἱστορία κατακεκριμένη διὰ ποικίλων ᾀσμάτων, καὶ θαυμάζει τις ἀναγινώσκων αὐτά, ὅτι τούτων οἱ ποιηταὶ μαχηταὶ τοῦ λόγου θείας ἐμπνεύσεως ἔμπλεοι συναποβάντες ἠδυνήθησαν ὡς ἀληθῶς μετὰ τοῦ λοιποῦ λαοῦ καταδαμάσαι καὶ καταστρέψαι τῆς ἐκκλησίας ἐχθροὺς ὡπλισμένους ὑλικοῖς ὅπλοις καὶ τῆς ἐν ἀνθρώποις αὐταρχικῆς ἐξουσίας ἀρχηγοὺς ἰσχυροτάτους. Ὅμως δὲ τὰ μηναῖα τὰ τετυπωμένα, ὡς νῦν ἔχουσι, παραβαλλόμενα πρὸς τὰ παλαιότερα καὶ πιστότερα τῶν ἀντιγράφων ἀποβαίνουσιν ἀνεπαρκῆ πρὸς ἀπό-

γέλου Ἀγροῦ, Μιχαὴλ τε ὁ ἁγιώτατος ὁμολογητὴς καὶ σύγκελλος ὁ Ἁγιοπολίτης, καὶ σὺν αὐτῷ Θεόδωρος μοναχὸς καὶ ὁμολογητὴς ὁ Γραπτός, ὡσαύτως δὲ καὶ Θεοφάνης μητροπολίτης Νικαίας ὁ ποιητὴς καὶ Γραπτός, καὶ ἕτεροι πλεῖστοι, τῆς ἀρετῆς καὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως ἀντεχόμενοι μέχρι θανάτου· οὗτοι πάντες κοινὴν εὐχὴν καὶ ἀγρυπνίαν σὺν νηστείᾳ ποιησάμενοι καὶ δάκρυα πλεῖστα ἐκχέαντες τῇ πρώτῃ ἑβδομάδι τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς παννυχίαις τε καὶ ψαλμῳδίαις ἀεννάως τὸν θεὸν ἐξελιπάρουν τοῦ δοθῆναι συγγνώμην καὶ ἄφεσιν ἁμαρτιῶν Θεοφίλῳ τῷ βασιλεῖ. Ἔκτοτε οὖν καὶ μέχρι τῆς δεῦρο ἐξετέθησαν αἱ παννυχίαι ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ θεοῦ ἐκκλησίᾳ τῇ πρώτῃ ἑβδομάδι τῆς ἁγίας τεσσαρακοστῆς». W. Regel, Analecta byzantino-russica, σ. 31—32.

δειξιν τοῦ κεκρυμμένου ἐν τοῖς ἐξ ἀρχῆς ᾄσμασι γλωσσικοῦ τε καὶ ποιητικοῦ θησαυροῦ· ἀνίκανα δὲ συγχρόνως ἀποδείκνυνται καὶ πρὸς τὴν ἐντελῆ κατάληψιν τῆς τέχνης τῆς ῥυθμικῆς καὶ τῆς μελῳδίας τῶν ᾀσμάτων αὐτῶν· τὰ γὰρ τετυπωμένα μηναῖα προῆλθον εἰς τὴν δημοσιότητα διὰ νεωτάτων ἀντιγράφων ἀτελῶν ἐσφαλμένων ἐφθαρμένων, προνοίας ἄνευ ἐκκλησιαστικῆς ἐπισήμου· βαθμιαίως δ' εἰς τὰς ἁπανταχοῦ τῶν ὀρθοδόξων ἑλληνικὰς ἐκκλησίας εἰσχωρήσαντα, διὰ τὸ μικρὸν τῆς τιμῆς αὐτῶν ἀπεδίωξαν ἀρχαῖα πλήρη χειρόγραφα, συναποσβέσαντα κατὰ τόπους ἔθιμα τάξεων ἐκκλησιαστικῶν κἀν ταῖς βιβλιοθήκαις ἀπορρίψαντα, καθὰ μνημεῖα τὸ λοιπὸν ἄχρηστα, τυπικὰ καὶ μηναῖα τοπικά, παλαιοτάτην ἔχοντα καταγωγήν· ἐφ' ᾧ συνέβη βραδέως ἔκτοτε τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει νεωτάτην τῶν συνάξεων τάξιν ἐκγενικευθῆναι καὶ συνήθη γενέσθαι κατὰ τόπους, ἐν οἷς ἄλλοτε παραδοτικῶς ἦσαν ἐν χρήσει τυπικὰ τῶν ἑορτῶν ἴδια καὶ σεβαστὰ παρὰ τοῖς ἀρχαίοις ὀρθοδόξοις, οἷον ἐν Αἰγύπτῳ, ἐν Συρίᾳ καὶ ἐν αὐτῇ τῇ Παλαιστίνῃ. Ἡ πρώτη μὲν οὖν τῶν μηναίων ἐκτύπωσις ἐγένετο δι' ἀντιγράφων, ὡς φαίνεται, γεγραμμένων περὶ τὸ τέλος τῆς πεντεκαιδεκάτης ἢ περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς μετὰ ταύτην ἑκατονταετηρίδος· πόθεν δὲ ταῦτα προῆλθον καὶ ποῦ νῦν ὑπάρχουσιν, ἀγνοῶ παντελῶς. Ἦσαν ἆρά γε μηναῖα τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐκκλησίας, ἢ τῶν ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει μοναστηρίων, ἢ ἄλλου τινὸς τόπου; Πρὸς τὴν ἐρώτησιν ταύτην ἀπόκρισις δοθήσεται τότε μόνον, ὁπόταν τὰ πρώτιστα τυπωθέντα μηναῖα παραβληθῶσι πρὸς τὰ μεταγενέστερα τῶν ἀντιγράφων· τοῦθ' ὅπερ ἐστὶ σπουδαιότατον ἔργον ἐξ ἐπιστημονικῆς ἀπόψεως· ζητεῖται γὰρ πρῶτον τόδε· τὰ σημερινὰ μηναῖα παριστῶσι τύπον ἐκ Παλαιστίνης ἢ Κωνσταντινουπόλεως ἢ μοναστηρίου τινὸς ἢ τοπικῆς ἑτέρας ἐκκλησίας, οἷον Κυπριακῆς ἢ Κρητικῆς ἢ Κερκυραϊκῆς, εἰς τὴν καθόλου τῶν Ἑλλήνων ὀρθοδόξων ἐκκλησίαν, ὡς ἔχουσιν, εἰσφρήσαντα; καὶ δεύτερον τὸ διατί ταῦτα διαφθαρέντα περιῆλθον εἰς ἡμᾶς ἀτελῆ καὶ συγκεχυμένα, καθὼς αὐτῶν ἡ πρὸς τὰ χειρόγραφα συμπαραβολὴ καταδείκνυσι.

Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανὸς πρώτην ἔκδοσιν τῶν μηναίων ὑπέλαβε τὸ πρῶτον ἣν αὐτὸς εὗρεν ἐν Κερκύρᾳ, ὅ ἐστι τὴν ἔτει 1551-ῳ γενομένην ἐν Βενετίᾳ[1], καὶ κατ' αὐτὴν ἀντιπαρέβαλε τὸ κείμενον, ὅπερ ἐξ ἐντολῆς ἐξέδιδε πατριαρχικῆς[2]· κατόπιν ὅμως εὗρε μηναῖον τοῦ μηνὸς Ἰανου-

---

1) Παράδοξον ὅτι Πίτρας ὁ καρδινάλις ἔτη πολλὰ μετὰ τὸν Βαρθολομαῖον ἐδίδαξεν, ὅτι πρώτη τῶν μηναίων ἔκδοσίς ἐστιν ἡ γενομένη μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1586 καὶ 1596, προετοιμασθεῖσα κατ' αὐτὸν ἀπὸ τοῦ 1545-ου ἔτους, ἐπὶ Διονυσίου πατριάρχου Κ/πόλεως (I. B. Pitra, Hymnographie de l'église grecque. Rome 1867, σ. 12).

2) Μηναῖον τοῦ Σεπτεμβρίου. Βενετία 1843, σ. ιε'.

αρίου, τετυπωμένον ὡσαύτως ἐν Βενετίᾳ ἔτει 1533-ῳ, ὅπερ οὔτε τυπικὰς ἐμπεριεῖχεν ὁδηγίας, οὔτε τὴν ἐν τῷ μεγάλῳ ἁγιασμῷ τῶν Θεοφανείων εὐχήν, ἧς ἡ ἀρχὴ «Τριὰς ὑπερούσιε»· παρετήρησε δ' ἐν αὐτῷ καὶ τὸ ὅτι κανὼν ᾀσματικὸς ὑπὸ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ ποιηθεὶς εἰς τὸν ὅσιον Εὐθύμιον εἱρμὸν εἶχε κατὰ τὴν ὀγδόην ᾠδὴν τοῦ σημερινοῦ διάφορον, ἀρχόμενον ὧδε· «Υἱοὺς τῆς Σιὼν ἐν τῇ καμίνῳ»· τοῦθ' ὅπερ ἐβεβαίου τοῦ κανόνος ἡ ἀκροστιχίς[1]· καὶ ὅμως ἄχρι τοῦδε τῶν μηναίων αἱ μετατυπώσεις ἔχουσιν εἱρμὸν ἕτερον, ἄσχετον πρὸς τὸ ποίημα· καὶ παράδοξον ὅτι τὸ σφάλμα μετὰ τῆς χακίστης ὑποσημειώσεως οὐκ ἀποσβεννύασιν οἱ τῶν μηναίων ἐπιθεωρηταί[2]. Ἡ δὲ μέχρι τοῦδε γνωσθεῖσα παλαιῶν ἐντύπων βιβλίων ὕλη ἀκριβῶς οὐχ ὥρισε τὸ πότε πρῶτον ἐτυπώθησαν τὰ μηναῖα, οὐδ' ἐξαρκοῦσιν, ὡς ἔχουσι νῦν αἱ περὶ τὰ παλαιὰ τετυπωμένα βιβλία μελέται, πρὸς τὸ συνεπιτρέψαι πιθανολογεῖν ὅτι τὰ μηναῖα τὸ πρῶτον ἐξετυπώθησαν περὶ τὸ τέλος τῆς πεντεκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος. Οὐχ ἧττον ὅμως ἀνεῦρον ἐγὼ μηναῖον ἔντυπον τοῦ μηνὸς Σεπτεμβρίου, καὶ ἐν Χάλκῃ καὶ ἐν Ἱεροσολύμοις καὶ ἀλλαχοῦ, τετυπωμένον ἔτει 1526-ῳ, συνιστάμενον μὲν ἐκ φύλλων 118 πρώτου μικροῦ μήκους, ἔχον δὲ τὸ κείμενον δίστηλον καὶ σημείωμα τοιοῦτον ἐν τῷ προτελευταίῳ φύλλῳ· «α β γ δ ε ζ η ϑ ι κ λ μ ν ξ ο: — | Tutti sono quaderni. L ultimo Terno. | «Stampata in Venetia per Maestro Stefano | da Sabio: il quale habita a Santa Maria | formosa: ad instantia di miser Damian | di santa Maria da Spici. M. D. XXVI. nel mese di Luio». Τὸ πρῶτον φύλλον ἁπλούστατα περιέχει γράμμασι κοκκίνοις τὸ —: CЄΠΤЄΒΡΙΟC: — Τὸ δὲ κείμενον ἄρχεται ἐκ τοῦ δευτέρου φύλλου, προτεταγμένον ἔχον κόσμημα κόκκινον, παρεμφερὲς πρὸς λίαν ἐκτεταμένον γράμμα Π. Εἶδον ἐπίσης ἐν Χάλκῃ, ἐν τῇ μονῇ τῆς Θεοτόκου, καὶ ἐν Ἱεροσολύμοις, μηναῖον τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου, τετυπωμένον ὡσαύτως ἐν Βενετίᾳ ἔτει 1527-ῳ, ὅπερ ἐκ φύλλων σύγκειται 120· τούτων δὲ τὸ προτελευταῖον ἐν τῇ προσθίῳ σελίδι περιέχει τὸ σημείωμα τοῦτο, μετὰ τὸ τέλος τοῦ κειμένου· «Venetiis in edibus Ioã. Antoni et Fratres | de Sabio: impensis vero Dni Damiani | de Santa Maria M. D. XXVII. | mensis Septembris». Εἶδον ὡσαύτως αὐτόθι καὶ μηναῖον τοῦ Νοεμβρίου μηνὸς (1527), οὗ τὸ πρῶτον φύλλον ἔλλειπε, τὰ δὲ τελευταῖα δύο φύλλα παντελῶς ἦσαν ἀτύπωτα· εἶχε καὶ τοῦτο μετὰ τὸ κείμενον σημείωμα τοιοῦτον· «aα bβ cγ dδ eε fζ gη hϑ iι kκ mμ nν oξ pο qπ rρ sσ tτ. | Omnes quaterniones preter t Terniones. | «Venetiis per | Ioan.

1) Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιανοῦ ὑπόμνημα ἱστορικὸν περὶ τῆς κατὰ Χάλκην μονῆς τῆς Θεοτόκου. Ἐν Κ/πόλει 1846, σ. 87.

2) Μηναῖον τοῦ Ἰανουαρίου. Βενετία 1890, σ. 158.

Antonium et | Fratres de Nicolini de Sabio: | sumptu et reqsitione D. Da|miani de Sancta Maria | MDXXVII. | mense Ianuario». Αὐτόθι καὶ μηναῖον ὑπάρχει τοῦ μηνὸς Ἰανουαρίου, ὅπερ εἶδε καὶ Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανός, ὡς ἐλέχθη, τετυπωμένον ἔτει 1533-ῳ. Καὶ τούτου τὸ πρῶτον φύλλον ἔλλειπεν· ἔχει μέντοι μετὰ τὸ κείμενον τὸ σημείωμα τοῦτο· «α β γ δ ε ζ η θ ι κ λ μ ν ξ ο π ρ ς τ υ: | ἅπαντά εἰσι τετράδια, πλὴν υ ἐστιν ἑξάδιον [sic]. | a b c d e f g h i k l m n o p q r s t u. Omnes sunt quaterni preter u qui est sesternus. | Venetiis per Stephanum de Sabio, sumptu et requisitione | D. Damiani de sancta Maria. | MD xxxiii mense Octobris». Αὐτόθι καὶ μηναῖον εἶδον τοῦ Φεβρουαρίου μηνὸς ἐκ φύλλων 91, οὗ τὸ πρῶτον ἔφερε γράμμασι κοκκίνοις ἁπλούστατα τὸ ΦΕΥΡΟΥΆΡΙΟΣ: —, ἐν δὲ τῇ προσθίῳ σελίδι τοῦ τελευταίου φύλλου σημείωμα τοιοῦτον· «Τέλος, τοῦ Φευρουαρίου μηνός. | α β γ δ ε ζ η θ ι κ λ μ. | Omnes sunt quaterni preter μ qui est duernus. | «Venetiis in aedibus Stephani de Sabio: |sumptu ex requisitione domini Da|miani de sancta Maria. MD | XXXVI Mense Septembr». Ταῦτα τοίνυν εἰσὶ τὰ παλαιότερα γνωστά μοι τετυπωμένα μηναῖα, γενόμενα, καθὰ φαίνεται, παρὰ τυπογράφων ἕνεκα χρηματισμοῦ· τούτων δὲ ἡ διάδοσις οὐ μόνον ὑπῆρξε μεγίστη, ἀλλὰ καὶ κατὰ τὰς ἔπειτα τυπώσεις ἐπισήμους ἢ ἀνεπισήμους ἐλήφθησαν ὡς βάσις ἐκεῖνα διὰ τὰ καθολικὰ μηναῖα τῆς ἑλληνικῆς ἐκκλησίας, ὧν ὥριζε τὸν τύπον ἡ Κωνσταντινουπόλεως ἐκκλησία διά τινος ἐλλογίμου κληρικοῦ.

Τύπον ἐπίσημον ὁπωσοῦν ἀναπαρίστησι τῶν μηναίων ἐκτύπωσις γενομένη μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1548 καὶ 1549· κατὰ δὲ τὴν προτεταγμένην ἐν τῷ μηναίῳ τοῦ Σεπτεμβρίου τῆς τοιαύτης ἐκδόσεως ἐπιστολὴν Ἀντωνίου τοῦ Ἐπάρχου πρὸς Διονύσιον τὸν οἰκουμενικὸν πατριάρχην, ἐπεμελήθη ταύτης αὐτὸς οὗτος ὁ Ἀντώνιος καὶ Νικόλαος ὁ Μαλαξός, Ναυπλίου πολεως πρωτοπαπᾶς, ὅστις, εἰ καὶ ποιητὴς ᾀσμάτων ἐκκλησιαστικῶν ἐπιτυχής, αὐτοβούλως ὅμως εἰσήγαγεν εἰς ἐκεῖνα τὰ μηναῖα ποιήματα τῆς αὐτοῦ μούσης· ἃ κατόπιν ὠβελίσθησαν, μεμετρημένα δέ τινα χρήσιμα κριθέντα κατ' ἀπόφασιν ἄχρις ἡμῶν ἡ ἐκκλησία παρεδέξατο· τοιαῦτα δὲ καὶ Γρηγόριος ὁ Μαλαξὸς ἴδια ποιήματα παρεισήγαγεν εἰς τὴν ἐκτύπωσιν τοῦ 1551-ου ἔτους· μεθ' ὃ πολυάριθμοι τυπώσεις ἐγένοντο, διαφέρουσαι σχεδὸν πᾶσαι κατά τινα, μέχρις οὗ κατ' ἐπίσημον ἐντολὴν ἀνεθεώρησε τὰ μηναῖα πάντα Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανός. Ἀλλ' οὗτος διὰ τὴν ἀνεπάρκειαν, ὡς φαίνεται, χρόνου μερικῶς ἐπεθεώρησε ταῦτα· συνέγραψεν ὅμως σημειώματα καὶ πρόλογον, δι' ὧν ὁ ἀνὴρ φαίνεται κατανοήσας τὸ περὶ τὰ μηναῖα συμβὰν ὑπὸ τῶν χρόνων, τουτέστι τὴν διαφθορὰν καὶ

τὴν ἀλλοίωσιν αὐτῶν· ἴσως δὲ πεπαλαιωμέναι συνήθειαι τῶν κληρικῶν ἠνάγκασαν αὐτὸν ὀλίγα τινὰ μόνον, καὶ ταῦτα δευτερεύοντα κατὰ σημασίαν, ἐπιδιορθῶσαι· ἀλλ' ὁ πρόλογος, εἰ καὶ βραχύς, ἐπαρκῶς ἐφανέρωσεν, ὅτι τὰ μηναῖα μετὰ τοσαύτας ἐκτυπώσεις ἐπισήμους ἢ ἀνεπισήμους εἰσὶ διεφθαρμένα, ὅτι ἡ ἐκκλησία ἡ ἑλληνικὴ στέρεται τῶν πρωτοτύπων, καὶ ὅτι τῶν φιλολόγων ἔργον ἐστὶ τὸ προετοιμάσαι κριτικὴν ἔκδοσιν πλήρη, ἵν' ἀπὸ ταύτης ὕστερον ἐκπηγάσῃ τὸ πρέπον τῇ ἐκκλησίᾳ κείμενον, ἐπαναφερούσῃ βραδέως οὕτως εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸ παλαιὸν αὐτῆς τυπικόν. Προετοιμάζεται δὲ τὸ ἔργον, ἢ διὰ τῆς συγγραφῆς διατριβῶν ἀποδεικνυουσῶν εὐκρινέστατα τὰς φθορὰς καὶ τὰς ἀλλοιώσεις, ἢ διὰ τῆς ἐκτυπώσεως τῶν ἐκλεκτοτέρων ἀπογράφων καὶ τῆς ἀντιπαραβολῆς αὐτῶν πρὸς τὰ νῦν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ συνήθη κείμενα. Τῆς προπαρασκευῆς οὖν ἔργον πρῶτον τὸ ζητῆσαι τὰς πρωτίστας ἐκτυπώσεις τῶν μηναίων καὶ τῇ συναντιβολῇ τούτων ἀποδεῖξαι τὸ πόθεν ἐπήγασαν ἐκεῖναι, πότερον ἐξ ἀπογράφων τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐκκλησίας ἢ ἄλλης τινός· δεύτερον τὸ συμπαραβαλεῖν τὰς κατόπιν ἐκδόσεις, ἵνα δηλωθῶσιν αἱ βαθμιαῖαι τούτων διαφοραὶ καὶ ἀναπτύξεις καὶ ἀλλοιώσεις, ἀποδειχθῇ δὲ καὶ τὸ εἰ μετὰ τέχνης ἐπιστήμονος ἢ ἀνεπιστήμονος οἱ κατὰ καιροὺς ἐκδόται λεξείδια τῶν ᾀσμάτων ἠλλοίωσαν ἢ φράσεις ὅλας, ἀκαταλήπτους ὑπὸ τοῦ χρόνου συναποβάσας· τρίτον τὸ περιγράψαι κατ' ἐποχὰς τὰ χειρόγραφα μηναῖα καὶ τὰς διαφορότητας αὐτῶν πρὸς τὰ τετυπωμένα φανερῶσαι μεθοδικῶς, ἐκτυπῶσαι δὲ καὶ τὰ περιεχόμενα ἐν αὐτοῖς ἀτύπωτα ποιήματα, χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ὑμνῳδίας· τέταρτον, βοηθείᾳ τῶν ἐκδεδομένων καὶ ἀνεκδότων ᾀσμάτων σχηματίσαι λεξικὸν τῆς ὑμνολογίας καὶ συντάξαι μελέτας περὶ τοῦ ῥυθμοῦ καὶ τῆς γενέσεως τῶν ᾀσμάτων καὶ περὶ τῆς ἐξ ἀρχῆς μελῳδίας αὐτῶν, ἣν ὁ προτεταγμένος αὐτοῖς εἱρμὸς ὁρίζει· ἐπειδὴ δὲ πάλιν ὁ εἱρμὸς ὑπάρχει τῆς τροπαρολογίας ὁ κανών, ἕπεται ὅτι παρίστησιν οὗτος τὸ πρὸ τοῦ τροπαρίου καὶ τοῦ κανόνος ἐκκλησιαστικὸν ᾆσμα. Συμφέρει τοίνυν, ὅπως ἐρευνηθῶσι καὶ συνεκδοθῶσιν ἀπαράλλακτα τὰ παλαιότατα τῶν εἱρμολογίων, ἵνα τῇ μελέτῃ τῶν ἐν αὐτοῖς σημείων καὶ τῇ βοηθείᾳ τῶν ἀρχαίων ἢ μεταγενεστέρων μελικῶν συγγραφέων ἀνευρεθῇ τὸ μέλος, ὃ τοῖς εἱρμοῖς ἐξ ἀρχῆς ὥρισαν οἱ μελῳδοί.

Ἵνα δὲ κατανοηθῇ τὸ πόσον τὰ περιεχόμενα ἐν τοῖς μηναίοις ᾄσματα διεφθάρησαν ὑπὸ τοῦ χρόνου καὶ μετεβλήθησαν, παράγω τινὰ παραδείγματα, δυνάμενα συναποδεῖξαι συγχρόνως, ὅτι Βαρθολομαίου τοῦ Κουτλουμουσιανοῦ ἡ περὶ τὰ μηναῖα διατριβὴ σχετικῶς ὑπῆρξε μικρά. Τὸ μηναῖον τοῦ μηνὸς Ἀπριλίου παραδίδωσι τῇ 30-ῇ ἡμέρᾳ κανόνα πρὸς τὸν ἅγιον Ἰάκωβον τὸν Ζεβεδαίου, οὗ ἡ ἀκροστιχίς· «Τὸν βροντῆς Ἰάκωβον εὔφρονα παῖδα γε-

ραίρω»· συνετέθη δὲ τὸ ποίημα τοῦτο παρὰ τοῦ μελῳδοῦ Θεοφάνους. Ὁ Βαρθολομαῖος ὑποσημειοῦται ταῦτα· «ἐκ τῆς ἀκροστιχίδος ταύτης ἐλλείπουσι τροπάρια τεσσάρων γραμμάτων ΡΟΝΤ, καὶ τῶν μὲν πρώτων τεσσάρων ᾠδῶν τὰ θεοτοκία ἀποκλείονται αὐτῆς· εἰς δὲ τὰς λοιπὰς τέσσαρας, συμπεριλαμβανομένων καὶ αὐτῶν, παρεντίθενται ἔτι πρὸ τούτων καὶ ἀνὰ ἓν τροπάριον, μήτε εἰς τὴν ἀκροστιχίδα ἀνήκοντα, μήτε ἐν τοῖς χειρογράφοις ὄντα». Ἀναφέρεται δὲ τὸ σημείωμα τοῦτο πρὸς τὴν σημερινὴν ἔντυπον κατάστασιν τοῦ κανόνος, ὃν ὁ ἐκδότης διὰ τὴν ἀπορίαν ἀρχαίων ἀντιγράφων ἀφῆκεν ὡς εἶχεν ἐν ταῖς προτέραις ἐκδόσεσιν. Ἔχομεν ἄρα κανόνα τοῦ Θεοφάνους ἠκρωτηριασμένον κατὰ τέσσαρα τροπάρια, συνάμα δ' ἐφθαρμένον ἑτεροτρόπως· ἐγὼ δὲ τὴν διαφθοράν, ἣν ὁ Βαρθολομαῖος εἴκασεν, οὕτως ἑρμηνεύω. Τὰ λείποντα τῇ ἀκροστιχίδι γράμματα ΡΟΝΤ μαρτυροῦσιν ἁπλούστατα, ὅτι τῶν μηναίων οἱ μεταρρυθμισταὶ κατέστρεψαν αὐτὸν τὸν κανόνα κατὰ μίαν ὅλην ᾠδὴν ἀποβαλόντες τὴν δευτέραν· ὅτι δὲ τοῦτο οὕτως ἔχει, δείκνυσιν ἀντίγραφον τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, μηναῖον τοῦ μηνὸς Ἀπριλίου, ὅπερ ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πατριαρχείου κεῖται τῶν Ἱεροσολύμων (ἀριθ. 167 τῆς Ἁγιοσαβιτικῆς συλλογῆς, φύλ. 152). Ἡ λείπουσα τοίνυν ᾠδὴ ἔχει οὕτως ἐν τούτῳ τῷ κώδικι.

Ὠδὴ β'. Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω:

Ῥήμασι | τοῦ δεσπότου πιστεύσας, | ἱερομύστα σοφέ,
οἰκονόμος ἐδείχθης | τῆς χάριτος, ἀξιάγαστε.
Ὅλον σου | ἀνατέθεικας βίον | τῷ παντεπόπτῃ Χριστῷ
καὶ φωτὶ κατηυγάσθης | τῷ τούτου, ἀξιοθαύμαστε.
Νόμους σε | τῆς καινῆς διαθήκης | ὡς μαθητὴν ὁ Χριστὸς
αὐτουργὸν ἐκδιδάσκει, | προφήτης ὡς προκατήγγειλεν.

Θεοτοκίον.

Τέλειος | ἐν θεότητι μείνας | τὴν ἀνθρωπότητα
ἐκ παρθένου φορέσας | τῷ κόσμῳ σωτὴρ ἐπέλαμψας.

Προστιθεμένης οὖν ἤδη τῆς ἀποβληθείσης ταύτης ᾠδῆς εἰς τὸ νῦν μηναῖον, ἀποκτῶμεν οὕτως ᾆσμα τέλειον τοῦ ποιητοῦ Θεοφάνους. Ἀλλ' οὐχ ἱκανεῖ τοῦτο μόνον εἰς τὴν ἀπόδειξιν, ὅτι τὸ ποίημα διεφθάρη· καταδηλοῖ γὰρ ἡ ἐλλείπουσα ᾠδὴ καὶ τὸν τρόπον, καθ' ὃν ἐφθάρη τὸ ποίημα παρὰ τῶν μεταγενεστέρων μεταρρυθμιστῶν τῶν μηναίων. Ἔχει δηλαδὴ τὸ ὅλον ἡ ᾠδὴ μετὰ τοῦ θεοτοκίου τροπάρια τέσσαρα· ὅπερ ἐστὶ μαρτυρία τοῦ ὅτι πᾶσα τοῦ κανόνος ᾠδὴ συνετέθη παρὰ τοῦ ποιητοῦ διὰ τεσσάρων τροπαρίων ἐξ ἀρχῆς, καὶ ὅτι οὕτω κατὰ τὴν πρωτότυπον αὐτοῦ σύνταξιν ἄχρι τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐψάλλετο· σήμερον ὅμως ἐν τῷ τετυπωμένῳ μηναίῳ πᾶσα τοῦ ποιήματος ᾠδὴ συναριθμεῖ τῷ θεοτοκίῳ

τροπάρια πέντε. Προσετέθη γοῦν ἐν ἑκάστῃ τῶν ᾠδῶν ὕστερον ἕν, καὶ οὕτως ὁ κανὼν ἐμπεριέλαβεν ὀκτὼ περιττὰ τροπάρια, ἅπερ ὁ ποιητὴς ἐξ ἀρχῆς οὐκ ἐποίησε. Πῶς δὲ τῆς προσθήκης ἡ περίστασις ἐπῆλθεν; Κατὰ τὴν πρώτην ᾠδὴν ὁ μεταρρυθμιστὴς τοῦ μηναίου μὴ νοήσας τὸ θεοτοκίον αὐτῆς, νομίσας δ' ὅτι λείπει τοιοῦτον, ἐκεῖνο μὲν ὡς τελευταῖον ἐξέλαβε τροπάριον τῆς ᾠδῆς, αὐτὸς δὲ συνέταξεν ἢ παρέλαβεν ἐξ ἑτέρου ποιήματος θεοτοκίον ἕτερον, ὃ καὶ προσεκόλλησε τῇ ᾠδῇ, οὔτε τὴν ἀκροστιχίδα παρατηρήσας, οὔτε τὸ ποσὸν τῶν τροπαρίων τῶν ἐν ταῖς λοιπαῖς ᾠδαῖς, ἀλλ' οὐδὲ τὸν ῥυθμὸν αὐτὸν τῆς ᾠδῆς Ἐκ τοιαύτης οὖν ἀρχῆς εὑρίσκεται σήμερον ἐν τῷ τετυπωμένῳ μηναίῳ τὸ πράγματι θεοτοκίον τοῦ ποιητοῦ τόπον ἐπέχον ἐγκωμιαστικοῦ τροπαρίου, εἰ καὶ περὶ τῆς Θεοτόκου τοῦτο πραγματεύεται κυρίως, μετὰ δὲ τοῦτο θεοτοκίον ξένον ὅλως εἰς τὸν ποιητὴν καὶ κατὰ ῥυθμὸν ἀσυμβίβαστον πρὸς τὸν εἱρμὸν τῆς ᾠδῆς. Τῆς δὲ τόλμης ταύτης ἀρχὴν οὕτω λαβούσης, εὐνόητον ὅτι τοῦ καταστροφέως ἡ ὁρμὴ καὶ πρὸς τολμηρότερα προέβη· τῆς μὲν γὰρ ἕκτης ᾠδῆς τὸ θεοτοκίον ἀφῆκεν, ὡς εἶχε, παρενέβαλεν ὅμως εἰς αὐτὴν τροπάριον ἕν, διακόπτον τὴν ἀκροστιχίδα· τοῦτ' αὐτὸ κατετόλμησε καὶ περὶ τὰς λοιπὰς ᾠδάς. Ἵνα δὲ κατανοήσῃ τις ὁπόσα ξένα τροπάρια περιλαμβάνει τὸ ποίημα, παρατίθεμαι νῦν ὧδε τὴν ἀκροστιχίδα τούτου, σημειούμενος ἐν αὐτῇ κεφαλαιώδεσι γράμμασι τὰ μεταγενεστέρως εἰσφρήσαντα: «Τὸν βΔ[ροντ]ῆς ἰάΤχωβοΣν εὐφΜροΔνα παῖΤΣα γεΠραίρΤω». Οὕτως ἐπῆλθεν ἡ διαφθορά, ἣν ὁ Βαρθολομαῖος ὑπώπτευσεν· ἀλλ' ἡ τοιαύτη διαφθορὰ τεχνικὴ μόνον οὐκ ἔστι, ἔστι δὲ καὶ περὶ τὴν ὕλην αὐτὴν τοῦ κανόνος, καθὰ μαρτυροῦσι τἀκόλουθα παρατηρήματα. Ὁ ποιητὴς δηλαδὴ τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τῆς πρώτης ᾠδῆς πέρας ἔδωκε τοιοῦτον· «μαθητὰ καταξίωσον»· σήμερον ὅμως ἀντικαθίστησι τοῦτο τὸ «τὴν ἁγίαν εὐόδωσον», ἔνθα τὸ εὐόδωσον ὑπάρχει κακόζηλον· ζητεῖται γὰρ τὸ «ὑμνεῖν σου μνήμην». Σημαντικωτέραν δὲ μεταβολὴν ὑποδείκνυμι ταύτην. Τὸ δεύτερον δηλαδὴ τροπάριον τῆς τρίτης ᾠδῆς ἐν τῷ κώδικι τῷ παλαιῷ οὕτως ἔχει· «Σὲ ὥσπερ βέλος ἐκλεκτὸν ὁ λόγος ἠκονημένον ἐν καρδίᾳ τῶν ἐχθρῶν ἀποστέλλει, διαρρῆσσον τὰς ψυχὰς τῶν ἐναντίων, πάνσοφε, καὶ προνομεῦον, μάκαρ, τούτων τὰ σκύλα, Ἰάκωβε». Σήμερον ὅμως οὕτως· «Σὲ ὥσπερ βέλος ἐκλεκτὸν... ἐν καρδίαις τῶν ἐχθρῶν ἐμπηγνύει, διαρρήσσοντα ψυχὰς τῶν ἐναντίων... καὶ προνομεύοντά σε τούτων» κτλ. Τολμηροτέρα δὲ μεταβολὴ περὶ τὸ πρῶτον ἐγένετο τροπάριον τῆς τετάρτης ᾠδῆς· ἐν τούτῳ γὰρ ὁ ποιητὴς ἐξ ἀρχῆς ἔγραψε τὸ «καὶ τῶν οὐρανίων τὰ ῥέοντα ἀμειβόμενος», τὸ ἐπεξηγούμενον τῷ κατόπι κώλῳ· ἀλλ' ἡ διαφθορὰ μετέβαλε τὸ χωρίον εἰς «καὶ τῶν ἐπιγείων τὰ μένοντα ἀμειψάμενος». Τοιαῦται μεταβολαὶ πολλαχοῦ τοῦ κανόνος ὑπάρχουσι. Διὰ παραδειγμάτων

οὖν ἐξ ἑνὸς καὶ μόνου ποιήματος λαμβανομένων ἀποβαίνει σαφὲς τὸ ὅτι τὰ σήμερον ἔντυπα μηναῖα γέμουσι παντοειδῶν ἀλλοιώσεων. Σημειωτέον ἤδη καὶ ἑτέραν διαφθορὰν ἐν τῇ αὐτῇ ᾀσματικῇ ἀκολουθίᾳ τοῦ ἁγίου Ἰακώβου. Τὸ ἱεροσολυμιτικὸν ἀπόγραφον ἔχει στιχηρὰ κατὰ τὴν ἀρχὴν τῆς ἀκολουθίας εἰς ἦχον τέταρτον, ψαλλόμενα πρὸς τὸ «Ὡς γενναῖον ἐν μάρτυσι» πρὸ τοῦ κανόνος, ἅπερ ἔδει ψάλλεσθαι κατὰ τὸν ἑσπερινόν· ἀλλὰ ταῦτα σήμερον ᾄδονται κατὰ τοὺς αἴνους[1], διὰ δὲ τὸν ἑσπερινὸν οἱ μεταρρυθμισταὶ προσέθηκαν ἕτερα στιχηρὰ κατ' ἦχον πλάγιον δ', μηκύναντες οὕτω τὴν ᾀσματολογίαν· ἅπερ εἰσὶ μεταγενέστερα συνθέματα, καθὼς ἀποδείκνυσι τὸ πρῶτον αὐτῶν· συνετέθη γὰρ αὐτὸ κατὰ τὸ στιχηρὸν τὸ ἐν τῷ κώδικι, τὸ πρὸ τοῦ κανόνος, καὶ προτιμηθὲν τοῦ στιχηροῦ Θεοφάνους εἰσεχώρησεν εἰς τὰ νεώτερα τῶν ἀντιγράφων· αὐτὸ δὲ τὸ τοῦ Θεοφάνους, ἐξ οὗ, καθάπερ ἐρρήθη, τὸ μεταγενέστερον ἐπήγασεν, ἀνέκδοτον ἀπομεῖναν οὕτως ἔχει·

Ἄλλο· ἦχος πλάγιος δ' πρὸς τὸ Ὢ τοῦ παραδοξου:

Μάκαρ θεόπτα Ἰάκωβε, | γένος ὑπάρχων Θεοῦ
τοῦ τὴν σάρκα πτωχεύσαντος | καὶ πιστοὺς πλουτίσαντος
καὶ τὰ πάντα φωτίσαντος, | ὡς παρρησίαν ἔχων δεήθητι
τῆς σωτηρίας ἀξιωθήσεσθαι | τοὺς ἀνυμνοῦντάς σε
καὶ τὴν σὴν πανίερον | χαρμονικῶς
μνήμην ἑορτάζοντας, | θεομακάριστε.

Προβῶμεν εἰς ἕτερα παραδείγματα διαφθορῶν ἐν τοῖς μηναίοις. Τῇ 20-ῇ Μαρτίου μηνὸς ἑορτάζονται σήμερον οἱ ἀναιρεθέντες ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Σάβα πατέρες, οὓς ὕμνησεν ὁ ὅσιος μελῳδὸς Στέφανος ὁ Σαβαΐτης, γράψας στιχηρά τινα, τὸ κάθισμα καὶ κανόνα φέροντα τὴν ἀκροστιχίδα ταύτην· «Ὕμνοις γεραίρω μάρτυρας[2] μονοτρόπους». Ἀλλ' ἡ σημερινὴ κατάστασις τοῦ κανόνος ἐμφανίζει τὴν πρώτην λέξιν τῆς ἀκροστιχίδος οὕτως· «Ὕνοις»· ἐξ οὗ δῆλον, ὅτι διεφθάρη τὸ ποίημα τῇ ἀποβολῇ τροπαρίου τινός, ὅπερ ἀπὸ τοῦ Μ γράμματος ἀρχόμενον ἔκειτο μετὰ τὸ πρῶτον τῆς πρώτης ᾠδῆς τροπάριον. Τὸ λεῖπον ὅμως ἀνεῦρον ἐγὼ ἔν τινι μηναίῳ τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ὅπερ ἦν παρ' Ἀντωνίνῳ τῷ σοφῷ Ῥὼς ἀρχιμανδρίτῃ, τῷ τὴν ῥωσικὴν ἀντιπροσωπεύσαντι παρὰ τῷ πατριαρχείῳ τῶν Ἱεροσολύμων ἐκκλησίαν· ἔχει δὲ κατὰ λέξιν ὧδε· «Μύσος | ἀπεστράφητε σαρκὸς | καὶ πνεύματος, πανόλβιοι, | καὶ κόσμου ψυχοφθόρου

1) Τὸ πρῶτον στιχηρὸν τῶν εἰς τοὺς αἴνους ψαλλομένων ἔχει νῦν ἐν τῷ τετυπωμένῳ μηναίῳ σφάλμα συντακτικὸν εὐδιάκριτον, ὅπερ ὁ κῶδιξ ἐπιδιορθοῖ, δηλαδὴ τὸ ἀναδείξαντος διορθωτέον εἰς ἀναδείξαντα.

2) Τὸ τετυπωμένον μηναῖον (ἔτει 1890-ῳ) ἡμαρτημένως ἔχει τὸ «μάρτυρες».

ἡδονὰς ἐκφυγόντες, | ἰσάγγελον βίον τε, | ὡς πεπολιτευμένοι, | πρὸς τὴν ἄνω | μετέστητε λῆξιν». Τὸ αὐτὸ μηναῖον ἀποδείκνυσι προσέτι, ὅτι τὸ πάλαι τὴν μνήμην ἐπανηγύριζε τῶν ὁσίων ἀββάδων ἡ ἐκκλησία τῇ 21-ῃ Μαρτίου μηνός· ἀντιβολὴ δὲ τῶν ᾀδομένων αὐτοῖς ᾀσμάτων ἐνεφάνισε τὰς διαφορὰς ταύτας: τὸ πρῶτον δηλαδὴ στιχηρὸν προσόμοιον ἄρχεται σήμερον οὕτως· «Ἐφετῶν τὸ ἀκρότατον ὁλικῶς ἀγαπήσαντες»· ἀλλ' ὁ κῶδιξ ἀποδίδωσι τὴν φράσιν ταύτην ὧδε· «Ἐφετῶν πρὸς ἀκρότατον ὁλικῶς ἀντικείμενοι» καὶ κατωτέρω ἀντὶ τοῦ σπηλοδίαιτοι ὁ κῶδιξ ἔχει τὸ σπηλαιδίαιτοι. Ἐν δὲ τῷ τρίτῳ προσομοίῳ παρουσιάζονται μεταθέσεις λέξεων, ἃς ὁ κῶδιξ ἀποδίδωσι τῷ οἰκείῳ τόπῳ λέγων· «Καὶ πυρὶ δαπανώμενοι | καὶ πνιγμῷ συγκλειόμενοι--- | θύματα μάρτυρες ἔνδοξοι» κτλ. Σημειωτέον ἤδη καὶ τὰς ἐν τῷ κανόνι τοῦ ποιητοῦ Στεφάνου γενομένας ἀλλοιώσεις. Ἐν μὲν γὰρ τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τῆς πρώτης ᾠδῆς ὁ ποιητὴς ἔγραψε θεόστεπτον πληθύν, ἔνθα τὸ θεόστεπτον ὀρθῶς ἔχον ἐξ ἀρχῆς ἠλλοιώθη κατόπιν εἰς θεόπνευστον· τὸ δὲ τρίτον τροπάριον ὀνομάζει σήμερον «ὄλβον τὸν φθειρόμενον ἐν γῇ καταλιπόντες ἅγιον»· ἀλλὰ τὸ ἅγιον ἀπαιτεῖ, κατὰ τὸν κώδικα, διόρθωσιν εἰς ἅγιοι· τὸ δ' ἐν τῷ σημερινῷ θεοτοκίῳ τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ὑπάρξας ἁμαρτάνει κατὰ τὸν κώδικα, λέγοντα καλῶς «ἐξ ἧς ἀρρήτῳ λόγῳ προῆλθεν ὁ ἄσαρκος σὰρξ ἀτρέπτως γενέσθαι ὑπὲρ λόγον ἐκ σοῦ, Θεοτόκε». Καὶ πάλιν ἐν τῇ τρίτῃ ᾠδῇ τὸ ἐν τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ ἅγιον ἀντικατέστησε τὸ πρότερον ἐκεῖ γεγραμμένον μάρτυρες· τὸ δ' ἐν τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ ὁδὸν παράφρασίς ἐστι τοῦ τρίβον, ὅπερ ὁ ποιητὴς ἐξ ἀρχῆς ἔγραψε· τὸ δὲ τρίτον τροπάριον τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ἔχει μὲν ἤδη τὸ «καὶ τῶν δακρύων ῥοαῖς», ἀλλ' ὁ ποιητὴς ἐξ ἀρχῆς ἔγραψε τοῦτο ὧδε· «καὶ τῶν δακρύων πηγαῖς». Καὶ τῆς τετάρτης ᾠδῆς τὸ τρίτον τροπάριον ἐμφανίζει τρεῖς ἀλλοιώσεις· «φυγαδεῦσαι μὲν τούτους οὐκ ἴσχυσε τοὺς ἀηττήτους ὁ τῶν δικαίων ἀντίπαλος, νικηθεὶς δ' ἀοράτως» κτλ., ἔνθ' ἀντὶ τοῦ μὲν ὁ κῶδιξ ἔχει τὸ ὡς, κατὰ δ' ἀκολουθίαν οὐδὲ τὸ δ' ἐν αὐτῷ κεῖται· πλὴν ἀλλὰ καὶ τὸ δικαίων ἀντικατέστησε τὸ ἁγίων, ὅπερ ἦν πρότερον ἐν τῷ ῥηθέντι τροπαρίῳ. Τὸ τροπάριον οὖν ἐξ ἀρχῆς οὕτω συνετάχθη· «Ἀγρίως τὰ κύκλῳ | περιλαβών, ὡς ἐπόθησε, | φυγαδεῦσαι ὡς τούτους οὐκ ἴσχυσε | τοὺς ἀηττήτους | ὁ τῶν ἁγίων ἀντίπαλος, | νικηθεὶς ἀοράτως | ὀφθαλμοφανῶς ἐπεστράτευσεν». Εὐχερὴς ἦν ἡ διόρθωσις τοῦ ἐν τῷ πέμπτῳ τροπαρίῳ τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ἀκατανοήτου «ἀπήτουν ὅλης χρυσίου φθαρτοῦ θησαυρούς»· τρέψον τὸ ὅλης εἰς ὕλης, καὶ ἔχεις ἰδέαν εὐνόητον, ὡς δείκνυσιν ὁ κῶδιξ. Διὰ δὲ τὴν πέμπτην καὶ τὴν ἕκτην ᾠδὴν οὐδὲν ὁ κῶδιξ, ὡς ἔχει, διδάσκει· λείπει γὰρ αὐτοῦ φύλλον ἕν, ὅπερ ἤρχετο ἐκ τοῦ θεοτοκίου τῆς τετάρτης ᾠδῆς καὶ εἰς

τὸ μέσον ἔληγε τοῦ τρίτου τροπαρίου τῆς ἑβδόμης ᾠδῆς· τὸ δὲ λοιπὸν ἥμισυ τούτου μαρτυρεῖ, ὅτι τὸ ἔπτηξαν ἀντικατέστησε τὸ ἔπτησσον. Τὸ δὲ κατόπιν αὐτοῦ τροπάριον ἄρχεται σήμερον οὕτως· «Ὅλον - - - μεταθέντες - - τὴν ἐπιθυμίαν». Ὁ κῶδιξ ἔχει καλῶς τὸ Ὅλην. Καὶ τὸ κατόπι τροπάριον εἶχε πρότερον τὸ θεόγραπτον ἀντὶ τοῦ σημερινοῦ θεόγραφον, καὶ κατωτέρω τὸ «ἐν πλαξὶ ταῖς» ἀντὶ τοῦ τῶν· καὶ πάλιν αὐτοῦ τὸ τέλος πρότερον εἶχε σύμφωνα τῷ ῥυθμῷ τὸ «ὁ τῶν πατέρων ἡμῶν». Καὶ ἐν τῷ θεοτοκίῳ τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ὁ κῶδιξ ἔχει τὸ «τὴν Θεοτόκον τὴν ἀληθῆ ὡς ἐλπίδα τῶν ψυχῶν ἡμῶν». Οὐ μὴν ἀλλ' ὁ τολμήσας ἀλλοιῶσαι πάντα τὰ κατηριθμημένα μέχρι τοῦδε ῥησείδια, μετέβαλε καὶ ἕτερα· οἷον τὸ «εὐλογεῖτε μέλποντες», τὸ ἐν τῷ τρίτῳ τροπαρίῳ τῆς ὀγδόης ᾠδῆς, ὅπερ ἠλλοίωσεν ὧδε· «ὑμνεῖτε βοῶντες». Κατὰ τὸν κώδικα τὸ κατόπι τροπάριον εἶχεν ἐξ ἀρχῆς οὕτως· «Ὁλοτρόπως σῶμα ψυχήν τε καὶ πνεῦμα καθηράμενοι ὁλοκαυτώματα προσηνέχθητε ἐν πυρὶ φλογισθέντες, πατέρες πανόλβιοι». Καὶ ἐν τῷ τελευταίῳ τροπαρίῳ, ὅπερ ὁ κῶδιξ ὀνομάζει θεοτοκίον, ἀπαιτεῖται πρὸ τοῦ προσκυνεῖται τὸ Χριστέ. Διὰ δὲ τὴν ἐνάτην ᾠδὴν ὁ κῶδιξ ἐθέλει ταῦτα· ἐν μὲν τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τὸ ᾔσχυναν ἀντὶ τοῦ «ἴσχυσαν - - βαρβαρικὴν ἀπόνοιαν», καὶ κατόπι τὸ πρὸς ἀντὶ τοῦ ἐκ· ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ τὸ πεφοινισμένοι ἀντὶ τοῦ πεφοινιγμένοι, καὶ τὸ ἐμπνιγέντες ἀντὶ τοῦ ἐκπνιγέντες· ἐν δὲ τῷ τρίτῳ τὸ νενικήκατε ἀντὶ τοῦ ἐνικήσατε, καὶ τὸ μνήσθητι ἀντὶ τοῦ μέμνησθε.

Κατὰ τὸν αὐτὸν παλαιότατον κώδικα τοῦ πατρὸς Ἀντωνίνου περιγράψωμεν ἤδη τὸν ψαλλόμενον ᾀσματικὸν κανόνα πρὸς τὸν ὅσιον Ἰάκωβον τὸν ὁμολογητὴν τῇ 21-ῃ Μαρτίου μηνός. Τούτου μὲν οὖν τὴν μνήμην ὁρίζει τὸ μηναῖον ἐκεῖνο τῇ 22-ᾳ τοῦ αὐτοῦ μηνὸς ἡμέρᾳ, τὸ δὲ τετυπωμένον ἐμπεριέχει κανόνα τὸ ὄνομα φέροντα τοῦ ποιητοῦ Ἰγνατίου· τὸ παλαιὸν ὅμως μηναῖον διδάσκει, ὅτι τοῦ ποιήματος συντάκτης ἐστὶ Θεοφάνης ὁ ὁμολογητής, καὶ ὅτι κατὰ τὴν πρωτότυπον αὐτοῦ σύνταξιν ἐποιήθη μετὰ δευτέρας ᾠδῆς, ἥτις ἐψάλλετο μετὰ πασῶν τῶν ἄλλων ᾠδῶν· ἐπειδὴ δὲ καὶ αὕτη λείπει, παρατίθεμαι ταύτην ὧδε συμπληρώσεως ἕνεκα τοῦ ποιήματος.

Ὠδὴ β'. Ἴδετε, ἴδετε, ὅτι ἐγώ εἰμι ὁ ἐν θαλάσσῃ:

Κόσμου τερπνότητα, | βίου τὸν τάραχον
τὰς ἐμπαθεῖς ὀρέξεις
τοῦ ταπεινοῦ τούτου, | πάτερ, ἔλιπες σώματος,
καὶ ἀφέμενος πόλεις | καὶ δήμους καὶ λαούς,
τοὺς συγγενεῖς τε καὶ γνωστοὺς | καὶ ἐπίκηρον πλοῦτον
ἐμόνασας εὐσεβῶς | βιώσας, Ἰάκωβε.

Βαλὼν τὴν χεῖρά σου, | πάτερ, ἐπ' ἄροτρον
τοῦ ἐναρέτου βίου,
εἰς τὰ ὀπίσω οὐδ' ὅλως | ἐστράφης, ὅσιε·
καὶ ἑτέρους δὲ τοῦτο | παθόντας καθορῶν
οὐκ ἐχαυνώθης τῷ νοΐ, | ἀλλ' ἐβάδισας χαίρων
τὴν φέρουσαν πρὸς ζωὴν | τρίβον τὴν οὐράνιον.
Θείοις ἑπόμενος | πατέρων ἴχνεσι
καθηγητῇ ὁσίῳ
καθυποκλίνεις αὐχένα | τελῶν ὑπήκοος
καὶ εἰς τρίβους βαδίζεις | προθύμῳ λογισμῷ
τῆς ταπεινώσεως Χριστοῦ, | δι' ἧς, πάτερ, ὑψώθης
ἐνθέοις ταῖς ἀρεταῖς, | θεόφρον Ἰάκωβε.

Θεοτοχίον.

Κόρη πανάμωμε, | μῆτερ ἀπείρανδρε
θεοκυῆτορ, μόνη
ἐν γυναιξὶν ὑπὲρ πάσας | σὺ κεχαρίτωσαι,
τὸν δεσπότην τεκοῦσα, | ῥυόμενον ἡμᾶς
τοὺς παραβάσει ἐν βυθῷ | ἀπωλείας κειμένους·
διό σε τὴν[1] τῶν καλῶν | αἰτίαν δοξάζομεν.

Μιᾶς οὖν ὅλης ᾠδῆς ἐκβληθείσης οὕτω τοῦ μηναίου, ἑπόμενον ὅτι καὶ τὸ λοιπὸν τοῦ ποιήματος καταστροφάς τινας ὑπέστη καὶ μεταβολάς. Καὶ τῷ ὄντι· τὸ μὲν γὰρ ἐξ ἀρχῆς πρῶτον αὐτοῦ τροπάριον τῆς τετάρτης ᾠδῆς, οὗ ἡ ἀρχὴ «Ὀλονύκτοις δεήσεσι», μετετοπίσθη καὶ τὴν δευτέραν ἤδη τάξιν ἀριθμεῖ· τὸ δ' ἐξ ἀρχῆς δεύτερον τὴν πρώτην ἔσχε τάξιν· μάλιστα δὲ τῆς ἐνάτης ᾠδῆς ἀπερρίφθη τροπάριον ἓν καὶ τὸ θεοτοκίον, ὅπερ ὁ ποιητὴς ἐξ ἀρχῆς ἔγραψε διὰ ταύτην· εἶχε δὲ τὸ μὲν τροπάριον ὧδε κατὰ τὸν Ἀντωνίνου κώδικα· «Τῆς διακρίσεως λύχνος, | τῆς αἰσθήσεως θρόνος | ἀκέραιος καὶ πρᾶος, συμπαθὴς | καὶ εὐκατάνυκτος γέγονας, | θρηνῳδῶν τε καὶ λούων | τὴν κλίνην, καθὼς ψάλλει ὁ Δαβίδ· | μεθ' οὗ πάντων τῶν πίστει | τιμώντων σε μνημόνευε». Ἀντὶ δὲ τοῦ πρωτοτύπου τούτου τροπαρίου, ὅπερ ἠρίθμει τάξιν δευτέραν ἐν τῇ ῥηθείσῃ ᾠδῇ, συνετάχθη διάφορον, ἢ ἄλλοθεν ἕτερον ἐλήφθη, καὶ τοῦ τρίτου πρωτοτύπου μετατεθέντος εἰς δευτέραν τάξιν ἔσχε τὸ ξένον τὴν τρίτην τάξιν ἐν τῇ ᾠδῇ[2]. Τὸ δὲ θεοτοκίον τὸ πρωτότυπον, τὸ ἀποβληθέν, ἔχει κατὰ τὸν αὐτὸν κώδικα οὕτως· «Ὡς κραταιὰν προστασίαν, | ὡς ἐλπίδα καὶ τεῖχος | καὶ ἄγκυραν καὶ σκέπην ἀσφαλῆ | καὶ ἀπροσμάχητον ἔρεισμα | καὶ ἀχείμαστον ὅρμον | καὶ μόνον

1) Προσέθηκα τὸ τὴν ὡς ἀναγκαῖον εἰς ἀναπλήρωσιν τοῦ ῥυθμοῦ.
2) Ἄρχεται δὲ τὸ ξένον οὕτως· «Αἱ τῶν δακρύων λιβάδες» κτλ.

καταφύγιον, ἁγνή, | κεκτημένοι σε πάντες | σῳζόμεθα, πανύμνητε»[1]. Ἔξω δὲ τῶν δύο τούτων καταστροφῶν ἐδέξατο τὸ ποίημα καί τινας ἀλλοιώσεις· οἷον τὸ μὲν πρῶτον τροπάριον τῆς πρώτης ᾠδῆς ἀρχὴν εἶχε τοιαύτην· «Τὸν φωτισμὸν | τὸν τῆς τριάδος, Ἰάκωβε, | ἐν τῇ ψυχῇ δεξάμενος | κόσμου κατέλιπες | ἀχλυώδη ἀπάτην» κτλ., σήμερον δὲ φέρεται μεταβεβλημένον ὧδε· «Τὸν φωτισμὸν | τοῦ σοῦ δεσπότου, Ἰάκωβε, | ---- | κόσμον κατέλιπες» κτλ. Ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ τὸ πρωτότυπον ἐπηκολούθησας ἐγένετο κατηκολούθησας· τῆς δὲ τρίτης πάλιν ᾠδῆς τὸ πρῶτον τροπάριον ἐκ τούτων ἤρχετο τῶν λέξεων· «Ὁ βίος σου τερπνὸς | ὁ λόγος ἅλατι | ἀγάπης, θεόφρον, ἐξηρτυμένος»· σήμερον δὲ τὰ γεγραμμέν' ἀραιῶς ἐνταῦθα μεταλλαγέντα φέρονται ὧδε· «ὁ λόγος ἔνθεος, ἀγάπης ἅλατι ἠρτυμένος». Ἀλλὰ καὶ τὸ σημερινὸν ἐν τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ φανέντος ἀλλοίωσίς ἐστι τοῦ πρωτοτύπου ὀφθέντος, ὡς καὶ τὸ πόνους, ὅπερ ἀντικατέστησε τὸ θλίψεις. Καὶ πάλιν ἐν τῷ τρίτῳ τροπαρίῳ πρότερον ὑπῆρχε τὸ «ἐνώσει τῆς ἀπαθείας», ὅπερ εἰς «νεκρώσει τῆς ἁμαρτίας» ὕστερον ἠλλοιώθη· ἀλλὰ κἂν τῷ θεοτοκίῳ τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ἀνεγινώσκετο πρότερον τὸ «τοῦ μάννα καὶ θεῖον ὄρος», ὅπερ ὁ χρόνος ἠλλοίωσεν εἰς τὸ «τοῦ θείου μάννα καὶ θρόνον». Τὸ δὲ θεοτοκίον τῆς τετάρτης ᾠδῆς εἶχε πρότερον τὸ «ἡ τὸν θεὸν ἐν μήτρᾳ δεξαμένη»· ὅπερ ἠλλοιώθη κατόπιν ὧδε· «ἡ τὸν θεὸν ἀφράστως συλλαβοῦσα». Τὸ δὲ νῦν ἐν τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τῆς πέμπτης ᾠδῆς ἀληθοῦς προῆλθεν ἐκ τοῦ πρότερον ἀληθῶς, καὶ τὸ σεαυτὸν τοῦ δευτέρου τροπαρίου ἐκ τοῦ ἑαυτόν, καὶ τὸ ἐν ἀγρυπνίᾳ ἐκ τοῦ καὶ ἀγρυπνίᾳ. Μεταβολὰς δὲ καὶ τὸ θεοτοκίον τῆς ἕκτης ᾠδῆς ὑπέστη· εἶχε γὰρ ἐξ ἀρχῆς ὧδε· «Ὁ βουλήσει τὸ πᾶν ἐργαζόμενος (ἤδη: ἐργασάμενος) | μήτραν βουληθεὶς ἀπειρόγαμον ᾤκησε, | τοὺς τὴν φθορὰν (ἤδη: τῇ φθορᾷ) νοσήσαντας | ἀφθαρσίᾳ τιμήσας (ἤδη: πλουτίσας), ὡς εὔσπλαγχνος». Ἀλλὰ καὶ τὸ πρῶτον τροπάριον τῆς ἑπομένης ᾠδῆς εἶχε τὸ «εἰκονομάχους ἐκτρεπόμενος, | ὀρθοδοξίᾳ λαμπόμενος, | πάντας τοὺς ὁρῶντας φωτίζων»· ὅπερ ἠλλοιώθη κατόπιν οὕτως· «εἰκον. ἐκτρεπ. ὡς ζηλωτὴς ἐνδικώτατος, πάντας» κτλ. Καὶ τὸ τρίτον αὐτῆς τροπάριον εἶχεν ὀρθότερα τὸ παρορμώμενος, ἀντὶ τοῦ σημερινοῦ ποιμαινόμενος, καὶ τὸ ἐγνωρίσθης ἀντὶ τοῦ νῦν ἀνεδείχθης. Τὸ δὲ θεοτοκίον ἄρχεται σήμερον ὧδε· «Μαρία σεμνή, ἀειπάρθενε»· τὸ παλαιὸν ὅμως ὧδε· «Παρθένε σεμνή, ἀπειρόγαμε» κτλ. Μεταβολὰς ἐδέχθη λεκτικὰς καὶ ἡ κατόπιν ᾠδή, ἧς τὸ πρῶτον τροπάριον εἶχε τὸ «τὴν ἀχλὺν τῶν παθῶν», ἔτι δὲ τὸ «κράζων εὐλογεῖτε Χριστὸν εἰς τοὺς αἰῶνας», ὃ μετεβλήθη πρὸς τὸ «Χριστὸν

---

1) Τὸ ξένον θεοτοκίον ἄρχεται ἐκ τοῦ «Φεῖσαί μου, κύριε, φεῖσαι» κτλ.

ἀνυμνεῖτε κραυγάζων εἰς αἰῶνας». Τὸ δὲ κατόπι τροπάριον εἶχεν ἐξ ἀρχῆς ὧδε· «Πεπυρωμένα τοῦ ἐχθροῦ | βέλη ἔσβεσας σοφέ», καὶ τελευταίαν λέξιν τὸ ἀπάτας, ἀντὶ τοῦ νῦν ἀκάνθας· καὶ ἐν τῷ συνεπομένῳ τροπαρίῳ «λύτρωσαι εὐχαῖς» ἔγραψεν ἐξ ἀρχῆς ὁ ποιητής, ὡς φαίνεται, ἀντὶ τοῦ νῦν φύλαττε. Δύο δὲ μικραὶ μεταβολαὶ λεκτικαὶ κατεσκευάσθησαν ἐν τῇ ἐνάτῃ ᾠδῇ· τὸ μὲν γὰρ ἐν τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τανῦν ἀληθεῖς προῆλθεν ἐκ τοῦ ἀληθῶς, τὸ δ' ἐν τῷ δευτέρῳ νῦν «ὑπάρχον ἀνάπλεων» ὀρθότερον ἔκειτο πρότερον ὧδε· «ὑπάρχοντα ἔμπλεων --- τιμῶμεν σε Ἰάκωβε». Καὶ τοιαῦτα μὲν ἐτολμήθησαν περὶ τὸ ᾆσμα· ἀντὶ δὲ τοῦ καθίσματος καὶ τῶν στιχηρῶν προσομοίων, ἅτινα πρὸ τοῦ κανόνος ὁ Θεοφάνης ἐποίησε, κατὰ τὸ ἔθος, ἐτέθησαν ἐν τοῖς μηναίοις ὕστερον ἕτερα. Τὰ δὲ πρωτότυπα καὶ τέως ἀνέκδοτα στιχηρὰ τοῦ Θεοφάνους ἔχουσιν οὕτω·

Κάθισμα· ἦχος δ' πρὸς τὸ Ταχὺ προκατάλαβε:

Χριστῷ ἠκολούθησας | κόσμου ἀφέμενος
καὶ σάρκα ὑπέταξας | δι' ἐγκρατείας σαφῶς,
παμμάκαρ Ἰάκωβε· | ὅθεν ἱερωσύνης
χρῖσμα ἅγιον ἔσχες· | νῦν δὲ πρὸς τὰς ἀΰλους
μετετέθης χορείας, | πρεσβεύων ὑπὲρ πάντων
ἡμῶν τῶν εὐφημούντων σε.

Στιχηρά· ἦχος δ' πρὸς τὸ Ἔδωκας σημείωσιν τοῖς:

Τὴν διαιωνίζουσαν | καὶ μηδαμῶς διαρρέουσαν
ἐνθυμούμενος εὔκλειαν | δόξης κατεφρόνησας
καὶ ἀπολλυμένης, | καὶ τὸν σταυρὸν ἀναλαβὼν
τῷ σταυρωθέντι κατηκολούθησας
καὶ σάρκα καθυπέταξας | ἀσκητικοῖς ἀγωνίσμασι·
διὰ τοῦτο τὴν μνήμην σου | ἐκτελοῦμεν Ἰάκωβε.

Κόσμῳ καὶ τοῖς πάθεσιν | ἐσταυρωμένος, Ἰάκωβε,
τὴν ψυχὴν διετήρησας | ἄσπιλον ἀμόλυντον,
ἀμιγῆ τῶν κάτω, | πάτερ, χαρακτήρων,
καὶ θεωρίαις μυστικαῖς | ἀνεπτερώθης
πρὸς τὰ οὐράνια, | ἐν ᾧ σου τὸ πολίτευμα
προσανατέθεικας, ὅσιε,
ὡς Χριστοῦ δοῦλος, | ὡς θεράπων πιστότατος.

Ἄκακος ἀκέραιος | καὶ συμπαθὴς καὶ φιλάδελφος,
ταπεινόφρων καὶ μέτριος, | ἀγάπης ἔμπλεως,
ἐλεημοσύνῃ κατηγλαϊσμένος, ὑπομονῇ καρτερηκώς,

καταφύγιον, ἁγνή, | κεκτημένοι σε πάντες | σῳζόμεθα, πανύμνητε»[1]. Ἔξω δὲ τῶν δύο τούτων καταστροφῶν ἐδέξατο τὸ ποίημα καί τινας ἀλλοιώσεις· οἷον τὸ μὲν πρῶτον τροπάριον τῆς πρώτης ᾠδῆς ἀρχὴν εἶχε τοιαύτην· «Τὸν φωτισμὸν | τὸν τῆς τριάδος, Ἰάκωβε, | ἐν τῇ ψυχῇ δεξάμενος | κόσμου κατέλιπες | ἀχλυώδη ἀπάτην» κτλ., σήμερον δὲ φέρεται μεταβεβλημένον ὧδε· «Τὸν φωτισμὸν | τοῦ σοῦ δεσπότου, Ἰάκωβε, | ---- | κόσμον κατέλιπες» κτλ. Ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ τὸ πρωτότυπον ἐπηκολουθήσας ἐγένετο κατηκολουθήσας· τῆς δὲ τρίτης πάλιν ᾠδῆς τὸ πρῶτον τροπάριον ἐκ τούτων ἤρχετο τῶν λέξεων· «Ὁ βίος σου τερπνὸς | ὁ λόγος ἅλατι | ἀγάπης, θεόφρον, ἐξηρτυμένος»· σήμερον δὲ τὰ γεγραμμέν' ἀραιῶς ἐνταῦθα μεταλλαγέντα φέρονται ὧδε· «ὁ λόγος ἔνθεος, ἀγάπης ἅλατι ἠρτυμένος». Ἀλλὰ καὶ τὸ σημερινὸν ἐν τῷ δευτέρῳ τροπαρίῳ φανέντος ἀλλοίωσίς ἐστι τοῦ πρωτοτύπου ὀφθέντος, ὡς καὶ τὸ πόνους, ὅπερ ἀντικατέστησε τὸ θλίψεις. Καὶ πάλιν ἐν τῷ τρίτῳ τροπαρίῳ νον ὕμνων | Χριστόν, ἐνώσει τῆς ἀπαθείας», ὅπερ εἰς «νεκρώσει τῆς ἁμαρ- ἕκτῃ ᾠδῇ, οὕτως ἔχει· «Ὑπάρχων ἀνάπλεως τῆς αὐτῆς ᾠδῆς ἀνεγινώ- τούτων τῇ χλόῃ ποίμνιον | τὸ λογικὸν ἐξέθρεψας, θολερὸς ἠλλοίωσεν ἀμέτοχον | ἐναντίον δογμάτων δείξας, ὅσιε». Φαίνεται γοῦν, ἢ ὅτι τὸ περὶ Εὐτυχίου ποίημα τοῦ Θεοφάνους περιῆλθεν εἰς ἡμᾶς ἐξ ἀντιγράφων ἐφθαρμένων, ἢ ὅτι τοῦτο διέφθειραν οἱ τῶν μηναίων ἐπιθεωρηταί· ἔξω γὰρ τοῦ ἐκπεσμοῦ τῶν εἰρημένων στροφῶν, ἔχει τὸ ποίημα σήμερον καὶ ξένα τροπάρια δύο, τὰ τελευταῖα, ἅπερ ἢ τῶν ἀρχαίων ἐκ τῶν ἀντιγράφων ἐκπεσόντων ἕτερος ἀνεπλήρωσεν, ἢ κατὰ σύστημ' ἀπειρόκαλον ἐξωβλήθησαν τὰ παλαιά, ἵνα δώσωσι τὸν τόπον αὐτῶν εἰς ἕτερα κανόνος ἑτέρου. Ἐγὼ μὲν οὖν ἀναπληρῶ νῦν τὸ λεῖμμα, κατὰ τὸν Ἀντωνίνου κώδικα, ἐν ᾧ τὸ ποίημα τοῦ Θεοφάνους ἄρτιον ὑπάρχει, παρατιθέμενος ὧδε τὰ γνήσια καὶ λείποντα τροπάρια τοῦ κανόνος· εἰσὶ δὲ ταῦτα:

Ὡς ὢν | ἀγγέλων νῦν ὁμοδίαιτος, | πατριαρχῶν
μαρτύρων καὶ ὁσίων ὁμόσκηνος,
σὺν αὐτοῖς ἐκδυσώπει τὸν Κύριον
λύσιν ἁμαρτημάτων | πᾶσι δωρήσασθαι
τοῖς τὴν ἱεράν σου ἐπὶ γῆς
μνήμην τελοῦσι, σοφέ.

Θεοτοκίον

Υἱὸν | ἀχρόνως πατρὸς ἐκλάμψαντα | σὺ ἐν γαστρὶ
ἀφράστως συλλαβοῦσα ἐκύησας,
θεομῆτορ ἄχραντε παρθένε ἁγνή·

ἀνυμνεῖτε κραυγάζων εἰς αἰῶνας». Τὸ δὲ κατόπι τροπάριον εἶχεν ἐξ ἀρχῆς ὧδε· «Πεπυρωμένα τοῦ ἐχθροῦ | βέλη ἔσβεσας σοφέ», καὶ τελευταίαν λέξιν τὸ ἀπάτας, ἀντὶ τοῦ νῦν ἀκάνθας· καὶ ἐν τῷ συνεπομένῳ τροπαρίῳ «λύτρωσαι εὐχαῖς» ἔγραψεν ἐξ ἀρχῆς ὁ ποιητής, ὡς φαίνεται, ἀντὶ τοῦ νῦν φύλαττε. Δύο δὲ μικραὶ μεταβολαὶ λεκτικαὶ κατεσκευάσθησαν ἐν τῇ ἐνάτῃ ᾠδῇ· τὸ μὲν γὰρ ἐν τῷ πρώτῳ τροπαρίῳ τανῦν ἀληθεῖς προῆλθεν ἐκ τοῦ ἀληθῶς, τὸ δ' ἐν τῷ δευτέρῳ νῦν «ὑπάρχον ἀνάπλεων» ὀρθότερον ἔκειτο πρότερον ὧδε· «ὑπάρχοντα ἔμπλεων --- τιμῶμεν σε Ἰάκωβε». Καὶ τοιαῦτα μὲν ἐτολμήθησαν περὶ τὸ ᾆσμα· ἀντὶ δὲ τοῦ καθίσματος καὶ τῶν στιχηρῶν προσομοίων, ἅτινα πρὸ τοῦ κανόνος ὁ Θεοφάνης ἐποίησε, κατὰ τὸ ἔθος, ἐτέθησαν ἐν τοῖς μηναίοις ὕστερον ἕτερα. Τὰ δὲ πρωτότυπα καὶ τέως ἀνέκδοτα στιχηρὰ τοῦ Θεοφάνους ἔχουσιν οὕτω·

Κάθισμα· ἦχος δ' πρὸς τὸ Ταχὺ προκατάλαβε:

Χριστῷ ἠκολούθησας | κόσμου ἀφέμενος

καὶ σάρκα ὑπέταξας |ὡς κἂν ἕτερον· εἰ [illegible] πανήγυρις [illegible] ἐκ τῶν παμμάκαρ [illegible] στιχηρὰ καθ' ἕνα καὶ μόνον ἦχον· εἰς τούτου δὲ τοῦ τεχνικοῦ συστήματος τὴν διάκρισιν ὡδήγησάν με τὰ μέχρι τέλους τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἀντιγεγραμμένα μηναῖα, ἐν οἷς, ὅταν ὑπὸ τὸν πρῶτον κανόνα συναντᾶται κανὼν ἕτερος εἰς ἕτερον ἅγιον ἢ μάρτυρα, προτάσσονται τοῦ προτέρου κανόνος ἕτερα στιχηρά, διακρινόμενα μὲν τῶν πρώτων, ἐξυμνοῦντα δὲ τὸν ἕτερον ἅγιον, εἰς ὃν ὁ κανὼν ὁ δεύτερος ἀναφέρεται· ὅπερ ἐστὶν ἀπόδειξις ἐπαρκὴς εἰς τὸ πιστεύειν, ὅτι τὰ τοιαῦτα δεύτερα στιχηρὰ προσόμοια συνεγράφησαν ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ τοῦ δευτέρου κανόνος· ὅμως δὲ ὁ κανὼν ὁ δεύτερος ἀναφέρεται πολλάκις εἰς τὸν αὐτὸν ἅγιον, ὃν ὕμνησεν ὁ ποιητὴς τοῦ προτέρου κανόνος· ἀλλὰ καὶ τότε τὰ τῷ κανόνι τούτῳ προσήκοντα στιχηρὰ διακρίνονται παρὰ τοῦ γνῶσιν ἔχοντος τῆς τάξεως τῶν ἀρχαίων μηναίων· ἀνευρίσκονται γὰρ τὰ τοῦ δευτέρου πρὸ τοῦ κανόνος ἀμέσως τοῦ προτέρου· τὰ τοιαῦτα μέντοι στιχηρὰ προσόμοια μετετίθεντο πολλάκις εἰς τοὺς αἴνους οἱ μεταγενέστεροι. Τὸ παρ' Ἀντωνίνῳ μηναῖον ἄρχεται τῆς εἰς τὸν ἅγιον Εὐτύχιον ἑορταστικῆς ἀκολουθίας ἀπὸ τοῦ καθίσματος· μετὰ δὲ τοῦτο προστέθησι στιχηρὰ προσόμοια τέσσαρα καὶ κατόπιν ἀμέσως αὐτὸν τὸν κανόνα, οὗ τὸν ποιητὴν ὀνομάζει Θεοφάνην ἐν τῷ κρασπέδῳ διὰ μονογράμματος. Κατὰ τὴν ἐμὴν οὖν ὑπόληψιν καὶ τὸ κάθισμα καὶ τὰ στιχηρὰ συνεγράφησαν ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Θεοφάνους, ἵνα τὴν ἑορτὴν ὁ ποιητὴς ὑμνήσῃ τελείως· καὶ τὸ μὲν κάθισμα κατ' ἦχον τρίτον μελισθέν, σύμφωνα τῷ «Θείας πίστεως» εἱρμῷ, ὑπάρχει καὶ σήμερον ἐν τῷ τετυπωμένῳ μηναίῳ,

πίστει ἐλπίδι ὡραϊζόμενος
ἐδείχθης, παναοίδιμε, | ταῖς προσευχαῖς καλλυνόμενος
καὶ ταῖς θείαις λαμπρότησιν | ἱερῶς ἀστραπτόμενος.

Καὶ πάλιν κατὰ τὸν αὐτὸν ἀρχαιότατον κώδικα τοῦ πατρὸς Ἀντωνίνου δείκνυμι διαφθορᾶς ἕτερον παράδειγμα, τοῦτο. Τῇ 6-ῃ τοῦ μηνὸς Ἀπριλίου πανηγυρίζεται τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Εὐτυχίου ἡ μνήμη, οὗ τὸν ᾀσματικὸν κανόνα συνέγραψεν ὁ αὐτὸς ὑμνῳδὸς Θεοφάνης· ἔχει δ' ἀκροστιχίδα, κατὰ τὸ μηναῖον, τοιαύτην· «Τὸν θαυματουργὸν Εὐτύχιον θαυμάσω». Κατὰ τὴν ἔκδοσιν ὅμως αὐτοῦ τοῦ κανόνος ἡ ἀκροστιχὶς ἐμφανίζεται σήμερον ὧδε· «Τὸν [θ]αυματουργὸν Εὐτ[ύ]χιον θαυμάσω». Λείπουσιν ἄρα δύο τροπάρια· ταῦτα δὲ τὸ μηναῖον ἔσωσε τοῦ Ἀντωνίνου· καὶ τὸ μὲν πρῶτον ὑπὸ τὸ τρίτον τροπάριον τῆς πρώτης ᾠδῆς ὑπάρχον οὕτως ἔχει· «Θύσας θυσίαν, παμμάκαρ, | ὡς ἀληθῶς | τῷ θεῷ, αἰνέσεως | ἀποδούς τε τὰς εὐχὰς | τῷ ὑψίστῳ λέλυσαι παθῶν, | τὸν ῥυσάμενον ὑμνῶν | Χριστόν, Εὐτύχιε»· τὸ δ' ἕτερον τροπάριον, προσῆκον τῇ ἕκτῃ ᾠδῇ, οὕτως ἔχει· «Ὑπάρχων ἀνάπλεως | διδαγμάτων εὐσεβῶν, | τούτων τῇ χλόῃ ποίμνιον | τὸ λογικὸν ἐξέθρεψας, θολερῶν | ναμάτων ἀμέτοχον | ἐναντίον δογμάτων δείξας, ὅσιε». Φαίνεται γοῦν, ἢ ὅτι τὸ περὶ Εὐτυχίου ποίημα τοῦ Θεοφάνους περιῆλθεν εἰς ἡμᾶς ἐξ ἀντιγράφων ἐφθαρμένων, ἢ ὅτι τοῦτο διέφθειραν οἱ τῶν μηναίων ἐπιθεωρηταί· ἔξω γὰρ τοῦ ἐκπεσμοῦ τῶν εἰρημένων στροφῶν, ἔχει τὸ ποίημα σήμερον καὶ ξένα τροπάρια δύο, τὰ τελευταῖα, ἅπερ ἢ τῶν ἀρχαίων ἐκ τῶν ἀντιγράφων ἐκπεσόντων ἕτερος ἀνεπλήρωσεν, ἢ κατὰ σύστημ' ἀπειρόκαλον ἐξωβλήθησαν τὰ παλαιά, ἵνα δώσωσι τὸν τόπον αὐτῶν εἰς ἕτερα κανόνος ἑτέρου. Ἐγὼ μὲν οὖν ἀναπληρῶ νῦν τὸ λεῖμμα, κατὰ τὸν Ἀντωνίνου κώδικα, ἐν ᾧ τὸ ποίημα τοῦ Θεοφάνους ἄρτιον ὑπάρχει, παρατιθέμενος ὧδε τὰ γνήσια καὶ λείποντα τροπάρια τοῦ κανόνος· εἰσὶ δὲ ταῦτα:

Ὡς ὢν | ἀγγέλων νῦν ὁμοδίαιτος, | πατριαρχῶν
μαρτύρων καὶ ὁσίων ὁμόσκηνος,
σὺν αὐτοῖς ἐκδυσώπει τὸν Κύριον
λύσιν ἁμαρτημάτων | πᾶσι δωρήσασθαι
τοῖς τὴν ἱεράν σου ἐπὶ γῆς
μνήμην τελοῦσι, σοφέ.

Θεοτοκίον

Υἱὸν | ἀχρόνως πατρὸς ἐκλάμψαντα | σὺ ἐν γαστρὶ
ἀφράστως συλλαβοῦσα ἐκύησας,
θεομῆτορ ἄχραντε παρθένε ἁγνή·

πρέσβευε, παναγία, | ὑπὲρ τῶν δούλων σου
τὸν μόνον φιλάνθρωπον Θεὸν
σῶσαι τὸ γένος ἡμῶν.

Καὶ πάλιν ἔξω τῶν ἐκβολῶν τούτων ἡ ᾀσματικὴ ἀκολουθία τοῦ πατριάρχου Εὐτυχίου διεφθάρη καὶ διά τινα μεταβολήν· τὰ γὰρ ἐν τοῖς παλαιοτάτοις μηναίοις ὠνοματισμένα ποιήματα, ὅ ἐστιν οἱ κανόνες, ἔχουσι προτεταγμένα τὸ κάθισμα τῆς ἑορτῆς καὶ τὰ στιχηρὰ προσόμοια, ἅπερ, εἰ καὶ παντελῶς ἀνώνυμα πανταχοῦ, φαίνονται συνθέματα τοῦ κανόνος εἶναι τοῦ ποιητοῦ, ὃν ἔχει τὸ παλαιὸν μηναῖον· ὁ μὲν γὰρ ὑμνῳδὸς ὁ ἀναλαβὼν ἵνα συνθέσῃ τὸν ἔπαινον ἑορτῆς τινος οὐ συνέγραφε κανόνα μόνον, ἀλλὰ καὶ πᾶν ὅ τι μετὰ τούτου συνεδέετο, ὅ ἐστι τὸ κάθισμα, μάλιστα δὲ τὰ στιχηρὰ προσόμοια, ἅπερ ἐπέχουσι προοιμίου τόπον εἰς τὸν κανόνα· ἐποίει δὲ ταῦτα κατὰ τὰς περιστάσεις· εἰ μὲν ὁ ἀνυμνούμενος ἅγιος ἑωρτάζετο πανηγυρικώτατα, συνέγραφε διττὰ ἢ τριττὰ προσόμοια στιχηρά, τὰ μὲν κατὰ τόνδε τὸν ἦχον τὰ δὲ καθ' ἕτερον· εἰ δὲ ἡ πανήγυρις ἦν ἐκ τῶν συνήθων, ἔγραφε στιχηρὰ καθ' ἕνα καὶ μόνον ἦχον· εἰς τούτου δὲ τοῦ τεχνικοῦ συστήματος τὴν διάκρισιν ὡδήγησάν με τὰ μέχρι τέλους τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἀντιγεγραμμένα μηναῖα, ἐν οἷς, ὅταν ὑπὸ τὸν πρῶτον κανόνα συναντᾶται κανὼν ἕτερος εἰς ἕτερον ἅγιον ἢ μάρτυρα, προτάσσονται τοῦ προτέρου κανόνος ἕτερα στιχηρά, διακρινόμενα μὲν τῶν πρώτων, ἐξυμνοῦντα δὲ τὸν ἕτερον ἅγιον, εἰς ὃν ὁ κανὼν ὁ δεύτερος ἀναφέρεται· ὅπερ ἐστὶν ἀπόδειξις ἐπαρκὴς εἰς τὸ πιστεύειν, ὅτι τὰ τοιαῦτα δεύτερα στιχηρὰ προσόμοια συνεγράφησαν ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ τοῦ δευτέροι κανόνος· ὅμως δὲ ὁ κανὼν ὁ δεύτερος ἀναφέρεται πολλάκις εἰς τὸν αὐτὸν ἅγιον, ὃν ὕμνησεν ὁ ποιητὴς τοῦ προτέρου κανόνος· ἀλλὰ καὶ τότε τὰ τῷ κανόνι τούτῳ προσήκοντα στιχηρὰ διακρίνονται παρὰ τοῦ γνῶσιν ἔχοντος τῆς τάξεως τῶν ἀρχαίων μηναίων· ἀνευρίσκονται γὰρ τὰ τοῦ δευτέρου πρὸ τοῦ κανόνος ἀμέσως τοῦ προτέρου· τὰ τοιαῦτα μέντοι στιχηρὰ προσόμοια μετετίθεντο πολλάκις εἰς τοὺς αἴνους οἱ μεταγενέστεροι. Τὸ παρ' Ἀντωνίνῳ μηναῖον ἄρχεται τῆς εἰς τὸν ἅγιον Εὐτύχιον ἑορταστικῆς ἀκολουθίας ἀπὸ τοῦ καθίσματος· μετὰ δὲ τοῦτο προστίθησι στιχηρὰ προσόμοια τέσσαρα καὶ κατόπιν ἀμέσως αὐτὸν τὸν κανόνα, οὗ τὸν ποιητὴν ὀνομάζει Θεοφάνην ἐν τῷ κρασπέδῳ διὰ μονογράμματος. Κατὰ τὴν ἐμὴν οὖν ὑπόληψιν καὶ τὸ κάθισμα καὶ τὰ στιχηρὰ συνεγράφησαν ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Θεοφάνους, ἵνα τὴν ἑορτὴν ὁ ποιητὴς ὑμνήσῃ τελείως· καὶ τὸ μὲν κάθισμα κατ' ἦχον τρίτον μελισθέν, σύμφωνα τῷ «Θείας πίστεως» εἱρμῷ, ὑπάρχει καὶ σήμερον ἐν τῷ τετυπωμένῳ μηναίῳ,

μετὰ τὴν τρίτην ᾀδόμενον ᾠδήν· ἀλλὰ κἂν τούτῳ τῆς μεταβλησίας ἡ μανία μετέβαλε κῶλον ὅλον, τὸ ἑξῆς· «κλῆρον τὸν ἄνω ἐνδίκως ἀπείληφας»· ὅπερ ἔχει σήμερον οὕτω· «παλινδρομεῖς εἰς αὐτὴν δοξαζόμενος». Τὰ δὲ στιχηρὰ προσόμοια, τρία τὸν ἀριθμὸν ἐν τῷ σημερινῷ μηναίῳ, κατ' ἦχον δὲ πλάγιον ἡρμοσμένα τέταρτον καὶ μεμελισμένα τῷ εἱρμῷ «Κύριε, εἰ καὶ κριτηρίῳ», τὸ παλαιὸν ἠριθμοῦντο τέσσαρα, κατὰ δὲ λέξιν ἦσαν ἑτεροῖα παντάπασι, μεμελισμένα μὲν ὡσαύτως εἰς πλάγιον ἦχον τέταρτον, ἐρρυθμισμένα δὲ σύμφωνα τῷ εἱρμῷ «Οἱ μάρτυρές σου Κύριε». Ἐπεὶ δ' ἐμάθομεν ἤδη, ὅτι περὶ τὸ τέλος αὐτοῦ τοῦ κανόνος ὑπάρχουσι δύο ξένα τροπάρια, φανερὸν ἄρα, ὅτι καὶ τὰ σημερινὰ προσόμοια, ὥσπερ καὶ τὰ ῥηθέντα ξένα τροπάρια, προσήκουσιν ἑτέρῳ ποιητῇ, τὸν πατριάρχην ὡσαύτως Εὐτύχιον ὑμνήσαντι κατὰ τὸ πρότυπον τοῦ Θεοφάνους, ἀλλ' οὐ τὸ κύριον ᾆσμα, τουτέστιν ὁ κανών, ἐξέπεσε, προτιμηθέντος τοῦ Θεοφανείου. Τὰ μηναῖα τοίνυν τὰ σημερινὰ παριστῶσιν ᾀσματικὴν ἀκολουθίαν εἰς τὸν Εὐτύχιον ἐμμίκτως ἐκ δύο διαφόρων ἀποσχηματισθεῖσαν ἀκολουθιῶν, τῆς μὲν παλαιοτέρας ὑπὸ τοῦ Θεοφάνους συντεθείσης, τῆς δὲ μεταγενεστέρας ἀγνώστου ποιητοῦ. Ἤδη δὲ τὸν κανόνα τοῦ Θεοφάνους ἀποκαταστήσας εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς αὐτοῦ κατάστασιν, παρατίθεμαι νῦν, ἀπὸ τοῦ κώδικος Ἀντωνίνου παραλαβών, καὶ τὰ στιχηρὰ προσόμοια τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ, ἵνα τῶν μηναίων οἱ μελετηταὶ τέλειον οὕτως ἔχωσι τὸν κύκλον τῆς Θεοφανείου ᾀσματολογίας εἰς τὸν ἅγιον Εὐτύχιον.

Στιχηρά· ἦχος πλάγιος δ', πρὸς τὸ «Οἱ μάρτυρές σου, Κύριε»:

Εὐτυχήσας, Εὐτύχιε, | βίον οὐράνιον | ἐν γῇ τελέσας
καὶ δυστυχέστατα | μειώσας πάθη | τῇ συνεργίᾳ Χριστοῦ,
οὗ τῇ ἀγαπήσει κραταιούμενος | θλίψεις ἀνενδότους ἐκαρτέρησας·
διὸ ταῖς σαῖς πρεσβείαις | αἴτησαι τοῦ σωθῆναι τοὺς εὐφημοῦντάς σε.

Ὁ μέγιστος Εὐτύχιος | καλλωπιζόμενος | τῇ ἀπαθείᾳ
πάθη ἰάσατο | δυνάμει θείᾳ | καὶ ἀρρωστήματα ψυχῶν·
ποίμνην βακτηρίᾳ θείας γνώσεως | ἔθρεψεν ἐφ' ὕδωρ ἀναπαύσεως·
αὐτοῦ ταῖς ἱκεσίαις | δώρησαι τῷ λαῷ σου τὸ μέγα ἔλεος.

Ὁ πάνσοφος Εὐτύχιος | πρᾶος καὶ ἄκακος | γεγενημένος
χαίρων ἐσκήνωσεν | ἐν γῇ πραέων, | καὶ ἐξορίαις προσομιλῶν
ἅπασαν ἐξώρισε δυσσέβειαν· | ὅθεν πατριάρχαις συναγάλλεται·
αὐτοῦ ταῖς ἱκεσίαις, | εὔσπλαγχνε, πᾶσι δίδου τὸ μέγα ἔλεος.

Ὁ ὅσιός σου, Κύριε, | τὸν θεῖον πόθον σου | ἐν τῇ καρδίᾳ
εἰσοικισάμενος | τῶν ἐπικήρων | πᾶσαν τὴν σχέσιν ἀπηρνήσατο·

ὅθεν καὶ ἁγνῶς σοι ἱερούργησεν, | αἶνον ἀναμέλπων χαριστήριον·
αὐτοῦ ταῖς ἱκεσίαις | δώρησαι πᾶσιν ἡμῖν τὸ μέγα ἔλεος.

Τὰ μέχρι τοῦδε λεπτομερῶς ἐξετασθέντα τρία παραδείγματα συνήθων ᾀσματικῶν ἀκολουθιῶν σαφῶς ἀποδεικνύασι, νομίζω, ὅτι τῶν σημερινῶν μηναίων ἡ κατάστασις ἀποτέλεσμα διαφθορᾶς ὑπάρχει μεγάλης, καὶ ὅτι τούτων οἱ κατὰ καιροὺς ἀντιγραφεῖς ἐκδόται μεταρρυθμισταὶ τολμηρῶς ἐξ ἀγροικίας ἢ ἄλλης τινὸς αἰτίας ἀκαταλήπτου μοι τὰ τῶν ποιητῶν ᾄσματα κατὰ τὸ δοκοῦν ἔφθειρον ἢ μετήλλασσον.

β'.

Φέρε δὲ νῦν ἐξετάσωμεν ἕτερον ἐρώτημα, σπουδαιότατον ὡσαύτως διὰ τὴν σημερινὴν τῶν μηναίων κατάστασιν. Διατί τὰ μηναῖα τὰ μέχρι τῆς δωδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἀπογεγραμμένα καὶ καθολικῶς μεταχειριζόμενα διαφέρουσι πρὸς τὰ κατόπι γεγραμμένα μεγάλως; τίνες δ' αὐτῶν αἱ διαφορότητες; Μηναῖον ἀρχαιότερον τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἀγνοῶ παντάπασιν ἐξ αὐτοψίας, εἰ καὶ πολλὰς ἄχρι τοῦδε χιλιάδας ἑλληνικῶν ἐγνώρισα χειρογράφων. Καὶ ὅμως, εἰ μὴ σφάλλομαι, νομίζω ὅτι μηναῖα παλαιότατα τοῦ μὴ καθολικοῦ κύκλου, γεγραμμένα μεταξὺ τῆς ὀγδόης καὶ τῆς ἐνάτης ἑκατονταετηρίδος εὗρον ἐγώ, ἀλλ' ὧν τὴν ὕλην ἀνεξέταστον εἴασα διὰ τὴν ἀπορίαν χρόνου καὶ διὰ τὴν σημερινὴν αὐτῶν κατάστασιν καὶ διὰ τὴν ἀτυχῆ μου τῶν ὀφθαλμῶν δοκιμασίαν κατὰ τὴν ἐπιχειρισθεῖσαν αὐτῶν ἀνάγνωσιν. Ὁ λόγος δηλαδὴ περὶ κώδικος ἑνός, ὃν εἶδον ἐν Μακεδονίᾳ, ἐν τῇ μονῇ Κοσινίτζης, ἀριθμὸν ἐκεῖ φέροντος τὸν 123-ον· ἔστι δὲ σχήματος μεγάλου καὶ φύλλα συναριθμεῖ μεμβράνινα παλίμψηστα 305, ὧν τὸ μὲν νεώτερον κείμενον ἐμπεριέχει πλῆρες εὐαγγέλιον λειτουργικόν, τὸ δὲ παλαιόν, τὸ ξεσθέν, ἵνα τὸ εὐαγγέλιον ἀποτελεσθῇ, γέγραπται γράμμασι κεφαλαιώδεσι μικροῖς· ὅπερ ἐγὼ μετὰ μακρὰν ἐπίπονον ἔν τισι φύλλοις ἀνάγνωσιν ἐξέλαβα μηναίων ᾀσματικῶν ὕλην διά τε τὸν Δεκέμβριον καὶ τὸν Ἰανουάριον μῆνα· προεδήλωσα δὲ τὸ πιθανὸν εὕρεμα τοῦτο διὰ τῆς ἔτει 1886-ῳ τυπωθείσης ἐκθέσεως παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θρᾴκῃ καὶ Μακεδονίᾳ[1]. Χρήσιμον οὖν, ὅπως τὸν κώδικα τοῦτον ἕτερος, εὐκαιρίαν ἔχων καὶ πεῖσμα μεῖζον ἐμοῦ περὶ τὰ παλαιόγραφα, λεπτομερῶς ἐξετάσῃ, πρὸς βεβαίωσιν ἢ μὴ βεβαίωσιν τῆς πρώτης μου ἀντιλήψεως· εἰ γὰρ ἀληθῶς ὁ κῶδιξ ἐκεῖνος οὐχ ὑποκρύπτει μηναῖα, καθὼς ἐξ ἀρχῆς ἐπίστευσα, τὰ παρ' ἐμοῦ λοιπὸν ἐν αὐτῷ διακριθέντα πεισμόνως ζητήσει πανη-

1) Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλογος, τ. ΙΖ', ἀρχαιολογ. παράρτ. σ. 25.

γύρεων ἂν ὦσι μᾶλλον ὀνόματα καὶ μέρη συναξαρίου τῶν εὐαγγελίων. εἰ δ' ὅμως ἀποδειχθῇ τοὐναντίον, ἡ τῶν μηναίων ἐπιστήμη μνημεῖον αὐτῆς οὕτως ἀπαριθμήσει δυνάμενον ὑποδεῖξαι τὴν πρωτίστην αὐτῶν διάταξιν. Βέβαιον δ' ὅτι λείψανα τινὰ μικρότατα μηναίων ἐγνώσθησαν ἤδη, παρὰ τῆς ἐν Παλαιστίνῃ ληφθέντα λαύρας τοῦ ἁγίου Σάβα καὶ τῆς ἐν τῷ Σινᾷ μονῆς· οἷά εἰσι τὰ διὰ τοῦ Tischendorf ἐκεῖθεν ἀποκομισθέντα, τά τ' ἐν Πετρουπόλει καὶ Λονδίνῳ[1]· ἀλλὰ πάντα ταῦτα μέχρι τοῦδε παντελῶς ἀμελέτητα μένουσιν.

Ὅπως δὲ τῶν μηναίων ἡ τάξις εἶχεν ἐξ ἀρχῆς, ἀποδεικνύασι κάλλιστα τὰ σῳζόμενα τῶν ἀντιγράφων τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος. Τῆς γὰρ ᾀσματικῆς ἀκολουθίας ἑκάστης ἑορτῆς τὴν ἀρχὴν ἔχουσι τὰ τοιαῦτα παλαιὰ μηναῖα πρῶτον ἀπὸ τοῦ καθίσματος, ὃ καὶ τροπάριον ἁπλῶς ἐκαλεῖτο, κατὰ τὰ συναξάρια· μετὰ δὲ τοῦτο καταγράφουσι τὰ στιχηρὰ προσόμοια, καὶ μετὰ ταῦτ' ἀμέσως ἐμφανίζουσι τὸν κανόνα πληρέστατον, ὡς ἐξ ἀρχῆς ἐγράφη, παρ' οὐδενὸς ἀπολύτως ἑτέρου διακοπτόμενον ᾄσματος, ἤτοι κονδακίου ἢ σταυροθεοτοκίου ἢ συναξαρίου· βιβλία γὰρ ἕτερα, οἷον τὸ εὐαγγέλιον, ὁ ἀπόστολος, τὸ προφητολόγιον, τὸ εἱρμολόγιον, ἡ παρακλητική, τὸ κονδακάριον, τὸ τριῴδιον καὶ τὸ συναξάριον, ἀνεπλήρουν τὸν λειτουργικον τῆς ἑορτῆς κύκλον· τούτων δὲ τῶν βιβλίων τὸ μὲν συναξάριον, ἔξω τοῦ συντόμου βίου, περιεῖχε τὸν τύπον τῆς τελετῆς καὶ τὸ τροπάριον αὐτῆς, ὅ ἐστι τὸ κάθισμα, καὶ τὸ ἀπολυτίκιον· τὸ δ' εἱρμολόγιον, ἀεὶ μετὰ παρασημάνσεως ἀρχαιοτάτης, ὥριζε τὸ μέλος τῶν ἐν τῷ μηναίῳ κειμένων ᾀσμάτων καὶ τοὺς μελιστὰς αὐτῶν, ἔσθ' ὅτε δὲ καὶ τοὺς ὑμνῳδοὺς ὠνόμαζεν· ἀλλὰ διὰ τὴν κατόπιν ἀδιακρισίαν μεταξὺ μέλους καὶ ποιήματος εἰσήχθησαν ἐν τοῖς μηναίοις καὶ τὰ ὀνόματα τῶν μελουργῶν, παρὰ τῶν εἱρμολογίων καὶ τῶν στιχηραρίων ληφθέντα, καὶ οὕτω συμβαίνει σήμερον ὅπως τὰ τοιαῦτα τῶν ὀνομάτων ὑπολαμβάνωνται ποιητῶν ὀνόματα, εἰ καὶ τὰ πλείω τῶν στιχηρῶν προσομοίων ἢ δοξαστικῶν εἰσι ποιήματα τῶν ποιητῶν, οἷς οἱ ἐν τοῖς μηναίοις ᾀσματικοὶ προσγράφονται κανόνες· ὑπῆρξαν μὲν καὶ μελῳδοὶ ἢ μελισταὶ ἢ μελουργοὶ συντάκται στιχηρῶν εἱρμῶν καὶ κανόνων, ἀλλὰ τῶν τοιούτων τὰ ὀνόματα μετὰ τῶν ᾀσματικῶν αὐτῶν ἔργων δηλοῦσι καὶ τὰ μηναῖα τὰ παλαιότατα καὶ τὰ στιχηράρια καὶ τὰ εἱρμολόγια· τὸ δὲ κονδακάριον πάλιν ἐμπεριελάμβανε τὸ κονδάκιον, ὅπερ ἤρχετο ἐξ αὐτοῦ τοῦ κυρίως κονδακίου — ἦν δὲ τοῦτο ποιημάτιον μονὸν ἢ διπλοῦν ἐξ ὀλιγίστων στίχων —, τόπον ἐπέχοντος προοιμίου εἰς ᾆσμα πολ-

1) Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque Impériale publique. St Pétersbourg 1864, σ. 17. Catalogue of ancient manuscripts in the British Museum, part I, Grece. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, τ. II, σ. 720.

λῶν στροφῶν, οἶκος ὀνομαζόμενον, καθ' ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ῥυθμὸν συντεταγμένων καὶ μεγάλην ἢ μικρὰν ἀκροστιχίδα συναποπληρουσῶν, ἥτις πρὸ τοῦ κονδακίου μετὰ τῆς ἐπιγραφῆς αὐτοῦ κατεγράφετο· τοῦτο δὲ τὸ πολύστροφον ᾆσμα, ἐξ ἑνὸς ἀρχόμενον ᾀσματίου, τοῦ κυρίως κονδακίου, ὅπερ, ὡς φαίνεται, μετὰ μέλους ἐψάλλετο, καὶ ἐκ τῶν στροφῶν τοῦ οἴκου συνιστάμενον, αἳ πολλάκις ἠριθμοῦντο μέχρι τριάκοντα καὶ δύο καὶ χύμα συναγεγινώσκοντο μεγαλοφώνως ἐν τῷ μέσῳ τῆς ἐκκλησίας, ἢ ἐπ' ἄμβωνος, μεταξὺ τῆς τρίτης καὶ τῆς ἕκτης ᾠδῆς τοῦ κανόνος, ἄχρι που τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ὁλόκληρον ἡ ἐκκλησία μετεχειρίζετο, εἰ καὶ ἀπὸ τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ὁ τούτου διασπαραγμὸς τὴν ἀρχήν, ὡς φαίνεται, λαμβάνει· καὶ γὰρ ἔκτοτε τὸ μὲν προοίμιον τοῦ κονδακίου, τουτέστιν αὐτὸ τὸ κυρίως κονδάκιον ἀποσπασθὲν ἐκ τοῦ συνόλου τοῦ ποιήματος εἰσεχώρησεν εἰς τὸ μηναῖον, συμπαρασῦραν ἐκ τοῦ οἴκου μίαν καὶ μόνην στροφήν· τῶν δὲ λοιπῶν αὐτοῦ στροφῶν ἔνιαι παντελῶς ἀγνώριστοι κατόπι περιελήφθησαν ἐν ταῖς ἀκολουθίαις ὡς ἁπλᾶ στιχηρὰ τροπάρια, καὶ οὕτως ἐπῆλθε βραδέως ἄχρι τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἡ τοῦ κονδακαρίου παντελὴς ἐρείπωσις. Λέγουσί τινες, ὅτι τὸ κονδακάριον ἐξετόπισε τῶν μηναίων ἡ ἐμφάνισις· ἀλλ' ἡ τοιαύτη γνώμη φανερῶς ἐστιν ἡμαρτημένη· τοὐναντίον γὰρ ὑπὸ ποιητῶν κανόνων καὶ τοῦτο κατεπλουτίζετο, μεταγενεστέρων ὡς εἰκὸς τοῦ μελῳδοῦ Ῥωμανοῦ, οἷον Κοσμᾶ, Στεφάνου τοῦ Σαβαΐτου, Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου, Ἰωσὴφ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ καὶ ἑτέρων.

Τὰ παλαιότερα τοίνυν τῶν μηναίων οὐχ ἐμπεριέχουσι φόρτον, οἷον τὰ μεταγενέστερα παρουσιάζουσιν, ἀλλ' οὐδὲ ποικίλα τῶν ποιημάτων ὀνόματα, εἰ μὴ καθ' ἑορτὰς ἐκτάκτους. Τὸ παρ' Ἀντωνίνῳ τῷ ἀρχιμανδρίτῃ μηναῖον, ὅπερ ἐστὶ τὸ παλαιότερόν τε καὶ τελεώτερον ἐξ ὅσων ἐγὼ μηναίων εἶδον ἄχρι τοῦδε — ἐγράφη γάρ, ὡς φαίνεται, περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος —, ἐγκλείει τὰς ᾀσματικὰς ἀκολουθίας τοῦ Μαρτίου καὶ τοῦ μηνὸς Ἀπριλίου. Ἐν τούτῳ μὲν δὴ τῷ μηναίῳ τῶν μὲν συνήθων ἑορτῶν αἱ ἀκολουθίαι τὴν ἀρχὴν αὐτῶν ἀπὸ τοῦ καθίσματος ἔχουσι, μεθ' ὃ παρατίθενται τὰ στιχηρὰ προσόμοια καὶ μετὰ ταῦτ' αὐτὸς ὁ κανών· κατὰ δέ τινα διπλῆν ἑορτήν, οὐ κοινήν, οἵα ἡ τῆς κδ' Ἀπριλίου μηνός, περιέχονται τὸ μὲν πρῶτον ἐν αὐτῷ καθίσματα δύο μεμελισμένα καθ' ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ἦχον, εἰς τὰ προεόρτι' ἀναφερόμενα τῆς Θεοτόκου· εἶτα δὲ στιχηρὰ τρία προσόμοια κατ' ἦχον πρῶτον εἰς τὸ «Κύριε ἐκέκραξα» ψαλλόμενα, μετὰ δὲ ταῦτ' αὐτὸς ὁ κανών ἐστιν ὅλως ἀδιάκοπος εἰς ἦχον δ', οὗ ποιητὴς ὁ μελῳδὸς Γεώργιος, ἐν ᾧ προεορτίως ὁ εὐαγγελισμὸς ἐγκωμιάζεται τῆς Θεοτόκου. Τῆς ἁπάσης οὖν ἀκολουθίας ὁ Γεώργιός ἐστι ποιητής, διὰ λόγον ἴδιον ἐκ τοῦ τυπικοῦ πηγάζοντα δύο καθίσματα ποιήσας· ἀλλὰ κατὰ τὴν αὐτὴν

ἡμέραν ἑορτάζεται καὶ Βήρυλλος ὁ Κατάνης, οὗ τὴν ἐν ᾄσμασιν ἀνάμνησιν αἱ ἐκκλησίαι κατελίμπανον, διὰ τὸ μῆκος τῆς πανηγύρεως, καὶ πιθανὸν ὅτι τούτου τὴν ὑμνολογίαν ἔψαλλον ἐν τοῖς μοναστηρίοις, ἢ κατὰ τὴν ἐκκλησίαν αὐτῆς τῆς Κατάνης, ἢ κατ' ἄλλην τινὰ λειψάνῳ τοῦ σώματος αὐτοῦ φημιζομένην. Ἐπειδὴ τοίνυν ἡ τούτου πανήγυρις οὐκ ἦν κοινή, διὰ τοῦτο τὸ παρ' Ἀντωνίνῳ μηναῖον μετὰ τὸν εἰρημένον τοῦ Γεωργίου κανόνα διακεκριμένως ἔχει τὴν ἅπασαν ὑμνολογίαν τοῦ Βηρύλλου, ἣ συνίσταται κατὰ τὸ σύνηθες ἐξ ἑνὸς καθίσματος, ἐκ τριῶν προσομοίων στιχηρῶν καὶ ἐξ ἑνὸς ᾀσματικοῦ κανόνος, ὃν ἐποίησεν ὁ ποιητὴς Θεοφάνης ὁ Σικελός. Κατὰ τὸ αὐτὸ μηναῖον ἐξαιρετικὴν ὡσαύτως ἔχει διάταξιν ἡ τοῦ εὐαγγελισμοῦ τῆς Θεοτόκου πανήγυρις, ἧς ἡ ἀκολουθία τὴν ἀρχὴν ποιεῖται διὰ τεσσάρων ἀλλεπαλλήλων καθισμάτων εἰς τὸ «Θεὸς κύριος» ψαλλομένων, ὧν κατ' ἦχον μὲν τέταρτον τὸ πρῶτον καὶ τὸ τρίτον, κατὰ δὲ τρίτον ἦχον τὸ δεύτερον, κατὰ δὲ πλάγιον τέταρτον τὸ πέμπτον· εἶτα δὲ παρατίθενται στιχηρὰ προσόμοια τρία, ψαλλόμενα εἰς τὸ «Κύριε ἐκέκραξα» κατ' ἦχον δ' καὶ δοξαστικὸν στιχηρὸν εἰς τὸν στίχον ᾀδόμενον κατὰ πρῶτον ἦχον, καὶ πάλιν ἕτερον ἰδιόμελον· μεθ' ὃ παρουσιάζονται στιχηρὰ προσόμοια τρία κατ' ἦχον πρῶτον ὡσαύτως, ἕτερα τέσσαρα κατ' ἦχον δ' καὶ κανόνες ᾀσματικοὶ τρεῖς ἢ τέσσαρες διαφόρων ποιητῶν· εἰ δὲ πρὸ τούτων ὑπάρχουσι κοντάκια καὶ οἶκοι, ἢ ἕτερά τινα ποιημάτων εἴδη, κατ' ἐξαίρεσιν ἐνταῦθα παρεμβληθέντα, τό γε νῦν ἀδυνατῶ βεβαιώσειν· ἐγὼ γὰρ οὐκ οἶδ' ὅπως ἀμελέτητα παρῆλθον ἐκ τούτου τοῦ σπουδαιοτάτου βιβλίου φύλλα πέντε πρὸ τῶν κανόνων ὑπάρχοντα, τῶν ἐξαιρέτως ἀναγνωσθέντων ὑπ' ἐμοῦ.

Παρατίθεμαι δὲ νῦν καὶ μεταγενεστέρου μηναίου διάταξιν. Ἔστω παράδειγμα μηναῖον Ὀκτωβρίου μηνός, γεγραμμένον ἢ περὶ τὸ τέλος τῆς δεκάτης ἢ περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς κατόπιν ἑκατονταετηρίδος, ὅπερ ἔχει τὸ πατριαρχεῖον τῶν Ἱεροσολύμων ἐν τῇ Σαβαϊτικῇ συλλογῇ (ἀριθ. 578). Ἐν τούτῳ μὲν οὖν αἱ μὲν ἀνεπίσημοι τῶν ἑορτῶν ἀκολουθίας ἔχουσιν ἀρχομένας ἀπὸ τοῦ καθίσματος καὶ τῶν στιχηρῶν προσομοίων· μεθ' ἃ, κατὰ τὸ σύνηθες, μόνος ὁ κανὼν ὑπάρχει τέλειος· ἔν τινι δὲ τῶν ἑορτῶν, ἥπερ ἐξαιρετικῶς ἐν τῇ Κωνσταντίνου πόλει μεγαλοπρεπῶς ἤγετο, τουτέστιν ἐν καιρῷ τῆς ἀναμνήσεως τῶν ἐγκαινίων τοῦ ἐκεῖ ναοῦ Θωμᾶ τοῦ ἀποστόλου, τὸ μηναῖον ἐμφανίζει μετὰ τὸ κάθισμα τὸ κοντάκιον, τροπάριον ἐν δηλαδή, τὸν οἶκον ἐκ μιᾶς καὶ μόνης στροφῆς, καὶ μετὰ τοῦτον στιχηρὰ προσόμοια τέσσαρα, ψαλλόμενα εἰς τὸ «Κύριε ἐκέκραξα» κατ' ἦχον πλάγιον δεύτερον· μετὰ δὲ ταῦτα στιχηρὰ δοξαστικὰ δύο, τὸν κανόνα, καὶ μετὰ τοῦτον εἰς τοὺς αἴνους ᾀδόμενα στιχηρὰ προσόμοια. Καὶ πάλιν μηναῖον ἕτερον, τοῦ μηνὸς Μαρτίου, γεγραμμένον ἴσως μεσούσης τῆς ἑνδεκάτης ἑκα-

τονταετηρίδος (ἀριθ. 241 τῆς αὐτῆς συλλογῆς) ἐμφανίζει μετὰ τὸ κάθισμα τὸ κονδάκιον καὶ τὸν οἶκον, τὰ στιχηρὰ προσόμοια καὶ τὸν κανόνα. Μηναῖον ὅμως τῆς δυοκαιδεκάτης (ἀριθ. 184), οἷον τοῦ Μαΐου μηνός, ἄρχεται τῶν ἀκολουθιῶν ἀπὸ τοῦ τύπου τούτου· «Εἰς τὸ Κύριε ἐκέκραξα ἱστῶμεν στίχους τόσους κατ' ἦχον δεῖνα» κτλ. Καὶ μετ' αὐτὸν παρατίθενται τὰ στιχηρὰ τοῦ ὁσίου ἢ τοῦ ἁγίου, τὸ ἀπολυτίκιον, ὁ κανὼν «εἰς τὰ ἀπόδειπνα» ψαλλόμενος, τὸ κάθισμα μετὰ τὴν ἕκτην ᾠδὴν τούτου, καὶ μετὰ τὴν ἐνάτην εὐθὺς τὰ στιχηρά· εἰς δὲ τὸν ὄρθρον ὁ κανὼν τῆς ἡμέρας μετὰ τῶν εἱρμῶν, καὶ μετὰ τὴν πέμπτην ᾠδὴν αὐτοῦ παρεμβάλλεται τὸ κονδάκιον καὶ ὁ οἶκος, μετὰ δὲ τὴν ἐνάτην τὸ ἐξαποστειλάριον. Οὕτως οὖν κατὰ τὴν δυοκαιδεκάτην ἑκατονταετηρίδα τὸ μηναῖον ἐμφανίζεται σφόδρα διάφορον, μᾶλλον ἀνεπτυγμένον· ἔλαβον δὲ τὸν χαρακτῆρα τοῦτον ἐκ τῆς ἑορτῆς τῆς ιε' ἡμέρας, καθ' ἣν ἡ μνήμη τελεῖται τοῦ τε ὁσίου Παχωμίου καὶ τοῦ ὁσίου Βαρβάρου τοῦ θαυματουργοῦ· καὶ ὁ μὲν εἰς τὸ ἀπόδειπνον ψαλλόμενος κανὼν ἐγκωμιάζει τὸν ὅσιον Βάρβαρον, ὁ δ' εἰς τὸν ὄρθρον τὸν ἕτερον ὅσιον· ἀλλὰ τῇ 27-ῃ ἡμέρᾳ, ὅτε πανηγυρίζεται μόνη Θεράποντος τοῦ ἱερομάρτυρος ἡ μνήμη, παρεμβάλλεται τὸ κάθισμα μετὰ τὴν τρίτην ᾠδήν, κονδάκιον δὲ καὶ οἶκος οὐχ ὑπάρχει, ἀλλ' οὐδὲ στιχηρὰ μετὰ τὴν ἐνάτην ἐμφανίζονται. Καὶ πάλιν τῇ 24-ῃ ἡμέρᾳ, ὅτε πανηγυρίζεται Συμεὼν ὁ Θαυμαστοορείτης, μετὰ τὰ στιχηρὰ προσόμοια παρουσιάζεται τὸ δοξαστικόν, εἶτα τὸ «Καὶ νῦν» τῆς ἡμέρας καὶ τὸ προκείμενον τῆς αὐτῆς· μετὰ δὲ τοῦτο προτρέπονται οἱ ψάλται τἀναγνώσματα διεξελθεῖν· ἀλλὰ ταῦτα διὰ τὸ εὑρίσκεσθαι ἐν τῷ προφητολογίῳ παραλείπει τὸ μηναῖον· προστίθησιν ὅμως ὕστερον τῆς προτροπῆς ἐκείνης στιχηρὰ ψαλλόμενα εἰς τὸν στίχον τῆς ἡμέρας, καὶ τὸ δοξαστικόν· μετὰ δὲ τοῦτο διατάττει τὸν ψάλτην ᾆσαι τὸ «Καὶ νῦν» τῆς ἡμέρας καὶ τὸ ἀπολυτίκιον. Καὶ ταῦτα μὲν τὸ μηναῖον διὰ τὸν ἑσπερινόν· εἰς δὲ τὸν ὄρθρον ἀναγράφει πρῶτον τὸν πολυέλεον, εἶτα τὸ κάθισμα· μετὰ δὲ τοῦτο ταῦτα διατάττει· «Δόξα τὸ τέλος. Καὶ νῦν τῆς ἡμέρας. Οἱ ἀναβαθμοί --- Προκείμενον --- Στίχος --- τὸ Πᾶσα πνοή, τὸ εὐαγγέλιον, μετὰ δὲ τὸν πεντηκοστὸν ψαλμὸν στιχηρόν», ὃ καὶ παρατίθεται· μετὰ τοῦτο «ὁ κανὼν τῆς ἡμέρας μετὰ τῶν εἱρμῶν εἰς ϛ', καὶ τοῦ ὁσίου εἰς ϛ'»· μετὰ δὲ τὴν τρίτην ᾠδὴν ὑπάρχει «τὸ κονδάκιον τῆς ἡμέρας», εἶτα τὸ κάθισμα, εἶτα τὸ «Καὶ νῦν. Θεοτοκίον»· καὶ μετὰ τὴν ἕκτην ᾠδὴν κονδάκιον ἕτερον καὶ οἶκος, μετὰ δὲ τὴν ἐνάτην ἐξαποστειλάριον, ἕτερον τῆς ἡμέρας, εἰς τοὺς αἴνους «Πᾶσα πνοή», καὶ μετὰ τοῦτο παρατίθενται στίχοι καὶ στιχηρά· μεθ' ἃ πάλιν τὸ «Καὶ νῦν», δοξολογία μεγάλη καὶ ὁ ἀπόστολος, ἔνθα καὶ παύει τὸ μηναῖον ἅπασαν τὴν ἱερὰν τῆς ἑορτῆς ἀκολουθίαν.

Ἔστω δὲ καὶ παράδειγμα μεταγενέστερον, τῆς τρίτης καὶ δεκάτης

ἑκατονταετηρίδος, ὅτε παρουσιάζονται καθολικὰ μηναῖα τὸν κύκλον ἅπαντα μιᾶς ἑκάστης τῶν ἑορτῶν ἐμπεριλαμβάνοντα. Τοιούτων ἀπόγραφον ἔχει πληρέστατον ἡ Πετρουπόλεως αὐτοκρατορικὴ μεγάλη βιβλιοθήκη (ἀριθ. 227). Τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου λόγου χάριν ἡ μεγάλη πανήγυρις, ἡ τελουμένη τῇ 26-ῃ ἡμέρᾳ πρὸς ἀνάμνησιν τοῦ μεγαλομάρτυρος Δημητρίου καὶ σεισμοῦ τινος, ἔχει τοιαύτην ἐν ἐκείνῳ τάξιν: παρατίθενται πρῶτον στιχηρὰ διὰ τὸν ἅγιον Δημήτριον, εἶτα στιχηρὰ ἕτερα διὰ τὸν σεισμόν, κατόπι δοξαστικὸν μετὰ παρασημάνσεως, προφητειῶν ἀναγνώσματα, στιχηρὰ πάλιν, ἰδιόμελα μετὰ παρασημάνσεως ᾀδόμενα εἰς τὸ «Καταξίωσον», καὶ ἀπολυτίκια δύο· μετὰ δὲ ταῦτα παρατίθενται κανόνες δύο μεμιγμένως, ὁ μὲν διὰ τὸν ἅγιον Δημήτριον, ὁ δὲ διὰ τὸν σεισμόν, τουτέστι μετὰ τὴν πρώτην ᾠδὴν τοῦ πρώτου κανόνος ἀμέσως ἡ πρώτη παρατίθεται τοῦ δευτέρου κανόνος ᾠδή, μετὰ δὲ τὴν τρίτην τοῦ πρώτου ἡ τρίτη τοῦ δευτέρου, καὶ οὕτω καθ' ἑξῆς ἄχρι τέλους· αἱ ἕκται μέντοι ᾠδαὶ διαχωρίζονται τῶν ἑβδόμων ὑπὸ τοῦ κονδακίου, τοῦ τε οἴκου καὶ τῶν συναξαρίων καὶ μνημῶν ἑτέρων ἁγίων αὐτῇ ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ παρὰ τῆς ἐκκλησίας ἑορταζομένων· μετὰ δὲ τὰς ἐνάτας ᾠδὰς ὑπάρχουσι πρῶτον ἐξαποστειλάριον ἕν, εἶτα στιχηρὰ ἰδιόμελα μετὰ παρασημάνσεως εἰς τοὺς αἴνους ᾀδόμενα, κατόπι δοξαστικὸν καὶ τελευταῖον τὸ κείμενον τοῦ ἀποστόλου καὶ τοῦ εὐαγγελίου τῆς ἡμέρας. Τοιαύτην ἐν γένει διάταξιν ἔχουσι τὰ τοιαῦτα μηναῖα σχεδὸν ἁπανταχοῦ· σημειούσθω δέ, ὅτι ἐν αὐτοῖς οὐδαμοῦ φαίνεται δευτέρα κανόνος ᾠδή, ἣν ἔχουσι τὰ παλαιότερα μηναῖα τὰ γεγραμμέν' ἀπὸ τῆς δεκάτης ἄχρι που τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, καὶ τὰ μὲν τῆς δεκάτης τὴν ᾠδὴν ἐκείνην πιστότατα τηροῦσι, τὰ δὲ τῆς ἑνδεκάτης ἐνίοτε παραλιμπάνουσι, τὰ δὲ τῆς ἑπομένης ἀπαλείφουσι παντελῶς, ἐὰν ὦσι τεταγμένα κατὰ τὸν νεώτερον τύπον τῆς Κωνσταντινουπόλεως· ἐὰν δὲ τύπον ἔχωσι διάφορον ταύτης, ἀποσώζουσιν ἐκείνην ἔτι στερρῶς.

Τὸν ἤδη περιγραφέντα χαρακτῆρα τῶν παλαιῶν μηναίων ἀτελῆ νομίζω· οὐ γὰρ εἶδον ἐγὼ πολλὰ τοιαῦτα μέχρι τοῦδε· οὐχ ἧττον ὅμως ἐπαρκεῖ τό γε νῦν εἰς μόρφωσιν ἰδέας τινὸς περὶ τοῦ πῶς ἐξ ἀρχῆς τὸ μηναῖον διετάχθη, καὶ περὶ τοῦ πῶς ἀναπτυχθὲν ὕστερον, ἐπὶ τῇ καταργήσει βιβλίων ἑτέρων, ἐσωτερικῶς ἐφθάρη, τῆς μὲν δευτέρας ᾠδῆς ἐκ τῶν κανόνων ἀποβληθείσης, τοῦ δὲ κειμένου σοβαρὰς ὑποστάντος ἐν πολλοῖς τόποις ἀλλοιώσεις. Οἵας δὲ τὰ μηναῖα τὰ κατόπι τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ὑπέστησαν ἀλλοιώσεις, ἢ δι' αὐθαιρεσίαν τῶν ἀντιγραφέων, ἢ διὰ κακὴν ἀνάγνωσιν, ἢ διὰ φθορὰς ὑπὸ τοῦ χρόνου συμβάσας ἐν τοῖς παλαιοτέροις ἀντιγράφοις, εἰκάζει τις ἐκ τῶν ἐκδόσεων τῶν πρὸ τοῦ Βαρθολομαίου γενομένων. Κατὰ δὲ τὴν αὐτοῦ τύπωσιν τὴν ἐπιχειρισθεῖσαν ἐξ ἐπισήμου διαταγῆς, ἵνα τὰ μηναῖα καθαρισθῶσιν, ἐλήφθησαν μὲν ὑπ' ὄψει παλαιοὶ

κώδικες, ἀλλὰ πάντες οὗτοι κακῶς ἐξελέγησαν· τούτων γὰρ οἱ μὲν ἀρχαιότεροι παριστῶσι μηναῖα καθολικὰ τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἢ τὸ πολὺ τῆς προτέρας τελευτώσης ἑκατονταετηρίδος, ὧν ἤδη τὸν χαρακτῆρα περιέγραψα, τουτέστι τῆς ἐποχῆς, καθ' ἣν τὰ μηναῖα διεφθαρμένα καὶ κατεστραμμένα διεκανονίσθησαν ἐν Κωνσταντινουπόλει πρὸς τὸ περιέχειν εἰς τὸ ἑξῆς τὴν ἅπασαν ἑκάστης ἑορτῆς ᾀσματικὴν ἀκολουθίαν· οἱ δὲ λοιποὶ κώδικες μηναῖα περιελάμβανον γεγραμμένα μεταξὺ τοῦ 1531-ου καὶ τοῦ 1571-ου ἔτους, ὅ ἐστι μετὰ τὴν πρώτην τῶν τοιούτων ἐκτύπωσιν· ἃ καὶ παρόμοια σχεδόν, ὥς φησιν ὁ Βαρθολομαῖος, τοῖς ἐκδεδομένοις· ὠνόμασε δὲ ταῦτα «καὶ ἀκριβέστερα καὶ πληρέστερα»· ὡς δὲ τὰ παλαιότερα ἦσαν, αὐτὸς οὗτος περιέγραψεν ὧδε· «Ταῦτα, φησίν, εἰς ἓν τεῦχος δεδεμένα ὁμοῦ, ἔχουσι τοιαύτην τάξιν. Μετὰ τὴν ἐπιγραφὴν τῆς μνήμης τοῦ καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἁγίου τάττουσι πρῶτον τὸ ἀπολυτίκιον τὸ κάθισμα καὶ τὸ κοντάκιον μετὰ τοῦ οἴκου, εἶτα τὰ προσόμοια τοῦ ἑσπερινοῦ, τὸν κανόνα, τὸ συναξάριον ἐν τῇ ϛ' ᾠδῇ, καὶ ἐπὶ τέλους τὸ ἐξαποστειλάριον, σπάνιον καὶ τοῦτο, τὸν ἀπόστολον καὶ τὸ εὐαγγέλιον· τὰ δὲ ἰδιόμελα, κείμενα πάντα μετὰ τὰ προσόμοια τοῦ ἑσπερινοῦ, εἶναι τετονισμένα μὲ φωνὰς τῆς ἀρχαίας μουσικῆς· μετὰ δὲ τὸ κάθισμα, τὰ προσόμοια καὶ ἐξαποστειλάριον· θεοτοκίον οὐδέν· προσόμοια διπλᾶ μόλις δὶς ἢ τρὶς ἀπαντῶνται εἰς ὅλον τὸ τετράμηνον (Σεπτεμβρίου μέχρι Δεκεμβρίου)· κανόνας δὲ διπλοῦς ἔχουσιν εἰς τὴν γέννησιν τῆς Θεοτόκου, εἰς τὰ εἰσόδια αὐτῆς καὶ εἰς τὰ Χριστούγεννα· ἀλλὰ καὶ τούτους τὸν ἕνα κατόπιν τοῦ ἄλλου» κτλ[1]. Τοιαῦτα τοίνυν ἐκ τῶν χειρογράφων εἶχε βοηθήματα διὰ τὴν νῦν ἐν χρήσει τύπωσιν ὁ Βαρθολομαῖος· εἰ δ' ὅμως ηὐμοίρει καιροῦ πρὸς ἀναζήτησιν ἀρχαιοτέρων ἀπογράφων καὶ τούτοις ἀντιπαρέβαλλε τὰς ἐκδόσεις, τῇ δ' αὐτοῦ πείρᾳ καὶ τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς ἔπειθεν, ὅτι τὰ σημερινὰ μηναῖα δέονται ῥιζικῆς ἐπανορθώσεως, ὡς ὄντα προσόμοια μουσείῳ, ἐν ᾧ πέριξ ἀρτίων τινῶν ἀγαλμάτων ἀπόκεινται μέλη τοιούτων ἀναριθμήτων, ἀγνωρίστων ἤδη, κεφαλαὶ δηλαδὴ πόδες ὄμματα χεῖρες, τεμάχη τε κοιλιῶν καὶ κορμῶν ἀπόδων ἀκεφάλων ἀπόμοιραι, πρὸς δὲ καὶ τὴν πρὸς ἀνόρθωσιν ἥρπαζε συγκατάθεσιν ἐκείνων, ἡ ἐκκλησία πάντως ἡ ἑλληνικὴ σήμερον ἂν εἶχε τῶν μηναίων ἔκδοσιν ἐπιφανεστάτην. Οὐχ ἧττον ὅμως τῇ περὶ τὰ χειρόγραφα δοκιμασίᾳ τοῦ Βαρθολομαίου βάσις τις ἐτέθη κριτικὴ διὰ τὸν μέλλοντα χρόνον, ἀποδείξασα τρανῶς, ὅτι τῆς ἐκκλησίας οἱ προϊστάμενοι σὺν τῷ χρόνῳ βούλονται τῶν μηναίων ἔχειν ἔκδοσιν ἐντελεστέραν, καὶ ὅτι πρὸς τὴν ῥιζικὴν αὐτῶν ἀναθεώρησιν εὐμενικώτατα προσβλέπουσι· συνεπλήρωσε δέ πως τὴν ἐργασίαν αὐτοῦ κατόπιν ὁ

1) Μηναῖον τοῦ Σεπτεμβρίου. Βενετία 1890, σ. η'.

Πίτρας, χαρδινάλιος καὶ τῆς βιβλιοθήκης τοῦ Βατικανοῦ σοφὸς ἐπόπτης, ἐκδοὺς ἔτει μὲν 1867-ῳ τὸ περὶ τῆς ἑλληνικῆς ὑμνογραφίας δόκιμον αὐτοῦ δοκίμιον, ἐν ᾧ τὰς φθορὰς ὑπέδειξε τῶν μηναίων διὰ γενικῶν τινῶν παρατηρήσεων ἀμαρτύρων[1], ἔτει δὲ 1876-ῳ τὸν πρῶτον τόμον ἱερῶν ἀναλέκτων, ἐν ᾧ περιέλαβεν ᾄσματα πολυαρίθμων ὑμνῳδῶν ἐκ τῶν χειρογράφων εἰλημμένα[2], διδάσκαλος οὕτως ἀναδειχθεὶς μαθήματος περὶ τῆς χριστιανικῆς ὑμνογραφίας, ὃ τοῖς ἄχρις αὐτοῦ φιλολόγοις ἄγνωστον ἦν· μετὰ δὲ τοῦτον ἕτεροι μέχρι σήμερον ἀσχολοῦνται μεμελημένα περὶ τὰ ποιήματα τῆς ἑλληνικῆς ἐκκλησίας, τά τε διὰ τοῦ τύπου γνωστὰ καὶ τὰ διὰ τῶν ἀντιγράφων ἀποσωθέντα[3]. Ἀλλ' ὁ Πίτρας ἔξω τῶν ἐρευνῶν αὐτοῦ καὶ τῶν μελετῶν τῶν ἰδίᾳ φιλολογικῶν περὶ τῶν ᾀσμάτων, ἐφιλοπόνησε, κελεύσει τῆς ῥωμαϊκῆς ἐκκλησίας, καὶ τῶν μηναίων ἔκδοσιν, ἧς ὁ πρῶτος ἐφάνη τόμος ἔτει 1880-ῷ, καὶ τοῦτο διὰ τοὺς αὐτῇ συνηνωμένους ἐκ τῶν ἀνατολικῶν[4]· ἡ δ' ἔκδοσις αὕτη πρακτικὸν ὅλως ἔχουσα σκοπὸν οὐδὲν ἐκαινοτόμησεν, εἰ μὴ κατὰ τοῦτο, ὅτι παραλείπει τὰ σημερινὰ τυπικὰ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας καὶ τὰ συναξάρια· τὰ μὲν γὰρ τοιαῦτα τυπικὰ ξένα εἰσὶ τοῖς ἐν Συρίᾳ, τὰ δὲ συναξάρια πάλιν ἐκεῖ λέγονται ἀραβιστί. Τὰ τοιαῦτα τοίνυν μηναῖα περιέχουσιν ἁπλῶς ᾄσματα, καθ' ἣν αὐτὰ τάξιν ἔχει καὶ τῆς Βενετίας ἡ ἔκδοσις, ἀλλὰ διωρθωμένα κάλλιον ἐξ ἀντιπαραβολῆς πρὸς ἀντίγραφα· ἔχουσι δὲ καὶ τοῦτο τὸ προτέρημα, ὅτι τὰς μελικὰς τῶν ᾀσμάτων στάσεις, πολλαχοῦ λελανθασμένας ἐν τῇ Βαρθολομαίου τυπώσει καὶ τῷ κόμματι δεδηλωμένας — ὃ τὴν ἔνοιαν τῶν ᾀσμάτων ἐκ πρώτης ὄψεως ἀποσκοτίζει —, παρουσιάζουσιν ὀρθότερα, σύμφωνα δηλαδὴ τῷ μελισμῷ τῶν εἱρμῶν· διακρίνονται δὲ αὗται τῷ σημείῳ τοῦ ἀστερίσκου, ὃν ἔχουσιν ἀντὶ τῆς τελείας στιγμῆς ἔνια παλαιὰ χειρόγραφα καὶ τὰ βιβλία τῆς ῥωσικῆς ἐκκλησίας· κατὰ ταῦτα μόνα διαφέρουσι τὰ ῥωμαϊκὰ μηναῖα πρὸς τὰ βενετικά, κατὰ δὲ τὰ λοιπὰ περιλαμβάνουσιν οἷα καὶ ταῦτα σφάλματα.

γ'.

Διὰ μὲν οὖν τοῦ πρώτου κεφαλαίου κατεδείχθη παραδειγματικῶς, ὅτι τὰ μηναῖα τὰ σημερινὰ πλήρη καταστροφῶν εἰσι καὶ μεταβολῶν, καὶ ὅτι πολλὰ τῶν ἐν αὐτοῖς ᾀσμάτων ἡ ἀμαθία καὶ τῆς τέχνης ἡ ἐπιλησμοσύνη μετέδωκεν εἰς ἡμᾶς ἠκρωτηριασμένα· τὸ δὲ μετὰ τοῦτο κεφάλαιον, ἐν ᾧ

1) Hymnographie de l'église grecque, σ. 62 κε'.

2) Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata. Tomus I. Parisiis.

3) Ὅρα K. Krumbacher, Geschichte der byz. Litteratur, σ. 305—344.

4) Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Τόμος α', περιέχων τὴν ἀκολουθίαν τῶν Σεπτεμβρίου καὶ Ὀκτωβρίου μηνῶν. Ἐν Ῥώμῃ 1880.

βοηθείᾳ τῶν παλαιῶν ἀντιγράφων ὑπετυπώθη πως τὸ πῶς ἦσαν ἐξ ἀρχῆς τὰ μηναῖα διατεταγμένα, προσυπέδειξε καθ' ἱστορικὴν ἄποψιν ὅ τι συνετέλεσεν εἰς τὴν καταστροφὴν τῶν ἐν αὐτοῖς ᾀσμάτων· καὶ προσεῖπον, ὅτι τὴν ἀφορμὴν τὴν πρώτην ἔδωκεν ἡ τῆς δευτέρας ᾠδῆς ἀποβολή. Φέρε δὲ νῦν ἐξετάσωμεν κατὰ τοῦτο τὰ σημερινὰ τετυπωμένα μηναῖα λεπτομερέστερον, ἵνα τοῦ πράγματος ἡ σημασία κατ' ἐπιστήμην ἐμφανισθῇ τοῖς ἐπιθεωροῦσι τὰς ἐκδόσεις. Τὰ τετυπωμένα τοίνυν μηναῖα παρουσιάζουσι κανόνας, ὅ ἐστιν ᾄσματα διαφόρων ὑμνῳδῶν ὀνομαστῶν, οἷον Ἀνδρέου Κρήτης ἐπισκόπου, Ἰωάννου μοναχοῦ τοῦ Δαμασκηνοῦ, Κλήμεντος, Ἰωσὴφ ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης, Θεοφάνους τοῦ ὁμολογητοῦ, Γεωργίου Νικομηδείας ἐπισκόπου, καὶ πολλῶν ἑτέρων ᾀσματογράφων. Ἱκανοὶ δὲ τῶν κανόνων ἐπὶ κεφαλῆς ἔχουσι μικρὰς ἢ μεγάλας ἀκροστιχίδας, ὧν ὁ σκοπὸς τὰ ποιήματα ταῦτα τοῖς ἔπειτα διασώζεσθαι παντελῶς ἀκίβδηλα καὶ μεταβολῆς ἄνευ· ταύταις γὰρ οἱ τῶν κανόνων εἰδήμονες, τουτέστιν οἱ γνῶσται τῆς ῥυθμικῆς ἐκκλησιαστικῆς τέχνης, οἷον οἱ τῶν μηναίων ἐπιθεωρηταί, καθωδηγοῦντο πρὸς τὸ πείθειν ἑαυτούς, ὅτι τῶν κανόνων οἱονδήτινα διέσωσεν ὁ χρόνος ἄρτιον, ἀμετάβλητον· εἰ δὲ κατὰ τὴν ἀκροστιχίδα κανών τις ἐλλιπὴς ἦν, τότε δὴ τοῦτον ἐξεμελέτων, ἵνα μὴ τῆς ὀρθοδοξίας ἐχθροί, ἢ κληρικοὶ μαθήσεως ἐστερημένοι, ἢ καλλιγράφοι πάλιν καὶ τῶν μηναίων ἀναγνῶσται, ἔνια τροπάρια παρέλειψαν ἢ μετέβαλον ἄρδην. Ἡ ἀκροστιχὶς οὖν ἐστι τοῦ κανόνος ἡ κλεὶς ἡ σωτήριος, ἡ τὴν εἰς αὐτὸν εἰσβολὴν ἁρπάγων οὐκ ἐπιτρέπουσα, ἢ τὴν εἴσοδον στροφῶν ἢ δοξῶν ὀθνείων. Εὐτυχῶς δὲ τῶν τοιούτων ᾀσμάτων ἱκανά, τῶν ἐν ταῖς ἐκδόσεσιν εὑρισκομένων, ἀποδείκνυνται νῦν ἄρτια εἶναι διὰ τῆς ἀκροστιχίδος, κατὰ δ' ἀκολουθίαν ἐμφανίζεται πόρισμα σαφὲς τοιοῦτον, ὅτι τῶν ᾀσματογράφων ἔνιοι, οἷον Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνός, Θεοφάνης ὁ ὁμολογητής, Ἰωσὴφ ὁ Θεσσαλονίκης, ἐποίησαν ᾄσματά τινα πανηγυρικὰ δευτέρας ᾠδῆς ἄνευ. Τὰ μηναῖα τὰ τετυπωμένα διασῴζουσιν ἐπίσης ᾄσματα πολλὰ καὶ χωρὶς ἀκροστιχίδος· ἀλλὰ τούτων ἔνια τροπάρια καταδηλοῦσιν, ὅτι τὸ πρότερον, ὅτε συνετέθησαν, εἶχον ἀκροστιχίδας, καὶ ὅτι διὰ τῶν χρόνων ἦλθον εἰς ἡμᾶς οἱ τοιοῦτοι κανόνες ἠκρωτηριασμένοι καὶ συμπεπληρωμένοι δι' ἄλλων τινῶν ᾀσμάτων, ἢ διὰ τῆς ἐκ νέου συντάξεως τροπαρίων ὑπὸ τοῦ τυχόντος, εἰς ἀναπλήρωσιν ἐκπεσόντων ἢ ἐξωστρακισθέντων ᾀσμάτων αὐτοβούλῳ τινὶ γνώμῃ. Οὐχ ἧττον ὅμως ἐμπεριέχουσι τὰ μηναῖα καὶ κανόνας ἀφθόνους ἄνευ ἀκροστιχίδος, ὧν ἡ μελέτη καταδείκνυσιν, ὅτι πραγματικῶς ἐξ ἀρχῆς, ὡς ἔχουσιν, οὕτως ἐποιήθησαν· ἀλλ' εὑρήματα, γενόμενα διὰ τῶν παλαιῶν ἀντιγράφων, ἀναγκάζουσιν ἡμᾶς ἤδη μὴ πιστεύειν εἰς τὴν ἐπικρατοῦσαν δόξαν, ὅτι οἱ τοιοῦτοι κανόνες, εἰ καὶ πανηγυρικοί, συνεγράφησαν ἐξ ἀρχῆς ἄνευ δευτέρας ᾠδῆς· καὶ παράδειγμα κείσθω

λόγου χάριν ὁ χαρμόσυνος ᾀσματικὸς κανὼν Ἀνδρέου Κρήτης ἐπισκόπου, ὄν ψάλλομεν εἰς τὴν σύλληψιν τῆς ἁγίας Ἄννης, μητρός τῆς Θεοτόκου, τῇ 9-ῃ Δεκεμβρίου μηνός. Τὸ ᾆσμα τοῦτο συνέγραψεν ὁ ποιητὴς ἄνευ ἀκροστιχίδος, τὰ δὲ σημερινὰ μηναῖα παρουσιάζουσιν αὐτὸ ὡς δῆθεν ἄρτιον, δηλαδὴ μετὰ πρώτης, τρίτης, τετάρτης, πέμπτης, ἕκτης, ἑβδόμης, ὀγδόης καὶ ἐνάτης ᾠδῆς· μηναῖον ὅμως εὑρέθη τοῦ Δεκεμβρίου μηνός, γεγραμμένον, ὡς φαίνεται, μεταξὺ τῆς δεκάτης καὶ τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ἐν ᾧ τὸ ᾆσμα φέρεται μετὰ τῆς δευτέρας ᾠδῆς αὐτοῦ[1]. ἔχει δὲ ὧδε·

Ὠδὴ β΄, (πρὸς τὸ) «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω»:

Ἡ ἔνθεος | ξυνωρὶς τῶν δικαίων | καρπογονεῖ τὴν σεμνὴν
τοῦ Κυρίου μητέρα· | λαοὶ ἀγαλλιάσθωσαν.

Ἡ ἄρουρα, | ἐξ ἧς ὁ στάχυς | ἐτέχθη ὁ ἀγεώργητος,
τῆς μητρὸς ἐν κοιλίᾳ | ἀρχὴν νῦν εἰσδέχεται.

Στειρώσεως | ἐκφυγοῦσα ἡ Ἄννα | ἄρτι τὸ ὄνειδος
τοῦ Θεοῦ τὸ χωρίον | χωρεῖ τὸ εὐρύχωρον.

Θεοτοχίον.

Ὁ ἄχρονος | ὑπὸ χρόνον, παρθένε, | ἐκ σοῦ γενόμενος
τῆς ἀρχαίας κατάρας τὸν κόσμον ἐρρύσατο.

Παράγω δὲ κἀγὼ νῦν ἕτερον παράδειγμα, ληφθὲν ἐξ ἀνεκδότου κανόνος ἀκροστιχίδος ἄνευ τοῦ μελῳδοῦ Γεωργίου πρὸς τὸν ὅσιον Ἰσαάκιον, ἡγούμενον τῆς μονῆς τῶν Δαλμάτων· ὅπερ-εὗρον ἐν χειρογράφῳ μηναίῳ τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος, πεφυλαγμένῳ δ' ἐν τῇ Καϊρείῳ βιβλιοθήκῃ τοῦ πατριαρχείου τῆς Ἀλεξανδρείας (ἀριθ. παλ. 436, φ. 109). Τὸ τετυπωμένον οὖν μηναῖον τοῦ Μαΐου μηνὸς (λ΄) κανόνα περιέχει πρὸς τὸν ὅσιον ἐκεῖνον ἀνώνυμον προτιμηθέντα τοῦ Γεωργίου κανόνος διὰ τὸ δευτέρας αὐτὸν ᾠδῆς ἐστερῆσθαι· ὁ γὰρ Γεώργιος ἐποίησε προσθεὶς ἐν τῷ κανόνι αὐτοῦ τοιαύτην, ἣ καὶ μέχρι τῆς δεκάτης, ἴσως δὲ καὶ τῆς κατόπιν ἑκατονταετηρίδος ἐψάλλετο· ἔχει δὲ ὧδε·

Ὠδὴν β΄. «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω»:

Ἔθλασας | κεφαλὰς τῶν δρακόντων | τῶν νοουμένων, σοφέ,
βακτηρίᾳ ἐνθέῳ, | Ἰσαάκιε, ἀσκήσεως.

Ἔσβεσας | ἡδονῶν τὸ φλογῶδες | ὄμβροις ἱδρώτων σου
καὶ ψυχῆς τοὺς αὔλακας | ἤρδευσας, πάτερ Ἰσαάκιε.

---

1) **Theodori Toscani et Iosephi Cozza, De immaculata Deiparae conceptione hymnologia Graecorum ex editis et manuscriptis Cryptoferratensibus latina et italica interpretatione patrologica comparatione et adnotationibus illustrata. Romae 1862, σ. 7.**

Ἤμβλυνας | τῶν δαιμόνων τὰ τόξα | εὐχαῖς, Ἰσαάκιε,
καὶ τὰς βολὰς ἀντέπεμψας | κατ' αὐτῶν Χριστοῦ τῇ χάριτι.

Θεοτοκίον.

Ἔλυσεν | ἐνοχὰς τῆς κατάρας | ὁ θεῖος τόκος σου
καὶ εὐλογίᾳ συνῆψε | τοὺς θεοτόκον, ἁγνή, τιμῶντάς σε.

Προστίθημι δὲ καὶ τρίτον ἐγὼ παράδειγμα κανόνος ἄνευ ἀκροστιχίδος εἰς τὸν ὅσιον Γεώργιον, μητροπολίτην Μυτιλήνης, ὃν ἔχει τὸ σημερινὸν μηναῖον Ἀπριλίου μηνὸς (ζ') μετὰ τὸν κανόνα τοῦ Καλλιοπίου. Τοῦτον μὲν οὖν τὸν κανόνα τὰ νεώτερα τῶν ἀντιγράφων, κατὰ δ' ἀκολουθίαν καὶ τὸ τετυπωμένον μηναῖον, ὀνομάζει ποίημα Ἰγνατίου· τὸ παλαιότατον ὅμως μηναῖον τοῦ πατρὸς Ἀντωνίνου ποίημα κατονομάζει τοῦ Θεοφάνους· ἔχει δ' ἐν τῷ οἰκείῳ τόπῳ καὶ τὴν δευτέραν ᾠδὴν αὐτοῦ, ἣν ἐγὼ παρατίθεμαι νῦν ἐνταῦθα πρὸς ἀναπλήρωσιν ἐντελῆ τοῦ ποιήματος·

Ὠδὴ β'. «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω»:

Κατέφλεξας | τῶν παθῶν τὰς ἀκάνθας | ἐν τῇ ἀσκήσει σου
τῷ πυρὶ τῆς ἀγάπης, | παμμάκαρ, ὁλοκαυτούμενος.

Ἀνέβλυσε | τὸ ζῶν ὕδωρ, τρισμάκαρ, | ἐν τῇ καρδίᾳ σου,
ποταμοὺς ἰαμάτων | πηγάζον τοῖς σοὶ προστρέχουσι.

Τὸν ἔλεον | τοῖς ἐνδεέσι πλουσίως | δαψιλευσάμενος
τῆς ψυχῆς τὴν λαμπάδα | ἀνύσταχτον διετήρησας.

Θεοτοκίον.

Ἄχραντε, | Θεοτόκε παρθένε, | μόνη πανύμνητε,
τὸν υἱόν σου δυσώπει | σωθῆναι τοὺς ἀνυμνοῦντάς σε.

Ἀλλὰ καὶ τῇ 9-ῃ τοῦ αὐτοῦ μηνὸς ἔκειτο κανὼν ἀνώνυμος, ἄνευ ἀκροστιχίδος ὡσαύτως, εἰς τὸν ἅγιον μάρτυρα Εὐψύχιον, ἐν τῷ αὐτῷ παλαιοτάτῳ μηναίῳ, ὅστις καὶ καθ' ὕφος καὶ κατὰ σύγκρισιν τοῦ θεοτοκίου πρὸς τὸ τῆς ἄνω δευτέρας ᾠδῆς ἀποδείκνυται ποίημα τοῦ Θεοφάνους εἶναι· ἐπεὶ δὲ δευτέραν εἶχεν ᾠδήν, προετιμήθη κανὼν ὕστερον ἕτερος Ἰωσὴφ τοῦ μελῳδοῦ, ὁ νῦν ὑπάρχων ἐν τῷ μηναίῳ, ὃς ἐξ ἀρχῆς ἴσως ἐν μαρτυρείῳ τινὶ τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐψάλλετο, ἢ μετὰ τὸ Θεοφάνους ᾆσμα, ἢ καὶ πρὸ τούτου, ὅπερ κατ' ἦχον ὁ ποιητὴς ἐμέλισε βαρύν· τῆς δευτέρας δὲ ᾠδῆς αὐτοῦ τὸ κείμενον οὕτως ἔχει·

Ὠδὴ β'. «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω» καὶ ἀνυμνήσω»:

Τὸν κλύδωνα | τῆς εἰδωλομανίας, | μάρτυς Εὐψύχιε,
τῷ σταυρικῷ πηδαλίῳ | διῆλθες ἀβρόχοις ποσί.

Ὡς ἄριστος | ἐγγραφεὶς στρατιώτης | εἰς τὰ οὐράνια,
τῶν ἐπιγείων τὴν τέρψιν | ἡγήσω ὡς σκύβαλα.

Καθάρας σου | τῆς καρδίας τὸ ὄμμα | ἀπὸ παντὸς μολυσμοῦ,
τὸν Χριστὸν καθωπλίσω | ἐν ἄθλοις, Εὐψύχιε.

Τοῖς πένησι | τὸν φθειρόμενον πλοῦτον | νείμας, Εὐψύχιε,
θησαυρὸν ἐν ὑψίστοις | ἐκτήσω τὸν ἄφθαρτον.

Θεοτοκίον.

Ἄχραντε, | Θεοτόκε παρθένε, | μόνη πανύμνητε,
τὸν υἱόν σου δυσώπει | σῶσαι τὰς ψυχὰς ἡμῶν.

Διὰ τῶν μέχρι τοῦδε κατηριθμημένων παραδειγμάτων τῶν μὴ μοναδικῶν, ὥσπερ εἰκός, γνώμην ἀσφαλῆ πορίζεταί τις, ὅτι τὰ μηναῖα περιέχουσι κανόνας ἱκανοὺς ἀκροστιχίδος ἄνευ, ὧν ᾠδὴ ἡ δευτέρα πραγματικῶς ἀπεβλήθη, πρὸς καταστροφὴν ἀπειρόκαλον τῶν ᾀσμάτων αὐτῶν, ἔτι δ' ὅτι τῆς εἰς ἄρτιον ἀποκαταστάσεως αὐτῶν οἱ φιλόλογοι δύνανται μόνοις ἀρχαιοτάτοις ἀντιγράφοις ἐπιτυγχάνειν. Ἀλλ' ἐν τοῖς τετυπωμένοις ὑπάρχουσιν, ἔξω τῶν εἰρημένων, καὶ κανόνες μετ' ἀκροστιχίδων ὑπὸ τῶν ὑμνῳδῶν συντεθέντες. Τούτων οὖν αἱ ἀκροστιχίδες ἀσφαλῶς ἡμᾶς ὁδηγοῦσιν εἰς τὸ παραδέξασθαι ὅτι πολλοὶ τῶν τοιούτων κανόνων δεινῶς ἠκρωτηριάσθησαν· τρία γὰρ τέσσαρα καὶ πέντ' ἔσθ' ὅτε στοιχεῖα τῆς ἀκροστιχίδος ἐκ τοῦ κανόνος ἐλλείπουσι, καὶ ταῦτα πάντα μετὰ τὰ πρώτιστα γράμματ' αὐτῆς, τὰ παραδεικνύοντα τροπαρίων ἀρχάς, ἃ τὴν πρώτην ἀποτελοῦσιν ᾠδήν. Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανὸς ἐν τῷ προλόγῳ τῶν μηναίων ἔλεξε περὶ τούτου τάδε (§ 11)· «ἀλλὰ καὶ ἐλλείψεις τροπαρίων ἀπαντῶνται πολλαχοῦ, καὶ εἰς ἄλλας μὲν ᾠδάς, ἐξαιρέτως δὲ μεταξὺ τῆς πρώτης καὶ τρίτης, ὅπου φαίνεται μέγα τῶν ἀκροστιχίδων χάσμα· αἴτιον δὲ τῆς ἐλλείψεως ταύτης ὑποτίθεται, ὅτι ὑμνῳδοί τινες εἶχον μὲν τροπαρολογήσει καὶ τὴν δευτέραν τῆς στιχολογίας ᾠδήν, ἀφῃρέθη ὅμως ἔπειτα, ὡς τεταγμένη νὰ ψάλληται ἐν μόνῃ τῇ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ, δι' οὓς ἀναφέρει λόγους ὁ Νικόδημος εἰς τὴν ἑρμηνείαν αὐτῆς. Ἡ ὑπόθεσις αὕτη φαίνεται πολλὰ πιθανή, καὶ μάλιστα εἰς τοὺς ἑξῆς τέσσαρας κανόνας· ἤγουν τοῦ προφήτου Μωυσέως, τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τῆς Κλίμακος, τῶν ἁγίων ἑπτὰ παίδων τῶν ἐν Ἐφέσῳ· καθότι οἱ κανόνες οὗτοι ἔχουσιν ἐν τοῖς θεοτοκίοις ἀκροστιχίδα τὰ ὀνόματα τῶν ποιησάντων αὐτοὺς ὑμνῳδῶν, Κλήμεντος καὶ Γρηγορίου, τὰ ὁποῖα,

συγκείμενα ἐκ γραμμάτων ἐννέα, ἀπῄτουν πάντως καὶ ἐννέα ᾠδάς, ὅ ἐστι καὶ τὴν δευτέραν· ἀφαιρεθείσης δὲ αὐτῆς, ὡς προείρηται, συναφηρέθησαν ὁμοῦ καὶ τὰ δεύτερα τῶν ὀνομάτων γράμματα, Λ καὶ Ρ, καὶ ἀναγινώσκονται ἤδη Κήμεντος καὶ Γηγορίου. Τὰ αὐτά, καίτοι μὴ οὔσης τῆς αὐτῆς τοῦ ὀνόματος ἀνάγκης, πρέπει νὰ ὑποθέσῃ τις καὶ εἰς δύο ἄλλους κανόνας (ὀκτωβρ. η' καὶ Φεβρ. κε'), ποίημα μὲν ὄντας Γεωργίου, ἀκροστιχίζοντας δὲ ἐν τοῖς θεοτοκίοις Γωργίου κατ' ἔλλειψιν τοῦ Ε, συναφαιρεθέντος ἀναμφιβόλως καὶ τούτου μετὰ τῆς β' ᾠδῆς. Ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ ὀκτάγραμμον αὐτὸ ὄνομα δὲν ἐξήρκει καὶ διὰ τὸ θεοτοκίον τῆς θ' ᾠδῆς, διὰ τοῦτο εἰς μὲν τὸν ἐν τῷ Φεβρουαρίῳ κανόνα ἀνεπληρώθη τὸ ἐλλεῖπον διὰ τοῦ Ν, τελευταίου γράμματος τῆς ἀκροστιχίδος, εἰς δὲ τὸν ἐν τῷ Ὀκτωβρίῳ ἐτέθη δὶς τὸ ἔσχατον τοῦ ὀνόματος Υ, ὡς καὶ ὁ Ἰωσὴφ διπλασιάζει πολλαχοῦ τὸ Φ δι' ἔλλειψιν τροπαρίου. Περὶ ἐλλείψεως τροπαρίων ἐν γένει ὅρα καὶ τὴν ὑποσημείωσιν εἰς τὴν ἀκροστιχίδα τοῦ ῥηθέντος κανόνος, ὅπου ὅμως, διὰ τὸ σύντομον, οὐδὲν περὶ β' ᾠδῆς ἀναφέρεται, οὐδὲ τὸ πρᾶγμα σαφηνίζεται ἀκριβῶς».

Ἐπίτηδες ἐξέγραψα τὰ λόγια ταῦτα τοῦ μακαρίτου Βαρθολομαίου πρὸς ἀπόδειξιν, ὅτι τὸ ζήτημα, περὶ οὗ κατ' ἐξαίρεσιν ἐν τῷ προλόγῳ πραγματεύεται, δι' ἀπορίαν ἀρχαίων ἀντιγράφων ἀσαφῶς ἡρμήνευσεν· ὅσα γὰρ περὶ δευτέρας ᾠδῆς ἔλεξε γνώμην ἀποσχηματίζουσι συγκεχυμένην· διακρίνει τις μὲν ὅτι διῆλθεν αὐτοῦ τῆς διανοίας ἡ ἔννοια τῆς ἀκροστιχίδος διὰ τοὺς πανηγυρικοὺς κανόνας, ἀλλ' ὅτι ταύτης ἐπελανθάνετο συνεχῶς· καὶ τί μὲν ὁ Νικόδημος ἔγραψε περὶ δευτέρας ᾠδῆς, εἰς ὃν ὁ Βαρθολομαῖος ἀναφέρεται, παρατεθήσεται περὶ τὸ τέλος τοῦ κεφαλαίου τούτου· τὸ ῥηθὲν ὅμως ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Βαρθολομαίου, τὸ «ὑποτίθεται ὅτι ὑμνῳδοί τινες εἶχον τροπαρολογήσει καὶ τὴν δευτέραν ᾠδὴν τῆς στιχολογίας», σόλοικον ὅλως· τὴν γὰρ δευτέραν ᾠδὴν τῆς στιχολογίας ἅπαντες γινώσκουσιν, ὅτι ποιηταὶ πολλοὶ τροπαρολογοῦσι, καὶ πάντως ὁ Βαρθολομαῖος ἐμιμνήσκετο τοῦ εἱρμολογίου, ἔνθα περισῴζονται δευτέρας ᾠδῆς εἱρμοὶ πολυάριθμοι, σχηματισθέντες ἐκ στίχων τῆς δευτέρας ᾠδῆς Μωυσέως καὶ πάλιν ἐκ προτύπων τοῦ ῥυθμικοῦ τούτων. Ἀλλὰ καὶ φαίνεται πιστεύων ὡσαύτως ὅτι πανηγυρικοὶ κανόνες ἀληθῶς ἐξ ἀρχῆς μετὰ δευτέρας ἐποιήθησαν ᾠδῆς, ὁδηγηθεὶς ἐξ αὐτῆς τῆς ἀκροστιχίδος· ἐπεὶ μέντοι τῶν τοιούτων ὀλιγίστους ἐγνώρισεν ἐπ' ἀκριβείᾳ, φαίνεται συλλαμβανόμενος ὁ Βαρθολομαῖος ἐπὶ μὴ κατανοήσει τελείᾳ τοῦ σκοποῦ τῆς ἀκροστιχίδος· παράδειγμα δ' αὐτὸς οὗτος ἔστω· λέγει γὰρ ὅτι διὰ τὸ σύντομον οὐδὲν εἶπε σαφὲς περὶ δευτέρας ᾠδῆς ἐν τῷ μηναίῳ τοῦ Φεβρουαρίου (κε')· ἀλλ' ὅμως ἐκεῖ κανὼν ὑπάρχει, οὗ ἡ ἀκροστιχίς· «Χαίρων γεραίρω Ταράσιον τὸν μέγαν· ἐν δὲ τοῖς θεοτοκίοις Γεωργίου». Ὁ δὲ Βαρθολο-

μαῖος ὑπεσημειώσατο ταῦτα· «Εἰς τὴν ἀκροστιχίδα ταύτην ἐλλείπουσιν ἐκ μὲν τῆς πρώτης λέξεως ὁλόκληρος ἡ συλλαβὴ ΡΩΝ, ἐκ δὲ τῆς δευτέρας τὸ ληκτικὸν Ω. Ἀλλὰ τοῦτο συμβαίνει πολλαχοῦ, ὁσάκις τὰ τῶν ἀκροστιχίδων γράμματα ὑπερβαίνουσι παραπολὺ τὸν ὡρισμένον ἀριθμὸν τῶν τροπαρίων, καθὼς ἐξ ἐναντίας ἐλαττοῦται οὗτος ὁ ἀριθμός, κατ' ἀναλογίαν τῆς ποσότητος τῶν τῆς ἀκροστιχίδος γραμμάτων --- Τὰ δὲ θεοτοκία τοῦ κανόνος τούτου κυρίως μὲν ἀκροστιχίζουσι Γωργίου, οὐδεμία ὅμως ἀμφιβολία, ὅτι ἐστὶ ποίημα τοῦ αὐτοῦ Γεωργίου (κατὰ παράλειψιν τοῦ Ε), τοῦ καὶ ἄλλους πολλοὺς κανόνας μελουργήσαντος· α', ὅτι τὸ Γοργίας γράφεται διὰ τοῦ Ο καὶ οὐχὶ διὰ τοῦ Ω, καὶ β' ὅτι οὐδὲ ἐν τῷ δωδεκαμήνῳ ἀπαντᾶται, οὐδὲ Λέων ὁ Ἀλλάτιος ἐν τῷ περὶ ἐκκλησιαστικῶν βιβλίων καὶ ὑμνῳδῶν συγγράμματι αὐτοῦ ἀναφέρει ὑμνῳδὸν Γοργίαν καλούμενον». Ταύτην οὖν τὴν μακρὰν ὑποσημείωσιν, εὔχρηστον εἰς μαθητὰς ἐκπαιδευτηρίου, ματαίαν ἐγὼ νομίζω· διὰ γὰρ τὸ σύντομον, ὡς ἐπροφασίσθη, ἔδει γράψαι τό, ὅτι τὰ δεῖνα στοιχεῖα λείπουσιν ἐκ τῆς ἀκροστιχίδος ἁπλούστατα διὰ τὴν ἀποβολὴν τῆς δευτέρας ᾠδῆς, περὶ ταύτης, ὡς φαίνεται, γνώμην τινὰ τοῦ Βαρθολομαίου προσχηματίσαντος. Εὔδηλον οὖν, ὅτι ταύτην ὁ ἐκδότης ἢ πεποιθήσεως ἄνευ ἐμόρφωσεν, ἢ ὅτι τεχνηέντως ἐπίτηδες ἐσκότισεν, ἵνα μὴ κληρικὰς ἀναιρέσῃ προλήψεις.

Ἡ μὲν δὴ συμπαραβολὴ πολλῶν ἀκροστιχίδων πρὸς τὴν σημερινὴν κατάστασιν ἐντύπων ᾀσματικῶν τεχνηέντως καὶ πρὸς αὐτὰ τὰ μηναῖα τὰ γεγραμμένα πρὸ τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἀποδείκνυσιν ὡρισμένως, ἀναμφισβητήτως, ὅτι πολυαρίθμων κανόνων αἱ δεύτεραι ᾠδαὶ συναπεβλήθησαν, ἀκρωτηριασθέντων αὐτῶν ἀπὸ σκοποῦ. Περιέχουσι δὲ τὰ τετυπωμένα μηναῖα ὑπὲρ τὰ πεντήκοντα ποιήματα, ὧν ἡ δευτέρα ᾠδὴ παντελῶς ἐλλείπει περιφρονηθεῖσα· καὶ ἓν μὲν αὐτῶν ἐν τῷ πρώτῳ κεφαλαίῳ συνεπλήρωσα· πολλῷ δὲ πλειότερα τῶν μετ' ᾠδῆς δευτέρας ἀνεῦρον ἐν παλαιοῖς μηναίοις, δῆλον οὕτω ποιοῦντα ὅτι διὰ τὸ περιέχειν αὐτὰ τὴν τοιαύτην ᾠδὴν οἱ κατόπιν ἐπιθεωρηταὶ κανόνας ἥττονος ἀξίας εἰσήγαγον εἰς τὰ μηναῖα, περιφρονήσαντες τοὺς ὑπ' ὀνομαστῶν ἐκτεθέντας ὑμνῳδῶν· ἔνθα δὲ δευτέρας ᾠδῆς ἄνευ κανόνας οὐχ εὕρισκον, αὐτοὺς τοὺς μετὰ τοιαύτης κατέστρεφον ἀποβάλλοντες αὐτήν. Πρὸς οὖν ἔμπρακτον ἀπόδειξιν ὅτι πολυάριθμοι τῶν εἰς χρῆσιν ἤδη κανόνων ἠκρωτηριάσθησαν, ἀναγράφω νῦν ἐγὼ τοὺς ἐν τοῖς τετυπωμένοις μηναίοις ἀνευρεθέντας τοιούτους, ὑποδεικνύων ἅμα δι' ἀγκυλῶν ἐκ τῆς ἀκροστιχίδος ὅσα τροπάρια τὴν καταστραφεῖσαν ᾠδὴν ἀπετέλουν.

α') Μηναῖον τοῦ Σεπτεμβρίου μηνός, ἡμέρᾳ 3, μνήμη Ἀνθίμου ἱερομάρτυρος. Ἀκροστιχίς· «Ἄνθο[ς σὲ μ]έλπω ποιμένων καὶ μαρτύρων.

Ἰωσήφ». — 4, προφήτης Μωυσῆς· «Μωσῆ[ς προ]φητῶν πρῶτος αἰνείσθω λόγοις. Κλήμεντος». — 5, Ἰωάννης· «Τὸν Π[ροδρ]όμοιο τοκῆα κροτῶ σοφὸν ἀρχιερῆα. Θεοφάνους. — 18, ὅσιος Εὐμένιος. «Εὐχα[ῖς δί]δου μοι Χριστὸν εὐμενῆ, μάκαρ. Ἰωσήφ». — 22, Κοδρᾶτος ἀπόστολος. «Σοὶ Κ[οδρᾶ]τε μέγιστε τοὺς ὕμνους πλέκω. Ἰωσήφ». — 25, ὁσία Εὐφροσύνη. «Ὕμνο[ν σοι] μέλπω προφρόνως, Εὐφροσύνη, ὁ Ἰωσήφ». — 30, Γρηγόριος Ἀρμενίας. «Τὸν γ[ρήγο]ρον μέλπω σε, μάρτυς, ποιμένα ὁ Ἰωσήφ».

β') Μηναῖον τοῦ Ὀκτωβρίου μηνός, ἡμέρᾳ 8, μνήμη τῆς ἁγίας Πελαγίας. Ἀκροστιχίς· «Πόθ[ῳ]γ[ερ]αίρω τὴν σοφὴν Πελαγίαν. Γεωργίου». — 20, μεγαλομάρτυς Ἀρτέμιος. «Τὴν σ[ὴν νέ]μοις μοι πλουσίαν χάριν, μάκαρ. Ἰωσήφ». — 26, μνήμη σεισμοῦ. «Ὦ Χρι[στέ, τ]ῆς γῆς τὸν κλόνον παῦσον τάχος. Ἰωσήφ». — 29, Στέφανος ὁ Σαβαΐτης. «Σοί, [Σ]τέφα[ν]ε, στέ[φα]νόν σ[ο]ι [ὁ]μ[ώνυμ]ο[ν] οἴσομ[ε]ν ὕμ[νο]ν. Θεοφάνους». — 29, ὁσιομάρτυς Ἀναστασία. «Τοὺς [ἀνδρ]ικούς σου, μάρτυς, εὐφημῶ πόνους Ἰωσήφ».

γ') Μηναῖον τοῦ Νοεμβρίου μηνός, ἡμέρᾳ 9, μνήμη τῆς ὁσίας Ματρώνης. Ἀκροστιχίς· «Τὸ τῆ[ς Ματ]ρώνης προφρόνως ᾄδω κλέος. Ἰωσήφ». — 11, Θεόδωρος ὁ Στουδίτης. «Τὸν κλ[εινὸ]ν Θεόδωρον ἐν ᾄσμασι τοῖσδε γεραίρω. Θεοφάνους». — 21, εἰσόδια τῆς Θεοτόκου. «Σὺ τὴ[ν χάρι]ν, δέσποινα, τῷ λόγῳ δίδου. Γεωργίου». — 23, Γρηγόριος Ἀκραγαντίνων. «Τὸν θ[αυμα]τουργὸν Γρηγόριον θαυμάσω. Θεοφάνους». — 24, Πέτρος Ἀλεξανδρείας. «Ἐγκ[ωμι]άζω τὸν τρισόλβιον Πέτρον. Θεοφάνους».

δ') Μηναῖον τοῦ Δεκεμβρίου μηνός, ἡμέρᾳ 7, μνήμη τοῦ ἁγίου Ἀμβροσίου. Ἀκροστιχίς· «Θείο[υ Ἀμβ]ροσίοιο μέγα κλέος ᾄσμασι μέλπω. Θεοφάνους». — 9, ἁγίας Ἄννης. «Ἡ τὴ[ν χα]ρὰν τέξουσα τίκτεται κόρη. Γεωργίου». — 10, Μηνᾶς, Ἑρμογένης, Εὔγραφος. «Στερ[ροὺς] ἀνυμνῶ μάρτυρας στεφηφόρους Ἰωσήφ». — 11, ὅσιος Δανιήλ. «Ὕμνο[ις γε]ραίρω Δανιὴλ τὸν στυλίτην Ἰωσήφ». — 15, ἱερομάρτυς Ἐλευθέριος. «Παθῶ[ν ἐλε]ύθερόν με δεῖξον, παμμάκαρ, Ἰωσήφ». — 21, μάρτυς Ἰουλιανή. «Μέλπ[ειν σ]ε, μάρτυς, προσθέτω Θεὸς χάριν. Ἰωσήφ». — 22, μάρτυς Ἀναστασία. «Τοὺς [εὐκλ]εεῖς σου, μάρτυς, αἰνέσω πόνους ἐγὼ ὁ Ἰωσήφ». — 24, ὁσία Εὐγενία. «Εὐγεν[ίης μ]έγα κῦδος ἐν ᾄσμασιν ἔξοχα μέλπω. Θεοφάνους». — 28, μάρτυρες 20000. «Πληθύ[ς με σ]ώζοις καλλινίκων μαρτύρων Ἰωσήφ».

ε') Μηναῖον τοῦ Ἰανουαρίου μηνός, ἡμέρᾳ 8, μνήμη τῆς ὁσίας Δομνίκης. Ἀκροστιχίς· «Τὴν κ[αλλί]παιδα νῦν γεραίρω Δομνίκην ὁ Ἰωσήφ». — 13, τῶν ἁγίων μαρτύρων Ἑρμήλου, Στρατονίκου. «Τῶν σ[ῶν γε]ραίρω

μαρτύρων, σῶτερ, κλέος ὁ Ἰωσήφ». — 15, ὅσιος Ἰωάννης ὁ Καλυβίτης. «Πτωχ[ὸν πα]θῶν με δεῖξον εὐχαῖς σου, μάκαρ. Ἰωσήφ». — 23, ἱερομάρτυς. «Τὴν σ[ὴν ἀν]υμνῶ, παμμάκαρ, χαίρων χάριν Ἰωσήφ».

ς′) Μηναῖον τοῦ Φεβρουαρίου μηνός, ἡμέρᾳ 5, μνήμη τῆς μάρτυρος Ἀγάθης. Ἀκροστιχίς· «Τὴν θ[είαν] Ἀγάθην ἀγαθοῖς μέλψωμεν[1] ἐν ὕμνοις. Θεοφάνους». — 7, ὅσιος Παρθένιος ἐπίσκοπος Λαμψάκου. «Τῶν [θα]υμάτων σου τὴν χάριν μέλπω, μάκαρ, Ἰωσήφ». — 12, ἱερομάρτυς Βλάσιος. «Ὕμνο[ις κρ]οτῶ σε, μάρτυς, εὐσεβοφρόνως ὁ Ἰωσήφ». — 13, ὁσία Μαρτινιανή. «Μέλπ[ω, μάκ]αρ, σοῦ τοὺς δρόμους θείοις λόγοις. Θεοφάνους». — 21, ὅσιος Τιμόθεος. «Σὲ τ[ῶν μ]οναστῶν τὸ κλέος μέλπω, μάκαρ. Θεοφάνους». — 25, Ταράσιος Κ/πόλεως. «Χαί[ρων] γεραίρω Ταράσιον τὸν μέγαν. Γεωργίου».

ζ′) Μηναῖον τοῦ Μαρτίου μηνός, ἡμέρᾳ 30, μνήμη τοῦ ὁσίου Ἰωάννου τῆς Κλίμακος. Ἀκροστιχίς· «Κλίμ[αξ π]έφηνας τῶν ἀρετῶν, παμμάκαρ. Κλήμεντος».

η′) Μηναῖον τοῦ Ἀπριλίου μηνός, ἡμέρᾳ 22, μνήμη τοῦ ὁσίου Θεοδώρου τοῦ Συκεώτου. Ἀκροστιχίς· «Θεῖό[ν σε δ]ῶρον, παμμάκαρ, μέλπω, πάτερ. Ἰωσήφ». — 30, Ἰάκωβος ὁ Ζεβεδαίου. «Τὸν β[ρον τ]ῆς Ἰάκωβον εὔφρονα παῖδα γεραίρω. Θεοφάνους».

θ′) Μηναῖον τοῦ Μαΐου μηνός, ἡμέρᾳ 19, μνήμη τοῦ ἁγίου Πατρικίου. Ἀκροστιχίς· «Πατρ[ίκιον] τὸν ἄριστον ἐν ἀθλοφόροισιν ἀείδω. Θεοφάνους» — 20, μάρτυς Θαλλέλαιος. «Τὸν κ[λεινὸν] Θαλλέλαιον εὐφημεῖν θέμις. Ἰωσήφ». — 28, μάρτυς Εὐτύχης. «Τοὺς [σοὺς] ἐπαινῶ, μάρτυς, ἐνθέους τρόπους. Ἰωσήφ».

ι′) Μηναῖον τοῦ Ἰουνίου μηνός, ἡμέρᾳ 14, μνήμη τοῦ ἁγίου Μεθοδίου Κ/πόλεως. Ἀκροστιχίς· «Ἀρχι[ερῆα] θ[ε]οῖο [Μεθόδ]ι[ο]ν ᾄσμασι μέλπω». Κανὼν ἀνώνυμος, οὗ λείπουσιν, ἔξω τῆς δευτέρας ᾠδῆς, ἑπτὰ τροπάρια.— 17, μάρτυς Ἴσαυρος. «Ἴσα[υρε, μ]άρτυς, εὐμενὴς φάνηθί μοι. Γρηγορίου».

ια′) Μηναῖον Ἰουλίου μηνός, ἡμέρᾳ 7, μνήμη τῆς ἁγίας μάρτυρος Κυριακῆς. Ἀκροστιχίς· «Χαίρ[ων κρ]οτῶ σε, μάρτυς, εὐσεβοφρόνως Ἰωσήφ».— 16, ἱερομάρτυς Ἀθηνογένης. «Τῶν σ[ῶν ἀθ]λητῶν, Χριστέ, μέλπω τὸ κλέος Ἰωσήφ». — 19, ὅσιος Δίος. «Δόξη[ς κρο]τῶ σε τὸν φερώνυμον, μάκαρ, Ἰωσήφ». — 26, ὁσία Παρασκευή. «Ὕμνο[ις γ]εραίρω τὴν πανεύφημον κόρην. Θεοφάνους». — 31, ὅσιος Εὐδόκιμος. «Ὑμνῶ, [μάκα]ρ, σοῦ τοὺς πανευσεβεῖς τρόπους ὁ Ἰωσήφ».

---

1) Τὸ τετυπωμένον ἐσφαλμένως ἔχει τὸ «μέλπωμεν».

ιβ') Μηναῖον Αὐγούστου μηνός, ἡμέρᾳ 3, μνήμη τοῦ ὁσίου Ἰσαακίου ἡγουμένου τῆς μονῆς Δαλμάτων. Ἀκροστιχίς· «Φαιδ[ροὺς] ἀνυμνῶ τῶν μοναστῶν ἀστέρας ὁ Ἰωσήφ». — 4, Οἱ ἑπτὰ παῖδες ἐν Ἐφέσῳ. «Τοῖς [ἑπτ]ὰ παισὶν αἶνον ᾄδω προσφόρως. Κλήμεντος». — 8, «Τὸν μέ[γαν Α]ἰμιλιανὸν ἐν ᾄσμασιν ἔξοχα μέλπω. Θεοφάνους». — 21, ἁγία Βάσσα. «Τοὺς [σοὺς] ἀγῶνας, Βάσσα, τιμῶ προφρόνως Ἰωσήφ». — 28, «Ἀγαθ-[ονίκ]ου τοὺς πόνους μέλπειν θέμις. Ἰωσήφ».

Δῆλον οὖν ἐκ τῆς μακρᾶς ταύτης τῶν ἀκροστιχίδων ἀριθμήσεως, ὅτι τῆς ἐκκλησίας οἱ ποιηταὶ δευτέραν ᾠδὴν εἰς κανόνας πανηγυρικοὺς εἰσήγαγον δι' ἅπαντας τοὺς μῆνας ἀνεξαιρέτως, αἳ καὶ μέχρι τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐν ταῖς ἑλληνικαῖς ἐκκλησίαις ἐψάλλοντο. Τὸ πρᾶγμα τοῦτο συζητήσεώς ἐστιν ἐκτός· ἐτυπώθησαν γὰρ ἤδη τοιοῦτοι κανόνες ἱκανοὶ διὰ φιλολογικὰς ἐρεύνας ἐν Εὐρώπῃ[1]· κἀγὼ δ' αὐτὸς ἐκ περιεργίας ἠρεύνησα κατὰ τοῦτο χειρόγραφά τινα παλαιὰ μηναῖα, καὶ ὅσας ἐν αὐτοῖς δευτέρας ᾠδὰς ἀνεῦρον, ἤδη τύποις ἐκδίδωμι. Μηναῖον δὲ τοῦ Σεπτεμβρίου μηνός, ἔτους 1095, σλαβιστὶ γεγραμμένον ἔχει δευτέραν ᾠδὴν ἐν τῷ κανόνι Συμεῶνος τοῦ στυλίτου[2], ὃν οὐχ εὗρον ἑλληνιστὶ μέχρι τοῦδε· ὁ νῦν γὰρ ἐν τῷ μηναίῳ κείμενος ὑπάρχει ποίημα διάφορον, Ἰωάννου μοναχοῦ τοῦ Δαμασκηνοῦ, προτιμηθὲν ἐν Κωνσταντινουπόλει παντὸς ἑτέρου ποιήματος εἰς τὸν Συμεὼν ἀνατεθέντος. Τὸ δ' αὐτὸ πάλιν ἀρχαῖον σλαβικὸν μηναῖον ἐμπεριέχει τῇ 6-ῃ ἡμέρᾳ, μετὰ τὸν κανόνα τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαήλ, κανόνα πρὸς τὸν μάρτυρα Κύριλλον μετὰ δευτέρας ὡσαύτως ᾠδῆς[3]. Καὶ οὗτος ὁ κανὼν ἄχρι τοῦδε μένει μοι παντελῶς ἄγνωστος ἑλληνιστί· τὸν δὲ μάρτυρα τὴν σήμερον ἑορτάζομεν ἁπλῶς τῇ 29-ῃ τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου, μόνου τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ μνήμην ποιούμενοι. Καὶ πάλιν τῇ 15-ῃ Σεπτεμβρίου τὸ αὐτὸ σλαβικὸν μηναῖον ἔχει κανόνα μετ' ᾠδῆς δευτέρας εἰς τὸν τίμιον Σταυρόν[4], διάφορον τοῦ σημερινοῦ, κατὰ τὰ μηναῖα τὰ ἡμέτερα· ἔχουσι δὲ τὰ αὐτὰ σλαβικὰ μηναῖα καὶ κανόνας ἀφθόνους, ὧν ἡ δευτέρα ᾠδὴ λείπει, οἷον ὁ εἰς Γρηγόριον τὸν Ἀρμενίας. Τοῖς τρισὶν οὖν εἰρημένοις παραδείγμασι δῆλον μὲν πρῶτον, ὅτι τελευτώσης τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἡ δευτέρα ᾠδὴ παρεφυλάσσετό πως· δεύτερον δέ, ὅτι κανόνων ἑτέρων εὑρισκομένων ἄνευ ᾠδῆς δευτέρας, οὗτοι

1) Τοιούτους ἐξέδωκε διὰ τὸν Φεβρουάριον μῆνα καὶ Ἀμφιλόχιος ὁ ἀρχιμανδρίτης. **О неизданныхъ канонахъ въ служебной Февральской греческой минеи конца X вѣка Московской Синодальной Библіотеки № 181.** Ἐν Μόσχᾳ 1870, σ. 3, 15, 19.

2) **И. В. Ягичъ, Памятники древнорусскаго языка,** ἐν Πετρουπόλει 1886, τ. I, σ. 010.

3) Αὐτόθι σ. 055—059.

4) Αὐτόθι σ. 0127.—0133.

προετιμῶντο εἰ δὲ μὴ τοιοῦτοι ὑπῆρχον, οἱ μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ἠκρωτηριάζοντο. Ἑλληνικὸν δὲ μηναῖον τοῦ μηνὸς Ὀκτωβρίου, γεγραμμένον ἀναμεταξὺ τῆς δεκάτης καὶ τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ἓν καὶ μόνον ἐγὼ τυχαίως διέτρεξα, τὸ φυλαττόμενον ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πατριαρχείου τῆς Ἀλεξανδρείας (ἀριθ. παλ. 437), καὶ ἐξ αὐτοῦ κατ' ἐκλογὴν ἀντέγραψα δύο κανόνων ᾠδὰς δευτέρας, ὧν ὁ μὲν πρῶτος ἀνώνυμος ἀκροστιχίδα ἔχει ταύτην· «Κάρπον τε καὶ Πάπυλον ᾄσμασι στέφω»· εὗρε δὲ τὸν αὐτὸν καὶ Βαρθολομαῖος ἐπ' ὀνόματι τοῦ Ἰωσήφ, ἄνευ μέντοι δευτέρας ᾠδῆς, ὡς φαίνεται· αὕτη δὲ ἡ ᾠδὴ οὕτως εἶχεν·

Ὠδὴ β'. «Ἴδετε, Ἴδετε, ὅτι Θεὸς ἐγώ εἰμι ὁ δουλωθέντα»:

Οὐ παρετράπητε | θύειν εἰδώλοις, ἅγιοι, | τῇ προτροπῇ τῶν δυσσεβῶν,
ἀλλ' εὐχῇ συντονωτάτῃ πρὸς Θεὸν | ἐλεπτύνατε ταῦτα,
στηλιτεύοντες αὐτῶν | τὴν ματαιότητα.

Νόμον φυλάττοντες | θεαρχικὸν οἱ μάρτυρες, | τὰ περικείμενα κλοιᾶ
καὶ τὰς ἁλύσεις ὥσπερ κόσμον εὐπρεπῆ | περιφέροντες ὕμνουν
ὁμοφρόνως τοὺς αὐτοὺς | ἐνδυναμοῦντα Χριστόν.

Τὴν πρὸς αὐτὸν ὑμῶν | στοργὴν Θεὸς ἀγάμενος | ἀγγελικαῖς ὡς ἀγαθὸς
ἐπιφανείαις ἐγκελεύεται θαρρεῖν | καὶ προσκαίρου θανάτου
εὐχερῶς καταφρονεῖν | διὰ τὴν ὄντως ζωήν.

Θεοτοκίον.

Ἔγνωμεν, Κύριε, | ὅτι Θεὸς ὢν ἄναρχος | ἀρχὴν ἠνέσχου προσλαβεῖν
καὶ ἐκ παρθένου προελθεῖν δίχα τροπῆς, | ἣν ἐφύλαξας πάλιν
ἀδιάφθορον ἁγνὴν | καὶ μετὰ γέννησιν.

Ὁ δεύτερος δὲ κανών ἐστι ποίημα Γερμανοῦ πατριάρχου τοῦ ὁμολογητοῦ πρὸς τοὺς ἁγίους μάρτυρας καὶ νοταρίους Μαρκιανὸν καὶ Μαρτύριον (κε'), καὶ ἐπειδὴ δευτέραν εἶχεν ᾠδήν, οἱ κατόπιν ἐπιθεωρηταὶ προετίμησαν ὡς εἰκὸς ἀντ' αὐτοῦ τὸν ἄνευ τοιαύτης κανόνα τοῦ Ἰωσήφ, παραλαβόντες ἐκ τοῦ ποιήματος ἐκείνου ἓν καὶ μόνον προσόμοιον στιχηρὸν τροπάριον, τὸ νῦν δοξαστικόν. Τὴν δευτέραν ᾠδὴν ὁ Γερμανὸς ἔπλεξεν οὕτως·

Ὠδὴ β'. «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ»:

Δώσωμεν | μεγαλωσύνην Κυρίῳ | τῷ ἀναδείξαντι
τῶν σοφῶν ἀθλοφόρων | τὴν μνήμην τῇ ἐκκλησίᾳ αὐτοῦ.

Ὁμόψυχοι | καὶ ὁμόγνωμοι ὄντες | οἱ ἀθλοφόροι Χριστοῦ
ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας | τὸ αἷμα πιστῶς ἐξέχεαν.

Ἐκλάμψαντες | ὀρθοδοξίας ἀκτῖσιν | οἱ τοῦ Χριστοῦ ἀθληταὶ
κακοδοξίας ὁμίχλην | ἐδίωξαν τῇ ἀθλήσει αὐτῶν.

Θεοτοχίον.

Ἄχραντε | Θεοτόχε παρθένε, | μόνη πανύμνητε
τὸν υἱόν σου δυσώπει | σωθῆναι τοὺς ἀνυμνοῦντάς σε.

Πλὴν δὲ τούτων ἔχω καὶ κανόνας ἀγνώστους Ἀναστασίου κοιαίστορος, Γεωργίου καὶ Θεοφάνους, ἔχοντας ὡσαύτως ᾠδὰς δευτέρας· ἀλλὰ περὶ τούτων ἄλλοθί που λόγος ἔσται. Ἐκ δὲ τῶν ἐν τοῖς ἐκδεδομένοις μηναίοις ᾀσμάτων, τῶν μετ' ἀκροστιχίδος, ὧν ἡ δευτέρα ᾠδὴ λείπει, κατὰ τὴν προτεταγμένην αὐτῶν ἀρίθμησιν, εὗρον ἐν τοῖς μέχρι τοῦδε παρ' ἐμοῦ τυχαίως ἀναγνωσθεῖσιν ἀντιγράφοις ἑλληνιστὶ τέσσαρας μόνον, ὧν δύο τὸ πρῶτον κεφάλαιον ἐδήλωσε· οἱ δὲ λοιποί εἰσιν οἵδε. Τῇ 19-ῃ Μαΐου μηνὸς ᾄδεται κανὼν τοῦ Θεοφάνους εἰς τὸν ἱερομάρτυρα Κυπριανὸν καὶ τοὺς σὺν αὐτῷ μαρτυρήσαντας· καθὰ δὲ προεδηλώθη, λείπουσιν ἐκ τῆς ἀκροστιχίδος αὐτοῦ στοιχεῖα πέντε, δῆλον οὕτω ποιοῦντα, ὅτι τροπάρια τοῦ κανόνος ἐξέπεσαν ἰσάριθμα, ἃ τὴν δευτέραν τοῦ ποιήματος ᾠδὴν ἀπετέλουν· ταύτην ὅμως ἀνεῦρον ἔν τινι κώδικι τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς βιβλιοθήκης (ἀριθ. 241 τῆς Σαβαϊτικῆς συλλογῆς) καὶ ἐν ἑτέρῳ τῆς πατριαρχικῆς Ἀλεξανδρινῆς βιβλιοθήκης, τῆς ἐν Καΐρῳ (ἀριθ. παλ. 436, φ. 69)· ἀμφότερα δὲ τἀντίγραφα συγχρονίζουσιν. Ἡ δευτέρα τοίνυν ᾠδὴ τοῦ κανόνος εἶχεν οὕτως·

Ὠδὴ β'. «Πρόσεχε οὐρανὲ καὶ λαλήσω»:

Ἴαμα | ψυχικῶν νοσημάτων | ταῖς σαῖς παράσχου λιταῖς
τοῖς ὑμνοῦσί σου πίστει | τὴν μνήμην, θεῖε Πατρίκιε.

Κόσμιος | ἱερεὺς ἀνεδείχθης, | πεφοινιγμένην στολὴν
αἵματι μαρτυρίου | φορέσας, ἔνδοξε Μένανδρε.

Ἴθυνον | τὴν ζωήν μου, παμμάκαρ | ἱερομάρτυς Χριστοῦ,
ὡς ἔχων παρρησίαν, | Πολύαινε παμμακάριστε.

Ὄχημα | πρὸς Θεόν σοι τὸ ξίφος, | δι' οὗ ἐτμήθης, σοφέ,
ἀναδέδειχται, μάκαρ | Ἀκάκιε ἀξιάγαστε.

Θεοτοχίον.

Νύμφην σε | τοῦ Θεοῦ, Θεοτόκε, | ἡ παμμακάριστος
τετρακτὺς τῶν μαρτύρων | ἀνδρείως καθωμολόγησεν.

Τῇ 20-ῇ τοῦ αὐτοῦ μηνὸς ᾄδεται πρὸς τὸν μάρτυρα Θαλλέλαιον ᾆσμα, οὗ ἡ ἀκροστιχίς· «Τὸν Θαλλέλαιον εὐφημεῖν θέμις Ἰωσήφ»· ἀλλὰ διὰ τὴν ἀποβολὴν τῆς δευτέρας ᾠδῆς ὑπὸ τῶν ἐπιθεωρητῶν ἠκρωτηριάσθη τῶν μηναίων καὶ αὕτη ἡ ἀκροστιχίς, ἣν πλήρη τὰ ῥηθέντα χειρόγραφα

περιέχουσιν οὕτω· «Τὸν κ[λεινὸν] Θαλλέλαιον εὐφημεῖν θέμις· Ἰωσήφ»[1]· ἔχουσι δὲ ταῦτα καὶ τὴν ἀποβληθεῖσαν ὕστερον ᾠδήν, ἧς τὸ κείμενον ὧδε·

Ὠδὴ β'. «Ἴδετε, ἴδετε, ὅτι ἐγώ εἰμι ὁ Θεὸς ὁ θανατῶν»:

Λάμπων, μακάριε, | ταῖς φωταυγέσιν ἀρεταῖς
ἰατρικῇ πείρᾳ καὶ Θεοῦ | χάριτι θείᾳ σωμάτων
ψυχῶν τε πᾶσαν νόσον | μακρὰν ἐποίεις ἀνθρώπων ἐν πίστει,
θαυμαζόμενος εἰς δόξαν τοῦ Θεοῦ.

Ἔρρει μελίρρυτον | νᾶμα ἡ γλῶσσά σου, σοφέ,
τῆς ἀληθοῦς πίστεως Χριστοῦ | καὶ ἀπιστίας πικρίαν
ἐδίωξεν ἐμφρόνως | τῶν ἀκουόντων καὶ γνώμῃ ἀπλάστῳ
δεχομένων ἐπιγνώσεως τὸ φῶς.

Ἵνα σε Κύριον | ὁμολογήσῃ τοῦ παντὸς
ὁ ἀληθὴς μάρτυς σου, Χριστέ, | δικαστικῶν προβλημάτων
παρίσταται καὶ φέρει | τὰς ἐκ σιδήρου πικρὰς διαθέσεις,
δυναμούμενος τῷ κράτει σου σαφῶς.

Νοῦν ἀνεπτέρωσας | πρὸς τὸν ποθούμενον Χριστὸν
καὶ τῶν δεινῶν τὰς ἐπιφορὰς | ὡς ἄλλου πάσχοντος, μάρτυς,
ὑπέφερες γενναίως | τὰς ἀντιδόσεις προβλέπων τὰς θείας,
ἃς παρέσχεν σοι, Θαλλέλαιε, Θεός.

Ὅλος τῷ πνεύματι | τῷ παναγίῳ φωτισθείς,
εἰδωλικῆς ἔλυσας νυκτὸς | τὴν ἀγνωσίαν καὶ πᾶσιν
ἀκτῖνας ἰαμάτων, | μάρτυς θεόφρον, ἀπήστραψας· ὅθεν
τὴν φωσφόρον σου τιμῶμεν ἑορτήν.

Θεοτοκίον.

Νόμον ἐτύπου σε | ἡ θεοφώτιστος σκηνὴ
καὶ κιβωτός, ἄχραντε ἁγνή, | ἡ μαννοδόχος τε στάμνος,
ἡ πάγχρυσος λυχνία· | τὸ θεῖον πῦρ γὰρ ἐβλάστησας φαῖνον
τοῖς ἐν σκότει καθημένοις τῶν δεινῶν.

Μετὰ τὰ περὶ δευτέρας οὕτως ᾠδῆς εἰρημένα πολυπραγμονητέον, ὡς εἰκός, καὶ περὶ τοῦ χρόνου καὶ τοῦ αἰτίου τῆς ἀποβολῆς αὐτῆς ἐκ τῶν μετα-

1) Βαρθολομαῖος ὁ Κουτλουμουσιανὸς οὐ πάσας ἠνώρθωσε τὰς ἀκροστιχίδας· ἐνταῦθα γὰρ ἠδύνατο προσθεῖναι τὸ σῳζόμενον ἐν τῷ κανόνι Κ, καὶ στιγμὰς δύο διὰ τὰ λείποντα γράμματα. Ἐν ἄλλῳ δέ τινι τόπῳ (Μαρτ. κζ') κανόνος ἀκροστιχὶς ἀπαιτεῖ μίαν ἔτι συλλαβήν, ἣν αὐτὸς ὁ κανὼν ἐν τοῖς τροπαρίοις ἔχει, τὴν συλλαβὴν τῆς: «Τὸ [τῆς] Ματρώνης ἔνθεον μέλπω κλέος». Ἡ αὐτὴ ἀμέλεια παρατηρεῖται κἀν ταῖς ἀκροστιχίσι τῶν ἐν τῇ Παρακλητικῇ κανόνων.

γενεστέρων μηναίων. Ἐπισκοποῦντες οὖν ἅπαντα τὰ σήμερον ἐν χρήσει παρ' Ἕλλησι μηναῖα παρατηροῦμεν, ὅτι τῶν ἐν αὐτοῖς κανόνων οἱ πλείους ποιήματά εἰσιν Ἰωσὴφ καὶ Θεοφάνους τῶν ὑμνογράφων· δευτέραν δὲ τάξιν ἐπέχει κατὰ τὸ ποσὸν αὐτῶν ὁ ποιητὴς Ἰωάννης μοναχὸς (ὁ Δαμασκηνός), τρίτην δὲ Γεώργιος ὁ Νικομηδείας ἀρχιεπίσκοπος, τετάρτην δὲ Ἀνδρέας ὁ Κρήτης καὶ Κοσμᾶς ὁ Μαϊουμᾶ, πέμπτην δὲ Ἰγνάτιος καὶ Γερμανὸς οἱ πατριάρχαι καὶ Κλήμης ὁ Στουδίτης· ἄλλων δέ τινων ὀνόματα σιγῇ παρέρχομαι· μόλις γὰρ αὐτῶν κανὼν εἷς ἐν τοῖς μηναίοις ὑπάρχει τοῖς σημερινοῖς· ὅθεν εὐεξήγητον ἀποκαθίσταται τὸ γεγραμμένον ἐν τῷ τυπικῷ (κεφ. ζ')[1]: «Ἰστέον δὲ καὶ τοῦτο, φησίν, ὅτι εἴπερ ἔχει τὸ μηναῖον ἐν μνήμῃ ἁγίου τινὸς κανόνας διαφόρων ποιητῶν, εἰ μέν ἐστι κανὼν ὁ τοῦ κυροῦ Κοσμᾶ, προκριτέος· εἰ δὲ τοῦ κυροῦ Ἰωάννου καὶ ἑτέρων, ὁ τοῦ Ἰωάννου προκρίνεται· εἰ δὲ τοῦ κυροῦ Θεοφάνους καὶ ἑτέρων, ὁ τοῦ κυροῦ Θεοφάνους προκρίνεται· προτιμητέος γάρ ἐστι τῶν ἄλλων· εἰ δὲ τοῦ κυροῦ Ἰωσήφ, οὗτος τῶν λοιπῶν προτετίμηται ποιητῶν». Πότε δὲ τὸ σημείωμα τοῦτο συνετάχθη, παντελῶς ἄγνωστον ἐμοί· ἀλλ' οὐχ ἧττον φαίνεταί μοι γεγραμμένον ἐπὶ τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ἐπειδὴ τὰ μέχρι τῆς ἐποχῆς ταύτης ἀντιγεγραμμένα μηναῖα συνεμπεριέχουσιν ἔσθ' ὅτε διαφέροντας κανόνας εἰς ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ἅγιον, τὸν μὲν ὕστερον τοῦ δέ, παντελῶς ἀνάμικτον ἢ δι' ᾀσμάτων ἑτεροειδῶν ἀνακοπτόμενον· καὶ τοῦτο σημεῖον ἴσως, ὅτι τὰ τοιαῦτα καθολικὰ ἢ μερικὰ καὶ τοπικὰ μηναῖα κιβωτὸς ἦσαν οἱονεὶ πάσης τῆς ἐγνωσμένης ἁγιολογικῆς ὑμνολογίας, ἵν' οὕτω χρησιμεύωσι καὶ διὰ πανηγύρεων τελετὰς καὶ διὰ σπουδὰς ὑμνολογικάς· τὰ μέντοι μεταγενέστερα μηναῖα, πάντα μὲν οὐχί, μόνα δὲ τὰ διατεταγμένα κατὰ καιροὺς ἐν Κωνσταντινουπόλει, τύπον ἔχουσιν ἁπλῶς ἱερουργικόν, καὶ διὰ τοῦτο, καθὰ φαίνεται, συμπαρουσιάζονται τεταγμένα κατὰ τὸ μεταξὺ μετερρυθμισμένον τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας τυπικόν ἐπ' εὐχερεῖ τῶν ψαλτῶν χρήσει, ἵνα μὴ τῆς ἀκολουθίας τελουμένης ἀνατρέχωσιν εἴς τε τὸ τυπικὸν καὶ τὰ λοιπὰ βιβλία, οἷον τὸ κονδακάριον, τὸ εἱρμολόγιον, τὸ στιχηράριον, τὸ προφητολόγιον, τὸν ἀπόστολον καὶ τὸ εὐαγγέλιον· ἀλλ' ἡ τοιαύτη διάταξις ὁριστικῶς οὐ μόνον ἀπέρριψε τὴν δευτέραν ᾠδήν, ἀκρωτηριάσασα πάμπολλα ποιήματα, ἀλλὰ καὶ πρακτικῶς ἐφήρμοσε τοῦ τυπικοῦ σημειώματος τὴν προτροπὴν εἰς τὴν αἵρεσιν ᾀσμάτων τῶνδε ἢ τῶνδε τῶν ποιητῶν, γενομένη φανερῶς οὕτως αἰτία τῆς καταδίκης καὶ τῆς ἀπωλείας ᾀσμάτων γνωστῶν ἢ ἀγνώστων ᾀσματογράφων.

---

1) **Leonis Allatii de libris et rebus ecclesiasticis Graecorum. Parisiis 1646, σ. 80—81.**

Πάντως ὅμως ἡ τῆς δευτέρας ᾠδῆς ἀποβολὴ φαίνεται βαθμιαίως ἀρξαμένη, καθὼς ἐκ τῶν παρὰ Jagić ἐκδεδομένων σλαβικῶν εἰκάζω μηναίων· νομίζω δὲ μάλιστα, ὅτι τῆς ἀποβολῆς ἡ ἀρχὴ δύναται καθορισθῆναι περὶ τὸ μέσον ἢ ἀκμαζούσης τῆς ἐνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ὅτε περιώνυμος ἀρχιερεὺς ἐν Κωνσταντινουπόλει τὸν βίον ἦγεν, Ἰωάννης ὁ Εὐχαΐτων, ὅστις ἐν τοῖς τότε πράγμασι τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς καὶ τοῖς ἐκπαιδευτικοῖς μεγάλην ἤσκησεν ἐπίδρασιν[1]· ὅσοι γὰρ τῶν ἐκεῖ τότε περὶ αὐτὸν κανόνας ᾀσματικοὺς συνέθεντο, παρουσιάζονται τούτους δημοσιεύοντες ἄνευ ᾠδῆς δευτέρας, οἷον Μιχαὴλ ὁ Ψελλὸς καὶ μάλιστ' αὐτὸς ὁ γονιμώτατος Ἰωάννης ὁ Εὐχαΐτων, οὗ τῶν κανόνων οὐδεὶς ἐμπεριέχει τοιαύτην, οὔτε ὁ πρὸς τοὺς τρεῖς ἱεράρχας ἀνατεθείς, οὔτε οἱ λοιποὶ πολυαριθμότατοι πρὸς τὴν Θεοτόκον καὶ πρὸς τοὺς ἁγίους ἀνέκδοτοι κανόνες αὐτοῦ· ὑπάρχουσι δὲ καὶ τρία τοῦ Εὐχαΐτων ἐπιγράμματα προσοχῆς ἄξια.

Εἰς τὰ δωρηθέντα μηναῖα εἰς Εὐχάιτα.

Ὕμνων ἐπελθὼν ἡμερησίων βίβλους,
πᾶσάν τε τούτων τὴν γραφὴν ἐπιξέσας,
καὶ χεῖρα καὶ νοῦν ὡς ἐνῆν καταρτίσας,
δῶρον φίλον δίδωμι καὶ μάλα πρέπον
τῷ προστατοῦντι τῷ τόπῳ στεφηφόρῳ,
ὃς ἔνδον οἰκεῖ τῆσδε τῆς ἐκκλησίας·
δι' οὗ τύχοιμι τῆς ἀκηράτου βίβλου
τῇ χειρὶ τοῦ πλάσαντος ἐγγεγραμμένος.

Εἰς τὰ αὐτά.

Οὐ πολλὰ μέν, κράτιστα πάντα δ' ἐνθάδε·
οὐκ ἂν γὰρ εὕροις ἀλλαχοῦ τὰ βελτίω·
ἐβουλόμην δὲ ταῦτα μὲν τύπους μένειν,
ἀντιγράφων εἶναι δὲ τὴν ὑπουργίαν.

Εἰς τὰ διορθωθέντα βιβλία.

Καλὴν δεδωκὼς ταῖς βίβλοις ὑπουργίαν,
αὐτὸς πονηρὰν ἀντιλαμβάνω χάριν·
τῶν μὲν γὰρ ἤδη τὰς νόσους ἰασάμην,
ἐγὼ δὲ συντέτηκα καὶ κακῶς ἔχω,
κόπων τὸ σῶμα συντριβεὶς ἀμετρίᾳ·

1) Ἰωάννης ὁ Εὐχαΐτων ἐκηρύχθη μετὰ θάνατον ἀμέσως ἅγιος πατὴρ τῆς ἐκκλησίας, καὶ τὴν ᾀσματικὴν ἀκολουθίαν αὐτοῦ, ψαλλομένην ἐν Κ/πόλει τὸ παλαιὸν τῇ 5-η ὀκτωβρίου, συνέθετο Θεόδωρος ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ, κουβικουλάριος (ἢ κοιτωνίτης) καὶ βασιλικὸς νοτάριος. **Pitra, Hymnographie de l'église grecque**, σ. 83. Τοῦ αὐτοῦ, **Codices manuscripti Palatini**, σ. 68.

ἀλλ' οἱ τρυφῶντες ἐν πόνοις ἀλλοτρίοις
καὶ ταῖς ἐμαῖς πλέοντες εὔδια ζάλαις,
πρὸς Κύριον μέμνησθε τοῦ κεκμηκότος[1].

Τὰ ἐπιγράμματα ταῦτα, ἃ πρὸς τὰ μηναῖα τὰ παρ' αὐτοῦ δωρηθέντα τῇ ἐκκλησίᾳ τῶν Εὐχαϊτῶν ἀναφέρονται, παρουσιάζουσι τὸν Ἰωάννην ἐπιδιορθωτὴν αὐτῶν· οἷαι δὲ ἦσαν αἱ διορθώσεις, οὐ λέγουσι τὰ ἐπιγράμματα. Ἀφορμὴν ὅμως ἐκ τῶν ἀντιγράφων τῆς ἐποχῆς αὐτοῦ λαμβάνων εἰκάζω, ὅτι πιστῶς ὁ Ἰωάννης ἀκολουθήσας τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει διάταξιν ἐφήρμοσεν ἐν αὐτοῖς, ὅσον ἠδύνατο, τὴν περὶ τοὺς κανόνας ἀρξαμένην τότε συνήθειαν, ὅ ἐστι τὴν βαθμιαίαν ἀποβολὴν τῆς δευτέρας ᾠδῆς καὶ τὴν διόρθωσιν λέξεων, ἔνθα τἀντιγραφόμενα τῶν ἀντιγράφων ἦσαν ἡμαρτημένα.

Τελευταῖον δὲ τίνες οἱ λόγοι τῆς ἐκβολῆς τῶν δευτέρων ᾠδῶν; τό γ' ἐπ' ἐμοὶ τὸ ζήτημα τοῦτο δυσερμήνευτόν ἐστι διὰ τὴν ἀπορίαν ἐγγράφων μαρτυριῶν. Σῴζεται μὲν ἔντυπος μία καὶ μόνη γνωστή μοι μαρτυρία, αὐτὴ ἡ τοῦ Νικοδήμου, πρὸς ἣν ὁ Βαρθολομαῖος ἀνεφέρθη προσθεὶς τὸ ὅτι ἀφῄρηται ἡ δευτέρα ᾠδή, «ὡς τεταγμένη νὰ ψάλληται ἐν μόνῃ τῇ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ» τοῦ Τριῳδίου, γινώσκομεν ὅμως, ὅτι ἔξω τῶν ἐν τῷ Τριῳδίῳ δευτέρων ᾠδῶν, αἱ δεύτεραι τῶν ἐν τῷ παλαιῷ μηναίῳ μέχρι τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐψάλλοντο, καὶ ὅτι ἔκτοτε μέχρι τοῦ νῦν οὐ ψάλλονται. Οἰκείαν μὲν ὁ Νικόδημος οὐ διατυποῖ γνώμην, παραφράζει δ' ἁπλούστατα χωρίον, ὃ καὶ ἑρμηνεύει, Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου κατὰ τοῦτον τὸν τρόπον· «Προτείνει δέ, φησίν, ἀπορίαν ὁ σοφὸς Θεόδωρος, ὁ καλούμενος πτωχὸς Πρόδρομος, ἐν τῇ ἑρμηνείᾳ τῆς τρίτης ᾠδῆς τοῦ κανόνος τῆς ὑψώσεως τοῦ Σταυροῦ, καὶ λέγει· διὰ τί ὁ Κοσμᾶς καὶ ὁ Δαμασκηνὸς Ἰωάννης καὶ οἱ λοιποὶ μελῳδοί, οἱ τῶν πανηγυρικῶν κανόνων τῶν δεσποτικῶν καὶ θεομητορικῶν καὶ ἁγίων ἑορτῶν ποιηταί, δὲν μεταχειρίζονται εἰς τοὺς κανόνας των τὴν δευτέραν ᾠδὴν ταύτην, ἀλλὰ ὑπερβαίνοντες αὐτὴν τροπαρολογοῦσι τὴν τρίτην ᾠδήν; Λύων οὖν τὴν ἀπορίαν (ὁ Θεόδωρος) λέγει, ὅτι διὰ τοῦτο οἱ ἀνωτέρω θεσπέσιοι μελῳδοὶ δὲν συμπαραλαμβάνουσι τὴν δευτέραν ταύτην ᾠδήν, ἐπειδὴ καὶ εἶναι ἀνάρμοστος ἡ ὑπόθεσις τῆς ᾠδῆς ταύτης εἰς τὴν ὑπόθεσιν τῶν ᾀσματικῶν κανόνων αὐτῶν· οἱ μὲν γὰρ κανόνες αὐτῶν ἔχουσιν ὕφος καὶ ἰδέαν χαροποιάν, ἑορταστικὴν καὶ πανηγυρικήν, καθότι μουσουργοῦν-

1) **Leonis Allatii, De libris et rebus ecclesiasticis Graecorum, σ. 79. Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt ἐκδ. P. de Lagarde. Gottingae 1882, σ. 50—51.**

ται καὶ ψάλλονται εἰς ὑποθέσεις χαρμοσύνους καὶ κοσμοσωτηρίους· κἂν γὰρ καὶ αὐτὰ τὰ ἄχραντα πάθη τοῦ Κυρίου ἀναφέρουσιν εἰς τοὺς κανόνας των καὶ τὰ ἐμπτύσματα καὶ τὰ ῥαπίσματα καὶ τὸν σταυρὸν καὶ τὸν θάνατον καὶ τὴν ταφήν, ἀλλ' ὅμως καὶ ταῦτα ἔχουσι μαζὶ μὲ τὸ φοβερὸν σμιγμένον καὶ τὸ χαροποιόν, διατὶ ἀναγεννῶσι καὶ ἀναπλάττουσιν ὅλην τὴν κτίσιν. Ἡ δὲ δευτέρα ᾠδὴ εἶναι ἐκ τοὐναντίον ὅλη σκυθρωπή, ὅλη φοβεριστική, χωρὶς νὰ ἔχῃ σμιγμένον κανένα χαροποιόν· ἀναφέρει γὰρ πῶς ἡ σαΐταις τῆς ὀργῆς τοῦ Θεοῦ θέλουν μεθύσουν ἀπὸ αἷμα, πῶς ἡ μαχαίρα του θέλει φάγῃ κρέατα, πῶς θέλει ἐξαποστείλῃ ὀδόντια θηρίων διὰ νὰ ἀφανίσουν τοὺς παραβάτας τῶν ἐντολῶν του, καὶ πῶς φωτία ἀναμμένη εὐγαίνει ἀπὸ τὸ πρόσωπόν του· καὶ ἄλλα πολλὰ τοιαῦτα ἀναφέρει φοβερὰ καὶ τρομερά. Διὰ τοῦτο λοιπὸν οἱ μὲν πανηγυρικοὶ καὶ χορευτικοὶ μελῳδοί, ἄλλης ἰδέας καὶ ὑποθέσεως ὄντες, παραιτοῦσι τὴν δευτέραν ταύτην ᾠδήν· οἱ δὲ ἀσματογράφοι, οἱ τὰ τριῴδια συγγράψαντες (ὁποῖοι εἶναι ὁ ἅγιος Θεόδωρος ὁ Στουδίτης καὶ ὁ κυρὸς Ἰωσὴφ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, ὁ καὶ Θεσσαλονίκης χρηματίσας ἐπίσκοπος, πρὸς ὃν ὁ αὐτάδελφός του Θεόδωρος ἀφιερόνει τὰ ἐν τῇ Ὀκτωήχῳ παρ' αὐτοῦ ποιηθέντα ἀντίφωνα καὶ ἀναβαθμούς), οὗτοι, λέγω, μεταχειρίζονται καὶ τὴν δευτέραν ταύτην ᾠδὴν εἰς τὰ τριῴδιά των, κατὰ τὸν ἁρμόδιον καιρόν, ἤγουν κατὰ τὰς νηστίμους ἡμέρας τῆς μεγάλης τεσσαρακοστῆς, ὅταν ὁ στεναγμὸς καὶ ἡ συντριβὴ τῆς καρδίας καὶ τὸ δάκρυον σπουδάζεται ἀπὸ τοὺς χριστιανούς· φοβερίζοντες γὰρ καὶ αὐτοὶ διὰ τῆς ᾠδῆς ταύτης τὰς ψυχὰς τῶν ἁμαρτωλῶν, φέρουσιν αὐτὰς μὲ τὰ φοβεριστικὰ ἐκείνης λόγια εἰς ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν»[1]. Καὶ οὕτω μὲν ὁ Νικόδημος ἡρμήνευσε τὴν περὶ δευτέρας ᾠδῆς ἀπόφανσιν τοῦ Προδρόμου· σαφέστερον δὲ περὶ τοῦ πράγματος ὡμίλησεν ἐν ἄλλῳ τινὶ τόπῳ, εἰπών· «Ἡ αἰτία δὲ διὰ τὴν ὁποίαν δὲν τροπαρολογοῦσι τὴν δευτέραν ταύτην ᾠδὴν οἱ ἱεροὶ μελῳδοί, ὁ Κοσμᾶς, λέγω, καὶ ὁ Δαμασκηνὸς Ἰωάννης, εἰς τοὺς ἀσματικούς των κανόνας, εἶναι αὐτὴ κατὰ τὸν σοφὸν Θεόδωρον· διότι ἡ μὲν ὑπόθεσις τῶν ἀσματικῶν αὐτῶν κανόνων εἶναι χαροποιὰ καὶ ἑορταστική, καθότι ψάλλονται εἰς ὑποθέσεις καὶ ἑορτὰς χαρμοσύνους· ἂν γὰρ καὶ αὐτὰ τὰ πάθη ἀναφέρωσι καὶ τὸν σταυρὸν καὶ τὴν ταφήν, ἀλλ' ὅμως καὶ ταῦτα ἔχουσι μαζὶ μὲ τὸ φοβερὸν καὶ τὸ χαροποιόν· διότι ἀναπλάττουσιν ὅλην τὴν κτίσιν· ἡ δὲ ὑπόθεσις τῆς δευτέρας ταύτης ᾠδῆς εἶναι ἐκ τοῦ ἐναντίου ὅλη σκυθρωπή, ὅλη φοβεριστική, χωρὶς νὰ ἔχῃ σμιγμένον κανένα χαροποιόν. Διὰ τοῦτο λοιπὸν οἱ μὲν πανηγυρικοὶ καὶ χορευτικοὶ μελῳδοὶ ἄλλην ἰδέαν καὶ ὑπόθεσιν ἔχοντες, χαροποιάν,

1) Νικοδήμου τοῦ Ἁγιορείτου κῆπος χαρίτων, ἤτοι ἑρμηνεία γλαφυρὰ εἰς τὰς θ' ᾠδὰς τῆς στιχολογίας, ἐκ διαφόρων συνερανισθεῖσα. Ἐνετίῃσιν 1819, σ. 20.

παραιτοῦσιν ὡς πενθικὴν τὴν δευτέραν ταύτην ᾠδήν· οἱ δὲ ἄλλοι ᾀσματογράφοι, οἱ τὰ τριῴδια συγγράψαντες, οὗτοι μεταχειρίζονται καὶ τὴν δευτέραν ᾠδὴν εἰς τὰ τριῴδιά των, κατὰ τὸν ἁρμόδιον καιρόν: ἤτοι κατὰ τὰς νηστίμους ἡμέρας τῆς μεγάλης τεσσαρακοστῆς, ὅταν ὁ στεναγμὸς καὶ ἡ συντριβὴ τῆς καρδίας καὶ τὸ δάκρυον σπουδάζεται ἀπὸ τοὺς χριστιανούς· φοβερίζοντες γὰρ καὶ αὐτοὶ διὰ τῆς ᾠδῆς ταύτης τὰς ψυχὰς τῶν ἁμαρτωλῶν, φέρουσιν αὐτὰς εἰς ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν· ὅθεν τὴν ᾠδὴν ταύτην προμαρτυρίαν καὶ διαμαρτυρίαν καὶ ἔλεγχον κατὰ τῶν Ἰουδαίων ὀνομάζει ὁ Ζωναρᾶς, καὶ οὐχὶ ᾆσμα εἰς Θεόν, ἵνα ἐὰν οἱ Ἰσραηλῖται παραβῶσι ταύτην, μὴ ἔχωσι νὰ ἀποκρίνωνται, ὅτι τινὰς δὲν μᾶς εἶπε πρότερον καὶ νὰ διορθωθῶμεν· διὰ τοῦτο καὶ προεῖπεν εἰς τὸν Μωυσῆν ὁ Θεός: ἵνα γένηταί μοι ἡ ᾠδὴ κατὰ πρόσωπον μαρτυροῦσα (ἤτοι ἐλέγχουσα) ἐν υἱοῖς Ἰσραήλ» [1]. Ταύτην μὲν οὖν τὴν ἑρμηνείαν, ὡς ὁ Νικόδημος ἔγραψεν ἐξ ἀρχῆς, ἀλλοιωθεῖσαν ἐνιαχοῦ λεκτικῶς, εὑρίσκομεν καὶ ἐν ἐπισήμῳ τινὶ βιβλίῳ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, ἔνθα τὸ συγγραφέως ὄνομα παρεσιωπήθη· διὸ καὶ πείθεταί τις, ὅτι πάντες οὕτω πιστεύουσιν, ὡς ὁ Νικόδημος ἡρμήνευσε τὰ περὶ τὴν δευτέραν ᾠδήν [2]. Ὁπόθεν εὔδηλον, ὅτι ἀπὸ Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου μέχρις ἡμῶν ἐμορφώθη παράδοσις περὶ τοῦ δευτέραν ᾠδὴν διὰ τοὺς πανηγυρικούς, ὡς λέγεται, κανόνας οὐδέποτε γεγράφθαι παρὰ τῶν ὑμνῳδῶν. Ἀλλ' ὅτι τὴν τοιαύτην παράδοσιν ἐσφαλμένην ἐν τῷ προλόγῳ τῶν μηναίων ὑπέδειξεν ὁ Βαρθολομαῖος εἶναι ὁρμηθεὶς ἔκ τινων ἀκροστιχίδων, εἴδομεν [3]· εἴδομεν δ' ὡσαύτως, ὅτι καὶ φανερῶς οὐχ ὑπετύπωσε τὴν περὶ τούτου γνώμην αὐτοῦ, ἅτε δὴ γράψας τὸ «ὑποτίθεται, ὅτι ὑμνῳδοί τινες εἶχον μὲν τροπαρολογήσει καὶ τὴν δευτέραν τῆς στιχολογίας ᾠδήν, ἀφῃρέθη ὅμως ἔπειτα»· ἀλλ' εἴδομεν ἐπίσης ὅτι πραγματικῶς ἀπειράριθμοι τῶν χαρμοσύνων κανόνων ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ τῶν ὑμνογράφων μετ' ᾠδῆς ἐγράφησαν δευτέρας, καὶ ὅτι μέχρι τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐν τοῖς μηναίοις ὑπῆρχεν αὕτη. Ἐχόμενον οὖν ὅπως ἐρευνηθῇ τῆς παραλείψεως αὐτῆς ἡ αἰτία διὰ λόγους ἐπιστημονικούς, βασανισθῇ δὲ καὶ τὸ ἑρμηνευθὲν ὑπὸ τοῦ Νικοδήμου δίδαγμα τοῦ Προδρόμου.

---

1) Νικοδήμου τοῦ Ἁγιορείτου ἑορτοδρόμιον, ἤτοι ἑρμηνεία εἰς τοὺς ᾀσματικοὺς κανόνας τῶν δεσποτικῶν καὶ θεομητορικῶν ἑορτῶν. Ἐν Βενετίᾳ 1836, σ. κα'.

2) Τυπικὸν ἐκκλησιαστικόν, κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, ἐκδοθὲν τὸ πρῶτον παρὰ Κωνσταντίνου πρωτοψάλτου. Βενετίᾳ 1884, σ. 332.

3) Τὴν ἐκ παλαιοῦ τῆς δευτέρας ᾠδῆς ὕπαρξιν ἐν τοῖς κανόσι τῶν χαρμοσύνων ἑορτῶν ὑπεστήριξεν ἐσχάτως ὁ σοφὸς Εὐστάθιος ὁ Βουλισμᾶς, ἀρχιεπίσκοπος Κερκύρας ['Εκκλησ. Ἀληθ. τ. XII, 1893, σ. 360], προσκομίσας τινὰ πρόχειρα παραδείγματα· καὶ λέγει ὅτι «βεβαίως ἡ παράλειψις τῆς β' ᾠδῆς ἤρξατο ἐπὶ Γεωργίου τοῦ μελῳδοῦ, ὅστις ἄλλοτε ἐποίει δευτέραν ᾠδὴν καὶ ἄλλοτε ὄχι»· ὅπερ ἀπαράδεκτον, ὡς δείκνυσι καθόλου τὸ σχεδίασμα τοῦτο.

Στέρομαι τοῦ πρωτοτύπου κειμένου τῆς συγγραφῆς Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου, πρὸς ἣν ὁ Νικόδημος ἀναφέρεται· τεμάχιον δὲ μικρὸν ἐπ' ὀνόματι τοῦ Ζωναρᾶ, πρὸς ὃν ὡσαύτως ὁ Νικόδημος ἀναφέρεται, περιέχεται προχείρως ἐν τῷ μεγάλῳ εὐχολογίῳ τοῦ Goar, ὅστις ἐρωτᾷ[1]: Quid est quod Græci post primum quodlibet canonum canticum, omisso secundo, tertium confestim subjiciunt? Respondet Zonaras: παραλιμπάνεται δὲ ἡ δευτέρα ᾠδή, ὅτι οὐχ ὕμνος ἐστὶ πρὸς Θεόν, ἀλλὰ προμαρτυρία πρὸς Ἰουδαίους καὶ ἀπειλὴ καὶ ἔλεγχος τῆς πονηρίας αὐτῶν καὶ τῶν μελλόντων αὐτοὺς καταλήψεσθαι κακῶν προαγόρευσις· ᾠδὴ δὲ λέγεται, ὡς προκήρυξις τῶν ἐπαχθησομένων κακῶν τοῖς Ἰσραηλίταις, διὰ τὴν πονηρίαν αὐτῶν καὶ κακίαν, καὶ τῶν περιπαθῶν σφοδρὰ προαγόρευσις, ἃ τραγῳδίαν ποιοῦσιν· ἀοιδὴ γὰρ καὶ ᾠδὴ καὶ ὕμνος καὶ προσευχὴ ἐκλήθη, ὅτι περιπαθῶς καὶ θρηνῳδῶς ὀφείλουσι γίνεσθαι καὶ ἐκ συντετριμμένης καρδίας». Ἐκ ταύτης μὲν οὖν τῆς ἑρμηνείας καὶ τῆς ῥηθείσης νικοδημείου παραφράσεως ἐγὼ πορίζομαι ταῦτα· πρῶτον μέν, ὅτι Θεόδωρος ὁ Πρόδρομος καὶ Ἰωάννης ὁ Ζωναρᾶς ἀκριβῶς ἐγίνωσκον, ὅτι Κοσμᾶς καὶ Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς δευτέραν ᾠδὴν οὐκ εἰσήγαγον εἰς τοὺς πανηγυρικοὺς αὐτῶν κανόνας. Ζητήσαντες οὖν ὅ τε Θεόδωρος καὶ Ἰωάννης ὁ Ζωναρᾶς ἑρμηνεῦσαι τοὺς λόγους, δι' οὓς ἐξ ἀρχῆς ἐκεῖνοι τὴν δευτέραν οὐ συνέγραψαν ᾠδήν, ἐπίστευσαν ὅτι τούτους ἀνεῦρον ἐν τῷ σκοπῷ δι' ὃν ἡ δευτέρα τοῦ Μωυσέως ᾠδὴ συνετέθη. Νομίζω δ' ὅμως ὅτι σφάλλονται· ἔξω γὰρ τοῦ Κοσμᾶ καὶ τοῦ Δαμασκηνοῦ, πολλοὶ τῶν ὑμνῳδῶν ἐποίησαν κανόνας ᾀσματικοὺς καὶ μετ' ᾠδῆς δευτέρας καὶ τοιαύτης ἄνευ, οἷος ὁ παλαιότερος αὐτῶν Ἀνδρέας ὁ Κρήτης, ὅστις ἔξω τοῦ μεγάλου περιφήμου κανόνος, ἐποίησε κανόνα πανηγυρικόν, μέγαν ὡσαύτως, διὰ τὴν τρίτην τοῦ Φεβρουαρίου μηνός, ὅτε Συμεὼν ὁ θεοδόχος ἑορτάζεται καὶ ἡ προφῆτις Ἄννα· συναριθμοῦντα τροπάρια μετὰ τῶν ᾠδῶν ὀγδοήκοντα καὶ ἑκατόν, ὧν εἴκοσι καὶ πλέον ἀποτελοῦσι τὴν δευτέραν ᾠδήν, ἣ καὶ μετὰ τοῦ λοιποῦ ποιήματος ἐψάλλετο μέχρι τέλους τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος[2]. Νομίζω τοίνυν, ὅτι Θεόδωρος καὶ Ζωναρᾶς ὑπετύπωσαν ἁπλούστατα γνώμην περὶ τῆς τοιαύτης ᾠδῆς, οἵαν ἡ θεολογικὴ παίδευσις ἐν τοῖς χρόνοις αὐτῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει διέδιδεν, ἀρχῆς γενομένης ἀπὸ τοῦ μέσου τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, ὅτε τὰ καθολικὰ μηναῖα τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐμφανίζονται σπανίως ἔχοντα τὴν δευτέραν ἐν τοῖς κανόσιν ᾠδήν. Τότε δὲ πιθανῶς προσετέθη ἐν τῷ εἱρμολογίῳ τὸ σημείωμα τοῦτο· «Ἰστέον ὅτι ἡ δευτέρα ᾠδὴ (τῆς

1) Ἐκδόσεως Βενετίας 1733, σ. 352.

2) Ἀρχιμ. Ἀμφιλοχίου, О неизданныхъ канонахъ въ служебной Февральской греческой минеи, σ. 1—15.

στιχολογίας) οὐδέποτε στιχολογεῖται, εἰ μὴ ἐν μόνῃ τῇ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ· μετὰ δὲ τὴν τρίτην στιχολογοῦμεν αὐτὴν ἕως τέλους». Δεύτερον δὲ πόρισμα τῆς νικοδημείου παραφράσεως τοῦτ' ἔστιν· ὅτι Θεόδωρος ὁ Πρόδρομος καὶ Ζωναρᾶς ὁ Ἰωάννης ἐξεφράσθησαν ῥητῶς, ὅτι «καὶ οἱ λοιποὶ μελῳδοί, οἱ τῶν πανηγυρικῶν κανόνων τῶν δεσποτικῶν καὶ θεομητορικῶν καὶ ἁγίων ἑορτῶν ποιηταί, δὲν μεταχειρίζονται εἰς τοὺς κανόνας των τὴν δευτέραν ᾠδήν, ἀλλ' ὑπερβαίνοντες αὐτὴν τροπαρολογοῦσι τὴν τρίτην ᾠδήν»· διὸ καὶ κατωτέρω μνημονεύεται φανερῶς Ἰωσὴφ ὁ ὑμνογράφος, ὡς γράψας ᾠδὰς δευτέρας μόνον εἰς τριῴδια. Φανερὸν οὖν ἐντεῦθεν, ὅτι περὶ τὸ τέλος τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος οἱ κορυφαῖοι τῆς ἐκκλησιαστικῆς ᾀσματολογίας ἀγνοήσαντες ταύτης τὴν ἱστορίαν ἐψευδολόγησαν ἀναισθήτως, διδάσκαλοι παραδόσεως ἐσφαλμένης ἄχρις ἡμῶν ἐπικρατούσης ἀποβάντες. Ὅτι δὲ τὰ παρ' αὐτῶν εἰρημένα ψευδῶς ἔχουσιν, ὁ ἀναγνώστης τῶν προτεταγμένων κεφαλαίων ἐγνώρισεν ἤδη· Ἀνδρέας μὲν γὰρ ὁ Κρήτης εἰς κανόνας πανηγυρικοὺς εἰσήγαγε δευτέρας ᾠδάς, οἷον εἰς τὸν ἀνατεθέντα τῇ συλλήψει τῆς ἁγίας Ἄννης· Θεοφάνους δὲ τοῦ ποιητοῦ κανόνας ἑορταστικοὺς ἐγνωρίσαμεν ἤδη μετ' ᾠδῆς δευτέρας ὑπὲρ τοὺς ἓξ καὶ δέκα, Ἰωσὴφ δὲ τριάκοντα καὶ ἕξ, Γεωργίου δὲ Νικομηδείας ἐπισκόπου πέντε, Κλήμεντος δὲ τρεῖς, Γρηγορίου δὲ καὶ Ἰγνατίου καὶ Γερμανοῦ τρεῖς· καὶ εἴποτε κατὰ τοῦτο συνερευνηθῶσι τὰ χειρόγραφα μηναῖα τὰ πρὸ τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος γεγραμμένα, τὸ ποσὸν τῶν μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ᾀσματικῶν κανόνων αὐξηθήσεται μεγάλως. Βεβαιότατον οὖν, ὅτι καὶ πανηγυρικῶν ᾀσμάτων οἱ ποιηταὶ δευτέραν ᾠδὴν ἐποίησαν, ἣν ἡ ἐκκλησία Κωνσταντινουπόλεως ἔψαλλεν ἀδιακρίτως κατὰ πάντα μῆνα τοῦ ἐνιαυτοῦ μέχρι τέλους που τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος· ἀλλ' ὕστερον διὰ συμβολικὴν ἢ ἀναγωγικὴν τῶν θείων γραφῶν ἑρμηνείαν, ὑπερβαλλόντως ἀναπτυχθεῖσαν, ἀπεβλήθη κατὰ μικρὸν ἐκ τῶν μηναίων, παντελῶς, ὡς φαίνεται, καταργηθέντος ἢ λησμονηθέντος ἐν τῷ μεταξὺ τοῦ λόγου τοῦ συναξαρικοῦ, τουτέστι τοῦ τυπικοῦ, δι' ὃν ἡ δευτέρα ᾠδὴ τὸ πρότερον ἐψάλλετο. Τοιαῦτά τινα κατ' ἐμὲ φαίνονται τὰ αἴτια τῆς ἐκ τῶν μηναίων ἀποβολῆς εἶναι τῶν δευτέρων ᾠδῶν, τουτέστι κατάργησις ἢ λήθη τινὸς ἀξιώματος τοῦ λειτουργικοῦ τυπικοῦ καὶ τῆς συμβολικῆς τῶν γραφῶν ὑπέρμετρος ῥοπὴ πρὸς τὰ λειτουργικὰ τῆς ἐκκλησίας βιβλία· ὅτι δὲ διὰ τοιαύτην λήθην ἢ καὶ ῥοπὴν ᾄσματα πολυαριθμότατα καταστραφέντα μέχρις ἡμῶν ἠκρωτηριασμένα περιῆλθον, ἐντεῦθεν εἰκάζω· ἀνεξήγητον δηλαδὴ τὸ διατί ποιηταὶ κανόνων ἑορταστικῶν μετ' ᾠδῆς δευτέρας ἔγραψαν ὡσαύτως κανόνας ἑορταστικοὺς ἄνευ ᾠδῆς δευτέρας· παρατηρῶ γὰρ ἐν τοῖς ἀρχαίοις ἀντιγράφοις τῶν μηναίων, ἔνθα τὰ κείμενα τῶν κανόνων ἄρτια μένουσιν,

ὅτι πολλάκις εἷς καὶ ὁ αὐτὸς ποιητὴς συνέθετο κανόνας καὶ μετ' ᾠδῆς δευτέρας καὶ χωρὶς αὐτῆς· παρατηρῶ δὲ τοῦτ' αὐτὸ καὶ ἐν αὐτοῖς τοῖς ἐν χρήσει τετυπωμένοις μηναίοις, καὶ παραδείγματος χάριν ἐξ αὐτῶν ἐμφανίζω μαρτύριά τινα διὰ τὸν ὑμνογράφον Ἰωσήφ· πρὸς μὲν γὰρ τὸν ἅγιον Ἀγαθόνικον (Αὐγούστου κή) ἐποίησε κανόνα μετὰ δευτέρας ᾠδῆς, ὡς ἡ ἀκροστιχὶς μαρτυρεῖ· πρὸς δὲ τὸν ἅγιον Λοῦπον, τὸν κατ' αὐτὴν τὴν ἡμέραν ἑορταζόμενον, κανόνα συνέταξεν ἐξ ἀρχῆς ἄρτιον, δευτέρας ᾠδῆς ἄνευ. Τοῦτ' αὐτὸ συμβαίνει τῇ 9-ῃ τοῦ Δεκεμβρίου μηνός, ὅτε, πλὴν τοῦ μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ᾄσματος εἰς τὴν ἁγίαν Ματρώναν, ὁ Ἰωσὴφ ἔγραψεν ὡσαύτως ἕτερον ἄνευ τοιαύτης ᾠδῆς εἰς τοὺς ἁγίους Ὀνησίφορον καὶ Πορφύριον, τοὺς ἑορταζομένους αὐτῇ ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ· καὶ πάλιν τῇ 27-ῃ τοῦ αὐτοῦ μηνός, ὅτε πανηγυρίζεται τῆς ἁγίας μεγαλομάρτυρος Ἀναστασίας ἡ μνήμη, κανόνας ἐποίησεν αὐτῇ ταύτῃ τῇ ἁγίᾳ δύο, τὸν μὲν ἄνευ ᾠδῆς δευτέρας, τὸν δὲ μετὰ τοιαύτης. Ταῦτα μὲν οὖν τὰ παραδείγματ' ἀρκοῦσιν ἡμῖν ἤδη· τί δὲ σημαίνει τὸ τοιοῦτον ἔθος τῶν ὑμνογράφων; οὐκ ἔστιν ἆρά γε τοῦτο μαρτύριον ἐπαρκές, ὅτι τῆς ὑμνογραφικῆς τέχνης ὑπῆρχε κανών τις ἢ δίδαγμά τι θεμελιῶδες ἐκκλησιαστικόν, ὃ τὸν ὑμνογράφον ἐκέλευε χρῆσθαι τῇ δευτέρᾳ τῆς στιχολογίας ᾠδῇ, κατὰ τὴν σύνταξιν τῶν ᾀσματικῶν κανόνων, ἐπὶ τοιαύτης ἢ τοιαύτης περιστάσεως; οὐκ ἔστι δὲ πάλιν ἆρά γε τὸ διὰ τῶν μηναίων ἐκποριζόμενον ἔθος ἐκεῖνο μαρτύριον ἱκανὸν περὶ τοῦ ὅτι τὴν τοιαύτην ἢ τοιαύτην χρῆσιν τῆς δευτέρας ᾠδῆς ἐπέταττε τῷ ὑμνογράφῳ λόγος εἰδικός, τεχνικός, ἐκ τοῦ συναξαρίου, τοῦ νῦν δηλαδὴ τυπικοῦ λεγομένου, παραλαμβανόμενος, οὗτινος οἱ Κωνσταντινουπόλεως ἱερεῖς περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς δυοκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐπελάθοντο παντελῶς, ἢ διὰ τὴν ῥοπὴν τῆς συμβολικῆς ἢ ἀναγωγικῆς τῶν ἱερῶν γραφῶν ἑρμηνείας, ἢ διὰ τὴν τότε πιθανὴν τῶν συναξαρίων, τουτέστι τῶν τυπικῶν, ἐν Κωνσταντινουπόλει μεταρρύθμισιν; οὐκ ἐχρησίμευεν ἆρά γε τὸ ποίημα τὸ μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ συνταχθὲν εἴς τινα τῶν ἁγίων οἱονδήποτε ὡς αὐτὸ τοῦτο κανὼν παρακλητικός, ὡρισμένος ἵνα ψάλληται πρὸ τοῦ ὄρθρου τῆς κυρίως ἑορτῆς ἐν τοῖς ἀποδείπνοις, ἢ ἐν τῇ ἀγρυπνίᾳ, ἢ καὶ μετὰ τὴν ἱερουργίαν ἰδίᾳ, κατὰ παράκλησιν ἐξιδιασμένην, οἷα καὶ νῦν ἔτι γίγνεται ἔν τισι τῶν μοναστηρίων; Ἀλλ' ἂν οὕτως ἔχει τὸ πρᾶγμα, διατί τὰ παλαιότερα τῶν μηναίων ἔν τισι τῶν ἑορτῶν ἕνα μόνον ἐμπεριέχουσιν ἄρτιον κανόνα διακρίσεως ἄνευ, δηλαδὴ καὶ χωρὶς ᾠδῆς δευτέρας καὶ μετὰ τοιαύτης; Ὁ τοιοῦτος ἆρά γε κανὼν ἐψάλλετο μόνον ἐν τῷ ἑσπερινῷ, ἐν τοῖς ἀποδείπνοις, ἢ καὶ ἐν αὐτῷ τῷ ὄρθρῳ; Ὑπάρχει τοίνυν εἷς λόγος, ἄγνωστος ἡμῖν ἤδη, καθ' ὃν ἡ δευτέρα τῆς στιχολογίας ᾠδὴ παρὰ τῶν ποιητῶν ἐτροπαρολογεῖτο καὶ τοῖς πανη-

γυρικοῖς ἢ ἑορταστικοῖς ἀνεμιγνύετο κανόσιν· ὃν ἴσως τυπικόν ἀρχαιότατον, ἄγνωστόν που παρερριμμένον, φανερόν ποτε καταστήσει. Οὐχ ἧττον ὅμως τὸν μετὰ δευτέρας ᾠδῆς κανόνα φαίνεται ὅτι αἱ ἐκκλησίαι πρὸ τοῦ ὄρθρου ἔψαλλον, καθάπερ ὑποδείκνυσί πως τὸ τυπικόν τῆς ἐν Φωκίδι μονῆς τοῦ Στειριώτου, ὅπερ ἀνεῦρον ἐν τῇ λαύρᾳ τοῦ ἁγίου Σάβα· ἐν τούτῳ γὰρ τῷ τυπικῷ, γεγραμμένῳ περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς τρίτης καὶ δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ τοῦ Στειρίου, περιεσώθησαν ᾀσματικοὶ κανόνες ἄγνωστοι πολλοί, ὧν τινες ἐμπεριλαμβάνουσι δευτέρας ᾠδάς. Ἀλλ' ὅτε τὸν κώδικα τοῦτον ἀνεῦρον, ἐγὼ περὶ τοῦ ζητήματος τῆς δευτέρας ᾠδῆς οὐδὲν ἐγίνωσκον, οὐδὲ προέβλεπον ὅτι ποτὲ τοῦτο θέμα μελέτης ἔμελλε γενέσθαι· καὶ διὰ τοῦτο σφόδρα λυποῦμαι νῦν, ὅτι τῶν ἐν τῷ τυπικῷ τούτῳ διατάξεων οὐδεμίαν ἀντέγραψα· ἴσως γὰρ ἐξ ἐκείνου τὸ ζήτημα, περὶ ὃ νῦν ἀσχολοῦμαι σοβαρῶς οὕτω, λύεται διὰ παντός. Ἀντέγραψα μέντοι τινὰς ἐκ τῶν ἐν τῷ κώδικι κανόνων, καὶ τῇ βοηθείᾳ τούτων ἤδη προστίθημι τοῖς εἰρημένοις τὰ συνεπόμενα, ἵνα τις ἄλλος ἐπιστατικώτερον ἐρευνήσας τὸν κώδικα σημειώσηται τινὰς ἐκ τῶν ἐν τῷ τυπικῷ διατάξεων, τὰς ὁριζούσας δηλαδὴ τὸν χρόνον καθ' ὃν οἱ μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ἐψάλλοντο κανόνες· εἰ γὰρ ἐκεῖ τοιαῦται διατάξεις ὑπάρχωσι, τὸ μὲν ζήτημα λύεται τελείως, ὡς ἐρρήθη, ἐγὼ δὲ ὁ τοῦτο θέμα ζητήσεως ἀναδείξας μεγάλως, ὡς εἰκός, χαρίσομαι, λογιζόμενος ὅτι μάτην οὐκ ἐκοπίασα. Κατ' ἰδίαν οὖν ἐν τῷ τυπικῷ τοῦ Στειρίου περιέχονται κανόνες ᾀσματικοὶ πρὸς ἁγίους περὶ τοὺς τριάκοντα, ὧν οἱ πλείους ὀνομάζονται παρακλητικοί, ἕτεροι δέ τινες ἱκετήριοι ἢ ἱκετικοί, σταυρώσιμοι καὶ ἐξαγορευτικοί· ἐξ ὧν ἀντέγραψα πέντε κατ' ἐκλογήν, ἅπαντας ἐπιγεγραμμένους παρακλητικούς[1]. Ὁ μὲν πρῶτος ἐποιήθη παρὰ τοῦ μεγάλου πατριάρχου Φωτίου, καὶ ἐπιγράφεται «κανὼν παρακλητικὸς εἰς τὴν ἁγίαν καὶ ὁμοούσιον τριάδα καὶ εἰς τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον», ὅστις δευτέραν ᾠδὴν οὐ περιλαμβάνει[2], διὰ τὸ ὅτι πρὸς τὸν Θεὸν ἀναφέρεται, πρός τε τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον καὶ πρὸς τὸν Ἰησοῦν Χριστόν· γινώσκομεν γὰρ ἤδη, ὅτι Κοσμᾶς ὁ μελῳδὸς καὶ Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς καὶ πάντες ἀνεξαιρέτως οἱ ποιηταὶ οὐδένα πρὸς τὴν θεότητα μετὰ δευτέρας ᾠδῆς κανόνα συνέθεντο πανηγυρικόν. Δεύτερος δὲ κανών, ἐκ τοῦ τυπικοῦ τοῦ Στειρίου παραληφθείς, παρακλητικός ἐστιν ὡσαύτως, ἀνατεθειμένος δὲ πρὸς τὸν ἀρχιστράτηγον Μιχαήλ, οὗ ποιητὴς ὁ Εὐθύμιος. Ἐν τούτῳ τοίνυν ὑπάρχει πλήρης ᾠδὴ δευτέρα[3]· πότε δὲ τὸ ποίημα ἐψάλλετο,

1) Ὅρα τὴν περιγραφὴν τοῦ κώδικος ἐν τῷ δευτέρῳ τόμῳ τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Βιβλιοθήκης, σ. 473—479.

2) Κατεχωρίσθη τὸ πρῶτον ἐν τῇ συλλογῇ τῶν ὑπ' ἐμοῦ συνεκδοθέντων ἐν Πετρουπόλει πονηματίων τοῦ πατριάρχου Φωτίου, σ. 9 κέ.

3) Ἱεροσολυμ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σ. 672.

παντάπασιν ἀγνοῶ. Τρίτον δὲ παρακλητικὸν κανόνα, παρὰ τοῦ ποιητοῦ γεγραμμένον Ἰωσήφ, ἀντέγραψα τὸν «εἰς τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν Ἰωάννην τὸν Χρυσόστομον, ἀκροστιχίδα φέροντα τήνδε: Ἕκτη δέησις τῷ Χρυσοστόμῳ πρέπει». Καὶ οὗτος ὁ κανὼν ᾠδὴν οὐκ ἔχει δευτέραν· τὸ εἶναι ἄρα τὸν κανόνα παρακλητικὸν ἁπλῶς οὐδὲν σημαίνει διὰ τὴν ᾠδὴν ταύτην. Τέταρτον δὲ κανόνα, ποιηθέντα παρὰ τοῦ Εὐθυμίου παρακλητικῶς «εἰς τὸν ὅσιον καὶ θαυματουργὸν Λουκᾶν» ἀντέγραψα μέν, ἀλλ' οὐδ' ἐν αὐτῷ δευτέραν εὗρον ᾠδήν· ἀγνοῶ δὲ καὶ τὸ πότ' ἐξ ἀρχῆς ἐψάλλετο· ἔστι δὲ τύποις ἀνέκδοτος, καὶ μετὰ τὴν ἕκτην ᾠδὴν αὐτοῦ κοντάκιον ὑπάρχει καὶ οἶκος. Πέμπτον δὲ κανόνα παρέλαβον ἀντιγράψας τὸν ἐπιγεγραμμένον ὧδε· «κανὼν παρακλητικὸς εἰς τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν καὶ θαυματουργὸν Λουκᾶν, φέρων ἀκροστιχίδα τήνδε: Ὕμνος πέφυκεν εὐχτικός μοι τῷ τάλα: ἐν δὲ τοῖς θεοτοκίοις: Εὐθυμίου». Ὃν ψάλλουσι νῦν ἐκ παραδόσεως ἀρχαίας οἱ ἐν τῇ μονῇ τοῦ Στειρίου μονάζοντες τῇ 3-ῃ Μαΐου μηνός, ὅτε πανηγυρίζεται ἡ μνήμη τῆς ἀνακομιδῆς τοῦ λειψάνου Λουκᾶ τοῦ Στειριώτου[1]· ψάλλουσι δὲ τοῦτον ἐν τοῖς ἀποδείπνοις ἠκρωτηριασμένον σφόδρα, καθὰ δείξει τῆς ἐφημερίδος ταύτης ἢ ἄλλης τινὸς τόπος ἕτερος, ἐν ᾧ λόγος ἔσται περί τε Εὐθυμίου τοῦ ὑμνογράφου καὶ περὶ τῶν ἐν τῷ τυπικῷ τοῦ Στειρίου περισῳζομένων ᾀσμάτων εἰς τὸν ὅσιον Λουκᾶν τὸν Στειριώτην. Ἐν ἐκείνῳ μὲν οὖν τῷ κανόνι ὑπάρχει τῳόντι δεύτερα ᾠδή, ἣ συμπληροῖ τὴν ἐπὶ κεφαλῆς ἀκροστιχίδα· παρεμβάλλεται δὲ μετὰ τὴν ἕκτην ᾠδὴν καὶ κοντάκιον καὶ οἶκος. Εἰ γοῦν ἡ τῶν ἐν τῇ μονῇ παράδοσις περὶ τούτου τοῦ κανόνος ἐστὶ παλαιά, δέδεικταί πως ἄρα τινὸς ἀληθείας οὐκ ἐστερῆσθαι τὸ παρατήρημα, ὅτι τοὺς μετὰ δευτέρας ᾠδῆς ἑορταστικοὺς κανόνας ἔψαλλον ἐν τοῖς ἀποδείπνοις οἱ παλαιοί. Τὸ ζήτημα μέντοι παντελῶς ἄλυτον ὑπολαμβάνω, εἰ μὴ πρότερον εἰδικώτερον ἐρευνηθῶσι τὰ παλαιότερα τῶν μηναίων καὶ τῶν τυπικῶν αὐτῶν· ἕτερα δὲ κεφάλαια, τῇ πραγματείᾳ ταύτῃ προσήκοντα, θέμα μελέτης ἕξουσι τὸ ποῖά τινα κέρδη τῶν ἑλληνικῶν μηναίων ἡ ἱστορία πορίζεται διὰ τῆς ἀντιβολῆς αὐτῶν πρὸς τὰς ἀρχαίας τῶν Σλάβων μεταφράσεις.

Ἔγραφον ἐν Πετρουπόλει τῇ 1 τοῦ Φεβρουαρίου μηνός, ἔτους 1894.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

1) Γ. Π. Κρέμου, Φωκικά· προσκυνητάριον τῆς ἐν τῇ Φωκίδι μονῆς τοῦ ὁσίου Λουκᾶ τοὐπίκλην Στειριώτου. Τόμος I, ἐν Ἀθήναις 1874, σ. 73 κέ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Docteur Mordtmann, *Esquisse topographique de Constantinople.* Lille, 1892. 4°, 91 стр. (Топографическій очеркъ Константинополя, соч. д-ра Мордтманна).

Недавно скончавшійся графъ Riant, которому наука обязана капитальными трудами по исторіи Константинопольскихъ святынь, похищенныхъ латинянами послѣ завоеванія столицы крестоносцами четвертаго крестоваго похода и развезенныхъ по разнымъ областямъ римско-католическаго міра, въ послѣдніе годы своей жизни очень занятъ былъ между прочимъ разными вопросами по топографіи Константинополя во время завоеванія его латинянами, главнымъ образомъ по той причинѣ, что считалъ необходимымъ выяснить и точно опредѣлить топографію тѣхъ храмовъ и дворцовъ, въ которыхъ перевезенныя въ Западную Европу святыни и реликвіи находились и почитались до похищенія ихъ. Для достиженія этой цѣли гр. Riant поручилъ д-ру Мордтманну, много лѣтъ проживающему въ Константинополѣ и занимающемуся его древностями и топографіей, составить планъ средневѣковаго Константинополя. Планъ и эскизъ были готовы для печати и просмотрѣны гр. Riant'омъ, когда смерть похитила этого необыкновенно преданнаго своему дѣлу труженика науки. Послѣ его смерти, бумаги покойнаго, по его желанію, перешли къ F. de Mély, которому покойный завѣщалъ продолженіе своихъ знаменитыхъ Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. F. de Mély, найдя въ бумагахъ гр. Riant'a планъ и эскизъ г. Мордтманна, предназначавшіеся сначала для Archives de l'Orient latin, издалъ ихъ въ Revue de l'art chrétien за 1891 г. Отдѣльный оттискъ изъ этого журнала и представляетъ собою такимъ образомъ книга, заглавіе которой мы выписали въ началѣ и которая будетъ служить предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Большая часть «Очерка» г. Mordtmann'а посвящена стѣнамъ и воротамъ Константинополя, причемъ попутно обозрѣваются и прилегающія къ нимъ зданія. Центральнымъ же улицамъ и зданіямъ посвящена только одна послѣдняя (VII) глава. Эта краткость относительно центральныхъ частей города возмѣщается отчасти общимъ обозрѣніемъ города по регіонамъ (гл. I), согласно съ древнею Notitia urbis Constantinopolitanae, причемъ упоминаемые здѣсь топографическіе пункты и постройки пріурочиваются къ зданіямъ и мѣстностямъ, названія которыхъ встрѣчаются у сравнительно позднѣйшихъ византійскихъ писателей, особенно въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго.

При этомъ обозрѣніи главнѣйшихъ пунктовъ по регіонамъ, д-ръ Mordtmann съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на IV регіонѣ, стараясь опредѣлить положеніе Милія (Milliare или Milliarium aureum), который былъ исходнымъ пунктомъ для счета миль по дорогамъ, шедшимъ изъ Константинополя въ разныя области Византійской имперіи. Дѣло въ томъ, что въ «Описаніи Константинополя по регіонамъ» исходнымъ пунктомъ IV регіона названъ Милій: захватывая его и по крайней мѣрѣ часть площади Августеона, четвертый кварталъ протягивался узкою полосою между холмами, изъ которыхъ на одномъ стояла св. Софія, а на другомъ форъ Константина, и шелъ, постепенно расширяясь, къ Золотому рогу (Regio quarta a Milliario aureo collibus dextra levaque surgentibus, ad planitiem usque valle ducente perducitur. Continet in se idem Milliarium aureum, Augusteum, Basilicam etc.) [1]).

Принимая во вниманіе, что св. Софія по Descriptio находилась во II регіонѣ, а дворецъ (Magnum Palatium) въ I, D-r Mordtmann справедливо отвергаетъ мнѣніе Лабарта, который помѣщаетъ въ своемъ планѣ дворца

---

1) Urbis Constantin. descriptio у Дюканжа въ Const. Christ. ed. Venet., lib. I, p. 56. D-r Mordtmann (Esquisse, p. 3) полагаетъ, что слово *Augusteum* попало въ IV regio по ошибкѣ, такъ какъ «уже во 2 регіонѣ перечисляются всѣ зданія, воздвигнутыя на Августеонѣ, какъ эта площадь опредѣляется у авторовъ». Но почтенный авторъ, кажется, упустилъ изъ вида, что Descriptio написана гораздо раньше Юстиніана Великаго и разумѣетъ не тотъ видъ Августеона, который эта площадь получила послѣ значительнаго увеличенія св. Софіи Юстиніаномъ и который извѣстенъ позднѣйшимъ писателямъ, а тотъ видъ и объемъ, который имѣлъ Августеонъ до Юстиніана, когда св. Софія была меньше и не доходила западнымъ фасадомъ своего двора (atrium) до самаго склона холма, какъ Юстиніановская св. Софія. IV регіонъ, доходя до древней св. Софіи, захватывалъ и площадь Августеонъ, но не захватывалъ св. Софіи, которая находилась по Descriptio во II регіонѣ. Да и впослѣдствіи, послѣ постройки Юстиніаномъ новаго, гораздо бóльшаго храма св. Софіи, площадь Августеонъ доходила до Милія, отъ котораго къ западу начиналась Большая улица, и нѣкоторою частію своею входила, по всей вѣроятности, въ предѣлы IV регіона, даже если границу II и IV регіона мы проведемъ у западнаго фасада атрія Юстиніановой св. Софіи, такъ какъ Милій былъ нѣсколько западнѣе этого фасада и площадь Августеонъ выходила къ западу за предѣлы западнаго фасада атрія, а слѣд. и II регіона. Въ виду всего вышесказаннаго считать помѣщеніе Августеона въ IV регіонѣ ошибкой едва-ли возможно и нужно. Ср. Gyllii De Topograph. Constantinop., lib. II, c. III, у Бандури въ Imperium Orientale, p. 193, ed. Venet.

и его окрестностей Милій на югъ отъ св. Софіи, между этимъ храмомъ и дворцомъ. Если бы это было такъ, то Милій оказался бы въ I-мъ или II-мъ регіонѣ, а не въ IV, который около св. Софіи своимъ узкимъ концомъ прилегалъ къ II регіону съ запада. На этомъ основаніи D-r Mordtmann совершенно вѣрно говоритъ, что «Милій находился на западъ отъ св. Софіи и на сѣверъ отъ бань Зевксиппа».

Въ доказательство своего мнѣнія авторъ ссылается на то обстоятельство, что, по Придворному уставу Константина Багрянороднаго, цари, идя на западъ, къ фору Константина изъ св. Софіи, проходятъ чрезъ Милій и потомъ идутъ по Большой или Средней улицѣ. Равнымъ образомъ, когда цари шли съ запада, отъ фора Константина ко дворцу, они, не заходя въ св. Софію, проходили опять таки чрезъ Милій, чтобы потомъ подойти къ дворцу или банямъ Зевксиппа, прилегавшимъ къ пропилеямъ дворца, такъ называемой Халкѣ, съ запада.

На основаніи Придворнаго же устава и я старался опредѣлить положеніе Милія относительно св. Софіи во II кн. Byzantina (стр. 93) и пришелъ совершенно къ тѣмъ же выводамъ, какъ и д-ръ Мордтманнъ, съ тою только разницею, что я опредѣляю мѣсто Милія нѣсколько точнѣе: Милій лежалъ не прямо на западъ отъ св. Софіи, не противъ западной стороны двора (атрія) св. Софіи, а противъ юго-западнаго угла его, такъ какъ Средняя улица, на которой стоялъ Милій, упиралась не въ западный фасадъ двора св. Софіи, а выходила къ Августеону, который примыкалъ къ южному фасаду храма и двора св. Софіи [1]).

Такъ какъ Милій, по свидѣтельству Анонима, стоялъ на мѣстѣ городскихъ воротъ древней Византіи и стѣна эта проходила отъ Милія къ сѣверу чрезъ Халкопратіи, то D-r Mordtmann заключаетъ, что Халкопратіи и храмъ Богородицы Халкопратійской никакъ не слѣдуетъ искать, вмѣстѣ съ Лабартомъ и Паспати, на востокъ отъ св. Софіи, а *на сѣверъ*, и находитъ ее въ теперешней мечети Зейнебъ-Султана (Zeineb-Sultan). Подтвержденіе этого предположенія г. Mordtmann видитъ въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ въ Халкократійскій храмъ, въ которыхъ между прочимъ говорится, что въ такихъ выходахъ цари, идя отъ фора Константина въ Халкопратійскій храмъ по портику, окаймлявшему Большую улицу съ сѣверной стороны, доходили до дворца Лавза и у него поворачивали налѣво въ Халкопратійскій храмъ. А такъ какъ цари въ этомъ случаѣ шли съ запада на востокъ, отъ фора Константина къ св. Софіи, Августеону и Большому дворцу, то, сворачивая налѣво, они шли на сѣверъ, слѣдовательно, и храмъ Халкопратійской Богородицы находился *на*

1) D-r Mordtmann не указываетъ обрядовъ Придворнаго устава, которые привели его къ вышеприведенному заключенію, но, очевидно, это—тѣ самые обряды, которые приведены у меня на указанной страницѣ II кн., гдѣ вопросы о положеніи Милія и указанія на это Придворнаго устава разсматриваются гораздо подробнѣе, нежели въ эскизѣ D-r Modtmann'a, который въ краткомъ очеркѣ и не могъ пускаться въ подробное изложеніе доказательствъ.

сѣверъ отъ Большой улицы. Въ своей статьѣ, посвященной вопросу о мѣстѣ Халкопратійскаго храма [1]), я старался показать, что Халкопратійскій храмъ находился на сѣверъ отъ Большой улицы между дворцомъ Лавза и Миліемъ, такъ какъ царь у дворца Лавза поворачиваетъ налѣво къ Халкопратійскому храму, а по выходѣ изъ этого храма въ первый разъ привѣтствуется димами Ипподрома у Милія, но далеко ли былъ занимающій насъ храмъ отъ Большой улицы въ сѣверномъ направленіи, я считалъ невозможнымъ опредѣлять, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Въ виду того, что, по выходѣ изъ храма, царь очень скоро оказывается у Милія и раньше этого пункта никакихъ встрѣчъ со стороны димовъ не происходитъ, можно думать, что отъ Милія храмъ Халкопратійской Богородицы былъ недалеко. Недалеко помѣщаетъ его и D-r Mordtmann на планѣ средневѣковаго К-ля, приложенномъ къ «Эскизу», но не на сѣверъ отъ св. Софіи, а на сѣверо-западъ, почти противъ сѣверо-западнаго угла двора св. Софіи, но западнѣе Милія, такъ что мѣсто мечети Зейнебъ-Султана на планѣ нѣсколько не согласуется съ текстомъ «Эскиза» и близко подходитъ къ моимъ предположеніямъ относительно мѣста Халкопратійскаго храма, во всякомъ случаѣ гораздо ближе, чѣмъ можно заключить изъ текста. Пріуроченіе названной мечети къ Халкопратійскому храму, сдѣланное Mordtmann'омъ, было бы еще вѣроятнѣе и убѣдительнѣе, если бы авторъ, кромѣ сходства въ мѣстоположеніи, указалъ на сходство нѣкоторыхъ архитектурныхъ чертъ, насколько онѣ извѣстны относительно Халкопратійскаго храма. Этого авторъ къ сожалѣнію не дѣлаетъ и потому предположеніе его требуетъ еще провѣрки и подтвержденія, тѣмъ болѣе, что на западъ и сѣверъ отъ св. Софіи въ ближайшихъ кварталахъ было не мало и другихъ церквей. Такъ какъ цари, идя отъ фора Константина къ Халкопратійскому храму по сѣверному портику, проходили и чрезъ дворецъ Лавза или входящія въ составъ его какія нибудь пристройки, то дворецъ этотъ, очевидно, нужно помѣщать налѣво же отъ Большой улицы, если идти съ фора къ св. Софіи, т. е. на сѣверной сторонѣ Большой улицы, а не на южной, какъ дѣлаетъ г. Mordtmann на своемъ планѣ, на которомъ мѣсто этого дворца показано въ углу, образуемомъ Большою улицею и западною линіею Ипподрома [2]).

---

1) См. Лѣтопись историко-филол. общества при Новороссійскомъ университетѣ, вып. II, Византійское отдѣленіе I, Одесса, 1892, стр. 85 слѣд.: Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ.

2) Въ вышеназванной статьѣ о Халкопратійскомъ храмѣ у меня показано, что въ дурную погоду царь шелъ въ Халкопратійскій храмъ съ фора Константина не по Большой улицѣ, а по портику и чрезъ дворецъ Лавза, а такъ какъ портикъ разумѣется сѣверный, то и дворецъ Лавза долженъ быть на сѣверной сторонѣ Большой улицы, а не на южной. Въ пользу этого говорятъ и разныя извѣстія о пожарахъ, въ которыхъ дворецъ Лавза упоминается обыкновенно на ряду съ зданіями, находящимися на сѣверъ отъ Большой улицы, а не на югъ (Лѣтопись, вып. II, стр. 103). Помѣщать дворецъ Лавза на югъ въ сторонѣ отъ Большой или Средней улицы уже потому

Разсматривая далѣе предѣлы другихъ регіоновъ по упоминаемымъ въ Descriptio топографическимъ пунктамъ, D-r Mordtmann приходитъ къ тому интересному заключенію, что Большая улица служила границею нѣсколькихъ регіоновъ, изъ которыхъ одни тянулись отъ этой границы на сѣверъ, другіе простирались на югъ до Мраморнаго моря. Большая улица такимъ образомъ, можетъ быть, называлась и Среднею не только потому, что она была самою важною артеріею города, но и потому, что она проходила между многими кварталами, къ ней подходившими съ юга и сѣвера, и связывала ихъ между собою.

Послѣ обозрѣнія города по регіонамъ, авторъ во II гл. говоритъ о сухопутныхъ стѣнахъ и воротахъ, стараясь опредѣлить средневѣковое названіе существующихъ или уже замурованныхъ воротъ, причемъ приводитъ много написей, сохранившихся на стѣнахъ [1]). Особую главу (III-ю) D-r Mordtmann посвящаетъ спорному вопросу о Харсійскихъ воротахъ (Πύλη Χαρσία, Χαρσίου πόρτα и т. п.), которыя большая часть ученыхъ, въ томъ числѣ и покойный Паспати, подробно изслѣдовавшій стѣны и ворота, видятъ въ теперешнихъ воротахъ Egri-Kapou, между тѣмъ какъ отецъ D-r'a Mordtmann'a и г. Детье полагаютъ, что Харсійскія ворота находились между теперешними воротами Top-Kapoussi и Edirne-Kapoussi (стр. 16), а K. Müller въ изданіи Критовула высказывается за признаніе средневѣковыхъ Харсійскихъ воротъ тожественными съ теперешними Edirne-Kapoussi, т. е. Адріанопольскими воротами. D-r Mordtmann—сынъ, подробно разсмотрѣвъ всѣ случаи упоминанія Харсійскихъ воротъ у византійскихъ и западныхъ писателей, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (р. 29).

нельзя, что царь, какъ сказано, пройдя до него по портику въ дождливую погоду, проходитъ чрезъ него, а не поворачиваетъ только около него налѣво, какъ въ хорошую погоду (καὶ πάλιν διὰ τοῦ αὐτοῦ ἐμβόλου κατέρχεται καὶ τοῦ Λαύσου καὶ ἀριστερὸν ἐκκλίνας ἀπέρχεται εἰς τὰ Χαλκοπράτεια. Cerim. I, 30, p. 169).

1) Написи, сохранившіяся на сухопутныхъ стѣнахъ К—ля, изданы покойнымъ Паспати въ его Βυζαντιναὶ Μελέται, ἐν Κωνσταντινουπόλει 1877, σελ. 33 сл., въ связи съ изслѣдованіемъ его о сухопутныхъ стѣнахъ, составляющимъ содержаніе I и III гл. первой книги того же сочиненія. Съ этимъ дѣльнымъ изслѣдованіемъ покойнаго Паспати русскую ученую публику познакомилъ Г. С. Дестунисъ въ своей статьѣ: Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя, Одесса, 1887, помѣщенной въ трудахъ Одесскаго археологическаго съѣзда и вышедшей отдѣльнымъ оттискомъ. Ср. его же статьи о топографіи средневѣковаго Константинополя, помѣщенныя въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., части 119 и 125, гдѣ маститый византологъ обозрѣваетъ всѣ важнѣйшія сочиненія по топографіи К—ля, а въ послѣдней статьѣ говоритъ о вышеназванномъ замѣчательномъ трудѣ Паспати. Ученая литература по исторіи собственно стѣнъ и воротъ въ нихъ указана проф. Г. С. Дестунисомъ въ началѣ сейчасъ названнаго трактата о сухопутныхъ стѣнахъ К—ля. Изъ греческихъ работъ, кромѣ труда Паспати, важное значеніе въ вопросѣ о стѣнахъ имѣетъ археологическая карта (сухопутныхъ стѣнъ), изданная коммиссіею Эллинскаго Филологическаго Общества (σύλλογος) въ Константинополѣ и помѣщенная вмѣстѣ съ объясненіями въ приложеніи къ 14 тому трудовъ Общества (Ἀρχαιολογικὸς χάρτης τῶν χερσαίων τειχῶν Κωνσταντινουπόλεως, ἐν Κωνστ. 1884).

1) Харсійскія ворота существовали до постройки стѣнъ Ираклія, Льва и Мануила Комнина (такъ какъ эти ворота упоминаются уже при описаніи торжественнаго въѣзда Юстиніана I въ Константинополь въ придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго. Append.ad libr. I Cerim., p. 497).

2) Харсійскія ворота были такъ близки къ воротамъ св. Романа, что у писателей одни называются вмѣсто другихъ.

3) Харсійскія ворота отличаются отъ Калигарійскихъ, какъ и отъ воротъ св. Киріаки или Пятыхъ.

4) Харсійскія ворота не задолго до завоеваніи К—ля называются иногда Адріанопольскими воротами (πύλη Ἀδριανουπόλεως=Edirné-Kapoussi), каковое названіе сдѣлалось господствующимъ послѣ завоеванія города турками.

Такъ какъ Харсійскія ворота упоминаются при всѣхъ болѣе важныхъ попыткахъ, удавшихся и неудавшихся, овладѣть Константинополемъ и точное опредѣленіе ихъ мѣста важно не только въ археологическомъ, но и въ историческомъ отношеніи, то я позволю себѣ остановить вниманіе читателя на тѣхъ доводахъ D-r Mordtmann'a, которые мнѣ кажутся наиболѣе убѣдительными и ясными. Уже одно упоминаніе Харсійскихъ воротъ рядомъ съ именемъ Юстиніана I лишаетъ насъ права отожествлять ихъ съ Егри-капу или Калигарійскими, находящимися въ стѣнахъ, построенныхъ гораздо позднѣе Юстиніана I. Затѣмъ, присутствіе рва у Харсійскихъ воротъ говоритъ въ пользу того, что ворота эти были въ Ѳеодосіевой стѣнѣ, такъ какъ предъ этой стѣной во всю ея длину тянулся ровъ, котораго никогда не было предъ Калигарійскими воротами (Егри-капу). Еще болѣе убѣдительными мнѣ кажутся перечни главныхъ воротъ, въ которыхъ Porta Charsaea стоитъ между воротами св. Романа и Царскими, т. е. дворцовыми, и въ которыхъ ворота Калигарійскія стоятъ за Царскими, между ними и Деревянными (Porta Xilina), а слѣд., несомнѣнно и ясно отличаются отъ Харсійскихъ, стоящихъ въ ряду важнѣйшихъ воротъ на мѣстѣ Адріанопольскихъ (Esquisse, p. 23).

Наконецъ, признавая вмѣстѣ съ Mordtmann'омъ сыномъ Харсійскія ворота за теперешнія Адріанопольскія, мы устранимъ и тѣ возраженія, которыя дѣлалъ Паспати противъ мнѣнія Mordtmann'a—отца, видѣвшаго Харсійскія ворота въ «Пятыхъ» воротахъ, находившихся между Романовскими и Адріанопольскими, но теперь замурованныхъ.

Дѣло въ томъ, что Паспати главнымъ образомъ, въ защиту своего мнѣнія и противъ предположенія Mordtmann'a—отца, напираетъ на свидѣтельство Дуки о послѣднемъ моментѣ борьбы защитниковъ Константинополя съ турками. Когда все вниманіе обороняющихся было обращено на защиту воротъ св. Романа и Харсійскихъ, а равно и пробитыхъ турками брешей въ стѣнѣ между этими воротами, отрядъ (человѣкъ 50) янычаръ ворвался въ городъ чрезъ калитку въ концѣ стѣнъ Ѳеодосія, которая называлась Керкопортою и была открыта греками для пропуска воиновъ въ периволъ, и взошелъ на стѣну. Сбивши стоявшихъ тамъ

воиновъ, янычары начали поражать стрѣлами греческихъ воиновъ, сражавшихъ въ периволѣ, т. е. пространствѣ между внутреннею и внѣшнею Θеодосіевыми стѣнами. Пораженные такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, защитники Константинополя, дравшіеся въ периволѣ, видя, что турки уже овладѣли стѣнами и ворвались въ городъ, бросились къ Харсійскимъ воротамъ, но тамъ была непроходимая масса греческихъ солдатъ, столпившихся здѣсь и стремившихся бѣжать чрезъ эти ворота, такъ что бѣжавшимъ изъ перивола не было возможности пробраться и только тѣ изъ нихъ успѣли пробиться сквозь толпу, которые были гораздо сильнѣе другихъ и съумѣли пробить себѣ дорогу, расталкивая и давя другихъ, по трупамъ убитыхъ и тѣламъ раненыхъ и задавленныхъ; всѣ остальные погибли отъ меча турокъ [1]).

Такъ какъ Mordtmann—отецъ принималъ за Харсійскія ворота тѣ, которыя слѣдовали за Адріанопольскими къ югу, то Паспати справедливо указывалъ на то, что завидѣвшіе турокъ греческіе воины, если они хотѣли достигнуть слѣдующихъ за Адріанопольскими Пятыхъ воротъ, должны были пройти мимо Адріанопольскихъ, противъ которыхъ стояли массы турокъ, ломившихся въ эти ворота и въ ближайшія къ нимъ бреши, а это невозможно. А во вторыхъ, всего естественнѣе имъ было пробиваться чрезъ Адріанопольскія ворота, а не бѣжать мимо ихъ. Такимъ образомъ и Паспати былъ близокъ къ мысли признать Харсійскія ворота за теперешнія Адріанопольскія, но онъ искалъ ихъ не на юго-западъ отъ калитки Керкопорты, а на сѣверо-востокъ въ воротахъ Калигаріискихъ (Egri-kapu), тѣмъ болѣе что названіе Χαρσία πύλη напоминаетъ греческое χαρσία или ἐγχαρσία πύλη кривыя ворота, что вполнѣ соотвѣтствуетъ теперешнему турецкому названію Egri-kapu [2]). Между тѣмъ упоминаніе Калигарійскихъ воротъ въ описаніяхъ послѣдней осады чрезъ ворота отъ Харсійскихъ никоимъ образомъ не позволяетъ принять Харсійскія ворота за Калигарійскія и вполнѣ позволяетъ видѣть Харсійскія ворота въ Андріанопольскихъ, неупоминаніе которыхъ, несмотря на всю ихъ важность, и объясняется тѣмъ, что они называются въ перечняхъ Харсійскими, какъ они тогда обыкновенно назывались, хотя уже иногда назывались и Адріанопольскими (Edirne-Kapusi), потому что они ведутъ на Адріанопольскую дорогу.

---

1) Эти моменты описаны Дукою. Мѣсто, сюда относящееся, приведено въ изслѣдованіи Г. С. Дестуниса въ русскомъ переводѣ стр. 31 (оттиски). Ср. A. Mordtmann'a, Belagerung und Eroberung Constantinopels, 1852, v. 89. Ср. Паспати, Βυζαντ. Μελέται, σελ. 63 и 74.

2) Паспати, ibid. p. 74. Ср. Дестунисъ, ibid. 32 слѣд. и 36. Позволяю себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое, повидимому, опустили изъ вида оба эти изслѣдователя. У Михаила Дуки въ описаніи вышеизложеннаго обстоятельства сказано, что греческіе воины, впущенные чрезъ Керкопорту, чрезъ которую ворвались потомъ турки, сражались съ турками въ периволѣ (ἀντεμάχοντο τοῖς τούρκοις ἐν τῷ περιβολαίῳ), а периволомъ называлось пространство между внѣшней и внутренней Θеодосіевыми стѣнами, а не равнина предъ стѣнами; между тѣмъ Паспати

Какъ вся III гл. посвящена вопросу о Харсійскихъ воротахъ, такъ слѣдующая (IV) глава Эскиза посвящена не менѣе интересному и спорному вопросу объ Евдомѣ (Hebdomon) съ трибуналомъ и Марсовымъ полемъ (Campus) и о Влахернскомъ дворцѣ и храмѣ. Вслѣдъ за Жиллемъ и Дюканжемъ, который, какъ извѣстно, разсматриваетъ вопросъ о мѣстоположеніи Евдома въ особомъ экскурсѣ, и большая часть новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей топографіи Константинополя (патріархъ Константій, Скарлатъ Византій, Hammer, Паспати, Детьѐ, Г. С. Дестунисъ и нѣк. друг.) полагаютъ, что Евдомъ находился въ Влахернскомъ кварталѣ, а въ большомъ домѣ, давно заброшенномъ и разрушающемся, извѣстномъ теперь подъ именемъ Текиръ-или Текфуръ-Сарая, видятъ дворецъ и трибуналъ Евдома [1]). Этому воззрѣнію на Евдомъ слѣдуетъ и D-r Mordtmann въ своемъ планѣ, приложенномъ къ Эскизу, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самаго Эскиза (p. 11), такъ что можно подумать, что и авторъ «Эскиза» раздѣляетъ мнѣніе большинства ученыхъ.

Глава IV показываетъ однако же, что D-r Мордтманнъ держится другого мнѣнія относительно мѣстоположенія Евдома. «Изслѣдованія, предпринятыя проф. Алекс. Millingen'омъ относительно Евдома», говоритъ авторъ Эскиза (p. 29), «не оставляютъ никакого сомнѣнія, что трибуналъ, поле (Campus) и дворецъ Евдома, называемый также Iucundiana, Secundiana, находились внѣ городскихъ стѣнъ, на седьмой мили большой дороги (via Egnatia), которая, идя сначала по берегу Мраморнаго моря, шла потомъ чрезъ Ѳракію и Македонію».

говоритъ, что въ извѣстіи Дуки разумѣются воины, сражавшіеся на равнинѣ внѣ стѣнъ предъ Харсійскими (по его Калигарійскими) воротами (ἀντεμάχοντο πρὸς τοὺς Τούρχους εἰς τὸ ἔχτος τῶν τευχῶν πεδίον, ἔμπροσθεν τῆς Χαρσίας πύλης). Предъ Калигарійскими же воротами, находившимися въ Ираклiевой стѣнѣ, перивола никакого не было. Если же въ извѣстіи Дуки разумѣется периволъ конца Ѳеодосіевъ стѣнъ, то находившіеся тутъ воины никакъ не могли попасть на равнину предъ Калигарійскими воротами. Для этого имъ пришлось бы перелѣзать чрезъ малую стѣну и ровъ и потомъ бѣжать по равнинѣ, занятой турками. Напротивъ, имъ по периволу-же, защищенному малою стѣною отъ турокъ, находившихся за стѣнами, естественнѣе всего было бѣжать на западъ, къ Адріанопольскимъ воротамъ, первымъ воротамъ, открытымъ для вылазокъ, въ восточномъ концѣ Ѳеодосіевъ стѣнъ, и потому единственнымъ, чрезъ которыя они могли попасть въ городъ. Эти ворота и называются у Дуки Харсійскими.

1) Кромѣ общаго обзора свидѣтельствъ объ Евдомѣ въ Const. Christ., его трибуналѣ и дворцѣ (lib. II, p. 111—112 и 134—135 ed. Venet.) Дюканжъ, въ защиту своего мнѣнія противъ Адріана Валезія, написалъ спеціальный трактатъ объ Евдомѣ: De Hebdomo Constantinopolitano disquisitio topographica (прил. къ Const. Christ. ed. Venet. p. 12—22). Въ этихъ трактатахъ собраны почти всѣ извѣстія и свидѣтельства средневѣковыхъ писателей объ Евдомѣ, за исключеніемъ свидѣтельствъ, находящихся въ Cerimoniae Константина Багрянороднаго. Разномысліе по вопросу объ Евдомѣ происходитъ однакожъ не столько вслѣдствіе обнародованія новыхъ свидѣтельствъ, сколько вслѣдствіе разнаго пониманія и толкованія тѣхъ, которыя извѣстны были уже знаменитому византологу.

Результаты своихъ изслѣдованій Millingen изложилъ съ начала въ мѣстной газетѣ Levant Herald (10/22 April 1891), а за тѣмъ напечаталъ въ приложеніи къ 20—22 тт. Еллинскаго филологическаго общества небольшую статью объ «истинномъ положеніи Евдома», въ которой опровергаются мнѣнія и доводы Жилля, Дюканжа и Детье относительно Евдома и доказывается несомнѣнными и ясными свидѣтельствами средневѣковыхъ греческихъ и латинскихъ писателей, что 1) Евдомъ былъ всегда внѣ городскихъ стѣнъ и, слѣдодовательно, никакъ не могъ быть тожественъ съ Текфуръ-Сараемъ во Влахернскомъ кварталѣ, находившемся со временъ Ираклія, т. е. послѣ постройки Иракліевой стѣны, въ предѣлахъ города [1]); 2) что какъ дворецъ, такъ и поле назывались Евдомомъ именно потому, что они находились у седьмаго милеваго столба (in septimo milliario, septimo ab urbe regia milliario, ἑπτὰ σημεῖα ἀπέχει τῆς πόλεως, πρὸς τῷ Ἑβδόμῳ Μιλίῳ); 3) что Евдомъ находился на берегу Пропонтиды или Мраморнаго моря, а не Золотаго рога, какъ это видно изъ многочисленныхъ историческихъ событій, случившихся у Евдома или недалеко отъ него. Авторъ «Эскиза», писавшій до появленія статьи проф. Millingen'a, не могъ еще пользоваться ею, и потому не приводитъ всѣхъ тѣхъ свидѣтельствъ и доказательствъ, которыя указаны въ статьѣ Millingen'a, но за то указываетъ такія мѣста и свидѣтельства, которыхъ нѣтъ у г. Миллингена; къ числу ихъ принадлежатъ нѣкоторыя мѣста изъ Придворнаго устава Константина Багрянороднаго, хотя и не всѣ. А свидѣтельства этого устава такъ ясны, что одни способны убѣдить въ неправильности мнѣній Дюканжа и его новѣйшихъ послѣдователей. Весьма возможно и вѣроятно, что Дюканжъ не сталъ бы поддерживать и защищать мнѣнія Жилля, если бы былъ знакомъ съ Придворнымъ уставомъ.

Имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени вопросъ о положеніи Евдома разсмотрѣть болѣе подробно и обстоятельно по другимъ поводамъ, я не стану излагать здѣсь тѣхъ доказательствъ и свидѣтельствъ, которыя никоимъ образомъ не позволяютъ искать Евдома въ Влахернскомъ кварталѣ и заставляютъ искать его на берегу Мраморнаго моря. Но теперь же считаю необходимымъ замѣтить, что авторъ разсматриваемаго нами «Эскиза», D-r Mordtmann, напрасно выставляетъ проф. van-Millingen'a инициаторомъ и единственнымъ представителемъ мнѣнія о мѣстѣ Евдома на Пропонтидѣ. Самый экскурсъ Дюканжа объ Евдомѣ, нами выше упомянутый и бывшій причиною распространенія ложнаго мнѣнія о положеніи Евдома, былъ вызванъ опроверженіемъ мнѣнія

1) Указанія византійскихъ писателей на то, что Евдомъ находился внѣ города, смущали и Г. С. Дестуниса, который, относительно Евдома слѣдуя мнѣнію Жилли и Дюканжа, не могъ однакожъ не замѣтить, что мѣстоположеніе Трибунальскаго поля въ Евдомѣ, какъ его опредѣляютъ новые ученые, не совсѣмъ согласно съ извѣстіями о немъ у византійскихъ писателей (Топогр. очеркъ сухопытныхъ стѣнъ Константинополя, стр. 30), которые, притомъ, представляются во взаимномъ противорѣчіи.

Жилля, защищаемаго Дюканжемъ, со стороны Адріана Валезія (Hadrianus Valesius = Hadr. Valois) въ его Discept. de Basilicis, c. VIII. Валезій доказывалъ, что Евдомъ былъ на Пропонтидѣ, а не во Влахернахъ, и слѣдовательно долженъ считаться первымъ представителемъ мнѣнія, защищаемаго Millingen'омъ и D-r'омъ Mordtmann'омъ — сыномъ. Да и самъ Millingen въ вышеназванной статьѣ указываетъ на Валезія, какъ на перваго противника Жилля по вопросу объ Евдомѣ, и говоритъ, что, познакомившись въ Женевѣ съ сочиненіемъ Валезія, которое опровергаетъ Дюканжъ, онъ былъ пораженъ и обрадованъ, найдя, что Валезій на основаніи многихъ изъ тѣхъ доказательствъ, которыя и его, Millingen'a, убѣдили въ невѣрности мнѣнія Жилля, установилъ точно гораздо раньше его мѣстоположеніе Евдома. Такъ какъ г. van-Millingen, по его собственнымъ словамъ, узналъ о мнѣніи Валезія изъ Дюканжа, то и г. Mordtmann могъ бы оттуда узнать, что вопросъ этотъ давнымъ давно составляетъ предметъ спора и возбужденъ не Millingen'омъ, а еще въ XVII в. Валезіемъ [1]). Но и въ новѣйшее время, въ нашемъ вѣкѣ, это мнѣніе высказано было впервые не van-Millingen'омъ, а, сколько мнѣ извѣстно, Unger'омъ, извѣстнымъ авторомъ трактата о Греческомъ искусствѣ въ средніе вѣка, помѣщеннаго въ Энциклопедіи Эрша и Грубера (Серія I, томъ 84). Какъ въ этомъ трактатѣ (стр. 297—8), такъ и въ своихъ Quellen d. Byzantin. Kunstgeschichte (стр. 113 слѣд. и 188 слѣд.) покойный Unger положительно и рѣшительно высказывается противъ общепринятаго мнѣнія о мѣстоположеніи Евдома и помѣщаетъ его совершенно вѣрно на Пропонтидѣ, не ссылаясь однакожъ при этомъ на своего предшественника Валезія. Не менѣе рѣшительно высказался противъ общепринятаго мнѣнія относительно мѣстоположенія Евдома нашъ авторитетный византологъ Н. П. Кондаковъ, который въ своихъ Византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя (стр. 198 и слѣд.) посвятилъ вопросу о мѣстѣ Евдома нѣсколько прекрасныхъ страницъ и довольно подробно разсматриваетъ и опровергаетъ доводы Дюканжа, приводя и правильно объясняя свидѣтельства средневѣковыхъ писателей и присоединяя къ нимъ извѣстія, находящіяся въ древнерусскихъ памятникахъ.

Кромѣ проф. Н. П. Кондакова, мнѣніе Унгера раздѣляетъ и французскій ученый, академикъ Шлумбергеръ, который въ своемъ «Никифорѣ

1) Судя потому, что van-Millingen считаетъ Валезія, издателя церковныхъ историковъ и комментатора Амміана Марцеллина, за автора того трактата, въ которомъ оспаривается мнѣніе Дюканжа о положеніи Евдома, можно думать, что г. van Millingen смѣшиваетъ двухъ братьевъ Валезіевъ, Генриха, издателя церковныхъ историковъ, и Адріана, написавшаго между прочимъ сочиненіе «de basilicis, quas primi Francorum reges condiderunt». Paris, 1658—1660. Въ этомъ сочиненіи и говорится объ Евдомѣ то, что̀ старается опровергнуть Дюканжъ въ своемъ экскурсѣ. Къ сожалѣнію, не только въ Казани, но и въ Петербургѣ мнѣ не удалось отыскать этого сочиненія Адріана Валезія.

Фокѣ» называетъ Евдомъ предмѣстіемъ Константинополя, находящимся на берегу Пропонтиды у седьмаго милеваго столба. Хотя г. Шлумбергеръ не указываетъ основаній для такого воззрѣнія на Евдомъ, тѣмъ не менѣе можно думать, что онъ въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ Унгеру.

При занятіяхъ обрядами Придворнаго устава мнѣ также приходилось встрѣчаться съ вопросомъ объ Евдомѣ, и на основаніи однихъ обрядовъ, независимо отъ другихъ свидѣтельствъ, вопросъ этотъ можно было разрѣшить не иначе, какъ въ смыслѣ мнѣній Валезія, Унгера и проф. Н. П. Кондакова. Какъ обрядъ провозглашенія Льва I императоромъ (I, cap. 91), такъ и обряды торжественныхъ въѣздовъ царей Θеофила и Василія I допускаютъ только помѣщеніе Евдома на берегу Пропонтиды, а не во Влахернскомъ кварталѣ (Appendix ad l. I, p. 498 слѣд.). Потому для меня вопросъ о положеніи Евдома на берегу Мраморнаго моря представляется окончательно и несомнѣнно рѣшеннымъ и при случаѣ я высказалъ это въ категорической формѣ, тѣмъ болѣе, что входить въ разсмотрѣніе этого вопроса въ той статьѣ, въ которой это воззрѣніе было высказано, представлялось не умѣстнымъ [1]). Теперь остается только рѣшить, гдѣ именно находился Евдомъ со всѣми входящими въ составъ его постройками, дворцомъ и церквами, и поискать не осталось ли какихъ нибудь слѣдовъ отъ этого важнаго и безъ сомнѣнія укрѣпленнаго военнаго поля и лагеря.

Проф. van-Millingen осматривалъ берегъ Мраморнаго моря и, принимая во вниманіе разстояніе Евдома, полагаетъ, что онъ находился около теперешней деревни Макри-кіой, между которой и мѣстечкомъ Зейтунъ-Бурну находится небольшой заливчикъ, гдѣ могъ быть портъ или пристань Евдома.

Конецъ IV главы посвященъ обозрѣнію воротъ, находившихся въ стѣнахъ Ираклія, отъ соединенія съ ними стѣнъ Θеодосія до стѣнъ Золотаго рога. Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ воротъ г. Мордтманнъ также не согласенъ ни съ Паспати, ни съ планомъ городскихъ сухопутныхъ стѣнъ и воротъ, составленнымъ коммиссіею филологическаго общества. Такъ, дверь Безплотныхъ силъ (τῶν ἀσωμάτων), по мнѣнію г. Мордтманна, должна быть совершенно вычеркнута, какъ основанная на невѣрномъ пониманіи текста Кантакузина (p. 35 Эскиза). Ее скорѣе можно пріурочить къ Porta regia или porta del palazzo Zorzi Dolfin'a и Nicolo Barbaro. Ворота Каллиника авторъ «Эскиза» отожествляетъ съ Ксилопортою или деревянною дверью, находившеюся на самомъ берегу Золотаго рога, за угломъ, образуемымъ Ираклієвой и призаливной стѣнами. Вообще въ обозрѣніи Влахернскаго квартала г. Мордтманнъ во многомъ отступаетъ отъ воззрѣній греческихъ ученыхъ и археологической карты сухопутныхъ стѣнъ.

Точно также не мало интересныхъ и новыхъ вопросовъ возбуждаетъ авторъ Эскиза при обозрѣніи въ слѣдующихъ двухъ главахъ примор-

1) См. мою статью: «Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ», Журн. Мин. Нар. Пр., 1893, октябрь, и отдѣльн. оттискъ, стр. 39.

скихъ стѣнъ Константинополя; ворота этихъ стѣнъ, по словамъ г. Мордтманна, только потому не возбуждали такихъ сомнѣній и споровъ, какъ ворота сухопутныхъ стѣнъ, что «никто до сихъ поръ не пытался серьезно теперешнія ворота пріурочивать къ старымъ наименованіямъ. Тѣ же названія воротъ, которыя даютъ имъ Дюканжъ, Леунклавій и другіе ученые, суть только греческіе переводы турецкихъ названій».

Г. Мордтманнъ, для опредѣленія старыхъ греческихъ названій воротъ и лежавшихъ близко къ нимъ зданій и храмовъ, пользуется не только прежде извѣстными свидѣтельствами, но и обнародованными въ послѣднія десятилѣтія памятниками и документами и во многихъ случаяхъ приходитъ не къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ приходилъ покойный Паспати, на основаніи этихъ же документовъ и собственныхъ разслѣдованій занимавшійся опредѣленіемъ старыхъ названій нѣкоторыхъ приморскихъ воротъ въ своихъ Βυζαντ. Μελέται.

Между прочимъ г. Мордтманнъ оспариваетъ открытіе нижняго этажа дворца Вуколеонта, сдѣланное покойнымъ Паспати при постройкѣ желѣзной дороги и описанное имъ въ 5 гл. 1 книги Βυζαντιναὶ Μελέται. Авторъ Эскиза находитъ основанія Паспати для пріурочиванія открывшихся подземныхъ сводовъ и помѣщеній къ Вуколеонту не достаточными и мѣсто ихъ не соотвѣтствующимъ положенію этого дворца, на сколько оно извѣстно изъ средневѣковыхъ свидѣтельствъ. Руины, описанныя у Паспати, по мнѣнію D-r Mordtmann'a, скорѣе нужно пріурочивать къ Манганамъ, чѣмъ къ дворцу Вуколеонту, который находился западнѣе противъ воротъ Ахиръ-Капуси.

Какъ ни интересны затронутые въ этой части Эскиза вопросы, мы не будемъ на нихъ теперь останавливаться, такъ какъ это завело бы насъ далеко за предѣлы рецензіи и вовлекло бы въ массу мелкихъ и запутанныхъ подробностей относительно разныхъ спорныхъ пунктовъ топографіи средневѣковаго Константинополя.

Обозрѣвъ стѣны сухопутныя и приморскія съ прилегающими къ нимъ топографическими пунктами, авторъ Эскиза въ VII и послѣдней главѣ переходитъ «къ описанію главныхъ улицъ и зданій центральнаго города». Къ сожалѣнію, описаніе и обозрѣніе его ограничивается почти только Большой или Средней улицею съ идущею отъ нея улицею къ храму св. Апостоловъ и далѣе къ Адріанопольскимъ воротамъ.

Самымъ важнымъ источникомъ для установленія направленія и важнѣйшихъ пунктовъ этой улицы D-r Мордтманнъ справедливо считаетъ указанія, точныя и ясныя, Придворнаго устава Константина Багрянороднаго. Затѣмъ слѣдуютъ Patria Анонима, который въ описаніи памятниковъ, съ нѣкоторыми отступленіями и уклоненіями, слѣдуетъ по направленію Большой улицы отъ востока къ западу. Наконецъ третьимъ важнѣйшимъ источникомъ авторъ Эскиза считаетъ путешествіе нашего Антонія Новгородскаго.

На основаніи обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ храмы, лежавшіе

къ западу отъ св. Софіи, и тріумфальныхъ въѣздовъ, изложенныхъ въ Придворномъ уставѣ, D-r Mordtmann устанавливаетъ пункты зданія и площади, церкви и другія постройки, находившіяся на Большой улицѣ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они упоминаются въ обрядахъ и въ которомъ они слѣдовали на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ какъ еще у Унгера въ его Quellen топографическіе пункты Большой или Средней улицы показаны не всѣ и не всегда въ должномъ порядкѣ, потому что Унгеръ не штудировалъ для этой цѣли относящихся сюда обрядовъ Придворнаго устава, D-r Mordtmann, очевидно, хорошо познакомившійся съ такими обрядами, перечисляетъ и устанавливаетъ эти пункты съ бо́льшею точностью и правильностью, хотя и онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ допускаетъ нѣкоторыя неточности. Такъ, напр., бани Зевксиппа нельзя считать за одинъ пунктъ съ πύλη τῆς Μελέτης или Ἀχιλλεύς. Правда, бани Зевксиппа находились близко отъ входныхъ воротъ въ Большой дворецъ (собственно въ Халку), тѣмъ не менѣе бани эти, какъ лежавшія нѣсколько западнѣе воротъ Мелеты, составляютъ отдѣльный пунктъ, у котораго бывали иногда пріемы димовъ, когда царь возвращался изъ западной части Константинополя послѣ богомольнаго выхода. Иногда вмѣсто бань Зевксиппа такой же пріемъ бывалъ у воротъ Мелеты, противъ Ахиллея, т. е. статуи Юстиніана, гдѣ всегда бывалъ пріемъ, когда царь совершалъ выходы въ св. Софію въ большіе Господніе праздники, между тѣмъ, какъ у бань Зевксиппа въ эти праздники пріемовъ никогда не бывало [1]).

Установивши топографическіе пункты Большой улицы и ея развѣтвленія къ храму св. Апостоловъ, D-r Mordtmann дѣлаетъ краткое обозрѣніе памятниковъ, находившихся на этой улицѣ и прилегающихъ къ ней частяхъ города, причемъ иногда уклоняется довольно далеко въ сторону, стараясь пріурочить упоминаемые въ литературныхъ произведеніяхъ средневѣковыхъ писателей къ теперешнимъ мѣстностямъ, зданіямъ и остаткамъ средневѣковаго Константинополя. Къ сожалѣнію, его обзоръ слишкомъ кратокъ и относительно пунктовъ спорныхъ является иногда недостаточно доказательнымъ и убѣдительнымъ, а такихъ пунктовъ очень много. Въ такихъ случаяхъ мнѣніе D-ra Mordtmann'a можно считать только постановкою вопроса, а не разрѣшеніемъ его, для котораго необходимы болѣе обстоятельныя и доказательныя разслѣдованія.

Но и за это мы можемъ быть только благодарны г. Мордтманну, тѣмъ болѣе, что весь его Эскизъ доказываетъ его близкое знакомство съ Константинополемъ, знаніе литературныхъ источниковъ и умѣнье ими пользоваться. Особенно важно то, что въ Эскизѣ г. Мордтманна отведено надлежащее мѣсто указаніямъ Придворнаго устава, хотя эти указанія далеко не изчерпаны и топографическій матеріалъ, находящійся въ этомъ памятникѣ, далеко не весь нашелъ надлежащее примѣненіе.

---

1) Относительно бань Зевксиппа и воротъ Мелеты см. выше сказанное о Миліи. Ср. мои Byzantina, кн. II, стр. 85 слѣд. и I кн., стр. 133 и 136.

Нельзя не благодарить D-r Mordtmann'а и за то, что свой «Эскизъ» онъ украсилъ довольно большимъ количествомъ политипажей, изъ которыхъ особенно важны и умѣстны старинные планы и виды Константинополя, кромѣ видовъ современнаго Стамбула, сдѣланныхъ съ фотографій.

Но главнымъ украшеніемъ и основаніемъ «Эскиза», конечно, нужно считать превосходно исполненный разными красками большой планъ, исполненный Мордтманномъ по иниціативѣ и на счетъ графа Riant'а, не жалѣвшаго ни трудовъ, ни денежныхъ средствъ для разъясненія древностей, особенно святынь средневѣковаго Константинополя. Планъ исполненъ въ большихъ размѣрахъ и отличается ясностью, тѣмъ болѣе, что онъ не воспроизводитъ современнаго расположенія улицъ и современныхъ замѣчательныхъ построекъ, ограничиваясь только тѣми изъ нихъ, которыя или соотвѣтствуютъ по своему мѣсту стариннымъ средневѣковымъ, или только получили другія, турецкія названіе и назначеніе, но представляютъ собою въ цѣломъ или въ частяхъ средневѣковыя зданія и христіанскіе храмы. Кромѣ общаго плана, три мѣстности (св. Софія и ея окрестности, Влахернскій кварталъ и окрестности Текфуръ-Сарая) воспроизведены отдѣльно въ болѣе подробномъ и крупномъ масштабѣ.

Какъ въ текстѣ Эскиза г. Мордтманнъ разсматриваетъ главнымъ образомъ стѣны съ прилегающими къ нимъ топографическими пунктами, да Большую улицу съ ея развѣтвленіемъ къ храму св. Апостоловъ, такъ и на планѣ отмѣчены и нанесены стѣны съ ближайшими къ нимъ пунктами да Большая улица. Средина города остается почти пустою, особенно части, лежащія на сѣверъ отъ Большой улицы и св. Софіи. Но въ этой пустотѣ виноватъ не столько г. Мордтманнъ, сколько состояніе Константинопольской топографіи, какъ отдѣла византійскихъ древностей.

Для массы храмовъ, дворцовъ и другихъ пунктовъ средневѣковаго Константинополя, извѣстныхъ по литературнымъ свидѣтельствованіямъ и описаніямъ, еще нельзя указать не только точно, но и приблизительно мѣста ихъ нахожденія. Топографія Константинополя, какъ и византійскія древности вообще находятся еще далеко не въ блестящемъ состояніи, а только начинаютъ разрабатываться. Благодаря разнымъ трудностямъ, которыми обставлены топографическія изслѣдованія при туркахъ, едва-ли и можно ожидать скораго развитія этой области византійскихъ древностей, тѣмъ болѣе, что точнаго опредѣленія мѣста и плана разныхъ средневѣковыхъ зданій, теперь уже не существующихъ, возможно только при помощи раскопокъ. А спеціальныя раскопки хотя бы въ самыхъ важныхъ и многообѣщающихъ пунктахъ, какъ Большой и Влахернскій дворцы, едва-ли возможны въ ближайшемъ будущемъ, хотя отъ такихъ раскопокъ, по всѣмъ видимостямъ, можно ожидать очень многаго не только для топографіи Константинополя, но и для исторіи искусства византійскаго и классическаго.

Д. Бѣляевъ.

Казань,
8-го апр. 1894 г.

René Brasset, *Les apocryphes Éthiopiens, traduits en français.* I. Le livre de Baruch et la légende de Jérémie. II. Mas'h'afa t'omar (livre de l'épitre). Paris. Librairie de l'art indépendant. 1893.

I.

Эѳіопская книга Варуха намъ извѣстна уже въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ переводахъ (изъ которыхъ мы знаемъ помѣщенный въ *Theologische Studien und Kritiken* 1877 года); теперь передъ нами первый французскій переводъ, сдѣланный хорошимъ знатокомъ эѳіопскаго языка и не находящійся въ зависимости отъ переводовъ нѣмецкихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эѳіопская книга Варуха — переводъ съ греческаго; но на сколько сохранился въ ней текстъ древняго полу-еврейскаго, полу-христіанскаго апокрифа?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ славянская повѣсть о пророкѣ Іереміи.

Древне-русская литература владѣетъ двумя текстами повѣсти о Іереміи. Одинъ, изданный Н. С. Тихонравовымъ въ «Памятникахъ русской отреченной литературы», т. I, подъ № 1, не имѣетъ (кромѣ содержанія) ничего общаго съ эѳіопскою книгою; его греческій оригиналъ уже изданъ Васильевымъ въ «Anecdota graeco-byzantina», I, № 15 [1]). Другой, изданный тѣмъ же Тихонравовымъ подъ № 2 (средне-болгарскій отрывокъ его помѣщенъ Срезневскимъ въ «Памятникахъ Юсоваго письма», введеніе, стр. 185), — тотъ самый, который мы имѣемъ въ эѳіопской книгѣ. Близость этихъ двухъ текстовъ такова, что мы безъ затрудненія можемъ возстановить неизвѣстный намъ греческій оригиналъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, очевидно въ самомъ оригиналѣ неясныхъ мѣстъ, которыя не даютъ удовлетворительнаго смысла въ обоихъ переводахъ.

Должно замѣтить, что славянскій переводъ сохранился хуже эѳіопскаго, по крайней мѣрѣ въ томъ текстѣ, который изданъ Тихонравовымъ: онъ имѣетъ кое-гдѣ, въ прямой ущербъ смыслу, небольшія интерполяціи изъ текста № 1.

II.

Эѳіопская «Епистолія о недѣлѣ» также уже извѣстна по нѣсколькимъ нѣмецкимъ переводамъ; но французскій переводъ ея является впервые. Переводчикъ полагаетъ, что Епистолія написана первоначально на арабскомъ языкѣ, вѣроятно, между 933 и 939 годами, въ Египтѣ, всего скорѣе въ Александріи, и переведена на эѳіопскій языкъ (какъ и на сирійскій) съ арабскаго. Но кажется, его мнѣніе основано единственно на томъ, что у него имѣются свѣдѣнія лишь объ арабскомъ и сирійскомъ текстахъ. Во всякомъ случаѣ, тексты греческіе (изъ которыхъ только

1) По двумъ рукописямъ итальянскихъ библіотекъ. Вѣроятно, тотъ же текстъ по тѣмъ же рукописямъ въ неизвѣстномъ намъ изданіи у Ceriani, Monumenta sacra et profana, t. V.

два изданы вполнѣ Васильевымъ), латинскіе и славянскіе (древне-русскіе)[1] не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Епистолія впервые появилась на греческомъ языкѣ и что ея эѳіопскій текстъ прямо или не прямо восходитъ къ греческому оригиналу.

Эѳіопская Епистолія относится къ той редакціи апокрифа, по которой дѣйствіе происходитъ въ Римѣ, въ церкви апостоловъ Петра и Павла. Временемъ появленія Епистоліи въ ней указанъ 1057 годъ александрійской эры, то есть 746 годъ; «патріархъ» въ ней носитъ имя Аѳанасія. Подробности текста въ общемъ тѣ же, что въ изданныхъ текстахъ — греческихъ, латинскихъ и славянскихъ. Между прочимъ, эѳіопская Епистолія упоминаетъ объ существовавшемъ до нея другомъ посланіи съ неба, датированномъ 731 годомъ (сравни въ отрывкѣ у Фабриція: «ἔστειλα πρῶτα τὴν ἐπιστολήν, καὶ οὐ μετενοήσατε οὐδὲ ἐπιστεύσατε»), и рекомендуетъ почитать, кромѣ воскресенья, также середу и пятницу (сравни въ славянскомъ текстѣ у Тихонравова: «чтѣте святую недѣлю, среду и пятокъ»).

А. Соболевскій.

Βίος τοῦ ἁγίου καὶ δικαίου Εὐδοκίμου, ἐκδ. ὑπὸ Χρυσάνθου Λοπαρέβου. Житіе святаго Евдокима Праведнаго, сообщеніе Хрусанѳа Лопарева. 1893. XV + 39 стран. 8 д. Цѣна 50 коп. (Памятники древней письменности, XCVI).

Преданіе о св. Евдокимѣ (IX вѣка) представляетъ въ разныхъ отношеніяхъ любопытную проблему агіографіи, такъ что мы съ искренней благодарностью привѣтствуемъ изящное изданіе Хрусанѳа Лопарева. Авторъ намъ даетъ въ критически обработанномъ видѣ всѣ относящіеся къ этому святому греческіе и славянскіе тексты и разбираетъ, по тщательномъ изслѣдованіи, всѣ обстоятельства, которыя оказываются въ жизнеописаніи святого темными или сомнительными.

Подробное житіе св. Евдокима, приписываемое Симеону Метафрасту и доселѣ извѣстное лишь въ латинскомъ переводѣ и въ новогреческомъ пересказѣ, нынѣ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки (№ 9, 1063 года) впервые издано Лопаревымъ въ греческомъ подлинникѣ, съ прибавленіемъ славянскаго перевода, также здѣсь впервые напечатаннаго. Къ изданію приложено изображеніе святаго (миніатюра изъ того-же московскаго кодекса 1063 года).

Житіе изобилуетъ общими мѣстами и риторическими украшеніями, но осязаемыхъ историческихъ свѣдѣній и фактическаго содержанія въ немъ очень мало. Тамъ говорится, что родители Евдокима, Василій и

1) Указанія на нихъ смотри въ статьѣ А. Н. Веселовскаго, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія 1876 года, № 3. Древне-русскій текстъ (изданный Тихонравовымъ) имѣетъ въ языкѣ довольно много архаизмовъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ древности славянскаго перевода.

Евдокія, родомъ изъ Каппадокіи, считались въ столицѣ людьми богатыми и знатными. У Евдокима съ самаго ранняго дѣтства развилось особенное рвеніе къ ученію, благочестію, цѣломудрію и милосердію, по чему впослѣдствіи царь и назначилъ его стратопедархомъ въ Харсіанѣ въ Каппадокіи (στρατοπεδαρχεῖν μέρους τοῦ Καππαδοκῶν χειροτονηθείς, т. е. по изложенію Лопарева, начальникомъ роты каппадокійскаго баталіона, квартировавшей въ Харсіанѣ). Здѣсь св. Евдокимъ послѣ тихой жизни, посвященной заботамъ о бѣдныхъ и сиротахъ и примиренію тяжущихся, скончался 33-хъ лѣтъ отъ роду, а гробъ почившаго прославился своей чудотворной помощью въ разныхъ болѣзняхъ. Далѣе повѣствуется, что мать святого черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ кончины его прибыла изъ Константинополя въ Харсіанъ и, по открытіи гроба праведника, тѣло его оказалось нетлѣннымъ. Мощи св. Евдокима противъ воли Харсіанскихъ жителей, путемъ хитрой кражи, въ которой, съ тайнаго соглашенія матери, участвовалъ нѣкій монахъ Іосифъ, были унесены въ Константинополь, гдѣ мать святого помѣстила ихъ въ воздвигнутомъ ею храмѣ Богородицы.

Сокращенное житіе св. Евдокима, находящееся въ Минологіѣ имп. Василія, и Минейное житіе (оба помимо нѣкоторыхъ маловажныхъ пунктовъ дословно сходятся между собою) прибавляютъ къ выше разсказанному немного, а именно нѣкоторыя свѣдѣнія о времени жизни святого, о чемъ въ подробномъ житіи нѣтъ никакихъ данныхъ, и о государственной службѣ его. По ихъ повѣствованію праведникъ жилъ въ царствованіе имп. Θеофила (829—842) и прежде своего стратопедархата былъ принятъ въ кандидаты (т. е. принятъ въ императорскую гвардію и свиту въ должности кандидата). Кромѣ того Минейное житіе одно точно опредѣляетъ число кончины его (31-го іюля) и число перенесенія его мощей (6-го іюня).

Очевидная скудость вышеупомянутыхъ біографическихъ свѣдѣній объ Евдокимѣ весьма удивительна и тѣмъ страннѣе, что и авторъ подробнаго житія и составитель Васильева Минологія отдѣлены отъ предмета своихъ повѣствованій едва промежуткомъ столѣтія.

Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что и въ наименованіи св. Евдокима наши агіографическіе памятники не согласуются другъ съ другомъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. Васильевъ Минологій) называютъ его «мученикомъ» и «новымъ». Оба эти эпитета, прилагаемые св. Евдокиму, который не имѣлъ никакого соименнаго святого, предшествовавшаго ему, и не пострадалъ отъ рукъ мучителей, опять-таки очень странны.

Наконецъ, съ той-же неопредѣленностью характеристики и съ тѣмъ-же недостаткомъ личныхъ біографическихъ данныхъ мы встрѣчаемся и въ канонѣ св. Евдокиму. Составитель канона Іосифъ Пѣснописецъ († 883), младшій современникъ св. Евдокима, также вездѣ ограничивается общими выраженіями и такими похвалами, которыя примѣнимы къ каждому свя-

тому, и даже не пользуется тѣми немногими намеками на военную его службу, которые сообщаетъ житіе. Гимнографъ очевидно не былъ знакомъ съ житіемъ св. Евдокима и самъ зналъ о немъ еще менѣе нежели агіографическая традиція. Гдѣ слѣдуетъ искать причины этой безсодержательности и маловажности біографическаго матеріала, относящагося къ св. Евдокиму, рѣшить трудно.

Что касается славянскаго перевода подробнаго житія святого, Лопаревъ вѣрно замѣтилъ, что переводчикъ, недостаточно зная греческій языкъ, часто переводилъ неточно и даже неправильно. Къ числу примѣровъ, собранныхъ Лопаревымъ, можно еще прибавить нѣсколько, напр. на стр. 11, 15 преславно (вмѣсто неожиданно, mirifice, παραδόξως); 11, 22 имѣніа (вм. хлопотъ, πραγμάτων); 13, 5 несъблазненѣ (вм. непрерывно, ἀπαύστως; однако вѣроятно, что переводчикъ въ своемъ спискѣ нашелъ чтеніе ἀπταίστως, т. е. не спотыкаясь, безъ затрудненія); 21, 8 мнѣніе (вм. подозрѣніе, ὑπόνοιαν); 22, 3, сповѣдающи (ἀφηγουμένη; этотъ глаголъ здѣсь значитъ: предводительствовать, стоять во главѣ дѣвица, о которой идетъ рѣчь, была игуменья монастыря = ἀφηγουμένη σεμνείου).

Въ одномъ-же случаѣ (на стр. 9, 4) Лопаревъ напрасно обвиняетъ переводчика, будто-бы онъ ошибочно перевелъ слово συνθείοις выраженіемъ: сложеныx; на этотъ разъ переводчикъ правъ; чтеніе συνθείοις — явная безсмыслица, переводчикъ-же въ своемъ текстѣ читалъ еще συνθέτοις, чтеніе вполнѣ безукоризненное, такъ какъ смыслъ слѣдующій: всему сложенному приходится опять распасться на свои части; каждой вещи, у которой есть начало, предназначенъ закономъ природы и конецъ; кто родится, тотъ и умретъ.

И въ другихъ мѣстахъ свидѣтельствомъ славянскаго перевода можно подтвердить исправленіе искаженнаго греческаго текста, требуемое послѣдовательностью мыслей: на стр. 18, 8 слѣдуетъ читать ὁ νεκρὸς ἡμερῶν τοσούτων σύμβολον <νεκρῶν> εἶχεν οὐδέν = мертвецъ толика дн҃іи ѡбраза мр҃твыx никако же имаше; 21, 18 ἡ τῶν παθῶν ἴασις = ст҃рте̑ цѣлба; чтеніе ἡ τῶν θαυμάτων ἴασις произошло только отъ невниманія писца, только-что (въ строкѣ 16) писавшаго ἡ ὀσμὴ τῶν θαυμάτων; 6, 4 εἴκοντι (отъ εἴκω, cedo) = повинꙋюще̑.

Не подлежатъ никакому сомнѣнію и слѣдующія исправленія рукописнаго текста: 5, 9 συνιεῖσαν (вм. συνιοῦσαν, отъ συνίημι); 5, 16 πλανωμένην (вм. πλανομένην); 6, 10 ἐλλαμπρύνεσθαι (вм. ἐλαμπρύνεσθαι).

Корректура напечатанныхъ текстовъ исполнена издателемъ вообще отчетливо, а слѣдующія опечатки просмотрѣны: 1, 3 должно читать ἐξηγεῖσθαι; 2, 17 θεία; 5, 5 ἐνεργόν; 11, 4 ῥῖψαν; 25, 13 τοῦτο; 26, 3 σωθῆναι; 27, 1 παννύχοις; 34, 18 ἀπολαύων; 38, 13 βίου; 39, 6 ἐλεημοσύνας.

Важнѣе, что иногда знаки препинанія поставлены не на своемъ мѣстѣ, что мѣшаетъ точному пониманію словъ: 3, 20 и 12, 22 надо выбросить точку; 6, 25 слово ἐντεῦθεν принадлежитъ къ предыдущему.

Лопаревъ (въ примѣчаніи на стр. 9) думаетъ, что фраза ὅρκῳ καταλαβεῖν τινα здѣсь употреблена «въ весьма любопытномъ, неизвѣстномъ доселѣ значеніи»; но въ Thesaurus graecae linguae Стефана приводится въ этомъ значеніи изъ разныхъ классиковъ (отъ Геродота до Лукіана) не менѣе семи примѣровъ.

Рига.

Э. Курцъ.

Н. Покровскаго, *Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно Византійскихъ и Русскихъ.* Съ 226 рисунками въ текстѣ и 12 таблицами. СПб. 1892. 4°. стр. LXI+496.

Задача громаднаго труда проф. Покровскаго состоитъ въ церковно-археологическомъ изъясненіи изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ, и исполнена авторомъ съ рѣдкою добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Длиннымъ рядомъ лѣтъ и многочисленными учеными поѣздками по Россіи, Востоку и по Западной Европѣ авторъ готовился къ исполненію своей темы, собирая матеріалы для нея повсюду и не обходя безъ вниманія и обслѣдованія ни одинъ памятникъ, казавшійся ему такъ или иначе замѣчательнымъ и важнымъ. А памятниковъ этихъ представлялись тысячи, начиная съ фресковыхъ изображеній катакомбъ и оканчивая произведеніями позднѣйшей иконописи. Проф. Покровскій обнялъ предметъ въ большой ширтѣ: онъ привлекъ къ разсмотрѣнію громадную массу памятниковъ на широкомъ пространствѣ христіанскаго міра въ предѣлахъ времени отъ первыхъ вѣковъхристіанской эры до XVII в. Такой объемъ задачи дѣлаетъ честь автору, не убоявшемуся ея колоссальности, и въ немъ лежитъ и сильная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабая сторона его труда. Первая заключается въ томъ, что широкая область евангельской иконографіи сдѣлалась объектомъ изученія и изслѣдованія проф. Покровскаго, во всѣхъ главнѣйшихъ представителяхъ того или другого направленія, времени и мѣста, вторая — въ томъ, что авторъ не имѣлъ физической возможности придать своимъ изслѣдованіямъ детальную отдѣлку, которой отличаются работы характера монографическаго, представляющія по возможности исчерпывающее изложеніе извѣстной частной темы. Это, впрочемъ, сознавалъ и почтенный авторъ, говоря, въ примѣненіи къ исторіи евангельской иконографіи въ Византіи и Россіи, что недостатокъ подготовительныхъ сборниковъ и работъ по этой исторіи ставитъ изслѣдователя прежде всего въ положеніе собирателя матеріала и, прибавимъ отъ себя, матеріала громаднаго, разсѣяннаго, трудно обозрѣваемаго. Но если бы изслѣдователь евангельской иконографіи Византійской и Русской ограничился скромною ролью собирателя матеріала, то и этимъ онъ оказалъ бы наукѣ великую услугу; однако проф. Покровскій пошелъ далѣе и попытался представить читателямъ отвѣты на вопросы: гдѣ лежитъ первоначальное зерно евангельской иконографіи, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ

она развивалась, въ чемъ выражалось это развитіе и къ какому концу оно пришло.

Тексту изслѣдованія предшествуетъ обширное введеніе, представляющее обозрѣніе источниковъ евангельской иконографіи. Для характеристики труда проф. Покровскаго считаемъ неизлишнимъ представить здѣсь краткій очеркъ содержанія этого отдѣла, который покажетъ, съ какою добросовѣстностью отнесся авторъ къ принятой имъ на себя задачѣ. Первое мѣсто въ ряду иконографическихъ источниковъ авторъ отводитъ, какъ и естественно ожидать, древнимъ кодексамъ лицевыхъ евангелій. Начало ихъ проф. Покровскій возводитъ къ періоду не ранѣе V, и даже VI в., полагая, что только тогда сознаніе художественной силы и умѣнье обращаться съ христіанскими темами, обширный запасъ готоваго матеріала, могли вызвать византійскихъ художниковъ на крупную работу иллюстраціи цѣлаго Евангелія. Для правильной оцѣнки этого тезиса слѣдуетъ имѣть въ виду, что проф. Покровскій разумѣетъ здѣсь иллюстрацію всего евангельскаго текста, въ его цѣлости и, притомъ, въ подробностяхъ. Отдѣльныя же евангельскія личности и событія, само собою разумѣется, служили предметами для изображеній и въ болѣе раннюю пору. Изъ наиболѣе древнихъ греческихъ лицевыхъ евангелій авторъ останавливается прежде всего на россанскомъ, которое относится къ VI в., и притомъ къ первой его половинѣ. Проф. Покровскій, какъ кажется, удачно полемизируетъ съ проф. Усовымъ, который полагалъ, что миніатюры россанской рукописи сохранились всѣ полностью и представляютъ цѣльный законченный циклъ страстей Господнихъ, причемъ миніатюристъ руководился текстомъ апокрифическаго евангелія Никодима, не смотря на то, что имъ иллюстрируется текстъ подлинныхъ, каноническихъ евангелій; проф. Покровскій признаетъ, что миніатюры россанскаго кодекса сохранились не вполнѣ, и что задачей иллюстратора было дать рядъ изображеній, относящихся къ каконической евангельской исторіи вообще, но что онъ не имѣлъ въ виду иллюстрировать отдѣльно текстъ каждаго евангелиста; особенностью изображеній этой рукописи является то, что рядомъ съ темами исторіи новозавѣтной являются изображенія пророковъ, какъ бы связывающія между собою завѣты ветхій и новый. Пророчества относятся непосредственно къ тѣмъ изображеніямъ евангельской исторіи, возлѣ которыхъ они помѣщены. Изъ VI в., за отсутствіемъ посредствующихъ памятниковъ, изслѣдователь долженъ перейти прямо къ X—XII вв., гдѣ, впрочемъ, онъ можетъ указать нѣсколько такихъ памятниковъ, прототипы которыхъ должны относиться ко времени болѣе раннему: всѣ миніатюры, въ отличіе отъ россанскаго кодекса, иллюстрирующаго евангельскія событія отдѣльно отъ текста, позднѣе примкнули къ нему и разнятся между собою только въ количествѣ иллюстрацій; однѣ изображаютъ лишь четыре событія, по одному на каждаго евангелиста, другія по нѣскольку событій наиболѣе замѣчательныхъ для каждаго евангелиста, третьи — всѣ важнѣйшія и даже

второстепенныя событія Евангелія. Проф. Покровскій сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся представителяхъ всѣхъ трехъ группъ, присоединяя къ нимъ и четвертую, наиболѣе многочисленную, въ которой текстъ четырехъ евангелистовъ иллюстрируется четырьмя ихъ изображеніями. Отдѣльная рубрика посвящена разсмотрѣнію стоявшихъ по пріемамъ иллюстраціи въ близкой связи съ византійскими евангелій сирійскихъ, коптскихъ и армянскихъ, во главѣ которыхъ по древности стоитъ извѣстный сирійскій кодексъ монаха Раввулы, писанный въ 586 г., и содержащій евангельскія иллюстраціи также внѣ текста. Въ особой главѣ проф. Покровскій разсматриваетъ такъ называемыя лицевыя страсти Христовы, столь распространенныя у насъ на Руси въ XVII и XVIII вв. Проф. Покровскій склоненъ думать, что памятникъ этотъ имѣетъ польское происхожденіе. Въ виду важности для христіанской иконографіи лицевыхъ рукописей греческихъ и славянскихъ псалтырей, словъ св. Григорія Богослова, греческихъ минологіевъ и акаѳистовъ, авторъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію и ихъ виднѣйшихъ представителей, заканчивая на этомъ первый и самый обширный отдѣлъ предисловія, который заключаетъ въ себѣ обозрѣніе лицевыхъ рукописей. Вторая его половина посвящена прежде всего древнимъ стѣнописямъ, и нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ ограничился при ихъ обозрѣніи простымъ, чисто суммарнымъ перечнемъ, притомъ далеко не полнымъ. Правда, вопросу о стѣнныхъ росписяхъ проф. Покровскимъ посвящена отдѣльная монографія, помѣщенная въ 1890 г. въ Трудахъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ, но намъ думается, что сведеніе ея результатовъ и, быть можетъ, пересмотръ нѣкоторыхъ положеній и выводовъ были бы далеко не излишни въ сочиненіи, посвященномъ евангельской иконографіи, для которой стѣнописи оказываются не менѣе важными и обильными, какъ и рукописи. Послѣ стѣнописей авторъ переходитъ къ иконамъ, касаясь, какъ и естественно ожидать, иконописныхъ подлинниковъ греческихъ и русскихъ. Обозрѣніемъ памятниковъ иконографіи Христіанскаго Запада заканчиваетъ проф. Покровскій свое введеніе.

Мы дозволили себѣ привести болѣе подробное обозрѣніе его содержанія для того, чтобы показать ту серьезность, съ которой авторъ отнесся къ своей задачѣ и ея постановкѣ. Предварительныя работы по собиранію имъ матеріала поражаютъ читателя массою пересмотрѣннаго и привлеченнаго къ дѣлу. Но авторъ въ предисловіи не упоминаетъ еще о цѣломъ рядѣ памятниковъ, которые ему пришлось такъ или иначе изучить для объясненія евангельской иконографіи, памятниковъ литературныхъ, къ которымъ принадлежатъ, сверхъ каноническихъ Евангелій и книгъ Ветхаго Завѣта, евангелія апокрифическія, творенія отцовъ и учителей Церкви, соборныя постановленія, церковныя пѣснопѣнія, обширная литература паломниковъ. Выше мы уже замѣтили, что невозможно ожидать, чтобы изслѣдователь столь необозримой массы мате-

ріала съ одинаковымъ вниманіемъ отнесся ко всѣмъ его отдѣламъ, вслѣдствіе чего у него неизбѣжно должны оказаться нѣкоторые недочеты; мы постараемся показать это на литературѣ паломниковъ, но предварительно ознакомимъ читателя съ архитектоникой труда проф. Покровскаго. Авторъ дѣлитъ иконографію евангелія на три части, соотвѣтствующія тремъ періодамъ земной жизни Іисуса Христа: въ первой озаглавленной: Иконографія дѣтства І. Христа, разсматриваются: Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, посѣщеніе Прав. Елисаветы, явленіе Ангела Іосифу, путешествіе Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ, Рождество Христово, Обрѣзаніе, Срѣтеніе Господне, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, возвращеніе Св. Семейства изъ Египта, избіеніе младенцевъ Виѳлеемскихъ, двѣнадцатилѣтній І. Христосъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. Вторая часть, озаглавленная: Общественное служеніе І. Христа на памятникахъ иконографіи, посвящена разсмотрѣнію Крещенія І. Христа, искушенія І. Христа въ пустынѣ, Преображенія Господня, ученія І. Христа, чудесъ Евангельскихъ. Третья и послѣдняя часть, обнимающая конечныя событія евангельской исторіи въ памятникахъ иконографіи, обозрѣваетъ: Воскрешеніе Лазаря, Входъ І. Христа въ Іерусалимъ, изгнаніе торговцевъ изъ храма, Тайную вечерю, умовеніе ногъ, молитву І. Христа въ саду Геѳсиманскомъ, предательство Іуды, судъ надъ І. Христомъ, бичеваніе І. Христа, отреченіе ап. Петра, раскаяніе и смерть Іуды, Распятіе І. Христа, испрошеніе у Пилата тѣла Іисусова, Снятіе съ креста, Положеніе во гробъ, Воскресеніе Христово, Сошествіе во адъ, явленіе І. Христа по Воскресеніи, явленіе Маріи Магдалинѣ, увѣреніе Ѳомы, Вознесеніе Христово, Сошествіе Св. Духа на апостоловъ. — Такимъ образомъ мы видимъ, что ни одно, даже второстепенное евангельское событіе, переданное путемъ иконографическимъ, не оставлено авторомъ безъ разсмотрѣнія и обслѣдованія. Они ведутся обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: авторъ сопоставляетъ, придерживаясь частію хронологическаго, частію топографическаго, частію предметнаго порядка, главнѣйшія изображенія того или другого евангельскаго событія, неукоснительно отмѣчая характерныя особенности, представляющія нерѣдко послѣдовательный ходъ въ развитіи извѣстнаго иконографическаго типа, и затѣмъ, изъ разсмотрѣнія свидѣтельствъ, сообщаемыхъ разсказами каноническихъ и апокрифическихъ евангелій, отцовъ церкви, церковныхъ пѣснопѣній, постановленій соборовъ и другихъ литературныхъ данныхъ ищетъ возможности объяснить генезисъ и послѣдовательное расширеніе и осложненіе того или другаго изображенія, какъ въ его общей композиціи, такъ и въ аксессуарахъ. Привлекая къ изслѣдованію главнымъ образомъ матеріалъ искусства древнѣйшаго и византійскаго, проф. Покровскій въ особыхъ прибавленіяхъ, отмѣченныхъ отдѣльнымъ шрифтомъ, разсматриваетъ памятники искусства западнаго, не имѣя при этомъ цѣлью представить въ своемъ изложеніи исчерпывающее рѣшеніе темы. Въ принципіальномъ, поднятомъ въ недавнее время, вопросѣ о симво-

лизмѣ въ древней христіанской археологіи и въ искусствѣ, проф. Покровскій, какъ и слѣдовало ожидать отъ православнаго богослова, стоитъ на сторонѣ тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ его доказаннымъ, и нерѣдко полемизируетъ съ представителями натуралистическаго направленія, которое отрицаетъ въ древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ слѣды догматизма и символизма. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (напр. при объясненіи изображенія креста въ сценѣ Крещенія, которое толкуется авторомъ иносказательно и на правильное пониманіе котораго указалъ проф. Кондаковъ) нельзя съ нимъ согласиться.

Теперь сообщимъ нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ подробностей труда проф. Покровскаго, вовсе не имѣя въ виду умалить его достоинства, но имѣя цѣлью показать, что при взятой имъ на себя задачѣ ему не было возможности одинаково отдѣлать всѣ частности своей темы и приходилось по неволѣ оставлять кое-что для послѣдующихъ замѣчаній и дополненій.

На стр. 28, гдѣ идетъ рѣчь объ обстановкѣ благовѣщенія Пресв. Богородицы, слѣдовало бы прибавить, что преданіе, приводимое проф. Покровскимъ изъ Даніила игум. (XII в.), существовало и ранѣе, въ VI в. какъ это явствуетъ изъ Антонина Мартира, упоминающаго одновременно и о ведеркѣ (Божіей Матери), и о корзинѣ, и о стулѣ, на которомъ она сидѣла въ то время, когда явился ей Ангелъ (гл. IV). Любопытно то обстоятельство, что сцену Благовѣщенія Антонинъ помѣщаетъ въ Діокесаріи или Сепфорисѣ.

Стр. 47. Преданіе о томъ, что при путешествіи Іосифа и Маріи въ Виѳлеемъ, передъ Рождествомъ Христовымъ, Богоматерь, приближаясь къ городу, должна была сойти съ осла, на которомъ ѣхала, упоминается и въ литературѣ паломниковъ, напр. у Даніила игумена.

Стр. 185. Болѣе древнее, нежели игумена Даніила, свидѣтельство паломнической литературы о примѣненіи къ крещенію Господню словъ псалма: морѣ видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять находится у Антонина Мартира, гл. XI.

Стр. 262. Проф. Покровскій отмѣчаетъ интересное уклоненіе иконографіи отъ буквы Евангелія въ изображеніи входа Господня въ Іерусалимъ: тогда какъ каноническія евангелія не отмѣчаютъ особенной роли, которую играли дѣти при этомъ входѣ (то, что говорится о восклицаніяхъ дѣтей у Матѳ. XXI, 15, происходило въ храмѣ, а не за городомъ), участіе дѣтей очень рано и весьма послѣдовательно констатируется на евангельскихъ иллюстраціяхъ, начиная съ россанскаго евангелія. Проф. Покровскій видитъ здѣсь вліяніе преданія, занесеннаго уже въ апокрифическое евангеліе Никодима. Любопытную деталь сообщаетъ намъ въ IV в. Сильвія, описывающая подробности этого праздника: «И всѣ дѣти», говоритъ она (стр. 153), «сколько ихъ есть въ этихъ мѣстахъ, которыя не могутъ ходить, потому что очень слабы, и которыхъ держатъ родители на рукахъ, всѣ держатъ вѣтви — одни пальмъ,

другія маслинъ: и такъ сопровождаютъ епископа въ томъ образѣ, въ которомъ нѣкогда сопровождали Господа». Достойно вниманія указаніе на то, что вѣтви были не только пальмовыя, но и масличныя; вѣтви обоихъ сортовъ видимъ мы на миніатюрахъ евангелій Россанскаго и Парижскаго № 74 XI в.

Достойно вниманія то обстоятельство, что на изображеніяхъ суда Пилатова (стр. 302, 303) отсутствуетъ одна подробность, указаніе на которую даетъ Антонинъ Мартиръ и которая, по всей вѣроятности, существовала и на самомъ дѣлѣ: въ главѣ 23, гдѣ рѣчь идетъ о преторіѣ, Антонинъ упоминаетъ о сѣдалищѣ, на которомъ сидѣлъ Пилатъ, когда допрашивалъ Господа, и продолжаетъ: «И четырехугольный камень, который находился по серединѣ преторія, куда поднимали подсудимаго для допроса, чтобы его видѣлъ и слышалъ весь народъ; туда подняли и Господа, когда его допрашивалъ Пилатъ, и тамъ остались Его слѣды». Это есть очевидно catasta или ambo, объ которомъ такъ часто упоминается въ мученическихъ актахъ и который представлялъ возвышеніе, куда ставили подсудимаго и гдѣ не рѣдко производились и пытки, вслѣдствіе чего Сальвіанъ (de gub. Dei III, 6) весьма картинно зоветъ ступени этого амвона лѣствицею, по которой мученики сходили на небо.

Стр. 302. Объясняя миніатюру Россанскаго евангелія, изображающую судъ Пилата, группу изъ пяти человѣкъ въ туникахъ и табліонахъ, стоящую по правую сторону Пилата, проф. Покровскій называетъ придворнымъ штатомъ Пилата. Скорѣе это то, что въ римскомъ уголовномъ судопроизводствѣ звалось officium.

Стр. 307. Преданіе о столбѣ бичеванія Спасителя восходитъ въ глубокую древность: объ столбѣ этомъ, какъ предметѣ поклоненія, говоритъ уже въ IV в. Сильвія (стр. 158), помѣщая его на Сіонѣ. См. также Іеронимъ Peregr. Paull. p. 33.

Стр. 310. Еще ранѣе Беды и Аркульфа, его источника, дерево, на которомъ удавился Іуда, зоветъ смоковницею Антонинъ Мартиръ, гл. 17.

Стр. 348. Еще ранѣе Антонина написаніе на крестѣ видѣла и его лобызала Сильвія, стр. 158.

Стр. 350. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ указаніе Антонина Мартира на то, что крестъ Христовъ былъ изъ орѣховаго дерева (гл. 20).

Стр. 352. Преданіе о пупѣ земли встрѣчается еще ранѣе Даніила иг. — у Аркульфа, стр. 157.

Заканчивая свою замѣтку о трудѣ проф. Покровскаго, мы должны замѣтить, что въ немъ наша христіанская археологія пріобрѣла вкладъ солидный, который на долго послужитъ прекраснымъ пособіемъ для археолога и съ которымъ необходимо считаться всякому, желающему работать далѣе въ области евангельской иконографіи.

И. Помяловскій.

Востокъ Христіанскій. Исторія Аѳона. Ч. III. *Аѳонъ монашескій.* I) Судьба его съ 911 по 1861 годъ. Отдѣленіе второе. II) Оправданія исторіи Аѳона (то-есть приложенія къ этому отдѣленію). Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціею П. А. Сырку. С.-Пб. 1892. 8°. LI + V + 1083 стр.

Тщательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ изданіемъ настоящей книги покойнаго преосвященнаго Порфирія Успенскаго наша Академія Наукъ выполнила предсмертную волю ея автора, придавшаго этому своему труду весьма важное значеніе (стр. 604), и удовлетворила тѣхъ изъ русскихъ людей, которые съ нетерпѣніемъ и съ большими надеждами ожидали выхода въ свѣтъ окончанія «Исторіи Аѳона», въ свое время, при появленіи первыхъ томовъ, надѣлавшей не мало шума и оживленныхъ толковъ... Впрочемъ, нужно правду сказать, что ожиданія и надежды послѣднихъ не сбылись даже и на половину, и явившееся разочарованіе посмертнымъ трудомъ епископа Порфирія въ средѣ русскихъ ученыхъ было такъ велико, что книга эта, сколько намъ помнится, не вызвала ни одной болѣе или менѣе серьозной критико-библіографической замѣтки въ нашей періодической печати. Это станетъ вполнѣ понятно, если мы припомнимъ предшествующія появленію въ свѣтъ настоящей книги обстоятельства и тѣ ожиданія и запросы, которые предъявляются представителями науки къ трудамъ, подобнымъ настоящему.

Кто внимательно читалъ дневники покойнаго епископа Порфирія, или его «Первое и второе путешествія по св. Аѳонской горѣ» и слѣдилъ за его литературною дѣятельностію въ послѣдніе годы его жизни въ Москвѣ, въ качествѣ члена московской синодальной конторы и настоятеля Новоспасскаго монастыря, отражавшеюся главнымъ образомъ на страницахъ мѣстнаго духовнаго журнала: «Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», тому изъ русскихъ читателей III часть «Исторіи Аѳона» показалась хорошо извѣстною, за небольшимъ исключеніемъ, съ давнихъ поръ, повтореніемъ читаннаго и стараго. Самъ авторъ не выдаетъ этотъ трудъ за новый, но откровенно признается, что «конченная имъ исторія Аѳона составляетъ одно неразрывное цѣлое съ описаніемъ его путешествія по этой горѣ» (стр. 604). Далѣе, этотъ трудъ нашего историка не стоитъ и на уровнѣ нашихъ современныхъ свѣдѣній объ Аѳонѣ, которыми все болѣе и болѣе обогащается историческая наука, благодаря усиливающемуся съ годъ отъ года интересу къ св. Горѣ въ средѣ ученыхъ нашихъ и западныхъ и частымъ ихъ путешествіямъ на нее. Наконецъ, намъ думается, что преосвящ. Порфирій, давая своему настоящему труду названіе: «Исторія Аѳона», въ значительной степени содѣйствовалъ упомянутому разочарованію его трудомъ, такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляетъ наше время къ подобнаго рода сочиненіямъ. Здѣсь мы не видимъ ни строго обдуманнаго плана, ни многосторонняго изученія литера-

туры по вопросамъ, затрогиваемымъ въ немъ авторомъ, ни обстоятельнаго знакомства съ первоисточниками—документами письменными и вещественными, ни строго-критической провѣрки этихъ источниковъ, ни даже хронологической точности. Знакомясь ближе съ разбираемою нами книгою преосвящ. Порфирія, получаешь невольно увѣренность въ томъ, что авторъ ея, во время своего ученаго путешествія, не имѣлъ серьознаго намѣренія—писать исторію Аѳона; явилось оно, по окончаніи путешествія, подъ вліяніемъ, очевидно, желанія доказать аѳонскимъ инокамъ, что ихъ сказанія о пришествіи на Аѳонъ Богоматери—сказки и легенды, и что «Богоматерь не была на Аѳонѣ и быть тамъ не думала» (Исторія Аѳона, к. 1877 г., ч. II, стр. 21). Для этого автору показалось вполнѣ достаточно тѣхъ фактовъ, которые имъ были собраны, во время путешествія, изъ рукописей и какіе онъ могъ отыскать въ печатныхъ пособіяхъ, а особенно, когда онъ задумалъ прослѣдить историческую судьбу Аѳонской горы въ дохристіанскій періодъ и въ первые начальные годы христіанской эры. Вотъ почему преосвящ. Порфирій, давъ въ предшествующихъ частяхъ настоящаго труда несомнѣнныя доказательства обширной начитанности въ классической и иностранной литературахъ по нѣкоторымъ вопросамъ и подаривъ историческую науку нѣсколькими любопытными страницами серьознаго разбора тѣхъ сказаній и легендъ о пребываніи на Аѳонѣ Богоматери, какія ходятъ среди обитателей св. Горы и которыя записаны въ разныхъ рукописяхъ, оказался несостоятельнымъ историкомъ, когда приступилъ къ изложенію настоящей исторіи Аѳона — «монашескаго», который насъ болѣе всего долженъ интересовать. Здѣсь въ разсматриваемой нами книгѣ преосвящ. Порфирій изъ историка превратился въ лѣтописца и, вмѣсто связнаго генетически-послѣдовательнаго разсказа внутренней и внѣшней судьбы «монашескаго Аѳона», далъ намъ нѣсколько хотя и интересныхъ, но голыхъ и сухихъ фактовъ изъ той и другой, изложивъ ихъ въ *хронологическомъ порядкѣ*. Такимъ образомъ, въ «Исторіи Аѳона» преосвящ. Порфирія мы видимъ громадный *хронологическій* перечень (стр. 334) тѣхъ пожертвованій, какія посылались на Аѳонъ византійскими императорами, молдавскими господарями, русскими царями и т. д., „*лѣтописное свѣдѣніе* о стѣнной живописи, появившейся на Аѳонѣ въ турецкое время“ (стр. 405), «перечетъ» «въ *хронологическомъ порядкѣ*» сочиненій и изданій аѳонскихъ иноковъ (стр. 448) и многое другое въ томъ же родѣ.

Впрочемъ, отъ преосвящ. Порфирія, собственно говоря, и трудно было ожидать обстоятельной и полной исторіи Аѳона. Говоря о «матеріалахъ», «при исторированіи Аѳона монашескаго», онъ, правда, жалуется, что его «обременяло богатство этихъ матеріаловъ» (стр. 604), а въ другомъ случаѣ выражается еще сильнѣе, что «дѣеписаній аѳонскихъ» или «дѣловыхъ памятей въ аѳонскихъ монастыряхъ» (стр. 314) у него было даже цѣлое «разливанное море» (стр. 274), но въ дѣйствительности положеніе преосвящ. Порфирія, какъ историка Аѳона, обстояло далеко не такъ блестяще. Изъ откровенныхъ его дневниковъ мы узнаемъ, что святогорцы не доз-

волили ему работать въ архивѣ Карейскаго протата, главнаго и единственнаго хранилища важнѣйшихъ документовъ историческаго прошлаго св. Горы (первое путешествіе по Аѳону, ч. II, отд. II, стр. 296—298), не пустили его въ архивъ Ватопедскаго монастыря (тамъ же, стр. 99), не много показали ему «архивныхъ дѣеписаній» Кутлумушцы (тамъ же, стр. 233) и т. д. Слѣдовательно, выражаясь образнымъ языкомъ нашего автора, преосвящ. Порфирій въ «разливанномъ святогорскомъ морѣ» весьма часто «закидывалъ свои научныя мрежи» не на глубины его, а по сему и «тони» его нерѣдко бывали скудныя, съ однообразною и мелкою рыбкою... Не удивительно поэтому, что отъ «надписей и дѣловыхъ памятей» преосвящ. Порфирій за свѣдѣніями по исторіи Аѳона долженъ былъ обращаться «къ устнымъ разсказамъ и преданіямъ» (стр. 422, 424) старожиловъ на Аѳонѣ и вмѣсто библіотекъ святогорскихъ, полныхъ рукописей и старопечатныхъ изданій, черпать свои свѣдѣнія объ издательской и учено-литературной дѣятельности святогорцевъ изъ мало-надежнаго и нынѣ совершенно устарѣвшаго источника — изъ книги А. Врето: «Νεοελληνική φιλολογία» (Ἀθήν. 1845 г.). Однимъ словомъ, и въ методѣ изложенія и въ подборѣ источниковъ преосвящ. Порфирій не далеко ушелъ отъ старыхъ книжниковъ лѣтописцевъ.

Хронологическія разчисленія преосвящ. Порфирія (стр. 148) хотя и отличаются иногда оригинальностію и своеобразностію выкладокъ, но едва-ли могутъ быть признаны близкими къ истинѣ.

Отъ этихъ замѣчаній общаго характера мы перейдемъ къ самому содержанію настоящей книги и разсмотримъ всѣ параграфы и отдѣлы ея, въ порядкѣ чередованія ихъ, отмѣчая въ нихъ достоинства и недостатки, на сколько это возможно сдѣлать въ краткой критико-библіографической замѣткѣ.

Самымъ полнымъ и обстоятельнымъ въ книгѣ преосвящ. Порфирія нужно признать отдѣлъ, въ которомъ авторъ трактуетъ объ имущественной сторонѣ святогорскихъ отшельниковъ. Ему онъ посвящаетъ бо́льшую часть своей книги по той простой причинѣ, что въ Аѳонскихъ монастыряхъ болѣе всего сохранилось въ настоящее время документовъ, касающихся этой стороны жизни. Дарственныя записи, императорскіе хрисовулы, царскія и княжескія грамоты, касающіеся земельныхъ надѣловъ монастырямъ, разнаго рода денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій въ нихъ, монастырскія тяжебныя дѣла изъ-за земельныхъ участковъ и границъ переполняютъ эти архивы въ подлинникахъ и копіяхъ, между которыми, какъ это не безъизвѣстно и нашему автору, встрѣчается не мало и *подложныхъ* (Аѳон. языческій, К. 1877, ч. 1, стр. 1). Въ обширномъ хронологическомъ перечнѣ пожертвованій на Аѳонъ византійскими императорами и вельможами, русскими царями, боярами и народомъ, молдовлахійскими князьями, сербскими и грузинскими царями мы видимъ, что эти пожертвованія нерѣдко были по истинѣ царскія, то-есть, щедрыя и богатыя, и состояли изъ земельныхъ участковъ, богатыхъ вкладовъ день-

гами, утварью и ризницею, дорогими мѣхами и разными предметами общежитейскаго характера. Всѣ эти жертвователи строили храмы и расписывали ихъ живописью на свои средства, возобновляли монастыри, дѣлали въ нихъ необходимыя постройки въ видѣ колоколенъ, башенъ и т. д. Но, къ глубокому сожалѣнію, изъ этого сухаго перечня мы не видимъ разумнаго распоряженія и цѣлесообразнаго расходованія всѣми этими богатствами и пожертвованіями святогорскихъ иноковъ. Какъ будто бы преосвящ. Порфирій, характеризующій византійскихъ императоровъ мрачными красками Никиты Хоніата и другихъ византійскихъ историковъ, и на самомъ дѣлѣ поставилъ своею задачею доказать, что эти изверги-императоры могли быть и бывали нерѣдко весьма щедрыми вкладчиками и жертвователями въ аѳонскіе монастыри, и что монастыри собирали эти пожертвованія, то для собственнаго безбѣднаго существованія, то для выкупа своихъ собратій изъ плѣна пиратовъ (стр. 116), то для платы турецкому правительству подати или *харача* (стр. 304—305), то для гибельнаго для Аѳона во многихъ отношеніяхъ возстанія святогорцевъ за свободу грековъ въ 1821 г. (стр. 578) и т. д. Удѣливъ на счетъ пятнадцать строкъ параграфу о томъ, «какая была польза отъ аѳонскихъ монаховъ православнымъ народамъ во время турецкаго владычества» (стр. 598), нашъ авторъ въ своей книгѣ представилъ святогорскую благотворительность вынужденною и случайною, которая явилась лишь потому, что турецкое правительство объявило монастырскія имѣнія *вакуфами* (стр. 313) и тѣмъ обязало благотворить окружающимъ эти монастыри насельникамъ. Иноки св. Горы, по изображенію преосвящ. Порфирія, только и дѣлаютъ, что ведутъ между собою тяжбы и споры, поглощающіе всѣ ихъ силы и матеріальныя средства. По цѣлымъ столѣтіямъ и болѣе эти иноки будто-бы бездѣйствуютъ и совершенно забываютъ о томъ, что они свѣточи міру... Вообще, въ этомъ отдѣлѣ «Исторіи Аѳона» не мало неутѣшительныхъ картинъ изъ историческаго прошлаго святогорской аѳонской жизни, хотя и въ одностороннемъ, а нерѣдко и прямо невѣрномъ освѣщеніи.

Отыскавъ, напримѣръ, посланіе папы Иннокентія III отъ 12-го января 1214 г., въ которомъ святогорцы принимаются, по ихъ личной просьбѣ, подъ «покровительство сего папы и блаженнаго Петра» (стр. 77), преосвящ. Порфирій, во-первыхъ, считаетъ нужнымъ обитателямъ св. Горы прочитать слѣдующую мораль: «пусть же перестанутъ нынѣшніе аѳонцы кастить(?) римскаго первосвященника, у котораго искали защиты и покровительства духовные предки ихъ... Папа Иннокентій спасъ триста обителей аѳонскихъ отъ разореній безумными латинами(?!) и своимъ авторитетомъ утвердилъ всѣ ихъ льготы и имѣнія, какими они тогда владѣли» (стр. 77—78), а во-вторыхъ, онъ непрочь думать, что подобное покровительство римскаго первосвященника пріобрѣталось въ нѣкоторыхъ случаяхъ святогорцами даже цѣною уніи и измѣны православію. Такое несправедливое обвиненіе высказываетъ преосвященный Порфирій поло-

жительно противъ аѳоно-ватопедскаго апокрисіарія Дороѳея, по поводу весьма сомнительной грамоты папы Евгенія 1439 г. (стр. 182—183). Дѣло въ томъ, что за покровительствомъ къ папамъ обращались нерѣдко не одни только святогорцы, но и иноки другихъ православныхъ восточныхъ монастырей, какъ, напримѣръ, Синая, Патмоса и др., и римскіе первосвященники охотно давали имъ грамоты съ индулгенціями для тѣхъ, кто посѣщаетъ эти монастыри и благотворительствуютъ имъ, однакоже заключать отсюда, что православные монастыри достигали желаемаго путемъ измѣны православію и принятія уніи, какъ это дѣлаетъ преосвящ. Порфирій по отношенію къ аѳоно-ватопедскому монастырю (стр. 181), а патеръ Вапутелли по отношенію къ Патмосскому Іоанно-Богословскому монастырю (P. Vanutelli, Un quinto sguardo all' oriente. Patmos. Roma 1884 an. pag. 89), нѣтъ рѣшительно никакихъ фактическихъ основаній. Въ годины своихъ несчастій православные монастыри просили помощи и защиты всюду и у всѣхъ сильныхъ міра: и у папъ, и у западныхъ императоровъ и королей, и у гросмейстеровъ католическихъ военно-религіозныхъ орденовъ, не давая въ замѣнъ никакихъ обѣщаній своимъ случайнымъ благодѣтелямъ.

Подавленный массою «дѣловыхъ памятей и надписей», касающихся матеріальной или хозяйственной стороны жизни святогорскихъ иноковъ, и удѣливъ имъ болѣе всего вниманія, преосв. Порфирій довольно блѣдно очертилъ внутреннюю духовную сторону ихъ жизни. По причинѣ, вполнѣ понятной, онъ не могъ пройти молчаніемъ такія выдающіяся явленія религіозной жизни аѳонитовъ, какъ, напримѣръ, споры ихъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ, о поминовеніи усопшихъ въ субботу и въ воскресенье и о другихъ, какъ выражается авторъ, «свободныхъ умственныхъ вѣяніяхъ» (стр. 379), потому что эти споры сильно занимали умы святогорскихъ насельниковъ и долго волновали ихъ. Къ сожалѣнію, въ «Исторіи Аѳона» остались мало выясненными причины появленія этихъ толковъ и броженій и даже не исчерпанъ съ достаточною полнотою и обстоятельностію тотъ фактическій матеріалъ, который былъ извѣстенъ нашему автору по рукописямъ святогорскихъ библіотекъ. По принятымъ нашимъ авторомъ правиламъ говорить только «объ извѣстностяхъ» (стр. 403), «не выдумывать предположеній» (стр. 285) и недосказанное оставлять на долю последующихъ изслѣдователей и путешественниковъ, онъ, при изложеніи толка «объ энергіи существа Божія и о свѣтѣ, возсіявшемъ изъ преобразившагося на Ѳаворѣ Іисуса Христа», ограничился почти тѣми только данными, какія онъ почерпнулъ изъ весьма объемистой аѳоно-лаврской рукописи Маврокордата, писанной въ 1708 г. Но и эта рукопись осталась далеко не исчерпанною до конца преосв. Порфиріемъ, и его исторія полемики варлаамитовъ и паламитовъ въ смыслѣ ясности, полноты и обстоятельности оставляетъ желать многаго, какъ это видно теперь изъ прекраснаго труда проф. Новороссійскаго университета Ѳ. И. Успенскаго: «Синодикъ въ недѣлю Православія. Сводный текстъ съ примѣчаніями».

Одесса 1893 г., стр. 71—74. Въ «оправданіи» подъ № 45, помѣстивъ весьма важную выдержку изъ подробнаго синодика съ анаѳематизмами противъ ученія Варлаама и Акиндина по *«драгоцѣнной и цѣликомъ переписанной»*, какъ выражается нашъ историкъ (Первое путешествіе въ Аѳонскій монастырь 1880 г., ч. II, отд. II, стр. 206), кутлумушской рукописи XIV вѣка (стр. 260 и приложеніе стр. 780), преосв. Порфирій не сообщилъ о самой рукописи никакихъ свѣдѣній и тѣмъ поставилъ проф. Успенскаго въ недоумѣніе — какъ нужно смотрѣть на это приложеніе, какъ на самый соборный актъ, или же какъ на синодикъ, читавшійся въ церкви въ недѣлю Православія (Синодикъ въ недѣлю Православія, стр. 73—74). Остановившись на послѣднемъ и совершенно правильномъ предположеніи, ученый профессоръ и доселѣ, конечно, не подозрѣваетъ, что этотъ синодикъ принадлежалъ адріанопольской митрополіи и содержитъ въ себѣ весьма немало позднѣйшихъ наслоеній, приписанныхъ въ XV, XVI и даже XVII вѣкахъ. Въ заключительной части настоящаго синодика, кромѣ многочисленныхъ именъ адріанопольскихъ митрополитовъ, мы читаемъ имена византійскихъ императоровъ и императрицъ съ ихъ именами мірскими и монашескими. Но нашъ историкъ своими недомолвками и неточностями не только задаетъ задачи и ставитъ въ недоумѣніе послѣдующихъ за нимъ изслѣдователей по тѣмъ же вопросамъ, какъ это мы сейчасъ показали на проф. Успенскомъ, но возлагаетъ на нихъ уже совершенно неблагодарный и не всегда посильный трудъ исправлять его ошибки и притомъ не только въ разсужденіяхъ и заключеніяхъ, высказываемыхъ имъ лично, но даже въ самыхъ *«оправданіяхъ»* или документальныхъ приложеніяхъ къ своему труду. «Драгоцѣнная и цѣликомъ переписанная» преосв. Порфиріемъ кутлумушская рукопись въ упомянутомъ Приложеніи № 45 воспроизведена *неточно*. Всѣ варіанты этого приложенія, отмѣченные проф. Успенскимъ въ его «сводномъ» синодикѣ, за исключеніемъ двухъ, а именно на стр. 35 и 37, должны быть отнесены къ ошибкамъ или опискамъ преосв. Порфирія и подлинною рукописью не оправдываются. Въ попыткѣ нашего историка возстановить текстъ въ пятомъ анаѳематизмѣ (Приложеніе, стр. 782, примѣчаніе *) нѣтъ, и по нашему мнѣнію (это замѣчено проф. Успенскимъ), никакой надобности. Смыслъ текста рукописи достаточно ясенъ. Наконецъ, статья противъ Аргира, почему-то опущенная преосв. Порфиріемъ, стоитъ въ рукописи на своемъ мѣстѣ и текстъ ея совершенно сходенъ съ напечатаннымъ у проф. Успенскаго (Синодикъ въ недѣлю Православія, стр. 34).

Ересь коливадовъ или споры о томъ, въ какіе дни слѣдуетъ поминать умершихъ, обслѣдована неполно и односторонне. Вообразивъ почему-то, что книжка святогорца Никодима: «Ὁμολογία τῆς πίστεως» (изд. Венец. 1819 г.), посвященная составителемъ спорамъ о дняхъ поминовенія, — «ненайденышь» (стр. 386), хотя и въ наше время, особенно на востокѣ, она далеко не представляетъ собою библіографической рѣдкости, преосв. Порфирій всю исторію этихъ споровъ на Аѳонѣ изложилъ только

на основаніи этой книжечки, причемъ на восемнадцати страницахъ (стр. 964—992) своихъ «Оправданій» помѣстилъ обширныя буквальныя извлеченія изъ нея. А между тѣмъ нашему историку были извѣстны по этому вопросу и рукописные матеріалы (Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. К. 1877, ч. II, стр. 128), которые онъ, въ виду «объемистости» ихъ и недостатка «досужаго времени», совершенно игнорировалъ. Рукопись святопавловская однакоже не единственный источникъ для фактической стороны настоящихъ споровъ; они отразились въ сильной степени, какъ на это указываетъ въ упомянутомъ сочиненіи и святогорецъ Никодимъ, въ различныхъ святогорскихъ уставахъ, изъ которыхъ нашъ историкъ могъ бы почерпнуть много полезныхъ свѣдѣній. Но отцы святогорцы, современники этихъ оживленныхъ и сильно волновавшихъ св. гору споровъ, оставили намъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія изъ этого времени, касающіяся не самыхъ споровъ, а тѣхъ мѣръ, какія принимались на Аѳонѣ къ уничтоженію еретиковъ. Въ высшей степени любопытный изъ того времени дневникъ, хранящійся нынѣ въ Ксиропотамской библіотекѣ, говоритъ на л. 3 не только объ этихъ мѣрахъ, но и сообщаетъ нелишенный для насъ русскихъ фактъ, что въ числѣ ересіарховъ были наши малороссы, иноки Аѳонскаго Ильинскаго скита. Вотъ эта любопытная страница: «͵αψογ΄. Μαΐου κε΄. ξημέρωμα τῶν ἁγίων πάντων. οἱ χριστιανοὶ κλέπται, ὅπου πρὸ τριῶν τεσσάρων μηνῶν ἐγύριξαν τὸ Ἅγιον Ὄρος μὲ δύο καΐκια καὶ ἕνα περγαντί, καὶ ἔποιον αὐτὰ χριστιανικὰ πάλιν καΐκια, ὅπου ἤρχουνταν ἀπὸ Λῆμνον, Χῖον, Μιτυλήνην καὶ ἀπὸ τὰ μέρη τοῦ Βώλου, καὶ ἐπάτησαν τὴν Ἱερισσόν, καὶ ἔτι δύο τρία χωρία τῆς ἐπαρχίας τῆς Κασσανδρίας. Αὐτοί, λέγω, οἱ κλέπται ἐπῆγαν νύκτα εἰς τὴν σκήτην τοῦ προφήτου Ἠλιοῦ καὶ ἐπῆραν ἀπὸ τὸ κελλὶ τὸν παπᾶ Παΐσιον, τὸν καλλιγράφον καὶ αἱρεσιάρχην τῶν κολύβων καὶ ἄλλων φλυαριῶν καὶ γλωσσαλγιῶν, ὅπου ἔλεγε κατὰ τῆς ἱερωσύνης καὶ τῶν ἀχράντων μυστηρίων, ὁμοῦ καὶ τὸν γέροντά του, καὶ φέροντές τους εἰς τὴν σκήτην τοῦ ἁγίου Παύλου, ὅπου ἦτον τὸ καΐκι των, τοὺς πῆραν μέσα εἰς τὸ πέλαγος καὶ τοὺς ἔρριψαν εἰς τὴν θάλασσαν, καὶ τοὺς ἔπνιξαν, λέγοντες παρρησίᾳ, πῶς ὡς φαρμασόνιδες, καὶ τοιούτους τοὺς ἔπνιξαν, ἐπῆγαν τὸ ταχὺ καὶ ἐπάτησαν δύο κελλία νὰ πίασουν τὸν παπᾶ Ἰωσὴφ τὸν ψαριανὸν καὶ ἄλλους τοιούτους κολυβάδες ἀφορισμένους καὶ μὲ τὸ συνοδικόν, ὅπου τοὺς ἦλθε καὶ δὲν τοὺς ηὗραν, ὅτε ἐκεῖνοι μαθόντες ἀνεχώρησαν». Расправа съ еретиками, какъ это описываетъ современникъ, несомнѣнно была скорая и радикальная, произведенная, какъ кажется, въ духѣ буквальнаго пониманія евангельской заповѣди о еретикахъ (Матѳ. XVIII, 6). Свѣдѣнія о такихъ бытовыхъ и характерныхъ чертахъ жизни святогорскихъ насельниковъ въ значительной степени оживили бы страницы исторіи объ этихъ ересяхъ преосв. Порфирія, а быть можетъ навели бы кого нибудь изъ его читателей и на серьезныя размышленія по этому поводу. Вообще отдѣлъ о ересяхъ на Аѳонѣ въ книгѣ преосв. Порфирія, по нашему мнѣнію, оставляетъ желать многаго.

«Трактатъ о святогорскихъ уставахъ и особыхъ службахъ» на Аѳонѣ (стр. 395 и т. д.) мы считаемъ самымъ неудачнымъ въ исторіи Аѳона. Онъ не только бѣденъ фактами, собрать которые не представляло для нашего историка никакого труда, но и переполненъ массою историческихъ ошибокъ, исправить которыя въ краткой рецензіи нѣтъ никакой возможности. Интересующихся этимъ отдѣломъ мы отсылаемъ къ нашей статьѣ: «Святогорскій (аѳонскій) типикъ» («Современное богослуженіе на православномъ востокѣ». Кіевъ. 1891 г., выпускъ I, стр. 11 и т. д.), а здѣсь, чтобы наше сужденіе не показалось голословнымъ, мы сдѣлаемъ нѣсколько самыхъ краткихъ замѣчаній. Подъ эту рубрику у преосв. Порфирія, очевидно, даже безъ поверхностнаго знакомства съ памятниками святогорскаго богосуженія, попали вещи совершенно несовмѣстимыя. Здѣсь на одну линію ставятся и Διατύπωσις св. Аѳанасія аѳонскаго 963 г., съ обычаями практики Студійскаго монастыря, и уставъ Хиландарскій XIII вѣка св. Саввы Сербскаго, созданный на основѣ іерусалимскихъ богослужебныхъ порядковъ, и не видѣнный лично нашимъ историкомъ и едва-ли въ дѣйствительности когда-нибудь существовавшій ватопедскій уставъ «τῶν Στουδιτῶν», и позднѣйшіе святогорскіе уставы Дохіарскій, Діонисіатскій и другіе, тогда какъ въ дѣйствительности, и по характеру своихъ литургическихъ богослужебныхъ порядковъ, и въ хронологической послѣдовательности, эти уставы никоимъ образомъ не могутъ быть объединены. Читателя, понимающаго дѣло, этотъ хаосъ ставитъ въ положительный тупикъ. Впрочемъ, какъ бы въ извиненіе свое, нашъ историкъ замѣчаетъ, что онъ «не имѣлъ времени заняться разсмотрѣніемъ и сличеніемъ всѣхъ этихъ уставовъ» и «предоставилъ восполнить сей недостатокъ другимъ описывателямъ Аѳона» (стр. 397).

Послѣ всего нами сказаннаго, нельзя принять безъ существенныхъ ограниченій и то заявленіе нашего историка, что «въ аѳонскихъ монастыряхъ богослуженіе издревле совершается такъ же, какъ и во всѣхъ иноческихъ обителяхъ въ Египтѣ, Палестинѣ, Сиріи, Греціи, Болгаріи, Сербіи, Молдовлахіи и Россіи» (стр. 394). Сколько мы знаемъ, на основаніи личнаго изученія памятниковъ святогорскаго богослуженія, отличія этого послѣдняго отъ нашего богослуженія, или даже отъ богослуженія другихъ восточныхъ обителей вовсе не такъ безразличны и «неважны» (стр. 395), какъ думаетъ преосв. Порфирій, отмѣтившій нѣсколько этихъ особенностей и притомъ не вполнѣ удачно, такъ какъ отмѣченныя имъ особенности вовсе не составляютъ отличій практики святогорскихъ монастырей, а ихъ можно наблюдать и всюду на православномъ востокѣ. Отличія эти на самомъ дѣлѣ касаются и чиновъ постриженія въ монашество (объ этомъ см. нашу статью: «Недоумѣніе по поводу недоумѣнія» въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1891 г., кн. IX, стр. 144—147), и чиновъ водоосвященій, погребеній и т. д., и т. д.

Въ числѣ службъ, составленныхъ и практиковавшихся на Аѳонѣ, преосв. Порфирій отмѣчаетъ «диковинную» (стр. 398) службу въ Минеѣ

XIII вѣка Симоно-Петрскаго монастыря подъ 11-мъ декабря «въ память царя Никифора Фоки, основателя лавры Аѳонской», но съ весьма странною, чтобы не сказать болѣе, оговоркою, характеризующею съ достаточною рельефностію нашего историка и его манеру писать исторію. «Я, замѣчаетъ по этому поводу преосв. Порфирій, по недостатку времени (?), не успѣлъ переписать этой диковины, а послѣдующихъ за мною путешественниковъ по Аѳону прошу сдѣлать это. *Ибо въ высшей степени любопытно знать*: какъ написана эта служба сему царю, какъ святому ли молитвеннику о насъ предъ Богомъ, или какъ знаменитому усмирителю критскихъ агарянъ, громившихъ Аѳонъ, какъ любителю монаховъ и строителю лавры на Аѳонѣ, безъ порученія насъ молитвамъ его» (стр. 398). Признаемся, странно и непонятно для насъ это томленіе у ученаго и любознательнаго путешественника. Съ одной стороны, онъ распаляется любопытствомъ «до высшей степени» знать содержаніе «диковинной» службы, а съ другой, не хочетъ удѣлить одну-двѣ минуты времени хотя бы и на поверхностное знакомство съ ея содержаніемъ и великодушно предоставляетъ сдѣлать это «послѣдующимъ за нимъ путешественникамъ по Аѳону», не предчувствуя, что рукопись, содержавшая въ себѣ эту «диковину», станетъ скоро совершенно для нихъ недоступною, будучи уничтожена въ пламени страшнаго пожара 1891 года, испепелившаго Симоно-Петрскій монастырь до основанія. Къ счастію, однако, служба, о которой у насъ идетъ рѣчь, не погибла для науки. Въ недалекомъ будущемъ мы имѣемъ въ виду издать ее цѣликомъ на страницахъ «Византійскаго Временника», а теперь сообщимъ о ней нѣсколько краткихъ замѣчаній.

Заглавіе службы слѣдующее: «Μηνὶ Δεκεμβρίῳ ια΄. Ἀκολουθία εἰς τὸν ἐν βασιλεῦσιν ἀοίδιμον καὶ ὄντως φερώνυμον Νικηφόρον τὸν Φωκᾶν». Писана она на пергаменѣ мелкимъ почеркомъ XI столѣтія и была пришита къ листовой бомбицинной рукописи XIII вѣка «Πανδέκτη» (преосв. Порфирій ошибочно называетъ ее Минеею) въ самомъ ея началѣ. Императоръ Никифоръ Фока прославляется въ этой службѣ такъ: «Θεἰῳ Πνεύματι καθωπλισμένος, ἔθνη βάρβαρα καθυποτάξας, τῆς βασιλείας τὰ ὅρια ηὔξησας, φιλοπτωχίαν νηστείαν ἐπόθησας, σκληραγωγίαν ἐκτήσω ταπείνωσιν, ὅθεν εἴληφας μετὰ Ἄβελ καὶ Ζαχαρίου τὸν στέφανον... Οὗτος γὰρ ὥσπερ Ἄβελ ἀνῃρέθη ἀδίκως, βρύει πηγὰς δὲ τῶν θαυμάτων πλουσίως... πρᾶος γνωριζόμενος, συμπαθής, ἐλεήμων, καρτερικὸς ἐν πόνοις, ἐν πάλαις ἀνένδοτος, φοβερὸς τοῖς δαίμοσι, πιστοῖς δὲ εὐπρόσιτος, ὅθεν καὶ τὴν χάραν ἐκτμηθεὶς ἁγιάζεις, τῷ λύθρῳ τοῦ αἵματος τῶν πιστῶν τὰ πληρώματα· Νικηφόρε ἀοίδιμε, πρέσβευε Χριστῷ.

Наши читатели по этимъ краткимъ выпискамъ уже могутъ видѣть, какой любопытный матеріалъ для характеристики императора Никифора Фоки представляетъ настоящая служба, составленная почти современникомъ этого императора. И мы увѣрены, что Г. Шлёмберже, написавшій капитальную монографію объ этомъ императорѣ (Un empereur Byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas. Par. 1890) и хорошо ознакомленный съ трудами нашего историка, съ удовольствіемъ бы вос-

пользовался этимъ важнымъ документомъ для характеристики своего героя и сказалъ бы преосв. Порфирію великую благодарность.

Что же касается вообще службъ, составленныхъ на Аѳонѣ, то, упомянувъ о канонахъ 1770 г. ученыхъ монаховъ Кавсо-каливскаго скита Ѳеоклита и 1780 г. Рафаила, о службѣ 1809 г. извѣстнаго Никодима Святогорца въ честь преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ, на святой горѣ Аѳонской возсіявшихъ, и о канонѣ «Богоматери Скороуслышной» того же автора, преосв. Порфирій замѣчаетъ: «Не знаю никакихъ другихъ службъ святымъ, сочиненныхъ на Аѳонѣ, если только сочинены онѣ были тамъ» (стр. 403). Но если бы нашъ историкъ заглянулъ въ упомянутую рукопись XIII вѣка Симоно-Петрскаго монастыря и въ частности въ пергаменный отрывокъ XI вѣка, содержащій въ себѣ службу императору Никифору Фокѣ, то онъ воздержался бы отъ приведеннаго сейчасъ замѣчанія и увидѣлъ, что службъ, составленныхъ на Аѳонѣ,—немало, что и вполнѣ понятно и естественно,—и что нѣкоторыя изъ нихъ для историка Аѳона представляютъ несомнѣнный научный интересъ. Въ томъ самомъ, напримѣръ, отрывкѣ XI вѣка, въ которомъ находится служба въ честь императора Никифора Фоки, имѣлись нѣкоторыя и другія службы аѳонскаго происхожденія, а именно: a) Ἀκολουθία εἰς τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν Ἀθανάσιον τὸν ἐν τῷ Ἄθω, b) Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ιε΄· τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Εὐθυμίου, τοῦ ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω τὴν ἀσκητικὴν διανοίσαντος παλαίστραν, c) Μηνὶ Ἰουνίῳ ιγ΄. Μνήμη τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Πέτρου τοῦ Ἀθωνίτου и др. Тѣ же самыя службы имѣются въ аѳонскихъ библіотекахъ иного изложенія, другихъ авторовъ и несомнѣнно святогорцевъ. Мы, напримѣръ, знаемъ пергаменную рукописную службу XII вѣка, въ честь св. Аѳанасія аѳонскаго въ библіотекѣ лавры аѳонской, съ обширнымъ житіемъ этого святого, доселѣ еще неизвѣстнымъ въ печати и т. д.

Нѣсколько лѣтъ раньше, по поводу мнѣнія преосв. Порфирія, высказаннаго имъ въ его «зографической лѣтописи», первоначально напечатанной въ журналѣ: «Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», что будто бы «ни одинъ святогорскій монастырь не расписывалъ своихъ святилищъ до 1526 года» (стр. 406), мы сдѣлали замѣчаніе, что съ этимъ мнѣніемъ нашего историка нельзя согласиться (Современн. богослужен. на православн. востокѣ. Кіев. в. 1, стр. 114, прим. 1). Теперь въ капитальномъ трудѣ о святогорскомъ искусствѣ привата-доцента Лейпцигскаго университета Г. Брокгауза подъ заглавіемъ: «Die Kunst in den Athos-Klöstern», Leipz. 1891, мы находимъ полное подтвержденіе нашей мысли. Изъ этой книги видно, что храмы святогорскіе, по обычаю православнаго востока, всегда расписывались религіозною живописью. Расписывались эти храмы и въ 1312 г. (одинъ изъ параклисовъ Ватопедскаго монастыря), и въ 1360 г. (параклисъ св. Николая въ лаврѣ св. Аѳанасія), и въ 1425 г. (параклисъ св. великомученика Георгія въ обители св. Павла), и въ 1512 г. (въ Карейскомъ соборѣ)—(Brockhaus. S. 273—277). Сличая, далѣе, «зографическую лѣтопись» преосв. Порфирія съ подобною лѣтописью, составлен-

ною Генрихомъ Брокгаузомъ, который нѣкоторыя надписи аѳонскихъ храмовъ воспроизводитъ въ своей книгѣ съ дипломатическою точностію и даже факсимиле, мы видимъ, что «лѣтопись» нашего историка страдаетъ большими хронологическими погрѣшностями. Такъ, напримѣръ, роспись параклиса св. Николая въ лаврѣ св. Аѳанасія г. Брокгаузъ относитъ къ 1360=6868 году (S. 274), а преосв. Порфирій къ 1580=*7868 году* (стр. 408; ср. Перв. путеш. въ аѳон. мон., ч. I, отд. II, стр. 207), роспись параклиса св. Георгія въ Святопавловскомъ монастырѣ къ *1425=6933 году* (S. 275), а преосв. Порфирій къ 1393 году (стр. 406), роспись Кутлумушскаго монастыря къ *1540=7040 году*, преосв. Порфирій же на цѣлое столѣтіе позже — къ *1640 году* (стр. 409), чѣмъ самого себя поставилъ въ большое затрудненіе, когда ему пришлось говорить о времени построенія этого монастыря (Перв. путешеств., ч. II, стр. 190—191), роспись Діонисіатскаго монастыря Брокгаузъ датируетъ *1547=7055 годомъ* (S. 284), а преосв. Порфирій относитъ ее къ 1647 г. (стр. 410), хотя годъ отъ сотворенія міра читаемъ въ надписи тотъ же самый *7055* (Перв. путешеств., ч. I, отд. II, стр. 92) и т. д. Такихъ погрѣшностей немало и въ другихъ датахъ, и произошли онѣ или отъ неправильнаго и поспѣшнаго чтенія надписей, или, какъ, напримѣръ, въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ, отъ неправильнаго перевода лѣтосчисленія отъ сотворенія міра на лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Послѣднее обстоятельство еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что, при составленіи настоящаго тома «Исторіи Аѳона», преосв. Порфирій въ большинствѣ случаевъ ограничивался *механическою перепискою* того матеріала, который имъ былъ собранъ и изложенъ въ его дневникахъ или «Первомъ и второмъ путешествіяхъ по Аѳону», не исправляя даже допущенныхъ здѣсь ошибокъ.

«Книжное дѣло святогорцевъ» (стр. 447 и далѣе) представлено въ «Исторіи Аѳона» преосвящ. Порфиріемъ поверхностно, что зависѣло прежде всего отъ того, что главнымъ источникомъ для этого отдѣла его «Исторіи» послужилъ трудъ Врето: „Νεοελληνικὴ φιλολογία“, а потомъ и отъ того, что покойный историкъ Аѳона не сдѣлалъ, ему легко доступныхъ, личныхъ библіографическихъ розысканій въ богатыхъ книгохранилищахъ св. Горы и не обнаружилъ необходимой въ данномъ случаѣ настойчивости. Нисколько поэтому неудивительно, что изъ подъ пера нашего историка вылился о святогорскихъ насельникахъ суровый, хотя, какъ увидимъ сейчасъ, совершенно не справедливый приговоръ. «*Во второй половинѣ XVI вѣка и все послѣдующее столѣтіе*, пишетъ преп. Порфирій о книжной дѣятельности святогорцевъ, *не было на Аѳонѣ ни одного книжника изъ грековъ*» (стр. 458). Чтобы убѣдиться въ несправедливости такого приговора, достаточно взять въ руки книгу Мануила Гедеона (Ὁ Ἄθως. Ἐν Κωνσταντ. 1885), далеко не отличающуюся полнотою и обстоятельностію. Здѣсь въ главѣ: „ἁγιορεῖται ἐπίσημοι“ Мануилъ Гедеонъ называетъ слѣдующихъ лицъ изъ святогорцевъ, заявившихъ себя на литературномъ поприщѣ за указанный періодъ: прота Серафима, жившаго на Аѳонѣ между 1540

и 1550 годами и написавшаго исторію иконы „Достойно есть“, нѣкоего іеродіакона Симеона Кавасилу, ритора Діонисія († 1606 г.), по всей вѣроятности монаха скита св. Анны, нравственныя сочиненія котораго печатаются въ сборникѣ «Маргаритъ»; изъ начала XVII столѣтія иверскаго монаха Ѳеодосія, автора книги: „Διήγησις περὶ τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων“, извѣстнаго ученаго лаврскаго монаха Агапія Ланда (Λάνδος), составителя и доселѣ еще пользующихся на православномъ востокѣ большимъ распространеніемъ и извѣстностію въ средѣ благочестивыхъ читателей книгъ подъ заглавіемъ: „Καλοκαιρινή“, „Παράδεισος“, „Νέος παράδεισος“ и „Ἐκλόγιον“, иверскаго архимандрита Діонисія, написавшаго въ 1668 г. на основаніи славянскихъ сочиненій исторію Россіи до царствованія Бориса Годунова, и извѣстнаго, впрочемъ, и преосв. Порфирію (стр. 458—459), монаха Ѳеоклита, переводчика въ 1671 г. Прохирона Василія, Льва и Константина, иверскаго іеродіакона Козьму, переводчика въ 1694 году (Гедеонъ ошибочно годъ этого перевода обозначаетъ 1604 г.) нашего кіево-печерскаго Патерика на новогреческій языкъ, и нѣкоторыхъ другихъ (Ὁ Ἄθως σελ. 210—215). Кажется, тому же іеродіакону Козьмѣ иверцу принадлежитъ переводъ на новогреческій языкъ и Синопсиса Иннокентія Гизеля въ 1693 году, хранящійся нынѣ въ библіотекѣ святогробскаго подворья въ Константинополѣ въ рукописи подъ № 329 (по каталогу архимандрита Антонина).

Желая, однако, затушевать бѣдность фактическаго матеріала въ настоящемъ параграфѣ, преосв. Порфирій переполняетъ его вставками и разсужденіями, не имѣющими никакого отношенія ни къ настоящему параграфу, ни даже къ «Исторіи Аѳона» вообще. Къ числу такихъ излишнихъ вставокъ принадлежатъ выдержки «изъ миссолонгскаго священно-проповѣдника о позднихъ и излишнихъ прибавкахъ къ литургіямъ св. Іоанна Златоуста и св. Василія Великаго» (стр. 470 и далѣе), извлеченія изъ евхологія VII вѣка (правильнѣе X вѣка), вывезеннаго авторомъ, съ благословенія св. великомученицы Екатерины, изъ Синайскаго монастыря и находящагося нынѣ въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ (стр. 484), и тому подобныя вставки. Но сами по себѣ эти, не относящіяся къ «Исторіи Аѳона», вставки и уже извѣстныя въ наукѣ, мало портили бы этотъ отдѣлъ книги преосв. Порфирія и для спеціалистовъ могли бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы онѣ не были обставлены разсужденіями нашего автора, не выдерживающими даже и нетребовательной критики. Особенно это нужно сказать о замѣчаніяхъ преосв. Порфирія по поводу разсужденій «миссолонгскаго священнопроповѣдника» о прибавкѣ тропаря: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» предъ моментомъ пресуществленія св. Даровъ въ чинахъ литургій. Послѣдній, дѣлая догадку, что эта вставка появилась въ данномъ мѣстѣ въ чинахъ литургій или на Критѣ, или въ Венеціи, стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ преосв. Порфирій, вознамѣрившійся во что бы то не стало приписать эту вставку константинопольскому патріарху XIV вѣка

Филоѳею. «Это доказывается, пишетъ нашъ историкъ, списками съ его чина божественной и священной литургіи: Διάταξις τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργίας, кои напечатаны Гоаромъ въ: Εὐχολόγιον, sive Rituale graecorum 1644 an., и изъ коихъ одинъ, написанный на бумагѣ въ 7110=1602 году я разсматривалъ въ библіотекѣ Аѳоноесфигменова монастыря и сдѣлалъ не мало выписокъ изъ него» (стр. 491). Нельзя здѣсь не отмѣтить того любопытнаго факта, что нашъ историкъ, горделиво заявляющій, что онъ «не привыкъ бродить въ нѣмецкихъ шварцвальдахъ, а предпочиталъ всегда бывать въ пальмовыхъ рощахъ востока» (стр. 511) и закидывать научную «мрежу въ разливанномъ святогорскомъ морѣ», въ подтвержденіе своей мысли не «выудилъ» болѣе крупныхъ фактовъ и болѣе древнихъ, чѣмъ устарѣвшій уже Εὐχολόγιον Гоара и рукописный евхологій начала XVII вѣка. Въ библіотекахъ православнаго востока списковъ διάταξις'а литургіи патріарха Филоѳея, по истинѣ, «цѣлое море», и среди нихъ есть списки, современные названному патріарху, въ которыхъ, прибавимъ мы, какъ это нынѣ извѣстно (Н. Ѳ. Красносельцевъ, Матеріалы для исторіи чина литургіи св. Іоанна Златоуста. Казань. 1889 г. в. 1), занимающій насъ тропарь совершенно отсутствуетъ. Явился онъ въ спискахъ этого διάταξις'а не ранѣе XVI вѣка и распространился по всему востоку черезъ венеціанскія изданія. Но преосв. Порфирій, нисколько не смущаясь свѣжестію и юностію своихъ аргументовъ, отстоящихъ по времени жизни того патріарха, именемъ котораго они прикрываются, почти на два столѣтія, продолжаетъ свои ошибочныя разсужденія дальше. «Вы спросите меня, пишетъ онъ, откуда же Филоѳей заимствовалъ оную вставку? Отвѣчаю. Филоѳей былъ монахъ синайскій (ссылка на Маѳу: Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως) какъ разъ въ то время когда богожественный Синай духовно зависѣлъ отъ патріарха александрійскаго. А въ Александріи тогда (это въ XIV вѣкѣ!?) соблюдался *древній* обычай, тотчасъ послѣ литургійнаго призыванія св. Духа на дары, *вспоминать о сошествіи сего Духа на апостоловъ въ третій часъ дня и про себя произносить моленія: „Господи иже Пресвятаго Твоего Духа“*.... «А что въ Александріи произносимы были оныя моленія въ минуты призыванія св. Духа на дары, это свѣдѣніе заимствовано мною, прибавляетъ еп. Порфирій, изъ слѣдующаго *Синтагматіона александрійскаго патріарха Герасима* (1688—1710 гг.), прочитаннаго мною въ синаджуванійской библіотекѣ 25-го января 1861 года» (стр. 491—493). Отвѣтъ еще менѣе удовлетворительный. Мнѣніе Маѳы о монашествѣ патріарха Филоѳея на Синаѣ представляется мало вѣроятнымъ и не имѣетъ подъ собою твердыхъ фактическихъ основаній. Намъ хорошо извѣстно, что названный патріархъ былъ монахомъ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ, жилъ здѣсь очень долго и даже былъ нѣкоторое время ея игуменомъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, для доказательства своей мысли, что въ Александріи «соблюдался *древній* (не лишне бы точнѣе отмѣтить и степень этой древности) обычай, тотчасъ послѣ литургійнаго призыванія св. Духа на дары...

про себя произносить моленія: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа»,— весьма умѣстно было бы сдѣлать справку въ александрійскихъ богослужебныхъ рукописяхъ, сохранившихся въ достаточномъ количествѣ въ Каирской патріаршей библіотекѣ и до настоящаго времени и по возможности ближайшихъ по времени написанія къ этому патріарху, или даже болѣе раннихъ, чтобы выяснить, какъ рано появился этотъ обычай въ Александрійской церкви. Ссылка же его на Синтагматіонъ и при томъ конца XVII или начала XVIII столѣтія не высокаго достоинства и авторитета и нисколько для насъ не убѣдительна, потому что мы знаемъ, что съ XVI вѣка, какъ мы сказали, упомянутая и занимающая насъ вставка въ чинахъ литургій распространилась черезъ венеціанскія изданія по всему востоку и легко могла попасть въ XVII столѣтіи на страницы Синтагматіона патріарха александрійскаго. Во время своего путешествія по востоку въ 1888 году, мы хорошо познакомились съ рукописями патріархата александрійскаго и можемъ сказать теперь, что въ евхологіяхъ XIV и даже XV вѣка Каирской библіотеки занимающей насъ вставки нѣтъ, и она въ это время не существовала и въ богослужебной практикѣ Александрійской церкви.

Само собою разумѣется, что еще большими странностями поражаютъ читателя заключительныя разсужденія по тому же поводу нашего историка. «Литургійный уставъ его (то-есть п. Филоѳея), пишетъ онъ, введенъ былъ въ Россіи *нашимъ митрополитомъ Кипріаномъ*, современникомъ сего патріарха, состоявшимъ подъ священноначаліемъ его. *Мы*, какъ покорныя чада обоихъ ихъ, *приняли этотъ уставъ безпрекословно*,...» (стр. 494—495). Но достаточно выписокъ и разсужденій. Справимся съ фактами, что, по принятому имъ обыкновенію, преосв. Порфирій предоставилъ, очевидно, сдѣлать послѣдующимъ за нимъ изслѣдователямъ и на что у него, нужно думать, также не было времени. «Предъ освященіемъ даровъ, читаемъ мы въ капитальномъ трудѣ нашихъ ученыхъ описывателей рукописей Московской Синодальной библіотеки, протоіерея А. В. Горскаго и К. Невоструева, не упоминается о молитвѣ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа» въ № 342, 343, ни въ другихъ древнихъ спискахъ, *ни въ самомъ Кипріановомъ*, а значатся только въ *позднихъ* № 350, 352, 368, 376» (Опис. слав. ркп. М. Синод. библ. М. 1869 г. отд. III, ч. I, введеніе, стр. VII и стр. 15). Вотъ и комическое положеніе для историка, пишущаго исторію не на основаніи фактовъ, но на измышленіяхъ своего разума!...Разбираемый отдѣлъ переполненъ подобнаго рода погрѣшностями фактическаго свойства и вмѣстѣ съ «трактатомъ о святогорскихъ уставахъ и объ особыхъ службахъ на Аѳонѣ» долженъ быть отнесенъ къ неудачнымъ въ книгѣ преосв. Порфирія. Вообще, какъ это ни странно, но нашему автору, архимандриту, а потомъ и епископу русской церкви, менѣе всего удаются его экскурсы въ область православной христіанской литургики.

Святая Аѳонская гора, бывшая съиздавна центромъ стремленій русскаго народа, всегда благовѣйно чтившаго эту Гору, какъ мѣсто особыхъ

подвиговъ аскетическаго характера ея насельниковъ, должна представлять наибольшій интересъ и для историка и православныхъ русскихъ людей тою стороною своей жизни, въ которой отражается «религіозно-нравственное состояніе аѳонскихъ обитателей». Къ глубокому сожалѣнію, у преосв. Порфирія этому вопросу удѣлено весьма мало мѣста въ его исторіи, и онъ остается здѣсь неисчерпаннымъ. Сначала преосв. Порфирій говоритъ о религіозно-нравственномъ состояніи святогорскихъ анахоретовъ словами иностранныхъ и русскихъ путешественниковъ по Аѳону, начиная съ XVI столѣтія и кончая письмами извѣстнаго старца святогорца Серафима, а потомъ уже переходитъ къ «яйной» правдѣ (стр. 547), которая сводится, главнымъ образомъ, къ тому, какія стороны жизни святогорскихъ обитателей «понравились» (стр. 556) нашему историку. Читатели «Исторіи Аѳона» не найдутъ здѣсь удовлетворительнаго разрѣшенія весьма важныхъ и интересныхъ вопросовъ относительно того, какъ сложились на Аѳонѣ всѣ три нынѣ существующія формы жизни его насельниковъ: киновія, идіоритмъ и келліотство; какія отличительныя особенности каждой изъ этихъ формъ, какія фазы и видоизмѣненія переживали онѣ въ теченіе своей длинной исторіи, что въ нихъ дѣйствительно хорошаго и благодѣтельнаго для насельниковъ-сосѣдей св. Горы и посѣтителей ея, какія анормальныя явленія замѣчались въ каждой изъ нихъ и т. д. и т. д. Многочисленные документы, относящіеся сюда, начиная съ завѣщанія св. Аѳанасія Аѳонскаго, грамоты и уставы патріарховъ и императоровъ, распоряженія внутреннія, исходившія отъ протовъ св. Горы и отъ карейскаго протата, замѣтки въ дневникахъ и рукописяхъ — все это могло бы дать драгоцѣнный и въ высшей степени любопытный матеріалъ для настоящаго отдѣла разбираемой книги, но на самомъ дѣлѣ преосв. Порфирій не исчерпалъ здѣсь даже и того матеріала, какой даетъ завѣщаніе св. Аѳанасія. Этотъ драгоцѣнный, во многихъ отношеніяхъ, документъ, остававшійся въ наукѣ неизданнымъ до послѣдняго времени, удостоился вниманія нашего историка по частному лишь обстоятельству или факту, имѣвшему мѣсто въ святогорской жизни, а именно, когда ему пришлось трактовать о свѣтскихъ эпитропахъ и покровителяхъ аѳонскихъ обителей. Помѣщая въ Оправданіяхъ подъ № 96 отрывокъ изъ него „περὶ τῶν ἐπιτρόπων“, преосв. Порфирій не оказалъ къ нему подобающаго вниманія и издалъ его съ большими пропусками. Вотъ образчики чтенія документа у преосв. Порфирія и какъ намъ на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ его читать:

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1802	2 сверху	τὸν δὲ εὐσεβέστατον κύριόν μου Νικηφόρον	τὸν δὲ εὐσεβέστατον κύριόν μου καὶ τῷ ὄντι φιλόχριστον καὶ φιλομόναχον Νικηφόρον
»	7	τὸν κύριον Ἰωάννην τὸν Ἴβηρα	τὸν κῦριν Ἰωάννην, τὸν πνευματικὸν ἡμῶν ἀδελφὸν καὶ πατέρα, τὸν Ἴβηρα

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
»	17	γειτνιάζοντες, σπουδάσωσι	γειτνιάζοντες, μᾶλλον δὲ συνοικοῦντες τοῖς κατ' ἐμὲ πατράσι καὶ ἀδελφοῖς, σπουδάσωσι
»	18	τὴν παροῦσαν	τὴν προσοῦσαν

Заключительнымъ отдѣломъ «Исторіи Аѳона» служитъ хронологическій перечень «крупныхъ событій съ 1456 года до нашихъ дней» (стр. 598, 561). Здѣсь преосв. Порфирій на ряду съ событіями, несомнѣнно «крупными», какъ, напримѣръ, изданіе устава патріархомъ Іереміею въ 1575 году, пребываніе въ Россіи аѳоно-павловскаго архимандрита Анатолія Мелеса (стр. 567) и т. п., помѣщаетъ событія, не имѣющія не только никакого отношенія къ «Исторіи Аѳона», но даже безразличныя и для личности самого автора. «Въ 1858 году 6-го сентября было такъ тепло, ѳписываетъ онъ одно изъ такихъ событій, что я купался въ морѣ, недалеко отъ пристани Русика, у высокаго и громаднаго камня, торчавшаго въ водѣ, бросая тутъ камушки вдоль моря, дабы не подплыло какое нибудь морское чудо-юдо и не схватило меня за ноги» (стр. 595). «Въ 1859 году 9-го августа въ 20 минутъ одинадцатаго часа по полуночи, говорится о другомъ изъ подобныхъ событій, было весьма сильное *качательное* землетрясеніе, продолжавшееся болѣе полминуты. Тогда я, находясь въ Хиландарѣ, очень оробѣлъ и, стоя въ окнѣ подъ сводомъ его и держась за деревянную перекладину среди сего окна, чувствовалъ, что по всему тѣлу моему бѣгаютъ мурашки, а волосы подымаются, и что жизнь бѣжитъ изъ меня такъ, что я едва удерживаю ее молитвою: «Господи, помилуй». А у спутника моего Николая Благовѣщенскаго вся душа очутилась въ пяткахъ...» (стр. 597).

На этомъ мы и заканчиваемъ свои замѣчанія по поводу «Исторіи Аѳона» преосв. Порфирія, отмѣтивъ въ ней наиболѣе важные, по нашему мнѣнію, недочеты и погрѣшности. Въ своихъ замѣчаніяхъ мы старались стоять на почвѣ положительныхъ и неотразимыхъ фактовъ и были преисполнены доброжелательности къ тѣмъ изъ нашихъ читателей и почитателей трудовъ покойнаго историка Аѳона, которые, подъ вліяніемъ установившейся въ наукѣ за преосв. Порфиріемъ репутаціи знатока востока, могутъ съ излишнею довѣрчивостью относиться къ его сужденіямъ по вопросамъ въ этой области, такъ и равно къ сообщаемымъ имъ многочисленнымъ фактамъ и даже документальнымъ даннымъ, требующимъ несомнѣнно провѣрки. Упрека въ односторонности своихъ замѣчаній мы не ожидаемъ. Если мы не воздаемъ особенныхъ похвалъ историку Аѳона за богатство и разнообразіе собраннаго имъ историческаго матеріала, то на это мы имѣемъ свои причины. Во-первыхъ, собранный имъ фактическій и документальный матеріалъ, за немногими исключеніями, не представляетъ новизны и могъ бы разростись въ книгѣ преосв. Порфирія, какъ это мы знаемъ изъ личнаго знакомства съ святогорскими библіотеками, до размѣровъ гораздо большихъ, а вовторыхъ, съ этими

фактами и даже надписями и дѣловыми дѣеписаніями мы предпочитаемъ лучше имѣть дѣло въ дневникахъ нашего историка, чѣмъ въ его настоящемъ трудѣ. Во время своихъ путешествій, собирая всѣ эти данныя въ извѣстныхъ библіотекахъ, онъ пріурочиваетъ ихъ къ опредѣленному мѣсту и роняетъ случайно тѣ или иныя замѣчанія, при помощи коихъ намъ становится возможнымъ провѣрить автора и даже исправить его, не бывъ на Аѳонѣ... Вообще, говоримъ откровенно, преосв. Порфирія, какъ автора путешествій по Аѳону, мы ставимъ неизмѣримо выше преосв. Порфирія, какъ автора «Исторіи Аѳона». Отъ перваго труда мы не требуемъ опредѣленнаго и строго обдуманнаго плана, генетически послѣдовательнаго изложенія историческихъ событій, полноты и обстоятельности въ разсказахъ, хорошаго и всесторонняго знакомства съ источниками и пособіями и т. п. Мы дорожимъ каждымъ фактомъ, заносимымъ на страницы дневниковъ, имѣетъ ли фактъ прямое отношеніе къ исторіи Аѳона или нѣтъ; восторгаемся каждою вскользь брошенною оригинальною мыслью или остроумнымъ научнымъ соображеніемъ; легко миримся съ неточностями и хронологическими погрѣшностями, въ виду невозможности путешественнику имѣть подъ руками всѣ нужныя книги и справки; читаемъ не безъ удовольствія разсказы его, переполненные краснословія (стр. 274, 396, 417, 457) и каламбуровъ (стр. 200, 285, 402, 453, 545), до которыхъ нашъ историкъ былъ большой охотникъ, и о томъ, какъ, напр., онъ купается въ морѣ, или какъ у него во время землетрясенія «бѣгаютъ по тѣлу мурашки и встаютъ дыбомъ волосы», а у его спутника «душа уходитъ въ пятки» и т. п., но къ серьезному историческому труду «многихъ лѣтъ», писанному въ тиши кабинета, обставленнаго богатою библіотекою мы совершенно вправѣ предъявить и болѣе широкія требованія. Разсматривая настоящій трудъ преосв. Порфирія подъ этимъ угломъ зрѣнія, мы не можемъ не выразить открыто своего убѣжденія, что этотъ трудъ не сдѣлалъ большей чести нашему историку и, по нашему мнѣнію, безъ особеннаго ущерба для науки могъ бы спокойно лежать въ архивѣ Академіи Наукъ еще многіе годы [1]). Вполнѣ достаточно было бы издать въ свѣтъ только тѣ изъ документовъ преосв. Порфирія, которые доселѣ оставались совершенно неизвѣстными въ наукѣ. Въ этомъ случаѣ остается пожалѣть, что нашъ историкъ, составляя свое духовное завѣщаніе, забылъ объ одной греческой и ему хорошо извѣстной (стр. 417) пословицѣ: «Δὶς ἕψειν χράμβην περιττόν, πολλῷ μᾶλλον τρίς—Не варятъ капусту дважды, еще менѣе трижды».

А. Дмитріевскій.

1) Но помимо соображеній о необходимости докончить ранѣе начатое, прежде чѣмъ приступать къ новому, Академія обязана была руководиться буквальнымъ смысломъ завѣщанія Преосвященнаго, въ которомъ изданіе второго отдѣленія третьей (и послѣдней) части Исторіи Аѳона поставлено было на первомъ мѣстѣ.

Ред.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Моисея Хоренскаго, *Исторія Арменіи.* Новый переводъ Н. Ѳ. Эмина (съ примѣчаніями и приложеніемъ). Посмертное изданіе. Москва 1893. 8°. XXXVI+323 стр. Цѣна 2 р. («Этнографическій фондъ Н. Ѳ. Эмина». Выпускъ I. Изданіе Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ). — По сравненію съ первымъ изданіемъ русскаго перевода Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго, вышедшимъ въ 1858 г., настоящій переводъ Н. Ѳ. Эмина представляетъ совершенно новую работу. Въ предисловіи переводчикъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни Моисея. При переводѣ находятся примѣчанія и три приложенія: таблица армянскихъ царей по Моисею Хоренскому, географія древней Арменіи по Моисею Хоренскому и объ армянскомъ нахарарствѣ.

П. В. Безобразова, *Историческія статьи*, вып. I, Москва 1893.—Въ этомъ сборникѣ популярнаго характера мы встрѣчаемъ слѣдующія двѣ статьи, имѣющія прямое отношеніе къ Византіи:

Черты византійскихъ нравовъ и культуры (стр. 45—143). Авторъ описываетъ въ этомъ очеркѣ довольно подробно положеніе женщины въ Византіи. Лживость, лихоимство, низкопоклонство, интригантство, неправосудіе, пьянство онъ называетъ обычными явленіями въ византійской имперіи, а также суевѣрія, волшебство, гаданія, симпатическія средства. Развитіе благотворительности авторъ считаетъ самою симпатичною стороною византійской жизни, при чемъ указываетъ на больницы для неимущихъ больныхъ, богадѣльни для стариковъ и пріюты для сиротъ въ Константинополѣ. Онъ останавливается подробнѣе на описаніи бѣговъ въ ипподромѣ, представленій странствующихъ актеровъ, акробатовъ и т. п. Въ заключеніе авторъ знакомитъ читателя съ византійскою беллетристикой, представителемъ которой у него является романъ о Дафнисѣ и Хлоѣ, принадлежащій собственно другой болѣе ранней эпохѣ.

Знаменитыя женщины. Императрица Зоя (стр. 222—251). Изъ среды знаменитыхъ женщинъ въ Византіи авторъ даетъ очеркъ жизни дочери Константина VIII, извѣстной Зои, которая видѣла правленіе шести императоровъ. Онъ рисуетъ намъ при этомъ непривлекательную картину византійской придворной жизни во второй четверти XI в., особенно же въ царствованіе Константина Мономаха, послѣдняго мужа императрицы Зои.

Гр. **И. И. Толстого,** *О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI в.* Спб. 1893, 8°. 59 стр. (Отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Русск. Арх. Общ. Новая серія, т. VI). Ср. рецензіи Б. Ульяницкаго въ Арх. изв. и зам. изд. Имп. Моск. Арх. Общ. 1893, № 5, стр. 180 — 183; Н. Лихачева въ Историч. Вѣстн. 1893, III, Сентябрь, стр. 803—804.—Настоящая статья представляетъ собою три отдѣльныхъ изслѣдованія о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ.

Первая часть посвящена вопросу объ иноземныхъ образцахъ, служившихъ оригиналами для изготовленія штемпелей нашихъ монетъ, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ рѣзчики нашихъ монетъ были хорошо знакомы съ византійскими монетами. Вторая часть посвящена разбору замѣчаній Н. П. Чернева, высказанныхъ имъ въ его критическихъ статьяхъ на трудъ автора «Древнѣйшія Русскія монеты» 1882. Третья часть посвящена описанію нѣкоторыхъ неизданныхъ донынѣ монетъ великаго княжества Кіевскаго, въ дополненіе къ сейчасъ упомянутому труду автора.

Е. Рѣдина, *Матеріалы для византійской и древне-русской иконографіи.* (Археологическія изв. и зам. издав. Импер. Москов. Арх. Общ. 1893, № 7—8, стр. 257—259; № 12, стр. 437—443).

1. Софія — премудрость Божія. Авторъ доказываетъ, что въ изображеніи, находящемся въ знаменитомъ кодексѣ латинской библіи Аміатскаго монастыря, нынѣ Лаврентійской библіотеки, № 1, на л. 6, VI в., слѣдуетъ видѣть не монаха или Григорія Великаго, какъ утверждаетъ Бандини, но образъ Еммануила или Софіи — Христа.

2. Легенда о смерти Каина. E. Male, La légende de la mort de Caïn à propos d'un chapiteau de Tarbes, въ Revue archéologique 1893, Mars — Avril, p. 186 — 194, указывалъ на происхожденіе и распространеніе легенды о смерти Каина и на отраженіе ея въ памятникахъ искусства. Г. Малю изъ византійскихъ памятниковъ извѣстенъ лишь одинъ примѣръ: мозаика соб. Монреале. Авторъ настоящей замѣтки указываетъ еще на двѣ другія совершенно тождественныя миніатюры Ватиканскаго Октотевха № 746 и № 747, лл. 47 и 26 об., XI—XII вв.

3. Притча о сладости сего міра. Изъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ притча о сладости сего міра наиболѣе отвѣчаетъ поучительной цѣли, а потому въ памятникахъ искусства мы встрѣчаемся преимущественно съ этою притчею. Въ настоящей статьѣ авторъ предлагаетъ обзоръ изображеній этой притчи въ произведеніяхъ византійскаго и русскаго искусства.

М. Сперанскаго, *Къ легендѣ о смерти Каина.* (Арх. изв. и зам. издав. Имп. Моск. Археол. Общ. 1893 г., № 12, стр. 443—445). — По поводу статьи Е. К. Рѣдина о легендѣ о смерти Каина, авторъ описываетъ два *западныхъ* по происхожденію изображенія этой легенды въ искусствѣ, а именно — барельефъ на главномъ фасадѣ римскаго храма въ Моденѣ XII в. и мозаику флорентійскаго баптистерія XIII в. Сопоставляя эти памятники съ *византійскою* миніатюрою, приведенною Е. К. Рѣдинымъ, авторъ указываетъ, что для всѣхъ основою служитъ одна и та же легенда съ одинаковымъ тамъ и здѣсь развитіемъ подробностей.

Д. Айналова, *Икона изъ собранія Гр. Серг. Строганова.* (Арх. изв. и зам. Имп. Москов. Арх. Общ. 1893 г., № 9 - 10, стр. 287—297), съ рисункомъ табл. IV.—Статья посвящена описанію замѣчательной иконы, пріобрѣтенной Гр. Серг. Строгановымъ въ 1892 г. въ южной Италіи. Икона эта — составная, въ центрѣ находится Распятіе, подъ нимъ Успеніе Богоро-

лицы, внизу — изображеніе погребеннаго Христа, лежащаго на платѣ, по сторонамъ — святители, по тябламъ рамы были расположены частицы мощей, сохранились ихъ греческія надписанія. Изображенія — одни эмалевыя, другія чеканныя — не одинаковаго достоинства и, очевидно, принадлежатъ разнымъ эпохамъ византійскаго искусства отъ IX вѣка до XIII; сборъ иконы и приведеніе ея въ настоящій видъ слѣдуетъ относить къ XIV или XIII вѣку; отдѣльныя ея части могли перейдти въ Италію съ востока именно около этого времени или нѣсколько ранѣе.

Священника В. Преображенскаго, *Св. Тарасій, патріархъ Цареградскій, и седьмый вселенскій соборъ*. СПБ. 1893. 8°. 127 стр. (Извлечено изъ журнала Странникъ 1892—1893 года).—Статья основана на общедоступныхъ источникахъ, большею частію существующихъ и въ русскомъ переводѣ; впрочемъ, авторъ уже имѣлъ въ рукахъ недавно изданный греческій текстъ житія Тарасія (діакона Игнатія). Кромѣ знакомства съ источниками обнаруживается начитанность въ новой ученой литературѣ. Слѣдуя взгляду Ѳ. И. Успенскаго, но придавая его мысли неловкое выраженіе, о. Преображенскій называетъ иконоборство *произведеніемъ азіатской культуры* По нѣмецкому сочиненію Шварцлозе онъ знакомитъ насъ съ возраженіями противъ подлинности посланій папы Григорія къ царю Льву. Ни здѣсь, ни въ другихъ случаяхъ онъ не беретъ на себя обязанности самостоятельнаго и болѣе глубокаго изслѣдованія встрѣчающихся на пути вопросовъ. Предположеніе, что церковныя земли въ Византіи были совершенно свободны отъ налоговъ, кажется ошибочнымъ. Какъ это само собою разумѣется, авторъ преимущественно останавливается на дѣятельности патріарха Тарасія по возстановленію иконопочитанія на седьмомъ вселенскомъ соборѣ. Особенная глава посвящена соборному опредѣленію о почитаніи иконъ и его основамъ, то есть систематическому своду тѣхъ свидѣтельствъ и доводовъ, которые послужили къ опроверженію противниковъ и сохранились въ протоколахъ соборныхъ засѣданій; тутъ же приводятся и каноническіе постановленія собора.

Архіепископа Патрасскаго Никифора Калогераса, *Канунъ паденія Константинополя: вопросъ о соединеніи церквей на Базельскомъ соборѣ* (1433—1437 г.) (Странникъ 1893, II, стр. 3—20).—Настоящая статья представляетъ переводъ съ греческаго. Нѣмецкій переводъ съ греческаго помѣщенъ въ Revue internationale de théologie за 1893 г. Авторъ даетъ въ ней на основаніи [illegible] источниковъ краткое описаніе дипломатическихъ переговоровъ на Базельскомъ соборѣ, преимущественно же интригъ папы и папскаго посла Христофора.

Св. Великая Княгиня Ольга въ Цареградѣ. Историческій разсказъ (Странникъ 1893, II, стр. 276—290, 468—478; III, стр. 321—338).—Предлагаемая статья помѣщена была на галицко-русскомъ нарѣчіи въ газетѣ «Галичанинъ» за 1893 годъ. Она представляетъ собою краткое популярное описаніе Царьграда, византійскаго государственнаго устройства и

быта въ X в., разсказъ о посѣщеніи св. Ольгою упомянутаго города и ея крещеніи, и о походахъ Святослава въ Болгарію.

Ѳ. Делекторскаго, *Флорентійская унія* (по древне-русскимъ сказаніямъ) *и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси* (Странникъ 1893, III, стр. 56—85, 236—259, 442—458).—Авторъ даетъ краткій очеркъ попытокъ соединенія западной и восточной церквей и отношеній древней Руси къ этому вопросу до Флорентійской уніи, а затѣмъ говоритъ о путешествіи митрополита Исидора на соборъ и излагаетъ взгляды на Флорентійскую унію, высказывавшіеся въ древне-русскихъ сказаніяхъ.

А. Яхонтова, *Вліяніе житій святыхъ на жизнь русскаго народа* (Странникъ 1893, III, стр. 653—679).—Вліяніе житій святыхъ началось одновременно съ принятіемъ христіанства, когда вмѣстѣ съ евангельскимъ ученіемъ изъ Византіи принесены были начала умственной и нравственной культуры и просвѣщенія. Оно отразилось прежде всего на русской церковной литературѣ, въ распространенныхъ въ ней аскетическихъ воззрѣніяхъ и въ идеѣ объ отрѣшимости отъ міра и его благъ и удовольствій. Вся литература, и самостоятельная и переводная, проникнута была однимъ и тѣмъ же духомъ. Эта церковная литература принесла великую пользу и въ томъ отношеніи, что она способствовала возвышенію нравственности въ народѣ. Увлеченіе житіями святыхъ вмѣстѣ съ аскетической проповѣдью скоро перешло въ самую жизнь. Дѣйствіе его обнаружилось въ склонности къ иноческой жизни и монашеству, въ домашней жизни и домашнихъ обычаяхъ, въ паломничествѣ.

В. А. Яковлева, *Къ литературной исторіи древне-русскихъ „Сборниковъ"* (Записки Импер. Новороссійскаго Университета, т. 60, стр. 1—300). Ср. рецензіи А. Соболевскаго въ Журн. М. Н. Пр. 1893, ч. 291, январь, 233—238. V. Jagić въ Archiv f. Slav. Phil. XII (1894), стр. 240—242. — Авторъ предлагаетъ опытъ изслѣдованія одного изъ интереснѣйшихъ древне-русскихъ сборниковъ поученій, извѣстнаго подъ названіемъ «Измарагдъ». Въ своемъ трудѣ онъ излагаетъ содержаніе двухъ главныхъ редакцій Измарагда. Затѣмъ онъ сообщаетъ библіографическія примѣчанія къ отдѣльнымъ словамъ этого сборника. Наконецъ, онъ представляетъ обзоръ списковъ и раздѣляетъ ихъ на 5 изводовъ или редакцій.

А. Бертье-Делагарда, *Надпись времени императора Зенона, въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсонеса* (Записки Имп. Одесскаго Общ. ист. и древн., т. XVI, отд. I, стр. 45—88).—Настоящее изслѣдованіе посвящено извѣстной надписи, найденной въ Херсонесѣ и гласящей объ исправленіи стѣнъ неназваннаго города въ царствованіе императора Зенона.

Надпись хранится въ музеѣ Херсонесскаго монастыря и любопытна особенно потому, что въ ней находится указаніе особаго лѣтосчисленія. Она была издана 18 разъ, одними издателями она отнесена къ Херсонесу, а другими къ Солуни. Авторъ настоящаго изслѣдованія утверждаетъ несомнѣнную принадлежность надписи Херсонесу Таврическому и доказываетъ совершенное соотвѣтствіе внутренняго содержанія надписи со всею

извѣстною намъ по другимъ источникамъ исторіею этого города. Онъ указываетъ, что Херсонесомъ въ 24 — 25 г. до Р. Хр. введена была особая эра лѣтосчисленія; городъ находился въ тѣсной связи съ центральною властью въ Византіи, назначаемые ею правители существовали въ немъ за долго до императора Ѳеофила (837 г.) подъ разными титулами высшихъ трибуновъ, комитовъ, дуксовъ, стратилатовъ, архонтовъ и мы находимъ ясные слѣды ихъ до Льва IV.

Е. В. Пѣтухова, *Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности.* I. Къ исторіи древне-русскаго Пролога (Извѣстія историко-филологическаго института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XII, 1893 г., Приложеніе, стр. 1—31). — Въ предисловіи авторъ указываетъ, что начало греческаго Пролога, родоначальника Пролога славянскаго и въ частности русскаго, восходитъ къ концу X или началу XI вѣка, ко времени царствованія императора Василія II. Содержаніе первоначальнаго греческаго Пролога составляютъ краткія житія святыхъ, пріуроченныхъ къ днямъ празднованія послѣднихъ или просто «календарныя» памяти о святыхъ безъ житій. Прологъ получилъ большое развитіе на славянской почвѣ и въ южно-славянскихъ переводахъ вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ книгъ перенесенъ былъ въ русскую письменность съ самаго начала существованія русской церкви. Въ позднѣйшія видоизмѣненія Пролога, именно въ стишные прологи, отчасти проникъ и элементъ поученій. Эта часть содержанія Пролога получила развитіе не на греческой почвѣ, но существованіе ея всецѣло связано съ славянскими редакціями этой книги, особенно въ русскихъ изводахъ. Можно даже сказать, что поученія, хотя и не принадлежали исключительно русскимъ прологамъ, однако составляютъ весьма характеристическую ихъ особенность. Иногда поученія помѣщались не между житійными статьями, а отдѣльно, составляя особую группу. Авторъ полагаетъ, что хотя эти поученія и не находятся въ греческомъ Прологѣ, но это обстоятельство не уполномочиваетъ считать ихъ оригинальными русскими произведеніями, такъ какъ они могли быть переведены изъ другаго греческаго источника. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ намъ текстъ 12 поученій изъ древне-русскаго Пролога по списку Новгор.-Софійской библіотеки XII—XIII в.

E. Zachariä von Lingenthal, *Einige ungedruckte Chrysobullen* (Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, VII-e série, tome XLI, № 4, 1893). II + 21 стр. — Знаменитый покойный византологъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь въ настоящемъ трудѣ издаетъ 7 хрисовуловъ. Въ предисловіи къ изданію онъ говоритъ, что оно сдѣлано по рукописи XVIII в., ему сообщенной проф. Ралли въ Аѳинахъ и нѣкогда составлявшей собственность митрополита Герасима. Издатель знакомитъ насъ съ важнѣйшими грамотами, заключающимися въ означенной рукописи, и затѣмъ сообщаетъ драгоцѣнныя замѣчанія о византійскихъ оффиціальныхъ грамотахъ вообще, ихъ составѣ и хронологіи. Хрисовулы, изданные въ настоящемъ трудѣ, слѣдующіе: 1) Хрисовулъ императора

Андроника II 1313 г. о протѣ Аѳонскихъ монастырей. 2) Хрисовулъ императора Никифора Фоки 964 (?) г. въ пользу лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ. 3) Хрисовулъ императора Константина Дуки 1060 г. въ пользу того же монастыря. 4) Подложный хрисовулъ императора Андроника II 1287 г. въ пользу Зографскаго монастыря на Аѳонѣ. 5) Хрисовулъ того же императора 1289 г. о владѣніяхъ Зографскаго монастыря. 6) Хрисовулъ того же императора 1312 г. о владѣніяхъ Русскаго монастыря (хрисовулъ уже былъ напечатанъ въ Кіевскомъ изданіи 1873 г.). 7) Хрисовулъ императора Іоанна Палеолога 1436 г. о владѣніяхъ монастыря св. Павла на островѣ Лемносѣ.

Хрисанѳа Лопарева, «*Слово о святомъ патріархѣ Ѳеостириктѣ*». Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней литературѣ. 1893. (Памятники древней письменности XCIV). — 29 февраля чествуется память преп. Кассіана Римлянина, Ѳеостирикта Пелекитскаго, исповѣдника VIII в., и Іоанна Варсонофія. Въ связи съ именемъ Ѳеостирикта появилось сказаніе о патріархѣ Ѳеостириктѣ. Какъ по своей формѣ, такъ и по отдѣльнымъ словамъ это сказаніе свидѣтельствуетъ о возникновеніи его на почвѣ Византіи; при переходѣ на русскую почву оно подверглось легкой русской окраскѣ. Г. Лопаревъ указываетъ составныя части этого сказанія и на существованіе особаго цикла книжно-народныхъ повѣстей, посвященныхъ 29-му февраля. Слово о патріархѣ Ѳеостириктѣ имъ издано по 6 спискамъ.

Хрисанѳа Лопарева, *Чудо святаго Георгія о Болгаринѣ*. Памятникъ византійской, переводной литературы. 1894. (Пам. древн. письменности C).— Издаваемый памятникъ агіографической письменности относится къ крещенію болгарскаго народа, ко временамъ Бориса и Симеона, въ IX и X вв. Изданіе сдѣлано по двумъ спискамъ: рукописи Имп. Общ. Любителей древней письменности O. CXXXV, XVII в., съ краткимъ текстомъ, и по рукописи Троице-Сергіевской Лавры, № 33. 2017, XIV в., съ болѣе подробнымъ текстомъ. Самое чудо св. Георгія несомнѣнно указываетъ на греческій источникъ, но, какъ близко относящееся къ болгарской исторіи, было уже въ древнее время переведено на славянскій языкъ. Появленіе перевода, по мнѣнію автора, слѣдуетъ отнести съ XII — XIII в. Памятникъ представляетъ интересъ историческій, но еще болѣе онъ любопытенъ въ литературномъ отношеніи, соприкасаясь съ обширнымъ кругомъ легендарныхъ преданій.

А. Пападопуло-Керамевса, *Въ которомъ году Смирнскій митрополитъ Даніилъ посѣтилъ Святую землю* (Сообщ. Имп. Палест. Общ. 1893, Октябрь, стр. 631—637).—Г. С. Дестунисъ въ изданномъ имъ Разсказѣ о путешествіи по Святымъ мѣстамъ Даніила митрополита Эфесскаго (Прав. Палест. Сборникъ, вып. 8) относитъ время странствованія Даніила къ патріаршеству Максима III между 1493 и 1499 гг. Въ замѣткѣ, напечатанной въ 1885 г. (Записки Импер. Русск. Арх. Общ., т. II, стр. 293—298) по поводу вышеупомянутаго изданія, г. Пападопуло-Керамевсъ полагалъ возможнымъ отнести посѣщеніе Даніиломъ святыхъ мѣстъ ко времени 1477 г. На

основаніи вновь найденнаго отрывка того же разсказа, Пападопуло-Керамевсъ доказываетъ, что Даніилъ посѣтилъ св. Землю при патріархѣ Максимѣ II (1476—1482 гг.) и что поѣздку его слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ 1480 г. или къ первой половинѣ 1481 г.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Іоанна Епископа и молчальника (Палестинскій Патерикъ, вып. 3).— Св. Іоаннъ Молчальникъ, епископъ Колонійскій, родился въ 454 г. и скончался послѣ 557 г. Житіе его принадлежитъ перу его ученика св. Кирилла Скиѳопольскаго. Оно издано проф. И. В. Помяловскимъ въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ греческаго подлинника, помѣщеннаго въ Acta Sanctorum, 13 мая, стр. 14 сл.

Житіе преподобнаго отца нашего Иларіона Великаго (Палест. Патерикъ, вып. 4).— Преподобной Иларіонъ Великій родился въ 291 г. и скончался въ 371 г. Житіе его принадлежитъ Блаженному Іерониму Стридонскому. Оно издано проф. И. В. Помяловскимъ въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ латинскаго подлинника, помѣщеннаго въ Patrologia latina Миня.

В. Р.

Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ. II. *Византійское Отдѣленіе I.* Одесса 1892. 8°. VI + 287 + 136 стр. Цѣна 2 р.

Въ отдѣлѣ I «Изслѣдованія» помѣщены слѣдующія статьи:

Г. С. Дестунисъ, Живые остатки византійской терминологіи (стр. 1—24). Эту статью авторъ называетъ «опытомъ дополненія къ византійскому словарю». Въ ней выясняется смыслъ и отчасти происхожденіе 13 греческихъ словъ византійской эпохи, сохранившихся въ современномъ хіосскомъ говорѣ. Слова эти, выбранныя авторомъ изъ словаря Паспати: «Τὸ Χιακὸν γλωσσάριον» суть:

ἀκρόστιχον — платежъ по частной гражданской сдѣлкѣ; подать казенная а) поголовная, б) поземельная.

ἀξινογῦρι (ἀξίνη + ὀρύσσω) — широкая мотыка, топоръ для рубки и копанья.

ἀποθετάρι (виз. ἀπόθετον) — кладовая.

ἀτσίγγανος — (цыганъ, явл. въ роли кузнеца или гадателя, иногда съ антихрист. оттѣнкомъ) = ἀθίγγανοι Валсамона и Властаря.

διάβατον — тропинка, право прохода; провозная пошлина; галлерея.

δοχειάρης — монастырскій ключникъ (δοχειάριον или ἡ μέση — монастырская кладовая).

κεραμαρεῖα — кирпичный заводъ; въ топографіи Византіи урочище на сѣверномъ берегу Золотого Рога.

μαγαρίκα — изв. формы сосудъ (м. б. вмѣсто μεγαρικὰ κεράμια; но уже у Константина Порфирогеннита первый слогъ μα, а не με), вопреки Паспати и Софоклу не непремѣнно глиняный.

ξάγι = ἑξάγιον = sextula = $^1/_6$ унціи.

σημαντηρᾶς — сходка, особенно аукціонъ, по Паспати отъ σήμανδρο — церковное клепало.

τροῦλα—(впервые у Олимпіодора—трула какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ,— менѣе $^1/_3$ ксеста), чашка; отсюда τροῦλος — куполъ и залъ Большого дворца.

ψίχι (хіосское) изъ виз. ὀψίκιον, возникшаго изъ obsequium — свита. Хіосское народное ψίχι поминальныхъ раздача яствъ, ухаживаніе, ублаготвореніе, невѣрно производство ψίχι и ψύτση отъ ψυχή (душа, pl. толпа народа).

ὡρειάρης = horrearius.

О. И. Успенскій, Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ (стр. 25—84). Въ такъ называемыхъ типикахъ или ктиторскихъ монастырскихъ уставахъ для византиниста важенъ не столько самый текстъ, содержанія по большей части общаго и почти одинаковаго во всѣхъ типикахъ, сколько введенія и приложенія: въ введеніяхъ часто сообщаются историческія свѣдѣнія о данномъ монастырѣ и его ктиторѣ, обыкновенно историческомъ, высокопоставленномъ лицѣ; а въ приложеніяхъ мы часто имѣемъ инвентари имѣній монастыря и прочіе акты, дающіе матеріалъ для изслѣдованія экономической и соціальной сторонъ византійской жизни. Въ типикѣ св. Маманта, сохранившемся въ подлинникѣ въ парижской національной библіотекѣ и въ спискѣ въ богословской школѣ на островѣ Халкѣ, ни инвентаря (βρέβιον), ни имущественныхъ актовъ не уцѣлѣло; но и онъ даетъ живую картину константинопольскаго монастыря въ XII в., и сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ для опредѣленія мѣстоположенія этого любопытнаго для русскихъ монастыря.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ πίναξ устава, возстановленный г. Успенскимъ по надписаніямъ главъ, и затѣмъ греческій текстъ и русскій переводъ пролога (говорящаго о возстановленіи монастыря Георгіемъ Каппадоки), 3-ей, 4-й и 37-й главъ, характеризующихъ внутренніе порядки монастыря (остальныя, по г. Успенскому, почти тождественны съ типикомъ царицы Ирины, константинопольскаго монастыря пресвятой Богородицы Обрадованной), и приложеній, именно протокола, утверждающаго уставъ, съ προσθήκη протоигумна Аѳанасія Филантропина. Приведенные г. Успенскимъ прологъ и главы устава рисуютъ исторію монастыря съ 1146—71 г., состоящую изъ попытокъ освободить его отъ харистикаріевъ и патріаршаго приказа большой казны. По этому поводу проф. Успенскій сообщаетъ факты исторіи монастыря при Ангелахъ и во время латинскаго завоеванія, и говоритъ довольно подробно о харистикаріяхъ— свѣтскихъ владѣльцахъ, получавшихъ монастыри отъ императоровъ въ управленіе. Это учрежденіе является во вторую эпоху попытокъ секуляризаціи монастырскихъ имѣній въ Византіи, именно въ XI вѣкѣ. Наконецъ, на основаніи данныхъ типика, проф. Успенскій пересматриваетъ вопросъ о мѣстоположеніи монастыря св. Маманта. По его заключенію, монастырь лежалъ не на Золотомъ Рогѣ, выше Влахернъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а на Босфорѣ, въ Перѣ. Мнѣніе свое г. Успен-

скій подтверждаетъ ссылками на разсказъ Амартола, Θеофана, Зонары и патр. Никифора о зимѣ 764 г., житіе Θеодосія терновскаго и наконецъ на договоры Руси съ греками.

Д. Бѣляевъ, Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ (стр. 85—106). Въ этой небольшой статьѣ проф. Бѣляевъ пересматриваетъ топографическій вопросъ о храмѣ Халкопратійской Богородицы. Давъ сводъ извѣстій объ исторіи этого храма, его значеніи и о смежныхъ съ нимъ церквахъ и святыняхъ, авторъ доказываетъ, что принятое Паспати мнѣніе Лабарта, помѣщающее этотъ храмъ между св. Софіею и Сенатомъ, не только не слѣдуетъ изъ данныхъ Придворнаго Устава К. Багрянороднаго (на который гл. обр. опирается Лабартъ), но даже несовмѣстимо съ ними. Собственное заключеніе автора таково: Халкопратійскій храмъ находился въ долинѣ между возвышенностями фора Константина и Августеона, невдалекѣ отъ атрія Св. Софіи, именно близъ портика, шедшаго отъ Милія къ фору Константина; иначе говоря— между Лавзомъ и Миліемъ. Милій г. Бѣляевъ помѣщаетъ на Августеонѣ, противъ главнаго входа въ Большой дворецъ; домъ Лавза — на правой сторонѣ средней улицы, считая отъ Августеона къ фору Константина; Сенатъ (тотъ, гдѣ служились литіи въ Благовѣщеніе въ случаѣ дождя)— на форѣ Константина; его не слѣдуетъ отождествлять съ сенатомъ на Августеонѣ, или Базиликой, какъ вслѣдъ за Дюканжемъ дѣлаютъ Лабартъ и другіе.

Θ. Е. Коршъ, Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ (стр. 107—155). Эта статья, какъ видно изъ заглавія, состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ автора, касающихся текста втораго вагнеровскаго изданія поэмы, сдѣланнаго по списку Леграна съ парижскаго кодекса № 390, при сотрудничествѣ Кестлина, Бурсіана и Викелы. Замѣтки проф. Корша отчасти исправляютъ промахи рукописи и издателя противъ языка византійской эпохи, отчасти же представляютъ отличающіяся остроуміемъ коньектуры, попытки возстановить пропуски, исправить искаженные переписчикомъ стихи и проч. Замѣтки этого второго рода довольно многочисленны; о нихъ авторъ оговаривается, 1) что большинство изъ нихъ онъ не внесъ бы въ текстъ, 2) что смѣлость не бѣда при началѣ разработки извѣстной области знанія; такія попытки всегда увѣнчиваются успѣхомъ, если не прямымъ,... то косвеннымъ, въ видѣ постановки новыхъ вопросовъ.

Красносельцевъ, Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ (стр. 156—254). Для объясненія византійской обрядовой жизни важенъ богослужебный чинъ, современный изслѣдуемой эпохѣ. Въ этомъ отношеніи очень много даетъ патмосская рукопись, № 266 по каталогу Сакелліона, копіи съ которой авторъ получилъ чрезъ митр. пелусійскаго Амфилохія и г. Дмитріевскаго. — Это литургическій памятникъ Фотіева вѣка, содержащій описаніе обычныхъ и праздничныхъ церковныхъ службъ Великой Церкви, составленное въ теченіе почти всего IX вѣка.

На немъ ясно его происхожденіе изъ указателей евангельскихъ и апостольскихъ чтеній (каковы Ипполитовъ пасхальный кругъ, Comes Іеронима и проч.), распространенныхъ въ календарной части по Василіеву Минологію и въ литургической — по указателямъ молитвословій и литій. Софійскій типикъ (впрочемъ, въ рукописи этого названія нѣтъ) даетъ матеріалъ 1) топографическій — описанія мѣстъ, гдѣ совершаются церемоніи; 2) историческій — упоминанія о событіяхъ, по поводу которыхъ установлены церемоніи, и 3) церемоніальный въ собственномъ смыслѣ. Данныя всѣхъ 3-хъ родовъ извлечены и сопоставлены г. Красносельцевымъ: онъ перечисляетъ всѣ упоминаемые типикомъ церкви (88), и всѣ данныя о ихъ мѣстоположеніи (м. пр. оказывается, что типикъ подтверждаетъ мнѣніе г. Бѣляева о храмѣ Халкопратійской Богородицы), и сравниваетъ ихъ съ ранѣе извѣстными данными и мнѣніями; перечисляетъ также праздники въ память историческихъ торжествъ и описываетъ уставъ службы въ нихъ. Вотъ эти праздники: 1) Γενέθλιον τῆς πόλεως, ἐγκαίνια ἐκκλησιῶν 2) избавленія отъ землетрясеній, 3) отъ варваровъ (м. пр. отъ Руси — подъ 25 іюня [1]), 4) памяти лицъ, прославившихся устроеніемъ гражданской и религіозной жизни въ Константинополѣ: царей, патріарховъ и нѣкоторыхъ святыхъ: Романа Сладкопѣвца, Θеодора Студита и проч., 5) празднества въ честь вселенскихъ соборовъ. Обычный чинъ богослуженія, по словамъ г. Красносельцева, излагается въ типикѣ отрывочно, такъ какъ предполагается извѣстнымъ; но эти указанія подтверждаютъ и объединяютъ имѣющіяся уже у насъ свѣдѣнія. Изъ нихъ ясно, что въ эпоху типика обычное богослуженіе былъ строй такъ называемой ἀσματικὴ ἀκολουθία, господствовавшій до XIII вѣка въ Византіи, и примыкавшій къ описанному Сильвіей богослуженію IV вѣка и ранѣе. Праздничныя особенности типика большого интереса не представляютъ; поэтому авторъ только перечисляетъ самые праздники и кратко излагаетъ ихъ богослужебный чинъ. Къ статьѣ приложены (на стр. 241—254) извлеченія изъ устава, сдѣланныя по рукописи Аθонопантелеймоновскаго монастыря.

Кирпичниковъ, Переписка монаха Іакова съ императрицей (стр 255—280). Статья содержитъ предварительныя свѣдѣнія о парижской (№ 3039) рукописи писемъ Іакова (довольно плохой, съ важными пропусками) и отмѣткахъ на ней Комбефиза, Дюканжа и Монфокона, затѣмъ выдержки изъ этихъ писемъ, дающія автору матеріалъ для характеристики Іакова и рѣшенія вопроса, съ какой Ириной Іаковъ переписывался. Отвѣтъ его таковъ: корреспондентка Іакова есть извѣстная возстановительница иконопочитанія; Іаковъ, хотя на словахъ презрительно отзывается объ эллинской наукѣ, самъ литературно образованъ; онъ стоялъ къ императрицѣ въ очень близкихъ отношеніяхъ, былъ даже, можетъ быть,

1) Эта дата, въ виду эпохи нашего типика, относится конечно къ первому нашествію Руси при патр. Фотіѣ. По Брюссельскому анониму ἦλθον οἱ Ῥῶς 18 іюня; теперь мы имѣемъ и дату освобожденія города отъ Руси. — 25-е число.

ея духовнымъ отцомъ, и сохранялъ сношенія съ нею и послѣ ея паденія, (если не окончательнаго, то перваго, при Константинѣ VI). Цѣль всей статьи, по словамъ автора, не изслѣдованіе «писемъ», а мотивированное указаніе на значеніе ихъ.

Пападимитріу, Двѣ народныя пѣсни у Анны Комниной (стр. 281—287). Въ этой небольшой замѣткѣ г. Пападимитріу къ первой пѣсенкѣ (Anna Comn., Alexias, p. 98 Боннскаго изданія) дѣлаетъ и защищаетъ коньектуру ὕπα (т. е. ὕπαγε) вм. εἶπα, такъ что получается:

τὸ σάββατον τῆς τυρινῆς,
Χαρῆς Ἀλέξιε, ἐννόησές το·
Καὶ τὴν δευτέραν τὸ πρωΐ
Ὕπα καλῶς, γεράκιν μου·

Относительно второй, соглашаясь въ переводѣ съ Вильг. Фишеромъ, авторъ доказываетъ, что размѣра ея Фишеръ не угадалъ; она представляетъ изъ себя ямбическое двустишіе по 8 слоговъ въ стихѣ:

ἀπὸ τὴν Δρίστραν εἰς Γολόην
χαλὸν ἀπλίκτον, Κομνηνέ.

Въ отдѣлѣ II «Хроника» помѣщена, кромѣ реферата Э. Р. Штерна «Новооткрытая аѳинская политія Аристотеля», не имѣющаго отношенія къ византовѣдѣнію, статья:

М. Г. Попруженко, Замѣтки по кирилло-меѳодіевскому вопросу (стр. 43 — 64). Авторъ излагаетъ взгляды римско-католическихъ и православныхъ церковныхъ историковъ на дѣятельность св. первоучителей, затѣмъ полемику между этими лагерями, вызванную трудомъ Воронова «Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія» и энцикликой папы Льва XIII, оповѣщавшей о канонизаціи св. братьевъ въ католической церкви; потомъ переходитъ къ булламъ папы Іоанна VIII и Стефана VI, напечатаннымъ къ юбилею св. Меѳодія, и трудамъ греко-православныхъ ученыхъ, вызваннымъ этимъ юбилеемъ, которые перечисляетъ подробно. Юбилей этотъ, по мнѣнію аютора, составляетъ эпоху въ исторіи вопроса, какъ какъ благодаря булламъ Стефана VI и на нихъ основаннымъ изслѣдованіямъ «можно уже, кажется, считать положительнымъ выводомъ то, что св. братья были приверженцами Византіи, а не Рима», поэтому — и къ этому заключенію сводятся всѣ «Замѣтки» — «для дальнѣйшихъ успѣховъ славяновѣдѣнія въ данной области нужно обратиться къ тщательному и подробному изученію внутренняго состоянія Византіи IX вѣка», именно къ изученію византійскихъ житій IX в. въ параллель съ паннонскими, къ изслѣдованію хазарской миссіи Кирилла, и къ вопросу, не съ запада-ли, черезъ Чехію, Моравію и Польшу, проникло первоначально христіанство на Русь.

Затѣмъ слѣдуетъ «Обзоръ новѣйшихъ трудовъ по византиновѣдѣнію» содержащій рецензіи на слѣдующія книги:

И. Г. Васильевскій, Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. СПБ. 1890.

П. В. Безобразовъ, Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Москва. 1890.

П. А. Сырку, Описаніе бумагъ еп. Порфирія Успенскаго, пожертвованныхъ въ Императорскую Академію Наукъ. СПБ. 1891.

Ѳ. Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности, СПБ. 1891.

А. Лебедевъ, Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка. Москва. 1892.

Schwarzlose, Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha. 1890.

Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches. München. 1891.

Mitteis, L., Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891.

Живопись Палатинской капеллы въ Палермо. Изслѣдованіе А. А. Павловскаго. СПБ. 1890.

Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ Д. Ѳ. Бѣляева. Кн. I. СПБ. 1891.

Блаженный Ѳеодоритъ, еп. киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Глубоковскаго, т. I, II. Москва 1890.

Byzantinische Denkmäler, herausgegeben von Strzygowski, Das Etschmiadzin-Evangeliar. Beiträge zur Geschichte der armenischen, ravennatischeu und syro-ägyptischen Kunst. Wien, 1891.

Н. Покровскій, Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. СПБ. 1892.

Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. СПБ. 1892.

А. Лебедева, *Грековосточная церковь подъ владычествомъ турокъ послѣ паденія Византійской имперіи* (Богосл. Вѣстникъ, 1894 г.). Пока явились въ свѣтъ Введеніе (янв., Отд. II, 35—60), Обзоръ источниковъ съ критическими замѣчаніями (мартъ, Отд. IV, 512—571) и Взаимныя отношенія Оттоманской порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви (май, Отд. II, 206—244).

Во введеніи авторъ говоритъ о трудностяхъ избранной имъ задачи и о ея научномъ значеніи. Греки сами мало занимались и занимаются своей исторіей, и какъ къ писанію ея, такъ и къ сохранности написанныхъ сочиненій относились всегда небрежно. Нѣтъ также и сносной исторіи Оттоманской Турціи, написанной греками, и потому на важнѣйшіе историческіе вопросы о значеніи турокъ для національной и церковной жизни грековъ до сихъ поръ возможны діаметрально противоположные отвѣты. Такимъ образомъ въ исторіи греческой націи и особенно церкви мы почти лишены важнѣйшаго подспорья—туземныхъ изслѣдователей.

Другое неблагопріятное для своего труда условіе авторъ видитъ въ

сухости, безжизненности греческой исторической и церковной жизни. Исторія ихъ съ XI — XV в. — есть уже исторія упадка, и вопросъ о причинахъ его есть ея центральный руководящій вопросъ; а съ XV вѣка этотъ старческій маразмъ греческой церкви дошелъ до крайности: въ XV—XVI вв. просвѣтительное культурное воздѣйствіе на Западъ оказала греческая литература болѣе древнихъ временъ, а не принесшіе ее греки; даже православіе грековъ нетерпимо, подозрительно, перепутано съ націонализмомъ и держится чуть ли не турками и за турокъ. Словомъ, исторія греческой церкви за XV—XIX вѣка, повидимому, не стоитъ серьезнаго изученія. Центральная тема этой исторіи не борьба грековъ съ деспотическимъ мусульманствомъ, а исторія константинопольской патріархіи, такъ какъ именно въ этомъ періодѣ патріархъ становится не только церковнымъ, но и національно-политическимъ главой греческаго народа.

Во второй статьѣ, представляющей обзоръ источниковъ, авторъ всю литературу своего предмета раздѣляетъ на 6 отдѣловъ.

Къ первому отдѣлу авторомъ отнесены послѣдніе византійскіе историки: Дука, Халкокондилъ и Франдзій, современники паденія Константинополя.

2-й отдѣлъ составляютъ источники византійской исторіи XV—XVI в. Тутъ проф. Лебедевъ говоритъ о дѣятельности Мартина Крузія и Герлаха, о изданной первымъ изъ нихъ «Turco-Graecia», и на основаніи указаній К. Саѳы признаетъ авторомъ «Historiae patriarchicae» Дамаскина Студита, а не Мануила Малаксу, который лишь списалъ и незначительно передѣлалъ Дамаскина. «Historia politica» также признается авторомъ, по указанію того же Саѳы, за трудъ Дамаскина Студита; въ церковной части она — сокращеніе «патріаршей исторіи»; по вопросу объ избраніи патріарха Геннадія и отношеніи къ грекамъ Магомета II наука справедливо предпочитаетъ ея показанія Франдзіевымъ. Также согласно Саѳѣ, А. П. Лебедевъ признаетъ «Исторію» такъ назыв. Дороѳея Монемвасійскаго за коллективное произведеніе, въ основѣ котораго лежитъ плагіатъ Іероѳея Монемвасійскаго, взятый у того же Дамаскина Студита. Дороѳей Монемвасійскій никогда не существовалъ и всѣ показанія о дѣятельности этого мнимаго лица надо относить къ Іероѳею. Въ «Дневникѣ» Герлаха авторъ признаетъ точное, рельефное описаніе внутренняго склада греко-христіанской жизни его эпохи. Наконецъ, въ эту же группу авторъ относитъ и акты изъ Secrets d'état de Venise, изд. В. И. Ламанскимъ, и воздаетъ должное ихъ правдивости и интересу выясняемыхъ ими вопросовъ объ отношеніи грековъ къ католикамъ-венеціанцамъ.

3-ью группу у проф. Лебедева составляютъ источники для исторіи XVIII в. Сюда отнесены: 1) письма и исповѣданіе Кирилла Лукаря въ основномъ изданіи Aymon'a и акты Іерусалимскаго собора 1672 г.; 2) труды Досиѳея іерусалимскаго и Мелетія аѳинскаго, какъ очевидцевъ событій XVII вѣка; 3) изданіе А. Н. Муравьева, «Сношенія Россіи съ православ-

нымъ Востокомъ» и «Хронографія» Дапонте, изданная Саθою; затѣмъ Христофоръ Ангелъ, Рико и Эльснеръ.

4-ый отдѣлъ составляютъ—источники для XVIII в. Изъ нихъ указывается, прежде всего, «Κατάλογος ἀνδρῶν ἐπισήμων» Дапонте, изданный Саθой; «Ὑπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας» Макрея, изданные тѣмъ же Саθой — какъ бы безъ начала и конца; церковно-политическая исторія Аθанасія Ипсилантиса, въ которой авторъ говоритъ какъ очевидецъ въ 9 и 10-й книгахъ; «Status praesens ecclesiae Graecae» Элладія—панегирикъ, заходящій иногда очень далеко во лжи и страсти все оправдать.

5-й отдѣлъ,—источники для исторіи XIX в.,—представляетъ для пользованія огромныя трудности. 30 ετηρίς ἐκκλησιαστική Икономоса (Константина) богато документальнымъ матеріаломъ и трезво смотритъ на дѣла патріархіи; «Das griechische Volk in öffentlicher und kirchlicher Beziehung» Маурера—драгоцѣнное сочиненіе; «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета» и «Современные церковные вопросы» Т. И. Филиппова касаются главнымъ образомъ греко-болгарской схизмы; изъ записокъ, дневниковъ и пр. А. П. Лебедевъ выше всего ставитъ труды еп. Порфирія Успенскаго, Григоровича, К. Н. Леонтьева и арх. Антонина Капустина.

Наконецъ 6-й отдѣлъ у проф. Лебедева составляютъ изданія Палестинскаго общества.

Третья статья посвящена изложенію взаимныхъ отношеній Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви. Организаторъ и политикъ, Магометъ II хотѣлъ сдѣлать изъ грековъ культурный элементъ своей имперіи, и съ этой цѣлью заселилъ ими Константинополь и далъ многимъ изъ нихъ участіе въ правленіи. Магометъ далъ грекамъ полную свободу вѣры, богослуженія, внутренняго церковнаго управленія; патріархъ, синодъ, архіереи — все осталось по старому; духовенство было неприкосновенно и свободно отъ «хараджа» (поголовной подати). Даже анаθема агарянамъ въ недѣлю православія была допускаема. Но сверхъ того, султанскіе бераты давали патріарху и архіереямъ свѣтскую, судебную и полицейскую власть въ христіанской средѣ. Въ политическомъ отношеніи патріархъ былъ главою націи далеко за предѣлами своего патріархата. Власть его образовала въ турецкой имперіи особое церковное государство; патріархъ явился не то западнымъ папой, не то преемникомъ византійскихъ императоровъ; и благодаря этой власти онъ и архіереи его охраняли православіе на балканскомъ полуостровѣ и вообще на Востокѣ, такъ какъ отъ константинопольскаго патріарха зависѣли не только славянскія митрополіи, но до извѣстной степени и другіе патріархи Востока; при помощи турокъ подчинились ему и церкви сербская и болгарская (въ XVIII в.). Филэллинство греческаго духовенства, большой объемъ его власти повели къ внѣшнему огреченію славянскихъ и румынскихъ школъ, сперва священническихъ, а потомъ и свѣтскихъ, гоненію на славянскія книги и упадку славянскаго языка и

богослуженія. Результаты отдѣленія болгарской церкви, совершившагося въ наше время, еще не выяснились достаточно.

Е. Голубинскаго, *Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи Максимъ* (Богословскій Вѣстникъ, 1894, май). — Для византолога въ этой статьѣ имѣетъ значеніе предположеніе г. Голубинскаго, что путешествіе свое въ орду къ хану Тода-Мангу въ 1283 г. митрополитъ Максимъ предпринялъ по порученію императора Андроника Старшаго, и его указаніе, что уставъ митрополита Максима о постѣ въ среду и пятокъ имѣлъ цѣлью узаконить въ русской церкви греческую практику. Въ принадлежности митрополиту Максиму статьи о томъ, что лишь церковный бракъ законенъ, помѣщаемой обыкновенно вслѣдъ за уставомъ, проф. Е. Голубинскій сомнѣвается.

Спасскаго, *Новѣйшій византинизмъ и его значеніе.* Пробная лекція (Богословскій Вѣстникъ, 1894, апрѣль). — Лекторъ, отмѣтивъ оживленіе интереса къ Византіи какъ въ западной, такъ и русской наукѣ, замѣчающееся съ XIX вѣка, и особенно съ 50-хъ годовъ, и его причины (фактъ 1000-лѣтней жизни имперіи; измѣненіе взглядовъ науки на средніе вѣка; освобожденіе Греціи и восточный вопросъ), описываетъ перипетіи, испытанныя византиновѣдѣніемъ съ XVI вѣка; затѣмъ, назвавъ важнѣйшіе труды, отмѣчаетъ ихъ преобладающій характеръ (какъ изслѣдованія источниковъ и установку фактовъ, при преждевременности общихъ курсовъ и даже монографій) и результатъ: признаніе за византійской исторіей самостоятельнаго значенія, и за Византіей—активнаго воздѣйствія на западную Европу. Разрозненность ученыхъ работъ по ней, составлявшая долго больное мѣсто науки, близка къ концу съ основанія журнала: «Byzantinische Zeitschrift» и (ожидавшагося еще) «Византійскаго Временника». Послѣ этой характеристики состоянія византологіи лекторъ выставляетъ положеніе, что Византія—самостоятельный членъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія, и изслѣдованіе ея необходимо для пониманія исторіи не только восточной, но и западной Европы.

Славянскія племена изъ Византіи получили христіанство, просвѣщеніе и гражданственность, и духовно питались отъ нея до самаго ея паденія. Въ Россіи византійская исторія имѣетъ не только научное, но и національно-воспитательное значеніе, и должна поэтому входить въ кругъ общаго образованія. Значеніе Византіи для Запада доказывается участіемъ ея въ его политической и культурной жизни въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Лекторъ указываетъ на сношенія Карла Великаго, Людовика Благочестиваго и Оттоновъ съ Византіей, на роль Византіи, какъ посредницы между Востокомъ и Западомъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, вліяніе знакомства съ греческимъ православіемъ на образъ мыслей Фридриха II и на появленіе первыхъ противопапскихъ сектъ и пр., затѣмъ на значеніе грековъ, какъ хранителей античной культуры, ярко сказавшееся въ эпоху гуманизма, но дѣйствовавшее гораздо ранѣе, чрезъ Анастасія библіотекаря, Пселла, Итала, и въ созданіи западной схоластики, центральное явленіе

которой—споръ реализма и номинализма, или, что то же, Платона и неоплатониковъ съ Аристотелемъ — было вызвано византійскимъ богословіемъ.

Архіепископа Патрасскаго Никифора Калогераса, *Маркъ Евгеникъ и кардиналъ Виссаріонъ передъ судомъ исторіи* (Странникъ, 1894 г., февраль-апрѣль; окончаніе, обѣщано). — Давъ краткую біографію и характеристику борьбы своихъ героевъ, авторъ задается вопросомъ: кто изъ нихъ оказался правъ на судѣ 400 лѣтъ, протекшихъ съ паденія византійской имперіи? и рѣшаетъ его, оговорясь, что рѣшительнаго приговора исторія еще не дала, въ пользу Марка Евгеника. Виссаріонъ Никейскій ошибся 1) считая турецкое иго равносильнымъ исламизаціи грековъ; онъ не угадалъ живучести грековъ, какъ національно-культурнаго типа; 2) надѣясь, что западная помощь спасетъ политическую самостоятельность грековъ; 3) видя во внѣшнемъ упадкѣ своей церкви признакъ ея внутренней несостоятельности. Послѣ паденія Византіи онъ провозглашалъ, что церковь греческая пала, и самый языкъ греческій скоро исчезнетъ и тѣмъ, «вопреки всякому политическому резону», способствовалъ истощенію національнаго ядра, изъ котораго возникъ новѣйшій эллинизмъ,—истощенію, которое и безъ того шло угрожающе скоро и въ сторону исламизма и въ сторону папизма (янычары и греки-ученики папскихъ итальянскихъ школъ).

Рецензія появилась на книгу:

М. Остроумова, Очеркъ православнаго церковнаго права, I, 1. Харьковъ 1893. Рец. **Громогласова** въ Чтеніяхъ въ Общ. любит. дух. просв. 1894, апрѣль.

Б. Меліоранскій.

ГРЕЦІЯ И ТУРЦІЯ.

Ἐπαμεινώνδου Ἰ. Σταματιάδου, Ἐπετηρὶς τῆς ἡγεμονίας Σάμου διὰ τὸ δίσεκτον ἔτος 1892. Ἐν Σάμῳ 1892, σελίδες 137 σχήματος 8-ου. — Σελ. 21—39 «Τὸ ἐμπόριον τῆς Σάμου ἀπὸ τῶν ἀρχαίων χρόνων». Τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς εἰδήσεις ἐμπορικαὶ λείπουσι τῇ ἐπετηρίδι ταύτῃ· ἄφθονοι δ' ὅμως ὑπάρχουσιν ἐν αὐτῇ διά τινα τῆς νήσου προϊόντα, ἅπερ οἱ κάτοικοι αὐτῆς ἀπὸ τῆς ἑπτακαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐμπορεύονται· τὰς εἰδήσεις ὁ συγγραφεὺς ἤθροισεν, ὡς φαίνεται, ἐκ βιβλίων περιοδευτῶν Εὐρωπαίων καὶ ἐκ παλαιῶν ἐγγράφων, εὑρεθέντων ἐν αὐτῇ τῇ νήσῳ· συνήρμοσε δὲ ταύτας οὕτως ἐπιτηδείως, ὥστ' ἀπετέλεσε διδακτικὸν ἀνάγνωσμα, χρήσιμον καὶ τοῖς νησιώταις καὶ τοῖς ἀσχολουμένοις ἰδίᾳ περὶ τὴν ἱστορίαν τοῦ ἑλληνικοῦ ἐμπορίου.

Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῆς ἑταιρίας τοῦ ἔτους 1892. Ἀθήνησιν 1894, σελίδες 136 σχήματος 8-ου. — Ἐν τῇ 105-ῃ σελίδι περιέχεται καταγραφὴ βυζαντινῶν ἀρχαιοτήτων, ὧν ἡ ῥηθεῖσα ἑταιρία κάτοχος ἐγένετο· καὶ πρῶτον μὲν ἀναγράφεται σταθμὸς ἐξ οὐγκιῶν, ἔχων ἐνεπίγραφον τὸ ΔΙΚΕΑ = δικαία· εἶτα δὲ περιληπτικώτατα γνωρίζονται πεντήκοντα μολυβδόβουλλα, ὧν οὐκ ὀλίγα σημαντικά, δεόμενα μελέτης ἰδίας· οἷον τὸ Γεωρ-

γίου πρωτοσπαθαρίου ἐξάκτορος τοῦ Τορνίκη, τὸ Θεοδώρου πατριάρχου τῆς μεγάλης Ἀντιοχείας, τὸ Λέοντος βασιλικοῦ σπαθαρίου καὶ κομερκιαρίου Χαλδίας, τὸ Θεοδώρου μητροπολίτου Λαοδικείας, τὸ Μαρίας κουροπαλατίσσης τῆς Μακρεμβολιτίσσης, τὸ Βασιλείου πατριάρχου τῆς μεγάλης Ἀντιοχείας, τὸ Μιχαὴλ ἐπισκόπου Καμουλιανῶν, τὸ Ἱμερίου βασιλικοῦ πρωτοσπαθαρίου καὶ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν καὶ πρωτονοταρίου Παφλαγονίας, καὶ ἕτερα τοιαῦτα.

[Γεωργίου Ἰ. Ζολώτα], Ἔκθεσις τῶν κατὰ τὰ σχολικὰ ἔτη 1890—91, 1891—92 καὶ 1892—93 πεπραγμένων ἐν τοῖς ὀρθοδόξοις δημοσίοις σχολείοις Χίου. Ἐν Χίῳ 1893, σελίδες 247 σχήματος 8-ου. — Μνημονεύω τοῦ βιβλίου τούτου διὰ τὴν ἐν αὐτῷ καταχώρισιν ἐγγράφου πατριαρχικοῦ [σ. 169—171], ὅπερ ἐγινώσκετο πρότερον ἐξ ἀντιγράφου μετὰ σπουδῆς ἐκδοθέντος [Κ. Κανελλάκη, Χιακὰ ἀνάλεκτα, σ. 447—449]. Τὸ νεώτερον ἀντίγραφον ἐλήφθη ἐξ αὐτοῦ τοῦ πρωτοτύπου· ἔστι δὲ τοῦτο σιγίλλιον ἐκ μεμβράνης Ἱερεμίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, ὅπερ ἀπολυθὲν ἔτει 1574-ῳ ἐδόθη τῇ μονῇ τοῦ Προδρόμου, «τῇ ἐν Χίῳ, τῇ τῶν Μουνδῶν ἐπιλεγομένῃ», ἣν Ἰάκωβος ἱερομόναχος ἀνακαινίσας ὠνόμασε διὰ τοῦ ῥηθέντος Ἱερεμίου πατριάρχου σταυροπηγιακήν.

Μ. Ῥενιέρη, Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ (1617—1628). Ἀθήνησιν 1893, σελίδες 114 σχήμ. 8-ου.—Τὸ βιβλίον ἀποτελεῖ τὸ δεύτερον παράρτημα τῆς ἐν Ἀθήναις ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας· περιέχει δὲ τέως ἄγνωστον ὕλην ἱκανῶς διαφωτίζουσαν τὸν βίον Μητροφάνους τοῦ Κριτοπούλου, τὸν πρὸ τῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ πατριαρχικῆς ἐξουσίας αὐτοῦ. Τὴν ὕλην παρεχώρησε τῷ συγγραφεῖ κῶδιξ εὑρεθεὶς ἐν Αἰγύπτῳ, ὃν δῶρον ἔδωκεν ὁ ἐλλόγιμος Γεράσιμος ὁ Μαζαράκης τῷ σεβασμιωτάτῳ Γερμανῷ, τῶν Ἀθηνῶν μητροπολίτῃ· οὗτος δὲ ὁ κῶδιξ ἐμπεριέχει τὴν Φιλοθήκην, τουτέστι φίλων τοῦ Μητροφάνους ὑπομνήματα γραπτά, ἅπερ ὁ Ῥενιέρης ἐν τῷ δηλουμένῳ βιβλίῳ μετὰ κρίσεως ὀξείας ἡρμήνευσε, γενόμενος οὕτω χρήσιμος τοῖς ἀσχολουμένοις ἰδίᾳ περὶ τὴν ἱστορίαν τῶν σχέσεων δύο ἐκκλησιῶν, τῆς τῶν ἀνατολικῶν καὶ τῆς τῶν προτεσταντῶν.

Γεώργιος Π. Βεγλερῆς, Ἡ Κωνσταντινούπολις καὶ τὰ πέριξ αὐτῆς [Παρνασσός, τ. XIV, 1892, σ. 676—685, 748—756]. — Ὁ συγγραφεὺς ἐν μέσῳ λογίων ἀνδρῶν, συναχθέντων ἐν τῷ Φιλολογικῷ Συλλόγῳ Κωνσταντινουπόλεως, ἀνέγνω τὸ περὶ τοῦ Βυζαντίου τοῦτο χαρίεν ἅμα καὶ διδακτικὸν ὑπόμνημα, τρόπον τινὰ μέρος ὂν εἰσαγωγῆς εἰς μέγα μελέτημα, ἵνα τὸν ζῆλον ὑπεκκαύσῃ τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει πρὸς ἵδρυσιν μουσείου χριστιανικῶν ἀρχαιοτήτων· ἵνα δὲ τοῦ τοιούτου μουσείου τὴν ἀναγκαιότητα καταδείξῃ, πραγματεύεται διὰ μακρῶν περὶ τῆς ἀρχαιολογικῆς τῆς Πόλεως ἀξίας, ἧς αἱ ἀρχαιότητες ἀμελέτητοι τὰ πολλὰ μένουσαι φθείρονται δι' ἀφροντισίαν ἑκάστοτε. Τὸ μὲν οὖν πρῶτον ἐξαίρει τὴν ἐπιστημονικὴν τούτων σημασίαν, ἐφ' ὅσον αὕτη σχετίζεται πρὸς τὴν χριστιανικὴν ἀρχαιολογίαν, ἀγγείλας ἅμα καὶ τὴν προσεχῆ καθίδρυσιν ἀρχαιολογικοῦ ῥωσικοῦ καθιδρύματος ἐν Κωνσταντινουπόλει, οὗ τὰ μέλη προορισμὸν ἔχουσι περὶ τὰ χριστιανικὰ μνημεῖα κυρίως ἀσχολεῖσθαι εἶτα δὲ τὸν λόγον περιτρέπων ὁ συγγραφεὺς εἰς τὰ ζητήματα τὰ σχετιζόμενα

πρὸς τὴν τοπογραφίαν τῆς ἀρχαίας Κωνσταντινουπόλεως, ἐμφανίζει σημεῖον ἐπιστημονικόν, ὅπερ ἔνιοι τῶν τοπογράφων αὐτῆς ἠμέλησαν ὑπ' ὄψει λαβεῖν, ὅτε θέσεις τῆς πόλεως ἀρχαίας, ἐν συγράμμασιν ἢ ἐγγράφοις ἀναφερομένας, ὥριζον αὐθεντικῶς· ἔστι δὲ τοῦτο κυρίως ὑδρολογικόν· καὶ λέγει πειστικῶς, ὅτι τὸ Βυζάντιον καὶ τὰ πέριξ αὐτοῦ χωρία κατὰ διαφόρους ἐποχὰς ὑπέστησαν ἐξ ὑδάτων ἐπιχωματώσεις, αἵτινες ὡς εἰκὸς ἀλλοιώσασαι τὰς ἀρχαίας τοποθεσίας ἀποκατέστησαν τὸν τοπικὸν αὐτῶν ὁρισμὸν ἀσαφῆ. Μελετωμένων οὖν τῶν περὶ τὴν πόλιν τοπίων ὑδρογραφικῶς, αἱ περὶ τούτων μαρτυρίαι τῶν παλαιῶν ἑρμηνεύονται ταχέως, ὡς ἀπέδειξεν ἐπαρκῶς αὐτὸς ὁ Βεγλερῆς, ἀπαριθμήσας αὐτῶν ἐνίας· οἷον τὰς περὶ τῆς Ἀργυρολίμνης καὶ τὰς περὶ Κυδάρεως καὶ Βορβύσου τῶν ποταμῶν, ὧν εὐστόχως ἐξ ὑδρογραφικῶν ἐρευνῶν ὥρισεν ἤδη τὰς θέσεις.

Νεκτάριος, μητροπολίτης Πενταπόλεως: Μελετίου Πηγᾶ δύο ἐπιστολαί [Ἀνάπλασις, τ. VI, 1893, σ. 1930—1932]. — Ἐν τῇ πατριαρχικῇ τοῦ Καΐρου βιβλιοθήκῃ σῴζονται φύλλα τινὰ τοῦ πρωτοτύπου τύποις ἀνεκδότου συγγράμματος Μελετίου τοῦ Πηγᾶ, ὅπερ ἐπιγράφεται «περὶ ἐκκλησίας στρωματεύς»· ἀφιερώθη δὲ τοῦτο παρὰ τοῦ συγγραφέως, τὴν ἀρχιμανδρίτου τάξιν ἔτι κοσμοῦντος, Σιλβέστρῳ πατριάρχῃ τῆς Ἀλεξανδρείας (1585). Ὁ σεβάσμιος μητροπολίτης ἀντιγράψας ἐκεῖθεν ἐξέδωκε τὴν ἀφιερωτικὴν ἐπιστολὴν τοῦ Μελετίου, προστιθεὶς καὶ γράμμα τοῦ αὐτοῦ πρὸς Θεόδωρον αὐτοκράτορα Ῥωσίας, ἐξ οὗ μανθάνομεν, ὅτι ὁ Πηγᾶς ἀπέστειλε καὶ πρὸς αὐτὸν ἀντίγραφον τοῦ στρωματέως, ἵνα τυπωθῇ πρὸς ὠφέλειαν τῶν ὀρθοδόξων ἐν Ῥωσίᾳ χριστιανῶν. Τῶν μέχρι τοῦδε γνωστῶν ἀνεκδότων καὶ τετυπωμένων ἐπιστολῶν Μελετίου τοῦ Πηγᾶ πλήρη κατάλογον ἐξέδωκεν ὁ Regel [Analecta byzantino-russica. Ἐν Πετρουπόλει 1891, σ. CXCLIX], δημοσιεύσας ἅμα καὶ γράμματα πεντεκαίδεκα τοῦ Μελετίου πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Θεόδωρον, ἐξ ὧν ἕν ἐστι καὶ τὸ παρὰ τοῦ μητροπολίτου Νεκταρίου τὸ δεύτερον ἐκτυπωθὲν γράμμα, τὴν πρώτην αὐτοῦ τύπωσιν ἀγνοήσαντος [ὅρα Regel σ. 114]· μετὰ δὲ τὸν Regel ἐξέδωκα κἀγὼ γράμματα τοῦ Μελετίου πρὸς Παΐσιον τὸν Σιναΐτην ὀκτώ, τὸν χρηματίσαντα μητροπολίτην τῆς νήσου Ῥόδου [Παϊσίου Ἁγιαποστολίτου ἱστορία τοῦ ὄρους Σινᾶ, ἐκδ. μετὰ προλόγου ἐν Πετρουπόλει 1891, σ. 157—165]. Ταῖς δ' ἔτι τύποις ἀνεκδότοις ἐπιστολαῖς ἠριθμεῖτο καὶ ἡ πρὸς τὸν πατριάρχην Σίλβεστρον [ὅρα Regel σ. CLII]· ταύτην ὅμως ἐξετύπωσε νῦν ὁ μητροπολίτης Νεκτάριος.

Γ. Λαμπάκη, Κριτικαὶ μελέται εἰς τὴν λειτουργίαν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου [Ἀνάπλασις, τ. VI, 1893, σ. 1948—1949, 1959—1962]. — Διορθώσεις εἰκαστικαὶ δύο Θεοκλήτου Βίμπου τοῦ ἐπισκόπου Μαντινείας [Ἀνάπλασις, 1 μαρτ. 1890] ἀποκρούονται νῦν ὑπὸ τοῦ Λαμπάκη, λέγοντος ὅτι οὐδὲν τῶν ὑπ' αὐτοῦ παρατηρηθέντων παλαιῶν ἀντιγράφων ἐδικαίωσεν ἐκείνας. Ἡ δωδεκάτη τῆς λειτουργίας εὐχὴ λέγει· «καὶ τῆς λειτουργικῆς ταύτης καὶ ἀναιμάκτου θυσίας τὴν ἱερουργίαν παρέδωκας», ἔνθα τὸ «λειτουργικῆς» ὁ ἐπίσκοπος μετατρέπει πρὸς τὸ «λογικῆς». Ἡ δεκάτη καὶ ὀγδόη εὐχὴ λέγει· «εἰς βασιλείας οὐρανῶν πλήρωμα». Τὸ πλήρωμα διορθωτέον εἰς κλήρωμα, κατὰ τὴν γνώμην τοῦ Θεοκλήτου. Τοὐναντίον ὁ Λαμπάκης ὑποστηρίζει τὰς ἐκ παραδόσεως ἀναγνώσεις, ὅτι ταύτας οὕτως ἔχουσι καὶ παλαιαὶ σλαβικαί τε καὶ ἀρμενικαὶ μεταφράσεις· περὶ δὲ τοῦ «λειτουργικῆς» ὡς ἐκ περισσοῦ γνω-

μοδοτεῖ, ὅτι τοῦτο κατεσκεύασεν ὁ Χρυσόστομος ἐξ ἐκφράσεων ἑτέρων εὐχῶν ἀρχαιοτέρων, εὑρισκομένων ἐν ταῖς λειτουργίαις Κλήμεντος καὶ Ἰακώβου, ἐν αἷς ἀπαντᾷ συνεχῶς τὸ «λειτουργία». Τὰ ἐπιχειρήματα τοῦ Λαμπάκη φαίνονταί μοι στερόμενα δυνάμεως· τῶν γὰρ μεταφράσεων ἡ αὐθεντία οὐδὲν σημαίνει, ὁπόταν ἐμπεριέχωσι, καθὰ καὶ τὰ ἑλληνικὰ κείμενα, λεξείδια τὴν ἔννοιαν τοῦ λόγου συσκοτίζοντα· μετέδωκαν γὰρ οὕτω καὶ αὗται ὅπερ ἐν τῷ ἑλληνικῷ κειμένῳ κατὰ συνήθειαν ὑπῆρχεν. Νομίζω τοίνυν, ὅτι τοῦ ἐπισκόπου Θεοκλήτου αἱ διορθώσεις ἐκ λογικῆς ἐπόψεως ἔχουσι καλῶς. Καλῶς δ' ἔχει καὶ τὸ παρ' αὐτοῦ τοῦ Λαμπάκη μεμελημένως ἀνευρεθὲν ἤδη σφάλμα, τὸ ἐν τῷ νῦν ψαλλομένῳ Χερουβικῷ Ὕμνῳ, ἔνθα διὰ τυπογραφικῆς ἁμαρτίας ἐξακολούθησιν ἀπετελέσθη παράδοσις, ἵνα ψάλλοντες λέγωμεν οὐχὶ «πᾶσαν νῦν βιωτικὴν», ἀλλὰ «πᾶσαν τὴν βιωτικὴν» κτλ. Ὁ Λαμπάκης ἀποδείκνυσι τὸ σφάλμα σαφῶς, λαβὼν ὑπ' ὄψει παλαιά τινα ἑλληνικὰ χειρόγραφα, μεταφράσεις τινὰς ἀλλογλώσσους καὶ παλαιὰν ἐκτύπωσιν τῆς λειτουργίας μεθ' ἑρμηνείας Ἰωάννου τοῦ Ναθαναήλου.

Κύριλλος Ἀθανασιάδης, ἀρχιμανδρίτης: Τὰ κατὰ τοὺς πατριάρχας Ἱεροσολύμων Παΐσιον Παρθένιον καὶ Ἐφραίμ [Δελτίον τῆς ἱστ. καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, τεῦχος 14-ον, σ. 211—262]. — Τρία κεχωρισμένα κεφάλαια μεγάλης συγγραφῆς περὶ τῶν πατριαρχῶν τῆς Ἱερουσαλήμ, ἧς ὁ συγγραφεὺς ἀντλεῖ τὴν ὕλην ἀποκλειστικῶς ἐξ ἱεροσολυμιτικῶν κωδίκων καὶ βιβλίων ἑλληνικῶν ἐντύπων.

Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου, Θεσσαλονίκης πρόσφατον ἀρχαιλογικὸν εὕρημα. Ἐπιταφία πλὰξ ἀρχιερέως ἐν τῷ μιναρὲ τῆς Ἁγίας Σοφίας [Εἰκονογραφημένη Ἑστία, 1892, τ. I, σ. 394—395]. Ὁ αὐτός: Τῆς Ἁγίας Σοφίας τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ τρεῖς ἀνέκδοτοι ψηφιδωταὶ ἐπιγραφαί [Αὐτόθι 1893, τ. II, σ. 218—219]. — Ὁ αὐτός: Συμπληρωματικὰ εἰς τὰς ἐπιγραφὰς τῆς Ἁγίας Σοφίας τῆς ἐν Θεσσαλονίκῃ [Αὐτόθι 1893, τ. II, σ. 317—318]. — Τρεῖς ἀξιόλογοι πραγματεῖαι συμπληροῦσαι τὰ παρὰ τοῦ Texier καὶ τοῦ Bayet φανερωθέντα χριστιανικὰ μνημεῖα τῆς μεγαλοπόλεως Θεσσαλονίκης· καὶ διὰ μὲν τῆς πρώτης ὁ Παπαγεωργίου διηγεῖται τὰ κατὰ τὴν ἀνεύρεσιν ἐπιτυμβίου πλακός, ἐξ ἧς ἐφανερώθη μητροπολίτης Γρηγόριος ὁ Κουτάλης ὀνομαζόμενος· ἣν οὕτως ὁ ἐκδότης ἀνέγνω· «Ἐνταῦθα κεῖται Γρηγόριος ἀρχι|επίσκοπος Θεσαλον[ί]|κης ὁ Κούταλης | ἐν μηνὶ δεκ(εμβρίῳ) ἐννάτῃ | τῇ δ' ἰνδικτιῶνι[τ]οῦ 'ζωμ[δ'] | ἡμέρᾳ ϛ'». Οὗτος δὲ ὁ Γρηγόριος οὐκ ἔστι παντελῶς ἄγνωστος· μέμνηται γὰρ αὐτοῦ τὸ χαρτοφύλακος ἔχοντος ὀφφίκιον Ἰωάννης ὁ Καντακουζηνὸς ἔτει 1327-ῳ καὶ 1328-ῳ [Io. Cantacuz. I, σ. 251 καὶ 313]· εἶχε δὲ τὸ ῥηθὲν ὀφφίκιον ἀπὸ τοῦ 1323-ου μέχρι τοῦ 1333-ου ἔτους, ὅτε μηνὶ αὐγούστῳ τὸν βίον ἀπέλιπεν ὁ πατριάρχης Ἡσαΐας [Acta Patriarch. I, σ. 96 κἑ], ἤδη χηρεύοντος τοῦ θρόνου τῆς πόλεως Θεσσαλονίκης· καὶ ἐπειδὴ τῆς Κ|πόλεως οἱ κληρικοὶ τὸν εἰς τὴν πατριαρχίαν προβληθέντα παρὰ τοῦ Καντακουζηνοῦ πρεσβύτερον Ἰωάννην τὸν Καλέκαν, χειροτονήσαντες Θεσσαλονίκης ἀμέσως πατριάρχην αὐτῶν ἄκοντες ἠναγκάσθησαν ἀνακηρῦξαι [Io. Cantacuz. I, σ. 434], πιθανὸν ἐμοὶ φαίνεται, ὅτι Θεσσαλονίκης ἀντὶ τοῦ Ἰωάννου τὸν Γρηγόριον ἐχειροτόνησαν. Εἰ μὲν οὖν τὸ χρονολογικὸν μέρος τῆς ἀνευρεθείσης ἐπιγραφῆς ὀρθῶς ἀνέγνωσεν ὁ Παπαγεωργίου, Γρη-

γόριος ἄρα ὁ Κουτάλης ἓν καὶ ἥμισυ μόνον ἔτος ἀρχιεράτευσεν ἐν Θεσσαλονίκῃ. Καὶ ταῦτα μὲν ἱκανὰ πρὸς ἐξήγησιν τῆς ἐπιγραφῆς· ἐν δὲ τῇ δευτέρᾳ διατριβῇ περιέλαβεν ὁ Παπαγεωργίου τρεῖς ἐπιγράφὰς ἐκ μοσίου κατεσκευασμένας, τὴν ἐν Θεσσαλονίκῃ περισκοσμούσας ἐκκλησίαν τῆς ἁγίας Σοφίας· ὧν ἡ σημαντικωτέρα οὕτως ἔχει· «† Μηνὶ νοεμβρίω ἰνδικ|τιόνι τετάρτη ἔτους | ἀπὸ κτίσεως κόσμου ‚ς--» [†ἐ]πὶ Παύλου τοῦ ἁγιωτάτ[ου ἡ|μω]ν ἀρχιεπισκόπου ἐγέ[νετο | σ]ὺν Θεῷ τὸ ἔργον τοῦτο», τουτέστιν ἡ τοῦ θόλου τοῦ ναοῦ μοσίωσις. Ὅτε δὲ τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην ὁ ἐκδότης ἐδημοσίευε, προύτεινεν εἰκαστικῶς ἀναπλήρωσιν ἐν τῷ χάσματι, δι' ἧς ἐφαίνετο παραδεχόμενος τὸ ἀπὸ Χριστοῦ 571-ον ἔτος, ὅπερ ἀριθμεῖ τετάρτην ἰνδικτιόνα, ἀπὸ δὲ κτίσεως κόσμου τὸ ἔτος ‚ςοθ'. Ἀλλὰ Σπυρίδων ὁ Λάμπρου τὸν χρονικὸν τοῦτον ὁρισμὸν ἀντέκρουσεν, ὥσπερ ἐκ τῆς τρίτης ἐγὼ διατριβῆς τοῦ λογιωτάτου Παπαγεωργίου μανθάνω, οὔσης αὐτὸ τοῦτο πρὸς τὸν Λάμπρον ἀπόκρισις· καὶ ἐπειδή, καθὰ τῆς ἐπιγραφῆς ὁ εὐτυχὴς εὑρέτης λέγει, μόνον ἓν μετὰ τὸ ‚ς γράμμα λείπει, Σπυρίδων ὁ Λάμπρου προτείνει τὸ ἔτος ‚ςδ'· ἀλλ' ἰνδικτιόνα τοῦτο ἀριθμεῖ τετάρτην, οὐχὶ δὲ πέμπτην, ὡς ἡ ἐπιγραφὴ λέγει. Παῦλος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης ἐγινώσκετο μέχρι τοῦδε μόνος εἷς, ὁ ἔτει 649-ῳ μνημονευόμενος [Muralt, Essai de chronogr. byzantine σ. 298]· ὑπάρχει δὲ καὶ μολυβδόβουλλον ἀγνώστου χρονολογίας [C. I. G. ἀριθ. 9037], τὸ ὄνομα Παύλου Θεσσαλονίκης ὡσαύτως ἔκτυπον ἔχον.

Σπυρίδων Π. Λάμπρος, Ἑλληνικὰ χειρόγραφα. α') Ὁ ἁγιορειτικὸς κῶδιξ τοῦ Ἑρμᾶ [Εἰκονογραφημένη Ἑστία, 1893, σ. 405—408]. Πρβλ. τοῦ αὐτοῦ Noch einmal das Dionysiuskloster auf dem Athos [Byz. Zeitschrift, II, σ. 609—616].

Χρυσόστομος Ἀ. Παπαδόπουλος, Βυζαντιναὶ μελέται ἐν Ῥωσίᾳ [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθεώρ. III, 1894, σ. 445—448].—Περιέχει σύνοψιν τῶν ἄχρι τοῦδε γενομένων βυζαντινῶν μελετημάτων ὑπὸ τῶν μελῶν τῆς αὐτοκρατορικῆς ἐν Πετρουπόλει τῶν ἐπιστημῶν ἀκαδημείας, ἀπὸ τοῦ Stritter ἄχρι τοῦ Kunik, ὅστις ἀσχολεῖται νῦν περὶ τὴν σύνταξιν συγκριτικοχρονολογικῶν πινάκων ἁπάσης τῆς βυζαντινῆς ἱστορικῆς περιόδου. Ὁ συντάκτης τοῦ καλοῦ τούτου ἄρθρου διαγράφει καὶ τὰ αἴτια τὰ ἐπιστημονικά, δι' ἅπερ οἱ Ῥῶσοι προάγουσι τὰς βυζαντινὰς ἐρεύνας.

Ε. Δούβλης, Ὁ Κάρολος Buresch καὶ τὸ ἐν Λυδίᾳ ταξείδιόν του [Ἀμάλθεια Σμύρνης, 1894, τ. LVI, ἀριθ. 5508, 5509, 5510]. — Τῆς Λυδίας πολλὰ μέρη πρὸ τῶν ἡμερῶν ἡμῶν ἐλάχιστα διεξερευνήθησαν, μάλιστα δὲ περὶ τοῦ Καϋστρίου πεδίου καὶ τῶν ἐν αὐτῷ καὶ περὶ τοῦτο πόλεων καὶ κωμῶν ἀρχαίων ὀλίγιστα τοπογραφικῶς ἢ ἐπιγραφικῶς ἐδιδασκόμεθα παρὰ τῶν ἄχρις ἔτους 1880-ου περιοδευτῶν. Ἐξ οὗ δὲ λογιώτατος ἐκ Σμύρνης ἀρχαιολόγος, Ἀριστοτέλης ὁ Φοντριέ, τύποις ἐξέδωκε τὸ χρησιμώτατον αὐτοῦ βιβλίον [Μελέτη περὶ προσδιορισμοῦ ἀρχαίων θέσεων ἐν Λυδίᾳ. Τὸ Ὑρκάνιον πεδίον καὶ αἱ ἐν αὐτῷ ἀνακαλυφθεῖσαι θέσεις τῶν ἀρχαίων πόλεων Ὑρκανίδος Ἀτταλείας Ἱεροκαισαρείας καὶ Ἀπολλωνίδος, μετὰ γεωγραφικοῦ χάρτου. Ἐν Σμύρνῃ 1886], ἡ τοπογραφία τῶν ἐν Λυδίᾳ κατεστραμμένων ἀρχαίων πόλεων βαθμιαίως μέν, ἀλλὰ καὶ πλουσιωτάτως ἔκτοτε ἀναπτυσσομένη σαφεστάτη τοῖς ἱστορικοῖς ἅμα

καὶ τοῖς ἀρχαιολόγοις ἀποβαίνει, προσκτῶσα μελετητὰς καὶ τῶν ὑλῶν αὐτῆς ἐρευνητὰς ὅλως ἀόκνους· οἷον τὸν Κάρολον Buresch, περὶ οὗ τὸ προκείμενον τοῦ Δούβλη μελέτημα πραγματεύεται, παριστῶν αὐτὸν εὑρέτην ἐπιγραφῶν ἀρχαίων καὶ τόπων ἀρχαίων κατοικιῶν καὶ πόλεων, ὧν ἡ θέσις ἄχρις ἡμῶν ἄγνωστος ἦν· προσελκύουσι δὲ τὰ εὑρήματα τοῦ Buresch καὶ τὴν περιεργίαν τῶν βυζαντινιστῶν, ἐπειδὴ καταλέγονται ἐν αὐτοῖς καὶ πόλεις, αἵτινες ἤκμαζον ἐπὶ τῆς βυζαντινῆς ἐποχῆς· δι' ὃ συμπληρῶν ἐγὼ τὰ παρὰ τοῦ Δούβλη φιλοτίμως ὑπὲρ τῶν πολλῶν εἰρημένα μνημονεύω τῶν ἑξῆς ἐπισκοπῶν τῆς Λυδίας. Ἡ πόλις Ἑρμοκαπηλία, ἥτις ἦν ὑπὸ τὸν κονσουλάριον τῆς ἐπαρχίας Λυδίας [Hierocl. Synecd. 670, 6], καθέδρα δ' ἐπισκοπῆς ἐκκλησιαστικῆς, ὑποκειμένης τῷ μητροπολίτῃ Σάρδεων [Pathey, Notit. episcop. 1, 188. 8, 198. 3, 121. 9, 107. 10, 247. 13, 106], εὑρέθη, καθὰ φαίνεται, διὰ τοῦ Buresch ἔγγιστα τουρκικοῦ χωρίου καλουμένου Κιοχτσέκιοϊ· ἄλλης δέ τινος ἐπισκοπῆς, ἧς ὁ ἐπίσκοπος ἐπωνομάζετο Βλαδέων [Not. 3, 313], ἀνεκάλυψεν ὁ Buresch τὰ ἐρείπια κατακαλυπτόμενα παρὰ τοῦ νῦν τουρκικοῦ χωρίου Σουλεϊμανλῆ, ἔνθα, καθὰ φαίνεται, εὗρεν ἐπιγραφήν, ἐν ᾗ τοπικὸν ὄνομα μνημονεύεται, τὸ Μακεδόνων Βλαυνδέων. Καὶ πάλιν ἑτέρας πόλεως ἐρείπια, ἧς ὁ ἐπίσκοπος ἐπωνομάζετο Μουστίνης, εὑρέθησαν ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ περὶ τὸ χωρίον Ἀσσάρκιοϊ· ὠνομάζετο δὲ τὸ παλαιὸν ὁ τόπος Λυδῶν Μοστηνῶν· εὗρε δὲ καὶ τὰ τῆς Δαλδέων ἐπισκοπῆς ἐρείπια παρὰ τὸ Κεμέρ, κωμόπολιν ἐμπορικήν, ἐν οἷς ἀνεκάλυψεν ἐπιγραφὴν τῆς Δαλδιανῶν κατοικίας· ἀνεγνώρισε δὲ καὶ τὴν Κερυζέων κώμην ἐν τῷ χωρίῳ τῷ καλουμένῳ νῦν Κιορές, ἣν οἱ Βυζαντινοὶ Κερασέων ὠνόμαζον, ἐπισκοπὴν ὡσαύτως οὖσαν τοῦ μητροπολίτου Σάρδεων· ἀλλὰ καὶ τῆς Βάγης ἐπισκοπῆς, ἧς ἡ πόλις ἐν ἐπιγραφαῖς ὀνομάζεται Μακεδόνων Βαγηνῶν, ἀνεῦρεν, ὡς φαίνεται, τὰ ἐρείπια περὶ τὸ Μερμὲρ-Διρέκ, τὸ μεταξὺ τῶν Σιργκὲ καὶ Σελένδη κωμῶν ὑπάρχον.

Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου, Θεσσαλονίκης ἀρχιεπίσκοποι κατὰ παλαιὰς ἐπιγραφάς [«Κωνσταντινούπολις», τ. XXVI, ἀριθ. 141, ἔτους 1892, ἰουνίου 26]. — Συμπληροῖ τὸν ὑπὸ τοῦ σεβασμιωτάτου μητροπολίτου Ἀμασείας Ἀνθίμου τοῦ Ἀλεξούδη τετυπωμένον κατάλογον ἐπισκόπων τῆς πόλεως Θεσσαλονίκης [Νεολόγος 6369], τοῦ Παπαγεωργίου προσθέντος ἐν αὐτῷ α') Κωνσταντῖνον, ἐξ ἐπιγραφῆς γνωσθέντα πρὸ πολλοῦ, ἣν λέγουσι γεγράφθαι τῇ ἕκτῃ ἑκατονταετηρίδι· β') Ἰωάννην τὸν Ἐντόπιον, ὃν ἐγνώρισεν ὡσαύτως ἐπιγραφὴ λέγουσα ταῦτα, κατὰ τὴν ἀκριβῆ τοῦ Παπαγεωργίου ταύτης ἀνάγνωσιν· «ἀνεκενίσθη ἐπὶ Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου τῶν αὐταδέλφων καὶ αὐτοκρατόρων, καὶ ἐπὶ Νικολάου τοῦ οἰκουμενικοῦ ἡμῶν πατριάρχου: — ἀνεκενίσθη ἐπὶ Λέοντος βασιλικοῦ πρωτοσπαθαρίου καὶ στρατηγοῦ Θεσσαλονίκης, τοῦ Χατζιλάκη, καὶ ἐπὶ Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ Ἐντοπίου». Ἦν δὲ τὸ μάρμαρον ταύτης τῆς ἐπιγραφῆς ἐντετειχισμένον ἄνωθεν, ὡς φαίνεται, πύλης τοῦ νοτίου καὶ παραθαλασσίου τείχους τῆς Θεσσαλονίκης· ὅθεν ὀρθῶς εἴκασεν ὁ Παπαγεωργίου, ὅτι τὸ μνημονευόμενον ἐν τῇ ἐπιγραφῇ τείχους ἢ πύλης ἀνακαίνισμα σχέσιν ἔχει πρὸς τὴν ἔτει 904-ῳ γενομένην ἅλωσιν τῆς πόλεως ὑπὸ τῶν ἐξ Ἀφρικῆς Ἀράβων, ὅτε καὶ Λέων ἦν ὁ στρατηγὸς Θεσσαλονίκης, ὃν ὁ μὲν ἀνώνυμος συγγραφεὺς τῆς χρονογραφίας Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου Κατζιλάκιον ἐπονομάζει [Theoph. Contin. σ. 358 Bekker], Γεώργιος δὲ μοναχὸς ὁ Ἁμαρτωλὸς

Χατζιλάκιον [αὐτόθι σ. 863 καὶ ἐκδ. Muralt σ. 784]. Τοῦτον μὲν οὖν τὸν Λέοντα δημοτικῶς, ὡς ἡ ἐπιγραφὴ δείκνυσι, Χατζιλάκην ἐπωνόμαζον· Ἰωάννης δ' ὁ Καμενιάτης ἀναγράφει καὶ τοὺς ὑπ' αὐτοῦ τοῦ Λέοντος γενομένους ἀνακαινισμοὺς εἰς τὸ πρὸς τὴν θάλασσαν τεῖχος τῆς πόλεως ἐσπευσμένως, ἵν' αὕτη τοὺς βαρβάρους ἐπερχομένους ἀποκρούσῃ [ἐκδ. Bek. σ. 509].

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ и РУМЫНІЯ

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Каква је била средњевјековна «црква босанска», — «вјера босанска»? (Какова была средневѣковая «церковь боснійская», — «вѣра боснійская»? Въ «Босанска Вила» за 1892 и 1894 гг.).

Thallóczy, *Prilozi k objasnjenju izvora bosanske historije* (Данныя для объясненія источниковъ боснійской исторіи въ «Гласникѣ земалског музеја у Босни и Херцеговини» 1893 (V), bb. 1—2).

Въ нелишенномъ интереса первомъ изъ отмѣченныхъ здѣсь трудовъ выставляется тенденція, что *церковь боснійская и вѣра боснійская* были не еретическими, а, повидимому, православными, но приведенные въ пользу этого доводы или мало доказательны, или совсѣмъ недоказательны. Впрочемъ, къ этому труду я еще вернусь, когда будетъ онъ весь оконченъ.— Трудъ г. Таллоци представляетъ рядъ студій по источниковѣдѣнію исторіи Босніи, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о богомильствѣ боснійской церкви и вѣры; но для насъ важно V-е приложеніе къ этому труду, озаглавленное: Prilozi k nauci o Bogomilstvu (Къ объясненію ученія о богомильствѣ); въ немъ заключаются нѣсколько драгоцѣнныхъ данныхъ объ этой ереси, до сего времени не извѣстныхъ въ печати, заимствованныхъ изъ греческой рукописи вѣнской придворной библіотеки (cod. theol. graec. CCCVI, fol. 32^{b} i 20 sqq.). Въ этой рукописи, въ статьѣ: περὶ τῆς βλασφήμου καὶ πολυειδοῦς αἱρέσεως τῶν ἀθέων Μασσαλιανῶν, τῶν καὶ φου<ν>δαϊτῶν καὶ Πογομίλων καλουμένων καὶ Εὐχιτῶν καὶ ἐνθουσιαστῶν καὶ Ἐγκρατητῶν καὶ Μαρκιωνιστῶν приводится: Обрядъ при отреченіи богомиловъ отъ ереси и при принятіи истинной вѣры: τοὺς ἀπὸ τῆς μυσαρᾶς αἱρέσεως τῶν Πογομίλων τῇ ἁγιωτάτῃ τοῦ Θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ προσερχομένους ἀπὸ μανιχαίων καὶ αὐτοὺς καταγομένους καὶ χείρονας τούτων ὄντας, χρὴ προσδέχεσθαι οὕτως. За этимъ приводится начальный уставъ отреченія и 31 анаѳематствованіе, произносимыя самимъ отрекающимся. Кромѣ этого, изъ другой греческой рукописи той же библіотеки (cod. theol. graec. XL, fol. 250^{b} 251^{b}) сообщаются ἔλεγχος καὶ θρίαμβος τῆς βλασφήμου καὶ πολυειδοῦς αἱρέσεως τῶν ἀθέων Μασσαλιανῶν τῶν καὶ φουνδαϊτῶν καὶ Βογομίλων καλουμένων, καὶ Εὐχιτῶν καὶ ἐνθουσιαστῶν καὶ ἐγκρατητῶν καὶ Μαρκιωνιτῶν. Здѣсь приводятся только 19 анаѳематствованій сначала, которыя оканчиваются многолѣтіями царямъ и вселенскому патріарху и пожеланіями имъ могущества, славы и мира. Эти два документа представляютъ

рядъ новыхъ свѣдѣній о вѣроученіи богомиловъ и передаютъ имена главнѣйшихъ ересіарховъ, а именно: Петра, основателя мессаліанитства, Тихика, его ученика, Ладои, Саввы, Аделфея, Гермы и Симеона. Если сравнить эти документы съ приведеннымъ у проф. Ѳ. И. Успенскаго въ *Синодикѣ въ недѣлю православія* (Одесса 1893, стр. 19—20), то анаѳематствованіе синодика является только слабымъ отраженіемъ отреченія, приводимаго г. Таллоци. Библіографическая замѣтка не даетъ возможности обратить должное вниманіе на всѣ важныя черты, представляемыя отреченіемъ для исторіи богомильства; онѣ должны быть предметомъ особаго трактата.

Ст. Новаковић, *Срби и Турци XIV и XV века.* Историјске студије о првим борбама с најездом турске пре и после боја на Косову (Сербы и Турки XIV и XV вѣковъ. Историческіе очерки о начальной борьбѣ противъ турецкихъ нападеній предъ и послѣ битвы на Косовѣ). Изданіе фонда въ память (задужбины) Чупича. № XXXIII. У Београду. 1893, стр. VII+397.

Настоящая книга сербскаго академика, несомнѣнно, предназначена для широкой публики и въ виду этого написана популярно и не безъ нѣкоторой тенденціи, впрочемъ, весьма благовидной. Авторъ представляетъ исторію борьбы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова и въ частности сербовъ съ турками, начиная съ самыхъ первыхъ наѣздовъ послѣднихъ на Европу; но въ то же время онъ желаетъ указать, что состояніе Балканскаго полуострова XIX в., особенно съ берлинскаго трактата, представляетъ большое сходство съ состояніемъ его въ XIV и XV вв., съ тѣмъ только различіемъ, что теперешнее Турецкое царство неизмѣримо крѣпче тогдашней тѣни восточной Римской имперіи, и это сходство способно приводить насъ въ страхъ за будущее. Онъ какъ бы хочетъ предостеречь и своихъ соотечественниковъ, и вообще народы Балканскаго полуострова отъ тѣхъ ошибокъ и заблужденій балканскихъ народовъ, которыя въ XIV и XV вв. привели ихъ къ турецкому игу. Предостеречь эти народы отъ прежнихъ ошибокъ и заблужденій можетъ главнымъ образомъ знаніе исторіи прошлаго, изученіе которой поэтому весьма полезно и даже необходимо. Такъ или иначе, но и помимо всего этого, книга акад. Новаковича представляетъ весьма отрадное явленіе въ научной литературѣ юговосточной Европы. Многіе довольно темные и запутанные вопросы въ исторіи борьбы христіанъ съ турками на Балканскомъ полуостровѣ разъяснены съ такою ясностію и подробностію, какъ до него не разсматривались. Такъ битва сербовъ съ турками на Марицѣ 1371 г. впервые представлена во всей своей цѣлости и притомъ столь подробно и обстоятельно, что нескоро придется сказать что-либо новое о ней. Нечего и говорить, что византологу эта книга будетъ весьма полезна по сводкѣ данныхъ о разныхъ сторонахъ вопроса, заимствованныхъ изъ исторіи византійцевъ, славянъ и турокъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что невозможно вполнѣ уразумѣть наѣзды турокъ на Бал-

канскій полуостровъ, если не свести въ одно извѣстныя стороны сербской, турецкой и византійской исторіи.

Весь трудъ сербскаго академика раздѣляется на *двѣ* половины. Изобразивъ военныя и государственныя силы сербовъ и турокъ въ половинѣ XIV в., авторъ въ *первой* половинѣ обрисовываетъ, съ одной стороны, обстоятельства, которыя привели турокъ изъ Малой Азіи на Балканскій полуостровъ и въ то же время послужили поводомъ къ тому, что сербы при королѣ Милутинѣ еще въ Малой Азіи побратились оружіемъ съ турками, а затѣмъ указываетъ на то, что страхъ предъ нашествіемъ мусульманъ и въ частности турокъ представлялся еще вдали и никто не могъ себѣ представить, какія будутъ послѣдствія этихъ нашествій. Съ другой же стороны, какъ одну изъ причинъ успѣховъ турокъ, онъ выставляетъ непрерывные раздоры между балканскими христіанами, — раздоры, которые не давали возможность ни сохранить, ни умножить силы христіанской. *Вторую* половину книги составляютъ битва на Марицѣ, бывшая прелюдіей Косовской битвы, и затѣмъ всѣ почти проявленія стремленій сербовъ къ свободѣ, начиная 16 іюня 1389 г. и далѣе, почти до конца XV-го столѣтія.

Ст. Новаковић, *С Мораве на Вардар.* Под зидинама Цариграда.—Бруса. Путне бележке (Съ Моравы на Вардаръ. Подъ стѣнами Константинополя. Бруса. Путевыя замѣтки). Изд. 2-е. У Београду. 1894, стр. 192.

Сербскій академикъ С. Новаковичъ издалъ отдѣльной книжкой три свои статьи, напечатанныя сперва въ 2 изданіяхъ: «*Годишњиц'ъ Николе Чупића*» XI и XIII и «*Лѣтопис'ъ* Матице Српске» 1873, кн. I. Въ этихъ статьяхъ разсѣяно довольно много, иногда весьма интересныхъ указаній и свѣдѣній по средневѣковой географіи, этнографіи и исторіи посѣщенныхъ и описанныхъ имъ мѣстностей. Въ очеркѣ «Бруса» особенно обращаютъ на себя вниманіе замѣтки о горѣ Олимпѣ и ея значеніи въ исторіи св. славянскихъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

A. Resmiriţă, *Câte-va cuvinte despre stilul bizantin.* Privire generală asupra architectureĭ, sculptureĭ si pictureĭ bizantine (А. Резмирица. Нѣсколько словъ о византійскомъ стилѣ. Общій взглядъ на византійскую архитектуру, скульптуру и живопись), — въ Biserica Ortodoxă Romăna (Православная румынская Церковь), органѣ св. румынскаго синода. Anul al XVIII[lea], № 1.

Авторъ этого довольно дѣльнаго очерка — бывшій ученикъ нашей Академіи Художествъ. На основаніи нѣсколькихъ западно-европейскихъ пособій и одного-двухъ румынскихъ, а также и на основаніи личныхъ наблюденій онъ представляетъ главнѣйшія черты формъ византійской архитектуры, скульптуры и живописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается дѣлать нѣкоторыя сравненія ихъ съ формами западно-европейскими. Желая, повидимому, придать своему очерку болѣе популярный характеръ, онъ не указываетъ на свои пособія и тѣмъ отнимаетъ отъ читателя возможность

судить о степени его самостоятельности, въ чемъ автору до извѣстной степени нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ судя потому, что въ своемъ изслѣдованіи онъ привлекаетъ и румынскій матеріалъ. Такъ или иначе, но г. Резмирица относится съ любовію къ предмету своего очерка, — предмету, съ которымъ довольно хорошо знакомъ и, повидимому, вполнѣ его понимаетъ. Но при всемъ этомъ съ нѣкоторыми его сужденіями едва-ли возможно согласиться. Между прочимъ онъ неправильно считаетъ нѣкоторыя формы румынской церковной архитектуры византійскими; приводимыя имъ формы подъ *e* и *f* представляютъ стиль рококо и то довольно поздняго времени, а никакъ не византійскій стиль. Въ сужденіяхъ своихъ о византійской скульптурѣ г. Резмирица также не точенъ. Дѣйствительно, памятниковъ византійской скульптуры почти совсѣмъ не извѣстно; но это еще не значитъ, что таковые никогда не существовали; онъ почти совсѣмъ упустилъ изъ виду время иконоборцевъ и отношенія ихъ къ святымъ образамъ, а между тѣмъ это обстоятельство въ обсужденіи вопроса о памятникахъ византійской скульптуры имѣетъ существенное значеніе. Судя по нѣкоторымъ византійскимъ изображеніямъ, никакъ нельзя думать, что они, т. е. изображенія, явились помимо вліянія скульптуры. Отсюда прямо вытекаетъ, что это художество было не безъизвѣстно въ Византіи; но иконоборцы довольно рано положили предѣлъ его развитію и вслѣдствіе этого оно должно было сойти съ церковнаго иконостаса, а затѣмъ и изъ церкви.

За то сужденія г. Резмирицы о византійской иконописи и мозаикѣ весьма основательны и потому заслуживаютъ вниманія. Видно серіозное пониманіе дѣла, котораго онъ могъ достигнуть только изученіемъ вопроса на памятникахъ иконописи и мозаики, а не по однѣмъ книжкамъ.

П. Сырку.

3. Новыя книги поступившія въ Редакцію.

Порфирія Успенскаго, Книга бытія моего. т. I (1841 — 1844 гг.). Спб. 1894. 8°.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. IV. Византійское Отдѣленіе II. Одесса. 1894. 8°. Цѣна 2 р.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VII, вып. 1 — 2. Съ 17 таблицами. Спб. 1894. 8°. Цѣна 2 р.

Н. Помяловскаго, Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита. Изданное по рукописи Московской Синодальной библіотеки. Спб. 1894. 8°.

Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 37. Спб. 1894. 8°.

Анастасія Синаита, Слово о святомъ собраніи. Съ греч. перевелъ іеродіаконъ Ѳеофилъ Пасхалидисъ. Спб. 1894. 8°.

А. Н. Петрова, Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ. Спб. 1894 (Пам. древн. письм. CIV). 8°.

—— Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меѳодія (1843 — 1893). Москва. 1894. 8° (Отд. отт. изъ Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просв.).

—— Къ исторіи букваря (Отд. отт. изъ Русской Школы 1894 г.).

А. Шоповъ, Изъ живота и положението на Българитѣ въ вилаетитѣ Пловдивъ. 1894. 8°.

Dr. I. D. Schischmánov, Der Lenorenstoff in der bulgarischen Volkspoesie. Strassburg Trübner. 1894. 8°.

Oscar Schultz, Die Briefe des Troubadours Raimbaut de Vaqueiras an Bonifaz I, Markgrafen von Monferrat. Halle Max Niemeyer. 1893. 8°.

Robert Crampe, Philopatris. Ein heidnisches Konventikel des siebenten Jahrhunderts zu Constantinopel. Halle Max Niemeyer. 1894. 8°.

Gennadii Archiepiscopi Cpolitani, Dialogus christiani cum judaeo, edid. Alb. Jahnius. Accedunt Analecta miscella theologica. Lipsiae A. Deichert Nachf. 1893. 8°.

Photii patriarchae, Opusculum paraeneticum. Appendix gnomica. Edid. Leo Sternbach. Cracoviae. 1893. 8°.

Leo Sternbach, Analecta Photiana. Cracoviae. 1893. 8°.

A. Carrière, Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Supplément. Wien Mechitharisten-Congregation. 1894. 8°. Цѣна 2 фл.

Franz Cumont, Anecdota Bruxellensia. I Chroniques Byzantines. Gand, libraire Clemm. 1894. 8°.

Dom Fernand Cabrol, Histoire de cardinal Pitra. Paris. 1893. 8°.

G. Schlumberger, Bulles d'or byzantines conservées aux archives Vaticanes. Paris. 1894. 8° (Extr. de la Revue numismatique).

Constant. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi. vol. VIII. Anonymi compendium chronicum. Parisiis Jean Maisonneuve. 1894. 8°. Цѣна 20 фр.

—— Cipro nel medio evo. Venezia. 1893 (Estratto del Nuovo Archivio Veneto VI).

ОТДѢЛЪ III.

О назначеніи директора и ученаго секретаря въ Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Высочайшимъ повелѣніемъ 11 іюля 1894 г. назначены: на должность директора Института — ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета, д. ст. сов. Успенскій; на должность секретаря — чиновникъ особыхъ порученій при Государственномъ Контролерѣ, магистрантъ С.-Петербургскаго университета Погодинъ.

Объ учрежденіи Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Сообщаемъ уставъ и штатъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, удостоившіеся Высочайшаго утвержденія 23 Мая 1894 года.

Уставъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

1. Русскій археологическій институтъ при Императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ имѣетъ цѣлью направлять на мѣстѣ научныя занятія русскихъ ученыхъ древностями и исторіею Греціи, передней Азіи и вообще земель, входившихъ въ составъ Византійской имперіи, преимущественно временъ христіанства, и тѣмъ способствовать развитію русской археологической науки на основѣ непосредственнаго изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ поименованныхъ странъ.

Примѣчаніе. Для приготовленія лицъ, присылаемыхъ въ институтъ для ученыхъ занятій, директоръ института и ученый секретарь читаютъ имъ спеціальные курсы по предметамъ, относящимся къ задачамъ института.

2. Научныя задачи археологическаго института заключаются въ изслѣдованіи, согласно ст. 1, монументальныхъ памятниковъ древности и искусства, изученіи древней географіи и топографіи, описаніи древнихъ рукописей, занятіяхъ по эпиграфикѣ и нумизматикѣ, изслѣдованіяхъ быта

и обычнаго права, языка и устной словесности народностей, входившихъ въ составъ Византійской имперіи (нынѣшнихъ Греческаго королевства и Оттоманской имперіи).

3. Институтъ производитъ археологическія раскопки и устраиваетъ научныя экскурсіи въ разныя мѣстности на основаніи особыхъ соглашеній россійскаго посольства въ Константинополѣ и россійскаго посланника въ Аѳинахъ съ правительствами Турціи и Греціи.

4. Институтъ издаетъ ежегодно отчетъ о своей дѣятельности и печатаетъ труды своихъ членовъ и подробные протоколы засѣданій (ст. 21). Отчетъ института представляется Министру Народнаго Просвѣщенія и сообщается Императорской Академіи Наукъ для напечатанія, по усмотрѣнію Академіи, въ ея изданіяхъ.

5 Институтъ состоитъ въ ученомъ и административномъ отношеніяхъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія, во всемъ же, что касается его дѣятельности внѣ Россіи, онъ находится въ зависимости отъ россійскаго посла въ Константинополѣ и подъ его ближайшимъ покровительствомъ, при чемъ посолъ считается почетнымъ предсѣдателемъ института.

6. Личный составъ института образуютъ: директоръ, ученый секретарь и члены института.

7. Директору ввѣряется ближайшее управленіе институтомъ въ административномъ, ученомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ избирается изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора русскихъ университетовъ и пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими научными трудами по спеціальностямъ института.

8. Директоръ института опредѣляется и увольняется Высочайшими указами по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, который входитъ относительно избранія кандидата на эту должность въ предварительное сношеніе съ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ и съ Почетнымъ Предсѣдателемъ института.

9. На обязанности директора института лежитъ:

а) руководство членовъ института при исполненіи ими ученыхъ работъ;

б) содѣйствіе русскимъ ученымъ въ предѣлахъ дѣятельности института;

в) устройство археологическихъ раскопокъ и экскурсій, предпринимаемыхъ институтомъ и его членами (ст. 3);

г) руководство членовъ въ ихъ непосредственномъ ознакомленіи съ мѣстными памятниками древностей;

д) составленіе ежегоднаго отчета о дѣятельности института (ст. 4);

е) собираніе свѣдѣній объ открытіяхъ и вообще научной дѣятельности на мѣстѣ (въ сферѣ спеціальности института) ученыхъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ;

ж) сношенія съ представителями консульской власти и вообще съ

учрежденіями и лицами, содѣйствіе которыхъ окажется полезнымъ институту.

10. Ученый секретарь института есть непосредственный помощникъ директора въ кругѣ его обязанностей и дѣйствуетъ согласно его указаніямъ; на немъ, сверхъ того, лежитъ храненіе коллекцій института, завѣдываніе его библіотекою и дѣлопроизводство института.

11. Ученый секретарь института избирается изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень доктора или магистра, и назначается Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по представленію директора.

12. Въ отсутствіе директора, ученый секретарь исправляетъ его должность.

13. Членами института состоятъ назначаемые Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Почетнымъ Предсѣдателемъ института:

а) члены ученыхъ обществъ и ученые, о которыхъ найдутъ возможнымъ ходатайствовать сіи общества, и

б) служащіе въ россійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, а также въ миссіи въ Аѳинахъ, при заявленіи ими о томъ желанія.

Кромѣ того членами института во время командировки ихъ въ Константинополь состоятъ:

в) лица, окончившія курсъ по факультетамъ историко-филологическому, юридическому и восточныхъ языковъ и командированныя, по ходатайству университетовъ, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія;

г) кандидаты и магистры духовныхъ академій, командированные Святѣйшимъ Синодомъ для ученыхъ занятій на Востокъ, и

д) лица, окончившія курсъ въ Императорской Академіи художествъ и командированныя Академіей.

14. Всѣ лица, означенныя въ п. п. *в*, *г* и *д* ст. 13, обязаны, по прибытіи въ Константинополь, явиться къ директору института и предъявить ему инструкціи, которыми они снабжены отъ командировавшаго ихъ учрежденія. Они получаютъ отъ директора разъясненія касательно направленія своей дѣятельности и сообщаютъ ему отчеты о ходѣ своихъ занятій.

15. Время пребыванія въ Константинополѣ, Аѳинахъ и въ ученыхъ экскурсіяхъ на Востокѣ для лицъ, командированныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Святѣйшимъ Синодомъ и Императорскою Академіею художествъ, опредѣляется данными имъ при отправленіи инструкціями.

16. Кандидаты и магистры духовныхъ академій во все время своего пребыванія въ институтѣ находятся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Въ занятіяхъ своихъ въ институтѣ означенныя лица руководствуются спеціальными программами, данными имъ отъ тѣхъ духовныхъ учрежденій, которыми они присланы въ институтъ, сообразно роду задачъ, на нихъ возложенныхъ; общей программой института лица эти руководствуются настолько, насколько она служитъ подспорьемъ для успѣшнаго выполненія ихъ спеціальной задачи.

17. По истеченіи срока своего пребыванія въ институтѣ лица, означенныя въ п. п. *в*, *г* и *д* ст. 13, представляютъ чрезъ директора отчетъ о своихъ занятіяхъ командировавшему ихъ учрежденію.

18. Члены института могутъ пользоваться учеными пособіями и коллекціями института, а также, съ согласія директора, участвовать въ научныхъ предпріятіяхъ института и обнародовать свои труды въ его изданіяхъ. При своихъ разъѣздахъ по Востоку они могутъ получать, по представленію директора, открытые листы и рекомендаціи отъ россійскаго посла въ Константинополѣ и россійскаго посланника въ Аѳинахъ.

19. Расходы по пребыванію членовъ института въ ихъ командировкѣ на Востокъ не относятся на счетъ института, но, въ случаѣ участія членовъ въ археологической экскурсіи, предпринимаемой институтомъ, директоръ его можетъ назначать имъ соотвѣтствующее денежное пособіе изъ суммы, ассигнуемой на экскурсіи.

20. Институтъ имѣетъ почетныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ утверждаемыхъ въ этомъ званіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по представленіямъ директора, одобреннымъ Почетнымъ Предсѣдателемъ института. Почетными членами и сотрудниками могутъ быть назначаемы и иностранцы, въ особенности изъ находящихся на мѣстѣ спеціалистовъ, занимающихся предметами, входящими въ кругъ дѣятельности института.

21. По мѣрѣ накопленія научнаго матеріала, директоръ собираетъ засѣданія института, въ коихъ принимаютъ участіе какъ наличные его члены, такъ и постороннія лица, съ разрѣшенія директора.

22. При институтѣ могутъ быть устраиваемы открытыя собранія и чтенія.

Примѣчаніе. Къ участію въ чтеніяхъ могутъ быть допускаемы и иностранцы, съ разрѣшеніемъ чтенія на иностранныхъ языкахъ.

23. При институтѣ учреждаются научная библіотека и кабинетъ древностей.

24. Институтъ имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью своего наименованія.

25. Средства института составляютъ: а) суммы, отпускаемыя на его содержаніе изъ государственнаго казначейства, и б) причисляемыя къ его спеціальнымъ средствамъ суммы отъ продажи изданій и другія случайныя поступленія.

26. Институту предоставляется пересылать въ Имперіи слѣдующіе по дѣламъ его пакеты, посылки и тюки, вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Штатъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

	Число членовъ.	Содержаніе въ годъ.				Классы и разряды.		
		Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.						
Директоръ	1	3.000	1.000	Въ натурѣ.	4.000	IV	IV	По учебной службѣ.
Ученый секретарь	1	1.500	500		2.000	VI	VI	
Наемъ помѣщенія института	—	—	—	—	2.500			
Пополненіе библіотеки и музея	—	—	—	—	1.000			
Ученыя экскурсіи и раскопки	—	—	—	—	1.000			
Ученыя изданія института	—	—	—	—	1.000			
Наемъ служителя и разные расходы	—	—	—	—	500			
Итого	2	—	—	—	12.000 золотомъ.			

Примѣчаніе. Директоръ и ученый секретарь института пользуются всѣми правами учебной службы какъ по производству въ чины, такъ и относительно пенсій и единовременныхъ пособій, на одинаковыхъ основаніяхъ съ профессорами Императорскихъ россійскихъ университетовъ, причемъ директоръ относительно размѣра пенсіи сравнивается съ ординарными профессорами университета, а секретарь съ экстраординарными профессорами; но если директоръ или секретарь института, по выслугѣ тридцати лѣтъ, будетъ оставленъ въ своей должности, то онъ не переходитъ въ число пенсіонеровъ, а продолжаетъ пользоваться присвоеннымъ должности по штату содержаніемъ.

Κουλπίγγοι и Ταλμάτζιοι. *По поводу статьи Неймана въ Byzantinische Zeitschrift III (1894), 374 сл.*—Названіе народа Κουλπίγγοι дважды встрѣчается въ византійскихъ документахъ конца XI вѣка, оба раза слѣдуя за названіями Ῥῶς и Βάραγγοι, при перечисленіи тѣхъ варваровъ, которые служили въ греческомъ войскѣ. Г. Нейманъ полагаетъ, что эти Κουλπίγγοι — Печенѣги рода Κουλπέη, упоминаемаго Константиномъ Багрянороднымъ.

Никакихъ доказательствъ г. Нейманъ не приводитъ; объ древне-русскихъ *Колбягахъ* и древне-сѣверныхъ *Kylfingar*, тожественныхъ съ Κουλπΐγγοι, во всякомъ случаѣ очень важныхъ для объясненія Κουλπΐγγοι, онъ по видимому совсѣмъ не знаетъ; статья Миклошича объ древне-русскихъ Колбягахъ (*Archiv für slavische Philologie, X*), въ которой говорится и о Κουλπΐγγοι, ему осталась неизвѣстна.

Хотя мы не знаемъ, что именно за народъ—*Kylfingar* древне-сѣверныхъ источниковъ (суффиксъ *ing* не позволяетъ однако сомнѣваться въ ихъ германскомъ происхожденіи), тѣмъ не менѣе, въ виду того, что въ древне-русскихъ текстахъ Колбяги упоминаются постоянно вмѣстѣ съ Варягами и вслѣдъ за Варягами («Варягъ или Колбягъ») и что имѣется указаніе на нихъ какъ на народъ, отчасти уже принявшій христіанство («Варягъ или Колбягъ крещенія не имѣя»), мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Неймана, будто Κουλπΐγγοι — Печенѣги.

Другое народное названіе Ταλμάτζιοι или Τουλμάτζοι дважды приводится Константиномъ Багрянороднымъ. Это наемники, служившіе вмѣстѣ съ Русскими въ византійскомъ флотѣ. Г. Нейманъ и въ нихъ видитъ Печенѣговъ изъ рода Τάλματ, упоминаемаго тѣмъ же Константиномъ, и опять безъ доказательствъ.

Приведенное названіе (особенно во второй своей формѣ) имѣетъ славянскій, въ частности русскій обликъ: Τουλμάτζος вполнѣ созвучно съ древне-русскимъ *тълмачь* = переводчикъ. Мы не знаемъ ни одного русскаго племени съ названіемъ *Толмачи;* но Начальная Лѣтопись подъ 907 годомъ говоритъ о Тиверцахъ, сидѣвшихъ по Днѣстру, до самого моря: «яже суть *Толковины*». Такъ какъ *толковины* (у Скорины) означаетъ: переводчикъ, то, слѣдовательно, названія *толмачи* и *толковины* по своему нарицательному значенію — синонимы; вслѣдствіе этого позволительно предполагать, что оба они употреблялись рядомъ, то одно, то другое [1]).

И такъ, мы можемъ видѣть въ Ταλμάτζιοι, Τουλμάτζοι — русскихъ жителей черноморскаго побережья, «Толковинъ» Начальной Лѣтописи.

А. Соболевскій.

Археологическія общества въ Далмаціи. Въ 1886—1887 гг. въ гор. Книнѣ (у визант. Τενήν, Τνήνα; у римл. Tenin, Tinninium, Tnina), въ Далмаціи, было основано «*Kninsko Starinarsko Druztvo*» (Книнское археологическое общество), цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы собирать и сохранить остатки хорватскихъ и дохорватскихъ древностей, находимыхъ въ окрестностяхъ Книна, а 13 (25) августа прошлаго года былъ открытъ въ томъ же городѣ «*Muzej hrvatskih starina*» въ помѣщеніи, отведенномъ спеціально для этого тамошнимъ францисканскимъ монастыремъ. Въ этомъ музеѣ

1) Надо думать, что Русскіе черноморскаго побережья, сосѣди степныхъ Тюрковъ, вполнѣ свободно владѣли тюркскимъ языкомъ и потому обыкновенно служили переводчиками. По той же причинѣ Слово о полку Игоревѣ называетъ «погаными толковинами» Ковуевъ.

собрано почти все, что найдено и раскопано въ окрестностяхъ Книна и главнымъ образомъ въ двухъ мѣстахъ: въ Бискупіи и Каптолѣ. Между собранными предметами нѣкоторые довольно интересны. Большая часть этихъ предметовъ каменные съ надписями христіанскаго времени; на одномъ камнѣ ясно видно имя *Prebina*. Въ настоящее время ведутся раскопки безпрерывно, благодаря энергіи и старанію предсѣдателя Общества, францисканца Луиджи Маруна. Часть результатовъ раскопокъ изложена въ весьма интересной I-й книгѣ неутомимаго труженика въ области далматской археологіи, директора сплѣтскаго музея Фр. Булича: «Hrvatski Spomenici u Kninskoj okolici uz ostale suvremene dalmatinske iz dobe narodne hrvatske dinastije», изданной югославянскою академіею наукъ и искусствъ въ Загребѣ въ 1888 г., въ видѣ VIII книги Opera Academiae scientiarum et artium Slavorum meridionalium=Djela jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Нужно замѣтить, что въ XI вѣкѣ Книнъ былъ столицею хорватскихъ князей и резиденціей архіепископа.

Въ самомъ началѣ текущаго года было основано въ Далмаціи же, въ Сплѣтѣ, другое археологическое общество подъ названіемъ «Bihač»,— хорватское общество для изслѣдованія мѣстной исторіи («Bihač». Hrvatsko družtvo za istraživanje domaće povjesti u Splitu). Бихачъ—небольшой городъ въ Далмаціи, недалеко, къ сѣверу, отъ Трогира.—Возникновеніе двухъ археологическихъ обществъ въ небольшой сравнительно провинціи Далмаціи служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ, что она обильна древними и старинными памятниками, относящимися къ исторіи и искусству временъ доисторическихъ, греко-иллирійскихъ, римскихъ, византійскихъ и хорватскихъ или вообще славянскихъ. **П. С.**

† **Иванъ Матвѣевичъ Мартыновъ**. Мартыновъ родился въ Казани 7 октября 1821 г. Онъ обучался въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ близъ Петербурга, затѣмъ былъ студентомъ С.-Петербургскаго университета по историко-филологическому факультету, удостоился золотой медали за сочиненіе и окончилъ курсъ со степенью кандидата. По окончаніи курса онъ провелъ нѣкоторое время въ домѣ гр. Григорія Шувалова въ качествѣ наставника и вмѣстѣ съ Шуваловымъ путешествовалъ по Италіи и Франціи.

18 сентября 1845 г. Мартыновъ вступилъ въ іезуитскій орденъ и сдѣлался однимъ изъ видныхъ членовъ его. Въ 1870 г. онъ былъ папскимъ богословомъ на Ватиканскомъ соборѣ. Онъ состоялъ также членомъ Конгрегаціи Пропаганды. Мартыновъ проживалъ обыкновенно въ Парижѣ, занимаясь учеными трудами; онъ пользовался уваженіемъ въ тамошнихъ ученыхъ кругахъ, къ нему обращались за совѣтами и содѣйствіемъ въ вопросахъ, касавшихся дѣлъ славянскихъ и русскихъ не только такія лица, какъ графъ Ріанъ, спеціально занимавшійся *латинскимъ востокомъ*, но и другіе не столь католически настроенные. Въ 1892 г. онъ подвергся инфлуенціи и съ тѣхъ поръ не могъ совершенно оправиться. Онъ умеръ въ Каннѣ 15/27 апрѣля 1894 г.

Порвавъ съ православіемъ и утративъ возможность возвращенія на родину, Мартыновъ сохранилъ любовь къ русскому языку и литературѣ и съ преданнымъ участіемъ слѣдилъ за успѣхами русской исторической науки. Въ большомъ французскомъ историческомъ журналѣ (Revue des questions historiques) онъ велъ постоянное обозрѣніе русскихъ трудовъ — «*Courrier russe*», и отзывы его почти всегда отличались крайнимъ доброжелательствомъ. Въ одномъ изъ парижскихъ домовъ ордена онъ основалъ довольно богатую русскую библіотеку, которая его очень радовала. Онъ охотно знакомился съ пріѣзжающими въ Парижъ русскими учеными, оказывалъ имъ всяческія услуги, — съ нѣкоторыми и послѣ поддерживалъ ученыя сношенія и велъ переписку. Иныя связи возникали заочно и не только съ отдѣльными лицами, но и съ цѣлыми учеными учрежденіями, каково — особенно пользовавшееся его сочувствіемъ Общество Древней Русской Письменности.

Изъ ученыхъ трудовъ Мартынова ближайшее отношеніе къ византологіи имѣетъ «*Annus ecclesiasticus graeco-slavicus*», editus anno millenarico SS. Cyrilli et Methodii. Bruxellis 1863, за которымъ слѣдуетъ признать капитальное значеніе. Онъ входитъ въ составъ знаменитаго изданія Болландистовъ «Acta Sanctorum», въ которомъ Мартыновъ и ранѣе сотрудничалъ отдѣльными статьями о святыхъ восточной церкви (въ X томѣ за октябрь, а Annus graeco-slavicus появился въ XI томѣ). Нѣчто подобное въ собственно русской духовной литературѣ представляетъ «Православный мѣсяцесловъ Востока» арх. Сергія, который, конечно, пользовался трудомъ своего предшественника. У Мартынова весьма тщательно сведены всѣ тогда доступныя — печатныя и отчасти рукописныя — календарныя данныя относительно празднованія святыхъ греческихъ и славянскихъ за каждый день мѣсяца, начиная съ января; въ краткихъ критическихъ примѣчаніяхъ эти разнообразныя показанія комментируются, исправляются, или взаимно соглашаются, а за тѣмъ спеціальное вниманіе обращается на *славянскія памяти* (memoriae slavicae): въ сжатой формѣ, но съ достаточною отчетливостію, а иногда, когда это нужно, и совсѣмъ подробно излагается самое житіе славянскаго святаго, принадлежащаго къ тому или другому дню. Тутъ мы найдемъ Савву Сербскаго, Иларіона Меглинскаго (болгарскаго — XII в.), а равнымъ образомъ Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго. — Отмѣтимъ и предшествовавшій трудъ Мартынова—описаніе славянскихъ рукописей Парижской библіотеки: Manuscrits slaves de la bibliothèque Impériale de Paris. Paris 1858 (въ приложеніи — житіе св. Симеона, Великаго жупана сербскаго). — Очень усердно занимался Мартыновъ Кирилло-Меѳодіевскимъ вопросомъ. Сюда относятся: Trifolium Serbicum SS. Cyrilli et Methodii inserendum. Collegit J. Martinov. Bruxellis 1863. Кирилло-Меѳодіевкій сборникъ. Вып. I. Парижъ 1863 г. La légende italique de ss. Cyrille et Méthode. Paris 1884 (изъ Revue des quest. hist. 1884, juillet). О Кириллѣ и Меѳодіи — обширный трудъ неизданный. — Сверхъ того имъ были вновь издаваемы сдѣлавшіяся рѣд-

кими сочиненія русскихъ уніатовъ — Кульчинскаго и Суши, писанныя на латинскомъ языкѣ.

† Русскія поминки по Цахаріэ-фонъ-Лингенталь.

Недавно изъ среды ученаго германскаго міра смерть похитила слишкомъ крупную и дорогую жертву, утрата которой, надобно думать, надолго будетъ чувствительна для историковъ и юристовъ всего міра: 22-го мая (3-го іюня) текущаго года скончался на 82-мъ году своей жизни знаменитый юристъ-византологъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь, котораго по своей справедливости можно назвать творцомъ научной исторіи византійскаго права и который въ послѣднее время оставался почти единственнымъ представителемъ этой спеціальности на Западѣ.

Какъ извѣстно, ученая дѣятельность Цахаріэ въ избранной имъ области историко-юридическихъ знаній состояла: во-первыхъ — въ критическомъ изданіи громадной массы источниковъ византійскаго права, или вовсе до него неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ только въ неудовлетворительныхъ изданіяхъ (Бонефидія, Леунклавія и др.); во-вторыхъ — въ тщательной разработкѣ исторіи этихъ источниковъ; въ-третьихъ — въ созданіи изъ нихъ строго-научной системы византійскаго (преимущественно частнаго) права въ его историческомъ развитіи.

Не наше дѣло, да теперь еще и не время, оцѣнивать значеніе научныхъ трудовъ Цахаріэ съ точки зрѣнія общихъ интересовъ историко-юридической науки: это въ свое время сдѣлаютъ другіе и прежде всѣхъ, конечно, ученые соотечественники покойнаго. Но и на насъ, русскихъ, лежитъ прямой и непремѣнный долгъ почтить память великаго труженика науки благодарнымъ указаніемъ на тѣ его труды, которые несомнѣнно содѣйствовали и долго будутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію нашего историческаго самосознанія. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ русскихъ историковъ-юристовъ можетъ усомниться въ томъ, что многія изъ открытій, сдѣланныхъ Цахаріэ въ области исторіи византійскаго права, пролили обильный свѣтъ и на исторію нашего отечественнаго права, въ развитіи котораго право византійское участвовало, какъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ? Конечно, самъ Цахаріэ прямо не задавался цѣлію служить русской историко-юридической наукѣ; тѣмъ не менѣе и онъ, по самому существу дѣла, хорошо сознавалъ и въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и почитателямъ въ Россіи и Греціи не разъ высказывалъ, что онъ работаетъ въ научныхъ интересахъ не столько романо-германскаго, сколько греко-славянскаго міра. И вотъ оправданіе нашей, на посторонній взглядъ, можетъ быть, слишкомъ узкой точки зрѣнія на общепризнанныя великія заслуги покойнаго юриста-византолога для исторіи права *вообще*.

Изъ массы источниковъ византійскаго права, впервые открытыхъ и изданныхъ Цахаріэ, или только вновь вышедшихъ изъ его рукъ въ болѣе совершенномъ, т. е. критически очищенномъ видѣ, для русской исто-

рико-юридической науки особенный интересъ представляютъ слѣдующіе два: 1) Эклога иконоборцевъ Льва Исаврянина и его сына Константина (ок. 740 г.). Она занимаетъ первое мѣсто въ изданіи Цахаріэ, вышедшемъ въ 1852 году подъ заглавіемъ: Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. — 2) Прохиронъ императоровъ Василія Македонянина и его сыновей Константина и Льва (870 — 879 г.), напечатанный Цахаріэ въ 1837 году съ обширными учеными пролегоменами, въ которыхъ на основаніи богатаго рукописнаго матеріала, собраннаго издателемъ въ разныхъ библіотекахъ Европы, впервые дается критическая исторія какъ самого Прохирона, такъ и ближайшихъ къ нему по происхожденію и содержанію оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ руководствъ къ познанію законовъ византійской имперіи. Благодаря этимъ двумъ изданіямъ, мы впервые узнали, что̀ такое изображаютъ изъ себя двѣ статьи древняго славяно-русскаго номоканона, несомнѣнно служившія на Руси и у южныхъ славянъ, въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ, источникомъ дѣйствующаго права, именно: 1) «Леона, царя премудраго (sic), и Константина, вѣрною царю, главизны о свѣщаніи обрученія и о иныхъ различныхъ винахъ» (въ печатной Кормчей гл. 49) и 2) «Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ» (тамъ же гл. 48). Мы узнали, что первая статья есть Эклога — памятникъ законодательной дѣятельности не Льва Мудраго и сына его Константина, а другихъ, болѣе раннихъ соименныхъ императоровъ, которыхъ съ церковной точки зрѣнія никакъ нельзя назвать «вѣрными царями», а во второй, не надписанной ничьимъ именемъ, увидѣли переводъ позднѣйшаго византійскаго юридическаго памятника, т. е. Прохирона Василія Македонянина. Далѣе, благодаря тѣмъ же изданіямъ Цахаріэ, мы получили возможность правильно понимать смыслъ обѣихъ этихъ статей славяно-русскаго номоканона, такъ какъ представляемый ими древне-славянскій переводъ греческихъ оригиналовъ, говоря вообще, весьма теменъ и во многихъ мѣстахъ до безсмысленности искаженъ позднѣйшими переписчиками (особенно въ «Главизнахъ» царей Леона и Константина). Наконецъ въ тѣхъ же двухъ изданіяхъ мы находимъ источники для разныхъ древне-славянскихъ и русскихъ юридическихъ компиляцій, приспособленныхъ къ быту и воззрѣніямъ славянскихъ народовъ, принявшихъ изъ Византіи начатки своей христіанской культуры и цивилизаціи. Такъ Эклога послужила источникомъ для извѣстнаго «Закона суднаго людемъ», Эклога и Прохиронъ вмѣстѣ (съ прибавленіемъ еще Земледѣльческаго закона иконоборцевъ) дали содержаніе другой славяно-русской компиляціи, носящей въ рукописяхъ заглавіе: «Книги законныя, ими же годится всякое дѣло исправляти всѣмъ православнымъ княземъ».

Наряду съ изданіями источниковъ византійскаго права, Цахаріэ, какъ выше замѣчено, критически разработывалъ и ихъ исторію. Эта работа сначала велась имъ по частямъ, для каждаго вновь изданнаго или только

предположеннаго къ изданію источника отдѣльно [1]). Но уже въ 1839 году Цахаріэ, послѣ двухлѣтняго путешествія на Востокъ, гдѣ ему удалось не многимъ пополнить свой рукописный матеріалъ, собранный въ предыдущіе годы въ разныхъ библіотекахъ западной Европы, напечаталъ связный очеркъ *всей* внѣшней исторіи греко-римскаго права подъ заглавіемъ: Historiae juris graeco-romani delineatio cum appendice ineditorum. Трудъ этотъ, не смотря на свою сжатость, не только составилъ эпоху въ современной его появленію литературѣ византійскаго права, но и до сихъ поръ остается на высотѣ своего первоначальнаго научнаго достоинства. Позднѣйшіе труды того же содержанія, принадлежащіе французскому ученому Мортрёлю и нѣмецкому Геймбаху, въ существѣ дѣла представляютъ только расширенное изложеніе идей и подтвержденіе самостоятельныхъ изслѣдованій Цахаріэ. Нужно замѣтить, что въ его Delineatio содержится мастерской очеркъ исторіи источниковъ не только свѣтскаго, но и церковнаго византійскаго права. Впослѣдствіи онъ обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе и далъ ученому міру, прежде всего русскому, три капитальныя работы по исторіи греческихъ номоканоновъ, напечатанныя въ Мемуарахъ нашей Академіи Наукъ подъ заглавіями: 1) Die griechischen Nomokanones (1877); 2) Die Handbücher des geistlichen Rechts aus den Zeiten des untergehenden byzantinischen Reichs und der türkischen Herrschaft (1881) и: Über den Verfasser und die Quellen des (pseudo-photianischen) Nomokanon in XIV Titeln (1885). Всѣ эти монографіи основаны въ главнѣйшихъ частяхъ своихъ на источникахъ первой руки (преимущественно рукописныхъ) и потому носятъ на себѣ неизгладимую печать оригинальности, поражая читателя сколько блестящимъ остроуміемъ столько же и неистощимою эрудиціей своего автора. Черезъ два года по выходѣ въ свѣтъ послѣдней изъ указанныхъ монографій Цахаріэ напечаталъ еще въ «Извѣстіяхъ засѣданій философско-историческаго отдѣленія Берлинской королевской Академіи Наукъ» новую работу въ томъ же родѣ, посвященную разъясненію темной исторіи греческаго каноническаго Синопсиса, т. е. сборника церковныхъ правилъ въ сокращенномъ текстѣ. И здѣсь русскій канонистъ найдетъ не мало чему поучиться.

Всѣ труды Цахаріэ по изданію источниковъ византійскаго права и разработкѣ ихъ исторіи были только приготовленіемъ къ капитальнѣйшему его труду — внутренней исторіи этого права. Она, какъ извѣстно, имѣла три изданія. Въ первомъ изданіи (1864 г.) это была собственно историко-догматическая система одного только частнаго или гражданскаго византійскаго права. Въ слѣдующихъ двухъ изданіяхъ (1877 и 1892 гг.) Цахаріэ присоединилъ сюда еще процессуальное и уголовное право. Точкою отправленія въ историко-догматическомъ изложеніи отдѣльныхъ институ-

1) Подробный обзоръ работъ Цахаріэ по исторіи источниковъ византійскаго права до 1865 года можно найти въ русскомъ сочиненіи Августа Энгельмана: «Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права съ обозрѣніемъ новѣйшей его литературы».

товъ каждой изъ указанныхъ вѣтвей византійскаго права служитъ для автора Юстиніаново право; затѣмъ онъ слѣдитъ за дальнѣйшими видоизмѣненіями этого права, совершавшимися подъ вліяніемъ новыхъ условій соціальной и политической жизни византійскихъ грековъ, и доводитъ свое изслѣдованіе до новѣйшихъ временъ, изображая состояніе даннаго юридическаго института у нынѣшнихъ грековъ турецкой имперіи и независимаго эллинскаго королевства (отчасти также и у румынъ). Послѣднее (третье) изданіе «Исторіи греко-римскаго права» Цахаріэ, вышедшее только за два года до смерти автора, когда онъ страдалъ уже неизлѣчимымъ порокомъ сердца и почти совсѣмъ лишился зрѣнія, конечно, не представляетъ такой переработки второго, какимъ это послѣднее является по отношенію къ первому. Тѣмъ не менѣе авторъ въ предисловіи къ третьему изданію имѣлъ полное право сказать, что оно, сравнительно со вторымъ, должно быть названо «улучшеннымъ», такъ какъ въ немъ сдѣланы разныя исправленія и дополненія. Въ особенности онъ указываетъ на вторую часть третьей книги, гдѣ трактуется о поземельной собственности, какъ на такой отдѣлъ своего труда, который подвергся существенной переработкѣ. Дѣйствительно, стоитъ только сравнить указанныя мѣста въ томъ и другомъ изданіи, чтобы убѣдиться, какъ неутомимо и плодотворно работалъ Цахаріэ даже при тѣхъ тяжкихъ личныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился онъ въ два послѣдніе года своей жизни.

Вслѣдъ за авторомъ нѣмецкаго некролога Цахаріэ, напечатаннаго въ послѣдней книжкѣ Крумбахерова византійскаго журнала (Byzantinische Zeitschrift, Bd. III Heft, 3—4, S. 647), не можемъ не выразить сожалѣнія, что упомянутые недуги старости не дозволили Цахаріэ обработать исторію *публичнаго* византійскаго права въ такой же полнотѣ и связности, въ какой вышла изъ-подъ его мастерского пера исторія частнаго права. И это — скажемъ словами того же некролога — «тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что нѣкоторыя спеціальныя работы Цахаріэ по исторіи государственнаго права Византіи доказываютъ, какъ искусно умѣлъ онъ открывать нити, связывающія публичное право съ частнымъ, и какъ хорошо сознавалъ необходимость объяснять историческія явленія въ области одного при помощи явленій въ области другого». Для насъ, русскихъ, исторія греко-римскаго права Цахаріэ, кромѣ своего общаго высоконаучнаго значенія, важна еще и въ томъ отношеніи, что она даетъ намъ возможность ясно видѣть, какія перемѣны потерпѣли тѣ или другіе элементы византійскаго права, перенесенные на русскую почву и поставленные подъ вліяніе особыхъ условій русской жизни.

Вообще о задачахъ, какія открылись для русской историко-юридической науки со времени появленія въ свѣтъ ученыхъ трудовъ Цахаріэ по исторіи византійскаго права, мы позволяемъ себѣ повторить слова, сказанныя нами въ предисловіи къ своему изданію славянскаго и греческаго текста вышеупомянутыхъ «Книгъ законныхъ». Въ дѣлѣ разработки исторіи византійскаго права у славянъ вообще и въ Россіи въ

особенности — писали мы тамъ — «нужно начинать съ того же, съ чего началъ и Цахаріэ въ своемъ дѣлѣ — съ критическаго изданія славянскихъ текстовъ, въ которыхъ были приняты и въ продолженіе многихъ вѣковъ употреблялись у славянъ источники византійскаго права; съ тѣмъ вмѣстѣ должна идти разработка и такъ называемой внѣшней ихъ исторіи, т. е. разрѣшеніе вопросовъ о времени и мѣстѣ появленія того или другого источника въ славянскомъ переводѣ, о способахъ его распространенія и употребленія въ данной странѣ и о тѣхъ перемѣнахъ, какимъ онъ подвергался при этомъ въ своемъ составѣ и редакціи; затѣмъ уже должна слѣдовать такъ называемая внутренняя исторія византійскаго права у славянскихъ народовъ, задача которой — объяснить, насколько юридическія нормы, содержащіяся въ томъ или другомъ источникѣ иноземнаго права, привились къ жизни принявшаго ихъ народа и какое вообще вліяніе оказали онѣ на развитіе и установленіе мѣстной юридической догмы». Не будемъ теперь повторять, что до полнаго осуществленія этихъ задачъ намъ еще далеко. Въ настоящемъ случаѣ мы указываемъ на это обстоятельство, какъ на вѣрный залогъ благодарной памяти о Цахаріэ настоящихъ и будущихъ русскихъ историковъ-юристовъ, которымъ придется имѣть дѣло съ вышеуказанными задачами своей науки.

Да, Цахаріэ не ошибался въ томъ, гдѣ его ученые труды всего болѣе должны находить читателей и почитателей. Русская Императорская Академія Наукъ имѣла его въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ и во всѣхъ знаменательныхъ событіяхъ его жизни (каковы докторскіе юбилеи) оказывала ему знаки высокаго уваженія. Аѳинскій юридическій факультетъ преподнесъ ему дипломъ на званіе своего почетнаго члена. Ни здѣсь, ни тамъ покойный не оставался въ долгу: его учеными трудами не разъ украшались страницы и русскихъ академическихъ, и греческихъ университетскихъ изданій. И съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за успѣхами византійскихъ занятій въ Россіи и Греціи! Какъ часто, узнавъ о появленіи у насъ какой нибудь серьезной работы, имѣющей своимъ предметомъ что-либо изъ области византологіи, онъ и въ письмахъ къ друзьямъ, и печатно высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не знаетъ русскаго языка! А въ тѣхъ случаяхъ, когда русская работа указаннаго содержанія возбуждала въ немъ особенный интересъ, онъ даже обращался съ просьбою къ своимъ корреспондентамъ въ Россіи дать ему краткій отчетъ объ этой работѣ на какомъ либо изъ тѣхъ языковъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Въ заключеніе укажемъ на одну въ высшей степени симпатическую черту въ личномъ характерѣ Цахаріэ, какъ ученаго. Онъ былъ чуждъ мелкаго авторскаго самолюбія, свойственнаго мелкой ученой братіи. Онъ не стыдился измѣнять свои мнѣнія по частнымъ вопросамъ избранной имъ спеціальности и въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко поправлялъ самого себя, иногда даже по указаніямъ со стороны: черта великаго духа и высокаго нравственнаго характера!

А. Павловъ.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ἑκάστου τούτων ἀποτελουμένου ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Πᾶσα αἴτησις περὶ ἐκδόσεως, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

C. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsberger Strasse 20, Leipzig.

Ἐν Ἀνατολῇ προμηθεύεται τὸ περιοδικὸν διὰ τῶν ἑξῆς βιβλιοπωλῶν:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης-ἐκδότης, Γαλατᾶ.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης-ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ ὄπισθεν σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь, 1894 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. Вас. Остр., 9 лин., № 12.

BYZANTINA XPONIKA

ΤΟΜΟΣ ΠΡΩΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Γ' καὶ Δ'.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

ТОМЪ I.

ВЫП. 3 и 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1894.

КОММИССІОНЕРЪ:

С.-Петербургъ. К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig. C. Ricker, Königsberger Str. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО И ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ III.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя К. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границею.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана.

(Bryce „Life of Justinian by Theophilus").

Въ настоящее время можно, наконецъ, считать рѣшеннымъ одинъ изъ темныхъ и весьма интересныхъ историческихъ вопросовъ, а именно — вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. До сихъ поръ одни ученые считали это за тезисъ, вполнѣ доказанный, другіе принимали это положеніе съ оговорками, третьи, наконецъ, и надо сказать позднѣйшіе, съ ними не соглашались. И вотъ, теперь оказывается, что тотъ источникъ, на основаніи котораго ученые утверждали славянское происхожденіе Юстиніана, есть не что иное, какъ измышленіе начала XVII вѣка.

Приступая къ этой статьѣ, мы не имѣли намѣренія сказать чего-либо новаго; намъ вообще казалось полезнымъ подѣлиться результатомъ одного изъ новѣйшихъ историческихъ открытій, тѣмъ болѣе, что интересующее насъ изслѣдованіе, принадлежащее перу англійскаго ученаго Брайса (Bryce), появилось въ журналахъ, которые не всегда могутъ находиться подъ руками, а именно — въ итальянскомъ Archivio della Reale Società Romana di Storia Patria (vol. X, fasc. I — II. Roma 1887, p. 137 — 171) и въ англійскомъ The english historical review (vol. II. 1887. № 8. Oct. p. 657 — 684).

Прежде чѣмъ приступить къ вышеупомянутой статьѣ Брайса, мы посмотримъ, на основаніи какихъ данныхъ ученые стали приписывать Юстиніану и его роднѣ славянское происхожденіе.

Въ 1623 году ученый книгохранитель (custos) Ватиканской библіотеки Николай Алеманнъ издалъ незадолго передъ тѣмъ открытое имъ и надѣлавшее впослѣдствіи столько шуму сочиненіе извѣстнаго византійскаго писателя VI-го вѣка Прокопія Кесарійскаго «Ἀνέκ-

дота», или, какъ перевелъ это заглавіе Алеманнъ по-латыни, Historia Arcana [1]). Изданіе этого сочиненія, представляющаго изъ себя настоящую скандальную хронику императорскаго дома, гдѣ выводятся подчасъ просто чудовищныя обвиненія на Юстиніана и его знаменитую супругу Ѳеодору, было снабжено прекрасными критическими и историческими примѣчаніями самого издателя Алеманна. Въ этихъ-то примѣчаніяхъ онъ одиннадцать разъ упоминаетъ о какомъ-то Ѳеофилѣ, наставникѣ Юстиніана, аббатѣ (Theophilus Justiniani praeceptor, abbas), и о составленномъ имъ жизнеописаніи этого императора (Justiniani vita) [2]). Изъ послѣдняго, на основаніи свидѣтельства Алеманна, мы узнаемъ, что Юстиніанъ родился въ царствованіе императора Зенона (474 — 491 гг.) и во время патріаршества Акакія (p. 368); что въ концѣ царствованія Анастасія (491 — 518 гг.) онъ 30-ти лѣтъ отъ роду явился въ столицу (p. 369); узнаемъ, что многіе родственники Юстиніана и онъ самъ назывались у себя на родинѣ особыми именами: сестра Юстина и мать Юстиніана называлась Bigleniza (p. 384, 415, 418); отецъ послѣдняго, извѣстный у греческихъ писателей подъ именемъ Савватія (Σαββάτιος) [3]), назывался Истокъ — Istokus (p. 418); имя самого Юстиніана было Управда — Upravda (p. 418). Изъ этого же жизнеописанія Алеманнъ приводитъ интересное мѣсто объ отношеніи матери Биленицы къ браку Юстиніана съ Ѳеодорой: она, несмотря на блестящія умственныя способности послѣдней, была противъ этого брака, зная легкомысленный и заносчивый характеръ Ѳеодоры и боясь за благочестіе своего сына, тѣмъ болѣе что одна гадалка предсказала Биленицѣ, что Ѳеодора будетъ для Римской имперіи Демонодорой и совратитъ Юстиніана съ пути истины (p. 416); не будучи въ состояніи воспрепятствовать этому браку, Биленица съ горя умерла (p. 384). Здѣсь же мы читаемъ, что Юстиніанъ еще юношей былъ отправленъ своимъ дядей Юстиномъ въ качествѣ заложника ко двору остготскаго короля Теодериха въ Равенну (p. 383), гдѣ онъ даже побратался съ итальянскимъ владыкой (p. 371). Вотъ что сообщаетъ, по свидѣтельству Але-

1) Procopii Caesariensis V. J. Ἀνέκδοτα.
Arcana Historia.
Qui est liber nonus Historiarum и т. д.
См. Васильевскій, Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. Вып. I. 1890 г. стр. 41.

2) Hist. Arcana, ed. Bonn. p. 363, 368, 369, 371, 383, 384, 415, 418; 438 (Abbatc).

3) Procop. Hist. Arc. p. 80. Theophanes De-Boor, I, p. 183.

манна, жизнеописаніе Юстиніана, написанное аббатомъ Θеофиломъ, который еще до вступленія своего питомца на престолъ успѣлъ сдѣлать его опытнымъ въ богословскихъ познаніяхъ[1]).

Что это былъ за аббатъ Θеофилъ и написанное имъ жизнеописаніе Юстиніана, оставалось до послѣдняго времени тайной.

Послѣдующіе писатели внесли въ этотъ вопросъ кое-что новое, о чемъ Алеманнъ и не упоминаетъ. Такъ Людевигъ (Ludewig), извѣстный германскій юристъ прошлаго вѣка, въ своемъ жизнеописаніи Юстиніана и Θеодоры, говоря о Θеофилѣ, прибавляетъ: cujus testimonium laudamus fide Alemanni, qui eum (Theophilum) legit in membranis Vaticanis[2]). Между тѣмъ Алеманнъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, что онъ жизнеописаніе Юстиніана читалъ въ ватиканскихъ рукописяхъ. Извѣстный историкъ Гиббонъ, дѣлая довольно частыя ссылки на вышеупомянутое сочиненіе Людевига, также говоритъ о томъ, что Алеманнъ будто-бы ссылается на рукописную исторію Юстиніана[3]). Здѣсь же будетъ не лишнимъ замѣтить, что Гиббонъ объясняетъ параллельныя имена Юстиніана и Савватія готскимъ и даже почти англійскимъ языкомъ, сопоставляя съ Управдой англійское слово upright, а съ Истокомъ — Stock[4]). Далѣе, Рейцъ (Reitz), издатель греческой парафразы Юстиніановыхъ институцій, принадлежащей перу юриста VI-го вѣка Θеофила[5]), отвергая возможность отождествленія послѣдняго съ Θеофиломъ Алеманна, такъ какъ первый умеръ еще въ 537 г., дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: Алеманнъ могъ ошибиться, сдѣлавъ въ своихъ примѣчаніяхъ Θеофила наставникомъ того же самаго Юстиніана, жизнеописаніе котораго онъ написалъ; ученикомъ аббата Θеофила могъ быть Юстиніанъ, сынъ Германа и внукъ по отцу великаго Юстиніана, отличавшійся въ персидскихъ походахъ временъ Юстина II (565 — 578 гг.) и Тиберія

1) Notae Alemanni, ed. Bonn. p. 438. Алеманнъ упоминаетъ еще, со словъ Θеофила, о постройкѣ Юстиномъ и Юстиніаномъ роскошнаго храма у г. Шкодры (p. 363).

2) Ludewig, Vita Justiniani atque Theodorae Augustorum; necnon Triboniani jurisprudentiae Justinianeae proscenium. Halae Salicae. 1731, p. 128.

3) Gibbon, The decline and fall of the roman empire. Ch. XL, ed. 1887. v. III' p. 37, rem. 4.

4) Gibbon, op. cit. Ch. XL, 1887. v. III, p. 35, rem. 6: «The names of these Dardanian peasants are Gothic and almost English».

5) Изданіе Reitz'a Hagae Com. 1752. 2 t.; перепечатано ἐπιμελείᾳ τοῦ Ῥάλλη. Ἀθήναις 1836 и недавно Ferrini Berol. 1884 sqq. См. Zachariä v. Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3-te Auflage. 1892. S. 5.

(578 — 582 гг.)[1]). Во всякомъ случаѣ Рейцъ принялъ свидѣтельство Алеманна безъ колебаній, отнесши только Ѳеофила къ нѣсколько позднѣйшему времени. Въ томъ же столѣтіи ученый Филиппо Инверници (Phil. Invernizi) въ примѣчаніи къ предисловію своей книги о царствованіи Юстиніана[2]) относится уже къ свѣдѣніямъ Алеманна довольно скептически; находитъ, что Рейцъ основательно опровергъ его доводы (solide Alemannum refutavit); говоритъ, что, несмотря на тщательные поиски въ Ватиканской библіотекѣ его самого и другихъ опытныхъ лицъ, никакого манускрипта съ исторіей Ѳеофила не нашлось; на основаніи всего этого Инверници приходитъ къ заключенію, что споръ о Ѳеофилѣ пора прекратить.

Послѣдующіе писатели или вообще принимали свидѣтельство Алеманна[3]), или занимались этимологіей приведенныхъ имъ собственныхъ именъ.

Шафарикъ на основаніи жизнеописанія Ѳеофила, умершаго, по его словамъ, въ 534 г.[4]), полагаетъ, что Юстиніанъ происходилъ изъ славянскаго рода, который поселился въ Дарданіи еще въ концѣ V-го вѣка; Iztok—sol oriens есть, по объясненію Шафарика, славянскій переводъ ѳрако-фригійскаго имени Sabbatios, Sabbazios; самъ Юстиніанъ на родинѣ назывался Управдой или Вправдой, что вполнѣ соотвѣтствуетъ его латинскому имени Justinianus[5]). Гильфердингъ свято принимаетъ славянское происхожденіе Юстиніана и заявляетъ, что «въ VI-мъ вѣкѣ на императорскомъ престолѣ въ Византіи сидѣлъ славянинъ, окруженный славянскою семьею»[6]). То же дѣлаетъ уче-

---

1) См. Lebeau, Histoire du Bas-Empire, par S. Martin. vol. 10, p. 133.

2) Invernizi, De rebus gestis Justiniani Magni. Romae. 1783.

3) См. напр. Lebeau, Histoire du Bas-Empire. T. VIII. 1827, p. 9. Изъ болѣе новыхъ историковъ: Finlay, History of Greece. 1857. v. I, p. 238. Παπαρριγοπούλου, Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔνθους, t. III, p. 92. Французъ Debidour въ своей латинской диссертаціи и позднѣе во французской передѣлкѣ этой книги «L'Impératrice Théodora», Paris. 1885, хотя и говоритъ, что Justin n'était qu'un rustre d'Illyrie, но тѣмъ не менѣе принимаетъ всѣ имена семьи Юстиніана: Lupicina, Upravda, Istok, Biglenitza (L'Imp. Théod. p. 46 — 47 и прим. 2 на стр. 47).

4) Шафарикъ здѣсь, вѣроятно, имѣлъ въ виду юриста Ѳеофила, который умеръ, кажется, въ 537 г. См. Zachariä v. Lingenthal, Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. 3-te Auflage. S. 5.

5) Шафарикъ, Славянскія древности, пер. Бодянскаго, т. II, ч. I, ст. 257 сл.; въ прим. на стр. 258-й Шафарикъ замѣчаетъ, что рукопись, которою пользовался scrittore della Vaticana Алеманнъ, находится въ Ватиканской библіотекѣ. Кстати сказать, о славянскомъ происхожденіи Юстиніана говоритъ еще книга Uifalvy, Imp. Justinianus Genti Slavicae vindicatus; но мы ея не видѣли.

6) Гильфердингъ, Собраніе сочиненій. Спб. 1868, т. I, стр. 7 — 8.

ный Рачки (Rački)[1]). Далѣе, когда профессоръ Дриновъ выступилъ со своей теоріей болѣе ранняго заселенія славянами Балканскаго полуострова[2]), то онъ, конечно, долженъ былъ видѣть въ славянскихъ именахъ Юстиніана и его родни одно изъ самыхъ вѣскихъ основаній для подтвержденія своей теоріи; а вслѣдствіе того, что составитель Анекдотовъ, по мнѣнію Дринова, смотрѣлъ на предковъ Юстина и Биленицы, какъ на старожиловъ Дарданіи, онъ утверждаетъ, что славянскіе роды, произведшіе на свѣтъ въ 484 г. Юстиніана и еще въ 450 г. Юстина, обитали тамъ по крайней мѣрѣ съ половины IV-го вѣка[3]). Въ томъ же 1873 г. ученый Реслеръ (Rösler) недовѣрчиво относится на основаніи филологическихъ соображеній къ славянскому происхожденію имени Управда; онъ говоритъ, что это не славянская форма[4]). Въ 1874 г. Томашекъ дѣлаетъ шагъ впередъ въ интересующемъ насъ вопросѣ и сообщаетъ нѣчто новое[5]); онъ утверждаетъ, что единственнымъ для него извѣстнымъ источникомъ славянскаго происхожденія Юстиніана являются Рагузскіе анналы Луккари (Luccari), изданные въ 1605 г.[6]), гдѣ дѣйствительно говорится, что Istok былъ славянинъ (barone slavo), имѣлъ жену Биленицу; что Юстиніанъ и Юстинъ на славянскомъ языкѣ назывались Управдой; обо всемъ этомъ самъ Луккари читалъ въ одной хроникѣ въ Болгаріи[7]). Но, по выраженію Томашка, эти свѣдѣнія имѣютъ такъ же мало значенія, какъ болтовня хронистовъ о происхожденіи Нѣманей[8]). Замѣчанія Томашка не пропали даромъ. Болгарскій ученый Иречекъ, признавая въ своей исторіи болгаръ вѣрность теоріи Дринова относительно заселенія славянами Балканскаго полуострова, хотя и не считая ее вопросомъ рѣшеннымъ, приводитъ извѣстныя славянскія имена, но гово-

---

1) Rački, Nacrt Jugoslavjenskich povjestij do IX stoljetjâ (Arkiv za povjestnicu jugoslavenskou. IV (1857), p. 241 — 242).

2) Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Москва. 1873.

3) Дриновъ, op. cit. стр. 48.

4) Roesler, Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Wien. 1873. s. 41 — 42. Реслеръ говоритъ, что славянская форма, которая соотвѣтствовала бы Юстину и Юстиніану, была бы pravĭdivŭ, pravĭdinŭ (s. 42).

5) Tomaschek, Miscellen aus der alten Geographie (Zeitschrift f. österr. Gymn. 1874. S. 658).

6) Luccari, Copioso Ristretto degli Annali di Rausa. 1605. 2-е изд. этой книги было 1790 г. въ Рагузѣ съ notizie storiche intorno alla vita e alla famiglia dell' autore. О Луккари см. Макушевъ, Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867. стр. 101 sq.

7) Luccari, op. cit. p. 3.

8) Zeitschrift f. österr. Gymn. 1874. S. 658.

ритъ при этомъ, что только нѣкоторые ученые полагаютъ, что имп. Юстинъ I и его племянникъ Юстиніанъ были славяне по происхожденію, а въ примѣчаніи мы находимъ ссылку на Рагузскіе анналы Луккари, откуда, вѣроятно, и заимствовалъ свои свѣдѣнія Алеманнъ[1]). Разбирая книгу Иречка, Томашекъ еще разъ заявляетъ, что исторически вѣрнымъ является лишь то, что отецъ Юстиніана назывался Sabbatios, и что какъ Юстинъ, такъ и Юстиніанъ были иллирійско-дарданскаго происхожденія[2]). Точно такъ же думаютъ ученые Krek[3]) и Müllenhof[4]). Но славянство Юстиніана пустило глубокіе корни въ исторической литературѣ, такъ что даже самъ великій Ранке въ своей Weltgeschichte придерживался этого мнѣнія[5]). Историки же, писавшіе послѣ появленія статьи Брайса, прямо утверждаютъ, что Юстинъ былъ иллирійскій крестьянинъ, и о его славянскомъ происхожденіи не говорятъ ни слова[6]).

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ о славянствѣ Юстиніана передъ появленіемъ изслѣдованія Брайса.

Этотъ англійскій ученый, отправляясь въ январѣ 1883 года въ Римъ ради своихъ спеціальныхъ занятій по вопросу объ Остготской войнѣ въ царствованіе Юстиніана, принялся за поиски рукописи Ѳеофила въ Ватиканской библіотекѣ, но они были безуспѣшны. Тогда, зная, что Алеманнъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ фамиліей Барберини, Брайсъ направился въ библіотеку Барберинскаго дворца, гдѣ послѣ недолгихъ поисковъ и нашелъ манускриптъ подъ заглавіемъ «Vita Justiniani», связанный съ другими рукописями въ небольшую книжку, на обложкѣ которой было написано: Suares opuscula; рукопись эта относится къ XVII в., что и занесено въ каталогъ библіотеки ея библіотекаремъ Pieralisi: opuscula quae erant inter schedas Josephi Mariae Suaresii alienis manibus exaratas. Cod. Chart. in f°. Saec. XVII[7]). Самое жизнеописаніе Юстиніана очень не велико по своему объему[8]).

1) Иречекъ, Исторія болгаръ. Пер. Бруна и Палаузова. Одесса. 1878. стр. 100—101.

2) Tomaschek, въ Zeitschrift f. österr. Gymn. 1877. S. 680.

3) Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte. Graz. 1887. S. 283—284.

4) Müllenhof, Deutsche Alterthumskunde. B. II. 1887. S. 375—376.

5) Ranke, Weltgeschichte. B. IV, 2, S. 8.

6) См. напр. Bury, The later Roman Empire. 1889. v. I, p. 334.

7) Іос. M. Suares (1599—1666) былъ довольно извѣстный ученый библіотекарь Барберинской библіотеки, впослѣдствіи епископъ въ Voison.

8) Всего двѣ печатныхъ страницы. См. The english historical review. 1887 (2) Oct. p. 661—663.

Къ нему приложено пятнадцать объясненій, сдѣланныхъ далматинскимъ каноникомъ Іоанномъ Томкомъ Марнавичемъ [1]), о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Теперь-же перейдемъ къ самому жизнеописанію.

Justiniani vita [2]).

Ex opusculo, содержащаго жизнеописаніе императора Юстиніана до 30-го года его царствованія, написаннаго на иллирійскомъ языкѣ (litteris et characteribus Illyricis) Богомиломъ, пастыремъ и аббатомъ монастыря муч. св. Александра въ Дарданіи около Призрена, мѣста Юстиніановой родины; quod opusculum хранится въ библіотекѣ Иллирійскихъ монаховъ правила Св. Василія (regulam S. Basilii profitentium) на Св. Аѳонской горѣ въ Македоніи у Эгейскаго моря. Этотъ Богомилъ, бывшій долгое время наставникомъ Юстиніана, сдѣлался епископомъ Сардики и былъ названъ Латинянами и Греками DD [3]), мужъ великой святости и твердый въ православной вѣрѣ (in catholica religione tuenda constantissimus).

Родился Управда (nomen Justiniani gentili sermone) въ Призренѣ (in Prizriena) въ царствованіе императора Зенона и патріарха Новаго Рима Акакія, когда въ древнемъ Римѣ императоровъ уже не было: какъ будто самъ Богъ желалъ дать царя, который собирался снова завоевать Западную имперію и вмѣстѣ съ Восточною возвратить ихъ къ прежнему блеску.

Отецъ его былъ Истокъ изъ рода и фамиліи Св. Константина (ex progenie et familia S. Constantini), великаго царя Римлянъ и величайшаго изъ христіанскихъ монарховъ, мать — Биленица, сестра Юстина, который царствовалъ въ новомъ Римѣ. Сестра Истока, Лада (Lada), была замужемъ за славянскимъ княземъ Селимиромъ (Selimiro Principi Slavorum), имѣвшимъ очень много сыновей; изъ нихъ Рекирада (Rechiradum), какъ будетъ сказано ниже, убилъ въ единоборствѣ Юстиніанъ.

Когда Истокъ былъ княземъ [4]), т. е. Dynasta inter Dardanos, то

1) Explicationes quorundam nominum, quae leguntur in praecedenti fragmento observatae per Joannem Tomco Marnavich Canonicum Sibensem (чит. Sibecensem fragmenti interpretem.

2) Это заглавіе написано другою рукой и другими чернилами, нежели манускриптъ. Bryce, p. 661.

3) Вѣроятно, нужно читать Domnio. Ср. ниже ст. 14: sarcophagum Bogomilo seu Domnioni santissimo viro excitavit. Bryce, p. 661.

4) Въ текстѣ Ilnez, но надо, вѣроятно, читать knez. См. Bryce, p. 661,9: Read knez which in Slavonic means a prince.

онъ далъ сыну своему Управдѣ въ наставники святѣйшаго мужа Богомила, пастыря и аббата монастыря Св. мученика Александра, составителя жизнеописанія Юстиніана, который со всею добросовѣстностью наставилъ мальчика сначала въ правилахъ благочестія, а потомъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Но такъ какъ Юстинъ былъ сильно привязанъ къ своему племяннику, то и вызвалъ его вмѣстѣ съ Богомиломъ къ себѣ въ лагерь.

По приказанію Юстина, который уже давно занималъ видное положеніе въ войскѣ (primos ordines ductabat), Управда былъ принятъ на службу (tyrocinium deposuit); въ то время Юстинъ боролся за императора Анастасія противъ сторонниковъ Зенона (contra Caesarides Zenonidas), но вскорѣ возвратился съ племянникомъ въ Иллирикъ, такъ какъ Римлянамъ угрожали Болгары, которыми недавно былъ убитъ вмѣстѣ съ другими римскими вождями Растъ (Rastus), начальникъ Иллирійскаго войска. Юстинъ, выступивъ противъ варваровъ, подавилъ ихъ крайнее высокомѣріе.

Болгарамъ здѣсь помогалъ Рекирадъ (Rechirad), сынъ Селимира. Юстинъ ни просьбами, ни обѣщаніями не могъ отклонить его отъ союза съ Болгарами; вслѣдствіе этого между Юстиніаномъ и Рекирадомъ, germanum suum, вспыхнула жесточайшая вражда; и вотъ за одной изъ бесѣдъ они перешли къ брани и упрекамъ, и дѣло между ними дошло до единоборства, въ которомъ Юстиніанъ, не имѣя еще 20-ти лѣтъ отъ роду, на берегу р. Моравы, по лат. Мосхіусъ (ad ripas fluminis Muravae, is latinis est Moschius), убилъ своего противника; за это какъ самъ Юстиніанъ, такъ и начальникъ войска Юстинъ со своими Иллирійскими солдатами получили щедрые подарки. Но такъ какъ Юстиніанъ въ этой борьбѣ былъ тяжело раненъ, то для излѣченія онъ отправился въ Константинополь, гдѣ былъ прекрасно принятъ императоромъ Анастасіемъ, который старался отклонить его отъ почитанія истинной вѣры. Замѣтивъ это, Богомилъ, заботясь о спасеніи юноши, возвратилъ его въ лагерь къ Юстину, а потомъ вскорѣ и на родину къ недавно овдовѣвшей матери. Но Юстиніанъ не долго оставался дома и скоро возвратился къ дядѣ, котораго нашелъ у Паннонскаго города Марга (ad Margum Pannoniae oppidum) собирающимъ остатки войска разбитаго Готами полководца Сабиніана. Дядя отправилъ его въ Италію къ Готскому королю Теодориху, сыну Аналимира (Analimiri filium [1]), съ просьбою о помощи для своихъ вождей, которые

1) См. Bryce, p. 662,10: ought to be Amalamiri.

незадолго передъ тѣмъ отняли у Болгаръ Сирмійскую область (Sirmiensem Regionem). Принятый благосклонно Юстиніанъ получилъ желаемую помощь, но въ качествѣ заложника былъ задержанъ въ Равеннѣ на то время, пока Юстинъ пользовался Готскою помощью. Теодорихъ считалъ Юстиніана братомъ, и мало того: они по иллирійскому обычаю даже побратались (Illyrico more fraternitatis vinculo sese colligarunt).

По возвращеніи своемъ къ дядѣ, когда Юстинъ уже потерялъ надежду на появленіе какого-либо потомства отъ своей супруги Вукчицы (ex Vukcizza), Юстиніанъ, по его приказанію, женился на прекрасной дѣвицѣ Божидарѣ (Bosidara), хотя противъ этого брака была Биленица, которая опасалась, что замѣчательно умная, но гордая натура этой дѣвушки повредитъ счастью и благочестію ея сына; къ тому-же одна старая гадалка предсказала Биленицѣ, что Божидара явится для Римскаго государства Врагидарой (Vraghidara) и смутитъ справедливый характеръ Управды. Но ея утонченные для того времени нравы, опытность въ различныхъ наукахъ въ соединеніи съ замѣчательною красотою одержали верхъ надъ Юстиномъ и Юстиніаномъ; вслѣдствіе чего Биленица отъ печали вскорѣ сошла въ могилу, прежде чѣмъ братъ ея достигъ царскаго трона.

Когда же императоръ Анастасій сталъ притѣснять за исповѣданіе православной вѣры вмѣстѣ съ другими вызванными въ столицу епископами и Богомила, который благодаря расположенію Юстина былъ возведенъ въ санъ епископа Сардики, то Юстиніанъ, достигшій уже 30-ти лѣтняго возраста, былъ отправленъ вмѣстѣ съ Юстиномъ вождями Иллирійскаго войска къ Анастасію съ заявленіемъ, чтобы онъ, если только не хочетъ испытать военнаго возстанія, прекратилъ преслѣдованія православныхъ епископовъ. Анастасій устрашился ихъ смѣлости и, подговоривъ доносчиковъ, которые бы обвинили Юстина и Юстиніана въ составленіи противъ него заговора, заключилъ ихъ въ темницу, а вскорѣ послѣ этого приговорилъ даже къ смертной казни. Тогда ему во снѣ явились мученики Сергій и Вакхъ (apparentibus ei in somnio Sergio et Bacho), которые особенно чтились въ Дарданіи, и сильно грозили Анастасію, если только онъ осмѣлится погубить людей невинныхъ и болѣе достойныхъ власти, нежели онъ самъ; тогда Анастасій отпустилъ православныхъ епископовъ; послѣ чего вскорѣ ему наслѣдовалъ Юстинъ.

Во время его правленія Юстиніанъ построилъ въ Иллиріи у г.

Шкодры (sub Scodrensi urbe) на р. Барбенѣ (supra Barbenam fluvium) прекрасную церковь въ память муч. Сергія и Вакха. Онъ же съ разрѣшенія Юстина просилъ папу Іоанна (per Joannem Romae veteris pontificem) освятить Catholico ritu церковь, нѣкогда уступленную Готамъ Маркіаномъ, œconomo Constantinopolitanae ecclesiac, удержавъ однако на готскомъ языкѣ пѣніе псалмовъ и литургію въ угоду жителямъ своей страны Иллиріи, которая говорила на томъ же языкѣ, что и Готы. Наслѣдуя Юстину, Юстиніанъ на подобіе того храма, который онъ въ столицѣ посвятилъ Божественной мудрости, построилъ церковь въ Сардикѣ въ честь епископа Богомила, или Домніона, прежняго своего наставника.

Этимъ кончается жизнеописаніе Юстиніана, за которымъ слѣдуютъ вышеупомянутыя объясненія Іоанна Томка Марнавича.

1) Upravda—иллирійское слово, происходящее отъ Pravda, т. е. Justitia. Upravda-же съ предлогомъ и обозначаетъ directa Justitia; этимъ именемъ Иллирійскіе писатели называли Юстиніана и обоихъ Юстиновъ (uterque Justinus).

2) Prizriena. Такъ древніе и новые писатели называютъ родину Юстиніана, находящуюся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Прокопій помѣщаетъ Tauresium, а именно въ Дарданской области выше Эпидамна, Агаѳій въ своей Готской войнѣ называетъ ее Bederinam; и теперь еще подъ владычествомъ Турокъ въ предѣлахъ древней Дарданіи и позднѣйшей Герцеговины или дуката Св. Савы можно замѣтить внутри и за предѣлами страны многіе остатки прежнихъ прекрасныхъ зданій (vestigia et rudera eximiorum vestigiorum aedificiorum), и теперь еще она (Prizriena) есть (эпархіальный) титулъ епископа Петра Калитія (titulus Petri Calitii), который недавно былъ назначенъ папою Павломъ V съ миссіей братьевъ Общества Іисуса для поддержанія оставшихся христіанъ, жестоко страдающихъ подъ турецкимъ игомъ въ Македоніи, Дарданіи и Панноніи.

3) Istok — иллирійское слово, значащее Востокъ; это имя чаще встрѣчалось у древнихъ Иллирійцевъ, чѣмъ у позднѣйшихъ, которые привыкли уже называть своихъ сыновей скорѣе именами Святыхъ, чѣмъ своихъ родичей (gentilibus).

4) На родство съ Константиномъ претендовали очень многіе изъ Иллирійскихъ князей, до тѣхъ поръ пока они, изгнанные Турками, не погибли; такъ напр. Цари и Деспоты Сербіи, царьки горы Скарды (Reguli Scardi montis), Duces S. Sabae etc.

5) Biglenizza—имя иллирійское, ductum ab albedine, т. е. бѣлизны; по латыни оно звучитъ albula.

6) Сыновья Селимира неоднократно просили императора Юстиніана о дарованіи имъ царскаго титула въ Далмаціи, но напрасно; поэтому-то Рекирадъ, сынъ Селимира, убитый Юстиніаномъ, и сталъ на сторону Болгаръ противъ Римлянъ.

7) Богомилъ—иллирійское слово, значащее Deo carus.

8) Caesarides — очень употребительное Patronimicum у Иллирійцевъ, у которыхъ слово Zar обозначаетъ царя или императора; Zarevichi, какъ утверждаетъ авторъ, соотвѣтствуютъ Цезаридамъ.

9) Rastus—иллирійское имя, значащее Crescens; я думаю, что это начальникъ Иллирійскаго войска, котораго комесъ Марцеллинъ называетъ Аристомъ.

10) Rechirad — иллирійское имя, составленное изъ rechi, т. е. речь, говорить, и rad, hoc est cupidus, такъ что requirad будетъ значить loqui cupidus. Подобнымъ именемъ назывались нѣкоторые Готскіе короли въ Испаніи; но эти имена невѣрно пишутся людьми незнакомыми съ готскимъ или иллирійскимъ языкомъ: Прекареды (per Precaredos).

11) Обычай побратимства (solemnitas vinculi fraternitatis) до сихъ поръ имѣетъ такое значеніе у Иллирійцевъ, что не только практикуется между христіанами, но даже между христіанами и Турками.

12) Vukcizza—иллирійское имя, lupae proprium. Поэтому латинскіе и греческіе авторы сообщаютъ, что жена Юстина, когда послѣдній вступилъ на престолъ, перемѣнила имя Люпицины — Lupicinae на Евфимію—Euphemiam.

13) Bosidara — иллирійское имя, составленное изъ Bogh, т. е. Deus, и Dar, т. е. donum, такъ что Bosidara означаетъ Даръ Божій (a Deo donata vel Dei donum), что вполнѣ тожественно съ греческимъ именемъ Ѳеодора.

14) Vraghidara—также иллирійское имя отъ Vrag, т. е. Diabolus vel hostis, и dar, т. е. donum, такъ что Vraghidara, въ противоположность Ѳеодорѣ, значитъ даръ діавола или врага.

15) Со временемъ отъ Юстиніанова храма Сардика получила свое настоящее названіе Софіи. Передъ входомъ въ этотъ храмъ Юстиніанъ воздвигнулъ прекрасный саркофагъ святѣйшему мужу Богомилу, или Домніону (Domnioni) и прославилъ его стихами на мраморѣ гробницы (carminibusque super crustas marmoreas illustravit).

Вотъ что нашелъ въ Барберинской библіотекѣ и издалъ въ свѣтъ англійскій ученый Брайсъ.

Изученіе этого новаго источника должно было, конечно, навести на различные вопросы, которые Брайсъ и старается разрѣшить.

Первый поставленный имъ вопросъ былъ слѣд.: является-ли новооткрытое жизнеописаніе Юстиніана тою самою vita Justiniani Θеофила, на которую неоднократно ссылается Алеманнъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Anecdota, и для существованія которой онъ до сихъ поръ былъ единственнымъ авторитетомъ?

При сравненіи текста изданнаго Брайсомъ жизнеописанія съ примѣчаніями Алеманна оказывается, что почти всѣ факты, приводимые послѣднимъ, находятся въ Барберинской рукописи; эти факты слѣд.: 1) Юстинъ и Юстиніанъ построили въ Шкодрѣ (Скутари) на берегу р. Барбены (Бояны въ Сѣв. Албаніи) церковь во имя Св. Сергія и Вакха (Alem. p. 363); 2) Юстиніанъ родился въ царствованіе Зенона и во время патріаршества Акакія (Alem. p. 368); 3) около 30-ти лѣтъ отъ роду въ концѣ царствованія Анастасія явился въ Византію (Alem. p. 369), 4) побратался съ Теодерихомъ (Alem. p. 371), 5) юношей былъ заложникомъ въ Равеннѣ (Alem. p. 383); 6) Биленица, мать Юстиніана, была противъ его брака съ Θеодорой (Alem. p. 384), 7) не довѣряла характеру послѣдней, такъ какъ прежде была предупреждена предсказаніемъ старой гадалки, будто бы Θеодора будетъ не Божьимъ, а діавольскимъ даромъ (Alem. p. 415); 8) настоящія имена матери Юстиніана, его отца Саббатія и самого Юстиніана были Биленица, Истокъ и Вправда (Alem. p. 418); 9) Θеофилъ наставлялъ Юстиніана въ теологіи ранѣе его вступленія на престолъ (Alem. p. 438).

Итакъ, у Алеманна мы находимъ почти все то, что и въ нашемъ манускриптѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ довольно невѣроятныхъ пассажей, какъ напр. единоборства Юстиніана съ Рекирадомъ, или въ родѣ того, что Истокъ былъ у себя на родинѣ княземъ и др.

Принимая въ расчетъ сходство въ содержаніи обоихъ жизнеописаній, и даже до того близкое, что нѣкоторыя мѣста нашей рукописи дословно приведены у Алеманна [1]); помня то, что послѣднему покровительствовала фамилія Барберини, въ библіотекѣ которыхъ былъ найденъ манускриптъ, принадлежавшій другу Алеманна Suares, и зная,

1) Сравни напр. отрывокъ у Брайса (p. 662) и Алеманна (p. 415), начиная со словъ licet reclamante и т. д.

что, несмотря на дѣятельные поиски, до сихъ поръ не удалось найти ни малѣйшаго слѣда существованія другой подобной рукописи, мы должны прійти къ тому убѣжденію, что въ этомъ манускриптѣ заключается весь тотъ матеріалъ, изъ котораго черпалъ свои извѣстія Алеманнъ, и что сообразно съ достоинствомъ свѣдѣній, сообщаемыхъ нашей рукописью, мы должны относиться и къ словамъ Алеманна. Однимъ словомъ, если былъ какой нибудь Ѳеофилъ, написавшій жизнеописаніе Юстиніана, то онъ передъ нами.

Ближайшимъ вопросомъ является слѣд.: кто написалъ настоящій манускриптъ?

Надо сказать, что текстъ самаго жизнеописанія и его поясненій написанъ одними чернилами и одною рукой. Далѣе, то явленіе, что Ѳеофилъ, предполагаемый авторъ жизнеописанія, все время говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ, заставляетъ думать, что нашъ отрывокъ не буквально переведенъ со своего оригинала, а какъ бы нѣсколько передѣланъ и, можетъ быть, сокращенъ переводчикомъ и объяснителемъ, перу котораго принадлежитъ и найденная Брайсомъ рукопись. Этимъ лицомъ является, что видно изъ первыхъ строкъ explicationes, Іоаннъ Томко Марнавичъ, каноникъ въ Шибеникѣ въ Далмаціи, впослѣдствіи архидіаконъ въ Загребѣ и епископъ Босніи. Посмотримъ, что это была за личность, которой мы обязаны появленіемъ латинской версіи жизнеописанія Юстиніана.

Іоаннъ Томко Марнавичъ, Марнавчичъ, или Мрнавичъ родился въ Далматинскомъ городѣ Шибеникѣ въ 1579 г. во время еще Венеціанскаго господства. Воспитываемый съ раннихъ лѣтъ въ Римѣ іезуитами, онъ благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ вскорѣ привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ выдающихся лицъ того времени, среди которыхъ были кардиналъ Бароній, Саккетти, Барберини, кардиналъ Пасмани (Pázmany). Свою литературную карьеру Марнавичъ началъ съ сочиненія «De regno Illyrico Caesaribusque Illyricis Dialogorum Libri Septem», которое, по свидѣтельству однихъ, было издано въ Римѣ въ 1603 г., а по свидѣтельству другихъ еще до сихъ поръ находится въ рукописи [1]). Послѣ нѣкотораго пребыванія на службѣ у одного венгерскаго епископа Марнавичъ въ 1614 г. былъ снова отправленъ въ Римъ, гдѣ довольно много занимался переводами съ хорвато-сербскаго языка на латинскій и обратно. Въ 1622 году онъ былъ назначенъ архидіакономъ въ Загребъ, а въ 1626 г., надѣясь на протекцію Бар-

1) Bryce, p. 667.

берини, изъявилъ притязаніе на епископство въ Шибеникѣ, но былъ отставленъ Венеціанцами, какъ сторонникъ Іезуитовъ. Наконецъ, въ 1631 г. императоръ Германскій и король Венгерскій Фердинандъ III съ согласія папы Урбана VIII назначилъ его епископомъ Босніи. Умеръ Марнавичъ, вѣроятно, въ Римѣ въ 1639 г. [1]).

Вопросъ о времени, когда могло появиться наше жизнеописаніе, рѣшается весьма просто изъ сопоставленія хронологическихъ датъ жизни Марнавича. Писалъ онъ его еще будучи каноникомъ, а не архидіакономъ въ Загребѣ, о чемъ онъ заявляетъ въ началѣ своихъ explicationes, значитъ послѣ 1609 г. или, можетъ быть, послѣ 1614-го, когда онъ былъ вторично въ Римѣ, но во всякомъ случаѣ ранѣе 1622 г., когда онъ сталъ архидіакономъ; кромѣ того, въ концѣ второго объясненія есть упоминаніе о папѣ Павлѣ V, какъ современникѣ, который занималъ престолъ Св. Петра съ 1605 до 1621 г. Поэтому оказывается вполнѣ возможнымъ, что Алеманнъ читалъ это жизнеописаніе ранѣе 1623 г., когда онъ издалъ свои Anecdota. Самъ по себѣ Марнавичъ не заслуживаетъ большого довѣрія; опираясь на ложные документы, онъ ведетъ, напр., свое происхожденіе отъ сербскаго краля Вукошина Мрнавчевича (1366—1371 г.) и даже отъ римскаго рода Марціевъ и т. п. Что было бы интересно посмотрѣть, такъ это сочиненіе Марнавича «De Caesaribus Illyricis», которое, можетъ быть, еще нѣсколько уяснило бы содержаніе настоящей рукописи; но, къ сожалѣнію, оно до того рѣдко встрѣчается, что достать его нѣтъ никакой возможности [2]).

Отъ переводчика и объяснителя нашей рукописи перейдемъ къ настоящему ея автору, называемому по-славянски Богомиломъ, а по-гречески Ѳеофиломъ, наставнику Юстиніана, возведенному императоромъ Анастасіемъ на епископскую каѳедру Сардики. Извѣстій или даже намековъ о такомъ лицѣ нельзя найти ни у одного изъ писателей VI-го и слѣдующихъ вѣковъ; не слышно ни о какомъ наставникѣ Юстиніана, ни о его біографѣ.

При чтеніи нашего фрагмента и его объясненій прежде всего должно броситься въ глаза полное отсутствіе имени Ѳеофила; вездѣ, гдѣ говорится о наставникѣ Юстиніана, онъ называется именемъ Бо-

1) Engel, Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie. T. 49. B. 2. Halle 1798. S. 149—150. См. также Letter from C. Jireček въ English hist. review 2 (1887) p. 685—686. Bryce, ibidem p. 667—668.

2) Bryce, p. 669. Jireček p. 686. Перечень другихъ сочиненій Марнавича см. Engel, op. cit. S. 149—150. Bryce, p. 667.

гомила, что въ седьмомъ объясненіи переводится черезъ лат. Deo Carus. Такимъ образомъ только у Алеманна является имя Theophilus, т. е. греческій переводъ лат. Deo Carus и слав. Богомилъ. Можетъ быть, самому издателю «Тайной Исторіи» мы обязаны измышленіемъ греческаго имени Θеофила; ему могло показаться страннымъ, что въ началѣ VI-го вѣка на епископскомъ престолѣ Сардики сидитъ лицо съ иллирійскимъ (славянскимъ) именемъ Богомила.

Въ 15-мъ объясненіи Богомилъ отождествляется съ Домніономъ, лицомъ вполнѣ историческимъ, которое упоминается въ латинской хроникѣ VI вѣка комеса Марцеллина [1]). Но нѣтъ положительно никакихъ основаній для утвержденія того, что Домніонъ назывался гдѣ нибудь Богомиломъ.

Теперь является вопросъ, какое отношеніе имѣетъ нашъ манускриптъ къ настоящему жизнеописанію, изъ котораго онъ, повидимому, представляетъ только извлеченіе?

Марнавичъ, называющій себя въ объясненіяхъ «fragmenti interpretem», упоминаетъ въ началѣ жизнеописанія, что самый подлинникъ его хранится на горѣ Аθонѣ въ библіотекѣ Иллирійскихъ монаховъ правила Св. Василія. Конечно, Марнавича здѣсь можно заподозрить въ измышленіи, въ желаніи придать болѣе авторитета показаніямъ своего жизнеописанія ссылкою на Аθонскую рукопись, которая, можетъ быть, никогда и не существовала. Брайсъ, пользуясь пребываніемъ на Аθонѣ въ 1885 году своего ученаго собрата Эванса, просилъ его поискать подобный манускриптъ въ славянскихъ монастыряхъ; но поиски Эванса были тщетны. При этомъ Брайсъ дѣлаетъ предположеніе, что манускриптъ съ жизнеописаніемъ Юстиніана могъ быть въ началѣ XVII вѣка перенесенъ съ Аθона въ Россію, гдѣ и слѣдовало бы произвести тщательныя изслѣдованія, особенно въ Петербургѣ и Москвѣ [2]). Во всякомъ случаѣ, предполагаемая Аθонская рукопись не могла появиться на свѣтъ во время жизни Богомила, такъ какъ она, вѣроятно, написана на славянскомъ языкѣ; послѣднее-же является возможнымъ лишь спустя три столѣтія послѣ Юстиніана.

Однако, несмотря на всю неопредѣленность, которая окружаетъ

1) Marcellinus ad an. 516: «. . . . Domnionem Serdicensem, Alcissum Nicopolitanum . . . . . catholicos Illyrici sacerdotes, suis Anastasius praesentari jussit obtutibus» (Migne, Patr. Lat. t. 51 p. 939).

2) Брайсъ, упрекая аθонскіе монастыри въ безпорядочномъ отношеніи къ своимъ книгохранилищамъ, воздаетъ должное порядку монастырей русскихъ (Bryce p. 674).

имя Богомила, нельзя голословно утверждать, что это есть
ціально выдуманное Марнавичемъ для большаго авторитет
жизнеописаній. Судя по нашему отрывку, онъ вѣритъ въ сво
мила. Еслибы нашъ манускриптъ былъ подлогомъ намѣренной
кацiей, то онъ, вѣроятно, былъ бы [illegible], чего съ нимъ
было. Кромѣ того, весь отрывокъ не производитъ впечатл
либо цѣльнаго, стройнаго, преслѣдующаго какую-либо опр
заранѣе намѣченную цѣль; напротивъ, это есть рядъ доволь
[illegible] даже въ какую-либо систему.
[illegible] историческій источни
[illegible] (объясн. 9), еще разъ показыва

[illegible]

Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить въ нашемъ отрывкѣ романтическаго и какъ-бы полумиѳическаго характера. Истокъ, отецъ Юстиніана, является начальникомъ среди Дарданцевъ и даже отпрыскомъ фамиліи Константина В. Надо замѣтить, что у Прокопія не встрѣчается ничего подобнаго. Къ такимъ-же баснямъ можно отнести разсказъ о единоборствѣ Юстиніана съ Рекирадомъ, сыномъ славянскаго князя Селимира; при чемъ Марнавичъ здѣсь отождествляетъ Готовъ со Славянами.

Кромѣ того, въ нашемъ отрывкѣ можно замѣтить религіозную окраску, религіозную точку зрѣнія; въ немъ видное мѣсто занимаетъ духовное лице Богомилъ; въ немъ видно враждебное отношеніе къ еретическому императору монофизиту Анастасію; разсказывается о постройкѣ двухъ церквей: Сергія и Вакха близъ Шкодры (Скутари) въ Сѣв. Албаніи и Св. Софіи въ Сардикѣ.

Но самымъ любопытнымъ и новымъ въ нашемъ отрывкѣ является номенклатура членовъ Юстиніановой родни—Istok, Bigleniza, Vukcizza, Lada, Vpravda, Rechirad.

Истокъ, отецъ Юстиніана, извѣстенъ у греческихъ историковъ подъ именемъ Саббатія [1]). Послѣднее имя, какъ утверждаетъ Реслеръ [2]), ѳракійскаго происхожденія и обозначаетъ бога свѣта, бога солнца, что могло даже получить значеніе прямо Востока. Отсюда впослѣдствіи, когда ѳракійское населеніе Балканскаго полуострова ославянилось, извѣстное имя Саббатія могло перейти въ славянскую форму Истокъ, что въ позднѣйшихъ славянскихъ діалектахъ имѣетъ значеніе Востока или восходящаго солнца [3]). Но, по замѣчанію Иречка, въ славянскихъ нарѣчіяхъ Балканскаго полуострова въ средніе вѣка слово Истокъ обозначаетъ fons, effluvium, ostium fluminis; въ XIV вѣкѣ встрѣчается въ Сербіи рѣка Истокъ; въ смыслѣ Oriens Истокъ появляется только въ XV вѣкѣ; но какъ имя собственное лица, Истокъ въ нашемъ отрывкѣ есть ἅπαξ εἰρημένον [4]). Bigleniza, которую Алеманнъ считаетъ сестрою Юстина и матерью Юстиніана [5]), можетъ быть, представляетъ изъ себя ославянившееся имя Vigilantia; но Иречекъ опровергаетъ это, говоря, что Bigleniza (Albula по объясненію Мар-

1) Proc. Hist. Arc. B. p. 80. Theoph. De Boor, p. 183.

2) Roesler, Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Wien. 1873. S. 42.

3) Это догадка ученаго Эванса. См. Bryce, p. 678.

4) См. письмо Иречка въ English Hist. Rev. 1887 (2) p. 685.

5) Alem. p. 415, 418.

навича) не можетъ быть понято, какъ славянское имя[1]). Vukcizza, по объясненію Марнавича (12-е объясненіе), имя славянское, lupae proprium; оно у историческихъ писателей является подъ формою или Lupicina или Lupicia [2]). Для Өеодоры въ нашемъ отрывкѣ изобрѣтено подобное по значенію славянское имя Bosidara. Тоже самое можно сказать объ имени Управда, которое Алеманномъ приписывается Юстиніану [3]), а Марнавичемъ Юстиніану и Юстину, какъ ихъ настоящія имена [4]). Управда есть просто-на-просто славянская версія Юстина и Юстиніана, взятыхъ какъ производныя имена отъ justus, justitia. Миклошичъ говоритъ, что онъ не знаетъ ни одного собственнаго имени, образованнаго отъ «pravda» [5]). Иречекъ сообщаетъ имя одного герцеговинца Radiz Oprouda (sic), упомянутое въ протоколахъ Дубровницкаго (Рагузскаго) сената во второй половинѣ XV вѣка; Oproн-da, по мнѣнію Иречка, есть Opravda, т. е. имя производное отъ глагола «opravdati» [6]).

Однимъ словомъ, всѣ имена Алеманна и нашей рукописи въ высшей степени подозрительны: или они всѣ принадлежатъ къ позднѣйшему времени, или представляютъ изъ себя болѣе или менѣе удачный переводъ латинскихъ и греческихъ именъ.

Но нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ славянскихъ именъ были въ литературѣ извѣстны ранѣе появленія нашего манускрипта, написаннаго, какъ мы видѣли, между 1609 или 1614 и 1621 годами. Въ 1605 году появилось уже упомянутое нами сочиненіе Луккари «Copioso ristretto degli annali di Rausa», гдѣ говорится, что «Селимиръ, какъ извѣстно изъ Діоклейской хроники (come si vede nell' Efemeridi di Dioclea), взялъ себѣ въ жены сестру Истока, славянскаго князя (Barone Slavo), который былъ женатъ на Биленицѣ, сестрѣ Юстиніана и матери Юстина (II), римскихъ императоровъ, которые, какъ я видѣлъ въ одной болгарской рукописи (com' ho veduto in un Diadario in Bulgaria), на славянскомъ языкѣ назывались Upravda, что обозначаетъ Юстиніана или Юстина» [7]).

---

1) Письмо Иречка р. 685.

2) Lupicina у Vict. Tun. Migne Patr. Gr. t. 68. p. 952. Λουπικίννη y Proc. Hist. Arc. B. p. 45. Λουπικία y Theod. Lect. II 37 (Theoph. De Boor, p. 165). Cedr. I 637.

3) Alem. p. 418.

4) Explicatio I-a. Bryce, p. 663.

5) Miklosich, Bildung der s'avischen Personennamen. Wien. 1860.

6) Письмо Иречка Eng. H. R. p. 685.

7) Luccari, op. cit. p. 3.

Итакъ, у Луккари тоже встрѣчаются имена нашего манускрипта; но у него Истокъ приходится зятемъ, а не отцомъ Юстиніану, Биленица-же сестрою, а не матерью. Изъ этого отрывка Луккари видно, что онъ для нашего мѣста пользовался двумя источниками: Діоклейской хроникой и какимъ-то видѣннымъ имъ въ Болгаріи славянскимъ источникомъ.

Приписываемая XII-му вѣку Діоклейская хроника[1]) черпала въ свою очередь извѣстія изъ какой-то славянской рукописи и различныхъ преданій[2]).

Интересно отмѣтить, что еще ранѣе появленія въ свѣтъ анналовъ Луккари въ литературѣ были упоминанія о славянскомъ происхожденіи Юстиніана. *Mauro Orbini* изъ Дубровника въ своей изданной въ 1601 г. книгѣ «Il Regno degli Slavi» говоритъ: «Юстиніанъ, первый императоръ съ такимъ именемъ, былъ также славянинъ»[3]). Но у Орбини мы не находимъ ни одного изъ собственныхъ именъ, которыя встрѣчаются у Луккари.

Если мы теперь бросимъ взглядъ на внѣшнія столкновенія имперіи съ врагами, поскольку они упомянуты въ нашемъ отрывкѣ, то увидимъ, что они частью заимствованы изъ латинской хроники комита Марцеллина, частью изъ славянскихъ легендъ, отрывки которыхъ дошли до насъ уже въ извѣстной намъ Діоклейской хроникѣ.

Въ отрывкѣ Марнавича есть упоминаніе о томъ, что Юстинъ, боровшійся за имп. Анастасія противъ приверженцевъ Зенона, былъ отозванъ въ Иллирію для борьбы съ Болгарами, которые незадолго передъ тѣмъ разбили римское войско и убили нѣсколькихъ вождей, въ томъ числѣ Раста; выступившій противъ Болгаръ Юстинъ возстановилъ честь римскаго оружія. Въ хроникѣ Марцеллина подъ 499 г. дѣйствительно разсказывается, что Аристъ (= Rastus Марнавича), отправленный противъ Болгаръ, потерпѣлъ страшное пораженіе на берегу рѣки Цурты, гдѣ погибъ цвѣтъ иллирійскаго воинства[4]). Въ разсказѣ Марцеллина хотя и не упомянуто о гибели

1) Діоклея-Дукля въ Черногоріи недалеко отъ Скадрскаго озера.

2) См. Engel, Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie. T. 49. B. 2. S. 446. Изданіе Діоклейской хроники, которымъ пользовался Брайсъ, на лат. языкѣ и находится въ приложеніи къ книгѣ Ioannis Lucii «De Regno Dalmatiae». Frankf. 1666. См. Bryce p. 677.

3) Orbini, Il Regno degli Slavi. Pesaro. 1601. p. 175: «Fu eziandio Slavo Giustiniano primo di questo nome imperadore». См. Bryce p. 677.

4) Marcellinus «.... Ibique Illyriciana virtus militum periit» (Migne Patr. Lat. t. 51 p. 935).

самого Ариста, но зато есть имена другихъ павшихъ вождей. Участіе Юстина въ такъ называемой исаврійской войнѣ въ царствованіе Анастасія противъ приверженцевъ Зенона — фактъ историческій[1]). О побѣдѣ Юстина надъ Болгарами источники молчатъ.

Далѣе въ нашемъ отрывкѣ появляется личность Рекирада, сына Селимира, который помогаетъ Болгарамъ, вступаетъ въ единоборство съ Юстиніаномъ и падаетъ на берегу р. Моравы отъ руки послѣдняго, за что Юстиніанъ, Юстинъ и все иллирійское воинство получили богатые подарки. Съ послѣдними словами манускрипта можно сопоставить одиноко стоящую подъ 500 годомъ у Марцеллина замѣтку: «Anastasius imp. donativum Illyricianis militibus per Paulum tribunum notariorum erogandum misit»[2]). Во всякомъ случаѣ у самого Марцеллина въ его извѣстіяхъ за 499 и 500-й годы чувствуется какой-то пропускъ: въ 499 г. римское войско потерпѣло отъ Болгаръ въ Иллиріи страшное пораженіе, а въ 500-мъ получило donativum. Можетъ быть, это и было за одержанную Римлянами побѣду, о которой молчитъ Марцеллинъ и упоминаетъ нашъ отрывокъ. Всѣ другіе источники объ этой побѣдѣ молчатъ.

Имя Селимира вводитъ насъ уже въ циклъ славянскихъ легендъ; этого имени у Марцеллина нѣтъ, и съ Селимиромъ мы встрѣчаемся въ Діоклейской хроникѣ, разсказывающей слѣдующее: у Готовъ, которые, по ея свидѣтельству, были Славяне, царствовали два брата Тотила и Остроилъ (Ostroylus); первый изъ нихъ пошелъ на Италію, добрался до Сициліи, гдѣ и умеръ; Остроилъ-же, несмотря на противодѣйствіе Юстиніана, покорилъ Иллирію и Далмацію. Сынъ его Sevioladus или Senudilaus, процарствовавъ 12 лѣтъ, оставилъ престолъ сыну своему Селимиру (Selemirus или Syllimirus), который, хотя былъ язычникомъ, тѣмъ не менѣе покровительствовалъ христіанамъ, заключилъ съ ними договоръ и сдѣлалъ ихъ своими данниками[3]). Итакъ, въ Діоклейской хроникѣ Селимиръ является внукомъ врага Юстиніана Остроила; у Марнавича-же онъ приходится дядей Юстиніану, такъ какъ сынъ его Рекирадъ называется germanus Юстиніана[4]). У Луккари Селимиръ приходится зятемъ Истока, а Истокъ зятемъ Юстиніана[5]).

1) Ioann. Antioch. Müller. Fragm. Hist. Graec. v. V fr. 214 b. См. Rose, Kaiser Anastasius I. Halle. 1882. S. 22.

2) Marcell. Migne Patr. Lat. t. 51 p. 935.

3) См. Bryce, p. 679—680.

4) О Рекирадѣ въ Діоклейской хроникѣ упоминанія нѣтъ.

5) Luccari, op. cit. p. 3.

Послѣ выздоровленія отъ полученной въ единоборствѣ раны Юстиніанъ въ нашемъ отрывкѣ является уже въ Панноніи у р. Марга, гдѣ онъ нашелъ римскаго вождя Сабиніана, который собиралъ остатки разбитаго Готами войска. У Марцеллина подъ 505-мъ годомъ мы дѣйствительно находимъ извѣстіе, что полководецъ Сабиніанъ съ большимъ войскомъ былъ на-голову разбитъ у р. Марга Гетомъ (Готомъ) Мундономъ [1]).

Кромѣ того, нашъ отрывокъ упоминаетъ о преслѣдованіи Анастасіемъ православныхъ епископовъ, въ томъ числѣ Богомила, о заступничествѣ за нихъ Юстина и Юстиніана. Съ этимъ сообщеніемъ можно сопоставить уже упомянутый нами отрывокъ Марцеллина, гдѣ дѣйствительно говорится о преслѣдованіи императоромъ многихъ епископовъ [2]).

Очень интересныя свѣдѣнія сообщаетъ нашъ отрывокъ о посѣщеніи Юстиніаномъ Теодериха, объ ихъ побратимствѣ и пребываніи перваго въ качествѣ заложника въ Равеннѣ. Но, къ сожалѣнію, это извѣстіе не подтверждается ни однимъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ, почему и сами разсказанные въ отрывкѣ факты становятся въ высшей степени сомнительными.

Изъ авторовъ, съ которыми былъ знакомъ Марнавичъ, названы имъ три: Прокопій, какъ авторъ сочиненія «de Aedificiis», Агаѳій и комесъ Марцеллинъ; первые два упоминаются при опредѣленіи мѣста рожденія Юстиніана [3]), а послѣдній при объясненіи имени вождя Раста, о чемъ было выше.

Но былъ ли знакомъ авторъ манускрипта или Марнавичъ (если предполагать ихъ различными лицами) съ «Тайной Исторіей» Прокопія, — не ясно. Брайсъ полагаетъ, что нѣкоторыя мѣста можно считать внушенными знакомствомъ съ нею. Это, во-первыхъ, та тѣнь, которая брошена на репутацію Ѳеодоры; во-вторыхъ, несогласіе на бракъ Юстиніана съ Ѳеодорой со стороны его близкихъ родственницъ: по Прокопію со стороны императрицы Евфиміи, тетки Юстиніана [4]), — по нашему отрывку со стороны его матери Биленицы, о которой Прокопій молчитъ; наконецъ, въ-третьихъ, легенда о заключеніи въ темницу и объ избавленіи отъ смерти Юстина. Дѣйствительно, раз-

---

1) Marcell. Migne. Patr. Lat. t. 51 p. 936.

2) Marcell. Migne. P. L. t. 51 p. 939. См. выше стр. 18.

3) Proc. De Aedificiis B. p. 266. Agath. Bonn. p. 324.

4) Procop. Anecd. B. p. 66: ἕως μὲν οὖν ἡ βασιλὶς περιῆν ἔτι, γυναῖκα ἐγγυητὴν Ἰουστιανὸς τὴν Θεοδώραν ποιήσασθαι οὐδεμιᾷ μηχανῇ εἶχεν.

сказъ объ этомъ находится въ «Anecdota» Прокопія, но онъ сильно отличается отъ разсказа отрывка. У Прокопія разсказывается[1]), что во время исаврійской войны при имп. Анастасіѣ главный начальникъ Іоаннъ Горбатый за какую-то оплошность со стороны Юстина заключилъ послѣдняго въ темницу и приговорилъ уже къ смертной казни; но въ ночь передъ исполненіемъ приговора Іоанну является во снѣ какой-то необыкновенный призракъ [2]) и грозно велитъ освободить приговореннаго къ смерти, что Іоаннъ и сдѣлалъ. Въ нашемъ-же отрывкѣ нѣтъ ни слова объ Іоаннѣ Горбатомъ; въ немъ, какъ мы видѣли, императору Анастасію являются во снѣ свв. Сергій и Вакхъ.

Но приведенныя мѣста отрывка настолько отличаются отъ соотвѣтствующихъ мѣстъ «Тайной Исторіи», что дѣлать какія-либо предположенія о знакомствѣ автора отрывка съ новооткрытымъ произведеніемъ Прокопія является очень рискованнымъ, тѣмъ болѣе что нашъ фрагментъ написанъ до 1621 года, а «Тайная Исторія» издана въ 1623 г.

За то при прочтеніи нашего отрывка невольно бросается въ глаза одно обстоятельство, а именно: полное отсутствіе упоминанія о извѣстномъ полководцѣ эпохи Юстиніана Велизаріѣ, имя котораго такъ легко можно было бы сопоставить со славянскимъ «Бѣлый царь» (Beli Tsar).

Всѣ эти замѣчанія относительно Барберинской рукописи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ.

Разсказъ отрывка имѣетъ полумиѳическій, романтическій характеръ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно отступаетъ отъ исторической истины.

Приведенныя въ отрывкѣ собственныя имена, очевидно, сравнительно поздняго происхожденія и представляютъ изъ себя скорѣе попытку перевода греческихъ и латинскихъ именъ на славянскій языкъ, чѣмъ наоборотъ.

Сами разсказанные факты частью взяты изъ славянскихъ легендъ, которыя окружили славное имя Юстиніана, частью изъ историческихъ источниковъ, въ родѣ комита Марцеллина, а, можетъ быть, Ѳеофана и Зонары; хотя указаній на двухъ послѣднихъ авторовъ мы въ нашемъ отрывкѣ замѣтить не могли.

1) Proc. Anecd. B. p. 43—44.

2) Proc. Anecd. B. p. 43—44: «τινα παμμεγέθητε τὸ σῶμα καὶ τἆλλα κρείσσω ἢ ἀνθρώπῳ εἰκάζεσθαι». См. также Cedr. I 635. Ephräm. B. p. 53 vers. 1101 sq. и др.

Теперь посмотримъ, какія положенія можно извлечь изъ изслѣдованія Брайса.

I) Манускриптъ Барберини есть та самая «vita Justiniani», на которую ссылался Алеманнъ, а черезъ него и послѣдующіе писатели.

II) Этотъ отрывокъ не есть самое жизнеописаніе Юстиніана,— это даже не извлеченіе изъ него, но, по всей вѣроятности, собраніе замѣтокъ относительно Юстиніана и основанныхъ имъ церквей.

III) Манускриптъ Барберини и его explicationes написаны Марнавичемъ, вѣроятно, въ Римѣ и навѣрное ранѣе 1621 года.

IV) Фактъ существованія оригинала «vita Justiniani», который будто бы хранится въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, не можетъ быть признанъ доказаннымъ, ибо единственнымъ свидѣтелемъ этого является самъ Марнавичъ, а показаніямъ послѣдняго особенно довѣрять нельзя.

V) Отождествленіе Богомила или Ѳеофила съ исторической личностью епископа Сардики Домніона, повидимому, безосновательно.

VI) Если допустить возможность существованія оригинала на Аѳонской горѣ, то онъ, по встрѣчающимся въ немъ славянскимъ именамъ, не можетъ быть древнѣе XIV-го вѣка.

VII) Заключающіяся въ нашемъ манускриптѣ легенды сами по себѣ могутъ быть древнѣе XIV вѣка; но опредѣлить время ихъ появленія совершенно невозможно за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ эти легенды имѣютъ церковную окраску и появились, можетъ быть, какъ результатъ смѣшенія легендъ болгарскихъ и сербскихъ.

VIII) Ни одно показаніе рукописи не имѣетъ цѣны настоящей исторической истины, такъ что мнѣніе относительно славянства Юстиніана, которое благодаря Алеманну такъ долго существовало въ исторической литературѣ, теперь должно быть признано неосновательнымъ. Разбираемый здѣсь отрывокъ вводитъ насъ въ циклъ славянскихъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Юстиніана, подобныхъ другимъ славянскимъ легендамъ объ Александрѣ В., аквитанскимъ о Карлѣ В., германскимъ о Теодерихѣ и Аттилѣ, британскимъ объ Артурѣ, итальянскимъ о Тотилѣ.

Итакъ, результатъ изслѣдованія Брайса относительно славянства Юстиніана отрицательный: низвергнуто историческое положеніе, которое съ легкой руки Алеманна царило въ исторической литературѣ на протяженіи болѣе двухъ съ половиной столѣтій.

Къ статьѣ Брайса приложено письмо извѣстнаго ученаго Иречка, гдѣ онъ доказываетъ позднѣйшее происхожденіе встрѣчающихся въ отрывкѣ собственныхъ именъ, о чемъ мы при случаѣ упоминали выше [1]).

Остается еще сказать два слова по поводу появившейся въ 1888 году замѣтки Ягича, которая касается новооткрытаго Брайсомъ жизнеописанія Юстиніана [2]). На основаніи того, что приведенныя въ немъ имена представляютъ изъ себя не что иное, какъ совершенно новую фабрикацію XVI — XVII вѣковъ, вышедшую aus der panslavistischen Schule der ragusano-dalmatischen Gelehrten jener Zeit, Ягичъ отрицаетъ, какъ существованіе рукописнаго подлинника этого жизнеописанія на Аѳонѣ, къ чему склоняется и Брайсъ, такъ и существованіе болгарской рукописи, которую видѣлъ Луккари. Предположеніе о томъ, что весь нашъ отрывокъ есть плодъ измышленія его комментатора Марнавича, должно быть устранено, потому что главные моменты саги уже разсказаны въ сочиненіи Луккари, изданномъ въ 1605 году, а написанномъ къ 1603 году [3]). Въ послѣдующемъ году Марнавичъ написалъ уже упомянутый нами діалогъ «de Caesaribus Illyricis», которымъ Брайсъ не былъ въ состояніи пользоваться. Ягичъ имѣлъ въ рукахъ рукописный экземпляръ этого сочиненія, гдѣ, по его словамъ, ничего особенно новаго о Юстиніанѣ не говорится; но тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о юныхъ дняхъ послѣдняго, находится замѣтка Марнавича: «Emendanda omnia ejus pueritiae et adolescentiae juxta fragmentum apud nos existens». Ясно, что это есть намекъ на открытый Брайсомъ документъ; но какъ и откуда Марнавичъ досталъ его, неизвѣстно [4]). Такъ какъ въ 1601 году Орбини въ своемъ сочиненіи «Il Regno degli Slavi», упоминая о славянскомъ происхожденіи Юстиніана, не говоритъ ни объ одномъ изъ славянскихъ именъ, которыя появились уже въ 1605 году у Луккари, Ягичъ полагаетъ, что между 1601 и 1605 годами и должны были появиться на свѣтъ эти искусственно составленныя имена; послѣднему предположенію соотвѣтствуетъ и характеръ самыхъ именъ. Аѳонская рукопись, вѣроятно, изобрѣтена Марнавичемъ [5]).

А. Васильевъ.

---

1) Письмо Иречка на французскомъ языкѣ въ «The english hist. Review». 2 (1887) p. 684 — 686.

2) Archiv für Slavische Philologie. 11 (1888). S. 300 — 304.

3) Предисловіе этой книги датировано 1-мъ января 1604 года.

4) Archiv f. Sl. Phil. 11 (1888). S. 302 — 303.

5) Arch. f. Sl. Phil. 11 (1888). S. 303.

Кому принадлежатъ каноническіе отвѣты, авторомъ которыхъ считался Іоаннъ, епископъ китрскій (XIII вѣка)?

Имя Іоанна, епископа китрскаго, какъ автора каноническихъ отвѣтовъ на вопросы дирраxійскаго архіепископа Константина Кавасилы, стало извѣстно ученому міру, занимающемуся исторіей византійскаго права, со времени перваго изданія ихъ въ 1573 г. въ сборникѣ Бонефидія (Бонфуа): Juris orientalis libri tres (p. 159 — 184). Вскорѣ, именно въ 1596 г., явилось новое изданіе тѣхъ же отвѣтовъ въ извѣстномъ Jus graeco-romanum Леунклавія (t. I, p. 323 — 335). Отсюда они перепечатаны были въ аѳинской Синтагмѣ каноновъ Ралли и Потли (т. V, стр. 403 — 420) и въ греческой Патрологіи Миня (т. 119, стр. 960—985). Всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ, по этимъ изданіямъ, 16. Въ 15-мъ отвѣтѣ находится довольно ясное указаніе на время, когда жилъ и писалъ авторъ. Здѣсь онъ представляетъ себя младшимъ современникомъ знаменитаго Вальсамона, именно—передаетъ не совсѣмъ одобрительные отзывы, какіе случалось ему слышать о сочиненіяхъ этого канониста, еще при его жизни, отъ многихъ лицъ, занимающихся въ Константинополѣ изученіемъ законовъ: Ἐγὼ δὲ καὶ ζῶντος ἐκείνου πολλῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει νομοτριβουμένων ἀκήκοα, ἐπιλαμβανομένων τινῶν τοῦ ἀνδρὸς ἐκείνου γνωμοδοτημάτων, ὡς μὴ κατὰ μοῖραν ἐξενεχθέντων, ἔν τε κανόνων ἑρμηνείαις καὶ νόμων, καὶ ἄλλοις τοιοῖσδε συντάγμασι [1]).

Но существуетъ еще другая, неизданная редакція каноническихъ отвѣтовъ Іоанна китрскаго, принадлежащая извѣстному греческому канонисту XIV вѣка Матѳею Властарю и составляющая одно изъ при-

---

1) Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, ἐκδ. ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, т. V, стр. 418. Дальше мы будемъ цитовать это изданіе сокращенно: Σύντ.

ложеній къ его алфавитной Синтагмѣ канововъ и законовъ. Въ рукописяхъ это приложеніе озаглавляется такъ: Ἐκ τῶν ἀποκρίσεων Ἰωάννου τοῦ ἱερωτάτου ἐπισκόπου Κίτρους πρὸς τὸν ἱερώτατον ἐπίσκοπον Δυρραχίου τὸν Καβάσιλαν.—Ματθαῖος ἔγνω ταυτὶ συντεταχέναι [1]). Властарева редакція отличается отъ изданной, во-первыхъ — тѣмъ, что въ ней вопросы и отвѣты слиты вмѣстѣ, т. е. тѣ и другіе излагаются въ видѣ простыхъ правилъ или мнѣній Іоанна китрскаго; во-вторыхъ — тѣмъ, что здѣсь находится только три отвѣта изъ числа изданныхъ, именно: 3-й (у Властаря 6-й), 8-й (у Властаря 29-й) и 11-й (у Властаря 1-й); всѣ же остальные (30) представляются новымъ и доселѣ неизвѣстнымъ литературнымъ достояніемъ Іоанна китрскаго. Въ позднѣйшихъ греческихъ каноническихъ сборникахъ и, конечно, въ самой церковной практикѣ отвѣты Іоанна китрскаго всего чаще употреблялись именно въ редакціи Властаря. Въ этой редакціи зналъ ихъ неизвѣстный авторъ греческаго покаяннаго номоканона или епитимейника, славянскій переводъ котораго издается въ концѣ нашего Большаго Требника [2]). Въ той же редакціи приводилъ отвѣты Іоанна китрскаго Мануилъ Малаксъ въ своей извѣстной церковно-юридической компиляціи (Νομικόν), столь распространенной у грековъ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ. Наконецъ, благодаря славянскому переводу Властаревой Синтагмы, со всѣми приложеніями къ ней, «отвѣты Іоанна священнѣйшаго епископа китрошскаго къ священнѣйшему епископу драчьскому Кавасилѣ» (конечно, въ той редакціи, какую далъ имъ авторъ Синтагмы) сдѣлались извѣстными и во всемъ славянскомъ книжномъ мірѣ. Восемь изъ нихъ приняты изъ Властаревой Синтагмы и въ нашу печатную Кормчую (гл. 58).

Ученый міръ до 1891 года зналъ каноническіе отвѣты Іоанна китрскаго только по выше указаннымъ печатнымъ изданіямъ. Но уже довольно давно было замѣчено, что если не всѣ, то большая часть этихъ отвѣтовъ должны принадлежать не тому лицу, чье имя стоитъ

1) Такое именно заглавіе имѣютъ каноническіе отвѣты Іоанна китрскаго въ одномъ изъ самыхъ старшихъ списковъ алфавитной Синтагмы Властаря — въ московскомъ синодальномъ № 149 (1342 г.), л. 207. Послѣднія слова надписи (Ματθαῖος κτλ.) прямо указываютъ на принадлежность самому Властарю принятой имъ въ свою Синтагму редакціи отвѣтовъ Іоанна китрскаго.

2) См. въ моемъ изданіи этого номоканона статьи 158, 161, 173, 191, 227 и примѣчанія къ нимъ, въ которыхъ, между прочимъ, дѣлаются ссылки и на сборникъ Мануила Малакса, доказывающія, что и этотъ компиляторъ пользовался отвѣтами Іоанна китрскаго въ той же редакціи, въ какой приводилъ ихъ авторъ нашего номоканона, т. е. въ редакціи Властаря.

надъ ними въ печатныхъ изданіяхъ, а другому, болѣе извѣстному и авторитетному—архіепископу болгарскому Димитрію Хоматину, который несомнѣнно былъ младшимъ современникомъ Вальсамона († ок. 1303 г.) и, значитъ, могъ говорить о себѣ въ этомъ смыслѣ [1]). Изъ массы юридическихъ и каноническихъ трактатовъ, а также судебныхъ рѣшеній Димитрія Хоматина по дѣламъ, подвѣдомственнымъ тогда духовной іерархіи, лишь очень не многіе (и тѣ не всегда въ полномъ видѣ) напечатаны въ выше упомянутыхъ изданіяхъ источниковъ византійскаго гражданскаго и церковнаго права. Всѣ же остальные труды его до 1891 года извѣстны были только по оглавленіямъ, напечатаннымъ Гардтомъ въ каталогѣ греческихъ рукописей мюнхенской королевской библіотеки, гдѣ подъ № 62 хранится особый сборникъ сочиненій Хоматина (числомъ около 160). Въ указанномъ году весь этотъ сборникъ, съ разными дополненіями, не всегда принадлежащими Хоматину [2]), изданъ покойнымъ кардиналомъ Питрою въ VII-мъ томѣ его Analecta sacra et classica, Spicilegio Solesmensi parata. Благодаря этому изданію, вопросъ объ авторскомъ правѣ на каноническіе отвѣты Константину Кавасилѣ безповоротно рѣшается

1) По словамъ Жижмана (см. его Eherecht der orient. Kirche, стр. 533, прим. 3), первый замѣтилъ буквальное сходство изданныхъ отвѣтовъ Іоанна китрскаго съ неизданными отвѣтами Димитрія Хоматина ученый грекъ Потли, одинъ изъ издателей аѳинской Синтагмы каноновъ.

2) Между прочимъ, Питра издалъ, въ числѣ этихъ дополненій, какъ бы *неизданныя* и принадлежащія Димитрію Хоматину: 1) три полемическія посланія противъ Латинянъ извѣстнаго Льва, архіепископа болгарскаго (col. 746 — 762); изъ нихъ только третье есть дѣйствительное ἀνέκδοτον; первое же издано Виллемъ въ Acta et scripta de controversiis ecclesiae graecae et latinae, 1861, p. 56—60, а второе—мною въ «Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ Латинянъ», 1878, стр. 146—151: — оба *съ именемъ настоящаго автора;* 2) дѣйствительно неизданный, но принадлежащій не Хоматину, а современнику Льва болгарскаго, монаху Студійскаго монастыря Никитѣ Стиѳату обширный (и едва-ли не интерполированный) полемическій трактатъ противъ Латинянъ, славянскій переводъ котораго (сокращенный?) составляетъ 47 главу патріаршей (Іосифовской и Никоновской) Кормчей (col. 762—782). Въ рукописяхъ, изъ которыхъ Питра взялъ эти дополненія, имена ихъ авторовъ не указаны. Надъ посланіями Льва болгарскаго стоитъ глухая надпись: Ἐπιστολαὶ τρεῖς χυροῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας περὶ τῶν ἀζύμων καὶ σαββάτων πρὸς τοὺς Βενετίας καὶ Ῥώμης; а въ надписаніи трактата Никиты: Ἑτέρα ἐπιστολὴ περὶ τῶν αὐτῶν καὶ περὶ σαββάτων νηστείας, γάμου ἱερέων καὶ τελείας ἀναφορᾶς, ἐπὶ τῶν πανσέπτων καὶ ἱερῶν νηστειῶν, очевидно, не содержится ни малѣйшаго намека на личность автора. Какъ могъ ученый Питра просмотрѣть то, что давно было извѣстно въ западной богословской литературѣ (говорю о *первомъ* посланіи Льва болгарскаго), — это можно объяснить только поговоркою нашихъ старинныхъ книжниковъ: «забвеніе надъ *всѣми* хвалится», а особенно надъ такими тѣлесно немощными, какимъ былъ кардиналъ Питра во время изданія сочиненій Димитрія Хоматина. Вѣчная ему память за этотъ драгоцѣнный даръ ученому міру!

въ пользу Димитрія Хоматина. Въ этомъ изданіи (столб. 618—686 и 727) мы находимъ всѣ (за исключеніемъ одного — 2-го) отвѣты, которые въ прежнихъ изданіяхъ усвоялись Іоанну китрскому [1]), а равно и тѣ четыре, которые и прежде являлись въ печати съ именемъ Димитрія Хоматина [2]). На тожество отвѣтовъ перваго съ отвѣтами послѣдняго указалъ и Питра въ своихъ примѣчаніяхъ къ подлежащимъ мѣстамъ изданнаго имъ полнаго Хоматиноваго текста. Изъ сопоставленія тожественныхъ отвѣтовъ у мнимаго и дѣйствительнаго ихъ автора получается такая таблица:

Іоаннъ китрскій (по прежнимъ изданіямъ):	Димитрій Хоматинъ (по изданію Питры):
1	8.
2	нѣтъ.
3	11.
4	12.
5—6	13.
7	16.
8	18.
9	19.
10	20.
11	21.
12	22.
13	23.
14	24.
15	27.
16	28.

Изъ этой таблицы видно, между прочимъ, что неизвѣстный копіистъ отвѣтовъ Димитрія Хоматина, усвоившій ихъ Іоанну китрскому, придерживался и самаго порядка, въ какомъ они изложены были въ оригиналѣ.

---

1) Въ числѣ изданныхъ Питрою отвѣтовъ Димитрія Хоматина нѣтъ еще отвѣта на 6-й вопросъ, будто бы предложенный Константиномъ Кавасилою Іоанну китрскому. Но это отсутствіе объясняется очень просто тѣмъ, что писецъ мюнхенскаго сборника (XVI в.) выкинулъ этотъ отвѣтъ (конечно, вмѣстѣ съ вопросомъ), какъ уже содержащійся въ предыдущемъ отвѣтѣ, о чемъ прямо замѣчено было самимъ авторомъ: ὁ αὐτὸς λόγος ἀρκέσει καὶ ἐπὶ λύσει τῆς παρούσης ἀπορίας (Σύντ. V, 407).

2) См. ихъ въ Σύντ. V, 427—436. По изданію Питры это—отвѣты 4, 6, 3 и Auctarium II (col. 727).

Гораздо сложнѣе вопросъ объ отношеніи неизданной (Властаревой) редакціи каноническихъ отвѣтовъ Іоанна китрскаго къ отвѣтамъ Димитрія Хоматина, какъ они представляются теперь въ изданіи кардинала Питры. Выше замѣчено, что всѣхъ отвѣтовъ въ этой неизданной редакціи—33 и что только три изъ нихъ находятся въ числѣ извѣстныхъ по прежнимъ изданіямъ. Но и большая часть всѣхъ остальныхъ отвѣтовъ Іоанна китрскаго у Властаря есть не болѣе, какъ формальная, а иногда и матеріальная передѣлка подлиннаго текста отвѣтовъ Димитрія Хоматина, снабженная притомъ нѣсколькими дополненіями изъ другихъ источниковъ. Вотъ таблица, показывающая, какіе именно отвѣты Іоанна китрскаго въ редакціи Властаря взяты изъ отвѣтовъ Хоматина:

Іоаннъ китрскій (въ редакціи Властаря):	Димитрій Хоматинъ (по изданію Питры):
1	21.
3	14.
5	7.
6	11.
7	26.
8	17.
12	3 (сокращенъ и передѣланъ у Властаря) [1].
14	15.
15	21 (у Властаря только самый конецъ — о св. мѵрѣ).
16—24	25.
29	18.
30	8.
31	10.

Чтобы читатель могъ наглядно судить о взаимномъ отношеніи отвѣтовъ въ той и другой редакціи, приведемъ въ примѣръ одинъ отвѣтъ, выбранный изъ числа тѣхъ, славянскій переводъ которыхъ, какъ выше замѣчено, находится въ нашей печатной Кормчей (такой

1) Властареву редакцію этого отвѣта можно сравнить съ текстомъ Хоматина по изданію ея у Аллація въ сочиненіи De consensu, p. 1123, читая приведенную здѣсь выписку изъ Іоанна китрскаго сначала (Τὰ μὲν ἔχφυλα τῶν λατίνων δόγματα) до словъ: σύμβολον τῆς τοῦ Πνεύματος σφραγίδος λαμβάνουσι. Дальнѣйшее, приводимое Аллаціемъ, не находится у Властаря и стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ предыдущимъ.

выборъ послужитъ оправданіемъ и того нашего показанія, что переводъ Кормчей сдѣланъ именно по редакціи Властаря):

5-й отвѣтъ Іоанна китрскаго по Властарю и 3-й по печатной Кормчей:

Ἐὰν συμβαίη μητροπολίτην ἱερουργῆσαι ἐν ὁρίοις τοῦ ὑπ' αὐτὸν ἐπισκόπου, κατ' ἐπιτροπὴν μὲν ἐκείνου τοῦτο γενέσθαι προσήκει, ἀναφορὰν δὲ τοῦ ἐπισκόπου ἐν τοῖς διπτύχοις οὐ ποιητέον, ἀλλὰ τοῦ πατριάρχου κατὰ τὸ ἔθος· τοῦτο γὰρ τῆς ἐν καλῷ κειμένης ἀκολουθίας καὶ τάξεως, πόρρω δέ γε ταύτης ἐκεῖνο (ркп. Синод. библіот. № 149, л. 207 об.).

Аще приключится митрополиту священнодѣйствовати въ предѣлѣхъ сущаго подъ нимъ епископа, по повелѣнію оного сему быти подобаетъ; въ возношеніи же епископа имене воспоминая не творити, но патріархова по обычаю: се бо есть еже въ добрѣ лежащаго обычая и чина, оно же далече отъ сего (гл. 58, л. 267 по изданію 1787 года).

7-й вопросъ и отвѣтъ у Димитрія Хоматина по изданію Питры (col. 635):

Εἰ συμβῇ ἱερουργῆσαι μητροπολίτην ἐν ἐνορίᾳ τοῦ ὑπ' αὐτὸν ἐπισκόπου, τίνος ἀναφορὰν ποιήσεται, αὐτοῦ ἢ τοῦ πατριάρχου, καὶ πῶς ταύτην ποιήσεται;

Τὸ ἱερουργῆσαι μητροπολίτην ἐν ἐνορίᾳ τοῦ ὑπ' αὐτὸν ἐπισκόπου ἄμεμπτον ἔσται, εἰ κατ' ἐπιτροπὴν τοῦ ἐπισκόπου γενήσεται· ἐντεῦθεν γὰρ καὶ ἡ πρέπουσα ταπεινοφροσύνη τοῖς ἱερεῦσι συντηρηθήσεται, καὶ αἱ τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων διατάξεις ἀπαράτρωτοι διαφυλαχθήσονται· τῦφον γὰρ αὗται ὀνομάζουσι καὶ ὑπὸ ἐπιτίμιον ἄγουσιν αὐστηρὸν τὸ ἐνεργεῖν τινα ἀρχιερατικὰ δίκαια ἐν προσηκούσῃ ἑτέρῳ ἀρχιερεῖ δικαιοδοσίᾳ, τῆς τούτου ἄνευ ἐπιτροπῆς· διά τι τοῦτο; τῇ μὲν τιμῇ τοῦ ἐπισκόπου καὶ τῷ ἀπεριφρονήτῳ τῆς δικαιοδοσίας ἀρκέσει τε κατ' ἐπιτροπὴν αὐτοῦ καὶ συναίνεσιν ἐν τῇ ὑπ' αὐτὸν ἐνορίᾳ ἱερουργῆσαι τὸν μητροπολίτην αὐτοῦ. Τῷ μητροπολίτῃ δὲ ἐπάναγκες ἔσται, κατὰ τὸ ἔθος, τὴν ἀναφορὰν τοῦ πατριάρχου ποιήσασθαι· ἀνένδεκτον γὰρ καὶ τάξεως θείας ἔμπαλιν, τὸ τὸν ὑπερέχοντα τοῦ ὑποκειμένου τούτῳ ποιεῖσθαι ἀναφοράν.

Въ приведенномъ сокращеніи оригинальнаго (Хоматинова) текста Властарь, какъ видитъ читатель, ни на іоту не отступилъ отъ подлин-

наго смысла своего источника. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ относится къ этому источнику съ явною критикой, даетъ его словамъ совершенно другой смыслъ. Такъ Хоматинъ, отвѣчая на послѣдній пунктъ, содержащійся въ довольно сложномъ 14-мъ вопросѣ Константина Кавасилы, именно — на слѣдующій: «должны ли священники и архіереи, послѣ исповѣди и отпущенія грѣховъ, содѣянныхъ ими *до* рукоположенія, снова исповѣдывать тѣ же самые грѣхи» (если *не* впадали въ нихъ *послѣ* рукоположенія)? — приводитъ (вслѣдъ за Вальсамономъ — см. толкованіе послѣдняго на 12-е правило анкирскаго собора) синодальное постановленіе патріарха Поліевкта, разрѣшающее императора Іоанна Цимисхія отъ епитиміи за убіеніе своего предшественника Никифора Фоки — на основаніи такого соображенія: «какъ помазаніе святаго крещенія изглаждаетъ содѣянные прежде того грѣхи, каковы бы и сколько бы они ни были, такъ, конечно, и помазаніе на царство изгладило совершенное прежде того Цимисхіемъ убійство». Хоматинъ не только вполнѣ соглашается съ этимъ разсужденіемъ, но и основываетъ на немъ (опять-таки вслѣдъ за Вальсамономъ) свой отвѣтъ (отрицательный) на выше приведенный вопросъ о священникахъ и архіереяхъ. Но Властарь утверждаетъ ту же мысль на другомъ, болѣе твердомъ основаніи, именно — на 9-мъ правилѣ Неокесарійскаго собора, а о синодальномъ постановленіи патріарха Поліевкта, приравнивающемъ очистительную силу помазанія на царство съ дѣйствіемъ таинствъ крещенія и священства, дѣлаетъ такой строгій отзывъ: τοῦτο κολακείας μᾶλλον, ἢ ἀληθείας ἔχεται· μὴ γὰρ οἷός τε ὢν (т. е. патріархъ), ὡς ἔοικε, μεταποιῆσαι τὸ γεγονὸς, θεραπείας ἐπενόησε πρόσχημα ἀθέμιτον πλέον ἢ ψευδές.

Въ редакціи Властаря, какъ выше замѣчено, отвѣты Іоанна китрскаго, взятые у Димитрія Хоматина, снабжены еще разными дополненіями изъ другихъ источниковъ. Большая часть этихъ дополненій выписана изъ отвѣтовъ Вальсамона на вопросы александрійскаго патріарха Марка. Такъ, кромѣ 4 дополненій, указанныхъ мною въ примѣчаніяхъ къ 158, 161, 173 и 191-й статьямъ Номоканона при Большомъ Требникѣ, у Властаря находятся еще слѣдующія заимствованія изъ того-же самаго источника: 2-й отвѣтъ Іоанна китрскаго есть сокращеніе 51 и 52 отвѣтовъ Вальсамона, 10-й — 13-го, 13-й — 14-го, 28-й — 10-го, 32 — 49-го, 33 — 5-го. Въ оправданіе сказаннаго приведемъ одинъ примѣръ:

32-й отвѣтъ Іоанна китрскаго по Властарю:

Ὁ συμφθαρεὶς ὀρθόδοξος ἰουδαίᾳ ἢ ἀγαρηνῇ γυναικὶ οὐκ ἀναβαπτίζεται διὰ τὸν μολυσμόν, ἀλλὰ σφοδρότερον πόρνου ἐπιτιμᾶται, καὶ ὡς κοινωνίας σατανικῆς ἀνασχόμενος.

49-й отвѣтъ Вальсамона Марку александрійскому:

Ἐὰν ὀρθόδοξος συμφθαρῇ μετὰ ἰουδαίας ἢ ἀγαρηνῆς γυναικός, δι' ἐπιτιμίου διορθωθείη, ἢ ἀναβαπτισθήσεται;

Ὁ μὲν μζ' κανὼν τῶν ἁγίων καὶ πανευφήμων Ἀποστόλων ταῦτα φησίν (слѣдуетъ текстъ правила). Ἴσως οὖν εἴποι τις καὶ τὸν πορνεύσαντα ὀρθόδοξον μετὰ τῆς ἀσεβοῦς μολυνθῆναι καὶ ἀναβαπτισθῆναι ὀφείλειν· οὐκ ἔστι δὲ τοῦτο ἀληθές· ἐκεῖνος γὰρ μολύνεται παρὰ τῶν ἀσεβῶν, ὃς ἑκοντὶ μὲν ἀπονίπτεται τὸ θεῖον καὶ ἅγιον βάπτισμα, ἐνδύεται δὲ βάπτισμα ἀσεβῶν. Δι' ἐπιτιμίου γοῦν σφοδροτέρου κατ' ἐπισκοπικὴν διάκρισιν διορθωθείη καὶ ὡς πόρνος, καὶ ὡς κοινωνήσας μετὰ ἀσεβοῦς κοινωνίας σατανικῆς, ἀλλ' οὐ βαπτισθήσεται (Σύντ. IV, 484).

И такъ въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ Іоаннъ китрскій жилъ въ памяти потомства, можно сказать, на чужой счетъ. Какъ объяснить это загадочное явленіе? За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, остается прибѣгнуть къ предположеніямъ. Возможны два предположенія: или Іоаннъ китрскій позволилъ себѣ плагіатъ, примѣры котораго у византійскихъ писателей XI—XIV столѣтій встрѣчаются довольно часто [1]); или позднѣйшіе переписчики и составители каноническихъ сборниковъ, по недоразумѣнію или по хаотическому состоянію своего матеріала, сохранявшагося въ

1) Такъ въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай доказать, что въ XIII вѣкѣ нѣкто Доксопатръ присвоилъ себѣ цѣлый комментарій Алексѣя Аристина на Синопсисъ (сокращенный текстъ) общепринятыхъ церковныхъ правилъ. Подобной же участи подвергалась, по указанію Цахаріэ, и выше упомянутая церковно-юридическая компиляція Мануила Малакса: въ позднѣйшихъ спискахъ она являлась съ именами другихъ авторовъ и съ новыми датами своего происхожденія (См. Zachariae, Die Handbücher des geistlichen Rechts, S. 6).

неисправномъ письменномъ преданіи, приписывали Іоанну китрскому то, что ему не принадлежало, какъ это мы уже видѣли въ примѣрѣ Властаря, усвоившаго тому же Іоанну китрскому нѣсколько отвѣтовъ Вальсамона.

Изъ всего, что до сихъ поръ считалось литературнымъ достояніемъ названнаго китрскаго епископа, на его долю остается очень немного, именно одинъ только 2-й отвѣтъ изъ числа тѣхъ 16-ти, которые стоятъ подъ его именемъ въ прежнихъ изданіяхъ, и два правила у Властаря (26 и 27-е — о постѣ въ среду и пятокъ). Но едва-ли и эти скудные остатки прежней (мнимой) литературной собственности Іоанна китрскаго не должны отойти къ другимъ авторамъ — по дѣйствительной принадлежности. Что касается, въ частности, до упомянутаго 2-го отвѣта, въ которомъ идетъ рѣчь о Латинахъ, то при рѣшеніи вопроса о его принадлежности Іоанну китрскому или Димитрію Хоматину нельзя упускать изъ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: во-первыхъ, указанный отвѣтъ отличается тѣмъ же, весьма рѣдкимъ у тогдашнихъ византійскихъ писателей, духомъ терпимости въ отношеніи къ латинскому западу, какимъ проникнуты всѣ отвѣты Хоматина подобнаго же содержанія (см. въ изданіи Питры 3-й и 8-й отвѣты Константину Кавасилѣ и сюда же принадлежащее Auctarium II на столб. 727, что̀ равно 4-му отвѣту Хоматина въ прежнихъ изданіяхъ); во-вторыхъ, въ мюнхенской рукописи, по которой изданы Питрою занимающіе насъ отвѣты Хоматина, указанъ пропускъ одного отвѣта, которому слѣдовало бы стоять между 9-мъ и 10-мъ [1]). Почему не предположить, что этотъ недостающій теперь отвѣтъ былъ тожественъ со 2-мъ отвѣтомъ Іоанна китрскаго по прежнимъ изданіямъ? Выше замѣчено, что 1-й отвѣтъ того же мнимаго автора есть двойникъ 8-го отвѣта Димитрія Хоматина (по изданію Питры) и что дальнѣйшій порядокъ отвѣтовъ псевдо-Іоанна китрскаго слѣдуетъ порядку, принятому въ ихъ оригиналѣ. А для предполагаемаго нами источника или, точнѣе, подлинника 2-го Іоаннова отвѣта мюнхенская рукопись указываетъ мѣсто *именно послѣ 8-го* отвѣта Хоматина. — О выше упомянутыхъ двухъ правилахъ, приписанныхъ Іоанну китрскому Властаремъ, достаточно замѣтить, что авторское право на нихъ можетъ быть отдано любому византійскому книжнику XI—XIV в., знакомому съ современнымъ церковнымъ уставомъ и монастырскими типиками. Одно изъ этихъ пра-

1) См. это указаніе у Питры на столб. 637—638.

I

жилъ

объя

данны

ложе

лилъ

XIV с

писчик

или по

---

1) Т
Доксопа
(сокраще
подверга
пиляція
гихъ авто
bücher de

О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы для возстановленія и исправленія ея греческаго текста.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Осенью 1889 года, будучи командированъ съ научною цѣлью въ Москву, я занимался здѣсь въ синодальной рукописной библіотекѣ и въ библіотекѣ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ изученіемъ рукописей, содержащихъ славянскій переводъ греческой хроники Іоанна Малалы.

Отвлеченный другими работами, я не имѣлъ съ тѣхъ поръ возможности подвести итоги собранному матеріалу и только въ статьѣ: «Іоаннъ риторъ» (Учен. Зап. Каз. Унив., 1890 г., кн. 5, стр. 97—132) воспользовался имъ для доказательства зависимости отъ Малалы церковнаго историка Евагрія.

Настоящая статья должна служить дополненіемъ къ названной выше и содержитъ все то, что я могъ сдѣлать по вопросу о значеніи славянскаго перевода для возстановленія и исправленія греческаго текста Малалы. Я далекъ, конечно, отъ мысли, чтобы мною былъ исчерпанъ весь матеріалъ, доставляемый славянскими рукописями по данному вопросу, но сочту свою задачу выполненною, если моя работа возобновитъ интересъ къ памятнику древне-славянской переводной литературы, служащему столь важнымъ пособіемъ къ критикѣ текста греческаго подлинника, значительно искаженнаго въ единственной извѣстной намъ рукописи.

Было бы весьма желательно, чтобы богатый матеріалъ для критики греческаго текста, заключающійся въ славянскомъ переводѣ, до сихъ поръ доступный только въ мѣстахъ храненія рукописей, сталъ общимъ достояніемъ изслѣдователей путемъ его изданія.

Въ первой части своей работы я поставилъ себѣ задачею опредѣлить отношеніе между текстами перевода различныхъ рукописей и

ихъ сравнительную цѣну. Правда, мнѣ пришлось при этомъ ограничиться только тремя рукописями, но и изъ ихъ сличенія достаточно выяснилось, что, взявъ за основной текстъ перевода текстъ одной рукописи, необходимо возстановлять ея пробѣлы и исправлять ея искаженія по другимъ рукописямъ. Изъ трехъ рукописей, которыми я пользовался, каждая имѣетъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятельное значеніе.

Во второй части работы я даю сводъ тѣхъ дополненій и исправленій греческаго текста, какія содержитъ славянскій переводъ. Замѣчательно, что весьма многія изъ нихъ находятъ подтвержденіе въ текстахъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, пользовавшихся Малалою. Въ славянскомъ переводѣ, какъ въ фокусѣ, соединяются лучшія чтенія и болѣе или менѣе значительныя дополненія къ боннскому тексту Малалы, какія можно собрать въ различныхъ греческихъ текстахъ, такъ или иначе проистекающихъ изъ Малалы. Чѣмъ болѣе привлекаемъ мы этихъ текстовъ къ сличенію со славянскимъ переводомъ съ одной стороны и съ греческимъ боннскимъ текстомъ съ другой, тѣмъ болѣе становится для насъ яснымъ, что въ рукахъ славянскаго переводчика находился подлинникъ, редакція коего неизмѣримо превосходила своими достоинствами редакцію, представляемую оксфордской греческой рукописью.

Кромѣ извѣстныхъ позднѣйшихъ хроникъ: Пасхальной, Ѳеофана, Кедрина, я пользовался при сличеніи текстовъ анонимной лѣтописью X в., изданною Крамеромъ во 2-мъ т. Anecd. Graec. Paris. (Ἐκλογὴ ἱστοριῶν, p. 166 sqq.), сборниками фрагментовъ Малалы и Іоанна Антіохійскаго Крамера (въ томъ же томѣ Anecd. gr.) и C. Müller'a (въ IV т. Fragm. hist. graec.), извлеченіями изъ эскуріальской рукописи Малалы Th. Mommsen'a (Hermes B. VI) и тускуланскими фрагментами, изданными Mai во второмъ томѣ Spicilegii romani (Romae. 1839).

Но славянскій переводъ даетъ нѣкоторыя такія дополненія, какихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ сохранившихся греческихъ текстовъ. Въ этомъ случаѣ приходится прибѣгать къ обратному переводу, какъ сдѣлалъ Haupt для предисловія хроники и нѣкоторыхъ уже напечатанныхъ извлеченій изъ славянскихъ рукописей. Не считая себя достаточно опытнымъ, я предпочелъ оставлять славянскій текстъ безъ перевода въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не могъ быть увѣренъ въ правильности своей передачи его на греческій.

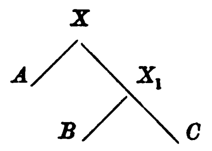
Болѣе всего я старался избѣгнуть весьма возможной ошибки приписать Малалѣ что нибудь принадлежащее какому-либо изъ другихъ источниковъ, вошедшихъ въ составъ лѣтописныхъ компиляцій, сохраняющихъ намъ переводъ Малалы. Этихъ постороннихъ элементовъ я не касаюсь въ своей работѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ архивской рукописи, которые обнаруживаютъ большое сходство съ текстомъ комментарія Нонна къ Григорію Богослову и которые не были указаны прежними описателями упомянутой рукописи.

I.

О ВЗАИМНОМЪ ОТНОШЕНІИ МЕЖДУ ТЕКСТАМИ СЛАВЯНСКАГО ПЕРЕВОДА ВЪ РУКОПИСЯХЪ.

Всѣ извѣстныя лѣтописныя компиляціи, въ составъ коихъ входитъ переводъ Малалы, представляютъ очень позднія копіи его, страдающія многочисленными пробѣлами и другими искаженіями оригинала. Потому мы можемъ разсчитывать приблизиться къ послѣднему лишь до нѣкоторой степени и именно на столько, на сколько ошибки и пропуски одной рукописи избѣгнуты редакторомъ или переписчикомъ другой.

Сравнительное изученіе славянскихъ текстовъ, въ ихъ отношеніи къ греческому подлиннику, дало намъ возможность установить между тремя славянскими рукописями, которыя были въ нашемъ распоряженіи, зависимость, выражающуюся въ слѣдующей схемѣ:

Тексты перевода Малалы всѣхъ трехъ рукописей проистекаютъ изъ нѣкоторой общей редакціи X, но архивская рукопись — A ближе къ ней, а нѣкоторыя сходныя черты, удаляющія отъ нея синодальные списки: № 280 — B и № 86 — C, заставляютъ предполагать для этихъ двухъ списковъ особую общую редакцію текста перевода—X_1 [1]).

1) Описаніе арх. рукописи, срв. у кн. Оболенскаго во Временникѣ Импер. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. IX, у ак. И. И. Срезневскаго въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ. Т. 34, архимандрита Леонида, Русск. Вѣстникъ. 1889, апрѣль; синодальныхъ списковъ — у А. Н. Попова, Обзоръ хроногр. русск. ред. Выпускъ I.

Представляемъ теперь основанія принятой нами генеалогіи рукописей:

I. Происхожденіе текстовъ всѣхъ трехъ рукописей изъ общей редакціи перевода явствуетъ прежде всего изъ ихъ дословнаго сходства, нарушаемаго лишь неизбѣжными въ исторіи всякаго текста разночтеніями.

II. Общая редакція обнаруживается въ частности въ одинаковыхъ сокращеніяхъ и пробѣлахъ сравнительно съ греческимъ подлинникомъ.

Въ болѣе значительной части перевода, общей всѣмъ тремъ рукописямъ —, Mal. p. 196,11 — p. 257,21, срв. арх. сп., лл. 342 — 400, синод. № 280, л. 152 обор. — 177 обор., синод. № 86, лл. 166 — 209, находимъ слѣдующіе пропуски:

Mal. p. 196,14—15 Αἰγυπτίων — κράτει, 17—18 τοῦ υἱοῦ Λάγου, p. 197,3 Πτολεμαῖος, 13 Ἰμπεράτορος, p. 198,21 πάσης καί, p. 199,16—200,18 τοῦ ἡλίου ἀνατέλλοντος, p. 200,20 κτίσας εὐθέως — 201,3 θυσίαν, p. 201,5 καὶ ποιήσας — 10 τῆς Κιλικίας.

Сокращенный текстъ p. 200—201 во всѣхъ трехъ спискахъ читается такъ:

създа же на антиѡхию въ имѧ сна своего антиѡха и прирокомь сотира. разоривъ антигонию до ѡснованиѧ принесъ все потребие ѿ него по водѣ. градъ же росъ сътворенъ бѣ ѿ килика сна агинорова[1]).

Mal. p. 202,2 — 3 καὶ τελευτᾷ — πόλεως ρ', 5 — 7 οὕστινας — τῷ ἀετῷ, 15 — 21 ἐποίησε δὲ ὁ αὐτὸς — ἅμα αὐτῷ, p. 203,2 κατὰ τὸ ἔθος, 2—10 καὶ αἰτησάμενος — εἰς τύχην τῆς αὐτῆς πόλεως, 13 καὶ τειχίσας — Σέλευκος, 14—16 θυσίαν — τὸ ὄνομα τοῦτο, 17—20 ἐποίησε δὲ — τὰ τείχη, p. 204,1 ὡς ἔδοξεν αὐτῷ ὁ Σέλευκος, 10 — 11 πλησίον — κυπαρίσσους, 12 — 13 τοῦ τελεστοῦ — αὐτήν, 13 πόλιν, 21 Στρατονίκην.

Сокращенный текстъ p. 204,9 sqq. по арх. списку читается такъ:

тои же селеоукосъ и во ираклидѣ нынѣ же нарицѧемемъ дафнь. насади кѵпарисъ ѿ ираклиѧ ираклидоу. тои же град вне оу доубравы възданъ оу храма афины.

---

1) Этотъ текстъ архивскаго списка исправляется синодальнымъ № 280: антиѡхію, и опущ. Вообще же текстъ архивскаго списка болѣе исправенъ, такъ какъ восходитъ къ болѣе старой редакціи, нежели синодальные списки.

Mal. p. 205, 14 Ἀντίοχος — Ἐπιφανής, 15 τῇ μεγάλῃ, 21 — 22 Ἐπιφανίαν πόλιν — ἐπὶ τὸ ὄρος, 23 ὁ Ἐπιφανής, p. 206, 19 καὶ πολιορκήσας — 21 καὶ τοὺς Μακκαβεῖς, p. 207, 1 καὶ Ἀθηνᾶς, p. 208, 1 τῷ καὶ φεβρουαρίῳ, 2 — 4 μετὰ δὲ τὸ πληρωθῆναι — καὶ βελτίων ἐγένετο, 22 Μάγνος — ὁ Μακεδών.

По арх. сп. p. 208, 22 sqq. читается такъ: по сихъ же бысть оупатъ иже оуби на сѣчи ц҃ра македонска именемъ прьса (л. 349 нач.). p. 209, 15 — 18 по арх. сп.: великаго скипиѡна иже еще соущю аннивалꙋ аврикию погоуби, пожегъ и градъ картагенъ.

p. 216, 7 Ἰουλίου, 15 ἐν Ἀντιοχείᾳ — καὶ ἀσύλῳ, 17 Ἰούλιος Γάϊος, p. 217, 2 — 3 καὶ μονομάχιον καί, p. 218, 10 Πρωτέως, 13 καὶ ἀλόγων, p. 219, 20 ἐκ τῆς συγκλήτου — Μάρκον, p. 220, 1 ναυμαχίας, 13 κρύφα δηχθεῖσα, 21 Ὀκταβιανός, 22 τῷ στρατηγῷ καί, p. 221, 7 Ὀκταβιανός, 21 καὶ τῆς Ἀσιανῆς, p. 222, 18 — 20 τὸ νυνὶ λεγόμενον — Ἀγριππιτῶν, p. 224, 1 — 3 Παλαιστίνης — Καισάρειαν[1]), p. 226, 7 α', 10 παρθένον καί, Μαρίαν, p. 227, 11 ἔτη ͵βφλγ' — Φαλέκ, p. 228, 6 καὶ θεός — ἐμφέρεται, 13 ὡς προεῖπεν ἡ γραφή, 16 ὁ δεσπότης ἡμῶν Ἰησοῦς ὁ Χριστός, 19 σοφοί, θεοφιλέστατος χρονογράφος, 20 ὁ γενόμενος ἐπίσκοπος Καισαρείας Παλαιστίνης, p. 229, 1 ὅλων, καὶ κύριον Ἰησοῦν, 4 Ἰησοῦς, p. 230, 10 καὶ ἤλθομεν προσκυνῆσαι αὐτῷ, 14 ἐν ὑπατείᾳ Οὐϊνδικίου καὶ Οὐαλερίου, 16 αὐτόν, p. 231, 1 τῆς τοῦ λιμίτου, 7 καθὼς ἡ θεία λέγει γραφή[2]) — 8[3]), p. 232, 6 ὁ σοφός, 11 καὶ Σεχτικιανοῦ, p. 232, 16 — 234, 9, p. 234, 15 κεῖται — 18 βασιλεύς, 22 ἔκτισε δέ — 235, 8 ἐξέθετο, 10 εὐρηκώς — 236, 2, 10 τῆς Παλαιστίνης[4]), p. 237, 4 οἰκοῦσα — Βερονίκη, 16 εἰς ἰατρούς, p. 238, 4

1) Въ синод. № 86 переводъ Малалы на л. 168 доведенъ до Mal. p. 226, 6. Затѣмъ, послѣ посторонныхъ вставокъ, на л. 175 встрѣчаемъ отрывокъ Малалы p. 229, 18—19 εἰς τ. Ἰουδαίαν χώραν. Далѣе, послѣ нѣкоторой посторонней вставки, на лл. 176 — 177 находимъ отрывокъ — p. 229, 19 ἐκέλευσεν — p. 231, 2, а на л. 181 обор. — Mal. p. 231, 9—11 Наконецъ съ л. 182 начинается опять послѣдовательный переводъ Малалы съ p. 231, 12.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ — Mal. p. 226 — 231 всѣ послѣдующія замѣтки пропусковъ перевода относятся только къ спискамъ архивскому и синодальному № 280.

2) Въ синод. № 280 это — послѣдняя фраза, въ архивск. и синод. № 86 она опущена.

3) Что, кромѣ указанныхъ въ предпослѣднемъ примѣчаніи отрывковъ, все остальное содержаніе № 86-го на лл. 168—182. проистекаетъ не изъ Малалы, достаточно доказываетъ фактъ полнаго сходства съ боннскимъ текстомъ, pp. 226 — 231, малал. текста синод. № 280 и арх.

4) p. 236, 13 καὶ ἀπέτεμεν — 14 χώρας въ арх. сп. замѣнено болѣе подробнымъ изложеніемъ Іосифа Флавія. Въ синод. № 86 p. 236, 13 καὶ ἀπέτεμεν — p. 237, 1 ὁ αὐτὸς βασιλεὺς вытѣснено болѣе подробнымъ евангельскимъ разсказомъ (л. 184 обор. — л. 185).

λόγῳ, p. 239, 8 ἡ αὐτὴ — αἱμόρροους, 10 ἐκ χαλκοῦ θερμηλάτου, p. 240, 4 въ арх., синод. № 280 περί που[1]), 21 ἕκτῃ τῆς ἡμέρας, p. 241, 1 ὁ δὲ κύριος, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος, 2 ὥρα ἦν ὡς θ', 18 ἐπὶ τῆς γῆς, 19 ὁ κύριος—Χριστός, p. 242, 21 οἱ χρονογράφοι, p. 243, 13 τοῦτο τὸ μετὰ τ. Μακεδόνας, p. 243, 18 — 244, 14.

p. 243, 17 — 18 по синод. сп. читается такъ: и посла цр҃ь съꙁда е.

p. 244, 17 ἄχρι τῆς βασιλείας αὐτοῦ, p. 246, 8 ἔκτισε δὲ καὶ Βρεττανίαν πόλιν, 13 ἐσείσθη — 16 Κλαύδιος, p. 246, 23 — 247, 1 μεγάλης πόλεως τ. Συρίας, p. 247, 20 ὁ Ἑβραίων φιλόσοφος, 21 εἰρηκὼς καὶ τοῦτο, p. 248, 4 Ἰουδαίοις — 6 ὥστε, 20 ἐπιτελεῖσθαι, p. 249, 1 καὶ τὰς μὲν ἀρχὰς — 22.

p. 248, 5 — 6, 20 sqq. въ арх. спискѣ читается такъ (л. 347): Въ цр҃тво его клавдиѧ антиѡхіистіи соури пѧть на година. просиша праꙁдновати коуклами дѣтьсками. на столпъ лаженіемъ. браніемъ оутеканіемъ конскымъ. сѣчевнымъ и преспѣваніемъ[2]).

p. 250, 5 πᾶσα, 16 εὔμορφος — ἀπλόθριξ, 21 ἀναγάγαι, p. 251, 1 τῶν αὐτοματιστῶν, 7 διὰ Μάξιμον, 21 καὶ γενέσθαι — 22 χριστιανόν, p. 252, 3 ὁ ἀπὸ φιλοσόφων, 6 μάγος, 25 πρῴην, p. 254, 2 τοῦ Πέτρου — ἀλλήλων, 12 καὶ ἐπηρώτησε — 13 ὁ Χριστός, p. 255, 7 καὶ ἀπεδόθη — 9 ζῆσαι, p. 256, 10 ἤτοι πατριάρχην, 12 ἅγιος, 15 κα Καπίτωνος, 22 πεμφθεὶς, p. 257, 5 ἔτι περιὼν τῇ ἡλικίᾳ.

Разсматривая всѣ эти пропуски и сокращенія, мы увидимъ, что одни изъ нихъ, какъ не нарушающіе смысла текста, можно приписать еще первоначальному переводчику, который могъ намѣренно сокращать текстъ и то опускалъ цѣлые отрывки, то отдѣльныя слова подлинника, другіе вѣроятнѣе считать за искаженіе текста переписчиками еще въ той редакціи, къ которой возводятся тексты всѣхъ трехъ рукописей.

Сюда мы относимъ пропуски ἐξ ὁμοιοτελεύτου и другіе подобные пробѣлы, нарушающіе смыслъ. Напр., p. 202, 2 sq., p. 204, 10 sqq., p. 209, 16 sqq., p. 216, p. 221, 21, p. 224, 1 — 3 и проч.

III. Сходство нѣкоторыхъ составныхъ элементовъ, съ коими свя-

1) Въ синод. № 86 Mal. p. 240, 3 — 242, 6 вытѣснено евангельскимъ текстомъ; совпаденія съ текстомъ Малалы p. 241, 21 — 23 (л. 189 обор.) и p. 242, 3 — 6 (л. 190 обор.), вѣроятно, объясняются общностью источника. На л. 191 читаемъ: сіи же ирѡд въ изъ въпаде болѣвши емоу м҃ць и оубіенъ бысть въ полатѣ своеи и пѡ осми м҃цехъ съвѣдоущи женѣ его сіе (cf. p. 239, 18 — 240, 1). Ст҃льствовахоу же въ іюдеи страннѣ анна и каиафа пѡ м҃.-тихъ лѣтехъ вшествіѧ (p. 242, 7 sqq.). Фразу p. 240, 2 καθὼς — συνεγράψατο въ № 86 находимъ послѣ p. 239, 17 (л. 186).

2) Изъ разночтеній синод. сп. № 280 отмѣтимъ: пѧтоигрьнагодына.

занъ переводъ Малалы въ разсматриваемыхъ нами лѣтописныхъ компиляціяхъ, поддерживаетъ вышеуказанные признаки общей редакціи и заставляетъ предполагать, что еще въ этой общей редакціи переводъ Малалы былъ соединенъ съ извлеченіями изъ другихъ источниковъ.

Переходимъ теперь къ доказательству независимости текстовъ синодальныхъ списковъ отъ архивскаго и наоборотъ.

Прежде всего укажемъ тѣ мѣста, гдѣ текстъ архивскаго списка восполняетъ пробѣлы синодальныхъ и, наоборотъ, синодальные возстановляютъ пропуски архивскаго.

I. Текстъ архивскаго списка восполняетъ пробѣлы синодальныхъ:

Mal. p. 208, 14 sqq., арх. сп., л. 347, л. 348 обор., синод. 280, л. 158 (86, л. 157).

.... τοῦ Διονίκους τοῦ λεπροῦ τοῦ πατρὸς Κλεοπάτρας καὶ Ἀντιοχίδος. Ἐν δὲ τοῖς χρόνοις τῆς βασιλείας τῶν πρὸ Ἀντιόχου τοῦ Διονίκους τοῦ προειρημένου ἐτυράννησε Ῥωμαίους.	Арх. сп. .... диωниса прокаженаго ѿца клеωпатры и антиωха. л. 348 обор. (послѣ вставки изъ посторонняго источника). В лѣта же прѣреченнаго антиωха диωниса въста на рѹмы ....

Синод. диωникомь предреченным въстаа рѹмыи цр҃ь. Слѣдовательно здѣсь пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

Mal. p. 210, 22, арх. сп., л. 349: ѕлата четыре таланта и сребра такожде до живота своего, въ синод. опущено: καὶ ἀργύρου.

p. 211, 21 ωбрѣте весь и сътвори град (арх.), синод. опускаютъ: καὶ ἐποίησε πόλιν.

p. 212, 9, 20 ὁ Διονίκους, опущенное въ синодальныхъ спискахъ, находимъ въ архивскомъ.

p. 217, 17 μικρός переведено въ архивскомъ, но опущено въ синодальныхъ.

p. 227, 8, арх. прежде ωсми каландъ, въ синод. число опущено.

p. 239, 16, арх. сп., л. 388: всѣхъ цр҃ствовавши въ іоудѣистеи странѣ, синод. 280, л. 168, 86, л. 186 обор.: всѣхъ въ иоудѣистѣи странѣ.

p. 240, 10, арх.: и абие жена его прокла, въ синод. τοῦ αὐτοῦ — Πρόκλα опущено.

15 арх. сп. лоунѣ имоущи д҃і день, въ синод. τῆς σελήνης — ιδ' опущено.

p. 246, 6 въ синод. опущено: εὔογκος, γλαυκόφθαλμος, 7 μάκροψις, но срв. текстъ арх. сп. у Оболенскаго, стр. LIII.

р. 252, 19 арх. сп. сохраняетъ опущенное синодальнымъ: Симонъ влъховъ иде к немоу инде живаше.

II. Синодальные списки восполняютъ пробѣлы архивскаго:

Mal. p. 208, 17 sq., арх. сп., л. 347 поуросъ и ѿ ипира приимъ пророчение такоже оумираеть. Синод. 280, л. 158 поуросъ ѿ ипира приимь пророчение ꙗкоже ѿ жены оумираеть.

Mal. p. 229, 18 κατάσκοποι μάγοι ἀπὸ Περσίδος εἰσῆλθον εἰς τὴν Ἰουδαίαν χώραν· καὶ ἐκέλευσεν αὐτοὺς συσχεθῆναι. ἦλθον γὰρ ἀπὸ τῆς Περσίδος μάγοι, γνόντες, ὡς μυστικοί, διὰ τοῦ φανέντος ἀστέρος τοῦ μηνύσαντος εἰς τὴν ἀνατολὴν τὴν τοῦ σωτῆρος Χριστοῦ ἐνανθρώπησιν.

Синод. 280, л. 165 обор. прелагатыи влъсви ѿ пръсъ влѣзлѣ соуть въ пръскыꙗ ꙁемлꙗ въ іоудѣискоую странꙋ и повелѣ ꙗти ꙗ. придоша же бо ѿ пръсъ влъсви раꙁꙋмѣвше ꙗкоже иꙁвѣщеніе приимше и проч.

Арх. сп., л. 365 обор. прелагатыи влъсви ѿ пръсъ и влѣзли соуть въ іюдѣискоую страноу пріидоша ѿ пръсъ влъсви. раꙁоумѣвше ꙗкоже иꙁвѣщение приимше.

Mal. p. 236, 16 ....διὰ Ἡρωδιάδα τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, ὅτι ἔλεγεν αὐτῷ ὁ Ἰωάννης. Οὐκ ἔξεστί σοι ἔχειν τὴν γυναῖκα τοῦ ἀδελφοῦ σου, καθὼς ἐν ταῖς θείαις ἐμφέρεται γραφαῖς ταῦτα. καὶ λυπούμενος διὰ τὸν Ἰωάννην κτλ.

Синод. 280, л. 167. .... иродьꙗды ради жены филиппа брата его. глаше бо емꙋ іѡаннъ. не достоить ти еꙗ имѣти .... ꙗкоже въ бжтвьных пишетсꙗ книгах и жалꙗ си и проч.

Въ архивскомъ спискѣ послѣ словъ: въ вопатию флакона и рꙋфона (л. 387 обор.) дальнѣйшій малаловскій текстъ, послѣ обычнаго здѣсь заглавія (Како вереникъꙗ испроси оурода и проч.), читается такъ: сии же ирѿ црь вторыи по филиппе желꙗ си по иѡаннѣ и проч.

Mal. p. 237, 11—12 δικαιοσύνη καὶ φιλανθρωπία καὶ αἱ λοιπαὶ τῶν ἀρετῶν πασῶν περιστέφουσι τὴν ὑμετέραν θείαν κορυφήν.

Синод. 280, л. 167; 86, л. 185: правда и члколюбие на добродѣꙗние хранꙗть вашꙋ бжтвенꙋю главѫ.

Арх. сп. правда члколюбиꙗ хранꙗть вашю бжтвенноую главу.

Mal. p. 257, 7 εὐπώγων, ὑπογελῶντα ἔχων τὸν χαρακτῆρα, φρόνιμος, ἠθικός, εὐόμιλος, γλυκύς, ὑπὸ πνεύματος ἁγίου ἐνθουσιαζόμενος καὶ ἰώμενος.

Синод. 280, л. 174 добробрадъ осклабленомь лицемь моудръ добрѣрѣчивъ сладко ѿ сто дха бесѣдоуꙗ и исцѣлꙗꙗ.

Менѣе полный переводъ арх. списка срв. у Оболенскаго, стр. LIV.

Независимость текста перевода Малалы архивскаго списка отъ общей редакціи синодальныхъ проявляется далѣе въ отсутствіи въ немъ повтореній, ошибкою переписчиковъ вошедшихъ въ текстъ этихъ послѣднихъ.

Mal. p. 209, 7—8, срв. № 280, л. 158 обор., № 86, л. 157 обор.

№ 280 и № 86 одинаково повторяютъ, послѣ: лѹкыωсъ паоулосъ, фразу: сего҃ палефата поминаеть того же пръсеѧ. Въ арх. сп., л. 349 этого повторенія нѣтъ: сеже и палефата поминаеть того же пръсеѧ кораблеборцѧ. сѣкиисѧ оуби лоукиωгъ (sic) паоулоωсъ дроугыи оупатъ роумескъ.

Mal. p. 222, 5 sqq., срв. № 280, л. 163, № 86, л. 165.

Послѣ: μετὰ βοηθείας πολλῆς, съ многою силою, въ синодальныхъ спискахъ читаемъ: № 280. и фѹию҃ (№ 86 и фиию) пакатианнѹ (№ 86 пакатиаю) тоѧже епархиа бывшѹ покорнѫ роумомъ (№ 86 римомъ) сътвори. пославь пакатіана (№ 86 капатіана) стратига своего ссилою и фрѹию (№ 86 и фроугію) капатианию (№ 86 и капатанію) тоѧ же епархиа бывшѹ (№ 86 продолжаетъ: и лоуканію же сътвори подроумы предержимоу) покорнѹ рѹмомъ створи посла пакатиана стратига своего ссилою. и лѹканию же сътвори и проч. Въ архивскомъ спискѣ (л. 363) нѣтъ и этого повторенія: и фроуию пакатианию тоѩже епархіа бывшю покорноу роумомъ сътвори. пославъ покатиѧна стратига своего съ силою своею. и лоуканию же сътвори пѡ҃ рѹмы.

Въ арх. спискѣ замѣчаются свои повторенія, но, если не ошибаемся, только отдѣльныхъ словъ, напр., Mal. p. 228, 9, л. 364 обор. гласу моисеѧ полавина г҃летсѧ гласѹ лѣта, Mal. p. 242, 3, л. 391, цр҃твоуюнцемоу семоу въ іоудѣи семоу понтескомоу пилатоу.

Наконецъ, отличіе текста архивскаго списка отъ текста общей редакціи синодальныхъ обнаруживается въ разночтеніяхъ. Приведемъ примѣры: 1) бо́льшей правильности текста архивскаго списка и 2) бо́льшей правильности текста общей редакціи синодальныхъ.

1) Mal. p. 199 въ синодальныхъ спискахъ находимъ слѣдующія варіаціи названія Παλαιὰ πόλις: 8, палеапалисъ, 8 вмалеаполъ, 10 палеωполъ, въ арх. сп. вездѣ правильно; p. 198, 13 въ обоихъ синодальныхъ — лаодію, но ниже правильно — лаωдикию, въ арх. вездѣ правильно; p. 214, 6, № 280, л. 160 съ номпіемь (sic) магномь и красен[ъ] № 86 съ помпіемъ магномъ и красенъ, арх. сп., л. 353 обор. с[ъ] помпіемъ магномъ и крассомъ; p. 218, 4 въ синод. № 280, л. 16[...]

обор. и № 86 леωда, арх. сп. леωнида, при греч. Λέπιδον; p. 220,12 ἑρπετά въ синодальныхъ: грады (вм. гады), въ арх. правильно; p. 237,16 ἐκ παιδόθεν, въ синодальныхъ: ѿ дѣиства, въ арх. правильно: ѿ дѣтьства; p. 245,1—2 синодальные: оуслышавъ влестии иереоусъ, арх., л. 393 обор. оуслышавъ въ велестині иероусъ.

2) Mal. p. 207, 20 прьвое емоу повелѣние при мокидонѣхъ до прьвыхъ основаніа града (арх. сп., л. 346 обор.), синод., л. 158 (№ 280) прьвое мѫчение.... при макидонѣх (въ греч. было: τὸ πρῶτον αὐτῆς πάθος, въ боннск. т. опущенное); Mal. p. 209,8,10, арх. лоукиωгъ, амевалъ, въ синод. правильно; p. 231,10, арх. сп. въ вовапию, синод. правильно; p. 201,13 Ἀθηναίους, арх.анигеѧ, синод. правильно.

Архивскій списокъ и синод. № 280.

Въ синодальномъ спискѣ № 86 первой части эллинскаго хронографа и вмѣстѣ съ тѣмъ первой части хроники Малалы до Александріи не сохранилось. Потому для всей этой части перевода Малалы мы будемъ пользоваться лишь архивскимъ спискомъ и синодальнымъ № 280[1]).

Не касаясь здѣсь первой книги хроники и начала второй книги, не сохранившихся въ оксфордской рукописи, разсмотримъ болѣе значительную, общую для обоихъ списковъ, въ предѣлахъ до Александріи, часть перевода — Mal. p. 152,9 — p. 189,13, арх., лл. 299—310, синод., лл. 71 — 84.

Списки взаимно восполняютъ одинъ другой въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Mal. p. 153,11 φόρους въ синод. опущено, въ арх. сохранено.

Mal. p. 154,19 Ὁ δὲ Κροῖσος, βασιλεὺς Λυδῶν, ἐπιλεξάμενός τινας ἐκ τῶν ἰδίων αὐτοῦ ἀνθρώπων πιστούς, καὶ δοὺς αὐτοῖς δῶρα εὐτελῆ καὶ ἕτερα δῶρα βασιλικά, ἀποστέλλει εἰς Δελφοὺς εἰς τὸ μαντεῖον, εἰρηκὼς αὐτοῖς ὅτι Ἀλλάξατε τὸ σχῆμα ὑμῶν καὶ φορέσατε Αἰγύπτιον σχῆμα, καὶ

Синод. 280, л. 72: крȣсъ же цр҃ь людескъ изъбра ѿ своихъ изъвѣсти моужа. давыи имъ хоуды дары ины дары цр҃ьскы посла делфы в коумирницоу бесѣдова к нимъ си. премѣните ризы ваша и ωбличитесѧ в ризы егvпетьскы идете в коумирницȣ и въздадите малыѧ

1) По словамъ А. Н. Попова (Обзоръ хрон. Вып. I, стр. 72 сл.), начало той редакціи, продолженіемъ коей служитъ синод. № 86, представляетъ № 1 Кирилло-Бѣлозерск. монастыря, нынѣ Петерб. Духовн. Академіи. Къ сожалѣнію, этою рукописью мы не имѣли случая воспользоваться.

ἀνελθόντες εἰς τὸ μαντεῖον ἐπίδοτε τὰ εὐτελῆ δῶρα τῷ ἱερεῖ, λέγοντες αὐτῷ ὅτι Αἰγύπτιοί ἐσμεν, καὶ ἤλθομεν ἐπερωτῆσαι τὴν Πυθίαν, καὶ ἐκ τοῦ μήκους τῆς ὁδοῦ ἐληθαργήσαμεν διὰ τί ἤλθομεν ἐπερωτῆσαι ἢ αἰτῆσαι· ἀλλ' εὖξαι καὶ ἐπερώτησον τὴν θεὰν διὰ τί ἤλθομεν. καὶ εἰ μὲν εἴπῃ ὑμῖν διὰ τί ἤλθετε, δότε καὶ τὰ βασιλικὰ δῶρα καὶ εἴπατε τῷ ἱερεῖ μαθεῖν εἰ νικῶ τὸν βασιλέα Περσῶν τὸν Κῦρον. οἱ δὲ λαβόντες τὰ δῶρα ἀπῆλθον εἰς Δελφοὺς εἰς τὸ ἱερόν, καὶ ἔδωκαν τὰ δῶρα τὰ εὐτελῆ, καὶ εἶπον ἑαυτοὺς Αἰγυπτίους, καὶ ὅτι Ἐληθαργήσαμεν διὸ ἤλθομεν κτλ.

сиѧ дары жрьцꙋ гл҃щꙋ емоу егѵптаны есмь придохомъ въпрашать пꙋѳиѧ и ѿ пꙋти долга забыхомъ что приносити придохомъ. и что въпрошати но молисѧ и въпроси богынѧ по что придохомъ и аще да повѣсте вы волхвованіе по что боудете пришли. вдадите тогда и ѿ мене ц҃рьскыѧ дары ихъ шлите ржьцоу и оупроси. аще побѣждоу ц҃рѧ прьскаго коура. ти приимше дары идоша в делѳы в кꙋмирникъ и вдаша дары малыѧ, гл҃це. егѵптаны есмы и забыхомъ. что ны бѣ просити но въпрашаше поуѳии по что придохомъ.

О дополненіи къ греческому тексту боннскаго Малалы, доставляемомъ славянскимъ переводомъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Въ архивскомъ спискѣ находимъ пробѣлы. Арх. сп., л. 301: посла дедельѳлы въ коумирницю и вдадите малыѧ сиѧ дары жръцю глюцю емоу египтане есмо и приидоша нечто въпрошати. но молисѧ и въпроси нынѣ богынѧ и аще да повѣсте вы влъхвованіе да боудете пришли вдадите мк тогда ц҃рьскыѧ дары и проч. согласно синод.

Но ниже архивскій списокъ въ свою очередь полнѣе. Послѣ: διὸ ἤλθομεν въ синод. непосредственно слѣдуетъ: слышавше и вчюдисѧ, въ арх. спискѣ: слышавше жрець весь въсчюдисѧ.

Въ дальнѣйшемъ отмѣтимъ разночтеніе:

13—14, арх. сп. роугаѭсѧ мыслить съкроушати крꙋсось и сего лоудꙋ, синод. роугаѭсѧ мыслить искоушати коурсъ ц҃рь иоудеискъ.

p. 158, 2 архивскій списокъ восполняетъ опущенныя въ синодальномъ слова греческаго текста: ἄνδρες καὶ γυναῖκες καὶ παιδία.

p. 158, 12 περὶ οὗ πολέμου Κύρου καὶ τῶν Σαμίων ὁ σοφώτατος Πυθαγόρας ὁ Σάμιος συνεγράψατο· ὅστις καὶ εἶπεν αὐτὸν Κῦρον τεθνάναι εἰς τὸν πόλεμον. ταῦτα δὲ πάντα καὶ ὁ σοφὸς Ἀφρικανὸς ἐχρονογράφησεν.

№ 280, л. 73 обор. ѡ неи же рати коурови и самиісцѣ пр҃ѣмрыи пиѳагора пишеть самиискь іже рече. оум҃рша и тꙋ в сѣчи сиже всѧ прм҃рыи аѳриканъ грон[...] списа.

Арх. сп. (л. 302). ѡ неи же рати коуровѣ. и самиисцѣ премоудрыи африканъ хронографъ списа.

p. 159, 14 sqq. въ арх. спискѣ текстъ испорченъ, и синодальный даетъ болѣе исправный и полный.

καὶ ἐμηχανήσατο κατὰ τοῦ ἐξάρχου Περσῶν Ὀλοφέρνου, προσποιητὴ οὖσα ὡς τὸ ἔθνος, φησί, τῶν Ἰουδαίων θέλουσα προδοῦναι. καὶ παρεγένετο πρὸς αὐτὸν κρυπτομένη· καὶ ἑωρακὼς αὐτῆς τὴν εὐμορφίαν ὁ Ὀλοφέρνης, εἰς ἔρωτα αὐτῆς ἐνέπεσε.

№ 280, л. 73 обор. оумысли на ѡлферина прьскаго творѧщи предати емоу ꙗзыкъ еврѣискъ приде къ ѡлѣферноу ѡтаи и възрѣвъ ѡлѻферьнъ добротоу еѧ похотью оупадесѧ на ню.

Арх. сп., л. 302 обор. оумысли на ѡлоферскаго творѧщисѧ предати емꙋ ꙁъ (sic) еврѣискъ и преиде къ ѡ͛ферену добротоу еѧ похотию оупадесѧ на ню.

p. 162, 1 арх. сп. по арътаксерьксини же цр҃ствова асоухъ инии и проч. Слова: цр҃ствова асоухъ (чит. цр҃ствова в асоурихъ) опущены въ синод. сп.

p. 164, 5, арх. сп., и въсхотѣ еѧ (синод. оунота нѣкто) именемъ ахилоѡсъ.

p. 169, 12 καὶ Φειδίας, въ арх. опущено (срв. л. 306 обор.), въ синод., л. 77: и ливасъ.

p. 172, 15 λέγων Ἐκελεύσαμεν καὶ ἐθεσπίσαμεν, ὅπερ ἔθος κατέσχεν ἐξ ἐκείνου παρὰ τοῖς βασιλεῦσιν ἕως τοῦ παρόντος, τὸ λέγειν Ἐκελεύσαμεν καὶ ἐθεσπίσαμεν.

Арх., л. 307 гл҃еши оуставлѧѧ повелѣхомъ или оуставихомъ по немоуже ѡбычаю цр҃ь и доселѣ гл҃шеть повелѣхомъ и оуставихомъ. ѿтолѣ и въ грады и проч.

Синод., л. 78: гл҃аше оуставлѧꙗ повелѣхомъ ли въставихомъ. ѿтолѣ грады и проч. Здѣсь, очевидно, пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

p. 172, 23 въ синод. сп. опущено πρῖμον, сохраненное въ архивскомъ.

p. 173, 21 καὶ πάλιν εἰ ἤνεγκεν ὁ κλῆρος τῷ Οἰνομάῳ φορῆσαι τὸ τῆς Δημήτρας σχῆμα, ἐφόρει τὸ χλοῶδες σχῆμα, καὶ ὁ ἀνταγωνιστὴς αὐτοῦ ἐφόρει τὸ σχῆμα τοῦ Ποσειδῶνος, ὅ ἐστι τῶν ὑδάτων τὸ κυανόν, καὶ ὁ ἡττώμενος ἐφονεύετο.

Арх., л. 307 обор. и пакы паде жребии иоуномаю ѡблещисѧ въ диѡмитринъ ѡбраꙁъ, ѡблечесѧ въ ꙁеленоу котыгоу и играаи нань ѡблечесѧ въ посидонь ѡбраꙁъ въ синь еже есть вода и оуставъ оубиенъ бываше.

Синод., л. 78 обор. и пакы паде жребии оуномаю и ѡбличеса въ дмитриинъ ѡбразъ и ѡблечееса въ посидонь ѡбразъ еже е͂ вода и въставъ оубываше[1]).

Изъ разночтеній къ выписаннымъ отрывкамъ добавимъ: Mal. p. 153,13, синод. вмѣсто солонъ чит. соломонъ, въ арх. правильно; наоб. Mal. p. 161,9 въ арх. иродъ, въ синод. правильно; Mal. p. 157,19 арх. полиѡсъ, синод. правильно — полѫвиѡс и далѣе въ арх. ардатосъ повѣстописатель, въ синод. правильно, p. 162,20 синод. поугвии, арх. правильно поугмалии, p. 169,12 синод. и ливасъ испорчено изъ Φειδίας, въ арх. опущено.

Синодальные списки № 280 и № 86.

Признаки близости между текстами перевода Малалы синодальныхъ рукописей уже указаны нами выше для части перевода общей съ архивскимъ спискомъ. Это родство обѣихъ рукописей замѣтно, какъ во всемъ прочемъ текстѣ Малалы, такъ и въ составѣ лѣтописныхъ компиляцій, въ которомъ архивскій списокъ рѣзко отличается отъ нихъ.

Тѣмъ не менѣе и № 86 въ нѣкоторыхъ подробностяхъ обнаруживаетъ независимость отъ синодальнаго № 280 въ своемъ текстѣ Малалы.

Mal. p. 215,18 sqq. текстъ № 86 расходится съ № 280-мъ и сближается съ архивскимъ.

....ἀπὸ τῆς συγκλήτου Ῥώμης τετραρχίας βασιλείας. Ἐν τοῖς αὐτοῖς οὖν χρόνοις Λίβιος ὁ σοφὸς Ῥωμαίων ὑπῆρχεν ἱστορικός, ὃς ἐξέθετο πολλὰ περὶ Ῥωμαίων.	Арх., л. 353 обор. ....ѿ бояръ роумескъ четверовластца цр҃а. Въ та же лѣта лоувеѡсъ премоудрыи бѣ роумскы историкъ иже списа много ѡ роумѣ.

1) Замѣтимъ еще, что сохраняющаяся въ синод. сп. фраза p. 156,7—8, καὶ μαθῶν — ὑπὸ τῶν θηρίων, замѣнена въ арх. сп., л. 301, вставкою изъ прор. Даніила; и вслѣдствіе подобной же вставки изъ Ездры Mal. p. 160,10 — 161,4 имѣемъ только въ синод. спискѣ. — Другіе пропуски въ указанныхъ предѣлахъ хроники Малалы принадлежатъ еще общей редакціи, такъ какъ они повторяются въ обоихъ спискахъ. Таковы: p. 156,2 ἀπενεγκεῖν, p. 157,7 καὶ ὁπλισάμενος παρετάξατο τῷ Κροίσῳ, p. 159,12 καὶ ἐπολιόρκει τὴν Ἱερουσαλήμ, p. 158,17 πολλοί, 21 τὰ πάντα εἰς αὐτόν, p. 159,2 ὁ Σάμιος, 15 φησί, p. 160,3—4 ἐπάνω τοῦ τείχους, πρὸ αὔγους, въ сохранившемся лишь въ синод. сп. отрывкѣ: p. 160,19—21 καὶ βελτίω — 21 ὑπό τινων τ. σ., p. 161,6 въ обоихъ спискахъ опущены слова: καὶ λοιπὸν — κγ', p. 162,5 Τήλεφος, 14 Ῥωμ. π. συνεγρ., 16 μικρᾶς, 17 παράλου, 19 τινά, p. 163,18 ζήσασα, p. 165,1 καὶ εὐθέως ὁ Ἡρακλῆς, 16 τὰ νικητήρια, p. 166,2 ὀργισθείς, 4 δρᾶμα, p. 167,2—3 παραχωρήσας — βασιλείαν, 10—11 ὅπως — τῷ Αἰνείᾳ, 8 αὐτῷ — χειμῶνα, p. 171,8 ναὸν — κτίσαντες и проч.

Синод. № 86, л. 161: такоже іюдеѡмъ попоустиша поимати боларъ римескъ четверовластьца ц҃ра в та лѣта лоувеѡ҇ премиры. римескъ историкъ иже списа мнѡга ѡ римехь.

Синод. № 280, л. 160 обор. ѿ боларъ рѹмьскь истѡрикь иже списа много ѡ рѹме҇.

Mal. p. 225, 12 sqq., арх., л. 364, синод. № 280, л. 164, № 86, л. 167.

Ἐγένετο βασιλεὺς Ῥωμαίων πρῶτος — τροπαιοῦχος σεβαστὸς κραταιὸς ἰμπεράτωρ, ὅπερ ἐστὶν αὐτοκράτωρ. καὶ ἐβασίλευσεν ὁ αὐτὸς Αὔγουστος τὰ πάντα ἔτη νς'. τῇ δὲ θέᾳ ὑπῆρχε κονδοειδής, λεπτός, ἁπλόθριξ, εὐόφθαλμος, εὔρινος.

Арх. бысть же ц҃рь пръвыи единъ роумомъ—побѣдникъ. ч҃тыи дръжавныи филиксъ. оуперъ. а.-торъ еже есть самодръжець. и цр҃твова сии авгоустъ всѣхъ лѣтъ н҃ и два. възрастомже бѣ низокъ и тонокъ. просты власы чрьны. тонкымъ лицемъ. доброωкъ. доброносъ.

№ 86 бысть ц҃рь первы единъ римомъ — сеи побѣдникъ честныи и державныи филиксъ оупаторь еже есть самодержець (въ лѣ҇ д҃і и проч.—вставка) бѣже авгоустъ тѡнокъ просты власы. низокъ. чернъ. тонкимъ лицемъ добрѡко. доброправъ[1]). № 280 бы҇ пръвыи ц҃рь. единъ рѹмомъ побѣдникь ч҃тныи. и дръжавныи филиксъ. оуператоръ еже е҇ самадръжець. и цр҃твова съ авгѹ҇. всѣхъ лѣ҇ н҃ и в҃. възрастомъ же бѣ низокъ. тонокъ.

Mal. p. 254, 10 sqq. текстъ синод. № 86 полнѣе и синод. № 280-го и архивскаго.

καὶ ἐπηρώτησε τὸν Σίμωνα ὁ Νέρων λέγων· Σὺ εἶ ὃν λέγουσιν οἱ ἄνθρωποι εἶναι Χριστόν; ὁ δὲ εἶπε· Ναί. καὶ ἐπηρώτησε καὶ τὸν Πέτρον ὁ Νέρων λέγων· Ἀκριβῶς οὗτός ἐστιν ὁ Χριστός; ὁ δὲ Πέτρος ἔφη· Οὐκ ἔστιν αὐτός.

№ 86, л. 203 обор. и въпроси симона ц҃рь неронъ. ты ли еси х҃с. онъ же ре҇ азъ есмь и ре҇ петръ нѣсть се х҃с.

Хотя и текстъ № 86-го представляетъ пропускъ сравнительно съ греческимъ, но онъ все же полнѣе синод. № 280-го (л. 173 и въпроси симона неронъ ты ли еси х҃с и ре҇ петръ нѣ҇ се), съ которымъ въ этомъ мѣстѣ сходится и архивскій сп., л. 398.

№ 86-й возстановляетъ также пробѣлъ № 280-го въ его текстѣ Mal. p. 333, 14—17, срв. № 86, л. 343 обор., № 280, л. 240.

τὸ δὲ πλῆθος τοῦ στρατοῦ τὸ ἐπὶ Κτησιφῶντα καὶ τὸ ἀπὸ πολλοῦ διαστήματος ἀπληκεῦον οὐκ ἔγνω τὰ συμβάντα ἕως ἀνατολῆς ἡλίου

№ 86 множествоу народа. иже на ктисифонти и иже далече стоѧхꙋ станоⷨ. не разѫмѣвша бывшаго до восхода слнчнаго

№ 280 множество же народа иже на ктѣсифонтѣ и иже да схода слнчнаго.

Кромѣ этихъ дополненій къ тексту № 280-го, № 86-й имѣетъ независимое отъ него значеніе еще по нѣкоторымъ исправленіямъ текста, въ немъ содержащимся. Мы приведемъ лишь немногіе примѣры: Mal. p. 210, 14 καὶ ἑαυτῷ παραχρησάμενος πιπίσας ἀπέθανε, № 280, л. 159 и сам сѧ смртнымъ питаниемъ оумре, № 86, л. 158 обор. оумωри; Mal. p. 217, 20, № 280 въ оупатью хѫсаврикоу пантоꙗ, № 86 въ оупатію хоусωврикію и антωнія; Mal. p. 223, 6 μετὰ τεσσάρων ἵππων, № 280 съ черньми кони, № 86 съ ч тырми кони. и проч.

Въ № 280 на л. 276 ошибкою писца повторенъ текстъ Малалы p. 385, 2—8, № 86 избѣгаетъ этого повторенія, также не повторена въ его текстѣ и фраза: καὶ τὸ πολέμιον ἥσυχον ἄξει, но срв. № 280 у Попова, Обз. хрон. I, стр. 55 (срв. Hermes. B. VI, S. 371).

Нѣкоторое сходство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и различіе наблюдается между обоими синодальными списками въ расположеніи повѣствованія Малалы въ царствованіяхъ Зинона и слѣдующихъ за нимъ императоровъ.

На л. 277-мъ № 280-го и на л. 396 обор. № 86-го въ царствованіи Зинона разсказъ объ Иллѣ (Ἰλλοῦς) одинаково прерывается продолженіемъ разсказа о религіозномъ волненіи при Анастасіѣ, начиная со словъ: ꙗкоже и епархоу градномꙋ платоноу и проч. Но въ № 280-мъ царствованіе Анастасія доводится до конца и затѣмъ идетъ царствованіе Юстина I (съ л. 277 обор.) и Юстиніана В. (съ л. 283). На обор. л. 283 царствованіе Юстиніана доводится въ № 280-мъ до Mal. p. 428, 2. Далѣе, вмѣсто продолженія исторіи Юстиніана, послѣ словъ: «и многъ даръ давъ емꙋ црь ѿпꙋсти и», читаемъ: црь же вѣру имь и сана мастриискаго прости и,—и проч., т. е. продолженіе разсказа объ Иллѣ съ того пункта, гдѣ онъ былъ прерванъ на л. 277. Послѣ того, царствованіе Зинона доводится до конца (на л. 285 обор.) и за нимъ идетъ первая часть царствованія Анастасія, которое на л. 287 доводится до того мѣста (и приидоша къ полатѣ Mal. p. 407, 7), откуда продолжается разсказъ на л. 277 и обор. Наконецъ, вслѣдъ за вышеуказанными словами: и приидоша къ полатѣ, на л. 287 читаемъ:

Въ црт͠во же его ѡстависа всѧка ересь и проч. = Mal. p. 428, 5 sqq. и на л. 288 обор. царствованіе Юстиніана доводится до p. 431, 31 съ замѣткою здѣсь: скончасѧ элл. гр.

Иначе расположенъ разсказъ въ № 86. На л. 396 обор. разсказъ объ Иллѣ, какъ было упомянуто, прерывается одинаково съ № 280-мъ продолженіемъ разсказа о мятежѣ при Анастасіѣ со словъ: ꙗкоже и епархоу градному платоноу и проч. Но въ № 86 царствованіе Анастасія доводится послѣ этого на л. 397 до словъ: ꙗкоже на мѣсто оумрета ѡба — Mal. p. 409, 10 cf. Theoph. p. 253, 9 Bonn. и затѣмъ слѣдуетъ окончаніе царствованія Зинона и царствованіе Анастасія, прерываемое на л. 402 обор. на фразѣ разсказа о мятежѣ при Анастасіѣ: и приидоша къ полатѣ, какъ и въ № 280, л. 287, послѣ чего въ № 86, какъ и въ № 280, слѣдуетъ p. 428, 5—7, но въ то время какъ въ № 280 царствованіе Юстиніана продолжается и далѣе, въ № 86 идетъ сначала конецъ царствованія Анастасія съ того мѣста, гдѣ оно было прервано p. 409, 11 sqq., и потомъ царствованіе Юстина I. По окончаніи царствованія Юстина въ № 86-мъ находимъ отрывокъ Малалы изъ царствованія Юстиніана В. — Mal. p. 428, 8—429, 9, послѣ чего слѣдуетъ это царствованіе съ начала. На л. 411 находимъ пробѣлъ между p. 428, 4 (съ прибавленными сюда словами, относящимися къ Иллу: и постави на востоцѣ стратилата и проч.) и p. 429, 10, пробѣлъ, восполняемый вышеупомянутыми отрывками перевода на л. 402 обор. (p. 428, 5—7) и на л. 409 обор. — 410 обор. (p. 428, 8 — 429, 9).

Прежде чѣмъ перейти теперь къ главной задачѣ нашей работы, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какія части хроники Малалы содержатся въ каждомъ изъ тѣхъ трехъ списковъ, коими мы пользуемся.

Синодальные списки, кромѣ указанной выше значительной части перевода, общей съ архивскимъ спискомъ, гдѣ однако, какъ мы указали въ примѣчаніяхъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ текстъ Малалы вытѣсненъ вставками изъ посторонних источниковъ, заключаютъ отрывокъ изъ царствованія Тита (срв. Обз. хроногр. I, стр. 45), царствованія Юліана и Іовіана — Mal. p. 326 — 337 и византійскую исторію отъ Θеодосія Младшаго — p. 358 до Юстиніана В. — p. 431 со многими значительными пропусками, обозначенными А. Н. Поповымъ.

Изъ книгъ, предшествующихъ Александріи, въ № 86 не сохра-

нившихся, № 280 и архивскій содержатъ отрывки первой и второй книгъ, а также ту часть перевода, которую мы разсматривали выше.

Въ «бумагахъ, относящихся къ Малалѣ», въ библіотекѣ Моск. Главн. Арх. Министерства Иностр. Д. въ числѣ мѣстъ, коими синодальный № 280 восполняетъ архивскій списокъ, приведенъ отрывокъ о Езекіи № 280, л. 58 обор — л. 61, но онъ находится и въ архивскомъ, л. 278 обор. — л. 280 (Mal. p. 144 — 149).

Отъ третьей книги хроники сохраняется лишь окончаніе[1]) вмѣстѣ съ отрывкомъ IV книги, p. 69, 19 — 70, 10, въ синодальномъ спискѣ № 280, л. 17 (срв. Обз. стр. 22 сл.); IV и V книга Малалы сохраняются только въ архивскомъ спискѣ.

Въ существующихъ описаніяхъ архивскаго списка конецъ перевода Малалы отмѣчается неправильно на л. 431[2]). На самомъ дѣлѣ мы находимъ отрывокъ Малалы еще на л. 434 и на л. 435, а на л. 479, писанномъ инымъ почеркомъ, рядъ отрывковъ, относящихся къ царствованію Льва Младшаго и его преемниковъ.

Mal. p. 259, 21 καὶ ἔστεψεν αὐτὸν ὁ στρατός, ἐπὶ τῆς ὑπατείας Ῥούφου καὶ Καπιτιανοῦ. ἦν δὲ κονδοειδής, φαλακρός, προγάστωρ, πολιός, πυρράκης, ἔχων οἰνοπαεῖς ὀφθαλμούς, πλάτοψις, ὀργίλος. καὶ ἐάσας Τίτον τὸν ἑαυτοῦ υἱὸν πολεμεῖν τὴν Ἰουδαίαν χώραν ἦλθεν ἐπὶ τὴν Ῥώμην, καὶ ἐβασίλευσεν ἔτη θ′ καὶ μῆνας ι′. Ἐπὶ δὲ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐγένετο διωγμὸς μέγας τῶν χριστιανῶν ἐπὶ τῆς ὑπατείας Δεκίου

Арх. сп., л. 434 вѣнчаша и вои въ оупатию рѹфа капатигана. бѣже низокъ. плѣшивъ чреватъ. сѣдъ. чръменъ. напѹхлама очима. плосколицъ. гнѣвливъ и наречеса кесаремъ. л. 435 и ѡстави тита с҃на своего воевати іоудѣйскѹю странѹ ѿиде в римъ и цр҇твова лѣтъ ѳ҃ и м҇цъ і҃. въ цр҇тво же его бы҇ гоненіе на кр҇тіаны велико ѿ декиа въ тридесатное* и и҃-е лѣто по въсшествіи х҇вѣ титъ іоудѣю

1) Только въ синод. № 280 находимъ p. 151,6 — 152,8 (л. 70 обор. — 71).

2) Кн. Оболенскій, стр. LV — LVI. Акад. И. И. Срезневскій. Записки Акад. Н. т. 34. Прилож., стр. 118. Архимандритъ Леонидъ. Русск. Вѣстникъ. 1889. Апрѣль, стр. 13 сл. Послѣднія два описанія основаны на карандашныхъ замѣткахъ Викторова на поляхъ архивской рукописи. Отрывки на л. 434 и л. 435 не замѣчены Викторовымъ среди извлеченій изъ Іосифа Флавія, который служитъ рядомъ съ Малалой главнымъ источникомъ архивскаго списка. Изъ Іосифа Флавія проистекаетъ еще отрывокъ о Мертвомъ морѣ (Асфальтовомъ озерѣ), вставленный въ архивскомъ спискѣ въ разсказъ о потопѣ (л. 21 обор.): Повѣмже и ѡ асфалтитьстемъ езерѣ. и то бо есть горко и неплоⷣно и проч., срв. Ioseph. Fl. de b. Iud. l. IV, 8, 4, ed. Bekk. Vol. V, p. 339. Этотъ отрывокъ еще не былъ указанъ.

καὶ Ῥουστικίου. τῷ δὲ λη' ἔτει μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν σωτῆρα Χριστὸν ὁ Τίτος τὴν Ἰουδαίαν παρέλαβε καὶ τὴν Ἱερουσαλὴμ ἐπὶ τῆς ὑπατείας Κομμόδου καὶ Ῥούου, βασιλεύοντος τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Οὐεσπασιανοῦ.

приѧ. ієрл҃мъ въ оупатию камида и роѧ црт҃вующю ѿцꙋ его еоуспасіѧноу.

Mal. p. 376, 6 Μετὰ δὲ τὴν βασιλείαν Λέοντος τοῦ μεγάλου ἐβασίλευσε Λέων ὁ μικρὸς ἔτος α' καὶ ἡμέρας εἰκοσιτρεῖς. 19 καθὼς συνεγράψατο Νεστοριανὸς ὁ σοφώτατος χρονογράφος ἕως Λέοντος τοῦ μικροῦ.

Арх. сп., л. 479 по црт҃віи҃ его црт҃вова малыи левъ лѣто и д҃ніи к҃г. Сіе҃ песторіанъ прѣмоу҃рыи хрогра҃ до лва малаго списа.

Mal. p. 391, 2 ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Ζήνων ἐτελεύτησεν, ὢν ἐνιαυτῶν ξ' καὶ μηνῶν θ', μηνὶ ξανθικῷ θ' κτλ. Ἔστιν οὖν ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς τελευτῆς Ζήνωνος βασιλέως ἔτη ,εϡπγ'. p. 392, 1 Μετὰ δὲ τὴν βασιλείαν Ζήνωνος ἐβασίλευσεν ὁ θειότατος Ἀναστάσιος ὁ δίκορος ὁ Δυρραχηνός, ὁ ἀπὸ τῆς νέας Ἠπείρου .... ὅστις ἐβασίλευσεν ἔτη κζ' καὶ μῆνας γ' .... καὶ ἠγάγετο Ἀριάδνην τὴν τοῦ Ζήνωνος τοῦ πρὸ αὐτοῦ βασιλεύσαντος γενομένην γυναῖκα.

оумре же зино҃ лѣ҃ ѯ҃е и м҃цъ ѳ҃ ѿ адама до с҃мрти зинона ,еѵн и м҃цъ ѯ҃. По црт҃віи҃ зинона црт҃вова анастасіи дриконосъ драчанинъ лѣ҃ к҃ꙁ и м҃цъ ѳ҃. и д҃ніи ѳ҃. и поѩ ц҃рцꙋ ареадніꙋ зиноновоу жено҃.

Послѣ разсказа о мятежѣ при Анастасіѣ по поводу прибавленія къ τρισάγιος и разсказа объ Аламундарѣ (срв. Theoph. p. 246 ed. Bonn.) въ концѣ л. 479 и на обор. его находимъ снова текстъ Малалы.

Mal. p. 409, 17 Καὶ μετ' ὀλίγον χρόνον ἀρρωστήσας ἀνέκειτο καὶ ἀστραπῆς καὶ βροντῆς γενομένης μεγάλης πάνυ, θροηθεὶς ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Ἀναστάσιος ἀπέδωκε τὸ πνεῦμα ὢν ἐνιαυτῶν ἐνενήκοντα καὶ μηνῶν πέντε. p. 410, 1 Μετὰ δὲ τὴν

И анастасіи же боле҃ лежаше и млъніи и громꙋ велико҃ бывшю ꙁѣло растрѣсновно прѣда д҃хъ сы лѣ҃ ꙁ и м҃цъ е. по црт҃ви и҃ дикороса црт҃вова оустинъ. вендеритинъ фраꙁ҃ лѣ҃ ѳ҃ и д҃ніи. к҃в и по н҃ лѣ҃. и м҃цъ ѳ и дніи е҃ црт҃ва

βασιλείαν Ἀναστασίου ἐβασίλευσεν ὁ θειότατος Ἰουστῖνος ἀπὸ Βεδεριάνας ὢν Θρᾷξ. 6 ἐβασίλευσε δὲ ἔτη θ' καὶ ἡμέρας εἴκοσι δύο. p. 422, 9 Μετὰ δὲ τὸ ὄγδοον ἔτος τῆς αὐτοῦ Ἰουστίνου βασιλείας καὶ μηνῶν θ' συνεβασίλευσεν αὐτῷ ὁ θειότατος Ἰουστινιανὸς μετὰ τῆς Αὐγούστας Θεοδώρας, στεφθεὶς ὑπὸ τοῦ θειοτάτου αὐτοῦ θείου .... p. 428, 15 ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς ὑπατείας Ἰουστινιανοῦ βασιλέως .... ἔτη ͵ςυλβ'. 22 ἀπὸ δὲ τῆς κτίσεως Κωνσταντινουπόλεως .... ἔτη ρϟθ'.

оустінова. въцриса сни бжтвены иоустиніанъ южика его чюныи прѣмоурьни съ црцею ѳеѡрою поставленъ ѿ бжественнаго оустина стрыа его ѿ адама же до црствіа ипатіа бжтвеннаго иоустиніана. в лѣт ѕ҃у и ѕ҃і ѿ созданіа же прѣбогатаго костаньтина гра лѣт рϟѳ ни мне же ни ваще.

II.

ДОПОЛНЕНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ КЪ ГРЕЧЕСКОМУ ТЕКСТУ МАЛАЛЫ ВЪ ЕГО СЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

1. Первая книга и начало второй.

Послѣ отрывковъ изъ исторіи современной лѣтописцу наибольшаго вниманія заслуживаетъ та часть перевода Малалы, въ которой содержатся извлеченія изъ первой и начала второй книги хроники, въ оксфордской рукописи не сохранившихся.

Отрывки, изданные Крамеромъ [1]), не вознаграждаютъ всей этой потери, а если примемъ во вниманіе, что оксфордская рукопись представляетъ лишь сокращенную намѣренно редакцію хроники, то она окажется еще болѣе значительною [2]).

Новымъ пріобрѣтеніемъ для возстановленія содержанія потеряннаго начала хроники Малалы являются фрагменты codicis Parisini 1630, изъятые [3]) изъ сборника отрывковъ Іоанна Антіохійскаго и отнесенные къ Малалѣ новѣйшею критикою.

---

1) Срв. Anecd. graeca Paris. Vol. II, p. 231 sqq. Neumann. Hermes. B. XV, S. 359.

2) Срв. особ. Sotiriadis, Jahrbb. f. class. Philol. Suppl. B. XVI, особый отт. статьи Zur Krit. d. Ioann. v. Ant. S. 105 ff.

3) Frick, Hist. u. philol. Aufs. E. Curtius gewidmet. S. 54 ff., Boissevain. Hermes. B. XXII и Sotiriadis. Литература этого вопроса уже была указана въ статьѣ «Іоаннъ ритор.» и въ кн. О происх. и сост. хрон. Георгія монаха (Амартола), стр. 37.

Наконецъ, лѣтописцы, пользовавшіеся хроникою Малалы, особенно авторъ Chronic. Pasch. и Кедринъ, даютъ значительную часть содержанія потеряннаго начала хроники.

Не смотря на свою неполноту и отрывочность, славянскій переводъ даетъ нѣкоторыя дополненія къ указаннымъ греческимъ текстамъ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ, конечно, упомянуть о предисловіи хроники, сохранившемся въ архивскомъ спискѣ и переведенномъ на греческій языкъ Haupt'омъ[1]). Имена авторовъ, здѣсь цитуемыхъ, являются и въ заглавіи сборника извлеченій изъ Малалы codicis Parisini 1630[2]).

Точно также дальнѣйшіе фрагменты codicis Paris. 1630[3]) и codicis Paris. 1336[4]), а также Пасхальная хроника въ текстѣ, заимствованномъ изъ Малалы, представляютъ полное сходство съ извлеченіями изъ Малалы въ славянскомъ переводѣ синодальнаго списка № 280[5]) и архивскаго.

Fr. 2,2. Müller., срв. арх. сп., л. 16 обор. подъ заглавіемъ: ѡ мѣре първаго чл҇ка адама ѡ тѣлеси его, Обз. хрон. стр. 6.

fr. 2,3, срв. арх. сп., л. 20: Сиѳъ же имаше моудрⷭ҇ ѿ бг҇а и проч., срв. Обз. ibid.

Славянскій переводъ даетъ здѣсь нѣкоторыя добавленія къ греческому тексту (fr. 2,3, срв. также Cramer, p. 232,14—16).

Cram. τῶν δὲ δύο φωστήρων τὰ ὀνόματα, αὐτὸς ὁ θεὸς ἐκάλεσε, ἥλιον καὶ σελήνην. ταῦτα ὁ σοφώτατος Φουρτῖνος ὁ Ῥωμαῖος χρονογράφος συνεγράψατο.	Арх. сп. а велицѣи свѣтилѣ. самъ бг҇ъ нарече. (старѣишиноу дн҇и) сл҇нце и (старѣишиноу нощи) мц҇ь. се же мꙋдрыи ѳортоунъ римскыи хранографь списа. (еже твореніе въ константинѣ градѣ изоѡбрѣто×). [6]).

Эта замѣтка о мѣстонахожденіи источника напоминаетъ подобную же — Mal. p. 187,11 и, соотвѣтственно послѣдней, можно сдѣлать та-

1) Hermes. B. XV, S. 234 f.

2) C. Müller, Fr. H. Gr. Vol. IV, fr. 2,1, гдѣ Frick, l. c., исправляетъ Παππίου въ Παυσανίου на основаніи славянскаго предисловія.

3) У C. Müller'а въ сборникѣ фрагм. Іоанна Ант.

4) Срв. Cramer, Anecd. gr. Paris. II, p. 231 sqq.

5) Обз. хроногр. I, стр. 6 сл.

6) Скобками отмѣчаемъ добавленія славянскаго текста къ греческому. Разночтеній синодальнаго не приводимъ, такъ какъ его текстъ напечатанъ у Попова. Слова: еже твореніе—изоѡбрѣто× сохранены только архивскимъ спискомъ.

кой обратный переводъ: φ. ὁ Ῥωμ. χρον. συνεγρ. (ἥντινα ἔκθεσιν ηὗρον ἐν Κωνσταντινουπόλει).

fr. 2, 8, Cram. p. 232, 28, срв. арх. сп., л. 21 бѣже ѿ адама донеле҆ аггли помыслиша на дщери чл҇ческы. лѣть двѣ тысащи и р҇ и к҇ и двѣ лѣтѣ, Обз. хрон., стр. 8.

fr. 2, 9 (о гигантахъ), срв. Cram. p. 232, 29 sqq., въ славянскомъ нѣсколько полнѣе въ цитатахъ изъ Писандра и Сервія.

Cod. 1630: Τούτους Πείσανδρος ποιητὴς Ἑλλήνων ὠνόμασε δρακοντόποδας ἐκ τῆς γῆς γεννηθέντας καὶ τολμήσαντάς τινα κατὰ τῶν ὑψίστων θεϊκῶν δυνάμεων, ἕως τὸ θεῖον διαφόροις πληγαῖς ἠνάλωσεν.

Арх. моудрыи же писандръ творецъ еллинескъ (по лѣтехъ бывыи моисеинѣ҆) тыи же гиганты (въ творении) сказа. чл҇кы ѿ землѧ рожденны (имоуща ногы змиины) и дръзноувша нѣкакыѧ божскыѧ силы еже нарече змиеногы рекыи сиѧ потреблены различными казньми.

Ὁ δὲ Σέρβιος εἶπεν ἐν βαθείᾳ πεδιάδι διάγοντας ἐσχηκέναι πόλεμον μετά τινων οἰκούντων ἐν ὑψηλοῖς ὄρεσι καὶ ταῖς κοιλίαις συρομένους φονευθῆναι ὑπὸ τῶν ἐν τοῖς ὑψηλοῖς ὄρεσι οἰκούντων.

Сервіи же моудрыи повѣдаеть сиѧ. на широуцѣ по[лѣ] живша. имѣвша рать съ нѣкыми живщими на высокы҆ гора҆ и (възлѣзша на горнаа акы змиеве на рукахъ) и чреве сы ползающе. и избьени ѿ живоущи҆ на горахъ.

Для славянскаго текста цитаты изъ Сервія, срв. Sym. Logoth. въ примѣч. къ тексту cod. 1630 у C. Müller'а cod. 1762, fol. 22 v. lin. 7 ἢ ὡς Σέρβιος ἱστορεῖ, ὅτι πόλεμον ἔχοντες μετά τινων οἰκούντων ἐν ὑψηλοῖς, (εἶτα χερσὶ) καὶ κοιλίαις (ὡς δράκοντες κατ' αὐτῶν) ἀνέρποντες.

Кромѣ того, славянскій переводъ сохраняетъ не дошедшую въ греческихъ отрывкахъ цитату изъ Тимоѳея, автора, не разъ цитуемаго Малалою (срв. p. 158, 5, p. 159, 4, p. 228, 18). Приводимъ ее здѣсь по тексту архивскаго списка, вполнѣ сходному съ текстомъ синодальнаго у Попова (стр. 8).

Арх. сп., л. 21: моудрыи же тимоѳѣи тоуже повѣсть тлъкꙋеть сице. ꙗко сего дѣлѧ наречеса (чит. нарече ѧ, какъ въ синод.) творецъ чл҇кы на ꙁмиины҆ нога҆. елма звѣринъ оумъ имѣꙗхꙋ ничесо же бл҇гаго нбн҇аго на оумѣ имоуща но имоуща нозѣ. ходяще на земнаа злаа дѣла и неправеднаа. того дѣлѧ бж҇ство звѣз҇нымъ простираніемъ. и сл҇нчь-

нымъ. и мѣсачнымъ ѡвѣмъ ѿ тресновенiа ѡгнемъ повелѣ погыбноути. а дрꙋгымъ каменнымъ стати. инѣмже скорѣишими стрѣлами смртными оустрѣленомъ быти. дрꙋгымже злыми стрѫпы напрасно оуꙗзвено* быти (обор.) акы лоущею. а дроугымже ѿ мнства потопленымъ быти. и тако гиганти вси нарицаеми змиенози. ꙁѣло (синод. ꙁлѣ) потребленiи скончаша свои животъ.

Слова: дрꙋгымже злыми стрꙋпы напрасно оуꙗзвеном быти опущены въ синод.

Въ отрывкѣ о надписяхъ, оставленныхъ потомками Сиѳа,—fr. 2, 16 M., Cram. p. 233, 16 sqq., славянскiй переводъ (срв. Обз. хрон. стр. 10) сохраняетъ болѣе точную, чѣмъ въ греческомъ, ссылку на Iосифа Флавiя: ꙗко же и сиѳъ списа (во второмъ листѣ сначала книгъ своихъ), срв. Ios. Fl. Archaeol., I, 2, 3. Начиная съ fr. 4, 1 cod. 1630 y C. Müller'a (p. 233, 30 Cram.) до того мѣста, гдѣ начинается оксф. рукопись Малалы, мы имѣемъ его греческiй текстъ еще въ Пасхальной хроникѣ, p. 64 sqq.

Что касается славянскаго перевода, № 280 сохраняетъ бóльшую его часть, чѣмъ архивскiй, въ которомъ замѣчаются сокращенiя и пробѣлы.

При этомъ значительная часть содержанiя архивскаго списка, а частью и синодальный, обнаруживаетъ дословное сходство съ комментарiемъ къ произведенiямъ Григорiя Богослова Нонна. Такъ какъ до сихъ поръ на это обстоятельство не было обращено вниманiя, то мы приведемъ всѣ отрывки обоихъ списковъ, сходные съ текстомъ Нонна или весьма близкаго къ нему—Косьмы. fr. 4, 1 M., Cram. p. 233, 33—234, 4, Cron. Pasch., p. 64, 13—18 (cf. Cedr. p. 28 sq.). Арх. сп., л. 25 обор. сиже по потопѣ бахоу съ моуринъ роди неврода гиганта и* сътвори вавилонъ. его же глють перси бга бывша и сꙋща въ звѣзда* нбны*. его* наричють кроужилiа тотъ прежде настави, ловити и даꙗше всѣмъ звѣриноу ꙗсти. старѣи пръсомъ.

fr. 4, 2 M., p. 234, 9—15 Cram., Chron. Pasch., p. 65, 2—9, срв. синод. № 280, Обз. хрон. I, стр. 12: Родиша же са—ꙗко лютъ ратникъ, арх. сп., л. 25 — въ сокращенiи: тыи* кронъ нареченъ бы ѿ дамьа ѿца своего во има прѣходнаа звѣзды бѣже страшенъ всѣмъ ꙗко лютъ ратникъ сѣкыи вса.

Между двумя приведенными отрывками архивскаго списка на томъ же 25 л. обор. читаемъ:

Nonn. Greg. Naz. Migne Patr. Gr. Vol. II, p. 1069 B, cf. Cosm. Greg. Vol. IV, p. 511, 575.

Ὁ γὰρ Κρόνος, φησίν, υἱὸς τοῦ Οὐρανοῦ, λαβὼν τὸ δρέπανον ἀπέκοψε τοῦ ἰδίου πατρὸς τὰ αἰδοῖα, καὶ ἔρριψεν εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ πεσόντα ταῦτα καὶ ἀφρὸν συνάξαντα, ἀπεκύησε τὴν Ἀφροδίτην. Διὸ καὶ Ἀφροδίτη καλεῖται, ὡς ἐκ τοῦ ἀφροῦ καὶ τῆς καταδύσεως γενομένη. Διὸ εἶπεν· Αἰσχρῶς γινομένης καὶ τιμωμένης. Ὁμοίως γὰρ καὶ αἱ τιμαὶ αἱ περὶ ἐαυτὴν καὶ αἱ ἑορταὶ δι' αἰσχρουργίας καὶ ἡδυπαθείας καὶ πορνείας ἐτελοῦντο.

Арх. сп., л. 25 обор. вѣщаша древніи ꙗко кронъ въста на ѿца своего г҃лемаго даміа и ѿтрѣзавъ оуды его таиныѧ въверже въ море. приплоувше же таины[x] оудовъ ѿрѣзаніе афродитъ и б҃ы тако оубо та стоуднѣи породнѣ чтетсѧ богыни пакы блоудны[x] ради смѣшеніи скверныхъ таинъ.

За исключеніемъ малаловскаго наименованія Урана сходство текста полное.

Nonn. p. 1065. Ὁ Κρόνος τῇ Ῥέᾳ γενόμενος σύνοικος, ἅπερ ἔτικτεν αὐτῇ παιδία, αὐτὸς λαμβάνων κατέπινεν. Ὅτε οὖν ἐγέννησε τὸν Δία ἡ Ῥέα, φοβουμένη μήπως καὶ τὸ βρέφος τοῦτο καταποθὲν ἀπόληται, λίθον μὲν σπαργανώσασα δέδωκε τῷ Κρόνῳ ὡς βρέφος καταπιεῖν· τὸν δὲ Δία ὑπερέθετο ἐν τῇ Κρήτῃ, καὶ παρέσταζε τῷ βρέφει τούτῳ τοὺς Κορύβαντας καὶ τοὺς Κουρῆτας ὀρχεῖσθαι καὶ κροτεῖν καὶ κτυπεῖν τὰ ὅπλα αὐτῶν, καὶ γενέσθαι τινὰ ἦχον τὸν δυνάμενον ὑποκλέπτειν καὶ παρακρούειν τὸν ἐκ τοῦ κλαυθμοῦ τοῦ παιδίου ἦχον.... δαίμονες δὲ οὗτοι οἱ Κορύβαντες. Cf. Cosm. p. 403: ὁ δὲ καταπιὼν τὸν λίθον ἐξήμεσεν ἅπαντας σὺν αὐτῷ τοὺς προκαταποθέντας.

Синод. № 280. Обз. хрон. стр. 12: (г҃лють же ꙗко и волхвовавшю Крону. кто пріиметь его ц҃рство. и дано бы҃ ему прореченіе. ѧко с҃нъ его пріиметь. да тѣмъ разгнѣвавсѧ) Кронъ пожирааше всѧ дѣти. ꙗже раждааше емоу жена его Ариа. Егда же времѧ еи бѣ родити нарицаемаго (пика зѣвеса еже е҃) Діи. събра кюриты нѣкыѧ бѣсы гласѧща и поюща. и во ѡружие звонѧща да ѡблазнитсѧ Кронъ. не слышавъ плача ѡтрочате и оумѣли. ѡтроча же дано бы҃ въ Критъ воскормити. а в него мѣсто камень повивше положиша (да оусмотривъ ѿ ѡблакъ Кронъ съше҃ пожре камень мнѧ ѡтрочѧ.) да тоу аб... изблева. и прежнꙗꙗ пожерт...

Очевидно, здѣсь сходство объясняется лишь общимъ источни... текстъ славянскаго перевода передаетъ его полнѣе.

Текстъ архивскаго списка — гораздо короче и уклоняется отъ синодальнаго.

л. 26: бають бо баснословци еллинстіи ꙗко о҃вѣтъ пріимъ кронъ ѿц҃ь дыевъ ꙗко остасѧ емоу званіа ц҃рьска ѿ единаго дѣтии его. елико раждаше емоу моужескъ полъ жена его ира пожираше. родивши же дыѧ и милоующи красоты его ради оукрадши и въ критъ и ѿсла сіи же блѧди г҃ли ихъ. богы ѧ нарицахꙋ.

fr. 4, 4 M., p. 234, 20 sq. Cram., Pasch. p. 65, 14—15, синод. № 280: имѣ же иного — именемь Иру.

Синод. № 280, Обз. хрон., стр. 12: Кронъ же ѡстави с҃на—стр. 13: Црс҃твова же Пикь Зѣоусъ инѣˣ лѣтъ ѕ҃ и к҃, срв. Pasch. p. 65—67, также въ отрывкахъ у Cramer'a и Müller'a. Но словъ синодальнаго сп., стр. 13: инии же г҃лють — ѿимъ цр҃тво его не находится и въ наиболѣе полномъ греческомъ текстѣ — Пасхальной хроники. Для сравненія можетъ быть привлеченъ комментарій Косьмы.

Cosm. p. 403: Ὁ οὖν Ζεὺς γνοὺς τοιοῦτον εἶναι τὸν ἴδιον πατέρα Κρόνον ἐπανέστη αὐτῷ, καὶ ἐξέτεμεν αὐτοῦ τὰ αἰδοῖα καὶ τὴν βασιλείαν ἀφείλατο.

инии же г҃лю ꙗко Пикъ ѿца своего имъ истеса его ѿрѣзавъ и ноуждею ѿимъ цр҃тво его.

Срв. Nonn. p. 1033 A. fr. 6, 3 M., Cram. p. 236, 9—13 (въ Пасх. хрон., p. 69, 4—5, сокращено), синод. № 280: живе же Пикь — и прѣсаа жены. Въ арх. сп. вслѣдъ за приведеннымъ отрывкомъ о спасеніи Зевса отъ Крона читаемъ: ѡставив же пикъ с҃на своего въ асоуріи именемъ велонона· ѿиде къ своемоу ѿцꙋ кроноу на запад· велон же цр҃твова двѣ лѣтѣ. оумреть его же пръси б҃га деръжать. пикъ же поѧ сестрꙋ свою ирꙋ. еллиньстіи же философи з҃лѣ негодоующе. ироу м҃трь всѣхъ б҃гъ нарицаахꙋ дръжа цр҃твоуѧ западнимъ всѣмъ имѣ с҃ны и дщери многы ѿ добрыˣ женъ любодѣѧ с нимъ бѣ бо таибникъ влъшбы нѣкыѧ творѧ прѣжасаѧꙗ жены. си б҃га имѣахоу ꙗко кажюща имъ виды нѣкыѧ и проказы. Будучи сокращеннѣе синодальнаго въ началѣ, выписанный нами отрывокъ архивскаго списка пополняетъ его въ концѣ.

Въ синодальномъ спискѣ слѣдуетъ затѣмъ отрывокъ о Семелѣ и Діонисѣ, который снова представляетъ сходство съ Нонномъ, срв. p. 1048 (Cosmas, p. 504).

Nonn. Σεμέλη Κάδμου ἦν θυγάτηρ. Ταύτης ἠράσθη ὁ Ζεὺς καὶ συγγίνεται αὐτῇ· ἣ καὶ συλλαβοῦσα

И семель дщерь Кадма ц҃рѧ оусноуби и любѧше паче инѣхъ. к неи же и споцѣ еѧ г҃лахоу. проси

εἶχεν ἐξ αὐτοῦ τὸν Διόνυσον. Ἡ δὲ Ἥρα, ζηλοτύπως φερομένη, σχηματίζεται πρόσωπον τροφοῦ ἐγνωσμένης τῇ Σεμέλῃ καὶ συμβουλεύει αὐτῇ τῇ Σεμέλῃ ἐγκύῳ οὔσῃ, ὅτι Αἴτησαι τὸν Δία συγγενέσθαι σοι, ὥσπερ συγγίνεται τῇ Ἥρᾳ. Συνεγίνετο δὲ ὁ Ζεὺς τῇ Ἥρᾳ μετὰ βροντῶν καὶ κεραυνῶν.... ᾔτησεν ἡ Σεμέλη οὕτως αὐτῇ συγγενέσθαι ὡς τῇ Ἥρᾳ: καὶ ὡς συνεγένετο. αὐτῇ κεραυνοῦται... ἡ Σεμέλη.

Cosm., p. 504: ἔμβρυον ὃ ἦν ἐν τῇ Σεμέλῃ λαβὼν, ἔβαλεν εἰς τὸν μηρὸν καὶ ἔρριψεν, ἕως οὗ γένηται τῶν ἐννέα μηνῶν [1]). Ἦν δὲ οὗτος ὁ Διόνυσος ἀτελὲς μὲν κύημα.... οὗτος μὲν οὖν ὁ Διόνυσος λέγεται τοῦ οἴνου καὶ τῆς μέθης ἔφορος εἶναι, срв. Nonn. p. 1048, p. 1068.

оу Зевеса да приидеть исть съ громомъ многымъ и молньею. си же Семель не вѣдоущи льсти и. и бапше имоущи во чревѣ. вопросивши оу Зевеса и приде кнеи и зажже ю. отрочища же изъ оутробы еѧ исторгъ недоношено имоущь седмь мць. и во своемъ стъгни сего доносивъ. Дѣнисіемъ сего именова. сьи же дѣнисии началникъ же бѣ піаньствоу.

Здѣсь отступленіе Нонна отъ источника славянскаго перевода уже весьма замѣтно.

Въ арх. сп. вслѣдъ за приведеннымъ выше отрывкомъ слѣдуетъ: Фаоуна бо снъ его златымъ богомъ нарицахоу. обрѣтша имъ роудоу златоую дающа имъ злато много. иракла же сна его въбожившa. инѣхъ же ваще седмьдеса богы ихъ нарицахоу. тако сиѧ бахꙋ ѡ немже глють. ни диѡноусіи стегноражанію неспѣшеныи породъ иногда глахоу глава дыева ѿ того родитисѧ. афинѣ. сего глють моужь женъ бгъ. ѡвогда стража женьскаа. ѡвогда творѧ моужескаꙗ же піаньствоу ликы творяше и сего ради ѡвобожиша и и виномъ оупоꙗше ихъ. И инѣхъ богъ бесчисленны ихже еллиньскаа прелесть въбожиша чл̃комъ.

О Фавнѣ срв. Pasch. p. 80—81, Cram. p. 236, C. Müll. fr. 6, 4. Объ Аѳинѣ и Діонисѣ срв. Nonn. p. 1068—69. (Cosm. p. 505, 402).

---

1) Здѣсь текстъ Космы расходится съ Нонномъ, у котораго ближе къ славянскому тексту: καὶ ὕστερον ἐν τῷ ἑβδόμῳ μηνὶ ἐλθὼν ὁ Ἑρμῆς, ἀναπτύσσει τὸν μηρὸν τοῦ Διὸς καὶ γεννᾶται, ὥς φασιν, ὁ Διόνυσος.

Ἀτελὲς δὲ κύημα λέγει, ὅτι ὁ μηρὸς αὐτὸν ἐκύησε τοῦ Διός (Cosm. τοῦτο τὸ ἔμβρυον τὸ βληθὲν εἰς τὸν μηρόν). θεὸν ἀνδρόγυνον καλεῖ τὸν Διόνυσον, ὡς ποτὲ μὲν γυναικιζόμενον, τουτέστι τὰ τῶν γυναικῶν πάσχοντα, ποτὲ δὲ ἀνδριζόμενον, τουτέστι τὰ τῶν ἀνδρῶν ἐνεργοῦντα. Χορὸν δὲ μεθυόντων λέγει τοὺς Σατύρους κτλ. ἐπειδὴ γὰρ τοῦ οἴνου ἔφορος ὁ Διόνυσος, εἰκότως τοὺς σὺν αὐτῷ δαίμονας μεθυστὰς εἰσάγει ὄντας (Cosm. p. 402 Μυθεύονται δὲ τοῦτον ἔφορον εἶναι τοῦ οἴνου καὶ ὅτι δέδωκε καὶ ταῖς γυναιξὶ καὶ τοῖς ἀνδράσι, καὶ ἔπιον καὶ ἐμεθύσθησαν καὶ μεθύσαντες μετὰ τῶν γυναικῶν χορεύουσι περὶ αὐτόν). p. 1069 A. Ἡ κεφαλὴ τοῦ Διὸς γέγονε κεφαλή ποτε ὠδίνων, ὅτι ἐν ἑαυτῇ εἶχε τὴν Ἀθηνᾶν· λέγεται γὰρ ἡ Ἀθηνᾶ, ὅτι ἐκ τῆς κεφαλῆς τοῦ Διὸς ἐγεννήθη (срв. Cosm. p. 487—88).

Вслѣдъ затѣмъ въ архивскомъ спискѣ находимъ статью, представляющую уже полное сходство съ Нонномъ, подъ заглавіемъ:

Ѿ пелепониде и кропиде не оулькемеѡнъсе елпиде (чит. еакиде) же ираклиде приити изрекоу изоѡбраженіе словоу семоу. Срв. Nonn., p. 1057 A Λέγονται λοιπὸν ἀπὸ μὲν τοῦ Πέλοπος Πελοπίδαι, οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Κέκροπος Κεκροπίδαι, οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἀλκμαίωνος Ἀλκμαιωνίδαι, οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἡρακλέους Ἡρακλεῖδαι καὶ ἀπὸ τοῦ Αἰακοῦ Αἰακίδαι.

Westerm. Mythogr. graeci. 1843. Appendix. p. 380 (LVII. 3).

Πέλοψ υἱὸς γέγονε Ταντάλου, Φρυγίας βασιλέως. ὁ Τάνταλος δὲ οὗτος πόλεμον ἐσχηκὼς μετὰ Ἴλου τοῦ κτίσαντος τὸ Ἴλιον τὸ ἐπὶ Τροίας καὶ φοβούμενος τὴν ἧτταν ἐπέτρεψε τῷ Πέλοπι τῷ ἰδίῳ παιδὶ λαβόντι χρήματα ἀπᾶραι ἐπὶ τὴν Ἤπειρον, εἰπὼν ταῦτα, ὅτι «ἐὰν μὲν νικήσω, ὑποστρέφεις πάλιν εἰς τὴν Φρυγίαν ἐὰν δὲ ἡττηθῶ, μένε εἰς τὴν Εὐρώπην». λαβὼν οὖν ὁ Πέλοψ χρήματα ἦλθεν[1]) εἰς τὴν Ἑλλάδα ἐν χώρᾳ Ἀπίᾳ καλουμένῃ, ἥτις Ἀπία χώρα βασιλέα εἶχε τὸν Οἰνόμαον ἔχοντα θυγατέρα Ἱπποδάμειαν. εἶτα ἀγωνισάμενος ἐν-

Арх. сп. пелопесъ с҃нъ бѣ антадъ. таловъ фрѵгыискаго ц҃ра. а антаталъ брань приимъ со иломъ създавшимъ с҃лнчь градъ (Ἴλιον-ἥλιος) боаса побѣженіа възврати с҃на своего въ пелеподоу поити пѣща съ имѣніемъ рекъ. аще оубо побѣждоу възврати въ фрѵгию. аще ли побѣдат мѧ пребоуди въ европыі поемже пелопсъ во иладоу въ безконноую (ἀ-ἵππος) страноу тако зовемоу. въ неи же ц҃рь именеѡсь имѣ дщерь ипоподамью. его* сконникъ побѣдивъ пелопсъ и въземъ страноу въ апиа

1) Ἐὰν δὲ ἡττηθῶ μένε εἰς τὴν Εὐρώπην. λαβὼν οὖν Πέλοψ χρήματα ἦλθεν.

ταῦθα ὁ Πέλοψ ἱππικὸν ἀγῶνα μετὰ τοῦ Οἰνομάου καὶ νικήσας ἔλαβε γυναῖκα τὴν τοῦ Οἰνομάου θυγατέρα Ἱπποδάμειαν καὶ κατέσχε τὴν χώραν καὶ ἀντὶ Ἀπίας ἐκάλεσε Πελοπόννησον (cf. Cosm. p. 435). Nonn. ap. Migne. p. 1057: καὶ περὶ μὲν τοῦ Πέλοπος ταῦτα, περὶ δὲ τοῦ Κέκροπος ἤδη λελέξεται.

мѣсто именова пелепонисъ. се оубо ѡ пелепонидехъ.

Ibid. p. 374 (XXXVII). Κέκροψ βασιλεὺς γέγονεν Ἀθηνῶν, ὡς μεγάλως τὴν Ἀττικὴν κατεκόσμησεν.... οὗτος δέ ἐστιν ὁ διφυὴς καλούμενος· ἐκαλεῖτο δὲ διφυὴς ὅτι δύο φωνὰς ἦν ἠσκημένος, μίαν μὲν τὴν τῆς Ἑλλάδος, ἑτέραν δὲ τὴν τῆς Αἰγύπτου. λέγεται γὰρ ὅτι οἱ Ἀθηναῖοι ἄποικοί εἰσιν Αἰγυπτίων ὑπὸ Σάεως πόλεως. ἡγεμὼν οὖν τῆς ἀποικίας γέγονεν ὁ Κέκροψ καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Ἑλλάδα φωνὴν ἔχων καὶ τὴν Αἰγυπτίαν (полнѣе у Косьмы:. καὶ ἐλθὼν εἰς τ. Ἑλλ. ἔμαθε καὶ τὴν Ἑλλάδα φωνὴν ἔχων καὶ τ. Αἰγ. p. 477).

кекропсъ же црь бѣ афинѣѡмъ. иже и велми оукраси атическоую страноу. зваше же сѧ двоугласенъ. аки двѣ странѣ премогъ, еладоу и еюпетъ глеть бо ꙗко афинѣи бѣша ѿ египта. егоупетъ же ѿ саеса града, властитель же афинѣемъ. тотъ кекропсъ бы. имыи египетьскыи гла навыче же елиньскы.

.... ἀπὸ τοῦ μηδέποτε ἀπωσθῆναι, μᾶλλον δὲ ἀνασταθῆναι (Cosm. ἀπὸ τ. μηδ. μεταστῆναι μᾶλλον καὶ ἀναστῆναι) τοὺς οἰκήσαντας εἰς τ. Ἀττικήν. Cosm. l. c. Κεκροπίδαι τοίνυν λέγονται οἱ Ἀθηναῖοι.

ѿтоуда оубо свободими кекропиде именоуетсѧ.

Переписчики опустили упоминаемый еще въ заглавіи статьи отрывокъ объ Алкмеонидахъ.

Ibid. p. 360: Ὁ Αἰακὸς οὗτος υἱὸς ἐλέγετο εἶναι τοῦ Διός, δίκαιος τὰ μάλιστα. διὸ καὶ ἀβροχίας γενομένης ἐν τῇ Ἑλλάδι ἦλθον πρὸς αὐτὸν οἱ προεστῶτες τῶν πόλεων πα-

Арх. сп. еасъ же и тотъ снъ быти диѡнисоу глетьсѧ въ правдоу славенъ. нѣкогда бо бездождию бывшю во еладѣ. пріидоша к немоу старѣишины града. молити своего

ρακαλοῦντες εὔξασθαι τῷ ἰδίῳ πατρί, ἵνα γένηται ὑετός. ὁ δὲ στὰς καὶ εὐξάμενος ἔλυσε διὰ τῆς εὐχῆς τοὺς αὐχμοὺς καὶ κατερρύη ὕδωρ ποτίζον τὴν Ἑλλάδα. μάλιστα οὖν ἐκ τούτου ἡ εὐσέβεια ἐδείχθη τοῦ Αἰακοῦ. οὗτος οὖν γεννᾷ δύο υἱούς, τὸν Πηλέα καὶ τὸν Τελαμῶνα, ὧν ὁ μὲν Πηλεὺς τίκτει τὸν Ἀχιλλέα, ὁ δὲ Τελαμὼν τὸν Αἴαντα, οἵτινες ἐκαλοῦντο Αἰακίδαι, τὴν ἀπὸ τοῦ πάππου τιμὴν ἐκ τούτου προσφερόμενοι.

ѿца дабы дожь былъ. еак же ставъ и тако помолиса ѿцꙋ своемоу (ѿ бѣсовскаго дѣиства) бывъ дождь. ѡнѣмъ же мнѣвшимъ ꙗко ѿца емоу бывшоу богомъ и нарицахоу. ѿтоуда оубо чтъ еакоу ꙗвиса. тотъ же ражаеть два сна. пилеа и теламона. пилеи ражаеть ахилеа. а телемонъ еанта. иже зовоутса. аикде честь ѿ дѣда своего приемлюще.

Ibid. p. 370: Ὁ Ἡρακλῆς λέγεται υἱὸς γεγονέναι τοῦ Διός. ὁ γὰρ Ζεὺς συνεγένετο τῇ Ἀλκμήνῃ ὁμοιωθεὶς τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς Ἀμφιτρύωνι καὶ γεγέννηκε τὸν Ἡρακλέα, ὃς καὶ τοὺς μεγάλους ἄθλους ἐκείνους διήνυσε. πολλοὶ οὖν γεγόνασιν ἀπὸ Ἡρακλέους, ὧν πρῶτος καὶ ἔνδοξος ὁ Ὕλλος, ἐξ οὗ καὶ οἱ τῶν Λακεδαιμονίων βασιλεῖς πάντες Ἡρακλεῖδαι ἐλέγοντο.

ираклїи же и тотъ снъ быти диωнисоу (чит. диωсоу) гл̃етса въ правдоу славенъ. зевъсъ бо бы̃ со алъкминою сътворивса чл̃комъ и роди иракліа и* многы побѣды сътвори иракліи. мнози же быша ѿ ираклиа. пръвое славныи илосъ пр̃ъ ѿ него* лакѣдемонстіи цр̃ве.

Такимъ образомъ вся приведенная статья архивскаго списка можетъ считаться заимствованною изъ Нонна. Но сопоставленія текста Нонна съ текстами архивскаго и синодальнаго списковъ, сдѣланныя нами раньше, и дополненіе къ тексту Нонна въ славянскомъ отрывкѣ объ Эакѣ (ѿ бѣсовскаго дѣиства) допускаютъ и предположеніе общаго источника.

Въ синодальномъ спискѣ за отрывкомъ о Діонисѣ слѣдуетъ отрывокъ объ Ираклѣ (стр. 13—14 Обзора хрон.), срв. fr. 6, 6 M. Сходство со славянскимъ переводомъ рѣшаетъ споръ между Boissevain'омъ и Sotiriadis'омъ относительно автора отрывка. Онъ также долженъ быть отнесенъ къ Малалѣ. Славянскій переводъ даетъ здѣсь во 1-хъ, исправленіе чтенія греч. т. Ἡρόδοτος, которое C. Müller исправляетъ въ Ἡρόδωρος. Славянскій же переводъ требуетъ чтенія Διόδωρος. Во 2-хъ, переводъ восполняетъ текстъ отрывка: (Θηβαῖοι γὰρ λέγουσιν, ὅτι) Ζεὺς μετὰ Ἀλκμήνης τῆς Θηβαίας (τῆς Ἀμφιτρύωνος γυναικὸς) ἐγέννησε и ниже: κατέδειξε (πρῶτος) τὸ φιλοσοφεῖν.

Въ текстѣ синод. списка есть, впрочемъ, посторонняя вставка: се соуть бози — звѣровиднаго Иракла.

Слѣдующій въ cod. 1630 отрывокъ о Фестѣ — fr. 6, 7 M., Cram. p. 237, 2 sqq., Pasch. p. 81, 15 sqq. соотвѣтствуетъ въ синод. спискѣ тексту Обз. хрон., стр. 18, пробѣлъ котораго восполняется архивскимъ л. 31: того дѣлꙗ бга и начаша имѣти ꙗко моудрость показавша и пищꙋ чл҇комъ ѡрꙋжіемъ ѡбрѣтоша и на ратныꙗ силоу и помощь сътворша прежде бо палицами и каменіемъ побиваахоусꙗ, срв. Pasch., p. 82, 8—12.

Отрывки о Нинѣ и Зороастрѣ (Обз. хрон., стр. 15, срв. Pasch., p. 67) въ архивскомъ сп. не сохранились. Въ славянскомъ переводѣ они переставлены со своего мѣста. Также изъ отрывка о Фавнѣ или Гермесѣ (Обз. хрон., стр. 16, срв. fr. 6, 5, Pasch., p. 80 sq.) въ архивскомъ спискѣ сохранилось лишь нѣсколько словъ, приведенныхъ нами выше.

Разсматривая отношеніе славянскаго перевода, насколько онъ сохранился въ рукописяхъ архивской и синодальной № 280, къ греческимъ текстамъ Малалы въ той части хроники, которая не дошла до насъ въ оксфордской рукописи, мы видимъ, что во 1-хъ, славянскій текстъ соединяетъ въ себѣ взаимныя дополненія одного къ другому текста codicis 1630 и codic. 1336 (Paris.), а также дополненія къ этимъ текстамъ Пасхальной хроники. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто возметъ на себя трудъ сличить славянскій текстъ съ греческими. Приближаясь къ наиболѣе полному тексту Пасхальной хроники, славянскій переводъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, дополняетъ его тамъ, гдѣ авторъ хроники допустилъ сокращенія своего источника — Малалы. Такъ, текстъ, соотвѣтствующій Pasch., p. 69, 4—5, полнѣе въ славянскомъ переводѣ. Во 2-хъ, переводъ даетъ возможность исправить нѣкоторыя неправильныя чтенія греческихъ текстовъ, напр. Παυσανίου во вводномъ фрагментѣ codicis 1630 и Διόδωρος во фрагментѣ объ Ираклѣ. Въ 3-хъ, переводъ содержитъ болѣе или менѣе значительныя дополненія къ греческимъ текстамъ. Изъ болѣе значительныхъ укажемъ на предисловіе и на цитату изъ Тимоѳея о гигантахъ.

2. Четвертая книга хроники.

Четвертая книга хроники Малалы, кромѣ оксфордской рукописи, содержится въ извлеченіи у Кедрина (p. 143 sqq., p. 209, sqq.), текстъ

котораго не разъ помогаетъ исправить испорченныя мѣста единственной греческой рукописи Малалы, какъ это можно видѣть уже въ примѣчаніяхъ Чильмида и Hody.

Изъ разночтеній славянскаго текста мы будемъ, конечно, отмѣчать только такія, которыя не представляютъ явныхъ извращеній первоначальнаго текста перевода переписчиками.

При выборѣ разночтеній можетъ оказать пользу сличеніе съ Кедриномъ. Такъ, у Mal. p. 68, 10, cf. Cedr. p. 143, 8 согласно читается φμθ' ἔτη, въ слав. ф̄ и м̄ и д̄. Мы отдали бы предпочтеніе тому чтенію, на сторонѣ котораго стоятъ оба греческіе текста. Наоборотъ, за чтеніе славянскаго текста p. 69, 2 лѣтъ л̄ и а̄, при Mal. Bonn. ἔτη λβ', стоятъ тексты Кедрина, Синкелла и Евсевія. Но славянскій текстъ p. 69, 3 лѣтъ т̄ и п̄ и а̄ расходится опять съ греческимъ текстомъ и оксф. рук. и cod. Paris. 1630 у C. Müller'a, fr. 13, 3.

Представляемъ здѣсь списокъ разночтеній славянскаго перевода и его дополненій къ греческому тексту, отмѣчая послѣднія скобками.

Mal. p. 69, 7 καὶ (παντὸς) τοῦ γένους αὐτοῦ. 10 πόλιν Σαλήμ Чтеніе это несомнѣнно заслуживаетъ предпочтенія передъ чтеніемъ Ἱερουσαλήμ оксф. рукописи, такъ какъ Малала ссылается здѣсь на предшествующее свое изложеніе, срв. p. 58, 9 πόλιν.... ἥντινα ἐκάλεσε Σαλήμ.

Mal. p. 69, 19 Ἐν δὲ τοῖς τούτων χρόνοις (κτήτωρ строитель)[1]) ἦν παρ' Ἕλλησιν ὁ Προμηθεύς. Mal. p. 70, 15 Σίβυλλα (ἡ ἐν Δελφοῖς). Mal. p. 71, 11 ἡμέρας (εἴτε μίαν εἴτε πολλάς).

12 τοῦτο ἀπὸ τῆς Ἀττικῆς εἴρχθη, τὸ μὴ ἀναγκάζεσθαι αὐτὰς συνεῖναι ἀνδρί, πρὸς ὃν βούλονται· οὐδεὶς οὖν ᾔδει, τίς ἦν υἱὸς ἢ θυγάτηρ, καὶ ἐδίδου τὸ τεχθὲν ᾧ ἠβούλετο ἀνδρὶ συμμιγέντι αὐτῇ, εἴτε ἄρρεν εἴτε θῆλυ.

Арх., л. 37 обор. сеи же законъ ѿ антическы страны пріиде еже не ноудити ихъ оу единого моужа быти, но к немоу же въсходать не ωставлѧти ихъ никто оубо вѣдаше чии есть сн̄ъ или дщи но ꙗко боудаше мт̄ри годѣ. тако речаше сего есть сн̄ъ или дъщи. и дадаше роженое отроча.

Извлеченіе Кедрина, по сокращенности своей (p. 145), не можетъ способствовать исправленію боннскаго текста Малалы, явно испорченнаго: фраза — ἀναγκάζεσθαι αὐτὰς συνεῖναι ἀνδρὶ πρὸς ὃν βούλονται

1) Возможно, впрочемъ, что «строитель» — не правильный переводъ слова κριτῶν по смѣшенію съ κτιστῶν, какъ въ другомъ мѣстѣ Κρητῶν (Критянъ) въ славянскомъ переведено судьи (Mal. p. 204, 19).

лишена смысла. Въ латинскомъ переведено: caeterum Atticis deinceps prohibitus fuit mos iste, mulieres cum quopiam volente consuescere cogendi, но такой переводъ совершенно несогласенъ съ греческимъ текстомъ.

По переводу греческій текстъ можетъ быть возстановленъ такъ: τοῦτο ἀπὸ τ. Ἀττικῆς εἵρχθη, τὸ μὴ ἀναγκάζεσθαι αὐτὰς (ἑνὶ) συνεῖναι ἀνδρὶ (, ἀλλὰ) πρὸς ὃν βούλονται (εἰσελθεῖν, μὴ λείπειν αὐτάς). οὐδεὶς οὖν ᾔδει, τί[νο]ς ἐστὶ υἱὸς ἢ θυγάτηρ (, ἀλλ', ὡς ἠβούλετο ἡ μήτηρ, οὕτως ἔλεγεν ὅτι «Τούτου ἐστὶ υἱὸς ἢ θυγάτηρ») καὶ ἐδίδου.

p. 71, 16 δεχόμενοι (τὸ τέκνον).

p. 72, 5 дръжа оубо цр҇тво аѳинѣиско лѣтъ ѵ҃ и ч҃ и в҃. (потомже дръжаа кнѕь. кі.) в та҃ лѣта тѣхъ кнѕь законъ положи въ аѳинѣхъ првѣе краконъ именемъ, срв. Cedr. p. 145, 17 (Gelzer, S. Iul. Afric. B. II, S. 370).

11 ὁ σοφώτατος (ποιητής), 16 μετὰ δὲ βραχύ, слѣдуетъ читать, согласно славянскому переводу: по варацѣ же, — Μετὰ δὲ Βαράχ.

p. 73, 17 рече же ѿ преждереченны҃ стихъ ıакоже (влъхваніе слышалъ есть ω родствѣ бг҃ъ и сътвореніе мира) списалъ есть, срв. Cedr. p. 102, 6 sq.

p. 77, 16 (приносѧще же сырно) и пожерше въпрошашѧ.

p. 78, 20 ὅστις τόπος οὕτως κέκληται (ὑπὸ Βυζαντίων) ἕως τῆς νῦν.

p. 80, 1 ὅστις πληρώσας (ταχέως) ἀμφωτ. πόλεις. 18 Οὐσίας χάριν τοῦ Διός слѣдуетъ читать: θυσίας χάριν, арх. сп., л. 39: трѣбꙋ положити (еропьскомꙋ) дишсꙋ есмь пришелъ, срв. Cedr. p. 211, 12 οἳ καὶ ἔλεγον θυσίας κομίζειν τῷ Εὐρωπ. Διί.

p. 81, 14 ταῦτα δὲ (πάντα ὁ σοφώτατος Φιλόχορος) συνεγράψατο (, ὡσαύτως δὲ καὶ) Χάραξ.

p. 82, 3 καὶ ἐκάλεσε (scl. Ἀχαός) τὴν ὑπ' αὐτοῦ βασιλευομένην χώραν εἰς ὄνομα ἴδιον Λακωνικήν.	и проꙁва своего цр҇тва оучѧстие себе властное (ахеию въ свое имѧ такоже и лаконъ своего цр҇тва оучѧстіе проꙁва) лаконскыи въ нареченіе своего имене.

Это — одинъ изъ многочисленныхъ въ греческой оксфордской рукописи пропусковъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου. Кедринъ не возстановляетъ его, но избѣгаетъ ошибки, возникающей вслѣдствіе пропуска въ оксф. текстѣ, срв. p. 211, 22.

Согласно славянскому переводу греческій текстъ долженъ быть возстановленъ такъ: καὶ ἐκάλεσε τὴν ὑπ' αὐτοῦ βασιλευομένην χώραν εἰς

ὄνομα ἴδιον Ἀχαΐαν ὡσαύτως δὲ καὶ ὁ Λάκων τὴν ὑπ' αὐτοῦ βασιλευομένην χώραν ἐκάλεσεν εἰς ὄνομα ἴδιον Λακωνικήν.

p. 82, 7 ὃς ἔκτισε πόλιν (καὶ ἐκάλεσεν) εἰς ἰ. ὄ. 16 ἡ δὲ (Λήδα). Безъ этого дополненія, даваемаго славянскимъ переводомъ, послѣдующее относилось бы по тексту не къ Ледѣ, а къ Клитемнестрѣ.

p. 83, 2 φοβερὸν κάλλος (ἐν γυναιξίν). 16 οὐκ ἔστι νόμος Ἕλλησι (ταῦτα πράττειν).

p. 88, 3 арх. сп., л. 40. ἐξέθεντο γὰρ περὶ αὐτῶν (οἱ σοφοί), Κρῆτες ἀεὶ ψεῦσται (,ἔχουσιν ἔθος ψευδές).

6 περιεφρόνησε τῆς βασιλείας τῆς Κρήτης καὶ τῆς Ἀριάδνης, βασιλεύσαντος τοῦ ἰδίου πατρὸς τῆς Θεσσαλίας.

Въ латинскомъ переведено: cum patre defuncto, in Thessaliae regno jam successurus esset. Очевидно, въ греческомъ текстѣ этого нѣтъ. Но въ славянскомъ читаемъ: небреже цр҇тва критска. въ ѿца своего мѣсто въ ѳесаліи, слѣдовательно въ греческомъ вмѣсто: βασιλεύσαντος надо читать: βασιλεύσας ἀντὶ τ. ἰ. π., срв. Cedr. p. 215, 15.

p. 88, 14 по четырѣхъ же десѧтихъ и двꙋ лѣту, слѣд. вм. νβ' слѣдуетъ читать μβ' ἔτη. 17 взоромъ бѣаше ѳедра възрастомъ добротѣлесна (на рꙋсь доброноса), дльголика смыслена. Иполитъ же тѣломъ бѣаше средніи силенъ смаглъ. кратовласъ въщелъ (кратошіи) плосколикъ (кормистъ) зꙋбы великыи имыи (оустнатъ) рѣдобрадъ. ловець (лютъ) смысленъ млъчаливъ.

p. 89, 8 πληγὴν δὲ (μεγάλην) λαβών, 9 (κουφίσαντες αὐτὸν) δοῦλοι (, οἵτινες ἦσαν πλησίον αὐτοῦ), εἰσήνεγκαν ἐν τ. π.

p. 90, 13 и послѣднее цр҇твова (автомедонъ) лѣто едино, καὶ ὕστερον ἐβασίλευσεν (Αὐτομέδων) ἔτος α', Chilm. annot. Αὐτομένης ex Euseb.

3. Пятая книга хроники.

Для возстановленія пропусковъ и извращеній текста боннскаго Малалы въ пятой книгѣ весьма важнымъ пособіемъ является анонимная лѣтопись конца IX в.—Ἐκλογὴ ἱστοριῶν, изданная Крамеромъ во 2-мъ томѣ Anecd. gr. Paris., p. 166 sqq. Многочисленныя добавленія и поправки этого анонима къ тексту Малалы оксфордской рукописи зачастую сходятся со славянскимъ переводомъ его.

Mal. p. 91, 3 и градъ иліи и дарданъ (въспитенныи) трꙋѧ, арх. сп., л. 199.

4 ἐν οἷς ἱστορεῖται Ἀγαμέμνων καὶ Μενέλαος (καὶ Ἀχιλλεύς), cf. Ἐκλ. ἱστ. p. 197, 10.

9 чиста акы снѣгъ (млада плотию)

Mal. p. 95, 3, арх. сп., л. 200 ѿ пелопа и ѿ клѹмениѧ, 6 клѹмениѧ, 11 клѹмениѧ, 20 клоуменъ; въ оксф. рукоп. Малалы во всѣхъ этихъ мѣстахъ неправильно — Κλυταιμνήστρα, срв. not. Hodii.

p. 96, 17 ѿ племени* лѹдова лида (мати) нарицашесѧ (мнѣ), срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 199, 25.

p. 97, 4 (многократы) посыласта, срв. Ἐκλ. ἱστ. p. 199, 31.

p. 97, 20 Μυρμιδόνων τότε, νυνὶ δὲ λεγομένων Βουλγάρων (καὶ Οὔννων [1]).

p. 98, 17 καὶ ἑωρακὼς αὐτὴν ὁ ἱερεὺς καὶ μάντις Τὴν ἔλαφον πιάσαντες ἄξατε κτλ.	и видѣвъ жрець и влъхвовавъ алинѧ дѣлѧ рече идѣте алнію емше приведете на заколеніе.

Хотя и въ текстѣ Ἐκλογῆς ἱστ. читается, p. 200, 17 ὁ ἱερεὺς καὶ μάντις, но, судя по славянскому переводу, слѣдуетъ читать: καὶ μαντεύσας (διὰ τὴν ἔλαφον, εἶπε· Ἴτε καὶ κρατήσαντες) τὴν ἔλαφον ἄξατε εἰς θυσίαν. Въ боннскомъ текстѣ пробѣлъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

p. 99, 1 Ἐλθόντων δὲ τῶν αὐτῶν Ἑλλήνων ἐπ' (αὐτὴν) τ. Τροίαν.

p. 100, 6 ахилеоуса (всудѣ) форванта оуби, срв. арх. сп., л. 201. Текстъ Ἐκλογῆς не содержитъ этого добавленія — p. 202, 19.

8 чиста (плъна).

p. 101, 3, 5 моунетъ (= Μυνέτης) при Μενέτης оксф. рук. [2]).

17 доброноса (рѹмѧна) велеока назелне вѣдома рѹса власы простовласа (и на носѣ имоущи знаменіемъ хлива) радостива лѣ имоущи ка҃.

p. 102, 13 оубоꙗвсѧ (и видѣвъ), въ Ἐκλ., какъ въ боннск. т.

p. 103, 10 sqq. слав. текстъ (арх. сп., л. 201 обор.—л. 202) восполняетъ пробѣлъ оксфордской рукописи, на греческомъ возстановляемый по Исааку Порфиродному (Περὶ τῶν καταλειφθέντων ὑπὸ τοῦ Ὁμήρου, изд. H. Hinck'омъ вм. съ Polemonis declamationes. 1873) [3]).

Сопоставляя текстъ Исаака съ текстомъ славянскаго перевода, который также восполняетъ пробѣлъ греческаго текста Малалы оксфордской рукописи, мы встрѣчаемся со слѣдующимъ любопытнымъ

1) Арх. Леонидъ (указ. статья, стр. 12) неправильно считаетъ «болгаре, унны» за глоссу болгарскаго переводчика. Но не менѣе сомнительны и заключенія, дѣлаемыя на основаніи разсматриваемаго мѣста Sotiriadis'омъ (O. c., S. 105, Anm. 2), въ виду того, что уже въ древней редакціи Малалы славянскаго переводчика Мирмидонцы были отождествлены съ Болгарами. О Болгарахъ слѣдуетъ сопоставить Mal. p. 437 sq. и Theoph. p. 338 sq. ed. Bonn.

2) Срв. Haupt. Philolog. B. 40, S. 115.

3) Срв. E. Patzig въ Byzant. Zschr. I B., 1 Heft, S. 133 f.

фактомъ. Исаакъ, приведши портреты троянскихъ героевъ, пишетъ (p. 84, 23 ed. Hinck): οὗτοι μὲν ἦσαν τῶν Ἑλλήνων οἱ πρόκριτοι σὺν τῷ Τελαμωνίῳ Αἴαντι, οὗ τὰ ἰδιώματα σὺν τοῖς λοιποῖς τῶν ἀνδρῶν ἰδιώμασιν οὐχ εὕρομεν ἀναγεγραμμένα καὶ συνηριθμημένα τῷ πίνακι τοῦ παλαιοῦ, ἐν ᾧ τῶν λοιπῶν ἡ ἀπαρίθμησις παρ' ἐκείνου γέγονεν. διὸ καὶ παρ' ἡμῶν ἐν τῇ παρούσῃ ἀπαριθμήσει κατελείφθησαν ἄγραφα.

Дѣйствительно, въ рядѣ портретовъ троянскихъ героевъ, отъ Агамемнона (Isaac. p. 80, 21) до Паламеда (p. 82, 9; конецъ замѣтки о Паламедѣ уже является въ боннскомъ текстѣ Малалы, p. 103, 11 sqq.), мы не находимъ у Исаака одного изъ самыхъ выдающихся: Аякса, сына Теламона. Но въ славянскомъ переводѣ мы находимъ портретъ и этого героя, между Патрокломъ и Одиссеемъ. Такъ какъ и въ порядкѣ перечисленія героевъ отъ Агамемнона до Паламеда, и въ самыхъ характеристикахъ ихъ замѣчается полное сходство между славянскимъ переводомъ Малалы и Исаакомъ [1]), то, конечно, едва ли возможно отвергать на основаніи только пропуска портрета Аякса, сына Теламона, фактъ пользованія Исаака Малалою [2]). Ясно, однако, что Исаакъ имѣлъ подъ руками такую редакцію хронографіи антіохійскаго лѣтописца, въ которой были пропуски и сокращенія подобныя тѣмъ, какія во множествѣ обнаруживаетъ оксфордская рукопись по сравненію съ болѣе полными текстами Малалы у позднѣйшихъ авторовъ, въ эскуріальской рукописи Малалы или въ славянскомъ переводѣ [3]).

---

1) Напр. Isaac. ὁ βασιλεὺς Ἀγαμέμνων μέγας ἦν, λευκός, εὔρινος, δασυπώγων, μελάνθριξ, μεγαλόφθαλμος, ἀπτόητος, εὐγενής, μεγαλόψυχος.

ὁ Μενέλαος..... χονδός, εὔστηθος, πυρρός, ἰσχυρός, δασυπώγων, εὔριν, εὐπρόσωπος.

Παλαμήδης μακρός, λεπτός, λευκός, μάκροψις, εὔρινος.... φρόνιμος, εὐπαίδευτος, πολύβουλος, μεγαλόψυχος.

Слав. перев. агамемнонъ бѣ великъ. ч҃тъ доброносенъ гѹстобрадъ чръновласъ велеокъ книженъ. веледѹшенъ. бл҃города.

менелаѡсъ низокъ пръсистъ крѣпокъ. роумѧнъ. доброносъ доброликъ и проч.

Паламидисъ бѣлъ высокъ тонокъ длъголикъ.... моудръ книженъ. веледѹшенъ. мысливъ.

2) Мнѣніе Кёртинга (Dictys u. Dares, Halle, 1874, S. 38), что Исаакъ пользовался для своихъ портретовъ самимъ Диктисомъ (въ его греческомъ оригиналѣ), основано было именно на отсутствіи у Малалы тѣхъ девяти портретовъ, которые мы находимъ у Исаака и въ славянскомъ переводѣ Малалы. Впрочемъ, это мнѣніе отвергнуто, и какъ Г. Гауптъ (Philolog., B. 40, S. 113 m. Anm.; Вагенеръ, Philolog. B. 38, S. 108, поддерживалъ отождествленіе ὁ πίναξ τοῦ παλαιοῦ Исаака съ Диктисомъ, предполагая, что Исаакъ повторилъ дословно ссылку Малалы), такъ и новѣйшій изслѣдователь вопроса о греческомъ Диктисѣ Ф. Ноакъ (Philolog. VI Suppl. b. 1893, 2 Hälfte, S. 409, 440) предположили, что Исаакъ пользовался Диктисомъ не непосредственно, а черезъ Малалу. Диктиса Исаакъ нѣсколько разъ цитуетъ (черезъ Малалу) по имени и уже это заставляетъ видѣть въ «τῷ πίνακι τοῦ παλαιοῦ» ссылку на кого то другого, а не на Диктиса.

3) Этотъ выводъ необходимъ, такъ какъ если отвергнуть заимствованіе Исаака

Портретъ Аякса, сына Теламона, на греческомъ мы найдемъ у Іоанна Цеца (Posthomer., 493—495) и на латинскомъ у Дареса Фригійскаго (De excidio Troiae historia). Но что касается Цеца, если мы не встрѣтимъ у него той близости къ Малалѣ (въ слав. перев.), какъ у Исаака, необходимо принять во вниманіе гомеризацію (если можно такъ выразиться) языка ученаго экзегета, хорошо охарактеризованную Кёртингомъ (Dictys u. Dares, S. 39 ff.).

По поводу недавно появившагося изслѣдованія Ф. Ноака о греческомъ оригиналѣ Диктиса (извѣстнаго намъ въ латинской обработкѣ подъ заглавіемъ: Dictys Cretensis Ephemeridos belli Troiani libri VI), въ которомъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ убѣдительно доказано существованіе его греческаго текста, какъ источника Малалы (правда, не непосредственнаго) и другихъ лѣтописцевъ, мы позволимъ себѣ еще разъ указать на значеніе славянскаго перевода во всѣхъ вопросахъ, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ хронографіей Малалы.

На стр. 413-ой (Philolog. VI Suppl. b.) авторъ возстановляетъ указанный и нами пробѣлъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου, Mal., p. 117, 17 sqq., по Ἐκλογὴ ἱστορ., изданной Крамеромъ, опровергая выводъ изъ этого мѣста боннскаго текста Малалы Дунгера (O. c., S. 22 срв. Кёртингъ, стр. 26). Слав. переводъ возстановляетъ тотъ же пробѣлъ.

На стр. 431-ой Ноакъ отвергаетъ до сихъ поръ господствовавшее мнѣніе (срв. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litt., S. 153), что авторъ конца VII в. Іоаннъ Никіу пользовался Малалою, и въ генеалогической таблицѣ на стр. 439-ой ставитъ этого Іоанна въ зависимость прямо отъ той византійской хроники, которая была и источникомъ Малалы въ его извлеченіяхъ изъ Диктиса. Замѣтимъ, однако, что изъ подробностей текста, приводимыхъ изъ Іоанна Ноакомъ въ доказательство своего мнѣнія, добавленіе ἡ Χαρτάγαινα (, ἥτις ἐστὶ Νεάπολις), кромѣ Кедрина, даетъ и славянскій переводъ. Славянскій переводъ доказываетъ также, что извращеніе именъ городовъ Энея и Асканія (въ боннск. т. Малалы,

изъ Малалы, что само по себѣ невѣроятно въ виду полнаго сходства текстовъ обоихъ авторовъ, то пришлось бы предположить, будто Исаакъ не нашелъ портрета Аякса Теламонова у Диктиса и этотъ портретъ созданъ фантазіей позднѣйшихъ авторовъ (Малалы, Дареса, Цеца), вѣрнѣе того изъ нихъ, который былъ источникомъ для другихъ. Такое творчество для Малалы очень смѣло предположилъ Dunger въ своей программѣ, пользующейся большимъ авторитетомъ въ литературѣ о Диктисѣ (Dictys-Septimius, Progr. d. Vitztumsch. Gymnas. Dresden, 1878, S. 25). Онъ прямо отнесъ всѣ портреты къ фантазіи антіохійскаго лѣтописца, — мнѣніе, доказывающее только полное незнакомство Дунгера съ характеромъ авторской дѣятельности Малалы (срв. Гауптъ, l. c., S. 120).

р. 168, и у Кедрина, р. 238, имена поставлены одно на мѣсто другаго) принадлежитъ не самому Малалѣ, а редактору или переписчику оксфордскаго текста его лѣтописи: На л. 306 обор. архивск. ркп. читаемъ Mal., р. 168, 16, вм. Ἀλβανίαν, лавинью, 17 еже нарече лавиніи, 19 въ томъ градѣ лавиньи, а ниже, р. 169, 1, вм. Λαβινίαν, и црт̃вова алваніи. На это разночтеніе, опущенное нами въ нашей статьѣ, мы обратили вниманіе послѣ прочтенія изслѣдованія Ноака.

Въ виду указанныхъ фактовъ становится уже весьма вѣроятнымъ, что и два другія дополненія къ боннскому Малалѣ, на основаніи коихъ Ноакъ отвергъ прежнее мнѣніе, не могутъ служить достаточно опредѣленнымъ доводомъ въ пользу его собственнаго заключенія. Столь же несправедливо относить къ самому Малалѣ (Ноакъ, стр. 436) извращенія боннскаго текста именъ Еригоны и Климены, Mal. р. 95, р. 133.

р. 103, 10 καὶ οὐχ εἵλοντο (пріамовичи ѿпȣстити еллини разгнѣвашеся данаи и абие ѡтрокъ оусѣкнȣша всѣмъ съ града зрящимъ[1]) нарочитии же въ еллинѣхъ иже на илїи градъ пришедши имѣяхȣ сіи ѡбразы. а҃ агамемнонъ бѣ великъ. чт̃ъ доброносенъ гȣстобрадъ чрьновласъ велеокъ книженъ. веледш̃енъ. бл̃городенъ. в҃. менелаѡсъ низокъ. пръсистъ крѣпокъ. роуманъ. доброносъ доброликъ гоустобрадъ надърȣсъ плънома ѡчима дръзъ. храборъ. три. ахилеоусъ. пръситъ чистъ тѣломъ великаго лѣта. кȣдравъ. рѣдобрадъ. роусъ. гоȣвласъ. длъгоносъ плънома ѡчима. бръзъ многорища и скача. добросанъ. веледȣшенъ. любодѣинъ. веселъ. грѣдъ храборъ. д҃ патроклосъ тлъстъ силенъ. середній доброликъ доброѡкъ надроусъ чистъ рȣманъ добробрадъ. бл̃городенъ храборъ крѣпокъ. пато еас тъламоніискыи. великъ тѣломъ плънъ сътроенъ. крѣпокъ ѕѣло. веледȣшенъ. велеокъ кȣдравъ. добробрадъ, смаглъ доброносъ. бровистъ. чрънама ѕеницами простъ храборъ силенъ ѕѣло. шестыи ѡдȣсиѡсъ. средніи тѣломъ чистъ. простывласы часты. просѣдъ. добробрадъ. изеркъ. длъгоносъ. тихимъ лицемъ соусъ. черевитъ мȣдръ доброрекъ бесѣдникъ. седмыи. диѡмидъ. тѣломъ на четверти. крѣпокъ доброликъ. соусъ посоупленъ соусобрадъ. плънома ѡчима. коротошіи цѣломоудръ грѣдъ храборъ. ѡсмыи нестеръ великъ тѣломъ и ѡчима и носомъ. изеркъ. длъголикъ. гоустою володию. гȣстобрадъ надрȣманъ роусъ моудръ. бл̃говѣстивъ. деватыи. простеисилаоусъ бѣлъ доброѡбразенъ. доброокъ. красенъ простовласъ.

1) До этихъ поръ срв. Cedren., р. 222,24 sqq., Ἐκλ. ἱστ., р. 204,7 sqq.

надрȣсъ. пасмедающеса брадою. высокъ. лѣподрьвъ. храборъ. десатыи паламидисъ бѣлъ высокъ тонокъ дльголикъ. просты власы. маloма ѡчима плъныма. грълисъ моудръ книженъ. веледȣшенъ. мысливъ иже прьвое оукори сы оумысли) ἐκ τῆς κινήσεως κτλ.

p. 103, 18 кȣдравъ (гȣстою володью) плосколиць.

p. 104, 2 гȣстобрадъ (доброгласенъ) доброглавъ.

8 любодѣивъ (рȣманъ).

p. 105, 4 низокъ (тонокъ) чистъ.

8 сѣдъ (и власатъ гоустобрадъ лѣпъ).

11 кȣдравъ (коротовласъ).

16 дльгоносъ (тонкымъ лицемъ), 18 (добръ) великъ.

21 чрьнома зеницама (кȣдравъ).

p. 106, 1 (грълистъ) велеоустъ.

6 тонокъ высокъ крѣпокъ (бѣлорукъ) малыма ѡчима (изѣкръ) лоуконосъ (тонкымъ лицемъ), 16 кȣдрава (знаменіе имȣщи на главѣ), 17 все прорицающи (бголюбица).

20 чрьновласа коудрава велию владью доброноса (тонкымъ лицемъ) добрама ланитама. 21 радостива (ѡтроковица младою плотію).

p. 107, 2 τὰ προγεγραμμένα καὶ τὰ προειρημένα (вм. λοιπά) πάντα.

Mal. p. 107, 19 sqq. Для исправленія корабельнаго каталога въ текстѣ оксфордской рукописи мы имѣемъ болѣе полный текстъ Ἐκλογῆς τ. ἱστοριῶν, p. 200 sq., которымъ и воспользовался E. Patzig въ своей статьѣ о Диктисѣ Критскомъ [1]). Изъ сравненія съ Ἐκλογή въ текстѣ оксфордской рукописи обнаруживаются пропуски ἐξ ὁμοιοτελεύτου. Славянскій переводъ (арх. сп., л. 203), подобно Ἐκλογή, возстановляетъ всѣ эти пробѣлы. Но въ дошедшей до насъ копіи перевода подобные же пропуски допущены переписчиками въ другихъ мѣстахъ каталога (опущены: Калхантъ и Аяксъ Теламоновъ, Аяксъ Локрскій, Ахиллъ съ Патрокломъ и Антифъ).

Изъ разночтеній славянскаго текста, заслуживаютъ вниманія: еоумилѡ при Εὔμενος p. 107, 22 (срв. Bentl. Epist. ad Mill. p. 736 Mal. Bonn.) и тлиполемосъ ѿ ливасъ (=ἐκ Λίνδου) при Τριπτόλεμος ἐκ Λίχρου, Ἐκλογή, p. 200, 31 (имя героя правильно въ боннск. т., но безъ указанія родины его) срв. p. 108, 5 Bonn.

Mal. p. 108, 21 ѡсташа съ еантомъ, срв. Ἐκλ. ἱστ. p. 204, 28.

p. 109, 7. Къ разночтеніямъ: Ἐπίτροπον оксф. р., чтеніе, заподо-

1) l. c., p. 145 f. Haupt въ Philolog. Anzeig., B. X, S. 541 далъ небольшой отрывокъ каталога въ латинскомъ переводѣ.

зрѣнное еще Чильмидомъ, Ἐπίρροπον Cedren., Ἤπειρον, слав. текстъ даетъ, согласно съ Ἐκλ. ἱστ., p. 208, 2, древле нарицаемоую ипиripontъ. 13 оуставили клатвоу фроугешсъ елинесъ (и несѣчахуса), срв. Ἐκλ., p. 205, 5.

21 sqq. славянскій переводъ уклоняется отъ текста, какъ оксф. рукописи Малалы, такъ и согласнаго съ нимъ текста Ἐκλ. ἱστ. p. 205, 13 — 14: корабла всѣхъ васъ еллинъ и многы въ еллинѣхъ нарочиты моужа избавихъ ѿ смерти. мню же доволить ми и се на славꙋ.

p. 116, 22 Λείωνα, слав. перев., согласно съ Ἐκλ. p. 209, 26 именемъ лаиωсъ.

p. 117, 14, арх. сп., л. 205 фидалиωсъ, срв. Ἐκλ. ἱστ. p. 210, 11 Φιλάδιος съ ошибочной перестановкой. Въ оксф. т. здѣсь Φειδίας, но срв. p. 120, 5.

18 sqq. прь ωстровъ тѣхъ (и ѿтоудѣ же въставъ пріиде въ кирки и къ сестрѣ ее, именемъ калꙋпъ. къ дщерма атланта прѧ ωстровоу тою). иже (ωтлоусъ) оумираа раздѣли ωба острова. Этотъ пробѣлъ оксф. рук. ἐξ ὁμοιοτελεύτου возстановляется согласно со славянскимъ текстомъ въ Ἐκλ. ἱστ., p. 210, 16—18 (срв. Patzig., l. c., s. 134), срв. также (въ сокращ.) Cedr. p. 232, 21—22.

p. 121, 22 δεδωκὼς σὺν στρατῷ καὶ στρατηγῷ αὐτοῦ — испорченное чтеніе. Въ слав. акы воеводѣ снимъ бывшю (л. 206), срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 213, 10 ὡς συστρατήγῳ αὐτοῦ.

p. 125, 4 пріамже страхомъ ωдръжимъ и надеждею (измы сѧ) и оунывъ приведен быс, срв. Ἐκλ., p. 217, 28 λούεται καὶ ταπεινῶς παραγίνετι.

p. 126, 3 sqq. уже Чильмидъ предлагаетъ вмѣсто спутаннаго въ текстѣ оксф. рук. описанія размѣщенія войска Пенѳесилеи текстъ Кедрина p. 225, 9 sqq., срв. также Ἐκλ. ἱστ. p. 218, 13 sqq. и, согласно съ ними, слав. переводъ: постави стрѣлца ωдесно и ωлѣво копеиникы же въ ωрꙋжіи сноузны спѣши многы. пенфесила же посредѣ съноузных. бѣѧше съ хороуговью.

p. 129, 4—5 оксф. текстъ опять извращенъ: τῶν δὲ ὄντων ἐγγὺς τοῦ Μέμνονος ἐπελθόντων τῷ Αἴαντι ἐν τῷ ἔχειν τὸν Μέμνονα, Ἐκλ. ἱστ., p. 219, 31 τοῦ δὲ Μέμνονος καὶ τῶν πλησίον Μέμνονος Ἰνδῶν κατὰ τοῦ Αἴαντος ἐχόντων, срв. арх. сп. хотѧщю же мемнонꙋ [и] иже бѣѧхꙋ снимъ оубити еанта.

15, арх. сп., л. 207: (и на оутріи днь) просиша троисъ — (τῇ δὲ ἑξῆς) ᾔτησαν κτλ.

p. 130, 11 пріамже видѣ ахилеоуса (в дꙋбравѣ) посла к немоу (ѡтрока) идила именемъ, срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 220, 15.

14 еже и токмо слыша ахилеоусъ еѧ ради поиде, срв. Ἐκλ. 17 ἀνέπτη καὶ ἀνήχθη ἔρωτι πρὸς αὐτήν.

p. 131, 21 оумръшю же емоу въземъ тѣло его мои братъ еантъ на рамо (плачюще) принесоша въ гра҄, срв. Ἐκλ. p. 221, 11—12.

p. 133, 14 дщерь юже прозва ѡригонъ, срв. поправку Чильмида къ чтенію оксф. рук.

21 сестра его (лектора), т. е. Ἠλέκτρα.

23 и вмѣжи тои прииде (ѿ крыта страны) строфиѡсъ, срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 225, 27.

p. 134, 2 съ сыномъ своимъ поуладемъ иже (въскормленъ съ арестомъ и) оученъ съ нимъ.

p. 135, 2 sqq. Это мѣсто, порча котораго замѣчена уже Чильмидомъ, исправляется вполнѣ удовлетворительно славянскимъ переводомъ, въ то время какъ Ἐκλογή и Кедринъ на этотъ разъ, по краткости своей, не могутъ быть привлечены къ критикѣ текста.

πρὸς θεράπειαν τῶν τῆς πόλεως καὶ τῆς συγκλήτου, ὅτι ἐφίλουν τὸν Ὀρέστην καὶ αὐτὸν ἠβούλοντο βασιλεῦσαι, οἱ ἱερεῖς ἁγνεύσαντες τὸν Ὀρέστην καὶ ἀποκαθαρίσαντες ἐξιλεώσαντο αὐτὸν τοῦ μητρῴου φόνου τοῦ μαίνεσθαι· καὶ ἀπαγαγόντες ἐν τῷ ἱερῷ τῆς Ἀθηνᾶς τὸν Ὀρέστην, ἐφ' ᾧ ὁ Ἄρειος πάγος ὑπῆρχε, τῆς δίκης ἀκούσαντος μεταξὺ Οἴακος τοῦ μετὰ τοῦ Τυνδαρίου τῆς Κλυταιμνήστρας καὶ τοῦ Ὀρέστου. ὅστις Μενεσθεὺς ἐξεῖπε ψῆφον δικαίως κτλ.

Арх. сп., л. 208: на показаніе же всѣмъ гражданомъ и болѧромъ понеже люблѧхоу ареста съвѣтъ сътвориша. да и ѡчистѧть жръци. и да поставѧть его ц҃рѧ. и ѡчистивше и иꙁмолиша и оубивства м҃трьнѧ. менесфевоу въ требнице афины. в нем же ареѡпагъ бѣ. рассꙋдившоу предъ оуакомъ иже бѣ по даріи п҃ри ѿць клоутемнисте и арестоу дѣдъ. иже менесфеоусъ оустави соуд въ правдꙋ и проч.

Такимъ образомъ τοῦ μαίνεσθαι оксф. рук. вышло изъ τοῦ Μενεσθέως, что объяснимо весьма легко при произношеніи дифтонга αι, какъ ε, и связи безумія Ореста съ убійствомъ имъ матери, вслѣдствіе чего слова: τοῦ μητρῴου φόνου вызвали измѣненіе τοῦ Μενεσθέως въ τοῦ μαίνεσθαι [1]). Но что касается конца выписаннаго славянскаго отрывка:

1) Такое появленіе собственнаго имени въ рукописной исторіи текста и, наоборотъ, разложеніе собственнаго имени можно наблюдать нерѣдко. Въ оксф. рукоп. срв. еще Mal. p. 282,19 ἐν Προκονήσῳ, Georg. Monach., p. 343,18 ἐν προκένσῳ (cf. Eutrop.

предъ оуакомъ-дѣдъ, переводчикъ передалъ подлинникъ неправильно, по собственной догадкѣ. Подобный же примѣръ представляетъ переводъ словъ Малалы p. 167,21 καὶ ἤνεγκαν οἱ Ῥουστοῦλοι τὰς ἐπάνω, арх. сп., л. 306: и принесоша роустоулꙋ дары емоу, или p. 371,8 καὶ πᾶς ἄνθρωπος ἠνέσχετο, № 280, л. 271: и весь человѣкь гнѣвашесѧ.

Mal. p. 138,7, арх. сп. л. 209: и междꙋ хроусоѳенчію и лаωдикию (иѳіанасоу) дщерь. Χρυσόθεμιν καὶ Λαοδίκην (καὶ Ἰφιάνασσαν) θυγατέρας. Этого третьяго имени нѣтъ и въ текстѣ Ἐκλ. ἱστ., p. 224,28 (срв. Cedr. p. 236,5).

p. 139,21 въ слав. читается: ѿ скоуѳиѧ прибѣгшихъ съ богынею прозванъ бысть градъ ноукса, срв. Chilm. ad l. Переводчикъ, очевидно, неправильно передалъ смыслъ мѣста, но подъ непонятнымъ πόα боннск. т. (въ Ἐκλ. ἱστ. слова: πόα Νύσσα опущены, p. 225,28) скрывается слово πόλις. Слѣдуетъ читать: τοὺς ἐκ Σκυθίης φεύγοντας δέχου σὺν θεᾷ, ὦ πόλι Νύσσα. На такое чтеніе указываетъ, повидимому, и слово δέχνυσο боннскаго текста.

p. 141,23 не столпе (камене велице) въ памѧть (вѣчноу) на славу странѣ (всеи),—ὑπεράνω κίονος (λιθίνου μεγάλου) εἰς μνήμην (αἰωνίαν) καὶ δόξαν τῆς χώρας (πάσης), срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 226,23—24.

p. 142,18, л. 210: ѿ антиωхіискыхъ (сиръ), τοῖς Ἀντιοχεῦσι (Σύροις).

p. 143,13 многы повѣсти хитростию сложи (еже ѳеωпсилъ премꙋдрыи списа), срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 227,5.

Выводъ изъ сопоставленія текстовъ Ἐκλογῆς ἱστοριῶν и славянскаго получается тотъ, что Ἐκλογή даетъ, несомнѣнно, текстъ гораздо болѣе исправный и полный, чѣмъ оксф. руконись Малалы. Но не смотря на то, въ нѣсколькихъ мѣстахъ славянскій переводъ дополняетъ и этотъ лучшій текстъ Малалы.

---

l. VIII, c. 10, 3), и p. 346,18 ἀπὸ τ. πόρτας τοῦ λεγομένου φίλον αὐτοῦ, въ лат. a Philonauta quam vocant porta. Въ слав. замѣчается подобное же явленіе: Mal. p. 186,8 ταῦτα ἔφη(ν) ἃ γίνεται (срв. Ἐκλ. ἱστ., p. 223,28, Cedr. p. 235,6) въ слав. переведено: и тоу есть иѳигениѧ; о-въ Кеоуса = καὶ οὖσα Mal. p. 218,10 (Оболенск., стр. XLIV); гора аклиωнетъ = Mal. p. 207,13 ἀεὶ κλαίοντι; p. 142,8 Ἀμανὸν (названіе горы) въ слав. по законоу (κατὰ νόμον). По простому недоразумѣнію переводчика, — Mal. p. 198,11 Πιθαμένην ὄντα στρατηγὸν Πάρθων μέγαν = ωбрꙋченѫ бывшоу стратигꙋ парѳьскоу великоу (№ 280, л. 152, арх. сп., л. 342).

4. Шестая книга.

Mal. p. 153, 5, арх. сп., л. 299: (инѣхъ) и҃ до кроуса (златаго) ц҃ра великаго, є кроусовъ (златыи), срв. также № 280, л. 71. Этого эпитета Креза не находимъ и у Кедрина, p. 239, 13 sqq.

p. 154, 5, арх. сп., л. 301: въ индиискоую страноу (бл҃гочтнаго цр҃тва кроусова боꙗсѧ), срв. Cedr., p. 239, 22 [1]).

p. 158, 1 sqq. въ оксфордской рукописи пропускъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου, возстановляемый славянскимъ переводомъ, согласно съ Кедриномъ, p. 242, 17 sqq. Арх. сп., л. 302, синод., л. 73. Приводимъ переводъ по архивскому списку: съ ȥовавелемъ (старѣишиною и҃ не въсхотѣша нюдѣи съ зоровавелми) изоити токмо двѣ хороугви (ти полъ) моужь и женъ и дѣтии числомъ десѧть темъ точию. и ѡсташа же въ пьрсѣхъ своею волею хорѸговию ѳ҃-ти полъкъ и оубоꙗшасѧ инѣхъ ꙗзыкъ. иже бѣꙗхѸ ѡкр҃тъ людскы землѧ. ꙗко тимофеиишсъ списа.

p. 158, 9 sqq. коурсъ ц҃рь перскъ (побѣдивъ крѸиса) съ вои прiиде на нѧ (въ корабле҃ мнозѣхъ). Κῦρος ὁ βασιλεὺς Περσῶν (νικήσας Κροῖσον πολλαῖς ναυσὶν) ἐπεστράτευσε κατ' αὐτῶν.

p. 159, 20 sqq. три же дни пребывши оу него спѧщю емѸ и оукрѣпившисѧ главоу емоу ѿсѣче и нощию (по ѡбычаю имже прихожаше къ немоу по ѡбычаю) подлъгора҃ въ iер҃мъ принесе. Срв. Cedr. p. 244, 3 ἰσχύσασα при ἐγερθεῖσα боннскаго текста и (κατὰ τὸ εἰωθὸς δι' οὗ ἀπήρχετο) παραπυλίου.

p. 161, 8, арх. сп. ираклитосъ (синод. л. 74 иратиклосъ), Ἡράκλειτος, срв. Cedr., Pollux. 10 Ἡρακλῆς (также Кедринъ), слав. ираклитъ. 15 (ἐν Ἰταλίᾳ δὲ) ἔλαβε γυναῖκα τὴν Αὔγην.

p. 162, 16 по см҃рти ениевѣ по мнозѣхъ лѣтѣхъ дидъ (ꙗже есть иелиса. прiиде въ лоувию и не видѣ бохма ениѧ) бѣже си дидъ ѿ града нарицаема хартотима фоуникииска. (Арх. сп., л. 305, синод. л. 75). Μετὰ τὸ τελευτῆσαι τὸν Αἰνείαν ἔτη πολλὰ (Διδὼ ἡ καὶ Ἐλισσὰ ἦλθεν ἐπὶ τὴν Λιβύην καὶ οὐκ εἶδεν τὸν Αἰνείαν). ἦν δὲ ἡ Διδὼ κτλ·

---

1) Mal. p. 154, 5 ἠβούλετο φυγεῖν. Cedr., p. 239, 21 ἐβουλεύσατο φυγεῖν. Въ оксф. рукописи Малалы βούλομαι часто является равнозначущимъ βουλεύομαι, въ славянскомъ, какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и Mal. p. 403, 2 (βουλόμενος καὶ αὐτὴν К. П. λαβεῖν) мыслѧ коньстантинь градъ взѧти (№ 280, л. 286 обор.). Въ перифразѣ Евагрія (срв. Уч. Зап. Каз. Унив. 1890. Кн. V, стр. 113) ἐν φαντασίαις ἔχων.

Мы уже привели при сравненіи рукописей славянскій текстъ p. 155, 9 sqq., гдѣ славянскій переводъ возстановляетъ пробѣлъ оксф. рукописи—διὸ ἤλθομεν (ἀλλ' εὖξαι καὶ ἐπερώτησον διὰ τί ἤλθομεν).

p. 163, 11 sqq. и рече къ неи (братъ твои оуби мѧ) и казавъ еи ꙗзвꙋ и мѣсто и (рече къ неи) бѣжи да и тебе не оубиеть, срв. Cedr. p. 246, 10 sqq.

14 все богатство (и сребрpremises — и сребрtotally)

17 каарфаѓенъ (сказаемъ африискымъ ꙗзыкомъ неаполъ) cf. Cedr. p. 246, 15 Χαρτάγαιναν ἥτις ἐστὶ Νεάπολις.

p. 164, 5 по синод. сп. именемъ диꙗниръ (двою же еи соущи) и въсхотѣ си оунота нѣкто именемъ ахилоѹсъ — καὶ θυγατέρα ὀνόματι Δηιάνειραν (ἥντινα παρθένον οὖσαν) ἡρμόζετο νεώτερός τις ὀν. Ἀ.

20 силу (и застꙋпление), δύναμιν (καὶ βοήθειαν).

20 sqq. По арх. сп. читается такъ: (ахилоѡсъ) побѣже сноузнь и оудари и в осъ славному ираклеѡву обративсѧ (ахелоѡсъ) и оудари и в осъ. стрѣливъ пострѣливъ ахилоѧ близъ рѣкы еи же имѧ форовамъ.—Повтореніе словъ: и оудари и в осъ—вина писца, также, вѣроятно, пропускъ словъ: καὶ εὐθέως ὁ Ἡρακλῆς.

Вставка имени Ахелоя въ мѣстахъ, указываемыхъ славянскимъ переводомъ, необходима для ясности текста, срв. Cedr. p. 247, 9 sqq. Слова: близъ рѣки (πλησίον τοῦ ποταμοῦ, Mal. ὡς περᾷ τὸν ποταμόν) соотвѣтствуютъ тексту Кедрина, но названіе рѣки у послѣдняго другое, чѣмъ въ славянскомъ текстѣ и въ боннскомъ Малалы.

p. 165, 10 вепрь страшенъ (и гордъ).

p. 166, 2 ὀργισθείς — опущено въ переводѣ и по тексту излишнее слово.

4 и абие (по притчи) мелеагръ и проч. καὶ παραχρῆμα (κατὰ τὸν χρησμὸν) ὁ Μ. ἐτελεύτησεν.

5. Седьмая книга.

Начало седьмой книги хроники въ славянскомъ переводѣ читается такъ:

Потомъ же цр҃твоваста брата два ромъ ти римъ. ромъ же старѣи братъ римовъ. градъ сътвори и нарече имѧ емоу римъ. того ради прозвани быша роми (арх. сп., л. 306, срв. синод., л. 77).

Такимъ образомъ греческій текстъ оксфордской рукописи: καὶ λοιπὸν ἐβασίλευσε Ῥῶμος ὁ κτίστης τῆς Ῥώμης καὶ Ῥῆμος ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ· ὅθεν μετεκλήθησαν Ῥωμαῖοι представляетъ простое сокращеніе первоначальнаго, при чемъ слова: ὅθεν—Ῥωμαῖοι потеряли свою связь съ названіемъ города.

У Кедрина имя Ромула (p. 257) показываетъ на особый источникъ.

Греческій текстъ Малалы можетъ быть возстановленъ по переводу такъ:

Καὶ λοιπὸν ἐβασίλευσαν ἀδελφοὶ δύο Ῥῶμος καὶ Ῥῆμος. (Ὁ δὲ Ῥῶμος ὁ πρεσβύτερος ἀδελφὸς τοῦ Ῥήμου ἔκτισε πόλιν καὶ ἐκάλεσεν αὐτὴν Ῥώμην). ὅθεν κτλ.

p. 172, 19 поставити въ кнѧ҃ѕа (и на златицах тако оустави ѡбразъ творити нача собѣ ѡ единоу странѹ а ѡного ѡ дрѹгоую).

p. 173, 4 сътвори (киркисии еже есть) подроумие, cf. Cedr., p. 258, 11.

9 sqq. помышлꙗа си се ꙗко части соуть сего ради ц҃ріе пръстіи на рати иже чтоуть д҃ сиꙗ съставы (роумѣхъ бо не чтѹть четыре^х тѣхъ съставъ развѣ единого праздника) въ писидисцѣи земли, срв. Chron. Pasch., p. 206, 4—5.

p. 175, 3 sqq. И по тѣхъ ерехѳоніи нача играти (инии мнози на своеи земли кождо играти начаша на оунамаи първое нача играти) подрѹмие колесницами четырми кони и проч., срв. Chron. Pasch., p. 207, 18 sqq.

Дальнѣйшій текстъ любопытенъ по передачѣ терминовъ. Приводимъ его по синодальному списку № 280, л. 79: иже (харакъ). списа и си ꙗко иподрѹмьское творение по ѡбразѹ мира є҃ сътворено. рекше н҃бси и земли и морю (и въздѹхоу). в҃і. врата. в҃і лѣствици сказають звѣзднаго оукроуга. строꙗще землю и море и ч҃лч҃ьское жы҃тье мимоходащее и мѣсто подрѹмьское (= τὸ πέλμα τοῦ ἱππικοῦ) всю землю нарічоуть. а окр҃тъ его же кони тикоуть (= τὸν εὔριπον) притча морю есть землю ѿлѹчаа. а ѿнюдоу же изрищѹть кони. въстокъ тое (= τὸν δὲ ἐπὶ τὰς θύρας καμπτὸν τὴν ἀνατολήν). аможе потекоуть (= τὸν ἐπὶ σφενδόνην). западныи тое оуголъ. а седмое течение и ѡсмое се҃ми звѣздъ велики^х. ꙗже на полоуночи и притча є҃ (τῆς μεγάλης ἄρκτου).

Нѣсколько уклоняется отъ греческаго и оксфордской рукописи и Пасхальной хроники текстъ перевода въ слѣдующихъ мѣстахъ: p. 176, 4 sq. пребываꙗ рекше лица не погублꙗꙗ ꙗко трава, 19 sqq. ромъ же ц҃рь ꙗже вида страноу ѡставшю то с тою боудаше на въстающаа нань народы и боꙗры брата дѣла или коеа иноа вины тѣмъ бываше посташи и части и к себе а приимаше акы печальныа да емоу боудеть с кымъ быти. на въстающаа нань. p. 177, 14 sqq. (по синод. сп.) г҃лще дѣеши ли житие се еже оу него оутрѣ онъ д҃нь оубию ти на рати. p. 179, 16 sqq. и емоу же будеть радъ пиръ творити то да свирца

поимъ в домъ ведеть под вечеръ. да свирꙗють оу него чресъ ночь. да потомъ будеть разꙋмѣти ꙗко пиръ у него утрѣ.

p. 180, 2 Φαύστου, Pasch., p. 212, 16 Φαυστόλου, также въ славянскомъ ѿ фооустала ратаꙗ.

p. 182, 8 синод., л. 81: врꙋта того великаго ꙗко латина моужа лоукратиина (и красна имъ соуща и люба, арх. сп., л. 309: искоусна имъ моужа соуща).

p. 183, 12, синод., л. 82: много же лѣтъ миноувшꙋ (и оунатомъ).

6. Восьмая книга.

Mal. p. 197, 7, арх. сп., л. 342, синод. № 280, л. 152: и сн҃ъ именемъ птоломеѡсъ (третии же на десꙗте црт҃вова птоломеѡсъ искоуси). клеѡпатра црт҃вова, срв. Cedr., p. 292, 4.

14. Арх. сп., л. 342, синод., л. 153: иже побѣди антониꙗ и тоу клеѡпатру въ странѣ ипирѣ въ кораблехъ въ левкатии мѣсте. Слѣдовательно ἐν τῇ ἐπὶ χώρᾳ въ греческомъ слѣдуетъ читать ἐν τῇ Ἠπείρῳ вмѣсто χώρᾳ (срв. Mal., p. 219, 24).

p. 198, 8 оужикома своима дидꙋмеинома сестры его (братоучꙗдома же антиѡха прирокомъ сотира сн҃ома) того селеоука. Слѣдуетъ читать: дидумеи сн҃ома и—сн҃а того селеоука.

p. 199, 3, послѣ μικράν въ славянскомъ читается: (иже сꙗ слышаше палеаполисъ) иже бѣ създалъ соуросъ. сн҃ъ агиноровъ ксанорика (априлꙗ) м҃ца въ к҃г.—ἥτις ἐλέγετο Παλαιὰ πόλις, ξανθικοῦ τοῦ καὶ ἀπριλλίου μηνός.

p. 205, 6 никаторъ (лѣтъ Δ҃ и антиѡхъ грипъ лѣтъ) і҃ѕ, 7 епифанесъ (татосъ). Νικάτωρ ἔτη δ' καὶ Ἀντίοχος ὁ Γρυπὸς ἔτη λε'.

p. 207, 17 и оумре си (антиѡхъ) димитріанъ. 20, синод. сп., л. 158 (прьвое мѫчение) въ ѡсмое лѣто, τὸ πρῶτον αὐτῆς πάθος τῷ ογδ. ἔτει.

p. 208, 1 ꙗкоже домнинъ хронографъ списа (такоже и паоусаніа), арх. сп., л. 346—47. — καθὼς Δομν[ῖν]ος ὁ χρονογράφος συνεγράψατο, ὡσαύτως δὲ καὶ Παυσανίας.

14 диѡниса прокаженаго ѿцꙗ клеѡпатры и антиѡха.

p. 209, 8, арх. сп., л. 349 лоукиꙋсъ паоулоѡсъ (дроугыи) оупатъ роумескъ.

7. Девятая книга.

Mal. p. 215, 21 sqq., въ соединеніи съ извлеченіемъ изъ Георгія монаха, читается такъ: Пришедъ въ Римъ сии кесарь иоулии единъ

ѡблада ромеискыми скыпетры съ многою гордынею и боуестию тѣмъ и диктаторъ нарицашетсѧ еже сказаемо единовластець и всѣми же ѡбладавъ нестыдасѧ и томительствомъ за ϊ҃і лѣтъ. иж (индикты и) висакосы изобрѣте и законы роумомъ оустави (и м҃цѧ нарече прежде коунтилїа нарицаема) и оупаты начѧ поставлѧти на лѣта ꙗже хотѧше.

p. 217, 18 и потомъ (великыи) кесарь (иоулїи внезапоу) оубиенъ бысть (лестїю ѿ касиѧ) втораго врꙋта (арх. сп., л. 355).

Ἐν δὲ τῇ Ῥώμῃ ἐλθὼν ὁ μέγας Καῖσαρ Ἰούλιος αἰφνιδίως ἐσφάγη ἀπάτῃ ὑπὸ τοῦ Κασσίου καὶ τοῦ δευτέρου Βρούτου (или: ἐδολοφονήθη ὑπὸ τ. Κ. καὶ τ. δ. Βρ.).

p. 219, 12 сътвори кораблѧ воискы многы и сноузины воискыѧ.

18 (καὶ διὰ τ. Ῥώμην) καὶ διὰ τ. εὐτέλειαν, Hermes. B. VI, S. 360, № 280, л. 162 (и рима дѣлѧ) и оукорениѧ сестры его (арх., л. 362).

p. 220, 6 κυμάτων καὶ μόνον φαίνεσθαι—влънамъ кровавымъ ꙗвлѧтисѧ. Это, быть можетъ, указываетъ на то, что καιμονον замѣстило нѣкоторое прилагательное производное отъ αἷμα, относившееся къ κυμάτων. Чтенiе: καὶ μόνον не соотвѣтствуетъ и латинскому переводу: ipsum mare cruentatum penitus videretur.

11 ношаше бо аспиды (въ съсудѣхъ), срв. Hermes, l. c., ἐν μουζικίοις (№ 280, л. 162, арх. сп., л. 362).

20 клеѡпатроу въ египтѣ ꙗтоу. Слѣдовательно поправка Чильмида λειφθεῖσαν при рукописномъ ληφθεῖσαν не оправдывается славянскимъ переводомъ.

p. 222, 8 υἱοῦ τοῦ Κάπνος (?)—лоукаѡна капоуева с҃на (арх., л. 363, синод., л. 163).

p. 223, 3 сѣнь (великоу) на четырѣхъ столпѣхъ (прежде) соущоу малоу.

p. 224, 15 ѧкоже покори миръ (весь).

p. 224, 26, перетїа м҃цѧ, такъ же Pasch., p. 364, 8, но срв. Mal., p. 248, 21, 249, 12, 270, 17.

p. 225, 9 τῆς Συρίας (ἀπὸ τ. Ῥώμης).

14—15 побѣдникъ. ч҃тыи дръжавный (филиксъ), κραταιὸς φῆλιξ, 16 лѣтъ н҃ и два (въ греч. νς′), 17 просты власы (чръны. тонкымъ лицемъ) доброѡкъ.

8. Десятая книга.

Mal. p. 227, 3 прежде ѡсми каландъ еноуарѧ м҃ца апалеѧ еже есть декамбриѡсъ (арх. сп., л. 364, синод., л. 164), μηνὶ (ἀπελλαίῳ τῷ καὶ) δ.

9 τοῦ (μεγάλου) Ἡρώδου.

p. 228, 4 лѣтъ ,е. л. ѯꙁ.

7 ἀπὸ Ἀδὰμ (τοῦ πρωτοκτίστου).

8 лѣтъ ꙅ҃ плъна.

p. 229, 6 въ пѧтосотное лѣто и второе.

7 въ ,е-ное трисотное и пѧтое лѣто.

p. 232, 1 из домовъ вашихъ, срв. Cedr. p. 320, 21 sq. (арх., л. 386).

p. 232, 7 νόσῳ (κακῇ), синод., л. 166.

10 актоуа (цр҃твовавшаго лѣтъ н҃ и ꙁ и шесть мсцеи и два дни) кесарьствова тиверіи (оуліинъ снъ) лѣтъ кв (ти полъ), срв. Mal. p. 225, 6.

13 (любодарливъ) дѣлолюбивъ.

14 κατὰ Περσῶν (καὶ Μήδων).

p. 236, 3, арх. сп., л 387, въ оупатию силоуана, ἐν ὑπατείᾳ Σιλουανοῦ, въ боннскомъ текстѣ Ἀλευανοῦ, но срв. Chilm. annot., p. 564.

p. 237, 7 στήλην (χαλκῆν)

p. 240, 15 μηνὶ (δύστρῳ τῷ καὶ) μαρτίῳ

17 σκότος (ἀπὸ τ. ἕκτης ὥρας ἕως τ. ἐνάτης).

18 Ἀθηναῖος (ὢν Ἕλλην).

p 244, 17 ἔτη γ′ (καὶ ἥμισυ).

p. 246, 2 (βασιλεύσας ἔτη τρία καὶ μῆνας η′).

p. 247, 1 Εὐόδιος.

p. 248, 3 сложи си иѡсифъ (да толѣ пиша).

9. Тринадцатая и четырнадцатая книги.

Mal., p. 326, 15, № 280, л. 238, Обз. хрон., стр. 46, иже цр҃твова лѣт в҃ бѣ же (низменъ широкыми пръсми лѣпъ доброносъ ѡчима), срв. Cedr. p. 531, 22, гдѣ, впрочемъ, только одинъ эпитетъ совпадаетъ со славянскимъ текстомъ.

p. 327, 7 Касиѡнъ (ѥже есть ѿ Антиѡхиа поприщъ ꙅ҃), Κασίῳ, ὅτι ἐστὶ ἀπὸ τ. Ἀντιοχείας μίλια ἕξ (срв. p. 218, 11, Оболенск., стр. XLIV, и p. 420, 20 Поповъ, стр. 64 внизу).

p. 331, 17 въ таже мѣсто пришедшимь (воемь) не бѣѥше брашна ни конемъ не бѣѥше (ни воды) ни травы, ἐν αὐτοῖς δὲ τοῖς τόποις γενόμενοι οἱ στρατιῶται ἐλίποντο τροφῶν καὶ οὐδὲ τοῖς ἀλόγοις ὑπῆρχε βοτάνη ἢ ὕδωρ., л. 239.

21 (δαισίῳ τῷ καὶ) ἰουνίῳ.

p. 333, 17 л҃ и ꙅ҃, срв. Pasch., p. 551, 21, л. 240.

p. 334, 15 бѣше (низокъ бѣлъ просѣдъ) кр҃тьѩнъ.

18 (μέγα) κράξας, срв. Pasch., p. 552, 20, своимъ гласомъ — διὰ φωνῆς αὐτοῦ ἰδίας ibid.

Имя персидскаго царя (Mal., p. 325, 12, p. 328, 20, p. 330, 20, p. 335, 4) въ славянскомъ читается въ формѣ — лаоурсакыи, какъ въ Pasch., p. 553, 4, въ то время какъ въ боннскомъ текстѣ—Σαββουραρσάκιος (туск. фр. Σαβουραρσάκης).

Mal., p. 358, 5, синод. № 280, л. 266 обор., Обз. хрон., стр. 50: Съ же ѳеωдосiи (тѣломь среднии и чистымъ лицемъ лѣпъ), срв. Mai, Spicilegium romanum. Vol. II. Fragm. tuscul.[1]) (въ концѣ тома), p. 16: ὁ δὲ αὐτὸς Θεοδόσιος βασιλεὺς [ἐτελεύτησεν. ἦν δὲ] φύσιν ὡραῖος, λευκόχρους, εὔθετος κτλ.

p. 358, 8 ѿ племени сы гепедьскыꙗ (оуньска), срв. Pasch., p. 587, 9.

p. 358, 16 иде къ Алариху въ галилѣю ратникоу роумомъ соущоу (ωнориꙗ дѣлꙗ), Pasch. p. 587, 17.

p. 358, 18 ἐπολέμησε, славянское погѹби, такъ и Pasch., l. c.

p. 359, 1—7. О версiи смерти Аттилы въ славянскомъ переводѣ, срв. Обз. хроногр., стр. 51.

p. 359, 9, синод., л. 267 цр҇квь великоу (имоущѹ поприще), ἐκκλησίαν μεγάλην (ἔχουσαν μίλιον).

p. 361, 17, синод., л. 268: влазꙗть (епархы на карасѣ и пакы съ ωбѣщними в полатоу. и ѿходꙗ на кароусѣ) эпарха граднаго, срв. Pasch., p. 588, 7—9. Въ боннскомъ текстѣ, очевидно, пробѣлъ ἐξ ὁμοιοτελεύτου.

21 коуръ* ωбнови. при том бѣ авгоустѣ. Въ Pasch., p. 588, 13 и у Ѳеофана, p. 149, 3 слова: αὐτὸν ἐπὶ τόπον, Αὔγουστε отсутствуютъ.

p. 362, 4 sqq. и прибѣжавъ ωстрижесꙗ попескы и пустиша и въ асию епп҇а и поставиша и въ градѣ измѹрнѣ бѣахѹ бо ти граждане оубили епп҇ы д҃. змѹрнь же град есть людескыꙗ епархыа подъ анфѹпатомъ асиискымъ и прииде въ змѹрнь епп҇ъ. сы кѹросъ пред с҇тымъ рождении да оумр҇ть на с҇тое рждт҇во напрасно въ цр҇кы възпѣша и

[1]) Фрагменты эти, найденные Mai въ палимпсестѣ (подъ текстомъ Гомера), сохраненномъ библiотекою Криптоферратскаго монастыря въ числѣ немногихъ рукописей изъ большаго собранiя, обогатившаго ватиканскую библiотеку, мы не затрудняемся отнести къ Малалѣ. Если Mai колеблется, кому приписать изданные имъ фрагменты, то только потому, что не зналъ, насколько сокращенна боннская редакцiя Малалы. Только эскурiальскiе фрагменты, изданные Th. Mommsen'омъ, дали возможность должнымъ образомъ оцѣнить эту редакцiю. Такимъ образомъ и тѣ сообщенiя туск. фрагментовъ, слѣдовъ коихъ не сохранилось въ боннскомъ текстѣ (какъ: неудачная стройка iерусалимскаго храма, разсказъ о ссылкѣ Iоанна Златоуста), не должны смущать насъ.

проч., срв. Pasch. p. 588. Мѣсто ссылки, вопреки оксф. рукописи Малалы (Κοτυάειον πόλις τῆς Φρυγίας), называется согласно со славянскимъ переводомъ не только въ Пасхальной хроникѣ, но также у Θеофана, p. 149, у Кедрина, p. 599, 5, у Зонары, l. XIII, c. 22 (s. fin.).

Наиболѣе полный текстъ Пасхальной хроники не достаточно полонъ сравнительно со славянскимъ переводомъ. Послѣ Pasch., p. 588, 16 φονεύσαντες слѣдуетъ добавить: ἡ δὲ Σμύρνα πόλις ἐστὶ τῆς Λυδίας ἐπαρχίας ὑπ' ἀνθυπάτου τῆς Ἀσίας ἰθυνομένης.

p. 363, 16 селевкию соурииску (.іаже есть епиерии), срв. p. 199, 10 τῆς Συρίας τῆς λεγομένης Πιερίας.

18 пришедши арѣѡмъ (τ. ὄρεων) (нарицаемомь амаиемь), срв. Spicil. rom. Vol. II, p. 18: διὰ τῶν ὄρεων (τῶν λεγομένων Ἀμανῶν).

p. 365, 3 идеже е҃ чюдо б҃жие (гора) раждающи ѡгнь (и водоу) ѡчи вѣсть, срв. Spicil., p. 20. ὄρος τίκτον πῦρ αὐτόματον.

p. 369, 19 бѣже насильникъ. въ антиѡхо (и здатель), л. 270 об., срв. Pasch., p. 595, 8.

p. 370, 4 ѡбоноу странꙋ коньстантина града, срв. Pasch., p. 595, 12.

p. 371, 25 ѡтроковицю краснꙋ (и богатѫ), Pasch., p. 597, 6 и выше p. 371, 11 въ полатѣ (въ оутрѣ), Pasch., p. 596, 19.

p. 372, 3, № 280, л. 271: гонение сътвори велико на держащаꙗ вѣру ариньскую, срв. Pasch., p. 597, 10, p. 376, 7 бѣже малъ тѣломъ (добръ), 13 зинонъ (исавръ), Pasch., p. 599, 12;

p. 376, 17 sq., л. 273 (діа) ноѧбрѧ, Pasch., p. 599, 14,

p. 376, 19 лѣт. ѯі и плъ, срв. Pasch., p. 599, 15.

Вообще во всѣхъ подробностяхъ текста славянскій переводъ сходится съ Пасхальной хроникой, изъ чего слѣдуетъ, что эта хроника даетъ гораздо болѣе удовлетворительный текстъ Малалы, чѣмъ оксфордская рукопись.

10. Пятнадцатая, семнадцатая и восемнадцатая книги.

Mal. p. 373, 2 и самъ—оубѣже (и гонзе), ἔφυγε (καὶ εσώθη).

Mal. p. 377, 1 по ц҃ртвиижe лва малаго ц҃ртвова (ѿць его) зинонъ. лѣта два. и м҃ць. г҃. (бѣже тѣломъ ср҃ении), срв. Cedr., p. 615, 16.

p. 378, 6 лѣтѣ двѣ (бѣже среднии тѣломъ).

p. 379, 11 и воеводьство (до) живота своего, срв. Pasch., p. 601, 8.

16, л. 274: ц҃рь же зинонъ с вои своими (и ѿ саврия) оустремивсѧ. прииде море испꙋласъ вниде (въ коньстантинь град и) в полатꙋ, срв. Pasch., p. 601, 12 sqq.

p. 381, 11 народоу антиѡхиискомꙋ просившѧ его (и възпившу), *αἰτησάντων* (*καὶ κραξάντων*), срв. p. 369, 12 и т. под.

12 и оумре на своемъ столѣ (носа галигиꙗ и ѡрдариꙗ).

p. 382, 6 и оубиша в полатнѣмъ колъхии, срв. Pasch., p. 603, 12, Theoph., p. 193, 21.

8 sq., л. 275: епп҃а в кꙋзици митрополи елиспонтꙋ. (елма же бѣ ѡблачалса въ багрѧницю цр҃ьскоую акы кесарь. раздѣлив же все имѣние ерматѣево), срв. Pasch. p. 603, 16—18.

p. 384, 7, 17 г҃ лѣт, треми лѣты, 8 формомъ, срв. Pasch., p. 604, 17, 18, p. 605, 7.

p. 385, 1, л. 276 аталарихъ, срв. Pasch., p. 605, 12.

4 второе то (т. е. мѫчение) (мц҃а сентѧбрѧ), срв. Pasch., p. 605, 17.

Для дальнѣйшей исторіи царствованія Зинона у Малалы весьма важныя дополненія содержатся въ эскуріальской рукописи Константинова сборника *περὶ ἐπιβουλῶν*, отрывки коей изданы Th. Mommsen'омъ въ VI-мъ томѣ Hermes'а.

По этимъ отрывкамъ и по Евагрію мы прослѣдили изложеніе Малалы параллельно со славянскимъ его переводомъ въ особой статьѣ (Іоаннъ риторъ. Учен. Зап. Каз. Унив. 1890. Кн. V).

Такимъ образомъ намъ остается здѣсь указать только на нѣкоторыя дополненія къ боннскому тексту Малалы его славянскаго перевода въ царствованіяхъ Юстина I и Юстиніана I, насколько мы не коснулись ихъ въ вышеназванной статьѣ.

Почти всѣ эти дополненія отмѣчены въ текстѣ «Обзора хронографовъ» скобками.

Мы укажемъ только, какія изъ нихъ совпадаютъ съ греческими текстами Малалы позднѣйшихъ лѣтописей:

p. 410, 3 *μηνὶ* (*πανήμῳ τῷ καὶ*) *ἰουλίῳ*, срв. Pasch., p. 611, 13, *ἰνδικτιῶνι ἐνδεκάτῃ* (лѣтоу — ф҃ — номоу).

p. 413, 7 *βασιλέα Λαζῶν* (да боудеть кр҃тьꙗнъ), срв. Pasch., p. 613, 7—8, Theoph., p. 259, 13—14; p. 413, 9—10 (поставленъ и) вѣнчанъ, Pasch., p. 613, 18, Theoph., p. 259, 16—19.

21 *Οὐαλεριανή* (и акы понꙋжи посѧгши занъ въ ина цр҃тва), срв. Pasch., p. 614, 9—10.

p. 413, 18 сапози же его бѣша ѿ своеѧ емоу страны черъвени, срв. Pasch. p. 614, 5—6, Theoph., p. 260, 4.

p. 414, 9—10 избыти отъ скврьныꙗ елл. вѣры — и прѣлести бѣсовьскыѧ (неправедныꙗ), срв. Pasch., p. 614, 19 sq., Theoph., p. 260, 14.

Mal. p. 415,20 и пакы вскорѣ бысть любы дани дѣлѧ и миръ, срв. Pasch., p. 616,7.

p. 416,3 Ἐν δὲ τοῖς αὐτοῖς χρόνοις τὸ Βένετον μέρος ἐν πάσαις ταῖς πόλεσιν ἠτάκτει (Theoph. ἐδημοκράτησεν). Theoph. p. 256, 16 (подъ вторымъ годомъ Юстина).... ἀπὸ δὲ Ἀντιοχείας ἤρχθη τὸ κακὸν τῆς ἀταξίας καὶ οὕτως διεδόθη ἐν πάσαις ταῖς πόλεσι καὶ ἐπεκράτησεν ἐπὶ χρόνοις πέντε, καὶ ἔσφαζον τοῖς ξίφεσι τοὺς ἀπαντῶντας Πρασίνους καὶ τοὺς κατ' οἶκον κρυπτομένους. ἀνιόντες δὲ ἐφόνευον κτλ.

Въ второе же лѣто црт҃ва еоустиана приѩ старѣишиньство венетьска страна во всѣх градѣх. паче же въ антиωхии велицѣ. и закалахоу прасины срѣтающе не точию же нъ и скрыющасѧ в домоу. исходѧща оубиваахѫ. (Обз. хрон., стр. 61, № 280, л. 279).

Относительно землетрясенія въ Антіохіи мы говорили въ упомянутой статьѣ. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что гибель патріарха Евфасія упоминается уже при самомъ описаніи землетрясенія у Θеофана, p. 265,17 (къ стр. 110).

Mal. p. 421,15 πολλὰ δὲ κεντηνάρια χρυσοῦ παρέσχεν (ὁ θειότατος βασιλεὺς) Ἰουστῖνος (πρὸς ἀνακαινισμόν).... (ὅσα οὐδεὶς ἄλλος τῶν βασιλέων).

17 еже бо и слыша токмо (абие сиѧ вѣнець свои и багрѧницю), срв. Theoph., p. 266,3, Cedr., p. 641,11.

p. 422,2 (прьвое) Карина комита с пѧтью кентинарь (на ѿгребание—и имѣниꙗ ихъ), Обз. хрон., стр. 66, срв. Theoph., p. 266,9—11.

Славянскій текстъ продолжается и далѣе: да съглѧдаꙗ то извѣсто красно падениѧ и пришедъ скажеть ц҃рю что бы сътворити. —

3 Ἀστέριον (ὄντα ῥεφερενδάριον καὶ ἔπαρχον τῆς πόλεως), срв. Theoph., p. 266,14, но здѣсь нѣтъ ῥεφερενδάριον.

p. 422,10 иоустинъ (оужика его. чюдныи прѣмоудрыи [поправка арх. сп. къ синодальному] — по антиωхии велицѣи), срв. Pasch., p. 616,17—21.

p. 425,8 (дасть же—оупатеоуса), срв. Pasch., p. 617,20—21.

Отмѣтимъ, наконецъ, разночтеніе p. 427,5 Γιλδέριχ καὶ Κήρυκον καὶ Εἰρηναῖον, слав. (Обз. хрон., стр. 67, л. 283 обор.): и стратилаты г҃ велизариѧ и кирика и иринеꙗ (пендакиискаго), срв. Pasch., p. 618,5, Theoph., p. 267,19 (καὶ Πέτρον), Cedr., p. 643,5.

С. Шестаковъ.

Чинъ пещнаго дѣйства.

Историко-археологическій этюдъ.

Посвящается проф. **Н. Ѳ. Красносельцеву.**

Изъ чиновъ, бывшихъ въ богослужебной практикѣ древне-русской церкви и нынѣ совершенно вышедшихъ изъ употребленія, наиболѣе всего останавливалъ на себѣ вниманіе русскихъ изслѣдователей и ученыхъ, такъ называемый, «чинъ пещнаго дѣйства». Вниманіе къ этому чину простерлось до того, что онъ одинъ изъ богослужебныхъ чиновъ попалъ даже на страницы курса «исторіи *русской* литературы» (мы имѣемъ въ виду трудъ П. Полеваго). Этимъ, однако, вниманіемъ къ себѣ настоящій чинъ обязанъ не своимъ внутреннимъ, въ высшей степени интереснымъ литургическимъ особенностямъ, несомнѣнно древняго происхожденія, а чисто случайнымъ и явившимся въ сравнительно позднюю пору существованія настоящаго чина *діалогамъ* между халдеями. Въ этихъ діалогахъ наши ученые (Пекарскій, Веселовскій, Тихонравовъ, Морозовъ и др.) стараются усмотрѣть зародыши у насъ той литургической драмы, которая такъ пышно развилась на западѣ подъ покровомъ католической церкви, въ стѣнахъ величественныхъ, но индеферентныхъ ко всему, костеловъ и получила тамъ названіе «мистеріи». Въ погонѣ за отысканіемъ этого драматическаго элемента въ «чинѣ пещнаго дѣйства», наши изслѣдователи всегда упускали изъ вниманія, съ одной стороны, тотъ хорошо извѣстный литургистамъ [1]) фактъ, что православное богослуженіе никогда не чуждалось драматическаго элемента, а напротивъ дало ему видное мѣсто во многихъ чинахъ и послѣдованіяхъ, бывшихъ и доселѣ существующихъ въ употреб-

1) Христ. Чтен., 1888 г., ч. II, стр. 866.

леніи, но главнымъ образомъ въ чинахъ освященія церквей и омовенія ногъ въ великій четвертокъ[1]), — а съ другой стороны, не обращали никакого вниманія на положительный и сильный протестъ противъ произвольнаго отожествленія «чина пещнаго дѣйства» съ латинскими мистеріями, высказанный еще въ XIV вѣкѣ извѣстнымъ писателемъ Симеономъ Солунскимъ. Нападая горячо на латинскую церковь за допущеніе въ храмъ мистерій, въ которыхъ съ пластическою рельефностію и съ мельчайшими детальными подробностями, доходившими до полной иллюзіи, старалась она воспроизводить историческія событія изъ жизни Іисуса Христа, Богоматери и святыхъ апостоловъ и угодниковъ, этотъ писатель, чтобы устранить возраженіе латинянъ относительно «чина пещнаго дѣйства», совершавшагося въ греческой церкви съ глубокой древности и какъ бы напоминавшаго западныя мистеріи, пишетъ слѣдующее: «Если же они (т. е. латиняне) будутъ укорять насъ *за пещь отроковъ,* то нисколько не поразятъ насъ, потому что мы *не зажигаемъ пещи, но употребляемъ восковыя свѣчи съ огнемъ и возносимъ* по обычаю *виміамъ* Богу, и *изображаемъ ангела,* но не посылаемъ (въ пещь) человѣка. Мы только лишь допускаемъ, чтобы поющіе чистые отроки, какъ тѣ три отрока, воспѣвали ихъ пѣснь, какъ предано. Этихъ отроковъ могутъ изображать всѣ запечатлѣнные (т. е. таинствами) и освященные»[2]). Въ виду этого всѣ подобнаго рода прежнія

1) И въ обычномъ чинѣ омовенія ногъ, практикуемомъ у насъ нынѣ въ каѳедральныхъ соборахъ, драматическій элементъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, но ему отводится болѣе широкое мѣсто въ подобныхъ чинахъ, которые нынѣ совершаются въ Іерусалимѣ и въ Патмосскомъ Іоанно-Богословскомъ монастырѣ. Труды Кіев. Дух. Акад. 1893 г., кн. VI, стр. 218 — 221. Изъ древнѣйшаго времени намъ извѣстенъ съ еще болѣе развитымъ драматическимъ элементомъ чинъ омовенія ногъ, практиковавшійся въ великой константинопольской церкви. Этотъ послѣдній чинъ мы знаемъ только пока по славяно-русскимъ рукописямъ. Здѣсь объ умовеніи ногъ епископа, изображающаго Симона Петра, мы читаемъ слѣдующее: «По приходѣ къ старшему (епископу), священникъ возглашаетъ: «Пріиде же къ Симону Петру». Старшій епископъ говоритъ: «Ты ли мои умыеши нозѣ»? Святитель: «Еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣеши же по сихъ». Первый верховный: «Не умыеши ногу моею во вѣкы». Святитель: «Аще не умыю тебѣ, не имаши части со мною». Тогда, въставъ верховный, *мало яко пристрашенъ, и рукы въздвигъ подъ фелонемъ, показуетъ роукою правою къ ногамъ, глаголя гласомъ тихимъ въ услышаніе всѣмъ:* «Господи, не нозѣ токмо». *Тажъ, показуя роукы, глаголетъ:* «Но и руцѣ». *И обративъ роукы, показуетъ на главу, тоую мало преклонь, глаголетъ:* «И главу». Святитель: «Измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти, есть бо весь чистъ, и вы чисти есте, но не вси». Ркп. XVI в. Соловецк. библ. № 1085, л. 463 об.; № 1090 л. 49 об. 50; ркп. XIV — XV в. М. Синод. библ. № 371 (675) л. 13 об. (Опис. ркп. М. Синод. библ. М. 1869 г. Отд. III, ч. I, стр. 129).

2) Migne Patrol. Curs. Complet. t. CLV. col. 113. Εἰ δὲ καὶ περὶ τῆς καμίνου τῶν παίδων ἡμᾶς αἰτιάσονται, ἀλλ' οὐ χαιρήσουσιν ὅλως. Οὐ γὰρ ἀνάπτομεν κάμινον,

ученыя розысканія о «чинѣ», для интересующихся культурнымъ прошлымъ Византіи и, въ частности, состояніемъ ея богослуженія, теряютъ почти всякое значеніе, и предъ ними снова является настоятельная необходимость изслѣдовать «чинъ пещнаго дѣйства», разсмотрѣть всѣ особенности его, каждую въ отдѣльности и въ цѣльномъ послѣдовательномъ изложеніи, въ конструкціи чина, методомъ историко-археологическимъ, чтобы заполнить въ нашей литературѣ пробѣлъ по отношенію къ данному чину. Нужно сознаться, что съ этой стороны «чинъ пещнаго дѣйства» никогда еще не изслѣдовался, хотя и былъ онъ въ самое недавнее время предметомъ изученія виднаго современнаго намъ литургиста протоіерея К. Т. Никольскаго, весьма обстоятельно изложившаго *внѣшнюю* историческую судьбу его въ нашей церкви, въ капитальномъ своемъ трудѣ: «О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ», Спб. 1885 г., стр. 169—213. Но, чтобы данный чинъ разсматривать съ точки зрѣнія вышеуказанной и быть вполнѣ пóнятымъ нашими читателями, мы считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать хотя бы то и краткій экскурсъ въ исторію нашего церковнаго устава, и доселѣ еще не обслѣдованную всесторонне и не освѣщенную надлежащимъ образомъ. Только, при свѣтѣ этой исторіи, для насъ будутъ понятны всѣ особенности «чина пещнаго дѣйства» и разрѣшатся сами собою многія недоумѣнія, высказанныя прежними его изслѣдователями.

Исторія нашего «монастырскаго», а вмѣстѣ съ тѣмъ и обще-церковнаго устава начинается только съ 1051 года, когда, по сказанію Нестора лѣтописца, преп. Θеодосій Печерскій «нача искати правила чернечьскаго», «*устава* чернець студійскихъ», въ которомъ говорилось о томъ, «како пѣти пѣнья монастырьская и поклонъ како держати, и чтенья почитати, и *стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный,* на трапезѣ сѣданье и что ясти въ кыя дни все съ установленіемъ» (П. С. Р. Л., т. 1, стр. 69). «Пр. Θеодосій изобрѣтъ (т. е. уставъ)[1]) передасть мо-

ἀλλὰ κηροὺς μετὰ φώτων, καὶ θυμίαμα Θεῷ κατὰ τὸ ἔθος προσφέρομεν, καὶ ἄγγελον εἰκονίζομεν, οὐκ ἄνθρωπον ἀποστέλλομεν. Παῖδας δὲ μόνον ὑμνοῦντας καθαρούς, ὡς ἐκείνους τοὺς παῖδας τρεῖς παριστῶμεν, ᾄδειν αὐτοὺς τὴν ᾠδὴν ἐκείνων, ὡς παραδέδοται. Οὓς παῖδας καὶ πάντες οἱ ἐσφραγισμένοι καὶ ἱεροὶ τυποῦσι παῖδες.

1) Относительно распространенности и общепринятости на востокѣ этого Типикона Симеонъ Солунскій говоритъ въ отвѣтахъ Гавріилу Пентапольскому слѣдующее: ἕτερον δ' ἐστὶ τὸ (τυπικὸν) τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ὅπερ δὴ καὶ πᾶσαι εἶχον ἐκκλησίαι. Migne Patrol. Curs. complet. t. CLV. col. 908. Подобныя же мысли высказываются имъ и въ другихъ его сочиненіяхъ и при томъ довольно часто. Ibid. col. 553, 556, 624 et caet. Слич. Толкованія Вальсамона. Σύνταγμα κανόνων. Πότλη καὶ Ῥάλλη τ. δ' σελ. 448, 449.

настырю своему: отъ того же монастыря перяша *вси монастыреве уставъ»* (тамъ же), а затѣмъ и всѣ русскія церкви. Чѣмъ же руководилась въ богослужебной практикѣ русская церковь до этого времени, почти около ста лѣтъ со времени принятія русскими христіанства? Вотъ естественный вопросъ, который долженъ родиться у изслѣдователя прежде всего, а между тѣмъ онъ не нашелъ себѣ даже и слабаго отраженія въ спеціальномъ трудѣ покойнаго профессора Московской духовной Академіи И. Д. Мансветова «Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви». Москва. 1885 г. Намъ думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что церковь греческая византійская, просвѣтившая насъ свѣтомъ Христовой вѣры, учредившая у насъ іерархію, дала намъ въ то же время и тотъ церковный уставъ, какимъ сама пользовалась, а таковымъ у нея въ данное время былъ «уставъ великой константинопольской церкви». Переходя отъ этихъ чисто теоретическаго характера соображеній на почву положительныхъ фактовъ, мы находимъ, по нашему мнѣнію, самые ясные слѣды существованія у насъ въ богослужебной практикѣ древне-русской церкви устава великой константинопольской церкви.

Въ правилахъ митрополита русскаго Іоанна II (1080 — 1089) имѣется, напримѣръ, слѣдующее постановленіе касательно службъ вечерни и утрени въ воскресенье, подтверждающее соблюденіе у насъ обычая церкви константинопольской[1]). «Иже въ пѣнии: «Въскресни Господи» и «Всяко дыханіе», «Аллилугия» и прокименъ вечернии церковныхъ (ἐκ παλαιοῦ ἔθος ἐκκλησιαστικόν), говоритъ митрополитъ Іоаннъ, *іерѣемъ и архиерѣемъ сѣдати,* бѣлцемъ или простьцемь никакоже, аще князь или царь будеть»[2]). Другимъ церковнымъ уставамъ данный обычай не извѣстенъ.

1) «Подобаетъ же вѣдати, говорится по поводу даннаго обычая въ Уставѣ патріарха Алексѣя (1034 — 1043), яко *великая церкы* по все лѣто *на всяку недѣлю гласомь 6 поеть: «Воскресни Господи»,* въ ту же едину утреннюю (т. е. въ великую субботу) семымь гласомь поеть таковаго прокимена» (Рукоп. М. Синод. библ. № 333, л. 120). Объ этомъ прокимнѣ у насъ рѣчь впереди, а теперь отмѣтимъ, что въ «чинѣ вечерняго и утренняго богослуженія», по уставу великой церкви», относительно обычая — сидѣть, во время пѣнія этого прокимна, замѣчено: καὶ κάθηται (т. е. діаконъ, намѣревающійся читать евангеліе на амвонѣ) μετὰ τῶν διακόνων μέχρις ἂν πληρώσωσιν οἱ ἀναγνῶσται μετὰ τοῦ δομεστίκου τὸ προκείμενον καὶ τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Ἡνίκα δὲ λέγουσι τὸ Πολυχρόνιον ποιῆσαι καὶ τὰ ἑξῆς, ἀνίσταται ὁ ἱερεὺς καὶ οἱ διάκονοι (Ркп. XV в. библіотеки русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ, л. 323 об.).

2) Русск. Истор. библ. издав. археографич. комиссіею. Спб., 1880 г., т. VI, стр. 5. Сборн. Отдѣл. русск. языка и словесности Импер. Академіи наукъ. Спб. 1877, т. XV; № 3, стр. 10 — 11.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1274 года митрополитъ Кириллъ отмѣчаетъ, что «въ предѣлѣхъ новгородьскыхъ *дьяконы, емлюща Божествьный Агньць, и преже поповъ проскоурмисание творяще*, и потомь пришедшемъ попомъ, послѣ проскоурмисати»[1]) и дѣлаетъ распоряженіе о его прекращеніи. Митрополитъ Кипріанъ въ отвѣтахъ къ Игумену Аѳанасію 1390 — 1405 гг. подтверждаетъ прежнее постановленіе: «*дьякону нельзѣ проскомисати*, слуга бо есть попу, а не ровень»[2]), чѣмъ ясно указываетъ на то, что прежній обычай продолжалъ сохранять свою силу въ практикѣ. Обычай этотъ явился къ намъ несомнѣнно изъ Византіи вмѣстѣ съ уставомъ церкви константинопольской[3]) и особенно прочно утвердился въ практикѣ новгородской церкви, которая оказала широкое гостепріимство этому Типикону. За византійское происхожденіе разсматриваемаго нами обычая говоритъ, между прочимъ, и тотъ любопытный фактъ, что на вопросъ сарайскаго епископа Ѳеогноста: «Аще будутъ попове мнози и діякони, подобаетъ ли игуменомъ проскомисати, или ни»? соборъ константинопольскій 12 августа 1276 года даетъ отвѣтъ въ духѣ византійской практики: «Аще будеть старѣйшій игуменъ, *да посылаетъ діакона,* аще ли епископъ будетъ съ ними на службѣ, да проскомисають вси»[4]). Прекратилъ свое существованіе этотъ обычай на востокѣ въ XIV вѣкѣ[5]).

Изъ поученія къ новгородскому духовенству (1395 г.) митрополита Кипріана и изъ посланія митрополита Фотія отъ 12 августа 1419 г. къ псковскому духовенству мы видимъ, что оба эти митрополита запрещаютъ совершеніе литургій въ среду и пятницу сырной недѣли

1) Русск. Истор. библ. т. VI, стр. 96.

2) Тамъ же, стр. 257.

3) Въ уставѣ Алексѣя, патріарха константинопольскаго, читаемъ о службѣ поста св. апостоловъ: «на шестѣмь часу попъ съ діаконъмь, поклоньшася трищды предъ святою трапезою и веемше благословеніе у игумена облачитас *и проскоумисаеть діаконъ*». Ркп. М. Синод. библ. № 330, л. 66. О совершеніи проскомидіи діакономъ говорится въ толкованіи на литургію Ѳеодора, епископа Андидскаго. «И Господне тѣло, какъ бы изъ нѣкоего чрева и отъ кровей и отъ плоти дѣвственнаго тѣла, — изъ цѣлаго хлѣба, т. е. благословенія или просфоры, *діакономъ, какъ это принято въ великой церкви* (παρὰ διακόνου, ὡς ἡ Μεγάλη ἐκκλησία παρέλαβε), изсѣкается посредствомъ нѣкоего орудія, которое называется копіемъ» ... «Хотя Тѣло Господне изсѣкается и священникомъ, но въ великой церкви ведется изъ древности обычай, чтобы совершалъ это діаконъ». Migne Patrol. Curs. Complet. t. CXL col. 429.

4) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 134.

5) Симеонъ Солунскій говоритъ объ этомъ обычаѣ, какъ уже вышедшемъ изъ практики не только константинопольской, но даже и солунской церкви, и сохраненіе его на Аѳонѣ считаетъ «неблагоприличнымъ». Τὸ (т. е. χάρισμα) πρὶν γινόμενον ἐν Θεσσαλονίκῃ, καὶ νῦν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τῷ Ἄθῳ, τὸ διακόνους προσφέρειν, пишетъ онъ, οὐκ εὔτακτον, οὐδ' ἁρμόδιον. Migne Patr. Curs. complet. t. 155, col. 289.

и въ пятницу великую. «А *въ среду масленыя недѣли и въ пятницю,* говоритъ митрополитъ Кипріанъ, *никакоя службы,* но толко часы съ вечернею; *такоже и въ великую пятницу по томужь*»[1]). «А еже въ среду и въ пятокъ сырныя недѣли», пишетъ по тому же поводу въ Псковъ митрополитъ Фотій, «не пріяхомъ ниже въ Палестинѣ, ни въ Святой Горѣ, ниже въ *царствующимъ Цариградѣ* не пріяхомъ въ сіа дни, рекше *среду и пятокъ сырныя недѣли, ниже свершеную литургію, ниже прежесвященную створяти; подобнѣ же и наипаче въ пятокъ великый распятія Христова не пріяхомъ ни свершену литургію, ни прежесвященную*»[2]). Ссылку митрополита Фотія въ данномъ случаѣ на практику «царствующаго Цариграда» нужно понимать въ томъ смыслѣ, что обычай совершать литургію преждеосвященныхъ даровъ въ среду и пятокъ сырной недѣли и въ великую пятницу, ко времени митрополита Фотія, подъ вліяніемъ устава іерусалимскаго, вышелъ даже изъ практики и великой константинопольской церкви, чему подтвержденіе можно находить въ постановленіяхъ собора константинопольскаго 1276 г.[3]) и въ трудахъ Симеона Солунскаго[4]). Но въ глубокой древности обычай этотъ несомнѣнно имѣлъ мѣсто въ практикѣ константинопольской церкви[5]), черезъ уставъ которой проникъ къ намъ въ нашу богослужебную практику и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ это видно изъ поцитованныхъ поученія митрополита Кипріана и грамоты митрополита Фотія, держался прочно даже до XV столѣтія.

Отвѣтъ 22 Кирику Нифонта, епископа новгородскаго: «А игуменъ чтеть еуангелье на литоургии на великъ день въ олтари, зря на западъ, *а дьяконъ по немь молвить,* предъ олтаремь стоя, *по*

1) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 236.

2) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 414.

3) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 133 «Въ сырную недѣлю, въ среду и пятокъ постнаа служба, или Иванова служити»? спрашивалъ епископъ сарайскій Ѳеогностъ. Соборъ отвѣтилъ: «*Не поется тогда служба ни постная, ни Иванова,* но въ 9 часъ часы съ вечернею поють».

4) Οἶμαι, говоритъ Симеонъ Солунскій, διὰ τὸ μὴ τελείαν εἶναι νηστείαν, καὶ μηδὲ λειτουργίαν, ὡς ἔθος τελείαν γίνεσθαι καὶ τῆς τῶν προηγιασμένων καταμελῆσαι. Ἔτι δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ Ἱεροσολυμητικοῦ τυπικοῦ, ὅπερ μοναχικόν ἐστιν. Migne Patrol. Curs. Complet. t. 155 col. 908.

5) Ὅθεν καὶ ὡς τὸ ἀρχαῖόν φησι τυπικὸν τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ὁ πατριάρχης κατὰ τὴν τετράδα τῆς τυροφάγου πρῶτος ἐλειτούργει τὰ προηγιασμένα, ἐν ᾗ δὴ καὶ τῇ παρασκευῇ μετὰ τῆς νηστείας καὶ τυρὸν ἐσθίειν ἔθος ἦν, πρὸς ἀναίρεσιν αἱρετικῆς τινος δόξης. Ἐν ταῖς δυσὶν οὖν ἐκείναις τῆς τυροφάγου νηστείαις τὰ τῶν προηγιασμένων οὕτως ἐτελεῖτο ἐξαρχῆς... Καὶ κατὰ τὴν ἁγίαν δὲ καὶ μεγάλην παρασκευὴν οὕτως ἐξαρχῆς προηγιασμένα ἐτελεῖτο. Migne Patrol. Curs. Complet. t. 155 col. 905. Слич. Типикъ великой церкви ркп. Патмосск. библ. № 266, л. 188 об., 217.

строць въ другое еуанглие зря» [1]) представляетъ точное воспроизведеніе у насъ подобнаго обычая практики великой церкви константинопольской [2]). О чтеніи евангелій архіереемъ намъ извѣстно еще распоряженіе константинопольскаго собора 1276 года, сдѣланное тоже въ духѣ практики церкви константинопольской. На вопросъ Ѳеогноста, епископа Сарайскаго: «въ кіа дни подобаеть и въ годы чести святителю евангеліе»? соборъ отвѣчалъ: «Четыржды въ лѣто, рекше, страстныа недѣли (въ) великій четвертокъ первое евангеліе [3]), и на Пасху на литоргіи [4]), и на вечерни [5]), и въ первый день сентября мѣсяца, егда ходять съ кресты [6]). Еже съ игуменомъ въ великіа праздники [7]) да чтуть, при инѣхъ попѣхъ не чтуть, развѣе нужда» [8]).

---

1) Русск. Истор. библ., т. VI, стр. 29 — 30.

2) Καὶ τοῦ πατριάρχου ἀρχομένου λέγειν (т. е. евангеліе), говорится въ Типиконѣ великой церкви, ὁ διάκονος ὁ γριχὸς (γραικός), ἑστὼς ἐν τῷ ἄμβωνι, ἐκφωνεῖ, κράζων τὰ λεγόμενα ὑπὸ τοῦ πατριάρχου οὕτως· Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος. Ркп. Патм. библ. № 266, л. 221 об.

3) Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о чинѣ страстей великаго пятка, по уставу константинопольской церкви, и должны ограничиться лишь предположеніемъ, что постановленіе собора 1276 г. о томъ, чтобы τῇ μεγάλῃ πέμπτῃ ἑσπέρα; εἰς τὴν ἀγρυπνίαν, τὸ τῆς διαθήκης εὐαγγέλιον читалъ архіерей, основано на обычаѣ практики великой церкви. Русск. Истор. библ., т. VI, прил. стр. 2. Что же касается священника, то, по распоряженію митрополита Кипріана, въ службѣ св. страстей «на святомъ престолѣ всѣ еуангелья чтутся, отъ перваго и до послѣдняго, попу же во вся ризы оболчену». Тамъ же, стр. 265.

4) См. примѣч. выше.

5) Въ уставѣ великой церкви говорится о вечерней пасхальной службѣ: Χρὴ γινώσκειν, ὅτι μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ λυχνικοῦ ἀνέρχεται ὁ πατριάρχης ἐν τοῖς εὐκτηρίοις τοῦ πατριαρχείου καὶ γίνεται ὑπὸ τοῦ διακόνου τὸ μέγα Κύριε ἐλέησον καὶ ἀναγινώσκει ὁ πατριάρχης τὸ εὐαγγέλιον τὸ ἀναστάσιμον τῆς πλευρᾶς ἕως Ἄν τινων κρατῆτε κεκράτηνται. Ркп. Патмосск. библ. № 266, л. 222. По поводу этого обычая въ Апостолѣ XII в. русск. Пантелеим. монаст. № 252 замѣчено: νῦν δὲ παρόντος αὐτοῦ ἐν τῷ θυσιαστηρίῳ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, ἀναγινώσκεται τὸ εὐαγγέλιον ὑπὸ τοῦ πρωτοπρεσβυτέρου ἢ τοῦ δευτερεύοντος ἐπὶ τοῦ ἄμβωνος.

6) О евангеліи въ чинѣ литіи на новолѣтіе, по уставу великой церкви, замѣчено: καὶ τότε ἀπάρχεται τῆς περιοχῆς (τοῦ εὐαγγελίου) ὁ ἀρχιερεύς, ὁ δὲ τῶν διακόνων δευτερεύων ἐκφωνεῖ τὰ ὑπ᾽ αὐτοῦ λεγόμενα. Ркп. Евангеліе церковн. Археолог. муз. при кіев. Академіи (бывшая тавр. семинаріи).

7) На пасху, по уставу патріарха Алексѣя, «служба совершается отъ попа въ олтари, прокименъ, апостолъ, аллилуія и *еванґеліе игуменъ чтетъ, близъ престола стоя,* дьяконома обалъ подъдержащема евангеліе». Ркп. Типограф. библ. № 287 л. 17; ркп. Синод. библ. № 330 л. 38. По завѣщанію Ѳеодора Студита, соблюдается, согласно съ обычаемъ великой церкви (τὰ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας παραδεδομένα), тотъ-же самый порядокъ не только въ первый день пасхи, но и въ каждый господскій праздникъ. Οὕτως, говорится здѣсь, καὶ εἰς πᾶσαν ἑτέραν δεσποτικὴν ἑορτὴν ποιοῦμεν. Τὸ προκείμενον δὲ καὶ τὸν ἀπόστολον καὶ τὸ ἀλληλουάριον ἔσωθεν τοῦ βήματος ὁ διάκονος λέγει, ὁμοίως καὶ ὁ πρωτοπρέτορος (πρωτοπρεσβύτερος) τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον. Ркп. Ватопед. Аѳон. мон. XIII — XIV в. № 322 (956) л. 133.

8) Русск. Истор. библ. т. VI стр. 131; прилож. стр. 2.

Митрополитъ Кипріанъ въ 1395 г. посылаетъ псковскому духовенству для недѣли православія «синодикъ правый, истинный, *который чтуть въ Цариградѣ, въ Софьи святой, въ патріархіи»*, при чемъ прибавляетъ: «А синодикъ есмь послалъ къ вамъ *правый Царегородскый, по чему и мы здѣсе поминаемъ, или еретиковъ проклинаемъ: и вы по тому дѣйте»* [1]). Тотъ же митрополитъ къ игумену Аѳанасію пишетъ: «Трапеза же святая помывати въ великій четвертокъ, въ соборныхъ же церквахъ святителю, а меньшей чяди немощно сего дѣяти» [2]), т. е. опять узаконяетъ въ нашей богослужебной практикѣ обычай церкви константинопольской [3]).

Чины поставленія въ іерархическія степени и въ частности «уставъ како достоитъ избирать епископа», «уставъ благовѣстію», «о малѣмъ знаменіи», «уставъ, бываемый на поставленіи епископомъ», чинъ «настолованія» епископовъ и митрополитовъ [4]), чины коронованія князей и царей русскихъ [5]), чинъ новолѣтія, совершаемый 1 сентября [6]), и нѣкоторые другіе чины цѣликомъ перенесены къ намъ изъ практики великой константинопольской церкви.

Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ чины и особенности древне-русской богослужебной практики, сходные съ практикою константинопольской церкви, такъ какъ и на основаніи отмѣченныхъ фак-

1) Тамъ-же стр. 239, 241. Нашъ синодикъ былъ буквальнымъ переводомъ греческаго оригинала. Это убѣдительнѣйшимъ образомъ доказалъ нашъ извѣстный ученый византологъ проф. Ѳ. И. Успенскій въ своемъ превосходномъ изданіи: «Синодикъ въ недѣлю православія. Сводный текстъ съ приложеніями». Одесса. 1893 г.

2) Русск. Истор. библ. т. VI стр. 258—259.

3) Χρὴ γινώσκειν, говорится въ типиконѣ великой церкви, ὅτι μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τῆς τριτοέκτης γίνεται κατάπλυσις τῆς ἁγίας τραπέζης. Ркп. Патмосск. библ. № 266 л. 214.

4) Особенности древне-русскихъ чиновъ поставленія во всѣ іерархическія низшія и высшія степени изложены въ нашей книгѣ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. ч. I Казань 1884 г. стр. 353—380. Греческое происхожденіе ихъ, именно изъ практики церкви константинопольской мы можемъ теперь доказать извѣстными намъ чинами этой церкви по рукоп. библ. монастыря Св. Саввы Освящ. № 362 л. 34—50 и Діатаксисомъ протонотарія Дмитрія Гемисты подъ заглавіемъ: Διάταξις τῆς τοῦ πατριάρχου λειτουργίας, πῶς γίνεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, ἐν ᾗ καὶ ἡ τάξις τῶν χειροτονιῶν, καὶ πῶς γίνεται ἑκάστη, συνταχθεῖσα παρὰ τοῦ πρωτονοταρίου τῆς ἁγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας κυροῦ Δημητρίου τοῦ Γεμιστοῦ. Ркп. патріар. каирск. библ. № 371 (48) л. 1—66; ркп. Патм. библ. № 49 и № 376.

5) См. книгу Барсова, Е. В., Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство. 1883 г. М.

6) Греческое происхожденіе чина новолѣтія доказано протоіереемъ К. Т. Никольскимъ въ его книгѣ: «О службахъ русск. церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ», стр. 110—113; слич. рецензію на эту книгу проф. Н. Ѳ. Красносельцева въ Христ. Чтен. за 1888 г. ч. II стр. 868—877.

товъ съ достаточною ясностію констатируется то положеніе, что въ нашей церкви когда-то дѣйствовалъ уставъ великой церкви. Положеніе это станетъ несомнѣннымъ, если мы укажемъ, что уставъ великой церкви константинопольской былъ переведенъ на славяно-русскій языкъ, и памятники этого перевода сохраняются и до настоящаго времени. Сдѣлать послѣднее не представляется для насъ дѣломъ невозможнымъ. Такъ, напримѣръ, въ «переписной книгѣ домовой казны патріарха Никона», составленной 31 іюля 7166 = 1658 года бояриномъ княземъ А. Н. Трубецкимъ и др., значится между другими книгами и предметами «книга писана в десть, *правило Софейское старое,* писана по телятинѣ»[1]). Извѣстный ученый А. Поповъ въ рукописяхъ библіотеки А. И. Хлудова нашелъ отрывокъ пергаментной рукописи XIII вѣка[2]) съ слѣдующимъ весьма важнымъ для насъ заглавіемъ: «*Уставъ Великія Церкви святыя Софія списанъ боголюбивымъ архіепископомъ новгородскимъ Климентомъ*»[3]). Въ этомъ отрывкѣ подробно изложены службы на первые тринадцать дней сентября мѣсяца, со всѣми особенностями устава великой константинопольской церкви. Наконецъ, въ числѣ рукописей Московской синодальной библіотеки сохранился доселѣ полный пергаменный Требникъ XIV—XV в., № 371 (675), «съ русскимъ правописаніемъ», принадлежавшій нѣкогда патріарху Никону, который въ 7169 году пожертвовалъ его въ Воскресенскій монастырь въ Новомъ Іерусалимѣ[4]). Въ Требникѣ этомъ, весьма сходномъ съ патріаршимъ греческимъ евхологіемъ XI в. кардинала Виссаріона въ Крипто-ферратской библіотекѣ, содержатся исключительно чины и молитвословія, практиковавшіеся въ великой церкви константинопольской. Крипто-ферратскій Требникъ

---

1) Временникъ Император. Москов. Общества истор. и древност. россійск. М 1852 г. кн. XV, отд. II, стр. 14.

2) Первое прибавленіе къ описанію ркп. и катал. книгъ церковн. печати библ. А. И. Хлудова. М. 1875 г. стр. 13.

3) Упоминаемый въ надписаніи этого устава «боголюбивый архіепископъ новгородскій *Климентъ*» († 1299 г.) былъ поставленъ въ епископы въ Кіевѣ, послѣ смерти въ 1274 году новгородскаго владыки *Долмата*. Онъ принималъ участіе и не безъуспѣшно въ усмиреніи мятежей новгородцевъ противъ князя Дмитрія въ 1281 году и противъ посадника новгородскаго Симеона Михайловича въ 1287 году, а также въ неоднократномъ построеніи въ Новгородѣ церквей. Его «стяжаніемъ» была написана и положена въ церкви Св. Софіи «на почитанье священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и себѣ на спасеніе души» Кормчая, нынѣ хранящаяся подъ № 132 въ М. синодальной библіотекѣ.

4) Горскій и Невоструевъ, Описаніе славян. рукоп. М. Синод. библ. отд. III, ч. I, М. 1869 г. стр. 128—372.

былъ описанъ ученымъ Я. Гоаромъ [1]) и въ послѣднее время А. Рокки [2]).

Итакъ, вотъ очевидные памятники переводовъ у насъ богослужебныхъ книгъ съ особенностями практики устава великой церкви. Если были переводы, то, слѣдовательно, въ нихъ на Руси чувствовалась потребность, при чемъ эта потребность, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же факты, охватывала довольно значительный районъ нашей древнерусской территоріи. Уставомъ великой церкви пользовались не только въ митрополитанскомъ каѳедральномъ соборѣ св. Софіи въ Кіевѣ, но его «списывали» для «церкви св. Софіи» въ Новгородѣ, несомнѣнно и въ Псковѣ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше мѣстъ посланій въ Псковъ митрополитовъ Кипріана и Фотія, направленныхъ къ уничтоженію обычаевъ великой церкви константинопольской. Чины новолѣтія, *чинъ пещнаго дѣйства* и нѣкоторые другіе чины свидѣтельствуютъ о томъ, что уставъ великой церкви регулировалъ богослужебную практику въ Вологдѣ, по всей вѣроятности, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Черниговѣ и въ другихъ городахъ. Господство этого устава было вытѣснено мало по малу сначала уставомъ въ редакціи патріарха Алексѣя, а потомъ окончательно іерусалимскимъ уставомъ. Отсюда понятна и прибавка «въ переписной книгѣ домовой казны патріарха Никона», что писанное «по телятинѣ» «правило [3]) Софейское» было «старое», т. е. считалось въ XVII в. уже вышедшимъ изъ употребленія.

«*Чинъ* бываемый въ недѣлю св. Праотецъ или св. Отецъ *пещнаго дѣйства*» [4]), къ разсмотрѣнію котораго мы теперь приступаемъ, хотя во всемъ своемъ объемѣ и составѣ, какъ онъ излагался въ нашихъ рукописяхъ XVI — XVII вѣковъ и какъ онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ, и неизвѣстенъ намъ по греческимъ памятникамъ, тѣмъ не менѣе мы не сомнѣваемся въ византійскомъ происхожденіи его

1) Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum. edit. 2. Venet. 1730 an.

2) Codices Cryptenses seu abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano. Rom. 1884 an., pag. 235—244.

3) Достойно замѣчанія то обстоятельство, что этотъ списокъ «по телятинѣ» «стараго» устава великой церкви называется «*правиломъ* Софейскимъ». Очевидно, этотъ уставъ былъ буквальнымъ переводомъ греческаго оригинала, носившаго такое надписаніе: «Κανὼν τῆς ἁγίας τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας ἀναγνώσεων, Πράξεων ἀποστόλων, προφητικῶν καὶ ἑκάστης ἀκολουθίας. Ркп. Патм. библ. № 266 л. 186 об.

4) Кромѣ двухъ списковъ чина пещнаго дѣйствія — печатнаго и рукописнаго, приложенныхъ прот. К. Т. Никольскимъ къ его изслѣдованію объ этомъ чинѣ въ извѣстной его книгѣ: «О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ» стр. 191—213, мы имѣли подъ руками еще списокъ этого чина XVI в., открытый въ одной рукописи Софійской библ. (нынѣ СПБ. духовн. Акад.) профессоромъ Новороссійскаго университета Н. Ѳ. Красносельцевымъ, который о своей

главнѣйшихъ составныхъ частей и особенностей и считаемъ этотъ чинъ новымъ подтвержденіемъ того положенія, что въ древнѣйшую пору нашей церковно-религіозной жизни прочно держался въ богослужебной практикѣ уставъ великой константинопольской церкви, одну изъ особенностей котораго составлялъ и настоящій чинъ. Чтобы не быть голословнымъ, мы разсмотримъ каждую изъ особенностей «чина пещнаго дѣйства», извѣстнаго намъ по русскимъ памятникамъ, выдѣливъ пока изъ него, на что, какъ увидимъ ниже, у насъ имѣются и свои особыя резонныя основанія, самый обрядъ возженія пещи и вверженія въ нея трехъ отроковъ, входящій въ составъ утренняго богослуженія и соединяемый съ пѣніемъ седьмой и восьмой пѣсней канона. Такъ какъ весь «чинъ пещнаго дѣйства» заключаетъ въ себѣ послѣдованіе вечерни, утрени и литургіи, то съ обозрѣнія особенностей этихъ послѣдованій мы и начнемъ наше изслѣдованіе.

Если Рождество Христово приходилось въ понедѣльникъ или во вторникъ, то «пещное дѣйство» совершалось въ недѣлю святыхъ праотецъ, а если тотъ же праздникъ падалъ на слѣдующіе дни недѣли, то «дѣйство» происходило въ недѣлю святыхъ отецъ.

Приготовленія къ этому «дѣйству»[1]), «съ благословенія у святителя», начинались съ предшествующей воскресенью среды, когда «пономари и звонцы» разбирали «большое паникадило, что *надъ амбономъ средѣ церкви*». Въ субботу «на обѣдни у святителя благословляются ключари *амбонъ* здвигнути смѣста, а на томъ мѣстѣ поставити пещь», что и исполнялось ими послѣ литургіи. «Амбонъ» убирался «за лѣвый клиросъ», а на его мѣстѣ, «противъ царскихъ дверей», ставилась «пещь»[2]), около которой располагались «желѣзные

находкѣ уже дважды заявлялъ передъ публикою (Русск. Филол. вѣстн. 1891 г. т. XXVI, стр. 120). Мы познакомились съ этимъ чиномъ въ спискѣ, который готовится ученымъ профессоромъ къ изданію въ свѣтъ и который любезно имъ предоставленъ былъ намъ для временнаго пользованія, при составленіи настоящаго «этюда». Считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить при этомъ свою глубокую благодарность уважаемому профессору. Списокъ его даетъ нѣсколько весьма любопытныхъ варіантовъ, которые мы постараемся отмѣтить или въ общемъ изложеніи особенностей разсматриваемаго чина, или даже въ особыхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Чинъ XVI в., открытый проф. Красносельцевымъ, носитъ слѣдующее любопытное надписаніе: «чинъ, *егда агнела спущають в' недѣлю святыхъ* Фцъ пред. Рож̃ствомъ Хр̃твымъ».

1) Изложеніе особенностей «чина» мы дѣлаемъ по всѣмъ извѣстнымъ намъ спискамъ его.

2) Пещь халдейская была «древянна рѣшетчата» (Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III, стр. 366) и дѣлалась русскими мастерами плотниками по образцу *амвоновъ* (см. литературу по этому вопросу въ книгѣ пр. Никольскаго: «О службахъ въ русской церкви» стр. 183—185 прим. 2), которые въ древнее время, по обычаю церкви Св. Со-

шандалы» съ «витыми свѣчами». На желѣзномъ крюкѣ, на которомъ до этого времени находилось паникадило, вѣшалось пергаменное изображеніе «Ангела Господня», при помощи «ужища» или веревки изъ алтаря подымаемое и опускаемое въ пещь [1]).

Звонъ къ вечерни былъ въ началѣ 6 часа и продолжался «народа ради» цѣлый часъ. Сослужащее святителю духовенство, «учитель отроческой [2]) со отроки [3]) и сподіяки [4]) и схалдѣи» [5]) собираются въ «крес-

фіи Константинопольской и въ силу господства у насъ ея устава, составляли неотъемлемую богослужебную принадлежность соборныхъ храмовъ. Въ виду этого видимаго сходства пещи съ амвономъ, нѣкоторые ученые отожествляютъ обѣ эти богослужебныя принадлежности древне-русской церкви (тамъ-же) и думаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ амвонъ могъ замѣнять и халдейскую пещь (Русск. Филол. вѣстн., 1891 г., т. XXVI, стр. 120). Хотя въ извѣстныхъ нынѣ въ печати чинахъ пещнаго дѣйствія ясно различаются пещь и амвонъ, но основанія для указаннаго отожествленія имѣются въ памятникахъ болѣе ранняго времени. Въ чинѣ пещнаго дѣйствія, напр., по списку XVI в. относительно чтенія евангелія на литургіи въ недѣлю св. Отецъ говорится такимъ образомъ: «И как протодяконъ пойдетъ сь евангеліем *в амбон*, и два идутъ отроки напреди протодякона, а третій позади, *а вамьбоне* станутъ два по сторонам, а третій противъ протодякона. И как прочтет протодяконъ евангеліе, и *исходят ис пещи* такожде, а халдѣи стоят по странам шапьки снем». Въ этомъ спискѣ ничего не говорится о приготовленіи пещи предъ службою даннаго дня, ни о замѣнѣ пещи амвономъ предъ началомъ чина литургіи. Изъ поцитованнаго мѣста даннаго списка, слѣдовательно, ясно, что амвонъ и пещь здѣсь отожествляются, и амвонъ, смотря по обстоятельствамъ, исполняетъ и то и другое назначеніе. Такое отожествленіе амвона съ пещію можно видѣть и въ «Уставѣ обрядовъ, совершавшихся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ около 1634 г.» (Русск. Истор. библ. Спб. 1876, т. III, стр. 40).

1) «Архангеловъ образъ, что надъ пещнымъ дѣйствомъ», по словамъ приходо-расходныхъ книгъ Вологодскаго архіер. дома, «выкраивался, сшивался и склеивался» изъ «двухъ кожъ аловишныхъ» (т. е. молодыхъ телушекъ), а потомъ «левкасился» и «росписывался иконникомъ» (Н. Суворовъ, Описаніе Вологодскаго каѳедральнаго Софійскаго собора. Москва. 1863, стр. 137). «А какъ поставятъ *пещь*», говорится въ Уставѣ Московскаго Успенскаго собора, «ключарь *для опыту и безъ людей* взойдетъ *на амбонъ* и ангела спущастъ, чтобы прямо сшолъ *въ пещь на главу ключарю*» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 40). Послѣ заутрени «Ангела Господня сымутъ сверху и поставятъ его на уготованномъ мѣсте сохранно» (Соф. чинъ XVII в.), т. е. въ ризницѣ, или въ одномъ изъ предѣловъ храма. Въ описи Московскаго Успенскаго собора начала XVII в. читаемъ: «да въ томъ же придѣлѣ (т. е. Похвалы Богородицы) Аньгилъ Господень написанъ на *харатьѣ, что спускаютъ его о Рожествѣ Христовѣ*» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 364). По описи того же собора 1627 г. значатся «два Ангила писаны *на харатьѣ, что спущаютъ въ пещное дѣйство*» (стр. 460), о которыхъ упоминаетъ и опись 1638 г. (стр. 545).

2) Роль «учителя отроческаго», по записямъ Вологодскаго архіерейскаго дома, исполнялъ *неоднократно* «уставщикъ, пѣвчей дьякъ» Володимеръ Івановъ (Н. Суворовъ. Опис. стр. 138).

3) Изъ Московскаго печатнаго чина пещнаго дѣйствія ясно видно, что роль отроковъ, при совершеніи даннаго обряда, исполняли пѣвчіе, а именно: *доместевенникъ* (Ананія), *вершникъ* (Мисаило) и *нижникъ* (Азарія). (К. Т. Никольскій, О службахъ въ русской церкви, стр. 194, 196).

4) Подіяки — пѣвчіе, или низшіе чины клира.

5) Нѣсколько труднѣе опредѣлить, кто исполнялъ обязанности халдеевъ. Судя по

товую полату» епископа и облачаются «отроки» въ «стихари [1]) и въ вѣнцы» [2]) или «въ отроческія шапки», халдеи — «въ халдейское платье» [3]) и въ турики или шеломы [4]), а подіяки — «въ свои стихари», послѣ чего идутъ всѣ «въ сѣни предъ крестовую кѣлью» и здѣсь ожидаютъ выхода святителя «издохожнихъ кѣлей». По выходѣ святителя одинъ изъ халдеевъ идетъ въ «крестовую кѣлью», за нимъ отроки и затѣмъ другой халдей, «держаще трупки сплавучею травою [5]) и свѣчи возжены и пальмы [6]) въ рукахъ своихъ». Первый халдей говоритъ: «Владыко благослови», второй добавляетъ: «И помолися». Архіерей

тому, что халдеи не всегда приглашались «на погребъ» и, при «славленіи» «послѣ пещново дѣйства», получали отъ владыкъ ничтожные дары, а во время стола патріарха или митрополита не удостоивались никакого «потѣшенія», перепадавшаго лишь на долю отроковъ, нужно думать, что это были ни больше ни меньше, какъ церковные сторожа, служители при церкви, хорошо обученные, какъ нужно было «искусно» палить плаунъ травою во время обряда.

1) Отроческіе стихари дѣлались изъ «тонкова полотна», по всей вѣроятности, бѣлаго цвѣта, съ «оплечьями» и съ «перерукавьями» изъ «бархатѣ и цвѣтные травчатые», съ «источниками» изъ «тасемъ», на «подпушкѣ» или подкладкѣ изъ «крашенины». (Н. Суворовъ, Опис. Вологод. каѳедр. Соф. собора, стр. 136).

2) Вѣнцы или шапки отроковъ приготовлялись изъ кожи, левкасились и золотились иконникомъ, «опушивались заечинами и горносталями» и наверху украшались мѣдными литыми крестами (Суворовъ, стр. 136—137).

3) На обыкновенномъ языкѣ халдейское платье называлось «юпою» и дѣлалось изъ «сукна летчины красные» или «червчатые» съ оплечьями изъ «выбойки» (тамъ же, стр. 136).

4) Такъ называются халдейскія шапки въ чинѣ пещнаго дѣйствія. Судя по записямъ Вологодскаго архіерейскаго дома, эти шапки приготовлялись изъ того же матеріала, какъ и отроческія, но, по всей вѣроятности, матеріалъ на нихъ шелъ нѣсколько низшаго сорта или достоинства (тамъ же). Существеннымъ отличіемъ этихъ шапокъ отъ отроческихъ служило отсутствіе на нихъ мѣднаго литого креста.

5) Плаунъ трава (Lycopodium clavatum), употреблявшійся при совершеніи обряда пещнаго дѣйства, отличается необходимыми въ данномъ случаѣ качествами легко воспламеняться и производить эффектъ сильнаго пламени, которое могло бы напоминать зрителямъ о пламени въ пещи Вавилонской.

6) Мнѣніе о томъ, что пальмы вырѣзывались изъ дерева (Суворовъ, Описан., стр. 137; К. Т. Никольскій, О службахъ въ русской церкви, стр. 186), мы не раздѣляемъ и полагаемъ, что въ данномъ случаѣ употреблялись настоящія финиковыя пальмы, вправленныя лишь въ «булавы». Подобныя пальмы и въ значительномъ количествѣ хранились въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора и значатся въ его описяхъ (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 504, 545, 562, 914). Объ одной изъ такихъ пальмъ дается прямо знать, что она была въ богослужебномъ употребленіи и именно, при обрядѣ пещнаго дѣйства, такъ какъ записана въ «описи» послѣ «2 ангеловъ», спускаемыхъ въ «пещное дѣйство». Въ описи читаемъ: «*Ваія финикова, рукоядь обложена бархатомъ краснымъ*» (тамъ же, стр. 545). Такія пальмы, доставляемыя къ намъ въ Россію съ востока, могли для большей красоты краситься и золотиться (Суворовъ, Описаніе Вологод. Соф. собора, стр. 137). Образчики старинныхъ пальмъ, употреблявшихся въ нашемъ богослуженіи, можно видѣть въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, въ коллекціи иконъ покойнаго А. Н. Муравьева.

на это отвѣчаетъ чтеніемъ: «Достойно есть» и отпустомъ, послѣ котораго раздаетъ зажженныя свѣчи отрокамъ. «Учитель отроческой» произноситъ: «Хвалите, отроцы, Господа, хвалите имя Господне»[1]), епископъ прибавляетъ: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». Отроки поютъ: «Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ» и всѣ направляются «к Софѣи къ вечерни» въ такомъ порядкѣ: сначала идутъ по три въ рядъ безъ свѣчей «подіяки», за ними «подіакъ» съ лампадою и два другіе съ «большими свѣчами», далѣе отроки «съ тройными свѣчами», по бокамъ коихъ находятся халдеи, потомъ духовенство и, наконецъ, епископъ. При входѣ въ церковь, первый халдей говоритъ: «Владыко благослови», второй — прибавляетъ: «И помолися». Епископъ становится «на святительское мѣсто» посрединѣ храма, противъ котораго отроки поютъ: «Преосвященному сыспо-лайти». Подьяки стоятъ «отъ пещи съ правые страны лицемъ къ святителю». Епископъ дѣлаетъ обычные поклоны съ чтеніемъ: «Достойно есть» и благословляетъ народъ. Послѣ этого, поклонившись епископу, отроки и подьяки уходятъ въ алтарь сѣверными дверями, а халдеи становятся предъ алтаремъ. Выходитъ изъ алтаря «поскору царьскими враты» протодіаконъ и, «ставъ у пещи на степени», произноситъ: «Благослови владыко», протопопъ отвѣчаетъ изъ алтаря: «Благословенъ Богъ нашъ» и начинается вечерня. Подобнымъ образомъ совершается выходъ архіерея къ утрени и на литургію съ тою лишь разницею, что, во время пути къ заутрени, отроки поютъ стихъ: «Яко же заповѣда намъ, да благо намъ будетъ», а къ литургіи — стихъ: «И яко песокъ вскрай моря».

Не имѣя прямаго оригинала настоящаго чина въ практикѣ греческой церкви, мы не можемъ указать происхожденіе всѣхъ подробностей и частностей его, имѣющихъ характеръ исключительный, но особенности даннаго выхода къ богослуженію архіерея, такъ сказать, общаго характера, несомнѣнно тѣ же самыя, которыя мы находимъ въ обычномъ уставѣ великой церкви. Въ извѣстномъ намъ по рукописи XV в. русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ чинѣ вечерняго, утренняго и литургійнаго богослуженія или «Τάξις, γινομένη ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἐπί τε τῷ ἑσπερινῷ, τῷ ὄρθρῳ, τῇ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ καὶ ἐπὶ τῇ χειροτονίᾳ τοῦ ἐπισκόπου» мы читаемъ слѣдующее описаніе выхода митрополита къ вечернему богослуженію: «Τῷ σαβ-

1) Въ чинахъ XVI в. и печатномъ объ этомъ возглашеніи «отроческаго учителя» и объ отвѣтѣ на него епископа не говорится.

βάτῳ ἑσπέρᾳ, μετὰ τὸ συναχθῆναι τὸν κλῆρον, ἀπέρχονται εἰς τὸ κελλίον τοῦ μητροπολίτου, καὶ λαμβάνει τὸ μονοβάμβουλον ὁ ὀστιάριος, εἰ ἔνι, εἰ δὲ μή, ἕτερός τις τῶν ἐκκλησιαστικῶν [1]), καὶ ἅπτει τὴν λαμπάδαν, καὶ προπορευομένου τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ ἔμπροσθεν τοῦ ἀρχιερέως, εἰσέρχεται ὁ ἀρχιερεὺς εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ προσκυνεῖ μέσον τῆς ἐκκλησίας ἱστάμενος, ἔπειτα ἀσπάζεται τὴν εἰς τὸ μέσον τοῦ ναοῦ ἱσταμένην ἁγίαν εἰκόνα καὶ ἀνέρχεται εἰς τὸ στασίδειον αὐτοῦ, καὶ ψάλλουσιν ἐκ τρίτου οἱ κληρικοὶ μετὰ τὸ ἀνελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε, μετὰ μέλους. Μετὰ δὲ τὸ συμπληρωθῆναι τοῦτο παρ' αὐτῶν, ἐπευλογεῖ αὐτοὺς ἐκ τρίτου ὁ ἀρχιερεύς, ἐπιφωνούντων αὐτῷ τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα. Εἶτα γίνεται ἔναρξις τῆς ἀκολουθίας, τοῦ μὲν διακόνου ἐκφωνοῦντος τὸ Εὐλόγησον δέσποτα, τοῦ δὲ ἱερέως ἢ Εὐλογητὸς ὁ Θεός, ἢ Εὐλογημένη ἡ βασιλεία [2]).

Если замѣнить въ данномъ чинѣ остіарія и церковниковъ съ лампадами дьяками, а клириковъ или пѣвцовъ — отроками и «отроческимъ учителемъ», двухъ человѣкъ изъ народа одѣть «въ халдейское платье» и «турики» или «шоломы», въ уста пѣвцовъ вложить тѣ пѣснопѣнія, какія положено пѣть отрокамъ на пути въ церковь, то тожество между обоими чинами получится полное. Всѣ остальные обряды не представляютъ никакой разницы въ обоихъ чинахъ.

Вечерня до выхода происходила обычнымъ порядкомъ. Во время догматика совершается выходъ. Впереди идетъ халдей съ «халдейскою свѣчею», за нимъ отроки, потомъ другой халдей, далѣе «подіякъ» со свѣчею, «діакони градскіе», «отъ соборовъ десятскіе», «протопопъ и священники соборные и градскіе»—«отъ соборовъ старосты». Отроки становятся противъ архіерейскаго мѣста, имѣя по сторонамъ халдеевъ, а «подіакъ» со свѣчею у царскихъ вратъ. Остальныя лица, послѣ совершенія входа, направляются въ алтарь, куда, поклонившись владыкѣ, удаляются и отроки, а халдеи становятся на прежнее мѣсто. «Подіяцы же меньшая станица» за пещью, посрединѣ церкви, поютъ: «Святыя славы» [3]), послѣ чего слѣдуетъ прокименъ: «Господь воцарися», который произноситъ «подіякъ». «Пѣвчіе діяки поютъ прокименъ тройной по дважды на клиросехъ, таже подіяки поютъ большая

1) На выходѣ къ утрени лампаду несутъ архіерейскіе люди (οἱ ἄνθρωποι τοῦ ἀρχιερεως).

2) Ркп. библ. русскаго Андреевскаго скита на Аѳонѣ (безъ номера) л. 322 об.

3) Объясненіе причины, почему гимнъ: «Свѣте тихій» начинали у насъ въ древности со словъ: «Святыя славы», см. въ нашей книгѣ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в.», ч. I, стр. 15.

станица за пещію, посредѣ церкви, прокименъ демественной» [1]). Остальная часть вечерняго богослуженія совершается обычнымъ порядкомъ.

Если мы теперь обратимся къ тому же чину вечерни, по уставу великой церкви, то всѣ особенности описаннаго момента мы найдемъ въ немъ. «Εἰς δὲ τὸ Δόξα, говорится въ этомъ чинѣ, ἐνδύονται οἱ ἱερεῖς ἐντὸς τοῦ βήματος τὰ φαινόλια αὐτῶν καὶ οἱ διάκονοι, καὶ ἐξέρχονται ἀπὸ τοῦ μέρους τῆς προθέσεως, καὶ ἀπέρχονται πλησίον τῶν ὡραίων πυλῶν τοῦ ναοῦ· καὶ στιχηδὸν στάντων τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων ἐκεῖσε, κατὰ τάξιν, πορεύεται ὑποδιάκονος, κρατῶν θυμιατήριον καὶ μανουάλια δύο, ἐνδεδυμένος καμμύσιον, καὶ τὰ μὲν μανουάλια τίθησιν ἔμπροσθεν αὐτῶν περὶ τὰ μέσα, τὸ δὲ θυμιατήριον δίδωσι τῷ δευτερεύοντι τῶν διακόνων, αὐτὸς δὲ ἀπέρχεται καὶ ἵσταται ὄπισθεν μεταξὺ τοῦ τε πρώτου τῶν ἱερέων καὶ τοῦ δευτερεύοντος τῶν διακόνων. Καὶ ἡνίκα πληρωθῇ τὸ στιχηρόν, ἐκφωνεῖ ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων, μικρὸν προβὰς τὸ Σοφία ὀρθοί, σφραγίζων σταυροειδῶς μετὰ τοῦ θυμιατηρίου, καὶ ἀπέρχονται οἱ ἔσχατοι διάκονοι καὶ λαμβάνουσι τὰ μανουάλια, καὶ προπορεύονται τῆς εἰσόδου, καὶ γίνεται ἡ εἴσοδος μέχρι καὶ ἐντὸς τοῦ ἁγίου βήματος. Ὁ δὲ ὑποδιάκονος ὑποστρέφει ἀπὸ τοῦ μέρους, ὅθεν ἐξῆλθεν ἡ εἴσοδος, καὶ εἰσέρχεται καὶ αὐτὸς ἐκεῖθεν εἰς τὸ ἅγιον βῆμα. Ἐν ὅσῳ δὲ ἔρχεται ἡ εἴσοδος, προπορεύεται μετὰ τοῦ θυμιατηρίου ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων καὶ ἵσταται ἔμπροσθεν τοῦ στασιδείου τοῦ ἀρχιερέως καὶ θυμιᾷ αὐτόν, εἶτα ἀπέρχεται καὶ ἑνοῦται τοῖς ἱερεῦσι, καὶ πρῶτος οὗτος εἰσέρχεται αὐτὸς τὴν σολαίαν, καὶ οὕτω τελεῖται τὰ τῆς εἰσόδου. Ψαλλομένου δὲ μετὰ ταῦτα τοῦ προκειμένου παρὰ τοῦ δομεστίκου ἢ τοῦ λαοσυνάκτου ἐν τῷ ἄμβωνι, συνόντων αὐτῷ καὶ συμψαλλόντων καὶ τῶν ψαλτῶν, κάθηται ὁ ἀρχιερεὺς καὶ οἱ εὑρεθέντες ἐκεῖσε ἐπίσκοποι, κάθηνται δὲ ὁμοίως καὶ ἐξωκατάκοιλοι» (т. е. первые шесть діаконовъ: великій экономъ, великій сакелларій, великій скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій и протекдикъ).

По окончаніи вечерни, отроки съ халдеями подходятъ къ «святительскому мѣсту», сюда же приходятъ и «подіяки» съ лампадою и со свѣчами, и всѣ вмѣстѣ кланяются епископу и провожаютъ его въ крестовую палату въ томъ порядкѣ, въ какомъ они шли къ вечерни.

---

1) О пѣніи: «Святыя славы» и прокимна, по обычаю церкви константинопольской, говорится только въ одномъ чинѣ XVII в. въ рукописи Новгородскаго Софійскаго собора.

2) Ркп. библ. Андреевскаго скита на Аѳонѣ, л. 322 об. — 323.

Во время пути, послѣ вечерни, отроки поютъ стихъ: «И на градъ святый» съ припѣвомъ, послѣ утрени — стихъ: «Студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ чтущимъ Тя» и послѣ литургіи — стихъ: «И даждь славу имени Твоему», или «Яко во тмахъ агнецъ тученъ» съ припѣвомъ. При входѣ въ «крестовую келью», первый халдей произноситъ: «Владыко благослови», второй добавляетъ:« И помолися». Отроки поютъ «входъ по обычаю», т. е. «Святѣйшему патріарху московскому и всея Руси, да Исполайти деспота». Если же митрополитъ, то многолѣтствуютъ его[1]). «Подіяцы» съ лампадою и со свѣчами становятся въ крестовой по лѣвую сторону отроковъ и вмѣстѣ съ послѣдними, послѣ окончанія входнаго, дѣлаютъ поклонъ архіерею и уходятъ. Архіерей читаетъ «Достойно есть», совершаетъ обычный отпустъ и, благословивъ всѣхъ, удаляется въ свои покои, а духовенство или «власти» возвращаются домой. Отроки, учитель отроческой и халдеи имѣютъ столъ «въ ключѣ и всходъ на погребъ», а «діяки пѣвчіе и подіяки» — «тольке всходъ на погребъ».

Въ чинѣ вечерни, по уставу великой церкви, окончаніе ея и вообще всѣхъ службъ изложено слѣдующимъ образомъ: «Μετὰ δὲ τὴν συμπλήρωσιν τῆς ἀκολουθίας, ψάλλουσιν ἅπαντες ὁμοῦ τὸ Στερέωσον, ὁ Θεός, τοὺς βασιλεῖς ἡμῶν, ναί, Κύριε, εἰς πολλὰ ἔτη, διαφύλαττε τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν· ἔτι δὲ καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε. Καὶ συμπληρωθέντος τούτου, δοξάζει ὁ ἀρχιερεύς, καὶ γίνεται ἀπόλυσις ἀπὸ τοῦ ἱερέως· εἶτα ψάλλουσι συνήθως πάλιν οἱ κληρικοὶ μεγαλοφώνως τὸ Πολυχρόνιον ποιήσαι, ὁ Θεός, τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν εἰς πολλὰ ἔτη, καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα ἡμῶν, Κύριε, φύλαττε. Καὶ μετὰ τοῦτο εὐλογεῖ αὐτοὺς ἐκ τρίτου ὁ ἀρχιερεύς, ἐπιφωνούντων κάτωθεν πάντων τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, καὶ κατέρχεται ἀπὸ τοῦ στασιδείου αὐτοῦ, καὶ προπορευομένων τῶν κληρικῶν μετὰ τοῦ μονοβαμβούλου, ὡς καὶ τὴν ἀρχήν, ἀπέρχεται μέχρι καὶ τοῦ κελλίου αὐτοῦ· κἀκεῖσε συνήθως τοῦ κλήρου καὶ τοῦ λαοῦ εἰπόντος τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, ὁ ἀρχιερεὺς εὐλογεῖ αὐτοὺς ἅπαξ καὶ ἀπολύει. Τοῦτο ποιεῖ ὁμοίως καὶ ὅτε ἐξέρχεται τοῦ κελλίου αὐτοῦ πρὸς τὸ εἰς ἐκκλησίαν ἐλθεῖν, ἤτοι τῷ σαββάτῳ ἑσπέρᾳ, τῇ κυριακῇ πρωῒ καὶ κατὰ τὰς ἐπισήμους τῶν ἑορτῶν[2]).

---

1) По чину XVI в., послѣ вечерни многолѣтствуется и князь въ такой формулѣ: «Дай, Господи, здрав был царь и великій князь Василей Иванович всеа Русіи самодержець на многіе лѣта». Подобное многолѣтіе говорится и послѣ другихъ службъ.

2) Ркп. Андреевскаго русскаго скита л. 323.

Такимъ образомъ, всѣ особенности въ концѣ службъ недѣли св. отецъ находятъ для себя основаніе въ практикѣ великой константинопольской церкви.

Благовѣстъ къ заутрени начинался «за 6 часовъ дни» и продолжался «народа ради» цѣлый часъ. Послѣдованіе его, кромѣ самаго обряда «пещнаго дѣйства», до пѣнія великаго славословія совершалось обычнымъ порядкомъ, если еще не принимать во вниманіе той особенности, что евангеліе воскресное этого дня читалось не предъ канономъ, а послѣ славословія. «Егда же приспѣетъ время славословію», читаемъ въ чинѣ пещнаго дѣйства, «подіякомь же поющимь «Преблагословенную» и славословіе въ *пещи,* и егда учнутъ пѣти послѣднюю статью: «Господи прибѣжище бысть намъ», тогда идутъ *на выходъ* два халдѣи свыносными свѣщами вкупѣ, и потомъ отроки со свѣщами, таже *протодіяконъ со евангеліемъ* и протопопъ и священницы по чину. И пришедъ отроки и халдѣи предъ святительское мѣсто и покланятся святителю и стоятъ предъ святительскимъ мѣстомъ, донделе скончаютъ славословіе[1]). Егда же пропоютъ подіяки славословіе, и идетъ первый халдѣй отъ святительского мѣста къ пещи и по немъ отроки и другій халдѣй. Таже идутъ въ *пещь* отроки Ананія, Азарія и потомъ протодіаконъ со евангеліемъ и протопопъ и по нихъ идетъ въ *пещь* Мисайло. Протодіяконъ же полагаетъ святое евангеліе на налогѣ и сходитъ испещи, и станутъ отроки въ пещи вси вкупѣ у налога противъ протопопа, а халдѣи станутъ по странамъ пещи, снемъ ссобя турики. *А прокименъ сказываетъ подіякъ, стоя у царскихъ дверей.* Егда же *прочтетъ протопопъ евангеліе*[2]), и идутъ испещи отроки Ананія, Азарія, таже протопопъ со евангеліемъ и потомъ Мисайло. И станутъ отроки предъ святителемъ по прежеуказанному и поклонятся святителю вкупѣ. По прочтеніи же евангелія, халдѣи воздѣваютъ на себе турики[3]). *И пришедъ предъ святителя протопопъ со евангеліемъ и, поклонся святителю, приноситъ святое евангеліе, святитель же цѣлуетъ святое евангеліе* и благословитъ рукою про-

---

1) Въ чинѣ XVI в. прибавлено: «и стоятъ доньдеж сконьчают славословіе и *трисвятое и прокимен,* и тогда входят въ пещь пред протопом».

2) «По славословіи», говорится въ уставѣ обрядовъ Московскаго Успенскаго собора, «*чтутъ евангеліе въ пещи* воскресное отъ 20 дни декабря, или отъ пещнаго дѣйства до генваря по 14 день, или по первую недѣлю по Крещеніи» (Русск. Истор. библ., т. III, стр. 40).

3) Халдеи возглашаютъ при этомъ, какъ замѣчаетъ печатный чинъ: «Великъ Богъ христіанскій».

топопа, протопопъ же цѣлуетъ въ руку святителя и отходитъ паки отъ мѣста со евангеліемъ и, поклонся святителю, отходитъ волтарь и полагаетъ евангеліе на престолѣ. А отроки и халдѣи такоже поклонятся святителю, и идутъ волтарь сѣверными дверми отроки».

Данный моментъ утрени, по нашему чину пещнаго дѣйствія, представляетъ во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ и основныхъ особенностяхъ воспроизведеніе особенностей практики великой церкви. Вотъ какъ описывается онъ въ чинѣ великой церкви: «Εἰς δὲ τὴν μεγάλην δοξολογίαν γίνεται ἡ εἴσοδος πάλιν, ὥσπερ εἴρηται ἐν τῷ ἑσπερινῷ. Ψαλλόντων τῶν ἱερέων τὸ Ὑπερευλογημένη ὑπάρχεις, μέχρι τέλους, πλὴν εἰς τὴν τοιαύτην εἴσοδον, ἔμπροσθεν τῶν μανουαλίων προπορεύεται ἀναγνώστης μετὰ φαινολίου μεταξωτοῦ, κρατῶν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ σταυρὸν μέγαν, καὶ ὁ μὲν ἀναγνώστης μετὰ τοῦ σταυροῦ ἵσταται μέσον τῶν μανουαλίων. Ὅταν δὲ ὑποστρέφωσιν εἰς τὸ βῆμα, αὐτὸς προπορεύεται καὶ ἔρχεται μέχρι, καὶ ἐκτὸς τῆς σολαίας καὶ ἵσταται ἐκεῖσε. Εἰσελθόντων δὲ τῶν ἱερέων ἐντὸς τοῦ βήματος, ἀνέρχεται ἀναγνώστης μέχρι δύο βαθμίδων τοῦ ἄμβωνος καὶ λέγει μετὰ μέλους τὸ Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ. Πληρωθείσης δὲ τῆς μεγάλης δοξολογίας ἐντὸς τοῦ βήματος παρά τε τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων, ἀνέρχεται πάλιν ὁ αὐτὸς ἀναγνώστης καὶ ψάλλει μετὰ μέλους τὸ Ψαλμὸς τοῦ Δαβίδ, εἶτα τὸ Ἀνάστηθι, Κύριε, καὶ τοὺς λοιποὺς στίχους. Καὶ κατέρχεται ὁ τοιοῦτος ἀναγνώστης, καὶ ἀνέρχεται ὁ δομέστικος ἢ ὁ λαοσυνάκτης μέχρι καὶ τριῶν βαθμίδων τοῦ ἄμβωνος καὶ ψάλλει μετὰ τῶν λοιπῶν ἀναγνωστῶν τὸ προκείμενον, ἀλλὰ δὴ καὶ ψάλλει ὁ δομέστικος ἐπὶ τὰ τέλη ἤχισμα. Ἐν ὅσῳ δὲ ψάλλει τὸ τοιοῦτον προκείμενον ὁ δομέστικος, ἐξέρχονται δύο ἀναγνῶσται μετὰ μανουαλίων καὶ δύο διάκονοι, ὄπισθεν δὲ τούτων ἔρχεται ὁ ἱερεύς, κατέχων ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, ἐνδεδυμένος τὴν ἱερατικὴν ἅπασαν στολήν, καὶ ἀνέρχεται ἐπὶ ἄμβωνος ἀπὸ τοῦ ὄπισθεν μέρους καὶ κάθηται μετὰ τῶν διακόνων μέχρις ἂν πληρώσωσιν οἱ ἀναγνῶσται μετὰ τοῦ δομεστίκου τὸ προκείμενον καὶ τὸ Πολυχρόνιον ποιήσαι τὴν ἁγίαν βασιλείαν αὐτῶν, καὶ τὸ Τὸν δεσπότην καὶ ἀρχιερέα. Ἡνίκα δὲ λέγουσι τὸ Πολυχρόνιον ποιήσαι καὶ τὰ ἑξῆς, ἀνίσταται ὁ ἱερεὺς καὶ οἱ διάκονοι· καὶ οἱ μὲν διάκονοι κατέρχονται μέχρι βαθμίδων τριῶν, οἱ δὲ ἀναγνῶσται μετὰ μανουαλίων ἵστανται εἰς τὴν δευτέραν βαθμίδα, καὶ ἐπάνω τούτων τίθησι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον ὁ ἱερεύς. Καὶ λέγει ἀπὸ τοῦ ἁγίου βήματος ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων τὸ Σοφία ὀρθοὶ ἀκούσωμεν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου. Καὶ ὁ ἱερεὺς τὸ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ὄνομα καὶ ἑξῆς τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον. Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τούτου, ἐπαίρει ὁ εἷς τῶν διακόνων τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον καὶ ἀπέρχεται εἰς

τὸν ἀρχιερέα, καὶ ἀσπάζεται τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, καὶ εὐλογεῖ αὐτόν, ὁ δὲ ἱερεὺς ἵσταται εἰς τὴν ἐσχάτην βαθμίδα τοῦ ἄμβωνος καὶ προσμένει μέχρις ἂν ἔλθῃ ὁ διάκονος. Καὶ ἀφ' οὗ ἔλθῃ οὗτος, εἰσέρχεται πρῶτον ὁ ἀναγνώστης μετὰ τοῦ σταυροῦ ἐντὸς τοῦ ἁγίου βήματος, εἶθ' οὕτως οἱ ἀναγνῶσται, ὁ κατέχων τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον διάκονος καὶ ὁ ἱερεύς»[1]).

Въ нашемъ чинѣ утрени, такимъ образомъ, не говорится лишь о выносѣ большого креста и о пѣніи великаго славословія священниками внутри алтаря, вмѣсто которыхъ дѣлаютъ то же «подіяки». Что же касается прокимна и обрядовъ, при этомъ практикуемыхъ, то о нихъ нашъ чинъ говоритъ кратко, а поэтому нелишне припомнить здѣсь правило митрополита Іоанна II, о которомъ у насъ была рѣчь выше. Изъ этого правила видно, что данный моментъ утрени въ древнебогослужебной практикѣ нашей церкви ничѣмъ не разнился отъ практики церкви константинопольской.

Послѣ утрени и проводовъ архіерея въ свои покои, «на учителя и на отроковъ, и на пѣвчихъ діяковъ обоихъ ликовъ, и на подіяковъ, и халдѣевъ бываетъ *ранней столъ* въ ключѣ и всходъ на погребъ»[2]).

Въ промежутокъ времени между заутренею и литургіею, къ которой начинали звонить въ половинѣ втораго часа дня, т. е. около 8 часовъ, разбирали пещь и ставили на ея мѣсто снова амвонъ, «мѣстныя иконы» размѣщали на своихъ мѣстахъ и мели церковь.

Выходъ и встрѣча архіерея предъ литургіею совершались обычнымъ порядкомъ, какъ уже нами описано. Облачался архіерей, согласно съ практикою великой церкви, на «своемъ мѣстѣ», въ стасидіѣ, посрединѣ церкви. Въ это время «подіяки» на амвонѣ пѣли «воскресный стихъ», а отроки, халдеи и подіякъ съ лампадою стояли предъ архіерейскимъ мѣстомъ. По облаченіи, протодіаконъ съ діаконами дѣлали три поклона передъ царскими дверями и одинъ поклонъ архіерею, который благословлялъ ихъ. Протодіаконъ громогласно произносилъ: «Исполайти деспота» три раза, на что отроки отвѣчаютъ: «преосвященному съ многолѣтіемъ» и «поютъ рѣку вавилонскую[3]) первую статью, и пропѣвъ отроки, поклонся святителю, отходятъ волтарь, а халдеи оставляются предъ олтаремъ. Таже поютъ подіяки меньшая

1) Ркп. библ. Андреевск. скита на Аѳонѣ, л. 323 об. — 324.

2) Въ чинахъ—XVI в. и печатномъ о столѣ для отроковъ и халдеевъ совершенно умалчивается.

3) О пѣніи псалма 136 въ чинѣ XVI в. не говорится; нѣтъ упоминанія даже и объ антифонахъ, положенныхъ по печатному чину.

станица противъ святителя вторую статію рѣки вавилонскіе: «Аще тя забуду Іерусалимъ». И потомъ поютъ подіяки большая станица третью статью: «Глаголющая: истощайте».

Не имѣя греческаго оригинала нашего полнаго «чина пещнаго дѣйства», мы не рѣшаемся сказать, откуда у насъ появилось пѣніе «рѣки вавилонской» или 136 псалма, но несомнѣнно, что отмѣченныя въ данномъ мѣстѣ три «статьи» его замѣняютъ три антифона, которые поются на обычной литургіи. Въ печатномъ «чинѣ пещнаго дѣйства» нѣтъ указанія «на рѣку вавилонскую», но общё говорится: «*антиѳоны* же и апостолъ чтетъ опричной подіякъ». Что же касается остальныхъ особенностей, то всѣ онѣ византійскаго происхожденія и даже не чужды современному намъ чину архіерейской литургіи.

Малый выходъ съ евангеліемъ во многомъ сходенъ съ выносомъ евангелія на утрени, послѣ великаго славословія. Во время этого выхода, оба халдея шли впереди съ «выносными свѣщами», за ними отроки со свѣчами, потомъ діаконы и далѣе два «подіяки зблагословящими свѣчами». Послѣ поклона архіерею, всѣ они становились предъ его мѣстомъ. Евангеліе приноситъ «ризничей» и передаетъ протодіакону, который, принявъ его изъ рукъ перваго, вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ поклонъ святителю; затѣмъ ризничій снимаетъ съ архіерея «шапку», а протодіаконъ подаетъ послѣднему для цѣлованія евангеліе, причемъ епископъ благословляетъ его рукою, и, провозгласивъ: «Премудрость прости», уноситъ евангеліе въ алтарь. Впереди евангелія съ «благословящими свѣщами» идутъ «подіяки» до царскихъ дверей и здѣсь останавливаются. Два архимандрита съ поклономъ берутъ архіерея подъ руки и сводятъ его съ стасидіи. Архіерей, въ предшествіи подіяка съ лампадою, отроковъ и халдеевъ, направляется въ алтарь; «подіякъ» съ лампадою, Ананія и Азарія становятся передъ царскими дверями на правой сторонѣ, а Мисаилъ — на лѣвой сторонѣ. Здѣсь, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ и халдеи. По входѣ въ алтарь епископа, отроки и подіяки, сдѣлавши поклонъ передъ царскими дверями, удаляются черезъ сѣверныя двери въ алтарь и, ставъ за престоломъ предъ святителемъ, поютъ: «Исполайти тройную», а епископъ въ это время кадитъ алтарь «по чину».

Въ чинѣ литургіи, по уставу великой церкви, этотъ входъ описывается съ тѣми же подробностями, конечно, лишь безъ упоминанія объ отрокахъ и халдеяхъ. Καὶ ὁ μὲν διάκονος, говорится здѣсь, φέρει ἔμπροσθεν τοῦ στήθους τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον, ὁ δὲ ἱερεὺς ἕπεται τούτῳ οὕτως,

προπορεύονται δὲ τούτων ἔμπροσθεν ἀναγνῶσται μετὰ μανουαλίων· καὶ οἱ μὲν ἀναγνῶσται ἱστᾶσι τὰ μανουάλια εἰς τὸν τεταγμένον τόπον καὶ ἀπέρχονται, ὁ δὲ διάκονος δίδωσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον τῷ δευτερεύοντι τῶν διακόνων· καὶ ἀσπάζεται αὐτὸ ὁ ἀρχιερεὺς εἰς τὰς χεῖρας αὐτοῦ, καὶ μετὰ τὸ ἀσπάσασθαι αὐτό, εὐλογεῖ τὸν ἱερέα τὸν ποιήσαντα τὴν ἔναρξιν... Τότε μικρὸν προβὰς τῆς στάσεως τῆς εἰσόδου ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων, ἢ μὴ ὄντος τοῦ τοιούτου, ἕτερος τῶν διακόνων λέγει μεγαλοφώνως, ἐγχαράττων καὶ σταυρὸν μετὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου τὸ Σοφία ὀρθοί. Τότε ἀπέρχονται οἱ ἔσχατοι διάκονοι, ἐπαίροντες τὰ μανουάλια, καὶ γίνεται ἡ εἴσοδος, πορευόμενοι δύο δύο. Ὅτε δὲ κινήσῃ ὁ ἀρχιερεύς, ὄντων τῶν ἀναγνωστῶν παρ' ἑκάτερα τὰ μέρη τούτου, λέγουσι τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, πλὴν φθέγγονται τοῦτο ἐκ τρίτου μέχρις ἂν ἔλθῃ εἰς τὴν σολαίαν... Καὶ ψαλλόντων τὸ ἀπολυτίκιον τοῦ κατὰ τὴν ἡμέραν ἁγίου, θυμιᾷ ὁ ἀρχιερεὺς γύρωθεν τὴν ἁγίαν τράπεζαν[1]).

Трисвятое, согласно съ практикою константинопольской церкви[2]), поютъ отроки и подіяки «запрестольное-домественное», стоя предъ архіереемъ, находящимся на горнемъ мѣстѣ. Послѣ апостола[3]) «аллилуйя полскока» поютъ на амвонѣ діяки—«меньшая станица», а вообще литургію поютъ «демественную» на оба клироса пѣвцы.

Выносъ евангелія протодіакономъ на амвонъ для чтенія совершался такимъ образомъ. Сначала идетъ халдей съ «выносною» зажженною свѣчею, за нимъ отроки со свѣчами, вышедшіе за нѣсколько времени предъ тѣмъ изъ алтаря черезъ сѣверныя двери, далѣе второй халдей съ такою же свѣчею и, наконецъ, протодіаконъ съ евангеліемъ. Отроки Ананія и Азарія съ протодіакономъ восходятъ на амвонъ, а за ними туда поднимается и Мисаилъ, и становятся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Халдеи стоятъ по обѣимъ сторонамъ амвона внизу, снявъ съ себя «турики» и положивъ ихъ на «пальмы». Въ томъ же порядкѣ всѣ эти лица возвращаются къ царскимъ дверямъ, по прочтеніи евангелія протодіакономъ, который уноситъ евангеліе въ алтарь. Отроки, поклонившись предъ царскими дверями, удаляются въ алтарь, становятся за престоломъ и стоятъ тамъ со свѣчами до великаго выхода.

1) Ркп. библ. Андреев. русск. скита на Аѳонѣ л. 324 об.—325.

2) Тамъ же, л. 325 об.

3) Въ чинѣ пещнаго дѣйства XVI в. мы имѣемъ относительно даннаго момента литургіи слѣдующій весьма интересный варіантъ: «И пропѣвь (т. е. Трисвятое) стоят пред митрополитом доколѣ апостолъ чтут. и как подякъ возгласит. Аллилуія. *Келевсате* (κελεύσατε). и отроки покланяются митрополиту и исходят изо ольтаря пред царскія двери».

Тѣ же обряды, при выносѣ евангелія для чтенія, хотя и съ иными дѣйствующими лицами, мы видимъ въ чинѣ литургіи великой церкви. «Καὶ ἐξερχομένου τοῦ τοιούτου (т. е. χαρτοφύλακος), говорится здѣсь, προπορεύονται ἀναγνῶσται δύο μετὰ μανουαλίων, μετὰ τούτους οἱ διάκονοι, εἶτα ὁ εὐαγγελιστής, ὁποῖος ἐστί, καὶ ἐξέρχονται ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ μέρους τῆς σολαίας, καὶ ἀνέρχονται ἀπὸ τοῦ ὄπισθεν μέρους εἰς τὸν ἄμβωνα καὶ ἵστανται εἰς τὸν τεταγμένον τόπον αὐτῶν. Ψαλλόντων δὲ τῶν ἀναγνωστῶν τὸ τελευταῖον Ἀλληλούια τοῦ ἀποστόλου μετὰ μέλους καὶ ἀργίας, ἀνίσταται ὁ ἀρχιερεὺς ἀπὸ τοῦ συνθρόνου» [1]).

Во время великаго выхода, впереди всѣхъ шли оба халдея вмѣстѣ со свѣчами, за ними отроки со «свѣчами витыми», потомъ діаконы съ рипидами и «съ сіонами», а далѣе остальные священнослужители «по чину» съ дискосомъ и потиромъ, а нѣкоторые «сплащаницами». Сдѣлавши поклонъ передъ царскими дверями святителю, отроки и халдеи, послѣ того какъ архіерей приметъ святые дары, удаляются черезъ сѣверныя двери въ алтарь. Туда же идутъ діаконы съ рипидами и «подіяки». Отроки стоятъ за престоломъ съ возженными свѣчами.

Въ «Διάταξις τῆς τοῦ πατριάρχου λειτουργίας πῶς γίνεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ» [2]) великій выходъ описывается такъ: «Καὶ οὕτω γίνεται ἡ εἴσοδος, προπορευομένου τοῦ ἐπὶ τῆς εὐταξίας ἔμπροσθεν, εἶτα τοῦ καντρισίου μετὰ τοῦ ὠμοφορίου τοῦ πατριάρχου καὶ τοῦ θυμιατοῦ, ἢ τοῦ δευτερεύοντος τῶν διακόνων, εἶτα τῶν κρατούντων τὰ ῥιπίδια διακόνων, μεθ' οὓς ὁ τὸν ἅγιον ἄρτον κρατῶν, καὶ ὄπισθεν αὐτοῦ οἱ κρατοῦντες τοὺς λοιποὺς δίσκους, εἶτα ὁ πρωτοπαπᾶς μετὰ τοῦ ἁγίου ποτηρίου, καὶ οἱ λοιποὶ ἱερεῖς κατὰ τάξιν, ὄπισθεν δὲ πάντων οἱ κρατοῦντες ἐπὶ κεφαλῆς τὸν ἀέρα διάκονοι, καὶ μετ' αὐτοὺς πάλιν οἱ ὑποδιάκονοι, κατέχοντες καὶ τὸ χερνιβόξεστον».

Упоминаемый здѣсь «воздухъ» есть несомнѣнно наша «плащаница», о которой говорится въ «чинѣ пещнаго дѣйства», получившая свое названіе потому, что на большомъ воздухѣ вышивалось изображеніе положенія во гробъ Спасителя. Что же касается «сіоновъ», которые, по нашему чину, выносились на этомъ выходѣ и о которыхъ не упоминаетъ чинъ литургіи, по уставу великой церкви, то и они въ древнее время составляли необходимую принадлежность софійскаго бог

1) Ркп. библ. русск. Андреев. скита, л. 325 об.

2) Ркп. библ. лавр. Св. Саввы Освященнаго № 362 л. 50 об.; ркп. Каирск. патріар библ. № 371 л. 6 и др.

служенія и несомнѣнно были выносимы на великомъ выходѣ. Архіепископъ новгородскій Антоній, бывшій въ Константинополѣ въ XII вѣкѣ, описывая чинъ литургіи, совершавшійся во св. Софіи, о великомъ выходѣ говоритъ слѣдующее: «А переносу поютъ скопцы, а подьяцы прежде, и потомь поетъ чернець единъ и *тогда дары Господня понесутъ* много поповъ и діаконовъ... И какъ понесутъ *свѣтозарный іеросалимъ и рипиди*, и тогда воздыханіе и плачь бываетъ людемъ о грѣсѣхъ»[1]). Въ древности «сіоны» и «іеросалимъ» были названіями синонимическими[2]). Такимъ образомъ, великій выходъ у насъ въ недѣлю праотецъ на литургіи совершался согласно съ обычаями великой церкви въ Константинополѣ.

«На амбоне поютъ подіяки демественное «Отца и Сына» и кѣпанты» (т. е. Καὶ πάντων καὶ πασῶν — И всѣхъ и вся).

Согласно съ обычаемъ великой церкви[3]), по печатному чину, «Вѣрую во единаго Бога *говоритъ* Мисайло», который, кромѣ того, «выкликаетъ: «Елико вѣрнымъ». *Іосей*[4]) *пѣснь онже*»[5]).

По свидѣтельству Вальсамона (см. толкованіе его на 22 правило Лаодикійскаго собора), возгласъ: «Елици вѣрніи» обязаны были произносить иподіаконы[6]). Время произнесенія этого возгласа въ чинѣ литургіи, по уставу великой церкви, опредѣляется такъ: «Καὶ γενομένης τῆς συνήθους ἀκολουθίας, εἰς τὰς μυστικὰς εὐχὰς ἐξέρχεται ὁ ὑποδιάκονος, οὐδὲν φέρων ἐν ταῖς χερσίν, ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, καὶ ἵσταται ὄπισθεν τοῦ ἄμβωνος. Καὶ ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς

---

1) П. Савваитова, Путешеств. новгород. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII в. Спб. 1872 г. стр. 77.

2) Многочисленные примѣры этого указаны проф. Е. Е. Голубинскимъ въ его Исторіи русск. церкви. М. 1881 г. т. 1, полов. 2 стр. 148—149.

3) Въ Διάταξις'ѣ протонотарія Дмитрія Гемисты говорится: «καὶ λέγεται τὸ. Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν». Ркп. Каир. патр. библ. № 371. Тоже самое свидѣтельствуетъ и Θеодоръ еп. Андидскій въ своемъ толкованіи на литургію. Migne Patrol. curs. Complet. t. 140, col. 445.

4) Выраженіе печатнаго чина пещнаго дѣйства: «Іосей пѣснь» намъ было бы не понятно, если не предположить здѣсь не совсѣмъ удачную передачу греческихъ словъ: Ὅσοι πιστοί въ русской транскрипціи: «Оси писти», непонятой и искаженной справщиками, при печатаніи «чина пещнаго дѣйства».

5) Въ спискѣ чина пещнаго дѣйства XVI в. отроки отъ великаго выхода до самаго конца литургіи не принимаютъ никакого участія въ совершеніи богослуженія. Во время «кенаниковъ», они приносятъ «дору» митрополиту, а когда, по окончаніи литургіи, послѣдній разоблачается, они поютъ: «Ис полла ити деспота» и провожаютъ митрополита въ его покои.

6) Прибавл. къ Чтен. въ обществ. любител. духовн. просвѣщенія 1878 г., кн. 3, стр. 1134.

Τὸν ἐπινίκιον ὕμνον, ψάλλει ὁ τοιοῦτος ὑποδιάκονος μετὰ μέλους τὸ Ὅσοι πιστοί, ἐκ τρίτου. Καὶ πάλιν, ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς τὸ Λάβετε, φάγετε, ὁ ὑποδιάκονος ψάλλει μετὰ μέλους πάλιν τὸ Ὅσοι πιστοί, ἐκ τρίτου. Καὶ πάλιν, ὅτε ἐκφωνεῖ ὁ ἀρχιερεὺς τὸ Ἐξαιρέτως τῆς παναγίας ἀχράντου, λέγει ὁ αὐτὸς ὑποδιάκονος ἐκ τρίτου τὸ Ὅσοι πιστοί, εἶτα εἰσέρχεται πάλιν διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους εἰς τὸ ἅγιον βῆμα» [1]).

Честнѣйшую пѣли «разную», а «Аллилуія» при «кѣнадикѣ» (Κοινωνικόν) — «райлову».

Во время пѣнія причастна, отроки, поклонившись архіерею, удаляются къ жертвеннику и, по причащеніи всѣхъ священнослужителей, когда архіерей сядетъ на «уготованное ему мѣсто», приносятъ ему съ жертвенника «по единому доры» (ἀντίδωρον). (По печатному чину, «Ананія да Азарія съ дорою ходитъ, а Мисаило укропъ держитъ»). Архіерей потребляетъ «доры», благословляетъ отроковъ и даетъ имъ для цѣлованія свою руку, послѣ чего отроки снова удаляются къ жертвеннику. Послѣ заамвонной молитвы отроки идутъ въ церковь «з доры»; имъ одинъ халдей предшествуетъ, а другой послѣдуетъ. Отроки становятся на лѣвомъ «поповскомъ» клиросѣ, по сторонамъ святительскаго мѣста. Святитель выходитъ изъ алтаря, становится за амвономъ, обратившись лицемъ къ народу, благословляетъ «доры» трижды, послѣ чего отроки удаляются въ алтарь. По окончаніи отпуста, отроки снова становятся предъ святительскимъ мѣстомъ и поютъ: «Εἰς πολλὰ ἔτη», а затѣмъ провожаютъ владыку по обычаю въ покои.

Халдеи и отроки предшествуютъ, «во всемъ чину со свѣщами», архіерею, при выходѣ его въ столовую палату, и поютъ стихъ: «Яко обрѣте о пещи халдѣйстѣй», или «Даждь славу имени твоему Господи». Отроки стоятъ «противъ святителя до третіей ѣствы», а халдеи по сторонамъ ихъ, и «бываютъ отрокомъ отъ святителя подачи» или «потѣшеніе». По приказанію архіерея, отроки поютъ «пещные стихи», по печатному же чину, стихъ: «Благословите отроцы съ *ненайками»* [2]), а послѣ нихъ діяки «избранные стихи». По окончаніи трапезы, «бываютъ за многолѣтное здравіе государьскіе чаши», и затѣмъ съ пѣніемъ отроками стиха: «Яко во тьмахъ агнецъ тученъ», или «Яже обрѣте въ пещи халдѣйстѣй» съ припѣвомъ провожаютъ архіерея въ

1) Ркп. библ. Андреев. русск. скита, л. 326.

2) Вставочныя слоговыя украшенія «не-не-на», называвшіяся у грековъ «кратиматами», а у насъ «попѣвками», появляются въ русскихъ нотныхъ богослужебныхъ книгахъ изъ Византіи въ самыхъ раннихъ памятникахъ этого рода. Д. Разумовскаго, Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1867, в. 1, стр. 108—109.

его покои, гдѣ послѣдній совершаетъ обычный «отпустъ», причемъ отроки поютъ ему многолѣтіе и «Исполаити». Въ проводахъ принимали участіе «бояринъ и приказные», которыхъ архіерей, «покоивъ довольно», отпускалъ съ благословеніемъ домой.

Въ тотъ же день архіерей приходитъ и къ вечернему богослуженію. Халдеи и отроки встрѣчаютъ его и провожаютъ точно также, какъ въ субботу вечеромъ и въ воскресенье утромъ. Во время пути къ вечерни, отроки поютъ стихъ: «Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ», а при возвращеніи домой — стихъ: «На градъ святый отецъ нашихъ» съ припѣвомъ.

По списку чина XVI в., отроки и халдеи участвуютъ въ совершеніи всѣхъ службъ на праздникъ Рождества Христова и «дѣйствуютъ вся, опрочи пещново дѣйства».

Самый обрядъ «пещнаго дѣйства», какъ мы замѣтили выше, по нашимъ славяно-русскимъ богослужебнымъ памятникамъ, находится въ тѣсной связи съ чиномъ утренняго богослуженія и совершается по шестой пѣсни канона въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ Пролога, который читался по шестой пѣсни канона, протопопъ и священники «на оба лика» пѣли 8 «росныхъ стиховъ», а девятый стихъ «на всходѣ», т. е. оба лика вмѣстѣ. Затѣмъ начинается седьмая пѣснь: «На полѣ молебнѣ иногда мучитель пещь постави», «Поминающе Исаіино писаніе, богоносныя дѣти предани быша беззаконому цесарю» и «Вавилонская пещь седмь седмицею разжена бывши, халдѣйскія слуги попали». Послѣ этого третьяго стиха, выходятъ изъ алтаря діаконы въ облаченіи и, не входя въ пещь, зажигаютъ свѣчи около пещи. Въ это время поются дальнѣйшіе стихи этой пѣсни: «Разжсжите пещь седмь седмицею, дондеже до конца разгорится, мучитель рече халдѣомъ», «Седмь седмицею пещь асирстіи отроцы разжегше, сіонскія отроки не покоришася повелѣнію ихъ», «Одѣваяй небо облаки, готоваяй земли дождь», «Тричисленныя отроки состави святая Троица», «Ангелъ сниде освятити Цесаря небеснаго отроки», «Іерусалима священнѣй и благочестивіи суще отроцы явишася».

Когда начинаютъ клирики пѣть седьмой стихъ этой пѣсни, «учитель отроческой»[1]) идетъ къ иконѣ, дѣлаетъ передъ нею три поклона,

1) Въ чинѣ XVI в. объ «учителѣ отроческомъ», который въ печатномъ чинѣ именуется «*діякомъ пъвчимъ*, кому будутъ приказаны отроки и халдѣи», совершенно

кланяется архіерею «до земля» и говоритъ: «Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити». Архіерей дѣлаетъ на его головѣ крестъ рукою и отвѣчаетъ: «Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако». Поклонившись ему, «учитель отроческой» идетъ «поскору» въ алтарь сѣверными дверями и связываетъ отроковъ «убрусцомъ по выяхъ ихъ». Когда наступитъ время и отворятся, съ благословенія святителя, сѣверныя двери, учитель передаетъ отроковъ халдеямъ, которые, держа въ рукахъ концы «убруса» или полотенца, ведутъ ихъ къ святителю. Одинъ халдей идетъ впереди, а другой позади отроковъ, имѣющихъ «руцѣ дланьми совокуплени друга ко друзей». На срединѣ храма, близъ пещи, отроки останавливаются, а халдеи, указывая имъ «пальмами» на пещь, ведутъ слѣдующій разговоръ.

Первый халдей[1]) говоритъ отрокамъ: «Дѣти *царевы*»?

Второй «подваиваетъ тоеже рѣчь»: «*Царевы*».

Первый халдей: «Видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распалаему»?

Второй халдей: «А сія пещь уготовася вамъ на мученіе».

Ананія: «Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся, есть бо Богъ нашъ на небеси, емуже мы служимъ, Той силенъ изяти насъ отъ пещи сія».

Азарія: «И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ».

Мисайло: «А сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе».

Послѣ этихъ словъ, халдеи ведутъ отроковъ къ «святительскому мѣсту»; всѣ вмѣстѣ кланяются ему «равно и тихо», и отроки поютъ стихъ: «И потщися на помощь нашу, яко можеши хотяй». Протодіаконъ зажигаетъ въ это время въ алтарѣ три «тройныя» свѣчи отроковъ и, когда они оканчиваютъ «послѣднюю статью стиха того», царскими дверями выходитъ со свѣчами на средину храма къ святитель-

---

умалчивается. Поэтому нѣтъ въ немъ рѣчи о его выходѣ къ митрополиту для полученія благословенія предъ началомъ пещнаго дѣйства «отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити». Вмѣсто «учителя», по этому чину, выходитъ протодіаконъ, который, послѣ благословенія у епископа, снова удаляется въ алтарь, беретъ три отроческія свѣчи и выходитъ изъ алтаря. За нимъ ведутъ на средину храма связанныхъ отроковъ халдеи. Предъ митрополитомъ отроки поютъ стихъ: «И потщися на помощь нашу, яко можеши хотяй». Халдеи развязываютъ полотенце, которымъ были связаны отроки. Принявъ изъ рукъ митрополита свѣчи и получивъ отъ него благословеніе, отроки отводятся халдеями въ пещь.

1) Первый діалогъ халдеевъ въ спискѣ XVI в. совершенно опущенъ.

скому мѣсту и, поклонившись святителю, который благословляетъ его рукою, становится близъ святительскаго мѣста́. Послѣ окончанія отроками даннаго стиха, учитель отроковъ развязываетъ ихъ «по единому когождо». Отрокъ, изображающій Ананію, подходитъ къ архіерею для благословенія, который, сошедши со своего мѣста и нѣсколько приблизившись къ пещи, благословляетъ его и даетъ ему зажженную свѣчу, принесенную предъ тѣмъ протодіакономъ. Ананія цѣлуетъ при этомъ руку архіерея. Тоже потомъ дѣлаютъ отроки, изображающіе Азарію и Мисаила. По благословеніи у святителя и по принятіи отъ него зажженныхъ свѣчъ, отроки всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ ему поклонъ и становятся «на прежереченное мѣсто».

Первый (едій) халдей [1]) кличетъ: «Товарыщъ»!

Второй халдей: «Чево»?

Первый халдей: «Это дѣти *царевы*»?

Второй подванваетъ: «*Царевы*».

Первый халдей: «Нашего царя повелѣнія *не слушаютъ*»?

Второй халдей: «*не слушаютъ*».

Первый халдей: «А златому тѣлу *не поклоняются*»?

Второй халдей: «*не поклоняются*»?

Первый халдей: «А мы вкинемъ ихъ въ пещь».

Второй халдей: «И начнемъ ихъ жечь».

«Учитель отроковъ» передаетъ ихъ халдеямъ, чтобы вести въ пещь. Первый халдей беретъ Ананію подъ правую руку, а второй подъ лѣвую и ведутъ его «честно и тихо» въ пещь. Ананія становится въ пещи съ правой стороны отъ святительскаго мѣста. Второй халдей, обращаясь къ Азаріи, говоритъ: «А ты, Азарія, чего сталъ, — и тебѣ у насъ то же будетъ»! И, взявъ его подъ правую руку, а первый халдей подъ лѣвую ведетъ и его въ пещь. Затѣмъ вводятъ туда же и Мисаила и затворяютъ «пещные двери». Тогда чередной «звонецъ» приноситъ «горнъ» [2]) съ горячими угольями и ставитъ его подъ пещь. Протодіа-

1) Второй діалогъ, хотя и стоитъ въ чинѣ XVI в. на ряду, но значительно короче и ближе къ библейскому разсказу, чѣмъ въ спискѣ XVII в. Вотъ его составъ:

Первый халдей: «То дѣти царевы нашему царю не служатъ, златому тѣлу не покланяются».

Второй халдей: «И мы въкинемъ ихъ въ пещь, да станемъ жечь».

«И вводятъ отроковъ, замѣчаетъ данный списокъ чина, въ пещь по единому», не упоминая при этомъ о вульгарномъ обращеніи халдеевъ съ Азаріею.

2) Въ описи московскаго Успенскаго собора 1701 года значатся «2 горнца желѣзные, на стоянцахъ по девяти яблокъ желѣзныхъ гладкіе, на нихъ чашки желѣзные, а другіе вставные чашки жъ желѣзные». Въ указанное время «горнцы» эти

конъ въ это время, поклонившись трижды въ «поясъ» предъ иконою, кланяется святителю «до земля», испрашиваетъ у него благословеніе «кликати пѣснь отроческую седмую и осмую», удаляется «на мѣсто, уготованное ему» и, обратившись лицемъ къ святителю, «кличетъ велегласно пѣснь седьмую»: «Благословенъ еси, Господи, Боже отецъ нашихъ, хвально и прославлено имя Твое во вѣки». Отроки въ пещи поютъ тотъ же стихъ. Въ это время «діякъ пѣвчей» беретъ у халдеевъ большія свѣчи и даетъ имъ «халдейскія» свѣчи и «трубки съ пловучею травою». Халдеи ходятъ кругомъ пещи и мечутъ травою на пещь и подъ пещь, «угрожаютъ кто подъ пещію раздымаетъ горнъ, а промежъ себе примѣриваются пальмами». Отроки и діяки пѣвчіе «на оба лика» поютъ поперемѣнно стихи, причемъ всякій разъ протодіаконъ, какъ бы замѣняя канонарха, произноситъ предварительно тотъ стихъ, который былъ положенъ для пѣнія.

Большая станица діяки[1]): «И прави путіе твои».

Другіе діяки: «И судбы твоя истинны сотворилъ еси».

Отроки: «На градъ святыхъ отецъ нашихъ Іерусалимъ».

Діяки: «Навелъ еси вся на ны грѣхъ ради нашихъ».

Другіе діяки: «И заповѣдей Твоихъ не послушахомъ».

Отроки: «Яко же заповѣда намъ, да благо намъ будетъ».

Діяки: «Истинымъ судомъ сотворилъ еси».

Другіе діяки: «И цареви неправедну и лукавнѣйшему паче всея земли».

Отроки: «Студъ и поношеніе рабомъ твоимъ чтущимъ Тя».

Діяки: «И не остави милость Твою отъ насъ».

Другіе діяки: «Израиля ради святаго твоего».

Отроки: «Яко песокъ воскрай моря».

Діяки: «И есмы смирени по всей земли».

Другіе діяки: «Обрѣсти милость предъ Тобою».

Отроки: «Яко во тмахъ агнецъ тученъ»

Діяки: «Яко нѣсть студа уповающимъ на Тя».

только «на Свѣтлое Христово Воскресенье поставляютця у царскихъ дверей» (Русск. Истор. библ. т. III стр. 842), но когда въ богослужебной практикѣ этого собора имѣлъ мѣсто чинъ пещнаго дѣйства, то, безъ всякаго сомнѣнія, при совершеніи и этого чина, пользовались, если не тѣми же самыми, то подобными «горнцами».

1) По списку чина XVI в., стихи эти сначала произноситъ протодіаконъ, а потомъ поютъ ихъ отроки въ пещи. О пѣніи ихъ «діаками большой станицы» и «другими діаками» въ этомъ чинѣ не говорится. Стиховъ въ спискѣ XVI в. значительно больше, чѣмъ въ печатномъ чинѣ, по которому мы изложили ихъ порядокъ.

Другіе діяки: «И ищемъ лица Твоего и не посрами насъ».

Отроки: «И даждь славу имени Твоему, Господи».

Діяки: «И крѣпость ихъ сокрушится».

Другіе діяки: «И разумѣютъ, яко Ты еси Богъ единъ, и славенъ по всей вселеннѣй».

Во время пѣнія этихъ стиховъ, діякъ беретъ у халдеевъ большія свѣчи и дастъ имъ «простые съ пловучею травою». Халдеи ходятъ кругомъ пещи и бросаютъ «травою на пещь, и подъ пещь и на пещниковъ и на люди». Когда отроки поютъ стихъ: «Яже обрѣтс о пещи халдѣйстѣй», ключарь въ «ризахъ» выходитъ за благословеніемъ къ архіерею «ангела спущати въ пещь» и, получивъ его, снова удаляется въ алтарь черезъ царскія двери. Діаконы, «иже искусни суть[1]) палити халдѣевъ», берутъ у послѣднихъ трубки «съ плавучею травою и согнемъ»[2]). Халдеи становятся по обѣимъ сторонамъ пещи, «вознесши пальмы выспрь, выше главы, вопреки, а булавами на церковь, а концами колтарю». Протодіаконъ произноситъ стихъ: «Ангелъ же Господень сниде купно съ Азаріиною чадію въ пещь и отъятъ пламень огненный отъ пещи, и *сотвори среди пещи, яко духъ хладенъ шумящъ*». При послѣднихъ словахъ этого стиха, ключарь спускаетъ ангела[3]) въ въ пещь, который сходитъ туда «въ трусѣ велице зѣло згромомъ». Халдеи падаютъ ницъ, а діаконы, «вмѣсто ангельскаго паленія», опаляютъ ихъ огнемъ. Отроки зажигаютъ въ вѣнцѣ ангела три свѣчи, послѣ чего ключарь подымаетъ его «выспрь горѣ». Отроки, поклонившись ангелу «до земли», поютъ стихъ, произнесенный предъ тѣмъ протодіакономъ: «Ангелъ же Господень». Подымаются съ полу халдеи, снимаютъ съ себя «шоломы сирѣчь турики» и кладутъ ихъ на пальмы.

Первый халдей: «Товарищъ»!

Другой халдей: «Чево»?

---

1) Неумѣнье обходиться съ «плаунъ травою и огнемъ» иногда влекло за собою обжоги и увѣчья. «1626 г. дек. 18, по словамъ приходо-расходной книги, приходили послѣ пещново дѣйства славить уставщикъ пѣвчей дьякъ Володимеръ Івановъ, и, по приказу государя архіепископа Нектарія, дано ему Володимеру рубль денегъ *за увѣчья* подьяковъ меньшіе станицы» (Н. Сувор. Опис. Вологод. каѳедр. собора, стр. 138)

2) Діаконы брали у халдеевъ трубки съ пловучею травою, по чину XVI в., при пѣніи отроками стиха: «И распаляшеся пламень над пещію на четыредесят и девят лакот».

3) О схожденіи ангела въ пещь чинъ XVI в. говоритъ такимъ образомъ: «И лежат (т. е. халдеи), доколе *ангелъ летит*, а как станут халдѣи и глаголет един ко другому:—«*Было три, а стало четыре*». И другій же отвѣщаетъ: «*четвертый грозенъ, оуподобисъ Сыну Божію*».

Первый халдей: «Видиши ли»?

Другой халдей: «Вижу» (подваиваетъ).

Первый халдей: «Было три, а стало четыре, а четвертый грозенъ, грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію».

Другой халдей: «Какъ онъ прилетѣлъ да и насъ побѣдилъ».

«Подіяцы» даютъ по «выносной свѣщи» халдеямъ, которые «пещи не палятъ», но стоятъ, «главы поникши и унывъ». Протодіаконъ возглашаетъ: «Тогда тіи тріе, яко единѣми усты пояху и благословляху, и славяху Бога въ пещи глаголюще: «Господа пойте и превозносите его во вѣки». Отроки повторяютъ тотъ же стихъ и, «горѣ воззрѣвъ ко ангелу Господню», дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе съ тремя поклонами и ходятъ кругомъ, «на правую страну ко святительскому мѣсту», въ пещи трижды, «держа ангела предъ собою: Ананія за правое крыло, Азарія же за правую ногу, Мисайло за лѣвое крыло». Протодіаконъ снова возглашаетъ: «Благословенъ еси, Господи Боже Отецъ нашихъ препѣтый и превозносимый во вѣки». Отроки повторяютъ тоже самое [1]). Ангелъ Господь при этомъ поднимается «мало горѣ надъ отроки, осѣняя и прохлажая». Затѣмъ поютъ поперемѣнно статьи сначала діяки праваго и лѣваго клиросовъ, а потомъ діаки и отроки.

8 пѣснь канона начинаетъ протодіаконъ: «Благословите вся дѣла Господни, Господа пойте и превозносите его во вѣки». Отроки повторяютъ то же самое. Послѣ окончанія первой статьи отроками, пѣли ту же статью правый и лѣвый клиросы діяковъ. Когда протодіаконъ произнесетъ: «Благословите тріе отроцы», ангелъ снова спускается въ пещь «згромомъ и трусомъ веліимъ», при чемъ халдеи падаютъ на колѣни, а отроки поютъ: «Благословите тріе отроцы Ананія, Азарія и Мисаилъ Господни», дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе, всѣ вмѣстѣ кланяются ангелу и обходятъ съ нимъ пещь еще одинъ разъ [2]). Протодіаконъ произноситъ «статію» правому клиросу и затѣмъ говоритъ: «Хвалимъ, благословимъ, покланяемся Господеви». Отроки повторяютъ

1) По списку чина XVI в., и эти стихи (Даніил. III. 51—56) сначала произносилъ протодіаконъ, а потомъ уже ихъ пѣли отроки. Послѣ 56 стиха отроки пѣли: «Слава», «Препѣтый», «И нынѣ», «Препѣтый». Подобнымъ образомъ пѣли и дальнѣйшіе стихи, съ 57—88.

2) Въ спискѣ чина XVI в. протодіаконъ, послѣ вторичнаго круговаго хожденія отроковъ въ пещи, произноситъ: «Благословите апостоли, пророцы и мученицы Господни. Господа пойте и превозносите Его во вѣки». Отроки поютъ: «Хвалимъ благословимъ» и «Господа пойте», причемъ трижды дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе съ поклонами и «обращаются равно, ангела въ рукахъ держачи пред собою 3 ж». Въ это время отроки поютъ: «Тричисленныя отроки состави Святая Троица».

этотъ стихъ «и, горѣ воззрѣвъ ко ангелу Господню», поклоняются ему и «обращаются со ангеломъ 3-жды по прежеписанному». При пѣніи стиха «Хвалимъ, благословимъ», по печатному чину, «отроки сойдутся — *демественникъ* (т. е. Ананія) *съ вершникомъ* (т. е. Мисаилъ) *къ нижнику* (т. е. Азарія)». — Послѣ обхожденія пещи въ послѣдній разъ, отроки, поклонившись ангелу, поютъ тропарь: «Тричисленныя отроки, состави святая Троица», при послѣднихъ словахъ котораго ключарь поднимаетъ ангела «горѣ тихо». Протодіаконъ, поклонившись архіерею и трижды передъ образомъ «въ поясъ» и получивъ прощеніе, удаляется черезъ царскія двери въ алтарь. Выходитъ тогда къ иконѣ первый халдей, дѣлаетъ три поклона и, обратившись къ епископу, произноситъ: «Владыко, благослови Ананію кликати»[1]. Епископъ благословляетъ его рукою. Халдей, отворивъ двери пещи и снявъ «турикъ», громогласно возглашаетъ:

«Ананія, гряди вонъ испещи»[2].

Другой халдей: «Чево сталъ, поворачивайся; не иметъ васъ ни огонь, ни поломя, ни смола, ни сѣра».

Первый халдей: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами згорѣли».

Ананія выходитъ изъ пещи, халдеи берутъ его подъ руки и ведутъ «честно» къ святительскому мѣсту, причемъ первый халдей произноситъ:

«Гряди, царевъ сынъ»! и ставитъ его на прежнее мѣсто.

То же самое дѣлаютъ и произносятъ второй халдей, изводя изъ пещи Азарію, и снова первый халдей, изводя Мисаила.

Когда всѣ три отрока станутъ передъ епископскимъ мѣстомъ, и поклонятся епископу, который благословляетъ ихъ, то поютъ многолѣтіе ему и Εἰς πολλὰ ἔτη, а затѣмъ кланяются вторично и вмѣстѣ съ халдеями, изъ коихъ одинъ идетъ впереди, а другой позади, черезъ сѣверныя двери удаляются въ алтарь. Халдеи несутъ трубки «сплавучею травою и согнемъ». Епископъ приглашаетъ къ себѣ «властей[3], на-

1) Этого обращенія не имѣется въ чинѣ XVI столѣтія и въ печатномъ.

2) Въ чинѣ XVI в. мы видимъ тѣ же самые разговоры халдеевъ, но въ печатномъ чинѣ пещнаго дѣйства удержаны только два и въ такомъ изложеніи. Первый халдей: «*Ананіе, гряди вонъ изъ пещи*» и ведетъ честно подъ руки, а говоритъ: «*Пойди царевъ сынъ*», а другій тоже глаголетъ. И потомъ другій такоже поклоны кладетъ и пришедъ къ пещи кличетъ велегласно: «*Азаріе, гряди вонъ изъ пещи*». И потомъ паки первый халдѣй кличетъ: «Мисайло, гряди вонъ изъ пещи». А халдѣи отроковъ пріимаютъ подъ руку правую честно и водятъ ихъ предъ патриарха».

3) Въ чинѣ XVI в. не говорится ни о приглашеніи митрополитомъ властей, ни даже о многолѣтіи царю и царицѣ съ чадами въ данное время чина. Вмѣсто этого,

чальниковъ града, бояръ и воеводъ, и всякихъ приказныхъ людей» и, ставъ на послѣдней ступени своего мѣста, многолѣтствуетъ царя и царицу и ихъ дѣтей, а затѣмъ самъ многолѣтствуется. Діяки пѣвчіе на оба клироса поютъ многолѣтіе царю и царицѣ съ чадами и патріарху. Потомъ бояринъ, воевода, власти и дворяне многолѣтствуютъ царя и царицу съ чадами и патріарха. «Подіяки болшая станица» поютъ многолѣтіе патріарху и Εἰς πολλὰ ἔτη у царскихъ дверей. Начинается далѣе пѣніе 9 пѣсни канона со звономъ въ колоколъ. По печатному чину, послѣ этого царь, въ сопровожденіи халдеевъ, имѣющихъ въ рукахъ пальмы, идетъ къ заутрени въ Благовѣщенскій соборъ.

Обрядъ пещнаго дѣйства во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ мы сказали, намъ не извѣстенъ въ греческомъ оригиналѣ, но византійское происхожденіе главнѣйшихъ и основныхъ особенностей его внѣ всякаго сомнѣнія. За это говоритъ намъ греческій чинъ, найденный нами въ нотной рукописи № 1120 библіотеки Иверскаго Аѳонскаго монастыря съ заглавіемъ: «Ἀχολουθίαι, συντεθεῖσαι παρὰ χυροῦ Ἰωάννου μαΐστορος τοῦ Κουχουζέλη», или, по другому надписанію, «Παπαδικὴ τέχνη», писанной въ 1457 году, какъ это видно изъ слѣдующей приписки къ ней: «Ἐτελειώθη τὸ παρὸν βιβλίον, αἱ ἀχολουθίαι πᾶσαι τῆς ψαλτικῆς, διὰ χειρὸς Μανουὴλ Δούχα Λαμπαδαρίου τοῦ Χρυσάφη ἐν ἔτει ͵ςϠξς΄. ἰνδ. ς΄». Вотъ этотъ чинъ въ цѣломъ своемъ видѣ съ переводомъ на русскій языкъ:

Ἀχολουθία, ψαλλομένη τῇ χυριαχῇ τῶν ἁγίων πατέρων πρὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως, ἤτ(ο)ι τῆς χαμίνου διάταξις.

Μετὰ τὸ τέλος τοῦ ὄρθρου, τῆς χαμίνου εὐτρεπισθείσης, χαὶ τῶν παίδων ὁμοίως, οἱ ψάλται περὶ τὴν χάμινον ψάλλουσιν ἰδιόμελον τὸ Πνευματιχῶς ἡμᾶς, πιστοί. Τούτου δὲ ψαλλομένου, εἰσέρχονται οἱ παῖδες ἐντὸς τῆς χαμίνου χαὶ προσχυνοῦσι χατὰ ἀνατολὰς τρίς. Καὶ τοῦ ἰδιομέλου πληρωθέντος, ἄρχεται ὁ δομέστιχος ἀντίφωνον εἰς ἦχον πλ. δ΄.

Послѣдованіе, совершаемое въ недѣлю святыхъ отецъ предъ Рождествомъ Христовымъ, т. е. *чинъ пещи*.

По окончаніи утрени, когда пещь будетъ готова, а равно и отроки, пѣвцы около пещи поютъ самогласенъ: «Духовно насъ, вѣрніи», по исполненіи котораго входятъ отроки въ пещь и поклоняются на востокъ трижды. Окончивши самогласенъ, доместикъ начинаетъ антифонъ на гласъ 8 съ стихомъ его: «Благословенъ

митрополитъ многолѣтствуетъ царя, по окончаніи утрени, по приходѣ своемъ изъ собора въ крестовую палату.

μετὰ τοῦ στίχου, τοῦ Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν, καὶ αἰνετὸν καὶ δεδοξασμένον τὸ ὄνομά σου εἰς τοὺς αἰῶνας. Κυροῦ Ξένου Κορώνη, πλ. δ'. Τῶν[1]) πατέρων ἡμῶν, ὑπερύμνητε, ὑπερένδοξε Κύριε, ὁ Θεὸς τῶν πατέρων καὶ ἡμῶν, εὐλογητὸς εἶ, Κύριε. Καὶ οἱ παῖδες τὸ αὐτό. Εἶτα τὸν στίχον, πλ. δ'. Καὶ ἐπὶ τὴν πόλιν τὴν ἁγίαν τὴν τῶν πατέρων ἡμῶν Ἱερουσαλήμ. Καὶ διεχεῖτο ἡ φλὸξ ἐπάνω τῆς καμίνου ἐπὶ πήχεις τεσσαράκοντα ἐννέα. Ἕτερον ἄλλαγμα παλαιόν· Τῶν πατέρων ἡμῶν εὐλογητὸς εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Εἶτα ἠχίζει ὁ δομέστικος ἤχημα πλ. δ'. στίχος· Καὶ διώδευσε καὶ ἐνεπύρισεν, οὓς εὗρε περὶ τὴν κάμινον τῶν χαλδαίων. Ὁμοίως καὶ ὁ β'. χορός. Εἶτα πάλιν τοὺς στίχους. Εἰς δὲ τὰ τέλη τῶν ἠχημάτων ψάλλεται τοῦτο ἀπὸ χορῶν πλ. δ'. Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Εἶτα λέγει ᾀσματικὸν ἐκ τῶν ᾠδῶν, καὶ εὐθὺς πάλιν τοὺς στίχους μετὰ τῶν ἀντιφώνων. Ὅτε δὲ φθάσει(η) οὗτος ὁ στίχος, καταβιβάζουσι τὸν ἄγγελον· Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Αζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. Τοῦ Κορώνη, πλ. δ'. Σὺ εὐλογητὸς εἶ, Κύριε τῶν ἁγίων σου, ὑπερύμνητε, ὑπερένδοξε Κύριε ὁ Θεὸς

еси, Господи, Боже отецъ нашихъ, хвально и препрославлено имя Твое во вѣки». Господина Ксена Корони 8 гласъ: «Отецъ нашихъ, препѣтый и превозносимый Господи, Боже отецъ нашихъ, благословенъ еси, Господи». Отроки (повторяютъ) тоже самое. Потомъ стихъ 8 гласъ: «И на градъ святый отецъ нашихъ Іерусалимъ. И разливашеся пламень надъ пещію на лактій четыредесять девять». Другое *древнее* изложеніе: «Отецъ нашихъ благословенъ еси, Господи, спаси насъ». Потомъ даетъ тонъ доместикъ на гласъ 8, стихъ: «И обыде и позже, ихже обрѣте окрестъ пещи халдейскія». Одинаковымъ образомъ поетъ и второй хоръ. Потомъ снова стихи. По окончаніи нотнаго (пѣнія) поется это же хорами гласъ 8: «Благословенъ еси, Господи, спаси насъ», потомъ произносится пѣсненное изъ пѣсенъ (канона) и тотчасъ снова стихи съ антифонами. Ангела спускаютъ, когда дойдутъ до слѣдующаго стиха: «Ангелъ же Господень, сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь». Господина Корони: «Ты, благословенъ еси, Господи святыхъ твоихъ, препѣтый, превозносимый Господи Боже отецъ нашихъ, благословенъ еси, Господи,

1) Подчеркнутыя слова положены въ чинѣ на ноты, а по этому естественно въ своемъ расположеніи въ стихахъ они иногда не сходятся съ подобными стихами въ Библіи.

τῶν πατέρων ἡμῶν, εὐλογητὸς εἶ, Κύριε, σῶσον ἡμᾶς. Ἕτερος Μανουὴλ Λαμπαδαρίου τοῦ Χρυσάφη, ψαλλόμενος ἕνα παρ' ἕνα· Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. πλ. δ'. Εὐλογητὸς εἶ, ὁ Θεός, ὁ δι' ἀγγέλου τοὺς παῖδας ἐκ φλογὸς διασώσας, καὶ τὴν βροντῶσαν κάμινον μεταβαλὼν εἰς δρόσον. Εὐλογητὸς εἶ, Κύριε ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν. Στίχος, πλ. δ'. Καὶ ἐξετίναξε τὴν φλόγα τοῦ πυρὸς ἐκ τῆς καμίνου, ὡς πνεῦμα δρόσου διασυρίζον. Τῶν ἁγίων. Ἕτερος στίχος, πλ. δ'. Τότε οἱ τρεῖς, ὡς ἐξ ἑνὸς στόματος, ὕμνουν, ἐβόουν(ων) καὶ ἐδόξαζον τὸν Θεὸν ἐν τῇ καμίνῳ, λέγοντες· πλ. δ'. Εὐλογητὸς εἶ, ὁ Θεός. Ψάλλονται οὖν καὶ οἱ λοιποὶ στίχοι εἰς αὐτὸ τὸ μέλος, καὶ μετὰ τὸ τέλος αὐτῶν, εὐθὺς ἠχίζει πάλιν ὁ δομέστικος, εἶτα λέγει ἀσματικόν [1]). Καὶ εὐθὺς ἄρχεται ἡ η'. ᾠδή. Στίχος, πλ. δ'. Εὐλογεῖτε πάντα τὰ ἔργα Κυρίου τὸν Κύριον. πλ. δ'. Τὸν Κύριον ὑμνεῖτε· καὶ Ὑμνεῖτε τὸν

спаси насъ». Другой стихъ Мануила Лампадарія Хрисафы, который поется одинъ за другимъ: «Ангелъ же Господень сниде купно съ сущими со Азаріею въ пещь». 8 (гласъ) «Благословенъ еси, Боже, иже чрезъ ангела избавилъ еси отроки изъ пламени и шумящую пещь преложивъ въ росу. Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ». Стихъ гласъ 8: «И отрясе пламень огненный отъ пещи, яко духъ росы шумящъ. Святыхъ твоихъ». Другой стихъ гласъ 8: «Тогда тіи тріе, яко едиными усты пояху, благословляху и славляху Бога въ пещи глаголюще: «Благословенъ еси, Боже». Итакъ, поются прочіе стихи на ту же мелодію, и, по окончаніи ихъ, тотчасъ снова доместикъ даетъ тонъ, потомъ произноситъ пѣсненное. Тотчасъ начинается 8 пѣснь. Стихъ гласъ 8: «Благословите вся дѣла Господня Господа». 8 гласъ: «Господа пойте и пойте Господа дѣла, пойте, благословите и превозносите Его во вѣки». *Леге.* «Вся

1) Въ этой же самой Иверской рукописи № 1120 въ концѣ чина находимъ слѣдующую прибавку писца рукописи: Μετὰ τὸ τέλος τῆς ζ' ᾠδῆς, ψάλλεται τοῦτο ἀντὶ ἀσματικοῦ κὺρ Μανουὴλ τοῦ Γαζῆ, συνετέθη δὲ καὶ ἐγράφη καὶ παρ' ἐμοῦ, ὡς ὁρᾷς, ἦχος πλ. δ'. Ὁ δὲ ἄγγελος, ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου, ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν εἰς τὴν κάμινον. Πάλιν. Ὁ δὲ ἄγγελος Κυρίου, συγκατέβη ἅμα τοῖς περὶ τὸν Ἀζαρίαν, εἰς τὴν κάμινον, καὶ ἐξετίναξε τὴν φλόγα τοῦ πυρὸς ἐκ τῆς καμίνου, καὶ ἐποίησε τὸ μέσον τῆς καμίνου, ὡς πνεῦμα δρόσου διασυρίζον, καὶ οὐχ ἥψατο αὐτῶν τὸ καθόλου τὸ πῦρ. Πάλιν πλ. α'. Οὐδὲ ἐλύπησεν, οὐδὲ παρηνόχλησεν. Τότε οἱ τρεῖς, ὡς ἐξ ἑνὸς στόματος, ὕμνουν καὶ εὐλόγουν καὶ ἐδόξαζον τὸν Θεὸν ἐν τῇ καμίνῳ λέγοντες. Ἀπὸ χορῶν, πλ. δ. Εὐλογεῖτε.

Κύριον τὰ ἔργα· ὑμνεῖτε, εὐλογεῖτε καὶ ὑπερυψοῦτε αὐτὸν εἰς τοὺς αἰῶνας. Λέγε [1]). Πάντα τὰ ἔργα, τὸν Κύριον τὰ ἔργα ὑμνεῖτε, εὐλογεῖτε, καὶ ὑπερυψοῦτε αὐτὸν εἰς τοὺς αἰῶνας. Εὐλογεῖτε. Τούτου δὲ ψαλλομένου χορεύουσιν οἱ παῖδες ἐντὸς τῆς καμίνου, ἐκτείνουσι τὰς χεῖρας καὶ τὰ ὄμματα ἄνω. Ὅτε δὲ φθάσει(η) τὸ μέσον τῆς ᾠδῆς, εὐθὺς πάλιν ἠχίζει ὁ δομέστιχος, εἶτα ὁ ἕτερος χορὸς ἤχημα, καὶ μετὰ ταῦτα λέγει ᾀσματικόν, εἶτα ψάλλεται τὸ ἐπίλοιπον τῆς ᾠδῆς, καὶ μετὰ τὸ τέλος τῆς ᾠδῆς, εὐθύς, τὸ Ὑμνοῦμεν, εὐλογοῦμεν, προσκυνοῦμεν... Σοὶ τῷ παντουργῷ.... Φλόγα, δροσίζουσαν ὁσίους.... Εὐλογεῖτε παῖδες.... Νικηταὶ τυράννου. Εἶτα ἄρχεται ἡ λειτουργία.

дѣла, Господа дѣла пойте, благословите и превозносите Его во вѣки. Благословите». Во время пѣнія этого (стиха), отроки ходятъ кругомъ внутри пещи, протягиваютъ руки и (поднимаютъ) глаза вверхъ. Когда пропоетъ до половины пѣсни, доместикъ тотчасъ снова тонируетъ, и по семъ другой хоръ поетъ нотно и потомъ произноситъ пѣсненное, затѣмъ допѣваетъ остальную часть пѣсни и, по концѣ ея, тотчасъ: «Хвалимъ, благословимъ, поклоняемся».... «Тебѣ вседѣтелю».... «Пламенемъ орошающимъ преподобныхъ».... Благословите отроцы».... «Побѣдители мучителя».... Потомъ начинается литургія.

Приведенный нами чинъ самого обряда пещнаго дѣйствія, совершавшійся въ церкви Софійской Константинопольской и вообще на православномъ греческомъ востокѣ, хотя и носитъ сразу двоякое наименованіе: «Ἀκολουθία» и «Διάταξις τῆς καμίνου», съ которыми въ византійскихъ памятникахъ литургической письменности соединялись вполнѣ опредѣленныя и далеко не одинаковыя понятія [2]), тѣмъ не менѣе, даже и при поверхностномъ его обозрѣніи, нельзя не замѣтить, что оба эти наименованія явились здѣсь случайно. Въ «Διάταξις'ѣ τῆς καμίνου» рѣзко бросается въ глаза полное отсутствіе, или, вѣрнѣе, умол-

1) Слова: Λέγε и Πάλιν въ данной рукописи написаны киноварью и положены на ноты. Эти слова называются *вставочными*, но ихъ присутствіе въ стихирахъ и стихахъ не было дѣломъ случайнымъ, а вызывалось практическими соображеніями нотописцевъ. Д. Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи, в. I, стр. 109.

2) Ἀκολουθία называлось подробное и послѣдовательное изложеніе службы или чина, со всѣми обрядами, священническими и діаконскими возгласами и съ полнымъ текстомъ молитвъ, входящихъ въ составъ его, а διάταξις'омъ или просто τάξις'омъ — краткое уставное изложеніе тѣхъ же службъ или чиновъ, часто даже безъ указанія молитвъ.

чаніе о духовенствѣ и въ частности объ архіереѣ или даже патріархѣ, котораго видѣлъ, при совершеніи настоящаго обряда во св. Софіи Константинопольской, нашъ паломникъ XIV в., инокъ Игнатій Смольняниновъ [1]). По Иверской рукописи, главными участниками обряда являются доместикъ, два хора и отроки; ни о духовенствѣ, ни о халдеяхъ, присутствіе которыхъ вызывается въ чинѣ настоятельною потребностію, нѣтъ и помина. Собственно говоря, даже и отроки, по этому чину, исполняютъ свою роль большею частію молча, простирая лишь руки, возводя очи горѣ и дѣлая круговыя хожденія внутри пещи. Все это не согласуется съ библейскимъ разсказомъ у пророка Даніила объ изображаемомъ событіи, но все это станетъ вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что рукопись, по которой мы издаемъ греческій чинъ пещнаго дѣйства, не есть обыкновенная богослужебная книга, отдѣльное изложеніе чина, а рукопись нотная, назначенная главнымъ образомъ для употребленія пѣвцами праваго и лѣваго хоровъ и доместикомъ, принимавшими, при совершеніи настоящаго обряда, живое и видное участіе. Всѣ уставныя замѣчанія, заимствованныя изъ подробнаго διάταξις'а или ἀκολουθία, къ сожалѣнію, и доселѣ еще намъ неизвѣстнаго [2]), являются здѣсь случайно и суть ни болѣе ни менѣе, какъ указатели того,—когда, въ какое время, или послѣ чего долженъ пѣть тотъ или иной стихъ доместикъ, или правый и лѣвый хоры. Разсматривая данный чинъ пещнаго дѣйствія съ этой точки зрѣнія, мы прежде всего констатируемъ тотъ весьма любопытный фактъ, что настоящій чинъ принадлежитъ къ тому роду пѣсненныхъ послѣдованій или чиновъ (ᾀσματικὴ ἀκολουθία) [3]), которые въ древности пользовались широкимъ употребленіемъ [4]) въ церкви св. Софіи Константинопольской,

1) Правосл. Палест. сборн. Спб. 1887 г. т. IV, в. III, стр. 12.

2) Не безъинтересно сообщить нашимъ читателямъ слѣдующій любопытный фактъ. Отыскавъ вышеприведенный греческій чинъ пещнаго дѣйствія въ Иверской рукописи № 1120, мы, послѣ того, пересмотрѣли нѣсколько нотныхъ рукописей той же библіотеки, *всѣ* нотныя рукописи богатой аѳонской Ватопедской библіотеки (около 500 ркп.), русскаго Пантелеимоновскаго монастыря и библіотеки Аѳинскаго національнаго Университета, куда собраны рукописи Ѳессалійскихъ метеорскихъ монастырей, и *не въ одной изъ нихъ не нашли чина пещнаго дѣйствія* хотя бы то и въ томъ же самомъ изложеніи, въ какомъ даетъ его намъ Иверская рукопись № 1120. Между этими рукописями попалось намъ нѣсколько экземпляровъ даже съ тѣмъ самымъ надписаніемъ: «Παπαδικὴ τέχνη».

3) Подробное изслѣдованіе всѣхъ службъ этого рода принадлежитъ покойному профессору Москов. дух. Академіи И. Д. Мансветову: «О пѣсненномъ послѣдованіи, его древнѣйшая основа и общій строй), напечатанное въ Прибавл. Твор. Св. Отецъ за 1880 г. кн. III—IV.

4) Въ нотныхъ византійскихъ рукописяхъ мы имѣемъ: «Ἑσπερινὸς ᾀσματικός,

продолжали существовать въ XIV столѣтіи въ церквахъ каѳедральныхъ православнаго востока, какъ свидѣтельствуетъ о томъ литургистъ Симеонъ Солунскій[1]), и въ видѣ обломковъ сохраняются въ нашемъ современномъ богослуженіи—въ чинахъ утрени въ великую субботу, на воздвиженіе, въ недѣлю крестопоклонную и въ чинѣ вечерни въ недѣлю пятидесятницы. Это съ одной стороны. Съ другой, имѣя въ виду указанное обстоятельство, мы должны быть весьма осторожны въ сужденіи по вопросу о происхожденіи особенностей нашего чина пещнаго дѣйствія, при сопоставленіи особенностей этого чина съ чиномъ, извѣстнымъ намъ по Иверской рукописи, чтобы въ выводахъ своихъ и заключеніяхъ быть по возможности близкими къ истинѣ.

Сравнивая теперь оба чина пещнаго дѣйства—славяно-русскій и греческій, мы находимъ много общаго между ними. По обоимъ чинамъ, для обряда устроется особымъ образомъ пещь, куда заключаются на нѣкоторое время три юноши или отрока, которые, послѣ спуска къ нимъ сверху ангела, сдѣланнаго изъ кожи и живописно расписаннаго, ходили трижды кругомъ внутри пещи, при пѣніи особыхъ стиховъ пѣвцами и доместикомъ. Ангелъ этотъ въ извѣстное время поднимался кверху, при чемъ отроки простирали къ нему руки и поднимали глаза. Весь обрядъ состоялъ изъ пѣнія седьмой и восьмой пѣсенъ канона, со стихами, выбранными большею частію изъ книги пророка Даніила, примѣнительно къ воспоминаемому событію. Въ нѣкоторыхъ стихахъ полное тожество между обоими чинами. Стихи исполнялись антифонно или, какъ говорится въ нашемъ чинѣ, «по статіямъ» пѣвцами праваго и лѣваго хоровъ, съ предварительнымъ возглашеніемъ положеннаго для пѣнія доместикомъ, котораго у насъ замѣнялъ протодіаконъ.

Но, при указанномъ сходствѣ обоихъ чиновъ, несомнѣнно существуютъ и разности между ними. Первая крупная особенность греческаго чина отъ нашего заключается въ томъ, что обрядъ пещнаго дѣйства не входитъ органически въ послѣдованіе утрени, но совершается отдѣльно, самостоятельно отъ нея (μετὰ τὸ τέλος τοῦ ὄρθρου). Это-то выдѣленіе обряда пещнаго дѣйства изъ чинопослѣдованія утрени, по греческому чину, его, такъ сказать, самостоятельность и

ὅς ψάλλεται κατὰ τὴν ἑσπέραν τῆς Ὑψώσεως καὶ τοῦ μεγάλου Χρυσοστόμου καὶ τοῦ μεγάλου Δημητρίου» (Ркп. Ватоп. библ. № 297 (931) и «Ἀσματικὸς ἑσπερινός, ψαλλόμενος εἰς μάρτυρας, εἰς ἀποστόλους, εἰς ἱεράρχας καὶ εἰς ὁσίους» (ркп. Иверск. библ. № 1120). Были изложенія вечерни и на воскресные и другіе дни.

1) Migne Patrol. Curs. Complet., t. 150, col. 628.

были главною побудительною причиною, почему особенности этого обряда, по нашимъ чинамъ, мы рѣшились разсматривать не въ общемъ обозрѣніи особенностей суточныхъ службъ, совершавшихся въ недѣлю св. праотецъ, и въ частности, при обозрѣніи особенностей утренняго богослуженія этого дня, а въ концѣ всѣхъ службъ и обрядовъ, которые имѣли мѣсто въ данномъ случаѣ. Греческій чинъ пещнаго дѣйства, далѣе, своими стихами ближе стоитъ къ библейскому разсказу о воспоминаемомъ событіи, описанномъ въ III главѣ книги пророка Даніила. Наконецъ, существенную особенность греческаго чина отъ нашего составляютъ тѣ діалоги халдеевъ, которыми переполненъ нашъ рукописный XVII в. чинъ и существованіе которыхъ, по видимому, не допускаетъ никоимъ образомъ греческій чинъ, совершенно умалчивающій о халдеяхъ. Дѣйствительно, «безъискуственность» этихъ разговоровъ, исполненныхъ «простоты и наивности», съ примѣсью словъ изъ «народнаго языка и именно новгородскаго говора», какъ говорятъ одни изслѣдователи [1]), и ихъ даже «до нѣкоторой степени вульгарность по выраженіямъ», какъ утверждаютъ другіе [2]), заставляютъ насъ думать, что діалоги эти русскаго происхожденія позднѣйшаго времени [3]). Въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ мнѣніе о. протоіерея К. Т. Никольскаго. «Весьма вѣроятно, говоритъ онъ, разговоры вошли изъ тѣхъ (правильнѣе выразиться: *подъ вліяніемъ* тѣхъ) религіозныхъ представленій, которыя совершались въ XVI и XVII вѣкахъ въ духовныхъ школахъ» [4]). Другими словами говоря, это значитъ, что не здѣсь, въ этихъ разговорахъ халдеевъ нужно искать «зародышей сначала мистерій и религіозныхъ діалоговъ, а потомъ и драмы въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово нынѣ» [5]), а что сами эти діалоги явились въ чинѣ пещнаго дѣйства въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія подъ вліяніемъ тѣхъ мистерій, которыя въ это время проникли къ намъ черезъ Польшу и польскую литературу и въ XVII столѣтіи особенно пользовались широкимъ гостепріимствомъ у нашихъ ученыхъ, хорошо знакомыхъ съ польскимъ языкомъ и письменностію, и въ нашихъ шко-

---

1) Русск. Филолог. вѣстн. Варшав. 1890 т. XXIII, стр. 52—53.

2) Тамъ же 1891 г. т. XXVI. стр. 119.

3) Въ спискѣ чина XVI в., какъ мы замѣтили выше, многихъ діалоговъ мы не видимъ.

4) О службахъ русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ богосл. печатныхъ книгахъ, стр. 177.

5) Русск. Филол. вѣстн. т. XXIII, стр. 54; П. Пекарскій, Введ. въ исторію просвѣщ. въ Россіи XVIII ст. Спб. 1862 г. стр. 390.

лахъ. За происхожденіе этихъ разговоровъ именно въ XVII вѣкѣ у насъ говоритъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что въ нихъ замѣтно проглядываетъ страсть къ виршеплетству, господствующая въ это время среди нашихъ ученыхъ. Здѣсь мы находимъ, напр., нѣсколько риѳмованныхъ стиховъ:

Сія пещь будетъ не намъ на мученіе,
Но вамъ на обличеніе.
А мы вкинемъ ихъ въ пещь .
И начнемъ ихъ жечь.

Еще болѣе простую и безъискусственную форму виршей представляютъ разговоры съ «подваиваніемъ той же рѣчи»:

Это дѣти царевы?
Царевы.
Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?
Не слушаютъ.
А златому тѣлу не поклоняются?
Не поклоняются.

При сопоставленіи обоихъ чиновъ пещнаго дѣйства—греческаго и нашего славяно-русскаго, мы не должны опускать изъ вниманія и того обстоятельства, что оба разсматриваемые нами чина, по своему происхожденію, принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Несомнѣнно наибольшею древностію своего происхожденія отличается нашъ славяно-русскій чинъ, по всѣмъ извѣстнымъ намъ спискамъ, не исключая и печатнаго, который представляетъ лишь небольшое видоизмѣненіе и упрощеніе рукописнаго. За древность его говорятъ строгое систематическое изложеніе его особенностей, неразрывная генетическая связь съ кругомъ суточныхъ службъ древняго устава великой константинопольской церкви, многочисленные грецизмы, оставленные безъ перевода (какъ то: келевсате, кѣпанты, кѣнадикъ, доры, Іосей пѣснь и др.) и, наконецъ, прямое указаніе на иной чинъ пещнаго дѣйства болѣе древній, въ греческомъ чинѣ «Ἕτερον ἄλλαγμα παλαιόν», замѣчено въ этомъ чинѣ. Слѣдовательно, настоящее извѣстное намъ нынѣ изложеніе чина *новое* (νέον) и отличное отъ древняго. Понятно, такимъ образомъ, почему въ разсматриваемыхъ нами чинахъ мы находимъ довольно крупныя особенности. Различныя времена и разныя причины давали естественныя основанія для нихъ.

Теперь на очередь становятся сами собою любопытные вопросы: когда вошелъ въ нашу богослужебную практику чинъ пещнаго дѣйства и когда онъ вышелъ изъ употребленія, а равно какія были причины того и другаго явленія?

Доселѣ въ нашей литературѣ[1]), на основаніи расходныхъ книгъ новгородскаго архіерейскаго дома, въ которыхъ самое раннее указаніе на халдеевъ встрѣчается лишь подъ 1548 годомъ, этотъ послѣдній годъ считался, какъ выражается проф. Красносельцевъ, «границею документальной извѣстности «пещнаго дѣйствія»[2]), но въ настоящее время, благодаря находкѣ древнѣйшаго списка чина пещнаго дѣйства, въ которомъ неоднократно многолѣтствуется «царь и великій князь Василей Ивановичъ (1505—1533), всея Русіи самодержецъ», профессоръ Красносельцевъ отодвигаетъ эту границу «къ еще болѣе раннему времени», т. е. «къ самому началу XVI вѣка»[3]). Намъ, однако, думается, что время появленія у насъ въ богослужебной практикѣ чина пещнаго дѣйства можно отодвинуть и къ еще болѣе древней эпохѣ существованія русскаго государства и русской церкви. Мы, напр., не сомнѣваемся, что въ XIV в. у насъ на Руси хорошо былъ извѣстенъ русскимъ людямъ чинъ пещнаго дѣйства. Только въ такомъ предположеніи и можно объяснить себѣ, почему нашъ паломникъ, инокъ Игнатій Смольняниновъ, бывшій въ Константинополѣ (съ 1389—1405 г.) вмѣстѣ съ нашимъ митрополитомъ Пименомъ († 1390) и смоленскимъ епископомъ Михаиломъ и присутствовавшій во св. Софіи, при совершеніи обряда пещнаго дѣйства, ограничился въ своемъ хожденіи самымъ краткимъ упоминаніемъ о немъ. «Въ недѣлю предъ Рожествомъ Христовымъ, говоритъ Игнатій Смольняниновъ, *видѣхъ въ святой Софіи, како рядятъ пещь святыхъ 3-ю отрокъ. И служившу патріарху святую литургію честно во всемъ сану святительскомъ*»[4]). Если бы этотъ обрядъ для самого автора хожденія, весьма любознательнаго и внимательно изучавшаго особенности богослуженія византійской церкви (припомнимъ его обстоятельное описаніе «царьского вѣнчанія» византійскаго императора Мануила), былъ неожиданною новостію, то быть не можетъ, чтобы онъ не удѣлилъ ему больше мѣста въ своемъ

1) К. Никольскій, О службахъ русской церкви, стр. 174; Извѣст. Импер. Археол. Общ. 1861 г. т. III, стр. 36.

2) Русск. Филологич. Вѣстн. т. XXVI, стр. 119.

3) Тамъ же стр. 120.

4) Православн. Палест. Сборн. т. IV, в. III, стр. 11—12.

хожденіи, чѣмъ въ настоящее время. Это во первыхъ. Во вторыхъ, при такой краткости, инокъ Игнатій рисковалъ быть не понятымъ своими русскими читателями, для которыхъ онъ писалъ свое хожденіе, если бы эти читатели не были хорошо освѣдомлены на счетъ того, «како рядятъ пещь святыхъ 3-ю отроковъ» въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ. Такимъ образомъ, эта краткость въ описаніи даннаго обряда является у Игнатія Смольнянинова вполнѣ естественною и умѣстною, такъ какъ онъ говоритъ объ обычаѣ *хорошо извѣстномъ*, какъ ему самому, такъ и его читателямъ, русскимъ людямъ. Въ этой краткости мы находимъ молчаливое свидѣтельство и того для насъ любопытнаго факта, что въ данное время чинъ пещнаго дѣйства, совершавшійся въ Византіи, ничѣмъ, слѣдовательно, существеннымъ не разнился отъ чина, практиковавшагося у насъ на Руси, — иначе, особенности его были бы отмѣчены любопытнымъ наблюдателемъ. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ словахъ самого Смольнянинова, который замѣтилъ, что въ этотъ день служилъ патріархъ литургію «во всемъ сану святительскомъ». И такъ, когда же появился въ нашей богослужебной практикѣ чинъ пещнаго дѣйствія?

Проф. Московской духовной Академіи Е. Е. Голубинскій въ своей «Исторіи русской церкви» (періодъ первый кіевскій или домонгольскій), коснувшись времени перехода къ намъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, вышедшихъ нынѣ изъ употребленія, и между прочимъ обряда пещнаго дѣйствія, въ виду отсутствія «положительныхъ свѣдѣній», двукратно [1]) отказался дать какой бы то ни было отвѣтъ по занимающему насъ вопросу, но потомъ въ своихъ «дополненіяхъ и поправкахъ» сдѣлалъ весьма любопытное замѣчаніе: «Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 г. 2 изд. стр. 228 называется воевода одного князя Иванъ *Халдѣевичъ*. *Этимъ дается до нѣкоторой степени знать, что тогда* (т. е. въ XII в.) *былъ уже у насъ въ обычаѣ обрядъ пещнаго дѣйствія*» [2]). Правда, основанія для послѣдней мысли весьма шаткія, такъ какъ слово *Халдей*, отъ котораго происходитъ фамилія воеводы, упоминаемаго въ Ипатьевской лѣтописи, могло быть извѣстно русскимъ людямъ не изъ обряда пещнаго дѣйствія, а скорѣе всего и естественнѣе изъ книги пророка Даніила (глав. III, ст. 8, 48) и изъ нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ пѣсней [3]), которыя

1) Т. I, полов. II, М. 1881 г., стр. 327, 328.
2) Тамъ же стр. 781.
3) Вотъ, напр., какъ поется 8 пѣснь канона 2 гласа: «Пещь иногда огненная въ

часто слышались русскими людьми въ храмѣ, но для насъ важно приведенное замѣчаніе ученаго профессора въ томъ отношеніи, что имъ «дается до нѣкоторой степени знать» намъ, что ему не чужда была мысль о существованіи въ нашей богослужебной практикѣ XII вѣка «обряда пещнаго дѣйствія». Мысль эта заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго сочувствія и вниманія къ себѣ, но нуждается въ болѣе серьозной мотивировкѣ. При отсутствіи у насъ подъ руками какихъ бы то ни было «положительныхъ данныхъ» по занимающему насъ вопросу, намъ пока приходится ограничиться болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями.

Обрядъ пещнаго дѣйствія явился къ намъ на Русь изъ Византіи съ принятіемъ христіанства и вмѣстѣ съ Типикономъ или уставомъ великой церкви, который регулировалъ наше богослуженіе самостоятельно, какъ мы замѣтили выше, около восьмидесяти лѣтъ и потомъ, когда былъ введенъ въ практику нашу монастырскій уставъ, долго боролся съ послѣднимъ, нерѣдко подчиняя его своему вліянію. Слѣды этой борьбы мы видѣли въ XIV и XV вѣкахъ, но слабые ея признаки можно находить въ каноническихъ памятникахъ XVI вѣка и даже еще позже. Такъ было велико и сильно у насъ вліяніе Типикона великой константинопольской церкви. Подробный анализъ всѣхъ особенностей въ кругѣ суточныхъ службъ недѣли праотецъ, связанныхъ съ обрядомъ пещнаго дѣйства, сдѣланный нами выше, вновь открытый нами «διάταξις τῆς χαμίνου» Иверской рукописи, свидѣтельства объ этомъ обрядѣ Симеона Солунскаго и нашего инока Игнатія Смольнянинова, не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ византійскомъ происхожденіи чина пещнаго дѣйства и въ томъ, что онъ явился къ намъ подъ вліяніемъ устава св. Софіи Константинопольской.

Не лишне при этомъ отмѣтить весьма любопытное заключительное замѣчаніе въ чинѣ пещнаго дѣйства, открытомъ профессоромъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ. «А на празникъ Рожества Христова, говорится здѣсь, провожаютъ митрополита *по тому ж чину* отроцы и халдѣи и подяки кь вечерни и от вечерьни, кь заутрени и от заутрени, *и дѣйствують вся опрочи пещново дѣйства*, (а на обѣдни такожде, якож и на пещное дѣйство)[1]). А за столомъ стоятъ пред митрополитом отроки и халдѣи, якож и на пещное дѣйство, и тако совершаетца празникъ». Изъ

Вавилонѣ дѣйства раздѣляше, Божіимъ велѣніемъ *халдеи опаляющая*, вѣрныя же орошающая, поющая: благословите вся дѣла Господня Господа».

1) Заключенныя въ скобки слова въ рукописи зачеркнуты.

этого замѣчанія мы видимъ, что особенные обряды, входящіе въ чины суточныхъ службъ недѣли праотецъ, не составляли исключительнаго достоянія практики этого дня и вызывались существованіемъ обряда пещнаго дѣйства, а проникали и въ суточныя службы другихъ дней и, въ частности, ближайшаго къ недѣли праотецъ праздника Рождества Христова. Такое явленіе объяснимо лишь въ томъ предположеніи, что уставъ великой церкви имѣлъ у насъ большое значеніе, его обряды хорошо были извѣстны въ нашей богослужебной практикѣ и не производили никакого смущенія въ средѣ русскихъ богомольцевъ даже и въ то время, когда завѣдомо господствовалъ въ богослужебной практикѣ русской церкви иной уставъ.

Но говоря о византійскомъ происхожденіи нашего чина пещнаго дѣйства и о появленіи его у насъ съ принятіемъ русскими христіанства, мы не должны забывать, что для нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ (напр. проф. Голубинскаго) «древность» обряда пещнаго дѣйствія у Грековъ въ Византіи представляетъ еще вопросъ открытый. «Есть ли она (эта церковная драма) у Грековъ древняя и собственная, задается вопросомъ этотъ ученый профессоръ, или позднѣйшая, придуманная по образцу латинянъ (въ то время, какъ послѣдніе господствовали въ Константинополѣ), *это пока составляетъ для насъ вопросъ*»[1]). Мы съ своей стороны нисколько не сомнѣваемся въ чисто греческомъ происхожденіи даннаго обряда и, если не въ глубокой древности, то во всякомъ случаѣ гораздо ранѣе, чѣмъ начались столкновенія съ латинянами и ихъ непосредственное вліяніе на богослужебную практику византійской церкви. Въ единственномъ пока и при томъ краткомъ спискѣ устава великой церкви константинопольской X вѣка, извѣстномъ намъ по рукописи Патмосской библіотеки № 266, о занимающемъ насъ обрядѣ хотя и не говорится прямо, но существованіе его въ практикѣ великой церкви въ эту пору, на основаніи данной рукописи, можно доказывать, по нашему мнѣнію, съ полною вѣроятностію. Вотъ что мы читаемъ въ этой рукописи о недѣлѣ предъ Рождествомъ Христовымъ: «Κυριακῇ πρὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως μνήμη τῶν ἁγίων πατέρων ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, καὶ τῶν γ′ παίδων Ἀνανία, Ἀζαρία καὶ Μισαήλ, καὶ Δανιὴλ τοῦ προφήτου»[2]). Чѣмъ объяснить появленіе этой памяти трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и

1) Истор. русск. Церкви т. I, полов. II, стр. 328.
2) Τυπικ. рукоп. Патмосск. библ. № 266 л. 58.

Мисаила и пророка Даніила въ службѣ недѣли св. отецъ[1]) предъ Рождествомъ Христовымъ, въ другихъ мѣсяцесловахъ[2]) въ данномъ мѣстѣ не указываемой, особенно если мы примемъ во вниманіе, что въ той же рукописи самостоятельно стоитъ ихъ память подъ 17 числомъ того же мѣсяца: Ἄθλησις τῶν ἁγίων τριῶν παίδων Ἀνανία, Ἀζαρία, Μισαὴλ καὶ Δανιὴλ τοῦ προφήτου καὶ τῶν ἁγίων Πατερμουθίου κ. τ. λ.? [3]). Такое двукратное повтореніе одной и той же памяти на пространствѣ всего нѣсколькихъ дней нельзя считать случайнымъ; оно вызывалось потребностями самой практики великой церкви. Въ 17 день декабря мѣсяца память трехъ отроковъ праздновалась обычнымъ повседневнымъ богослуженіемъ, но въ недѣлю св. отецъ она почтена была въ Софійской богослужебной практикѣ не только торжественнымъ великопраздничнымъ богослуженіемъ, но и особымъ обрядомъ возженія пещи,—совершался ли онъ во время утрени на канонѣ, или послѣ утрени, какъ наглядное воспроизведеніе самого акта мученія (ἄθλησις) этихъ отроковъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, Типиконъ великой церкви X вѣка положительно знаетъ объ обрядѣ пещнаго дѣйствія, но не отмѣчаетъ и не заноситъ его на свои страницы по тѣмъ же самымъ причинамъ (въ силу своей краткости), по какимъ въ немъ нѣтъ указаній на чины, несомнѣнно практиковавшіеся въ это время въ великой церкви, какъ, напр., на чинъ новолѣтія въ 1 сентября, чинъ вечерни въ Пятидесятницу и др. Съ переводомъ на славянорусскій языкъ устава великой церкви, о чемъ мы говорили выше, въ русской церкви появился одновременно въ переводѣ и чинъ пещнаго дѣйствія, какъ его неотъемлемая принадлежность.

Большою распространенностію и извѣстностію чина пещнаго дѣйствія среди русскаго народа на самыхъ первыхъ порахъ его христіанской жизни мы объясняемъ и то вниманіе съ его стороны къ иконѣ трехъ отроковъ, какое находимъ въ вопросахъ Кирика къ епископу новгородскому Нифонту. «А еже пишють на 3-хъ отроцѣхъ на главахъ и на инѣхъ пророчѣхъ»? вопрошалъ Кирикъ и получилъ отъ епископа слѣдующій отвѣтъ: «А то, рече, *за клобукъ мѣста:* тако бо ходили

1) Связь памяти трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской *съ недѣлею праотецъ* можно находить и въ Синайскихъ Канонаряхъ IX—X в. Здѣсь подъ 17 декабря читаемъ слѣдующее: Τῶν ἁγίων γ' παίδων Ἀνανία, Ἀζαρία καὶ Μισαήλ, καὶ τοῦ προφήτου Δανιὴλ καὶ τῶν ἁγίων προπατόρων. Труд. Кіев. духовн. Акад. 1874 кн. V, стр. 214.

2) Арх. Сергія. Полный мѣсяц. востока. М. 1876 г., т. II, стр. 330.

3) Τυπιх. рукоп. Патмосск. библ. № 266 л. 55.

Ефешане (?)» [1]). Былъ бы не понятенъ интересъ Кирика къ данной иконѣ и именно къ неважной, по видимому, особенности головнаго убора на изображаемыхъ на ней трехъ отрокахъ, если бы съ рѣшеніемъ поставленнаго вопроса не связывался въ богослужебной практикѣ вопросъ о формѣ тѣхъ «вѣнцовъ» или «шапокъ», которые надѣвали отроки, при совершеніи чина пещнаго дѣйства въ недѣлю св. отецъ. Интересъ въ данномъ случаѣ понятный и естественный.

Чинъ пещнаго дѣйствія несомнѣнно совершался въ Новгородѣ, Вологдѣ и Москвѣ. На основаніи хожденія въ Царьградъ инока Игнатія Смольнянинова можно думать, что онъ было хорошо извѣстенъ въ Смоленскѣ. Если вѣрить извѣстному собирателю народныхъ сказаній и памятниковъ народной письменности И. П. Сахарову, то деревянная печь [2]), которая могла имѣть практическое значеніе лишь при совершеніи тамъ чина пещнаго дѣйствія, хранилась во Владимірѣ на Клязьмѣ въ старомъ архіерейскомъ домѣ, близъ Успенскаго собора [3]). Но можно полагать, что предѣлы, въ которыхъ имѣлъ практическое значеніе чинъ пещнаго дѣйствія, были въ древнее время гораздо шире; они совпадали съ раіономъ, въ которомъ богослуженіемъ регулировалъ уставъ великой церкви. За послѣднее говоритъ отчасти и печатный чинъ даннаго обряда, на основаніи котораго Н. Новиковъ къ изданному имъ «чину пещнаго дѣйствія» сдѣлалъ такое примѣчаніе: «дѣйствіе сіе отправляемо было *въ архіерейскихъ престольныхъ городахъ*, а паче въ Москвѣ и Новгородѣ» [4]).

На востокѣ «чинъ пещнаго дѣйства» сохранялъ свою силу и практическое значеніе и во второй половинѣ XV вѣка. За это говоритъ намъ Иверская рукопись 1457 года № 1120, изъ которой мы заимствовали вышеприведенный «διάταξις τῆς καμίνου». Въ этой рукописи вслѣдъ за упомянутымъ διάταξις'омъ положены на ноты «ᾀσματικά» для пѣсней третьей, шестой, восьмой и девятой слѣдующихъ лицъ: Андромеа, киръ Мануила и Іоанна Кукузеля. Эти «ᾀσματικά», судя по ихъ связи съ чиномъ пещнаго дѣйствія, когда-то пѣлись во время

1) Русск. Истор. библ. т. VI, 33.

2) Въ связи съ этимъ фактомъ тотъ же И. Сахаровъ сообщаетъ «народное преданіе» о томъ, что владимірцы пріѣхали когда-то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы володимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ, вы, плотняки! У васъ и всего-де: *деревянныя печи*, золотыя ворота, желѣзныя церкви». Сказ. русск. народ., собранныя И. Сахаровымъ. СПБ. 1841 кн. 1, стр. 108.

3) Сказ. русскаго народа кн. I, стр. 108.

4) Древн. россійск. вивліоѳ. СПБ. 1774 г., ч. V, стр. 1, прим.

его совершенія. Въ числѣ ихъ мы видимъ «ἕτερον (т. е. ᾀσματικόν), ποιηθὲν μετὰ τὴν ἅλωσιν Κωνσταντινουπόλεως Μανουὴλ Λαμπαδαρίου Χρυσάφη», т. е. извѣстный 88 псаломъ: «Боже пріидоша языцы въ достояніе твое»[1]). Если писались новыя нотныя изложенія псалмовъ и пѣсней для чина пещнаго дѣйствія, то естественно думать, что въ томъ была нужда, что самый чинъ находился еще въ практическомъ употребленіи. Но едвали не въ концѣ этого XV столѣтія чинъ пещнаго дѣйствія и покончилъ здѣсь свое существованіе, такъ какъ и самый уставъ великой церкви, начавшій постепенно уступать свое мѣсто съ XIII в. уставу іерусалимскому, къ данному времени утратилъ практическое значеніе и былъ вытѣсненъ окончательно. Въ XVI столѣтіи на православномъ востокѣ повсюду дѣйствуетъ въ практикѣ іерусалимскій уставъ, въ 1545 г. попавшій даже и на печатный станокъ. Весьма стѣненныя обстоятельства, въ которыхъ находилась великая константинопольская церковь и весь православный востокъ, по завоеваніи Константинополя Турками, въ значительной степени содѣйствовали быстрому вытѣсненію изъ богослужебной практики того и другого.

Въ нашей богослужебной практикѣ чинъ пещнаго дѣйствія продержался черезъ весь XVI вѣкъ и вплоть почти *до конца первой половины XVII столѣтія*. Въ Новгородѣ онъ прекратилъ свое существованіе ранѣе 1639 года, а въ Вологдѣ совершался до 1643 года[2]), послѣ котораго о немъ совершенно молчатъ обстоятельныя записи приходо-расходныхъ книгъ Вологодскаго архіерейскаго дома. Прямыхъ запретительныхъ указовъ или распоряженій со стороны духовной власти относительно настоящаго чина намъ неизвѣстно. Чинъ этотъ, какъ намъ кажется, вышелъ изъ употребленія естественнымъ путемъ. Не практиковался онъ въ данное время на востокѣ, гдѣ, какъ мы сказали, уставъ великой церкви, причина его появленія въ нашей богослужебной практикѣ, уступилъ свое мѣсто іерусалимскому уставу, прочно утвердившемуся и въ нашемъ богослуженіи. Обычаи и особенности суточнаго богослуженія, связаннаго съ обрядомъ пещнаго дѣйствія, стояли въ разладѣ съ общеизвѣстною практикою господствующаго іерусалимскаго устава и могли у многихъ «совопросниковъ» XVII в. уже возбуждать недоумѣнія. Нароставшій въ обрядѣ драматическій элементъ, какъ

---

1) Рукоп. Иверск. библ. № 1120, л. 456 об., 457.
2) К. Никольскій, О службахъ русск. церкви стр. 174.

произведеніе русскаго творчества, полный «наивности и до нѣкоторой степени вульгарности въ выраженіяхъ», не свойственныхъ рѣчи церковной, библейской, могъ служить достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы духовная власть обратила серьезное вниманіе на данный чинъ. И дѣйствительно, сначала въ этихъ видахъ она издала въ свѣтъ печатный чинъ, значительно сокративъ его противъ рукописныхъ подлинниковъ, въ обрядахъ приблизивъ его къ «обычному» утвердившемуся іерусалимскому уставу и изгнавъ изъ него вульгарные и наивные разговоры халдеевъ, а потомъ окончательно отмѣнила его совершеніе въ нашей практикѣ. Духовная власть, очевидно, опасалась, чтобы данный обрядъ, полный глубокаго смысла и религіозно-воспитательнаго значенія, не превратился для русскихъ людей даннаго времени, подъ воздѣйствіемъ указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ простое, выражаясь старымъ терминомъ, «позорище», мѣсто которому не въ церковномъ амвонѣ предъ алтаремъ, а на театральныхъ подмосткахъ.

А. Дмитріевскій.

Кіевъ. 1894 г. 14 января.

ΠΕΡΙ ΤΙΝΟΣ ΣΥΓΓΡΑΦΗΣ

ΑΡΚΑΔΙΟΥ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΚΥΠΡΟΥ,

μνημονευθείσης ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς ἑβδόμης οἰκουμενικῆς συνόδου.

Πολλοὶ τῶν πατέρων τῆς ἐν Νικαίᾳ συνελθούσης οἰκουμενικῆς συνόδου (ἔτει 787-ῳ), ἵνα τὸ περὶ τῶν εἰκόνων δόγμα τῶν ὀρθοδόξων ἀρχαιότατον ἀποδείξωσιν, ἅμα δὲ καὶ σωτηριῶδες ἐξ ἠθικῆς καὶ θρησκευτικῆς ἐπόψεως, παρέστησαν ἐκεῖ μετὰ πολυαρίθμων παλαιῶν βιβλίων, ἃ τὰ πρακτικὰ τῆς συνόδου καταριθμοῦσι, ἀναγράφοντα καὶ τεμάχη τῶν βιβλίων ἐκείνων αὐτολεξεί· ἐξ ὧν αὐτόδηλον, ὅτι τῆς συνόδου προηγήθησαν εἰδικαὶ περὶ τοῦ δόγματος ἔρευναι ἱστορικαί τε καὶ ἀρχαιολογικαὶ τῶν κληρικῶν ἐν ταῖς τότε βιβλιοθήκαις. Τῶν βιβλίων τούτων πολλὰ μὲν ἐξ ἀντιγράφων ἄχρις ἡμῶν ἐσώθησαν, ἕτερα δέ τινα ματαίως ἔτι ζητοῦνται, οἷον ὁ τοῦ ἁγίου Συμεὼν τοῦ Θαυμαστοορείτου βίος, ὃν εἷς τῶν ἐν τῇ συνόδῳ πατέρων, τῆς τετάρτης συνεδρίας ἀκμαζούσης, «Ἰωσὴφ ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος μονῆς τῆς Ἡρακλείας», ἐπέδειξεν, εἰπών· «Κἀγὼ ὁ ἁμαρτωλὸς βίβλον ἐπιφέρομαι περιέχουσαν τὸν βίον τοῦ ἁγίου Συμεὼν τοῦ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει, καὶ ὡς κελεύετε. Ἡ ἁγία σύνοδος εἶπεν ἀναγνωσθήτω· καὶ λαβὼν Κοσμᾶς ὁ θεοφιλέστατος διάκονος κουβουκλήσιος ἀνέγνω ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει κεφάλαιον ριή, (ὃ πραγματεύεται) περὶ τῆς γυναικὸς τῆς ἐν Ῥωσοπόλει ἀτέκνου οὔσης καὶ βιαίῳ κατεχομένης δαίμονι· ἥτις ἰαθεῖσα καὶ παιδοποιήσασα εἰκόνα τοῦ δικαίου (Συμεὼν) ἀνέθετο ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς, ἥτις μεγάλως ἐθαυματούργει». Ἕπεται δὲ τούτοις αὐτὸ τὸ κείμενον τοῦ κεφαλαίου· μεθ' ὃ κεφάλαιον ἕτερον ἀνεγνώσθη τῆς αὐτῆς βίβλου[1], ὃ πρὸ

1) **Mansi**, Concil. nova et ampl. collectio, τ. XIII, σ. 74—78.

τῆς συνόδου κατεχώρισεν Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς ἐν τῷ τρίτῳ αὐτου λόγου περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων, ὀνομάσας καὶ τὸν συγγραφέα τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Συμεών[1]· ἦν δὲ οὗτος ὁ μαθητὴς αὐτοῦ τοῦ Συμεών, Ἀρκάδιος ὁ γενόμενος ἀρχιεπίσκοπος τῆς νήσου Κύπρου, ἐπὶ τῶν αὐτοκρατόρων Ἡρακλείου καὶ Φωκᾶ· ὅστις, ἔξω τοῦ βίου ἐκείνου, συνέγραψε λόγον ἐγκωμιαστικὸν εἰς τὸν μεγαλομάρτυρα Γεώργιον, καὶ πάλιν ὑπόμνημα περὶ τοῦ βίου καὶ τῶν ἀγώνων Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου, οἵτινές εἰσιν ἀνέκδοτοι τύποις[2].

Μέχρι τοῦ νῦν ἐγινώσκετο βίος μακρὸς τοῦ ἁγίου Συμεῶνος τοῦ Θαυμαστοορείτου, διῃρημένος εἰς κεφάλαια διακόσια καὶ πεντήκοντα· τούτου μέντοι τοῦ βίου συγγραφεύς ἐστι Νικηφόρος μάγιστρος Ἀντιοχείας ὁ Οὐρανός, μεταξὺ τῆς δεκάτης καὶ τῆς ἑνδεκάτης ἀκμάσας ἑκατονταετηρίδος, ὃν Θεσσαλονίκης ὄντα διοικητὴν ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ὁ Βουλγαροκτόνος ἄρχοντα τῆς Ἀντιοχείας ὀνομάσας ἐξέπεμψεν εἰς τὴν Συρίαν ἔτει 1001-ῳ, ἵν' ἀποκρούσῃ τὰς ἐκεῖ φυλῶν τινων ἀραβικῶν ἐπιδρομάς, αἵτινες καὶ τὴν Ἀντιόχειαν αὐτὴν ἔβλαπτον[3]. Τὸν ὑπὸ τούτου γοῦν συγγραφέντα βίον τοῦ ἁγίου Συμεὼν ἐξέδωκε τύποις Janninghius ὁ Ἰησουΐτης, προσθέμενος αὐτῷ σημειώματα, λατινικήν τε μετάφρασιν καὶ προλεγόμενα πολυμαθείας καὶ κρίσεως ἔμπλεα[4]· ἐν οἷς λέγει τὰ πρέποντα καὶ περὶ τῶν δύο γνωστῶν ἤδη λειψάνων τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς, εἰκάσας ἐξ αὐτῶν ὀρθῶς ὅτι ἡ τοῦ Οὐρανοῦ συγγραφὴ προῆλθεν ἀμέσως ἐκ τῆς ἀφανισθείσης, ὡς ἐνόμιζε, βίβλου τοῦ Ἀρκαδίου[5]· ἣν ἠφανισμένην ὡσαύτως ὠνόμασε καὶ Θεόφιλος ὁ Harles[6], οὐδενὸς ἐρευνητοῦ τῶν ἑλληνικῶν χειρογράφων ἐν τῷ μεταξὺ τὴν συγγραφὴν ἐκείνην εὑρίσκεσθαί που φανερώσαντος. Τύχῃ μέντοι ἀγαθῇ ταύτην ἐγὼ πρὸ ἐνιαυτῶν ἓξ ἀνεῦρον ἔν τινι κώδικι μετενεχθέντι ἐκ τῆς λαύρας τοῦ ἁγίου Σάβα εἰς τὴν ἐν Ἱερουσαλὴμ κεντρικὴν βιβλιοθήκην τοῦ πατριαρχείου τῶν ὀρθοδόξων. Οὗτος μὲν οὖν ὁ κῶδιξ ἐγράφη περὶ τὸ μέσον τῆς ἑνδεκάτης ἑκατονταετηρίδος· ἦν δὲ μέχρι τῆς τετάρτης καὶ τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος ἐν αὐτῷ τῷ μοναστηρίῳ τοῦ ἁγίου Συμεών, τῷ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει. Περιέχει τοίνυν ὁ κῶδιξ ὅλος ἀποκλειστικῶς ἐκτενῆ συγγραφήν, ἧς ἡ ἐπιγραφή· «Βίος καὶ πολιτεία

---

1) **Migne**, Patrol. Graec. τ. 94, σ. 1393—1396.

2) **Montfaucon**, Bibliotheca Coisliniana, σ. 211 καὶ 422. **Α. Π.-Κεραμέως**, Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη, τ. 1, σ. 90 καὶ 100. **Fabric.-Harles**, Bibl. Graeca, τ. XI, σ. 578.

3) **Κεδρηνοῦ** σύνοψις ἱστοριῶν, ἐκδ. Βόννης τ. II, σ. 454.

4) **Acta Sanctorum**, τ. V τοῦ Μαΐου μηνός, σ. 300—397.

5) Αὐτόθι σ. 307—309.

6) **Fabric.**, Bibl. Graeca, τ. XI, σ. 578.

τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει»[1], οὗτινος ὁ συγγραφεὺς ἀνώνυμος ὢν ἐν τῷ κώδικι προέταξε τὸ προοίμιον τοῦτο. «Εὐλογητὸς ὁ Θεός, ὁ πάντας ἀνθρώπους θέλων σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν, ὁ καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς γενεὰν πολυτρόπως ἀσθενοῦσαν φιλανθρώπως ἐπισκεψάμενος καὶ ἰατρὸν ἄριστον ψυχικῶν τε καὶ σωματικῶν παθῶν αὐτῇ δωρησάμενος, Συμεὼν τὸν πανάγιον, τὸν ἐν τῷ λεγομένῳ Θαυμαστῷ ὄρει τὴν ἀσκητικὴν ἐπὶ κίονος[2] παλαίστραν ἀγωνισάμενον· οὗ τὸν βίον καὶ τὰ θαύματα, ὑπὲρ ἀριθμὸν ὄντα ψάμμου θαλάσσης, τίς ἂν δυνήσηται διηγήσασθαι, ἢ ὅλως ἐπὶ μνήμης φέρειν; χρόνος γὰρ τὰ πολλὰ καλύψας λήθην τούτων ἐποίησεν, οὐδενὸς ἐπὶ τοσοῦτον φιλοπονήσαντος ἢ τοσαύτην δειξαμένου[3] σπουδὴν γραφῇ παραδοῦναι πᾶσαν αὐτοῦ τὴν ἀγγελικὴν ἐπὶ γῆς πολιτείαν. Ὅσα τοίνυν παρὰ τῶν προηγησαμένων ἡμᾶς παραλαβόντες ἰσχύσαμεν διατηρῆσαι καὶ ἡμεῖς ἐθεασάμεθα, αὐτόπται τούτων γενέσθαι καταξιωθέντες, ἀναγκαῖον ἡγησάμεθα γράψαι νῦν καὶ τοῖς φιλοθέοις ὑμῖν ἐξαγγεῖλαι πρὸς δόξαν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ κυρίου ἡμῶν, τοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, τοῦ ἐκ μήτρας αὐτῆς ἁγιάσαντος καὶ ἐκλεξαμένου τὸν ὅσιον αὐτοῦ δοῦλον, εἰς ὠφέλειαν ὑμῶν τῶν πιστῶς ἐντυγχανόντων, οἷς πάντως ἡ πίστις εἰς δικαιοσύνην λογισθήσεται, κατὰ τὸ γεγραμμένον[4]. Ἄνωθεν οὖν καὶ ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ Θεοῦ δυναμούμενοι τὴν διήγησιν ποιησώμεθα, μνημονεύοντες πρότερον τῶν αὐτοῦ θεοφιλῶν γονέων καὶ διεξιόντες ὅπως οὗτοι τὸν πανάγιον τοῦτον εὐδοκίᾳ Θεοῦ προαγαγεῖν εἰς φῶς κατηξιώθησαν, εἶτα ἑξῆς τῶν[5] καθ' ἕκαστον εἰς ἡμᾶς ἐλθόντων περὶ αὐτοῦ σαφῶς παριστῶντες [τὴν ἀκρίβειαν][6]. Ταύτην δὲ τὴν θεοφιλῆ πρόθεσίν τε καὶ σπουδὴν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν ἀναδεξάμενοι καὶ Χριστὸν τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ πρὸς βοήθειαν ἐπικαλεσάμενοι, τὸν εἰπόντα "ἐγώ εἰμι ἡ ἀλήθεια"[7], λέξεως μὲν πρὸς κάλλος ἡρμοσμένης[8] εἰκότως καταφρονοῦμεν, περὶ ἧς οὐκ ἔστιν ἡμῖν σκοπὸς παντελῶς, ἀληθείας δὲ φροντίδα τιθέμεθα τῆς πάντα νικώσης[9]· τὰ γὰρ τῆς ἀληθείας ῥήματα ἡδύτατα τυγχάνουσιν, ἐπειδή περ χάριτός εἰσι πεπληρωμένα· οὐδὲ γὰρ δέονται ῥητόρων ἐντέχνου ἐπικοσμήσεως, ἢ γλώττης δυναμένης τὰ μεγάλα μικρὰ ποιεῖν καὶ τοῖς μι-

1) Ὅρα τὴν περιγραφὴν τοῦ κώδικος ἐν τῇ Ἱεροσολ. Βιβλιοθήκῃ, τ. II, σ. 193—195.
2) Κῶδιξ: κίωνος.
3) Κῶδιξ: δειξάμενον.
4) Γενέσεως κεφ. ιε', στίχ. 6.
5) Κῶδ: τοῦ.
6) Εἰκαστικῶς ἐγὼ τοῦτο προσέθηκα.
7) Ἰωάννου κεφ. ιδ', στίχ. 6.
8) Κῶδ: εἱρμοσμένης.
9) Κῶδ: νικώσις.

κροῖς περιτιθέναι μέγεθος· "ἁπλοῦς γὰρ ὁ τῆς ἀληθείας λόγος" φησίν[1]. Αὐτὸν οὖν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν ἀληθινὸν ἡμῶν Θεὸν καὶ τὴν παρ' αὐτοῦ δεδωρημένην τοῖς εἰς αὐτὸν ἐλπίζουσι χάριν, καθὼς ἔφημεν, ἐπικαλεσάμενοι ἁπλούστερόν πως καὶ μετὰ τῆς αὐτοαληθείας—αὐτὸς γάρ ἐστιν ἡ ἀλήθεια—τὴν περὶ τῆς προκειμένης ὑποθέσεως ἀφήγησιν ποιησόμεθα, ὥστε τοὺς φιλοχρίστους ὑμᾶς πιστῶς ἀκροωμένους ἐπὶ πλεῖον τὴν ἑαυτῶν ἐλπίδα θέσθαι εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν ἀληθινὸν Θεόν, τὸν ὄντως μεγάλως εὐδοκοῦντα ἐπὶ τοὺς ἐλπίζοντας ἐπ' αὐτόν, πάντα δὲ πλουσίως ἡμῖν παρέχοντα ὑπερεκπερισσοῦ ὧν αἰτούμεθα ἢ νοοῦμεν».

Τῷ προλόγῳ τούτῳ κεφάλαια συναρμόζονται κατηριθμημένα, ὧν τὸ ἔσχατον ἀριθμεῖται διακοσιοστὸν καὶ πεντηκοστὸν καὶ ἔνατον· τοῦτο δὲ καὶ τὸ πρὸ τούτου κεφάλαιον ἀποτελεῖ τὸν ἐπίλογον τῆς συγγραφῆς, οὕτως ἔχοντα· «Ἡ τοίνυν ἀρχὴ τῆς στάσεως αὐτοῦ (τοῦ Συμεῶνος) τῆς ἁγίας γέγονεν ἐπὶ βάσεως πλησίον τοῦ ἀββᾶ Ἰωάννου, καὶ ἔστη ἐν αὐτῇ ἔτη ἕξ· ἔπειτα ἔστησαν στῦλον ποδῶν τεσσαράκοντα καὶ ἔστη ἐν αὐτῷ ἔτη ὀκτώ, καὶ μετὰ τοῦτο ἔστη ἐν τῷ ἁγίῳ Θαυμαστῷ ὄρει, ἐν βασιδίῳ ἀπὸ ξηρολίθων, ἔτη δέκα· ὕστερον δὲ ᾠκοδομήθη ὁ μέγας στῦλος, ἐν ᾧ ἀνῆλθεν ἐκ θείας ἀποκαλύψεως καὶ ἔστη ἐν αὐτῷ ἔτη τεσσαράκοντα πέντε· ἦν δὲ χρόνων ἕξ, ἡνίκα ἔστη τὴν ἀρχὴν ἐν τῇ βάσει, πλησίον τοῦ ἀββᾶ Ἰωάννου, ὡς εἶναι πάντα τὸν χρόνον τῆς ζωῆς τοῦ ἁγίου ἐν σαρκὶ ἔτη ἑβδομήκοντα πέντε· ὃς μεταστὰς πρὸς τὸν Κύριον καὶ μετὰ θάνατον ζῶν ὥσπερ ἀέναος πηγὴ βρύει τὰ ἰάματα διὰ τοῦ τιμίου αὐτοῦ λειψάνου, παρέχων τοῖς πιστῶς αἰτοῦσιν ἀφθόνως τὰ αἰτήματα. Τῆς οὖν ἐνδόξου καὶ ἀξιομνημονεύτου τοῦ ἁγίου μνήμης πιστῶς προτρέχοντες, καὶ τῆς θείας ταύτης καὶ ἐπωφελοῦς ἀναγνώσεως ἀκροαταὶ γινόμενοι, δόξαν ἀναπέμπωμεν τῷ Κυρίῳ τῆς δόξης, τῷ τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα δωρουμένῳ τοῖς ἐλπίζουσιν εἰς αὐτόν, δυσωποῦντες τὴν αὐτοῦ ἀγαθότητα ῥυσθῆναι ἡμᾶς τῶν ποικίλων μηχανημάτων καὶ πάσης θλίψεως ὀργῆς τε καὶ ἀνάγκης, καὶ ἀξίους γενέσθαι τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ἰδεῖν τε ἐν τῇ φρικτῇ παραστάσει τὸν ἅγιον τοῦτον πατέρα ἡμῶν δυσωποῦντα ὑπὲρ τῆς συγχωρήσεως τῶν ἁμαρτιῶν ἡμῶν, ἵνα ταῖς ἁγίαις εὐχαῖς αὐτοῦ καὶ πρεσβείαις συγκαταριθμηθῶμεν τοῖς εὐαρεστήσασι τῷ Κυρίῳ τῆς δόξης, Ἰησοῦ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος σὺν τῷ εὐλογουμένῳ αὐτοῦ πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ καὶ ἀγαθῷ καὶ ζωοποιῷ πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς ἀτελευτήτους καὶ ἀπεράντους αἰῶνας τῶν αἰώνων».

---

1) Εὐριπίδου Φοινισ. στίχ. 469. Αἰσχύλου ἀπόσπ. 176 Nauck ἐκδ. 2-ας.

Οὗτος οὖν ὁ βίος (ὃν ἔγραψεν ἀνὴρ αὐτόπτης πολλῶν θαυμάτων τοῦ ἁγίου Συμεῶνος, παραλαβὼν ἅμα καὶ θαύματα παλαιότερα τῆς αὐτοῦ μαθητείας, ἅπερ οἱ τῆς μονῆς τοῦ Συμεῶνος ἔγραφον ὑπομνηματογράφοι), περιέχει τὰ παρὰ τῆς ἑβδόμης οἰκουμενικῆς συνόδου δεχθέντα κεφάλαια κατὰ λέξιν· προσεκτικὴ δὲ τούτου συμπαραβολὴ πρὸς τὴν ὁμογενῆ συγγραφὴν Νικηφόρου τοῦ Οὐρανοῦ, ῥήτορος ὡς εἴρηται σφόδρα μεταγενέστερον ἀκμάσαντος τοῦ Ἀρκαδίου, καταδείκνυσιν ὅτι πραγματικῶς ὁ Οὐρανὸς οὐδὲν ἕτερον ἐποίησεν, ἢ μεταφράσαι ῥητορικῶς τὴν ἐπ' αὐτοῦ λεκτικῶς πεπαλαιωμένην συγγραφὴν τοῦ Ἀρκαδίου, ἵνα τοῦ Συμεῶνος ὁ βίος ἡδέως ἀναγινώσκηται παρὰ τῶν εὐπαιδεύτων τῆς δεκάτης ἑκατονταετηρίδος· σημειωτέον δέ, ὅτι κατὰ τὴν ἐποχὴν ταύτην ὁμοίας ἀναριθμήτους μεταφράσεις ἁγιολογικῶν ὑπομνημάτων ἐποίησεν ὁ μάγιστρος Συμεὼν ὁ μεταφράστης. Τὸ κείμενον ὅμως τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς, τῆς οὕτω παραγκωνισθείσης ὑπὸ τοῦ χρόνου καὶ καθάπερ εἰκὸς εἰς λήθην περιελθούσης, ἐσώθη μέχρις ἡμῶν ἀκέραιον διὰ πολλῶν ἀντιγράφων, ὡς φαίνεται, ὧν δύο τῆς Εὐρώπης ἔχουσι βιβλιοθῆκαι· ἄγνωστος δὲ τοῖς ἱστορικοῖς ἔμενεν ἄχρι τοῦδε διὰ τὴν ἀνωνυμίαν τοῦ συγγραφέως αὐτῆς ἐν τοῖς ἀντιγράφοις. Καὶ ἐν μὲν τῇ Βαβαρικῇ τοῦ Μονάχου βιβλιοθήκῃ περιέχεται τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς ἀντίγραφον, γενόμενον κατὰ τὴν ἑνδεκάτην ἑκατονταετηρίδα, ὅπερ ἐπιγράφεται οὕτω· «Βίος, ἤγουν ἄσκησις καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει»[1]. Ἕτερον δὲ ἀντίγραφον τῆς κατόπιν ἑκατονταετηρίδος ἐν Βαροκκικῷ περιέχεται κώδικι, τὴν ἐπιγραφὴν ἔχον ταύτην· «Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἄσκησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Συμεὼν τοῦ θαυματουργοῦ, τοῦ ἐν τῷ Θαυμαστῷ ὄρει, ὁ διὰ πλάτους»[2]. Τὴν αὐτὴν δ' ἀκριβῶς ἐπιγραφὴν εὗρον καὶ ἐν ἑτέρῳ ἀντιγράφῳ, ὃ πρὸ πολλῶν εἶδον ἐνιαυτῶν ἐν Λέσβῳ, μὴ πολυπραγμονήσας περὶ τὴν ὕλην αὐτοῦ τοῦ βίου[3]. Τέσσαρα τοίνυν ἀντίγραφα γινώσκω μέχρι τοῦδε τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς, ἀνώνυμα πάντα· πάντως ὅμως ὑπάρχουσι, τούτων ἔξω, καὶ ἕτερα ἐν ἑτέραις εὐρωπαϊκαῖς ἢ ἀνατολικαῖς βιβλιοθήκαις, ὧν ἀγνοῶ τοὺς καταλόγους.

Ἵνα δὲ τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς ἡ ἀνεύρεσις γένηται δήλη τρανῶς, παρατίθεμαι νῦν ἐνταῦθα τὸ πρῶτον τῶν ὑπὸ τῆς συνόδου μνημονευθέντων κεφαλαίων, αὐτὸ τὸ παρ' αὐτῆς ὠνομασμένον ἑκατοστὸν καὶ δέκατον ὄγδοον, ὡς τοῦτο παραδίδωσι τὸ ἐν Ἱεροσολύμοις ἀπόγραφον, τὸ γραφέν, ὡς εἴρηται, ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ Συμεῶνος τοῦ Θαυμαστοορείτου καὶ κεφαλαίου φέρον ἀριθμὸν ὡσαύτως ἐν αὐτῷ, ὃν καὶ ἡ σύνοδος ἐδήλωσε· πα-

1) Ign. Hardt, Catal. codd. Mss. graec. bibl. reg. Bavaricae, τ. IV, σ. 83.
2) H. O. Coxe, Catalogi codd. Mss. bibl. Bodleianae, τ. I, σ. 412.
3) Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη, τ. I, σ. 53.

ρατίθεμαι δὲ τοῦτο μετά τινων ὑποσημειώσεων, δηλουσῶν τὴν διαφορότητα λέξεών τινων πρὸς τὸ συνοδικὸν ἀπόγραφον ἀντιβληθεισῶν. Ἔχει τοίνυν τὸ κεφάλαιον ἐν τῷ κώδικι ὧδε:

«ριή. Γυνή τις ἦν ἐν Ῥωσοπόλει τῆς Κιλικίας, Θεοτέκνα λεγομένη· οἰκήσασα[1] μετὰ ἀνδρὸς ἔτη εἴκοσι τέκνον οὐκ ἔσχε· συνέβη δὲ αὐτῇ καὶ[2] ὑπὸ δαίμονος ἐκ παιδόθεν[3] καταρρήγνυσθαι, μασσωμένῃ[4] τὴν γλῶτταν. Ὁ δὲ ἀνὴρ αὐτῆς μηκέτι δυνάμενος ὑπενεγκεῖν τῆς θλίψεως αὐτῆς τὴν περίστασιν ἀπέλυσεν αὐτὴν τοῦ οἴκου αὐτοῦ, μὴ ὁμιλήσας ἑτέρᾳ γυναικὶ ἐπὶ χρόνους τέσσαρας. Εὑραμένη οὖν ἐκείνη συνοδίαν κατέφυγε πρὸς τὸν δίκαιον[5]. Ὡς δὲ εἶδεν αὐτὸν ὁ δαίμων, εὐθέως ἔβρυχε καὶ ἐβασανίζετο ἔμπροσθεν αὐτοῦ, θεωρῶν σὺν τῇ γυναικὶ τὴν πνευματικὴν αὐτοῦ εἰκόνα λέγουσαν ἀνθρωπίνῃ[6] φωνῇ· «Ἰδοὺ χωρίζω[7] σε ἀπ' αὐτῆς, πονηρὸν καὶ ἀκάθαρτον πνεῦμα, καὶ ἐπιστρέψεις[8] πρὸς τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ γενηθήσεται αὐτοῖς ἐν τῷ ἐπιόντι ἐνιαυτῷ[9] παιδίον». Καὶ ἠλάλαξε τὸ δαιμόνιον ἀγρίως ταρασσόμενον· «Ὦ βίας[10] κατὰ σοῦ· οὐκ ἔστι σὸν ἀνδρολυσίας ποιεῖν· διὰ τί δὲ καὶ τέκνον αὐτοῖς δίδως, ἀπ' ἐμοῦ τέκνον μὴ ποιησάσης αὐτῆς; τί κακὸν ἐποίησά σοι; τί δὲ καὶ ἥμαρτον ἐνώπιόν σου, ὅτι χωρίζεις με ἐκ τῆς γυναικός μου; εἰ δοῦλόν με ἠγόρασας, εἶχες τάχα καὶ εἰς δουλείαν με ἐκδοῦναι ἀνθρώποις»; Ἔφη δὲ Συμεών, ὅτι «Κακὸς ὑπάρχεις δοῦλος. Ἐπίγνωθι οὖν[11] σεαυτόν, παγκάκιστε, καὶ ἀπότρεχε ἐν φλογὶ πυρὸς καιόμενος, καὶ κόμισον ὕδωρ καὶ σύλλεξον ξύλα». Καὶ παραχρῆμα ὥσπερ ἄνεμος δρομαῖος κλαίων[12] σφόδρα ὁ δαίμων, ἀράμενος ἐν τῇ γυναικὶ τὸ κεράμιον τοῦ ὕδατος, ἠλαύνετο[13], καὶ πλήσας αὐτό, συλλέξας δὲ καὶ ἐκ τῆς ὕλης ξύλα, ἤνεγκεν ἀλαλάζων καὶ λέγων· «Οὐαί μοι[14] τῷ κακῷ δούλῳ καὶ ἐφευρετῇ τῶν κακῶν· τί πέπονθα; τῆς γὰρ γυναικός μου χωρίζει με ὁ ἅγιος Συμεών, καὶ τί ποιήσω ὁ δύστηνος[15] οὐκ οἶδα». Ταῦτα δὲ αὐτοῦ λέγοντος ἐνώπιον τοῦ

1) Συν: ἥτις οἰκήσασα.
2) Συν: αὐτὴν ὑπό.
3) Συν: παιδός.
4) Κῶδ: καταρρίγνυσθαι μασσομένην.
5) Κῶδ: δήκαιον.
6) Κῶδ. ἀνθρωπήνη.
7) Συν: φωνῇ· χωρίσω.
8) Κῶδ. ἐπιστρέψει.
9) Συν: γενήσεται αὐτῇ ἐν τῷ ἐνιαυτῷ τῷ ἐπιόντι.
10) Κῶδ: ὦ βία.
11) Τὸ οὖν ἐλλείπει τῷ συνοδικῷ ἀντιγράφῳ.
12) Συν: καίων.
13) Συν: ἐλαύνετο.
14) Συν: οὐαί μοι, οὐαί μοι.
15) Συν: δύστ. ἐγὼ || κῶδ: δύστινος.

συνελθόντος ὄχλου[1], μετὰ τὸ πληρῶσαι αὐτὸν τὴν προσταχθεῖσαν ὑπηρεσίαν ἀνέκραγε μέγα λέγων «ἐξέρχομαι»[2]. Βλέπων οὖν[3] κατ' αὐτοῦ φερομένην ἀστραπὴν πυρὸς ἔτρεχεν ἐν τῇ γυναικὶ κύκλῳ τῆς στάσεως αὐτοῦ, μεγάλως καὶ ἐποδύνως βασανιζόμενος, καὶ οὕτως[4] ἐξῆλθε παραχρῆμα καὶ ἡ γυνὴ γέγονεν ἐν καταστάσει, καὶ ἀπέλυσεν αὐτὴν Συμεὼν ὑγιῆ, εἰρηκὼς πρὸς αὐτήν· «Ἄπελθε, γύναι, ἐν τῷ οἴκῳ σου καὶ συνοίκει τῷ ἀνδρί σου· ἰδοὺ γὰρ κατεύθυνεν ὁ Θεὸς τὴν καρδίαν αὐτοῦ τοῦ δέξασθαί σε μεγάλως»[5]. Γέγονε δὲ οὕτως, καὶ ὑποστρεψάσης αὐτῆς εὐθέως ἠγαθύνθη[6] ἡ καρδία τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς τοῦ ἀγαπῆσαι αὐτήν, καὶ προσῆλθεν αὐτῇ καὶ παραχρῆμα συνείληφεν ἐν γαστρί· καὶ πληρωθέντος τοῦ ἐνιαυτοῦ ἤγαγον πρὸς τὸν δοῦλον τοῦ Θεοῦ τὸ παιδίον, αἰνοῦντες καὶ δοξάζοντες τὸν Θεόν. Μετὰ δὲ τὸ πληρῶσαι αὐτοὺς τὴν εὐχὴν αὐτῶν καὶ ἐπαναλῦσαι εἰς τὰ ἴδια, ἀνέστησεν ἡ γυνὴ πίστει φερομένη τὴν εἰκόνα τοῦ ἁγίου ἐν τῷ ἐνδοτέρῳ αὐτῆς οἴκῳ καὶ ἐθαυματούργει, ἐπισκιάζοντος αὐτῇ τοῦ ἐνοικοῦντος αὐτῷ πνεύματος ἁγίου· καὶ γὰρ καὶ δαιμονιῶντες[7] ἐκαθαρίζοντο[8] ἐκεῖσε, καὶ ἐκ ποικίλων παθῶν ἀσθενοῦντες ἐθεραπεύοντο, ἐν οἷς καὶ μία γυνὴ αἱμορροοῦσα ἀπαύστως ἐπὶ δεκαπέντε ἔτη[9], προσελθοῦσα ἐν πίστει παρεγένετο ἰδεῖν[10] τὴν εἰκόνα καὶ παραχρῆμα ἔστη ἡ ῥύσις· εἶπεν γὰρ ἐν ἑαυτῇ, ὅτι «Ἐὰν μόνον θεάσωμαι τὴν ὁμοίωσιν αὐτοῦ, σωθήσομαι». Ἰδοῦσα δὲ ὅτι ἐξηράνθη ἡ πηγὴ τοῦ αἵματος αὐτῆς ἔδραμεν εὐθέως πρὸς τὸν ἄνθρωπον τοῦ Θεοῦ, προσκυνοῦσα ἐνώπιον αὐτοῦ, ὑμνοῦσά τε καὶ δοξάζουσα τὸν Θεὸν καὶ ἀπαγγέλλουσα τὸ γεγονὸς εἰς αὐτὴν παράδοξον θαῦμα»[11].

Τοῦτο μὲν οὖν τὸ κεφάλαιον αὐτολεξεὶ περιέχουσι τὰ πρακτικὰ τῆς ἑβδόμης οἰκουμενικῆς συνόδου· ὅθεν ἀποδείκνυται, ὅτι πραγματικῶς ἡ συγγραφὴ τοῦ Ἀρκαδίου σῴζεται πλήρης ἐν ἀντιγράφοις ἀνωνύμοις. Ἐπειδὴ δὲ ὁ βίος τοῦ ἁγίου Συμεὼν ὕλην ἄφθονον ἐμπεριέχει, τὴν ἐσωτερικὴν ἱστορίαν τοῦ βυζαντινοῦ κράτους διαφωτίζουσαν οὐκ ὀλίγον, ἀκμάζοντος τοῦ ἕκτου μετὰ Χριστὸν αἰῶνος, εὐνόητον ὅτι τύποις ἐκδιδόμενον τὸ σύγ-

---

1) Συν: λαοῦ.
2) Λείπει τὸ ἐξέρχομαι τῷ συν. κειμένῳ.
3) Συν: καὶ βλέπων.
4) Κῶδ: οὗτως.
5) Συν: μετὰ χαρᾶς μεγάλης.
6) Συν: ηὐθύνθη.
7) Κῶδ: δαιμονιόντες.
8) Κῶδ: ἐκαθερίζοντο.
9) Συν: χρόνους.
10) Συν: ἀπῆλθε τοῦ ἰδεῖν.
11) Τὸ «θαῦμα» λείπει τῷ συνοδικῷ κειμένῳ.

γραμμα τοῦ Ἀρκαδίου χρησιμώτερον ἔσται τῆς Οὐρανείου βίβλου, καὶ διὰ τὴν παλαιότητα τοῦ συγγραφέως καὶ διὰ τὴν ἀκρίβειαν τῶν ἱστορουμένων ὑπ' αὐτοῦ πραγμάτων, ἅτινα διὰ ῥητορικὰς ἀδείας ὁ Οὐρανὸς ἀσαφῆ πολλαχοῦ κατέστησεν· οὐ μόνον δὲ τοῦτο συνέβη τῷ Οὐρανῷ, ἀλλὰ καὶ πολλὰ κεφάλαια τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς ἀπαράφραστα κατέλιπεν, ἀποβαλὼν αὐτὰ τοῦ συντάγματος αὐτοῦ, οἷα τὰ περὶ τῶν τροπαρίων τοῦ ἁγίου Συμεών [1]. Ἵνα δὲ καταδειχθῇ τὸ ὅτι ἀσφαλεστέρα ἐστὶν ἡ χρῆσις τῆς συγγραφῆς τοῦ Ἀρκαδίου, παρατίθεμαι νῦν ἐνταῦθα κεφάλαιά τινα, πραγματευόμενα περὶ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἰωάννου τοῦ Σχολαστικοῦ.

Ἀρκάδιος.

σβ'. Ἰωάννης τις σχολαστικός, εὐσεβὴς καὶ φοβούμενος τὸν Κύριον, διάγων μὲν κατὰ τὴν Θεουπολιτῶν ἐνορίαν, ὁρμώμενος δὲ ἐκ τοῦ Σερέμιος οὕτω λεγομένου χωρίου, τοῦ προσπαρακειμένου τῇ Θεουπολιτῶν ἐνορίᾳ, ἀνελθὼν πρὸς τὸν ἅγιον δοῦλον τοῦ Θεοῦ ἀνέθετο αὐτῷ εἰπὼν βούλεσθαι Δομνῖνον τὸν ἁγιώτατον πατριάρχην Θεουπόλεως προχειρίσασθαι αὐτὸν πρεσβύτερον καὶ ἐκπέμψαι ἀποκρισιάριον κατὰ τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων, δυσωπήσας τὸ δοκοῦν τῷ Θεῷ γνωσθῆναι αὐτῷ διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ. Σὺν πνεύματι δὲ ἁγίῳ φθεγξάμενος πρὸς αὐτὸν ὁ τοῦ Θεοῦ δοῦλος ἔφη· «Ποίησον ὑπακοὴν τῷ πατρί· καὶ γὰρ τῷ ἀποστολικῷ θρόνῳ τῆς βασιλευούσης πόλεως ἀπεκλήρωσέ σε ὁ Θεός· ἀλλὰ τοῦτο ἔχε παρὰ σεαυτῷ, ἕως ἂν πληρωθῇ. Σπεῦσον οὖν διὰ τῶν ἀγαθῶν ἔργων παραθέσθαι σεαυτὸν τῷ Κυρίῳ, ὅπως συγκαταριθμηθῇς μετὰ

Οὐρανός.

187. Σχολαστικός τις ὄνομα Ἰωάννης, ἀνὴρ εὐσεβὴς καὶ τῇ τῆς ζωῆς πηγῇ τῷ τοῦ Θεοῦ δηλαδὴ φόβῳ τρυφῶν, ἔκ τινος μὲν ὁρμώμενος κώμης τῶν ὑπὸ τὴν Ἀντιόχου κειμένων, κατ' αὐτὴν δὲ τηνικαῦτα τὴν πόλιν διάγων, παρὰ τὸν Συμεὼν ἀνελθὼν τὰ καθ' ἑαυτὸν ἐκοινοῦτο· ὡς ἄρα μέλλοι Δομνῖνος ὁ ἱερώτατος πατριάρχης αὐτὸν τῆς τῶν πρεσβυτέρων ἀξιῶσαι χειροτονίας καὶ παρὰ τὴν βασιλίδα πόλιν κατὰ δή τινα χρείαν τῶν ἀναγκαίων ἐκπέμψαι. Ταῦτ' ἔλεγε καὶ ὅτι τὸ Θεῷ δοκοῦν ᾔτει μαθεῖν· ὁ δὲ τῷ πνεύματι πεποιθότως ὑπολαβών, ὃ καὶ δῆλα τοῖς αὐτοῦ ὀφθαλμοῖς καθίστη τὰ ἔμπροσθεν, «ἄπιθι» ἔφη· «ἀφιέρωσαι γὰρ ἤδη τῷ ὑψηλῷ παρὰ Θεοῦ θρόνῳ τῆς Κωνσταντινουπολιτῶν ἐκκλησίας· ὃ παρὰ σαυτῷ κείσθω μόνῳ, ἄχρις ἂν καὶ τοῖς ἄλλοις ἐκ τοῦ τέλους γνώριμον γένηται». Εἶτα καὶ ὁποῖον αὐτὸν εἶναι

1) Βυζαντ. Χρονικά, τ. I, σ. 141—160.

τῶν εὐαρεστούντων αὐτῷ». Ταῦτα παρ' αὐτοῦ καὶ ἕτερα πρὸς οἰκοδομὴν ἀκούσας ὁ σχολαστικός, θαρρήσας λοιπὸν τῇ συγκαταβάσει τοῦ ἁγίου, ἐδυσώπει αὐτὸν ἐπὶ πολλὰς τὰς ὥρας, μαθεῖν βουλόμενος τίς μετὰ Ἰουστινιανὸν λήψεται τὸ τῆς βασιλείας κράτος.

σγ'. Ἔφη δὲ πρὸς αὐτὸν ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος· «Ὑπόσχου μοι τηρεῖν παρ' ἑαυτοῦ [sic] τὰ λεγόμενα καὶ ἄκουσον». Ὁ δὲ πολλὰ διεβεβαιώσατο φυλάττειν. Εἶπεν δὲ αὐτῷ ὁ τοῦ Θεοῦ θεράπων· «Ἰουστῖνος γενήσεται μετὰ Ἰουστινιανὸν βασιλεύς». Τοῦτο γνοὺς παρὰ τοῦ ἁγίου καὶ ἐφοδιασθεὶς τὰς ἁγίας αὐτοῦ εὐχὰς ἐπορεύθη· ἡμεῖς δὲ τὰ τῆς προφητείας ῥήματα ἀναγκαῖον ᾠήθημεν πρὸς μνήμην ἀποσημειώσασθαι. Ὁ οὖν εἰρημένος Ἰωάννης τὴν βασιλίδα πόλιν καταλαβὼν καὶ τῶν ἐντολῶν τοῦ ἁγίου ἐπιλαθόμενος μυστικῶς τῷ Ἰουστίνῳ ἀφηγήσατο τὰ ῥηθέντα αὐτῷ ὑπ' αὐτοῦ. Ἐκ ταύτης τῆς προφάσεως πολλὴ διάθεσις γέγονε μεταξὺ Ἰωάννου καὶ Ἰουστίνου, καὶ σχεδὸν ἀλλήλοις πάντοτε συνδιητῶντο.

σε'. Χρόνου δέ τινος παρῳχηκότος, προφάσεώς τινος κινηθείσης, ἐξεβλήθη τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου τῆς βασιλευούσης πόλεως Εὐτύχιος ὁ ἁγιώτατος πατριάρχης· πνεῦμα δὲ Θεοῦ ἐκίνησεν Ἰουστινιανὸν τὸν βασιλέα καὶ ἐκέλευσε χειροτονηθῆναι πατριάρχην τῆς ἁγίας τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως Ἰωάνδέον παρήνει καὶ ὅσα τοσούτῳ ἀξιώματι πρέποντα εἴη.

188. Ὁ δὲ ταύτῃ τὸν ἅγιον συγκαταβάντα ἰδών, καὶ ὅστις Ἰουστινιανῷ διάδοχος ἔσται τῆς βασιλείας (οὗτος γὰρ τὰ Ῥωμαίων τηνικαῦτα σκῆπτρα διεῖπεν) ἠξίου μαθεῖν. Καὶ ὃς φυλακὴν αὐτῷ τοῦ μυστηρίου πρότερον ἱκανῶς παραγγείλας, Ἰουστῖνος ἔφη. Ὁ μὲν οὖν παρὰ τοῦ θείου Συμεὼν ταῦτα μαθὼν καὶ ταῖς αὐτοῦ εὐχαῖς ἐφοδιασθεὶς ἢ καθοπλισθείς, ἀσμένως τε τὴν τοῦ πρεσβυτέρου χειροτονίαν δεξάμενος, προθύμῳ ποδὶ παρὰ τὴν βασιλίδα ἐχώρει. Ἐν αὐτῇ δὲ γενομένῳ, πρὸς μὲν τοὺς ἄλλους ἀπόρρητα ἦν ἅπερ ὁ τοῦ Θεοῦ θεράπων Συμεὼν προειρήκει, πρὸς δὲ τὸν Ἰουστῖνον (οἷα τὰ τῆς ἀνθρωπίνης μικροψυχίας ἢ φιλαυτίας), ἵν' εὔνοιαν ἑαυτῷ παρ' ἐκείνου πάντως μνηστεύσηται, σπουδὴν ἔθετο γνωρισθῆναι, καὶ μόνος μόνῳ συγγεγονὼς τὰ τῆς προρρήσεως ἀπεκεκαλύπτει. Ἐξ ἐκείνου τοίνυν ὁ μὲν Ἰουστίνῳ φιλιωθείς, οἷα καὶ τὰ πρὸς ἡδονὴν εὐαγγελισάμενος, παρ' αὐτῷ τὰ πολλὰ διητᾶτο· οὐ πολλῷ δὲ ὕστερον ἐξωθεῖται μὲν τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως θρόνου Εὐτύχιος, ἀντεισάγεται δὲ αὐτὸς ὁ σχολαστικὸς Ἰωάννης, Ἰουστινιανὸν τοῦ Θεοῦ πάντως ἐπὶ τὴν ψῆφον κινήσαντος. Ἰουστινιανοῦ δὲ μετὰ ταῦτα τὸν βίον ἀπολιπόντος, εἰς Ἰουστῖνον τὰ (τῆς) ἀρχῆς μεταπίπτει, ὡς ἕκαστα πόρρωθεν τῷ Συμεὼν σαφῶς προηγόρευτο.

νην τὸν προειρημένον, κατὰ τὴν πρόρρησιν τοῦ δούλου [τοῦ] Θεοῦ· καὶ τούτων οὕτως ἀποτελεσθέντων δόξαν ἀνεπέμψαμεν Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν, τῷ ἀξιώσαντι ἡμᾶς ἀκροατὰς γενέσθαι τοιούτων μυστηρίων.

Εὐάγριος ὁ Σχολαστικὸς διηγεῖται, πλὴν ἄλλων τινῶν θαυμάτων, καὶ τοῦτο περὶ τοῦ ἁγίου Συμεών· «κἀμοῦ δὲ λογισμοὺς θεωρήσας (ὁ Συμεὼν) ἐπὶ τέκνων ἀποβολῇ καὶ διαπορουμένου τί δήποτε Ἕλλησι πολυτέκνοις οὐ γέγονε ταῦτα, καὶ πρὸς μηδένα τὸ παράπαν ἐξαγαγόντος, γεγράφηκεν ἐκστῆναι τούτων, ὡς οὐκ ἀρέσκον τῷ Θεῷ»[1]. Τὸ γεγονὸς τοῦτο μετέχον ἀληθείας ἐξέθηκεν ὁ Ἀρκάδιος ὧδε·

Ἀρκάδιος.

σλγʹ. Σχολαστικός τις, τοὔνομα Εὐάγριος, ὁρμώμενος μὲν τῆς Ἐπιφανέων πόλεως τῆς δευτέρας τῶν Σύρων ἐπαρχίας, οἰκῶν δὲ κατὰ τὴν Θεούπολιν, θυγάτριον ἔχων ἀπεβάλετο τοῦτο, λοιμικῆς φθορᾶς γενομένης· ὑπὸ διαβολικοῦ δὲ πειρασμοῦ λογισμὸν βλασφημίας ἔσχεν ὁ Εὐάγριος· τινὸς γάρ, τοὔνομα Ἐπιφάνιος[2], ἐπὶ ἑλληνικῇ πλάνῃ διαβαλλομένου οὐκ ἐτελεύτησαν τὰ τέκνα. Τούτῳ οὖν τῷ λογισμῷ ἐκινδύνευσε περὶ ψυχὴν ὁ Εὐάγριος· ὁ δὲ ἅγιος τοῦ Θεοῦ δοῦλος γνοὺς τῷ ἁγίῳ πνεύματι τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ ταχέως ἀπέστειλε πρὸς αὐτόν, γράψας αὐτῷ πᾶσαν τὴν κεκρυμμένην αὐτῷ ἐνθύμησιν· ἦν γὰρ ὁ ἀνὴρ ἀγαπώμενος ὑπὸ τοῦ ἁγίου· ὃ δὲ γνοὺς ὅτι οὐδὲν ἔλαθε τὸν ἅγιον τοῦ κεκρυμμένου αὐτοῦ λογισμοῦ, ἀνελθὼν μετὰ δακρύων ἐδυσώπει τὴν ἁμαρ-

Οὐρανός.

237. Νόσου ποτὲ λοιμικῆς γενομένης καὶ τῶν ἀνθρώπων πολλοὺς ἐπινεμομένης, συνέβη ταύτης ἔργον καὶ θυγατέρα τινὸς Εὐαγρίου γενέσθαι· σχολαστικὸς δ' ἦν ἄρα ὁ Εὐάγριος οὗτος. Ἐπεὶ δέ τις Ἐπιφάνιος ἕλληνι τηνικαῦτα λεγόμενος προσανέχων ἀπάτῃ οὐδεμίαν ὑπέστη περὶ τὰ τέκνα ζημίαν, εἰσίασί τινες τὸν Εὐάγριον λογισμοὶ βλασφημίας, (οἷα τὰ τοῦ πονηροῦ δελεάσματα), ἐκ τοῦ σφοδροῦ μάλιστα περὶ τὴν παῖδα πάθους τῷ ἀνθρώπῳ ἐπιφυέντος, ὡς ἄρα τὰ τῆς θρησκείας ἐκείνῳ πρὸς τὴν τῶν τέκνων ζωὴν ἐπαμύνει· καὶ μέγαν ἐκ τῶν τοιούτων λογισμῶν ἡ ψυχὴ κλύδωνα καὶ σάλον εἶχε, καὶ πολὺν αὐτῷ τὸν κίνδυνον ὤδινον· ὅπερ τὸν ἅγιον τῷ πνεύματι γνόντα δηλῶσαι τῷ Εὐαγρίῳ, καὶ γὰρ ἦν αὐτῷ ῥοπῇ διαθέσεως ἐπικλίνων. Ὁ δὲ τῷ τοῦ πράγματος παραδόξῳ

1) Εὐαγρίου ἐκκλησ. ἱστορ. τόμος ἕκτος, κεφ. κγʹ, σ. 471 Vales.
2) Κῶδ: ἐπιφάνεος.

τίαν αὐτοῦ συγχωρηθῆναι ταῖς τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ ἱκεσίαις· ὁ δὲ ἅγιος εὐξάμενος αὐτῷ παρεκάλεσε τὸν Θεὸν συγχωρηθῆναι τῷ ἀνδρί, καὶ εὐχαριστήσας τῷ Θεῷ ἀπῆλθε τὴν ὁδὸν αὐτοῦ χαίρων.

καταπλαγείς, ὅτι ἅπερ ἦν ἐν μυχῷ καρδίας αὐτῷ δῆλα τῷ Συμεὼν καθειστήκει, φόβῳ τε πολλῷ καὶ μετανοίᾳ ληφθεὶς ἄνεισι πρὸς αὐτόν, δάκρυσι μᾶλλον καὶ πάθει ψυχῆς ἢ γλώττῃ ταῦτα καὶ χείλεσιν ἐξομολογούμενος. Συγγνώμης παρ' αὐτοῦ τοίνυν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ φαρμάκων οἰκείων τοῦ ἁμαρτήματος τυχὼν ἐπάνεισι.

Τὰ δὲ κατὰ τὸν Ἀντιοχείας πατριάρχην Ἀναστάσιον ὁ αὐτὸς Ἀρκάδιος ἐκτίθησι τοῦ παραφράστου Οὐρανοῦ σαφέστερον·

Ἀρκάδιος.

σδ'. Ὀλίγου δὲ χρόνου διαδραμόντος[1], εἶπεν ἡμῖν ὁ τοῦ Θεοῦ δοῦλος· «Εὐξώμεθα, ἀδελφοί, περὶ τῆς ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ Ἀντιοχείας· εἶδον γὰρ ἐν ὁράσει, ὅτι ὁ ἀρχιερεὺς Δομνῖνος ἀναβὰς ἔθηκεν ἑαυτὸν ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον καὶ ἔρεγχε, καὶ καταβὰς ἵστατο ἐπὶ τὰ δεξιὰ μέρη τοῦ θυσιαστηρίου, ὁ δὲ κλῆρος καὶ ὁ λαὸς ἀνέμενον, νομίζοντες αὐτὸν εὐχὴν ἐπιτελεῖν. Πολλὴν οὖν ὥραν ἐπιμείνας μετὰ τοῦτο ἔφη· Ἐν τῷ κελλίῳ μου πορεύομαι. Τοῦτο δὲ αὐτοῦ εἰπόντος, εἶδον μοναχοὺς Παλαιστινοὺς λειτουργοῦντας ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ· ἐπετέλουν δὲ κἀγὼ τὴν εὐχήν». Ταῦτα διηγησάμενος εἶπεν, ὅτι ὁ πατριάρχης ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις τελευτήσει καὶ ἄνθρωπος Παλαιστινὸς προχειρισθήσεται ἀντ' αὐτοῦ. Καὶ γέγονεν οὕτως. Τελευτήσαντος οὖν Δομνίνου[2] τοῦ ἁγιωτά-

Θὐρανός.

192. Εὐξώμεθα περὶ τῆς κατὰ τὴν Ἀντιόχειαν ἐκκλησίας, ἀδελφοί, φησί ποτε πρὸς τοὺς μαθητὰς ὁ ἱερὸς Συμεών· ἐδόκουν γὰρ τὸν πρόεδρον αὐτῆς Δομνῖνον ὁρᾶν ἐπὶ τὸ θυσιαστήριον ἀναβάντα καὶ τῇδε τεθεικότα ἑαυτὸν καὶ οἱονεὶ ῥέγχοντα, εἶτα ἐκεῖθεν καταβεβηκότα καὶ δεξιᾷ τοῦ θυσιαστηρίου ἱστάμενον. Τὸ μὲν οὖν πλῆθος καὶ ὅσοι τοῦ βήματος ἀναμένοντες ἦσαν, εὐχὴν ἐπιτελεῖν τὸν ἄνδρα οἰόμενοι, καὶ τὸν μὲν τῇ τοιᾷδε στάσει μέχρι τινὸς ἐπιμείναντα «οἰχήσομαι» φάναι «πρὸς τὸν ἐμαυτοῦ κοιτωνίσκον», Παλαιστινοὺς δέ τινας μοναχοὺς τὴν θείαν ἐπιτελέσαι μυσταγωγίαν. Ἑξῆς δὲ καὶ τὴν λύσιν ἐπῆγεν, ὡς ἄρα τελευτήσει μὲν Δομνῖνος τὸν βίον, μοναχὸς δέ τις τὸ γένος ἐκ Παλαιστίνης ἕλκων εἰς τὸν ἐκείνου θρόνον ἀνενεχθήσεται· ὅπερ οὐκ εἰς

1) Κῶδ: διὰ δραμόντος.
2) Κῶδ: δομνήνου.

του, προεχειρίσθη ἀρχιερεὺς Θεουπόλεως Ἀναστάσιος ὁ ἁγιώτατος, ἐκ τῆς Παλαιστινῶν χώρας ὁρμώμενος, ἀποκρισιάριος δὲ τῆς ἐν τῇ μεγάλῃ τῶν Ἀλεξανδρέων πόλει ἁγιωτάτης ἐκκλησίας, καὶ ἐδοξάσαμεν τὸν Θεόν, τὸν ἀλλοιοῦντα καιροὺς καὶ χρόνους καὶ ἀποκαλύπτοντα τῷ ἐνδόξῳ αὐτοῦ θεράποντι.

μακρὰν ἠκολούθει, καὶ Δομνίνου τὸν βίον ἀπολιπόντος, Ἀναστάσιός τις Παλαιστινὸς ἐπιβαίνει τοῦ θρόνου.

Τὴν εἴδησιν ὅτι πρότερον ὁ Ἀναστάσιος ἦν ἀποκρισιάριος ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας περιττήν, ὡς βλέπομεν, ὁ Οὐρανὸς ἐξέλαβε διὰ τὸ ῥητορικὸν αὐτοῦ γύμνασμα, καὶ διὰ τοῦτο μέχρι τοῦδε ταύτην ἠγνοοῦμεν ἐξ ἑτέρου παλαιοῦ βιβλίου. Σημειώσεως δὲ ἄξιον καὶ τοῦτο, ὅτι ὁ Οὐρανὸς καὶ τὸν χρόνον, ὃν ὁ Ἀρκάδιος ὥριζε, τῆς εἰς τὸν θρόνον Ἀντιοχείας ἀναβάσεως τοῦ Ἀναστασίου παρέλιπε· Ἀναστάσιος δὲ οὗτος ἦν ὁ Σιναΐτης ὀνομαζόμενος. Κατὰ τὸν Ἀρκάδιον οὖν, ὅστις τὸ περὶ τοῦ Ἀναστασίου διήγημα χρονικῇ τάξει μετὰ τὸ προεκτεθὲν διακοσιοστὸν καὶ πέμπτον κεφάλαιον ἐτοποθέτησε, τὸν θρόνον τῆς Ἀντιοχείας ἔσχεν ὁ Ἀναστάσιος μικρὸν πρὸ τῆς εἰς τὸν Κωνσταντινουπόλεως θρόνον ἀναβάσεως Ἰωάννου τοῦ σχολαστικοῦ. Ἡ προαγωγὴ τοῦ Ἰωάννου ἐγένετο μηνὶ ἀπριλίῳ ἔτους 565-ου. Πιθανὸν οὖν ἐκ τούτου, ὅτι καὶ ἡ πρώτη τοῦ Ἀναστασίου πατριαρχία τὴν ἀρχὴν ἔχει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ 565-ου, ἢ ἀπὸ τοῦ τέλους τοῦ 564-ου ἔτους.

Πρὸς τοιαῦτά τινα χρονολογικὰ παρατηρήματα συμβάλλει τὰ μέγιστα τὸ κείμενον τοῦ Ἀρκαδίου διά τινα σημαντικὰ γεγονότα τῆς ἕκτης ἑκατονταετηρίδος, οἷον σεισμῶν, ἐπιδρομῶν, αὐτοκρατορικῶν πράξεων καὶ τοιούτων ἑτέρων, ἅπερ ὁ Οὐρανὸς ἀόριστα πραγματεύεται, τὴν τάξιν τῶν κεφαλαίων τῆς Ἀρκαδίου συγγραφῆς πολλαχοῦ μεταστρέψας· περιέχει δὲ τὸ κείμενον αὐτῆς καὶ τόπων Συριακῶν ὀνόματα, ἅπερ ὁ Οὐρανὸς παρέλιπε, καί τινα κεφάλαια χρήσιμα, παρὰ τοῦ αὐτοῦ Οὐρανοῦ παντελῶς ἀμεληθέντα κατὰ τὴν εἰς ῥητορικὸν ὕφος ἀλλοίωσιν τοῦ ἀρκαδείου πονήματος.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Сельджукъ-намэ, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вѣкахъ.

Въ 1889 году извѣстный французскій оріенталистъ Шеферъ впервые познакомилъ ученый міръ съ отрывками изъ одного весьма важнаго источника по исторіи малоазійскихъ сельджуковъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Quelques chapitres de l'abrégé du Seldjouq Namèh composé par l'émir Nassir Eddin Sahia. M. Charles Schefer*[1]). Г. Шеферъ пользовался однако не первоначальною редакціей Сельджукъ-намэ, а анонимною обработкой его, время появленія которой опредѣлить съ точностью нельзя. Авторъ этой обработки или, какъ онъ ее называетъ, «сокращенія» предпосылаетъ своему труду нѣкоторыя свѣдѣнія объ авторѣ первоначальной редакціи этого памятника. Послѣдній извѣстенъ на востокѣ не столько подъ своимъ настоящимъ именемъ «Насиръ эд-Динъ Яхъя ибн-Мохаммедъ», сколько подъ своимъ прозвищемъ «Ибн-аль-Биби». Прозвище это онъ получилъ по своей матери, которую въ свою очередь прозвали «Биби-Мунадджимэ», т. е. «женщина астрологъ», такъ какъ она прославилась многими удачными астрологическими предсказаніями. Одно изъ такихъ предсказаній доставило ея мужу Неджмъ-ед-Дину согласно ея просьбѣ весьма значительное мѣсто при дворѣ Ала-эд-Дина Кейкобада. Сынъ «женщины-астролога», занимавшій также весьма видный постъ при Ала-эд-Динѣ и его преемникахъ, написалъ исторію сельджуковъ за время отъ 1192 по 1280 г. Онъ намѣренно ничего не говоритъ о болѣе отдаленной эпохѣ, «за невозможностью получить достовѣрныя

1) Статья г. Шефера помѣщена въ Publications de l'Ecole des Langues Orientales Vivantes. III Série, volume V, page 3—102.

свѣдѣнія». Какъ первоначальная редакція, такъ и позднѣйшее «сокращеніе» написаны на персидскомъ языкѣ. Первая часть сочиненія Ибн-ал-Биби не можетъ быть названа историческимъ памятникомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова: хронологическихъ указаній въ ней почти нѣтъ, нѣтъ въ ней и полнаго послѣдовательнаго перечня событій,— вся эта часть наполнена разсказами изъ жизни сельджукскихъ государей, носящими нѣсколько анекдотическій характеръ. Иногда приводятся довольно длинныя и мало-вѣроятныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ разсказа, такова напр. предсмертная рѣчь Кылыджъ Арслана— къ своему сыну и наслѣднику Гіясъ-эд-Дину, состоящая изъ стереотипныхъ разсужденій о бренности всего земного и т. п. Тѣмъ не менѣе и эта часть сочиненія не лишена интереса, такъ какъ нѣкоторые эпизоды, о которыхъ разсказываетъ авторъ, весьма характерны и рисуютъ довольно живо нравы тогдашнихъ турокъ и грековъ; таковъ напр. разсказъ о пребываніи сельджукида, Гіясъ-эд-Дина, при дворѣ византійскаго императора и мн. др. Собственно «исторія» начинается по мнѣнію г. Шефера, къ которому присоединяемся и мы, съ воцаренія Ала-эд-Дина Кейкобада. Въ статьѣ г. Шефера содержится разсказъ (въ текстѣ и переводѣ) о царствованіи сельджукидовъ Гіясъ-эд-Дина Кейхосрева и Рукнъ-эд-Дина Сулейманшаха; разсказъ оканчивается смертью Гіясъ-эд-Дина. Весь отрывокъ составляетъ лишь весьма небольшую часть сочиненія Ибн-аль-Биби.

Подлинное сочиненіе Ибн-аль-Биби до насъ не дошло или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не найдено, но за то въ библіотекахъ Лейденской и Парижской, равно какъ и во владѣніи г. Шефера имѣются рукописи[1]), содержащія переводъ этого сочиненія на турецкій языкъ. Изданіемъ этого перевода занимается извѣстный голландскій оріенталистъ М. Т. Гоутсма, который и опубликовалъ въ 1891 г. первый томъ Сельджукъ-намэ подъ заглавіемъ: Recueil de textes relatifs à l'histoire de Seldjoucides par M. Th. Houtsma. Vol III, première partie. Histoire des Seldjoucides de l'Asie Mineure. Въ немъ содержится исторія сельджукидовъ начиная съ 1192 и кончая приблизительно 1225 годомъ. Имя переводчика осталось неизвѣстнымъ, но время появленія этого перевода можетъ быть опредѣлено благодаря тому обстоятельству, что въ концѣ главы, въ которой разсказывается о взятіи Гіясъ-эд-Диномъ города Анталіи, переводчикъ призываетъ благосло-

1) Къ сожалѣнію не совсѣмъ полныя!

веніе Божіе на своего падишаха, «величайшаго властителя, вождя воителей и борцовъ за вѣру, покорителя безбожниковъ и язычниковъ, тѣни Бога на землѣ, Мурада сына Мухаммеда, сына Баязидъ-хана [1])», т. е. султана Мурада II, умершаго, какъ извѣстно, въ 1451 году. Въ основу изданія г. Гоутсма легла Лейденская рукопись, которую издатель сличалъ съ Парижской и съ Шеферовской; отмѣченные имъ варіанты по большой части не существенны для историка. Изданіе сдѣлано очень тщательно, такъ что остается только пожелать, чтобы ничто не помѣшало автору исполнить свое обѣщаніе, окончивъ изданіе этого источника не только весьма важнаго для внутренней исторіи сельджуковъ, но и изобилующаго данными относительно сношеній ихъ съ сосѣдними странами, съ Византіей, Арменіей и т. п. Немалый интересъ представитъ вѣроятно и обѣщанное г. Гоутсма разсужденіе о различныхъ вопросахъ относительно личности автора, рукописей, которыми пользовался издатель, и т. п.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію содержанія изданной г. Гоутсма части Сельджукъ-намэ, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о системѣ, которой мы намѣрены при этомъ держаться. Всѣ отрывки, имѣющіе прямое отношеніе къ Византіи, мы помѣстимъ здѣсь въ переводѣ, но не буквальномъ, такъ какъ буквальный переводъ не представляется цѣлесообразнымъ въ виду того, что слогъ разбираемаго памятника черезчуръ цвѣтистъ и напыщенъ для европейца, хотя съ турецкой точки зрѣнія онъ скорѣе написанъ «среднимъ» нежели «высокимъ штилемъ» [2]). Опуская такимъ образомъ по возможности всѣ «цвѣты краснорѣчія» и довольствуясь мѣстами даже просто *пересказомъ*, мы конечно будемъ стараться сохранить всѣ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія со всѣми подробностями, имѣющими значеніе. О сношеніяхъ сельджукидовъ съ другими христіанскими государствами мы будемъ давать лишь краткій отчетъ. Наконецъ тамъ, гдѣ это окажется желательнымъ, будемъ также указывать на предшествовавшія событія внутренней исторіи сельджуковъ, которыми были вызваны тѣ или другіе походы, посольства и пр. Такія указанія будутъ нами дѣлаться въ возможно сжатой формѣ.

Сельджукъ-намэ начинается съ маленькой главки «*Разсказъ о*

---

1) См. Histoire des Seldjoucides de l'Asie-Mineure page 87.

2) Прозаическое изложеніе даже кое-гдѣ прерывается отрывками въ стихотвор-

царствованіи султана Сулейманъ-шаха въ Румъ», которая составляетъ какъ бы введеніе[1]) къ дальнѣйшему повѣствованію. Вотъ она.

«Когда султанъ Сулейманшахъ былъ назначенъ для покоренія Рума и для воцаренія тамъ, султанъ далъ ему войско, состоявшее изъ 12000 туркменскихъ семействъ, пришедшихъ изъ Туркестана, и онъ былъ отправленъ въ Румъ. Когда онъ, будучи посланъ въ Румъ на царство, вступилъ въ эту страну, то находившіеся въ Румѣ огузскіе беки и ихъ дружины, пришедшіе для завоеваній и грабежа, встрѣтили его въ Эрзерумѣ и, проводивъ его съ большимъ почетомъ въ Конію, возвели тамъ на тронъ. Императоръ[2]), устрашась, покорился и заключилъ миръ, отправивъ изъ Стамбула съ поздравленіемъ различныя румскія диковинки, франкскіе камки, бархаты, сукна, золотую и серебряную утварь и кубки и сто тысячъ золотыхъ. Также и бекъ Алашегра и румскіе беки выказали свою покорность и миролюбивыя намѣренія, а потомъ и всѣ тюркскіе и румскіе беки выразили готовность покориться, поднесли подарки и вступили въ подданство къ нему (султану Сулейманшаху) и его потомству. Поцарствовавъ нѣкоторое время, онъ скончался, и царемъ сдѣлался вмѣсто него сынъ его, султанъ Махмудъ. Послѣ его смерти на престолъ вступилъ сынъ его, султанъ Мас'удъ, а послѣ смерти послѣдняго воцарился сынъ его, Кылыджъ-Арсланъ. Онъ также скончался». Кылыджъ-Арсланъ назначилъ своимъ преемникомъ своего младшаго сына, Гіясъ-эд-Дина[3]). Вслѣдствіе этого произошла междоусобная война, и Рукнъ-эд-Динъ свергнулъ брата своего Гіясъ-эд-Дина съ престола. Послѣдній оставилъ свою страну и принялся искать помощи у сосѣднихъ государей. Ш. Шеферъ говоритъ въ примѣчаніи, что это случилось въ 1200 году. Дату эту онъ беретъ у автора другой исторіи сельджуковъ, написанной для Ала-эд-Дина ибн-Сулейманшаха. Такимъ образомъ прибылъ онъ въ Арменію (стр. 26) къ «тегверу»[4]) Лифуну[5]). Лифунъ принялъ его съ большимъ почетомъ, устроилъ для него цѣлый рядъ празднествъ и пировъ, и въ заключеніе лично проводилъ его до границы своихъ владѣній. На прощанье султанъ наградилъ «тегвера» халатомъ и ко-

---

1) Судя по рукописи Азіатскаго музея за № 590 ba, эта глава составляетъ заключеніе обширнаго введенія, написаннаго переводчикомъ къ сочиненію Ибн-аль-Биби и заключающаго исторію турковъ и сельджуковъ съ древнѣйшихъ временъ.

2) Византійскій императоръ вездѣ называется «фас-лйусъ», т. е βασιλεύς.

3) По «сокращенію» Ш. Шефера это произошло въ 1192 г.

4) «Тегверъ» буквально значитъ «вѣнценосецъ».

5) По Шеферу это — Левъ II (1185—1219 г.).

немъ. «Лифунъ, одѣвъ халатъ, поцѣловалъ у султана руку и, распрощавшись, отправился въ свою страну». Послѣ долгихъ скитаній Гіясъ-эд-Динъ былъ занесенъ бурею въ Магрибъ, откуда эмиръ правовѣрныхъ отправилъ его въ Стамбулъ (стр. 38).

Слѣдующія двѣ главы приводимъ цѣликомъ.

«Разсказъ о прибытіи султана изъ Магриба въ Стамбулъ».

Императоръ, царствовавшій въ это время [1]), счелъ прибытіе султана весьма важнымъ и крайне выгоднымъ для себя событіемъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы почтить и обласкать его и сказалъ: «Да предоставитъ падишахъ ислама [2]) это царство своимъ намѣстникамъ, и, увѣрясь вполнѣ въ дружественномъ расположеніи съ моей стороны, пусть смотритъ на всю мою казну и все мое имущество какъ на свою собственность»! Султанъ одобрилъ эту рѣчь и сказалъ: «О сколькими царствами, подобными этому, приличествуетъ обладать столь благородному монарху, какъ ты!» Императоръ-же каждый день устраивалъ роскошные пиры, причемъ сажалъ султана къ себѣ на тронъ и дружески бесѣдовалъ съ нимъ, такъ что безъ султана не обходилось ни одно празднество. По прошествіи нѣкотораго времени съ султаномъ случилось удивительное и странное происшествіе, вслѣдствіе котораго ихъ компанія разстроилась. Дѣло въ томъ, что у императора на службѣ былъ нѣкій франкъ, извѣстный своимъ мужествомъ и храбростью по городамъ Френгистана и Рума, благодаря чему онъ получалъ ежегодно 10000 золотыхъ жалованья, и, если члены совѣта нѣсколько задерживали ему уплату денегъ, то онъ безъ всякаго стѣсненія и соблюденія приличій грубо укорялъ императора и, нисколько не смущаясь, высказывалъ свои требованія.

«Разсказъ о поединкѣ султана съ франкомъ на румской площади и о побѣдѣ султана надъ нимъ».

Такимъ образомъ однажды франкъ, повздоривъ изъ за жалованья съ секретарями въ диванѣ, пришелъ къ императору и принялся надоѣдать ему жалобами на нихъ. Сколько ни говорилъ ему императоръ по франкски, что молъ сегодня султанъ здѣсь находится, потерпи, завтра будетъ сдѣлано распоряженіе, которое удовлетворитъ тебя, франкъ своихъ грубыхъ рѣчей не прекращалъ. Когда его наглость вышла изъ границъ, султанъ разсердился и спросилъ у императора: «Что говоритъ этотъ офицеръ»? Императоръ отвѣтилъ, что члены совѣта

---

1) А именно Алексѣй III.

2) Т. е. глава мусульманъ.

сдѣлали упущеніе въ уплатѣ ему жалованья, и онъ на это сердится. Султанъ сказалъ, что императоръ распускаетъ своихъ рабовъ, такъ что они забываютъ свое положеніе. Франкъ тогда грубо отвѣтилъ самому султану; султанъ, еще больше разсердясь, обернулъ руку полотенцемъ и такъ ударилъ франка кулакомъ пониже уха, что онъ лишился сознанія и упалъ со стула, на которомъ сидѣлъ. Франки и греки съ шумомъ бросились на султана, чтобы убить его, но по приказанію императора были удержаны отъ этого его тѣлохранителями, которые выгнали всѣхъ франковъ и грековъ изъ дворца. Императоръ, оставшись наединѣ съ султаномъ, сталъ стараться успокоить его всевозможными любезностями, но султанъ былъ такъ разгоряченъ, что гнѣвъ его не утихалъ, — по щекамъ его покатились слезы и онъ сказалъ императору: «Падишаху извѣстно, что я сынъ Кылыджъ-Арслана и происхожу изъ рода Меликшаха. Всему свѣту извѣстно, что государства (всего) міра были завоеваны мечемъ моихъ предковъ и что всегда твои предки посылали въ ихъ казну золотые и серебряные сосуды, и всевозможные подарки, дани и выходы. Ты самъ тоже посылалъ (все это) въ мою казну. Какъ-же ты теперь считаешь позволительнымъ, чтобы я, занесенный волею неба въ твою страну, сносилъ такого рода уничиженіе и посрамленіе изъ за какого-то франка? Вѣдь каждый изъ моихъ братьевъ царствуетъ надъ цѣлымъ иклимомъ [1]); услыхавъ объ этомъ, они разсердятся, соберутъ войско, придутъ, возьмутъ и разорятъ твои города и крѣпости». Императоръ былъ человѣкъ благоразумный; онъ понялъ, что султанъ раздраженъ въ высшей степени и не торопился съ отвѣтомъ, а пустилъ въ дѣло кротость и ласку, которыя въ такихъ случаяхъ лучше всякихъ другихъ уловокъ. Когда они наконецъ нѣсколько успокоились, императоръ кротко и сладкорѣчиво началъ говорить, просилъ у султана извиненія и сыпалъ словами пріятными его сердцу. Между прочимъ онъ сказалъ, что всякое приказаніе, какое только дастъ султанъ ему, его войску или народу, будетъ исполнено, и подтвердилъ это клятвою.

Султанъ сказалъ: «Я только тогда вполнѣ увѣрюсь въ этомъ, когда императоръ не откажется исполнить все, чего бы я ни потребовалъ». Императоръ въ подтвержденіе еще разъ поклялся и сказалъ: «Я [2]) ни

---

1) Восточные географы раздѣляютъ всю землю на *семь* иклимовъ (поясовъ).

2) Въ текстѣ здѣсь стоитъ еще нѣсколько испорченныхъ греческихъ словъ, а именно, по весьма вѣроятному предположенію издателя: «Εἰς τὴν πίστιν μετὰ χριστοῦ μετὰ παναγίας».

въ какомъ случаѣ не нарушу клятвы». Тогда султанъ сказалъ: «Моя просьба вотъ какая: прикажи, чтобы принесли полное вооруженіе и панцырь, и привели бы хорошаго боеваго коня изъ числа твоихъ собственныхъ лошадей. Затѣмъ вели привести сюда того франка также вооруженнаго и на конѣ, и прикажи намъ сразиться съ нимъ и помѣряться другъ съ другомъ. Если побѣда будетъ на моей сторонѣ, то пусть императоръ накажетъ его за его дерзость; если же франкъ меня опрокинетъ, то пусть убьетъ меня: по крайней мѣрѣ освобожусь отъ горя, причиняемаго мнѣ невзгодами на чужбинѣ и тоскою по царствѣ. Императоръ отвѣтилъ: «Упаси Боже, чтобы я далъ согласіе на такое дѣло. Если, Боже сохрани, падишаху придется потерпѣть пораженіе отъ франка, то я прослыву у (всѣхъ) государей за глупца: онъ де, такъ скажутъ, поставилъ наравнѣ со столь почитаемымъ и великимъ государемъ какого то франка изъ числа простыхъ воиновъ. Да и какъ я въ такомъ случаѣ избавлюсь отъ страха предъ твоими братьями? Пожалуйста оставь это намѣреніе»! Послѣ этого султанъ такъ взволновался и разгнѣвался, что въ свою очередь поклялся своей вѣрою прибѣгнуть къ самоубійству въ случаѣ, если императоръ въ этомъ дѣлѣ будетъ продолжать отговариваться и колебаться.

Когда императоръ увидѣлъ, что султанъ продолжаетъ упорствовать, то призвалъ смотрителя арсенала и главнаго конюшаго и приказалъ первому принести изъ арсенала нѣсколько доспѣховъ, чтобы султанъ могъ сдѣлать выборъ, а второму велѣлъ привести хорошаго, высокорослаго коня. Когда это приказаніе было исполнено, то султанъ вооружился и сѣлъ на коня. Также и франку дали знать объ этомъ, и сказали, чтобы онъ, сѣвъ на свою лошадь и надѣвъ все свое вооруженіе, показалъ бы всю свою удаль. Франкъ тоже вооружился, туго подтянулъ подпругу своей лошади и, по обычаю франковъ, привязалъ себя крѣпко къ сѣдлу своего коня. Выѣхавъ на площадь, назначенную для поединка, онъ принялся гарцовать и громко похваляться. Всѣ жители той мѣстности отъ мала до велика и турки, и греки, и пріѣзжіе купцы собрались вокругъ площади и раздѣлились на двѣ партіи: одни были на сторонѣ султана, другіе—на сторонѣ франка. Поднялся страшный шумъ, раздался громъ барабановъ и звуки трубъ, правовѣрные, стоя возлѣ султана громко восклицали: «Аллахъ экбэръ» [1]), султанъ же стоялъ съ императоромъ посрединѣ подобно «желѣзной горѣ».

1) Т. е. «Богъ великъ»! Далѣе авторъ въ своемъ увлеченіи говоритъ, что даже съ небесъ султанъ слышалъ ободряющіе голоса.

Когда же, наконецъ, онъ сталъ гарцовать вокругъ площади во всемъ своемъ великолѣпіи, то произнесъ въ честь самого себя нѣсколько стиховъ по обычаю витязей, (выѣзжающихъ на бой)[1]).

Франкъ первый ударилъ султана копьемъ, но султанъ щитомъ отразилъ ударъ; франкъ повторилъ нападеніе, но султанъ опять отразилъ его. Всякій разъ какъ франкъ нападалъ на султана, поднималось волненіе и смятеніе среди державшихъ сторону франка невѣрныхъ. Въ третій разъ уже султанъ напалъ на франка и съ перваго же раза сшибъ его съ коня палицей. Тотъ проклятый такъ завопилъ, что вопль его достигъ до слуха обитателей преисподней. Испуганная ударомъ палицы султана лошадь франка пустилась бѣжать, а самъ онъ, лишившись чувствъ, повисъ на лошади, такъ какъ крѣпко привязалъ себя къ ней. Мусульмане, императоръ, князья, вельможи и иностранные купцы, присутствовавшіе при этомъ, привѣтствовали султана одобрительными возгласами, а потерпѣвшіе неудачу франки попытались было даже произвести сумятицу, но по приказанію императора были усмирены войсками. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно рьяныхъ сторонниковъ франка, императоръ велѣлъ наказать, такъ что волны смятенія наконецъ улеглись. Султана же, удовлетвореннаго своей побѣдой, онъ пригласилъ къ себѣ и щедро, по царски одарилъ его и его приближенныхъ конями, тканями, кошельками съ золотыми монетами, кипчацкими невольниками и невольницами и золотыми и серебряными кубками. Всю ночь они пропировали при звукахъ музыки. Когда султанъ со своими приближенными отправился домой на отдохновеніе, императоръ приказалъ своему хранителю кладовыхъ перенести къ султану въ залу, назначенную для пиршествъ, всѣ принадлежности для пира: золотыя и серебряныя чаши, вино смѣшанное съ водою и другіе вкусные и ароматные напитки и сладости.

Слѣдующій день они пировали у султана, и императоръ выказывалъ всевозможное вниманіе и благоволеніе по отношенію къ нему. Наконецъ, будучи сильно разгоряченъ виномъ, онъ сказалъ: «Любовь къ главѣ ислама такъ глубоко запала мнѣ въ душу, что я не могу и помыслить о разлукѣ съ нимъ и прекращеніи общенія съ нимъ, хотя бы на самое короткое время. Но такъ какъ я ставлю благополучіе благословенной особы падишаха выше своего собственнаго, то нахожу, что, пока окончательно не успокоятся волненіе и злоба среди франковъ,

1) Опускаемъ эти стихи.

Вамъ бы было полезно отправиться на время къ Мафрузуму [1]), одному изъ греческихъ вельможъ, извѣстному своимъ прекраснымъ характеромъ и любезнымъ обхожденiемъ. Я со своей стороны буду посылать Вамъ туда все, что будетъ возможно, и онъ также будетъ оказывать Вамъ всяческое ниманiе, такъ что вы проведете тамъ нѣкоторое время съ прiятностью, а потомъ можетъ быть Господь-Богъ *откроетъ врата блага* [2]). Эти слова полюбились султану, и, изготовившись, онъ отправился черезъ нѣсколько дней со своими слугами, дѣтьми и женами на тотъ островъ [3]), подобный по красотѣ мѣстоположенiя и прiятности климата райскому саду. По дорогѣ султанъ услаждался розоцвѣтнымъ виномъ, а, когда онъ сталъ на якорь у острова, Мафрузумъ встрѣтилъ его со всевозможными почестями и отвелъ ему помѣщенiе, послѣ чего они принялись за устройство пировъ и увеселенiй. Султанъ окончательно поселился на этомъ островѣ, а сыновья его Иззъ-эд-Динъ и Ала-эд-Динъ, въ свободное отъ занятiй и ученья время, «развлекались охотою» [4]).

Изъ слѣдующаго затѣмъ «*Разсказа о царствованiи Рукнъ эд-Дина Сулейманшаха и нѣкоторыхъ доблестяхъ его*» (стр. 45—56) мы остановимся на столкновенiи этого сельджукида съ Тамарой [5]), царицей Грузiи и Абхазiи, которое случилось еще при жизни отца его, Кылыджъ Арслана. Царица Тамара по своей женской природѣ отдала, по выраженiю нашего автора, поводъ своего сердца въ руку похоти, такъ что, когда ей приходилось слышать о какомъ нибудь красавцѣ-царевичѣ, то она тотчасъ же заочно въ него влюблялась и начинала употреблять всѣ усилiя, чтобы удовлетворить своимъ желанiямъ. Когда она услышала о двѣнадцати сыновьяхъ Кылыджъ-Арслана, обладавшихъ всевозможными достоинствами и доблестями, она впала въ тоску, такъ какъ никакъ не могла рѣшиться сдѣлать выборъ. Наконецъ она повѣдала о своей тайной мукѣ своей старой кормилицѣ, которая посовѣтовала ей отправить въ Румъ искуснаго художника, который бы снялъ со всѣхъ румскихъ царевичей портреты. Сама же кормилица

---

1) Въ текстѣ: «М-ф-р-зӯм». Ш. Шеферъ предполагаетъ, что это Мануилъ Мафрозомесъ, оспаривавшiй царство у Θеодора Ласкариса.

2) Т. е. съ помощью Божiей дѣло уладится.

3) Названiя его нигдѣ не приводится.

4) По Ибн-ал-Асиру (ар. историку † въ 1233 г.), Гiясъ-эд-Динъ просто бѣжалъ во время взятiя Константинополя въ 1203 году въ замокъ одного изъ вельможъ греческихъ, недалеко отъ города.

5) Въ текстѣ «Тамаръ».

вызвалась сопровождать этого художника и собрать свѣдѣнія о внутреннихъ качествахъ царевичей. Когда планъ кормилицы былъ приведенъ въ исполненіе, выборъ царицы палъ на Рукнъ-эд-Дина Сулейманшаха, и она отправила къ Кылыджъ-Арслану посольство съ грамотой, въ которой предлагала свою руку Рукнъ-эд-Дину. Рукнъ-эд-Динъ однако счелъ это предложеніе на столько оскорбительнымъ для себя, что вмѣсто того, чтобы *покинуть султанскій дворецъ для удовлетворенія низкой похоти нечестивой развратницы*, онъ просилъ своего отца дозволить ему предпринять набѣгъ на Грузію. Осуществить свое намѣреніе онъ могъ однако лишь послѣ смерти своего отца. Но походъ былъ неудаченъ. По дорогѣ въ Грузію одинъ изъ вассаловъ Рукнъ-эд-Дина, эрзерумскій князь Ала-эд-Динъ отказалъ ему въ повиновеніи и былъ смѣщенъ [1]). Въ происшедшемъ вскорѣ послѣ этого сраженіи съ грузинами турки были разбиты и обращены въ бѣгство [2]). Черезъ нѣсколько времени послѣ этого султанъ заболѣлъ и умеръ. Въ персидскомъ изводѣ, изданномъ Ш. Шеферомъ, прибавлено, что умеръ онъ въ 1204 году.

Послѣ смерти Рукнъ-эд-Дина на престолъ былъ возведенъ его несовершеннолѣтній сынъ, Иззъ-эд-Динъ. Въ его царствованіе была присоединена къ имперіи область Испарта и вообще завоеванія шли довольно успѣшно, но нашлось нѣсколько человѣкъ, втайнѣ уже давно державшихъ сторону *Гіясъ-эд-Дина, которые задумали призвать его обратно на царство.*

«Музаффэръ эд-Динъ Махмудъ, Загиръ эд-Динъ Или и Синанъ эд-Динъ Юсуфъ, сыновья Уджскаго бека Ягбасана [3]), идя путемъ лицемѣрія, свято хранили въ своихъ сердцахъ вѣрность и привязанность къ Гіясъ-эд-Дину, такъ какъ искони были его доброхотами. Эти три брата, будучи уджскими беками и начальниками уджскихъ дружинъ, привлекли на свою сторону бековъ нѣкоторыхъ другихъ областей. Съ каждымъ изъ нихъ они заключили письменно отдѣльные клятвенные договоры. Чтобы итти и просить Гіясъ-эд-Дина (вернуться) на царство, они выбрали ха̂джиба Захарію, человѣка въ высшей степени умнаго и знающаго толкъ въ дѣлахъ, исполнявшаго и прежде при

---

1) По замѣчанію Ш. Шефера это было въ 1201 году.

2) Ни названія мѣстности, гдѣ произошло сраженіе, ни хронологической даты не приводится. Есть однако основаніе думать, что сраженіе произошло недалеко отъ Эрзерума, ибо именно туда спасся бѣгствомъ султанъ со своей свитой.

3) «Уджъ» было очень сильное и многочисленное туркменское племя.

дворѣ султана должность каммергера и церемоніймейстера. Кромѣ того этотъ Захарія говорилъ не только по персидски и по турецки, но еще на пяти языкахъ, на которыхъ говоритъ населеніе въ Анатоліи и въ Румѣ, и притомъ говорилъ въ совершенствѣ. Чтобы не возбуждать ничьего подозрѣнія, всѣ договорныя грамоты и письма были спрятаны въ выдолбленномъ пастушьемъ посохѣ, а самъ Захарія нарядился въ одежду христіанскаго священника. Беки заключили и съ нимъ условіе, что, если ему удастся вернуть на престолъ Гіясъ-эд-Дина, то они дадутъ ему награду, какой онъ только пожелаетъ. Взявъ съ нихъ относительно этого письменное обѣщаніе, Захарія отправился въ дорогу.

Султанъ же Гіясъ-эд-Динъ около этого времени оставлялъ ненадолго свою семью на островѣ, чтобы побывать у «аламановъ» (?). Бекъ ихъ предложилъ ему щедрые подарки, послѣ чего султанъ возвратился на островъ. Захарія, прибывъ на островъ, спросилъ, гдѣ находится дворецъ султана. Ему указали; тогда онъ сталъ похаживать около дворца въ надеждѣ, что кто-нибудь попадется ему на встрѣчу, кто-бы могъ довести до свѣдѣнія султана о его прибытіи. Весь день до вечера онъ проходилъ, но не нашелъ человѣка, которому можно бы было довѣриться, и вернулся въ страхѣ, разочарованный. Переночевавъ въ какихъ-то развалинахъ, онъ на утро воротился на прежнее мѣсто и остановился въ ожиданіи. Около полудня онъ увидѣлъ, какъ царевичи Иззъ-эд-Динъ и Ала-эд-Динъ со своими слугами отправились верхомъ на прогулку; однако онъ ничего не сказалъ. Они поѣхали и, прогулявшись, сошли съ лошадей въ одномъ прекрасномъ мѣстечкѣ, покрытомъ цвѣтами, поросшемъ кустарникомъ и кипарисами и орошенномъ журчащими ручьями и начали забавляться играми. Между прочимъ они стали устраивать въ ручейкѣ игрушечныя мельницы, какъ это любятъ мальчики. Хаджибъ Захарія подошелъ къ красавцу Меликъ Иззъ-эд-Дину Кейкавусу и безъ дальнихъ околичностей поцѣловалъ его въ щеку. Царевичъ сильно разсердился на эту дерзость и сѣлъ поспѣшно на лошадь; его слуги также, второпяхъ не узнавъ, что это за Захарія, поспѣшили вслѣдъ за нимъ. Царевичъ тотчасъ-же отправился къ отцу и объявилъ, что какой то попъ позволилъ себѣ такого рода дерзость. Султанъ послалъ двухъ хáджибовъ, которые, отыскавъ, привели Захарію. Когда онъ вошелъ, то султанъ безъ допроса приказалъ Мафрузуму казнить его. Хаджибъ испугался и приподнялъ свой капюшонъ, такъ-что открылись его лобъ и брови. Султанъ тотчасъ-же узналъ его, попросилъ Мафрузума освободить его, и удержалъ его при себѣ, что-

бы подробно распросить его объ его дѣлѣ. Затѣмъ султанъ обратился по персидски къ своимъ слугамъ и сказалъ, чтобы кто нибудь взялъ его на время къ себѣ и привелъ-бы его во дворецъ, когда оттуда удалятся всѣ посторонніе люди. Послѣ этого онъ призвалъ къ себѣ Захарію, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ. Захарія явился, поцѣловалъ землю, и султанъ спросилъ его: «Какъ здоровье моего брата»? Захарія отвѣчалъ, улыбаясь, что онъ достигъ вершины могущества и завоевалъ Грузію. Тогда султанъ [1]) сталъ опять распрашивать, желая узнать тайный смыслъ его рѣчей. Наконецъ, Захарія съ разрѣшенія султана изложилъ подробно, что на самомъ дѣлѣ случилось. Потомъ онъ сказалъ: «Сыновья Ягбасана, Музаффэръ эд-Динъ Махмудъ и его братья Загиръ эд-Динъ и Бедръ эд-Динъ, а также и другіе Уджскіе беки свидѣтельствуютъ тебѣ свою преданность и искренно желаютъ, чтобы ты снова воцарился надъ ними. Также и остальные беки и военачальники твоего государства сочувствуютъ этому и заключили съ ними клятвенный союзъ. Вотъ здѣсь ихъ грамоты и клятвенные договоры. Съ этими словами онъ открылъ посохъ и выложилъ грамоты передъ султаномъ.

Когда султанъ просмотрѣлъ договорныя грамоты, то, хоть и было ранено сердце его насиліемъ со стороны его брата, онъ размягчился и заплакалъ, опечаленный его кончиной. Затѣмъ онъ призвалъ Мафрузума [2]) и сообщилъ ему объ этомъ происшествіи. Втеченіе трехъ дней затѣмъ онъ исполнялъ обряды оплакиванія. На четвертый день онъ сказалъ Мафрузуму: «Я возвращусь въ мое наслѣдственное царство». Мѐликъ отвѣтилъ: «Если въ самомъ дѣлѣ таково намѣреніе падишаха, то я отдаю всю мою казну и имущество въ его полное распоряженіе, и самъ, изготовившись, намѣренъ его сопровождать». А еще ранѣе этого онъ далъ султану въ жены свою дочь, а сына помѣстилъ въ свиту султана. Султанъ обѣщаніями привлекъ на свою сторону всѣхъ родственниковъ Мафрузума и одарилъ каждаго изъ нихъ по мѣрѣ возможности. Затѣмъ они пустились въ путь на корабляхъ и галерахъ. Когда они прибыли въ Изникъ, то императоръ не захотѣлъ пускать султана дальше, говоря, что я де съ сыномъ Рукнъ-эд-Дина заключилъ крѣпкій договоръ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушенъ. Нѣсколько дней ушло на переговоры, и наконецъ порѣшили на томъ, что всѣ тѣ города, которые были взяты

1) Которому улыбка Захаріи показалась подозрительной.

2) Здѣсь Мафрузуму дается титулъ «мѐликъ», т. е. «царь» (?).

сельджуками въ Румѣ вплоть до Конійской области, а именно города Хунасъ, Ладикъ и другіе, будутъ переданы намѣстникамъ императора. Султанъ оставитъ обоихъ сыновей и Хаджиба-Захарію въ Изникѣ у императора, самъ же можетъ отправляться дальше. Когда онъ, прибывъ въ Конію, возсядетъ на престолъ и передастъ уполномоченнымъ императора вышеназванные города, тогда императоръ отправитъ къ султану его сыновей съ Хаджибомъ-Захаріей. На такихъ условіяхъ султанъ съ Мафрузумомъ отправились дальше и достигли страны Уджей. По прошествіи нѣсколькихъ дней Хаджибъ-Захарія пошелъ къ императору и сказалъ: «Падишаху извѣстно, что царевичи—люди нѣжнаго сложенія и нѣжнаго воспитанія. Если держать ихъ постоянно на одномъ мѣстѣ, они затоскуютъ, а черезъ это можетъ произойти вредъ для ихъ здоровья». Императоръ далъ разрѣшеніе, сказавъ: «Съ этого дня пусть они каждые два дня разъ или два утромъ и подъ вечеръ прогуливаются верхомъ по окрестностямъ Изника», и приставилъ къ нимъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей свиты. Хаджибъ-Захарія расположилъ сначала этихъ людей въ свою пользу подарками, а потомъ и совершенно привлекъ ихъ на свою сторону разными льстивыми любезностями, уловочками, присказками и обѣщаніями тимаровъ [1]) и помѣстій, такъ что они почувствовали отвращеніе и къ своему прежнему роду-племени, и къ службѣ у императора. Одинъ изъ тѣлохранителей императора, бывшій начальникомъ почетнаго караула при царевичахъ, сошелся какъ-то разъ наединѣ съ Хаджибомъ-Захаріею и, воспользовавшись этимъ удобнымъ случаемъ, сказалъ: «Почему ты не освободишь царевичей изъ этой неволи, ради чего погибать имъ въ оковахъ разлуки со своими?» Захарія отвѣтилъ: «О, объ этомъ не слѣдуетъ и думать; вѣдь султанъ заключилъ съ императоромъ договоръ и оставилъ своихъ сыновей заложниками за города Хунасъ, Ладикъ и другіе». Грекъ возразилъ на это: «Все, что ты говоришь,—это вѣтеръ, который дуетъ по горамъ и доламъ; все это не больше, какъ отговорки, а на базарѣ умныхъ людей какая имъ цѣна? Всѣ эти люди, которыхъ приставилъ императоръ, чтобы сопровождать и охранять царевичей,—мои родственники и единомышленники; я переманю ихъ на свою сторону ловкими рѣчами и такъ сумѣю имъ представить это дѣло, что со службы царевичамъ мы преспокойно перейдемъ на службу къ султану и не допустимъ, чтобы

1) «Тимаръ»—родъ леннаго владѣнія.

города, обѣщанные султаномъ императору, были дѣйствительно отданы его намѣстникамъ, а за эту двойную услугу намъ въ той странѣ будетъ воздана честь». Захарія подумалъ, что грекъ хитритъ съ нимъ, желая заставить его высказать его затаенныя мысли и донести о нихъ императору. Итакъ онъ не захотѣлъ и слушать эти рѣчи и не давалъ своего согласія. Тогда грекъ принесъ крестъ и евангеліе и поклялся на нихъ, что говоритъ сущую правду и не имѣетъ намѣренія обмануть Захарію. Тотъ отвѣтилъ: «Если всѣ твои друзья и родственники соберутся и поклянутся крестомъ и евангеліемъ, то я успокоюсь совершенно и повѣрю». Тогда грекъ сталъ призывать каждаго изъ нихъ отдѣльно къ себѣ, выпытывалъ его образъ мыслей, и, если замѣчалъ сочувствіе своимъ планамъ, то каждаго, смотря по его характеру, различными способами окончательно привлекалъ на свою сторону. Такимъ образомъ наконецъ всѣ они согласились дѣйствовать дружно сообща. Однажды подъ вечеръ царевичи отправились на охоту верхомъ и пріѣхали въ мѣстечко, покрытое богатой растительностью и изобиловавшее дичью. Они рыскали повсюду, поднимая дичь, какъ вдругъ изъ лѣса показался кабанъ; они погнались за нимъ, а онъ побѣжалъ по направленію къ странѣ мусульманской. Они сказали: «Это—добрый знакъ, предвѣщающій намъ освобожденіе». Затѣмъ они поскакали къ лѣсу якобы для того, чтобы затравить кабана. Проѣхавъ всю ночь, они къ разсвѣту достигли границы земли мусульманской и услыхали призывъ муэззина на молитву. Султанъ въ это время былъ еще въ тѣхъ мѣстахъ, располагалъ въ свою пользу уджійцевъ, занимаясь разсмотрѣніемъ дѣлъ и стремленій каждаго. Хаджибъ-Захарія тотчасъ-же послалъ султану гонца съ грамотой, въ которой говорилось, чтобы султанъ не отдавалъ городовъ, такъ какъ царевичи съ нимъ освободились и благополучно прибыли, а «стекло желанія врага разбилось». Когда султанъ получилъ это извѣстіе, то въ высшей степени обрадовался и воздалъ хвалу Богу за счастье, дарованное ему, и исполненіе его желаній. Послѣ этого султанъ, устроивъ свои дѣла въ странѣ уджійцевъ и одаривъ и обласкавъ всѣхъ бековъ и военачальниковъ, исполнилъ желанія каждаго изъ нихъ, а самъ двинулся къ Коніи».

Стр. 70—80 посвящены *описанію воцаренія Гіясъ-эд-Дина и внутреннимъ дѣламъ его царствованія.*

Въ слѣдующей главѣ разсказывается о завоеваніи Гіясъ-эд-Диномъ города Анталіи. Походъ на Анталію былъ вызванъ жалобами

мусульманскихъ купцовъ на несправедливости, которыя имъ приходилось терпѣть со стороны правителей Анталіи, «властвовавшихъ тамъ отъ лица франкскихъ государей». Два мѣсяца султанъ громилъ стѣны осажденной Анталіи десятью стѣнобитными орудіями, и наконецъ городъ былъ взятъ штурмомъ. Весь день[1]) штурма продолжалась, по приказанію султана, рѣзня. Затѣмъ впродолженіе пяти дней войску было дозволено грабить городъ, не убивая жителей, и лишь на шестой день былъ дарованъ «аманъ». Султанъ пробылъ въ Анталіи еще нѣкоторое время, которое было посвящено исправленію укрѣпленій, пополненію продовольственныхъ магазиновъ и арсеналовъ, передѣлкѣ христіанскихъ церквей въ мечети и т. п. Намѣстникомъ въ Анталіи былъ оставленъ Мубаризъ эд-Динъ Эръ Токушъ бекъ[2]), а султанъ возвратился въ Конію и съ лихвою вознаградилъ обиженныхъ купцовъ за ихъ потери. Въ персидской редакціи Ш. Шефера прибавлено, что событіе это произошло въ мартѣ 1207 г. По Ибн-ал-Асиру, Гіясъ эд-Динъ не могъ въ первый походъ взять Анталію. Жители ея передались ему уже послѣ того, какъ онъ, потерявъ надежду взять городъ, отступилъ въ Конію. См. Quelques chapitres de l'abrégé etc. page 56. Находясь послѣ завоеванія Анталіи на вершинѣ своего могущества, Гіясъ эд-Динъ задумалъ предпринять походъ на Румъ, а именно на «тегвера» Ала-шегра. Причиною этого похода было то обстоятельство, что «тегверъ Лашкари еще ранѣе этого[3]) препятствовалъ султану вступить въ страну ислама, а когда онъ, несмотря на это, вступилъ и завладѣлъ престоломъ, то тотъ со дня на день оттягивалъ отправку харача[4]) и изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ». Гіясъ эд-Динъ собралъ совѣтъ, на которомъ, изложивъ положеніе дѣлъ, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ смирить Лашкари, пока это возможно, ибо въ противномъ случаѣ его дурной примѣръ заразитъ и «другихъ невѣрныхъ бековъ, обязанныхъ платить харачъ». Приглашенные на совѣтъ беки предложили султану еще разъ отправить къ Лашкари посольство и уладить дѣло мирнымъ образомъ, но султанъ объявилъ, что мирныя средства здѣсь не помогутъ, и походъ былъ рѣшенъ. «Когда султанъ приблизился къ Ала-Шегру[5]), одному изъ

1) По персидской редакціи, изданной г. Шеферомъ, три дня.

2) А по Ш. Шеферу Мубаризъ эд-Динъ Узункашъ.

3) Т. е. во время возвращенія Гіясъ-эд-Дина изъ Византіи.

4) Дань, которую должны платить христіанскіе подданные султана.

5) Ала-шегръ—древняя Филадельфія.

большихъ городовъ Рума, шпіоны извѣстили тегвера Лашкари о приближеніи непріятеля. Лашкари, растерявшись, разослалъ грамоты, въ которыхъ просилъ о помощи, различнымъ «невѣрнымъ» племенамъ и государямъ. Такимъ образомъ изъ грековъ, франковъ, болгаръ, венгровъ и нѣмцевъ составилось многочисленное, благоустроенное войско, которое и двинулось на бой съ мусульманами[1])... Самъ султанъ, вооруженный палицей, лукомъ и мечемъ, на великолѣпномъ арабскомъ конѣ помѣстился въ центрѣ. Въ самый разгаръ сраженія, султанъ лично бросился на непріятеля, прорвалъ его ряды, убилъ множество невѣрныхъ и пробился къ центру непріятельскаго войска, гдѣ встрѣтился съ самимъ тегверомъ Лашкари. Султанъ напалъ на него и съ перваго-же раза ударомъ копья вышибъ его изъ сѣдла. Слуги и тѣлохранители султана хотѣли уже спѣшиться и умертвить его, но султанъ не дозволилъ этого, а велѣлъ опять посадить его на лошадь и отпустить. Когда въ войскѣ Лашкари распространилась вѣсть о его пораженіи (въ схваткѣ съ султаномъ), то оно обратилось въ бѣгство, объятое страхомъ, войско же султана принялось за грабежъ. Случайно вышло такъ, что тѣлохранители и оруженосцы султана оставили его одного, увлекшись грабежемъ. Вдругъ какой-то франкъ случайно наткнулся на султана. Султанъ счелъ его за одного изъ принадлежавшихъ къ его свитѣ, не обратилъ на него вниманія и не приготовился къ отпору. Франкъ же, проѣзжая мимо султана, вдругъ повернулъ лошадь и ударомъ дротика *переселилъ въ рай прекрасную душу султана*. Затѣмъ онъ забралъ оружіе и одежду султана и, присоединившись къ одному изъ спасавшихся бѣгствомъ греческихъ отрядовъ, явился къ Лашкари. Лашкари, увидя доспѣхи (султана), понялъ, въ чемъ дѣло, и спросилъ: «откуда ты взялъ это»? Тотъ отвѣтилъ: «Я убилъ владѣльца (этихъ доспѣховъ и этой одежды), все это платье я снялъ съ убитаго и явился къ тебѣ съ отрядомъ грековъ». Лашкари сказалъ: «можешь ли ты теперь найти этого убитаго и принести его ко мнѣ»? Когда тотъ далъ утвердительный отвѣтъ, то его послали съ нѣсколькими отборными воинами; они пошли и, найдя тѣло султана, принесли его къ Лашкари. Увидя тѣло, онъ сейчасъ-же узналъ султана, горько заплакалъ и въ порывѣ гнѣва тутъ-же приказалъ, чтобы съ франка заживо содрали кожу. Извѣстіе о смерти султана произвело на всѣхъ бековъ и военачальниковъ такое удручающее

1) Опускаемъ высокопарное описаніе обоихъ войскъ.

впечатлѣніе, что всѣ они *«сочли удаленіе добычей»*, примѣнивъ къ своему положенію изреченіе: «кто спасъ свою голову, уже (этимъ) остался въ барышахъ». Такимъ образомъ они обратились въ бѣгство, а войско Лашкари, ободрившись, погналось за ними, и множество народа было убито въ тамошнихъ тѣснинахъ и долинахъ, другіе потонули, третьи завязли въ болотахъ; нѣсколько бековъ, въ томъ числѣ чашнигиръ[1]) Айба и другіе, попались въ плѣнъ и были связаны и отведены къ Лашкари. Когда Айба увидѣлъ тѣло султана, то испустилъ крикъ, заплакалъ и потерся лицомъ о ногу султана. Лашкари приказалъ развязать его и старался его утѣшить. Затѣмъ онъ велѣлъ привести нѣсколькихъ жившихъ въ Алашегрѣ мусульманъ и поручилъ имъ омыть тѣло султана розовой водою, надушить его мускусомъ и похоронить временно на мусульманскомъ кладбищѣ. Впослѣдствіи, когда это дѣло было совершенно улажено, его перевезли въ Конію и погребли въ гробницѣ его предковъ»[2]).

По смерти Гіясъ эд-Дина *на престолъ вступилъ* по выбору бековъ *старшій сынъ его Иззъ эд-Динъ.* Однако, одинъ изъ его братьевъ, Ала эд-Динъ, не захотѣлъ подчиниться ему и, заключивъ союзъ съ нѣсколькими сосѣдними государями, въ томъ числѣ съ Лифуномъ Армянскимъ, осадилъ Кесарію, въ которой находился тогда Иззъ эд-Динъ, еще не успѣвшій занять Конію. Однако, при посредствѣ нѣкоего Джелалъ эд-Дина Иззъ эд-Дину удалось заключить отдѣльный миръ съ Лифуномъ тайкомъ отъ Ала эд-Дина, такъ что послѣдній вдругъ увидѣлъ себя покинутымъ своимъ самымъ сильнымъ союзникомъ. Вскорѣ послѣ отступленія Лифуна отъ Кесаріи и другіе союзники Ала эд-Дина разбѣжались и онъ былъ принужденъ снять осаду и удалиться въ Анкурію (стр. 97—105). Такимъ образомъ воцарился Иззъ эд-Динъ, царствованіе котораго было необыкновенно счастливымъ и благополучнымъ.

«Когда слава о справедливомъ правленіи (Иззъ эд-Дина) дошла до ушей императора Лашкари, то онъ очень испугался и пригласилъ умныхъ мужей совѣта, чтобы обсудить съ ними это важное дѣло и сказалъ: «Какъ-бы намъ завязать сношенія съ султаномъ Иззъ эд-Диномъ и испросить у него прощеніе за тотъ проступокъ, котораго мы

1) Такъ назывался придворный, обязанностью котораго было отвѣдывать султанскія блюда.

2) По словамъ автора другой цитированной выше исторіи Сельджуковъ, это сраженіе произошло 7 іюня 1211 г. См. Abrégé du Seldjouk Namèh etc. page 61. Этимъ оканчивается отрывокъ, изданный Ш. Шеферомъ.

(и тогда) не одобряли»[1]). Нѣкоторые (изъ призванныхъ на совѣтъ) сказали: «хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что императоръ, приказавъ казнить убійцу, тѣмъ самымъ избавилъ себя отъ всякаго подозрѣнія, тѣмъ не менѣе будетъ благоразумнымъ отпустить находящагося у него чашнигира Айбу, щедро одаривъ и обласкавъ его. Затѣмъ, снабдивъ его подарками, слѣдуетъ отправить его съ однимъ изъ приближенныхъ императора ко двору султана, чтобы онъ тамъ, въ качествѣ (бывшаго) приближеннаго султана, постарался *устранить пыль вражды и непріязни*, не смущаясь тѣмъ, что въ принесеніи извиненія заключается и напоминаніе о самомъ проступкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ также усердно собирать людей на случай войны. Если (султанъ) выкажетъ склонность къ примиренію, то и прекрасно, если же они захотятъ воевать, то мы по крайней мѣрѣ успѣемъ приготовиться». Это мнѣніе было признано справедливымъ императоромъ и его совѣтниками. Тогда были приготовлены многочисленные дорогіе подарки—какъ-то: драгоцѣнные камни, кошельки съ золотомъ, золотые и серебряные сосуды, красная обувь, златотканные франкскіе ковры, различные сорта камки и атласа, и съ ними въ сопровожденіи Сейфъ эд-Дина, котораго греки сумѣли расположить въ пользу этого предпріятія, былъ отправленъ посолъ, славившійся своимъ краснорѣчіемъ. Когда они прибыли въ страну ислама, Сейфъ эд-Динъ поспѣшилъ первый ко дворцу султана, былъ допущенъ къ рукѣ и, изложивъ сущность порученія, съ которымъ прибыло посольство, расположилъ султана въ его пользу, такъ что султанъ приписалъ несчастье, постигшее его отца, непреложной судьбѣ, предназначенной ему отъ Бога. На слѣдующій день онъ назначилъ посольству публичную аудіенцію, на которой присутствовали всѣ эмиры и сипаги. По его приказанію хаджибы привели пословъ предъ султанскій тронъ съ соблюденіемъ всѣхъ церемоній и заставили ихъ въ знакъ почтенія поцѣловать землю. Потомъ изложили ихъ порученіе и поднесли привезенные ими на поклонъ подарки, которые были затѣмъ отправлены на храненіе въ сокровищницу. Послѣ этого былъ устроенъ пиръ, на который были приглашены и послы. Султанъ милостиво и благосклонно разговаривалъ съ ними и пожаловалъ имъ подарки. На слѣдующій день была назначена частная аудіенція въ пріемной комнатѣ селямлика[2]), на которой присутствовали только послы и знатные вельможи.

1) Разумѣется конечно убіеніе Гіясъ эд-Дина.

2) «Селямликъ»—мужское отдѣленіе дома въ отличіе отъ «харемъ», куда посторонніе мужчины не допускаются.

Разговоръ шелъ о дѣлахъ государственныхъ, и послы дали султану отъ лица византійскаго императора клятвенное обѣщаніе (сохранять миръ). Затѣмъ были выбраны для императора подарки изъ сокровищницы и изъ конюшенъ султана и главою отвѣтнаго посольства былъ назначенъ опять чашнигиръ Айба. Онъ долженъ былъ передать императору отъ лица султана и его совѣтниковъ клятвенное обѣщаніе сохранять миръ, а тѣло убитаго султана перевезти въ столицу государства, Конію, гдѣ-бы его похоронили рядомъ съ его предками. Эмиръ Сейфъ эд-Динъ Айба, взявъ подарки, отправился въ путь вмѣстѣ съ греческими послами. Когда они приблизились къ своей странѣ, то послали къ императору впередъ гонца съ извѣщеніемъ, что дѣло уладилось согласно ихъ желанію, и что эмиръ Сейфъ эд-Динъ вернулся въ качествѣ отвѣтнаго посла. Когда они были уже недалеко, императоръ встрѣтилъ ихъ съ большимъ почетомъ и одарилъ ихъ самымъ щедрымъ образомъ. На слѣдующій день былъ устроенъ великолѣпный пиръ, на которомъ при звукахъ музыки подавались кушанья турецкія и греческія, а вино лилось рѣкою. Императоръ, обрадованный счастливымъ исходомъ дѣла, въ свою очередь поклялся Евангеліемъ и Христомъ не нарушать мира, который клятвенно обязался сохранять и султанъ. Затѣмъ онъ вдвое противъ прежняго наградилъ Сейфъ эд-Дина, и отдалъ ему тѣло султана; кромѣ того онъ далъ ему для раздачи нищимъ въ то время, когда тѣло опять будетъ погребено, 20000 золотыхъ и приказалъ военному отряду сопровождать тѣло султана до границы. Такимъ образомъ Айба съ посольствомъ вернулись обратно. На другой день послѣ погребенія тѣла султанова въ Коніи въ родовой усыпальницѣ, султанъ отправился поклониться праху его[1]). Послѣ этого греческіе послы были награждены и отпущены на родину.

Затѣмъ заслуживаетъ упоминанія извѣстіе о возмущеніи Анталіи. Несмотря однако на помощь въ видѣ нѣсколькихъ кораблей со стороны «франкскихъ государей», возмутившійся городъ былъ взятъ послѣ упорнаго сопротивленія приступомъ, и жители его строго наказаны. Намѣстникомъ Анталіи былъ оставленъ Мубаризъ эд-Динъ Токушъ-бекъ.

Слѣдующую главу,—«*Разсказъ объ отправленіи султана къ Синопу*» (стр. 129—139), приведемъ цѣликомъ.

1) Пропускаемъ описаніе раздачи милостыни и пр. по этому случаю.

«Когда наступила весна, то пришло время войску собраться и прійти ко дворцу султана. Со всѣхъ сторонъ собрались слуги султана съ подарками въ знакъ вѣрноподданническихъ чувствъ, готовые привести въ исполненіе все, что найдетъ полезнымъ султанъ. Самъ султанъ со своими приближенными и съ беками праваго и лѣваго крыла, разъ въ недѣлю выѣзжалъ на плацъ и усердно занимался игрою въ мячъ и джигитовкой, а также упражненіями копьемъ, палицей и другимъ оружіемъ. Въ это время султанъ вознамѣрился отправиться въ область Сиваса. Онъ прибылъ туда и по заведенному обычаю велѣлъ раздать жителямъ знатнымъ и незнатнымъ богатые подарки. Однажды во время пира прибыли гонцы отъ воеводъ, которымъ было поручено охранять Синопскую область, и передали султану запечатанную грамоту, въ которой значилось, что Кир-алк-си[1]), тегверъ Джанита, перешелъ беззаконнымъ образомъ границу своей области, овладѣлъ частью земель, принадлежащихъ султану и обманомъ захватилъ[2]) Синопъ. Когда султанъ прочиталъ грамоту, то, хотя эти извѣстія его и разстроили, онъ, не желая портить веселаго настроенія своихъ гостей, не показалъ вида. На слѣдующій день, выѣхавъ на прогулку, онъ былъ очень задумчивъ. Беки и вельможи замѣтили слѣды разстройства на его лицѣ, но не нашли возможнымъ спросить, въ чемъ дѣло. Вернувшись съ прогулки, послѣ обѣда султанъ отправился во внутренніе покои и, призвавъ бековъ, объявилъ имъ о положеніи дѣла. Всѣ они, сильно разгнѣвавшись, сказали: «О, этотъ злонравный невѣрный, бывшій всегда данникомъ Вашего Величества, дошелъ до того, что позволяетъ себѣ подобнаго рода дерзость и въ своихъ властолюбивыхъ стремленіяхъ забываетъ свое мѣсто. Если повелитель міра дозволитъ намъ пойти на этого невѣрнаго, то съ помощью Божіей мы прольемъ на землю кровь этого презрѣннаго, употребимъ посѣвы тѣхъ странъ на кормъ конямъ нашего войска и накажемъ его такимъ образомъ за его дурные поступки». Султанъ обратился съ разспросами къ людямъ, видѣвшимъ Синопъ и знакомымъ съ его расположеніемъ; они отвѣтили, что Синопъ можетъ быть взятъ только послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады, когда его жители дойдутъ до крайности вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, причемъ всякая помощь съ моря или съ суши должна быть отрѣзана; что они посовѣтовали бы въ нынѣшнемъ году послать войско, чтобы оно

1) Т. е. Киръ Алекси (Алексѣй I Комнинъ).
2) Въ текстѣ «укралъ».

побило, сколько можно, жителей, увело бы ихъ женъ въ неволю и въ конецъ разорило бы страну Синопскую. Когда же самая область будетъ разорена, а также и съ моря не придетъ помощи, то тогда завладѣть Синопомъ будетъ уже весьма не трудно. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, и на слѣдующій день войско, изготовившись, двинулось на Синопъ. Впередъ были высланы шпіоны, которые должны были, какъ слѣдуетъ, собрать свѣдѣнія о Киръ Алекси и Синопской области, и поспѣшно возвратиться съ добытыми данными. Шпіоны, возвратясь, сообщили, что тегверъ Киръ Алекси съ пятьюстами всадниковъ занимается охотою въ этихъ мѣстахъ, не соблюдая никакихъ мѣръ предосторожности, что каждый день онъ устраиваетъ съ однимъ изъ своихъ друзей попойку на одной лужайкѣ, нисколько не опасаясь какого-нибудь нападенія съ нашей стороны. Это извѣстіе весьма взволновало и обрадовало военачальниковъ, которые однако рѣшили со всяческою осторожностью подвигаться впередъ. Какъ вдругъ въ одномъ удобномъ для охоты мѣстѣ они наткнулись на самого тегвера, когда онъ пировалъ у какого-то источника, такъ что они захватили его на самомъ мѣстѣ пиршества. Несмотря на храброе сопротивленіе онъ былъ взятъ въ плѣнъ и доставленъ въ лагерь «Богомъ подкрѣпляемаго войска»[1]). Часть войска его была избита, а оставшихся перевязали, заключили въ султанской оружейной палатѣ и приставили къ нимъ караулъ. Затѣмъ тотчасъ-же послали гонца къ владыкѣ странъ свѣта (т. е. къ султану) и извѣстили его объ этомъ радостномъ событіи. Султанъ по полученіи этого извѣстія щедро одарилъ гонца и шумно отпраздновалъ посрамленіе своего врага, устроивъ публичный пиръ, на которомъ была прочитана грамота, присланная беками. Затѣмъ онъ послалъ сказать, чтобы плѣнника стерегли какъ можно лучше, что онъ самъ отправляется вслѣдъ за гонцами, такъ что слѣдуетъ приготовиться его принять. На третій день послѣ этого султанъ отправился по направленію къ Синопу. Когда онъ благополучно прибылъ къ границамъ этой страны, то былъ встрѣченъ съ подобающими почестями всѣмъ войскомъ; беки и военачальники были допущены къ цѣлованію его руки. Султанъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности обласкалъ и удостоилъ бесѣды. Помѣстившись въ своей царской палаткѣ, султанъ приказалъ привести къ себѣ Киръ Алекси, скованнаго по ногамъ. Послѣдній, подойдя къ трону, «поцѣловалъ землю сми-

1) Т. е. въ турецкій лагерь.

ренія и униженія», султанъ же обошелся съ нимъ ласково и сказалъ ему: «Не печалься и не горюй изъ за приключившагося съ тобой несчастья. Вѣдь до сихъ поръ ты живъ и здоровъ, такъ можетъ быть достигнешь исполненія своихъ желаній». Спустя нѣкоторое время султанъ опять отослалъ его подъ стражу. На слѣдующій день султанъ приказалъ, чтобы войско, изготовившись, двинулось въ походъ и обложило бы крѣпость съ суши; Киръ Алекси же онъ велѣлъ сказать, что, если уже самъ султанъ удостоилъ эту страну своимъ прибытіемъ, то нельзя и думать, что онъ возратится обратно, не достигнувъ цѣли. Поэтому слѣдуетъ Киръ Алекси послать кого-нибудь изъ своихъ довѣренныхъ людей, чтобы онъ уговорилъ жителей города сдаться. Тегверъ выбралъ одного изъ бывшихъ съ нимъ въ плѣну бековъ; по приказанію султана съ него сняли ножныя оковы и привели къ тегверу. Тегверъ отправилъ его въ городъ съ порученіемъ сказать тамошнимъ бекамъ и военачальникамъ, чтобы они сдали городъ султану. Но когда посолъ прибылъ въ городъ, «тѣ тупоумные, дурные люди» начали говорить ему въ отвѣтъ такія вздорныя рѣчи: «положимъ, что Киръ Алекси попалъ въ плѣнъ, но вѣдь у него есть взрослые, способные къ управленію сыновья, находящіеся въ Джанитѣ и Трабезондѣ. Мы выберемъ одного изъ нихъ себѣ въ государи, и не отдадимъ страны туркамъ». Когда посолъ воротился и передалъ то, что услышалъ, то султанъ приказалъ ему еще разъ пойти въ городъ и попытаться переубѣдить ихъ. Однако и второе увѣщаніе не принесло пользы и посолъ возвратился безъ успѣха. Тогда султанъ сильно разгнѣвался и приказалъ привести Киръ Алекси въ тяжелыхъ оковахъ къ городу, подвергнуть его тамъ жестокой пыткѣ и при этомъ сказать жителямъ: «Или сдавайте городъ, или мы умертвимъ Киръ Алекси». Палачи согласно этому приказанію стали пытать его; онъ же стоналъ и кричалъ, а жители города смотрѣли на него со стѣны. Киръ Алекси говорилъ имъ: «О, потерявшіе вѣру, для кого вы охраняете городъ? Когда они убьютъ меня, то и васъ истребятъ мечемъ насилія или заберутъ въ плѣнъ. Что толку для васъ и для меня въ вашемъ упорствѣ»? Такимъ образомъ прошелъ этотъ день и наступилъ вечеръ. На другой день султанъ опять приказалъ привести Киръ Алекси на то-же мѣсто и пытать его, повѣсивъ его внизъ головою. Его привели и до того мучили, что онъ потерялъ сознаніе. Когда жители города увидѣли отчаянное положеніе своего государя и убѣдились, что ихъ упорство безполезно, то стали кричать со стѣнъ: «пусть человѣкъ отъ Киръ

Алекси опять придетъ къ намъ въ городъ. Мы желаемъ вступить въ переговоры»! Когда посолъ прибылъ въ городъ, то всѣ собрались вокругъ его и сказали: «Если султанъ дастъ клятвенное обѣщаніе не убивать тегвера, а отпустить его во-свояси, а также пощадить насъ и, не трогая ни насъ самихъ, ни нашего имущества, дозволить намъ удалиться, куда мы сами пожелаемъ [1]), то мы согласны сдать городъ». Когда посолъ возвратился и сообщилъ о положеніи дѣла, то тегверъ призвалъ одного изъ приближенныхъ султана и передалъ ему рѣшеніе жителей города. Когда вѣсть эта дошла до свѣдѣнія султана, онъ призвалъ бековъ и сообщилъ имъ въ чемъ дѣло. Всѣ обрадовались, а султанъ пригласилъ тегвера и въ его присутствіи далъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе: «если намъ сдадутъ городъ, то отъ насъ не будетъ никакого вреда и ущерба ни душѣ, ни тѣлу [2]) тегвера Киръ Алекси, равнымъ образомъ мы не тронемъ ни жителей, ни ихъ имущества, и дадимъ имъ соизволеніе поселиться, гдѣ они захотятъ. Далѣе, до тѣхъ поръ, пока тегверъ будетъ находиться у меня въ подчиненіи и посылать въ мою казну ежегодную дань, а также каждый годъ войска, сколько потребуется, я со своей стороны буду признавать принадлежащими ему область Джанитскую, за исключеніемъ Синопа, равно какъ и области Трабезондскую и Лазскую и пребывать къ нему благосклоннымъ. Если же они не исполнятъ договора и выкажутъ нерасположеніе къ сдачѣ города, то я надѣюсь съ помощью Божіей взять городъ силою и тогда уже не пощажу тегвера, а жителей этого города и страны, всѣхъ отъ мала до велика, уведу въ плѣнъ». Когда послы привезли въ городъ грамоту съ клятвеннымъ договоромъ, горожане, почувствовавъ себя въ безопасности, попросили, чтобы въ городъ было доставлено султанское знамя. Тогда нѣсколько бековъ — частью изъ свиты султана, частью изъ людей тегвера — внесли съ большой торжественностью въ городъ султанское знамя въ субботу 26-го Джумадія Второго 611-го года и водрузили его на городской стѣнѣ [3]). Всю эту ночь до утра они провели въ ликованіи. Султанъ, не вступившій еще въ городъ, также устроилъ пиръ, на который пригласилъ тегвера и который продолжался всю ночь».

---

1) Въ текстѣ стоитъ «куда вы пожелаете», но, судя по дальнѣйшему ходу разсказа, надо читать «куда мы пожелаемъ».

2) Т. е. ни жизни, ни здоровью.

3) Дата эта соотвѣтствуетъ 1-му ноября 1214 года.

«На слѣдующій день войско, по приказанію султана, сѣло на коней и построилось противъ города, а знатныя и уважаемыя лица изъ числа городскихъ жителей вышли изъ города вмѣстѣ съ вступившими въ городъ наканунѣ беками и поцѣловали землю передъ султаномъ, причемъ увидѣли, что тегверъ стоялъ передъ султаномъ пѣшій. Затѣмъ въ присутствіи тегвера они передали ключи отъ города султану. Султанъ обласкалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и пожаловалъ имъ халаты; они воротились въ городъ и приготовили деньги для разсыпанія ихъ передъ султаномъ при встрѣчѣ. Астрологъ султана между тѣмъ выбиралъ время (для вступленія султана въ городъ), сообразуясь съ гороскопомъ султана. Когда наступила благопріятная минута, султанъ съ торжествомъ вступилъ въ городъ и возсѣлъ на тронъ. Затѣмъ былъ устроенъ пиръ, и городскіе жители разсыпали передъ султаномъ золотыя и серебряныя монеты, причемъ султанъ, чтобы почтить тегвера, простоялъ нѣкоторое время на ногахъ. На послѣдовавшемъ затѣмъ пирѣ тегверу было указано султаномъ мѣсто выше всѣхъ бековъ; пиръ продолжался до утра. На другой день султанъ отправился верхомъ обозрѣвать городъ. Возвратясь съ прогулки, онъ призвалъ тегвера и потребовалъ, чтобы онъ со своей стороны, какъ слѣдуетъ, вступилъ съ нимъ въ договоръ. Тегверъ подтвердилъ клятвенно договоръ, который былъ написанъ первоначально на̀-черно въ совѣтѣ султана, и заключался въ слѣдующемъ: «если побѣдоносный султанъ, Иззъ эд-Динъ Кейкавусъ ибн-Кейхосревъ пощадитъ жизнь мнѣ, Киръ Алекси, и признаетъ за мной и моими потомками право на владѣніе царствомъ Джанитскимъ, за исключеніемъ Синопа, со всѣми принадлежащими къ нему землями, то я обязуюсь посылать ежегодно въ казну, кухню, конюшню и погреба султанскіе 12000 золотыхъ, пятьсотъ лошадей, 2000 коровъ, 10000 барановъ и пятьдесятъ вьюковъ различныхъ подарковъ и драгоцѣнностей, а также не буду отказывать въ случаѣ надобности въ посылкѣ вспомогательныхъ войскъ по мѣрѣ возможности». Всѣ эти условія были засвидѣтельствованы всѣми знатными лицами обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Когда договорная грамота была совершенно окончена и препровождена въ казнохранилище, султанъ пожаловалъ тегверу дорогое платье, а именно шитый золотомъ халатъ, годный для ношенія государямъ, и праздничную шапку, а также хорошую, богато убранную лошадь съ золоченнымъ сѣдломъ и уздечкой. Въ такомъ-же родѣ подарки и халаты были пожалованы нѣкоторымъ изъ его приближен-

ныхъ, и изъ султанскихъ конюшенъ были розданы вьючныя и арабскія лошади, вьючные муллы и т. п. Затѣмъ по приказанію султана Киръ Алекси также долженъ былъ принять участіе въ верховой прогулкѣ. Тегверъ былъ умный малый и тотчасъ-же помогъ султану поставить ногу въ стремя; заиграли въ рога и трубы, и раздались клики герольдовъ и возгласы дурбашей: «Раздайся». Тегверъ взялъ чепракъ изъ рукъ стремяннаго султана и шелъ нѣкоторое время пѣшкомъ передъ лошадью его. Затѣмъ султанъ приказалъ ему возвратить чепракъ стремянному и сѣсть верхомъ на лошадь. Послѣ этого онъ ѣхалъ уже рядомъ съ султаномъ, бесѣдуя съ нимъ. Султанъ употребилъ часъ времени на прогулку по берегу. Послѣ этого онъ возвратился въ городъ и устроилъ пиръ, на которомъ присутствовалъ и тегверъ. Султанъ выказывалъ ему различными способами свою благосклонность и расположеніе и далъ ему на другой день разрѣшеніе безпрепятственно отправиться въ его страну, взявъ съ собой, кого захочетъ, изъ вельможъ города. Для нихъ снарядили корабли, на которыхъ они и отправились въ Джанитъ и Трабезондъ».

«Затѣмъ султанъ издалъ указъ, чтобы изъ каждаго города переселили въ Синопъ по одному зажиточному, образованному, уважаемому человѣку [1]); буде же они станутъ отговариваться тѣмъ, что у нихъ на родинѣ есть недвижимое имущество, то имѣніе ихъ отписать на султана, а стоимость его уплатить имъ сполна. Это приказаніе было исполнено. Кромѣ того намѣстники призвали обратно въ Синопъ всѣхъ бѣжавшихъ оттуда во время занятія Синопа франками и скитавшихся въ бѣдности, отвели имъ земельные участки и одѣлили ихъ волами и сѣменами, такъ что они опять принялись за хлѣбопашество. Церковь Синопская была обращена въ соборную мечеть. Затѣмъ султанъ назначилъ кадія, хатиба и др. чиновниковъ и должностныхъ лицъ въ городѣ, велѣлъ исправить бреши, пробитыя въ стѣнахъ, и, оставивъ въ Синопѣ гарнизонъ подъ начальствомъ одного изъ своихъ бековъ, двинулся въ Сивасъ».

Война съ Арменіей (стр. 141—149).

Зиму послѣ взятія Синопа султанъ отдыхалъ, проводя время въ различныхъ увеселеніяхъ. Весною пришли сборщики «хараджа» изъ Сиса съ жалобой на неисправность тегвера Лифуна. По совѣту бековъ походъ для наказанія непокорнаго былъ отложенъ до осени. Когда

1) Въ текстѣ несовсѣмъ ясный оборотъ: «Сахиб-мектебъ» — «окончившій начальное училище (?)».

Лифунъ услышалъ о выступленіи султанскаго войска, то очень смутился, но тѣмъ не менѣе рѣшился сопротивляться, такъ какъ не было возможности уладить дѣло «уловками ласковости». Султанъ между тѣмъ подступилъ къ Джанджину [1]), самой сильной крѣпости Лифуна. Послѣ трехдневнаго боя въ стѣны стѣнобитными орудіями, жители вступили въ переговоры и предложили сдать городъ, если черезъ три дня не будетъ подмоги отъ тегвера. Султанъ согласился подождать три дня, и, такъ какъ тегверъ рѣшительно отказался итти на выручку Джанджина, жители сдались султану съ условіемъ, чтобы турки не трогали ни ихъ самихъ, ни ихъ женъ и дѣтей, ни ихъ имущества. Послѣ взятія этого города султанъ подступилъ къ Канджину, который былъ взятъ приступомъ.

Затѣмъ произошла встрѣча съ арміей Лифуна. Наканунѣ сраженія «предсѣдатель совѣта» (эмир-и-меджлисъ) съ нѣсколькими воинами предпринялъ рекогносцировку, но былъ ночью окруженъ непріятелемъ и лишь съ большимъ трудомъ продержался противъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ до утра. Когда же былъ выручень своими, то испросилъ у султана позволеніе атаковать армянъ только съ находившимся подъ его командой отборнымъ войскомъ. Сраженіе длилось цѣлый день, но къ вечеру турки одолѣли [2]). Лифунъ бѣжалъ и скрылся въ какомъ-то сильно укрѣпленномъ городѣ. Турецкое войско впродолженіе недѣли рыскало по Арменіи, разыскивая тегвера и грабя страну, а затѣмъ рѣшено было отступить въ виду наступавшаго дождливаго времени года. Добыча была такъ велика, что красивый невольникъ или невольница изъ армянъ стоили въ Кайсаріи 50 акча (серебряная монета), корова — два акча, пять овецъ — одну акча. Султанъ распустилъ войско до весны, а самъ остался зимовать въ Кайсаріи.

Когда султанъ повелѣлъ отступить изъ Арменіи, Лифунъ вышелъ изъ крѣпости, въ которой скрывался, и порѣшилъ отправить къ султану посольство съ извиненіемъ за свою неисправность и предложеніемъ уплачивать впредь двойной хараджъ и выставлять ежегодно сверхъ положеннаго числа еще пятьсотъ воиновъ въ полномъ вооруженіи. Заручившись посредничествомъ нѣсколькихъ важныхъ бековъ, Лифунъ примирился съ султаномъ, который согласился признавать его тегверомъ Сиса съ тѣмъ, чтобы онъ 1) уплатилъ сполна недоимку 2)

1) Въ текстѣ «Дж-нджин».

2) Съ армянской стороны упоминаются витязи: Баронъ Василь, Баронъ Ошинъ, Баронъ Ношинъ и Баронъ Гундстаплъ.

впредь неукоснительно выплачивалъ бы 20000 золотыхъ хараджа ежегодно, не считая подарковъ. Съ такимъ рѣшеніемъ султанъ отправилъ къ Лифуну Зія-эд-Дина Кара Арслана. Лифунъ принялъ его съ почетомъ, согласился на предложенныя условія, и въ свою очередь отправилъ посольство къ султану, который одарилъ пословъ и выпустилъ также изъ тюрьмы плѣнныхъ армянскихъ бековъ, пожаловавъ имъ подарки (стр. 149—152).

По смерти Иззъ эд-Дина на престолъ вступилъ Ала-эд-Динъ Кей кобадъ, который, благополучно процарствовавъ нѣкоторое время, рѣшилъ «что ему должно устремиться отъ услажденія сердца пирами къ подвигамъ войны». По совѣту бековъ первый походъ былъ предпринятъ противъ весьма сильной армянской крѣпости «Калубурусъ»[1]). Султанъ раздѣлилъ свое войско на три отряда: одинъ долженъ былъ занять горы, среди которыхъ находилась крѣпость, другой долженъ былъ итти къ ней, держась морскаго берега, а третій былъ посаженъ на корабли и галеры и долженъ былъ громить городъ съ моря. Кикалысъ (или «Кикалы»?) этой крѣпости, по имени Гиръ-Вардъ, рѣшилъ попробовать «отсидѣться». Осада продолжалась два мѣсяца, впродолженіе которыхъ турки громили городъ сотнею стѣнобитныхъ орудій. Наконецъ Г. В. принужденъ былъ сдаться[2]), причемъ сначала обратился съ переговорами не къ самому султану, а къ Мубаризъ эд-Дину Эръ Токушъ беку, одному изъ заслуженныхъ вельможъ. При его посредничествѣ переговоры увѣнчались успѣхомъ. Ала эд-Динъ основалъ на скалахъ Калубуруса крѣпость, которую назвалъ Алаійя (стр. 227—247[3]). Оттуда онъ направился къ Анталіи, и по дорогѣ задумалъ завладѣть городомъ «Алара», въ которомъ княжилъ братъ Гиръ-Варда, «отдернувшій свою полу отъ мірскихъ утѣхъ и выбравшій для себя поверхъ атласа шерстяное одѣяніе». Получивъ отъ султана предложеніе покориться, онъ такъ испугался, что заболѣлъ коликами въ животѣ и умеръ. Вельможи и знать, устрашенные его смертью, рѣшились подчиниться, не дѣлая попытки сопротивляться.

1) Такъ читается это имя въ кодексѣ, но г. Гоутсма доказалъ (См. Actes du VI congrès international des Orientalistes, 2 partie p. 382), что слѣдуетъ читать Калоноросъ=καλὸν ὄρος, что въ свою очередь было испорчено въ Канделоръ или Сканделоръ.

2) Въ Сельджукъ намэ говорится, что султанъ видѣлъ сонъ, предвѣщавшій ему сдачу города, и по этому случаю устроилъ угощеніе для бѣдныхъ, на которое пошло 100 коровъ и 1000 овецъ, причемъ велѣно было раздать 10000 серебряныхъ монетъ.

3) Такимъ образомъ Алаійя стоитъ на мѣстѣ древняго Канделора = καλὸν ὄρος = Калубурусъ.

4) Платье дервишей.

Когда въ точности произошло взятіе этихъ двухъ городовъ, въ Сельджукъ намэ не говорится, но вѣроятно это случилось до 628 года гиджры (1230/31 г. по Р. Х.). Дѣло въ томъ, что событія разсказываются обыкновенно въ хронологическомъ порядкѣ, а на стр. 251 (уже послѣ разсказа о взятіи Алары) говорится о возведеніи въ 628 г. укрѣпленій въ Коніи и Сивасѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще краткое извѣстіе (на стр. 217) *о походѣ турокъ на кипчацкую степь, Сугдакъ и Русовъ*. Буквально тамъ значится слѣдующее: «Ему (т. е. султану Ала эд-Дину Кейкобаду) платили дань и повиновались Румъ, Арменія, Русъ, Венгрія, Курджистанъ и острова (?). Беклербекъ Хусамъ эд-Динъ Чупанъ-бекъ съ войскомъ, переправившись, въ степь съ суши проникъ и разбилъ кипчаковъ, завоевалъ Сугдакъ и взялъ дань (хараджъ) съ Русовъ. Послѣ этого невѣрные были спокойны до «татарской смуты» (татар-фэтрети). Подъ «татарской смутой» авторъ разумѣетъ вѣроятно походы Чингизъ-хана и въ частности время вскорѣ послѣ 1231 года, когда послѣ смерти послѣдняго упорнаго противника Чингизъ-хана, Джелаль эд-Дина Хорезмшаха, явилось опасеніе, что монголы двинутся немедленно далѣе на западъ на халифатъ и сельджуцкое царство въ Малой Азіи[1]). Приведенное выше краткое извѣстіе о походѣ на Русовъ находится въ главѣ о «доблестныхъ свойствахъ султана Ала эд-Дина Кейкобада ибн-Кейхосрева», въ которой авторъ мѣстами забѣгаетъ впередъ, давая общую характеристику этого государя и упоминая кстати о нѣкоторыхъ особенно важныхъ событіяхъ.

Къ этому походу на Сугдакъ авторъ возвращается еще разъ на стр. 315—328, но мы узнаемъ только, что походъ этотъ былъ вызванъ жалобами купцовъ на грабежи, которые имъ приходилось терпѣть между прочимъ на Русскомъ (т. е. Черномъ) морѣ. Одновременно съ экспедиціей въ Кипчацкую степь подъ начальствомъ вышеназваннаго Хусамъ эд-Дина, было отправлено войско и въ Арменію [2]). Подробный отчетъ объ этихъ экспедиціяхъ составитъ вѣроятно начало второго тома издаваемаго г. Гоутсма «Таварих-и-Ал-и-Сельджукъ».

Платонъ Меліоранскій.

---

1) Ср. Actes du VI congrès intern. des Orient. II partie p. 380 sv., гдѣ г. Гоутсма высказываетъ предположеніе, что эта экспедиція была совершена около 1227 года.

2) Не лишено интереса брошенное вскользь на 322 стр. замѣчаніе, что на службѣ у Ала эд-Дина Кейкобада находился кромѣ Мафрузума (см. выше) еще какой-то «К-м-н-нусъ» (Комнинъ?).

Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ.

IV. Ἐμ. Γεωργιλλᾶ. Θανατικὸν τῆς Ῥόδου.

Такъ какъ текстъ поэмы Георгилла «Θανατικὸν τῆς Ῥόδου» въ изданіи Леграна (Bibl. gr. vulg. I, стр. 203—225) сравнительно лучше текстовъ, изданныхъ Вагнеромъ (Medieval gr. texts. London 1870, стр. 171—190 и Carmina graeca med. aevi. Lips. 1874, стр. 32—52), то въ нашемъ разборѣ мы будемъ имѣть въ виду преимущественно первое изданіе, указывая на тѣ мѣста, которыя Легранъ оставилъ безъ вниманія. Относительно же чтенія рукописи мы приняли во вниманіе и колляцію, сдѣланную Психари (Essai de Gramm. hist. néo-grecque. Paris. 1889. II, стр. 247—258).

ст. 23: καὶ ἔφα τοὺς ἀνθρώπους της μὲ λοιμασμένην πεῖνα.

Рукопись даетъ правильное чтеніе предпослѣдняго слова стиха: λιμασμένη; но Вагнеръ по недоразумѣнію замѣнилъ это чтеніе другимъ — λοιμασμένη, что̀ одобряетъ и Легранъ. Однако для такой замѣны не было основаній. Глаголъ λιμάζω и страдательное причастіе λιμασμένος употребляются и теперь въ ново-греческомъ языкѣ въ значеніи «голодаю» и — «голодающій», причемъ соединеніе «λιμασμένη πεῖνα» означаетъ «страшный голодъ»; напротивъ, слова λοιμασμένη πεῖνα не вызываютъ въ умѣ никакого представленія.

ст. 29: καὶ 'φῆκεν τα ν' ἀναθραφοῦν μὲ πικριαῖς καὶ φαρμάκια.

Καὶ 'φῆκεν — это написаніе Вагнера и Леграна, между тѣмъ какъ рукопись даетъ καὶ φῆκεν. Но во многихъ другихъ мѣстахъ, хотя рукопись даетъ подобное же написаніе, какъ напримѣръ ст. 24: καίκοψε,

---

Примѣч. Настоящая статья представляетъ собою продолженіе ряда критическихъ этюдовъ къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ, начало которыхъ (I—III) недавно помѣщено нами въ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, т. IV. Византійское Отдѣленіе, ч. II

ст. 26: χαίθλιψεν, ст. 524: χαίγλυφε, ст. 525: χαίτρεχε, тѣмъ не менѣе Легранъ пишетъ правильно: χ'ἔχοψε — χ'ἔθλιψεν—χ'ἔγλυφε — χ'ἔτρεχε, такъ какъ извѣстно, что при совпаденіи союза καί съ какою бы то ни было гласною опускается гласная этого союза, а не начальная гласная слѣдующаго слова (ср. Hatzid. Einleit. стр. 213). Слѣдовательно и здѣсь надо писать χ'ἐφῆκεν. Что же касается сл. πικριαῖς, то размѣръ требуетъ чтенія πίκραις.

ст 33: καὶ δέρνεις καὶ παιδεύεις την μὲ θανάτου αἰτια;

Рукопись по чтенію Психари даетъ με θανάτου. Замѣчаніе же его «un premier accent effacé sur θα» убѣждаетъ насъ, что первоначально было написано μὲ θάνατου, а потомъ вставлено удареніе по правиламъ древне-греческаго языка; однако размѣръ требуетъ чтенія μὲ θάνατου.

ст 35: τὴν Ῥόδον τὴν ἐξακουστὴν εἰς τότε παιδεμμένη.

Относительно слова παιδεμμένη, хотя и рукопись даетъ несомнѣнное чтеніе, — у насъ является все же маленькое сомнѣніе: какое именно значеніе можетъ имѣть τὴν Ῥόδον τὴν ἐξακουστὴν εἰς τότε (рук. εἰς τόνε) παιδεμμένη? Было бы болѣе подходящимъ вмѣсто παιδεμμένη изыскать какое нибудь слово, обозначающее нѣчто аналогичное слову ξακουστήν, такъ какъ намъ кажется, что авторъ противопоставляетъ здѣсь прежнее цвѣтущее состояніе Родоса тому, которое послѣдовало послѣ посѣщенія его ужасною болѣзнью. Поэтому мы думаемъ, что παιδεμμένη поставлено переписчикомъ вмѣсто παινεμένη; παινεμένος и παινετός имѣютъ то же значеніе, что и ἐξακουστός и ξακουσμένος, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Ἐμμ. Σκλ. Συμφ. Κρήτ. стр. 197—8.

Κρήτης, ὡς ἤσουν παινετὴ κι' ἀπ' ὅλαις διαλεμένη
γιατί τώρα εὑρέθηκες ἀπ' ὅλαις ὠργισμένη;

Passow pop. Carm. CCCXIV ст. 3—4. (? Ред.).

Ἄχ Φροσύνη μ' παινεμένη
τί κακὸ 'παθες καϋμένη!

— CCXXXVI ст. 1—2

Ἀρβανίταις παινεμένοι
ποῦν' Ἀλῆ πασᾶς, καϋμένοι;

— CCXLIV ст. 11.

Μὰ τοῦ Γλημήδ' ἡ κεφαλὴ ἡ πολύ παινεμένη

Въ народныхъ поэмахъ очень часто даже соединяются вмѣстѣ ξακουστὸς и παινεμένος, какъ Passow CCXL ст. 3

Ὁποῦμ' Ἀνάπλι ξακουστὸ κι' Ἀνάπλι παινεμένο.

ст. 43: εἰς κάμπους ἔξω σκοτεινὰ ἐκεῖσε νὰ τὰ χώνουν·

Вмѣсто ἐκεῖσε рукопись даетъ ἐκεῖθε, которое, намъ кажется, мы должны возстановить въ текстѣ, такъ какъ древнее значеніе окончанія — θεν изчезло уже въ народномъ языкѣ, и нарѣчія, имѣющія это окончаніе, обозначаютъ направленіе къ мѣсту.

ст. 59: καὶ αὐτά σας τὰ γαλαντικά, τὰ πάνω σας ὁποῦδα

Γαλάντικα даетъ рукопись по чтенію Психари, и размѣръ нисколько не противорѣчитъ такому ударенію.

ст. 67: κ' ἡ λυγεραῖς ἐχάθηκαν κ' οἱ νέοι ἐποντιαστῆκαν.

Вагнеръ и Легранъ пишутъ ἐποντιαστῆκαν, между тѣмъ какъ рукопись даетъ просто ἐποντιστῆκαν. Глаголъ ποντίζομαι значитъ: погружаться, тонуть, или вообще — исчезать, пропадать, что̀ именно и требуется въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ этотъ глаголъ соединенъ съ ἐχάθηκαν. Что же касается глагола ποντιάζω или πουντιάζω, то это совсѣмъ другое слово, происходящее отъποῦντα (= итал. punta), т. е. воспаленіе легкихъ, и означаетъ: «страдать этою болѣзнью», или вообще — «простужаться»

ст. 91: Ὄρη, βουνὰ καὶ θάλασσα, γῆ τῆς Ῥόδου, τὰ ὄρη.

Поставленіе члена предъ вторымъ ὄρη является неумѣстнымъ; слѣдуетъ читать γῆ τῆς Ῥόδου καὶ ὄρη.

ст. 142—146: Πρέπει νὰ γράψωμεν καὶ αὐτὴν μὲ τ' ἄλλα τὰ γραμμένα,
τὴν ἅλυσιν τὴν ἀργυράν, τῆς μέσης τὴν καδένα·
ὅλην τὴν μέσην ζώνεται, καὶ φθάνει ἕως κάτω,
καὶ ξετελεύει ἄκρατα 'ς τοῦ καλικιοῦ τὸν πάτον·
δένει καὶ κόμπους δύο τρεῖς τάχατε νὰ κοντήνῃ.

Мы приводимъ всѣ эти стихи, чтобы сдѣлать яснымъ, какъ вообще мало издатели поняли мѣсто, приводя стихъ 141 въ такомъ видѣ. Интересно было бы знать: какой смыслъ влагаютъ они въ тотъ стихъ? Вѣрнѣе всего, что они его совершенно не поняли. Мы увѣрены, что чтеніе рукописи: ξετελεύει ἄκρατις правильно во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ правописанія, и что, если только правильно написать: νὰ ξετελεύ' ἡ ἄκρα της, то и получится совершенно ясный и удовлетворительный смыслъ; «цѣпь эта опоясываетъ всю талію и опускается къ низу (ст. 144), и конецъ ея достигаетъ подошвы ботинка».

ст. 151: αὐτὰ μισὰ τῶν ἥμισων νὰ ἔλθωσι νὰ σιάσουν.

При такомъ написаніи стихъ не выражаетъ никакой мысли; вѣ-

роятно, ошибка скрывается въ словахъ: αὐτὰ μισὰ τῶν ἥμισων, и если писать ἀφ' τὰ μισὰ τὸ ἥμισον, то связь будетъ: νὰ ἔλθουσι νὰ σιάσουν τὸ ἥμισον ἀφ' τὰ μισά (la metà della metà: по итал.).

ст. 173—4: ἐπάνω εἰς ψιλὰ λινὰ λογιαῖς ὀχραῖς μὲ τάξιν
νὰ χρυσοχλαβαρίζουσιν μ' ἀσήμιν καὶ χρυσάφιν.

Хотя въ рукописи имѣется μετάξιν, тѣмъ не менѣе Вагнеръ, а за нимъ и Легранъ пишутъ μὲ τάξιν, что̀ совершенно безсмысленно. Между тѣмъ по первому написанію мысль очень ясна: νὰ χρυσοχλαβαρίζουσιν λογιαῖς ὀχραῖς μετάξιν μ' ἀσῆμιν καὶ χρυσάφιν ἐπάνω εἰς ψιλὰ λινά, т. е. «накладывать на тонкое полотно различныхъ цвѣтовъ шелка̀ съ серебромъ и золотомъ». — Слово κλαβαρίζω, встрѣчающееся въ этомъ мѣстѣ (χρυσοκλαβαρίζουσιν), не находится въ словарѣ Дюканжа; оно происходитъ отъ латинскаго *clavare* т. е. сколачивать.

ст. 194: Αἵ πικραμός, αἵ συμφορά, πόσο 'ναι τὸ κακό μου!

Вмѣсто πόσο 'ναι не надо ли писать πῶσωνε (= ποῦ ἔσωνε)? Это намъ кажется болѣе правильнымъ, и тогда мысль стиха выразится такъ: *«О горе, о бѣдствіе, до котораго дошло мое несчастіе!»*

ст. 224: καὶ σὺ μὲ ἕνα πήδημα, δὲν τὸ κάμνει λεοντάρι,

Употребленіе относительнаго мѣстоимѣнія τὸ послѣ δὲν (δὲν τὸ κάμνει) едва ли можно назвать правильнымъ, такъ что скорѣе слѣдуетъ читать τὸ δὲν κάμνει λεοντάρι.

ст. 229: Καὶ ἂν 'φήσῃς καὶ κανένα δυό, θλίψες μὲ τοὺς χαρίζεις.

Форма 'φήσῃς отъ глагола ἀφήνω и послѣ согласной — не можетъ быть названа невозможною, такъ какъ глаголъ ἀφήνω употребляется и безъ начальнаго *α* (φήνω ср. Hatzid. Einleit. стр. 74); тѣмъ не менѣе въ данномъ мѣстѣ, намъ кажется, мы имѣемъ дѣло съ другимъ глаголомъ, — именно φείδω-φείσῃς (рукоп. φίσῃς). Извѣстно, что этотъ глаголъ въ древнегреческомъ языкѣ имѣлъ только страдательный залогъ, т. е. φείδομαι; но въ средневѣковомъ языкѣ мы встрѣчаемъ его и въ дѣйствительномъ залогѣ, какъ напр.: φεῖσον, ἀββᾶ, οὐδὲν ἔλαβον ('Ιωάν. Μοσχ. 2980 в.).

ст. 216: ταῖς εὐμορφιαῖς τὰ κάλλη σου, τὰ ἔχει βασιλειά σου

Переписчики греческихъ средневѣковыхъ текстовъ очень часто пропускаютъ членъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ предыдущее слово оканчивается звукомъ *i*. Правда, что при встрѣчѣ двухъ *i*, одно изъ нихъ исчезаетъ; но въ такомъ случаѣ исчезаетъ — не гласная члена, а скорѣе гласная предыдущаго слова. Сообразно съ этимъ и въ нашемъ мѣстѣ надо писать: τὰ ἔχ' ἡ βασιλειά σου, потому что членъ въ дан-

номъ случаѣ, по требованіямъ языка, нельзя считать излишнимъ; съ погрѣшностью въ такомъ родѣ оказываются и слѣдующіе стихи того же памятника у Леграна, которые мы приводимъ въ исправленномъ нами видѣ:

καὶ παίρνεις ὅποιους βούλεσαι καὶ θέλ' ἡ ὄρεξί σου. 226.
δὲν λείπ' ἡ καταδίκασις, κ' ἐξάφες τὸ διὰ ἴντα 397.
καὶ αὐτά, τὰ ῥίζ' ἡ ἐκκλησιά, νὰ τὰ τηρῇ νὰ βλέπῃ 494.

Подобнымъ образомъ надо возстановить членъ и въ слѣдующихъ стихахъ другихъ памятниковъ:

Σαχλίκ. I. (изд. Вагн. стр. 62—78)
ὅταν σοῦ λέγ' ἡ κούρβα «ναί», λέγει σε πάλιν «ὄχι» (ст. 312).
ἑνὸς [ἐ]παίρν' ἡ πολιτικὴ κι' ἄλλου τὰ μεταδίδει (362).
Σαχλίκ. II. (Вагн. стр. 79—105)
καὶ τότε ἡ Κουταγιώταινα λέγει ταις, ἐγερθῆτε (568).
καβαλλικεύ' ἡ Κουφαροῦ καὶ τρέχ' ἡ Ῥοκοτζέλα (675).
καὶ 'πιλαλεῖ ἡ Πλαγήταινα καὶ κροῦ την 'ς τὴν ῥοδέλαν (676).
Γέροντ. (Вагн. стр. 106—111)
τρέχ' ἡ κοπέλλα, φέρνει το, κι' ἂς λησμονᾷ (чит. κι' ἀλησμονᾷ) τ' ἀδράκτι (105).
Γαδ. Διήγ. (Вагн. стр. 124—140)
καὶ λέγει τότε μέσα του, τώρα νὰ παίζ' ἡ γνῶσι 46.
προτοῦ μᾶς πάρ' ἡ θάλασσα νὰ μᾶς καταποντίσῃ 179.
βλέπω, περιεργάζομαι, καὶ ἡ γάτα ἦτον γραῖα 259.
νὰ μὴν περάσ' ἡ σήμερον, κ' ἐγὼ νὰ σοῦ τὸ δείξω 419.
Πουλολ. (Вагн. стр. 179—198) ст. 260.
καὶ ἡ ἡδονή μου ἐξαίρετος ἀπ' ὅλων τῶν ὀρνέων.
Ἀπολλών. (Вагн. 248—276)
ὁποῦναι ἡ παραμάνα της, ἡ Ἰλεωκαρδία 498.
πολλαῖς ἁγίαις καλογραῖς κ' ἡ κυρὰ Ἀρχιστρατοῦσα 804.
Βελισσάρ. II. (Вагн. 322—347) ст. 206.
οὐδὲ ἡ ψυχή μου ἤγειρε κατά σου ἀνταρσίαν.
Βελισσάρ. III. (Вагн. стр. 347—378) ст. 47.
ἔκτισεν, ἐτελείωσεν ὅτ' οἱ πολλοὶ θαυμάσαν
Πρόδρομ. κατὰ Ἡγουμ. (изд. Легр.) ст. 53
ἀπέσω τὰ μανίκια σου καὶ ἀπέσω ἡ τραχηλιά σου.

ст. 256—9: Διατί τινες εὑρίσκονται νὰ λέγουν ἄλλα καὶ ἄλλα
πῶς ἁμαρτάνουν εἰς Θεὸν καὶ σφάλλουσι μεγάλα,

πῶς ἀποθαίνουν τουτοινὰ καὶ κεῖνοι νὰ γλυτόνουν,
ἡμεῖς, καλοὶ Χριστιανοί, κακοὶ δὲ τοὺς σκοτώνουν.

Мысль двухъ послѣднихъ стиховъ при такомъ чтеніи не ясна. Легранъ очень справедливо писалъ τουτοινὰ слитно вмѣсто τοῦτοι νὰ, какъ у Вагнера; при этомъ однако онъ оставляетъ κεῖνοι νὰ по чтенію Вагнера. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и это послѣднее мы должны писать также — κεινοινά, потому что — να въ данномъ случаѣ не союзъ, а просто частица (demonstrativum), присоединяемая къ указательнымъ мѣстоимѣніямъ, такъ что въ настоящемъ мѣстѣ τουτοινὰ и ἐκεινοινὰ соотвѣтствуютъ древнимъ формамъ—οὑτοιί - ἐκεινοιί. Что же касается смысла стиха 259-го, то, думается — онъ легко получится, если только писать οἱ μὲν καλοὶ вм. ἡμεῖς καλοί:

πῶς ἀποθαίνουν τουτοινὰ καὶ κεινοινὰ γλυτώνουν,
οἱ μὲν καλοὶ Χριστιανοί, κακοὶ δὲ τοὺς σκοτώνουν.

ст. 260—1: Ὅταν ψοφοῦν τὰ πρόβατα, ὁ Θεὸς τίνα παιδεύγει;
καὶ λύκος πρόβατον ἂν φᾷ, ποῦ τίνα τὸ γυρεύγει;

Какъ справедливо Психари замѣчаетъ, — чтеніе рукописи πουτίνα не что иное, какъ ἀπὸ τίνα· слѣдовательно, мы должны писать ’πὸ τίνα τὸ γυρεύγει;

ст. 317: χωρὶς ξενιάσματα καὶ ἀφ’ τὴν τῆς ἀδικιᾶς τὴν χρῆσιν,
Пис. καὶ αὐτὴν τῆς ἀδικιᾶς τὴν χρῆσιν.

ст. 345: ῥίπτει τὸ στέμμα ἐκ τῆς κεφαλῆς καὶ πιάνει Θεοῦ στράτα.
Размѣръ стиха легко возстановляется опущеніемъ члена τῆς.

ст. 375: καὶ ὁ χειμῶνας ἔφυγεν κ’ ἦλθεν ἡ πριμαβέρα,
чит. ἡ πρίμα βέρα отдѣльно: подобнымъ образомъ надо читать πὲρ βάντα въ ст. 424, и πὰρ δίο въ ст. 465.

ст. 383: Ἀλήθεια, ἐκ τῆς θλίψης μου ἐντάλωσε τὸ φῶς μου.

Болѣе вѣрное чтеніе даетъ рукопись по чтенію Психари ἐκ τὶς θλίψης μου, такъ какъ смыслъ требуетъ множественнаго числа: ἐκ τὲς θλίψεις μου.

ст. 400—2: Τὰ νεωτικὰ σκιρτήματα καὶ ταῖς ἀτακτοσύναις,
τοῦ κόσμου τ’ ἀγγελήματα, ταῖς μουζοσταχτοσύναις,
ἄσχημον ἔνι, πίστευσον, ὁ γέρος νὰ γυρεύγῃ.

Чтеніе τἀγγελήματα результатъ поправки Вагнера, мнѣніе котораго раздѣляетъ въ этомъ случаѣ и Легранъ; однако рукопись даетъ ταγτελήματα, которое скорѣе надо читать τάκτελήματα = τὰ ἐκτελήματα въ смыслѣ τὰς πράξεις и лишь одно изъ подобныхъ выраженій допускается смысломъ мѣста.

[redacted]

ст. 421: βάλλει γομάρι πάνω του κ' εἰς 'τὸ κεφάλιν κλῖμα·

Слово κλίμα въ такомъ видѣ не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ стихѣ, какъ и въ стихѣ 440.

κάλλιον νὰ μὴ 'χαν βλογηθῆν, νὰ μὴ 'χαν βάλειν κλῖμα.

Въ обоихъ этихъ мѣстахъ надо писать κλῆμα = виноградная лоза, потому-что изъ такой лозы и до сихъ поръ въ деревняхъ Греціи дѣлаются свадебные вѣнки, о чемъ и идетъ рѣчь въ вышесказанныхъ мѣстахъ.

Ст. 444: καὶ ἂν ἴσως καὶ ἀπὸ τὴν πτωχειὰν τὰ ῥοῦχά των μοιρίζουν

Чит. μυρίζουν.

Ст. 561—3: κρασοπουλειά, ψαροπουλειὰ ψοινίζουν 'ς τέτοιον μόδον,
καὶ τετραδοπαράσκευον ἢ νήστεια, τὰ καθάρια,
δὲν θέλει ὁ κοιλιόδουλος νὰ μείνῃ χωρὶς ψάρια.

Κρασοπουλιά — это результатъ поправки Вагнера, которому слѣдовалъ и Легранъ. Но въ данномъ случаѣ слово κρασοπουλιά совсѣмъ не имѣетъ мѣста, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о постѣ, которому противополагается употребленіе мяса. Поэтому болѣе правильно чтеніе рукописи κρατοπουλία т. е. κρατοπουλειά (= κρεατοπωλεῖα), и это чтеніе мы должны сохранить въ текстѣ. Въ недоумѣніи находятся издатели и относительно ст. 562. Что значитъ ихъ чтеніе καὶ τετραδοπαράσκευον ἢ νήστεια, τὰ καθάρια δὲν θέλει ὁ κοιλιόδουλος νὰ μείνῃ χωρὶς ψάρια, — мы не понимаемъ. Рукопись даетъ и здѣсь правильное чтеніе: ἡ νήστια νακαθάρια, изъ котораго мы читаемъ ἢ νηστιανὰ καθάρια. Νηστειανὰ καθάρια (= καθάρια τῶν νηστειῶν) — вообще посты, противопоставляемые у автора τετραδοπαράσκευον. Такимъ образомъ возстановляется смыслъ мѣста, именно: По средамъ и пятницамъ и прочимъ постнымъ днямъ чревоугодникъ не хочетъ оставаться безъ рыбы.

V. Μανόλη Σκλάβου. Ἡ συμφορὰ τῆς Κρήτης.

При критическомъ разборѣ настоящаго и дальнѣйшихъ текстовъ, изданныхъ Вагнеромъ, у насъ не имѣется другихъ пособій кромѣ того же изданія Вагнера и варіантовъ по рукописнымъ кодексамъ, указываемымъ у того же издателя.

ст. 23—4: χωριά, καστέλλι' ἐχάλασαν, πύργοι μεστοὶ ῥαγῆσαν,
πόσα κορμιὰ τιμητικὰ ποῦ κακοθανατίσαν!

Слово ῥαγῆσαν есть форма аориста отъ глагола ραγίζω (дѣйствительнаго и средняго залоговъ), и потому его надо писать ῥαγίσαν, какъ и въ ст. 37 — ῥαγίσῃ, 51 — ἐρραγίσασι и др.

ст. 27—29: εἶδα μαννάδες καὶ παιδιὰ ναῦρουσιν πλακωμένα,
ἀνδρόγυνα πολύτιμα κακοθανατισμένα,
ἄρχοντες πολυτίμητοι τοὺς παῖδας καναχεμένα.

Несомнѣнно, надо писать τὰ παιδιὰ вм. καὶ παιδιά въ ст. 27, такъ какъ синтактическая связь такова: εἶδα μαννάδες, ναῦρουσι τὰ παιδιὰ πλακωμένα.—Что касается второй половины ст. 29, заключающей въ себѣ погрѣшности въ отношеніи синтаксиса и размѣра, то Спир. Ламбросъ правъ, предлагая чтеніе — παιδιὰ καναχεμένα (Rom. Gr. стр. LVI).

ст. 32: κι' ἄλλη νὰ λέγῃ «μαννίτσα μου, κερά μου καὶ μητέρα».

Вагнеръ правъ, замѣчая: λέγῃ una syllaba proferendum; но въ такомъ случаѣ надо писать λέῃ.

ст. 41: ἔτσι ὁ λαὸς ἐφώναξε, πῶς μᾶς καταποντίζει.

Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь имѣетъ мѣсто ἐφώναζε, а не ἐφώναξε.

ст. 69: ἡ ἀρχόντισσαις μὲ λύπησιν ἕνας τ' ἀλλοῦ γὰ λέγῃ.

Чтеніе ἡ ἀρχόντισσαις очевидная ошибка, такъ какъ рѣчь идетъ не объ ἀρχόντισσαις, а только объ ἄρχοντες (ἕνας τ' ἀλλοῦ νὰ λέγῃ), почему и слѣдуетъ писать — οἱ ἄρχοντες.

ст. 90: νὰ γνώθῃ τὰ μυστήρια τῆς Αὐθεντειᾶς ἐδῶθι.

Правильнѣе чтеніе рукописи: ἐδόθη.

ст. 113: ὦ Κύριε, μὴ τῷ θυμῷ μᾶς ἐλέγξῃς τῷ δικῷ σου

Недостатокъ въ размѣрѣ устраняется, если писать μ' ἐλέγξῃς вм. μᾶς ἐλέγξῃς; впрочемъ единственное число με даетъ и Псалтирь: Κύριε, μὴ τῷ θυμῷ σου ἐλέγξῃς με (Ψαλμ. λη'. 1).

ст. 122: κι' ὅλος ὁ κόσμος ἔλεγεν «ἡ παρουσιὰ δευτέρα».

Размѣръ нисколько не страдаетъ отъ прибавленія передъ δευτέρα члена ἡ, необходимаго по требованіямъ языка.

ст. 179—83: ὦ Κρήτης! ..ἀποκρίνεται μὲ ταπεινὸν τὸ σχῆμα,
λέγει «μὴ μ' ὀνειδίζετε, κ' ἔχετε μέγα κρίμα»!
δὲν μ' ἔρριξεν ἐμὲν σπαθὶ οὐδὲ μπουμπάρδα Τούρκου,
οὐδὲ τοῦ Οὔγγρου τ' ἅρματα οὐδὲ τοῦ Μαμαλούκου!
τὰ τέκνα μου τ' ἐχάλασαν ἀπὸ τὴν βλαστημιά τους.

Общая мысль мѣста указываетъ, что надо писать:

Ἡ Κρήτης ἀποκρίνεται μὲ ταπεινὸν τὸ σχῆμα,
λέγει «μὴ μ' ὀνειδίζετε и т. д.
τὰ τέκνα μου μ' ἐχάλασαν ἀπὸ τὴν βλαστημιά τους.

ст. 189—90: Κρήτη, σ' ἡ Ῥόδο ἐθλίβηκε, τῆς Χίος ἐκακοφάνη
τ' ἀνόλπιστόν σου τὸ κακόν, κι' ἀπὸ τὸν νοῦν τους 'βγάνει.

Въ ст. 189 рукопись даетъ Κρήτης, ἡ Ῥόδο ἐθλίβηκε; но такое чтеніе не нравится Вагнеру, и онъ принимаетъ вышеуказанную редакцію. Но какое значеніе имѣло бы въ такомъ случаѣ выраженіе — σ' ἡ Ῥόδος ἐθλίβηκε? Несомнѣнно, рукопись даетъ чтеніе удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ. — Стихъ 190 также безсмысленъ. — Къ чему относится въ немъ слово τους? Намъ кажется, что возможно было бы получить смыслъ, принявъ такое написаніе:

τ' ἀνόλπιστόν σου τὸ κακόν· κι' ἀπὸ τὸν νοῦν τίς βγάνει;

ст. 193: ν' ἀκούγουν πῶς ἐχάλασες ὡς ὀφθαλμοῦ ῥιπίδα!

Конечно — εἰς ὀφθαλμοῦ ῥιπίδα.

ст. 205: διατὶ τὸν κόσμον ἐπότιζες ὡσὰν πηγὴ καὶ βρύσι.

Размѣръ требуетъ, чтобы писать τὸν κόσμον πότιζες или τὸν κόσμο ἐπότιζες.

ст. 248: καὶ νὰ 'βρεθοῦμεν καθαροί, ὄντεν ἔλθῃ ἡ συντελεία.

И въ этомъ стихѣ ритмъ возстановляется, если вмѣсто ὄντεν написать ὄντ' (= ὄντε). Срв. ст. 251.

ст. 267—8: ὁ θεὸς τὰ ἁμαρτήματα νὰ τοὺς τὰ συγχωρέσῃ,
'ς τὴν ἄνω Ἱερουσαλὴμ τόπον νὰ τοὺς χαρίσῃ.

Риѳма требуетъ, чтобы мы писали συγχωρήσῃ.

VI. Στεφάνου Σαχλίκη. Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἑρμηνεῖαι.

ст. 2—3: νά σε διατάξω, Φρατζισκῆ, νὰ λείπῃς ἀφ' τὰ ξένα·
καὶ ὅσα σε διάτασσα, πολλ' ὀλίγα καταπιάσες,
κι' ἀπὸ τὰ λόγια μου ποσῶς τίποτες δὲν ἐπιάσες.

Второе полустишіе стиха 3-го кодексъ M пишетъ: ὄλιγα καταπιάσες, а кодексъ P — λιγὰ ἐκαταπιάσες; въ томъ и другомъ случаѣ слово πολλὰ принадлежитъ къ первому полустишію, а потому слѣдуетъ писать, въ соотвѣтствіи съ мыслью, κι' ὅσα σε διάτασσα πολλά, ὀλίγα καταπιάσες.

ст. 11: κι' ἀπὸ τὸν ᾅδην τοὺς νεκροὺς κολάζομαι νὰ γύρω.

Конечно — νὰ 'γείρω.

ст. 16: καὶ μούλας λέγω «πέτασαι νὰ γύρῃς εἰς τὰ ὕψη».

Начиная съ 8-го стиха до 21-го, авторъ приводитъ серію примѣровъ въ доказательство трудности или, точнѣе, невозможности того, что онъ успѣетъ воспитать Франциска. Серія эта обнимаетъ собою 7 двустишій, которыя слѣдуютъ одно за другимъ безъ союза, между тѣмъ какъ второй стихъ каждаго двустишія соединяется съ первымъ посредствомъ καί. Наблюдая это обстоятельство, нельзя не

убѣдиться, что кодексъ P содержитъ болѣе правильное чтеніе, чѣмъ кодексъ M, почему и настоящій стихъ слѣдуетъ передать такимъ образомъ:

χαμήλας λέγω απέτασε καὶ γύριζ' εἰς τὰ ὕψη.

ст. 22—23: κι' ὡσὰν ἐτοῦτα δὲν θωρῶ ποτε νὰ συνοδεύσω,

οὕτως οὐδὲν θωρῶ καὶ σέν ποτε νὰ σοῦ παιδεύσω.

Чтеніе — θαρῶ (= θαρρῶ), которое даетъ кодексъ P въ 22 ст. вмѣсто θωρῶ, намъ кажется, болѣе подходитъ къ обоимъ стихамъ.

ст. 33: ξεβάλλεις τὴν ψυχοῦλά σου ἀφ' τοῦ ἰνφέρνου τὸν τάφον.

Правильно читаетъ Ламбросъ — ἀφ' τοῦ ἴνφερνου (Rom. Gr. стр. LVIII).

ст. 67: κι' ἀλλότε μπαίνει κλεφτικὰ καὶ θέλει νὰ φιλήσῃ.

чит. κλέφτικα.

ст. 81: καὶ ἀρρωστιαῖς καὶ κόλασες, κ' ὕστερα κλαῖ καὶ πρήσκει.

Хотя обѣ рукописи и передаютъ: πρίσκει, тѣмъ не менѣе, думается, здѣсь неумѣстенъ глаголъ πρήσκω, а нуженъ глаголъ πλήσκω (и πλήχτω); соединеніе же κλαίω καὶ πλήσκω или μοιρολογῶ καὶ πλήσκω — фактъ, очень часто встрѣчающійся. Ср. Διγ. Ἀκρ. ст. 334 (изд. Ламброса)

γιὰ τοῦτο πάλ' ἀρχίζουσιν, μοιριολογοῦν καὶ πλήσκουν.

ст. 91: ἢ νὰ τὸν εὕρουν ἀρρωστιαῖς νὰ τὸν κατακοιτήσουν.

Пис. κατακοιτίσουν. Глаголовъ κατακοιτίζω и μετακοιτίζω, о кототоромъ была уже рѣчь (Критич. этюд. къ Ταμερλ. ст. 17), нѣтъ у Дюканжа.

ст. 110: καὶ δι' αὐτο τὸ εἶπεν ὁ Χριστὸς 'ς τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον.

τὸ передъ εἶπε совсѣмъ ненужно ни по требованіямъ размѣра, ни по требованіямъ мысли; мы считаемъ его продуктомъ диттографіи

ст. 136: ἀμμὴ ὅταν κάτσῃ ἄτυχος καὶ παίξῃ τὸ 'δικόν του.

Правильнѣе въ кодексѣ M. — ὁ ἄτυχος, чему не мѣшаетъ и размѣръ; подобнымъ образомъ надо поставить членъ и въ слѣдующихъ мѣстахъ того-же памятника:

καὶ καίεται (ὁ) κακότυχος καὶ κεῖνος δὲν τὸ γνώθει (ст. 164).

καὶ ὥσπου χάνει (ὁ) ἄτυχος, πλεότερα πεισματώνει (226).

κι' ἀπηλογᾶται (ἡ) μάννα της μὲ τὴν πολλὴν μανίαν (326).

ст. 165: κι' ἀφοῦ τὸν ἐρημάζουσιν ἐτότες μεταγνώθει.

Чит. ἐρημάξουσιν.

ст. 188—197: ἑπτά 'θελα καὶ δώδεκα κ' ἦλθέν μου τέρνον κι' ἄσω

τὰ ζάρια μοῦ 'λεγαν κακόν, κι' ἀνάκειται νὰ χάσω·
ἀπὸ δεκάζη τὸ κρατεῖ, 'ς τὴν ὦκαν πανδαλάσω,
ἔχασα τὰ δηνέρια μου, καὶ πάλιν ἄς γελάσω.
καὶ κεῖνον ἐποῦ ἐκέρδεσε, ἐκεῖνον πάλιν ψέγουν·
οὐδὲν κατέχει ταῖς βουλαῖς τῶν ἀζαριῶν, νὰ λέγουν,
ἀσχημάζει τὴν χέραν του, ῥίκτει τὰ σὰν 'ψημένος
κι' οὐδὲν κατέχει τίβοτας, δὲν ἔνεν μαθημένος.
καὶ τότε λέγουσιν κι' αὐτὸν «ἄφες νάρθῃς κ' εἰς ἄλλην»,
καὶ κεῖνος ἐγλυκάνθηκε καὶ ἀποκάτω νὰ βάλῃ.

Смыслъ во многихъ мѣстахъ при чтеніи, принятомъ Вагнеромъ, не ясенъ. Прежде всего, что касается слова ὦκαν (ὦκα P.), то, если оно не ошибочно передано ('ς τὴν ἄκραν?), во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ никакого отношенія къ гомеровскому ὦκα, какъ думаетъ Дюканжъ (Glossar. стр. 1789); скорѣе слѣдуетъ видѣть въ немъ заимствованіе изъ итальянскаго языка, въ которомъ имѣется «оса» (ср. Дюк. Append. стр. 148) или «осса». Въ нашемъ мѣстѣ это слово значило бы «метаніе». Далѣе мы полагаемъ, что для возстановленія смысла слова — πανδαλάσω надо писать отдѣльно — πάντα λ' ἄσσο, — такъ какъ рѣчь идетъ о несчастной игрѣ въ κύβοι; и λ' ἄσσο въ такомъ случаѣ = l'asso, единица. Затѣмъ вмѣсто βουλαῖς (ст. 193) мы писали бы βολαῖς (отъ βολή), такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь не о βουλή, — хотя нельзя забывать, что по позднѣйшему произношенію и βολή совпадаетъ со словомъ βουλή. Далѣе слово ἀσχημάζει, которое не подходитъ и къ размѣру, неумѣстно. Надо слѣдовать кодексу M, который даетъ чтеніе: ἄσχημα σύ, возстановляющее при небольшомъ измѣненіи смыслъ мѣста, а именно: ἄσχημα σεῖ (= σείει) τὴν χέραν του, «плохо встряхиваетъ [кости] въ рукѣ». Наконецъ, безъ цѣли удалились отъ текста рукописей Легранъ и Вагнеръ и въ ст. 197; рукописи правильно даютъ ἀπὸ κατὸν (= ἀπὸ ἐκατόν). Изъ всего вышесказаннаго видно, что для возстановленія мысли нужно принять въ текстѣ наши измѣненія въ стихахъ 190, 193, 194 197 и читать мѣста такъ:

ἀπὸ δεκάζη τὸ κρατεῖ 'ς τὴν ὄκκα πάντα λ' ἄσσο.
οὐδὲν κατέχει ταῖς βολαῖς τῶν ἀζαριῶν, νὰ λέγουν
ἄσχημα σεῖ τὴν χέραν του, ῥίκτει τα σὰν ψημένος.
κ' ἐκεῖνος ἐγλυκάνθηκε καὶ ἀπὸ 'κατὸν νὰ βάλῃ.

ст. 272: κι' οὐδὲ γενεᾶς ἐντρέπεται νὰ πᾶν ἀποφουμίσῃ,

Несомнѣнно, надо читать:

κι' οὐδὲ γενεὰς ἐντρέπεται νὰ πᾷ ν' ἀποφουμίσῃ.

VII. Στεφ. Σαχλίκη. Ἑρμηνεῖαι καὶ Ἀφηγήσεις (Вагн. 79—105).

ст. 4: πῶς τοὺς ’γαποῦν καὶ διατί οἱ φίλοι των εἶν φίλοι.

Въ рукописи τοὺς ἀγαποῦν. Такъ какъ въ памятникѣ нѣтъ втораго примѣра формы ’γαπῶ, то мы предпочли бы писать τς ἀγαποῦν; такого рода сокращеніе мѣстоимѣній τους, της, τας, кажется, уже было въ употребленіи въ то время, къ которому относится памятникъ, — по крайней мѣрѣ въ діалектѣ автора; ср. ст. 547, который безусловно долженъ быть возстановленъ въ такомъ видѣ

καὶ λέγει τς (= της) ἡ Μαρούδαινα «στέχου ἀπ’ ἔξω καὶ θώρει».

ст. 22: παροῦ μαζὺ καὶ νὰ θωρῇ τὴν ἐντροπὴν τοῦ φίλου.

Правильно читаетъ Ламбросъ: παροῦ νὰ ζῇ κ. τ. λ. (R. Gr. стр. L.)

ст. 34: θέλοντα σίτων ἄχαρος νὰ ἔνι ’ς τὸ καθόλου.

Правильно Ламбросъ: θέλοντας ἦτον.

ст. 50: χανεὶς οὐδὲν εὑρίσκεται καλῶς ἐμπιστεμένος.

Чит. καλός, ἐμπιστευμένος.

ст. 75: δουλεύεις τὸν πλούσιον συγγενὴν μὲ πᾶσαν προθυμίαν.

Размѣръ требуетъ, чтобы δουλεύεις читать двухсложно: δουλεύς т. е. δουλέβς.

ст. 108: ἂν ἔνε πλούσιος ἄνθρωπος χ’ ἔλθῃ του ν’ ἀποθάνῃ.

Очевидно, здѣсь ошибка переписчика, потому что до 116-го стиха рѣчь идетъ о бѣдномъ человѣкѣ, и только съ 116-го начинается рѣчь о богатомъ, — слѣдовательно, мы должны читать

ἂν ἔν’ πτωχὸς ὁ ἄνθρωπος χ’ ἔλθῃ του ν’ ἀποθάνῃ.

ст. 127: καὶ κεῖνοι ὁποῦ τὴν διάταξιν παρακαλοῦσι πάλιν.

Чтеніе рукописи намъ кажется болѣе вѣрнымъ: κι’ ἐκεῖνοι ποῦ τοὺς διάταξεν, т. е. тѣ, которыхъ онъ включилъ въ свое завѣщаніе.

ст. 133: κι’ ἀφοῦ ψοφήσῃ ἄτυχος κι’ ἀφ’ ὧν ἐξεψυχήσῃ.

Чит. ὁ ἄτυχος. Подобные пропуски члена и въ слѣдующихъ стихахъ:

συμώνει (ὁ) φυλακάτορας τάχατε πρὸς ἐμένα (ст. 370).

γαμιέται (ἡ) Κουταγιώταινα κι’ ὁ σκύλος της γαυγίζει (579).

καὶ λέγ’ (ἡ) Παραβάραινα «ἐτούταις ποῦ ’ν ἐμπρός σου (617).

καὶ λέγ’ (ἡ) Κουταγιώταινα «λοιβή, χυρά, ντροπή σου» (656).

πεζεύ’ (ἡ) Κουταγιώταινα καὶ ἐξερμάτωσέν την (708).

ὁρίζ’ (ἡ) Κουταγιώταινα νὰ στρέψουν εἰς τὴν χώραν (710).

ст. 139: καὶ τοὺς τ’ ἀφῆκε πᾶσα ἑνὸς καὶ πότε νὰ τὸ πάρῃ.

Очевидно, по небрежности переписчика стихъ приводится въ неправильномъ видѣ; понятнѣе было бы

καὶ τί τς (= τοὺς) ἀφῆκε πᾶσα ἑνὸς καὶ πότε θὰ τὸ πάρῃ.

ст. 145—146: ὅσοι (γὰρ) ἔνι φίλοι των, πλεότερον τὸν δουλεύουν
παρὰ ποῦ τὸν δουλεύασιν οἱ φίλοι των οἱ φίλοι.

Дабы возстановить ритмъ стиха 145-го, Вагнеръ прибавилъ γάρ; но это прибавленіе привело къ такому результату, что Вагнеръ же самъ сознается въ отсутствіи смысла въ стихѣ 146. Конечно, въ ст. 145 недостаетъ одного слога; но этотъ недочетъ лучше всего пополнить отрицаніемъ δέν.

ὅσοι (δὲν) ἔνι φίλοι του, πλεότερον τὸν δουλεύουν
παρὰ ποῦ τὸν δουλεύασιν οἱ φίλοι του οἱ φίλοι.

ст. 183: ἀμμὴ θωρῶ καὶ λέγω το, εἰς τοῦτο δὲν ἐσφάλλω.

Слово θωρῶ не можетъ имѣть мѣста въ данномъ стихѣ; если сравнимъ ст. 186, въ которомъ повторяется та же самая мысль, то убѣдимся, что и въ настоящемъ стихѣ болѣе умѣстно слово θαρρῶ, которое служитъ синонимомъ слова τολμῶ въ ст. 186.

ст. 194: χανεὶς εἰς φίλον μὴ θαρρῇ μήδ' εἰς ἄνθρωπον ἐλπίζῃ.

По требованію размѣра надо читать μὴ εἰς ἄνθρωπον ἐλπίζῃ.

ст. 223: ἤθελα φρόνησιν πολλὴν καὶ ποίκασιν μεγάλην.

Конечно, надо писать καὶ 'πείκασιν или лучше κι' ἀπείκασιν.

ст. 231: καὶ ὅταν ἐγερθῶ νάλθῶ, χαλᾷ νά με πλακώσῃ.

Правильно кодексъ M. вмѣсто νάλθῶ даетъ νὰ σταθῶ: авторъ говоритъ здѣсь о высотѣ тюрьмы, а именно — что она такъ низка, что, когда онъ хочетъ встать, то касается потолка.

ст. 245: ὡσὰν κολάζουνται ψυχαῖς ἐκεῖ 'ς τὸν κάτω κόσμον.

Чит. κολάζουντ' ἡ ψυχαῖς. Кодексъ M. κολάζουντεν αἱ ψυχαί.

ст. 262: ἀλλ' ὅμως ἕνα τέως καλὸν τῆς φυλακῆς εὑρίσκω.

Чит. ἕνα τε ὡς καλόν.

ст. 293—294: λέγει «ἀγωμέτε καλῶς, φεύγετ' ἐδᾶ καὶ πάλιν
κ' ἐγὼ διὰ τὴν ἀγάπην σας τ' ἔχαμα κ' ἤνοιξά σας.

Относительно слова ἀγωμέτε Вагнеръ пишетъ: quid sit nescio. syllaba deest versui. potest fuisse λέγει «ἀμέτε ἐδᾶ καλῶς». Что касается формы ἀγωμέτε, то извѣстно, что это первое лицо повелительнаго наклоненія, т. е. древнее ἄγωμεν съ прибавленіемъ въ концѣ окончанія втораго лица повел. наклоненія — τε; ἀνάλογον же такой формы представляетъ πάμετε (= ὑπάγωμεν + τε т. е. пойдемте), которое въ употребленіи въ нынѣшнее время. Относительно же ритма, — nulla syllaba deest, если только удареніе слова ἀγωμέτε переставить на третій слогъ: ἀγώμετε. Въ ст. 294 по вышеобъяс-

неннымъ нами основаніямъ, мы не сомнѣваемся, надо писать τὸ ἔχαμα или τὸ 'χαμα, а не τ' ἔχαμα.

ст. 300—301. χι' ἂν ἦν' χι' ἀρέσῃ του τὸ φᾶ, ῥίπτει πέτραις ἀπέσω·
«χοντὸ χαὶ μέν' ἡ μοῖρά μου ἄς ἔνε φυλαμμένη».

Чтеніе кодекса M. ῥίπτει πέτραις ἀπόξω болѣе соотвѣтствуетъ нынѣшнему употребленію, — только вмѣсто πέτραις теперь говорится πετριαῖς, какъ мы не задумались бы возстановить и въ настоящемъ мѣстѣ. 'Ρίχνω πετριαῖς ἀπ' ἔξω или ἀπ' ὄξω — значитъ: высказываю свое желаніе намеками. Слово же χοντό, неправильно ссылаясь на Ἄταχτ. Κοραῆ II. 195, Вагнеръ хочетъ объяснить словомъ σχεδόν; въ настоящемъ мѣстѣ χοντό = вкратцѣ, и принадлежитъ автору; по всему этому мы должны писать

χι' ἂν εἶν χι' ἀρέσῃ του τὸ φᾶ, ῥίπτει πετριαῖς ἀπ' ἔξω·
χοντὸ «χαὶ μέν' ἡ μοῖρά μου ἄς ἔνε φυλαμμένη».

т. е. безъ дальнихъ словъ, вкратцѣ, однимъ словомъ — «пусть и моя часть будетъ цѣла».

ст. 305: διδει του χαλήτερον, χι' ἄς τὸ στερεύγεται χεῖνος.

Вагнеръ хотя и сознаетъ, что слово στερεύγεται не подходитъ къ размѣру, однако не слѣдуетъ въ текстѣ чтенію, которое даетъ кодексъ M. στερεῦται и въ которомъ скрывается требуемое στερεῖται.

ст. 312: ἄς τοῦ τὰ δώσω χι' ἄς τὰ φᾷ ταῖς ἥμεραις ἐτούταις.

Относительно ударенія слова ἥμεραις Вагнеръ не сообщаетъ, таково ли оно въ рукописи, или же онъ самъ принялъ это удареніе ради размѣра; во всякомъ случаѣ оно кажется невозможнымъ, и мы предпочли бы думать, что въ данномъ стихѣ просто произошла перестановка словъ вм. ἐτούταις ταῖς ἡμέραις.

ст. 336: διατί, ὡς ἀχούω ἐγὼ διὰ τοὺς χυνοχεφάλους.

Ритмъ этого стиха возстановляется чтеніемъ: διατί, ὅπως ἀχούω ἐγώ, или же διότι ὡς ἀχούω ἐγώ.

ст. 344: ἐδᾶ λοιπὸν νὰ σᾶς εἰπῶ διὰ τὸν φυλαχάτοράν μου.

Размѣръ требуетъ, чтобы читать φλαχάτοραν.

ст. 389: πονῶ χαὶ χλαίγω χι' ἀγαναχτῶ χαὶ λέγω το μεγάλα.

Для соблюденія ритма надо писать односложнымъ χλαίω (= клеу) вм. χλαίγω.

ст. 401: ποῦχετε νὰ ξοδιάζετε, χανεὶς μηδὲν λυπᾶτε.

Чит. λυπᾶται.

ст. 461: χ' ἡ ἄλλαις ἐπιστεύασιν, λινάριν ἔνι ἡ σχοῦλα.

Слово σχοῦλα намъ непонятно. Дюканжъ, отмѣчая его въ своемъ

словарѣ (стр. 1396), цитируетъ только настоящее мѣсто, не указывая другихъ примѣровъ. Изъ послѣдующаго текста (до 466-го стиха) видно, что здѣсь рѣчь идетъ только о λινάρι; поэтому намъ кажется, что передъ нами неправильное начертаніе предыдущаго слова σακκοῦλα и слѣдуетъ читать λινάρι ἒν ἡ σακκοῦλα или же λινάρι ἐχ' ἡ σακκοῦλα. Предполагаемое такою поправкою повтореніе одного и того же σακκοῦλα, допущенное здѣсь для образованія риѳмы, явленіе не рѣдкое у нашего поэта. Ср. ст. 492—3, 517—8, 545—6.

ст. 470: καὶ δάνειζες τὴν σάρκα σου κούρβα χιλιῶν καὶ μυρίων.

Слово κούρβα, кажется, прибавлено какимъ либо переписчикомъ, такъ какъ оно мѣшаетъ размѣру и риѳмѣ: правильнѣе

κι' ἐδάνειζες τὴν σάρκα σου χιλίω̃ν καὶ μυρίων.

ст. 482: κ' ἐπανωθεόν τους ἑκατὸν ἦσαν, καὶ πέντε φράροι.

Смыслъ требуетъ чтенія

κ' ἐπανωθεὸν τοὺς ἑκατὸν ἦσαν καὶ πέντε φράροι.

ст. 489: κ' ἡ Βαρελλοποῦλα τρέχοντα τὰ τζιά της ἐκτυποῦσα.

Имя Βαρελλοποῦλα не соотвѣтствуетъ размѣру; по всей вѣроятности надо читать κ' ἡ Βαρελλοῦλα. Для такого чтенія имѣется основаніе не только въ размѣрѣ, но и вообще въ смыслѣ стиха. Такъ, изъ послѣдующато τὰ τζιά της ἐκτυποῦσα видно, что здѣсь рѣчь идетъ вообще объ особѣ тучной, почему Βαρελλοῦλα въ настоящемъ случаѣ врядъ ли обозначаетъ фамилію, а скорѣе есть имя нарицательное, подобно тому, какъ и теперь людямъ тучнымъ придается названіе βαρέλλι (бочка). Добавимъ, что въ настоящемъ памятникѣ и въ другихъ случаяхъ, для обозначенія женщинъ легкаго поведенія, авторомъ нарочито употребляются саркастическія названія, какъ напримѣръ: Κουλουμποῦ ст. 422, Κουκούτζια 447· 506· Πουτολένη 495· Περπυρίναις 498· Κουράδαινες 499· Τζάπα 542· Πουρδομάραινα 677 и т. п.

ст. 492: ἀφήνω τάχα ταῖς χονтραῖς, καὶ ταῖς 'ψηλαῖς διαλέγω.

Изъ противопоставленнаго χοντραῖς легко убѣдиться, что надо писать ψιλαῖς, а не 'ψηλαῖς.

ст. 541: εἶχεν ἐντάμα μετ' αὐτῆς πολιτικαῖς καὶ δέκα.

Чит. κἂν δέκα.

ст. 544—547: τὸ φυλακτῆριν ἔφθασε, ταῖς βέργαις της ἐφόρει,

κ' ἡ Μαρκεζίνα μετ' αὐταῖς, καὶ νάμπη δὲν ἐχώρει·

ἐκ τὴν πνημάραν τὴν πολλὴν τὴν πόρταν δὲν ἐχώρει·

καὶ λέγει ἡ Τζημαρούδαινα «στέκου ἀπέξω καὶ θώρει».

Мысль мѣста непонятна; кажется, ошибка скрывается и въ пе-

рестановкѣ, и въ искаженіи словъ, — и можно бы было получить смыслъ, если читать слѣдующимъ образомъ:

ст. 544: χ'ἡ Μαρχεζίνα μετ' αὐταῖς, ταῖς βέργαις της ἐφόρει,

ст. 545: τὸ φυλακτῆρν ἔφθασε, καὶ νἄμπη δὲν ἠμπόρει·

ἐκ τὴν πνιμάραν τὴν πολλήν, τὴν πόρταν δὲν ἐχώρει·

καὶ λέγει τς ἡ Μαρούδαινα «στέχου ἀπέξω καὶ θώρει».

ст. 550—1: κι' ἄν εἶχε λύπην ἡ ἀειδοῦ νάμπῃ νὰ μεσιτέψῃ,

τοῦ Τζημαδούρου ἡ ἀδελφὴ τὴν ἤθελεν παιδέψῃ.

Слово λύπην не имѣетъ здѣсь мѣста; несомнѣнно, надо читать:

κι' ἄν εἶχε λείπειν ἡ Ἀειδοῦ, νάμπῃ κ. τ. λ., т. е. если бы не была на лицо Аиду̀, чтобы быть посредницей и т. д.

ст. 562—563: καὶ εἶπ' ἡ Κουταγιώταινα «όποῦ γαμήθην' τώρα,

ἄς ἔνε καπιτάνος μας ἀπὸ τούτην τὴν ὥρα».

Если принять во вниманіе написаніе кодекса M, то легко убѣдиться, что слѣдуетъ писать: χ' εἶπαν «ἡ Κουταγιώταινα, ὁποῦ γ. τ. и т. д.

ст. 581: ἡ χήρα ἡ Καψαμπέλαινα ἔνεν ὁποῦ τὴν ἐμαυλίζει

чит. ἔν ὁποῦ τὴν μαυλίζει.

ст. 682: συχνοκεντάει τὸ φαρὶν καὶ μητ' ἀπὸ διαπρόθι.

Темнота содержанія во второмъ полустишіи устраняется легко, если читать: καὶ μὲ τὰ πόδια πρώθει т. е. и она ногами понукаетъ.

ст. 689: ἡ δίλογος ἐπέσωσε τὴν λέγου Σινφουρνάραν

чит. τὴν λέγουσιν Φουρνάραν.

ст. 698: ἐφώναζεν καὶ ἔλεγεν «χαρὰς τὴν θέλω ναὕρω,

чит. χαρὰ 'ς τὴν θέλω ναὕρω.

ст. 700: καὶ ἡ Μανοῦλα ἔφτασε τοῦ Νίκολο Ἀμπράμω

чит. καὶ ἡ μανοῦλα ἔφτασε τοῦ Νικολὸ, Ἀμπράμω.

(продолженіе слѣдуетъ).

Одесса.
Май 1894 г.

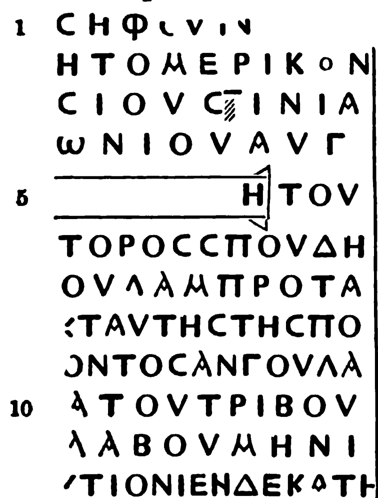
Син. Д. Пападимитріу.
приватъ-доцентъ.

Этюды по византійской эпиграфикѣ.

1. Надпись времени императора Юстиніана, найденная на Таманскомъ полуостровѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1893 г. директоръ Керченскаго музея древностей (находящагося въ вѣдѣніи Императорской Археологической Коммиссіи) К. Е. Думбергъ, по указанію ротмистра пограничной стражи В. П. Цѣхановскаго, пріобрѣлъ въ Таманской станицѣ интересный епиграфическій памятникъ, найденный, по словамъ продавца, въ Суворовской крѣпости близъ Тамани.

Памятникъ представляетъ собою обломокъ плиты изъ твердаго известняка выш. $14\frac{1}{4}$ вершковъ, шир. 9 в., толщ. около 4 в.; первоначальные края сохранились только справа и снизу. На плитѣ былъ изображенъ рельефомъ большой четырехконечный крестъ, отъ котораго сохранилась только правая половина поперечной перекладины съ вырѣзанной на концѣ буквой Н, а по сторонамъ креста все поле плиты было занято надписью, старательно и глубоко вырѣзанною крупными буквами (выш. 0,035—0,045 сантим.) и хорошо читающеюся на сохранившемся обломкѣ. Вотъ ея текстъ[1]):

. . . σηφων. . .
. . . .]η τὸ μερικὸν
[ἐφ' ὑπατία]ς Ἰουστινια-
[νοῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ-
[ούσ]του
[καὶ Αὐτοκρά]τορος σπουδῇ
[. . . . . . . .τ]οῦ λαμπροτά-
[του κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό-
[λεως, πράττ]οντος Ἀνγουλά-
[του τοῦ . . . .]άτου τριβού-
[νου καὶ ἐργο?]λάβου, μηνὶ
[. . . . . , ἰνδικ]τι(ῶ)νι ἐνδεκάτῃ.

1) Текстъ надписи будетъ изданъ facsimile (съ фотографіи) въ одномъ изъ выпусковъ «Матеріаловъ по археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Коммиссіей», въ числѣ надписей, найденныхъ въ 1892—94 гг.

Обращаясь прежде всего къ внѣшнему виду плиты, слѣдуетъ замѣтить, что изображенный на ней четырехконечный крестъ, насколько можно судить по сохранившемуся остатку, имѣетъ форму обычную для времени императора Юстиніана — съ продольною полосою болѣе длинною, чѣмъ поперечная, и съ расширеніями на концахъ всѣхъ четырехъ полосъ[1]). Что касается до буквы Н на концѣ сохранившейся правой половины поперечной полосы креста, то въ дополненіе къ ней слѣдуетъ предполагать букву I на концѣ лѣвой половины. Эти двѣ буквы, составляющія начало имени ΙΗΣΟΥΣ, принадлежатъ къ числу древне христіанскихъ символовъ подобно буквамъ ΑΩ и пр.[2]).

Переходя къ вопросу о возстановленіи надписи, мы должны замѣтить, что имя императора Юстиніана и его титулъ въ стр. 3—6 намъ кажутся не подлежащими ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, полный титулъ этого императора встрѣчается въ надписяхъ въ болѣе длинномъ и пышномъ видѣ[3]), но отъ времени императора Юстина, непосредственнаго предшественника Юстиніана, мы имѣемъ надпись изъ г. Панія (Панидо), въ которой титулъ императора вполнѣ подходитъ къ сохранившимся остаткамъ строкъ въ нашей надписи[4]). Не такъ прочно могутъ быть установлены дополненія къ остальнымъ строкамъ документа. Общій смыслъ его дѣлаетъ несомнѣннымъ, что въ немъ шла рѣчь о какой-то постройкѣ, но въ чемъ она заключалась, къ сожалѣнію нельзя опредѣлить по сохранившимся остаткамъ 1-й и 2-ой строкъ: видно только, что рѣчь идетъ о части постройки[5]). Въ лѣвой половинѣ строки 7-ой несомнѣнно стояло собственное имя должностнаго

1) Ср. Ю. А. Кулаковскаго Керченская христ. катакомба 491 г. (Матеріалы по археол. Россіи, изд. Имп. Арх. Комм. № 6, Спб. 1891), стр. 17—18, гдѣ указаны сохранившіеся образчики, изображенные у Garrucci, Storia dell'arte christiana.

2) См. объ этомъ у Garrucci op. c. I p. 157 sq.

3) C. I. Gr. IV, № 8636 (изъ Трапезунта): Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Φλ. Ἰουστινιανὸς Ἀλαμανικός, Γοτθικός, Φρανγικός, Γερμανικός, Ἀντικός, Ἀλανικός, Οὐανδαλικός, Ἀφρικός, εὐσεβής, εὐτυχής, ἔνδοξος, νικητής, τροπεοῦχος, ἀεισέβαστος, Αὐγοῦστυς κτλ. — *Ibid.* № 8637 (оттуда же): Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Φλ. Ἰουστινιανός εὐσεβής, νικητής, τροπαιοῦχος, μέγιστος, ἀεισέβαστος, Αὐγοῦστος κτλ. Совершенно подобный титулъ имѣетъ императоръ Зинонъ въ C. I. Gr. № 8621.

4) Издалъ Ἀ. Παπαδόπουλος Κεραμεύς въ Παράρτημα τοῦ ιζ' τόμου τοῦ ἐν Κ/πόλει Ἑλλην. φιλολ. Συλλόγου (1886), σ. 92 ἀρ. 12: Μη(νὶ) Νοενβ[ρίῳ, ἰν]δι[κτ...., ἐφ'] ὑπατίας τοῦ δεσ|πότου ἡμῶν Φλ(αουίου) Ἰουστίνου τοῦ αἰ|ωνίου Αὐγ(ούστου) κ(αὶ) Αὐτοκρ(άτορος) τὸ α' καὶ Φλ(αουίου) Εὐθαρὶχ τοῦ λαμπρ(οτάτου). — Ἐφ' ὑπατίας Ἰουστινιανοῦ читается въ C. I. Gr. 9276.

5) Въ стр. 2 можно предполагать одинъ изъ слѣдующихъ глаголовъ: ἐκτίσθη, ἀνεκαινίσθη. ἀνεστάθη, ἀνενεώθη и пр. Къ слову τὸ μερικὸν ср. C. I. Gr. IV, 8772.

лица, попеченію котораго приписана постройка; что касается до его титула, названнаго въ стр. 8, то наши скудныя свѣдѣнія о государственномъ строѣ Воспора въ эти времена не позволяютъ возстановить его съ полною увѣренностью; предлагая возстановленіе [κόμητο]ς, мы имѣли въ виду извѣстную надпись времени царя Диптуна[1]), въ которой этотъ титулъ усвоенъ, повидимому, также городскому магистрату. Возможно, впрочемъ, разумѣть въ нашей надписи и императорскаго комита (о посылкѣ комита Іоанна на Воспоръ при Юстиніанѣ мы имѣемъ историческое свидѣтельство, которое будетъ приведено ниже), который, будучи представителемъ верховной власти на Воспорѣ, могъ быть отмѣченъ въ надписи спеціально какъ «комитъ этого города»[2]). [πράττ]οντος въ стр. 9 предположено на основаніи уже упомянутой надписи императора Зинона, С. I. Gr. IV, 8621. Собственное имя Ἀνγουλά[του] взято изъ Onomasticon'а Де-Вита, въ которомъ Angulatus указывается какъ cognomen, встрѣчающійся въ латинскихъ надписяхъ; далѣе въ стр. 10 слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, эпитетъ трибуна, но болѣе краткій, чѣмъ обычные ἐνδοξοτάτου, λαμπροτάτου и т. п.

Вопросъ о состояніи Воспорскаго царства въ V и VI вв. по Р. Хр. и объ отношеніяхъ его къ Византіи въ послѣдніе годы былъ вновь разсмотрѣнъ нами и затѣмъ Ю. А. Кулаковскимъ по поводу найденной въ 1888 г. надписи Диптуна[3]). Изъ тожественнаго почти разсказа Малалы и Θеофана[4]) извѣстно, что въ первый годъ царствованія Юстиніана гунскій царевичъ Гродъ или Горда явился въ Константинополь и принялъ христіанство, причемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ. Онъ щедро одарилъ своего крестника и отослалъ его обратно въ Воспоръ блюсти интересы имперіи (εἰς τὸ φυλάττειν τὰ ῥωμαικὰ καὶ τὴν Βόσπορον), отправивъ вмѣстѣ съ нимъ отрядъ испанцевъ подъ начальствомъ трибуна Делматія[5]). Гродъ и принявшіе

---

1) *Inscr*. P. II. № 49[1], v. 6: [καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Ὀπαδίνου τοῦ [ἐπὶ τῆς πι]ναχίδος κτλ.

2) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что комиты обыкновенно носили титулъ μεγαλοπρεπέστατοι: см. С. I. Gr. IV, 8621, 8622, 8652 (= Bull. de corr. Hell VII, p. 261) и др. Епитетъ ἐνδοξότατος усвояется комиту въ С. I. Gr. 8850 и [8831]. Комиты отдѣльныхъ городовъ упоминаются и у писателей, напр. κόμης Ἀντιοχείας у Палладія, Vita s. Ioan. Chrys. p. 45, κόμης Ἀβύδου у Θеофана Chron. I p. 298 (ed. de Boor).

3) Latyschev, Inscr. P. II, p. 293; Кулаковскій, Керч. христ. катак. стр. 26.

4) Malalae *Chronogr*. p. 431 (ed. Bonn.); Theophan. *Chron*. p. 175 de Boor. Эпизодъ повторенъ у Ландульфа, *Monum. Germ. hist.*, auct. ant. v. II p. 399.

5) Національность отряда указана у Малалы, имя трибуна — у Θеофана.

христіанство Гунны стали переплавлять золотыхъ и серебряныхъ идоловъ и продавать ихъ въ Воспорѣ. Возмущенные этимъ жрецы подняли возстаніе, убили Грода и поставили вмѣсто него царемъ брата его Мугеля или Муагерія [1]). Мятежники вторглись въ Воспоръ и перебили охранявшій его отрядъ вмѣстѣ съ трибуномъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ отправилъ въ Воспоръ сушею изъ Одисса и моремъ изъ Византіи значительныя военныя силы, въ составъ которыхъ входили готскіе полки подъ главнымъ начальствомъ Іоанна, комита устьевъ Евксинскаго Понта, и подъ командою воеводъ Годилы и Вадуарія. Услышавъ объ ихъ приближеніи, возставшіе Гунны бѣжали изъ Воспора и Іоаннъ утвердилъ въ немъ власть императора. Какъ бы въ дополненіе къ этому разсказу Прокопій [2]) сообщаетъ намъ, что Юстиніанъ возстановилъ въ красивомъ и прочномъ видѣ пришедшія въ ветхость стѣны Воспора и Херсона и особенно сильно укрѣпилъ Воспоръ, который подчинилъ своей власти послѣ того, какъ онъ издавна «оварварился» и находился подъ властью Гунновъ.

Наша надпись, свидѣтельствуя о постройкѣ, относящейся ко времени Юстиніана, является прекрасною иллюстраціей къ вышеизложеннымъ свидѣтельствамъ византійскихъ писателей и дополняетъ ихъ указаніемъ на то, что власть Юстиніана не ограничивалась западной стороной Воспора Киммерійскаго, но простиралась и на Таманскій полуостровъ (на которомъ найдена надпись), и что дѣйствительно Воспоръ находился подъ непосредственной властью императора и управленіемъ его чиновниковъ. Данное въ послѣдней строкѣ надписи указаніе индикта предоставляетъ намъ возможность съ достаточной точностью опредѣлить годъ постановки документа: въ теченіи долговременнаго царствованія Юстиніана было три года 11-го индикта, именно 533, 548 и 563 или, точнѣе, время съ 1 сентября предшествовавшихъ годовъ по 1 сентября каждаго изъ указанныхъ. Если мы припомнимъ, что по свидѣтельству Малалы и Ѳеофана царевичъ Гродъ явился въ Константинополь въ первый же годъ царствованія Юстиніана и затѣмъ разсказанныя выше событія, повидимому, быстро слѣдовали одно за другимъ, то будемъ имѣть полное основаніе отнести разсматриваемую надпись къ первому изъ указанныхъ годовъ 11-го индикта, т. е. 533-му по Р. Хр.

---

1) Первое имя у Малалы, второе — у Ѳеофана.

2) Proc. *de aedif.* III, 7 (v. III p. 261 ed. Bonn.). О построеніи укрѣпленій въ Крыму ср. Кеппенъ, Крымскій сборникъ (Спб. 1837), стр. 52 сл.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваемый документъ имѣетъ хотя косвенное, но весьма немаловажное значеніе для контроля опредѣленія времени надписи царя Диптуна. Издавая эту надпись [1]), я считалъ возможнымъ отнести ее ко времени Юстиніана именно на основаніи вышеприведеннаго свидѣтельства Прокопія о произведенныхъ этимъ императоромъ на Воспорѣ постройкахъ. Профессоръ Ѳ. Г. Мищенко, почтившій второй изъ указанныхъ сборниковъ сочувственной рецензіей [2]), не нашелъ основаній пріурочивать эту надпись къ столь позднему времени, а проф. Ю. А. Кулаковскій [3]), ссылаясь на другое свидѣтельство Прокопія (De b. Pers. I, 12: οἱ δὲ Βοσπορῖται αὐτόνομοι μὲν τὸ παλαιὸν ᾤκουν, Ἰουστίνῳ δὲ βασιλεῖ ἔναγχος προσχωρεῖν ἔγνωσαν), предположительно отнесъ ее ко времени Юстина и именно къ 522 году. Вернувшись при случаѣ къ этой надписи [4]) и резюмируя вопросъ объ ея времени послѣ возраженій гг. Мищенка и Кулаковскаго, я замѣтилъ: «Изъ этого разногласія ясно видно, что для пріуроченія этой надписи къ опредѣленному времени у насъ нѣтъ пока прочныхъ данныхъ». Въ настоящее время явилась возможность сравнить надпись Диптуна съ документомъ именно юстиніановскаго времени—и приходится сказать, что это сравненіе не благопріятствуетъ моей первоначальной датировкѣ: какъ въ характерѣ письма, такъ и въ стилѣ обоихъ документовъ оказывается ощутительная разница, а кромѣ того мы видимъ, что при Юстиніанѣ Воспоръ былъ непосредственно подчиненъ Византіи, тогда какъ въ документѣ Диптуна нѣтъ никакихъ прямыхъ признаковъ подчиненія чуждому господству. Характеръ письма этого документа и, главнымъ образомъ, близкое сходство записаннаго въ немъ царскаго титула съ титулами царей Воспорскихъ II и III вв. по Р. Хр. побуждаютъ насъ въ настоящее время отодвинуть его къ болѣе раннимъ временамъ. Съ другой стороны надо принять во вниманіе 1) что Воспорскіе цари извѣстны намъ почти до половины IV в. по Р. Хр., 2) что титулъ κόμης вошелъ въ употребленіе только со времени Діо-

---

1) *Inscr. P.* II, nº 39¹ и *Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimm. et Chersonesi Tauricae per annos 1881—88 repertae*, Petrop. 1890 (Прил. къ Отч. И. Арх. Комм. за 1882—88 г.) p. 23 sq., № 31.

2) *Кіевская Старина* 1890, іюль, стр. 136—141.

3) *Керч. христ. катак.*, стр. 26 (ср. *Журн. М. Н. Пр.* 1891, май, стр. 171—182).

4) *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. V (1892), стр. 374. Ср. *Журн. М. Н. Пр.* 1891, декабрь, стр. 402.—Отмѣтимъ еще, что А. Л. Бертье-Делагардъ въ своей статьѣ о надписи времени имп. Зинона въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. XVI (1893), коснувшись надписи Диптуна, замѣтилъ (стр. 82): «мнѣ кажется, что она не позже IV вѣка», но не указалъ никакихъ основаній этого мнѣнія.

клетіана и раньше раздѣленія Римской имперіи на западную и восточную врядъ-ли могъ дойдти до такого отдаленнаго захолустья, какимъ былъ Воспоръ, и 3) что документъ, какъ видно изъ начертанныхъ на немъ крестовъ, относится къ такому времени, когда христіанская религія была если не господствующею, то по крайней мѣрѣ открыто признанною религіею на Воспорѣ и самъ царь, по всей вѣроятности, былъ уже христіаниномъ. Въ виду этихъ фактовъ надпись Диптуна никоимъ образомъ не можетъ быть древнѣе средины IV в. по Р. Хр. и съ наибольшею вѣроятностью можетъ быть отнесена къ V вѣку.

2. Вопросъ о времени надписи Евпатерія.

Въ числѣ епиграфическихъ памятниковъ византійской эпохи, найденныхъ въ южной Россіи, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ, благодаря своему историческому значенію, давно извѣстная надпись, свидѣтельствующая о возобновленіи дворца (*καισάριον*) на Воспорѣ стратилатомъ и дукомъ Херсонскимъ Евпатеріемъ по порученію одного изъ Византійскихъ императоровъ. Отъ имени императора ясно сохранились только три буквы ΚΙϹ, подавшія поводъ нѣкоторымъ изъ изслѣдователей, занимавшихся этой надписью, относить ее ко времени императора Маврикія, а другимъ — ко времени Исаака II Ангела. Само собою разумѣется, что, пока не опредѣлено съ точностью время документа, и онъ можетъ пріурочиваться то къ концу VI, то къ концу XII вѣка, имъ нельзя пользоваться при изученіи средневѣковой исторіи Воспора или Херсониса и ихъ отношеній къ Византіи. Поэтому, считая вопросъ о времени этого документа заслуживающимъ серьезнаго вниманія, мы рѣшаемся подвергнуть его разсмотрѣнію въ настоящей замѣткѣ; но предварительно, имѣя въ виду малую доступность большинства изданій, въ которыхъ онъ опубликованъ, считаемъ нелишнимъ дать подробное его описаніе съ точнымъ текстомъ и съ указаніемъ литературы.

Памятникъ представляетъ собою плиту изъ бѣлаго мрамора выш. 1 арш. 1 в. и шир. 2 арш. 5½ в., украшенную съ обѣихъ сторонъ барельефными изображеніями крылатыхъ Побѣдъ, изъ коихъ каждая стоитъ одной ногой на шарѣ и держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, а въ лѣвой—пальмовую вѣтвь. Между барельефами начертана довольно крупными буквами надпись, до сихъ поръ хорошо сохранившаяся, а подъ нею—два большихъ рельефныхъ знака, значеніе которыхъ опре-

дѣлить трудно. Камень найденъ въ Тамани въ 1803 г. путешествовавшимъ тогда по Крыму П. И. Сумароковымъ и надпись издана имъ въ соч. «Досуги Крымскаго судьи», ч. II (Спб. 1805), стр. 127 и рис. 19. При описаніи Таманской земляной крѣпости авторъ говоритъ: «Проходя заросшіе тутъ бугры мы примѣтили нѣчто бѣлѣющееся въ густотѣ крапивы и бурьяна: то былъ мраморной камень съ Еллинскою надписью. Мы вырываемъ растѣнія, рисуемъ его, списываемъ слова, которые вѣдающій тотъ языкъ перевелъ намъ слѣдующимъ образомъ [слѣдуетъ довольно точный переводъ]. Отломленный уголъ скрываетъ годъ; но сей камень увѣряя содержаніемъ своимъ о бывшемъ великомъ зданіи подкрѣпляетъ мысль о существованіи важнаго здѣсь града» и пр. На рисункѣ буквы надписи похожи на курсивныя, слова отдѣлены одно отъ другаго и не вездѣ переданы точно.

Въ 1822 г. надпись вновь издалъ по копіи Стемпковскаго (обыкновенными печатными буквами, съ раздѣленіемъ словъ) Raoul-Rochette, Antiquités Grecques du Bosph. Cimm., pl. IX n° 5, а затѣмъ описалъ ее Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc. v. V (1843) p. 74, съ рисункомъ въ атласѣ, IV série, pl. XXVI a, fig. 6. Во время путешествія Дюбуа камень по прежнему лежалъ около Таманской церкви. Въ 1836 году онъ былъ уже въ Керченскомъ музеѣ, какъ видно изъ свидѣтельства Мурзакевича, помѣстившаго копію надписи въ своей статьѣ: «Поѣздка въ Крымъ въ 1836 г.» въ *Журн. М. Н. Пр.* 1837 г., мартъ, стр. 679 № 6. Затѣмъ Ашикъ въ своей книгѣ «Воспорское царство», ч. I, стр. 115 подъ № 43 сообщилъ текстъ и переводъ надписи съ краткими объясненіями и на табл. XII—рисунокъ рельефныхъ изображеній на камнѣ (безъ текста надписи). По рукописной копіи Дюбуа надпись издана (епиграфическимъ шрифтомъ) Кирхгофомъ въ C. I. Gr. IV, № 8740.

Въ началѣ 50-хъ годовъ камень перевезенъ въ С.-Петербургъ въ Императорскій Эрмитажъ, гдѣ находится и понынѣ, и въ числѣ другихъ хранящихся тамъ памятниковъ изданъ Л. Э. Стефани въ Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854), т. II № XXI. Тамъ-же списалъ его Б. В. Кене и издалъ въ соч. «Музей покойнаго князя В. В. Кочубея», т. I (Спб. 1856), стр. 207. Изъ трудовъ, въ которыхъ встрѣчаются упоминанія объ этомъ документѣ или объясненія къ нему, слѣдуетъ отмѣтить статью А. Л. Бертье-Делагарда о надписи императора Зинона въ «*Запискахъ Одесскаго Общ. ист. и древн.*», т. XVI (1893), стр. 45—88, въ которой на стр. 82 сл. разсмот-

рѣнъ вопросъ о времени памятника. Въ 1883 г. нами снята слѣдующая копія надписи:

1 ✢ΠΡΟϹΤΟΙϹΛΟΙΠΟΙϹ
ΜЄΓΑΛΟΙϹϗΘΑΥΜΑϹΤΟΙϹ
ΚΑΤΟΡΘΟΜΑϹΙϗΤοΔЄΤο
ΛΑΜΠΡΟΝЄΝΒοοϹΠοΡω
5 ΚЄϹΑΡΙοΝΑΝЄΝЄωϹЄΝ
⁝ ⁝ΚΙϹΟЄVЄΒϚϗΘЄΟΦΥΛΑΚΠΗΜω (N)
ΔЄϹΠΟΤΗϹΔΙΑΤΟΥΓΝΗϹΙΟΥΑVΤΟΥ
ΔΟΥΛȣЄΥΠΑΤЄΡΙȣΤȣЄΝΔΟΞΟΤΑΤΟΥ
ϹΤΡΑΤΗΛΑΤΥΟΥΚΑΙΔΟΥΚΟϹΧЄΡϹωΝοϲΙΝΔΗ

Хотя надпись, какъ уже упомянуто, до сихъ поръ хорошо сохранилась, но всетаки ни одному изъ прежнихъ издателей, кромѣ Стефани, при передачѣ ея текста не удалось избѣжать нѣкоторыхъ неточностей. Мы отмѣтимъ только, что Сумароковъ, Дюбуа и Кене въ концѣ стр. 3 поставили букву Δ (у Ашика вмѣсто нея три точки), которую послѣдній объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «послѣдняя буква третьей строчки, похожая на Δ, можетъ есть буква Λ; неискусный рѣщикъ хотѣлъ можетъ быть начать въ третьей строчкѣ слово ΛΑΜΠΡΟΝ, но не найдя довольно мѣста, онъ оставилъ и даже немного стеръ букву Λ, чтобы помѣстить оную въ началѣ четвертой строчки». Мы думаемъ, что здѣсь скорѣе неровность мрамора, которую по формѣ можно было принять за букву. Напротивъ, въ стр. 9 между буквами Τ и Ο слова ϹΤΡΑΤΗΛΑΤΟΥ рѣзчикъ, дѣйствительно, сначала вырѣзалъ Υ, а затѣмъ, замѣтивъ свою ошибку, слегка сгладилъ эту букву и вслѣдъ за нею вырѣзалъ ΟΥ. Эта ошибка отмѣчена у Дюбуа, Кене и Стефани (изъ коихъ послѣдній, впрочемъ, оставилъ въ копіи только пустой промежутокъ между Τ и Ο).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, какое слово могло стоять въ началѣ 6-й строки. Изъ содержанія надписи ясно, что здѣсь несомнѣнно находилось имя императора, но оно *нарочно*, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, повреждено настолько, что отъ него остались только три послѣднія буквы ΚΙϹ, а отъ предыдущихъ лишь кое-гдѣ замѣтны весьма слабые слѣды. Въ копіи Сумарокова читается въ этомъ мѣстѣ Н ⁝ΚΙЄ, у Ашика.. ΚΙЄ, у Дюбуа ⁝ΚΙϹ послѣ пустого пространства, а у Стемпковскаго и Стефани—только ΚΙϹ. Кене даетъ въ текстѣ надписи полное имя ΜΑΥΡΙΚΙϹ, но затѣмъ замѣ-

чаетъ, что «имя лица, воздвигнувшаго этотъ памятникъ, искажено рукою, враждебною его памяти» и что «ясно видны только послѣднія четыре буквы: ΙΚΙϹ». Наконецъ А. Л. Бертье-Делагардъ въ ук. ст. (стр. 83) говоритъ: «эта надпись издана раньше знаменитыхъ ученыхъ простыми, не компетентными путешественниками, Сумароковымъ и Дюбуа; оба они, даже и не пробуя объяснять надпись, показали, однако, въ концѣ имени императора ....ΙΚΙϹ, что съ достаточною ясностью видно на мраморѣ и по сей часъ; кромѣ того, Сумароковъ показалъ, хотя и полустертымъ, но все же виднымъ Μ - - - ⁞ ΚΙϹ; тщательно присматриваясь къ надписи, я въ ней вижу ΜΑ - - ⁞ ΚΙϹ». Слѣдуетъ замѣтить, что г. Бертье-Делагардъ не вполнѣ точно воспроизвелъ чтеніе Сумарокова; относительно же его собственнаго чтенія приходится предположить, что авторъ, увлеченный желаніемъ рѣшить вопросъ о времени надписи въ извѣстномъ смыслѣ, видѣлъ на камнѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ и чѣмъ видѣли другія лица, списывавшія надпись за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше. Буквы, сохранившіяся отъ имени императора, безъ сомнѣнія останавливали на себѣ особенное вниманіе всѣхъ изслѣдователей, но *никто* изъ нихъ (даже Кене, который подобно г. Бертье-Делагарду былъ убѣжденъ въ принадлежности надписи времени Маврикія) не видалъ въ началѣ строки буквъ ΜΑ. Что касается до насъ лично, то мы, при внимательномъ и неоднократномъ разсмотрѣніи даннаго мѣста надписи, замѣтили въ началѣ строки чуть видную вертикальную черту, затѣмъ, немного отступя, половину косой, идущей справа налѣво, и передъ ясно видными буквами ΚΙϹ—также чуть замѣтную черту, по видимому вертикальную. Такимъ образомъ изъ сопоставленія всѣхъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что отъ намѣренно изглаженнаго имени императора ясно сохранились послѣднія три буквы ΚΙϹ, передъ ними слабо замѣтна ⁞ и въ началѣ чуть видны остатки, *могущіе* принадлежать буквѣ Μ. Этихъ данныхъ, очевидно, не достаточно для того, чтобы съ полной увѣренностью рѣшить вопросъ о возстановленіи имени императора. Необходимо для подкрѣпленія обратиться къ другимъ соображеніямъ.

Въ числѣ Византійскихъ императоровъ не было ни одного съ именемъ, оканчивающимся на -κις. Извѣстно, однако, 1) что въ римскія и византійскія времена личныя имена съ окончаніемъ -ιος нерѣдко употреблялись въ сокращенной формѣ на ις[1]), и 2) что окончаніе -κις

1) Ср. F. G. Benseler, De nominibus propriis... in ις ιν pro ιος ιον terminatis. Diss. Lips. 1870.

легко могло быть употреблено, согласно тогдашнему произношенію, вмѣсто -χης. Примѣняя одно изъ этихъ соображеній, мы получаемъ подходящія имена: 1) Μαυρίκιος, т. е. императора Маврикія, царствовавшаго съ 582 по 602 г., 2) Ἰσαάκης или Ἰσαάκιος [1]), т. е. Исаака II Ангела, царствовавшаго въ 1185—1195 и 1203—1204 [2]). Къ одному изъ этихъ двухъ императоровъ и пріурочивали надпись ученые, занимавшіеся вопросомъ объ ея времени. Такъ, Кирхгофъ (въ C. I. Gr.), возстановивъ въ текстѣ [Ἰσαά]κις, замѣчаетъ: «Quodsi vs. 6. recte a Franzio [Ἰσαά]κις restitutum est in schedis et vera est v. 9. lectio Duboisiana ΙΝΔΗ, annus tituli est p. Chr. 1190, sextus Isaacii Angeli imperatoris» [3]). Напротивъ, Кёне и А. Л. Бертье-Делагардъ рѣшительно относятъ памятникъ ко времени Маврикія, при чемъ первый, собственно говоря, не приводитъ никакихъ существенныхъ данныхъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія [4]), а второй кромѣ собственной провѣрки чтенія даннаго мѣста на камнѣ представляетъ нѣсколько основательныхъ соображеній, съ которыми нельзя не согласиться [5]). Справедливо поставивъ вопросъ: «Неужели-же эта надпись ни въ своемъ начертаніи, ни въ существѣ, не даетъ возможности болѣе близкаго пріуроченія ея по времени, а можетъ быть относима учеными и къ концу VI, и къ концу XII вѣковъ, т. е. на 6 вѣковъ разницы»? — г. Бертье-Делагардъ отклоняетъ отъ себя рѣшеніе этого вопроса «по признакамъ палеографо-лингвистическимъ», но указываетъ нѣкоторые другіе. Во первыхъ, по изображеніямъ и стилю двухъ крылатыхъ геніевъ съ вѣнками, находящихся по сторонамъ надписи, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаетъ невозможность отнести

---

1) Имя Ἰσαάκ употреблялось также въ формахъ Ἰσαάκης и Ἰσαάκιος. См. цитаты въ Pape-Benseler's Wörterb. d. Griech. Eigennamen s. v.

2) Ставракій (811) и Исаакъ I Комнинъ (1057—1059) должны быть исключены уже потому, что при нихъ не было годовъ 8-го индикта.

3) Этому мнѣнію слѣдуютъ, между прочимъ, В. Г. Васильевскій, Русско-Визант. изслѣд. вып. II, Спб. 1893, стр. CLXXVII («Житіе св. Стефана Сурожскаго») и Толстой-Кондаковъ, Русскія древности въ пам. искусства, вып. IV (1891), стр. 14.

4) Разсужденіе егоо словѣ δεσπότης совершенно ошибочно.

5) Стефани въ вопросѣ о времени надписи ограничился замѣчаніемъ: «Жаль, что имя Византійскаго Императора, которое здѣсь должно предполагать, уничтожено съ намѣреніемъ. Изъ того, что Евпатерій въ надписи называется στρατηλάτης καὶ δοὺξ Χέρσωνος, а не πρωτεύων, очевидно, что памятникъ не могъ быть сооруженъ ранѣе царствованія императора Θеофила [ссылка: Muralt, Essai de Chronographie Byzantine, стр. 415]. Но ближе невозможно опредѣлить эпоху, къ которой принадлежитъ эта занимательная надпись». Изъ этого замѣчанія очевидно, что авторъ съ одной стороны не обратилъ должнаго вниманія на сохранившіяся отъ имени императора буквы ΚΙϹ, а съ другой—безусловно вѣрилъ свидѣтельству Константина Багрянороднаго, что Херсонисъ до Θеофила управлялся своими собственными магистратами (πρωτεύοντες).

надпись къ концу XII вѣка, находя въ нихъ «ничто иное, какъ переживаніе распространенныхъ изображеній языческаго времени», и утверждая, что этотъ типъ изображеній совершенно, навсегда, прекращается съ царствованіемъ Ираклія I, т. е. съ началомъ VII вѣка. Опуская слѣдующую далѣе попытку объясненія находящихся внизу надписи знаковъ, какъ весьма сомнительную, укажемъ на замѣчаніе г. Бертье-Делагарда, «что и по сущности надпись вяжется несравненно лучше съ царствованіемъ Маврикія (пораженіе турецкихъ ордъ, при Тиверіѣ II еще осаждавшихъ Херсонесъ), чѣмъ съ царствованіемъ Исаака II Ангела, едва ли имѣвшаго возможность совершить великіе и чудесные нодвиги на Босфорѣ, да еще и строить тамъ блистательные памятники, какъ о томъ говоритъ наша надпись; онъ все время воевалъ (надпись VIII индикта, который былъ при Исаакѣ въ 1190 году) съ сицилійцами, турками, сербами, болгарами и крестоносцами, гдѣ уже ему было думать о Крымѣ, на что впрочемъ никакого указанія и не сохранилось».

Къ этимъ доводамъ можно прибавить нѣсколько соображеній изъ той области, отъ которой уклонился г. Бертье-Делагардъ. 1) Хотя форма буквъ епиграфическихъ памятниковъ въ римскія и византійскія времена не можетъ служить столь надежнымъ хронологическимъ указателемъ, какъ во времена, предшествующія нашей эрѣ, но тѣмъ не менѣе между характеромъ письма на камняхъ въ VI и въ XII вѣкахъ есть большая разница, и письмо нашего памятника гораздо скорѣе можетъ быть отнесено къ первому, нежели къ послѣднему, представляя, въ сущности, весьма небольшія отличія отъ формъ буквъ, употреблявшихся на Воспорѣ даже въ первые вѣка по Р. Хр., и имѣя близкое сходство съ письмомъ воспорскихъ памятниковъ IV—VI вѣковъ[1]). 2) Прекрасно выдержанная орѳографія также свидѣтельствуетъ въ пользу такого времени, когда еще не былъ утраченъ навыкъ къ пра-

1) Укажемъ для примѣра на слѣдующіе воспорскіе памятники: 1) надпись Стораны средины IV в. по Р. Хр., *Inscr. P.* II, № 182[2]; 2) надпись времени царя Диптуна, V в. по Р. Хр., *ibid.* № 49[1]; 3) надпись Сорака въ катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1890 г., изд. Х. П. Ящуржинскимъ въ *Изв. Таврич. уч. арх. коммиссіи*, № 10 (1890 г.), стр. III сл.; 4) надписи въ Керченской христіанской катакомбѣ 491 г., изд. Ю. А. Кулаковскимъ въ *Мат. по арх. Россіи, изд. Имп. Археолог. Комм.*, № 6 (1891 г.); 5) найденная въ 1893 г. на Таманскомъ полуостровѣ надпись времени импер. Юстиніана (см. выше). Надписи 1, 3 и 4 изданы въ точныхъ снимкахъ. Съ другой стороны въ качествѣ образчиковъ письма XII в. можно указать изданныя также facsimile: 1) Херсонисскую надпись 1183 г. (*Мат. по арх. Россіи*, вып. 9, стр. 38, № 32), 2) надпись изъ Драмы 1145 г. (ὁ ἐν К/πόλει Ἑλλ. φιλ. σύλλογος. Παράρτημα τοῦ ιζ′ τόμου, σ. 109 ἀρ. 4) и др.

вильному письму, и въ XII вѣкѣ была бы просто удивительною: во всемъ текстѣ, не считая описокъ (ЄVЄBS и ΘЄΟΦΥΛΑΚΠ вм. ΘЄΟΦΥΛΑΚΤS), имѣются только двѣ незначительныя и вполнѣ извинительныя ошибки (ΚΑΤΟΡΘΟΜΑCΙ и ΚЄCΑΡΙοΝ), объясняющіяся тогдашнимъ произношеніемъ; даже извѣстная надпись имп. Зинона [1]), которая цѣлымъ столѣтіемъ древнѣе нашей, написана гораздо менѣе грамотно. 3) Съ этой-же надписью Зинона и вообще съ памятниками V—VI вѣковъ сближаютъ нашу надпись такіе внѣшніе признаки, какъ крестикъ предъ началомъ надписи и знакъ S для обозначенія сокращенія словъ, тогда какъ позднѣе сокращенія обыкновенно обозначались титлами. 4) Гораздо болѣе важный признакъ представляетъ императорскій титулъ εὐσεβέστατος καὶ θεοφύλακτος δεσπότης: епиграфическій матеріалъ, собранный въ IV томѣ Corporis inscript. Graec., свидѣтельствуетъ, что епитетъ εὐσεβὴς или εὐσεβέστατος былъ въ употребленіи почти при всѣхъ Византійскихъ императорахъ, начиная отъ Льва I и кончая Іоанномъ VI [2]); но епитетъ θεοφύλακτος появляется только при Тиберіи II (578—582; C. I. Gr. 8646) и не встрѣчается, повидимому, послѣ Льва III и Константина V [3]); соединеніе же обоихъ прилагательныхъ въ титулѣ въ тожественной съ нашей надписью формѣ является только въ смирнской надписи № 8659, относимой издателемъ «Корпуса» предположительно кь 641 году [4]), стало быть гораздо болѣе близкой по времени къ императору Маврикію, нежели къ Исааку Ангелу. Императорамъ XI и XII вѣковъ усваиваются въ надписяхъ совершенно иные титулы: φιλόχριστος δεσπότης [5]), εὐσεβὴς αὐτοκράτωρ [6]), φιλόχριστος βασιλεὺς Ῥωμαίων [7]), μέγας βασιλεὺς πορφυρογέννητος [8]), εὐσεβέστατος καὶ φιλόχριστος βασιλεύς [9]) и пр. Съ исторической точки зрѣнія возобновленіе дворца

1) C. I. Gr. 8621.

2) При Львѣ I — C. I. Gr. 8619; при Іоаннѣ VI — *ibid.* 8780 и 8781.

3) C. I. Gr. 9543. О надписи № 8789 (Νικᾷ ἡ τύχη Κωνσταντίνου τοῦ θεοφυλάκτου ἡμῶν δεσπότου) трудно сказать съ достовѣрностью, къ которому Константину она относится.

4) Въ надписи сохранились только имена и титулъ: . . . Κωνσταντίνων τῶν νέων, Ἡρακλήου καὶ Ἡρακλήου, τῶν εὐσεβεστάτων καὶ θεοφυλάκτων ἡμῶν δεσπ(οτῶν). Издатель замѣчаетъ: «Pertinere videtur fragmentum ad Heraclium II, cognomento novi Constantini vulgo insignitum, qui cum fratre Heraclio, quem Heracleonam vulgo dicunt, paucos menses imperavit a. 641..., aut ad filium eius Fl. Heraclium, Constantinum et ipsum appellatum sive Constantem, quem mortuo patre Heraclio in regni consortium adoptare coactus est Heracleonas patruus».

5) Никифоръ III Вотаніатъ, C. I. Gr. 8715.

6—8) Мануилъ I, *ibid.* 8790, 8734, 8736.

9) Михаилъ VIII, *ibid.* 8755.

на Воспорѣ по повелѣнію Византійскаго императора, а равно и существованіе византійскихъ правителей въ Херсонисѣ во времена Маврикія не представляютъ ровно ничего страннаго: относительно Воспора извѣстно, что онъ подчинился верховной власти Византіи при императорѣ Юстинѣ [1]), а затѣмъ при Юстиніанѣ, послѣ возмущенія Гунновъ, посланныя императоромъ войска возстановили и утвердили его господство, и Воспоръ, по словамъ Малалы, «сталъ жить въ мирѣ подъ Римскою властью» [2]); что же касается до Херсониса, то г. Бертье-Делагардъ въ указанной статьѣ (стр. 85 сл.) собралъ цѣлый рядъ данныхъ въ подтвержденіе того, что этотъ городъ въ интересующее насъ время находился подъ верховною властью Византіи и, стало быть, могъ быть ввѣренъ управленію византійскаго «стратилата и дука».

Остается вопросъ: не могутъ ли самые титулы, только что нами упомянутые, служить препятствіемъ къ пріуроченію надписи ко времени Маврикія? Существующія свѣдѣнія объ этихъ названіяхъ даютъ право сразу отвѣтить, что ихъ упоминаніе въ надписи скорѣе благопріятствуетъ этому пріуроченію, нежели препятствуетъ ему. Терминъ στρατηλάτης соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, латинскому *magister militum*. Это названіе впервые является при Константинѣ Великомъ, который учредилъ двухъ стратилатовъ, одного для командованія конницею и другого для пѣхоты, съ предоставленіемъ имъ власти «строить воиновъ и наказывать провинившихся» [3]). Ко времени Θеодосія число ихъ увеличилось до пяти, при чемъ двое были при дворѣ (in praesenti), а трое командовали войсками въ провинціяхъ: одинъ *per Orientem*, другой *per Thracias* и третій *per Illyricum* [4]). Затѣмъ императоры назначали ихъ и по другимъ провинціямъ. Такъ, Θеофанъ говоритъ, что императоръ Юстиніанъ въ первый годъ своего царство-

1) Proc. *De b. Pers.* I, 12.

2) Malalae *Chron.* p. 431 (ed. Bonn.). Cf. Proc. *De aedif.* III, 7, p. 271 ed. Bonn. Ср. зам. В. Г. Васильевскаго въ *Журн. М. Н. Пр.* 1878, янв, стр. 114 сл. — F. Braun, Die letzten Schicksale d. Krimgoten въ *Jahresber. d. Reform. Kirchenschule für 1889—90* (S.-Petersb. 1890), p. 7. sq.

3) Zosim. II, 33: ... [Κωνσταντῖνος] ταύτῃ διελόμενος τὴν τῶν ὑπάρχων ἀρχὴν καὶ ἄλλοις τρόποις ἐλαττῶσαι ταύτην ἐσπούδασεν· ἐφεστώτων γὰρ τοῖς ἁπανταχοῦ στρατιώταις οὐ μόνον ἑκατοντάρχων καὶ χιλιάρχων, ἀλλὰ καὶ τῶν λεγουμένων δουκῶν, οἳ στρατηγῶν ἐν ἑκάστῳ τόπῳ τάξιν ἐπεῖχον, στρατηλάτας καταστήσας, τὸν μὲν τῆς ἵππου, τὸν δὲ τῶν πεζῶν, εἰς τούτους τε τὴν ἐξουσίαν τοῦ τάττειν στρατιώτας καὶ τιμωρεῖσθαι [illegible] νοντας μεταθείς, παρείλετο καὶ ταύτης τοὺς ὑπάρχους τῆς αὐθεντίας.

4) *Notitia dign. Orientis* (ed. Böcking), p. 3. Ср. H. Schiller, Gesc[illegible] Kaiserzeit, II (Gotha 1887), p. 90.

ванія впервые назначилъ стратилата въ Арменію [1]). Съ теченіемъ времени въ каждой провинціи явились стратилаты въ качествѣ главныхъ военныхъ начальниковъ [2]), но затѣмъ мало по малу ихъ титулъ сталъ замѣняться титуломъ стратига, и со временъ Константина Порфиророднаго положеніе стратилата въ служебной іерархіи стало ниже положенія стратига [3]).

Терминъ δούξ, представляющій собою транскрипцію латинскаго *dux*, весьма часто встрѣчается въ византійской администраціи. Уже въ III в. по Р. Хр. этотъ терминъ сталъ обозначать опредѣленныхъ должностныхъ лицъ [4]). При Константинѣ Великомъ *duces* были введены въ новую систему военной организаціи въ качествѣ непосредственныхъ начальниковъ военныхъ корпусовъ, подчиненныхъ главному начальству magistrorum militum [5]). Кромѣ того подъ начальствомъ *дуковъ* находились военныя силы, расквартированныя по границамъ имперіи для ихъ охраны (riparienses или limitanei [6]). Во время составленія Notitiae dignitatum (411—413 по Р. Хр.) въ Восточной имперіи было 13 duces, именно 2 per Aegyptum, 6 per Orientem, 1 per Ponticam, 2 per Thracias (Moesiae Secundae и Scythiae) и 2 per Illyricum [7]). Позднѣе число ихъ постепенно возрастало и они весьма нерѣдко встрѣчаются у византійскихъ писателей въ качествѣ самостоятельныхъ военныхъ начальниковъ провинцій и отдѣльныхъ городовъ [8]), преимущественно пограничныхъ или удаленныхъ отъ столицы, тогда какъ старыя провинціи находились обыкновенно подъ управленіемъ страти-

---

1) Theoph. *Chron.* I p. 175 (ed. de Boor): προεβάλετο δὲ ὁ βασιλεὺς στρατηλάτην Ἀρμενίας Τζίταν, ἄνδρα πολεμικὸν καὶ ἱκανώτατον· οὐ γὰρ εἶχεν ἡ Ἀρμενία στρατηλάτην, ἀλλὰ δοῦκας καὶ κόμητας.

2) *Schol. Basilic.* ad. l. 60, tit. 35.

3) G. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin (Par. 1884), стр. 366: «C'était un titre plutôt ancien qui fut peu à peu remplacé par celui de stratège. On ne le retrouve plus dans les énumérations de Codinus. Dès l'époque de Constantin Porphyrogénète la dignité de *stratilate* était inférieure à celle de stratège, puisque nos voyons qu'un *stratège* commandait à de nombreux *stratilates*, chefs eux mêmes de la garnison d'une ville ou d'une forteresse».

4) Schiller, ук. соч. стр. 44: «Das 3. Jahrhundert hatte nun den praesides in den Provinzen, welche an der Grenze von Feinden bedroht waren, eigene Commandeure (duces) zur Seite gegeben, welche für alle militärischen Bedürfnisse kompetent sind, während der praeses auf die Zivilverwaltung beschränkt bleibt».

5) Schiller, ук. соч. стр. 92.

6) *Ibid.* стр. 93.

7) *Not. dign. Orientis* p. 4—5 Böcking.

8) Множество цитатъ указано у Дюканжа, Glossar. graecit. s. vv. δούξ и δουκάτον.

латовъ или стратиговъ[1]). Такимъ образомъ нахожденіе византійскаго дука на такой окраинѣ имперіи, какую представлялъ собою Херсонъ, при императорѣ Маврикіи было совершенно въ порядкѣ вещей. При императорѣ Ѳеофилѣ (829—842), по предложенію Петроны Каматира, была образована особая Херсонская область (ϑέμα) и для управленія ею сталъ посылаться особый стратигъ. Такой порядокъ продолжался еще при Константинѣ Порфирородномъ[2]) и даже въ XI в., какъ можно судить по сохранившимся печатямъ византійскихъ правителей Херсона[3]). Кромѣ стратиговъ на печатяхъ упоминаются еще κομερκιάριοι Χερσῶνος, но ни разу не встрѣчаются δοῦκες, такъ что появленіе византійскаго дука въ Херсонѣ при Исаакѣ II было бы совершенно неожиданно.

Сопоставленіе двухъ степеней служебной іерархіи (στρατηλάτης καὶ δοὺξ Χερσῶνος) при имени Евпатерія слѣдуетъ, мнѣ кажется, понимать въ томъ смыслѣ, что Евпатерій, состоя въ рангѣ стратилата, занималъ должность дука въ Херсонѣ, т. е., иначе говоря, что слово Χερσῶνος служитъ опредѣленіемъ только къ δουκός, а не къ обоимъ существительнымъ вмѣстѣ. Подобнымъ образомъ читается на упомянутыхъ печатяхъ: βασιλικὸς πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος или βασιλικὸς σπαθαροκανδιδάτος καὶ κομερκιάριος Χερσῶνος и т. п.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній важнымъ доводомъ въ пользу чтенія [Μαυρί]κις въ нашей надписи можетъ служить и буква I предъ окончаніемъ KIC, замѣченная почти всѣми изслѣдователями надписи, и мнѣ кажется, что мы имѣемъ *несомнѣнное* право возстановить въ ней имя Маврикія и отнести ее къ 590 г. по Р. Хр., на который падаетъ единственный годъ 8-го индикта въ царствованіе этого императора.

Въ заключеніе представляемъ транскрипцію и точный переводъ надписи:

† Πρὸς τοῖς λοιποῖς
μεγάλοις κ(αὶ) ϑαυμαστοῖς

---

1) Schlumberger, ук. соч. стр. 341.

2) *De admin. imp.* c. VI (ed. Bonn. p. 71). Краткую исторію Херсонской ѳемы см. у Schlumberger'а въ ук. соч. стр. 235—6. Ср. гр. И. И. Толстой, о Визант. печатяхъ Херсонской Ѳемы въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. II, стр. 28—43; Ѳ. И. Успенскій, Визант. владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв., *Кіевская Стар.* 1889, май—іюнь, стр. 253—294; В. Г. Васильевскій, О построеніи крѣп. Саркела (полем. замѣтка по поводу пред. статьи) въ *Журн. М. Н. Пр.* 1889, окт., стр. 273—289.

3) Schlumberger, ук. с. стр. 237 сл.

κατορθ(ώ)μασι κ(αὶ) τόδε τὸ
λαμπρὸν ἐν Βοοσπόρῳ
κ(αι)σάριον ἀνενέωσεν
[Μαυρί]κις ὁ εὐ[σ]εβ(έστατος) κ(αὶ) θεοφύλακ(τος) ἡμῶν
δεσπότης διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ
δούλου Εὐπατερίου, τοῦ ἐνδοξοτάτου
στρατηλάτου καὶ δουκὸς Χερσῶνος. Ἰνδ(ικτιῶνος) η'.

«Сверхъ прочихъ великихъ и дивныхъ дѣяній и сіе славное на Воспорѣ кесарское зданіе возобновилъ Маврикій, благочестивѣйшій и богохранимый нашъ владыка чрезъ собственнаго своего раба Евпатерія, славнѣйшаго стратилата и дука Херсонскаго. Индикта 8-го».

В. Латышевъ.

ОТДѢЛЪ II.

1. Критика.

Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου, Αἱ Σέρραι μετὰ τῶν προαστείων· τὰ περὶ τὰς Σέρρας καὶ ἡ μονὴ τοῦ τιμίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου. Συμβολὴ ἱστορικὴ καὶ ἀρχαιολογικὴ μετὰ ἑπτὰ πινάκων. Ἐν Λιψίᾳ, τύποις B. G. Teubner, 1894, σελίδες 105 σχήματος 8-ου.

Τὸ προκείμενον βιβλίον, καταχωρισθὲν πρότερον ἐν τῇ Byzantinische Zeitschrift, περιέλαβε μελέτημα χρήσιμον ἰδίᾳ τοῖς ἀσχολουμένοις περί τε τὴν τοπογραφίαν καὶ τὴν πολιτικὴν ἅμα καὶ θρησκευτικὴν ἱστορίαν τῆς Μακεδονίας· ἔστι δὲ πόνος ἀνδρὸς φιλολόγου, γνωριμωτάτου τοῖς εὐρωπαίοις ἑλληνισταῖς. Τὸ βιβλίον εἰς τέσσαρα διῄρηται κεφάλαια, προτεταγμένον ἔχοντα πρόλογον, ἐν ᾧ κατὰ λεπτὸν ὁ συγγραφεὺς ἀνακρίνει ὅσα τῶν προτετυπωμένων αὐτῷ βιβλίων ἐγνώσθησάν τι περὶ τῆς πόλεως τῶν Σερρῶν πραγματευόμενα· καὶ τὸ μὲν πρῶτον κεφάλαιον ἀπαριθμεῖ τὰς ὑπὸ τοῦ συγγραφέως εὑρεθείσας ἀρχαίας ἐπιγραφάς, περιγράφει δὲ καὶ τὴν ἀκρόπολιν καὶ ἄλλα τινὰ παλαιὰ μνημεῖα, τά τε τῆς πόλεως τείχη καὶ τὰς ἐν αὐτῇ χριστιανικὰς ἐκκλησίας, τάς τε παλαιοτέρας τούτων ἱερὰς εἰκόνας καὶ τὰ μνήμης ἄξια τῶν ἱερῶν σκευῶν· ἐκτενῶς δὲ τὸν κώδικα περιγράφει τῆς μητροπολιτικῆς τῶν Σερρῶν ἕδρας, ἐξ οὗ σαφηνίζεται ταύτης ἡ κατάστασις, ἡ ἀπὸ τῆς ἑπτακαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος· μετὰ δὲ τὴν παράταξιν ἐνίων ὀνομάτων, ἰδιαζόντων τοῖς Σερραίοις, ἀνέγραψεν ὁ συγγραφεὺς χειρόγραφά τινα βιβλία, ὧν τέσσαρα μὲν ἔχει τοῦ κλασικοῦ γυμνασίου τῶν ἐν Σέρραις ὀρθοδόξων ἡ βιβλιοθήκη, πέντε δὲ τῶν ἐν Ἡλιοκάλῳ τῷ προαστείῳ κατοίκων εἷς, δύο δὲ πάλιν αὐτὸς ὁ Παπαγεωργίου. Τοιαῦτα μὲν οὖν ὡς ἐν συνόψει περιέχει τὸ πρῶτον, ὡς εἴρηται, κεφάλαιον, διῃρημένον, ὡς εἰκός, εἰς πολλὰ παράγραφα· τὸ δὲ μετ' ἐκεῖνο περιγράφει τοὺς ἔξω τῆς πόλεως χριστιανικούς τε καὶ μουσουλμανικοὺς ναούς, καὶ πάλιν τὸ μετὰ τοῦτο τὰ περὶ τὰς Σέρρας ᾠκισμένα κωμίδια, τάς τε πολίχνας καὶ τὰς κώμας· ἀπαριθμεῖ δὲ καὶ τὰ ἐκ παλαιῶν ἐγγράφων ἠθροισμένας παρὰ τοῦ συγγραφέως ὀνόματα τοπικά, καί τινας ἑτέρας κώμας ὑπαγομένας τῷ Σερρῶν ἐπάρχῳ· τέταρτον δὲ κεφάλαιον, ὃ καὶ τελευταῖον, τὸ πραγματευόμενόν ἐστι περὶ τῆς μονῆς Ἰωάννου τοῦ Προ-

δρόμου, τῆς ἐν τῷ ὄρει τοῦ Μενοικέως, καὶ περὶ τῶν ἐν αὐτῇ σήμερον ὑπαρχόντων χειρογράφων βιβλίων, ἅπερ εἰσὶ πάντα 238, μεμβράνινα μὲν 96, χάρτινα δὲ 142· ἐξ ὧν ὁ συγγραφεὺς ἀντέγραψε ποιημάτιον Μαρίας Κομνηνῆς τῆς Παλαιολογίνης, παραθέμενος αὐτὸ πρὸς τῷ τέλει τοῦ βιβλίου, καί τινα σημειώματα γνωρίζοντα καλλιγράφους καὶ ἄλλα τινὰ ὀνόματα.

Τοιαῦτα τοίνυν ἐμπεριλαμβάνει τὸ προκείμενον τοῦ Παπαγεωργίου βιβλίον, χρήσιμον ὂν ὡς εἰκὸς ἐκ πολλῶν ἐπόψεων· διὸ καὶ τῷ συγγραφεῖ παρὰ παντὸς ἐπικριτοῦ δικαιότατοι προσνέμονται ἔπαινοι, ἵνα τούτοις ἐνθαρρυνόμενος ἐμφανίζῃ καὶ μετέπειτα τοῖς βυζαντινισταῖς ἕτερα τοιαῦτ' ἀξιολογώτατα βιβλία. Ὅτι δὲ τὸ περὶ Σερρῶν αὐτοῦ μελέτημα χρησιμώτατόν ἐστι, δηλοῖ τρανῶς οὐ μόνον ἡ περιγραφὴ τῆς νῦν αὐτῶν καταστάσεως, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐν αὐτῷ τῷ βιβλίῳ φιλοπονώτατα συναποταμιευθὲν ἐκ χειρογράφων καὶ μαρμάρων ὑλικόν, οὗ χρῄζουσιν οἵ τε μακεδονίζοντες ἀρχαιολόγοι καὶ πάντες οἱ περὶ τὰ παλαιόγραφα τῶν Ἑλλήνων ὑπομνήματα πεφροντισμένως ἀσχολούμενοι, ἔτι δὲ καὶ τῶν ἱστορικῶν συγγραφέων ὅσοι τὰς τύχας ἐρευνῶσι τῆς μεσαιωνικῆς Ἑλλάδος. Ἐγὼ δὲ νῦν ἐπεξελθὼν τὸ βιβλίον ὀνήσιμον εἶναι νομίζω τἀκόλουθα κοινώσασθαι τῷ συγγραφεῖ, τὰς φιλοτίμους αὐτοῦ συμπληρῶν ἐρεύνας.

1) Τὴν βυζαντινὴν ὕλην τῆς ἑαυτοῦ συγγραφῆς ἤντλησεν ὁ Παπαγεωργίου μόνον ἐκ τοῦ πρώτου τόμου τῆς μεσαιωνικῆς τοῦ Σάθα βιβλιοθήκης[1], ἐν ᾧ τὸ προοίμιον τυπικῆς ἐμπεριέχεται διατάξεως περὶ τῆς μονῆς Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου καὶ τῆς διατάξεως πάλιν ἐκείνης κεφάλαιον ἕν· μεθ' ὃ κεῖνται τέσσαρα καὶ δέκα γράμματα τῆς ιδ' ἑκατ., οἷον λόγοι χρυσόβουλλοι καὶ προστάγματα καὶ τοιαῦτά τινα περὶ τῆς αὐτῆς μονῆς· ταῦτα δὲ πάντα παρέλαβεν ὁ Σάθας ἔκ τινος ἀντιγράφου τοῦ πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων Χρυσάνθου, γενομένου περὶ τὴν ἀρχὴν τῆς ιη' ἑκατ[2]. Προστίθησιν ὁ Παπαγεωργίου, ὅτι «τό τε πρωτότυπον κτιτορικὸν καὶ πολλὰ τῶν χρυσοβούλλων ἀπώλοντο, τῶν νῦν εὐλαβῶν πατέρων τῆς μονῆς ἀγνοούντων πότε πῶς». Ἀλλὰ γινώσκομεν ἐκ πολλοῦ, ὅτι πάντων τῶν ἐπιβραβευθέντων τῇ μονῇ χρυσοβούλλων καὶ γραμμάτων ὁ πρωτότυπος κῶδιξ ἐκάη μετὰ τὸ 1856-ον ἔτος, ὡς ἐβεβαίου Γεώργιος Ἰωαννίδης ὁ πρὸ ταύτης αὐτοῦ τῆς καταστροφῆς ἀντιγράψας αὐτὸν ὁλόκληρον· σημειοῦνται δὲ τὸ πρᾶγμα τοῦτο οἱ ἐκδόται τῶν Acta et diplomata medii aevi, τ. V, σ. 134, οἳ καὶ περιέλαβον ἐν τούτῳ τῷ τόμῳ πάντα τὰ παρὰ τοῦ Σάθα προτετυπωμένα κείμενα, διορθώσαντες αὐτὰ πρότερον, ὡς ἠδύναντο [σ. 88—107, 109, 111—114, 432—439], ἐκ δὲ τοῦ ἀντιγράφου τοῦ Ἰωαννίδου πολλὰ ἕτερα περὶ τῆς αὐτῆς μονῆς ἔγγραφα, τὸν ἀριθμὸν αὐτῶν ἀναβιβάσαντες εἰς πέντε καὶ τριάκοντα· ὧν τὸ παλαιότερον ἐγράφη ἔτει 1292-ῳ, τὸ δὲ τελευταῖον ἔτει 1353-ῳ [σ. 88— 134]· μετὰ δὲ τὰ Acta τύποις ἐξεδόθησαν ὑπὸ Τιμοθέου τοῦ Φλορίνσκη προστάγματα πάλιν ἑπτά[3], ὥστε πάντα τὰ μέχρι τοῦδε

1) Αἱ Σέρραι μετὰ τῶν προαστείων, σ. 3—7.

2) Κ. Σάθα, Μεσαιων. Βιβλιοθ. Ι, σ. 201—242.

3) Тимоѳея Флоринскаго, Памятники законодательной дѣятельности Душана царя Сербовъ и Грековъ. Ἐν Κιέβῳ 1888, σ. 216—222. Ὅρα καὶ σελ. 121—145, ἐν αἷς ἐμπεριέχεται τῶν ἐγγράφων τῆς μονῆς τοῦ Προδρόμου λεπτομερὴς ἀνάλυσις. Ἀλλὰ καὶ πρότερον ὁ Φλορίνσκης ἐξέδωκεν ἱστορικὴν ἀνάλυσιν ἁπάντων τῶν περὶ τῆς μονῆς ἐγγρά-

τύποις ἐκδεδομένα τῆς μονῆς ἔγγραφα τὸν ἀριθμὸν εἶναι τεσσαράκοντα καὶ δύο. Εἰ γοῦν καὶ τὰ μετὰ Σάθαν ἐκδεδομένα ἦσαν εὐπρόσιτα τῷ Παπαγεωργίῳ, πάντως ἡ περὶ Σερρῶν αὐτοῦ μελέτη πληρεστέρως ἂν ἐγράφετο· ταῦτα δὲ τὰ μετὰ Σάθαν ἐκδεδομένα προστάγματα χρυσόβουλλά τε καὶ γράμματα πηγάζουσιν ἐξ αὐτοῦ τοῦ πρωτοτύπου καὶ καέντος, ὡς ἐρρήθη, κώδικος, ὃν ὁ Γεώργιος Ἰωαννίδου μετέγραψεν ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ ἔτει 1856-ῳ· ἔδωκε δὲ οὗτος τὴν ἑαυτοῦ μεταγραφὴν Καρόλῳ τῷ Hopf, ὃς δὲ τῷ Miklosich [1], παρ' ᾧ τὸ μεταγεγραμμένον ἐκεῖνο κτιτορικὸν εὕρισκε συνεχεῖς ἀντιγραφέας ἄχρις ἡμῶν ἐκ Σερβίας καὶ Ῥωσίας· ἐγένετο δὲ καὶ μεθερμήνευσις αὐτοῦ σερβική [2]· ὁ δὲ σέρβος ἱστορικὸς Νοβάκοβιτζ ἐποιήσατο τῶν περὶ τῆς μονῆς ἐγγράφων χρῆσιν, ἵνα τοῦ κράλη Στεφάνου τὴν ἱστορικὴν δρᾶσιν ἐν τῇ Μακεδονίᾳ λεπτομερῶς ἀναπαραστήσῃ [3]. Ἀλλὰ καὶ ἕτερα τρία παλαιὰ τῆς αὐτῆς μονῆς ἔγγραφα περί τινων αὐτῆς κτημάτων, εὑρισκομένων ἐν τῇ Φερεμῶν ἐπισκοπῇ, τῇ ὑποκειμένῃ τῇ μητροπόλει Μελενίκου, μεταγραφέντα παρὰ Θεοδοσίου τοῦ Προδρομίτου «ἐκ τοῦ ἀρχαίου β' κτιτορικοῦ τῆς μονῆς κώδικος», ἐξέδωξεν ἡρμηνευμένα Μηνᾶς ὁ Χαμουδόπουλος [4]· καὶ τὰ μὲν δύο πρῶτα συνετάχθησαν ἔτει 1333-ῳ, τὸ δὲ τελευταῖον ἔτει, καθὰ φαίνεται, 1334-ῳ.

2) Ἐν τῇ 15-ῃ σελίδι παντελῶς ἀσύστατον ὀνομάζει τῆς περὶ Σερρῶν μελέτης ὁ συγγραφεὺς τὴν ἐπικρατοῦσαν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει τῶν Σερρῶν ἐκ παλαιοῦ παράδοσιν, ὅτι τὸν ἐκεῖ πύργον, ὃν ὁ Παπαγεωργίου φωτοτυπικῶς ἐδημοσίευσεν, Ἑλένη τις ἔκτισεν, ἧς, λέγει, τὸ ὄνομα δι' ἐσφαλμένης ἐπλάσθη τῆς ἐν τῷ πύργῳ κεραμίνης ἐπιγραφῆς ἀναγνώσεως· καὶ προστίθησι τὴν ἑαυτοῦ ταύτης ἀνάγνωσιν, οὕτως ἔχουσαν· «Πύργος αὐγούστου βασιλέως, ὃν ἔκτησεν Ὀρέστης». Ἀλλ' ἐγώ, μεθ' ὅσα λέγει περί τινων αὐτῆς δυσαναγνώστων ἤδη γραμμάτων, οὕτως αὐτὴν ἐκ τῆς φωτοτυπίας ἀνέγνων· «Πύργος αὐγούσ[της Ἑ]λένης, ὃν ἔκτησεν [=ἔκτισεν] Ὀρέστης», σχηματίσας οὕτω στίχον ἐκ δέκα καὶ πέντε συλλαβῶν. Καὶ τῷ μὲν Ὀρέστης ὁ τοῦ στίχου ποιητὴς ἐξελλήνισεν, ὡς εἰκάζω, τὸ Οὐρέσιος ἢ Οὐρέσης ὄνομα· οὗτος δὲ ὁ Οὐρέσης υἱὸς ἦν Στεφάνου κράλη τῆς Σερβίας καὶ Ῥωμανίας, οὗ σύζυγος Ἑλένη, τὴν οἴκισιν ἐν Σέρραις ἔχουσα πολλάκις· ἢ καὶ τοῦ συζύγου θανόντος πόλεις τινὰς ὑποποιησαμένη, καὶ δὴ καὶ τὰς Σέρρας αὐτάς, ἔμενε λοιπὸν ἐν αὐταῖς οἷά τις βασιλὶς ἀνεξάρτητος· φιλιωθεῖσα δὲ κατόπι μετὰ

φων τοῦ κράλη Στεφάνου. Ὅρα Т. Флоринскаго, Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка, т. II, ἐν Πετρουπόλει 1882, σ. 111—120.

1) Acta et diplomata, τ. V, σ 451—452, ἔνθα προστίθενται διορθώσεις εἰς τὰ κείμενα τῶν ἐγγράφων δεύτεραι.

2) Гласник српског ученог друштва, т. XXVI καὶ XXXII.

3) Ст. Новаковић, Струмска област у XIV вjеку і цар Стефан Душан. Ἐν Βελιγραδίῳ 1893. — Τὸ ἀντίγραφον τοῦ Ἰωαννίδου φέρει τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην: «Χρυσόβουλλα Στεφάνου τοῦ κράλη καὶ βασιλέως Σερβίας καὶ Ῥωμανίας, εὑρισκόμενα ἐν παλαιῷ τινι κώδικι καταγεγραμμένα τοῦ κατὰ Σέρρας περὶ τὸ Μενοίκεον ὄρος κειμένου ἱεροῦ μοναστηρίου, τοῦ ἐπ' ὀνόματι τιμωμένου τοῦ τιμίου ἐνδόξου προφήτου προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ Ἰωάννου· ἐνταῦθα δὲ ἀντεγράφησαν ἀπαραλλάκτως τῷ πρωτοτύπῳ παρὰ Γεωργίου Ἰωαννίδου. 1856».

4) Ἐκκλησιαστ. Ἀληθ. τ. III, 1883, σ. 330—333.

τοῦ νέου κράλη, τοῦ υἱοῦ αὐτῆς, παρέδωκεν αὐτῷ τὴν βασιλείαν, γενομένη ὡς φαίνεται μοναχή, Ἐλισάβετ μετονομασθεῖσα, καθὰ δὲ βασιλομήτωρ οὐκ ἔπαυεν ἐπεμβαίνουσα τοῖς πολιτικοῖς πράγμασιν [1]· ὅτε καὶ Κάλλιστον τὸν οἰκουμενικὸν πατριάρχην, ἀποσταλέντα πρὸς αὐτὴν ὑπὸ τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ πρεσβευτήν, ἀποθανόντα μεγαλοπρεπῶς ἔθαψεν ἐν τῇ μητροπόλει τῶν Σερρῶν [2]. Ταύτην οὖν τὴν Ἑλένην βασιλεύουσαν ὅ τε σύζυγος καὶ ὁ λαὸς αὐγούσταν ἐκάλουν, ὡς ἐκ τῶν σερβικῶν ἐγγράφων διδασκόμεθα τοῦ κράλη Στεφάνου [3]. Ταῖς δὲ περὶ τοῦ κάστρου τῶν Σερρῶν ἱστορικαῖς εἰδήσεσιν, ἃς ὁ Παπαγεωργίου συνήθροισε [σ. 17], προσθετέα ταῦτα· ὅτι κατὰ Χατζηκάλφαν τὸν γεωγράφον ἔτει 784-ῳ τῆς ἐγείρας ἑλὼν ἔφθειρε τοῦτο τὸ κάστρον ὁ στρατηγὸς Λάλα-Schahin· ὠνομάζοντο δὲ κατ᾽ αὐτὸν αἱ Σέρραι πρότερον τῶν σοφῶν ἡ πόλις [4].

3) Σελ. 22 παραδέχεται, ὅτι τὴν πολίχνην Ἀληστράτην, ἔνθα νῦν ὁ Φιλίππων καὶ Δράμας ἑδρεύει μητροπολίτης, ὠνόμαζον ἄλλοτε Ἅγιον Εὐστράτιον, καὶ ὅτι κατὰ μεταβολὴν φωνητικὴν τούτου τὸ ὄνομα κατόπιν εἰς Ἀλιστράτην ἢ Ἀϊστράτι μετέπεσεν· ἀλλ᾽ οἱ κάτοικοι, καθά τινες αὐτῶν ἔλεγον ἐμοὶ ἐκεῖ διατρίβοντι, τὸ παλαιὸν ἡ πολίχνη Ἀλεκτρυόπολις ὠνομάζετο· εὗρον δὲ καί τινα τῶν παλαιῶν αὐτῆς κατοίκων, ὄνομα Κοσμᾶς Ἀλεκτρυοπολίτης, ὃς ἀντέγραψεν ἔτει 1667 διδαχὰς Μαξίμου τοῦ Πελοποννησίου [5])· ἐν δὲ τοῖς ἀρχαίοις ἐπισκοπῶν καταλόγοις ὑπῆρχεν ἐπισκοπὴ Ἀλεκτρυοπόλεως, τὸν ἀριθμὸν ἑβδόμη, τῷ μητροπολίτῃ Φιλίππων ὑποκειμένη [6]). — Σελ. 27 μνημονεύεται ναΐδιον τοῦ μεγαλομάρτυρος ἁγίου Γεωργίου· τοῦτο δὲ τὸ ναΐδιον, ὡς εἰκάζω, μετόχιον ἦν τῆς ἐν Ἄθῳ μονῆς τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος, οὗ μέμνηται χρυσόβουλλον Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου [1354] ὧδε· «ἔτι τε τὸ ἐντὸς τῆς θεοσώστου πόλεως Σερρῶν ἕτερον, Ἅγιον Γεώργιον λεγόμενον τὸν Λούκαριν» [7]. Ἀλλὰ καὶ ἡ ἔξω τοῦ νοτίου τείχους ἐκκλησία τοῦ ἁγίου Νικολάου [Παπαγεωργ. σ. 31] κεῖται πιθανῶς ἐπὶ τῶν ἐρειπίων μονυδρίου, ὅπερ ἔτει 1327-ῳ, καθὰ παραδίδωσι χρυσόβουλλον Ἀνδρονίκου τοῦ γέροντος, μετόχιον ἦν τῆς ἐν Ἄθῳ βουλγαρικῆς μονῆς τοῦ Χιλανδαρίου [8]. Περὶ δὲ τοῦ μετοχίου τῆς Λιόκαλης [Παπαγ. σ. 67], ἣν οἱ λογιώτεροι τῶν Σερραίων ὀνομάζουσι νῦν Ἡλιούκαλιν, ὁ δὲ Πανταζίδης ἐξ ἐπιγραφῶν μεταγενεστέρων εὗρεν ὠνομα-

1) Ἀνάγνωθι τὸ χρονικὸν Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ, τ. III, σ. 314, 360—362.

2) Io. Cantacuz. III, σ. 361—362 Bonn: «ἔθαψέ τε μεγαλοπρεπῶς ἐν τῇ μητροπόλει Φερῶν [= Σερρῶν] καὶ ἐτίμησε διαφερόντως». Μανουὴλ ὁ Γεδεὼν ἔπεμψε τὸν Κάλλιστον εἰς Φερὰς τῆς Θεσσαλίας καὶ ἐκεῖ τοῦτον ἐνεταφίασεν. Ὅρα τῶν γεδεωνείων Πατριαρχ. Πινάκων σ. 429.

3) Acta praesertim graeca rossici in monte Athos monasterii. Ἐν Κιέβῳ 1873, σ. 352, 363, 367. Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты. Ἐν Πετρουπόλει 1880, σ. 63.

4) Mustafa Ben Abdalla Hadschi Chalfa, Rumeli und Bosna geographisch beschrieben; aus dem türkischen übersetzt von Joseph von Hammer. Wien 1812. σ. 73—74.

5) Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἔκθεσις παλαιογρ. ἐρευνῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ [Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλ. παράρτ. τ. XVII, σ. 35].

6) G. Parthey, Notit. episc. 3, 579. Not. 10, 664.

7) Acta praes. graeca κτλ., σ. 174.

8) Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 43: «τὸ περὶ τὰς Σέρρας μονύδριον, τὸ εἰς ὄνομα τιμώμενον τοῦ παμμάκαρος ἁγίου Νικολάου».

σμένην Ἰλεούχαλιν, Ἐλεούχαλλιν ἢ Ἡλιόχαλην [1], δηλῶ ὅτι κατὰ παλαιὰ σιγίλλια καλεῖται Ἡλιόχαλλος [2].

4) Δὶς ὁ Παπαγεωργίου μνημονεύει μητροπολίτου Σερρῶν (ὄνομα Φίλιππος), ἔτει 1430-ῳ ναὸν οἰκοδομήσαντος ἐν Σέρραις [σ. 24 καὶ 32—33]· παράγει δὲ τὸ ἔτος ἐξ ἐπιγραφῆς, ὡς λέγει, «σφόδρ' ἀποτετριμμένης», ἧς ἐξέδωκε τὸ πανομοιότυπον [πίν. III, ἀριθ. 12]· ἀνέγνω δὲ ταύτην ὧδε· «Ἱερὸς ὁ Φίλιππος μητροπολίτης τὸν σι(η)κὸν ἐδόμη(ει) ‚ςϠλή... Θεοδώρων μεγαλομαρτύρων τοῦ Καλλινίκου»· καὶ λέγει πολλὰ περὶ ταύτης τῆς ἐπιγραφῆς, ἔτι δὲ καὶ τοῦτο· «διὰ τοῦ ἐπιθέτου Καλλινίκου νοεῖται αὐτὸς ὁ κύριος Ἰησοῦς Χριστός, οὗ τῆς πίστεως μάρτυρες ἐγένοντο οἱ ἅγιοι Θεόδωροι, πλὴν ἐάν τις προτιμήσῃ τό: Θεοδώρου μεγαλομάρτυρος τοῦ καλλινίκου»· ὅπερ ἀληθές, τῆς ἐπιγραφῆς οὔσης ἐμμέτρου· ὡς δὲ τοιαύτης, ἑπόμενον ὅτι ἀριθμὸς ἔτους εἰς αὐτήν, οἷον ὁ Παπαγεωργίου φανεροῖ, παντάπασιν οὐχ εἰσχωρεῖ· ἀντὶ δὲ τοῦ δωρεὰν οὕτως ἐκπηγάσαντος ἔτους, ζητητέον οἶμαι λέξιν μᾶλλον ἐκ πέντε συλλαβῶν, ἧς ὁ τόνος ἐπὶ τῆς παραληγούσης.

† Ἱερὸς ὁ Φίλιππος μητροπολίτης
τὸν σικὸν[=σηκὸν] ἐδόμη[σε - - ⌣ ⌣ -]
Θεοδ(ώρου) μ(ά)ρ(τυρος) τοῦ καλλινίκου.

Εἰκάζω δ' ἐκ τοῦ σχήματος τῶν ἐπὶ τοῦ μαρμάρου γραμμάτων, ὅτι Φίλιππος οὗτος ὁ μητροπολίτης ἤκμαζεν ἢ τῇ ἑνδεκάτῃ ἢ τῇ κατόπιν αὐτῆς ἑκατονταετηρίδι.

5) Σελ. 38—39 καὶ 40—50 προστίθησιν ὁ Παπαγεωργίου πολύτιμον πίνακα μητροπολιτῶν τῆς πόλεως Σερρῶν καὶ τούτων ἔγγραφα πολλά· παλαιότερος δὲ τῶν μητροπολιτῶν ἐστι Θεοφάνης [1603—1613]. Ὁ συγγραφεὺς τοὺς πρὸ τοῦ Θεοφάνους ἀρχιερέας οὐκ ἀπαριθμεῖ· σκοπὸς γὰρ αὐτοῦ δεῖξαι τίνων ἀρχιερέων ὀνόματα οἱ νῦν ἐν Σέρραις ὑπάρχοντες μητροπολιτικοὶ σῴζουσι κώδικες· οὐχ ἧττον ὅμως ἐγὼ σημειοῦμαι νῦν ἐνταῦθα τῶν παλαιοτέρων ἀρχιερέων ὅσους αὐτὸς προχείρως εὗρον, ἵνα τῶν Σερραίων τις ὕστερον συμπαραθέσῃ τὰς περὶ τούτων μαρτυρίας ἐν καταλόγῳ τινὶ τελείῳ τῶν ἐν Σέρραις ἀρχιερέων.—α') Ἰωάννης ἔτει 1191-ῳ [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολ. Σταχυολογίας, τ. I, σ. 462].—β') Βασίλειος ἐπὶ Γερμανοῦ πατριάρχου β' [Acta et dipl. III, σ. 65].—γ') Νικόλαος 1315 [Acta et dipl. I, σ. 5, 14].—δ') Μακάριος 1329 [Αὐτόθι I, σ. 149, 151, 155, 157].—ε') Ἰάκωβος 1359—1359 [Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 50. Acta praes. gr. rossici monasterii, σ. 361—369]. Οὗτος ὁ Ἰάκωβος συνέταξεν ᾀσματικὸν κανόνα κατανυκτικόν [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. II, σ. 155].—ζ') Νήφων [Acta et dipl. I, σ. 145].—η') Ματθαῖος 1387—1390 [Acta et dipl. II, σ. 77, 99, 129, 147].—θ') Νικόλαος 1394 [Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig 1894, σ. 196]. — ι') Δωρόθεος 1474 [Ἐπ. Σταματιάδου, Ἐκκλησιαστικὰ σύλλεκτα. Ἐν Σάμῳ 1891, σ. 16]. — ια') Μανασσῆς 1488 [Αὐτόθι σ. 33]. Οὗτος ἐγένετο πατριάρχης οἰκουμενικός, μετονομασθεὶς Μάξι-

1) Φιλίστωρ σ. 211—212.

2) Ἀ Π.-Κεραμέως, Ἔκθεσις παλαιογραφικῶν ἐρευνῶν ἐν Θρᾴκῃ καὶ Μακεδονίᾳ. [Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλ. παράρτ. τ. XVII', σ. 19. 20, 21, 29].

μος. — ιβ') Κάλλιστος 1494 [Αὐτόθι σ. 43]. — ιγ') Γεννάδιος 1517—1537 [Ἀλέξανδρος Λαυριώτης ἐν τῇ «Κωνσταντινουπόλει» 1891, ἀριθ. 90. Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 346. Τοῦ αὐτοῦ: Ἔκθεσις παλαιογρ. ἐρευνῶν ἐν Θρᾴκῃ καὶ Μακεδονίᾳ, σ. 29. Παπαγεωργίου, Σέρραι, σ. 26 καὶ 52]. Ἔτει 1546 ἔζη ὡς πρώην Φιλίππων ἀρχιερεύς [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Μαυρογορδ. Βιβλιοθ. I, σ. 12]. — ιδ') Δανιὴλ 1537? [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 390. — ιε') Προκόπιος 1572 [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἔγγραφα περὶ δύο ἐπισκοπῶν τῆς μητροπόλεως Ἀθηνῶν. Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων, τ. II, σ. 229]. — ις') Ἀρσένιος 1550 [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἔκθεσις παλαιογρ. ἐρευνῶν, σ. 36]. — ιζ') Ἀνανίας 1590 [W. Regel, Analecta byzantino-russica, σ. 89. Κ. Σάθα, Δοκίμιον περὶ Ἱερεμίου σ. ϞΔ']. — ιη') Θεόφιλος 1593 [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἀνέκδοτα Ἑλληνικά, σ. 75]. Τοῦτον ἴσως ὁ Σάθας ὀνομάζει Θεόδουλον [Δοκίμιον περὶ Ἱερεμ. σ. 136 ἐν ὑποσημειώσει]. — ιθ') Ναθαναὴλ XVI—XVII? [Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 440]. — κ') Ἰωάσαφ 1605 [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Μαυρογορδ. Βιβλιοθ. I, σ. 173]. Καθῃρέθη ἔτει 1606 [Κ. Σάθα, Μεσαιων. Βιβλιοθ. III, σ. 554. Παπαγεωργίου, Σέρραι, σ. 50]. — Καὶ τούτους μὲν ἐγὼ τοὺς ἀρχιερέας εὗρον, ἔξω δύο, βιβλία τινὰ προτετυπωμένα ἡμέτερά τε καὶ ξένα προχείρως ἰδών· διὰ δὲ τοὺς μετ' αὐτοὺς ἄριστός ἐστι διδάσκαλος ὁ Παπαγεωργίου, κατάλογον αὐτῶν, ὡς εἴρηται, συντάξας ἀκριβέστατον [σ. 38—39]· προστίθημι δ' ὅμως αὐτῷ ταῦτα· ὅτι Θεοφάνης ὁ μητροπολίτης διέτριβεν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἔτει 1611-ῳ [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Κατάλογος τῶν ἐν τῷ Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλόγῳ χειρογράφων. Παράρτ. τ. Κ'-ΚΒ', σ. 98]· ὁ δὲ Τιμόθεος ἦν αὐτόθι καὶ 1616-ῳ καὶ 1618-ῳ ἔτει [Κῶδ. 4 μετοχ. Παναγ. Τάφου, φύλλ. 52ᵇ. Μαυρογορδ. Βιβλιοθ. I, σ. 174]· ἦν δὲ πρὸ τῆς ἀρχιερωσύνης ὁ Τιμόθεος ἡγούμενος τῆς ἐν τῷ Μενοικέως ὄρει μονῆς Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου [Ἐκκλησ. Ἀληθ. II, σ. 695]· ἀποθανόντος δ' αὐτοῦ μητροπολίτης ἐξελέγη Σερρῶν ὁ Παλαιῶν Πατρῶν πρωτοσύγκελλος τῇ 26-ῃ μηνὸς ἀπριλίου ἔτους 1626-ου [Κῶδ. 4 μετοχ. Π. Τάφου, φύλλ. 28ᵇ]. Ὡσαύτως ὁ Δανιὴλ ἐν Κωνσταντινουπόλει διέτριβε μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1646 καὶ 1647 [Κῶδ. 4 μετοχ. Π. Τάφου, φύλλ. 30ᵃ. Κατάλογος τῶν ἐν τῷ Ἑλλην. Φιλολ. Συλλ. χειρογρ. σ. 102 καὶ 103. Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 338]· ὡσαύτως ὁ Κύριλλος ἔτει 1661-ῳ, καθὰ δείκνυσιν ἀνέκδοτον σιγίλλιον· μηνὶ δὲ μαρτίῳ ἔτους 1677-ου μητροπολίτης Σερρῶν ἦν ὁ Νεκτάριος, διασπάσας χρόνον ἴσως ὀλίγον τὴν ἀρχιερατείαν τοῦ Κυρίλλου [Acta rossici monast. σ. 220]· τοῦτον δὲ τὸν Νεκτάριον ἀγνοοῦσιν οἱ ἐν Σέρραις κώδικες. Περὶ δὲ τοῦ μητροπολίτου Στεφάνου προσθετέον ἐν τῷ βιβλίῳ τοῦ Παπαγεωργίου τοῦτο· ὅτι παρεγένετο εἰς Ἱεροσόλυμα, φέρων μεθ' ἑαυτοῦ χειρόγραφον λειτουργικὸν βιβλίον, ὅπερ ὑπάρχει νῦν ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τοῦ πατριαρχείου τῶν Ἱεροσολύμων, κοσμούμενον ἐπιγράμματί τινι, οὗ ἡ ἐπιγραφή· «Εἰς τὴν θείαν καὶ προσκυνητὴν μυσταγωγίαν τοῦ πανιερωτάτου — οὖσαν κτῆμα ἀναφαίρετον — καὶ λογιωτάτου μητροπολίτου προσκυνητοῦ δεσπότου ἁγίου Σερρῶν κυρίου κυρίου Στεφάνου ἐπίγραμμα ἰαμβικόν»· ἔχει δὲ τοῦτο ὧδε· «Καυχῶνται πόλεις μυρίοις τοῖς ἐγγόνοις· | αὐχῶνται Σέρραι εἰς Στέφανον καὶ μόνον· | εἷς γάρ, καθ' Ἡράκλειτον, εἰσὶ μυρίοι» [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. I, σ. 265]. Ὡσαύτως ἐν Κωνσταντινουπόλει διέτριβεν ὁ μητροπολίτης Φιλόθεος ἔτει 1753 [Ἀλέξανδρος Λαυριώτης ἔνθ. ἀνωτ. ἀριθ. 90], μεταξὺ

δὲ τῶν ἐτῶν 1757 καὶ 1759 ὁ μητροπολίτης Ἰωαννίκιος [Κατάλ. τῶν ἐν τῷ Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλ. χειρογρ. σ. 109, 110, 112. Ἀληθείας τ. Ι, σ. 237 καὶ 238]. Ἀνθίμου δὲ τοῦ β′ ἡ ἀρχιερατεία διασπᾶται ἔτει 1776-ῳ, ὅτε μητροπολίτης ἐμφανίζεται Σερρῶν Ἀγάπιος ὀνομαζόμενος [Ph. Meyer, Die Haupturkunden, σ. 241]. Ὁ δὲ Ματθαῖος ἦν ἐν Κωνσταντινουπόλει δίς, ἔτει 1783-ῳ καὶ 1786, εἰ μὴ διαρκῶς ἐκεῖ διέτριβε μεταξὺ τούτων τῶν ἐτῶν [Ἐκκλησ. Ἀληθ. II, σ. 263. Порфирія Успенскаго, Исторія Аѳона. Часть III. Аѳонъ монашескій. Отд. второе, изд. подъ редак. П. А. Сырку, σ. 1067. Ph. Meyer, Die Haupturkunden, σ. 248]. Ἀνεῦρον δ' ἐγὼ καὶ Κωνσταντῖνον μητροπολίτην Σερρῶν ἔτει 1713-ῳ· ἀλλὰ φαίνεταί μοι νῦν, ὅτι τὸ ὄνομα τούτου κακῶς ἀνέγνων, εἰ μή τις ἀληθῶς Κωνσταντῖνος τὴν ἀρχιερατείαν τότε τοῦ Στεφάνου διέσπασε, καθὰ καὶ ἄλλοι τινὲς τὴν ἀρχιερατείαν μητροπολιτῶν ἑτέρων, ὡς εἴρηται, τῆς ἐπαρχίας Σερρῶν [Μαυρογορδ. Βιβλιοθ. Ι, σ. 174].

6) Σελ. 51 γράφει ὁ συγγραφεὺς οὕτως· «Ἡ μητρόπολις Φιλίππων μετὰ τὴν καταστροφὴν τῆς πόλεως ἡνώθη ἔπειτα τῇ μητροπόλει Δράμας, πρῶτον δ' ἐπίσκοπον Φιλίππων καὶ Δράμας ἀναφέρει ὁ Lequien II σελ. 69 ἔτει 1720 τὸν Γεράσιμον· (ἀλλ') ἐν τῷ κώδικι τῶν Σερρῶν ἐν σελ. 28 ὑπογέγραπται ἔτει ζρκζ′ (1619): ὁ Φιλίππων καὶ Δράμας Κλήμης μητροπολίτης». Τὰ περὶ τὴν μητρόπολιν τῶν Φιλίππων ἀφθονέστατα διαφωτίζουσι τὰ πατριαρχικὰ γράμματα. Μέχρις ἔτους 1345-ου τῶν Φιλίππων ἡ μητρόπολις εἶχε μητροπολίτας ἀδιακόπως· διὰ τὴν ἐν Μακεδονίᾳ μέντοι τῶν Σέρβων ἐπικυριαρχίαν ἐπὶ τοῦ κράλη Στεφάνου τῶν ἀρχιερέων αὐτῆς ἡ σειρὰ διεκόπη. Ἔτει 1371-ῳ συνοδικῇ διαγνώσει τῶν Φιλίππων ἡ ἐνορία «κατ' ἐπίδοσιν» ἐδόθη τῷ μητροπολίτῃ Δράμας, προσλαβόντι οὕτω τὸν τίτλον «καὶ τὸν τόπον ἐπέχοντι τοῦ Φιλίππων καὶ προέδρῳ τῆς ἐκκλησίας ταύτης» [Acta et dipl. I, σ. 558—559]. Κατόπιν ἐδόθη τῷ μητροπολίτῃ Σερρῶν· ἀλλ' ἔτει 1395-ῳ συνοδικῇ διαγνώσει πάλιν ἐδόθη τῷ μητροπολίτῃ Αἴνου καὶ προέδρῳ Δράμας, «ὡς ἂν κατέχῃ αὐτὴν ἐφ' ὅρῳ πάσης ζωῆς αὐτοῦ» [Acta et dipl. II, σ. 234]. Τελεία τοίνυν ἕνωσις οὐ προέβη· ἁπλῶς δὲ μόνον ὑπὸ τῶν πατριαρχῶν ἡ τῶν Φιλίππων ἐνορία παρεχωρεῖτο κατὰ βούλησιν λόγῳ φυλακῆς τινι τῶν πλησιαζόντων ἀρχιερέων. Τί δὲ κατόπιν ἐγένετο, παντελῶς ἠγνόηται· τῇ μέντοι πεντεκαιδεκάτῃ καὶ τῇ μετ' αὐτὴν ἑκατονταετηρίδι μητροπολῖται πάλιν ἐξελέγοντο τῶν Φιλίππων [1], ὧν ἔσχατος ὁ Κλήμης, ὅστις μετὰ πάλην τινά, καθὰ φαίνεται, πρὸς τὸν Δράμας μητροπολίτην ἥνωσε τὴν ἑαυτοῦ μητρόπολιν μετὰ τῆς Δράμας, ἐκπορισάμενος καὶ τόμον ἐπὶ τῇ ἑνώσει συνοδικὸν ἔτει 1619-ῳ [2], ὃν ἐπεβεβαίωσεν ὕστερον ὁ πατριάρχης Κύριλλος ὁ Λούκαρις. Ἀλλ' οὔτε τοῦ τόμου τῆς ἑνώσεως ἀντίγραφον ἐσώθη, οὔτε τῆς ὑπὸ Κυρίλλου τούτου βεβαιώσεως· ἐσώθη δὲ μόνον τὸ τῆς ἑνώσεως δεύτερον «ἐπιβεβαιωτήριον γράμμα» τοῦ πατριάρχου Ἀνθίμου, ὅπερ ἐξ ἀντιγράφου παραλαβὼν ἐνταῦθα παρατίθεμαι, ἵνα τῆς ἑνώσεως οἱ λόγοι δῆλοι γέ-

1) Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἔκθεσις παλαιογραφικῶν ἐρευνῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ, σ. 17, 30, 32.

2) Ὁ τόμος ἐγένετο ἐπὶ τοῦ πατριάρχου Τιμοθέου· ὅρα Ἐκθέσεως σελ. 30, ἔνθα σημείωμα κώδικος λέγει ταῦτα: «† τοῦ ἔτους, ζρκζ′ πατριαρχεύοντος κυροῦ Τιμοθέου ἥνωσαν τὴν Δράμα μὲ τοῦ Φιλίππου, ἀρχιερατεύοντος Φιλίππων Κλήμης».

νωνται [1]. «† Ἄνθιμος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.— † Ἡ τοῦ καλοῦ προσθήκη τὸ καλὸν κάλλιον ἀπεργάζεται καὶ τὸ βέβαιον ἔχον βεβαιότατον κατορθοῖ. Πρὸς τί δὲ ἡμῖν τοῦτο εἴρηται τὸ προοίμιον, ὁ λόγος σὺν Θεῷ προϊὼν γε δηλώσει. Ἐπειδὴ τοίνυν καὶ διὰ τὸ σμικρυνθῆναι πάνυ τὴν ἐπαρχίαν Φιλίππων ὑπὸ τῶν καιρικῶν ἀνωμαλιῶν καὶ καταλειφθῆναι μόνον τὴν αὐτῆς ὀνομασίαν, καὶ ἐνδεῶς καὶ ἀπόρως ἔχειν τὸν ταύτης προϊστάμενον καὶ μὴ δύνασθαι ἔχειν τὰ πρὸς ζωάρκειαν αὐτοῦ καὶ παρέχειν καὶ τὰ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας δικαιώματα διαγνώσει καὶ διασκέψει συνοδικῇ ἐν τῷ καιρῷ τοῦ μακαρίτου πατριάρχου κῦρ Τιμοθέου [γράμμα συνοδικὸν ἐγένετο], ἀποφαινόμενον, εἰ συμβῇ μετατεθῆναι τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Δράμας κῦρ Νεόφυτον εἰς ἄλλην ἐπαρχίαν ἑνωθῆναι τὴν ἐπαρχίαν ταύτην Δράμας τῇ μητροπόλει Φιλίππων καὶ προσκολληθῆναι αὐτῇ γνησίως, ἅτε πρωτοπαπαδίκιον οὖσαν αὐτὴν τὸ πρότερον, ἐβεβαιώθη δὲ καὶ ἐκυρώθη τὸ συνοδικὸν γράμμα ἐπὶ τῆς πατριαρχίας τοῦ κῦρ Τιμοθέου ἐκείνου διὰ γράμματος αὐτοῦ συνοδικοῦ, ὡς φαίνεται, τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου τότε Δράμας κῦρ Νεοφύτου λόγῳ μεταθέσεως εἰς τὴν ἁγιωτάτην μητρόπολιν Νικομηδείας προβιβασθέντος, καὶ προσεκολλήθη ἡ ἐπαρχία Δράμας τῇ μητροπόλει Φιλίππων διὰ τῶν προρρηθέντων πατριαρχικῶν καὶ συνοδικῶν γραμμάτων, ὡς προδεδήλωται, καὶ ἦν ὑποτεταγμένη αὐτῇ μέχρι τῆς σήμερον (ἅτινα ἐβεβαιώθησαν καὶ πλείονα τὴν ἰσχὺν καὶ διαμονὴν ἔλαβον καὶ ἐπὶ τῆς πατριαρχίας τοῦ πρὸ ἡμῶν σοφωτάτου πατριάρχου κῦρ Κυρίλλου διὰ γράμματος αὐτοῦ), καὶ ἠξιώθημεν καὶ ἡμεῖς οὐ μικρῶς παρὰ τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Φιλίππων καὶ Δράμας κῦρ Κλήμεντος, ὑπερτίμου καὶ ἐξάρχου πάσης Μακεδονίας, τοῦ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητοῦ ἡμῶν ἀδελφοῦ καὶ συλλειτουργοῦ, ἄρτι τοὺς οἴακας τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ἀναδεξάμενοι, ἐπιβεβαιῶσαι καὶ ἐπικυρῶσαι ταῦτα, τούτου χάριν τὴν αἴτησιν αὐτοῦ μὴ παριδόντες, ἅτε εὔλογον οὖσαν, γράφοντες γνώμῃ κοινῇ τῆς ὑπερτελοῦς ἱερᾶς τοῦ ἀρχιερέων συνόδου, τῶν ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἡμῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, καὶ τῶν τιμιωτάτων καὶ λογιωτάτων κληρικῶν τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, τῶν καὶ γνώμας ἀρχιερατικὰς ἐχόντων καὶ κατὰ πνεῦμα υἱῶν ἀγαπητῶν ἡμῶν, ἀποφαινόμεθα ἐν ἁγίῳ πνεύματι: ἵνα, τῶν προδηλωθέντων πατριαρχικῶν καὶ συνοδικῶν γραμμάτων τοῦ μακαρίτου πατριάρχου κῦρ Τιμοθέου καὶ τοῦ πρὸ ἡμῶν ἁγιωτάτου κῦρ Κυρίλλου μεμενηκότων κεκυρωμένων καὶ βεβαίων, ἡ μὲν ἐπαρχία αὕτη Δράμας ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς εἴη προσκεκολλημένη καὶ ἡνωμένη τῇ μητροπόλει Φιλίππων ἀναφαιρέτως καὶ ἀναποσπάστως, ὁ δὲ νῦν ἱερώτατος κῦρ Κλήμης καὶ οἱ μετ' αὐτὸν ὄντες καὶ ἐπονομαζόμενοι μητροπολῖται Δράμας καὶ Φιλίππων ἔχωσι τὴν ἐπαρχίαν ταύτην γνησίως καὶ ἐνοριακῶς, καὶ νέμωνται καὶ καρπῶνται τὰ ἐξ αὐτῆς εἰσοδήματα καὶ δικαιώματα, καὶ ἐκτελῶσι πάντα τὰ ἀρχιερατικὰ ἀκωλύτως καὶ ἀνεμποδίστως, μετὰ καὶ τῆς τοῦ ἱεροῦ συνθρόνου ἐγκαθιδρύσεως, ὀφειλόντων καὶ τῶν ἐν αὐτῇ τῇ ἐπαρχίᾳ Δράμας εὑρισκομένων εὐλαβεστάτων κληρικῶν, θεοσεβεστάτων ἱερέων, χρησιμωτάτων ἀρχόντων καὶ παντὸς τοῦ χριστωνύμου πληρώματος

1) Παρελήφθη δ' ἐκ τῆς ἀνεκδότου Νομικῆς Συναγωγῆς, τῆς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλεως ἱεροσολυμιτικῇ βιβλιοθήκῃ. Πρβλ. Κ. Σάθα, Μεσαιων. Βιβλιοθ. III, σ. 563.

γινώσκειν αὐτὸν καὶ μόνον τὸν ἱερώτατον Φιλίππων καὶ Δράμας κῦρ Κλήμεντα μητροπολίτην αὐτῶν γνήσιον καὶ καθολικὸν καὶ ποιμένα καὶ προστάτην πνευματικὸν καὶ τιμᾶν καὶ ἀγαπᾶν, καὶ πείθεσθαι αὐτῷ καὶ ὑποτάσσεσθαι καὶ παρέχειν εὐγνωμόνως καὶ πειθηνίως πάντα τὰ ἐκκλησιαστικὰ αὐτῶν εἰσοδήματα καὶ δικαιώματα, τὰ ἀπό τε κανονικῶν τῶν ἱερέων, συνοικεσίων πανηγύρεων ζητείας καὶ τῶν λοιπῶν συνήθων τῷ τόπῳ, καὶ κατ' οὐδένα τρόπον ἐναντιοῦσθαι αὐτῷ ἢ ἀντιλέγειν, ἐν ἀργίᾳ ἀσυγγνώστῳ καὶ ἀφορισμῷ ἀλύτῳ τῷ ἀπὸ Θεοῦ παντοκράτορος. Ὅστις δὲ ὀψέποτε βουληθῇ ἀνατρέψαι τὴν συνοδικὴν ταύτην ἀπόφασιν καὶ ἀποσπᾶσαι καὶ ἀποξενῶσαι τὴν ἐπαρχίαν Δράμας ἀπὸ τῆς ὑποταγῆς καὶ ἐξουσίας τῆς μητροπόλεως Φιλίππων, ὁ τοιοῦτος, ὁποίου ἂν εἴη βαθμοῦ, ἀρχιερατικοῦ ἢ ἱερατικοῦ, ἀργὸς ἔστω πάσης ἀρχιερατικῆς καὶ ἱερατικῆς ἐνεργείας καὶ τάξεως καὶ ἀφωρισμένος καὶ ἀσυγχώρητος, ὡς τῇ καθαιρέσει ὑπόδικος, καὶ ἐχέτω τὰς ἀρὰς τῶν ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ καὶ τῶν λοιπῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων. Οὕτως ἀποφαινόμεθα συνοδικῶς· ἐπὶ γὰρ τούτῳ ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἡμῶν πατριαρχικὸν καὶ συνοδικὸν ἐπιβεβαιωτήριον γράμμα, καὶ ἐπεδόθη τῷ διαληφθέντι ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Φιλίππων καὶ Δράμας κυρίῳ Κλήμεντι, ὑπερτίμῳ καὶ ἐξάρχῳ πάσης Μακεδονίας, τῷ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῷ ἡμῶν ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ, καὶ δι' αὐτοῦ τῇ ἁγιωτάτῃ μητροπόλει αὐτοῦ Φιλίππων, εἰς μόνιμον καὶ διηνεκῆ τὴν ἀσφάλειαν, ἐν ἔτει ͵ζφ ρψ λψ αψ, μηνὶ ἰουλίῳ ἰνδικτιῶνος ϛ'» [1623].

7) Σελ. 54. Σημειωτέον, ὅτι ἔτει 1395 «ἐδόθη ἐξαρχικῶς πρὸς τὸν θεοφιλέστατον ἐπίσκοπον Ἐλευθερουπόλεως ἡ μητρόπολις Χριστοπόλεως μετὰ καὶ τῆς ἐνορίας αὐτῆς πάσης» [Acta et dipl. II, σ. 235]· ἔτει δὲ 1441-ῳ μνημονεύεται πρωτονοτάριος τῆς Ἐλευθερουπόλεως [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἔκθεσις παλαιογρ. ἐρευνῶν, σ. 35]· τὸ δὲ πότε ταύτης ἡ ἐρήμωσις ἐγένετο, παντελῶς ἠγνόηται· ἀλλ' οὐδὲ τὸ ἔγγραφον τοῦ πατριάρχου Νεοφύτου [1608] διδάσκει τι περὶ τούτου· τὰ γὰρ ἐν αὐτῷ μνημονευόμενα χωρία, τὸ Πράβιον καὶ τὴν Αἰκισιανήν, οὐκ ἔγνωσται τίς κατ' ἐκεῖνο τὸ ἔτος εἶχε, καθὰ δῆλον ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἐγγράφου, οὕτως ἔχοντος αὐτολεξεί[1]): «† Νεόφυτος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως κτλ. Ὅτι μὲν τὰς ἑκασταχοῦ ἐπαρχίας τῶν μητροπόλεων ἀναγκαίως ἐστὶν ἔχειν ἀναφαιρέτως τὰ ἑαυτῶν ἐκκλησιαστικὰ δίκαια καὶ προνόμια, τὰ ἐξ ἀρχῆς δηλονότι ἐπικρατήσαντα, καὶ ὅτι τοὺς προέδρους αὐτῶν ἔξεστιν ἀνακαλεῖσθαι καὶ ἀνακτᾶσθαι τὰ παραλόγως καὶ ἀμετόχως ἁρπαγέντα χωρία καὶ τὰ ἐκκλησιαστικὰ αὐτῶν δίκαια, καλῶς τοῦτο καὶ προσηκόντως ἀποστολικοὶ θεῖοι κανόνες καὶ πατρικοὶ διαταττόμενοι φαίνονται, ὑπευθύνους καὶ κατακρίτους εἶναι ἀποφαινόμενοι τούς τε ἁρπάζοντας τὰ ἀλλότρια ἐκκλησιαστικὰ δίκαια ὡς ἱεροσύλους καὶ τοὺς ἀμελῶς διακειμένους περὶ τὰ ἑαυτῶν δίκαια· ὅτι δέ γε καὶ τούτων οὕτως ἐχόντων πολλοὶ τῶν κατὰ καιροὺς οἰκονομούντων τὰς ἐκκλησίας τῇ φιλαυτίᾳ νικώμενοι καὶ εἰς οὐδὲν τὰς ἀποφάσεις τῶν κανόνων λογιζόμενοι ἑνὸς καὶ μόνου φροντίζουσι, τοῦ παραλόγως νικᾶν καὶ τὰ ἀλλότρια παρακερδαίνειν, καὶ ἄλλοις μὲν σφαλερῶς ἐτολμήθη, μάλιστα δὲ νῦν περὶ τὴν ἐπαρχίαν τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Φιλίππων· ἐτολ-

1) Ἐκ τῆς Ν. μικῆς Συναγωγῆς, φύλλ. 281.

μήθη καὶ γὰρ δύο χωρία γνήσια καὶ ἐνοριακὰ αὐτῆς ἀποσπασθῆναι καὶ ἀφαιρεθῆναι ἀδίκως, ἅπερ εἰσὶ ταῦτα, τὸ Πράβιον καὶ ἡ Αἰκισίανη. Μὴ φέρων δὲ μηδὲ ἀνεχόμενος ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Φιλίππων, ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος πάσης Μακεδονίας κῦρ Κλήμης, ὁ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸς ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς τῆς ἡμῶν μετριότητος, τὴν ἄδικον καὶ παράλογον στέρησιν τῶν χωρίων τούτων, ᾐτήσατο ἐξετασθῆναι καὶ ἀκριβῶς θεωρηθῆναι, εἰ ἄρα ἐνοριακὰ αὐτοῦ εἰσιν, εἰ οὔ. Ὅθεν ἐρεύνης καὶ ἀκριβοῦς ἐξετάσεως γενομένης ἐφάνη καὶ ἐμαρτυρήθη παρὰ τῶν πλησιοχώρων ἀρχιερέων, τοῦ τε Νευροκόπου καὶ τοῦ Περιθεωρίου καὶ Ξάνθης, ὡς ἐνοριακὰ αὐτοῦ εἰσι τὰ χωρία ταῦτα καὶ ἀδίκως ἀφηρέθησαν καὶ ἀμετόχως ἀπεσπάσθησαν ἀπὸ τῆς ἐπαρχίας αὐτοῦ. Ὅθεν ἀποφαινόμεθα διὰ τοῦ παρόντος γνώμῃ συνοδικῇ, ἵνα τὰ δηλωθέντα ταῦτα δύο χωρία, τὸ Πράβιον καὶ ἡ Αἰκισίανη, ὡς τῇ ἀληθείᾳ γνήσια καὶ ἐνοριακὰ τυγχάνοντα τῆς ἁγιωτάτης ταύτης μητροπόλεως Φιλίππων καὶ ἐπ' οὐδεμιᾶς εὐλόγου προφάσεως ἀποσπασθέντα καὶ ἀποξενωθέντα ἀπ' αὐτῆς, ὦσιν ὑπὸ τὴν ἐνορίαν αὐτῆς, ὡς ἐτάχθησαν καὶ ὡς ἦσαν ἔκπαλαι, καὶ κυβερνῶνται καὶ ἐξουσιάζωνται παρά τε τούτου τοῦ νῦν ἱερωτάτου μητροπολίτου Φιλίππων κῦρ Κλήμεντος, τοῦ γνησίου ἀρχιερέως αὐτῶν, καὶ τῶν μετ' αὐτὸν ἐσομένων, μηδενὸς τολμῶντος εἰσελθεῖν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀρχιερατικόν τι διαπράξασθαι, ἤ τι τῶν εἰσοδημάτων καὶ δικαιωμάτων αὐτῶν ἀφαρπάσαι· ὁ γὰρ τοῦτο τολμήσων τῷ παρ' ἐνορίας πεσεῖται ἐγκλήματι καὶ ἔσται ὑπὸ παιδείαν ἀσύγγνωστον. Ὀφείλουσι δὲ καὶ πάντες οἱ ἐν τοῖς δυσὶ τούτοις χωρίοις εὑρισκόμενοι εὐλαβέστατοι ἱερεῖς, χρησιμώτατοι γέροντες καὶ οἱ λοιποὶ χριστιανοί, αὐτὸν γινώσκοντες ἀρχιερέα καὶ ποιμένα αὐτῶν πρὸς αὐτὸν διδόναι πάντα τὰ συνήθη ἐκκλησιαστικὰ εἰσοδήματα καὶ δικαιώματα καὶ μηδένα ἐναντίον αὐτῷ φανῆναι· ὃς γὰρ ἐναντίος φανῇ ἀντιλέγων, τῶν ἱερωμένων ὢν ἀργὸς εἴη πάσης ἱεροπραξίας, τῶν λαϊκῶν δὲ ἀφωρισμένος καὶ ἀσυγχώρητος καὶ ἔξω τῆς Χριστοῦ ἐκκλησίας. Οὕτω συνοδικῶς ἀπεφηνάμεθα. Ὅθεν καὶ εἰς τὴν περὶ τούτου δήλωσιν καὶ διηνεκῆ τὴν βεβαίωσιν ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν τῆς ἡμῶν μετριότητος συνοδικὸν γράμμα καὶ ἐπεδόθη τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Φιλίππων, ὑπερτίμῳ καὶ ἐξάρχῳ πάσης Μακεδονίας κῦρ Κλήμεντι, τῷ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῷ ἀδελφῷ αὐτῆς καὶ συλλειτουργῷ, ἐν ἔτει ͵ζρις', ἐν μηνὶ μαΐῳ ἰνδικτιῶνος ς'» [1608].—Σελίδι 57, ἔνθα κατέγραψεν ὁ Παπαγεωργίου τὰ κληρικὰ τῆς μητροπόλεως ὀφφίκια, πρόσθες ὅτι τὸ «νοτάριος» ὀφφίκιον ἔτει 1544-ῳ ἔφερεν ἐν Σέρραις Μανουὴλ ὁ Πελοποννησιακός [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἐκθ. παλαιογρ. ἐρευνῶν, σ. 29], τὸ δὲ «λογοθέτης Σερρῶν» ἔτει 1387-ῳ Ξενοφῶν τις [Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 52].

8) Σελ. 70. Σημειωτέον ὅτι τὸ μονύδριον ἁγίου Γεωργίου τοῦ Κρυονερίτου μετόχιον ἦν τῆς μονῆς Φιλοθέου ἔτει 1346, τῆς ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει [Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 82]· τὸ δ' ἐν σελ.72 σακελλάριος ἀναφέρεται καὶ ἐν ἐγγράφῳ τινὶ τοῦ κράλη Στεφάνου· ἔνθα γέγραπται, ὅτι τὸ μετόχιον τοῦ Κρυονερίτου «συνεστήσατο μὲν ἐκ βάθρων ὁ σακελλάριος τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Σερρῶν, ὁ Μουρμουρᾶς ἐκεῖνος, ἐξεδόθη δὲ μετὰ τὸν ἐκείνου θάνατον παρὰ τῆς συζύγου αὐτοῦ καὶ τῶν κατὰ νόμους κληρονόμων καὶ διαδόχων αὐτοῦ πρὸς τὸ μέρος τῆς τοιαύτης σεβασμίας μονῆς [Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου], εἰδήσει καὶ προτροπῇ καὶ τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Σερρῶν» κτλ. [Acta et dipl. V, σ. 125]. Περὶ δὲ

τῆς ἐπισκοπῆς Ἐζβῶν ἢ Ἐζιβῶν [σ. 76] ὅρα τὴν Ἐκκλησ. Ἀλήθειαν, τ. III, 1883, σ. 333, ἐν ᾗ Θεοδόσιος ὁ Προδρομίτης κατεχώρισε περὶ αὐτῆς ἀκριβεστάτας τοπογραφικὰς εἰδήσεις.

9) Σελ. 85 λέγει τινὰ ὁ συγγραφεὺς περὶ τοῦ ὅτι ἀμελέτητον ἔμεινε τὸ ἐν τῷ ὄρει τοῦ Μενοικέως ἱερὸν μοναστήριον Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου· ἀλλὰ τῆς μονῆς αὐτῆς οἱ πατέρες ἐξετύπωσαν ἐν Πετρουπόλει πρὸ πολλῶν ἐτῶν ἱστορίαν αὐτῆς ἀξιολογωτάτην, ἀφθονέστατα χρησιμοποιήσαντες τά τε ἑλληνικὰ καὶ τὰ τουρκικὰ τῆς μονῆς ἀρχεῖα· τὴν δαπάνην δὲ τῆς ἐκδόσεως Ἠσαΐας ἀρχιμανδρίτης ἔτισε, βιβλιάριον ἴδιον ἀποτελέσας, οὗ ἡ ἐπιγραφή· «Сказаніе о началѣ и настоящемъ положеніи ставропигіальнаго монастыря Св. Іоанна Предтечи, въ Серрской епархіи, въ Македоніи. С.-Петербургъ. Типографія и Литографія А. И. Траншеля, на углу Невскаго и Владимирской, № 45. 1864». Τὸ δ' ἐξώφυλλον ὀπίσω ταῦτα προστίθησιν· «Издано Архимандритомъ Исаіемъ въ пользу обители Св. Іоанна Предтечи. Изданіе стоитъ 15 коп.». Τοῦ βιβλιαρίου τούτου προτέτακται πίναξ λιθογραφικός, ἐν ᾧ πρῶτον Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος ἀπεικάζεται, εἶτα δὲ «ὁ ἅγιος Ἰωάννης μητροπολίτης» καὶ «ὁ ἅγιος Στέφανος ὁ κράλης Σερβίας»· κάτωθεν δὲ τῶν εἰκόνων τούτων ὑπάρχει τῆς μονῆς ἁπάσης εἰκών· ἀριθμεῖ δὲ τὸ βιβλίον σελίδας 39, ὧν ἡ ἐσχάτη καταγράφει τὰ ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ εὑρισκόμενα τεμάχη λειψάνων ἱερῶν· μετὰ δὲ τὴν καταγραφὴν ταύτην προσετέθη βιβλίδιον ἐκ σελίδων 5, οὗ ἡ ἐπιγραφή· «Прибавленіе изъ сказанія о странствіи и путешествіи инока Парѳенія. Часть II, стр. 62, § 50». Ὑπάρχει δὲ ῥωσιστὶ τετυπωμένον καὶ φύλλον ἓν ἁπλοῦν ἐκ χάρτου, ἐν ᾧ περιέχεται τῆς μονῆς ἡ εἰκὼν καὶ σημείωμα τοῦ τῆς μονῆς αὐτῆς ἐν Πετρουπόλει ἐφόρου, καλουμένου Νικολάου Ἀρεφίεβιτζ Цыбульскій.

10) Τῶν δὲ κωδίκων τῆς αὐτῆς μονῆς κατάλογον προσυνέταξε Μηνᾶς ὁ Μινωίδης, εὑρισκόμενον ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ Παρισίου βιβλιοθήκῃ [H. Omont, Inventaire sommaire des manuscrits du Supplément Grec de la Bibliothèque Nationale. Paris 1883, σ. 85, ἀριθ. 755]. — Σελ. 98 πρόσθες ὅτι τοῦ καλλιγράφου Θεοδώρου τοῦ Ἁγιοπετρίτου εὗρον κἀγὼ κώδικα περιλαμβάνοντα τὸν Πραξαπόστολον, ὃν ὁ Θεόδωρος ἔγραψεν ἔτει 1307-ῳ· κατέταξα δ' αὐτὸν ὑπ' ἀριθ. 35-ον ἐν τῇ μονῇ τῆς Κοσινίτζης [Ἐκθ. παλαιογραφ. ἐρευνῶν, σ. 32]. Περὶ δὲ τοῦ ἑτέρου καλλιγράφου Νικολάου τοῦ Μαλωταρᾶ καὶ τῶν αὐτοῦ συγγενῶν ὅρα τὴν ἡμετέραν Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. II, σ. 16.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων Ἑλληνικῶν κωδίκων. Τόμος Α΄. Σελ. ι΄ + 623. Τόμος Β΄. Σελ. β΄ + 894. Ἐν Πετρουπόλει. 1891. 1894. 8°. Цѣна 30 рублей.

Благая мысль ознакомить посредствомъ подробнаго каталога ученый міръ съ греческими рукописями, находящимися еще нынѣ въ Святой

μήθη καὶ γὰρ δύο χωρία γνήσια καὶ ἐνοριακὰ αὐτῆς ἀποσπασθῆναι καὶ ἀφαιρεθῆναι ἀδίκως, ἅπερ εἰσὶ ταῦτα, τὸ Πράβιον καὶ ἡ Αἰκισίανη. Μὴ φέρων δὲ μηδὲ ἀνεχόμενος ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Φιλίππων, ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος πάσης Μακεδονίας κῦρ Κλήμης, ὁ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητὸς ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς τῆς ἡμῶν μετριότητος, τὴν ἄδικον καὶ παράλογον στέρησιν τῶν χωρίων τούτων, ᾐτήσατο ἐξετασθῆναι καὶ ἀκριβῶς θεωρηθῆναι, εἰ ἄρα ἐνοριακὰ αὐτοῦ εἰσιν, εἰ οὔ. Ὅθεν ἐρεύνης καὶ ἀκριβοῦς ἐξετάσεως γενομένης ἐφάνη καὶ ἐμαρτυρήθη παρὰ τῶν πλησιοχώρων ἀρχιερέων, τοῦ τε Νευροκόπου καὶ τοῦ Περιθεωρίου καὶ Ξάνθης, ὡς ἐνοριακὰ αὐτοῦ εἰσι τὰ χωρία ταῦτα καὶ ἀδίκως ἀφῃρέθησαν καὶ ἀμετόχως ἀπεσπάσθησαν ἀπὸ τῆς ἐπαρχίας αὐτοῦ. Ὅθεν ἀποφαινόμεθα διὰ τοῦ παρόντος γνώμῃ συνοδικῇ, ἵνα τὰ δηλωθέντα ταῦτα δύο χωρία, τὸ Πράβιον καὶ ἡ Αἰκισίανη, ὡς τῇ ἀληθείᾳ γνήσια καὶ ἐνοριακὰ τυγχάνοντα τῆς ἁγιωτάτης ταύτης μητροπόλεως Φιλίππων καὶ ἐπ' οὐδεμιᾶς εὐλόγου προφάσεως ἀποσπασθέντα καὶ ἀποξενωθέντα ἀπ' αὐτῆς, ὦσιν ὑπὸ τὴν ἐνορίαν αὐτῆς, ὡς ἐτάχθησαν καὶ ὡς ἦσαν ἔκπαλαι, καὶ κυβερνῶνται καὶ ἐξουσιάζωνται παρά τε τούτου τοῦ νῦν ἱερωτάτου μητροπολίτου Φιλίππων κῦρ Κλήμεντος, τοῦ γνησίου ἀρχιερέως αὐτῶν, καὶ τῶν μετ' αὐτὸν ἐσομένων, μηδενὸς τολμῶντος εἰσελθεῖν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀρχιερατικόν τι διαπράξασθαι, ἤ τι τῶν εἰσοδημάτων καὶ δικαιωμάτων αὐτῶν ἀφαρπάσαι· ὁ γὰρ τοῦτο τολμήσων τῷ παρ' ἐνορίας πεσεῖται ἐγκλήματι καὶ ἔσται ὑπὸ παιδείαν ἀσύγγνωστον. Ὀφείλουσι δὲ καὶ πάντες οἱ ἐν τοῖς δυσὶ τούτοις χωρίοις εὑρισκόμενοι εὐλαβέστατοι ἱερεῖς, χρησιμώτατοι γέροντες καὶ οἱ λοιποὶ χριστιανοί, αὐτὸν γινώσκοντες ἀρχιερέα καὶ ποιμένα αὐτῶν πρὸς αὐτὸν διδόναι πάντα τὰ συνήθη ἐκκλησιαστικὰ εἰσοδήματα καὶ δικαιώματα καὶ μηδένα ἐναντίον αὐτῷ φανῆναι· ὃς γὰρ ἐναντίος φανῇ ἀντιλέγων, τῶν ἱερωμένων ὢν ἀργὸς εἴη πάσης ἱεροπραξίας, τῶν λαϊκῶν δὲ ἀφωρισμένος καὶ ἀσυγχώρητος καὶ ἔξω τῆς Χριστοῦ ἐκκλησίας. Οὕτω συνοδικῶς ἀπεφηνάμεθα. Ὅθεν καὶ εἰς τὴν περὶ τούτου δήλωσιν καὶ διηνεκῆ τὴν βεβαίωσιν ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν τῆς ἡμῶν μετριότητος συνοδικὸν γράμμα καὶ ἐπεδόθη τῷ ἱερωτάτῳ μητροπολίτῃ Φιλίππων, ὑπερτίμῳ καὶ ἐξάρχῳ πάσης Μακεδονίας κῦρ Κλήμεντι, τῷ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητῷ ἀδελφῷ αὐτῆς καὶ συλλειτουργῷ, ἐν ἔτει ‚ζριςʹ, ἐν μηνὶ μαίῳ ἰνδικτιῶνος ςʹ» [1608].—Σελίδι 57, ἔνθα κατέγραψεν ὁ Παπαγεωργίου τὰ κληρικὰ τῆς μητροπόλεως ὀφφίκια, πρόσθες ὅτι τὸ «νοτάριος» ὀφφίκιον ἔτει 1544-ῳ ἔφερεν ἐν Σέρραις Μανουὴλ ὁ Πελοποννησιακός [Ἀ. Π.-Κεραμέως, Ἐκθ. παλαιογρ. ἐρευνῶν, σ. 29], τὸ δὲ «λογοθέτης Σερρῶν» ἔτει 1387-ῳ Ξενοφῶν τις [Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 52].

8) Σελ. 70. Σημειωτέον ὅτι τὸ μονύδριον ἁγίου Γεωργίου τοῦ Κρυονερίτου μετόχιον ἦν τῆς μονῆς Φιλοθέου ἔτει 1346, τῆς ἐν τῷ Ἁγίῳ Ὄρει [Тим. Флоринскаго, Аѳонскіе акты, σ. 82]· τὸ δ' ἐν σελ.72 σακελλάριος ἀναφέρεται καὶ ἐν ἐγγράφῳ τινὶ τοῦ κράλη Στεφάνου· ἔνθα γέγραπται, ὅτι τὸ μετόχιον τοῦ Κρυονερίτου «συνεστήσατο μὲν ἐκ βάθρων ὁ σακελλάριος τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Σερρῶν, ὁ Μουρμουρᾶς ἐκεῖνος, ἐξεδόθη δὲ μετὰ τὸν ἐκείνου θάνατον παρὰ τῆς συζύγου αὐτοῦ καὶ τῶν κατὰ νόμους κληρονόμων καὶ διαδόχων αὐτοῦ πρὸς τὸ μέρος τῆς τοιαύτης σεβασμίας μονῆς [Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου], εἰδήσει καὶ προτροπῇ καὶ τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Σερρῶν» κτλ. [Acta et dipl. V, σ. 125]. Περὶ δὲ

τῆς ἐπισκοπῆς Ἐζβῶν ἢ Ἐζιβῶν [σ. 76] ὅρα τὴν Ἐκκλησ. Ἀλήθειαν, τ. III, 1883, σ. 333, ἐν ᾗ Θεοδόσιος ὁ Προδρομίτης κατεχώρισε περὶ αὐτῆς ἀκριβεστάτας τοπογραφικὰς εἰδήσεις.

9) Σελ. 85 λέγει τινὰ ὁ συγγραφεὺς περὶ τοῦ ὅτι ἀμελέτητον ἔμεινε τὸ ἐν τῷ ὄρει τοῦ Μενοικέως ἱερὸν μοναστήριον Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου· ἀλλὰ τῆς μονῆς αὐτῆς οἱ πατέρες ἐξετύπωσαν ἐν Πετρουπόλει πρὸ πολλῶν ἐτῶν ἱστορίαν αὐτῆς ἀξιολογωτάτην, ἀφθονέστατα χρησιμοποιήσαντες τά τε ἑλληνικὰ καὶ τὰ τουρκικὰ τῆς μονῆς ἀρχεῖα· τὴν δαπάνην δὲ τῆς ἐκδόσεως Ἡσαΐας ἀρχιμανδρίτης ἔτισε, βιβλιάριον ἴδιον ἀποτελέσας, οὗ ἡ ἐπιγραφή· «Сказаніе о началѣ и настоящемъ положеніи ставропигіальнаго монастыря Св. Іоанна Предтечи, въ Серрской епархіи, въ Македоніи. С.-Петербургъ. Типографія и Литографія А. И. Траншеля, на углу Невскаго и Владимирской, № 45. 1864». Τὸ δ' ἐξώφυλλον ὀπίσω ταῦτα προστίθησιν· «Издано Архимандритомъ Исаіемъ въ пользу обители Св. Іоанна Предтечи. Изданіе стоитъ 15 коп.». Τοῦ βιβλιαρίου τούτου προτέτακται πίναξ λιθογραφικός, ἐν ᾧ πρῶτον Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος ἀπεικάζεται, εἶτα δὲ «ὁ ἅγιος Ἰωάννης μητροπολίτης» καὶ «ὁ ἅγιος Στέφανος ὁ κράλης Σερβίας»· κάτωθεν δὲ τῶν εἰκόνων τούτων ὑπάρχει τῆς μονῆς ἁπάσης εἰκών· ἀριθμεῖ δὲ τὸ βιβλίον σελίδας 39, ὧν ἡ ἐσχάτη καταγράφει τὰ ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ εὑρισκόμενα τεμάχη λειψάνων ἱερῶν· μετὰ δὲ τὴν καταγραφὴν ταύτην προσετέθη βιβλίδιον ἐκ σελίδων 5, οὗ ἡ ἐπιγραφή· «Прибавленіе изъ сказанія о странствіи и путешествіи инока Парѳенія. Часть II, стр. 62, § 50». Ὑπάρχει δὲ ῥωσιστὶ τετυπωμένον καὶ φύλλον ἓν ἁπλοῦν ἐκ χάρτου, ἐν ᾧ περιέχεται τῆς μονῆς ἡ εἰκὼν καὶ σημείωμα τοῦ τῆς μονῆς αὐτῆς ἐν Πετρουπόλει ἐφόρου, καλουμένου Νικολάου Ἀρεφίεβιτζ Цыбульскій.

10) Τῶν δὲ κωδίκων τῆς αὐτῆς μονῆς κατάλογον προσυνέταξε Μηνᾶς ὁ Μινωίδης, εὑρισκόμενον ἐν τῇ μεγάλῃ τοῦ Παρισίου βιβλιοθήκῃ [H. Omont, Inventaire sommaire des manuscrits du Supplément Grec de la Bibliothèque Nationale. Paris 1883, σ. 85, ἀριθ. 755]. — Σελ. 98 πρόσθες ὅτι τοῦ καλλιγράφου Θεοδώρου τοῦ Ἁγιοπετρίτου εὗρον κἀγὼ κώδικα περιλαμβάνοντα τὸν Πραξαπόστολον, ὃν ὁ Θεόδωρος ἔγραψεν ἔτει 1307-ῳ· κατέταξα δ' αὐτὸν ὑπ' ἀριθ. 35-ον ἐν τῇ μονῇ τῆς Κοσινίτζης [Ἔκθ. παλαιογραφ. ἐρευνῶν, σ. 32]. Περὶ δὲ τοῦ ἑτέρου καλλιγράφου Νικολάου τοῦ Μαλωταρᾶ καὶ τῶν αὐτοῦ συγγενῶν ὅρα τὴν ἡμετέραν Ἱεροσολ. Βιβλιοθ. II, σ. 16.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων Ἑλληνικῶν κωδίκων. Τόμος Α΄. Σελ. ι΄ + 623. Τόμος Β΄. Σελ. β΄ + 894. Ἐν Πετρουπόλει. 1891. 1894. 8°. Цѣна 30 рублей.

Благая мысль ознакомить посредствомъ подробнаго каталога ученый міръ съ греческими рукописями, находящимися еще нынѣ въ Святой

Землѣ, принадлежитъ іерусалимскому патріарху Никодиму I. Въ 1887 году его блаженство распорядился, чтобы всѣ рукописи, разсѣянныя по разнымъ монастырямъ его патріархіи, были присланы въ Іерусалимъ и присоединены тамъ къ старой патріаршей или святогробской библіотекѣ. Лишь та часть ихъ, которая со временъ патріарха Досиѳея (1680) находилась въ Константинополѣ въ монастырѣ іерусалимскаго патріаршаго подворья (всего 850 рукоп.), осталась на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Изъ числа рукописей, переданныхъ въ Іерусалимъ въ основную коллекцію, тѣ, которыя до послѣдняго времени принадлежали лаврѣ св. Саввы (всего 706 рукоп.) и обители св. Креста (всего 109 р.), были и на новомъ мѣстѣ помѣщены въ особыхъ, самостоятельныхъ отдѣлахъ. Всѣ-же остальныя (всего 233 рукоп.), собранныя изъ разныхъ палестинскихъ монастырей, не имѣющихъ такого изобилія греческихъ списковъ, были включены въ общій отдѣлъ собственно патріаршей библіотеки, который вслѣдствіе этого увеличился съ 412 на 645 рукописей.

Для составленія описи всего этого рукописнаго матеріала, патріархъ Никодимъ пригласилъ г. А. И. Пападопуло-Керамевса, труженика, который передъ тѣмъ уже успѣлъ составить себѣ извѣстность многими болѣе или менѣе крупными статьями въ разныхъ журналахъ, и именно занимался палеографическими подобнаго рода трудами, описавъ библіотеку евангелической школы въ Смирнѣ и рукописныя коллекціи, находящіяся на островѣ Лесбосѣ.

Потрудившись усердно въ теченіе двухъ лѣтъ, П.-Керамевсъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Но тутъ оказалось, что въ іерусалимской патріархіи не достаетъ необходимыхъ для напечатанія каталога средствъ и составителю его пришлось опасаться, что продолжительная его работа останется тщетной и никогда не явится въ свѣтъ. Къ счастію для науки, интересъ къ этому важному дѣлу удалось возбудить въ Его Императорскомъ Высочествѣ, Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ, Августѣйшемъ предсѣдателѣ Православнаго Палестинскаго Общества. Это общество, которое, помимо практической своей цѣли поддерживать православіе въ Святой Землѣ, съ равнымъ успѣхомъ преслѣдуетъ и научныя, относящіяся къ области палестиновѣдѣнія, великодушно приняло на себя издержки по изданію каталога, и составитель его въ 1890 г. переселился въ С.-Петербургъ, чтобы самому наблюдать за печатаніемъ своей книги. Кромѣ того онъ здѣсь принялъ участіе и въ другихъ ученыхъ изданіяхъ Палестинскаго Общества, а въ послѣднее время началъ читать лекціи по новогреческому языку и литературѣ въ университетѣ.

Іерусалимскій каталогъ предположенъ къ изданію въ 4-хъ томахъ, изъ коихъ до сихъ поръ вышли два тома, поражающіе какъ своимъ объемомъ, такъ и изяществомъ изданія. Первый томъ даетъ описаніе 645 рукописей собственно патріаршей или святогробской библіотеки, а второй описываетъ тѣ рукописи, которыя (706 числомъ) до 1887 года находились въ монастырѣ св. Саввы.

Описаніе рукописей исполнено составителемъ каталога въ обоихъ томахъ съ достохвальной подробностью. При каждой рукописи П.-Керамевсъ обозначаетъ матеріалъ и форматъ ея и вѣкъ, къ которому приходится отнести ее на основаніи характера письма. Онъ указываетъ число строкъ на страницѣ и количество листовъ рукописи и отмѣчаетъ листы, утраченные изъ нея или позже внесенные взамѣнъ утраченныхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ приведены и большею частью въ полномъ объемѣ отпечатаны всѣ отмѣтки и приписки изъ разныхъ временъ, дающія намъ свѣдѣнія о писцѣ или современномъ владѣльцѣ рукописи. Далѣе указывается содержаніе каждой рукописи и приводится заглавіе отдѣльныхъ ея статей, съ прибавленіемъ начальныхъ и конечныхъ словъ каждой статьи, и наконецъ помѣчается, гдѣ подлежащая статья издана, или, если рѣчь идетъ о доселѣ неизданномъ памятникѣ, гдѣ та-же самая статья попадается и въ другихъ библіотекахъ. Съ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ рукописей авторъ приложилъ и фототипическіе снимки; первый томъ заключаетъ въ себѣ такихъ таблицъ 15, а второй — 14. Жаль только, что, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія подлинниковъ при фотографической съемкѣ, весьма затрудняется чтеніе текста и особенно разсматриваніе миніатюръ.

Указатели, приложенные къ каждому изъ обоихъ томовъ, значительно облегчаютъ пользованіе каталогомъ. Съ помощью ихъ каждый читатель можетъ скоро отыскать то, чѣмъ интересуется. Въ одномъ указателѣ разставлены недатированныя рукописи по времени ихъ происхожденія, въ другомъ — рукописи, имѣющія опредѣленную дату, въ третьемъ — рукописи съ миніатюрами или украшеніями. Въ прочихъ указателяхъ перечислены имена писцовъ, которые сами называютъ себя въ припискѣ, и имена владѣльцевъ, которымъ, по сдѣланной ими отмѣткѣ, когда-либо принадлежала та или другая рукопись. Наконецъ, въ общемъ алфавитномъ спискѣ, при каждомъ томѣ подробно указаны всѣ упоминаемыя въ разныхъ статьяхъ рукописей имена городовъ, монастырей, святыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, писателей и т. д.

Рукописный составъ обѣихъ библіотекъ, описанныхъ П.-Керамевсомъ, въ прежнія времена былъ значительно богаче, но въ теченіе вѣковъ онѣ лишились многихъ драгоцѣнныхъ списковъ. Не мало погибло при набѣгахъ арабовъ, турокъ и проч., не мало пострадало вслѣдствіе небрежнаго храненія отъ огня и сырости или отъ мышей. Кромѣ того многія важныя рукописи продавались или раздаривались монахами, не имѣвшими понятія объ ихъ значеніи и цѣнности. Относительно разныхъ кодексовъ, находящихся нынѣ въ Англіи, Франціи и т. д., можно навѣрно доказать, что они нѣкогда принадлежали къ одной изъ палестинскихъ библіотекъ (см. во второмъ томѣ стр. 711—730). И у насъ въ Россіи имѣется не мало такихъ рукописей. Такъ напр. іерусалимскій патріархъ Досиѳей (1672—1707) послалъ нѣсколько палестинскихъ рукописей въ Москву и патріархъ Хрисанѳъ въ то время, когда былъ еще архимандри-

томъ (1701), вывезъ туда-же нѣсколько греческихъ кодексовъ. Въ настоящемъ столѣтіи палестинскія рукописи были пріобрѣтены Аврамомъ Норовымъ, въ 1835 г. путешествовавшимъ по Святой землѣ, и извѣстнымъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ. Послѣднимъ кромѣ того привезено оттуда и значительное количество отдѣльныхъ листовъ изъ разныхъ наиболѣе замѣчательныхъ списковъ, особенно саввиной библіотеки, которые по смерти епископа Порфирія перешли въ Императорскую Публичную Библіотеку. Къ росписи ихъ, составленной П.-Керамевсомъ (въ II томѣ на стр. 701-й), слѣдуетъ прибавить еще № 80, 293, 645 и 668.

Большинство рукописей, описанныхъ въ двухъ томахъ занимающаго насъ каталога, принадлежитъ къ позднѣйшимъ временамъ, начиная съ XVII в. до текущаго столѣтія включительно; между ними есть даже нѣсколько списковъ съ печатныхъ книгъ. Въ святогробской библіотекѣ изъ всего ея состава, т. е. изъ 645 греческихъ кодексовъ, едва шестая доля (112 рукоп.) древнѣе XVI-го вѣка. Къ VII—VIII-му вѣку можно отнести одинъ листъ рукописи № 510, содержащій отрывокъ изъ толкованія на первое посланіе къ коринѳянамъ; къ IX вѣку принадлежатъ 4 рукописи, къ X в. — 11, къ XI в. — 30, къ XII в. – 15, къ XIII в. — 9, къ XIV в. — 23 и къ XV в. — 20 рукописей. При этомъ мы для облегченія позволили себѣ тѣ рукописи, которыя составитель каталога неопредѣленно приписываетъ двумъ вѣкамъ (напр. XII—XIII в.), относить къ болѣе раннему вѣку. Къ указателю П.-Керамевса (на стр. 518-ой), впрочемъ, должно прибавить забытые тамъ № 9 (XI вѣка), № 106 (XIII в.) вмѣсто 104, № 78 (XV в.) и № 271 (XVI в.). Нѣсколько болѣе благопріятный результатъ представляетъ библіотека монастыря св. Саввы при перечисленіи списковъ ея по времени ихъ написанія. Здѣсь изъ всего числа, т. е. изъ 706 рукоп., почти половина (339 рукоп.) принадлежитъ къ временамъ до конца XV-го вѣка. По столѣтіямъ ихъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ: къ VIII вѣку относятся три листа, входящіе въ составъ рукописи № 20 (IX вѣка), въ которой помѣщены сочиненія Іоанна Златоуста, а къ IX вѣку принадлежатъ 10, къ X в. — 27, къ XI в.—68, къ XII в. — 34, къ XIII в.—46, къ XIV в.—87 и къ XV в. — 67 рукописей. Конечно, при нашемъ перечисленіи менѣе значительные по объему остатки какой-либо рукописи, позже присоединенные къ другому кодексу, оставлены безъ вниманія. И здѣсь въ указателѣ П.-Керамевса (на стр. 761—764) нѣсколько нумеровъ пропущено, а именно № 360 (IX вѣка), № 208 (XII в.) вмѣсто 320, № 356 (XIII в.), № 309 и 420 (XIV в.) вм. 305 и 540, № 226 и 491 (XV в) вм. 162, № 226, 495 и 563 (XVI в.).

Въ обѣихъ библіотекахъ мы встрѣчаемся и съ палимпсестами. Такъ напр. въ рукописи святогробской библіотеки № 2 помѣщены два листа V-го вѣка, первоначальный текстъ коихъ въ IX в. выскобленъ; но по слѣдамъ его, отчасти различаемымъ подъ начертанными позднѣе строками, можно въ этомъ палимпсестѣ узнать отрывки изъ Сираха. Другой

палимпсестъ той же самой библіотеки (№ 36) важенъ для древне-классической филологіи. На 34-хъ листахъ этой рукописи второй текстъ, въ XII—XIII в. надписанный надъ первоначальнымъ, даетъ писанія ветхозавѣтныхъ пророковъ, а древній текстъ X вѣка, нынѣ хотя и стертый, но частью еще доступный для прочтенія, содержитъ отрывки изъ 6-и трагедій Еврипида Извѣстный палеографъ Тишендорфъ уже обратилъ на нихъ вниманіе ученыхъ, а П.-Керамевсъ въ различныхъ пунктахъ могъ дополнить данныя Тишендорфомъ свѣдѣнія. Хотя приведенные въ каталогѣ варіанты большею частью не имѣютъ особаго значенія и иногда даже оказываются несомнѣнными ошибками, всетаки стоило-бы подробно и по возможности полно разобрать всѣ листы палимпсеста и, по спеціальномъ изслѣдованіи, свѣрить разобранныя чтенія съ текстомъ Еврипида, возстановленнымъ издателями на основаніи доселѣ извѣстныхъ списковъ. Кромѣ упомянутыхъ отрывковъ изъ трагедій Еврипида въ той-же рукописи подъ текстомъ пророковъ встрѣчается 1) болѣе 30-и листовъ, первоначальный текстъ коихъ (X вѣка) содержитъ извѣстныя стихотворенія Григорія Богослова и 2) 20 другихъ листовъ, которые даже дважды написаны по стертому тексту; изъ перваго можно разобрать лишь нѣсколько словъ, а во второмъ текстѣ (XII вѣка) идетъ рѣчь о философскихъ вопросахъ. Въ саввиной библіотекѣ рукопись № 142 на 8 листахъ сохранила подъ вторымъ текстомъ XII вѣка отрывки какой-то минеи XI вѣка, а въ рукописи № 604 (XIV вѣка) какъ первоначальный текстъ X вѣка представляется на 8-и листахъ одно изъ словъ Ефрема Сирина.

Значительное число рукописей двухъ разсматриваемыхъ здѣсь библіотекъ снабжено и разнаго рода украшеніями, заставками и миніатюрами. Въ этомъ отношеніи самою замѣчательною оказывается рукопись № 14 святогробской библіотеки (XI вѣка), которую составитель каталога поэтому и описалъ особенно обстоятельно (см. стр. 45—65). Она содержитъ въ себѣ преимущественно творенія Григорія Назіанзина и украшена множествомъ миніатюръ разныхъ размѣровъ (до 100). Первые два листа — пурпуроваго цвѣта; на нихъ написаны серебряными чернилами оглавленіе и шесть ямбическихъ стиховъ въ честь св. Григорія; на оборотѣ второго листа вся страница занята изображеніемъ св. Григорія, сидящаго за открытою книгой и пишущаго. Большіе рисунки обыкновенно прямо относятся къ соотвѣтствующему тексту, а мелкіе представляютъ изящные виды или сцены изъ обыденной сельской жизни. Особенно многочисленны миніатюры на стр. 92—112, приложенныя къ слову Іоанна Дамаскина (?) на Рождество Христово. Здѣсь художникъ изобразилъ Рождество Христа, бѣгство Св. Семейства, разные моменты изъ путешествія трехъ волхвовъ и поклоненія ихъ новорожденному Спасителю и проч. Къ другой статьѣ, авторъ которой, Ноннъ, составилъ и объяснилъ всѣ встрѣчаемые въ сочиненіяхъ св. Григорія историческіе факты, приложено 17 рисунковъ миѳологическаго характера, напоминаю-

щихъ классическіе образцы, напр. изображеніе Артемиды и Актеона, Хирона и Ахилла, Зевса и Семелы, рожденіе Аѳины. Изъ другихъ рукописей святогробской библіотеки упомянемъ еще о кодексѣ № 5 (XIII в.) съ 117-ю миніатюрами, которыя всѣ относятся къ иллюстрированному ими тексту — толкованію Іова. И въ библіотекѣ монастыря св. Саввы не мало такихъ лицевыхъ рукописей. Между ними любопытны для археологовъ напр. № 63 (минея XII вѣка съ изображеніемъ Симеона Столпника, апостола Ананіи, пророка Наума и т. д.) и № 208 (минея XII вѣка съ изображеніемъ св. Евдокіи, 40 св. мучениковъ, 12-и апостоловъ на 3-хъ таблицахъ и проч.).

Что-же касается писателей, произведенія коихъ помѣщены въ разсматриваемыхъ библіотекахъ, то для ученыхъ, интересующихся древнеклассическими авторами, въ обѣихъ имѣется мало важнаго. Въ разныхъ кодексахъ мы встрѣчаемся съ классиками, какъ напр. съ Еврипидомъ и даже Эсхиломъ, съ Ксенофонтомъ, Исократомъ и т. д., но эти рукописи большею частью позднѣйшаго происхожденія и поэтому не имѣютъ значенія для возстановленія текста названныхъ писателей. Изъ святогробской библіотеки, кромѣ вышеупомянутыхъ палимпсестовъ — отрывковъ изъ трагедій Еврипида—можно привести еще кодексъ № 61 (XIV вѣка), который содержитъ антологію Максима Плануда и, по мнѣнію П.-Керамевса, представляетъ нѣсколько важныхъ варіантовъ, какъ относительно текста, такъ и въ именахъ авторовъ разныхъ эпиграммъ. Далѣе встрѣчается тамъ списокъ рѣчей софиста Ливанія (№ 107, XIII вѣка), списокъ нѣкоторыхъ логическихъ трактатовъ Аристотеля и толкователей его (№ 106, XIII вѣка) и другіе списки разныхъ сочиненій того же философа съ толкованіями и схоліями (№ 108 XIII вѣка и № 150 XIV в.). Въ саввинской библіотекѣ вниманія филологовъ заслуживаютъ отрывки изъ библіотеки Аполлодора (№ 366, XIII вѣка), изданные составителемъ каталога въ нѣмецкомъ журналѣ Rheinisches Museum 1891 г., и одинъ лексиконъ безъ начала и конца (№ 137, XIV вѣка), дающій намъ новые фрагменты древнихъ трагиковъ и комиковъ и изданный П.-Керамевсомъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1892 г.

Латинскихъ рукописей въ обѣихъ библіотекахъ не имѣется, кромѣ одного очень правильно написаннаго и украшеннаго разными заставками списка Римской Исторіи Евтропія, съ прибавленіями Павла Діакона (№ 27 святогробской библіотеки, XV вѣка). Объ этой рукописи П.-Керамевсъ намѣревается въ скоромъ времени сообщить подробнѣе въ особой статьѣ.

И по византійской свѣтской литературѣ обѣ библіотеки даютъ мало. Списковъ византійскихъ историковъ и лѣтописцевъ почти не имѣется. Отмѣтимъ изъ перваго тома каталога кодексъ № 108 XIII вѣка, представляющій между прочими сочиненіями Михаила Пселла и его энциклопедію (Διδασκαλία παντοδαπή), до сихъ поръ въ полномъ ея объемѣ еще неизданную. Важнѣе всего тутъ кодексъ № 40, знакомящій насъ съ

однимъ доселѣ мало извѣстнымъ авторомъ XIII—XIV вѣка. Это—Константинъ Акрополитъ, сынъ историка Георгія Акрополита. Онъ написалъ нѣсколько мелкихъ риторическихъ произведеній, но особенно усердно занимался описаніемъ житій святыхъ, и по языку и слогу является выдающимся писателемъ своего времени. Нѣсколько его произведеній уже издано П.-Керамевсомъ по іерусалимской рукописи № 40 (въ сборникѣ Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας I), а другія (нѣсколько писемъ, два завѣщанія и антифонъ св. Богородицѣ) обнародованы нѣмецкимъ ученымъ M. Treu по одной миланской рукописи, которая очевидно прежде составляла вторую половину іерусалимскаго кодекса.

Само собою разумѣется, что по духовному чтенію въ обѣихъ монастырскихъ библіотекахъ хранится несравненно больше матеріала. Есть въ нихъ рукописи, содержащія или текстъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта или толкованія ихъ; есть довольно много твореній отцовъ церкви, но бóльшая часть этихъ рукописей опять-таки не отличается особенной древностью и цѣнностью въ критическомъ отношеніи. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь знаменитый святогробскій кодексъ № 54 XI вѣка, изъ котораго митрополитъ Вріенній впервые издалъ извѣстное Ученіе 12-и Апостоловъ (Διδαχὴ τῶν ἀποστόλων) и дополненный текстъ двухъ посланій св. Климента Римскаго къ коринѳянамъ. Кромѣ того эта выдающаяся рукопись заключаетъ въ себѣ посланіе св. апостола Варнавы и посланія св. Игнатія Антіохійскаго.

Наибольшей пользы и значительнаго обогащенія можно ожидать отъ іерусалимскихъ рукописей для агіографической и аскетической литературы. Въ обѣихъ библіотекахъ скрывается масса неизданныхъ и даже не встрѣчающихся въ другихъ книгохранилищахъ житій святыхъ, обнародованіе коихъ было-бы очень желательно. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, составитель каталога обѣщаетъ самъ издать въ скоромъ времени. Такъ напр. въ рукописи № 1 святогробской библіотеки (X вѣка), по которой Harris и Gifford уже издали доселѣ неизвѣстный греческій текстъ мученичества св. Перпетуи и Филицаты, кромѣ того сохранились житія св. Аврамія (ἐπισκόπου μαρτυρήσαντος ἐν Ἀρβὴλ τῇ πόλει) и св. Нестора (ἐπισκ. Πέργης τῆς Παμφυλίας). Рукопись № 6 (IX—X вѣка) содержитъ житія св. Конона (3 іюля), св. Іакинѳа (4 іюля) и похвальное слово св. евангелисту Іоанну, которое въ рукописи приписывается Іоанну Златоусту, но, вѣроятно, принадлежитъ Севиріану, епископу гавальскому, современнику его (см. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολ. Σταχυολογίας. I стр. δ'.). Въ рукописи № 18 (XI вѣка) находится житіе св. Климента Анкирскаго, а въ рукописи № 22 (XI вѣка) —житія св. Мамелхѳы и св. Иларіона; житіе послѣдняго имѣется и въ саввиной библіотекѣ (№ 27, XI вѣка). Изъ библіотеки обители св. Саввы напр. рукопись № 18 (XI вѣка) заключаетъ въ себѣ житія 10 св. мучениковъ въ Критѣ, св. мученицы Евгеніи и родителей ея и св. мученицы Іуліаніи, рукопись № 30 (X—XI в.)— подвиги св. мучениковъ Тараха, Прова и Андроника, св. Назарія и св.

Лонгина сотника, рукопись № 242 (X вѣка) — житія св. Маркіана (πρεσβυτέρου καὶ οἰκονόμου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας) и св. Евстратія (ἡγουμένου μονῆς τῶν Αὐγάρου). Въ рукописи № 103 (XII вѣка) есть похвальное слово первомученику св. Стефану, твореніе нѣкоего Флорентія (ἐπισκ. Φωτικῆς), писателя доселѣ совсѣмъ неизвѣстнаго и т. д.

Въ саввиной библіотекѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ одна минея (№ 578, X—XI вѣка), въ которой попадаются многіе неизвѣстные каноны разнымъ святымъ; равно и другая (№ 70, X—XI вѣка), которая значительно отличается отъ нынѣ употребляемыхъ миней. Замѣчательна и рукопись № 184 (XII вѣка), изъ которой П.-Керамевсъ выписалъ и приготовилъ къ печати рядъ неизвѣстныхъ богослужебныхъ памятниковъ, какъ напр. безыменный канонъ св. Варвару, канонъ Іосифа Пѣснописца священномученику Ѳерапонту и его-же канонъ св. Никитѣ, епископу халкидонскому (см. и № 241 и 635).

Мы могли-бы привести еще нѣсколько интересныхъ памятниковъ различнаго содержанія, но и вышесказаннаго, кажется, будетъ достаточно для того, чтобы обратить на этотъ важный вкладъ въ науку, которымъ мы обязаны П.-Керамевсу, вниманіе ученыхъ, занимающихся той или другой отраслью богословія. Упомянемъ лишь о томъ еще, что и въ числѣ болѣе позднихъ рукописей есть много любопытныхъ документовъ, относящихся къ исторіи православной восточной церкви во время турецкаго владычества, и много произведеній греческихъ писателей XVII-го вѣка, какъ Георгія Корессія и Ѳеофила Коридаллевса. Есть между ними и документы, касающіеся сношеній нашего отечества съ православнымъ Востокомъ, особенно во время патріаршества.

Въ заключеніе нашей рецензіи намъ остается только пожелать неутомимому составителю каталога, чтобы такъ хорошо начатый капитальный трудъ его достигъ счастливаго завершенія скорѣйшимъ изданіемъ двухъ остальныхъ томовъ. Но и въ настоящее время авторъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что, гдѣ бы въ ученомъ мірѣ ни зашла рѣчь о іерусалимской патріаршей библіотекѣ, его имя всегда будетъ упомянуто съ благодарностью.

Рига. **Э. Курцъ.**

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας ἢ Συλλογὴ ἀνεκδότων καὶ σπανίων Ἑλληνικῶν συγγραφῶν περὶ τῶν κατὰ τὴν Ἑῴαν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν καὶ μάλιστα τῆς τῶν Παλαιστινῶν. Τόμος Α'. Σελ. κβ'.+535. Τόμος Β'. Σελ. ϑ'+540. Ἐν Πετρουπόλει. 1891. 1894. 8°. Цѣна 20 рублей.

Составитель каталога іерусалимской патріаршей библіотеки, г. А. И. Пападопуло-Керамевсъ, не довольствуясь описаніемъ рукописнаго состава названной библіотеки, одновременно началъ издавать тѣ памятники, которые при пересмотрѣ имъ палестинскихъ книгохранилищъ оказались неизданными, хотя и заслуживаютъ вниманія ученыхъ. Жатвы при этомъ

было много; но принимая во вниманіе, что напечатаніемъ этого сборника, равно какъ и каталога, онъ обязанъ щедрости Православнаго Палестинскаго Общества, П.-Керамевсъ при выборѣ памятниковъ для печати далъ особое преимущество тѣмъ, которые находятся въ болѣе тѣсной связи съ научными цѣлями этого общества, т. е. касаются палестиновѣдѣнія.

Изъ шести томовъ этого сборника, предположенныхъ къ изданію, до сихъ поръ вышли два тома, изданные съ изяществомъ и даже роскошью, извѣстными намъ уже по изданію каталога. Содержаніе этихъ двухъ томовъ очень разнообразно. Помѣщенныя въ нихъ статьи относятся почти ко всѣмъ отраслямъ греческой богословской литературы средняго вѣка, начиная съ II-го столѣтія до XVIII-го включительно, и знакомятъ насъ съ писателями, о которыхъ мы доселѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній или-же лишь недостаточныя и поверхностныя. Въ нашей рецензіи мы принуждены ограничиться краткимъ перечисленіемъ ихъ, но уже и изъ этого читателю можно будетъ вообразить себѣ обиліе и цѣнность новаго, составленнаго П.-Керамевсомъ сборника. Для болѣе легкаго обозрѣнія даннаго матеріала, мы оставимъ произвольный порядокъ самого сборника и разставимъ отдѣльныя статьи нашихъ «Аналектовъ» по времени ихъ происхожденія.

Въ первомъ томѣ помѣщено 36 разныхъ крупныхъ и мелкихъ документовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующіе: 1) стр. 387—389: *Иринея, епископа ліонскаго* (въ концѣ II-го вѣка), четыре отрывка изъ большого полемическаго сочиненія, которое озаглавлено Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως и въ полномъ объемѣ уцѣлѣло лишь въ старинномъ латинскомъ переводѣ. Остатки греческаго подлинника, сохранившіеся особенно у Епифанія и Евсевія, нынѣ пополняются четырьмя отрывками, найденными П.-Керамевсомъ. 2) стр. 393—399: *Филона, епископа карпаѳійскаго* (въ началѣ V-го вѣка), аскетическое письмо къ палестинскому пустыннику Евкарпію. 3) стр. 15—26: *Северіана, епископа Габальскаго*, слово о мирѣ, сказанное въ 401 г. послѣ примиренія съ Іоанномъ Златоустомъ. Въ рукописи, съ которой П.-Керамевсъ копировалъ это слово (cod. Sabbait. № 32, XII вѣка), оно озаглавлено «27-ая бесѣда его-же» (т. е. Іоанна Златоуста), но изъ заглавія стариннаго латинскаго перевода (Sermo Severiani de pace, cum susceptus esset a beato Ioanne episcopo Constantinopolitano) видно, кто былъ дѣйствительный авторъ этой бесѣды. Рядомъ съ греческимъ подлинникомъ П.-Керамевсъ отпечаталъ и упомянутый переводъ, насколько онъ уцѣлѣлъ. 4) стр. 89—113: *Отшельника Марка*, ученика Іоанна Златоуста полемическое сочиненіе противъ несторіанъ, изданное по единственному его списку (cod. Sabbait. № 366, XIII вѣка). Другія (10) сочиненія того-же Марка, попадающіяся въ этой довольно неправильно написанной рукописи, уже давно изданы. 5) стр. 27—88: *Павлина Ноланскаго* житіе св. Амвросія Медіоланскаго, переведенное съ латинскаго на греческій

языкъ, съ прибавленіемъ подлинника. Кѣмъ и въ какое время сдѣланъ греческій переводъ, опредѣлить нельзя. П.-Керамевсъ предполагаетъ, въ VIII или IX вѣкѣ, но доводовъ за свое предположеніе не приводитъ. Если-же объ авторѣ латинскаго подлинника онъ говоритъ какъ о «нѣкоемъ Павлинѣ», жившемъ яко-бы въ концѣ VII-го вѣка, то онъ упустилъ при этомъ изъ виду, что епископъ Павлинъ, извѣстный разными стихотвореніями, былъ ученикъ св. Амвросія († 397) и самъ умеръ въ 431 г.; да и въ самомъ заглавіи онъ называется секретаремъ св. Амвросія (a Paulino ejus notario ad beatum Augustinum [† 430] conscripta). 6) стр. 390—392: *Романа пѣснописца* (VI вѣка) молитва въ стихахъ, которая по своему глубокому, но просто выраженному, умилительному благочестію вполнѣ соотвѣтствуетъ славѣ этого выдающагося церковнаго пѣснописца. 7) стр. 400—404: *Анастасія Синаита* († 599) различныя и весьма полезныя главы и о хулѣ; въ этомъ трактатѣ авторъ говоритъ о позорныхъ и богохульныхъ мысляхъ, возникающихъ подъ вліяніемъ діавола иногда въ сердцахъ благочестивыхъ людей и противъ воли ихъ. 8) стр. 1—14: *Андрея, архіепископа критскаго* (VII—VIII вѣка), житіе и мученичество св. апостола Іакова брата Господня. Эта повѣсть, извѣстная доселѣ лишь въ передѣлкѣ, написанной Симеономъ Метафрастомъ, основывается преимущественно на Евсевіи. 9) стр. 114—115: отрывокъ, относящійся, по мнѣнію издателя, къ похвальному слову *въ честь Константина Порфиророднаго* (912—959). 10) стр. 116—123: *Императора Алексія I Комнина* рѣчь противъ лжеученія армянъ о Христѣ, обращенная къ армянину Нилу (отъ 1094 г.). Подробныя свѣдѣнія объ этомъ Нилѣ и о соборѣ, на которомъ онъ былъ преданъ анаѳемѣ, сообщаетъ дочь императора въ своей Алексіадѣ. 11) стр. 124—143: *Диптихи іерусалимской церкви*, дающіе намъ въ стихахъ подробный перечень всѣхъ іерусалимскихъ патріарховъ до конца XIII-го вѣка. Слѣдуетъ думать, что эти стихотворенія (одинъ тропарь и два канона, изъ которыхъ первый приписывается нѣкоему Нилу) въ прежнія времена пѣлись въ іерусалимской церкви въ память усопшихъ ея іерарховъ. Свѣдѣнія этихъ диптиховъ, конечно, заслуживаютъ полнаго довѣрія лишь относительно болѣе поздняго времени. 12) стр. 160—215: *Константина Акрополита* (XIII—XIV вѣка) слово о великомученикѣ Димитріѣ мѵроточивомъ, предшествуемое двумя его-же письмами, изъ которыхъ первое обращено къ солунянамъ, а второе къ одному непоименованному почтенному мужу (σεβασμίῳ ἀνδρί), котораго авторъ проситъ положить написанное имъ похвальное слово въ храмѣ св. Димитрія и распорядиться, чтобы это слово ежегодно было читаемо въ день празднованія памяти святого. Названный писатель, сынъ извѣстнаго великаго логоѳета и историка Григорія Акрополита и бывшій самъ въ царствованіе Андроника II великимъ логоѳетомъ, сталъ извѣстенъ лишь въ послѣднее время, послѣ того какъ П.-Керамевсъ и M. Treu издали нѣсколько изъ многочисленныхъ, особенно агіографическихъ произведеній его. Они уцѣлѣли въ

двухъ спискахъ (одинъ находится въ Іерусалимѣ, а другой въ Миланѣ), которые дополняютъ другъ друга и безъ сомнѣнія представляютъ собою оторванныя части одной и той-же рукописи, нѣкогда заключавшей полное собраніе всѣхъ твореній Константина Акрополита. Уже изъ изданныхъ доселѣ сочиненій его можно видѣть, что онъ по чистотѣ языка и по простотѣ и безыскусственности слога принадлежитъ къ самымъ лучшимъ представителямъ литературнаго возрожденія, возникшаго въ Византіи въ концѣ XIII-го вѣка по низверженіи латинскаго господства. Любопытно и истинно благочестивое направленіе, которое обнаруживаетъ авторъ въ предпочтеніи подвиговъ святыхъ, какъ предмета своей ученой дѣятельности, и во многихъ случайныхъ выраженіяхъ и признаніяхъ. 13) стр. 405—420: Того-же *Константина Акрополита* слово въ честь св. Варвара, который въ царствованіе Михаила Косноязычнаго (820—829), случайно выслушавъ св. литургію, обратился изъ безбожнаго разбойника въ вѣрующаго христіанина. Память его празднуется въ греческой церкви и нынѣ (15-го мая). 14) стр. 421—430: *Константина Лукита* (XIV вѣка) надгробное слово въ честь трапезундскаго императора Алексія Комнина († 1330), съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ генеалогическихъ примѣчаній патріарха Досиѳея. Конца рѣчи недостаетъ въ рукописи (cod Patriarch. № 276, XVII—XVIII вѣка). Протонотарій и протовестіарій Константинъ Лукитъ извѣстенъ изъ семи обращенныхъ къ нему писемъ Ѳеодора Иртакина и изъ трехъ писемъ Григорія Хіоніада; послѣднія, сохранившіяся въ одномъ вѣнскомъ спискѣ, еще не изданы, какъ и другое слово Лукита о трапезундскомъ мученикѣ Евгеніѣ. 15) стр. 144—159. *Алексія Макремволита* рѣчь (въ двухъ отдѣлахъ) о безсиліи генуэзцевъ, когда они впервые появились въ Византіи, о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ императорами, о слѣдующемъ за этимъ благоденствіи и усиленіи ихъ и о козняхъ ихъ противъ своихъ благодѣтелей (отъ 1348 г.). Этимъ правдоподобнымъ разсказомъ очевидца дополняются находящіяся у Кантакузина и Никифора Григоры свѣдѣнія о войнѣ, которую генуэзцы въ 1348 г. вели съ византійцами. Въ той-же самой рукописи, по которой издана эта рѣчь (cod. Sabbait. № 417, XIV в.), встрѣчается еще 13 другихъ сочиненій этого до сихъ поръ почти неизвѣстнаго писателя, изъ которыхъ нѣкоторыя П.-Керамевсъ намѣревается издать въ скоромъ времени, а именно Ἀλληγορία εἰς τὸν Λούκιον ἢ ὄνον и Εἰς τὴν ἁγίαν Σοφίαν, πεσοῦσαν ὑπὸ πολλῶν σεισμῶν. 16) стр. 431—437: *Стефана Сгуропула*, трапезундскаго протонотарія (XIV вѣка), три хвалебныхъ стиха. Изъ этихъ стихотвореній первое посвящено императору Алексію Комнину, въ которомъ издатель признаетъ Алексія III (1355), другія-же, не имѣющія заглавія, вѣроятно, относятся къ Мих[illegible] Комнину (1349). Съ этимъ писателемъ мы знакомимся только [illegible] кромѣ вышеназванныхъ трехъ стихотвореній имѣется въ той-же [illegible] (cod. Patriarch. № 370, XIV вѣка) еще пять подобныхъ. 17) ст[illegible] 219: *Германа, патріарха іерусалимскаго*, окружное посланіе къ [illegible]

тинопольской архіепископіи (отъ 1547 г.). 18) стр. 220—230: *Кирилла Лукари, патріарха александрійскаго*, разговоръ, указывающій на козни іезуитовъ и на опасность, угрожающую Константинопольской церкви отъ прибытія ихъ въ Галату (отъ 1616 г.). Правдолюбъ (Φιλαλήθης), одинъ изъ разговаривающихъ лицъ, яркими красками излагаетъ своему собесѣднику, Ревнителю (Ζηλωτής), поступки и политику іезуитовъ, цѣль которыхъ — подчинить православную церковь папѣ римскому, и обсуждаетъ мѣры, необходимыя для предотвращенія этой опасности. Благое намѣреніе патріарха, предостеречь посредствомъ этого сильно дѣйствующаго разговора свою паству отъ опаснаго вліянія іезуитовъ, хорошо проведено. Для наибольшаго распространенія своего сочиненія, авторъ написалъ его на народномъ языкѣ того времени. 19) стр. 438—453: *Матѳея митрополита мирскаго* (XVI—XVII вѣка), житіе преподобной Параскевы Новой. Св. Параскева, родомъ изъ Эпиватъ, подвизалась въ половинѣ десятаго вѣка и была сестра св. Евѳимія, епископа мадитскаго, житіе котораго описалъ знаменитый Григорій Кипрскій (1282—1289 патріархъ константинопольскій). Житіе Параскевы, по сообщенію самого Матѳея, переводъ съ болгарскаго текста, написаннаго тырновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ и изданнаго въ 1883 г. Полихроніемъ Сырку. 20) стр. 231—307: *Пропущенныя главы исторіи Досиѳея Нотары*, патріарха іерусалимскаго. Досиѳей, извѣстный церковный историкъ, составилъ обстоятельную исторію іерусалимскихъ патріарховъ до 1705 года. Племянникъ его Хрисанѳъ Нотара издалъ эту исторію въ Букарестѣ въ 1715 г., при чемъ не только измѣнилъ простой греческій языкъ автора въ литературный, но и передѣлалъ и пропустилъ многое, боясь турецкаго правительства. 21) стр. 308—386: *Парѳенія, митрополита Кесаріи Палестинской* (XVIII вѣка), разсказъ о распряхъ, происходившихъ между ромеями (т. е. православными греками) и армянами по поводу св. мѣстъ Палестины. Наконецъ, въ послѣдней части перваго тома (стр. 454—483) изданъ длинный рядъ разныхъ мелкихъ историческихъ документовъ отъ IX-го до XVIII-го столѣтія, важныя для исторіи восточной церкви соборныя опредѣленія и акты константинопольскихъ патріарховъ (Михаила Анхіальскаго отъ 1176 г., Георгія Ксифилина отъ 1192 г., Германа II и т. д.).

Содержаніе второго тома разбираемыхъ нами «Аналектовъ» менѣе разнообразно и пестро, такъ какъ половина всего тома занята однимъ крупнымъ памятникомъ. Это — *Типиконъ іерусалимской церкви*, заключающій въ себѣ расположеніе богослуженій страстной седмицы по древнему обычаю іерусалимской церкви Воскресенія. Этотъ важный литургическій памятникъ уже изданъ и изслѣдованъ А. А. Дмитріевскимъ (въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1889—1892 г.); но Дмитріевскій пользовался для своего изданія тѣмъ текстомъ, который въ началѣ нашего столѣтія помѣщенъ Максимомъ Симео (ὁ Συμαῖος) въ его неизданной еще «Священной Исторіи Іерусалима», при чемъ Максимъ не только передѣлалъ народ-

ный языкъ подлинника, но и пропустилъ большею частью полные тексты церковныхъ пѣснопѣній, ограничиваясь передачею начальныхъ словъ. П.-Керамевсу же удалось найти старинную рукопись, написанную въ 1122 году, съ которой и Максимъ взялъ свою копію. Іерусалимскій типиконъ, начало котораго въ рукописи утрачено, даетъ намъ важныя свѣдѣнія о составѣ іерусалимскаго клира того времени, объ обрядахъ и крестныхъ ходахъ, совершаемыхъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, о топографіи святыхъ мѣстъ и сообщаетъ намъ многіе тропари и каноны, не встрѣчающіеся въ другихъ сборникахъ. Любопытно явствующее изъ нашего типикона то обстоятельство, что, хотя въ 1122 г. надъ Іерусалимомъ господствовали латины, православное духовенство имѣло тамъ перевѣсъ и неоспоримо обладало святыми мѣстами.

Въ другой половинѣ второго тома «Аналектовъ» издано болѣе 50-ти актовъ и писемъ различныхъ іерусалимскихъ патріарховъ XVI—XVIII в., напр. Нектарія (1661—1667), Досиѳея (1669—1706), Хрисанѳа (1707—1729), Мелетія (1731—1734), Парѳенія (1738—1750), и нѣсколько соборныхъ дѣяній.

Само собою разумѣется, что при первомъ изданіи столь многочисленныхъ и разнообразныхъ памятниковъ греческой литературы, которые и по времени происхожденія и по языку и слогу значительно различествуютъ между собою, покончить критическую обработку и возстановленіе издаваемыхъ текстовъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно издателю одному — нельзя. Зная, какихъ трудовъ и какой усидчивости стоитъ уже разборъ рукописнаго текста, списываніе и напечатаніе его (на 500 листахъ большого формата въ каждомъ томѣ), никто изъ благомыслящихъ людей и не подумаетъ о томъ, чтобы поставить издателю въ упрекъ, если онъ гдѣ-либо оставилъ безъ исправленія искаженное преданіе рукописи или просмотрѣлъ вкравшуюся опечатку. Здѣсь довести дѣло до желательнаго завершенія можетъ удасться только соединеннымъ силамъ всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ. Такъ какъ тѣ примѣчанія, которыми мы съ своей стороны могли содѣйствовать къ исправленію текстовъ, изданныхъ въ первомъ томѣ сборника, уже помѣщены во второмъ его томѣ (на стран. 483—487), мы здѣсь ограничимся вторымъ томомъ и приведемъ нѣкоторыя желательныя поправки, касающіяся типикона, и при томъ важнѣйшей части его.

На стр. 12,8 и 252,12 должно читать: εἰς ἀγάπης ἀντέκτισιν (вмѣсто ἀντίκτησιν и ἀντέγκτησιν); 30,25 τῆς οὐρανίου βασιλείας (вм. βασιλείου); 34,4 λάμψαι σου τὴν ἐξ ὕψους αἰτοῦμεν χάριν (вм. λάμψε); 34,6 καθὼς οἰκέται πιστοὶ προσμένοντες (вм. προσνέμοντες); 40,1 τοὺς μαθητὰς ἐμυσταγώγησας ὑψοποιόν, Χριστέ,... ταπείνωσιν (вм. формы ὑψοποιῶν, предложенной издателемъ; т. е. discipulos docuisti humilitatem exaltantem, см. стр. 109,4 и 110,14); 46,12 ἐπλήσθη (вм. ἐπλάσθη, см. Исаі. 40,2); 47,11 τοὺς δουλωθέντας καὶ.... ἀπολέσαντας (вм. ἀπολέσαντα); 52,17 ῥῦσαι, δέσποτα, τῆς τῶν ἐρίφων μερίδος· συναρίθμησον τῇ τῶν προβάτων σου ποίμνῃ (издатель ошибся въ зна-

кахъ препинанія, см. Матѳ. 25,32); 59,21 и 64,18 τῇ σκέπῃ (вм. σκέπει; см. 5,34); 62,12 βρυγμὸς (вм. βρυγμοὺς); 62,16 ἀγήρω ζωῆς (вм. ἀγείρω); 64,5 ῥοιζήματι πυρὸς (вм. ῥιγήματι, въ рукоп. ῥηζῆματι); 64,10 ἅπας οὐρανὸς (вм. ἅπαξ); 64,13 ἐλέγχονται πράξεις (вм. ἐλέγχοντες, что нельзя отнести къ предыдущему слову βίβλοι; въ рк. ἐλέγχον τε); 68,21 ἀγχόνην ἀμοιβὴν ὧν (вм. ὃν) παρέδρα εὑρίσκει ὁ ἄθλιος, т. е. Іуда нашелъ веревку какъ возмездіе того, что онъ свершилъ (можетъ быть, что слѣдуетъ читать: ὧνπερ ἕδρα); 72,4 λογοπρατεῖ (вм. λογοπραγεῖ; Іуда называется у Григорія Богослова «λογοπράτης», потому что онъ продалъ λόγον т. е. Христа; глаголъ λογοπρατῶ доселѣ не былъ извѣстенъ); 72,14 λήθης ὅθεν ἔτυχες, ὅτι ψυχῇ (вм. ὅ τι ψυχὴ) οὐδῶς (?) ἰσοστάσιος ὁ κόσμος, ὧν (вм. ὢν) ἐδιδάχθης (разстановка словъ немного смѣлая; «вслѣдствіе чего ты позабылъ то, чему тебя учили, что даже весь міръ не равноцѣненъ душѣ», см. Матѳ. 16,26); 73,23 νίμμα τὰ ὄμματα δράσασα (вм. ἐδράσασα) καὶ λέντιον (вм. λεντίῳ) τὰς τρίχας (прелюбодѣйка дѣлаетъ слезы [буквально: очи] водою для умовенія ногъ Христа, а волоса полотенцемъ, чтобы утереть ихъ; см. Лук. 7,38); 86,15 τμηθεὶς ἐπιτιμᾶται πόντος ἐρυθρός (вм. τμηθείσῃ τμᾶται, см. Псал. 105,9); 88,11 πόμα καινὸν.... πίομαι (вм. κενὸν, см. 114,7; 191,24); 97,11 ὁ τὰ πάθη ἐξιώμενος (вм. ἀξιώμενος); 97,19 εἰ γὰρ πλοῦτον ἠγάπας, τί παρὰ πτωχείαν διδάσκοντι ἐφοίτας; (вм. παραπτωχίαν διδάσκων τί), т. е. «если ты, Іуда, любилъ богатство, почему ты пришелъ къ проповѣдующему бѣдность Христу?»; 98,16 ἰσχύϊ (вм. ἰσχύει); 103,27 διαφυλάξειες (вм.—φυλάξειεν); 119,14 πανύμνητε Θεοτόκε (вм. πανύμνυτε, см. 120,31); 119,17 τὴν σκέψιν τῆς προδοσίας γινώσκων (вм. σκῆψιν); 125,25 εἰς τὴν δίψαν (вм. δόξαν) μου ἐπότισάν με ὄξος, см. Псал. 68,22); 135,4 προσήλωσαι, ἵνα ἐγὼ τῷ βάθει (вм. πάθει) τῶν παθημάτων σου τὸ ὕψος τοῦ κράτους σου πιστούμενος κράζω σοι (пѣснописецъ играетъ противоположными понятіями βάθος и ὕψος); 135,26 τῆς ταθείσης (вм. σταθείσης).... πρὸς τὸ ξύλον πάλαι τῆς γνώσεως τοῦ προπάτορος (вм. πρωτοπάτορος, въ рукописи προτοπάτορος) χειρὸς (рука праотца Адама была протянута къ древу познанія); 137,10 ὁ ἐν Ἐδὲμ παράδεισός ποτε τὸ ξύλον τῆς γνώσεως (вм. βρώσεως) ἀνεβλάστησεν, см. 135,26; 138,5 τοῖς ἀφεσίμοις ἡμῶν (вм. ἡμῖν).... ὑπογράψαι (слово ἀφέσιμον здѣсь значитъ: разрѣшительная грамота); 142,26 παρειὰς.... καταξαίνουσα (вм. καταξένουσα); 176,24 τῆς τοῦ Ἅιδου καταπόσεως (вм. καταπτώσεως); 178,21 ὁ Ἅιδης βοᾷ.... ἀλλ' ἀπολῶ μετὰ τούτου (т. е. Ἰησοῦ), ὧν ἐβασίλευον (въ рукописи: ἀλλὰ πολλῶ, см. 178,29 ὧνπερ ἐβασίλευον ἐστέρημαι); 180,17 βοήσατε τὰ ὄρη εὐφροσύνην (вм. νοήσατε τὰ ὄρη· εὐφροσύνη·, см. Исаі. 44,23); 196,31 ἑκουσίως ὑπέμεινας σταυρόν (вм. ἀκουσίως); 206,22 ἱερείου (вм. ἱερεῖον); 208,26 κρουνοὺς ἐπαφῆκάς μοι ἀθανασίας.... ὑπεράγαθε (вм. ἐπαφήκασί μοι); 209,12 τοῦ καινίσαντος τάφου (вм. τάφον) τὴν ἀφθαρσίαν ἡμῖν νεκρώσας φύλακας, ζωώσας δὲ κτλ., т. е. умертвивши стражей гроба, возстановившаго намъ безсмертіе; 213,3 τοῦ Θανάτου τὸ ζοφερὸν κατελύθη βασίλειον (вм. φοβερόν, въ рукописи ζοφοβερὸν, см. 246,22); 215,5 Χριστὸς ἐκ τάφου (т. е. ἀνέστη)· δεσμῶν ἠλευθερώθητε ἁμαρτίας σήμερον (вм. ἠλευθερώθη τε); 217,23

βοῶντας (какъ въ рукописи, вм. βοῶντα; это причастіе принадлежитъ къ слову νεκρούς, а не къ слову ἔθνη, см. 223,7); 219,3 ἐν τάφῳ προσβληθεὶς (вм. προσκληθεὶς, см. 249,6); 219,18 ἐκαλλώπισεν (вм. ἐγκαλλώπισεν); 225,20 ἐπ' ἀνακλήσει (вм. ἐπανακλήσει); 226,19 ὑπὲρ ἐμοῦ γενόμενος, Λόγε, κατάρα (вм. κατάρᾳ, см. Галат. 3,13); 234,19 ἀνῆλθες (вм. κατῆλθες); 241,14 καὶ ἀπέλυσε (т. е. ὁ Ἅιδης, вм. ἀπέλυσας) τοὺς πρὶν δεσμώτας.... κατιδών σε (т. е. Χριστέ) ἐν τοῖς καταχθονίοις γενόμενον (вм. γενόμενος); 247,23 παναγία ἡ σεπτή.... ἀνυμνοῦμεν (вм. οἱ σεπτοί; люди не могутъ сами назвать себя святыми).

Э. Курцъ.

Рига.

Гер. Α. Μαυρογιάννη, Ἡ ἐν Ἑπτανήσῳ σχολὴ τῶν Δοξαράδων (Εἰκονογραφημένη Ἑστία. 1894, томъ I, стр. 177—179, 198—202).

Въ этой статьѣ, появившейся въ прошломъ году, авторъ трактуетъ о той именно области исторіи византійскаго искусства, которая ему наиболѣе знакома.

Подъ именемъ «школы Доксарадовъ» онъ разумѣетъ рядъ Грековъ-живописцевъ, украшавшихъ иконами и картинами въ итальянскомъ стилѣ церкви Іоническихъ острововъ. Изъ значительнаго числа этихъ художниковъ, исчисленныхъ авторомъ въ его «византійскомъ искусствѣ» (стр. 154—169), «школу Доксарадовъ» составляетъ по его мнѣнію слѣдующій рядъ художниковъ, жившихъ на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Основателемъ школы былъ Панаіотъ Доксара (1662—1729) родомъ изъ Пелопонниса, участвовавшій съ нанятымъ на свой счетъ отрядомъ въ 1694 году въ походѣ Венеціанцевъ на Хіосъ, а затѣмъ отдавшійся живописи, которой служилъ онъ не только кистью, но и перомъ: помимо переводовъ на греческій языкъ итальянскихъ трактатовъ по живописи, переведенъ былъ имъ Trattato della Pittura Леонардо да Винчи [1]), а кромѣ того написано собственное руководство на греческомъ языкѣ Κοινὴ διδασκαλία εἰς τὰς τρεῖς περιστάσεις ὁποῦ περιέχει ἡ ζωγραφία. Къ сожалѣнію, Мавроянн не разбираетъ послѣдняго и не сообщаетъ, представляетъ ли руководство это хоть что-либо оригинальнаго и не приводитъ даже точнаго заглавія изданія этого трактата Спир. Ламбросомъ въ 1871 г. [2])

1) Переводъ этотъ сохранился въ двухъ собственноручныхъ рукописяхъ Доксары — въ библіотекахъ св. Марка въ Венеціи 1720 г. и въ Аѳинахъ (№ 1285 по каталогу Саккеліона) 1724 года; послѣдняя рукопись полнѣе венеціанской. Самостоятельнаго въ рукописи этой только длинное риторическое посвященіе перевода Христу (издано у С. Ламброса стр. κε΄—λα΄), риторическое введеніе къ каталогу живописцевъ древнихъ и новыхъ (лл. 163 и 163 об. не изданное) и самый каталогъ этотъ (лл. 163 об.—182) «составленный съ полнымъ вниманіемъ изъ различныхъ книгъ и греческихъ и итальянскихъ» (л. 163).

2) Παναγιώτου Δοξαρᾶ περὶ ζωγραφίας· χειρόγραφον τοῦ ͵αψκϛ΄ νῦν τὸ πρῶτον μετὰ προλόγου ἐκδιδόμενον ὑπὸ Σπυρίδωνος Λάμπρου. Ἐν Ἀθήναις. in 8⁰. μγ΄ + 44 σ.

Кто былъ тотъ учитель Панаіота, о которомъ онъ говоритъ съ уваженіемъ въ своемъ руководствѣ,—не извѣстно. Въ знаменитѣйшемъ произведеніи Панаіота—росписи по холсту потолка въ церкви Св. Спиридона въ Корфу [1]), замѣненномъ въ 1727 г. росписью alla presta, авторъ указываетъ черты подражанія Павлу Веронезу. Указываетъ авторъ и на миніатюрный портретъ князя Шуленбурга работы Панаіота, хранящійся въ аѳинской національной библіотекѣ.

Покровительству Шуленбурга сынъ Панаіота, Николай Доксара, обязанъ былъ обученіемъ у венеціанскихъ живописцевъ. Въ опредѣленіи принадлежащихъ ему работъ авторъ не согласенъ съ нѣкоторыми предшественниками и приписываетъ ему, а не Панаіоту, роспись потолка въ церкви Φανερωμένης на Закинѳѣ, а Литанію въ церкви Всѣхъ Святыхъ, интересную портретами и костюмами современниковъ, считаетъ оригиналомъ Николая Доксары, съ котораго скопирована Литанія въ церкви св. Діонисія Николаемъ Кутузи, третьимъ звеномъ школы Доксарадовъ.

Этотъ уроженецъ Закинѳа (1749—1819) обучался сперва у Николая Доксары: десяти лѣтъ онъ писалъ уже вмѣстѣ съ нимъ икону Іоанна Дамаскина и св. Варвары. Онъ также учился затѣмъ въ Венеціи. Вернувшись оттуда на родину и занявшись живописью и, кажется, больше дебошами, онъ пошелъ въ священники, якобы для того чтобы бородой скрыть изуродованную въ дракѣ щеку (авторъ считаетъ эту мотивировку клеветой враговъ Кутузи); но и ставъ священникомъ, Кутузи не оставилъ франтовства, нося подъ короткою шелковой рясой красныя шелковыя штаны и изящную обувь съ золотыми и серебряными пряжками, и водя съ собою кошку, увѣковѣченную имъ на картинѣ Рождества Богородицы. Писалъ Кутузи и стихотворенія: любовныя, образчикъ которыхъ приводитъ авторъ, и сатирическія, образцы коихъ привести было невозможно по крайнему ихъ сквернословію, направленному на закинѳскихъ демагоговъ съ нѣкіимъ Мартолаемъ во главѣ, которые возвѣщали на Закинѳѣ идеи французской революціи. Совершая богослуженіе Кутузи проникался благочестіемъ и, когда возглашалъ «твоя отъ твоихъ», то слезы обильно текли изъ глазъ его. Изъ перечисленныхъ произведеній Кутузи въ различныхъ церквахъ Закинѳа одно «Рождество Богородицы» издается, по словамъ автора, въ «Естіи», но рисунка этого въ тѣхъ №№, гдѣ напечатана статья, не оказывается.

Преемникомъ Кутузи явился архимандритъ Николай Кандуни [2])

1) По словамъ Σπ. Παπαγεωργίου (Ἑστία 1894, I p. 255) три картины съ потолка церкви св. Спиридона работы Доксары сохранились еще въ Корфу: въ монаст. св. Евфиміи и въ Влахернскомъ монастырѣ (двѣ), а прочіе остатки проданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тотъ же Παπαγεώργιος возражаетъ Мавроянни, что низенькій круглый головной уборъ православнаго духовенства на Іоническихъ островахъ не есть подражаніе западу, а древній византійскій σκιάδιον, въ доказательство чего неудачно указываетъ на форму камилавокъ въ Россіи, которыя гораздо выше.

2) О немъ Мавроянни писалъ подробнѣе въ Ἀττικὸν Ἡμερολόγιον τοῦ κ. Ἀσωπίου

(1768—1834), котораго началъ было учить Кутузи, но прогналъ, какъ только замѣтилъ его способности; ему учиться въ Венеціи не пришлось, произведенія его являются поэтому отчасти копіями съ картинъ, то Кутузи, то Доксарадовъ. Особенно выдается изъ работъ его Тайная Вечеря въ монастырѣ Панагіи, на островѣ у западнаго берега Кефаллиніи, куда сосланъ былъ Кандуни англичанами на нѣсколько мѣсяцевъ за совершеніе молебна объ успѣхѣ возстанія 1821 года.

Изъ многочисленныхъ учениковъ его авторъ называетъ Антонія Рифа, «соединившаго — по словамъ автора — искусство Кутузи и Кандуни», и Діонисія Цока, писавшаго въ Аѳинахъ портреты кирпичнаго тона: «эти два художника»,— заключаетъ статью свою авторъ — «хотя мы и не знаемъ были ли они изъ числа учениковъ Кандуни, были продолжателями школы пелопоннисцевъ Доксарадовъ и послѣдними представителями ея на Закинѳѣ».

Такое заключеніе возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе: могъ ли авторъ называть этотъ рядъ живописцевъ «школою Доксарадовъ». Николай Доксара и Николай Кутузи учились у живописцевъ венеціанскихъ, Кандуни не учился вовсе ни въ Венеціи, ни у Кутузи; чьи ученики Рифій и Цокъ — не извѣстно. Какія же внѣшнія основанія имѣетъ авторъ, чтобы говорить о двухвѣковой почти «школѣ». Внутреннихъ признаковъ «школы», какихъ либо характерныхъ свойственныхъ всѣмъ этимъ художникамъ особенностей стиля, или композиціи, или наконецъ техническихъ пріемовъ авторъ не указываетъ. Не могутъ служить доказательствомъ существованія одной «школы» и указанныя авторомъ примѣры копировки одними изъ этихъ живописцевъ съ другихъ: весьма часто плохой мастеръ копируетъ произведенія разныхъ школъ, не удостоиваясь однако быть сопричисленнымъ исторіей ни къ одной изъ нихъ.

Такимъ образомъ остается неяснымъ самое существованіе особой «школы Доксарадовъ»; но многочисленныя указанія автора на произведенія послѣдовательнаго ряда художниковъ на Іоническихъ островахъ даютъ возможность интересующимся этою вѣтвью итальянской живописи попробовать рѣшить вопросъ о существованіи «школы Доксарадовъ» сличеніемъ указанныхъ авторомъ картинъ и иконъ.

Я. С.

Gabriel Millet, Ψηφιδωτὰ τοῦ ἐν Δαφνίῳ ναοῦ. Ἡ σταύρωσις (Ἐφημερὶς ἀρχαιολογικὴ 1894. pp. 111—122 πιν. 5. Статья эта перепечатана въ фельетонѣ газеты Ἄστυ 7 іюня 1894).

Издавъ въ прекрасной фототипіи одну изъ лучшихъ мозаикъ Дафни, авторъ старается изъ разсмотрѣнія этой мозаики со стороны иконографіи и техники опредѣлить время мозаической росписи храма.

(но года не указываетъ), а въ Ἑστία 1893 B. pp. 200—202: Δύο ἔργα τοῦ ζωγράφου N. Καντούνη издалъ его портретъ и картину Тайная Вечеря въ Μονῇ τῆς Πλατυτέρας близъ Корфу.

Самый монастырь существовалъ уже въ XI вѣкѣ, какъ доказываетъ то авторъ ссылкой на житіе Θеодора Продрома (Палестинскій Сборникъ, вып. 17, стр. 55—56). Церковь авторъ относитъ, какъ и церковь св. Луки въ Фокидѣ и церковь Никодима въ Аθинахъ, «ко времени Василія Болгаробойцы, которое было эпохой благоденствія и возрожденія въ Элладѣ». Время же мозаикъ авторъ думаетъ опредѣлить изъ разсмотрѣнія Распятія.

Этотъ типъ Распятія надъ адамовой головой съ предстоящими Маріей и Іоанномъ и двумя ангелами надъ крестомъ авторъ считаетъ «явно символическимъ», а не простою передачей евангельскаго разсказа, такъ какъ тутъ нѣтъ ни разбойниковъ, ни раздѣленія ризъ, ни прободенія копіемъ и напоенія губою: «всѣ эти человѣческія и временныя обстоятельства опущены» — говоритъ авторъ (стр. 114).

Этотъ «по истинѣ іератическій и символическій характеръ» является съ IX—X вѣка, по мнѣнію автора, исчислившаго нѣкоторыя болѣе древнія изображенія Распятія. Ближайшими къ Распятію въ Дафни признаются мозаика св. Луки въ Фокидѣ, мозаичный образъ въ Opera del Duomo во Флоренціи, переплетъ Евангелія въ Мюнхенѣ и эмаль на липсаноθекѣ гр. Гр. Строганова въ Римѣ.

Но установивъ сходство композиціи Распятія съ памятниками X и XI вв., авторъ не долженъ былъ бы на томъ и остановиться, такъ какъ онъ установилъ только terminus post quem. Вѣдь самъ-же онъ говоритъ, что такая композиція стала канонической и является въ XIV и XV вв. на Аθонѣ и въ Трапезундѣ, но сравненія дафнійскаго Распятія съ этими поздними авторъ не дѣлаетъ, почему и остается возможность принадлежности этой композиціи ко временамъ позднѣйшимъ X вѣка.

Тоже самое отсутствіе сравненія съ памятниками позднѣйшими и указанія на отличія отъ нихъ допускаетъ авторъ и въ подробномъ разсмотрѣніи техники мозаикъ Дафни: указаны лишь нѣкоторыя различія ихъ съ равеннскими VI вѣка, но чѣмъ именно отличаются мозаики Дафни отъ мозаикъ позднѣйшихъ (Кахріэ Джами, Аθона, Сициліи и Италіи), этого авторъ не говоритъ, а потому и въ этомъ критеріи по техникѣ недостаетъ другаго предѣла, terminus ante quem, и потому мнѣніе автора о принадлежности мозаикъ XI вѣку, мнѣніе, быть можетъ, и совершенно справедливое [1]), остается въ сущности не доказаннымъ, такъ какъ мозаики могли, конечно, быть и не современны построенію самого храма.

За то нельзя не быть брагодарными автору за прекрасное изданіе образчика мозаикъ Дафни, такъ какъ до сихъ поръ кромѣ рисунка съ Іоанна Богослова изъ этой же самой мозаики, изданнаго Ламбаки (стр. 121), никакихъ иныхъ рисунковъ съ нихъ издаваемо не было. Надо надѣяться, что послѣдуетъ наконецъ и полное изданіе мозаикъ Дафни и св. Луки Фокид-

1) Пр. Кондаковъ относитъ мозаики Дафни «приблизительно къ XII вѣку». См. Труды VI Археологическаго Съѣзда III, 178.

скаго: землетрясеніе повредившее и тѣ и другія въ текущемъ году напоминаетъ, что откладывать изданіе это не слѣдуетъ. Мы слышали въ Аѳинахъ, что проф. Павловскій снялъ фотографіи со всѣхъ дафнійскихъ мозаикъ: надѣемся, что собраніе это не постигнетъ участь фотографій Севастьянова, рисунковъ Норова, Синайскаго альбома пр. Кондакова.

Я. С.

Г. Е. Μαυρογιάννη, Βυζαντινὴ τέχνη καὶ βυζαντινοὶ καλλιτέχναι μετὰ εἰκόνων τῶν σπουδαιοτέρων ἀρχιτεκτονικῶν καὶ γραφικῶν μνημείων ἀναγκαίων πρὸς διαφώτισιν τῶν διαφόρων τῆς τέχνης ἐποχῶν. Ἐν Ἀθήναις ἐκ τοῦ τυπογραφείου τῶν καταστημάτων Ἀνέστη Κωνσταντινίδου. 1893. in 8°. pp. λ′ + 279 съ 30 рисунками. Издано при пособіи марсельскаго грека Іеронима Вальфи.

Хотя о вышеназванной книгѣ явилась уже авторитетная критическая замѣтка пр. Стржиговскаго [1]), но мы полагаемъ не лишнимъ познакомить читателей русскаго «Византійскаго Временника» съ этою книгой, цѣль которой, краткое и популярное изложеніе исторіи византійскаго искусства, въ русской литературѣ еще не осуществлена; недостатокъ же оригинальнаго изложенія восполненъ у насъ переводомъ книги Bayet, L'art byzantin. Въ Греціи же, гдѣ византійскимъ искусствомъ до самого послѣдняго времени [2]) не интересовались вовсе, явилась уже оригинальная книга о византійскомъ искусствѣ, которая такимъ образомъ является какъ бы примѣромъ и укоромъ нашей литературѣ, почему намъ не кажется возможнымъ относиться къ ней такъ строго, какъ сдѣлалъ это нѣмецкій критикъ.

Въ *обращеніи къ читателю* Маврояни объясняетъ появленіе книги «желаніемъ пополнить пустоту въ литературѣ и природною склонностью (автора) къ подобнымъ художественнымъ изслѣдованіямъ». Отечественная литература давала автору весьма мало пособій по избранной темѣ; поэтому онъ обратился къ пособіямъ иностраннымъ, на французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Но авторъ не уклонялся и отъ самостоятельной работы для составленія своей книги: «для этого — говоритъ онъ — слѣдовало изучить многихъ византійскихъ писателей»; «изъ прилежнаго чтенія хронографовъ» авторъ надѣется «внести что либо свое въ написанное предшественниками».

При такомъ методѣ изученія исторіи искусства нельзя, конечно, и ожидать какихъ либо оригинальныхъ выводовъ о стилѣ или блестящихъ характеристикъ его; поэтому пр. Стржиговскій напрасно на нашъ взглядъ упрекаетъ автора въ полномъ отсутствіи знакомства съ самими

1) Byzantinische Zeitschrift. 1894 pp. 409—410.

2) Въ 1885 году основалась въ Аѳинахъ — Χριστιανικὴ ἀρχαιολογικὴ ἑταιρία, издавшая въ 1892 году первый выпускъ своего органа Δελτίον α′ τ. ἑ. χρ. ἀρχ., но втораго до сихъ поръ не появлялось.

памятниками искусства: упрекъ этотъ самъ по себѣ, конечно, вполнѣ справедливъ, но послѣ такого введенія нечего было и ожидать найдти въ книгѣ греческаго «списателя» хотя бы малую долю того, чѣмъ въ столь высокой степени владѣетъ самъ нѣмецкій ученый. Поэтому книга Маврояни можетъ быть разсматриваема и оцѣниваема только какъ опытъ популярной компиляціи, гдѣ къ тому же исторія искусства излагается съ исторической (филологической такъ сказать) точки зрѣнія, а не художественной и не археологической.

Какъ компиляція книга зависитъ отъ пособій: на первомъ мѣстѣ стоитъ L'Art Byzantin Байе, откуда авторъ черпаетъ постоянно, но всегда оговаривая это. Архитектуру авторъ излагаетъ по Pulgher'y, Texier и отчасти Choisy; страннымъ образомъ ни разу не упоминается книга A. Couchaud, Choix d'églises byzantines en Grèce. Paris. 1842. «Классическое сочиненіе Perrot и Chipiez», упоминаемое авторомъ въ числѣ пособій, касается темы его лишь нѣсколькими страницами II тома о древнихъ купольныхъ зданіяхъ Персіи, которыя тамъ ошибочно относятся къ эпохѣ Ахеменидовъ. Живопись разсматриваетъ авторъ преимущественно по свидѣтельствамъ историковъ —; о миніатюрахъ почти все по Байе —; французскій переводъ книги пр. Кондакова ему видимо остался не извѣстенъ; страннымъ образомъ не видно и знакомства съ иными трудами Байе: Recherches...sur la peinture et sculpture chrétienne en Orient и отчетомъ о поѣздкѣ на Аѳонъ (Archives des Missions 1876), хотя указанія на то и другое авторъ видалъ въ книгѣ Байе. Итальянское искусство знакомо автору, повидимому, болѣе античнаго и болѣе самого византійскаго; пособіемъ служитъ Lanzi, Storia della pittura in Italia; указываетъ еще авторъ на книгу Réné Ménard, Histoire de l'art au Moyen Age. Къ этимъ спеціальнымъ сочиненіямъ присоединяется знакомство автора съ трудами общеисторическаго характера: Duruy, Schlumberger, Παπαρριγόπουλος и др.

Изъ греческой литературы ссылается авторъ на Паспати, Византія, Ламбаки (о Дафни), Крема (Φωκικά), Зисія и нѣкоторыя мелкія статьи, но какъ увидимъ ниже и къ греческой литературѣ отнесся авторъ не съ достаточнымъ вниманіемъ. Такимъ образомъ крайне недостаточное знакомство автора съ литературой не могло способствовать достоинствамъ книги, основанной на старыхъ [1]) преимущественно сочиненіяхъ и самостоятельномъ изученіи однихъ лишь историческихъ свидѣтельствъ, а не памятниковъ.

Обширное *введеніе* (стр. α′ — λ′), раздѣленное на XV отдѣловъ, не представляетъ въ сущности ничего цѣльнаго и на нашъ взглядъ совершенно излишне. Написано оно довольно риторически, какъ впрочемъ и многія части остальной книги, и должно, повидимому, заинтересовать читателей темою книги.

Одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ авторомъ, да и вообще новою

1) Правда цитируются статьи популярныхъ журналовъ и послѣднихъ лѣтъ.

греческою литературой, риторическихъ пріемовъ — это постоянныя отступленія въ классическую древность: авторъ, помимо излишнихъ сравненій искусства византійскаго съ античнымъ (стр. θ', ι', κα'), сравниваетъ Христа съ Сократомъ (стр. 3—4), Андроника Комнина съ Алкивіадомъ (110); не можетъ не упомянуть о «правдолюбивой Кліо, которая омочивъ перо въ кровь» описываетъ послѣднія времена Византіи (143). Удерживаетъ авторъ, что простительно лишь византійскимъ риторамъ, и классическія имена народовъ; такъ противниками Романа Лекапина являются Ассирійцы (89), а въ царствованіе Андроника Палеолога — какой-то «скиѳскій князь», которому подарены были мозаики изъ дома Ѳеодора Метохита (109). Риторика, какъ всегда бываетъ, заводитъ автора до ошибочной неточности выраженій: такъ (на стр. ι') онъ говоритъ о живописи византійской и античной слѣдующее: «вскормленная подъ ея сѣнью, возросшая среди многочисленныхъ остатковъ ея, она не могла не подвергнуться ея вліянію, хотя бы и считалось грѣхомъ пользоваться ею», — но какіе же это *многочисленные остатки живописи* могли видѣть византійцы? Подобнымъ же риторическимъ преувеличеніемъ звучитъ и сравненіе и предполагаемая прямая связь между памятникомъ Дексилея и иконами св. Димитрія и позами и складками (πτύχωσις) аттическихъ надгробныхъ стелъ и фигуръ святыхъ (стр. ιζ'): вѣдь эти стелы въ византійское время лежали подъ землей и потому прямого вліянія на византійскихъ мастеровъ оказывать не могли. Говоря объ изображеніяхъ Добраго Пастыря въ позѣ кріофора, авторъ не избѣгъ упомянуть знаменитаго «Гермеса Мосхофора» въ акропольскомъ музеѣ, хотя ему и пришлось сейчасъ же оговориться, что это — не кріофоръ, къ чему слѣдовало бы еще прибавить, что это — и не Гермесъ. Что такія обращенія къ памятникамъ античнымъ есть только риторическій пріемъ, а не являются невольно отъ бо́льшого знакомства автора съ антикомъ, видно изъ того, напр., что на Ликосурской одеждѣ авторъ усмотрѣлъ какихъ то «крылатыхъ ангеловъ» (стр. 239), и еще болѣе изъ того, что извѣстное олицетвореніе удобнаго момента (καιρός), приписываемое многими извѣстіями древнихъ и византійскихъ писателей Лисиппу [1]), авторъ принялъ за византійское изображеніе времени (χρόνος) потому только, что нашелъ описаніе его у Евагрія (238) [2]).

Въ началѣ введенія (отдѣлы II—V) авторъ старается объяснить разницу между произведеніями искусства античнаго и византійскаго, возникшими въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, въ одной и той же обстановкѣ, вліяніемъ христіанскаго ученія и государственнымъ устройствомъ, мѣшавшими свободному развитію художествъ. Оба объясненія эти слиш-

1) Собраніе извѣстій этихъ см. у Overbeck, Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen, №№ 1463—1467, гдѣ впрочемъ извѣстіе Евагрія (III p. 27) не приведено.

2) То же самое объ изображеніи этомъ, съ тою лишь поправкою, что оно вѣрно названо καιρός, а не χρόνος, повторяетъ авторъ въ Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική 1893 p. 27.

комъ общи и избиты, а второе къ тому же сомнительной вѣрности, такъ какъ богатые монархи обыкновенно способствуютъ развитію художествъ, а не стѣсняютъ ихъ: авторъ могъ бы найдти въ любезной ему древней Греціи много примѣровъ тому. Доказывая первое, авторъ погрѣшаетъ въ утвержденіи, что «нагота окончательно изгнана была изъ христіанскаго искусства» (ιγ'), такъ какъ она удержалась до позднихъ временъ даже въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ изъ св. Писанія: исторіи Адама и Евы, Іоны, Іова и т. п. Забываетъ также авторъ о частыхъ изображеніяхъ изъ языческой миѳологіи въ росписи частныхъ домовъ, украшеніяхъ утвари и т. п., удержавшихся до позднихъ временъ, какъ увидимъ ниже изъ книги того же Маврояни.

Говоря о деспотизмѣ, авторъ погрѣшаетъ утвержденіемъ, что азіатскій церемоніалъ введенъ былъ впервые при Константинѣ (ιγ'), сомнительно также утвержденіе (η'), что царскіе дворцы строились по образцу церквей: формы дворцовыхъ залъ были гораздо болѣе разнообразны, стояли ближе къ сооруженіямъ античнымъ и, если разсматривать происхожденіе типовъ церквей исторически, то окажется какъ разъ обратное: автору и самому извѣстно происхожденіе купольныхъ церквей отъ персидскихъ дворцовыхъ залъ.

Въ VI отдѣлѣ авторъ утверждалъ было, что византійцы впервые примѣнили мозаику для украшенія стѣнъ и ввели въ нее кубики изъ стекла, но въ концѣ первой части (164) исправляетъ послѣднюю ошибку, сохраняя однако первую. Тирская мозаика описывается такъ (ιδ'), какъ бы она была античной, а она имѣетъ дату, считаемую Ренаномъ за 575 г., а Байе за 389 г. (Recherches p. 80), и во всякомъ случаѣ на ряду съ иными половыми мозаиками, напримѣръ на Элеонской горѣ, драгоцѣнна именно, какъ образчикъ христіанскаго восточнаго искусства. Напротивъ, античные термины, примѣняемые авторомъ, по винѣ, очевидно, Ламбаки (Χριστιανικὴ Ἀρχαιολογία τῆς Μονῆς τοῦ Δαφνίου — стр. 110—112), къ византійскимъ мозаикамъ, никакого отношенія къ нимъ имѣть не могутъ (ιε' прим. 1 стр. 178).

Напрасно въ отдѣлѣ VIII (а также на стр. 109—110) авторъ думаетъ, что извѣстныя намъ по описаніямъ росписи и мозаики не религіознаго содержанія были лучше изображеній религіозныхъ: онѣ были только интереснѣе, по художественному же достоинству стояли, разумѣется, на одномъ уровнѣ съ современной имъ живописью религіозной, какъ можно то заключить по сохранившимся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора изображеніямъ цирковыхъ игръ: сколь высоко историческое и археологическое значеніе этихъ фресокъ, столь низко ихъ художественное достоинство [1]).

IX отдѣлъ: κηρόχυτοι γραφαί — не упоминаетъ ни о фаіумскихъ порт-

1) Въ 1893 же году авторъ въ статьѣ, помѣщенной въ Ἐφημερὶς ἀρχαιολογικὴ (pp. 21—30): Ἡ κοσμικὴ τῶν Βυζαντινῶν γραφική, повторилъ тѣ же извѣстія о свѣтской живописи, что̀ и въ книгѣ, съ нѣкоторыми лишь подробностями.

ретахъ, ни тѣмъ болѣе о рѣдкихъ [1]) образцахъ иконъ, писанныхъ восковыми красками; авторъ сомнѣвается даже, что этотъ родъ живописи былъ тотъ же, что̀ и античная энкавстика, на томъ лишь основаніи, что не находитъ послѣдняго слова у византійскихъ писателей (ιϑ′).

Отдѣлъ X передаетъ упоминанія Константина Багрянороднаго о «зографахъ», коими считаются авторомъ εἰκασταί (κ′ — κα′), но насколько вѣренъ латинскій переводъ Рейске слова εἰκασταί — pictores, мы судить не беремся, предоставляя дѣлать то спеціалистамъ. Но появленіе «живописцевъ» на ряду съ ἐργάται на цирковой аренѣ, напр. въ указываемомъ авторомъ пріемѣ сарацинскихъ пословъ (p. 590 ed. Bonn), представляется намъ довольно страннымъ.

Остальныя части введенія XI—XIV посвящены общему обзору византійской архитектуры. Центромъ является, конечно, св. Софія, «ставшая типомъ повсюду въ имперіи воздвигаемымъ церквамъ» (κβ′) (то же на стр. 167): по словамъ автора «не только старались строить церкви въ стилѣ св. Софіи, но и освящали ихъ тѣмъ же именемъ» (κβ′).

Это избитое утвержденіе правильно лишь относительно именъ, но отнюдь не стиля: ни одна изъ св. Софій не дерзаетъ подражать устройствомъ куполовъ Костантинопольской, на что̀ рѣшились лишь турецкіе султаны. Впрочемъ это извѣстно и самому автору (см. стр. κε′), онъ же отрицаетъ, что св. Маркъ въ Венеціи подражаетъ св. Софіи; поэтому проскальзывающія частенько въ книгѣ замѣчанія о подражаніи св. Софіи церквей Солуни (св. Софія 170), Дафни (175), св. Никодима въ Аѳинахъ (κϛ′ и 179), св. Луки въ Фокидѣ (183) и даже Софіи въ Беневентѣ (254) — всѣ лишены всякаго реальнаго основанія. Всѣ многочисленныя свв. Софіи явились не изъ непосильнаго желанія подражать Юстиніанову храму, а просто изъ подражанія провинціи столицѣ, какъ то было и у насъ: Софія Новгородская построена потому, что была Софія въ Кіевѣ, а Софійскій соборъ въ Тобольскѣ явился потому, что была Св. Софія въ Новгородѣ. Довольно парадоксально сравненіе (отд. XII) Св. Софіи съ Карнакскимъ храмомъ.

Послѣ краткаго очерка измѣненія архитектурныхъ формъ (XIII—XIV) авторъ даетъ (XV) по Pulgher'у дѣленіе византійской архитектуры на три періода, дѣленіе, котораго принять никакъ нельзя, подобно многимъ инымъ попыткамъ дѣленія на искусственные періоды непрерывнаго и естественнаго хода исторіи. Первый періодъ съ начала IV в. до Юстиніана, признакъ его базилики: но базиличная форма, какъ простѣйшая и легчайшая для построенія, примѣнялась всегда, какъ то доказалъ недавно еще разъ для Херсонеса Бертье-Де-Лагардъ, и потому сама по себѣ признакомъ времени служить никакъ не можетъ.

Второй періодъ съ половины VI до VIII вв.; характерныя сооруженія—купольныя церкви: Св. Софія, Сергій и Вакхъ, Виталій, но купольныя

1) Одинъ такой образъ Музея Кіевской Духовной Академіи изданъ Стржиговскимъ.

церкви Южной Сиріи: Эдры 510 года и Бостры 512 г. должны отодвинуть начало періода этого назадъ и, конечно, далѣе начала VI вѣка, такъ какъ типъ этотъ явился, вѣроятно, тутъ не впервые, а сложился гдѣ либо въ болѣе культурныхъ областяхъ, чѣмъ окраины аравійской пустыни. Третій періодъ огромнаго протяженія VIII—XV вв. явно втиснутъ въ искусственныя границы и авторъ, называя его «и послѣднимъ», явно противорѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ сейчасъ же ему приходится вспомнить греческихъ же мастеровъ, воздвигшихъ удивительныя купола Стамбульскихъ мечетей (κϑ′).

Отдѣлъ XV (λ′) говоритъ объ общемъ планѣ книги, планѣ на нашъ взглядъ не совсѣмъ удачномъ: первая часть (1—164) излагаетъ исторію искусства въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ разсматриваются и важнѣйшіе памятники; вторая же часть начинается обозрѣніемъ нѣкоторыхъ церквей, сохранившихся внѣ Константинополя и относящихся къ разнымъ временамъ — ихъ гораздо удобнѣе было бы внести въ общую исторію, а вторая часть могла бы ограничиться и одними обозрѣніями миніатюръ, портретовъ, тканей и т. п.

Первая часть книги — наиболѣе самостоятельный трудъ автора, усердно читавшаго хроники для написанія исторіи искусства, страдаетъ постоянною неточностью цитатъ: авторъ ограничивается обыкновенно лишь указаніемъ на автора. Трудно понять причину такихъ неточныхъ указаній; можетъ быть, авторъ считалъ точныя цитаты не соотвѣтственными для популярной книги, но вѣдь тогда можно было бы не указывать и именъ автора. Такая неточность указаній весьма затрудняетъ провѣрку ихъ: мы не дерзнули подъять на себя такой трудъ, но, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, въ отдѣльныхъ случаяхъ отношеніе автора къ источникамъ оказалось не вполнѣ внимательнымъ. Передаетъ находимыя свѣдѣнія авторъ не равномѣрно, то подробно, то кратко, такъ что хотя эта историческая часть его книги въ общемъ и подробнѣе Байе, но иногда Байе даетъ переводъ точнѣе, чѣмъ нашъ авторъ, который систематически изучилъ повидимому только хронографовъ, такъ какъ цитаты его изъ отцевъ церкви, анѳологіи, житій святыхъ и проч., носятъ совершенно случайный характеръ. Конечно, полное собраніе литературныхъ извѣстій о памятникахъ византійскаго искусства едва-ли авторъ и могъ имѣть въ виду, да оно было бы ему и не подъ силу. Но намъ кажется, что было бы для цѣли книги лучше, если бы подробнѣе переданы были собранныя извѣстія и сокращена чисто историческая часть; правда это сдѣлало бы, быть можетъ, книгу менѣе удобочитаемой для публики, но возвысило бы научное ея значеніе. Въ настоящемъ же видѣ нерѣдко являются такія историческія подробности, цѣль внесенія которыхъ остается совершенно непонятной: такъ авторъ даетъ длинную выписку изъ Прокопія о димахъ (стр. κ′ пр.), хотя, кажется, лучше было бы привести какое либо изъ описаній юстиніановыхъ построекъ; приводитъ изъ церемоній византійскаго двора описаніе чина βοτρυοφορίας и даже пѣсни, исполнявшіяся димами (92—93), хотя

о самомъ дворцѣ 'Ηρία или 'Ιερεία, гдѣ происходило празднество, никакихъ подробностей читатель отсюда не узнаетъ; приведена для чего то цѣликомъ стихотворная надпись въ Μονὴ τῆς Χώρας (128—129) и переводъ длинной эпитафiи Бускета въ Пизѣ (250); приведено даже явно нелѣпое словопроизводство (изъ Григоры) имени города Траллеса отъ слова Τροία ἄλλη! (49 пр. 2).

Авторъ особенно внимателенъ къ художникамъ: онъ упрекаетъ хронографовъ, что тѣ даютъ о нихъ «слишкомъ мало свѣдѣнiй, чтобы можно было написать ихъ бiографiи» (88); только объ Анѳимiи и Исидорѣ (49—52), да Лазарѣ (75—77) удалось автору найдти бiографическiя свѣдѣнiя; но намъ кажется, что личности художниковъ интересны главнымъ образомъ лишь тѣмъ, что новаго и оригинальнаго внесли они въ свои произведенiя; разъ же это остается намъ неизвѣстнымъ, — какъ это оказывается для всѣхъ художниковъ византiйскихъ, — то всѣ анекдотическiе разсказы изъ жизни ихъ едва ли заслуживаютъ особаго вниманiя.

Глава I «Искусство первыхъ вѣковъ до Константина В. (включительно)» (1—28) весьма кратко и неудовлетворительно говоритъ объ искусствѣ древне-христiанскомъ.

Изъ всѣхъ сюжетовъ живописи катакомбъ упомянутъ лишь Добрый Пастырь между четырьмя временами года (впрочемъ, значенiе фигуръ этихъ автору не извѣстно) изъ катакомбы Каллиста (см. рис. на стр. 8 по Gal(l)erie des peintures les plus célèbres), Христосъ съ учениками тамъ-же, да умноженiе хлѣбовъ въ александрiйской катакомбѣ, относимой (по Байе) «къ той же эпохѣ», тогда какъ она относится, вѣроятно, вѣку къ VI-му: *Neroutsos Bey* (L'ancienne Alexandrie, p. 52) относилъ послѣднiя росписи ея къ V-му вѣку, но можно, кажется, скорѣе помѣщать фрески эти въ VI-ой вѣкъ.

Изъ символическихъ изображенiй упомянуты рыба, агнецъ и Добрый Пастырь, причемъ кратко описывается почему-то статуя изъ Киренаики, хотя для автора гораздо интереснѣе должна бы быть Константинопольская.

Легенду объ изображенiи Божьей Матери Лукою авторъ опровергаетъ показанiемъ Симеона Метафраста, «которое подтверждаетъ и Астерiй» (11), что Лука былъ врачъ, а не живописецъ. Къ упоминанiю о портретахъ Петра и Павла (Евсевiй) авторъ прибавляетъ описанiе наружности Павла изъ апокрифическихъ Дѣянiй Св. Ѳеклы, чего у Байе нѣтъ. Говоря о Константинѣ В. авторъ руководится преимущественно Duruy. Риторическое описанiе Астерiемъ картины, изображавшей истязанiе Св. Евфимiи, приведено цѣликомъ, чтобы «доставить читателямъ удовольствiе (?) и поученiе» (20).

Имя базиликъ производится, конечно, отъ аѳинской στοὰ βασίλειος Павсанiя (I. 3, 1) (23 пр. 2), хотя у Байе, откуда заимствовано описанiе типа базиликъ, этого устарѣлаго производства уже нѣтъ. О базиликахъ,

воздвигнутыхъ Константиномъ въ Римѣ, не упомянуто ни словомъ, хотя, судя по дальнѣйшему упоминанью о росписи одной изъ нихъ (27 пр. 3), авторъ сознаетъ связь ихъ съ искусствомъ Византіи.

Особенно не посчастливилось автору въ ипподромѣ: тутъ (25) сряду говорится, будто бы ипподромъ построенъ былъ въ подражаніе Колизею, говорится о «храмѣ Діоскура, статуи которыхъ» etc., и «дельфійскомъ *треножникѣ съ идоломъ Аполлона*». Іерусалимскія постройки Константина описываются вкратцѣ «по неясному описанію Евсевія», изъ котораго авторъ не понялъ, повидимому, что базилика была пятинефная съ двухъэтажными боковыми нефами. Затѣмъ авторъ прямо указываетъ на описаніе Даніила митр. Смирнскаго, извѣстное ему изъ Еллиномнимона Мустоксиди, хотя и оговаривается, что мозаики не были Константиновскія, какъ будто самъ храмъ тогда былъ еще Константиновскій! Интересно приведенное въ примѣчаніи (27 пр. 1) неясное, какъ всегда, указаніе на «нѣкоторую рукопись, издавную Саккеліономъ, гдѣ говорится, что Елена изобразила мозаикой на западной части храма [очевидно Виѳлеемскаго] снаружи Рождество Христово и Богородицу съ Младенцемъ на рукахъ». Это извѣстіе, разсмотрѣнное уже Байе Recherches p. 77, гдѣ указано и точное заглавіе рукописи, не попадалось намъ въ трудахъ историковъ Палестинскихъ святынь.

Глава II «Искусство при Юстиніанѣ въ VI—VII в.» (28—59) начинается ариѳметическою ошибкой: «между смертью Константина (337) и вступленіемъ на престолъ Юстиніана (527) прошло—пишетъ авторъ — сто сорокъ лѣтъ».

Главное мѣсто въ этой главѣ занимаетъ, разумѣется, св. Софія. Въ описаніи зданія (то по Лабарту, то по Пульгеру) авторъ (35) не могъ удержаться, чтобы не внести показанія Византія, которому Фоссати якобы говорилъ, что оконъ въ куполѣ было не 40, а 44, хотя число это, вѣроятно, также порождено восточною фантазіей, какъ показаніе о 999 окнахъ Сулейманіэ, которое самъ же авторъ считаетъ анекдотичнымъ (см. стр. 151).

Внутренность храма описывается по Прокопію и преимущественно Павлу Силенціарію, гекзаметры котораго авторъ называетъ μεγαλοπρεπεῖς (36), но понимаетъ котораго повидимому не вполнѣ ясно. Въ описаніи алтарной преграды (37) авторъ говоритъ, что «на архитравѣ надъ двѣнадцатью серебряными колоннами были рядомъ (κατὰ σειρὰν) двѣнадцать мѣдныхъ дисковъ: на одномъ въ срединѣ былъ бюстъ Христа, на прочихъ—пророковъ, апостоловъ, ангеловъ». Но намъ кажется, что тутъ авторъ не сообразилъ того, что разъ идетъ рѣчь объ изображеніи Христа на среднемъ дискѣ, то очевидно число дисковъ было нечетное. Какое именно—ни въ приводимыхъ авторомъ въ примѣчаніи стихахъ Павла, ни во всемъ описаніи его этой преграды (см. Holtzinger, Die altchristliche Architectur, p. 149. Descriptio S. Sophiae 686 — 719, ed Bonn. p. 34) не сказано, какъ не сказано, что диски были *мѣдные*. Если надъ каждымъ

междустолпіемъ было по одному диску, то ихъ было 11 или 13 (если крайнія колонны соединялись архитравомъ со стѣнами храма), причемъ надъ среднимъ пролетомъ находилось, разумѣется, изображеніе Христа.

Не совсѣмъ вѣрно понялъ авторъ Силенціарія, говоря (стр. 38): «въ другомъ мѣстѣ было изображеніе Богородицы; въ срединѣ иконостаса былъ другой дискъ, на которомъ вырѣзаны были монограммы царицы Ѳеодоры и царя Юстиніана (вмѣстѣ) съ крестомъ». Намъ кажется, что въ стихахъ этихъ (712) рѣчь идетъ о рядѣ плитъ внизу между колоннами преграды, такъ что монограмма повторялась на каждой изъ нихъ. Плитъ этихъ было очевидно восемь, такъ какъ ниже упоминаются 3 двери (или, если края преграды примыкали къ стѣнамъ апсиды, то десять). Подобнаго рода плиты находимы повсюду (см. напр. Holtzinger, p. 151—152). Изображеніе Богородицы находилось, очевидно, также на архитравѣ преграды.

Мозаики св. Софіи разсматриваются авторомъ правильно: большая часть ихъ относится къ позднѣйшимъ временамъ. Изъ прочихъ сооруженій Юстиніана описываются вкратцѣ стоя Халки, церковь Свв. Сергія и Вакха и церковь Свв. Апостоловъ, но послѣдняя почему-то въ настоящемъ времени, какъ-бы она существовала понынѣ, хотя автору и извѣстно (149), что она уничтожена была при построеніи Мехмедіэ.

Утвержденіе, что «искусство при Константинѣ ограничивалось по большей части религіозными сюжетами, именно иконами святыхъ и портретами императоровъ, а при Юстиніанѣ видимъ, что искусство вышло изъ религіознаго цикла и новыми мозаиками вошло на болѣе широкій путь» (35) — утвержденіе это весьма сомнительно, какъ выведенное изъ случайности: описанія мозаикъ Халки и молчанія о росписяхъ Константиновыхъ дворцевъ. Тутъ сказалась узость въ пониманіи авторомъ слова искусство, подъ которымъ онъ разумѣетъ лишь то, о чемъ говорятъ писатели, какъ будто ничего иного, о чемъ они умолчали, не было вовсе. Само собой очевидно, что монументальное искусство при Юстиніанѣ, вопреки утвержденію автора, въ общемъ носило болѣе христіанскій характеръ, чѣмъ при Константинѣ.

Изъ строительной дѣятельности преемниковъ Юстиніана авторъ упоминаетъ дворецъ τὰ Σοφιανὰ Юстина, Καριανὸς ἔμβολος Маврикія и наконецъ картины въ портикахъ Августеона, гдѣ были якобы изображены 7 вселенскихъ соборовъ, изъ коихъ шестой Филиппикъ (712—713) уничтожилъ и замѣнилъ своимъ изображеніемъ: но какъ же могли быть изображены семь соборовъ ранѣе седьмаго? Агаѳона Діакона, на котораго ссылается авторъ (59 пр. 1), мы найти не могли; у Крумбахера онъ не упоминается.

Глава III «Религіозная борьба при иконоборцахъ» (59—69) излагаетъ исторію иконоборства подробнѣе, чѣмъ изложена она у Байе, причемъ авторъ пользуется исторіей Папарригопуло и цитируетъ соборныя постановленія.

Глава IV «Искусство при Өеофилѣ» (69—80), описываетъ построенные имъ дворцы: Триконхъ, Сигму, Тетрасеръ и др. Здѣсь же авторъ собираетъ извѣстія о живописцахъ этой эпохи: о Лазарѣ (75—77) болѣе, чѣмъ сообщалъ Байе; въ число ихъ вносится и Меѳодій Солунскій, хотя легенду о способѣ обращенія имъ Бориса въ христіанство онъ и считаетъ менѣе вѣроятной, чѣмъ разсказъ Симеона Магистра (79).

Глава V «Искусство при Македонской династіи въ IX и X в.» *(81—104)* особенно интересна многочисленными описаніями, но описаніе дворца Кенургія по Константину Багрянородному [1]) приведено еще съ большими сокращеніями, чѣмъ у Байе, а остальныя описанія построекъ Василія опущены.

Упомянувъ объ Андреѣ живописцѣ, о которомъ хронографы говорятъ, что онъ соперничалъ съ Апелломъ и Агаѳархомъ, авторъ рѣшается утверждать, что при Константинѣ Багрянородномъ «живопись поднялась до степени совершенства», какъ будто подобнаго рода риторическая похвала можетъ что либо значить (94). Особый отдѣлъ этой главы (VI стр. 97—104) посвященъ Константинопольскимъ дворцамъ, которые авторъ описываетъ вкратцѣ по Паспати и Лабарту.

Глава VI «Искусство при Комнинахъ въ XII вѣкѣ» (104—115). Намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ вѣрно понялъ I. Киннама, когда тотъ упоминаетъ τινὰς Ἑλληνίους παλαιοτέρας πράξεις (p. 266 ed. Bonn.) на стѣнахъ жилищъ вельможъ: авторъ называетъ ихъ (стр. 108) ὑποθέσεις λαμβανομέναι ἐκ τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας. Намъ кажутся мало вѣроятными какія либо картины изъ древне-греческой исторіи, которыя едва-ли бы оказались достаточно понятными для зрителей, и представляется болѣе вѣроятнымъ разумѣть тутъ сцены изъ эллинской (=языческой) миѳологіи. Если наше пониманіе вѣрно, то авторъ могъ воспользоваться и этимъ упоминаніемъ, чтобы ослабить слишкомъ рѣшительныя утвержденія свои объ исключительно христіанскомъ содержаніи византійскаго искусства [2]). Авторъ могъ бы найти многочисленныя описанія картинъ миѳологическаго содержанія у риторовъ и долженъ бы привести находящееся у Байе описаніе росписи дома Дигениса (р. изд. стр. 141). Поэтому напрасно авторъ говоритъ (109) οὐδὲν μαρτύριον βέβαιον διεσώθη τῶν τοιούτων γραφῶν.

Нельзя согласиться съ выводомъ автора (113) изъ описанія Хоніата (pp. 431—434 ed. Bonn.) картинъ изъ жизни Андроника Комнина: «изъ картинъ этихъ кажется, что при Андроникѣ явилась школа, бравшая сюжеты картинъ изъ сценъ обыденной жизни; отсюда нѣкоторые объявили, что искусство упало съ высоты, куда взошло оно при Юстиніанѣ и македонской династіи, когда являлись большія религіозныя картины и изображались битвы и трофеи великихъ императоровъ». «Мы думаемъ—

1) См. Theophanus Continuatus p. 331 ed. Bonn.

2) Ср. выше указанную статью автора, гдѣ также онъ не говоритъ объ изображеніяхъ миѳологическаго содержанія.

протестуетъ авторъ — что искусство не ограничивается однимъ видомъ, однимъ рядомъ темъ, выходя изъ котораго оно падало бы». Въ доказательство авторъ приводитъ выдержку изъ Cherbouliez (R. d. d. M. 1891), гдѣ говорится, что и безобразное можетъ быть изображено художественно. Но намъ кажется, что авторъ совсѣмъ напрасно пустился въ эстетическія разсужденія, такъ какъ очевидно нельзя говорить ни о какомъ реалистическомъ якобы направленіи школы: вѣдь сюжеты для росписи покоевъ для временнаго пребыванія императора при храмѣ Сорока Мучениковъ назначилъ очевидно императоръ, а не художники выбирали ихъ по своему вкусу. Для насъ эти изображенія скачекъ и охотъ (между прочимъ на зубра въ Россіи) въ императорскомъ покоѣ при церкви интересны только какъ аналогія къ росписямъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Новаго же сюжеты эти ничего не представляли, вѣдь самъ же авторъ упомянулъ ранѣе (стр. 58) о картинахъ изъ жизни Маврикія до вступленія на престолъ.

Авторъ называетъ (стр. 112) Маріей царицу, портреты которой Андроникъ приказалъ писать въ комическомъ видѣ, не объяснивъ, почему Хоніатъ (ibidem p. 432, 22) именуетъ ее Ксеной (монашеское имя).

Преемникомъ Андроника авторъ называетъ Исаака *Комнина*, вмѣсто Ангела (114). Изъ разсказа Никиты Хоніата о перенесеніи Исаакомъ для украшенія храма Архангела Михаила въ Анаплѣ отовсюду древнихъ изображеній его мозаичныхъ и иныхъ, авторъ дѣлаетъ заключеніе, — «что и тогда древнія произведенія цѣнились болѣе нежели новыя» (114); это кажется намъ не совсѣмъ вѣрнымъ, такъ какъ перенесеніе этихъ образовъ объясняется, вѣроятно, не столько любовью къ древностямъ, какъ желаніемъ собрать какъ можно болѣе чтимыхъ и знаменитыхъ иконъ архангела, а можетъ быть и экономическими разсчетами: не дѣлать новыхъ. Если читать самый разсказъ у Хоніата (p. 581 ed. Bonn.), точно авторомъ по обыкновенію не указанный, то выяснится, что именно мотивъ уваженія къ древности стоялъ для императора на второмъ планѣ.

Глава VII «Искусство послѣ латинскаго взятія въ XIII—XIV вв.» (115—147) начинается историческими разсужденіями о паденіи имперіи (pp. 115—116), затѣмъ подробно описывается разграбленіе Константинополя (117—119) по Хоніату.

Въ этой главѣ авторъ удѣляетъ большее вниманіе самимъ памятникамъ, чѣмъ въ прочихъ главахъ, и пытается даже изъ сличенія памятниковъ дѣлать историческіе выводы. V-ый отдѣлъ (122—128) посвященъ мечети Кахріе-Джами (которую авторъ называетъ Χαριτζὲ Τζαμισσί [1]); — мозаики и росписи ея особенно нравятся видимо автору: онъ приложилъ

1) Изъ историческихъ извѣстій о ней автору извѣстно лишь обновленіе Өеодоромъ Метохитомъ, — иныя указанія см. въ Трудахъ VI Археологическаго съѣзда, III, стр. 178.

къ описанію 5 рисунковъ, собственнаго повидимому исполненія (рис. 8—12, см. еще рис. 20 рельефное изображеніе ангела оттуда же), но исполненныхъ не съ натуры, а съ рисунковъ Пульгера. Авторъ прямо обнаруживаетъ незнакомство свое съ памятникомъ словами: «разсматривая прекрасную живопись храма, какъ нарисовалъ ихъ Пульгеръ, можно прійти къ мысли, что съ этихъ росписей начинается возрожденіе живописи» (126): автору, повидимому, и въ голову не приходитъ усомниться въ вѣрности передачи стиля на рисункахъ Пульгера, которые именно въ этомъ отношеніи совершенно безполезны, и какъ видно по заключенію, сдѣланному на основаніи ихъ Мавроянни, вредны.

VI-ой отдѣлъ посвященъ Аѳону: «Къ возрожденію искусства при Андроникѣ Палеологѣ слѣдуетъ отнести — говоритъ авторъ на стр. 129 — и тѣ росписи на Св. Горѣ, которыя приписываютъ Панселину», а именно Ватопеда, Протата и Лавры. О самомъ Панселинѣ авторъ судитъ правильно (132): самое существованіе Эммануила Панселина, упоминаемаго и прославляемаго однимъ лишь якобы ученикомъ его Діонисіемъ Фурнаграфіотомъ, заподозрѣно нѣкоторыми; авторъ не желаетъ вмѣшиваться въ споръ и ограничивается скептическимъ замѣчаніемъ, что имя Панселинъ не имѣетъ подобія себѣ въ Греціи, — и отмѣчаетъ, что ни на одной изъ приписываемыхъ ему росписей нѣтъ имени Панселина. «Итакъ, — продолжаетъ онъ (132) — оставивъ въ сторонѣ разысканія эти (о личности Панселина), мы полагаемъ болѣе важнымъ изслѣдованіе приписываемыхъ Панселину произведеній, насколько имѣютъ они связь съ прочими византійскими, что по нашему гораздо важнѣе (τὸ σπουδαιότερον) для исторіи византійскаго искусства». Такимъ образомъ здѣсь авторъ, едва ли не впервые во всей книгѣ, обращается къ языку самихъ памятниковъ.

Изъ сравненія мозаикъ и фресокъ Кахріе-Джами съ аѳонскими (якобы панселиновскими, т. е. древнѣйшими) слѣдуетъ, что «произведенія аѳонскихъ монастырей подобны и по достоинству и по стилю открытымъ въ послѣднее время (послѣ книги Пульгера? но вѣдь авторъ ихъ не знаетъ) въ монастырѣ τῆς Χώρας. Итакъ мы, думаемъ, не ошибемся, если допустимъ, что на Аѳонѣ росписи, приписываемыя Панселину, принадлежатъ той же школѣ, какъ и живописи храма τῆς Χώρας и слѣдовательно, что онѣ современны имъ или лишь не много позднѣе» (133). Въ подтвержденіе этого вывода авторъ, вѣрный филологическому методу, приводитъ разсказъ (изъ воспоминаній Кантакузина) о заключеніи одного аѳонскаго монаха въ Μονὴ τῆς Χώρας, «чѣмъ подтверждается наша догадка, и, вѣроятно, аѳонскіе живописцы учились, можетъ быть, у художниковъ Μονῆς τῆς Χώρας и по крайней мѣрѣ брали ихъ за образецъ и подражали ихъ стилю» (134). «Правда, вліяніе это не подтверждается никакимъ историческимъ свидѣтельствомъ, но и иные подобные вопросы, относящіеся къ искусству и литературѣ, хотя бы и не было историческихъ свидѣтельствъ, разрѣшаются однако почти съ несомнѣнностью сравненіемъ

и сопоставленiемъ различныхъ сохранившихся произведенiй» (134). Все это въ теоретической части вѣрно, но выводъ о тѣснѣйшей связи между живописцами Кахрiе-Джами и Аѳона въ XIV в. принятъ быть не можетъ, по крайней мѣрѣ на основанiяхъ, приводимыхъ авторомъ. Два рисунка: Ѳеодоръ Тиронъ (рис. 13) и Богоматерь изъ Благовѣщенья (рис. 14), исполненныхъ Σ. Χατζιγιαννοπούλου, особаго сходства съ фигурами Кахрiе-Джами вовсе не имѣютъ и обѣ относятся къ болѣе позднему времени, XVI—XVII вѣку, что особенно ясно по изображенiю Ѳеодора.

Авторъ слишкомъ мало знакомъ, повидимому, съ памятниками Аѳона, иначе онъ указалъ бы, гдѣ именно въ Лаврѣ находятся изданныя имъ фигуры. Источниками свѣдѣнiй автора объ Аѳонѣ служили Papety (1847) и аббатъ Neyrat (1880); изъ перваго авторъ приводитъ мнѣнiе, что «произведенiя, приписываемыя Панселину, относятся къ первымъ временамъ христiанства (!), а нѣкоторыя изъ росписей Лавры ко временамъ Палеологовъ и Комниновъ» (135). Но гораздо полезнѣе былъ бы автору отчетъ Байе и Дюшеня (Archives des Missions 1876 pp. 496—513), который относитъ росписи собора Лавры къ XVI вѣку. Объ аѳонскихъ мозаикахъ, которыя дѣйствительно близки, вѣроятно, по времени къ Кахрiе-Джами, авторъ не упоминаетъ вовсе, хотя о нихъ вкратцѣ упоминаетъ Байе въ своей книгѣ и указываетъ тамъ (стр. 243 р. изд.) на свой отчетъ.

Авторъ находитъ также сходство между росписями Μονῆς τῆς Χώρας и «панселиновскимъ» якобы изображенiемъ Младенца Христа, такъ называемымъ «недреманное око», изданнымъ С. Ламбросомъ въ Παρνασσός въ 1881 году (стр. 445—452, табл. 4). Но такъ какъ этого сюжета въ Кахрiе-Джами нѣтъ, и такъ какъ онъ вообще является лишь на памятникахъ довольно позднихъ [1]), то и это указанiе гипотезы автора о тѣснѣйшей связи между Μονὴ τῆς Χώρας и Аѳономъ подтверждать не можетъ.

О памятникахъ Трапезунда авторъ говоритъ по Тексье. Не слѣдовало бы говорить будто бы изображенiе Алексiя III Комнина надъ дверью Св. Софiи εἶνε ὁμοία καθ'ἅπαντα αὐτῆς τὰ μέρη мозаикѣ св. Виталiя, гдѣ изображенъ Юстинiанъ (139)! Заключается глава общими разсужденiями о роли Византiи въ исторiи (144—147), при чемъ авторъ увѣряетъ, что «только стихи Павла Силенцiарiя, эпиграммы Агаѳiя и сатира о ложныхъ реликвiяхъ есть истинная поэзiя, въ которой цвѣтетъ еще древняя прелесть и изящество»—ἐπανθεῖ ἀρχαϊκὴ χάρις καὶ ἐμμέλεια (147): казалось бы, что истинную поэзiю византiйскую надо искать скорѣе въ религiозныхъ гимнахъ, чѣмъ въ сатирѣ на мошенничества монаховъ или въ искусственно затемненныхъ описанiяхъ Силенцiарiя.

Глава VIII «Искусство послѣ Турецкаго завоеванiя» (147—164) въ началѣ сообщаетъ анекдотическiя, по большей части, свѣдѣнiя о греческихъ мастерахъ, строившихъ константинопольскiя мечети, по Histoire de l'Empire Ottoman Кантемира, котораго авторъ упрекаетъ (стр. 151, пр. 1)

1) См. гр. А. Уварова, Недреманное Око. «Древности» I, стр. 125 сл. съ рисункомъ этого самого изображенiя надъ дверями церкви Протата.

въ путаницѣ именъ и фактовъ. Отдѣлъ IV-ый о положеніи греческихъ церквей подъ турецкимъ игомъ, и о законахъ о починкѣ ихъ, носитъ такой же анекдотическій характеръ. За то V-ый отдѣлъ (154—164), удостоившійся одобренія и строгаго нѣмецкаго критика, трактуетъ о наиболѣе знакомой, повидимому, автору области: о вліяніи итальянскаго искусства на греческое, преимущественно на іоническія острова и Критъ. Говоря о грекахъ-живописцахъ, какъ Доксарады, Анникъ, Тицаманъ, Кутузи и Кандуни, авторъ справедливо возражаетъ тѣмъ, которые именуютъ этихъ живописцевъ итало-византійскими, такъ какъ въ произведеніяхъ ихъ ничего византійскаго нѣтъ, хотя это утвержденіе должно быть нѣсколько ограничено, ибо авторъ самъ на стр. 163 приводитъ извѣстіе о нѣкоемъ Эммануилѣ (около 1600 года), который сообразовался со вкусами къ древнему характеру иконъ, т. е. къ византійской композиціи и отчасти стилю. Та же зависимость отъ искусства византійскаго ясна и въ Успеніи Ефрема Сирина — работы Цанфурнари. Слѣдовало бы различить живописцевъ, всецѣло пошедшихъ по путямъ, указаннымъ итальянской живописью, и сохранившихъ византійскія композиціи и отчасти стиль, но этого авторъ съ достаточной ясностью не сдѣлалъ.

О Доксарадахъ авторъ только упоминаетъ, такъ что книга Байе говоритъ о нихъ болѣе; не упоминаетъ авторъ и о сочиненіи о живописи Панаіота Доксары, изданномъ въ 1871 году Спир. Ламбросомъ (Байе 266 русск. изд.). Авторъ писалъ гдѣ-то о живописцахъ итальянскаго направленія ранѣе и теперь въ примѣчаніи на стр. 155 исправляетъ прежнее свое мнѣніе, что улучшенный византійскій стиль и есть такъ называемый «критскій», упоминаемый Діонисіемъ Фурнаграфіотомъ (по аѳинскому изданію 1853 года I стр. 63), но гдѣ писалъ объ этомъ авторъ — онъ точно не указываетъ: ἐν ἑτέρᾳ περὶ τέχνης πραγματείᾳ (!). Теперь авторъ отличіе критскаго стиля видитъ въ особенномъ слабомъ освѣщеніи лицъ, при которомъ освѣщены лишь выдающіяся части, а источникомъ для сужденія объ этомъ критскомъ стилѣ считаетъ картины Андрея Рика.

Еще досаднѣе эта обычная неточность автора въ библіографическихъ указаніяхъ тамъ, гдѣ онъ исправляетъ Байе, который относилъ (русск. изд. 233) извѣстную картину, вѣрнѣе икону «Преставленіе св. Ефрема Сирина», находящуюся въ Ватиканской библіотекѣ и считавшуюся ранѣе (Боттари) за произведеніе древнѣйшее X-го вѣка, къ XIV—XVI вѣкамъ. Мавроянни (161) указываетъ на какую то итальянскую книжку живущаго въ Венеціи грека Велудія, который доказалъ, что написавшій эту икону Цанфурнари жилъ въ XVII вѣкѣ, и указалъ еще на двѣ иконы съ подписью его, находящіяся въ Венеціи.

Перечисленіе ряда греческихъ живописцевъ іоническихъ острововъ, стоявшихъ подъ вліяніемъ итальянской живописи, и произведеній ихъ, очевидно лично видѣнныхъ авторомъ на островахъ этихъ, сопровождается его собственными рисунками съ трехъ картинъ: Богородицы съ Младенцемъ Стефана Цанкарола (рис. 15), Бѣгства въ Египетъ его же (рис. 16)

и Тайной Вечери Панаіота Парамиѳіота 1724 года (рис. 17); эти рисунки повидимому не очень хорошо передаютъ стиль, но даютъ вполнѣ достаточное представленіе о зависимости этихъ живописцевъ отъ живописи итальянской.

Такимъ образомъ историческій очеркъ доведенъ авторомъ до XVIII в.; если и можно упрекать автора за слишкомъ большое предпочтеніе историческимъ свидѣтельствамъ передъ самими памятниками, то съ другой стороны не видавъ и не изучавъ памятниковъ самостоятельно, авторъ могъ бы прійти къ большимъ ошибкамъ и смѣлымъ гипотезамъ, если бы онъ сталъ говорить о стилѣ памятниковъ и взаимныхъ отношеніяхъ ихъ по тѣмъ невѣрнымъ и неточнымъ рисункамъ, которые предлагали ему Тексье и Пульгеръ. Примѣръ опасности такихъ выводовъ и построеній видѣли мы выше при попыткѣ связать «Панселиновскія» росписи съ Μονὴ τῆς Χώρας.

Вторая часть начинается заставкой (стр. 165) изъ Евангелія XI в. аѳинской національной библіотеки [1]). Начало ея:

Глава IX «Византійскія церкви, сохранившіяся внѣ Константинополя» (стр. 167—184). Книга выиграла бы, если бы эта глава разбита была на отдѣльныя части и онѣ введены были въ общій историческій очеркъ, такъ какъ въ настоящемъ своемъ видѣ эта глава, лишенная всякой внутренней связи, является совершенно лишней, ибо она далеко не описываетъ всѣхъ важнѣйшихъ церквей внѣ Константинополя, а описаніе безъ всякихъ выводовъ для цѣли книги излишне. Глава эта написана по чужимъ трудамъ, и авторъ нигдѣ не проявляетъ самостоятельности. О церквахъ Солунскихъ авторъ пишетъ по Тексье, которому возражаетъ на утвержденіе, что мозаики Св. Софіи Солунской — лучшія изъ всѣхъ мозаикъ Востока; авторъ находитъ, что лучше мозаики Кахріе-Джами, неизвѣстныя Тексье (171 пр. 1), но не говоритъ, каковы основанія для его сужденія: если мозаики св. Софіи Солунской знаетъ онъ по безобразному рисунку Тексье, а Кахріе-Джами по прикрашеннымъ рисункамъ Пульгера, то, разумѣется, оцѣнка его лишена всякихъ основаній. Изъ всѣхъ прочихъ церквей Турціи авторъ удостоилъ упоминанія лишь церковь Успенія въ Никеѣ съ ея мозаиками (по Тексье), да церковь Благовѣщенья въ Артѣ (XIII в.), по Swart Hughes'y (1812) и Пуквилю, которому авторъ справедливо возражаетъ, что на полу не могло быть изображеній изъ Св. Исторіи, ὅπερ θὰ ἦτο ἀσέβεια, и указываетъ на описанія половъ, приведенныя въ исторической части (174). Затѣмъ авторъ переходитъ къ церквамъ Греціи, сочиненіе о которыхъ Couchaud (см. выше) осталось ему видимо неизвѣстнымъ, хотя онъ несомнѣнно видѣлъ ссылки на него и у Байе и у Ламбаки. Описываются церкви Дафни (по Ламбаки), Καισαριανή на Гиметтѣ и Φανερωμένη на Саламинѣ въ Аѳинахъ церкви св. Апостоловъ, Никодима и Елевѳерія

1) По каталогу Сакkеліона № 57.

(старая митрополія), слѣдуетъ выписка изъ Зисія (К. Ζησίου Σύμμικτα. Аѳины 1892) о церквахъ въ Мистрà (близъ Спарты), описаніе церкви св. Луки въ Фокидѣ (по Κρέμου Φωκικά), и наконецъ церковь Успенія въ Никеѣ.

Всѣ эти описанія весьма кратки и ничего для читателя не даютъ; можно еще одобрить описаніе аттическихъ церквей, какъ близкихъ и доступныхъ для большинства читателей. Но почему тогда авторъ не упомянулъ о скульптурныхъ украшеніяхъ монастыря τοῦ Κυνηγοῦ τῶν Φιλοσόφων, перевезенныхъ въ центральный музей и описанныхъ Стржиговскимъ *на греческомъ языкѣ* въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἀρχαιολογικῆς ἑταιρίας III стр. 117—128 и табл. I—III? Не мѣшало бы упомянуть и статью Ламбаки о росписяхъ Кесаріаны (Παρνασσός 1881 стр. 645 сл.) и назвать имя Георгія Марка изъ Аргоса, расписавшаго въ XVIII в. храмъ Φανερωμένης на Саламинѣ (см. Σπ. Λάμπρου, Π. Δοξαρᾶ περὶ ζωγραφίας стр. ζ′ и λε′). Единственное замѣчаніе автора, основанное на собственномъ наблюденіи, это — что послѣ работъ 1893 г. по очищенію и возстановленію мозаикъ Дафни лице Пантократора въ куполѣ получило болѣе мягкое выраженіе (178).

Глава X «Произведенія скульптуры» (184—199) въ первой части представляетъ довольно интересное, хотя и далеко не полное, самостоятельное собраніе литературныхъ извѣстій о статуяхъ и иныхъ произведеніяхъ скульптуры (ἀνεμοδούλιον), которыя дополняются указаніемъ найденнаго πρό τινων ἐτῶν базиса статуи Евдоксіи, латинская и греческая надпись котораго и приводится (186); но вторая половина о сохранившихся памятникахъ вся основана на Байе, авторъ добавилъ лишь рисунки ангела изъ Кахріе-Джами (рис. 20) и капители съ изображеніями многоочитыхъ Херувимовъ (рис. 21), взятые изъ Пульгера. Заканчивается глава обозрѣніемъ (всецѣло по Байе) издѣлій, рѣзанныхъ изъ кости, почему то «съ VIII до XIII вв.» (стр. 195); авторъ добавилъ лишь указаніе на статью въ Magasin pittoresque 1891 года о триптихѣ, купленномъ Лувромъ. О рѣзьбѣ изъ дерева, процвѣтавшей въ аѳонскихъ монастыряхъ, авторъ не упоминаетъ вовсе, хотя о ней Байе говоритъ. Неизвѣстна осталась автору также и другая греческая статья Стржиговскаго (Δελτίον etc. II стр. 710—728 табл. 8), гдѣ изданъ бюстъ Богородицы, относимый авторомъ ко временамъ до иконоборства. Упоминая по Байе рельефныя изображенія въ Италіи и на Аѳонѣ, авторъ ни словомъ не упомянулъ о хранящихся въ аѳинскомъ центральномъ музеѣ.

Глава XI «Миніатюры и другіе рисунки» (200—227) основана на Байе. Самъ авторъ даетъ описаніе (209—214) и рисунки (рис. на стр. 165 и рис. 25, 26, 27) орнаментовъ (одной рамки) и Евангелистовъ изъ двухъ Евангелій аѳинской національной библіотеки X[1]) и XI[2]) вѣка. Въ описаніи авторъ слишкомъ увлекается, говоря, что изобра-

1) По каталогу Саккеліона № 56.

2) Тамъ же № 57.

женіе Матѳея X в. (рис. 26) «можно бы принять за произведеніе ренессанса, если бы способъ изображенія свѣта и тѣни не выдавалъ византійскаго происхожденія его» (211). Этотъ особый византійскій способъ состоитъ, по мнѣнію автора, въ «тонкихъ свѣтлыхъ штрихахъ (γραμμαί) и произошелъ изъ изученія и наблюденій надъ рельефными изображеніями изъ мрамора, въ которыхъ твердость и блескъ камня представляютъ точно такое освѣщеніе», но гипотеза эта никакъ не можетъ быть принята, такъ какъ оживка свѣтлыми красками (у византійцевъ часто и золотомъ) вещь весьма обыкновенная и употреблялась для облегченія работы всегда: и въ древности (портреты изъ Фаіума), и нынѣ (при работѣ гвашью). Рисунки исполнены самимъ авторомъ и воспроизведены цинкографически, хотя лучше бы воспроизвести ихъ не по рисункамъ, а по фотографіямъ съ оригиналовъ. Въ отдѣлѣ, трактующемъ объ иконахъ, интересно подробное описаніе, составленное Алкивіадомъ Саккеліономъ, диптиха ризницы Патмосскаго монастыря (стр. 222—226), хотя и не сказано, чѣмъ именно доказывается утверждаемая принадлежность его современнику Алексія Комнина: рядъ изображеній (19) представляетъ праздники и нѣкоторыя чудеса Іисуса Христа; въ сценѣ крещенія—олицетвореніе Іордана старцемъ и моря фигурой съ трезубцемъ на морскомъ драконѣ (скорѣе Нереида, чѣмъ Посидонъ, какъ называетъ ее описатель). Самъ авторъ описываетъ (226—227) икону Παναγίας τῆς Χρυσοπηγῆς въ Закинѳѣ, на окладѣ которой надпись гласитъ: Καυχᾶται ἡ πόλις Ζακύνθου σχοῦσα Χρυσοπηγῆς τε τοιάδ' εἰκόνα ὀκτακοσίῳ τετράκις δέκα ἔτει γραφεῖσα μετὰ Χριστοῦ γε»; сама икона, по словамъ автора, древняя и хорошая и, можетъ быть, лучшаго византійскаго времени.

Глава XII «Византійскіе портреты и каррикатуры» (228—238) начинается извѣстнымъ разсказомъ Плинія о происхожденіи портрета — о дочери Бутада коринѳянина, хотя гораздо полезнѣе было бы вмѣсто того, чтобы забираться въ античныя сказки, обратиться къ фаіумскимъ портретамъ, образцы коихъ авторъ могъ видѣть въ аѳинскомъ центральномъ музеѣ. Рядъ собираемыхъ авторомъ по обычаю историческихъ свидѣтельствъ начинается портретомъ Іоанна Богослова для Ликомеда (по апокрифическимъ дѣяніямъ Іоанна), а кончается пятью стихотвореніями анѳологіи: Силенціарія (2), Агаѳія (1) и Леонтія Схоластика (2), изъ коихъ интересно лишь послѣднее, гдѣ (234) описывается архангелъ дающій знаки магистра и проконсула Ѳеодору Иллюстрію. Эпиграмма эта (Anthologia Palatina I, 36) принадлежитъ однако не Леонтію Схоластику, а Агаѳію Схоластику; по припискѣ на поляхъ рукописи изображеніе это находилось въ Эфесѣ въ нарѳикѣ церкви Іоанна Богослова.

Въ отдѣлѣ «каррикатуръ» авторъ описываетъ изображенія Хлудовской псалтири, направленныя противъ иконоборцевъ (Льва Армянина) и сребролюбивыхъ епископовъ, и даетъ два рисунка 29 и 30 на φιλαργυρία

(по статьѣ въ Magasin Pittoresque 1891 года: La carricature politique et réligieuse pendant le moyen âge). Къ каррикатурѣ же относитъ онъ и наставленія Ерминіи Діонисія Фурнаграфіота писать демоновъ при изображеніяхъ еретиковъ на вселенскихъ соборахъ, что намъ кажется не правильно, такъ какъ едва ли изображенія демоновъ можно считать во всѣхъ данныхъ случаяхъ каррикатурой, тѣмъ менѣе γελοιογραφία: вѣдь такъ къ «каррикатурамъ» отнесетъ авторъ пожалуй и Страшный Судъ! Каррикатурами можно называть только упоминаемыя авторомъ искаженія портретовъ Ксены (иначе Маріи) Андроникомъ Комниномъ, да настоящую каррикатуру, выставленную на Андроника Палеолога: патріархъ, ведущій царя подъ уздцы, и описанную Григорой.

Глава XIII «Расписныя ткани и другія металлическія издѣлія» [1]) (239—246).

Чрезмѣрная любовь къ античной древности и эту главу начала Пенелопою и Еленою, хотя опять слѣдовало бы обратиться къ кладбищамъ Нижняго Египта, доставляющимъ на ряду съ портретами современныя имъ ткани отъ первыхъ вѣковъ по Р. Х. до конца византійскаго владычества въ Египтѣ. Собравъ нѣсколько литературныхъ свидѣтельствъ, авторъ не повторилъ тутъ извѣстія о фабрикахъ шелковыхъ тканей въ Ѳивахъ въ XI вѣкѣ (см. у него-же стр. 110 и 255), къ которому слѣдуетъ добавить еще упоминаніе о нихъ же у Веніамина Тудельскаго. Изъ сохранившихся византійскихъ тканей упоминается лишь ватиканская далматика по Байе, но о Бамбергской ткани, рисунокъ (№ 73) который также даетъ Байе, авторъ, не смотря на большій интересъ его къ сюжетамъ свѣтскимъ, нежели религіознымъ, почему-то не помянулъ. О металлическихъ издѣліяхъ авторъ говоритъ слишкомъ кратко (по Байе) (243—246). Объ эмаляхъ онъ дѣлаетъ особое примѣчаніе (1 на стр. 246), въ которомъ сообщаетъ, что въ музеѣ Археологическаго Общества въ Аѳинахъ хранится перегородчатая эмаль (χειμευτὸν περίκλειστον) съ изображеніемъ Бѣгства въ Египетъ; «такъ какъ — продолжаетъ онъ — изготовленіе такихъ вещей прекратилось въ началѣ XIII в. вслѣдствіе трудности ихъ выдѣлки, то мы предполагаемъ, что и эта эмаль, которая однако исполнена на стальной (χαλυβδίνης) пластинкѣ, можетъ быть произведеніемъ XII-го вѣка». Не видавъ и не слыхавъ о византійскихъ эмаляхъ на стали, — равно какъ и на серебрѣ, о каковыхъ говоритъ однако авторъ, — мы постарались посмотрѣть пластинку эту (по каталогу собранія Археологическаго Общества Χαλ. 522) и нашли, что это ничто иное, какъ новѣйшее подражаніе *лиможской* эмали на красной *мѣди*.

Глава XIV «Вліяніе византійскаго искусства» (247—272) также ничего оригинальнаго не представляетъ. О византійскомъ вліяніи въ Италіи авторъ говоритъ преимущественно по Lanzi, Storia della pittura in Italia.

1) Развѣ матеріи украшались исключительно вышивками золотомъ и серебромъ? Гораздо дешевле, а потому и распространеннѣе рисунки, тканые изъ разноцвѣтныхъ нитей.

Тутъ авторъ проявляетъ удивительную безпристрастность: разбирая вопросъ, былъ ли Бускетъ грекъ или нѣтъ, онъ рѣшается сказать такую фразу: «подобнаго рода споры между народами о происхожденіи возникаютъ весьма часто, какъ будто всякій геній не есть общая слава и общее достояніе всего человѣчества» (249). Однако, все же оказывается въ концѣ концовъ, что мнѣніе о *греческомъ* происхожденіи Бускета — «вѣроятнѣе». Мозаики, исполненныя въ Италіи византійскими мастерами, извѣстны автору весьма мало.

Говоря о вліяніи Византіи на Францію и Германію, авторъ всецѣло слѣдуетъ Байе, кромѣ чисто исторической части.

Вліянію Византіи на Россію хотя и удѣлено много мѣста (261 — 267), но сказано мало: сущность — изъ Байе. Авторъ для чего то подробно излагаетъ исторію крещенія Руси по Рамбо. Изъ набѣговъ на Царьградъ упоминаетъ лишь походъ Игоря, умалчивая объ Олегѣ. Объ изображеніи Тайной Вечери на мозаикѣ Св. Софіи въ Кіевѣ, извѣстномъ автору по изображенію у Шлюмбергера (265), онъ отзывается какъ о περίεργος καὶ μοναδική (по поводу двойнаго изображенія Христа), хотя Байе такого мнѣнія о «единичности» этой композиціи не высказываетъ и примѣры композиціи такой встрѣчаются и въ предѣлахъ византійской имперіи. Гробница Ярослава оказалась въ Новгородской Св. Софіи (265). На первыхъ русскихъ монетахъ встрѣчается съ одной стороны имя князя по славянски, а съ другой будто бы по гречески: впрочемъ, судя по ссылкамъ, и въ томъ и въ другомъ виновенъ, кажется, Рамбо. О дальнѣйшемъ ходѣ русскаго искусства говорится по Байе.

Объ Арменіи находимъ лишь нѣсколько строкъ (267), — о важнѣйшемъ же монументальномъ памятникѣ византійскаго искусства въ Закавказьѣ — мозаикѣ Гелатскаго монастыря — не упоминаетъ и самъ Байе. Византійскія вліянія на арабовъ излагаются по Байе.

Въ заключительномъ отдѣлѣ (IX) этой главы и всей книги (269 — 272) авторъ объясняетъ, что «трудъ его не вышелъ подробнѣе и совершеннѣе по недостатку средствъ и инымъ причинамъ, независящимъ отъ автора» (270), а далѣе жалуется на пренебреженіе къ византійскому искусству и незначительность греческой литературы, но какъ видѣли мы выше и въ этой бѣдной литературѣ автору остались неизвѣстными нѣкоторыя важныя для темы его статьи. Какъ водится, исторія кончается разсужденіями о будущемъ. «Византійская живопись окончила свой путь. Желающіе, чтобы религіозное искусство оставалось у насъ всегда прикованнымъ къ византійскому стилю, желаютъ противнаго законамъ природы». Улучшенія должны проникнуть и въ церковную живопись. «Послѣ возрожденія Эллады первый Тиршъ (Θείρσιος) ввелъ эту реформу въ исполненныя имъ росписи русской церкви въ Аѳинахъ; за нимъ послѣдовали и многіе ученики аѳинской Политехнической Школы и со временемъ, надѣемся, и церковное наше искусство займетъ подобающее ему мѣсто. Но слѣдуетъ сказать, что предразсудки и необразованность боль-

шинства мѣшаютъ возрожденію церковнаго нашего искусства» (271). Поэтому де наиболѣе успѣвающіе обращаются исключительно къ живописи свѣтской.

Вопросъ этотъ о будущемъ церковной живописи, поднимаемый авторомъ въ концѣ его книги, — весьма сложенъ; намъ кажется только, что если онъ возлагаетъ упованія на послѣдователей Тирша, то едва ли дождется особыхъ успѣховъ, такъ какъ росписи русской церкви на нашъ взглядъ слишкомъ сильно подражаютъ живописи итальянской и потому нерѣдко чрезмѣрное желаніе оживить фигуру нарушаетъ основныя требованія симметріи и композиціи и лишаетъ фигуру величія и спокойствія, необходимыхъ въ живописи монументальной, каковою должны быть церковныя росписи. Самый конецъ книги представляетъ, конечно, панегирикъ эллинамъ: «многіе молодые эллины, обучившись въ аѳинской школѣ и перебравшись затѣмъ для усовершенствованія въ Западную Европу, проявили себя отличными въ искусствѣ и работы ихъ показываютъ, что греческій талантъ не замерзъ (δὲν ἀπεκρυσταλλώθη) подъ морознымъ вѣтромъ долгаго рабства. Весна начинается ясная, надѣемся, что вскорѣ будетъ и обильный урожай» (272). «Τὸ ἔαρ ἀνχφαίνεται φαιδρόν, ἐλπίσωμεν ὅτι καὶ ὁ ἀμητὸς ἔσεται μετ' ὀλίγον ἄφθονος». Поживемъ — увидимъ.

Изъ тридцати рисунковъ, украшающихъ книгу, — 11 заимствованы изъ книги Байе, 7 нарисованы по Пульгеру, два взяты изъ Magasin pittoresque, одинъ у Ламбаки, а девять оригинальны и изображаютъ неизданныя еще произведенія живописи византійской и греческихъ живописцевъ съ Іоническихъ острововъ, писавшихъ по итальянскимъ образцамъ. Въ этихъ семи рисункахъ, двухъ-трехъ вышеупомянутыхъ описаніяхъ неизвѣстныхъ доселѣ памятниковъ византійской живописи и заключается въ сущности все то, что новаго удалось прибавить автору къ написанному его предшественниками. Конечно, трудно требовать много новаго отъ краткаго популярнаго обозрѣнія, но все же авторъ видимо подъялъ на себя непосильную задачу и потому нерѣдко при чтеніи его постоянныхъ выдержекъ изъ Байе приходитъ въ голову вопросъ, отчего авторъ не ограничился просто переводомъ книги Байе, изъ которой благодаря ея многочисленнымъ рисункамъ читатели вынесли бы большее и лучшее понятіе о византійскомъ искусствѣ, чѣмъ изъ чтенія предлагаемыхъ имъ краткихъ описаній произведеній искусства по хронографамъ. Мы не знаемъ, почему авторъ и лица способствовавшія изданію его книги, предпочли издать оригинальное сочиненіе, написанное болѣе любителемъ искусства, чѣмъ знатокомъ его, изданію перевода книги французскаго ученаго, но во всякомъ случаѣ полагаемъ, что нѣмецкій критикъ не правъ, относя и эту книгу къ произведеніямъ книгопродавческой спекуляціи; такъ намъ кажется наоборотъ, что книга эта едва ли можетъ принести какой либо доходъ въ виду малаго интереса современнаго греческаго общества къ Византіи. Намъ кажется даже, что именно эта очевидная убыточность предпріятія и не позволила украсить книгу большимъ числомъ рисун-

ковъ, а, можетъ быть, и перевести книгу Байе, что безъ воспроизведенія всѣхъ ея многочисленныхъ рисунковъ было бы невозможно. Вообще, не говоря уже объ издателяхъ книги этой, отблагодаренныхъ авторомъ во введеніи, достойна всякой похвалы и старательность самого автора въ изученіи литературныхъ матеріаловъ и та цѣль, которую имѣетъ его книга. Пусть она не во всѣхъ частяхъ своихъ самостоятельна, пусть во многихъ частностяхъ авторъ обнаруживаетъ, то недостаточность свѣдѣній въ избранной области, то неумѣніе выбирать въ имѣвшемся у него матеріалѣ, во всякомъ случаѣ книга эта достойна всякой похвалы, какъ свидѣтельство пробуждающагося интереса современныхъ грековъ къ изученію Византіи, связь съ которой гораздо ближе и реальнѣе, нежели со столь любезной имъ античной Элладой.

Нѣкоторыя ошибки и промахи указалъ уже въ критической замѣткѣ проф. Стржиговскій; нѣкоторыя мѣста показались сомнительными и автору настоящаго разбора, но въ общемъ книга эта, — если смотрѣть на нее, какъ на популярное изложеніе предмета, въ которомъ авторъ далеко не спеціалистъ, — можетъ быть по всей справедливости признана вполнѣ удовлетворительной и намъ остается только желать скорѣйшаго появленія подобнаго популярнаго изложенія исторіи византійскаго искусства и въ нашей литературѣ, причемъ позволительно надѣяться, что въ виду бóльшей и лучшей научной литературы по этому предмету у насъ, нежели въ Греціи, таковое изложеніе будетъ имѣть менѣе ошибокъ и промаховъ, нежели книга г. Маврояни.

Я. С.

C. Neumann, *Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen*. Leipzig. Duncker und Humblot. 1894. 8°. X+121 стр.

Нейманнъ, извѣстный своими изслѣдованіями византійскихъ источниковъ, задался цѣлью представить въ самыхъ общихъ существенныхъ чертахъ положеніе византійской имперіи въ X и XI вѣкахъ, ея внѣшнюю и внутреннюю политику. Но не смотря на то, что въ разбираемой книгѣ много вѣрнаго и дѣльнаго, авторъ, мнѣ кажется, не уловилъ существенныхъ чертъ византійскаго строя.

Нейманнъ называетъ Византію восточнымъ государствомъ,—конечно не только въ географическомъ смыслѣ,—но не объясняетъ, въ чемъ онъ видитъ ея восточный характеръ. Можетъ быть онъ нашелъ бы дѣйствительно нѣкоторыя восточныя черты, если бы обстоятельнѣе обрисовалъ византійское самодержавіе. Но онъ говоритъ подробнѣе только объ одной сторонѣ царской власти, о законномъ престолонаслѣдіи (Legitimität), о попыткахъ утвердить его и сдѣлать невозможными революціи. Между тѣмъ слѣдовало бы напротивъ сказать объ отсутствіи законовъ о престолонаслѣдіи, какъ слабой и существенной сторонѣ византійской имперіи. Изъ книги Нейманна неподготовленный читатель можетъ сдѣлать выводъ, что сынъ по праву вступалъ на престолъ послѣ отца, чего никогда не было. Хотя македонская династія довольно долго не выпу-

скала изъ рукъ бразды правленія, сынъ вступалъ на отцовскій престолъ не потому, что онъ считался законнымъ наслѣдникомъ, а потому, что еще при жизни отца былъ провозглашенъ его соправителемъ; соправительство опять таки существенная черта, о которой умалчиваетъ авторъ.

Нейманнъ называетъ византійское государство космополитичнымъ и указываетъ на то, что самые выдающіеся люди вышли изъ провинцій, что притокъ варварскихъ народовъ освѣжалъ Византію. Можно согласиться съ этимъ, но нельзя не видѣть, что разноплеменный составъ имперіи составлялъ въ тоже время ея больное мѣсто. Авторъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о розни, существовавшей между азіатскими и европейскими провинціями,—розни, которой объясняется, почему въ 1204 г. навсегда отпала Трапезундская имперія и никогда уже не возсоединялась съ Константинополемъ.

Очень страннымъ и далеко не вѣрнымъ представляется намъ то, что авторъ говоритъ о церкви: «Въ то время, какъ государство принимало восточный характеръ и отчуждалось отъ другихъ странъ, и церковь не въ состояніи была воспрепятствовать этому отчужденію. Если еще иногда старались завязать связь Константинопольскаго патріархата съ остальными, то это было противъ желанія греческой церкви. Эти сношенія сохранялись свѣтскою властью съ цѣлями политическими». «Чувство каѳоличности христіанской церкви исчезаетъ (p. 16—17)».

Трудно вынести изъ книги Нейманна ясное представленіе о томъ, чѣмъ была византійская литература. Съ одной стороны онъ говоритъ, что въ литературѣ принимали участіе почти исключительно посредственности, а съ другой стороны подробнѣе останавливается только на одномъ Пселлѣ, котораго называетъ свѣжимъ и оригинальнымъ талантомъ, заслуживающимъ всемірной извѣстности. Съ такимъ отзывомъ я согласиться не могу, такъ какъ оригинальность Пселла, и то не полная, проявляется исключительно въ его рѣчахъ, т. е. въ риторикѣ; всѣ же его ученыя сочиненія, не исключая философскихъ, ничто иное какъ учебники, буквально списанные съ разныхъ авторовъ. Но читатель, который повѣритъ Нейманну, вынесетъ очень высокое мнѣніе о византійской литературѣ, такъ какъ писателей подобныхъ Пселлу, какъ онъ представленъ авторомъ, не было въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ.

Литература, по мнѣнію Нейманна, послужила къ обновленію и возстановленію государства въ X вѣкѣ; составлены были обширныя сочиненія съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, собравъ правила и факты права, войны, тактики, сдѣлать ихъ полезными въ дѣйствительной жизни, пользоваться процентами съ древнихъ сокровищъ опыта (p. 11—12). Такой взглядъ едва ли можно считать вполнѣ правильнымъ; компиляціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь (геопоники, стратегики, гиппіатрики и т. п.) представляли выдержки изъ древнихъ авторовъ (за исключеніемъ Василикъ и, пожалуй, придворнаго церемоніала), потерявшихъ всякое жизненное значеніе и вполнѣ непригодныхъ для практики X вѣка.

Внѣшняя политика очерчена авторомъ полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ внутренняя, но и тутъ не всегда схвачены самыя важныя черты. Передавая вкратцѣ извѣстныя событія изъ исторіи италіянскихъ Норманновъ и ихъ нападеній на Византію, Нейманнъ умалчиваетъ объ очень существенномъ фактѣ, характеризующемъ отношенія Византіи къ Норманнамъ: о желаніи Михаила Дуки породниться съ Робертомъ Гвискаромъ, котораго Анна Комнина называетъ разбойникомъ.

Связь, существовавшая между нашествіемъ Сельджуковъ и Печенѣговъ, на которую указалъ В. Г. Васильевскій (Византія и Печенѣги), осталась авторомъ незамѣченной. Онъ даже вопреки несомнѣннымъ фактамъ утверждаетъ, будто въ срединѣ XI вѣка Византія уже справилась со многими Турецкими племенами, Печенѣгами, Узами, Куманами (р. 106).

Вообще говоря, по книгѣ Нейманна невозможно ознакомиться удовлетворительнымъ образомъ съ международнымъ положеніемъ и внутреннимъ строемъ Византійской имперіи.

П. Безобразовъ.

А. Аѳ. Дмитріевскій, *Патмосскіе очерки. Изъ поѣздки на о. Патмосъ лѣтомъ 1891 года.* Кіевъ. 1894 г. (изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи 1892, 1893 и 1894 гг.).

Сочиненіе это по первоначальному своему замыслу есть не что иное, какъ актовая рѣчь, произнесенная на годичномъ собраніи Кіевской Духовной Академіи въ сентябрѣ 1891 г., и притомъ, рѣчь, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ только что совершеннаго путешествія. Въ этой рѣчи, обнимавшей матеріалъ первыхъ двухъ главъ изданной теперь книги, авторъ, по его собственному сознанію, предлагалъ слушателямъ свои наблюденія и впечатлѣнія въ томъ видѣ, какъ они напечатлѣлись въ его душѣ (стр. 6). Впечатлѣнія эти были очень сильны, но не настолько однакожъ, чтобы вытѣснить другія болѣе глубокія впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ неоднократныхъ его путешествій по монастырямъ горы Аѳона. Воспоминанія объ Аѳонѣ невольно примѣшивались къ Патмосскимъ и вызывали автора на многія весьма живыя и любопытныя сопоставленія, сравненія и размышленія. Отсюда можно понять, что трудъ г. Дмитріевскаго не есть методическое изслѣдованіе исторіи и достопримѣчательностей Патмосскаго монастыря, а изложеніе изслѣдованій, произведенныхъ авторомъ подъ давленіемъ впечатлѣній, въ разное время, постепенно, безъ строгаго, заранѣе вполнѣ выработаннаго плана. И изъ самой книги видно, что она была писана и печатана въ теченіе четырехъ лѣтъ съ большими промежутками и перерывами по мѣрѣ изученія и обработки подлежащаго матеріала. Это, какъ увидимъ ниже, по мѣстамъ невыгодно отражается на изложеніи нѣкоторыхъ пунктовъ, но въ общемъ отъ этого не страдаютъ ни научное значеніе сочиненія, ни интересъ и важность содержащихся въ немъ сообщеній.

Важность и интересъ книги опредѣляются уже самыми свойствами ея предмета. Предметомъ ея служитъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпи-

зодовъ исторіи византійскаго монашества и вообще византійской монастеріологіи: — судьбы монастыря св. І. Богослова на о. Патмосѣ. Необыкновенная важность изученія исторіи и быта византійскихъ монастырей въ новѣйшее время оцѣнена по достоинству. Одинъ изъ новѣйшихъ византологовъ (Ламбросъ — Byzant. Zeitschr. 1892 p. 197) говоритъ, что ему представляется труднымъ даже выразить всю важность изученія исторіи византійскихъ монастырей. Въ самомъ дѣлѣ, съ жизнію этихъ монастырей въ Византіи была самымъ тѣснымъ образомъ связана исторія не только церкви, но и искусства, литературы, науки и даже политики, и слѣдовательно, изучая исторію монастырей, мы можемъ расширить и углубить византійскія знанія во всѣхъ почти направленіяхъ. Сознаніе важности предмета естественно вызываетъ къ нему вниманіе, и здѣсь, конечно, нужно искать объясненія того обстоятельства, что въ послѣднее время ученые нерѣдко берутъ на себя трудъ способствовать этому изученію обнародованіемъ новыхъ документовъ, или спеціальными изслѣдованіями исторіи и древностей того или иного монастыря. Къ сожалѣнію и до настоящаго времени для изслѣдованій послѣдняго рода имѣется множество часто непреодолимыхъ препятствій: акты многихъ, даже знаменитыхъ монастырей не изданы или утрачены, архивы и ризницы ихъ почти недоступны и т. п. Авторъ «Патмосскихъ очерковъ» находился съ этой стороны въ наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Онъ имѣлъ подъ руками акты монастыря, собранныя Саккелiономъ и изданныя Миклошичемъ и Мюллеромъ въ извѣстномъ собраніи: Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis t. III, акты, относящіеся къ сношеніямъ Россіи съ Патмосомъ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, трудъ Григоровича-Барскаго, служившій для автора по его собственному сознанію «во многихъ отношеніяхъ положительнымъ источникомъ», и многое другое, перечисленное въ примѣчаніи на стр. 3—4, а главное онъ самъ былъ на Патмосѣ, хотя и не слишкомъ долгое время, имѣлъ тамъ совершенно свободный доступъ въ библіотеку, скевофилакію и архивъ, могъ свободно пользоваться архивными и иными документами и въ то же время наблюдать бытъ какъ монаховъ, такъ и мірянъ. Вслѣдствіе этого мы можемъ ожидать отъ него многихъ новыхъ, важныхъ и любопытныхъ наблюденій и сообщеній. Таковыя и дѣйствительно имѣются въ книгѣ въ довольно значительномъ количествѣ. Ихъ-то мы и намѣрены отмѣтить далѣе.

Порядокъ изложенія матеріи въ книгѣ г. Дмитріевскаго указанъ въ первой книгѣ Византійскаго Временника. Но мы не будемъ ему строго слѣдовать. — Одно изъ наиболѣе важныхъ мѣстъ въ книгѣ занимаетъ исторія Патмосскаго монастыря, но она не представляетъ собою полноты и связности. Авторъ останавливается съ нѣкоторою подробностію только на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ и любопытныхъ моментахъ этой исторіи, причемъ нѣкоторыя изъ историческихъ данныхъ, относящихся къ этимъ моментамъ, сообщаетъ въ разныхъ мѣстахъ книги, какъ-бы только

по случаю. Словомъ, полной и связной исторіи монастыря здѣсь нѣтъ; дать такую исторію, повидимому, и не входило въ задачу автора; но для читателя все-таки было бы лучше, если бы историческія данныя были тѣснѣе сгруппированы и сконцентрированы.

Исторіи предпосылается описаніе о. Патмоса. О. Патмосъ, всегда пустынный и малообитаемый, въ первые вѣка христіанства былъ мѣстомъ ссылки. Была ли эта ссылка чѣмъ либо въ родѣ нашей ссылки на поселеніе, или это была ссылка въ каторжную работу — сказать трудно. На основаніи свидѣтельства одного древняго писателя Викторина Пиктавійскаго (303) представляется болѣе вѣроятнымъ послѣднее, такъ какъ Викторинъ говоритъ, что ссылка сюда св. І. Богослова была ссылкою in metallo, т. е. на работы въ рудникахъ. Свидѣтельство это заподазривалось большинствомъ изслѣдователей на томъ основаніи, что на Патмосѣ нѣтъ рудниковъ; но г. Дмитріевскій сообщаетъ намъ (с. 32—33) со словъ Герена и Маландраки, что это не вѣрно, что въ недавнее время найдена на Патмосѣ металлическая руда, оказавшаяся годною для извѣстнаго завода Круппа. Итакъ, весьма возможно, что на о. Патмосѣ дѣйствительно когда-то добываема была руда и въ то время было тамъ занимавшееся этимъ населеніе. Но затѣмъ разработка рудниковъ почему-то прекратилась и островъ мало по малу лишился своего населенія и совершенно запустѣлъ. Сдѣлавшись пустыннымъ и будучи удаленъ отъ обычныхъ морскихъ путей, онъ былъ какъ бы забытъ и не былъ посѣщаемъ даже христіанскими паломниками, хотя преданіе о томъ, что почва острова освящена пребываніемъ на немъ св. Іоанна Богослова и написаніемъ тамъ Апокалипсиса, было общеизвѣстно въ церкви съ самыхъ первыхъ вѣковъ. Такъ продолжалось до второй половины XI в., когда на о. Патмосъ обратилъ свое вниманіе Латрскій пустынникъ св. Христодулъ, проживавшій тогда на о. Косѣ, и рѣшился основать тамъ монастырь, столь прославившійся въ послѣдующее время и столь сильно повліявшій на судьбу острова.

Описаніе дѣятельности св. Христодула, въ качествѣ основателя и устроителя Патмосскаго монастыря, принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ разбираемаго труда; только въ изложеніи біографическихъ свѣдѣній о св. Христодулѣ замѣчаются сбивчивость и противорѣчія. Свѣдѣнія эти изложены авторомъ въ двухъ мѣстахъ: въ первой главѣ (стр. 33, 34, 39) — кратко и сбивчиво, и въ четвертой (Важнѣйшіе храмы на о. Патмосѣ, ихъ украшенія и богатства скевофилакій Іоанно-богословскаго монастыря, стр. 205—208) — болѣе подробно и согласно съ документами. Св. Христодулъ родился въ окрестностяхъ Никеи въ Виѳиніи около 1020 г. Получивъ первоначальное образованіе въ благочестивомъ и церковномъ духѣ, онъ увлекся аскетическимъ идеаломъ и, отказавшись отъ женитьбы, бѣжалъ на гору Олимпъ (въ Виѳиніи), славившійся въ ту пору своими монастырями и строгостію жизни иноковъ. Здѣсь онъ принялъ постриженіе съ именемъ Христодула и вскорѣ предпринялъ путе-

шествіе къ св. мѣстамъ въ Палестину. Въ Палестинѣ онъ увлекся отшельническою жизнію пріиорданскихъ келліотовъ и послѣдовалъ ихъ примѣру. Но нашествіе на Палестину Сарацинъ вынудило его удалиться оттуда и онъ направился на Латрскую гору въ Малой Азіи близъ Милета, гдѣ было много монастырей, славившихся въ то время необыкновенною строгостію жизни иноковъ. Поселившись въ одномъ изъ Латрскихъ монастырей, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе братіи своими подвигами и былъ избранъ игуменомъ, а затѣмъ сдѣлался архимандритомъ и всей горы. Судя по актамъ, изданнымъ Миклошичемъ и Мюллеромъ, съ этого времени онъ дѣлается извѣстнымъ въ Константинополѣ при императорскомъ дворѣ, какъ выдающійся подвижникъ. Въ актахъ онъ постоянно называется бывшимъ отшельникомъ Латрскимъ. Около 1079 г. Латрская гора подверглась опустошенію отъ пиратовъ и св. Христодулъ вынужденъ былъ удалиться и отсюда. Сначала онъ поселился на о. Каріи, отсюда перешелъ на о. Косъ около 1085 г. Съ этого времени императоръ Алексѣй Комнинъ начинаетъ выказывать по отношенію къ нему особенную благосклонность, надѣляя его различными угодьями. Въ 1085 г. онъ подтверждаетъ распоряженіе Никифора Вотаніата о дарованіи монастырю св. Маріи на о. Косѣ, гдѣ поселился св. Христодулъ, различныхъ угодій; въ 1087 году онъ подарилъ св. Христодулу цѣлый островъ Липсо и нѣсколько угодій на о. Леро. Мать императора Анна съ своей стороны сдѣлала подобныя же распоряженія, а въ 1088 г. императоръ подарилъ ему наконецъ весь островъ Патмосъ съ тѣмъ, чтобы былъ построенъ на немъ монастырь во имя св. Іоанна Богослова. Было ли это сдѣлано только по просьбѣ св. Христодула, или также и по личной иниціативѣ императора, остается у автора не вполнѣ выясненнымъ, равно какъ и то, былъ ли св. Христодулъ знакомъ съ островомъ до этого времени. Г. Дмитріевскій въ первой главѣ своего сочиненія (стр. 33—34) представляетъ дѣло такимъ образомъ: «Когда знаменитый латрскій пустынникъ св. Христодулъ захотѣлъ посѣтить всѣ святыя мѣста, такъ или иначе связанныя съ важнѣйшими событіями изъ жизни первыхъ вѣковъ церкви Христовой, то прибылъ, между прочимъ, и на о. Патмосъ, гдѣ по преданію былъ въ ссылкѣ св. І. Богословъ и гдѣ онъ написалъ книгу Апокалипсисъ. Поразившись пустынностію острова и полнымъ отсутствіемъ на немъ жителей, какъ любитель безмолвія и уединенія, св. Христодулъ призналъ этотъ островъ весьма удобнымъ для устроенія здѣсь монастыря. *Недолго думая*, св. Христодулъ отправился въ Константинополь и у императора Алексѣя I Комнина въ 1088 г. выпросилъ позволеніе приступить къ задуманному устроенію монастыря и самый островъ сдѣлать собственностью его, освободивъ его совершенно отъ всѣхъ повинностей на всѣ времена». Все это оказывается не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что авторъ говоритъ о св. Христодулѣ въ другомъ мѣстѣ (стр. 206). Св. Христодулъ отправился на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Палестину съ горы Олимпа

Виѳинскаго и, слѣдовательно, не имѣлъ никакой надобности ѣхать туда чрезъ о. Патмосъ; всего вѣроятнѣе, что онъ познакомился съ этимъ островомъ спустя уже долгое время послѣ своего путешествія, когда онъ жилъ уже на островѣ Косѣ. О послѣднихъ годахъ жизни св. Христодула авторъ тоже даетъ намъ противорѣчивыя свѣдѣнія. На стр. 39 онъ говоритъ, что св. Христодулъ, будучи вынужденъ вслѣдствіе нападенія турокъ оставить Патмосъ, «уѣхалъ на жительство въ Богородичный монастырь на островъ Косъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ вскорѣ и скончался». На стр. же 207 мы находимъ иное: «съ Патмоса преподобный удалился въ Евбею (Εὔβοιαν) и тамъ въ 1093 году 16 марта скончался». Это — вѣрнѣе. Очевидно, авторъ подробно ознакомился съ біографіею св. Христодула уже послѣ того, какъ написана и напечатана была первая глава его сочиненія, но жаль, что онъ не исправилъ недосмотра. Впрочемъ, въ біографіи св. Христодула для исторіи Патмосскаго монастыря имѣетъ значеніе главнымъ образомъ только его дѣятельность въ качествѣ устроителя монашеской жизни на о. Патмосѣ. Предоставивъ св. Христодулу о. Патмосъ и право устроить на немъ монастырь, императоръ Алексѣй требовалъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливались жить на островѣ міряне, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые будутъ наняты за плату для услугъ и работъ въ монастырѣ, но и эти должны быть безбрачными или не живущими съ женами и не имѣющими при себѣ дѣтей. Очевидно предполагалось завести здѣсь тѣ же порядки, какіе существовали уже и въ то время на Аѳонѣ, но Аѳонъ составляетъ часть материка, а Патмосъ есть удаленный отъ человѣческаго жилья островъ. Не удивительно, что здѣсь вскорѣ, вопреки требованію императора, а также конечно и желанію св. Христодула, создался порядокъ вещей какъ-разъ противоположный. Настояла необходимость строить монастырь и укрѣплять его стѣнами, а отыскать людей, которые бы согласились жить на островѣ въ безбрачіи, оказалось дѣломъ весьма труднымъ, и св. Христодулъ вынужденъ былъ разрѣшить мірянамъ селиться здѣсь съ женами и дѣтьми на особо отведенномъ мѣстѣ вдали отъ монастыря. Это было первое ядро тѣхъ любопытныхъ отношеній, которыя столь ярко характеризуютъ бытъ обитателей о. Патмоса — мірянъ и монаховъ — съ основанія монастыря и до настоящаго времени. Мало по малу мірское поселеніе о. Патмоса расширилось, устроилось подъ монастырскимъ управленіемъ, изъ отдаленнаго мѣста придвинулось къ самому монастырю и образовало какъ бы одно цѣлое съ нимъ. Это случилось довольно быстро. При преемникахъ св. Христодула, Арсеніѣ и Ѳеодосіѣ, около 1117 г., окончена была постройка монастыря и его укрѣпленій, которыя могли служить надежнымъ оплотомъ отъ нападеній со стороны пиратовъ, какъ для монаховъ, такъ и мірянъ. Къ концу XII в. городъ Патмосъ находился уже, повидимому, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ находится и нынѣ. Дальнѣйшую исторію монастыря авторъ не излагаетъ подробно и послѣдовательно, но по мѣстамъ дѣлаетъ цѣн-

ныя указанія на выдающіеся факты. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ указаній: Въ 1132 г., при Константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ IX, Патмосскій монастырь объявленъ ставропигіею, вслѣдствіе чего и до настоящаго времени признаетъ надъ собою власть только вселенскаго патріарха, хотя въ XII и XIII вв. были неоднократныя попытки подчинить его со стороны епископовъ Никарійскаго, Косскаго, Лерosскаго и др. (стр. 51).—Въ 1488 г. стараніемъ игумена Ѳеодула введенъ въ практику Патмосскаго монастыря аѳонскій типиконъ вмѣсто іерусалимскаго (стр. 57).—Въ XV—XVI вв. явилось на островѣ управленіе, то самое, которое сохраняетъ свою силу и до настоящаго времени (стр. 45).—Въ 1579 г. въ игуменство Макарія, иноки Патмосскаго монастыря, съ общаго согласія рѣшились было возстановить киновіальный порядокъ жизни, установленный Христодуломъ и неизвѣстно когда замѣненный идіоритмическими порядками, но этотъ порядокъ просуществовалъ только два года и былъ снова отмѣненъ въ октябрѣ 1581 г. по причинѣ будто бы дороговизны общей трапезы, обременяемой гостями-мірянами (стр. 211). Съ особенною подробностію авторъ останавливается только на двухъ эпизодахъ, относящихся къ исторіи монастыря и подвластнаго ему острова, а именно: 1) на сношеніяхъ Патмосскаго монастыря съ Россіею и 2) на просвѣтительной дѣятельности основанной при немъ въ XVIII в. Академіи.

Изложеніе сношеній съ Россіею помѣщено въ концѣ первой главы (стр. 63—87) и составлено главнымъ образомъ на основаніи не изданныхъ еще архивныхъ документовъ, — и въ этомъ заключается особенное значеніе этого отдѣла книги. — Сами по себѣ эти сношенія сравнительно съ подобными же сношеніями другихъ восточныхъ монастырей и церквей, искавшихъ въ Россіи милостыни и помощи, не представляютъ ничего характеристичнаго: Патмосскіе монахи, какъ и монахи другихъ монастырей, посылаютъ въ Россію своихъ уполномоченныхъ съ просительными грамотами; въ грамотахъ этихъ описывается, обыкновенно съ большими преувеличеніями, бѣдственное положеніе монастыря и восхваляется всему міру извѣстная благотворительность русскихъ государей; вмѣстѣ съ грамотами посылались обыкновенно въ подарокъ и разныя, иногда сомнительныя, святыни и т. п. Впрочемъ, сношенія Патмоса съ Россіей сравнительно были не часты и начались не ранѣе, какъ съ половины XVI в. Первые гости съ этого острова появились въ Россіи съ грамотою отъ 20 сентября 1646 г. Далѣе слѣдуютъ посольства 1697, 1702, 1705, 1707 гг. Не смотря на всѣ старанія ходатаевъ, московскія милостыни были, по видимому, не такъ обильны, какъ желали ходатаи: въ документахъ встрѣчаются жалобы ихъ на скудость милостыни. Весьма характерную черту монашеской дипломатіи мы находимъ въ прошеніи архимандрита Никифора Петру I въ 1704 г. Освѣдомившись о характерѣ дѣятельности Петра и имѣя въ виду вѣрнѣе подѣйствовать на его щедрость, о. архимандритъ вызывается привести «съ острововъ и изъ Царя-

града людей добрыхъ, капитановъ, мастеровъ, которые дѣлаютъ котарги и корабли» (стр. 79). Но на это предложеніе, сколько извѣстно, не было обращено вниманія.

Еще болѣе важности и значенія въ книгѣ г. Дмитріевскаго имѣетъ его изложеніе исторіи Патмосской Академіи, основанной при монастырѣ на подчиненномъ ему островѣ Патмосѣ Патмосскимъ же урожденцемъ іеродіакономъ Макаріемъ въ 1713 году и бывшей разсадникомъ поздняго греческаго просвѣщенія въ теченіе почти полуторыхъ столѣтій. Этому изложенію авторъ посвящаетъ даже особую главу — третью (стр. 108—168). Здѣсь онъ по подлиннымъ, иногда очень рѣдкимъ, документамъ, имъ самимъ старательно собраннымъ, излагаетъ обстоятельно педагогическую и литературную дѣятельность не только всѣхъ знаменитѣйшихъ дидаскаловъ, заправлявшихъ Академіею, но и тѣхъ лучшихъ учениковъ ихъ, которые дѣйствовали въ томъ же духѣ въ другихъ мѣстахъ, внѣ острова Патмоса. Такъ онъ разсматриваетъ дѣятельность основателя школы Макарія († 1737 г.), ближайшихъ преемниковъ его: Герасима византійца († 1740) и Василія Куталиноса († 1773), Даніила Керамевса († 1801 г.), Мисаила Маргаритиса, Паисія Карапатаса, Кирилла Сгуромалиноса и др., а изъ воспитанниковъ Академіи, дѣйствовавшихъ внѣ Патмоса, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на любимомъ ученикѣ Макарія, Іаковѣ Анастасьевичѣ, дѣйствовавшемъ въ Триполи и Іерусалимѣ, на Дамаскинѣ, основавшемъ школу на о. Леросѣ, и Григоровичѣ-Барскомъ — русскомъ воспитанникѣ, желавшемъ приложить къ дѣлу свои знанія въ Кіевѣ, но преждевременно умершемъ. Такъ какъ почти каждый изъ дидаскаловъ обнаруживалъ весьма живую литературную дѣятельность, то г. Дмитріевскій озаботился собрать по возможности подробныя библіографическія свѣдѣнія о трудахъ (какъ напечатанныхъ, такъ и остающихся въ рукописяхъ), по крайней мѣрѣ, наиболѣе знаменитыхъ изъ нихъ и трудолюбивыхъ. Благодаря этому, мы имѣемъ теперь обстоятельные списки учено-литературныхъ произведеній дидаскаловъ: Макарія (стр. 121—124), Герасима византійца (стр. 128 и 293, 294) и Даніила Керамевса (стр. 137—140), а также цѣнныя указанія на сочиненія и другихъ дидаскаловъ. Указанія эти г. Дмитріевскій заимствуетъ не только изъ разныхъ печатныхъ изданій, но и изъ рукописей. За этотъ трудъ библіографы и историки византійской литературы конечно будутъ ему очень благодарны.

Въ тѣсной связи съ исторіей монастыря должно стоять изслѣдованіе того вліянія, которое онъ имѣлъ на бытъ и міросозерцаніе примыкавшаго къ нему мірскаго поселенія. Вліяніе это проникло сюда не чрезъ школу только, но и путемъ частныхъ и многообразныхъ житейскихъ сношеній. Каково было и въ чемъ выразилось это вліяніе? Въ исторіи Патмоса вопросъ этотъ представляетъ особенный интересъ. Здѣсь мы встрѣчаемся едва ли не съ единственнымъ въ своемъ родѣ фактомъ въ исторіи византійскаго монашества, — какъ бы съ нѣкотораго рода экспе-

риментомъ, создавшимся естественно, силою вещей. Мірской-семейный элементъ и элементъ монашескій стоятъ здѣсь лицомъ къ лицу, будучи въ весьма значительной степени изолированы отъ другихъ постороннихъ вліяній. О вліяніи окружающаго монастырь мірскаго поселенія на бытъ монаховъ г. Дмитріевскій дѣлаетъ очень цѣнныя, хотя и мимоходныя замѣчанія въ первой главѣ своего сочиненія (напр. стр. 18—20, 26, 28, 56 и др.) при сопоставленіи быта патмосскихъ монаховъ съ аѳонскими. Что же касается вліянія монастырскаго быта на бытъ патмосскихъ обитателей-мірянъ, то этому предмету онъ посвящаетъ особую главу — послѣднюю — подъ заглавіемъ: «Нравы и обычаи патмосскихъ обитателей» (стр. 244—282 гл. VI). Здѣсь, частію на основаніи собственныхъ наблюденій, частію на основаніи брошюры патміота Маландраки (Ἤθη καὶ ἔθιμα ἐν Πάτμῳ, Ἀθ. 1890), онъ сообщаетъ множество фактовъ, характеризующихъ вліяніе монастыря на обыденную жизнь и бытъ патміотовъ. Особенно интересны обряды и пѣсни, которыми сопровождаются на Патмосѣ нѣкоторыя церковныя празднества и празднества домашнія, по случаю родинъ, крестинъ, брака и погребенія. Весьма бы было полезно сдѣлать подобнаго рода наблюденія надъ мірскимъ населеніемъ, окружающимъ другіе монастыри.

Кромѣ весьма цѣнныхъ сообщеній историческаго характера, мы найдемъ въ книгѣ г. Дмитріевскаго множество еще болѣе цѣнныхъ сообщеній историко-археологическихъ, о различныхъ вещественныхъ достопримѣчательностяхъ. Въ числѣ достопримѣчательностей первое мѣсто по священнымъ воспоминаніямъ долженъ занимать гротъ апокалипсиса— пещера, къ которой преданіе пріурочиваетъ мѣсто видѣнія св. апостола Іоанна. Г. Дмитріевскій посвящаетъ этому гроту особую главу (вторую), гдѣ подробно описываетъ какъ самую пещеру, такъ и примыкающій къ ней древній храмъ въ честь св. Анны. Далѣе слѣдуютъ храмы монастыря и города. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ главный храмъ монастыря (Καθολικὸν) во имя св. I. Богослова, — небольшихъ размѣровъ, съ двумя нароиками, затѣмъ примыкающіе къ нему съ южной и западной стороны параклисы: Благовѣщенія и св. Христодула съ мощами его, и 5 еще другихъ, имѣющихся внутри монастыря параклисовъ. Далѣе слѣдуютъ храмы женскаго Патмосскаго монастыря (два) и храмы въ различныхъ частяхъ города и острова. Въ отношеніи храмоздательства на о. Патмосѣ замѣчается весьма любопытный фактъ. Храмовъ на островѣ чрезвычайное множество; количество ихъ достигаетъ маловѣроятной цифры свыше 300. Они разбросаны по окрестностямъ, въ виноградникахъ, на поляхъ и горахъ, имѣютъ очень малые размѣры и построены на средства частныхъ лицъ. Эти храмы большею частію «обѣтные», т. е. построенные по обѣщанію мѣстными купцами, или «усыпальные», т. е. назначенные для погребенія строителей. Это напоминаетъ отчасти древне-классическія преданія, отчасти древне-русскій обычай строить такъ называемыя «обыденныя» церкви. О нѣкоторыхъ изъ этихъ хра-

мовъ хранится въ населеніи преданіе, что они были построены въ XI и XII вв. Провѣрку этихъ преданій и вообще болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого предмета авторъ оставляетъ «на долю будущаго историка-археолога острова Патмоса» (стр. 222). Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія даетъ авторъ о содержаніи скевофилакій Патмосскаго монастыря, оговариваясь, впрочемъ, и здѣсь (стр. 196), что многое любопытное онъ опускаетъ, оставляя честь обстоятельнаго описанія «на долю иныхъ путешественниковъ, поставленныхъ въ болѣе счастливое положеніе». При всемъ томъ и тѣхъ описаній, которыя даетъ г. Дмитріевскій, достаточно, чтобы сообщить его книгѣ большую археологическую важность. Онъ описываетъ замѣчательнѣйшія иконы, сосуды, одежды и другія богослужебныя вещи, причемъ сообщаетъ подлинные факты, устанавливающіе время и мѣсто ихъ происхожденія. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на иконы и отмѣчаетъ нѣсколько замѣчательныхъ иконъ древне-русскаго письма и такъ-называемой критской школы. По его сообщенію иконы этой послѣдней школы, которая составляетъ спеціальное его открытіе (см. его Путешествіе по востоку и его научные результаты. Кіевъ. 1890, стр. 92 и слѣд.), на Патмосѣ, какъ и на Синаѣ, преимуществуютъ надъ остальными по количеству.—Правда, описанія автора много теряютъ отъ того, что не сопровождаются изображеніями, но это очевидно никакимъ образомъ не можетъ быть поставлено ему въ вину. По его указанію это должно быть восполнено другими. Съ своей стороны онъ даетъ намъ одно изображеніе, а именно изображеніе древней эпитрахили, и это одно изображеніе показываетъ уже, какъ важно бы было имѣть изображенія и другихъ предметовъ, хранящихся въ Патмосскихъ скевофилакіяхъ. Однакожъ, иногда имѣютъ большую важность даже простыя указанія...

Одною изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Патмосскаго монастыря безспорно должна быть почитаема его библіотека. Библіотека эта хорошо описана покойнымъ Саккеліономъ (Πατμιακὴ βιβλιοθήκη. Ἀθήν. 1890), за исключеніемъ тѣхъ книгъ, которыя хранятся въ монастырской типикарницѣ. Здѣсь г. Дмитріевскій нашелъ 28 рукописей, не вошедшихъ въ описаніе Саккеліона и всѣ ихъ описалъ самымъ обстоятельнымъ образомъ въ особой главѣ (V). Все это — рукописи литургическія, необходимыя для отправленія богослуженія. Описаніе этихъ рукописей важно и любопытно главнымъ образомъ потому, что въ нихъ содержатся многіе такіе чины, послѣдованія, обряды и молитвы, которые нигдѣ на православномъ востокѣ не имѣютъ мѣста въ церковно-богослужебной практикѣ, а составляютъ особенность и исключительную принадлежность богослуженія Патмосскаго. Авторъ подробно излагаетъ всѣ таковые чины: чинъ освященія воды чрезъ погруженія св. креста и главы ап. Ѳомы, совершаемый предъ отправленіемъ кораблей и во время налетовъ саранчи, чинъ избранія игумена, чинъ встрѣчи патріарховъ, архіереевъ и знатныхъ лицъ, чинъ омовенія ногъ въ великій четвертокъ, чинъ погребенія. Особенно замѣчателенъ богатствомъ драма-

тическаго элемента чинъ омовенія ногъ.— За это описаніе мы должны быть очень благодарны автору, но мы не можемъ понять, почему авторъ не счелъ нужнымъ дать своимъ читателямъ понятіе также и о Патмосской библіотекѣ, собственно такъ называемой и описанной Саккеліономъ,—понятіе о ея исторіи, составѣ и о наиболѣе выдающихся достопримѣчательностяхъ. Это тѣмъ болѣе не понятно, что авторъ непосредственно знакомъ какъ съ самою библіотекой, такъ и съ описаніемъ Саккеліона. О послѣднемъ, т. е. объ описаніи Саккеліона, онъ писалъ даже особую статью, но вмѣсто того, чтобы ввести свою статью въ составъ разбираемой книги, помѣстилъ ее въ какомъ-то мало извѣстномъ изданіи — въ Библіограф. Запискахъ 1892 г. № 4-й. Въ книгѣ же «Патмосскіе Очерки» мы находимъ только указаніе на это (стр. 212).

Н. Красносельцевъ.

2. Библіографія.

РОССІЯ.

Е. Голубинскаго, *Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви, гл. 1: О канонизаціи святыхъ въ древней греческой церкви* (Богословскій Вѣстн., 1894, Іюнь, Отд. II, стр. 418—436 *).

Всѣхъ признаваемыхъ греческой церковью святыхъ, кромѣ Божіей Матери и Іоанна Предтечи, можно распредѣлить по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) ветхозавѣтные пророки и патріархи и апостолы—лица, за святость которыхъ ручалось ихъ призваніе; 2) мученики,—святые въ силу своего подвига. Начало почитанія мучениковъ и апостоловъ восходитъ къ началу II-го вѣка; патріарховъ и пророковъ несомнѣнно чтили всюду въ IV-мъ; 3) подвижники и святители; первыхъ признавали святыми за чудеса; вторые, какъ кажется, чтились мѣстно всѣ, въ силу ихъ званія, до XI в.; когда же ликъ святителей превращенъ былъ въ общецерковный, къ святымъ стали причислять лишь іерарховъ-чудотворцевъ; 4) нѣкоторые цари и лица царскаго рода—за заслуги церкви, добродѣтельную жизнь, или чудеса. Мѣстныя канонизаціи совершались епархіальной властью, обыкновенно при воздѣйствіи паствы, и состояли во внесеніи новаго святого въ минологій и диптихъ, и назначеніи дня его памяти (обыкновенно избирался день кончины). Извѣстія о почитаніи мощей восходятъ къ IV в.; въ Египтѣ оно было уже раньше.

Андрея Петрова, *Пятидесятилѣтіе научной разработки пространнаго житія св. Константина Философа (1843—1893 г.)* (Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв., 1894, Май—Іюнь, отд. I, стр. 559—614).

---

*) Мы даемъ отчетъ лишь о I главѣ труда проф. Голубинскаго, такъ какъ слѣдующія не имѣютъ отношенія къ византиновѣдѣнію.

Обзоръ научной литературы такъ называемаго паннонскаго житія св. Кирилла приводитъ автора къ печальному выводу, что за 50-лѣтіе 1843—93 г. вопросъ о его древности и достовѣрности почти не подвинулся къ разрѣшенію; и скептики, и защитники въ своихъ работахъ очень субъективны, ограничиваются по большей части анализомъ отдѣльныхъ, выгодныхъ для ихъ взгляда, данныхъ, и обращаютъ мало вниманія на аргументацію противной стороны; до сихъ поръ нѣтъ основательнаго историческаго комментарія къ житію въ его цѣломъ, и не рѣшенъ вопросъ первой важности о времени канонизаціи св. Кирилла въ латинской и славянской церквахъ. Авторъ хочетъ рѣшить послѣдній вопросъ и коснуться перваго. Вопреки Лавровскому и Первольфу, латинская церковь не въ XIV только вѣкѣ, а гораздо раньше, въ X-мъ, чтила св. Кирилла, и пользовалась его гробницей въ Римѣ, какъ средствомъ отвлечь славянъ отъ Византіи и привлечь къ себѣ; осудивъ при Стефанѣ VI славянское богослуженіе, она постаралась представить виновникомъ его лишь св. Меѳодія, и выгородить Константина. Удобнѣйшимъ временемъ, въ которое могла совершиться его канонизація, авторъ считаетъ эпоху латинской организаціи моравской церкви въ 899 или 900 году. Въ славянскихъ церквахъ Кириллъ называется святымъ уже у Храбра и Іоанна экзарха; Меѳодій же былъ канонизованъ позже, въ концѣ X или въ XI в. Вотъ почему агіографическіе памятники, говорящіе о Константинѣ Философѣ, молчатъ о его братѣ, и наоборотъ.

Переходя къ своей второй темѣ, авторъ излагаетъ содержаніе письма Анастасія къ Гаудериху, изслѣдованія проф. Фридриха и возраженій на него акад. Ягича, и соглашаясь съ большинствомъ ихъ, присоединяетъ и нѣкоторыя свои. Съ выводомъ акад. Ягича г. Петровъ соглашается, и дальнѣйшую задачу кирилло-меѳодіевской критики видитъ въ разработкѣ исторіи текста паннонскихъ житій,—по необходимости, косвенной, путемъ детальнаго изученія исторіи первоучителей и прикосновенныхъ къ житіямъ памятниковъ *).—Ср. краткій отзывъ (проф. А. И. Соболевскаго) въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* 1894, отд. II, Октябрь (стр. 428—429), гдѣ указана необходимость хорошаго критическаго изданія кирилло-меѳодіевскихъ первоисточниковъ, отсутствіе котораго и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ отмѣченнаго въ началѣ *печальнаго* положенія дѣла.

И. Соколова, *О византійско-восточномъ монашествѣ IX—XII вѣковъ.* (Рѣчь передъ защитою магистерской диссертаціи: «Состояніе монашества въ виз. церкви IX—XII в.». Правосл. Собес. 1894, Іюль, стр. 276—289).

Эпоха 842—1204 г. есть періодъ высшаго развитія и процвѣтанія византійскаго монашества. Первый ея періодъ 842—1057 г. характеризуется главнымъ образомъ повсемѣстнымъ возстановленіемъ монастырей послѣ иконоборческихъ преслѣдованій; второй, до смерти Мануила Комнина, начинающійся неудавшеюся реакціей при Исаакѣ I, громаднымъ

*) Латинскій текстъ письма Анастасія библ. можно читать еще въ Ж. Мин. Нар. Просв., 1893 г., кн. 1.

умноженіемъ ихъ въ Византіи, а также ихъ имѣній и иноческаго чина; третій—до 1204 г., перенесеніемъ центра иночества на Аѳонъ. Внутренняя жизнь отлилась въ цѣлую систему бытовыхъ формъ: 1) отшельничества, 2) келліотства, 3) скитской жизни и 4) монастырской жизни, въ формахъ а) идіоритма и б) киновіи,—самой распространенной изъ всѣхъ. На ней авторъ останавливается подробно, изображаетъ роль игумна и его отношенія къ братіи, монаховъ другъ къ другу, обязанности должностныхъ лицъ монастыря, отношенія монастырей къ епархіальной власти и патріарху.

Византійскіе монастыри, по словамъ автора, примѣромъ строгой жизни иноковъ, своею дѣятельностью въ качествѣ наставниковъ, обличителей, ходатаевъ, охранителей вѣроученія и канововъ, и миссіонеровъ имѣли большое и хорошее вліяніе на нравственность народа; а монастырскія школы, библіотеки, и писательская дѣятельность монаховъ—на его умственное развитіе. Монастыри были центрами благотворительности; изъ нихъ же выходили духовники и много высшихъ іерарховъ. Все лучшее въ Византіи хранили и вырабатывали монастыри; совершенно невѣрно, будто они были причиною паденія Византіи. Поэтому изученіе исторіи ихъ—дѣло первой важности, особенно для русскаго ученаго, въ виду огромнаго вліянія византійскаго монашества на русское.— О самой диссертаціи г-на Соколова «Состояніе монашества въ Византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка» (Казань, 1894), составляющей томъ въ 536 страницъ, мы надѣемся напечатать особую критическую статью.

М. Красножена, *Толкователи каноническаго кодекса восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ.* (Ученыя Записки Московскаго Университета, отдѣл. юридическое, вып. 8, статья 1-я, стр. 1—224).

Это изслѣдованіе состоитъ изъ предисловія, введенія, 4-хъ главъ, заключенія и двухъ приложеній: текста Синопсиса съ именемъ Стефана Ефесскаго и нѣскольких схолій, ненапечатанныхъ Питрою, которыя авторъ взялъ изъ Мюнхенской рукописи, № 380 по каталогу Hardt'a (tom. IV).

Во введеніи изложена исторія кодификаціи права греческой церкви отъ Юстиніана до раздѣленія церквей, и разбирается вопросъ о синопсисѣ, его составителяхъ и времени его появленія; по взгляду автора, составленіе и расширеніе синопсиса шло параллельно съ ростомъ синтагмы, первый синопсисъ соотвѣтствовалъ Номоканону Схоластика и появился около одного съ нимъ времени, въ VI вѣкѣ; Стефанъ еп. Ефесскій и Симеонъ Магистръ были не авторами, а редакторами носящихъ ихъ имя синопсисовъ; Аристинъ же только комментировалъ синопсисъ, а не составлялъ его. Въ первой главѣ авторъ разбираетъ причины появленія толкованій каноническаго кодекса; указываетъ и характеризуетъ нѣкоторыя древнія схоліи (напр. приписываемыя Фотію) и сравниваетъ ихъ съ схоліями Аристина, Зонары и Вальсамона; затѣмъ обращается къ

вопросу о хронологической послѣдовательности работъ Аристина и Зонары, и присоединяется къ мнѣнію проф. Павлова и Цахаріэ-фонъ-Лингенталя, отдающему пріоритетъ Аристину. Во второй, третьей и четвертой главахъ г. Красноженъ трактуетъ о трехъ комментаторахъ Синопсиса, Синтагмы, и Синтагмы съ номоканономъ особо, въ порядкѣ установленной имъ хронологіи; тутъ сначала сообщаются біографическія данныя, затѣмъ дается характеристика толкованій, указываются ихъ цѣль, источники и методъ, а также взаимное отношеніе ихъ трудовъ. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ, конечно, на Вальсамона; юридическому значенію его толкованій посвящена имъ особая подглава. Заключеніе говоритъ о значеніи разобранныхъ трудовъ для византійскаго и русскаго церковнаго права—отъ Prochiron Auctum и Кормчей св. Саввы Сербскаго до Аѳинскихъ изданій 1852—54 гг. и Пидаліона, и сообщаетъ свѣдѣнія о ихъ печатныхъ изданіяхъ и переводахъ.—Подробныя рецензіи на сочиненіе Красножена отмѣчены въ первой книжкѣ, стр. 239.

Проф. А. С. Павлова, *О началѣ галицкой и литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ XIV вѣка.* (Русское Обозрѣніе, 1894 г., Май, стр. 214—252).

Въ этой статьѣ проф. А. С. Павловъ даетъ намъ критически провѣренную исторію сепаратистическихъ стремленій въ русской церкви съ первыхъ годовъ XIV вѣка до конца его, проявлявшихся въ Галичѣ и Литвѣ. Они извѣстны почти исключительно изъ византійскихъ источниковъ, именно изъ актовъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ Acta et Diplomata Миклошича и потомъ въ прил. VI т. Русской Ист. Библ., а также изъ данныхъ, сообщенныхъ Гельцеромъ въ статьѣ: Beiträge zur russischen Kirchengeschichte (Ztschr. f. Kirchengesch., Bd. XIII S. 246 flg.). До сихъ поръ тутъ многое было неясно и внушало сомнѣнія, которыя теперь, повидимому, окончательно разсѣяны. Галицко-волынская митрополія все это время была, по проф. Павлову, въ періодѣ образованія: основанная патріархомъ Аѳанасіемъ въ 1303 г., она потомъ нѣсколько разъ опять сливалась съ кіевскою, и низводилась на степень архіепископіи, а нѣкоторую устойчивость получила лишь съ 1371 г., когда патріархъ Филоѳей, по требованію короля Казимира Великаго, поставилъ на ея престолъ митр. Антонія, владѣвшаго 4-мя епархіями—холмскою, туровскою, перемышльскою и владимирскою, и сверхъ того Молдаво-Влахіей: его преемникъ, узурпаторъ Іоаннъ (Луцкій), не былъ признаваемъ константинопольскимъ патріархомъ, но каѳедра по прежнему называлась митрополіей.

Учрежденіе литовско-русской митрополіи состоялось, по Гельцеру, въ 1300 г., по проф. Павлову при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ (1315—20 г.); въ основномъ источникѣ тутъ внутреннее противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что имя патріарха не сходится съ цифровымъ обозначеніемъ года (отъ сотворенія міра): проф. А. С. Павловъ, повидимому, съ полнымъ основаніемъ придаетъ бо́льшее значеніе имени патріарха, которое оди-

наково читается во всѣхъ спискахъ. Первоначальная область митрополіи при Ѳеофилѣ (упом. 1317, 1327, 1329) неизвѣстна въ точности, но ее необходимо отличать отъ галицкой; собственною епархіей его преемниковъ была Черная Русь. При митрополитѣ кіевскомъ Ѳеогностѣ († 1353) и литовская митрополія, какъ и галицкая, de facto опять стала кіевскою епископіей. Съ 1352—54 г. ее занималъ какой-то Ѳеодоритъ, поставленный трьновскимъ патріархомъ, и отлученный константинопольскимъ. Въ 1354 г. былъ поставленъ на литовскую митрополію нѣкто Романъ изъ тверского княжескаго рода, сильный поддержкой Ольгерда, который соединилъ подъ своей властью литовскія и почти всѣ галицкія области (въ 1347 г. галицкая митрополія была закрыта), и спорилъ съ св. митр. Алексіемъ за роль всероссійскаго митрополита. По смерти его взаимное недовольство Ольгерда и св. Алексія вызвали миссію Кипріана, который, ставъ литовскимъ митрополитомъ, перенесъ каѳедру изъ Новогродка въ Кіевъ, но потомъ, ставъ митрополитомъ всея Руси, переѣхалъ въ Москву (1389 г.).

М. А. Соколова, *Симеонъ, архіепископъ Солунскій* (Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1894 г., Май—Іюнь, отд. I, стр. 518—558).

Сочиненія Симеона, Солунскаго архіепископа первой половины XV в. (1406—29 г.), извѣстнаго богословской ученостью, твердостью въ православіи и патріотизмомъ, составляютъ важнѣйшій источникъ при изученіи и богословскомъ толкованіи византійскаго церковнаго обряда. Статья г. Соколова даетъ перечень и содержаніе его литургическихъ трудовъ, а затѣмъ историко-литературный анализъ ихъ и оцѣнку. Какъ экзегетъ богослуженія, Симеонъ не оригиналенъ; онъ только очень толково сводитъ въ стройную систему святоотеческія воззрѣнія; главный источникъ его — Діонисій Ареопагитъ, направленіе — умѣренно-мистическое.

Никифора Калогераса, архіеп. Патрасскаго, *Маркъ Евгеникъ и кард. Виссаріонъ*, оконч. («Странникъ», 1894 г., Май, стр. 3—32; гл. III: папизмъ и греки; гл. IV: греки и магометанство; заключеніе). См. Виз. Врем., т. I, вып. 2, стр. 445.

Папство, какъ показываетъ исторія православныхъ земель, подвергшихся латинскому завоеванію, никогда не признавало православной церкви, какъ религіознаго учрежденія; если въ иной мѣстной церкви, подъ условіемъ — признавать папу каноническимъ архіереемъ, оно повидимому и терпѣло ее, тамъ это дѣлалось съ цѣлью подготовить полное облатыненіе сперва ея, а потомъ чрезъ нее и всего Востока, что ясно видно на примѣрѣ Калабріи, Сициліи и Кипра. Маркъ и люди его партіи, напр. Вріенній, ясно понимали это, и потому стояли за заботливое отдѣленіе не только отъ Рима, но и отъ этихъ облатыненныхъ, но считавшихся православными церквей. Виссаріонъ, руководясь «естественнымъ разумомъ», считалъ неизбѣжною исламизацію грековъ въ случаѣ турецкаго завоеванія; Маркъ и его сторонники, напр. Геннадій Схоларій,

сильные религіознымъ чувствомъ, вѣрили, что власть безбожныхъ и безнравственныхъ турокъ падетъ скоро, какъ пали гиганты или Содомъ, и видѣли въ турецкомъ игѣ не гибель, а возвращеніе церкви къ положенію временъ до Константина Великаго. Оправдывая свое предпочтеніе турецкаго ига папизму, они указывали, что турки признаютъ восточную церковь какъ учрежденіе, и даже вытѣсняютъ папизмъ изъ своихъ владѣній, т. е. въ борьбѣ исповѣданій стоятъ за грековъ. Виссаріонъ и его партія считали погибшими и имперію, и націю, и церковь; партія Марка смотрѣла на бѣдствія своего народа какъ на временныя, объясняя ихъ географическими и другими причинами, и вѣрила въ вѣчность и своей націи, и православія. Ихъ идеи усвоила греческая церковь турецкаго періода. Она ограждала грековъ отъ латинянъ и ислама полемическими сочиненіями и вызывала ихъ на подвигъ новаго мученичества. Виссаріонъ считалъ свой народъ неспособнымъ къ этому подвигу; исторія показала, что онъ ошибался.

А. Лебедева, *Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви, послѣ паденія византійской имперіи.* Гл. II. Отношенія Оттоманской Порты къ христіанскому народу греко-восточной вѣры. Гл. III. Отношенія іерархіи греко-восточной церкви и народа къ турецкому правительству. (Богосл. Вѣстникъ, 1894 г. іюнь, отд. II, стр. 437—472; августъ, отд. II, стр. 243—266).

Кварталъ Фанаръ, гдѣ поселился константинопольскій патріархъ послѣ взятія турками столицы имперіи, сталъ центромъ ея греческаго населенія; уже въ концѣ XVI в. число грековъ тутъ опредѣляется въ 100,000 чел. Въ провинціяхъ, въ городахъ и внутри страны всѣ учрежденія и весь вообще распорядокъ жизни остался почти тѣмъ же, что въ византійское время. Въ Мореѣ и другихъ чисто-греческихъ по населенію областяхъ очень скоро являются греки-чиновники, какъ посредники между населеніемъ и новой верховной властью—такъ называемые архонты, приматы, димогеронты и пр. Наибольшею долей внутренней свободы въ жизни и управленіи пользовались жители горныхъ странъ и островитяне, а изъ нихъ особенно хіосцы, имѣвшіе, м. пр., постоянно представителей-ходатаевъ какъ у мѣстнаго паши, такъ и у султана. Среди другихъ христіанскихъ народностей, напр. болгаръ, изъ лицъ, сдавшихся на извѣстныхъ условіяхъ, образовались привилегированныя общины, обязанныя турецкому правительству извѣстнымъ родомъ службы, взамѣнъ чего они сохранили своихъ князей и были почти свободны отъ податей; сообразно характеру своихъ обязанностей они назывались войницами, арматолами, сокольницами и пр.

Древняя византійская аристократія отчасти была истреблена, отчасти потеряла значеніе; въ Фанарѣ образовалась новая аристократія ума и ловкости—такъ называемые фанаріоты, которые съумѣли стать необходимыми туркамъ, прежде всего по дѣламъ дипломатическимъ, заставили ихъ уважать греческую науку и смышленость и, пользуясь этимъ,

завели въ столицѣ греческія школы и вообще поддерживали эллинизмъ въ турецкой имперіи. Какъ на типичнаго фанаріота можно указать на Михаила Кантакузина (XVI в.), страшнаго проныру и взяточника, кончившаго висѣлицей, но оставившаго огромное собраніе драгоцѣнныхъ греческихъ рукописей. Въ званіи драгомановъ при пашахъ фанаріоты въ сущности управляли пашалыками съ не-турецкимъ населеніемъ; фанаріотъ—великій драгоманъ флота при капуданъ-пашѣ былъ настоящимъ царькомъ островныхъ грековъ; а великіе драгоманы Порты были членами министерства иностранныхъ дѣлъ и напр., въ XVII вѣкѣ, заправляли внѣшнею политикой имперіи (Никузіосъ Панайотаки, Александръ Маврокордато). Съ 1712—1821 г. фанаріоты регулярно бывали молдавскими и валашскими господарями; они вызвали массовыя переселенія грековъ въ эти земли, приписали церковныя имѣнія Молдавіи и Валахіи къ Св. Гробу и Аѳону и дѣлили барыши поровну съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами. Освобожденные отъ военной службы, греки совершенно заполонили флотъ; свободно, за взносъ пятины, обработывали свои земли, занимались ремеслами, прибрали къ рукамъ торговлю и откупа. Свидѣтельства XV—XVIII вѣка показываютъ, что подъ турками сплоченнымъ, ловкимъ грекамъ жилось лучше, чѣмъ подъ венеціанцами, лучше, чѣмъ мусульманамъ имперіи въ Азіи и Африкѣ, чѣмъ русскимъ и полякамъ—сосѣдямъ крымцевъ и турокъ. Словомъ «райя не была счастлива, но она и не была угнетена».

Хараджъ былъ не великъ, а между тѣмъ его уплата давала греку всѣ права султанскаго подданнаго и избавляла отъ воинской повинности. Десятина съ христіанскихъ мальчиковъ сама по себѣ — верхъ варварства; но блестящая карьера завербованныхъ примирила съ ней грековъ и возбуждала зависть турокъ (Герлахъ). Давленіе турокъ на совѣсть христіанъ съ цѣлью побудить къ ренегатству—миѳъ. Турки не навязывали ислама и отдѣльнымъ лицамъ, а массовыя ренегатства даже останавливали; никакихъ привиллегій ренегатство не доставляло.

Данныхъ церкви привиллегій султаны, вообще говоря, не нарушали и во внутреннія дѣла церкви не вмѣшивались. Въ отвѣтъ греческое духовенство писало панегирики султанамъ, и всячески изъявляло имъ свою преданность и признательность. Очень странное, но общее явленіе въ его жизни—братанье съ янычарами, фиктивное вступленіе даже въ ихъ общество, и переименованіе церковнаго чина на янычарскій ладъ. Высшая іерархія греческая ручалась султану за вѣрность ему своей паствы и дѣйствовала въ этомъ духѣ (Ѳеодосій II, Григорій V, Анѳимъ іерусалимскій). Россіи и русскихъ греки не уважаютъ, не любятъ и боятся ихъ побѣдъ надъ турками съ XVII в. и до сихъ поръ. Народъ греческаго исповѣданія, когда приходилось выбирать между латинянами и турками, какъ было напр. съ Сербіей и Босніей въ XV в., съ Кипромъ въ XVI в. и пр., всегда выбиралъ вѣротерпимыхъ турокъ. Многочисленные ренегаты XVI—XVIII вѣка въ славянскихъ земляхъ вышли изъ

католиковъ, а не православныхъ, какъ показываетъ статистика; греки же хранили свое православіе очень ревностно. Турецкій языкъ любимъ греками и употребляется даже какъ церковный; народъ живетъ съ турками въ миру и безъ раболѣпства.

Резюмируя свои изысканія, проф. Лебедевъ рѣшительно объявляетъ напрасными или преувеличенными ламентаціи грековъ на притѣсненія ихъ вѣры и народности турками.

А. Лебедева, *Константинопольская патріархія.* Предварительныя замѣчанія. Геннадій Схоларій, первый константинопольскій патріархъ послѣ паденія византійской имперіи (Богосл. Вѣстн., 1894, Сент., отд. II, стр. 376—412).

Въ «предварительныхъ замѣчаніяхъ» къ новой серіи своихъ очерковъ, проф. Лебедевъ предупреждаетъ читателей, что онъ намѣренъ дать не хронологическую исторію всѣхъ патріарховъ, а сводъ извѣстій и данныхъ, характеризующихъ вообще ихъ интеллектуальную жизнь, нравственный обликъ, систему правленія и матеріальное положеніе; а въ длинномъ подстрочномъ примѣчаніи къ нимъ перечисляетъ и характеризуетъ свои источники: Гедеона (Πατριαρχικοὶ πίνακες и Χρονικὰ τοῦ πατρ. οἴκου καὶ ναοῦ), Захарія Мату (псевдонимъ Конст. Икономоса—Κατάλογος τῶν πρώτων ἐπισκόπων κτλ.) и Матθея Кигалу (Νέα σύνοψις διαφόρων ἱστοριῶν).

Въ вопросѣ объ исторіи избранія Геннадія, проф. Лебедевъ принимаетъ за достовѣрнѣйшія извѣстія Historia politica, примиряя ихъ, насколько возможно, съ Франдзіемъ; касательно отношеній его къ Магомету II слѣдуетъ Франдзію; отвергаетъ разсказъ о клеветѣ на Геннадія распутной попадьи, бывшей, будто-бы, причиной отреченія Геннадія, вопросъ о дѣйствительной причинѣ оставляетъ открытымъ, и смерть Геннадія, сообразно новымъ даннымъ о длительности его правленія, относитъ къ 1457 году.

А. И. Пападопуло-Керамевса, *Θеофанъ Карикъ, патріархъ Константинопольскій.* (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1894 г., Май, стр. 1—20).

Послѣ очерка жизни Θеофана Карика до великаго собора 1593 г., авторъ подробнѣе излагаетъ его дѣятельность на этомъ соборѣ и позднѣе, въ роли мѣстоблюстителя патріаршаго престола по смерти Гавріила I, и доказываетъ противъ М. Гедеона (Πατριαρχικοὶ πίνακες, стр. 538—539), что Θеофанъ не узурпировалъ патріаршаго престола, а видя наросшую путаницу и происки недостойныхъ претендентовъ, поставилъ и канонически провелъ—вѣроятно въ Февралѣ 1597 г.—правда, обычными въ Византіи въ то время средствами, свою кандидатуру.

М. Соловьева, *Никифоръ Θеотоки* (Труды Кіевской Дух. Ак., Сентябрь, стр. 78—115; продолженіе обѣщано).

Главнымъ источникомъ для этой біографіи извѣстнаго дѣятеля въ интересахъ православнаго просвѣщенія и подъема греческой націи въ XVIII вѣкѣ послужили Βιογραφικὰ σχεδάρια Брокини. Напечатанный отдѣлъ обнимаетъ дѣтство Θеотоки, его пребываніе въ школѣ Кавадіи въ

Корфу, въ Патавійской греческой гимназіи и Болонской Академіи, затѣмъ его дѣятельность на родинѣ въ качествѣ народнаго учителя и кончается характеристикой школы въ Корфу, основанной Θеотоки уже въ санѣ пресвитера, въ 1758 г.

Рецензіи появились на слѣдующія книги:

Θ. Успенскій, Очерки византійской образованности. Рецензія **А. Лебедева,** въ Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1894 г., Январь, отд. II, стр. 85—114.

Остроумовъ, Введеніе въ православное церковное право, томъ I. Харьковъ, 1893. Рецензія **Н. Заозерскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1894, Іюнь, отд. IV, стр. 489—496.

Д. Θ. Бѣляевъ, Ежедневные и воскресные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в. Рецензія **г. Лихачева** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1894, Январь, стр. 232—235.

Бракенгеймеръ, Ἀλεξίου Κομνηνοῦ ποίημα παραινετικόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса, 1893. Рецензія **г. В. Б.** въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1894, Іюнь, стр. 837—838.

Б. Меліоранскій.

Сентябрь 1894 г.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

Ἰωάννης Παντελεημονίδης, ἀρχιμανδρίτης: Τὰ Κελλίβαρα [Νεολόγου Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 406—408, 422—423].—Μακρὰ περιγραφή, μεθοδικῶς γεγραμμένη, τῆς κωμοπόλεως Κέλβερι, τῆς κειμένης ἐν τῇ Μικρᾷ Ἀσίᾳ νοτιοδυτικῶς τῆς Ναζιανζοῦ. Ἐν τῇ κωμοπόλει ταύτῃ πρότερον ὑπῆρχε τῶν Κελλιβάρων ἡ μονή. Ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου σῴζονται τέσσαρες εἰκόνες παλαιαί, ἀφιερωθεῖσαι κατὰ τὴν ἐπιτόπιον παράδοσιν ὑπὸ Κωνσταντίνου ζ′ τοῦ Πορφυρογεννήτου. Ἰδιαίτερον κεφάλαιον τῆς περιγραφῆς τοῦ τόπου τούτου πραγματεύεται περὶ τῶν ἔξω τῶν Κελλιβάρων καὶ τῶν ἐν τοῖς περιχώροις σῳζομένων ἀρχαίων ἐρειπίων. Σημειώσεως δὲ ἄξιόν ἐστι τὸ νῦν λεγόμενον χωρίον Κανίταλα, ὅπερ ὁ ἀρχιμανδρίτης Ἰωάννης ταυτίζει τῷ Κονόταλα, τῷ μνημονευομένῳ ἐν τῇ διαθήκῃ Γρηγορίου τοῦ Ναζιανζηνοῦ· ἕτερον χωρίον τουρκικὸν ὀνομάζεται νῦν Περίστρεμμα. Ἐν τούτῳ εὑρίσκεται ἐπιγραφὴ λέγουσα· «Ἐνθάδε κεῖται ὁ τοῦ θεοῦ ἐκλεκτὸς δοῦλος Θεόφιλος· ἐκοιμήθη ἐν ἔτει θεογονίας (ς)ψκζ′, ἐν μηνὶ ὀκτωβρίῳ ιβ′» [=1218]. Ὑπάρχει καὶ μέρος, παρὰ τὸ Περίστρεμμα, λεγόμενον Φάλακα, ἐν ᾧ σῴζονται κατεστραμμέναι ἐκκλησίαι μετὰ τοιχογραφιῶν· καὶ ἐν τῷ χωρίῳ Καρὰ-Γκεδὶκ ὑπάρχει ναὸς λελατομημένος ἐν πέτρᾳ, οὗ ἡ πρόθεσις ἔχει τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην· «. . . οὗτος ὁ ἱερὸς ναὸς ἐλατομήθη ἐν ἔτει θεογονίας. . . .». Καὶ πάλιν ἐντὸς ἑτέρας ἐκκλησίας λελατομημένης γέγραπται ἡ ἐπιγραφὴ αὕτη· «Οὗτος ὁ πανένδοξος ναὸς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου ἐπεσκευάσθη καθὼς ὁρᾶται διὰ συνδρομῆς Βασιλείου . . . καὶ . . . τῶν Ῥωμαίων βασιλευόντων καὶ Κυρίλλου ἀρχιερατεύοντος ἐπὶ ἡγουμενίας Ἰωάννου . . . ἐν ἔτει θεογονίας . . .». Ὁ ἀρχιμανδρίτης Ἰωάννης προστίθησιν ἀμφο-

τέραις ταῖς ἐπιγραφαῖς ἀριθμοὺς ἐτῶν· ἀλλ' ὡς ἔχουσιν οὗτοι, φαίνονταί μοι πλημμελεῖς ἢ κακῶς ἀντιγεγραμμένοι. Καθόλου ὅμως ἡ ἀνάγνωσις τῆς περιγραφῆς τῶν περὶ τὰ Κελλίβαρα τόπων διερεθίζει τὴν ὄρεξιν παντὸς ἐπιστήμονος ἀρχαιολόγου τοῦ ἐπιθυμεῖν συστηματικῆς τε καὶ εἰδικῆς τῶν ἐκεῖ μνημείων ἐξετάσεως.

Ν. Ι. Γιαννόπουλος, Ἑλληνικαὶ καὶ ῥωμαϊκαὶ ἐπιγραφαὶ ἐν Δράμᾳ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 475—476, 652—653]. — Ἴσως τρεῖς ἢ τέσσαρες τῶν ἐπιγραφῶν τούτων εἰσὶν ἄγνωστοι. Ὁ ἐκδότης αὐτῶν ἀγνοεῖ τὸ βιβλίον τοῦ Heuzey [Mission en Macédoine] καὶ τὴν ἐμὴν ἀρχαιολογιαὴν συλλογὴν [Ἀρχαιότητες καὶ ἐπιγραφαὶ Θράκης καὶ Μακεδονίας. Ἑλλ. Φιλ. Σύλλ. τ. ιζ', 1886, παράρτ. ἀρχαιολ. σ. 106—113], ἐν ᾗ διορθοῦνται καί τινες τῶν παρὰ τῷ Heuzey ἐπιγραφῶν. Ἡ παρὰ τῷ Γιαννοπούλῳ ϛ' ἐπιγραφὴ κεῖται παρ' ἐμοὶ πληρεστάτη [σ. 108]· ἡ παρ' αὐτῷ ιβ' προεκδοθεῖσα ὑπὸ τοῦ Heuzey διωρθώθη παρ' ἐμοῦ [σ. 112]· ἡ τοῦ Γιαννοπούλου ἔκδοσις ἐπαναλαμβάνει τἀναγνώσματα τοῦ Heuzey, προστίθησι δὲ καὶ ἕτερ' ἀπαράδεκτα· ἡ παρ' αὐτῷ πάλιν ιγ' μετ' ἐσφαλμένων ἀναγνώσεων ἐπιγραφὴ εὑρίσκεται παρ' ἐμοὶ καλῶς ἔχουσα [σ. 113]· καὶ ἡ ιδ' εὑρίσκεται παρὰ τῷ Heuzey, παρ' ἐμοὶ δὲ ὑπάρχουσι δύο διορθώσεις εἰς τὴν ἔκδοσιν τούτου [σ. 112]· ἡ δὲ ιε' ἀκριβέστατ' ἀνεγνωσμένη παρ' ἐμοῦ κεῖται ἐν τῇ 108-ῃ σελίδι τοῦ πονηματίου μου. Τῶν ὑπὸ τοῦ Γιαννοπούλου συλλεγεισῶν ἐπιγραφῶν μία μόνη ἐστὶ τῆς βυζαντινῆς περιόδου [ἀριθ. ιϛ'· πρβλ. καὶ ιζ', σ. 652—653], ἡ τετειχισμένη ὕπερθεν τῆς θύρας τῆς ἐν Δράμᾳ μητροπόλεως, ἡ μνημονεύουσα τοῦ κουροπαλάτου Ἀλεξίου τοῦ Μανιάκη [1144—1145] ἀλλὰ καὶ αὕτη οὐ μόνον ἀκριβέστατ' ἀνεγνώσθη παρ' ἐμοῦ, ἀλλὰ καὶ πανομοιοτύπως ἀπαραλλάκτως ἐξεδόθη [σ. 109]. Ἐν τῷ δευτέρῳ στίχῳ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης ὁ ἐκδότης ἀνέγνω «φήμῃ»· γραπτέον «φημὴ» = φημί.

Δ. Α. Π[αναγιωτίδης], Ἤθη καὶ ἔθιμα τοῦ τμήματος Παραμυθίας ἐν Θεσπρωτίᾳ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 663—664].

Β. Α. Μ[υστακίδης], Ὀλίγαι σκέψεις περὶ γεωγραφίας. Εὔξεινος Πόντος [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 666—668, 681—683, 696—699, 714—715]. — Περιγραφὴ τοῦ Εὐξείνου Πόντου περιληπτικὴ καὶ μεθοδική, κατά τε τοὺς ἀρχαίους καὶ τοὺς νεωτέρους γεωγράφους.

Π. Γ. Παπακωνσταντῖνος, Ἡ (Μακεδονικὴ) Βέρροια [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 726—727]. Ὁ αὐτὸς αὐτόθι περὶ τῆς μακεδονικῆς Ἠμαθίας [σ. 759].

Π. Γ. Παπακωνσταντῖνος, Περὶ τοῦ (ἐν Μακεδονίᾳ) Λυδίου ποταμοῦ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 790—792].—Ὁ ποταμὸς οὗτος ὀνομάζεται νῦν ἑλληνιστὶ Μαυρονέρι, τουρκιστὶ δὲ Καρᾶ-Ἀσμάκ.

Χρῆστος Παπαδόπουλος, Περί τινων χειρογράφων τῆς ἄρτι ἀποτεφρωθείσης μονῆς τῆς Μαχαιράδος ἐν Κύπρῳ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 830—831]. — Τὰ χειρόγραφα ταῦτα, ἓξ τὸν ἀριθμόν, εἶδεν ὁ Χρῆστος πρὸ τῆς ἀποτεφρώσεως τῆς μονῆς. α') Τετραευαγγέλιον μετ' εἰκόνων τῶν εὐαγγελιστῶν, γεγραμμένον κεφαλαιώδεσι γράμμασι τῆς ἐνάτης ἑκατονταετηρίδος [Uncialcodex]. — β') Ἰὼβ μεθ' ἑρμηνείας· τεῦχος ἠκρωτηριασμένον τῆς ὀγδόης

ἑκατονταετηρίδος, ὡς λέγει, γεγραμμένον γράμμασι στρογγύλοις κεφαλαιώδεσι.— γ') Τεῦχος τῆς ιδ' ἑκατ. περιέχον Νικηφόρου τοῦ Χούμνου πέντε φιλοσοφικὰ πονημάτια: περὶ κόσμου καὶ τῆς κατ' αὐτὸν φύσεως, περὶ τῶν πρώτων καὶ ἁπλῶν σωμάτων, περὶ τοῦ ὅτι τῆς γῆς ἐν μέσῳ τοῦ παντὸς ἑστώσης ταύτης κατώτερόν ἐστιν οὐδέν, περὶ τοῦ ὅτι μήτε ἡ ὕλη πρὸ τῶν σωμάτων κτλ., ἀντιθετικὸς πρὸς Πλωτῖνον περὶ ψυχῆς. — δ') Συλλογὴ πατερικῶν πονημάτων, οἷον Ἡσυχίου Ἱεροσολυμίτου, Βασιλείου Καισαρείας, Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας, Ἰουστίνου φιλοσόφου ἐκ τοῦ περὶ ὀρθῆς πίστεως κτλ. Τὸ τεῦχος ἦν τῆς δεκάτης ἑκατ.— ε') Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου ἑρμηνεία τῶν ἀποστολικῶν πράξεων, ἀντιγραφεῖσα τῇ ιβ' ἑκατ. — ς') Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου λόγοι κε', γεγραμμένοι τῇ δεκάτῃ ἑκατονταετηρίδι.

Δ. Α. Παναγιωτίδης, Χρονολογικὸς κατάλογος τῶν ἐπισκόπων Παραμυθίας μετὰ τῶν ἀρχαιοτέρων τῆς Εὐροίας, Φωτικῆς καὶ Βουθρωτοῦ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 308—311].

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης, Περὶ τῆς χιακῆς οἰκογενείας Καλοθέτου [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 401—403]. — Δημοσιεύει χρυσόβουλλον Ἀνδρονίκου τοῦ γέροντος, γραφὲν ἔτει 1314-ῳ πρὸς Ἀνδρέαν μοναχὸν τὸν Καλοθέτην καὶ Ἰγνάτιον ἱερομόναχον τὸν Καλοθέτην, οἷς ἐδόθη πατριαρχικῷ γράμματι τὸ ἐν Βερροίᾳ μοναστήριον τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ.

Νικόλαος Γ. Μυστακίδης, Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι· παρατηρήσεις ἐπὶ τῶν χρονολογικῶν καταλόγων τοῦ σεβασμ. μητροπολίτου Ἀμασείας κ. Ἀνθίμου Ἀλεξούδη. Μητρόπολις Ἰωαννίνων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 864—866]. — Προλογίζει ὁ Ν. Μυστακίδης λέγων ὠφέλιμά τινα περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἐπαρχίας τῶν Ἰωαννίνων· εἶτα δὲ καταγράφει τοὺς μητροπολίτας αὐτῶν, τοὺς ἀπὸ τοῦ 879-ου μέχρι τοῦ 1889-ου ἔτους, συμπληρῶν οὕτω τὸν ὑπὸ τοῦ μητροπολίτου Ἀνθίμου προεκδοθέντα κατάλογον· ἀλλ' ἀμφότεροι οἱ καταλογοποιοὶ ἠγνόησαν ἄχρι τοῦδε μητροπολίτας δύο τῶν Ἰωαννίνων, ὧν τὰ ὀνόματα προεφανέρωσα [Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολ. ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος· τεῦχος XI, 1891, σ. 458 καὶ 490], τουτέστι Γρηγόριον, τὸν ὑπὸ Θεολήπτου τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου σταλέντα πρέσβυν εἰς Ῥωσίαν ἔτει 1514 ῳ, καὶ Δανιὴλ τὸν ἔτει 1571-ῳ μνημονευόμενον ἐν σιγιλλίῳ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Μητροφάνους.

Κύριλλος Ἠλ. Παυλίδης, Ὀλίγα τινὰ περὶ τῆς πόλεως Κερασοῦντος [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 221—224]. — Ὁ συγγραφεὺς ὑποστηρίζει τὴν ταὐτότητα τῆς νῦν Κερασοῦντος πρὸς τὴν παρὰ τῷ Ξενοφῶντι μνημονευομένην ὁμώνυμον πόλιν, ἀνθιστάμενος κατὰ τῶν ἐναντιοφρονούντων. Προστίθησιν εἶτα κατάλογον τῶν ἀρχιερέων αὐτῆς [431—1613]· μεθ' ὃ δηλοῖ, ὅτι κατέχει νόμισμα Κερασουντίων μετὰ τῆς προτομῆς Ἀντωνίνου τοῦ Εὐσεβοῦς, εὑρεθέν, ὡς φαίνεται, περὶ τὴν νῦν Κερασοῦντα.

Β. Α. Μυστακίδης, Ἔλεγχος τῶν περὶ Κερασοῦντος ὑπὸ τοῦ κ. Παυλίδου εἰρημένων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 266—269].—Ὁ αὐτός: Μία Κερασοῦς ἢ δύο; [Αὐτόθι, σ. 290—292].

Κύριλλος Ἠλ. Παυλίδης, Μία Κερασοῦς, καὶ αὐτη ἡ 129

χιλιόμετρα δυτικώτερον τῆς Τραπεζοῦντος κειμένη ἐστὶν ἡ ὑπὸ τοῦ Ξενοφῶντος μνημονευομένη [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 366—368, 85—387[. — Ἀπόκρισις πρὸς τὸν Μυστακίδην.

B. A. Μυστακίδης, Τοπογραφικά· τελευταία λέξις τῷ κ. Παυλίδῃ περὶ Κερασούντων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 466].

Κύριλλος Ἠλ. Παυλίδης, Τοπογραφικά· ἀνακεφαλαίωσις τῶν ὑπὸ τοῦ κ. Β. Α. Μυστακίδου περὶ τῆς Ξενοφωντείου Κερασοῦντος εἰρημένων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 665].

Σταῦρος Ἰ. Βουτυρᾶς, Περὶ τοῦ ἀκαθίστου ὕμνου καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ συνδεομένων μεγάλων ἱστορικῶν γεγονότων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 411—413, 431—434, 511—513]. — Περιλήψεις τῆς περὶ τοῦ ὕμνου τούτου τύποις ἀνεκδότου καὶ σπουδαίας, ὡς φαίνεται, συγγραφῆς τοῦ λογιωτάτου Βουτυρᾶ, ἀναγνωσθείσης ἐν τῷ Κωνσταντινουπόλεως Ἑλληνικῷ Φιλολογικῷ Συλλόγῳ.

Σταῦρος Ἰ. Βουτυρᾶς, Βυζαντινῆς τοπογραφίας πάρεργα. Τὰ Προμώτου, Πρόοχθοι ἢ Βρόχθοι, Τὰ Βορραδίου, Τὰ Ἀνθεμίου, Βασίλεια ἐν Βρόχθοις, Μετάνοια Θεοδώρας, αἱ Σοφιαναί, ἡ Χρυσοκέραμος [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 561—565, 581—585].—Ὁ συγγραφεὺς ἑρμηνεύει χωρίον τοῦ Πασχαλίου Χρονικοῦ καὶ ἄλλα τινὰ χωρία βυζαντινῶν ἱστορικῶν, ἐν οἷς οἱ μνησθέντες ἀναφέρονται τόποι· καθορίζει δὲ καὶ τὴν τοποθεσίαν αὐτῶν.

N. I. Γιαννόπουλος, Χρονικὰ σημειώματα Θεσσαλίας [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 241—243]. — Δημοσιεύει στίχους δεκαπεντασυλλάβους καὶ σημείωμα πεζὸν περὶ μεγάλης τινὸς σιτοδείας, γενομένης ἐν Θεσσαλίᾳ μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1774 καὶ 1775· μεθ' ἃ παρατίθησιν ἕτερα σημειώματα γεγραμμένα μεταξὺ τοῦ 1667-ου καὶ τοῦ 1810-ου ἔτους.

Ἀλέξανδρος Λαυριώτης, Περὶ τῆς τομῆς τοῦ ἰσθμοῦ Παλλήνης, τῆς νῦν Κασσάνδρας [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 341—343].—Δημοσιεύει χρυσόβουλλον Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου (γεγραμμένον ἔτει 1407-ῳ), ἐν ᾧ γράφει οὗτος, ὅτι «κύριος τῆς Θεσσαλονίκης γενόμενος καὶ τῶν περὶ αὐτὴν ἁπάντων πεποιημένος τὴν πρόνοιαν» ἠβουλήθη «τὸ περὶ τὴν Παλλήνην ἀνανεώσασθαι τεῖχος, ὃ Κασσάνδρειαν μὲν ὁ τοῦ Ἀλεξάνδρου πατὴρ ἐκεῖνος ὠνόμασεν, ἐκ βάθρων πεποιημένος αὐτό, οἱ δὲ μετ' αὐτὸν ἐν ὑστέρῳ Ποτίδαιαν»· διὸ καὶ προστίθησιν ὁ αὐτοκράτωρ, ὅτι «ὤρυξα τάφρον περὶ αὐτὸ καὶ ἥνωσα τὴν ἐν τῷ κόλπῳ τῷ Θερμαϊκῷ θάλασσαν μετὰ τῆς ἐν τῷ κόλπῳ τῷ Τορωναϊκῷ θαλάσσης καὶ νῆσον εἰργασάμην τὴν ἤπειρον».

M. I. Κεφάλας, Περὶ γενέσεως τῆς καθωμιλημένης γλώσσης κατὰ Γ. Ν. Χατζιδάκιν [Νεολόγου Ἑβδομαδιαία Ἐπιθεώρησις, τ. II, 1892, σ. 5—7, 46—48, 64—66, 87—88, 126—127, 164—165] — Περίληψις τῆς Einleitung in die Neugriechische Grammatik von Hadjidakis. Leipzig. 1892.

Ἡρακλέους Βασιάδου, Περὶ προφορᾶς τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης ἐπιστολιμαῖαι διατριβαὶ πρὸς τὸν μαρκήσιον De Queux de Saint-Hilaire [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1892, σ. 121—126, 141—143, 521—523, 621—623, 641—642].

Β. Α. Μυστακίδης, Πνευματικὴ κίνησις ἐν Καππαδοκίᾳ κατὰ τὸν ιη´ καὶ ιθ´ αἰῶνα. Ἀνέκδοτον δίπλωμα διδασκαλικόν [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. ΙΙ, 1892, σ. 85—87, 106—107].

Ν. Καπιγιολδάσης, Ὁ γάμος παρὰ Σιδερουντίοις [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. ΙΙ, 1893, σ. 809]. — Περιγραφὴ γαμικῶν τινων ἐθίμων τῶν ἐν τῇ νήσῳ Χίῳ κωμητῶν Σιδερουντίων.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης, Χρυσόβουλλον Ἰωάννου Παλαιολόγου αὐτοκράτορος Ῥωμαίων ἀνέκδοτον [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. ΙΙ, 1893, σ. 201—204].—Τοῦ χρυσοβούλλου τούτου, οὗ ἡ ἀρχὴ «Πολλοὶ γεγόνασι τῶν τοῦ σωτῆρος ἐντολῶν πληρωταί», πρῶτος ἐμνήσθη Victor ὁ Langlois [Le Mont-Athos et ses monastères. Paris 1867, σ. 34]· γέγραπται ἔτει 1341-ῳ καὶ σκοπὸν ἔχει τὸ ἐν τῇ Λαύρᾳ τοῦ Ἄθω νοσοκομεῖον, ὅπερ ἠρίθμει τότε κλίνας ἑβδομήκοντα. Ἐν τῷ χρυσοβούλλῳ περιέχονται καὶ πληροφορίαι χρήσιμοι περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει πύλης τοῦ τιμίου Προδρόμου, περί τε τοῦ ξενῶνος τοῦ ἁγίου Παντελεήμονος καὶ περί τινων βυζαντινῶν οἰκογενειῶν.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης, Ἱστορικὰ περὶ τοῦ Ἄθω [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. ΙΙ, 1893, σ. 881—883, 904—906, 926]. — Δημοσιεύει τεμάχη περὶ τοῦ ὄρους Ἄθω, ἃ συνήθροισεν ἐκ τῶν ἤδη γνωστῶν συγγραφέων τῆς ἀρχαίας καὶ μέσης ἑλληνικῆς φιλολογίας· εἶτα δὲ προστίθησιν ἱστορικὸν ὑπόμνημα ἐκ χειρογράφου τῆς μεγάλης Λαύρας, οὗ μέγα μέρος ἐγινώσκομεν ἐκ τῆς Ἀθωϊτικῆς ἱστορίας τοῦ ἐπισκόπου Πορφυρίου τοῦ Οὐσπένσκη [Исторія Аѳона; часть III σ. 618—619].

Μ. Ι. Γεδεών, Ἐπίσκεψις εἰς Ἀφουσίαν [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. ΙΙ, 1893, σ. 861—864].—Περιγραφὴ μικρᾶς νήσου κειμένης ἐν τῷ κόλπῳ τῆς Ἀρτάκης, καλουμένης δὲ νῦν Ἀραπλάρ, ἔνθα καὶ χωρίον ὁμώνυμον ὑπάρχει· δείκνυνται δ᾽ ἐκεῖ λείψανα μονυδρίων. Ὁ Γεδεὼν εὗρε τεμάχη δύο βυζαντινῶν ἐπιτυμβίων ἐπιγραφῶν ἀσημάντων καὶ πέντε χάρτινα χειρόγραφα: δύο μουσικὰ στιχηράρια, Ἀπόστολον ἕνα, συλλογὴν συγγραμμάτων Συμεὼν τοῦ Θεσσαλονίκης καὶ ἀντίγραφον νομοκάνονος, γενόμενον ἔτει 1779-ῳ ἐν Μετεώροις ὑπὸ Γερασίμου τοῦ Βυζαντίου, μητροπολίτου Ῥάσκας· ἔχει δὲ τὰ βιβλία ταῦτα τὸ ἐν τῇ νήσῳ μετόχιον τῶν Βατοπεδινῶν. Ἡ συλλογὴ τοῦ Συμεών, ἔχουσα περὶ τὸ τέλος καί τινα τῶν ποιημάτων Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ, ἐγράφη ἔτει 1680-ῷ, κατὰ τὸ σημείωμα τοῦτο. «Εἴληφε τέλος ἡ παροῦσα βίβλος Συμεὼν Θεσσαλονίκης ἔτει ͵αχπ´, ἐν μηνὶ ἰουνίῳ δ´, ἰνδικτιῶνος γ´· ἀντεγράφη δὲ παρ᾽ ἐμοῦ Ἰωάννου ἱερέως, τάχα μεγάλου πρωτοπαπᾶ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, τῆς Βυζαντίδος πόλεως ὄντος γέννημα· καὶ ἐγράφη ὄντος ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικολάου ἀρχιεπισκόπου Μύρων τῆς Λυκίας τοῦ θαυματουργοῦ, ἐν τῇ Ἁγίᾳ», τουτέστιν ἐν τῷ Τζιβαλίῳ Κωνσταντινουπόλεως. Ἐν ἑτέρῳ σημειώματι ὁ αὐτὸς Ἰωάννης λέγει ἑαυτὸν «ἱερομνήμονα τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας». Προστίθημι τούταις, ὅτι τὸν αὐτὸν Ἰωάννην εὗρον ἐγὼ καὶ μέγαν ὠνομασμένον σακελλάριον τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας, καὶ ὅρα τὸ περὶ τούτου σημείωμα ἐν τῇ ἐκθέσει μου παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν [Ἑλλην. Φιλ. Συλλ. τ. ιζ´, παράρτ. ἀρχαιολ. σ. 35]· ἔγραψε δὲ ὁ αὐτὸς Ἰωάννης ἰδίᾳ χειρὶ καὶ πολλὰ φύλλα τῆς

Νομικῆς Συναγωγῆς Δοσιθέου πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων, ἀναγνωρισθέντα παρ' ἐμοῦ συμπαραβολῇ τῆς γραφῆς αὐτῶν πρὸς τὴν γραφὴν τοῦ κώδικος, ἐν ᾧ κατονομάζει ἑαυτὸν ὁ Ἰωάννης μέγαν σακελλάριον.

Μ. Ι. Γεδεών, Ἀκολουθία γινομένη τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ Παρασκευῇ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 444—446]. — Κείμενον τῆς ἀκολουθίας ἄνευ τινὸς ἑρμηνείας τοῦ ἐκδότου, ληφθὲν ἐκ χειρογράφου τῆς ἐν τῷ μετοχίῳ τοῦ Παναγίου Τάφου βιβλιοθήκης, ἐν ᾧ γέγραπται τοῦτο μετὰ τὴν ἐπιγραφήν· «μεταγραφεῖσα ἔκ τινος παλαιοῦ βιβλίου ἐν μεμβράναις, εὑρεθέντος ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαήλ, ἐν χωρίῳ καλουμένῳ Συκῇ τῆς Βιθυνίας»· λέγεται δὲ τὸ χωρίον τοῦτο τανῦν Συγή.

Ἀλέξανδρος Ε. Λαυριώτης, Ἱστορικά· ποικίλη ἱστορία [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 1007—1009, 1021—1023. III, 1893, σ. 23—25].— Δημοσιεύει μέρη τινὰ τῆς ἀνεκδότου Βίβλου τῶν Βασιλειῶν Καισαρίου τοῦ Δαπόντε· α') τάξιν γινομένην ἐπὶ ὑποδοχῇ τινος ἐλευθέρου Κονιάτου, τουτέστι Μασόνου, ἐξ ἧς μανθάνομεν ὅτι τὸ πρῶτον ἐφανερώθησαν οἱ Μασόνοι παρὰ τοῖς Ἕλλησιν ἐν τῇ πόλει Σμύρνῃ, πατριαρχοῦντος ἐν Κωνσταντινουπόλει τοῦ πατριάρχου Παϊσίου, πρὸς δὲ καὶ ὅτι κατηγγέλθησαν ἐκεῖνοι τότε πρὸς αὐτὸν ὑπὸ Νεοφύτου μητροπολίτου Σμύρνης ἔτει 1747-ῳ. β') γράμμα Παρθενίου πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων [1744], δι' οὗ Κωνσταντῖνος ὁ Δαπόντες, γραμματεὺς ὢν ἔτι τοῦ Μολδοβλαχίας ἡγεμόνος Ἰωάννου Νικολάου τοῦ Μαυροκορδάτου, τιμητικῶς ὠνομάσθη μέγας ἐκκλησιάρχης τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων· γ') γράμμα Βεράρδου Φάβκενερ, πρεσβευτοῦ τῆς Ἀγγλίας παρὰ τῇ Ὀθωμανικῇ Πόρτᾳ, δι' οὗ Κωνσταντῖνος ὁ Δαπόντες ἔτει 1739-ῳ καθίσταται πρόξενος τῆς Ἀγγλίας ἐν τῇ νήσῳ Σκοπέλῳ· δ') περιγραφὴν μαρμαρίνου σκεύους πολυτίμου, φυλαττομένου ἐν τῷ μοναστηρίῳ τοῦ Κουτλουμουσίου καὶ φέροντος ἐπιγράμματα δύο, ἐν οἷς ὀνομάζεται ὁ αὐτοκράτωρ Ἀλέξιος Ἄγγελος ὁ Κομνηνός· ε') γράμμα Σάββα ἱερομονάχου καὶ καθηγουμένου τῆς Μεγάλης Λαύρας, δι' οὗ συνιστᾶται πρὸς τοὺς ἐν Ῥωσίᾳ Πατάπιος ὁ μοναχός [1651]· ς') γράμμα πατριαρχικὸν ἀνώνυμον περὶ τοῦ μονυδρίου τοῦ ἁγίου Νικολάου, τοῦ περὶ τὰ Ζύχνα τῆς Μακεδονίας· ζ') ἀναφορὰν τῶν κατοίκων τῆς νήσου Σκύρου [1360] πρὸς τὸ ῥιζιμέντον τῆς Εὐρίπου, γεγραμμένην ἑλληνιστί τε καὶ λατινιστί· ἧς τὸ περιεχόμενον ἐκ προστάξεως ἐβεβαίωσε Φραντζέσκος Πασχαλίγος ὁ ῥέκτωρ τῆς νήσου Σκύρου· η') ἔγγραφον περὶ διαφορᾶς τινος ἀναφυείσης ἐν Κρήτῃ περὶ τῆς Ἁγίας Μονῆς ἔτει 1687-ῳ· θ') ἔγγραφον ἐπιστασίας πρὸς οἰκοδομὴν τοῦ ἐν τῇ νήσῳ Σάμῳ ναοῦ τοῦ ἁγίου Μιχαὴλ Συνάδων, γεγραμμένον ἔτει 1747-ῳ.

Μανουὴλ Ι. Γεδεών, Δύο βυζαντιναὶ τοποθεσίαι. Φανάριον καὶ Πετρίον [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 21—23, 41—43].

Γεώργιος Βεγλερῆς, Περὶ τοῦ ναοῦ τῶν Χαλκοπρατείων [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθεώρησις II, 1893, σ. 130].—Περίληψις μελέτης περὶ τούτου τοῦ ναοῦ.

Μανουὴλ Ι. Γεδεών, Λείψανα βυζαντινῶν ναῶν ἐν τοῖς ἁγιάσμασιν [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 144—145, 161—163].

Ἐλευθέριος Ταπεινός, Τὰ ἁγιάσματα ὡς λείψανα ἀρχαίων ναῶν [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 186—188].

Ἰ. Μηλιόπουλος, Τὰ ἁγιάσματα ὡς λείψανα ἀρχαίων ναῶν [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 224—225].

Γρ. Π. Κακάβας, Τὸ λοῦμα τῆς Θεοτόκου τῶν Ἀραβίνδου καὶ τὰ ἁγιάσματα παρ' ἡμῖν [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 361—365, 381—384].

Ἠλ. Ἀλεξανδρίδης καὶ Γ. Λαμπουσιάδης, Περὶ τῶν παρ' ἡμῖν ἁγιασμάτων καὶ κατὰ πόσον ταῦτα δύνανται νὰ ὁδηγήσωσιν εἰς τὴν εὕρεσιν ἐρειπίων βυζαντινῶν ναῶν [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 421—424].

Δημήτριος Καλέμης, Τὰ ἁγιάσματα ὡς λείψανα ἀρχαίων ναῶν [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 546—547, 565—566, 601—602].

Περὶ τῶν τίτλων «προέδρου» καὶ «τόπου ἐπέχοντος» γνῶμαι διαφόρων [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. 1893, σ. 541—546].

Ἄνθιμος Ἀλεξούδης, μητροπολίτης Ἀμασείας, Περὶ τῶν τίτλων «προέδρου» καὶ «τόπου ἐπέχοντος» [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 941—944]. — Ἀπόκρισις πρὸς τὸν περὶ τῶν αὐτῶν τίτλων γράψαντα Ταράσιον, μητροπολίτην Ἡλιουπόλεως καὶ Θυατείρων.

Βασίλειος, μητροπολίτης Σμύρνης, Παρατηρήσεις τινὲς περὶ ἐπισκοπικῆς προεδρείας καὶ τῆς φράσεως «καὶ τὸν τόπον ἐπέχοντος» [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. III, 1893, σ. 14].

Ν. Ι. Γιαννόπουλος, Τοπογραφικὰ (Θεσσαλίας)· Ναρθάκιον ὄρος καὶ ὁμώνυμος πόλις [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. III, 1893, σ. 25—27].

Αἱ Συμπληγάδες νῆσοι [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. III, 1893, σ. 67—68]. Ἀνώνυμον ἄρθρον.

Ν. Ι. Γιαννόπουλος, Τὰ ἐν Θεσσαλίᾳ Μετέωρα. Αἰγίνιον, Σταγοί, Καλαμπάκα, Μετέωρα [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 539—543]. — Τὸ ἄρθρον τοῦτο περιέχει καί τινας ἑλληνικὰς ἐπιγραφὰς τῆς βυζαντινῆς περιόδου, ὧν μία, ἡ ἐν τῇ μητροπόλει Καλαμπάκας, λέγει κατὰ τὴν ἐμὴν ἀνάγνωσιν ταῦτα· «Μνημεῖον τὸ ἐγεγόνη ἀ[πὸ] τὴν ἡμέραν τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέος ἡμῶν Σημεόντος Παλεολόγου καὶ τῆς εὐσεβεστάτης δεσποίνης ἡμῶν - - -, ἀρχιερατεύοντος Νίλου τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου· νὰ ἔχη τὴν ἀρὰν τῶν τιή θεοφώρων πατέρων ὅστις - - -». Συμεὼν οὗτος ὁ Παλαιολόγος ἐστὶν ἴσως ὁ σέρβος ἡγεμονίδης, υἱὸς Οὐρός, δεσπότης Αἰτωλίας Ἀκαρνανίας καὶ Θεσσαλίας [1345—1371]· σύζυγος δὲ τούτου Θωμαὶς ἦν ἡ Ἀγγελοκομνηνή, θυγάτηρ Ἰωάννου δεσπότου τοῦ Ἀγγελοκομνηνοῦ. Μετὰ τὴν λέξιν «ἡμῶν» ὁ ἐκδότης ἀνέγνω τὸ ὄνομα Ἄννης· ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ μεγαλοκεφαλαιῶδες κείμενον τῆς ἐπιγραφῆς, ὡς ἐν τῷ τύπῳ κεῖται, τυγχάνει ὂν ἀνεπαρκὲς πρὸς ἀκριβῆ τῆς ἐπιγραφῆς ἀνάγνωσιν, ἀφίημι τὸν τόπον ἐγὼ τοῦ ὀνόματος ἐκείνου κενόν.

Μ. Ι. Κεφάλας, Οἱ δημώδεις τύποι τῶν προσωπικῶν ἀντωνυμιῶν τοῦ α' καὶ β' προσώπου, κατὰ τὸν Hesseling [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 324—325].

Δ. Η. Οἰκονομίδης, Περὶ τῆς νέας ἑλληνικῆς [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 301—305, 321—324, 343—345].

Εὐγένιος Ζαλακώστας, Προλήψεις καὶ παραδόσεις τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. I, 1892, σ. 308—310, 326—328].

Μ. Ι. Γεδεών, Σελίδες ἐκ τῆς ἱστορίας ἑλληνικῶν ὀρθοδόξων ἀποικιῶν. Λονδῖνον, Τύνις [Νεολ. Ἑβδ. Ἐπιθ. II, 1893, σ. 1001—1004].—Ὑπὸ τὴν ἐπιγραφὴν ταύτην ὁ Γεδεὼν γράφει τινὰ περὶ Ματθαίου πατριάρχου τῆς Ἀλεξανδρείας, εἶτα δὲ τρία καταχωρίζει γράμματα τοῦ αὐτοῦ, παραληφθέντα ἐκ χειρογράφου εὑρισκομένου νῦν ἐν τῷ μοναστηρίῳ τοῦ Κουτλουμουσίου, ἐν ᾧ ὁ ῥηθεὶς ἀπέθανε πατριάρχης ἔτει 1775-ῳ· ἀλλ' ἀγνοεῖ παντάπασιν ὁ ἐκδότης ὅσα πρότερον ἔγραψε περὶ τοῦ αὐτοῦ Ματθαίου χρήσιμα Σπυρίδων ὁ Λάμπρος. Ὁ Γεδεὼν οὔτε τοῦ κώδικος τὸν ἀριθμὸν ἐσήμανεν, οὔτε τὴν αὐτοῦ κατάστασιν περιέγραψεν, οὔτε τὸ τί περιέχει τέλος αὐτὸς ὁ κῶδιξ ἐφανέρωσε. Σπυρίδων ὅμως ὁ Λάμπρος οὐ μόνον ταῦτα πάντα προεγνώρισεν ἡμῖν ἐπαρκῶς [Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος· τεῦχος XI, 1891, σ. 560—578], ἀλλὰ καὶ πέντε γράμματα συνεξετύπωσεν ἑρμηνεύσας, ἀντιγράψας ταῦτα ἐξ αὐτοῦ τούτου τοῦ κώδικος· ὅστις, ὡς φαίνεται, τυγχάνει ὢν κῶδιξ ἐπίσημος τοῦ πατριαρχείου τῆς Ἀλεξανδρείας, παραληφθεὶς ἐκεῖθεν ὑπ' αὐτοῦ τοῦ πατριάρχου Ματθαίου, παραιτησαμένου τὸν αὐτοῦ θρόνον. Τέσσαρα τοίνυν ἔγγραφα τοῦ Ματθαίου προεξέδωκεν ὁ Λάμπρος, ὧν δύο σχέσιν ἔχουσι πρὸς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐν Ἀλγερίῳ τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησίας· νῦν δὲ προστίθησι τούτοις ὁ Γεδεὼν ἕτερον, ὅπερ ἐστάλη πρὸς τοὺς ἐν Τύνιδι χριστιανοὺς ὀρθοδόξους [1763]· μετὰ δὲ τοῦτο γράμμα δημοσιεύει τοῦ Ματθαίου, σταλὲν πρὸς τὸν ἐν Λονδίνῳ λόρδον Φίλιππον τὸν Λόδβερ, καὶ πάλιν ἕτερον τοῦ αὐτοῦ πρὸς τοὺς αὐτόθι χριστιανοὺς ὀρθοδόξους [1764]· ἀμφότερα δὲ ταῦτα σχετίζονται πρὸς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐκεῖ τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησίας.

Μιχαὴλ Ἰ. Ζάκας, Ἡ ἑορτὴ τῆς Ἀναλήψεως τοῦ Σωτῆρος καὶ τὰ Κούρεντα [Νεολ. Ἑβδομαδ. Ἐπιθ. III, 1894, σ. 625—628].—Περιγραφὴ σύντομος ἐθίμου τινὸς γυναικῶν τε καὶ παρθένων τῶν περὶ τὰ Κούρεντα χωρίων, αἵτινες ἐπὶ συλλογῇ πηλοῦ χρησίμου ταύταις ἐκ τοῦ πρανοῦς ὄχθης τοῦ Καλαμᾶ ποταμοῦ (ἀρχ. Θυάμιδος) συναθροίζονται καθ' ἑκατοντάδας ἅπαξ τοῦ ἔτους, τῆς Ἀναλήψεως ἑορταζομένης, ἵνα συνευφρανθῶσι διὰ χορῶν ποικίλων καὶ τραγουδίων, ὧν ἡ μελῳδία κατανύγει σφόδρα τοὺς συμπαρισταμένους· εἰσὶ δὲ τὰ τραγούδια ταῦτα, καθὰ λέγει ὁ Ζάκας, ἰδιόρρυθμα, μελῳδούμεν' ἀποκλειστικῶς «κατὰ τὴν χρυσῆν τῆς αὐγῆς ὥραν»· ἀτυχῶς ὅμως οὐδὲν αὐτῶν ἐκ τοῦ στόματος τῶν γυναικῶν ἐκείνων ὑπετύπωσεν ἐπὶ χάρτου διὰ τοὺς ἀναγνώστας τῆς περιέργου διατριβῆς αὐτοῦ. Τὰ δὲ Κούρεντα κωμόπολίς ἐστι «σπουδαία, ΒΔ τῶν Ἰωαννίνων» εὑρισκομένη. Ἰωάννης δὲ Λαμπρίδης ὁ ἰατρὸς ἔγραψε τὰ Κουρεντιακά, βιβλίον, ὡς φαίνεται, χρήσιμον, ὅπερ ἐγὼ μέχρι τοῦδε παντάπασιν ἀγνοῶ, τὴν ὕπαρξιν αὐτοῦ μόνον ἐξ ὑποσημειώσεως τοῦ Ζάκα γνωρίσας.

Ν. Γιαννόπουλος, Ἡ Φθιωτικὴ πόλις Ἐρέτρια [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. III, 1894, σ. 455—457, 478—479].—Περιγραφὴ τῶν ἐρειπίων αὐτῆς, εὑρισκομένων ἐπὶ λόφου κωνοειδοῦς, ὅστις ὑψοῦται μεταξὺ τῶν κωμῶν Ἰνελὶ καὶ Τσαγγλί.

Ν. Γιαννόπουλος, Ἱστορικά· χρυσόβουλλον τῆς ἐπισκοπῆς

Σταγῶν [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθ. III, σ. 557—559].—Δημοσιεύει τοῦτο μετὰ σημειώσεων, ἀντιγράψας «ἐκ τοῦ τοίχου τῆς ἐκκλησίας τῆς Κοιμήσεως τῆς Θεοτόκου ἐν Καλαμπάκᾳ»· ἀγνοεῖ δὲ τὰς προτέρας αὐτοῦ τυπώσεις, ὧν ἐγὼ γινώσκω ταύτας· α΄) Σταυράκη τοῦ Ἀριστάρχου, γενομένην βοηθείᾳ δύο ἀντιγράφων ἔτει 1867-ῳ [Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλ. III, σ. 32—34]. β΄) Ἀντίγραφον ἀνώνυμον τῆς ὀκτωκαιδεκάτης ἑκατονταετηρίδος, εὑρεθὲν ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς Εὐαγγελικῆς ἐν Σμύρνῃ Σχολῆς καὶ καταχωρισθὲν σχεδὸν ἀπαραλλάκτως ἐν τῷ καταλόγῳ τῶν χειρογράφων αὐτῆς, τῷ συντεταγμένῳ παρ' ἐμοῦ πρὸ χρόνων ὀκτωκαίδεκα [Σμύρνη 1877, σ. 66—68]. γ΄) Ἀντίγραφον τοῦ Leon Heuzey, Mission archéologique en Macédoine. Paris 1876, σ. 453. δ΄) Τὸ αὐτὸ ἀντίγραφον μετὰ διορθώσεων εἰκαστικῶν ἐξεδόθη παρὰ τῶν βυζαντινιστῶν Miklosich καὶ Ios. Müller [Acta et diplomata, τ. V, 1887, σ. 270—273], ἀγνοησάντων ὡσαύτως τὰς δύο προτέρας ἐκδόσεις. Τανῦν δὲ τὸ πέμπτον ὡς ἄγνωστον ἐκδίδοται παρὰ τοῦ Γιαννοπούλου, οὐδὲν ἀπολύτως ἀτυχῶς ἐμφανίσαντος νέον, δυνάμενόν πως τοῦ χρυσοβούλλου τὴν σύνταξιν ἐξακριβῶσαι· τοὐναντίον δὲ καὶ παραλείψεις ἐμπεριέχει φράσεων αὐτοῦ τὸ ἀντίγραφον, καὶ λέξεις οὐχ ὑπαρχούσας ἐν τῷ πρωτοτύπῳ καὶ τῶν τοπικῶν ὀνομάτων ἀναγνώσματα, τὴν προτέραν αὐτῶν ἀσάφειαν ἐπαυξάνοντα. Οὕτω πρὸ τοῦ «προσταγματικὸν» ὁ Γιαννόπουλος ἀναγινώσκει τὸ «τῆς αὐτῆς ἐπισκοπῆς», ὅπερ ἐλλείπει τοῖς προεγνωσμένοις ἅπασιν ἀντιγράφοις· ὑπάρχει δὲ τοῦτο πραγματικῶς ἐν τῷ πρωτοτύπῳ ἢ οὔ; Τῶν δὲ παραλείψεων τοῦ Γιαννοπούλου σημειοῦμαι ταύτας· μετὰ τὸ «κληρικοὺς ἐνυποστάτους» δύο τῶν προεγνωσμένων ἀντιγράφων προστιθέασι τὸ «τριάκοντα τέσσαρα»· καὶ πάλιν πρὸ τοῦ «εἰς τὸ Λαμπόχοβον» τὸ «ἡ Δουπιανὴ καὶ ἡ μονὴ τῆς Θεοτόκου»· καὶ πάλιν μετὰ τὸ «εἰς τὸν Ζυγὸν» προστιθέασι τὸ «καὶ καταβαίνει πρὸς νότον εἰς χωρίον τὸ λεγόμενον Χαλίκι [ἢ Χαλῆκι], καὶ ἀναβαίνει εἰς τὰ Λευκὰ Ὄρη καὶ εἰς τὸ βουνὸν τῆς». Καὶ ἕτερα τοιαῦτα χάσματα παρατηρεῖ τις ἐν τῷ τελευταίῳ ἀντιγράφῳ· ὑπάρχουσι δ' ἐν αὐτῷ καὶ τόπων ὀνόματα, πρότερον ἄλλως ἀναγνωσθέντα· οἷον, τὸ Λαμπόχοβον οὕτω μὲν ἀνέγνωσε καὶ ὁ Heuzey, ὁ δὲ τῆς ιη΄ ἑκατ. ἀντιγραφεὺς Λιπόχοβον, οἱ δὲ τοῦ 1867 Λιμπόχοβον ἢ Λυμπόχοβον· τὸ δὲ Τζερνιτζόβου τοῦ Γιαννοπούλου τρεῖς μὲν ἕτεροι Τζηρνιτζόβου γράφουσιν, εἷς δὲ Τζηρνικοτζόβου· τὸ δὲ Ἐλαταίνης, ὅπερ ὁ Γιαννόπουλος ἀνεγνώρισεν ἐν τῷ νῦν λεγομένῳ Σκλάταινα, γράφουσιν ἕτεροι Σθλάτινας, Σθλάταινας, Σθλατένας· τὸ δὲ Βλύμπι, ὅπερ ὀνομάζεται νῦν Βλέμπι, δύο μὲν ἀντίγραφα τῷ Βλέμπι τύπῳ παραδιδόασιν, ἓν δὲ τῷ Βλέμως. Καὶ ταῦτα μὲν ἱκανά, πρὸς ἀπόδειξιν ὅτι τὸ νεώτατον ἀντίγραφον ἐλαχίστην ἀξίαν ἔχει· καὶ ἐπειδὴ πάντα τὰ μέχρι τοῦ νῦν ἐγνωσμένα τῆς ἐπιγραφῆς ἀντίγραφα, οὐ μόνον ὀνοματικῶς ἢ λεκτικῶς πρὸς ἄλληλα διαφέρουσιν, ἀλλὰ καὶ κατὰ γραμματικὴν ἢ φωνητικὴν — φαίνεται γὰρ ὅτι τὸ χρυσόβουλλον ἀντέγραψεν ἐπὶ τοῦ τοίχου ζωγράφος ἀγράμματος —, συμφέρουσα πάντως ἐστὶ τοῖς φιλολόγοις ἡ μετὰ προσοχῆς ἀπαράλλακτος ἀνάγνωσις τοῦ πρωτοτύπου παρ' ἄλλου τινός, ἵνα τὸ χρυσόβουλλον τοῦ Ἀνδρονίκου τύχῃ κατόπι κριτικῆς ἐκδόσεως· ἐγὼ δὲ μάλιστα συνίστημι τὴν διὰ φωτογραφίας, εἰ δυνατόν, ἀποτύπωσιν, ἵν' ἀκριβῶς ἀναγνωσθῶσι τὰ συνηνωμένα στοιχεῖα ἢ τὰ τυχὸν ὑπάρχοντα ἐπὶ τοῦ τοίχου συντετμημένα ῥησείδια.

Δ. Ἀ. Παναγιωτίδης, Θεσπρωτικά [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. III, 1894, σ. 335—336, 343—345]. — Δημοσιεύει συνοδικὸν σιγίλλιον τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Παϊσίου, ὅπερ γραφὲν ἰουνίῳ μηνὶ ἔτους 1728-ου ἐδόθη τῷ μοναστηρίῳ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου, τῷ ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Βοθροντοῦ καὶ Γλυκέος (παρὰ τὴν κώμην Μάλτζανι), οὗ τὸ πρωτότυπον ἐξηφανίσθη· μνημονεύονται δ' ἐν τῷ σιγιλλίῳ τούτῳ τὰ ὀνόματα τινῶν ἀρχιερέων, οἷον Νήφοντος Ἰωαννίνων, Δοσιθέου Βελλᾶς ἐπισκόπου, Νικοδήμου Δρυϊνουπόλεως, Μακαρίου Βοθροντοῦ καὶ Γλυκέος, Σωφρονίου Χειμάρρας ἐπισκόπου καὶ Δελβίνου, οἵτινες περὶ τὸ 1543-ον ἔτος ἤκμαζον· ἀναφέρονται δὲ καὶ τούτων μεταγενέστεροι ἀρχιερεῖς, οἷον Παρθένιος ἐπίσκοπος Βοθροντοῦ καὶ Γλυκέος, καὶ Νικηφόρος ἐπίσκοπος Χειμάρας καὶ Δελβίνου, οἵτινες ἔζων ἔτει 1728-ῳ. Τὸ αὐτὸ σιγίλλιον ἐμπεριλαμβάνει καὶ τόπων ὀνόματα τῆς αὐτῆς ἐπαρχίας. Ὁ ἐκδότης ἐδημοσίευσε καὶ δεύτερον σιγίλλον τῆς αὐτῆς μονῆς, γενόμενον συνοδικῶς ἔτει 1831-ῳ, πατριαρχοῦντος ἐν Κωνσταντινουπόλει Κωνσταντίου τοῦ ἀπὸ Σινᾶ ὄρους.

Δημ. Οἰκονομίδης, Μυθολογικὰ στοιχεῖα ἐν τῇ διαλέκτῳ τοῦ Πόντου [Νεολόγου Ἑβδομ. Ἐπιθ. III, 1894, σ. 523—525, 543—545, 564—566, 583—585, 603—605]. — Σημειώσεως ἀξία μυθολογικὴ πραγματεία, ἣν ὁ συγγραφεὺς ἀνέγνω παρρησίᾳ διαφόρων ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν ἐν τῷ Κωνσταντινουπόλεως Ἑλληνικῷ Φιλολογικῷ Συλλόγῳ διὸ καὶ ταύτην ἔγραψε διὰ τοὺς πολλούς, οὐχὶ δὲ διὰ τοὺς ἐξ ἐπαγγέλματος φιλολόγους. Ἀλλὰ καὶ οὕτω δημωδῶς γεγραμμένη περιλαμβάνει σπουδαίαν ὕλην χρησίμην, ἧς οἱ φιλόλογοι στέρονται· οἷον δημῶδες ἐκ τοῦ Πόντου παραμύθιον, ὅπερ ὁ Οἰκονομίδης ἀντιπαρέθετο διπλῶς, τουτέστι κατά τε τὸ κοινὸν ἐν ταῖς μεγαλοπόλεσιν ὁμιλούμενον ἑλληνικὸν ἰδίωμα, καὶ κατὰ τὸ ποντικόν, προσθέμενος ἅμα καὶ τῶν λέξεων τῶν ποντικῶν ἑρμηνείαν προχειροτάτην, καὶ τῶν μυθολογικῶν ὑλῶν αὐτοῦ τοῦ παραμυθίου καλλίστην ἐξήγησιν· τίνος δὲ τόπου τοῦ Πόντου παρίστησι τὸ παραμύθιον ἰδίωμα γλωσσικόν, οὐκ ἐδήλωσεν ὁ τούτου φιλοπονώτατος ἑρμηνευτής· ἔγραψε μέντοι τὸ παραμύθιον πιστότατα, τυπώσας ἐν αὐτῷ τὴν γνησίαν ποντικὴν ἐκφώνησιν, ἐφ' ὅσον δηλαδὴ τὸ νῦν ἀτελὲς ἑλληνικὸν ἀλφάβητον ἐπέτρεψεν αὐτῷ ταύτην ἐπὶ τοῦ χάρτου παραστῆσαι.

Μ. Παρανίκας, Συμβολαὶ εἰς τοὺς ἐπισκοπικοὺς καταλόγους τοῦ σεβ. μητροπολίτου Ἀμασείας κ. Ἀνθίμου Ἀλεξούδη [Νεολ. Ἑβδομ. Ἐπιθ. III, 1894, σ. 618—619, 633]. — Διὰ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης οἱ τῆς Ἐπιθεωρήσεως ἀναγνῶσται μέλλουσι μανθάνειν ὀνόματα μητροπολιτῶν ἀρχαίων, ἃ συνήθροισε φιλοπόνως ὁ σεβάσμιος ἐν Κωνσταντινουπόλει καθηγητής, Ματθαῖος ὁ Παρανίκας, ἵνα συμπληρώσῃ τοὺς ἐν ἐφημερίσι καταχωρισμένους ἐπισκοπικοὺς πίνακας τοῦ γέροντος μητροπολίτου τῶν Ἀμασέων, Ἀνθίμου τοῦ Ἀλεξούδη· καὶ δὴ τὸ πρῶτον ὁ Παρανίκας ἐκδίδωσι τύποις ἔγγραφα συνοδικὰ δύο τῶν οἰκουμενικῶν πατριαρχῶν Ἰακώβου καὶ Παρθενίου, τὸ μὲν Ἰακώβου ἔτει 1680-ῷ συνταχθέν, τὸ δὲ Παρθενίου ἔτει 1675-ῳ· ἃ συνυπεγράψαντο συνεδριάζοντες ἀρχιερεῖς εἴκοσι καὶ ἑπτά· τούτων δέ τινας, ἢ τέως ἀγνώστους, ἢ μετὰ χρονολογίας πρότερον ἀνακριβοῦς ἐγνωσμένους, ἐπιπροστίθησιν ὁ Παρα-

νίκας τοῖς πίναξι τῶν μητροπολιτῶν Καισαρείας τῆς ἐν Καππαδοκίᾳ, Βύρνης, Ἄρτης, Ἀγχιάλου, Μαρωνείας, Λητίτζης τε καὶ Σταγῶν.

Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς.

Μιχ. Ἰακ. Μαρκόπουλος, Ἀντωνίνου Ἰουστινίανι λατίνου ἐπισκόπου Σύρου ἔκθεσις περὶ τῆς νήσου Σερίφου (Εἰκονογραφημένη Ἑστία 1894. I. 204—205).

Переводъ съ итальянской рукописи, которую собирается издать авторъ.

Джустиніани въ 1700 году принесло бурею къ Серифу, который онъ и описываетъ вкратцѣ въ своемъ дневникѣ. На островѣ въ то время была одна крѣпость, около 800 православныхъ жителей, 15 церквей и столько же священниковъ, «едва понимающихъ, чтò читаютъ».

Въ ставропигіальномъ монастырѣ въ 8 миляхъ отъ города жило 60 монаховъ (10 принявшихъ постриженіе и 50 послушниковъ), обработывавшихъ монастырскія земли и собиравшихъ милостыню. Красивая церковь арх. Михаила съ куполомъ (τροῦλλος) вымощена паросскимъ мраморомъ. Католическаго епископа встрѣчали монахи съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ, въ чемъ онъ и усмотрѣлъ «религіозную простоту» ихъ, изъ разговора съ ними нашелъ, что они не понимаютъ даже основаній религіи, и возъимѣлъ благія надежды на ожидавшееся прибытіе въ эпархію его іезуитовъ: такъ какъ на островѣ не было ни одного католика, то онъ находилъ полезнымъ, чтобы тамъ поселился какой-либо воспитанникъ Греческой Коллегіи для наставленія душъ.

Г. М., Μία μετάφρασις τῆς πεντατεύχου (Εἰκονογραφημένη Ἑστία 1894. I. 254).

Рѣчь идетъ вкратцѣ о переводѣ пятикнижія съ еврейскаго на новогреческій языкъ, напечатанномъ еврейскими буквами въ Константинополѣ въ 1547 году, по статьѣ Лазаря Беллели (Revue des études grecques 1890 pp. 288—308). Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы переводъ этотъ изданъ былъ вполнѣ.

Я. С.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» *herausgegeben von Karl Krumbacher. III Band. (1894).*

Отдѣлъ I. Изслѣдованія и матеріалы (стр. 1—165, 225—408, 437—606).

J. Strzygowski, *Inedita der Architektur und Plastik aus der Zeit Basilios' I* (867—886) (стр. 1—16).

Авторъ даетъ подробное описаніе церкви Успенскаго монастыря въ Скрипу (на Кефисѣ, близъ Ливадіи), построенной въ 873—4 г., и представляющей собою драгоцѣнный для науки памятникъ византійской архитектуры за періодъ отъ Юстиніана I до Комниновъ, весьма темный въ

исторіи искусства. Интересна проведенная авторомъ параллель между этимъ храмомъ и показаніями Константина Багрянороднаго объ архитектурѣ временъ императора Василія I-го. Текстъ статьи иллюстрированъ 4-мя таблицами снимковъ (видъ церкви снаружи и внутри, надписи, орнаменты) и плановъ.

J. Nicole, *Une ordonnance inédite de l'empereur Alexis Comnène I* (стр. 17—20).

Указъ (πρόσταγμα), сообщаемый г. Николемъ, найденъ имъ въ Genevensis 23, л. 367; датированъ: μηνὶ Αὐγούστῳ ἐπινεμήσεως β' ἔτους ,ςχβ' (авг. 1094 г.). Его содержаніе — возстановленіе нѣкоторыхъ почетныхъ правъ патріаршаго хартофилакса; по заключенію автора замѣтки, онъ тѣсно связанъ съ указомъ, который цитируетъ Вальсамонъ въ своей μελέτη о хартофилаксѣ и протекдикѣ.

H. Gelzer, *Byzantinische Inschriften* (стр. 21—25). — Обѣ, сильно поврежденныя, надписи сообщилъ г. Гельцеру д-ръ Отто Кернъ. Одна, изъ Акъкіой, близъ Милета, относится ко времени Юстиніана Великаго; въ ней интересенъ титулъ императора: Gallicus (вм. Anticus), и смѣшеніе латинскаго и греческаго языковъ; вторая, ѳазосская, судя по шрифту — начала VIII вѣка; въ ней упоминается неизвѣстный изъ другихъ источниковъ епископъ Александръ.

A. Karnejev, *Der Physiologus der Moskauer Synodalbibliothek* (стр. 26—63). — Бо́льшую часть статьи занимаетъ текстъ «Физіолога» по рукописи № 432 Московской синодальной библіотеки, и критическій аппаратъ къ нему. И порядокъ главъ, и самый текстъ заставляютъ признать въ этой рукописи греческую версію, лежащую, или очень близкую къ лежащей въ основѣ армянской и латинскихъ редакцій, совпадающія отступленія которыхъ отъ ранѣе извѣстныхъ греческихъ версій до сихъ поръ приходилось объяснять гадательно.

Ed. Lentz, *Der allmähliche Übergang Venedigs von factischer zu nomineller Abhängigkeit von Byzanz* (стр. 64—115). — Эта статья представляетъ собою дополненіе или продолженіе докторской диссертаціи автора, гдѣ онъ доказывалъ, что до 30-хъ и даже 40-хъ годовъ IX в. Венеція была не только de jure, но и de facto византійской провинціей. Венеція освободилась отъ Византіи, продолжаетъ теперь г. Ленцъ, въ 40-лѣтіе отъ 840—880 г., пользуясь одновременнымъ упадкомъ каролингской и византійской имперій; героями этого процесса являются дожи: Петръ Традоникъ и Урсусъ Партиціакъ. Дѣятельность ихъ и составляетъ главный предметъ статьи г. Ленца. Къ изслѣдованію приложены 2 экскурса; первый посвященъ обзору и оцѣнкѣ литературы по исторіи Венеціи вообще и за разсматриваемое время въ частности, второй — полемикѣ съ положеніемъ Фанты, что Pactum'у Лотаря I предшествовалъ договоръ, заключенный Венеціей съ франкскимъ императоромъ около 812—813 года.

J. R. Asmus, *Theodorets Therapeutik und ihr Verhältniss zu Julian* (стр. 116—145).

Авторъ задается вопросомъ, не имѣетъ ли «Θерапевтика» блаж. Θеодорита связи съ антихристіанскими сочиненіями Юліана, — связи если не прямой, какъ думали отъ Гарнье до работъ Неймана, то косвенной. Чтобы рѣшить его, онъ сличаетъ Θерапевтику съ эдиктомъ о риторахъ, первою книгой противъ Галилеевъ, и отдѣльными мнѣніями Юліана, сообщаемыми св. Григоріемъ Назіанзиномъ (Мисопогонъ и письма Юліана въ подробностяхъ не разбираются), и указываетъ на большое ихъ соотвѣтствіе по содержанію и множество мелкихъ совпаденій, свидѣтельствующихъ о томъ, что бл. Θеодоритъ, при написаніи своей книги, имѣлъ въ виду юліановскіе взгляды, хотя и не назвалъ Юліана, какъ своего противника.

O. Günther, *Zu den «Gesta de nomine Acacii»* (стр. 146—149).

Авторъ указываетъ здѣсь, что островъ Δῆλος названъ былъ ἄδηλος въ архетипѣ Gesta (отсюда Adoleo, Aledo, Adelo рукописей) и въ Συνέκδημος Іерокла, откуда видно, что Тертулліаново пониманіе сивиллина пророчества (Or. Sib. ed. Rzach, III 365) было довольно распространено въ христіанскомъ обществѣ; затѣмъ, на основаніи сообщаемаго въ Gesta содержанія письма Акакія къ Симплицію, эмендируетъ въ письмѣ Симплиція къ Акакію (Thiel, Epist. Rom. Pontificum, n. 7, p. 189, § 3) *Antiocheno* (scil. Petro, т. е. рѣчь идетъ о Фуллѣ) вмѣсто Antonio.

J. van den Gheyn, *Note sur un Agraphon* (стр. 150—151). — Указываются новыя параллельныя мѣста внѣканонической литературы къ посланію ап. Павла, Фил. II. 16.

Далѣе, на стр. 152—164, помѣщены замѣтки по лексикографіи и этимологіи:

Ed. Kurtz, *Das Adverbium* κακιγκάκως (стр. 152—155 и 395).

Fränckel, *Orientalisches im Byzantinischen* (стр. 155) (о словахъ: σαβακάθιον, ἀμανάτη, κουβάρι, κόχλος, φητίλιν, ῥάμπλιον).

Gustav Meyer, *Etymologisches* (стр. 156—164) (о словахъ: ἀθιβάλλω, βαράδιον, βρέ, γοῦρνα, δρομώνι, καῦκα, χόβολι).

Spyr. P. Lambros, *Ein byzantinisches Volkslied* (стр. 164—165). — Византійская народная пѣсенка, въ 7 стиховъ, найденная въ Codex Venetus Прокопія (Zanetti 398).

Его же, *Zu Glykas* (стр. 166).—Критическая замѣтка къ Гликѣ.

Πέτρου Ν. Παπαγεωργίου, Αἱ Σέρραι καὶ τὰ προάστεια, τὰ περὶ τὰς Σέρρας καὶ ἡ μονὴ τοῦ Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου (*Mit 7 Tafeln*). (стр. 225—329). О составѣ этого обстоятельнаго, топографическаго и историко-археологическаго описанія означенныхъ въ заглавіи мѣстностей читателю можетъ дать понятіе слѣдующее оглавленіе:

III. Ἐπιγραφαὶ καὶ νεκροταφεῖα.
IV. Χριστιανικὰ ἀνάγλυφα.
V. Σκεύη μετ' ἐπιγραφῶν.
VI. Κῶδιξ μητροπόλεως καὶ Ἀκολουθία εἰς τοὺς ἁγίους Θεοδώρους.
VII. Χειρόγραφα.

Β'. Τὰ προάστεια τῶν Σερρῶν.
α'. Ναοί.
β'. Τζιαμία.

Γ'. Τὰ περὶ τὰς Σέρρας.
α'. Ὁ ναὸς τοῦ ἁγίου Γεωργίου τοῦ Κρυονερίτου.
β'. Τὰ ἐν τοῖς χρυσοβούλλοις καὶ ἐν τῷ κώδικι χωρία.

Δ'. Ἡ μονὴ Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου.
I. Ὁ καθολικὸς ναὸς καὶ τὰ ἐν αὐτῷ.
II. Ἡ βιβλιοθήκη καὶ τὰ ἐν αὐτῇ χειρόγραφα.
III. Ποίημα Μαρίας Κομνηνῆς τῆς Παλαιολογίνης (одна изъ рукописей).

Приложенныя таблицы даютъ планъ городской стѣны, фототипическій снимокъ со стѣны акрополя и 5 листовъ снимковъ съ надписей и рукописей.

E. Gerland, *Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios* (стр. 330—373).

Въ этой статьѣ, какъ намъ кажется, важнѣе всего начало, гдѣ авторъ, анализируя противорѣчащія показанія Пасхальной Хроники и Ѳеофана въ связи съ другими источниками: Себеосомъ, Ѳомою пресвитеромъ, житіемъ св. Анастасія Перса и «de expeditione Persica» Георгія Писиды, устанавливаетъ слѣдующую хронологію походовъ Ираклія:

(5 апр.) 622 г. Первый походъ.
623 г. 1-й набѣгъ аваръ на Византію.
624 г. 25 марта или 15 апрѣля—выступленіе въ 2-й походъ; около 21 іюня прибытіе въ Газаку.
625 г. 2-й походъ.
626 г. 2-й набѣгъ аваръ; осада Византіи; 3-й походъ.
627 г. 12 декабря. Сраженіе при Ниневіи.
628 г. Февраль. Смерть Хозроя.

Вторая часть статьи даетъ подробный сводъ извѣстій о самихъ военныхъ событіяхъ и критическій анализъ ихъ; особенное вниманіе г. Герландъ посвящаетъ топографическимъ вопросамъ, но рѣшить нѣкорые изъ нихъ прямо отказывается.

C. Neumann, *Über zwei unerklärte Völkernamen in der byzantinischen Armee* (стр. 374—385).

Взглядъ г. Неймана на эти «Völkernamen»—Κουλπῖγγοι и Ταλμάτζιοι—

извѣстенъ читателямъ Византійскаго Временника изъ замѣтки проф. А. С. Соболевскаго (Виз. Врем., вып. второй, стр. 460—461). Изложивъ его, г. Нейманъ отвергаетъ свидѣтельство Анны Комнины о печенѣгахъ, какъ безсмысленную выписку изъ Пселла (гдѣ рѣчь идетъ о сторонникахъ Варды Склира въ Азіи), и дѣлаетъ очеркъ исторіи византійско-печенѣжскихъ отношеній до Алексѣя Комнина; между прочимъ онъ указываетъ на упоминаніе о печенѣгахъ, служившихъ въ византійскомъ гарнизонѣ въ Мопсуестіи въ хроникѣ Матѳея Едесскаго (впрочемъ, указаніе сдѣлано на основаніи ненадежнаго перевода Дюлорье).

Karl Dieter, *Zur Glaubwürdigkeit der Anna Komnena* (стр. 386—390). Попытка разобраться въ хронологіи печенѣжскихъ войнъ имп. Алексѣя I Комнина, по описанію Анны Комнины.

H. Gelzer, *Die vorflutigen Chaldäerfürsten des Annianos* (стр. 390—393). Авторъ выясняетъ при помощи Бероза и Синкелла анніаново лѣтосчисленіе отъ Сиѳа до потопа, сохраненное Михаиломъ Сириномъ.

Его же, *Zu Africanus und Iohannes Malalas* (стр. 394—395). Замѣтка по поводу отрывка введенія Іоанна Малалы, списаннаго д-ромъ Керномъ изъ ватопедской рукописи № 260.

Gustav Meyer, *Zu den mittelgriechischen Sprichwörtern* (стр. 396—408). Это собственно рецензія на книгу проф. Крумбахера «Mittelgriechische Sprichwörter». Называются нѣсколько сборниковъ балканскихъ пословицъ, которыми Крумбахеръ, по разнымъ причинамъ, не пользовался при своихъ сличеніяхъ; какъ новый матеріалъ, указываются цыганскія пословицы; наконецъ къ 61-ой пословицѣ Крумбахера указаны новыя варіанты и параллели.

Zachariae v. Lingenthal, *Wissenschaft und Recht für das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts* (стр. 437—457).

Эта статья есть развитіе замѣтки, помѣщенной въ Byz. Ztschr. Bd. II, стр. 606 и слѣд. Важная сама по себѣ, она особенно интересна, какъ послѣдній, предсмертный трудъ знаменитаго автора; поэтому мы изложимъ ее съ нѣкоторою подробностью.

Въ первой главѣ: «Die Tactica Leonis», Цахаріэ доказываетъ, что авторъ Тактики не Левъ Мудрый, а Левъ Исаврянинъ. Въ ней вовсе нѣтъ ссылокъ и намековъ на Василики и Прохиронъ; Leges militares и Appendix Eclogae пользуются обработками Дигестъ и Кодекса, упраздненными изданіемъ Василикъ,—и цитируютъ уже Тактику; Bodl. № 715, 903 года, обозначаетъ Тактику просто τακτικά (безъ βασιλικά); предисловіе къ Тактикѣ говоритъ, что авторъ ея издалъ ἐγχειρίδιος (νόμος)—названіе, подъ которымъ въ Прохиронѣ разумѣется Эклога. Рѣшеніе нѣкоторыхъ частностей и трудностей вопроса—напримѣръ установленіе хронологіи Эклоги, Тактики и смерти Льва III-го [1]) Цахаріэ предоставляетъ другимъ.

---

1) Эта трудность устраняется, если мы отнесемъ Эклогу—какъ уже въ 1878 г. предложилъ проф. Васильевскій (см. его статью «Законодательство иконоборцевъ»

Вторая глава: «Die Strategica. (Der sogenannte Mauricius)». По Цахаріэ, авторъ «Стратигикона» (можетъ быть Στρατηγικόν=Στρατηγικῶν, scil. βιβλίων δώδεκα)—не императоръ Маврикій, а юристъ эпохи возобновленія персидскихъ войнъ (отъ Юстина II до Ираклія). Персы являются здѣсь главными врагами имперіи (какъ въ Тактикѣ — Сарацины); латинскій языкъ употребляется еще на ряду съ греческимъ (термины: ἔμπετο, μανδάτα).

Въ третьей главѣ: «Strafgesetze für das Heer», напечатаны en regard карательный уставъ Стратигики и Тактики, причемъ оказывается, что 1—25 карательныя статьи послѣдней въ точности взяты изъ 6, 7 и 8-й главъ 1-й книги Стратигики; только 26 статья Тактики оригинальна.

IV глава: «Die sogenannten Leges militares», содержитъ перепечатку νόμου στρατιωτικοῦ по Epitome ad Prochiron mutata (Ркп. Marcianus 579) и таблицу, гдѣ указаны соотвѣтствующія статьи источниковъ νόμου и его печатныхъ изданій, и данъ списокъ статей Леунклавіева изданія, недостающихъ въ Marc. 579. Оказывается, что νόμος στρατιωτικός скомбинированъ, вѣроятно въ IX вѣкѣ, изъ Юстиніанова права и Стратигики съ Тактикой. Наконецъ въ

V-й главѣ: «Der Rufus», Цахаріэ указываетъ, что рукописи νόμ. στρ. всѣ заимствованія изъ Стратигики и Тактики обозначаютъ: «ἐκ τῶν ῥούφου καὶ τῶν τακτικῶν». Въ 3-й главѣ показано, что карательный уставъ Тактики взятъ изъ Стратигики; значитъ, этотъ Руфъ—авторъ послѣдней. Въ соотвѣтствіе имени, авторъ этотъ дѣйствительно высказываетъ знаніе латинскаго языка, италійскаго боевого строя и пр. По мнѣнію Цахаріэ, онъ могъ быть секретаремъ Маврикія-полководца, какъ Прокопій—Велизарія.

M. Bonnet, *La passion de l'Apôtre André en quelle langue a-t-elle été écrite?* (стр. 458—469).

Авторъ сличилъ всѣ извѣстные ему греческіе списки памятника, числомъ 11, трехъ редакцій (A′ B′ и C′ по его обозначенію) и 7 латинскихъ, въ общемъ одной редакціи (D′), и пришелъ къ выводу, что (какъ онъ думалъ уже ранѣе) по крайней мѣрѣ теперь извѣстный греческій текстъ «Мученичества ап. Андрея» есть переводъ съ латинскаго: редакціи B′ и C′ переведены разными лицами съ D′, а именно B′ съ плохихъ, C′ съ болѣе хорошихъ списковъ, C′—съ начала до конца, B′—до 11 главы excl.; редакція A′ есть таже редакція B′, исправленная писцомъ безъ оригинала, отъ своего разума. Въ доказательство приводится рядъ латинизмовъ и этимологически точныхъ переводовъ съ латинскаго, иногда въ зависимости даже отъ ошибки въ латинскомъ спискѣ (напр. въ B′ κρεμάμενος...τὰς ἀμωμήτους χεῖρας cf. Paris. lat. 11748 penderet вм. panderet inmaculatas manus). Грецизмы, попадающіеся въ D′ начиная съ

въ Журн. Мин. Нар. Просв. за указанный годъ)—къ началу совмѣстнаго правленія Льва III и Константина V, отказавшись вполнѣ отъ года κτίσεως κόσμου предисловія къ Эклогѣ.

11 гл., объясняются тѣмъ, что вторая половина Martyrii взята изъ древняго перевода Acta Andreae. Подробный анализъ этой второй части авторъ предоставляетъ будущему, а самъ указываетъ лишь на трудности его.

E. Patzig, *Leo Grammaticus und seine Sippe* (470—497).

Авторъ задался цѣлью открыть слѣды византійской хронографіи за періодъ отъ Малалы до Никифора и Өеофана и насколько возможно опредѣлить характеръ ея посредствомъ анализа хронографій цикла Льва Грамматика. По его мнѣнію, этотъ циклъ (Leosippe его терминологіи) распадается на 2 класса—краткихъ и пространныхъ хронографій, въ основѣ которыхъ долженъ лежать одинъ источникъ—неизвѣстная намъ сжатая хронографія въ 2-хъ редакціяхъ, краткой и пространной, которую онъ называетъ Epitome; хронографы 2-го класса дополняютъ ее еще особыми извѣстіями, которыя можно раздѣлить на извѣстія 1) о наружности и личномъ характерѣ императоровъ; 2) о погребеніи ихъ; 3) о ихъ семейныхъ отношеніяхъ; 4) о патріархахъ; 5) о соборахъ (болѣе подробныя, чѣмъ въ 1 классѣ); 6) нѣкоторыя извѣстія о постройкахъ. Эти извѣстія, можетъ быть, взяты изъ составленнаго уже ранѣе свода списковъ императоровъ, императрицъ, патріарховъ, и указаній мѣстъ погребенія, подобныхъ тѣмъ, какія мы имѣемъ у Никифора и Константина Багрянороднаго. Ходъ лѣтописной традиціи можно схематизировать въ слѣдующую таблицу:

'Επιτομή.

Ред. A.	Ред. B.
Нѣкоторые разсказы и данныя опущены, нѣкоторые сокращены, порядокъ извѣстій сохраненъ:	1) Порядокъ и составъ извѣстій сохраненъ, текстъ снабженъ прибавленіями изъ неизвѣстнаго источника справочнаго характера:
Левъ Грамматикъ въ исторіи императоровъ до Діоклетіана.	*Левъ Грамматикъ* во 2-й части императорской исторіи и схоліяхъ къ первой.
Өеодосій Мелитинъ.	
Симеонъ Логоөетъ. Венец. библіотеки (Marc. DCVIII).	2) Всѣ извѣстія сохранены, но расположены въ хронологическомъ порядкѣ: *Кедринъ, Вѣнская редакція Георгія Мниха.*
Московская редакція Георгія Мниха.	

Левъ Грамматикъ имѣлъ передъ собою обѣ редакціи 'Επιτομή. Для времени окончанія редакціи B terminus ante quem—988 г.—устанавливается гороскопомъ упадка арабскаго могущества, находившимся въ ней и изъ нея воспринятомъ, въ различной формѣ, въ хронографіи Льва Грамматика и Кедрина (по Льву выходитъ 931—958 г., по Кедрину 931—987/8 г.). Авторъ ея неизвѣстенъ (Схолія къ Свидѣ см. Hermes XVII S. 489 упоминаетъ о нѣкоемъ Траянѣ патрикіи, писателѣ временъ Юстиніана Ринотмита; можетъ быть это авторъ первоначальной Epitome); автора же редакціи A г. Patzig склоненъ видѣть въ Симеонѣ Логоөетѣ

венецiанской рукописи, котораго онъ отождествляетъ съ Логоѳетомъ,—продолжателемъ Георгiя Мниха Московской редакцiи.

J. Dräseke, *Theodoros Laskaris* (498—515).

Статья посвящена обзору научно-литературной дѣятельности императора и характеристикѣ его личности; тутъ сообщается перечень его трудовъ, изданныхъ и не изданныхъ, излагается исторiя его воспитанiя и ученiя у Никифора Влеммиды, обстоятельства, влiявшiя на его литературную дѣятельность—папскiя посольства, переписка Iоанна Вататцы съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ, и содержанiе изданныхъ сочиненiй: περὶ φυσικῆς κοινωνίας и «о св. Духѣ къ еп. Котронскому» (Κοτρώνη—Кротонъ въ Калабрiи). Въ послѣднемъ сочиненiи Dräseke главное вниманiе обращаетъ на идеи автора о роли государя въ церкви. Изображая личность Ѳеодора, Dräseke является горячимъ апологетомъ его.

C. Fr. Müller, *Handschriftliches zu Ignatius Diaconus* (стр. 516—527).

Здѣсь, вопервыхъ, въ дополненiе къ своей статьѣ въ I томѣ Byz. Ztschf. (стр. 415 и слѣд.), авторъ сообщаетъ результатъ произведеннаго имъ осмотра рукописи Berolin. Gr. 46. 4°, XV вѣка. Эта рукопись сборнаго содержанiя, содержитъ, между прочимъ, 59 четверостишiй Игнатiя Дiакона подъ названiемъ μῦθοι ἔσοποι. Она очень плоха; писецъ—невѣжда, редакцiя—хотя и новая для насъ, но поздняя, школьная, такъ что ни для критики текста, ни для вопроса о первоначальной формѣ сочиненiя Игнатiя она ничего не даетъ. Зато она содержитъ древнѣйшую редакцiю ἀλφάβητος παραινετικὸς πρὸς φιλόπονον παιδίον Псевдоигнатiя; текстъ этихъ стиховъ съ указанiемъ разночтенiй данъ въ статьѣ. Затѣмъ авторъ полемизируетъ съ г. Пападопуло-Керамевсомъ по поводу рукописи Игнатiя въ библiотекѣ монастыря острова Халки; по Мюллеру это не архетипъ, а просто новая рукопись изъ класса сравнительно хорошихъ.

M. Gaster, *Die rumänische Version der trojanischen Sage* (стр. 528—552)

Авторъ сообщаетъ въ переводѣ румынскую версiю сказанiя о троянской войнѣ, найденную имъ въ 3 рукописяхъ 3 разныхъ редакцiй всемiрно-исторической хроники, переведенной съ греческаго въ 1778 г. нѣкимъ Nekulai sin Mihalake. Версiя относится къ восточнымъ, но ни въ славянскихъ, ни въ византiйскихъ нельзя подыскать къ ней непосредственный оригиналъ.

P. N. Papageorgiu, *Zu den mittelgriechischen Sprichwörtern* (553—580).

Рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ къ труду Крумбахера: «Die Mittelgriechischen Sprichwörter».

G. N. Hatzidakis, *Ist Georgillas der Verfasser des Gedichtes von der Eroberung Konstantinopels?* (стр. 581—598).

Сравненiе Ἅλωσις Κωνσταντινουπόλεως съ стихотворенiями о чумѣ въ Родосѣ и Ἱστορικὴ ἐξήγησις τοῦ Βελισσαρίου, завѣдомо принадлежащими родосцу Георгиллѣ Лимениту, показываетъ, что авторомъ всѣхъ трехъ произведенiй не могло быть одно лицо: Ἱστ. ἐξήγ. написано послѣ 1453 г., Ἅλωσις въ этомъ году, между тѣмъ въ первомъ, а не второмъ трудѣ ви-

дѣнъ новичекъ-стихотворецъ; «Чума» написана не раньше 1500 года; авторъ Ἄλωσις'α намѣренно скрываетъ свое имя, Георгилла самъ называетъ себя; на то же указываетъ и составленный авторомъ статьи списокъ заимствованныхъ и сложныхъ словъ въ нашихъ стихотвореніяхъ и другія ихъ лексическія особенности; «Чума» и «Ἱστ. ἐξήγ.» кишатъ романскими словами и неологизмами, а Ἄλωσις есть еще чисто византійское произведеніе; между тѣмъ, Георгилла былъ родосецъ, а Родосомъ съ 1310—1522 г. владѣли храмовники. Итакъ, авторъ Ἄλωσις'α—не Георгилла, а неизвѣстный намъ ближе византійскій грекъ умѣренно православной партіи.— Статья заключается рядомъ замѣтокъ по критикѣ текста Ἄλωσις'а.

Spyr. Lambros, *Die Werke des Demetrios Chrysoloras* (стр. 599—601).

Сообщается списокъ работъ Димитрія Хрисолора изъ автографа Кесарія Дапонте (рукопись ксиропотамскаго аѳонскаго монастыря № 251).

A. Sonny, *Das Todesjahr des Psellos und die Abfassungszeit der Dioptra* (стр. 602—603).

Такъ какъ предисловіе къ Діоптрѣ, по указанію, данному самимъ ея авторомъ, написано въ 1097 г., то, если его авторъ дѣйствительно Михаилъ Пселлъ, его нельзя отождествлять, какъ сдѣлалъ Seger (см. Byz. Ztschr. II 150), съ Михаиломъ Никомидійскимъ, умершимъ въ 1078 г.

L. Traube, *Hermeneumata Vaticana* (604—606).

Замѣтка о глоссѣ (Herm. Vatic. Corp. Gloss. ed. Goetz. III 426, 32) αχλυσγνοφος χαιεν (т. е. χαύσων) caligo aurugo. Авторъ глоссы безоговорочно приписываетъ слову aurugo смыслъ «ржа (на растеніяхъ)», (χαύσων) кромѣ смысла: «желтуха (ἴκτερος)».

Отдѣлъ II. Критика.

Этотъ отдѣлъ содержитъ рецензіи на слѣдующія книги:

C. E. Zachariae a Lingenthal, Paralipomena ad Basilica. Lipsiae 1893. Сообщеніе, составленное авторомъ (стр. 166).

Дмитріевскій, Монастырскія правила св. Саввы (Тр. К. Дух. Ак., 1890, январь). Рец. Ed. Kurtz (стр. 167—170).

Felix Lampe, Qui fuerint Gregorii Magni papae temporibus in imperii Byzantini parte occidentali exarchi et qualia eorum jura atque officia. Berl. Diss. 1892. Рец. Hartmann (стр. 170—172).

Eustathii Macrembolitae, quae feruntur aenigmata ed. Maximilianus Treu. 1893. Рец. Isidor Hilberg (стр. 172—175).

И. Созоновичъ, Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Варшава 1893. Рец. Wilhelm Wollner (стр. 175—181).

D. Ružič, Die Bedeutung des Demetrios Chomatianos für die Gründungsgeschichte der serbischen Autokephalkirche. Diss. Jena 1893. Рец. Milan Rešetar (стр. 181—182).

Novaković, Prvi osnovi slovenske književnosti megju balkanskim Slovenima: legenda o Vladimiru i Kosari. Belgrad. 1893. Рец. Milan Rešetar (стр. 182).

D. Matov, Grъcko bъlgarski studii. Sofia 1893. Рец. G. Meyer (стр. 182—183).

Dr. Iv. D. Šišmanov, Prinosъ kъmъ bъlgarskata narodna etimologija. Sofia 1893. Рец. G. Meyer (стр. 183).

Μανουὴλ Ἰω. Γεδεών, Ἔγγραφοι λίθοι καὶ κεράμια. Ἐν Κωνσταντινουπόλει 1892. Рец. I. Strzygowski (стр 183—184).

Д. Бѣляевъ, Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. II. СПБ. 1893. Рец. Ѳ. Успенскій (стр. 184—186).

Н. Покровскій, Стѣнная живопись древнихъ церквей, греческихъ и русскихъ. Москва 1891. Рец. А. Павловскій (стр. 186—188).

Γ. Ε. Μαυρογιάννης, Βυζαντινὴ τέχνη καὶ βυζαντινοὶ καλλιτέχναι. Ἐν Ἀθήναις 1893. Рец. J. Strzygowski (стр. 409—410).

Μ. Ῥενιέρης, Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ (1617—1628). Ἐν Ἀθήν. 1893. Рец. Joh. Dräseke (стр. 410—413).

Joh. Scheftlein, De praepositionum usu Procopiano. Regensburg, 1893. Рец. H. Braun (стр. 413).

Albrecht Wirth, Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt a. M. 1894. Рец. К. Крумбахеръ (стр. 607—625).

С. Шестаковъ, Іоаннъ Риторъ церковной исторіи Евагрія. Казань. 1890. Рец. Carl Erich Gleye (стр. 625—630).

В. Васильевскій, Два письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу (Ж. М. Н. Пр. 1875, дек). Рец. E. Kurtz (стр. 630—633).

П. Безобразовъ, Неизданный брачный контрактъ Михаила VII Дуки съ Робертомъ Гвискаромъ (Ж. М. Н. Пр. 1889, сент.). Рец. Ed. Kurtz. (стр. 633—635).

Chronica minora collegit et emendavit Carolus Frick. Vol. I: Lipsiae Teubner. 1893. Рец. Carl. Weyman (стр. 635—636).

Отдѣлъ III. Библіографическія замѣтки и мелкія извѣстія (стр. 188—223, 414—433, 637—648).

Въ этомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе указанія на слѣдующія книги и статьи:

По литературѣ:

Scriptores physiognomici Graeci et Latini, rec. Richard Förster. Bibl. Teubneriana. 1893.

A. Ludwig, Zu den Fragmenten der Kaiserin Eudokia.

Leo Sternbach, De Georgio Pisida Nonni sectatore.

Ehrhard, Die griechischen Handschriften von Genua.

E. Rostagno e N. Festa, Indice dei codici Greci Laurenziani non compresi nel catalogo del Bandini (Studi Italiani di filologia classica, I).

Franciscus Bancalari, Index cdd. Graecorum bibliothecae Casanatensis.

G. Vitelli, Indice de' codici greci Riccardiani, Magliabechiani e Marucelliani (Stud. Ital. II).

По языку, метрикѣ и музыкѣ:

Wilh. Schmid, Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysios von Halikarnassus bis auf den zweiten Philostratus.

Hubert Grimme, Der Strophenbau in den Gedichten Ephraems des Syrers. Freiburg. 1893.

Immanuel David, Hermeneumata Vaticana (Commentationes philol. Jenenses 5).

Gustav Meyer, Neugriechische Studien I, II. (Sitzungsber. der kais. Akademie zu Wien 1894).

По богословію:

Otto Zöckler, Evagrius Ponticus. München. 1893.

J. Langen, Die Schule des Hierotheus. (Revue internat. de Théol. I).

Acta SS. Nerei et Achillei. Text u. Untersuchung von Hans Achelis. Leipzig. 1893.

Hipp. Delehaye, S. I., La vie de Saint Paul le jeune et la chronologie de Métaphraste (Рец. Nilles въ Ztschr. f. kathol. Theol., 18).

Petri Tacchi-Venturi, S. I., Commentariolum de Ioanne Geometra (Studi e documenti di storia e diritto, 14).

Apocrypha Anecdota. A collection of thirteen apocryphal books and fragments now first edited from manuscripts by Montague Rhodes James.

U. Jagić, Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494. (Denkschr. der Wiener Akad., phil.-hist. Classe, Bd. 43).

По исторіи:

F. Holzach, Die auswärtige Politik des Königreichs Sicilien 1154—1177. Basel 1892.

Lothar von Heinemann, Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sicilien I. Leipzig. 1894.

По исторіи искусствъ:

Strzygowski, Die Tyche v. Konstantinopel.

Carl Frey, Ursprung und Wesen westeuropäischer Kunst im Mittelalter.

Библіографическія статьи въ Berliner Jahresberichte der Geschichtswissenschaft 15 (1892 г.):

1) Ferd. Hirsch, Byzantinisches Reich (за 1891—2 г.).

2) Sp. Lambros, Neugriechenland seit 1453 (за 1891—2 г.).

3) Jireček, Südslawen (за 1888—92 г.).

Указана, какъ богатая статьями и замѣтками по византиновѣдѣнію, Νεολόγου Ἑβδομιαία Ἐπιθεώρησις.

Обращаемъ вниманіе читателей на некрологъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталя (стр. 645—648), принадлежащій перу Вильяма Фишера.

Б. Меліоранскій.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Болгарская литература.

А. Шоповъ, *Изъ живота и положеніето на бълтаритѣ въ вилаетитѣ.* Пловдивъ (Изъ жизни и о положеніи болгаръ въ вилаетахъ, Филиппополь). 1894, стр. 381 въ 8-ку. Цѣна 15 гроша (=75 к.).

Болгары по берлинскому договору раздѣлены на вассальныхъ и на райю или вилаетскихъ. Вассальные составляютъ населеніе Болгарскаго княжества; райею же или вилаетскими называются тѣ, которые живутъ въ провинціяхъ Турціи, непосредственно подчиненныхъ падишаху, т. е. турецкому султану.

Весьма интересная книга г. Шопова касается не всей этой болгарской территоріи въ вилаетахъ, а главнымъ образомъ только западной ея стороны или, вѣрнѣе, македонской; въ адріанопольскомъ вилаетѣ она захватываетъ одно побережье Эгейскаго или Бѣлаго моря до границъ Македоніи. Г. Шоповъ посѣтилъ весною 1891 г. слѣдующія 12-ть каазъ или округовъ Европейской Турціи: деде-агачскую и гюмурджинскую, кавальскую и драмскую, неврокопскую, мельницкую, солунскую, вóденскую, кайлярскую, костурскую, битольскую, охридскую, прилѣпскую и велесскую. Описаніе путешествія г. Шопова по этимъ мѣстамъ и составляетъ содержаніе его книги, которая по числу округовъ раздѣляется на двѣнадцать неравномѣрныхъ главъ. Цѣлію его путешествія было ознакомленіе съ положеніемъ церковнаго и школьнаго дѣла болгаръ въ вилаетахъ, а также и съ настроеніемъ тамошняго общества, и притомъ главнымъ образомъ болгарскаго, и его отношеніемъ къ другимъ народностямъ Европейской Турціи и вообще Балканскаго полуострова, по премуществу же къ грекамъ. Кромѣ того онъ имѣлъ въ виду обращать вниманіе и на культурное состояніе населенія и опять-таки главнымъ образомъ болгарскаго — въ особенности въ Македоніи. Такимъ образомъ г. Шоповъ интересуется нѣкоторыми сторонами современной жизни. И дѣйствительно, по указаннымъ мною вопросамъ въ его книгѣ мы находимъ немало весьма интересныхъ данныхъ и замѣтокъ, какъ историческихъ, такъ и о современномъ ихъ состояніи. Правда, здѣсь мы не видимъ рядовъ цифръ, хотя таковыя также встрѣчаются; но за то г. Шоповъ представляетъ намъ рядъ историческихъ данныхъ о болгарскомъ школьномъ дѣлѣ въ разныхъ мѣстахъ Македоніи, о которомъ мы имѣли до этого времени только неясныя представленія. Но не въ этомъ, конечно, заключается интересъ книги г. Шопова для византолога, со стороны котораго книга г. Шопова заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Прежде чѣмъ говорить о значеніи для византолога книги «Изъ живота» и проч., замѣчу, что со стороны болгарина мы впервые видимъ обозрѣніе столько македонскихъ мѣстъ, сколько ихъ описано въ этой книгѣ. Уже однимъ этимъ книга г. Шопова должна возбудить наше вниманіе. Но помимо этого, въ его книгѣ мы находимъ цѣлый рядъ вполнѣ

удачныхъ и даже живописныхъ описаній городовъ и селъ, замѣтки объ урочищахъ, развалинахъ и т. п. археологическихъ остаткахъ. Въ особенности, между описаніями выдаются его разсказы о городахъ Мельникѣ, Воденѣ и Костурѣ или Касторіи, служившихъ въ византійское время, какъ говоритъ преданіе, мѣстами ссылки византійскихъ бояръ, и описанія г. Шопова вполнѣ оправдываютъ назначеніе этихъ городовъ, особенно описаніе Мельника, которое отличается рельефностію и живостію. Не меньшею живостію отличаются и его разсказы о Рупельскомъ проходѣ, городахъ Сѣрѣ, Влашской Клисурѣ недалеко отъ Водена, и затѣмъ Охридѣ, Стругѣ и монастырѣ св. Наума, а также и нѣкоторыхъ окрестностяхъ Охридскаго озера. Нѣкоторыя страницы описаній г. Шопова могутъ послужить съ большою пользою матеріаломъ комментатору при объясненіи топографическихъ и географическихъ данныхъ у византійскихъ лѣтописцевъ и историковъ. Само собою разумѣется, что описанія нашего путешественника не представляютъ полной исторіи посѣщенныхъ имъ городовъ; они отрывочны и изображаютъ только отдѣльныя картины и эпизоды изъ жизни большею частію современной природы и людей; но зато и картины и эпизоды разнообразны, наблюдены мѣтко и схвачены живо. Можно сказать съ полною увѣренностію, что или ничего, или весьма мало ускользало отъ вниманія г. Шопова во время его путешествія. Только въ нѣкоторыхъ, и то не многихъ мѣстахъ своей книги онъ кое-что не договариваетъ; но это зависитъ отъ того, что онъ долженъ былъ сообразоваться съ современными политическими обстоятельствами Турціи.

Но есть въ книгѣ г. Шопова недостатки, которые производятъ довольно непріятное впечатлѣніе. Прежде всего въ такой книгѣ, какъ его, гдѣ встрѣчается масса именъ и названій, былъ бы необходимъ указатель, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ даже и простаго оглавленія; кромѣ того книга изобилуетъ типографскими ошибками. Вообще, можно сказать, съ внѣшней стороны книга издана весьма небрежно.

Потомъ слѣдуетъ замѣтить, что при легкомъ и даже игривомъ языкѣ и правильной конструкціи рѣчи г. Шоповъ допускаетъ нерѣдко повторенія, которыя, впрочемъ, сильно въ глаза не бросаются. Еще менѣе русскій читатель будетъ имѣть основаній жаловаться на обиліе руссизмовъ, которые преобладаютъ здѣсь въ бóльшей степени, чѣмъ это наблюдаемъ у другихъ болгарскихъ писателей. Не смотря на мелкіе недостатки, книга г. Шопова представляетъ пріятное явленіе не только въ болгарской литературѣ, но даже и вообще и въ славянской.

Сербская литература.

Бранислав Ђ. Нушић, *Крај обала Охридског језера.* Белешке из 1892 године. Са 33 слика у тексту, шест нацрта и једном картом. Београд.

Издање трговине Јевте М. Павловича и Компаније. (По берегамъ Охридскаго озера. Замѣтки 1892 года. Составилъ Брониславъ Г. Нушичъ. Съ 33 рисунками въ текстѣ, шестью виньетками и одною картою. Бѣлградъ. Изданіе торговаго дома Евѳимія М. Павловича и Компаніи). 1894, VI + 182 + III въ 8-ку. Цена 3 динари (= 3 франка).

Книга г. Нушича касается интересной стороны Балканскаго полуострова, игравшей немаловажную роль въ отношеніяхъ византійцевъ съ славянами и главнымъ образомъ съ болгарами. Между тѣмъ до сего времени этотъ край остается малоизвѣстнымъ, не смотря на то, что уже съ конца прошлаго столѣтія его стали посѣщать многіе путешественники. По видимому, г. Нушичъ — сербскій консулъ или сербское должностное лицо въ Приштинѣ, судя по тому, что названіе этого города поставлено въ датѣ предисловія, а затѣмъ по тому, что составитель книжки имѣлъ возможность шесть разъ побывать на Охридскомъ озерѣ, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, и притомъ въ разное время и съ разными лицами, принадлежащими къ интеллигентнымъ и правительственнымъ сферамъ. Матеріалъ для своей книги г. Нушичъ собиралъ во время своихъ поѣздокъ по краю самъ; кромѣ этого онъ пользовался замѣтками своихъ спутниковъ, а также и описаніями путешествій тѣхъ, которые были раньше его въ этихъ мѣстахъ, хотя онъ, приводя имена авторовъ книгъ, не указываетъ самыхъ книгъ, т. е. ихъ заглавій, и потому заставляетъ читателя иногда тратить много времени на провѣрку приводимыхъ имъ чужихъ мнѣній. Слѣдуетъ замѣтить еще, что нѣкоторыя замѣтки г. Нушичъ дѣлалъ или провѣрялъ по предложенію и совѣту бѣлградскихъ ученыхъ С. Новаковича и Л. Ковачевича. Все это вмѣстѣ взятое предрасполагаетъ читателя въ пользу книги г. Нушича, — что она будетъ и интересной и занимательной, и возбуждаетъ въ немъ надежду, что онъ найдетъ въ этой книгѣ много новаго и притомъ безпристрастнаго. И нужно отдать справедливость г. Нушичу, — онъ, насколько ему было возможно за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ оправдываетъ надежду читателя; въ его книгѣ встрѣчается кое-что новое, хотя и немногое, но главное не видно пристрастнаго отношенія къ предмету, и такимъ образомъ она составляетъ, можно сказать, совершенную противоположность почти всѣмъ описаніямъ сербовъ о Македоніи послѣдняго времени.

Книга г. Нушича не представляетъ систематическаго и цѣльнаго описанія предмета; она составляетъ рядъ очерковъ, болѣе или менѣе связанныхъ между собою. Во всякомъ случаѣ, изъ нея видно, что составитель ея старательно изучилъ предметъ своего описанія и по возможности отмѣтилъ почти всѣ выдающіяся его стороны. Содержаніе книги раздѣляется на 16 главъ.

Первая глава составляетъ поэтическій взглядъ, если такъ можно выразиться, автора на довольно живописные берега Охридскаго озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ какъ бы введеніемъ въ остальныя главы. Подробное предметное изложеніе начинается со второй главы, въ которой

описываются болѣе или менѣе подробно берега озера и прилегающія къ нему мѣстности и его притоки. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить одну черту описанія г. Нушича, проходящую чрезъ всю его книгу, — что онъ старается передавать собственныя названія мѣстностей, городовъ, селъ, рѣкъ и т. п. такъ, какъ произноситъ ихъ мѣстное населеніе, т. е. иначе говоря, насколько возможно, точно. 3-я глава представляетъ административное дѣленіе края и его статистику, насколько таковая возможна въ турецкой провинціи; тутъ составитель отмѣчаетъ почти всѣ населенныя мѣста вокругъ озера. Въ 4-й главѣ описываются занятія прибрежныхъ жителей на озерѣ, приводятся ихъ подраздѣленія, а также и описаніе почти всѣхъ сортовъ рыбъ, которыя ловятся въ Охридскомъ озерѣ, съ приведеніемъ ихъ названій. Эта глава одна изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ. Пятую главу составляетъ довольно обстоятельное описаніе города Охрида въ нынѣшнемъ его состояніи. Въ 6-й главѣ разсматриваются древности охридскія, между которыми г. Нушичъ приводитъ несовсѣмъ исправный снимокъ слѣдующей, неизданной до сего времени надписи, которую я читаю такъ: + Ἀνηγέρθη καὶ ἀνιστορήθη ὁ θεῖος οὗτος ναὸς εἰς ὄνομα τοῦ αὐθέντου ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ μεγάλου ἁγίου Κλήμεντος διὰ συνδρομῆς ἐξόδου τε καὶ κόπου οἰκονόμου ἁγίου τοῦ θεοσεβεστάτου ἱερέως Στεφάνου τοῦ Προφήτου· ἐπὶ κράτους καὶ τῆς λαμπρᾶς πόλεως ταύτης Ἀχρίδας θεοσώστου, τοῦ πανευγενεστάτου αὐθέντου ἡμῶν μεγάλου ζουπάνου κυρίου Ἀνδρέα(sic) τοῦ Γρῶπα· ἀρχιερατέβοντος(sic) τοῦ παναγιοτάτου(sic) ἀρχιεπισκόπου τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας κυρίου Γρηγορίου. μηνὶ ἰουλίῳ, ἰνδικτιῶνος α´. ἔτει ͵ςωπς´. Кромѣ этого онъ приводитъ еще три неизвѣстныя надписи языческаго времени. Остальныя, приводимыя имъ, надписи извѣстны и были изданы по нѣсколько разъ. Вообще, г. Нушичъ приводитъ немного на́дписей и далеко не всѣ, находящіяся въ Охридѣ, а, повидимому, только такія, которыя чѣмъ-либо выдаются и малоизвѣстны или неизвѣстны. 7-ю главу составляетъ коротенькая исторія города Охрида, разумѣется, неполная; но за то здѣсь приводятся нѣкоторыя народныя преданія объ Охридѣ и въ тоже время указывается на безсмысленныя производства названія города: Λύχνις = Ἄχρις, Оридъ и Охридъ отъ *во ридъ*, или Охридъ отъ Ochsenfeld. Слѣдуетъ отмѣтить еще указаніе г. Нушича на постановленія охридской общины противъ женской роскопи и большихъ свадебныхъ затратъ, которыя помѣщены въ Κῶδιξ τῆς Ἀχρίδας, недавно изданномъ г. Шоповымъ въ «Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина», издав. болгарск. Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія кн. VI и VII, и которыя встрѣчаются и въ другихъ частяхъ и городахъ Болгаріи, напр. въ Котлѣ. 8-я глава есть продолженіе предыдущей, и въ ней говорится о пробужденіи охридянъ или, вѣрнѣе, излагается новѣйшая исторія Охрида, т. е. участіе охридянъ въ церковной греко-болгарской распрѣ. Въ 9-й главѣ описывается дорога изъ Охрида въ монастырь св. Наума, при чемъ составитель обращаетъ вниманіе на встрѣчающіяся по дорогѣ древности и особенно на разва-

лины монастыря Св. Заума (= Захлъмъ = Захумъ = Заумъ), и приводитъ въ транскрипціи сохранившуюся тамъ ктиторскую надпись, по которой основателемъ монастыря Захумской (Захолмской) Богородицы является кесарь Григорій (Γούργουρ = Гргур), а живописцемъ — епископъ дѣволскій Григорій при царѣ Стефанѣ Урошѣ въ 6869 (= 1361) г. Въ 10-й главѣ говорится весьма кратко о монастырѣ Св. Наума безъ указанія древностей, но довольно обстоятельно объ его имущественномъ положеніи. Въ 11-й главѣ сообщается о поискахъ мѣста или остатковъ г. Преспы, для чего авторъ дѣлаетъ экскурсію къ юго-востоку отъ озера Охридскаго до озера Преспанскаго и Вентрокъ и обходитъ кругомъ это послѣднее, отмѣчая на своемъ пути и по сторонамъ отъ него названія населенныхъ мѣстъ, урочищъ и т. п. Въ 12-й главѣ описывается дорога автора по юго-западному берегу Охридскаго озера, при чемъ онъ останавливается на монастырѣ Калищѣ (Калишче) и приводитъ снимокъ вязной двустрочной славянской поздней надписи на церкви села Радоождја; эта надпись начинается такъ: помени михаиле арангеле и оканчивается: и попа жека. 13-я глава заключаетъ въ себѣ описаніе города Струги и ея равнину, а 14-я — описаніе Охридской равнины. Обѣ эти главы являются одними изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ г. Нушича, какъ и глава 15-я, въ которой авторъ собралъ свои замѣтки о составѣ населенія вокругъ озера и языкѣ здѣшняго славянскаго населенія съ приведеніемъ образцовъ изъ народной поэзіи; при этомъ курсивомъ въ самыхъ образцахъ онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя лексическія особенности языка, изъ которыхъ можно выводить и особенности фонетическія. Кромѣ этого онъ приводитъ и отдѣльныя слова для характеристики языка. Но по всѣмъ этимъ даннымъ полнаго понятія объ языкѣ нельзя себѣ составить, что, впрочемъ, отчасти признаетъ и самъ г. Нушичъ (стр. 167). 15-ю главу составляетъ эпизодъ изъ мѣстной мусульманско-христіанской жизни, не имѣющій связи съ предыдущими; здѣсь приводится полный драматизма разсказъ о Джеладинѣ-бегѣ и его женѣ-христіанкѣ Ташулѣ.

Какъ видно изъ вышеприведеннаго обозрѣнія книги г. Нушича, она касается большею частію современнаго положенія приохридскаго края. Но при всемъ этомъ авторъ какъ будто тщательно старается не опредѣлять, какого рода славяне населяютъ этотъ край, болгары или сербы. Только въ одномъ или двухъ мѣстахъ онъ, какъ бы проговаривается, но тотчасъ спохватывается и переходитъ въ обычный тонъ. По всей вѣроятности, онъ не желалъ касаться болгарско-сербскаго вопроса о Македоніи. Впрочемъ, если взять во вниманіе черты въ приводимыхъ авторомъ образцахъ языка, то сумма большаго оказывается все-таки на сторонѣ болгаръ. Во всякомъ случаѣ, книга г. Нушича представляетъ немалый интересъ и для византолога. Послѣдній найдетъ въ ней не мало цѣнныхъ, правда, большею частію мелкихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ приохридскихъ мѣстностяхъ, о которыхъ говорятъ византійскіе историки и лѣтописцы,

напр. въ описаніи Охрида, въ разсказѣ о розысканіи Преспы. Книга г. Нушича для опредѣленія мѣстной номенклатуры представляетъ большой интересъ какъ для слависта, такъ и византолога.

Съ внѣшней стороны разбираемая мною книга удовлетворительна и даже роскошна, хотя авторъ почему-то не любитъ знаковъ препинанія, особенно запятыхъ, которыя во многихъ мѣстахъ его книги отсутствуютъ. Рядъ рисунковъ, представляющихъ виды мѣстностей и типы населенія, и нѣсколько снимковъ съ надписей исполнены довольно хорошо. Также и карта Охридскаго озера у г. Нушича не лишена интереса. Съ технической стороны она исполнена удовлетворительно; но со стороны точности едва-ли; по видимому, она сдѣлана не по мастабу, а по глазомѣру. Не знаю, виноватъ ли въ этомъ г. Нушичъ? Дѣло въ томъ, что приложенная къ его книгѣ карта и считающаяся имъ его собственностію,—ибо отмѣчено на ней: «Карта Бранислава Нушића. 1892», — представляетъ точную копію съ карты охридянина Климента Зарова, изданной имъ въ Софіи въ 1887 г.; она озаглавлена такъ: «Карта на градъ Охридъ и околностьта му», а съ правой стороны отмѣчено: «Настоящата карта се посвѣщава отъ издателя К. Заровъ за въ полза на Охридското Ученическо Дружество «Св. Климентъ», цѣльта на което е да помага на бѣднитѣ ученици. Ученическото Дружество «Св. Климентъ» въ гр. Охридъ подарява Ви тая карта въ знакъ благодарность за доброволното Ви спомоганне на бѣднитѣ ученици. 1887 год. гр. Охридъ. Нарисуволъ жителъ отъ гр. Охридъ Климентъ Заровъ. За препечатвание запазва си право Дружеството. Държавна печатница въ София. 1887 год. Мосщабъ 1: 125,0000». Съ той же стороны нарисованы 17 видовъ охридской рыбы, съ отмѣткою: «Нарисуванитѣ 17 вида риби се намирятъ въ сѫщото езеро», съ приведеніемъ названій рыбъ. Сходство доходитъ до мелчайшихъ подробностей: на обѣихъ картахъ очертанія озера одни и тѣже и одинаковое количество названій, хотя въ текстѣ книги ихъ гораздо больше; если найдутся на картѣ г. Нушича лишнія названія, то не болѣе одного или двухъ; даже число и названія рыбъ, кромѣ одного, въ книгѣ (стр. 30—32) одни и тѣ же, что и на картѣ Зарова. Авторъ книги, впрочемъ, говоритъ, что есть въ озерѣ еще и другіе сорта рыбъ, но названій не приводитъ. Только названія какъ собственныя, такъ и рыбъ, у г. Нушича встрѣчаются въ нѣсколько иной транскрипціи, чѣмъ на картѣ; въ текстѣ же по большей части сходны съ названіями на картѣ Зарова, у котораго они болѣе точны. Кто у кого заимствовалъ карту, конечно, лучше всего можетъ объяснить г. Нушичъ.

П. Сырку.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Архимандрита Владиміра, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Часть I. Рукописи греческія. Москва. 1894. 8°. IV + 880 стр.

А. Дмитріевскаго, Богослуженіе страстной и пасхальной седьмицъ во св. Іерусалимѣ IX—X в. (текстъ изд. по рукописи іерусалимской патріаршей библіотеки). Казань. 1894. 8°. XVI + 426 + XVI стр.

Е. К. Рѣдина, Памяти Джіованни Баттиста де-Росси, основателя христіанской археологіи. Харьковъ. 1894. 55 стр.

—— Замѣтки по христіанской археологіи. Москва-Харьковъ 1894.

Димитрій еп. Каменецъ-Подольскій, Мѣсяцесловъ Святыхъ всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ и указатель праздествъ въ честь иконъ Божіей Матери и св. угодниковъ Божіихъ въ нашемъ отечествѣ. Вып. I—II (Сентябрь, Октябрь). Каменецъ-Подольскъ. 1893.

Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годовъ. 2-ое изд. Москва. 1893. 8°.

Anthologia Graeca epigrammatum Palatina cum Planudea edidit Hugo Stadtmueller. I. Lips. 1894 (Bibl. Teubneriana).

Gustav Weigand, Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Romanen oder Zinzaren. Bd. I—II. Leipzig. Barth. 1894. 8°.

Acta martyris Anastasii Persae. Graece primum edidit Hermannus Usener. Bonnae. Cohen. 1894. 4°.

Heinrich Reffel, Ueber den Sprachgebrauch des Agathias. Gymnasialprogramm. Kempten. Josef Kösel. 1894. 8°.

Aug. Heisenberg, Studien zur Textgeschichte des Georgios Akropolites. Landau i. d. Rheinpfalz. 1894. 8°.

P. Wilhelm Rügamer, Leontius von Byzanz. Ein Polemiker aus dem Zeitalter Iustinians. Würzburg. A. Göbel. 1894. 8°.

Analecta Bollandiana. t. III, fasc. 1—4. Bruxelles. 1894.

Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles 1894. 8°. XII, 144 стр.

Gustave Schlumberger, Un ivoire chrétien inédit. Musée du Louvre. (Extr. des Mon. et Mém. publ. par l'Acad. des Inscr. et Belles Lettres). Paris. Ernest Leroux. 1894. 4°.

—— Un tableau reliquaire byzantin inédit du X-e siècle (ibid.). Paris. Ernest Leroux. 1894. 4°.

—— Neuf sceaux de l'orient latin. (Extr. de la Revue de l'Orient latin). Paris. Ernest Leroux. 1894.

—— Bulles d'ores byzantines conservées aux archives Vaticanes. (Extr. de la Revue numismatique). Paris. C. Rolin et Fenardent. 1894.

Folklore de Constantinople par Henry Carnoy et Jean Nicolaïdès. (Collection internationale de la Tradition. vol. XII—XIII). Paris. Emile Lechevalier. 1894. 8°.

G. Clausse, Basiliques et mosaïques chrétiennes. Italie-Sicile. Paris. Ernest Leroux. 1893. 2 vol. 8°.

Lettres de l'empereur Manuel Paléologue publiées par E. Legrand. Fasc. I. Paris. H. Welter. 1883. 9°.

E. Legrand, Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des

ouvrages publiés par des Grecs au XVII siècle. Paris. A. Picard et fils 1894. 8°. 2 vol.

Ch. Diehl, L'art byzantin dans l'Italie méridionale. Paris. Librairie de l'art. 1894. 8°.

Brevis historia primi congressus Archaeologorum Christianorum Spalati-Salonis habendi. Spalati 1884. 8°.

Ephemeris Salonitana. Jaderae 1894 fol.

Ephemeris Spalatensis. Jaderae 1894. fol.

Ephemeris Bihačensis. Jaderae 1894. fol.

Dr. Luca Jelić, Raccolta di documenti relativi ai monumenti artistici di Spalato e Salona. fasc. I. Spalato 1894. 8°.

L. Jelić, Fr. Bulić e S. Rutar, Guida di Spalato e Salona. Con 25 tavole. Versione dal Croato. Zara. 1894. 8°.

—— Vodja po Spljetu i Solinu. Zadar. 1894. 8°.

Др. Іван Франко, Іван Вишенський і его твори. Львів 1895. 16°. (Литературно-наукова библіотека кн. 21—30).

Νικολάου Γ. Πολίτου, Δημώδεις κοσμογονικοὶ μῦθοι. Ἀθήνησιν 1894. 51 стр.

Γεώργιος Μιστριώτης, Ἑλληνικὴ γραμματολογία ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῆς ὑπὸ τῶν Τούρκων ἁλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως. τ. α΄. Ἐν Ἀθήναις. Π. Δ. Σακελλάριος. 1894. 8°.

Γεωργ. Κωνσταντινίδης, Ἱστορία τῶν Ἀθηνῶν ἀπὸ Χριστοῦ γεννήσεως μέχρι τοῦ ἔτους 1821. 2-е изд. Ἐν Ἀθήναις. Κ. Μπέκ. 1894. 8°.

Παῦλος Καλλιγᾶς, Μελέται Βυζαντινῆς ἱστορίας ἀπὸ τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἁλώσεως (1204—1453). Ἐν Ἀθήναις. Ἀν. Κωνσταντινίδης 1894. 8°.

Musée Impérial Ottoman, Catalogue des sculptures grecques, romaines, byzantines et franques. Constantinople. 1893. 8°.

ОТДѢЛЪ III.

Храмъ св. Ирины и землетрясеніе въ Константинополѣ 28 іюня 1894 года.

(Посвящается **А. И. Нелидову**).

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ памятниковъ средневѣковаго Константинополя, сохранившихся до нашихъ дней въ Стамбулѣ, не смотря на всѣ усилія времени и обитателей уничтожить или испортить, храмъ св. Ирины занимаетъ безпорно одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по своей цѣльности и сохранности, такъ и по своему археологическому значенію и важности. Онъ стоитъ почти рядомъ съ св. Софіею, на сѣверъ отъ нея, и прежде, въ византійскую эпоху, былъ даже обнесенъ одною оградою; рядомъ съ нею онъ прежде другихъ древнихъ храмовъ, теперь находящихся въ рукахъ турокъ, представляется взорамъ путешественниковъ, приближающихся къ Константинополю съ Босфора, такъ какъ оба храма украшаютъ собою вершину того холма, который поднимается отъ основанія Золотаго рога на западъ и который раньше другихъ частей Стамбула обращаетъ на себя вниманіе путешественника зданіями и кіосками Стараго дворца и колоссальными храмами св. Софіи и св. Ирины.

Судьба соединила эти храмы не только мѣстомъ, но и исторіею; они почти въ одно время были построены и перестроены, оба были патріаршими церквами, оба подвергались нерѣдко одинаковымъ несчастіямъ, пока турки не дали имъ разнаго назначенія и не раздѣлили ихъ высокою стѣною.

По времени постройки въ первоначальномъ видѣ оба храма принадлежатъ эпохѣ Константина Великаго, когда небольшой провинціальный греческій городокъ, но чрезвычайно важный по своему географическому положенію и несравненный по своимъ топографическимъ удобствамъ и красотамъ, превращался волею императора въ христіанскую столицу великой римской имперіи. Утомленный продолжительными и кровопролитными междуусобными войнами, основатель христіанской столицы

построилъ въ ней первый христіанскій храмъ въ честь и во имя Божественнаго Мира (templum Pacis divinae), т. е. Сына Божія, которому былъ посвященъ и другой храмъ, построенный послѣ, подъ именемъ Премудрости Божіей (Templum Sapientiae divinae [1])). А такъ какъ миръ по гречески ἡ εἰρήνη, то храмъ Мира сталъ называться храмомъ св. Ирины (ὁ ναὸς τῆς ἁγίας Εἰρήνης), какъ будто онъ былъ посвященъ святой Иринѣ, точно такъ же, какъ храмъ Божественной Премудрости сталъ называться храмомъ св. Софіи, хотя онъ не имѣетъ никакого отношенія къ святой этого имени. Какъ храмъ Премудрости, такъ и храмъ Мира были построены первоначально не въ томъ видѣ, въ какихъ мы знаемъ ихъ теперь, а въ видѣ базиликъ, т. е. четырехъугольнаго длиннаго зданія съ апсидою на восточномъ концѣ для алтаря.

Въ томъ видѣ, въ которомъ св. Ирина была построена Константиномъ Великимъ, она стояла болѣе двухъ столѣтій, до временъ другаго великаго строителя, императора Юстиніана. Знаменитый бунтъ, поднятый димами (партіями) Ипподрома и чуть было не стоившій престола самому Юстиніану, сопровождался, какъ извѣстно, безпощадными избіеніями, безконечными грабежами и опустошительными пожарами, истребившими значительную часть города. Чуть ли не болѣе всѣхъ другихъ городскихъ кварталовъ, пострадавшихъ отъ поджоговъ, опустошенъ былъ главный кварталъ, въ которомъ находились лучшія зданія общественныя и царскіе дворцы. Много тогда погибло замѣчательныхъ зданій изъ временъ Константина Великаго и его ближайшихъ преемниковъ, много погибло неоцѣненныхъ памятниковъ искусства, а больше всего погибло людей, массами избиваемыхъ подъ вліяніемъ сильнаго ожесточенія бунтовщиковъ и солдатъ. Во время этого кровавaго и ожесточеннаго бунта, извѣстнаго въ исторіи, по лозунгу бунтовщиковъ, подъ именемъ «Ника» (Νίκα — побѣждай), въ половинѣ января 532 г. сгорѣлъ и храмъ Мира вмѣстѣ съ храмомъ Софіи и сосѣдними постройками.

---

1) Свидѣтельства средневѣковыхъ писателей о храмѣ св. Ирины собраны въ Constantin. Christiana Дюканжа lib. IV, § 20, который отнесъ его къ храмамъ святыхъ, а не къ храмамъ Спасителя. Въ отличіе отъ другаго, сравнительно позднѣйшаго храма того же имени св. Ирины, построенный Константиномъ назывался въ средніе вѣка «древнимъ» или «старымъ» (παλαιά, ἀρχαία). Очень возможно и вѣроятно, что первоначально храмъ св. Ирины былъ просто храмомъ Мира (templum pacis), какъ храмъ св. Софіи — храмомъ Мудрости, т. е. отвлеченныхъ идей — символовъ, а потомъ уже подъ этими идеями стали разумѣть божественный Миръ и Премудрость, олицетворенныя и воплощенныя въ Сынѣ Божіемъ. Относительно храма св. Ирины есть даже извѣстіе, что Константинъ его только расширилъ и украсилъ, т. е. нашелъ, можетъ быть, уже готовый небольшой храмъ Мира и распространилъ его. Да и вообще храмостроительство св. Константина въ Константинополѣ было очень ограничено: кромѣ вышеназванныхъ двухъ храмовъ собственно имъ построенъ еще только храмъ св. Апостоловъ, имѣвшій своимъ назначеніемъ быть усыпальницею царей и уже сыномъ Константина, Констанціемъ, освященный во имя св. Апостоловъ. О храмахъ, построенныхъ Константиномъ въ новой столицѣ, ср. Н. П. Кондаковъ, Константинопольскія церкви, стр. 7, 10, 109.

Усмиривъ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы, кровавый бунтъ, Юстиніанъ принялся за возстановленіе истребленныхъ пожарами кварталовъ и зданій съ необыкновенною быстротою и неслыханною энергіею. Въ концѣ февраля того же года (23 февр. 532 г.) было уже положено начало новаго, несравненно болѣе великолѣпнаго и обширнаго храма Софіи, того самаго, который, несмотря на всѣ превратности судьбы, до сихъ поръ служитъ предметомъ удивленія для всего образованнаго міра. Отъ прежняго храма Софіи, Константиновскаго, въ новомъ не осталось и слѣда. Новый храмъ строился по новому плану, на новыхъ архитектурныхъ началахъ, составившихъ эпоху въ исторіи строительнаго искусства и во времена Константина неизвѣстныхъ. Вмѣсто обыкновенной базилики явился чудо-храмъ съ громаднымъ, невиданнымъ досел҄ѣ куполомъ, утвержденнымъ на четырехъ столбахъ, и двумя упирающимися въ него полукуполами. И это чудо свѣта строилось не сотни, не десятки лѣтъ, а было окончено со всею своею великолѣпною, драгоцѣнною и удивительно художественною отдѣлкою всего въ 5 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 10 дней [1]) со дня пожара.

Подобно св. Софіи, и Константиновскій храмъ божественнаго Мира (τῆς ἁγίας Εἰρήνης) былъ не возобновленъ, не возстановленъ, а скорѣе совсѣмъ заново построенъ Юстиніаномъ на новыхъ архитектурныхъ началахъ. Константиновская базилика была перестроена въ купольный храмъ [2]). Но такъ какъ св. Ирина въ своихъ основаніяхъ и теперь сохраняетъ форму базилики, то нѣкоторые ученые думаютъ, что Юстиніанъ при перестройкѣ храма удержалъ прежній планъ базилики и ея старыя основанія, но построилъ въ ней куполъ, утвердивъ его на четырехъ столбахъ внутри прежнихъ стѣнъ. Въ пользу этого говорятъ, повидимому, нѣкоторыя довольно замѣтныя особенности въ устройствѣ этого храма, на которыя мы обратимъ вниманіе читателя при разсмотрѣніи плана св. Ирины. По своей обширности храмъ св. Ирины, построенный Юстиніаномъ, уступаетъ только св. Софіи.

Въ 38-мъ году царствованія Юстиніана западная часть (дворъ, atrium и нарѳикъ) храма пострадала отъ пожара, но опять была исправлена Юстиніаномъ и простояла цѣла и невредима до перваго иконоборческаго царя, Льва Исавра. При немъ храмъ св. Ирины весьма сильно поврежденъ былъ землетрясеніемъ, 26 окт. 740 г., но былъ возобновленъ при этомъ же царѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, насколько былъ поврежденъ храмъ этимъ землетрясеніемъ, а слѣдовательно не знаемъ и того, какъ

1) Дюканжъ, Constantin. Christiana, lib. III, §. 4.

2) Procop. de aedific. I, 2, p. 182 ed. Bonn. Ἐκκλησία δὲ τῇ μεγάλῃ ὅμορον οὖσαν καὶ συγκαταφλεχθεῖσαν αὐτῇ πρότερον τὴν τῆς Εἰρήνης ἐπώνυμον Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ὑπερμεγέθη ἐδείματο, ἱερῶν τῶν ἐν Βυζαντίῳ σχεδόν τι ἁπάντων μετά γε τῆς Σοφίας τὸν νεὼν οὐδενὸς δεύτερον, т. е. Сосѣдній съ Великою Церковью и въ прежнее время сгорѣвшій вмѣстѣ съ нею храмъ св. Ирины Юстиніанъ построилъ весьма обширный, такъ что, послѣ св. Софіи, онъ не уступалъ (по величинѣ) ни одному изъ всѣхъ храмовъ въ Византіи.

велики были поправки, сдѣланныя послѣ землетрясенія, то есть, касались ли онѣ самой конструкціи храма или только были возстановленіемъ прежняго устройства, другими словами, мы не знаемъ, чѣмъ обязанъ сохранившійся до насъ храмъ архитекторамъ-реставраторамъ VIII в. [1]).

Съ самаго своего построенія и до послѣднихъ византійскихъ царей храмъ св. Ирины, какъ и св. Софія, былъ патріаршею церковью и по 3-й новеллѣ Юстиніана, которою опредѣлялось число священно-и церковнослужителей при храмѣ св. Софіи, храмъ св. Ирины не имѣлъ своего клира, потому что многочисленный клиръ св. Софіи долженъ былъ совершать церковныя службы и въ храмѣ св. Ирины, какъ въ ближайшихъ къ св. Софіи двухъ другихъ храмахъ: пресв. Богородицы (по мнѣнію Дюканжа, такъ называемой Халкопратійской) и св. Θеодора. Этимъ обстоятельствомъ, можетъ быть, и объясняется очень большое количество священнослужителей храма св. Софіи, узаконенное новеллою Юстиніана [2]).

Не смотря на такое назначеніе храма Св. Ирины и близость его къ Св. Софіи, торжественныя, соборныя празднованія памяти святыхъ и священныхъ событій (συνάξεις) совершались сравнительно рѣдко въ храмѣ Мира. Крестные ходы въ него и отъ него также не упоминаются ни въ церковныхъ, ни въ придворныхъ уставахъ, за исключеніемъ одного, установленнаго въ память возсоединенія церкви и прекращенія раскола, возникшаго въ Константинопольской церкви по поводу четвертаго брака Льва VI Мудраго между сторонниками патріарховъ Николая Мистика и Евθимія. Въ память *примиренія* церковныхъ партій, которое устроено было Романомъ Лакапиномъ (920 г.) въ бытность его василеопаторомъ, было установлено совершать крестный ходъ изъ храма св. Софіи въ храмъ *Мира* [3]). Для этого царь дѣлалъ торжественный выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ; здѣсь его обычнымъ порядкомъ встрѣчалъ патріархъ въ св. Кладезѣ, а потомъ они оба съ своими свитами шли въ храмъ Мира, гдѣ совершалось благодарственное молебствіе, а послѣ него патріархъ и царь возвращались съ пѣснопѣніями въ храмъ св. Софіи чрезъ сѣверный нарθикъ, и, дойдя по нему до западнаго, совершали малый входъ въ св. Софію, послѣ чего совершалась патріархомъ, въ присутствіи царя, литургія обычнымъ порядкомъ.

---

1) Въ краткомъ извѣстіи патріарха Никифора сказано только, что землетрясеніе обрушило (κατέσειεν) храмъ св. Ирины.

2) О клирѣ св. Софіи см. Дюканжа Const. Christ. lib. III, p. 47 ed. Venet. Ср. мои Byzantina, кн. II, стр. 126, примѣч.

3) О четвертомъ бракѣ Льва Мудраго, возникшемъ въ церкви расколѣ и примиреніи сторонниковъ Евθимія и Николая Мистика подробно и обстоятельно разсказано въ книгѣ Н. Попова, Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-политич. отношеніи. Москва, 1892, стр. 97 слѣд. до 192. Кратко эти событія указаны во II кн. моихъ *Byzantina*, стр. 233 слѣд., гдѣ изложенъ и самый обрядъ выхода и крестнаго хода въ память возсоединенія церкви по Придворному уставу (Cerim.) Константина Багрянороднаго, I, 36, p. 186.

Такъ какъ событіе, въ память котораго совершался этотъ крестный ходъ и молебствіе, имѣло временное, спеціальное значеніе и не имѣло продолжительнаго вліянія на дальнѣйшія судьбы церкви и государства, то празднованіе памяти его продолжалось недолго, пока живъ былъ заинтересованный въ этомъ событіи царь Константинъ VII Багрянородный, плодъ четвертаго брака Льва VI, и его современники, участники произшедшаго вслѣдствіе этого брака церковнаго раскола. Когда послѣдствія этого событія съ теченіемъ времени изгладились, и празднованіе возсоединенія церквей потеряло значеніе какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, оно само собою изчезло изъ церковной и придворной практики. Этимъ безъ сомнѣнія нужно объяснять то обстоятельство, что въ церковныхъ уставахъ объ этомъ празднованіи и крестномъ ходѣ не упоминается, да и въ придворный уставъ Константина Багрянороднаго оно занесено въ видѣ дополнительной замѣтки въ концѣ сборника обрядовъ Царскихъ выходовъ въ большіе праздники.

Кромѣ этого крестнаго хода въ томъ же Придворномъ уставѣ храмъ св. Ирины упоминается при описаніи дѣйствій царя въ Великую пятницу. Въ этотъ день, послѣ путешествія царя въ Влахернскій храмъ для перемѣны облаченія св. престола, въ третьемъ или четвертомъ часу дня, т. е. девятомъ или десятомъ по нашему счету, высшіе чины синклита (патрикіи) по распоряженію царя отправлялись въ храмъ св. Ирины для присутствованія при божественныхъ оглашеніяхъ, которыя совершалъ тамъ патріархъ (τὰς θείας κατηχήσεις τοῦ πατριάρχου τελοῦντος) [1].

По взятіи Константинополя турками всѣ христіанскіе храмы были постепенно обращены въ мечети и теперь во владѣніи христіанъ неосталось ни одного древняго храма. Только св. Ирина не превращена въ мечеть, а по какой-то странной прихоти завоевателей храмъ Мира обращенъ въ складъ, а потомъ Музей стараго вооруженія и оружія, которымъ теперь заполнена вся церковь и которое занимаетъ не только низъ и полъ церкви, но и развѣшено по стѣнамъ, колоннамъ и галлереямъ до самаго купола. Кромѣ оружія, на дворѣ и особенно въ закрытыхъ и расширенныхъ турками галлереяхъ окружающихъ дворъ св. Ирины (atrium), хранились разные древніе памятники классическаго и христіанскаго ис-

1) Cerim. I, 34, 179. Въ Патмосскомъ типикѣ Св. Софіи объ этихъ κατηχήσεις не упоминается (см. статью проф. Красносельцева объ этомъ типикѣ и приложенныя къ ней извлеченія изъ него въ Лѣтописи историко-филол. общества при Новороссійск. унив. II. Византійское отдѣленіе I, стр. 247: τῇ ἁγίᾳ μεγάλῃ παρασκευῇ. Подъ κατηχήσεις, по всей вѣроятности, нужно разумѣть поученія въ христіанской вѣрѣ, которыя дѣлалъ патріархъ приготовляющимся къ крещенію оглашенныхъ, такъ какъ въ Великую субботу въ крестильнѣ Великой церкви происходило обыкновенно крещеніе новообращенныхъ съ особою торжественностію. Таинство крещенія совершалъ самъ патріархъ. Относительно κατηχήσεις см. Дюканжа Gloss. Gr. s. v. О крещеніи новообращенныхъ въ Великую субботу см. мои *Byzantina*, кн. II, стр. 146. Ср. обрядъ Велик. субботы въ сейчасъ названныхъ отрывкахъ изъ Патмосскаго списка устава Св. Софіи, стр. 249.

кусства, найденные въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ турецкой имперіи. Теперь, когда для памятниковъ искусства отведены два отдѣльныхъ зданія въ стѣнахъ стараго Сарая, всѣ эти памятники и много вновь найденныхъ помѣщены достойнымъ образомъ въ этихъ зданіяхъ, составляющихъ Императорскій Оттоманскій Музей, и стали вполнѣ доступны публикѣ, хотя и за сравнительно высокую входную плату. Галлереи, окружающія дворикъ, теперь почти пусты, а на дворикѣ остался лишь постаментъ статуи, взятый очевидно съ Ипподрома, съ 4-мя изображеніями увѣнчаннаго побѣдителя на скачкахъ, знаменитаго наѣздника (ἡνίοχος) Порфирія, воспѣтаго современными поэтами. За многочисленныя славныя побѣды на скачкахъ, которыя тогда цѣнились чуть ли не болѣе военныхъ побѣдъ, счастливому и ловкому наѣзднику была поставлена въ Ипподромѣ бронзовая статуя, отъ которой сохранилась подставка [1]).

Такая историческая судьба храма Мира, благодаря которой онъ не подвергался передѣлкамъ, необходимымъ для превращенія церкви христіанской въ мусульманскую мечеть, ея древность, обширность и архитектурныя особенности привлекаютъ вниманіе всякаго путешественника, интересующагося древностями христіанскаго Константинополя, а мы нарочно пріѣхали въ Константинополь для ознакомленія съ этими древностями и особенно съ храмами. Понятно, что для насъ весьма важно было видѣть этотъ знаменитый храмъ и сравнить его съ другими, видѣнными уже нами храмами, превращенными въ мечети. А между тѣмъ видѣть его нельзя: путешественниковъ туда не пускаютъ. Даже тѣ, которые получаютъ разрѣшеніе осматривать султанскіе дворцы и сокровищницу, въ храмъ св. Ирины не допускаются, какъ не допускаются въ одну изъ комнатъ сокровищницы, въ которой хранится одежда Магомета, рука Іоанна Крестителя въ серебряной оправѣ и небольшая султанская библіотека, заключающая въ себѣ, какъ говорятъ, и греческія рукописи изъ библіотеки византійскихъ царей. Весьма не многимъ даже археологамъ-спеціалистамъ удается видѣть эти древности и проф. Н. П. Кондаковъ, спеціально ѣздившій въ Константинополь для изученія Кон-

---

1) Обстоятельное и тщательное описаніе этого интереснаго и весьма важнаго для исторіи ипподрома памятника сдѣлано Константинопольскимъ старожиломъ и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ топографіи и древностей Царьграда Др. Mordtmann'омъ въ Mittheilungen des deutschen archäolog. Institutes in Athen, 5 Jahrgang, Athen, 1880, s. 295—308. Здѣсь D-r Mordtmann сопоставляетъ изображенія на памятникѣ съ обрядами скачекъ, находящимися въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго (Cerimoniae) и издаетъ сохранившіяся на памятникѣ надписи. Одна изъ эпиграммъ попала въ Греческую Антологію, гдѣ находится не мало эпиграммъ въ честь Порфирія вмѣстѣ съ другими эпиграммами въ честь и славу знаменитыхъ наѣздниковъ Константинопольскаго ипподрома (Anthol. Gr. cur. Jacobs, t. II, p. 727 seq.). Она издана также у Kaibel'я въ Epigr. gr. ex lapid. collecta вмѣстѣ съ χορευτικόν прасиновъ (p. 388, № 395) и комментаріемъ на нихъ. Какъ Kaibel (ср. его De monum. aliquot graec. carminibus, Bonn 1871), такъ и Mordtmann относятъ памятникъ къ концу V или началу VI в. по Р. Хр.

стантинопольскихъ церквей, не видалъ ни св. Ирины, ни сейчасъ названной комнаты съ рукописями, святынями и древностями, самыми интересными для христіанскаго археолога изъ всѣхъ драгоцѣнностей султанской сокровищницы. Мы также не видали ни того, ни другаго, когда осматривали Старый Сарай и сокровищницу, хотя и просили, чтобы намъ разрѣшено было посмотрѣть по крайней мѣрѣ св. Ирину.

Такъ, по всей вѣроятности, намъ и не пришлось бы видѣть храмъ Мира, если бы за это, повидимому, простое дѣло не взялся самъ нашъ посолъ, Александръ Ивановичъ Нелидовъ. Мы знали, что нашъ посолъ въ Константинополѣ не только въ высшей степени доступенъ, любезенъ и внимателенъ къ нуждамъ и просьбамъ русскихъ путешественниковъ, но и самъ, всю жизнь прослуживъ въ Турціи и Греціи, всегда интересовался и занимался археологіею, классическою и византійскою. Въ этой любви къ археологіи и памятникамъ искусства мы могли убѣдиться изъ того, что Александръ Ив. Нелидовъ собралъ довольно изрядную библіотеку и даже весьма цѣнную коллекцію памятниковъ, въ числѣ которыхъ есть не мало интересныхъ и важныхъ предметовъ. Высокопоставленный обладатель этой коллекціи не только любезно показалъ ее намъ, но и предоставилъ ее въ наше распоряженіе, пригласивъ приходить въ посольство, когда угодно, для изученія коллекціи. Затѣмъ, когда проф. А. Н. Деревицкій и приватъ-доц. Д. В. Айналовъ изъявили желаніе описать и издать нѣкоторые предметы его коллекціи, Ал. Ив. не только съ удовольствіемъ согласился на это, но заказалъ своему поставщику-фотографу сдѣлать фотографическіе снимки съ этихъ предметовъ, чтобы сейчасъ названные ученые могли взять съ собою точныя фотографическія копіи предметовъ, изученіемъ которыхъ и описаніемъ они изъявили желаніе заниматься.

Такая по истинѣ необыкновенная любезность и предупредительность дала намъ смѣлость просить посла объ исходатайствованіи намъ разрѣшенія видѣть св. Ирину, какъ бы ни было это трудно. Александръ Ивановичъ, вполнѣ понимая наше желаніе, сейчасъ же изъявилъ свое согласіе и распорядился объ исходатайствованіи у турецкихъ властей просимаго разрѣшенія. При этомъ посолъ приказалъ прибавить, что и самъ онъ желаетъ видѣть храмъ и будетъ осматривать вмѣстѣ съ нами. Эту прибавку Александръ Ивановичъ сдѣлалъ, очевидно, для того, чтобы предупредить возможность отказа, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что осмотръ св. Ирины, по какой то непонятной причинѣ, разрѣшается рѣдко, да и то только высокопоставленнымъ особамъ. Въ разговорѣ съ нами по поводу нашей просьбы, А. И. разсказалъ намъ, что онъ самъ видѣлъ только разъ св. Ирину и сокровищницу, когда сопровождалъ при осмотрѣ древностей Константинополя Ихъ Высочествъ, Великихъ Князей, Сергія и Павла Александровичей. Да и то храмъ св. Ирины сначала было не хотѣли открыть и только благодаря категорическому приказанію султанскаго адъютанта, взявшаго на себя отвѣтственность за это

не испрошенное заранѣе разрѣшеніе, двери храма св. Ирины растворились для высокихъ путешественниковъ. Такъ трудно бываетъ въ Константинополѣ посмотрѣть самый, повидимому, безобидный, хотя и важный для археологовъ христіанскій памятникъ!

Эта бесѣда съ посломъ происходила въ Буюкъ-дере, въ дачномъ помѣщеніи нашего посольства, лежащемъ на Босфорѣ, въ воскресенье, 26 іюня, а 28 іюня, во вторникъ, въ 4 ч. пополудни мы предполагали уѣхать изъ Константинополя на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли «Чихачевъ» дальше на югъ сначала въ Грецію, а потомъ въ Палестину. Объ этомъ отъѣздѣ мы заявили послу, въ виду того, что намъ можно было ждать разрѣшенія только до вторника и потому разрѣшеніе необходимо было достать на слѣдующій же день, въ понедѣльникъ 27 іюня. Весь этотъ день, приготовляясь къ отъѣзду, мы ожидали извѣщенія о разрѣшеніи и только вечеромъ, когда мы уже отчаялись въ томъ, что намъ удастся посмотрѣть св. Ирину, мы получили отъ посла телеграмму изъ Буюкъ-дере съ извѣщеніемъ о полученіи разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ сообщалъ намъ, что осмотръ храма назначенъ на 28 іюня, въ 11 час. дня. На слѣдующій день, 28 іюня, часовъ въ 10 слишкомъ къ намъ пришелъ изъ посольства кавасъ, присланный для сопровожденія насъ къ св. Иринѣ и мы на извощикѣ отправились въ четверомъ (проф. Н. Ѳ. Красносельцевъ, Г. П. Беглери [1]), Д. В. Айналовъ и я) чрезъ Большую Галатскую улицу и Галатскій мостъ къ храму св. Ирины. Узкія улицы Галаты, по обычаю, были полны народа, особенно главныя, и оглашались всевозможными криками продавцевъ разныхъ національностей, рожками кондукторовъ, звономъ разныхъ колокольчиковъ и монетъ, которыя многочисленные мѣнялы постоянно подбрасываютъ въ рукахъ, чтобы обратить вниманіе прохожихъ иностранцевъ. Все шло обычнымъ порядкомъ и ничто не предвѣщало грозной опасности, висѣвшей надъ милліоннымъ городомъ. Многочисленныя и разношерстныя собаки, послѣ ночной санитарной работы, лежали, какъ всегда, на своихъ улицахъ и спали спокойно на узенькихъ тротуарахъ, нимало не обращая вниманія на идущую мимо ихъ и чрезъ нихъ шумную и разноцвѣтную толпу. Лавки, кафе, рестораны, пекарни, мастерскія давно открыты и торговля въ нихъ идетъ полнымъ ходомъ. Въ полномъ разгарѣ и работы въ настежъ открытыхъ торговыхъ заведеніяхъ и мастерскихъ: сапожники шьютъ, чинятъ и продаютъ обувь, цирульники бреютъ и стригутъ у всѣхъ на виду, почти на

---

1) Георгій Павл. Беглери, агентъ нашего Палестинскаго общества и предсѣдатель одного изъ отдѣловъ мѣстнаго ученаго общества, нѣсколько разъ сопровождалъ насъ въ нашихъ экскурсіяхъ по Константинополю. Будучи хорошо знакомъ съ городомъ и его древностями, онъ оказалъ намъ много важныхъ услугъ и съ необыкновенною любезностію и готовностію помогалъ намъ въ нашемъ ознакомленіи съ достопримѣчательностями и памятниками Стамбула, за что считаю своею пріятною обязанностію выразить ему здѣсь искреннюю благодарность.

улицѣ; въ пекарняхъ пекутъ и вынимаютъ хлѣбы большою лопатою такъ, что длинная рукоять ея, чрезъ открытое окно или дверь, выдвигается на улицу и задѣваетъ прохожихъ; въ ресторанахъ и кухмистерскихъ идутъ усиленныя приготовленія къ полуденному завтраку и шашлыкъ въ видѣ вывѣски жарится и вертится на улицѣ предъ заведеніемъ. Словомъ, крикливая и суетливая жизнь разноплеменной и торговой Галаты бьетъ полнымъ ключомъ и никто не думаетъ о близкой, уже нависшей грозѣ.

На Галатскомъ мосту чрезъ Золотой рогъ обычная безпорядочная толпа платитъ парички (2 к.) за проходъ чрезъ мостъ мостовщикамъ, облаченнымъ въ бѣлыя длинныя рубахи, чтобы нельзя имъ было припрятывать деньги въ карманы, и спѣшитъ дальше, толкаясь и увертываясь отъ экипажей и носильщиковъ тяжестей, исполняющихъ въ Константинополѣ обязанности почти отсутствующихъ ломовыхъ извощиковъ. Нашъ кавасъ платитъ бѣлой рубахѣ чирекъ (40 к.) за нашъ парный экипажъ и мы, громыхая по бревенчатой настилкѣ моста, пробираемся сквозь толпу и въѣзжаемъ уже въ Стамбулѣ на площадь предъ громадною мечетью Валиде. Вся площадь по обыкновенію покрыта движущимся народомъ, извощичьими экипажами, омнибусами, продавцами фруктовъ, воды и т. п. За площадью на холмѣ высится массивная мечеть, окруженная высокими, стройными минаретами съ остроконечными шапками. Широкая лѣстница и портики фасада мечети, обращеннаго къ Галатскому мосту, сплошь усѣяна турками: они тутъ, какъ дома, въ прохладной тѣни сидятъ, лежатъ, бесѣдуютъ, моются у крановъ, раздѣваются, умываются, одѣваются. Мы пересѣкаемъ площадь и ѣдемъ по узенькой, торговой улицѣ, ведущей отъ Галатскаго моста къ св. Софіи. На половинѣ пути мы сворачиваемъ въ ворота, ведущія въ садъ Стараго Сарая, т. е. оставленныхъ теперь султанскихъ дворцовъ, и въѣзжаемъ чрезъ другія ворота на площадь янычаръ, которая направо ограничивается сѣвернымъ фасадомъ св. Ирины, а на лѣво стѣнами дворцовъ и воротами Орта-капу. На этой площади растетъ знакомый бывшимъ въ Константинополѣ старый платанъ янычаръ, у котораго разнузданные и своевольные преторіанцы собирали свои буйныя сходки и постановляли свои кровавые приговоры разгнѣвавшимъ ихъ визирямъ и пашамъ.

На дворѣ янычаръ, на которомъ обыкновенно собираются путешественники, получившіе разрѣшеніе осматривать Старый Сарай и сокровищницу, еще никого не было. Мы пріѣхали раньше всѣхъ и, въ ожиданіи нашего посла со свитою и султанскаго адъютанта, стали разсматривать древніе памятники, выставленные за желѣзною рѣшеткою, которою огороженъ весь сѣверный фасадъ св. Ирины. Здѣсь помѣщены частію обломки большихъ монументовъ, частію массивные цѣльные памятники, не нашедшіе себѣ мѣста въ Оттоманскомъ музеѣ. Къ первымъ принадлежатъ: колоссальная голова медузы изъ бѣлаго мрамора, найден-

ная на форѣ (forum) Константина, обломокъ порфироваго обелиска, база порфировой колонны и серебряной статуи царицы Евдокіи [1]) и весьма интересный обломокъ порфироваго саркофага, украшеннаго горельефными вѣнками и цвѣтами. Полагаютъ, что этотъ обломокъ представляетъ собою остатокъ саркофага свв. Константина и Елены, положенныхъ въ одномъ саркофагѣ въ храмѣ св. Апостоловъ, который служилъ усыпальницей византійскихъ царей, подобно Архангельскому собору въ Москвѣ и Петропавловскому въ Петербургѣ. Въ храмѣ же св. Апостоловъ, по всей вѣроятности, стояли нѣкогда и тѣ цѣльные массивные саркофаги, которые стоятъ рядомъ съ вышеназванными обломками за рѣшеткою у храма св. Ирины. Ихъ также пытались пріурочить къ извѣстнымъ византійскимъ царямъ и царицамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, безъ достаточныхъ основаній. Патріархъ Констанцій одинъ изъ нихъ считалъ гробницею Аркадіи, дочери Аркадія и Евдоксіи, скончавшейся въ 444 г. Детье приписываетъ одни изъ нихъ царямъ изъ потомства Константина Великаго, а другіе Θеодосію Великому и его дѣтямъ. Всѣ саркофаги имѣютъ видъ высокихъ четырехъугольныхъ ящиковъ съ двухскатными крышами, какъ обыкновенно дѣлались византійскіе саркофаги. Но одинъ саркофагъ, самый большой и длинный, имѣетъ форму не четырехъугольнаго, а овальнаго ящика, и приписывается Юліану Отступнику [2]). Эти предположенія ученыхъ вошли въ гиды и мѣстными проводниками выдаются за несомнѣнныя истины, какъ и многія другія предположенія и догадки, потому что проводникъ тѣмъ считается лучше, чѣмъ больше онъ умѣетъ назвать древнихъ именъ и объяснить происхожденіе и назначеніе древнихъ памятниковъ.

Въ 11 ч. пріѣхалъ султанскій адъютантъ, который присланъ для того, чтобы сопровождать насъ при осмотрѣ, а затѣмъ прибылъ и нашъ посолъ съ своимъ сыномъ, нѣсколькими драгоманами и секретарями, которые пожелали принять участіе въ осмотрѣ памятника, такъ мало доступнаго даже и для нихъ. Сейчасъ же всѣ мы отправились въ храмъ чрезъ дверь въ западномъ концѣ сѣвернаго фасада, которая чрезъ корридоръ

---

1) На этой базѣ стояла порфировая колонна, на которой помѣщалась серебряная статуя царицы Евдокіи, жены Θеодосія II Младшаго. Колонна и статуя были поставлены на площади Августеонѣ ипархомъ города Симпликіемъ въ 406 г. На базѣ греч. и лат. надписи. Греческая гласитъ слѣдующее: Κίονα πορφυρέην καὶ ἀργυρέην βασίλειαν | δέρκεο, ἔνθα πόλει θεμιστεύουσιν ἄνακτες· | οὔνομα δ' εἰ ποθέεις, Εὐδόξια· τίς δ' ἀνέθηκεν, | Συμπλίκιος, μεγάλων ὑπάτων γόνος, ἐσθλὸς ὕπαρχος. Латинская написана прозою: Dominae nostrae Eudoxiae semper Augustae v. e. Simplicius praef. urb. dedicavit. Надписи по копіи Frick'a изданы были въ C. I. Gr. № 8614 и затѣмъ Kaibel'емъ въ Epigr. gr. ex lap. collecta подъ 921, p. 380.

2) О храмѣ св. Апостоловъ, который находился на мѣстѣ огромной мечети, построенной завоевателемъ Константинополя, см. Du Cange, Const. Christiana, lib. IV, B. V, p. 74 ed. Venet. и Н. П. Кондакова, Константинопольскія церкви, Одесса, 1886, стр. 9. Перечень гробницъ царей и царицъ, находившихся въ храмѣ св. Апостоловъ, съ показаніемъ матеріала, изъ котораго онѣ были сдѣланы, см. у Дюканжа l. c. и въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго, II, p. 642 слѣд., с. 42.

въ пристройкѣ по наклонному полу ведетъ въ западную часть св. Ирины. Войдя въ храмъ, мы поражены были его обширностью, высотою и вообще изящнымъ величіемъ его архитектуры, и начали его осмотръ съ западной, входной стороны, для чего вышли чрезъ внутренній и внѣшній нарѳикъ во дворикъ (atrium) и осмотрѣли западную и сѣверную часть галлереи, окружавшей дворикъ. Въ этой галлереѣ, какъ уже было сказано, помѣщался прежде музей, перенесенный теперь въ особыя зданія. Быть можетъ съ цѣлью увеличить помѣщеніе для бывшаго тутъ Музея, старая открытая галлерея или портикъ, который окружалъ дворикъ св. Ирины, увеличенъ по его окружности съ трехъ сторонъ тѣмъ, что къ старой галлереѣ пристроена почти такой же ширины новая турецкая галлерея, которая, соединяясь съ прежнею арками, отдѣляется отъ дворика сплошною стѣною съ широкими окнами на верху. Такъ какъ пристройка сдѣлана съ внутренней стороны двора, то дворикъ отъ этого сдѣлался гораздо меньше, чѣмъ былъ прежде, и двойная галлерея покрыта одною высокою крышею.

На сколько можно судить по остаткамъ прежней аркады, окружавшей дворикъ, она состояла изъ столбовъ, на которыхъ покоились арки портика, открытаго на дворикъ. Такой же открытый портикъ примыкалъ и къ западному фасаду, т. е. собственно къ внутреннему нарѳику св. Ирины. Такимъ образомъ дворъ этого храма былъ такого же устройства, какъ и дворъ св. Софіи: онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ открытыми портиками, изъ которыхъ одинъ, примыкавшій къ внутреннему нарѳику (ἐσωνάρθηξ), образовывалъ собою внѣшній нарѳикъ (ἐξωνάρθηξ). Посрединѣ дворика, гдѣ теперь стоитъ стиловатъ колонны съ изображеніемъ побѣдителя на скачкахъ, была, по всей вѣроятности, фіала, т. е. бассейнъ или чаша съ водою. Здѣсь мы стояли, какъ будетъ сказано ниже, во время землетрясенія. Очень возможно, что подъ чашею было помѣщеніе для стока воды изъ чаши и такимъ образомъ мы стояли подъ пустымъ пространствомъ, въ которое могли провалиться, чего опасался, быть можетъ, не безъ основанія адъютантъ султана, заявившій объ этомъ опасеніи послѣ землетрясенія.

Теперь внѣшній нарѳикъ также обращенъ въ закрытую галлерею, въ южномъ концѣ которой помѣщена гробница, отгороженная отъ остальной галлереи прекрасною рѣшеткою. Покрыта эта галлерея сводами, въ которыхъ помѣщены два маленькихъ купола, повидимому турецкаго происхожденія [1]). Никакихъ украшеній ни на стѣнахъ, ни на потолкѣ не имѣется и, быть можетъ, не было, какъ и во внутреннемъ нарѳикѣ.

---

1) Можно думать, что эти куполки явились на мѣстѣ потолочныхъ фонарей, которые были устроены здѣсь, когда открытый на дворикъ портикъ (т. е. внѣшній нарѳикъ) былъ обращенъ въ закрытый глухою стѣною корридоръ. Для его освѣщенія сверху устроены были фонари, которые потомъ задѣланы, когда въ стѣны сдѣланы были окна, подобныя тѣмъ, которыя имѣются въ боковыхъ галлереяхъ, устроенныхъ турками.

Какъ во всѣхъ большихъ храмахъ, изъ внѣшняго нарѳика во внутренній вели нѣсколько дверей, съ большею дверью по срединѣ. Теперь имѣется одно дверное отверстіе, а изъ внутренняго нарѳика въ храмъ, вмѣсто трехъ среднихъ дверей, проломано одно большое отверстіе, съ плоскою аркою на верху. Благодаря этому пролому внутренній нарѳикъ какъ бы соединенъ съ самымъ храмомъ и получаетъ больше свѣта изъ самаго храма.

Самый храмъ состоитъ изъ трехъ частей, какъ и храмъ св. Софіи, который по длинѣ покрытъ куполомъ и двумя полукуполами, примыкающими къ куполу съ восточной и западной стороны. Въ св. Иринѣ два купола и одинъ полукуполъ. Первый отъ нарѳика куполъ покрываетъ пространство между нарѳикомъ и большимъ куполомъ, а такъ какъ покрываемое имъ пространство больше по ширинѣ храма, чѣмъ по его длинѣ, то онъ не могъ быть круглымъ, а вышелъ по необходимости овальнымъ и за отсутствіемъ въ немъ барабана низкимъ и плоскимъ, такъ что снаружи его почти не видно, а внутри онъ имѣетъ видъ потолка съ плоскими сводами. Покрытое этимъ овальнымъ куполомъ пространство, составляя продолженіе пространства подъ большимъ куполомъ, раздѣлено, какъ и это послѣднее, на 3 части двумя рядами колоннъ, по 3 въ каждомъ ряду. Такъ какъ въ слѣдующемъ за нимъ пространствѣ подъ большимъ куполомъ 4 колонны, то можно думать, что низкій овальный куполъ покрываетъ пространство приблизительно на $^1/_4$ меньшее по длинѣ храма, сравнительно съ пространствомъ подъ большимъ куполомъ. Большой куполъ — полусфера, покоится не прямо на аркахъ, какъ куполъ св. Софіи, а на довольно высокомъ *барабанѣ*, отдѣляющемъ куполъ отъ арокъ на всю высоту прорѣзывающихъ его 20 оконъ. Стѣны барабана между оконъ укрѣплены весьма рельефно выступающими контрфорсами, что̀ напоминаетъ куполъ св. Софіи, гдѣ съ наружной стороны имѣются подобные контрфорсы, образующіе родъ барабана, котораго съ внутренней стороны нѣтъ. Такъ какъ большой куполъ св. Ирины съ барабаномъ покоится на 4 аркахъ одинаковыхъ размѣровъ, то онъ представляетъ собою нѣсколько приплюснутую полусферу (полушаріе). Между столбами, на которыхъ покоятся арки купола, поставлено по четыре колонны съ сѣверной и южной стороны, которыя, вмѣстѣ со столбами подъ овальнымъ куполомъ, отдѣляютъ средній корабль отъ боковыхъ и служатъ основаніемъ для верхнихъ галлерей съ правой и лѣвой сторонъ, надъ боковыми кораблями. Къ восточной аркѣ (Triumphbogen) примыкаетъ восточная конха, завершающаяся не полукруглою, а надломленною аркою, украшенною мозаичнымъ орнаментомъ въ четыре ряда, и двумя тоже мозаичными надписями, идущими между рядами орнамента чрезъ всю арку.

Верхняя надпись гласитъ слѣдующее, на сколько было можно прочитать ее:

Υ ΟΙΚΟΔΟΜΩΝ ЄΙϹ ΤΟΝ ΟΙΚΟΝ ϹΟΥ ΚΑΙ ΑΝΑΒΑϹΙΝ ΑΥΤΟΥ
ΚΑΙ ΤΗΝ ΕΠΑΓΓΕΛΙΑΝ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΠΝΕΥΜΑΤΟϹ Ε(ΙϹ Η)ΜΑϹ
ΗΛΠΕΙϹΑΜΕΝ ΕΙϹ ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΑΥΤΟΥ

υ οἰκοδομῶν εἰς τὸν οἶκόν σου καὶ ἀνάβασιν αὐτοῦ
καὶ τὴν ἐπαγγελίαν τοῦ ἁγίου πνεύματος εἰς ἡμᾶς
ἠλπίσαμεν εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ [1]).

Вторая надпись взята изъ псалма 64, ст. 5. Πλησθησόμεθα ἐν τοῖς ἀγαθοῖς τοῦ οἴκου σου· ἅγιος ὁ ναός σου, θαυμαστὸς ἐν δικαιοσύνῃ. Ἐπάκουσον ἡμῶν ὁ Θεός ὁ σωτὴρ ἡμῶν, ἡ ἐλπὶς πάντων τῶν περάτων τῆς γῆς καὶ τῶν ἐν θαλάσσῃ μακράν.

Потолокъ апсиды также выложенъ мозаикою, но на немъ никакихъ изображеній нѣтъ, кромѣ большаго чернаго креста, стоящаго на возвышеніи въ нѣсколько ступеней (голгоѳа) въ монетномъ тонѣ. Все остальное пространство занято золотымъ мозаичнымъ фономъ. Всѣ эти мозаичныя украшенія апсиды въ настоящее время закрашены желтою клеевой краскою, потому и не имѣютъ того блеска, который должны имѣть мозаики, такъ что при разсматриваніи возникли сомнѣнія относительно этихъ мозаичныхъ украшеній. Нѣкоторые изъ нашей компаніи сомнѣвались, что это мозаика, и высказывали мнѣніе, что украшеніе на аркѣ и крестъ на апсидѣ сдѣланы красками. Такъ какъ снизу рѣшить этотъ вопросъ было трудно, то мы обратили на это вниманіе, когда были на верху, на правой или южной галлереѣ, откуда эта арка была лучше видна. Но и здѣсь не всѣ согласились съ тѣмъ, что орнаменты на аркѣ и крестъ въ апсидѣ сдѣланы мозаикою, а не красками. Тогда одинъ изъ драгомановъ, г. Щербинъ, изъявилъ готовность подняться по лѣстницѣ на карнизъ подъ куполомъ, огороженный тоненькою рѣшеткою для прохода по карнизу. Принесена была сторожами - турками какая-то старая кривобокая лѣстница, которую и поставили къ карнизу. Г. Щербинъ смѣло влезъ по ней на карнизъ и, чтобы не цѣплять за рѣшетку своимъ верхнимъ платьемъ, долженъ былъ снять его и бросить внизъ; да и безъ верхняго платья онъ шелъ по карнизу, едва пробираясь между стѣною и рѣшеткою: такъ близко рѣшетка поставлена отъ стѣны, т. е. отъ основанія апсиды. Пробравшись наконецъ до средины апсиды, гдѣ крестъ упирается въ мозаичныя же ступени (голгоѳа), г. Щербинъ вынулъ нѣсколько мозаичныхъ стеклушекъ, которыя принесъ съ собою

---

1) Начала верхней надписи нельзя было видѣть, такъ какъ оно закрыто рѣшеткою, которая идетъ по всему карнизу у основанія апсиды. Предъ οἰκοδομῶν видна только буква υ. Въ срединѣ выпало нѣсколько буквъ, поставленныхъ въ скобахъ, вмѣстѣ съ довольно большимъ кускомъ мозаики и штукатурки. Откуда взятъ текстъ, мнѣ не удалось отыскать. Возможно, что мы имѣемъ здѣсь текстъ, составленный изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія. Быть можетъ, впрочемъ, болѣе меня начитанные въ св. Писаніи и богослужебныхъ книгахъ укажутъ въ нихъ мѣсто, изъ котораго взятъ весь текстъ цѣликомъ.

и роздалъ намъ, какъ наглядное и осязательное доказательство того, что крестъ и фонъ апсиды сдѣланы изъ мозаики.

Все полукруглое пространство подъ куполомъ апсиды занято *синтрономъ*, т. е. сопрестоліемъ, которое изъ всѣхъ средневѣковыхъ Константинопольскихъ церквей сохранилось только въ св. Иринѣ, благодаря чему храмъ этотъ имѣетъ особенный археологическій интересъ. Синтронъ состоитъ изъ пяти ступеней, устроенныхъ подобно ступенямъ древнихъ театровъ, концентрическими полукругами, центръ которыхъ находится подъ переломомъ апсидной арки. Въ древности ступеней было пять, а теперь для размѣщенія бо́льшаго количества предметовъ турки посредствомъ деревянной обшивки увеличили число ступеней и прибавили двѣ ступени внизу отъ пола до перваго сидѣнья и одну на верху у самой стѣны апсиды. Благодаря прибавкѣ двухъ ступеней внизу, теперь остается въ срединѣ очень маленькій полукругъ; до прибавки этихъ нижнихъ ступеней полукругъ пола былъ гораздо больше и въ полукругѣ было просторнѣе. Теперь это пространство (святая святыхъ) заполнено не только прибавочными деревянными ступенями или полками, но и поставцами для стараго оружія, помѣщенными въ срединѣ полукруга, такъ что все прежде свободное пространство, остававшееся между ступенями синтрона, теперь заставлено и заполнено, а при входѣ въ него устроенъ чугунный небольшой насосъ, очевидно надъ существовавшей тамъ издавна цистерною. Потому на первый взглядъ представляется, что все это пространство загорожено и заполнено ступенями уже турками для выставки оружія и стараго вооруженія амфитеатромъ. При ближайшемъ разсматриваніи этихъ полокъ и находящихся подъ ними ступеней однакожъ оказывается, что турки воспользовались старыми ступенями синтрона, удаливъ ихъ мраморную обшивку и замѣнивъ ее деревянною настилкою для полокъ. Старыя ступени (βάσεις) храма сдѣланы въ кирпичной субструкціи, поднимающейся отъ пола къ полукруглой стѣнѣ апсиды. Въ толщѣ этой субструкціи подъ верхними ступенями синтрона сдѣланъ узкій ходъ вокругъ стѣнъ апсиды отъ одного конца до другаго, такъ что по этому темному корридорчику можно обойти кругомъ и выйти въ другую противоположную дверь въ этотъ корридорчикъ. Кромѣ того изъ этого корридорчика ведутъ двѣ двери, одна въ лѣвое помѣщеніе отъ алтаря, другое въ правое, т. е. скевофилакій и діаконикъ. Теперь двери въ эти помѣщенія заложены. Такимъ образомъ этотъ корридорчикъ служилъ путемъ, которымъ ходили церковнослужители въ оба боковыя помѣщенія, не переходя по срединѣ церкви, что во время службы было не всегда удобно и умѣстно. Такое устройство сообщеній между сосѣдними съ алтаремъ помѣщеніями важно въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ назначеніе маленькихъ дверей изъ синтрона въ боковыя помѣщенія въ другихъ храмахъ, и показываетъ, что они вели также прежде изъ подъ синтрона, т. е. изъ корридорчика, проходившаго подъ нимъ.

Такъ какъ синтронъ занималъ всю апсиду, то алтарная преграда очевидно была западнѣе и, по всей вѣроятности, приходилась подъ восточною аркою большаго купола, а алтарь помѣщался при входѣ въ сопрестолiе подъ аркою апсиды. Теперь все это конечно уничтожено, а въ апсидѣ вмѣсто священнослужителей поставлены густые ряды кирасъ съ прикрѣпленными надъ ними шлемами и шишаками. Въ числѣ ихъ имѣются, говорятъ, и очень древніе, принадлежавшіе византійскимъ воинамъ, но мы оружія не разсматривали, опасаясь вызвать тѣмъ неудовольствіе турокъ, насъ сопровождавшихъ, такъ какъ и св. Ирину они не показываютъ, повидимому, именно потому, что въ ней собрано старое оружіе и разные памятники ихъ былой военной славы и завоеваній, которые они почему то считаютъ неудобнымъ и опаснымъ показывать европейцамъ.

Кромѣ апсиды, потолокъ которой, какъ было сказано, выложенъ весь золоченою мозаикою съ чернымъ или, точнѣе, темно синимъ крестомъ, никакихъ украшеній или росписи въ храмѣ не видно: потолки и стѣны, какъ и куполъ, закрашены желтою клеевою краскою, подъ которой, кажется, ничего не скрывается, такъ что единственнымъ изображеніемъ въ храмѣ отъ древнихъ временъ остается крестъ въ апсидѣ, да гирлянды съ надписями на аркѣ апсиды. Была ли тамъ какая нибудь роспись въ христіанское время, сказать трудно. Но принимая во вниманіе, что послѣдняя передѣлка храма произошла при иконоборческомъ царѣ, можно думать, что никакихъ изображеній или иконъ, кромѣ крестовъ, тамъ не было сдѣлано при послѣдней реставраціи, и потому навѣрное нельзя сказать, турки ли уничтожили роспись, если таковая была сдѣлана послѣ иконоборческаго періода, или ея не было, по крайней мѣрѣ, послѣ иконоборческой реставраціи. Не могла быть роспись значительна и до послѣдней передѣлки при Львѣ III Исаврѣ, такъ какъ въ древнѣйшихъ храмахъ роспись тоже была очень незначительна или вовсе отсутствовала. Даже относительно св. Софіи трудно сказать, кому принадлежитъ въ ней мозаичная роспись: Юстиніану или позднѣйшимъ его преемникамъ и какимъ именно. Еще менѣе можно сказать что нибудь о св. Иринѣ, такъ какъ ни остатковъ ея росписи, ни свидѣтельствъ о нихъ средневѣковыхъ писателей у насъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется и мы пока лишены возможности говорить о ней. Остается только изображеніе креста, которое одно допускалось иконоборцами для украшенія храмовъ.

Что касается до мраморной обшивки, которою обыкновенно покрываются византійскіе храмы до начала сводовъ, то въ св. Иринѣ, кромѣ главныхъ столбовъ купола, такой обшивки теперь не имѣется; но изъ этого конечно еще не слѣдуетъ, что ея вовсе не было. Храмъ св. Ирины былъ, какъ мы видѣли, патріаршею церковью и нельзя думать, что этотъ огромный и величественный храмъ былъ лишенъ обычнаго тогда украшенія всѣхъ большихъ и богатыхъ храмовъ, строившихся въ столицѣ,

а храмъ св. Ирины строился царями на казенный счетъ, слѣдовательно, предполагать недостатокъ средствъ у строителей нельзя. Весьма вѣроятно, что мраморная обшивка стѣнъ св. Ирины была снята и употреблена на обшивку какого нибудь другаго зданія, напр. одного изъ кіосковъ Стараго Сарая или какой нибудь мечети.

Если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что теперь стѣны, столбы и колонны установлены полками и поставцами для оружія, то возможность удаленія прежней обшивки, какъ излишней и ненужной, станетъ еще болѣе понятною. Даже мраморныя колонны обвиты винтообразно желѣзными полосами съ гвоздями или крючками для прикрѣпленія къ нимъ предметовъ вооруженія.

Бросая общій взглядъ на планъ и устройство храма Мира, нельзя не замѣтить, что отъ другихъ купольныхъ храмовъ онъ отличается своею длиною: пространство подъ овальнымъ куполомъ дѣлаетъ его гораздо длиннѣе обыкновенныхъ купольныхъ храмовъ и придаетъ ему видъ базилики гораздо въ большей степени, чѣмъ два полукупола храму св. Софіи. Это сравнительно очень большое посредствующее между нарѳикомъ и большимъ куполомъ пространство позволяетъ считать заслуживающимъ вниманія то предположеніе, что Юстиніанъ при реставраціи храма св. Ирины и передѣлкѣ его въ купольный храмъ удержалъ планъ прежней базилики и быть можетъ воспользовался даже нижнею частью стѣнъ прежней Константиновской базилики, устроивъ въ среднемъ кораблѣ ея такой обширный куполъ, какой допускала ширина прежней базилики, а остальную часть покрывъ овальнымъ куполомъ. Что же касается до барабана большаго купола, то его едва ли можно считать признакомъ позднѣйшей эпохи и приписывать его устройство времени послѣдней реставраціи храма при Львѣ Исаврѣ. Барабанъ храма св. Ирины слишкомъ напоминаетъ своими контрфорсами куполъ св. Софіи и представляетъ, очевидно, дальнѣйшее развитіе тѣхъ зачатковъ барабана, который является въ св. Софіи снаружи. Кромѣ того, храмъ св. Апостоловъ съ своими 5 куполами, поставленными на вполнѣ развитыхъ барабанахъ, доказываетъ, что купола съ барабанами, какъ архитектурная форма, явились уже при Юстиніанѣ. Нѣсколько труднѣе рѣшить вопросъ о времени постройки апсиды съ ломаною аркою. Не указываетъ ли эта ломаная линія вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякой росписи на полную реставрацію свода апсиды при первомъ иконоборческомъ царѣ?

Осмотрѣвши храмъ внизу, мы отправились на верхъ, чтобы лучше видѣть мозаичныя украшенія арки и познакомиться съ галлереями. Ходъ на галлереи, катихуменіи или гиникей прежде былъ безъ сомнѣнія изъ нарѳика, какъ и въ другихъ храмахъ, сохранившихъ свои первоначальныя лѣстницы. Теперь старые ходы задѣланы и сдѣланы новые деревянные входы изъ самой церкви, для чего предъ нарѳикомъ въ западной части храма устроена площадка на столбахъ значительно ниже пола верхнихъ галлерей. Эта площадка служитъ посредствующимъ звѣ-

номъ между западною верхнею галлереею и поломъ для двухъ лѣстницъ, ведущихъ изъ западной части церкви въ западную верхнюю галлерею, находящуюся надъ внутреннимъ нарѳикомъ. Такого рода передѣлки входовъ въ катихуменіи существуютъ и въ нѣкоторыхъ другихъ бывшихъ христіанскихъ церквахъ, обращенныхъ въ мечети. Вся эта площадка и лѣстницы теперь уставлены разнымъ оружіемъ, почти скрывающимъ лѣстницу, особенно нижнюю ея часть. Катихуменіи, какъ западныя, такъ сѣверныя и южныя очень широки и могли вмѣщать въ себѣ много молящихся. Въ древности они безъ сомнѣнія были огорожены каменною, вѣроятно, мраморною балюстрадою, подобно тому, какъ это сдѣлано въ храмѣ св. Софіи. Теперь вмѣсто этого стоитъ деревянная рѣшетка, служащая какъ для огражденія галлерей, такъ и для подвѣски оружія. Колоннъ, которыя бы поддерживали потолокъ катихуменій, въ храмѣ св. Ирины нѣтъ. Потолкомъ сѣверной и южной галлерей служатъ арки большаго купола, продолженныя до стѣнъ. Сѣверная и южная галлереи въ восточномъ концѣ ведутъ къ помѣщеніямъ надъ діаконикомъ и скевофилакіемъ, теперь пустымъ. Помѣщеніе съ южной стороны раздѣлено на двѣ части: одно отдѣленіе безъ оконъ и служило, можетъ быть, складомъ наиболѣе цѣнныхъ предметовъ еще въ византійское время. Очень возможно, что здѣсь нѣкогда были витыя лѣстницы изъ нижняго этажа, но теперь отъ нихъ ничего не осталось.

Осмотрѣвши всѣ эти помѣщенія и дождавшись возвращенія г. Щербина изъ его рискованнаго похода за мозаикою, мы не торопясь стали сходить съ галлерей и, спустившись внизъ, обратили еще разъ вниманіе на нарѳики, особенно на внѣшній, который носилъ явные слѣды турецкихъ передѣлокъ. Въ его потолкѣ между прочимъ наше вниманіе остановили два вышеупомянутыхъ маленькихъ куполка. А. И. Нелидовъ и я, желая посмотрѣть, какъ эти куполки выходятъ на крышу и какой они тамъ имѣютъ видъ, пожелали еще разъ войти во дворикъ чрезъ западную дверь нарѳика, которая уже была заперта. Для насъ ее снова отперли и притомъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ замокъ въ этой двери сильно заржавѣлъ и ключъ плохо дѣйствовалъ. Наконецъ, дверь открыли и мы съ посломъ вышли на дворикъ, между тѣмъ какъ наши спутники остались въ храмѣ, большею частью въ нарѳикахъ. Не успѣли мы съ посломъ дойти до обломка колонны, стоящей посреди атрія, и обернуться, чтобы посмотрѣть на крышу нарѳика, какъ послышался съ правой, южной стороны какой-то сильный, но глухой шумъ: какъ будто валилась и сыпалась тамъ громадная масса мусора или мелкаго камня. Мы оба невольно обернулись къ южной сторонѣ храма и я спросилъ А. И.: «что это такое»? А. И., долго живавшій на югѣ Европы и испытавшій землетрясенія не одинъ разъ, сразу догадался, что это землетрясеніе, и, остановившись на мѣстѣ, громкимъ голосомъ закричалъ нашимъ спутникамъ: «идите немедленно всѣ сюда и стойте здѣсь на одномъ мѣстѣ». Всѣ выбѣжали и стали на дворикѣ между обломкомъ колонны, стоящей на мѣстѣ фіалы, и

западною стѣною церкви, ближе къ колоннѣ. Посолъ и я стояли ближе другихъ къ колоннѣ, другъ противъ друга; возлѣ насъ стоялъ сынъ посла, затѣмъ султанскій адъютантъ, члены посольства, проф. Красносельцевъ, прив.-доц. Айналовъ и другіе. Только г. Щербина съ нами не было; онъ, вѣроятно, не слыхалъ приказанія посла и выбѣжалъ изъ храма прямо на большой дворъ или площадь янычаръ предъ св. Ириною, когда землетрясеніе уже было въ полномъ разгарѣ и со стѣнъ валились карнизы и штукатурка, такъ что на него свалился кусокъ штукатурки и довольно больно ушибъ его. Всѣ остальные стояли кучкой на дворикѣ и думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ и что имъ суждено погибнуть вмѣстѣ съ св. Ириною и быть погребенными подъ ея развалинами. Такъ сильно и страшно было землетрясеніе! Сначала мы чувствовали, что земля, окружающія насъ зданія слегка трясутся; потомъ это трясеніе все больше и больше усиливалось и переходило въ волнообразное колебаніе почвы, вмѣстѣ съ которой, понятно, колебались и зданія. При этомъ глухой гулъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Послѣ многихъ секундъ такого колебанія, сопровождавшагося незначительными подземными ударами, послышался сильный ударъ, какъ будто гдѣ-то глубоко подъ нами упала цѣлая гора въ какую нибудь громадную пропасть и своимъ паденіемъ произвела такое колебаніе почвы, что она, какъ густая жидкость или невполнѣ засохшая корка такой жидкости, стала волнообразно и совершенно явственно изгибаться. Окружавшія насъ зданія и стѣны также начали наклоняться, изгибаться и чѣмъ выше они были, тѣмъ больше было ихъ наклоненіе и размахъ. Со стѣны посыпалась штукатурка, карнизы, стѣны стали давать трещины и осыпаться. Всѣ мы видѣли, жизнь наша виситъ на волоскѣ, что мы находимся въ страшно опасномъ положеніи, всѣ были блѣдны, какъ полотно, но никто ничего не говорилъ, никто не сдѣлалъ ни одного возгласа, не издалъ ни одного звука. Всѣ стояли какъ вкопанные и, очевидно, каждый ждалъ наступленія еще болѣе страшныхъ моментовъ. Турки-сторожа ухватились за нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ и все время стояли ухватившись и оперщись на нихъ. Но, слава Богу, колебанія почвы стали все меньше и меньше и перешли опять въ легкое трясеніе и вдругъ прекратились. Моментъ прекращенія былъ совершенно и ясно замѣтенъ. Замолкъ и тотъ страшный глухой гулъ, который сопровождалъ землетрясеніе. Мы вздохнули свободнѣе, краска появилась на лицѣ и мы уже думали, что все кончено. Но нашъ опытный начальникъ объявилъ, что выходить еще нельзя; нужно ждать повторенія, которое можетъ быть хуже перваго приступа. Мы попрежнему продолжали стоять безмолвно на своихъ мѣстахъ и, озираясь кругомъ, ждать новыхъ колебаній и разрушеній. И, дѣйствительно, чрезъ минуту или полторы, опять началось сотрясеніе почвы сначала легкое, а потомъ мы почувствовали два удара, одинъ другаго сильнѣе; но на этотъ разъ этимъ дѣло и кончилось. Колебанія и сотрясенія быстро прекратились, какъ бы оборвались. Мы опять вздохнули свободнѣе, подо-

ждали минуты двѣ и, по командѣ А. И. Нелидова, бѣгомъ побѣжали чрезъ западную часть храма (чрезъ оба нареика) въ дверь, въ которую мы вошли въ храмъ и которая ведетъ на площадь или большой дворъ между св. Ириною и стѣною Стараго Сарая. Такъ какъ на пути къ выходной двери намъ пришлось пробѣжать чрезъ западную часть церкви, то мы успѣли бросить бѣглый взглядъ на внутренность церкви; но разсмотрѣть тамъ что нибудь было трудно, такъ какъ весь храмъ былъ наполненъ какою то пылью и облетѣвшею отъ сотрясенія краскою, а по полу валялись сброшенные съ своихъ мѣстъ каски, шлемы, сабли и т. п.

Выбѣжавши на площадь, нашъ посолъ и мы прежде всего посмотрѣли въ ту сторону, гдѣ стоитъ св. Софія. Оказалось, что она храбро выдержала еще новое и страшное испытаніе и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Посмотрѣли мы на св. Ирину, она также стоитъ: ничто въ ней не провалилось, но какъ куполъ такъ и стѣны значительно потрескались. Почти надъ каждымъ окномъ въ куполѣ была трещина, которая шла до самаго основанія барабана; въ сѣверной стѣнѣ также была большая трещина отъ самаго верха. Въ другихъ частяхъ зданія было довольно много болѣе мелкихъ и менѣе замѣтныхъ трещинъ; во многихъ мѣстахъ обвалились болѣе или менѣе значительные куски штукатурки, карнизовъ и тому подобныхъ архитектурныхъ украшеній, слабѣе другихъ державшихся на зданіи.

Однако, близъ зданія, т. е. храма св. Ирины, въ виду возможности возобновленія землетрясенія, стоять было не безопасно и мы поторопились къ своимъ извощикамъ, которые стояли въ аллеѣ, окаймляющей дворъ. Только здѣсь мы подѣлились своими впечатлѣніями и высказали свои опасенія; тутъ обнаружилось, что мы всѣ боялись за свою жизнь и всѣ могли погибнуть, если бы землетрясеніе еще нѣсколько моментовъ продолжалось съ такою силою, которую оно развило въ концѣ перваго приступа. Адъютантъ султана высказалъ при этомъ, что онъ больше всего боялся не паденія зданій, насъ окружавшихъ, а провала того мѣста, на которомъ мы стояли, такъ какъ въ Константинополѣ постоянно попадаются подземелья, которыя представляютъ собою или забытыя византійскія цистерны, погреба, или остатки обрушившихся и засыпанныхъ старыхъ построекъ. На дворикѣ св. Ирины, какъ и другихъ христіанскихъ храмовъ, дѣйствительно можно ожидать подземныхъ водоемовъ, водопроводовъ и т. п., такъ какъ при церквахъ всегда устраивались цистерны и колодцы, а около того мѣста, гдѣ мы стояли, былъ несомнѣнно большой водоемъ, такъ называемая фіала или лутиръ.

Много однакожъ намъ толковать и разсуждать было нельзя, такъ какъ намъ предстояло часа въ 2 садиться на пароходъ. Распростившись съ посломъ и его спутниками и поблагодаривши его и султанскаго адъютанта за доставленную намъ возможность видѣть св. Ирину, да еще при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, мы поспѣшили сѣсть на извощика и ѣхать въ свое подворье, въ Галату. Мы поѣхали старымъ путемъ,

по которому пріѣхали къ св. Иринѣ, но на улицахъ было уже совсѣмъ не то, что мы видѣли 2 часа тому назадъ. Всѣ онѣ были запружены испуганнымъ и выбѣжавшимъ изъ домовъ народомъ. Лица серьезны, испуганы и озабочены. Ѣхать не только рысью, но и шагомъ почти нельзя. Приходится останавливаться, дожидаться и стоять на одномъ мѣстѣ возлѣ высокихъ старыхъ стѣнъ, окружающихъ султанскіе дворцы и сады. Стѣны эти сильно пострадали отъ землетрясенія и зубчатыя верхушки ихъ едва держатся. Намъ указываютъ на нихъ и предостерегаютъ; но дѣваться некуда, стоимъ поневолѣ. Наконецъ, мы двигаемся, ѣдемъ по улицѣ, по которой ходитъ конка, народу все больше и больше; попадаются дома съ обвалившимися карнизами, трубами и даже крышами. Лавки закрываются, дома пустѣютъ; все стремится на площади и къ Галатскому мосту, такъ какъ на улицахъ Константинопольскихъ спасенія нѣтъ, какъ и въ домахъ. Изрѣдка попадаются раненые съ окровавленными головами или руками. Подъѣзжаемъ къ огромной и массивной мечети Валиде предъ Галатскимъ мостомъ. Мечеть со всѣхъ сторонъ окружена площадьми; народу на нихъ множество; нѣкоторые смотрятъ наверхъ. Смотримъ и мы и видимъ, что на нѣкоторыхъ минаретахъ мечети верхушки въ родѣ остроконечныхъ шапокъ покачнулись и грозятъ паденіемъ.

Площадь передъ Галатскимъ мостомъ полна народа, преимущественно мужчинъ. Цѣлыя массы двигаются къ мосту и входятъ на мостъ, какъ на открытое и далекое отъ высокихъ зданій убѣжище. Мостовщики въ бѣлыхъ балахонахъ не успѣваютъ собирать парички и многіе проходятъ даромъ. Съ трудомъ проѣзжаемъ по мосту, который весь покрытъ пестрою волнующеюся толпою. Въ Галатѣ то же самое: оттуда также бѣгутъ на мостъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ улица, идущая отъ моста, входитъ въ Большую Галатскую улицу, и гдѣ всегда бываетъ масса разнаго рода продавцевъ, сверхъ обыкновенія пусто. Смотримъ—по срединѣ улицы лежитъ большой кусокъ камня съ нѣсколькими осколками: камень свалился съ угла высокаго дома и разбился на нѣсколько кусковъ. Убилъ ли онъ кого нибудь или ранилъ, не извѣстно, но публика избѣгала этого мѣста, въ виду возможнаго паденія другихъ камней. По Большой улицѣ обычная толпа, но магазины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закрываютъ; публики въ нихъ нѣтъ, даже рестораны пусты, хотя въ нихъ предъ землетрясеніемъ было все полно, такъ какъ землетрясеніе произошло во время завтрака, который въ Константинополѣ, какъ и во всѣхъ южныхъ городахъ Европы, бываетъ между 12 и 2 ч. Всѣ завтракавшіе бросились вонъ, убѣгая изъ ресторановъ на улицы и торопясь къ своимъ семействамъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ скоро удалось добраться до своихъ квартиръ, благодаря массамъ народа, высыпавшимъ на улицы и запрудившимъ ихъ. Обычное скорое сообщеніе между Перой и Галатой чрезъ тунель прекратилось. Тѣмъ, кто желалъ попасть изъ Перы въ Галату или обратно, необходимо было обходить кругомъ или лѣзть по крутой и плохо вымощенной улицѣ.

На пароходѣ потомъ съ нами ѣхалъ чехъ, который во время землетрясенія поднимался изъ Галаты въ Перу по тунелю. По его словамъ, какъ только началось землетрясеніе, поѣздъ остановился въ тунелѣ и они стояли минуты двѣ на мѣстѣ, пока ихъ опять стали поднимать на верхъ и выпустили на свѣтъ божій. Нечего и говорить, положеніе ихъ было ужасное. Тунель проходитъ подъ зданіями и улицами и поддерживается сводами. Если бы своды обвалились, то всѣхъ ихъ тамъ придавило бы или задушило. Спасенія подъ такими массами домовъ ожидать было трудно. Въ послѣдствіи оказалось, что тунель остался невредимъ, но машинистъ, управлявшій подъемной машиной, испугался и выбѣжалъ на площадь въ Перѣ, предъ входомъ въ тунель, и уже кто то другой изъ служащихъ, по окончаніи землетрясенія, вытянулъ несчастныхъ пассажировъ, заключенныхъ въ вагонахъ, которыхъ даже и открыть нельзя, когда они находятся въ тунелѣ. Подвигаясь по Большой Галатской улицѣ, мы замѣчали, что магазины все болѣе закрываются и что паника усиливается. Добравшись до своего подворья, находящагося близь набережной, мы кое-какъ позавтракали въ подворьѣ и стали поспѣшно собираться. Подворье также порядочно пострадало. Стѣны во многихъ мѣстахъ дали трещины, особенно внутреннія болѣе тонкія. Въ нашемъ нумерѣ лампа, стоявшая на столѣ, упала, портреты и картинки висѣвшіе на стѣнѣ другъ надъ другомъ, и во время колебаній имѣвшіе возможность за что нибудь зацѣпиться, такъ и остались въ наклонномъ положеніи и, судя по углу наклона, они качались довольно сильно. Въ пользу того же говорятъ и пустоты въ палецъ и болѣе, образовавшіяся подъ желѣзными прутьями, скрѣпляющими стѣны. Краска и штукатурка во многихъ мѣстахъ отлетѣла и покрывала полъ, особенно около стѣнъ. Двери во многихъ мѣстахъ перекосились и перестали закрываться. Но въ общемъ подворье пострадало сравнительно мало.

Наскоро позавтракавъ въ подворьѣ, мы собрали свой багажъ и отправились на пристань, чтобы переѣхать въ лодкѣ на пароходъ. Магазины все болѣе и болѣе запирались, а на набережной было довольно много публики, желавшей переѣхать на азіатскую сторону Босфора, въ Скутари, частію для того, чтобы навѣстить тамъ свои семейства, частію для того, чтобы укрыться въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Здѣсь же, на набережной, мы видѣли домъ, очевидно, плохо построенный между двумя высокими домами, и потому совершенно обвалившійся во время землетрясенія. Онъ задавилъ при своемъ паденіи пять человѣкъ, изъ которыхъ трупъ одной женщины на нашихъ глазахъ пронесли куда то на носилкахъ. Съ набережной видно было, что многіе дома, выходившіе на нее, сильно пострадали. Домъ, въ которомъ помѣщается агенство Русскаго общества пароходства и торговли, пострадалъ отъ землетрясенія болѣе другихъ: трубы его валялись на крышѣ. Сама крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попортилась, черепицы свалились въ кучу или провалились. Внутри землетрясеніе также произвело въ немъ значительныя поврежденія:

внутреннія стѣны, перегородки, потолки потрескались, штукатурка осыпалась и покрывала полъ и мебель.

На пароходъ, на море, какъ мы, такъ и многіе другіе стремились, какъ въ безопасное и болѣе устойчивое мѣсто. Если земля колеблется и проваливается, то море представляется уже болѣе прочнымъ и надежнымъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ высокихъ зданій кругомъ, которыя васъ могутъ задавить и раздавить. Потому и многіе жители Константинополя, не думавшіе никуда ѣхать, садились на лодки и выѣзжали на средину Босфора, какъ мѣсто безопасное отъ окружающихъ зданій. Но войдя на пароходъ, мы узнали, что и тамъ отъ землетрясенія не укрыться. По разсказамъ служащихъ на пароходѣ, во время землетрясенія тамъ были слышны два сильные удара, сопровождавшіеся сотрясеніемъ парохода, такъ что нѣкоторые матросы и служащіе думали, что лопнулъ на пароходѣ котелъ. Кто то изъ матросовъ до того перепугался, что хотѣлъ броситься въ воду, чтобы не погибнуть отъ лопнувшаго котла. Причину сотрясенія парохода поняли однакоже скоро: надъ громаднымъ городомъ поднялась вездѣ пыль, въ однихъ мѣстахъ меньше, въ другихъ больше. Моряки, бывавшіе при землетрясеніяхъ, сразу поняли, что за удары они слышали и какая сила встряхнула ихъ пароходъ. Помѣстившись на пароходѣ, мы стали разсматривать городъ и увидѣли, что нѣкоторые минареты свалились, нѣкоторые покачнулись, и что народомъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ паника и гонитъ его изъ города. Часа въ три на пароходъ явились газетчики съ только что вышедшею французскою газетою (Stamboul), въ которой уже было краткое сообщеніе о землетрясеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ сказано было, что телеграфъ въ городѣ порванъ и не дѣйствуетъ. Тоже подтвердилъ и сѣвшій на пароходъ корреспондентъ «Новаго Времени», который хотѣлъ сейчасъ же послѣ землетрясенія сообщить объ этомъ событіи въ свою газету, но ему отказано было въ пріемѣ телеграммы и отказъ мотивированъ порчею телеграфа. Скоро пришелъ и г. Беглери, который покинулъ насъ предъ Галатскимъ мостомъ. Онъ сообщилъ намъ о поврежденіяхъ въ агентствѣ и о томъ, что пробраться домой въ Перу онъ не могъ за тѣснотою и давкою и долженъ оставаться до отхода парохода въ неизвѣстности относительно положенія своего семейства.

Въ четыре часа мы тронулись съ мѣста и тихо поплыли въ Мраморное море мимо приморскихъ стѣнъ Константинополя, стараясь разсмотрѣть нашихъ знакомыхъ въ Стамбулѣ, т. е. видѣнные нами памятники средневѣковаго Константинополя. Къ своему удивленію и удовольствію, мы видѣли, что знакомые намъ памятники, т. е. храмы, колонны, стѣны и т. п. стоятъ на своихъ мѣстахъ, хотя, быть можетъ, и съ новыми боевыми знаками, хотя къ старымъ ихъ шрамамъ, полученнымъ въ бояхъ со временемъ, землетрясеніями, бурями, непогодами и невзгодами, прибавились новые и приблизили ихъ къ моменту разрушенія. Такъ проѣхали мы весь Константинополь, разсматривая его сторону, обращенную къ

Мраморному морю. Проѣхавъ семибашенный замокъ и золотыя ворота, за которыми, на нѣкоторомъ разстояніи, стоитъ пороховой заводъ, мы увидали, что высокая труба завода свалилась; осталась только нижняя ея часть, да и та треснула по своей длинѣ и трещина была такъ велика, что видна была съ моря простымъ глазомъ. При своемъ паденіи, вѣроятно, труба эта надѣлала не мало бѣдъ. Константинополь сталъ уходить отъ насъ и затягиваться сѣроватою мглою, но мы долго еще не могли оторваться отъ этого громаднаго, оригинальнаго и красиваго муравейника, теперь нежданно негаданно встряхнутаго и волнующагося. Сколько несчастій вдругъ разразилось тамъ, сколько бездомныхъ сиротъ, сколько горя и слезъ осталось и скрылось въ этой сѣрой мглѣ! И мы чуть-чуть не остались навсегда подъ развалинами этого ветерана Европы, видавшаго много землетрясеній и всякихъ невзгодъ. Но вотъ Принцевы острова, на одномъ изъ которыхъ мы были и видѣли прекрасно устроенную греческую богословскую школу и богатую библіотеку, съ немалымъ количествомъ цѣнныхъ греческихъ рукописей. Что было тамъ, на этихъ островахъ? Цѣла ли школа и ея библіотека? Не пострадалъ ли бывшій іерусалимскій патріархъ Никодимъ, у котораго мы завтракали съ недѣлю тому назадъ и благодушно бесѣдовали о разныхъ интересныхъ предметахъ?

Такіе и подобные вопросы занимали насъ, когда мы ѣхали мимо острововъ, но отвѣтовъ на нихъ мы получить не могли. Ничего съ корабля не видно. Острова стоятъ, какъ они стояли много вѣковъ, омываемые волнами моря и частенько колеблемые землетрясеніями. Не подозрѣвали мы тогда, что острова подверглись сильному землетрясенію, что на островахъ этихъ былъ едва ли не самый центръ землетрясенія. Объ этомъ мы Узнали послѣ, уже въ Іерусалимѣ, куда мы теперь ѣхали, любуясь силуетами азіатскихъ береговъ и горъ, окружающихъ Мраморное море, и наслаждаясь чуднымъ, тихимъ и мягкимъ вечеромъ на темносинемъ, слегка колыхающемся морѣ. Вотъ солнце уже приближается къ морю, желая очевидно опуститься въ него, вотъ оно уже опустилось однимъ краемъ и у насъ на глазахъ быстро, какъ бы съ удовольствіемъ, погружается въ море все больше и больше. Въ нѣсколько минутъ его совсѣмъ не стало, отъ него остались только красные лучи. Но мы не остались во тьмѣ; на мѣсто солнца явилась луна и стала серебрить нашъ зыбкій, но роскошный и широкій путь. Кругомъ ничего не видно, кромѣ моря, все тихо. Какъ будто никакого землетрясенія никогда и не было.

Новыя впечатлѣнія и у насъ вытѣсняютъ только что пережитыя нами ужасныя потрясенія и долго не пришлось намъ вернуться къ нимъ, узнать, что случилось въ Константинополѣ при насъ и послѣ насъ. Мы были отрѣзаны отъ міра какъ въ морѣ, такъ и на сушѣ, въ Іерусалимѣ, потому что почта туда не приходила нѣсколько недѣль, благодаря поломкѣ двухъ русскихъ пароходовъ, и мы ничего не знали о томъ, что дѣлается въ мірѣ Божіемъ. Только по возвращеніи въ Константинополь мы узнали,

что землетрясеніе, испытанное нами въ храмѣ св. Ирины, имѣло гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ мы думали, и что паника, начало которой мы видѣли, дошла потомъ до огромныхъ размѣровъ; такъ какъ землетрясеніе 28 іюня по своей силѣ и разрушительному дѣйствію принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ даже въ Константинополѣ, хотя городъ этотъ видѣлъ на своемъ вѣку много землетрясеній и въ томъ числѣ нѣсколько такихъ, память о которыхъ и до сихъ поръ сохраняется греческою церковью, какъ о страшныхъ проявленіяхъ праведнаго гнѣва небеснаго, посылаемыхъ для вразумленія и наказанія людей [1].

По свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ, въ Стамбулѣ, т. е. въ предѣлахъ стѣнъ средневѣковаго Константинополя, землетрясеніе 28 іюня произвело особенно сильныя поврежденія на полосѣ, которая идетъ отъ мечети султана Ахмета, стоящей на мѣстѣ одного изъ царскихъ дворцовъ (Дафни), къ Адріанопольскимъ воторамъ, мимо мечети Мехмета, занявшей мѣсто храма св. Апостоловъ. Бѣдные кварталы, прилегающіе къ послѣднимъ двумъ пунктамъ, подверглись такимъ сильнымъ разрушеніямъ, что тамъ еще чрезъ мѣсяцъ, во время нашего пребыванія на возвратномъ пути, улицы были завалены обломками и развалинами, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было не только проѣхать въ экипажѣ, но и пробраться пѣшкомъ. Изъ древнѣйшихъ памятниковъ, здѣсь находящихся, сильно пострадала Кахріе-джами, — мечеть, устроенная въ храмѣ монастыря Хоры (ἡ μονὴ τῆς Χώρας) и знаменитая своими мозаиками и фресками, которыя, вопреки турецкому обычаю, не были ни отбиты, ни замазаны, и были краснорѣчивыми образцами той художественной мозаической росписи, которою блистали византійскіе храмы. Теперь эти мозаики, дѣлавшіе Кахріе-джами однимъ изъ самыхъ драго-

1) Уже въ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ Патмосскомъ спискѣ устава Константинопольской церкви находится нѣсколько воспоминаній избавленія отъ землетрясеній. Въ память такихъ событій въ Константинополѣ обыкновенно совершался крестный ходъ изъ храма св. Софіи къ мѣсту, наиболѣе пострадавшему отъ землетрясенія (см. Красносельцева, Типикъ св. Софіи въ Константинополѣ IX в. въ Лѣтописи Историко-Филол. Общества при Новоросс. унив., вып. II, Одесса, 1892, стр. 211 слѣд.). Въ Патмосскомъ типикѣ между прочимъ отмѣчено съ особенною подробностію землетрясеніе, случившееся 26 октября 740 года при Львѣ Исаврѣ, то самое, отъ котораго обрушился между прочимъ храмъ св. Ирины. Въ память этого страшнаго (φοβερὰ ἀπειλὴ τοῦ σεισμοῦ) землетрясенія былъ установленъ крестный ходъ изъ св. Софіи чрезъ Форъ Константина во Влахернскій храмъ Богородицы (у проф. Красносельцева по недосмотру показанъ 741 г.). Эти памяти перешли и въ наши уставы и богослужебныя книги (см. Сергія, Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II, указ. I, стр. 110). Во время ходовъ крестныхъ, совершавшихся въ дни болѣе сильныхъ землетрясеній, пѣли особый тропарь. Особенно замѣчательно по своей силѣ и продолжительности было землетрясеніе 25 сент. 447 года, при Ѳеодосіѣ Младшемъ. Въ память его установленъ былъ крестный ходъ за городъ въ Евдомъ и на Марсово поле (Campus), лежавшіе на берегу Пропонтиды на западъ отъ Константинополя (указанія на другія землетрясенія, бывшія въ Константинополѣ, можно найти между прочимъ у Muralt'a, Chronogr. byzantine 848 подъ tremblements de terre).

цѣнныхъ и интересныхъ памятниковъ средневѣковаго Константинополя, частію обвалились, частію получили трещины вмѣстѣ съ стѣнами, на которыхъ они находились. Еще болѣе мозаики пострадаютъ при починкѣ стѣнъ и куполовъ, когда будутъ разшивать и задѣлывать трещины. Нашъ посолъ, А. И. Нелидовъ, впрочемъ обратилъ уже должное вниманіе на этотъ драгоцѣнный памятникъ и безъ сомнѣнія приметъ всѣ, зависящія отъ него, мѣры, чтобы спасти по возможности изъ мозаической росписи то, что было пощажено землетрясеніемъ [1]). Еще болѣе пострадалъ отъ землетрясенія хорошо извѣстный туристамъ, посѣтившимъ Стамбулъ, знаменитый турецкій Большой базаръ, состоящій изъ множества крытыхъ сводами длинныхъ галлерей. Во многихъ мѣстахъ своды и стѣны этихъ узкихъ и полутемныхъ галлерей обрушились и задавили на смерть или изувѣчили болѣе сотни находившихся тамъ торговцевъ и покупателей. Жертвъ безъ сомнѣнія было бы еще гораздо больше, если бы землетрясеніе случилось въ другіе часы, а не во время завтрака, когда и публики было меньше и торговцы частію вышли изъ галлерей для завтрака дома или въ ресторанахъ и съѣстныхъ лавкахъ. Въ этомъ же районѣ сильно пострадали военное министерство, гдѣ были убиты три солдата и разрушенъ парадный входъ, министерство финансовъ, медицинская школа, гдѣ было ранено нѣсколько воспитанниковъ, и многія другія общественныя зданія и частные дома.

Болѣе всего какъ въ этой полосѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Константинополя пострадали минареты, которые, благодаря своимъ архитектурнымъ особенностямъ, дѣлали своими верхними частями сильные размахи при колебаніи почвы. Выходя за предѣлы центра тяжести, ихъ верхушки падали и разрушали все на своемъ пути. На двухъ минаретахъ, упавшихъ во время землетрясенія, были муедзины, призывавшіе правовѣрныхъ къ молитвѣ. Одинъ изъ нихъ, при паденіи минарета, сохранилъ на столько спокойствіе духа, что успѣлъ и съумѣлъ спрыгнуть на крышу сосѣдняго дома и остался цѣлъ и невредимъ, между тѣмъ какъ муедзинъ другаго упавшаго минарета былъ раздавленъ совершенно его обломками. Обломками другихъ упавшихъ минаретовъ было убито нѣсколько человѣкъ, находившихся возлѣ нихъ и неуспѣвшихъ укрыться въ безопасное мѣсто.

Въ Галатѣ и Перѣ, кварталахъ лежащихъ на другой сторонѣ Золотаго рога, противъ Стамбула, дѣйствіе землетрясенія было менѣе разрушительно, но и здѣсь нѣсколько частныхъ домовъ и общественныхъ зданій разрушилось, а большая часть домовъ болѣе или менѣе значительно пострадала и потребовала ремонта, хотя и оставались годными для жилья. Кварталы, расположенные дальше по Босфору, пострадали

1) Замѣчательный храмъ монастыря Хоры и его мозаики и фрески описаны и частію изданы нашимъ извѣстнымъ византологомъ-археологомъ Н. П. Кондаковымъ въ его «Византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя». Одесса 1886, стр. 165 и слѣд.

еще менѣе, тамъ дѣло разрушенія ограничилось преимущественно трещинами стѣнъ, за исключеніемъ немногихъ болѣе сильныхъ поврежденій. То же самое было и на азіатской сторонѣ Босфора: разрушительное дѣйствіе землетрясенія тамъ было гораздо меньше и слабѣе, чѣмъ на европейской, особенно въ Стамбулѣ. Сила землетрясенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его разрушительность, повидимому, уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ Стамбула на востокъ. Напротивъ, по другой сторонѣ Стамбула, западной, землетрясеніе, повидимому, было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Стамбулѣ. Уже самый западный кварталъ Стамбула (Еди-куле, т. е. Семибашенный замокъ) пострадалъ очень сильно: многіе дома, большею частію довольно плохіе, тамъ обвалились; не мало было и человѣческихъ жертвъ. Дальше на западъ по Мраморному морю, за стѣнами Стамбула, пороховой заводъ подвергся сильнымъ поврежденіямъ и высокая труба его, какъ уже было упомянуто, почти вся упала. Верстахъ въ 10 отъ Константинополя въ томъ-же направленіи лежитъ небольшой городокъ Макри-кіой, занимающій мѣсто прежняго предмѣстія Константинополя, такъ называемаго Евдома, а еще дальше, верстахъ въ 20 находится хорошо извѣстный русской и европейской публикѣ другой городокъ Санъ-Стефано, знаменитый заключеннымъ тамъ русско-турецкимъ договоромъ, искалѣченнымъ потомъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Оба эти городка, особенно Санъ-Стефано, весьма сильно пострадали. Говорятъ, что около Санъ-Стефано былъ центръ землетрясенія, въ Мраморномъ морѣ. Если это такъ, то неудивительно, что этотъ прелестный уголокъ, куда по праздникамъ отправляется масса народа изъ Константинополя на музыку и гдѣ много живетъ дачниковъ, пострадалъ больше всѣхъ другихъ мѣстностей: по сообщеніямъ газетъ въ немъ большая часть домовъ разрушены до такой степени, что сдѣлались необитаемыми. Море во время землетрясенія сначала отступило отъ береговъ метровъ на 100, а потомъ, какъ смерчъ, обрушилось на городъ, разбило о набережную стоявшія у берега лодки, исковеркало набережную и смыло все, что́ попадалось на улицахъ.

Не менѣе пострадали Принцевы острова: Проти, Принкипо, Антигона, Халки, лежащіе въ Мраморномъ морѣ въ виду Константинополя. Les îles des Princes sont abimées, говоритъ Le moniteur oriental отъ 11 іюля = 29 іюня. Гора Христа на Принкипо дала во многихъ мѣстахъ трещины, монастырь разрушенъ, греческая церковь, минареты мечети, многіе дома и дачи обвалились, а большая часть остальныхъ дали трещины. На Проти греческая и армянская церкви, гвардейскія казармы, армянская школа дали большія трещины, а большая часть домовъ на островѣ сильно повреждены, какъ и на Антигонѣ. На Халки значительно повреждено морское училище, стоящее на самомъ берегу у пристани, а греческая церковь въ городѣ, равно какъ и большая часть каменныхъ домовъ или совершенно разрушены, или сдѣлались необитаемы. Монастырь св. Троицы и находящаяся при немъ богословская семинарія, ко-

торые занимаютъ вершину горы, превращены въ развалины, а библіотека, въ которой мы за недѣлю до землетрясенія разсматривали рукописи, завалена обломками зданія, въ которомъ она помѣщалась, и мусоромъ. Такая же участь постигла и монастырь св. Георгія съ домомъ, въ которомъ жилъ бывшій патріархъ Іерусалимскій Никодимъ, и въ которомъ мы еще недавно завтракали у патріарха. Домъ этотъ развалился и часть его обрушилась и свалилась съ горы, на которой онъ стоялъ, въ море. Въ Іерусалимѣ я слышалъ отъ перваго секретаря патріарха, что для возстановленія монастыря и дома, въ которомъ жилъ патріархъ, потребуется не менѣе пяти тысячъ турецкихъ золотыхъ. А убытки, причиненные землетрясеніемъ богословской школѣ, которая помѣщалась въ только что отстроенномъ, большомъ и просторномъ каменномъ домѣ, еще гораздо значительнѣе. Монастырь св. Георгія, принадлежащій Іерусалимскому патріарху, вѣроятно, скоро будетъ поправленъ на его средства. Гораздо труднѣе будетъ поправиться богословской школѣ, принадлежащей бѣдному и безъ того сильно нуждающемуся въ средствахъ Константинопольскому патріарху. Въ одну минуту превращено въ кучу развалинъ и мусора то, что́ созидалось по немногу цѣлые десятки лѣтъ. Сколько времени потребуется теперь, чтобы возстановить эту семинарію, разсадникъ образованнаго греческаго духовенства, давшій уже не одного выдающагося греческаго іерарха!

Въ виду такихъ разрушительныхъ дѣйствій землетрясенія, бывшаго 28 іюня въ 12 ч. 25 м. дня, жители какъ выше названныхъ острововъ и дачныхъ мѣстъ, такъ и самаго Константинополя бѣжали за городъ, кто куда могъ, и мы предъ отъѣздомъ изъ потрясеннаго города видѣли начало той страшной паники, которая къ концу дня достигла огромныхъ размѣровъ; общимъ лозунгомъ сдѣлалось: спасайся, кто можетъ. Усиленію всеобщей паники способствовало 1) повтореніе землетрясеній, хотя и въ гораздо болѣе слабой степени, 2) ожиданія и предсказанія еще сильнѣйшаго колебанія почвы, чѣмъ въ первый разъ, и полнаго разрушенія города. Какъ обыкновенно бываетъ при сильныхъ землетрясеніяхъ, колебанія почвы не ограничиваются однимъ приступомъ, а сопровождаются повтореніями землетрясенія, то болѣе сильными, то болѣе слабыми. Въ Константинополѣ 28 іюня, за разрушительнымъ землетрясеніемъ въ 12 ч. 25 м. дня, послѣдовало нѣсколько гораздо слабѣйшихъ и частію едва замѣтныхъ колебаній почвы, которыя происходили какъ 28 же іюня, такъ и въ теченіе нѣсколькихъ непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ дней. Хотя эти колебанія не имѣли вовсе разрушительныхъ и гибельныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе они способствовали усиленію паники. Къ тому же сейчасъ же явились предсказанія относительно дальнѣйшихъ и сильнѣйшихъ приступовъ землетрясенія, которые должны превратить городъ въ груду развалинъ. Одни предсказывали такой генеральный крахъ Константинополя чрезъ сутки послѣ перваго землетрясенія, другіе сулили это несчастіе чрезъ полсутокъ, слѣдовательно въ ночь съ 28 на 29, а

когда это не сбылось, пророки, ничтоже сумняся, откладывали будущее грозное землетрясеніе до слѣдующаго дня. Подтверждаемыя, кромѣ небольшихъ колебаній почвы, разными суевѣрными соображеніями и толкованіями, эти пророчества довели всеобщее возбужденіе и начавшуюся панику до того, что вскорѣ послѣ землетрясенія началось поголовное выселеніе изъ домовъ Константинополя и пригородныхъ кварталовъ и бѣгство въ городскіе сады и въ пригородныя рощи, поля и луга, вообще мѣста открытыя, не окруженныя каменными постройками. Дома, служащіе обыкновенно убѣжищемъ отъ бурь и непогодъ, теперь сдѣлались предметомъ страха: считалось опаснымъ находиться не только въ нихъ, но и возлѣ нихъ. Отъ нихъ нужно было бѣжать какъ можно дальше: въ нихъ и среди ихъ нѣтъ спасенія, а ждетъ страшная и всеобщая гибель. Даже въ Перѣ, гдѣ землетрясеніе произвело поврежденій сравнительно очень мало, было всеобщее бѣгство (un sauve-qui-peut général), говоритъ Le Moniteur oriental. Два городскихъ сада и старыя кладбища были биткомъ набиты испуганною толпою, въ которой перепутались всѣ классы, смѣшались всѣ ранги. Въ какихъ-то странныхъ экипажахъ можно было видѣть дамъ высшаго общества, которыя въ страшномъ испугѣ бѣжали съ растрепанными волосами въ однихъ пеньюарахъ или какихъ-то камзолахъ и юбкахъ. Отвсюду и вездѣ слышны крики, вопли, истерическія рыданія, обмороки, воззванія и молитвы къ Богу и пресв. Дѣвѣ. Легкія колебанія почвы, бывшія вскорѣ послѣ перваго и большаго землетрясенія, въ 12 ч. 42 мин. и 1 ч. 24 м., увеличили страхъ и теперь паника начала охватывать даже тѣхъ, которые устояли противъ нея послѣ перваго приступа. Пера эмигрировала въ сосѣднія мѣста и расположилась лагеремъ на окрестныхъ поляхъ и лугахъ.

Новыя колебанія почвы, случившіяся въ 4 ч. 20 м. и 4 ч. 45 м., конечно, еще болѣе усилили эмиграцію, тѣмъ болѣе что среди населенія стали циркулировать предположенія, основанныя якобы на научныхъ соображеніяхъ, что около полуночи послѣдуетъ такое страшное и сильное землетрясеніе, что пожалуй весь городъ провалится сквозь землю. Понятное дѣло, перспектива среди ночи очутиться подъ землею не манила жителей въ покинутые дома, а напротивъ выгнала и тѣхъ, которые еще оставались, такъ что огромная масса народа провела эту страшную ночь подъ открытымъ небомъ, съ минуты на минуту ожидая предстоящаго провала города. Что́ происходило въ Перѣ, было и въ другихъ частяхъ Константинополя. Закрывались присутственныя мѣста, банки, торговыя и промышленныя заведенія, и служащіе бѣжали безъ оглядки, не успѣвая прибирать дѣла и товары. Въ «Ліонскомъ кредитѣ» отъ землетрясенія обрушилась часть стѣны и служащіе бросились бѣжать вонъ изъ зданія банка, ни мало не позаботившись о вынутыхъ изъ кассовыхъ шкаповъ и ящиковъ и разложенныхъ на прилавкѣ билетахъ и монетахъ. То же самое случилось и въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ, какъ таможня въ Галатѣ и казенная табачная фабрика, гдѣ поврежденія отъ

землетрясенія были такъ значительны и такъ опасны, что оставаться въ зданіи ни одной секунды было нельзя, не рискуя жизнью. А такъ какъ, кромѣ бывшаго землетрясенія, ожидались новые приступы, то не только сильно поврежденныя зданія, но и всѣ вообще каменныя постройки стали считаться опасными; потому скоро послѣ землетрясенія всѣ казенныя и частныя учрежденія были закрыты и оставались закрытыми нѣсколько дней, пока правительство не приняло мѣръ къ тому, чтобы возстановить обычныя занятія въ присутственныхъ мѣстахъ, объявивъ служащимъ, что они будутъ немедленно уволены отъ службы, если не явятся къ исполненію своихъ обязанностей. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ произошли сильныя поврежденія въ зданіяхъ, занятыхъ тѣмъ или другимъ учрежденіемъ, до ремонта зданій чиновники и писцы помѣщены были въ наскоро устроенныхъ баракахъ, палаткахъ или просто на дворахъ подъ деревьями и т. п. прикрытіями, защищающими отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. Въ зданіяхъ, менѣе пострадавшихъ и, по мнѣнію архитектурно-полицейской коммиссіи, осматривавшей зданія, не угрожавшихъ паденіемъ, засѣданія и присутствія производились по прежнему въ обычныхъ помѣщеніяхъ, хотя и немного пострадавшихъ. Такими и подобными мѣрами правительство мало по мало возстановило обычный ходъ дѣлъ не только въ своихъ, но и общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ. Съ возвращеніемъ къ обычнымъ занятіямъ дѣловыхъ и торговыхъ людей возвратились въ городъ, въ свои квартиры, и семейства ихъ и начали жить по прежнему, тѣмъ болѣе что повторявшіяся нѣсколько разъ въ слѣдующіе дни слабыя колебанія почвы не производили разрушеній и не производили на людей устрашающаго дѣйствія. Успокоенію жителей и водворенію ихъ на прежнія мѣста жительства много способствовала и пресса, которая на всѣ лады старалась ободрять и успокоивать жителей, опровергая страшныя пророчества и доказывая, что слабыя колебанія почвы, бывшія послѣ большаго землетрясенія, явленія обычныя въ такихъ случаяхъ и предвѣщаютъ скорѣе полное прекращеніе колебаній, а не новое и болѣе страшное и ужасающее землетрясеніе.

Сообщая въ довольно умѣренныхъ краскахъ о несчастныхъ случаяхъ и разрушеніяхъ, вѣсть о которыхъ дошла до газетъ позднѣе, газеты въ то же время постоянно старались показать, что поврежденія зданій не такъ значительны, какъ это кажется, и что коммиссія, наряженная правительствомъ для осмотра поврежденныхъ землетрясеніемъ зданій, нашла тѣ или другія зданія, считавшіяся опасными, совершенно годными для обитанія или требующими незначительныхъ поправокъ. При этомъ газеты часто старались умалить поврежденія, нанесенныя землетрясеніемъ, и писали, что разрушенія, произведенныя землетрясеніемъ въ томъ или другомъ кварталѣ, ограничились тѣми или другими зданіями, нисколько не коснувшись другихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ не много осталось каменныхъ зданій въ Константинополѣ и его ближайшихъ кварталахъ, которыя бы вовсе не требовали ремонта, а бо́льшая часть домовъ, напротивъ, хотя и

осталась обитаемою, но потребовала значительнаго, а очень многія зданія даже капитальнаго ремонта. Вслѣдствіе этого квартиры въ Константинополѣ значительно вздорожали, особенно въ деревянныхъ домахъ, какъ болѣе безопасныхъ во время землетрясеній. Благодаря вздорожанію квартиръ, по словамъ нашего посла, помѣщенія, осмотрѣнныя имъ до землетрясенія и намѣченныя для открывающагося Русскаго Археологическаго Института, послѣ землетрясенія уже нельзя было имѣть за ту цѣну, которую просили прежде и которая не превышала суммы, назначенной по штату на наемъ помѣщенія для института.

Когда мы были въ Константинополѣ на возвратномъ пути, громадный городъ жилъ уже своею обычною кипучею жизнью и главныя улицы торговыхъ кварталовъ были такъ же полны движенія и дѣятельности, какъ и прежде. Страхъ предъ новыми землетрясеніями уже улегся, хотя еще не совсѣмъ прошелъ, и жители возвратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ и зажили своею прежнею жизнью. Нельзя безконечно ждать новыхъ ужасовъ и бездѣйствовать. Когда нибудь нужно же приниматься за дѣла и добывать средства къ жизни!

Но возстановленіе обычной жизни и текущей дѣятельности не значитъ еще, что потрясенный городъ успѣлъ залѣчить раны, нанесенныя землетрясеніемъ. До этого было еще очень далеко. Въ то время успѣли только осмотрѣться и привести въ извѣстность потери и поврежденія; но далеко не вездѣ принялись за исправленія, даже за мелкія и сравнительно недорогія. Потребуется нѣсколько лѣтъ для исправленія поврежденій, причиненныхъ трусами 28 іюня, а денегъ на эти поправки уйдетъ столько, что и вычислить ихъ трудно. Не мало произведено землетрясеніемъ и такого вреда, котораго нельзя исправить ни за какія деньги, ни въ какое время. Я разумѣю тѣ неисправимыя поврежденія, которыя нанесены драгоцѣннымъ памятникамъ старины, какъ мозаики монастыря Хоры и т. п. остатки еще такъ мало изученнаго, еще скрытаго подъ спудомъ христіанскаго Константинополя. Страшное землетрясеніе 28 іюня не уменьшило, а увеличило ту громадную, но мало доступную кучу археологическаго мусора, въ которой скрыты остатки и обломки безчисленныхъ памятниковъ нѣкогда самаго великолѣпнаго и богатаго города, долго бывшаго столицею Европы.

Д. Бѣляевъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
13,	10	ειλαντο	εἶλαντο
136,	22	εὔρηται	εὑρίσκεται
137,	8	πατριαρχ. τοῦ	πατριαρχ. τῶν
141,	22	τοῦ φιλολόγων	τῶν φιλολόγων
145,	20	μέλλει	μέλει
146,	3	παρηστήκεισαν	παρεστήκεισαν
148,	9	δυνάμενος	δυνάμενον
»	21	στέρξασα	στέξασα
219,	27	παρακαλεῖται	παρακαλεῖ τε
281,	13	неописываемый	неописуемый
286,	9	неизвѣстна	извѣстна
296,	39	смѣшавшагося	смѣшавшаго
304,	33	Zeitschr. d. D. Morg. Ges.	Zeitschr. d. D. Morg. Ges. XXVIII.
344,	9	ἀπ·ρρίψαντα	ἀποκρύψαντα
347,	4	μετὰ	καὶ μετὰ
354,	35	κράζῶν	κράζων
355,	14	κόσμου	κόσμον
357,	23	δευτέροι	δευτέρου
360,	25	ἐν τοῖς μηναίοις	εἰς τὰ μηναῖα
362,	33	ἐν	ἓν
366,	3	τινῶν	τινων
367,	2	ἄποψιν	ἔποψιν
368,	12	ὀ	ὁ
»	29	Ωδὴν	Ὠδή
372,	21	τεχνηέντως	κανόνων
373,	38	Ἑρμήλου	Ἑρμύλου
374,	2	ἱερομάρτυς	μάρτυς Ἀγαθάγγελος
375,	2	Δαλμάτων	Δαλμάτων καὶ Φαύστου
»	6	28	22
376,	16	τοὺς	τὸν
386,	5	κη΄	κβ΄
»	33	ἔχει	ἔχῃ
387,	7	αὐτῇ	αὐτῇ
»	20	χαρίσομαι	χαρήσομαι
388,	12	τάλα	τάλα
»	20	δεύτερα	δευτέρα
402,	7	οἵτινές - - ἀνέκδοτοι	ἅτινά - - ἀνέκδοτα

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΚΑΙ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

σελ.

ΜΕΡΟΣ Β'.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

ΜΕΡΟΣ Γ'.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνῃ τῆς ἐν Πετρουπόλει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ἑκάστου τούτων ἀποτελουμένου ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὁλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ῥούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάρκα γερμανικὰ $12^1/_2$ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Πᾶσα αἴτησις περὶ ἐκδόσεως, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνωνται πρὸς τὸν **Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.**

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολὰς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

C. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsberger Strasse 20, Leipzig.

Ἐν Ἀνατολῇ προμηθεύεται τὸ περιοδικὸν διὰ τῶν ἑξῆς βιβλιοπωλῶν:

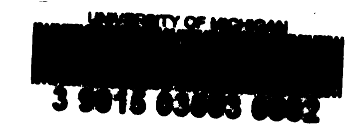
Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.
Ἀ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶ.
Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale
Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.
Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ ὄπισθεν σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = $12^1/_2$ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1894 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD

